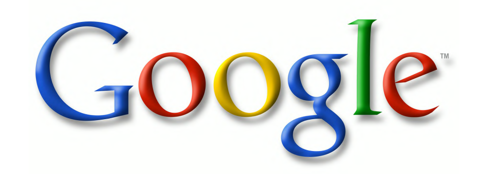
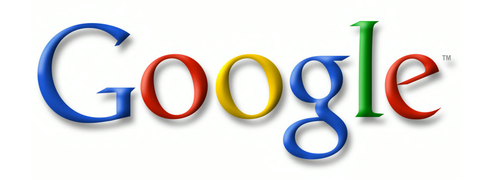
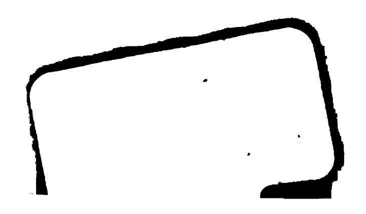

ЗАПИСКИ

КАВКАЗСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

КНИЖКА XV.

MÉMOIRES

DE LA SECTION CAUCASIENNE

DE LA SOCIÉTÉ IMPÉRIALE RUSSE DE GÉOGRAPHIE.

LIVRE XV.

ТИФЛИСЪ.
Типографія: К. П. Козловскаго, Либермана и Мартиросіанца.
1893.

Подъ редакціею Дѣйствительныхъ Членовъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русск. Географич. Общ. **Н. К. Зейдлица** и **Е. И. Кондратенко.**

Печатано по распоряженію Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ (TABLE DES MATIÈRES).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А.

В.

Г.

Р.

С.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

О ДРЕВНЕМЪ ТЕЧЕНІИ АМУ-ДАРЬИ

ПО СОВРЕМЕННЫМЪ ГЕОЛОГИЧЕСКИМЪ И ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ДАННЫМЪ.

Докладъ А. М. Коншина, дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества,

читанный въ общемъ собраніи Отдѣла 30 января 1892 г.

Кавказскій Отдѣлъ Географическаго Общества, безъ сомнѣнія, хорошо знакомъ съ историческимъ положеніемъ вопроса о древнемъ теченіи Аму-Дарьи. Въ этой самой залѣ многими почтенными членами нашего Общества неоднократно читались высокаго интереса рефераты, посвященные разъясненію этой интересной задачи. На страницахъ изданій Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества съ давнихъ поръ, чуть уже не съ перваго дня основанія Отдѣла, печатались статьи и замѣтки, съ той или другой точки зрѣнія дополняющія и освѣщающія вопросъ. Тѣмъ неменѣе, я позволяю себѣ предпослать фактической сторонѣ своего доклада маленькую историческую справку.

Вопросъ о древнемъ теченіи Аму-Дарьи, пожалуй, также древенъ, какъ сама Аму-Дарья. Еще Геродотъ, жившій, какъ извѣстно, за 300 лѣтъ до Р. Х., слѣдовательно, слишкомъ за 2000 лѣтъ до нашихъ дней, упоминаетъ въ своихъ лѣтописяхъ, что рѣка Аму-Дарья при впаденіи своемъ въ море раздѣляется на множество рукавовъ, изъ которыхъ сорокъ терялись въ болотахъ и разливахъ, а одинъ рукавъ направлялся въ Каспійское море. Въ дельтовыхъ болотахъ Оксуса, добавляетъ Геродотъ, жили люди, которые одѣвались въ тюленьи шкуры и ѣли плоды, которые они выкапывали изъ земли. Послѣдующіе римскіе историки и географы, какъ-то: Плиній, Птоломей и въ особенности Страбонъ, въ сущности повторяютъ, говоря объ Оксусѣ, слова Геродота. Интереснымъ здѣсь является историко-географическій фактъ, что никто изъ писателей, жившихъ между I и X вѣками по Р. Х., вовсе не упоминаетъ о существованіи отдѣльнаго Аральскаго моря.

Въ тоже время Каспійское море рисуется ими вытянутымъ въ длину не съ сѣвера на югъ, какъ въ настоящее время, а съ запада на востокъ. Аму-Дарья и Сыръ-Дарья, по ихъ мнѣнію, впадали въ крайнюю восточную половину Каспійскаго моря, приблизительно въ тѣхъ мѣстахъ по которымъ онѣ текутъ и понынѣ, направляясь въ Аральское море.

Въ такомъ видѣ переходятъ географическія свѣдѣнія о Каспійскомъ морѣ и Аму-Дарьѣ въ средніе вѣка. На картахъ тогдашнихъ географовъ западной Европы, какъ, напримѣръ, Берлиньера старшаго, Меркатора и другихъ, Каспійское море также показывается вытянутымъ въ длину съ запада на востокъ до современныхъ предѣловъ Хивы, заливая часть нынѣшнихъ пустынь Туркменіи. Объ Аральскомъ морѣ никто изъ нихъ не упоминаетъ.

Извѣстно, что Императору Петру Великому принадлежитъ честь исправленія этой географической ошибки. Въ докладѣ, сдѣланномъ парижской академіи наукъ, Императоръ Петръ, пользуюясь, вѣроятно, свѣдѣніями изъ книги „Большого Чертежа", изданной еще при московскихъ царяхъ, а также на основаніи данныхъ, полученныхъ имъ изъ непосредственныхъ сношеній съ Хивою, впервые указалъ, что Аральское море совершенно обособлено отъ Каспійскаго; что оно отстоитъ отъ него по меньшей мѣрѣ въ разстояніи 600 верстъ къ востоку, и что именно въ него, а не въ Каспійское море впадаютъ рѣки Аму- и Сыръ-Дарья.

Слѣдуетъ замѣтить, что рядомъ съ этимъ, побуждаемый слухами шедшими изъ Хивы, о существованіи въ пустыняхъ Туркменіи какого-то стараго русла рѣки, Петръ настойчиво проводилъ мысль о бывшемъ впаденіи Аму-Дарьи въ Каспійское море. Въ его геніальномъ умѣ зарождался грандіозный проектъ поворота этой рѣки въ ея прежній будто-бы токъ и о возможности установленія воднаго сообщенія между Россіею и Среднею Азіею.

Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ проникнуть европейцу въ Среднюю Азію было весьма затруднительно, а потому вопросъ о древнемъ теченіи Аму-Дарьи усердно разрабатывался лишь въ тиши кабинетовъ учеными всевозможныхъ спеціальностей, въ особенности лингвистами и историками.

Въ прошломъ вѣкѣ найдены были древніе арабскіе манускрипты, изъ которыхъ было, между прочимъ, выяснено, что въ эпоху завоеванія арабами Хивы, а именно между IX и XIV вѣками, арабскіе историки, жившіе въ самой Хивѣ, а слѣдовательно, имѣвшіе точное понятіе о собственной странѣ, единогласно указываютъ на то обстоятельство, что Аму-Дарья попеременно нѣкоторыми своими рукавами направлялась то въ сторону Каспія, то впадала въ Аральское море. Это были историки— Эдризи, жившій въ XI вѣкѣ, Истахри въ XII вѣкѣ, Масуди XIII, Абульфеда и Гамдулла XIV вѣка. Описывая такъ-называемый Каспійскій рукавъ Аму-Дарьи, они, между прочимъ, указывали, что берега его были

цвѣтущіе, густо населенные и прекрасно воздѣланные, со множествомъ деревень и городовъ, съ виноградниками и садами, которые тянулись вплоть до самаго моря. Море, въ которое впадалъ упомянутый рукавъ, они попеременно называли то ховарезмскимъ, т. е. хивинскимъ, озеромъ или моремъ, то мазандеранскимъ, вслѣдствіе близости его къ тогдашнимъ границамъ персидской провинціи Мазандеранъ, то каспійскимъ, или бакинскимъ. Море это, по ихъ понятію, было небольшое, не болѣе 100 фарсанговъ въ окружности; лежало оно весьма близко къ Хивѣ, а именно въ 5-ти верблюжьихъ переходахъ, т. е. въ 125-ти верстахъ; во время половодія Аму-Дарьи море это до того переполнялось рѣчною водою, что выступало изъ береговъ и заливало окрестности, затопляя сады и виноградники.

Однако, хорошо извѣстно, что Каспійское море отстоитъ отъ Хивы не въ 5, а въ 25-ти верблюжьихъ переходахъ, т. е. не менѣе какъ въ 700 верстахъ, и окружность его во много разъ болѣе вышеуказанной; покойный-же нашъ сочленъ генер. Петрусевичъ высчиталъ, что поверхность Каспійскаго моря такъ велика, что если-бы не только одинъ рукавъ Аму-Дарьи, но и вся эта рѣка въ цѣломъ объемѣ впадала-бы въ Каспій, то уровень его отъ этого не поднялся-бы даже на вершокъ. Восточное побережье Каспійскаго моря совершенно пустынно и никакихъ развалинъ городовъ и деревень, слѣдовъ садовъ и виноградниковъ на немъ не наблюдается. Отсюда ясно, что арабскіе историки указывали отнюдь не на впаденіе Аму-Дарьи въ современные берега Каспійскаго моря, а описывали впаденіе рукавовъ Джигуна въ другое море или озеро, расположенное гораздо ближе къ Хивѣ и обладавшее сравнительно меньшими размѣрами.

Въ силу столь сбивчивыхъ историческихъ свѣдѣній въ концѣ прошлаго столѣтія возникла путаница въ опредѣленіи истиннаго положенія древняго русла Аму-Дарьи.

Одни ученые западной Европы, во главѣ которыхъ стоялъ великій авторитетъ Гумбольдта, разъясняли вопросъ въ томъ смыслѣ, что въ хивинскомъ оазисѣ въ древности существовала бифуркація Аму на два рукава, изъ которыхъ одинъ вливался въ Аральское, а другой въ Каспійское море. Каспійскій рукавъ высохъ и Аму-Дарья цѣликомъ направилась въ Аралъ.

Другіе, не менѣе знаменитые, ученые, каковымъ былъ, напримѣръ, Палласъ, отличный знатокъ нашихъ прикаспійскихъ песковъ и пустынь, наоборотъ, высказывали положительное сомнѣніе въ томъ, что Аму-Дарья впадала когда либо въ современные предѣлы Каспія и отдавали пред-

почтеніе предположенію, что Узбой, это такъ-называемое древнее будто-бы русло Аму-Дарьи, есть скорѣе слѣдъ бывшаго залива Каспійскаго моря, протягивавшагося въ древности по направленію къ Аралу, чѣмъ высохшее ложе рѣки.

Мнѣніе это основывалось, между прочимъ, на показаніи англичанина Дженкинсона, бывшаго въ 1654 г. въ Хивѣ. Дженкинсонъ видѣлъ озеро, въ которое впадалъ западный рукавъ р. Аму всего въ пяти дняхъ пути отъ Куня-ургенча, нашелъ въ немъ воду прѣсную и счелъ это озеро за заливъ Каспійскаго моря.

Въ началѣ и срединѣ нашего столѣтія мнѣнія цѣлой плеяды ученыхъ, дѣятельно занимавшихся разъясненіемъ загадочнаго вопроса о генезисѣ Узбоя, колебались между этими двумя діаметрально противуположными выводами.

Но положительныхъ свѣдѣній о характерѣ геологическихъ образованій, распространенныхъ вокругъ Аральскаго и Каспійскаго морей, не имѣлось до конца 70-хъ годовъ.

Въ интересной брошюркѣ, озаглавленной „Обворъ свѣдѣній объ экспедиціяхъ, снаряженныхъ въ Туркестанъ по 1874 годъ", покойный профессоръ Модестъ Богдановъ, бывшій гостемъ нашимъ въ Тифлисѣ 3 года тому назадъ, со свойственною ему мѣткостью охарактеризировалъ положеніе аму-дарьинскаго вопроса слѣдующимъ четверостишіемъ изъ Фауста:

„И такъ дошли мы до того
„Путемъ обиднаго сознанья,
„Что мы не знаемъ ничего,
„Что стоило-бы знанья".

Завоеваніе нами Хивы въ началѣ 70-хъ годовъ положило начало непосредственнымъ изслѣдованіямъ въ тѣхъ пустыняхъ, гдѣ предполагалось старое русло рѣки.

Первыя фактическія данныя о геологическомъ характерѣ почвы пріаральскихъ пустынь принесли намъ работы такъ-называемой „самарской" ученой экспедиціи, во главѣ которой стоялъ старшій сынъ нашего почившаго Августѣйшаго президента, Великій Князь Николай Константиновичъ. Данныя эти изложены въ 1879 г. въ интересной статьѣ нашего знаменитаго геолога, также нынѣ покойнаго, академика, горнаго инженера Гельмерсена.

Русскимъ военнымъ топографамъ и офицерамъ генеральнаго штаба, этимъ неутомимымъ дѣятелямъ на поприщѣ физико-географической науки, удалось въ тоже время добыть множество драгоцѣннѣйшихъ свѣдѣній объ орографическомъ строеніи интересующей насъ мѣстности.

Слѣдуя съ отрядами Маркозова, Кауфмана, Ломакина, имъ представилась возможность сдѣлать съемку значительной части Узбоя, какъ со стороны Хивы до Саракамышскихъ озеръ, такъ и отъ береговъ Каспійскаго моря, примѣрно, до колодцевъ Куртышъ.

Смѣлая рекогносцировка топографа Лупандина, въ 1874 году, отъ Куртыша до Сарыкамышскихъ соляныхъ озеръ, дополнила съемку всего русла Узбоя.

Начатыя вслѣдъ затѣмъ изслѣдованія генерала Петрусевича и инженера Гельмана со стороны Хивы дали намъ точную нивелировку Куня-Дарьи, этого несомнѣннаго стараго западнаго рукава Аму, окончившагося у восточныхъ предѣловъ Сарыкамышскаго озера. Пользуясь собранными данными, уважаемый І. И. Стебницкій получилъ возможность въ концѣ 70-хъ годовъ представить полную топографическую карту русла Узбоя до береговъ Аму-Дарьи вплоть до Каспійскаго моря, на протяженіи почти 1000 верстъ.

Этими работами, казалось, вполнѣ установленъ былъ фактъ существованія стараго русла Оксуса въ пустыняхъ Туркменіи, почему всякія сомнѣнія въ томъ, что Аму-Дарья вливалась въ Каспійское море, именно въ Балханскій заливъ, вблизи Красноводска, исчезли. Оставался неразъясненнымъ лишь вопросъ о пригодности стараго русла для судоходства и о возможности простымъ поворотомъ въ него Аму-Дарьи возстановить ея прежнее теченіе въ Каспійское море.

Результаты благопріятнаго рѣшенія этой интереснѣйшей задачи представлялись столь заманчивыми, въ видѣ устройства непрерывнаго воднаго сообщенія отъ Москвы до Гиндукуша, что правительство наше не задумалось ассигновать большія средства на организацію обширной научной экспедиціи, цѣлью которой были-бы самыя точныя топографическія и нивелировочныя съемки всего стараго русла.

Работы эти должны были сопровождаться и геологическими изслѣдованіями. Экспедиція организована была въ 1880 году подъ начальствомъ генерала Глуховскаго и состояла изъ восьми инженеровъ путей сообщенія, нѣсколькихъ топографовъ и одного геолога, князя Гедройца. Работы экспедиціи начались со стороны Хивы.

Почти одновременно, т. е. весною 1881 года, мнѣ выпалъ счастливый случай быть откомандированнымъ въ Закаспійскій край для геологическихъ и горно промышленныхъ работъ по линіи строившагося въ то время перваго участка закаспійской желѣзной дороги.

Съ первыхъ-же шаговъ моихъ по почвѣ бывшей Туркменіи мнѣ пришлось столкнуться съ Узбоемъ, стать, такъ сказать, лицомъ къ лицу

съ этимъ загадочнымъ явленіемъ. Такъ пароходъ нашъ присталъ въ одномъ изъ заливовъ на полуостровѣ Дарджѣ, этой, какъ полагали, бывшей дельты классическаго Оксуса, а первая остановка желѣзнодорожнаго поѣзда была на станціи Мулла-кары, расположенной въ рукавѣ Узбоя, Актамѣ.

Признаюсь вамъ, я былъ въ большомъ волненіи, когда впервые увидалъ влажную и зеленѣющую долину Узбоя. поросшую зелеными камышами; увидѣлъ синюю ленту воды, змѣей извивавшуюся по дну русла; его крутые обрывистые берега и т. п. Все вмѣстѣ взятое производило впечатлѣніе свѣжаго рѣчнаго рукава. Я былъ убѣжденъ, что ступаю по дну классическаго Оксуса.

Начавъ свои изслѣдованія съ полуострова Дарджи и восточнаго берега Каспійскаго моря, отъ Михайловскаго залива до Чикишляра съ одной стороны и до Карабугаза съ другой, я продолжалъ въ періодъ съ 1881 по 1885 года включительно изслѣдованія Узбоя до самой Хивы, русла Чарджуй-Дарьи и смежной Каракумской пустыни на востокѣ отъ Каспійскаго моря вплоть до культурныхъ оазисовъ на Аму-Дарьѣ. Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію результатовъ моихъ изысканій, частью извѣстныхъ вамъ по моимъ предварительнымъ отчетамъ, я остановлюсь на данныхъ, собранныхъ экспедиціею генерала Глуховскаго, закончившей свои изслѣдованія въ 1884 году.

Конечные результаты экспедиціонныхъ работъ обрисовались въ слѣдующемъ видѣ: несомнѣнныхъ сухихъ рукавовъ Аму-Дарьи въ Хивинскомъ оазисѣ констатировано было два: Куня-Дарья и Дауданъ. Оба эти русла продолжались съ умѣреннымъ уклономъ на 250, примѣрно верстъ на западъ отъ Аму-Дарьи и закончились у восточнаго берега Сарыкамышскаго горькосоленаго озера. Далѣе на западъ отъ Сарыкамышей русло теряется и по Узбою идетъ уже сплошной подъемъ въ 40 саженей на протяженіи до 200 верстъ, примѣрно до Балла-Ишема Усть-Уртскаго. Около послѣдняго пункта оказался водораздѣлъ между Каспійскимъ моремъ и Сарыкамышскою котловиною. Русло Узбоя начинаетъ ясно обрисовываться на западъ отъ Балла-Ишема Усть-Уртскаго, по направленію къ Каспію.

На этомъ пространствѣ части русла, съ крутымъ паденіемъ, болѣе одного фута на версту, чередуются съ участками, вовсе не имѣющими паденія, или-же идущими на подъемъ, какъ, напримѣръ, участокъ Узбоя между нижними Игдами и колодцемъ Бургуномъ, гдѣ на протяженіи 150 верстъ (?) идетъ подъемъ въ 3 саж. Таковы результаты нивеллировки экспедиціи г. Глуховскаго.

Изъ нея видно, что отъ Аму-Дарьи до Каспія отнюдь нѣтъ непрерывнаго правильнаго уклона русла, какой предполагался раньше и который является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ размывающей и созидательной дѣятельности любой рѣки. Участки русла, въ сотни верстъ длиной, съ крутымъ паденіемъ чередуются съ такими-же длинными подъемами.

На снимкахъ Сарыкамышской котловины, сдѣланныхъ Лупандинымъ въ 1874 году и аму-дарьинской экспедиціею, десять лѣтъ спустя, возможно замѣтить существенную разницу. Топографъ Лупандинъ нанесъ на карту непрерывное русло Узбоя отъ Балла-Ишема Усть-Уртскаго на востокъ до Сарыкамышей, и, производя топографическую съемку, былъ самымъ искреннимъ образомъ увѣренъ, что подымается все время вверхъ по руслу рѣки, между тѣмъ по точной нивеллировкѣ экспедиціи Глуховскаго оказалось, что весь путь Лупандина шелъ внизъ по паденію мѣстностей и что русла рѣки здѣсь никакого и быть не могло, такъ какъ рѣка не можетъ течь вверхъ по подъему. Этотъ примѣръ, между прочимъ, хорошо иллюстрируетъ легкую возможность ошибиться въ направленіи уклона мѣстности, не имѣя нивеллира въ рукахъ, а руководствуясь лишь глазомѣрными наблюденіями или мензульной съемкой. Въ тоже недоразумѣніе, весьма впрочемъ естественное, впалъ поручикъ Калитинъ во время путешествія своего изъ Геокъ-тепе въ Хиву, полагавшій, что идетъ отъ Шінха къ Лайламъ по руслу Чарджуй-Дарьи внизъ по паденію ея, тогда какъ по нивеллировкѣ экспедиціи Глуховскаго оказалось, что отъ Шінха къ Лайламъ онъ шелъ все время на подъемъ, на плоскость въ 25 саж. относительной высоты. Итакъ изъ данныхъ нивеллировки вполнѣ выяснилось, что непрерывнаго русла Узбоя до Каспійскаго моря не существуетъ и что это послѣднее *отдѣлено отъ Аму-Дарьи* обширнымъ водоемомъ, съ площадью, равной $^1/_3$ Аральскаго моря.

По геологическимъ изслѣдованіямъ князя Гедройца и моимъ обнаружилось, что вся поверхность Сарыкамышской котловины представляетъ чрезвычайно поучительное зрѣлище древней высохшей дельты рѣки. Если слѣдовать вдоль по этой котловинѣ отъ Балла-Ишема Усть-Уртскаго до Сарыкамышей или пройти ее поперекъ мимо Чарышловъ, или пропутешествовать по главной караванной дорогѣ изъ Кизилъ-Арвата въ Хиву, повсюду приходится пересѣкать множество озерныхъ котловинъ, носящихъ слѣдующій оригинальный характеръ.

Дно этихъ котловинъ синевато-сѣраго цвѣта, покрыто рыхлою сѣрою глиною, легко растирающеюся въ тонкій порошокъ или пыль. Глина эта пронизана массою растительныхъ волоконъ, переполнена листьями и стволами обугливщагося камыша. Подъ слоемъ глины, въ нѣсколько верш-

ковъ толщиною, залегаетъ пластъ камышеваго торфа темно-бураго цвѣта дающаго въ водѣ растворъ гуминовыхъ веществъ; подъ торфомъ залегаетъ снова рыхлый сухой илъ. а подъ нимъ подстилается уже красная плотная соленосная аралокаспійская глина или-же твердые песчаники, мергеля и известняки третичнаго возраста. Поверхность котловинъ покрыта множествомъ небольшихъ бархановъ снѣжно-бѣлаго песку. Въ этомъ ескѣ, равно какъ и въ упомянутой сѣрой рыхлой глинѣ, изобилуютъ створки полупрѣсноводныхъ и наземныхъ моллюсковъ.

Но среди описанныхъ котловинъ или по берегамъ ихъ вздымаются до 50 с. вышины массивные глинисто-песчаные бугры совершенно иного характера. Они построены изъ плотныхъ соленосныхъ глинъ краснаго цвѣта, арало-каспійскаго возраста, увѣнчанныхъ буграми грязно-желтаго песку, которые составляли эффектный контрастъ съ только-что описанными синевато-сѣрыми впадинами и бѣлыми песками. Бока этихъ бугровъ носили признаки подмыва водою и были окаймлены слоемъ камышеваго торфа въ 2 вершка толщиною. Очевидно, бугры эти были островами, остатками размытаго материка. По характеру осадковъ и по представителямъ моллюсковой фауны, населявшимъ Сарыкамышскую впадину, сдѣлалось совершенно яснымъ, что въ Сарыкамышскомъ водоемѣ предъ нами развертывается геологическая картина безчисленныхъ древнихъ, высохшихъ озеръ и болотъ, въ которыя вливались съ востока древніе рукава Аму-Дарьи. Только въ одномъ наиболѣе глубокомъ мѣстѣ этой впадины, именно вокругъ Сарыкамышскихъ соленыхъ озеръ, замѣчается рядъ *шоровъ* и солончаковъ, покрытыхъ гипсоносньмъ и соленоснымъ пескомъ и усѣянныхъ свѣжими створками Cardium edule, чисто соленоводнаго моллюска, живущаго и понынѣ въ Аральскомъ морѣ. Присутствіе послѣдней раковины по дну Сарыкамышской впадины показываетъ, что Сарыкамышскій бассейнъ, несмотря на постоянный приливъ къ нему въ древности аму-дарьинскихъ водъ, никогда не превращался однако въ полномъ объемѣ въ озеро съ вполнѣ прѣсною водою. Онъ представляется типомъ озера съ полусоленой водой, въ которой уживались рядомъ, какъ чисто морскіе организмы, населявшіе глубины его, такъ и лиманные и болотные моллюски, разсѣявшіеся по его окраинамъ.

Такой взглядъ находитъ себѣ подтвержденіе также въ фактѣ полнаго отсутствія въ Сарыкамышскомъ водоемѣ раковины Sirena fluminalis, свойственной Аму-Дарьѣ и типичной для ея прѣсныхъ водъ.

Основываясь на вышеприведенныхъ данныхъ, естественно было заключить, что Аму-Дарья въ древности впадала съ востока въ Сарыкамышскій бассейнъ и развивала въ восточной его половинѣ дельту на пространствѣ до 20,000 квадр. верстъ.

Обратимся теперь къ анализу Узбоя.

Какъ я имѣлъ честь указать, русло его въ явственномъ видѣ начинается только отъ Балла-Ишема Усть-Уртскаго, отъ котораго до Каспійскаго моря и сохраняетъ типичные орографическіе признаки рукава проточной воды, мѣстами, впрочемъ, прерываемаго значительными озерными котловинами.

Что мы имѣемъ здѣсь по Узбою несомнѣнное русло или фарватеръ прорытый проточной водой—въ этомъ сомнѣваться нельзя. Нѣкоторые изслѣдователи, напримѣръ, Богдановичъ, говорятъ, что оно могло быть прорыто дождевою водою. Съ этимъ взглядомъ нельзя согласиться, имѣя въ виду, что повсемѣстно въ руслѣ наблюдаются безчисленныя створки сарыкамышскихъ и каспійскихъ моллюсковъ, указывающихъ на жизнь, кипѣвшую въ водахъ протекавшихъ по Узбою, чего въ дождевыхъ оврагахъ не бываетъ.

Русло западнаго Узбоя обладаетъ крутыми, иногда почти отвѣсными берегами. Дно его заполнено большею частью солеными озерами или солончаками; изрѣдка мѣстами оно усѣяно небольшими барханчиками стально-сѣраго песку или отложеніями сѣрыхъ, рыхлыхъ глинъ, которыя постепенно изчезаютъ по мѣрѣ приближенія русла къ Каспійскому морю. Въ этихъ отложеніяхъ изобилуютъ створки тѣхъ самыхъ моллюсковъ, которые населяютъ сарыкамышскій бассейнъ. Разница въ организмахъ заключается лишь въ томъ, что, начиная отъ Игдосъ, ниже послѣднихъ по Узбою, къ представителямъ лиманной сарыкамышской фауны начинаютъ примѣшиваться створки кардидъ, этихъ типичныхъ обитателей современнаго Каспійскаго моря.

Каспійскіе моллюски, по мѣрѣ приближенія Узбоя къ Балханскимъ горамъ, встрѣчаются все въ большемъ количествѣ и, наконецъ, на полуостровѣ Дарджѣ совершенно вытѣсняютъ собою сарыкамышскую фауну.

Обширное пространство, въ 100 верстъ средней ширины, между Балханскими горами и берегомъ Каспійскаго моря усѣяно многочисленными колоніями моллюсковъ каспійскаго типа, притомъ такими, которые не могли существовать въ прѣсной водѣ, т. е. кардидами. Мѣстность эта представляется и въ настоящее время зрѣлищемъ колоссальнаго кладбища упомянутыхъ организмовъ, створки которыхъ остались на дневной поверхности настолько свѣжими, что сохранили свои рисунки. Притомъ створки эти переполняли собою не только глины и пески въ низинахъ, но изобиловали на 20, 30 и даже 35-саженной высотѣ надъ современнымъ горизонтомъ Каспійскаго моря. У подножья Балханскихъ горъ, въ 60 верстъ отъ морского берега, вытянулись въ линію, болѣе 100 верстъ

длины, морскіе береговые валы, составленные изъ округленныхъ голышей и галекъ, очевидно, набросанныхъ сюда морскимъ прибоемъ, перемѣшанныхъ съ массою створокъ вышеупомянутыхъ морскихъ организмовъ. Выдвинувшійся къ Муллакарамъ мысъ Большихъ Балханскихъ горъ носитъ на себѣ на высотѣ 20 слишкомъ саженей надъ горизонтомъ моря явные слѣды морскаго прибоя, въ видѣ скалъ, какъ кружево, изъѣденныхъ ударами волнъ и пещеръ, переполненныхъ гальками и морскими ракушками.

Буровыя скважины, проведенныя въ разныхъ пунктахъ полуострова Дарджи, какъ то: на Нефтяной горѣ, въ Муллакарахъ, въ Узунъ-ада, проникли до глубины 60 саж., нигдѣ не встрѣтивъ прѣсноводныхъ осадковъ и пересѣкли однѣ лишь морскія соленосныя красныя глины, переслаивающіяся съ песками, содержавшими раковины морского типа; слѣдовъ-же обуглившихся древесныхъ стволовъ, камышеваго торфа, рѣчныхъ раковинъ, словомъ, тѣхъ несомнѣнныхъ признаковъ прѣсной воды, которыми такъ изобилуютъ Сарыкамыши и современная дельта Аму-Дарьи, не было найдено. Ясно, что на полуостровѣ Дарджи, вокругъ Балханскихъ горъ и по современнымъ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, не существовало дельты рѣки. Море своими свѣжими характерными осадками относительно недавно построило всю эту мѣстность.

Руководствуясь наличностью приведенныхъ нивеллировочныхъ данныхъ и геологическихъ наблюденій, возможно было установить слѣдующій, наиболѣе вѣроятный, взглядъ на генезисъ Узбоя.

1) Нижняя, ближайшая къ Каспію, часть Узбоя, примѣрно, до меридіана Игдовъ, представляется слѣдомъ геологически недавняго залива этого моря, фарватеръ котораго обнаружился въ видѣ русла съ крутыми берегами; дельты-же Оксуса въ этой мѣстности не существовало.

2) Верхній участокъ русла Узбоя отъ Игдовъ до Балла-Ишема Усть-Уртскаго представляется временнымъ мѣстомъ стока избытка полусоленыхъ лиманныхъ водъ Арало-Сарыкамышской котловины въ упомянутый древній рукавъ Каспія. Слѣдуетъ замѣтить, что водораздѣлъ между Сарыкамышами и Каспіемъ находится на той-же абсолютной высотѣ какъ и водораздѣлъ между Сарыкамышами и Араломъ, такъ что при переполненіи сарыкамышскаго водоема водою, послѣдній сливался съ Аральскимъ моремъ черезъ Айбугирскій заливъ, а, слѣдовательно, по Узбою протекала соленая вода, т. е. смѣсь аральскихъ, сарыкамышскихъ и аму-дарьинскихъ водъ.

3) Обширный сарыкамышскій водоемъ съ эпохи самой глубокой древности отдѣлялъ собою Аму-Дарью отъ Каспія и не допускалъ прѣ-

свой рѣчной водѣ проникнуть до Каспійскаго моря. Осадки р. Аму полностью отмучивались въ Сарыкамышахъ. Несомнѣнные древніе рукава дельты Оксуса, о которыхъ повѣствуютъ арабскіе историки, находились въ восточной половинѣ Сарыкамышей.

Я попрошу у васъ, мм. гг., еще минуту терпѣнья, чтобы покончить съ Узбоемъ и обращусь къ анализу слѣдующихъ вопросовъ: 1) Не представлялся-ли сарыкамышскій водоемъ такимъ-же регуляторомъ для Аму-Дарьи, какимъ служитъ въ настоящее время Женевское озеро для Роны или Боденское озеро для Рейна. Извѣстно, что упомянутыя рѣки вытекаютъ изъ своихъ озеръ еще съ большимъ количествомъ воды, чѣмъ то, которое онѣ вносятъ. Иначе говоря, не вытекала-ли измѣненная по качеству лишь аму-дарьинская вода изъ Сарыкамышей по верхнему участку Узбоя съ тѣмъ-же запасомъ, какимъ обладала Аму-Дарья до впаденія своего въ Сарыкамыши? 2) Если нѣтъ, то не былъ-ли верхній Узбой, по крайней мѣрѣ, тѣмъ рукавомъ сарыкамышской дельты Аму-Дарьи, берега котораго были населены и воздѣланы, какъ указываютъ арабскіе писатели-историки.

На предложенные два вопроса приходится отвѣчать отрицательно на слѣдующихъ основаніяхъ.

Русло западнаго Узбоя столь незначительно по размѣрамъ своимъ, что не могло вмѣщать въ себѣ и десятой доли запаса воды, который несетъ въ настоящее время Аму-Дарья.

Послѣдняя тамъ, гдѣ течетъ среди плоскихъ береговъ, представляетъ величественный видъ, обладаетъ шириной отъ 2-хъ до 3-хъ и даже до 5-ти верстъ и можетъ быть сравниваема съ Миссисипи. Тамъ, гдѣ Аму-Дарья течетъ среди высокихъ глинистыхъ береговъ, какъ, напр., между Кабахлы и Питнякомъ, рѣка имѣетъ ширину отъ одной до полутора верстъ. Между тѣмъ Узбой, гдѣ онъ течетъ въ глинистыхъ берегахъ, имѣетъ русло шириною, по измѣреніямъ инженеровъ аму-дарьинской экспедиціи, не болѣе 100 саженей. Подобная разница въ размѣрахъ русла наблюдается также и въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ Аму-Дарья и Узбой прорываютъ себѣ русло въ каменныхъ породахъ и текутъ въ скалистыхъ берегахъ.

Такимъ образомъ, Аму-Дарья, стѣсненная у Дея-боюна отвѣсными скалами сарматскихъ известняковъ, имѣетъ ширину отъ 100 до 300 саж. Среди этихъ скалъ она бѣшено несется и имѣетъ глубину до 10 саж. Между тѣмъ Узбой между Аккайлой и Игдами прорываетъ себѣ ущелье въ тѣхъ-же сарматскихъ известнякахъ, шириною не болѣе 25-ти саж., при средней глубинѣ живого сѣченія русла въ 2—3 сажени.

Очевидно, Узбой могъ вмѣстить въ себѣ едва десятую долю средняго запаса аму-дарьинской воды.

На прилагаемыхъ чертежахъ (Рис. I) можно наглядно замѣтить сравнительную разницу между размѣрами Аму-Дарьи и Узбоя, такъ какъ съемка сдѣлана въ одномъ и томъ-же масштабѣ.

Такимъ образомъ, Узбой могъ быть въ лучшемъ случаѣ только однимъ изъ рукавовъ дельты Аму-Дарьи, но никакъ не непрерывнымъ продолженіемъ ея полнаго русла.

Но противъ послѣдняго предположенія говоритъ не только фактъ отсутствія въ глинахъ и пескахъ русла Узбоя прѣсноводной раковины Sirena fluminalis, типичной для Аму-Дарьи, но также весьма существенное обстоятельство, что слѣды развалинъ и построекъ, находимые вдоль Узбоя, отнюдь не носятъ характера той богатой древней культуры и ирригаціи, о которой единогласно говорятъ цитированные арабскіе писатели. Я позволю себѣ категорически оспаривать справедливость высказаннаго нѣкоторыми изслѣдователями Узбоя предположенія, что въ одномъ мѣстѣ русла, именно около Аккайлы, имѣются будто-бы слѣды оросительной канавы, а въ другомъ пунктѣ, какъ-то у Талайханъ-ата, существуютъ будто-бы развалины какого-то села или города (Рис. II).

На этомъ рисункѣ представлена съемка развалинъ Талайханъ-ата. Вы увидите на ней одно лишь полукруглое зданіе, выстроенное изъ тесаныхъ плитъ; зданіе имѣетъ въ поперечникѣ 25 саж. и во дворѣ вдоль внутренней стѣнки замѣчаются развалины нѣсколькихъ помѣщеній. Вокругъ зданія раскинуто мусульманское кладбище. Вотъ и все. Очевидно, постройка эта была караванъ-сараемъ, сооруженнымъ для отдыха проѣзжающихъ. Талайханъ-атанское зданіе находится какъ разъ на большой караванной дорогѣ изъ Кизилъ-Арвата въ Хиву. Замѣтьте, что стѣны этого зданія проектированы такимъ образомъ, что одна стѣна у входа въ зданіе заходитъ за другую, образуя корридоръ. Точно такого-же типа зданіе съ кладбищемъ мы имѣемъ на 100 верстъ далѣе по той-же дорогѣ, именно въ Дашкала, стоящей далеко въ сторонѣ отъ Узбоя. Фундаментъ подобной постройки имѣется и въ Кизилъ-Арватѣ.

Что касается до пресловутыхъ слѣдовъ ирригаціи у Аккайлы, то при первомъ взглядѣ на рисунокъ II-й никто изъ васъ, я увѣренъ, не затруднится выразить отрицательное мнѣніе о нихъ, какъ объ ирригаціонномъ сооруженіи.

На берегу русла Узбоя сдѣланъ изъ кирпича небольшой бассейнъ, въ сажень діаметромъ, снабженый выпускной гончарной трубой, и соединенный съ боку съ другимъ меньшимъ бассейномъ. Отъ бассейна въ

сторону отъ Узбоя по такыру идетъ перпендикулярно къ руслу, на 400 саж., кирпичный желобъ квадратнаго сѣченія въ 4 вершка. Вотъ и все ирригаціонное сооруженіе.

Кто имѣлъ случай видѣть ирригаціонныя работы въ любомъ пунктѣ Кавказа или Туркестана, тотъ, конечно, тотчасъ убѣдится въ ошибочности такого предположенія.

Обыкновенно ирригаціонное сооруженіе состоитъ не изъ одного только канала, а изъ цѣлой сѣти каналовъ, арыковъ и оросительныхъ канавъ, покрывающихъ собою всегда значительные участки земли. Притомъ магистральные каналы всегда возвышаются надъ орошаемой площадью на аршинъ, 2 арш. и даже на сажень, съ цѣлью дать извѣстный уклонъ теченію воды. Я не стану описывать грандіозныхъ ирригаціонныхъ сооруженій, занимающихъ сотни квадратныхъ верстъ, съ магистральными каналами въ 300 вер. длиною, какія мы видимъ въ Хивѣ, въ Бухарѣ и вообще вдоль Аму-Дарьи. Не то представляютъ и развалины загадочнаго древняго города Мешедъ-Месторіана, расположеннаго на пустынномъ восточномъ берегу Каспійскаго моря въ 50-ти верстахъ отъ Атрека. Древность этого города относится, приблизительно, къ X вѣку. Вы ясно видите цѣлую сѣть оросительныхъ каналовъ, сотни домовъ, мечетей, минаретовъ, слѣды которыхъ отлично сохранились по настоящее время, т. е. въ продолженіи почти тысячелѣтія. Вода была проведена сюда изъ Атрека каналомъ въ 40 верстъ длины.

Чѣмъ-же объяснить, что вдоль Узбоя, если онъ несъ прѣсную воду пригодную для ирригаціи, не сохранилось, по его берегамъ, болѣе отчетливыхъ слѣдовъ древней культуры, чѣмъ упомянутый кирпичный желобъ, въ нѣсколько вершковъ ширины и глубины. Желобъ этотъ вдобавокъ врытъ въ землю, такъ что трудно себѣ представить, какимъ образомъ изъ него могла орошаться мѣстность, горизонтъ которой выше уровня желоба. Вода въ желобъ должна была попадать изъ кирпичнаго бассейна, который будто-бы наполнялся естественнымъ напоромъ рѣчной воды изъ Узбоя, проникавшей въ бассейнъ по глиняной трубѣ въ 6 верш. въ діаметрѣ. Развѣ гдѣ-либо устраиваются подобнымъ образомъ ирригаціонныя сооруженія изъ рѣкп?

Наконецъ, запасъ воды, который могъ вмѣщать въ себѣ желобъ, такъ ничтоженъ, что имъ возможно было оросить всего нѣсколько десятинъ земли.

Смѣшно и говорить, что вся ирригація вдоль Узбоя, принимая послѣдній за древнее русло величественной рѣки, заключалась въ одномъ желобѣ въ 4 вершка въ квадратѣ. Ясно, что аккайлинское сооруженіе

было просто хакомъ, предназначеннымъ для скопленія дождевой воды, болѣе прочно устроеннымъ, чѣмъ тѣ земляныя хаки и канавы, которыя постоянно роютъ текинцы на такырахъ для скопленія выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ. Большой бассейнъ служилъ для отстаиванія грязной воды. Чистая вода перепускалась въ малый бассейнъ, а скопившаяся грязь выпускалась по трубѣ въ русло Узбоя.

Съ другой стороны не представляется-ли явнымъ недоразумѣніемъ предположеніе, что народъ, населявшій берега Узбоя, могъ весь помѣститься въ нѣсколькихъ каморкахъ въ каравансараѣ у Талайханъ-ата, въ этомъ единственномъ человѣческомъ жилищѣ, найденномъ вдоль Узбоя. (См. рис. II)

Стало-быть, если по Узбою нѣтъ ни раковинъ, свойственныхъ Аму-Дарьѣ, ни ея типичныхъ илистыхъ осадковъ, ни дѣйствительныхъ широкихъ слѣдовъ ирригаціи, то западный Узбой, затерянный въ пескахъ, не былъ никогда тѣмъ древнимъ рукавомъ Аму-Дарьи въ Каспій, о богатой культурѣ котораго говорятъ арабскіе писатели X—XIV вѣковъ. Рукавомъ этимъ, очевидно, служило русло Куня-Дарьи, оканчивающееся у Сарыкамышскаго озера. Русло это, въ 300 верстъ длиною, носитъ по обоимъ берегамъ многочисленные несомнѣнные слѣды древней обширной ирригаціи, въ видѣ многочисленныхъ плотинъ и сѣтей оросительныхъ каналовъ, развалинъ городовъ и селъ, слѣдовъ высохшихъ садовъ и виноградниковъ, покрывающихъ собою огромныя площади. Куня-Дарьинская ирригація продолжалась до самаго устья ея и частью раскинулась по дну сарыкамышской котловины. Въ этой мѣстности вдоль Капланъ-кыра наблюдается сѣть каналовъ и арыковъ. Весьма возможно, что во время половодья рѣки, когда масса прѣсной воды прорывалась по Куня-Дарьѣ въ Сарыкамышское озеро, уровень послѣдняго подымался настолько, напримѣръ на 2—3 саж., что затоплялъ собою упомянутую воздѣланную площадь.

Такимъ образомъ, указаніе Гамдуллы, этого наиболѣе достовѣрнаго историка, что уровень Каспійскаго моря подымается отъ приливовъ аму-дарьинскихъ водъ настолько, что затопляетъ окрестные поля, сады и виноградники, является совершенно правдоподобнымъ, если отнести это явленіе не къ современному Каспію, а къ Сарыкамышамъ.

Вслѣдствіи многочисленныхъ пороговъ по Узбою, узкости и извилистости русла, о какомъ-либо судоходствѣ, какъ по нему, такъ и по сарыкамышскимъ озерамъ и болотамъ, не можетъ быть и рѣчи.

Отсюда ясно, что комментаторы разсматриваемаго вопроса впали въ географическую ошибку, относя древнее теченіе Аму-Дарьи къ современнымъ предѣламъ Каспійскаго моря.

Теперь я перейду къ краткому разбору созданной въ новѣйшее время гипотезы о другихъ будто-бы руслахъ Аму-Дарьи, именно о Чарджуйскомъ и о Конетъ-дагскомъ.

Жизнь учитъ насъ, мм. гг., что если извѣстная идея овладѣваетъ воображеніемъ людей, а въ данномъ случаѣ идея была весьма заманчива, то самому добросовѣстному изслѣдователю трудно отъ нея скоро отрѣшиться. Пытливый человѣческій умъ продолжаетъ настойчиво преслѣдовать ее, пока дѣйствительность, подавляющею массою фактовъ, не обнаружитъ его заблужденія.

Такъ случилось съ дальнѣйшею судьбою аму-дарьинскаго вопроса.

Защитники мнѣнія о древнемъ впаденіи Оксуса, будто-бы въ Каспійское море, видя свою гипотезу объ Узбоѣ, какъ непрерывномъ старомъ ложѣ рѣки, подорванною открытіемъ огромною сарыкамышской котловины, преградившей доступъ большей части водъ Аму-Дарьи въ Каспійское море, стали искать въ пустынѣ слѣдовъ существованія другаго русла, шедшаго въ обходъ упомянутой впадины. Оно нашлось въ лицѣ, такъ называемой, Чарджуй-Дарьи.

Подъ этимъ именемъ туркмены подразумѣвали длинный рядъ котловинъ, вытянувшихся почти посрединѣ Каракумской пустыни отъ Чарджуя по направленію къ Узбою. Первыя свѣдѣнія объ этихъ котловинахъ далъ намъ г. Калитинъ, совершившій смѣлую поѣздку изъ Геокъ-тепе въ Хиву и привезшій извѣстіе, что среди пустыни имѣется будто-бы такое-же старое русло рѣки, какъ и Узбой.

Хотя свѣдѣнія, сообщенныя г. Калитинымъ, не носили характера полной достовѣрности, тѣмъ не менѣе создалось предположеніе, что р. Аму первоначально протекала не по Узбою, а по этому самому чарджуйскому руслу, которое, начинаясь около Репетека или Келифа близъ Аму-Дарьи, пересѣкало пополамъ пустыню Каракумъ, направляясь къ Балла-Ишему Усть-Уртскому. У этого пункта русло соединялось съ западнымъ Узбоемъ и продолжалось до Каспійскаго моря.

Такимъ образомъ возродилась новая теорія о древнемъ *непрерывномъ* теченіи Аму-Дарьи до Каспійскаго моря, уже не по широтному направленію, а съ юго-востока на сѣверо-западъ. Гипотеза эта основывалась, однако, не на геологическихъ или нивеллировочныхъ данныхъ, а преимущественно на разсказахъ туркменъ или на сообщеніяхъ случайныхъ путешественниковъ.

Но туркмены называютъ любую котловину съ влажнымъ дномъ дарьей или шоромъ.

Съ другой стороны, развѣ можно судить о существованіи русла

рѣки на томъ лишь основаніи, что путешественнику встрѣтилась долина съ крутыми берегами и ракушками на днѣ?

Развѣ кто-либо изъ васъ, мм. гг., проѣзжавшій по закавказской желѣзной дорогѣ въ г. Баку, повѣрилъ-бы, что глубокая и узкая Ясамальская долина на Апшеронскомъ полуостровѣ съ крутыми берегами и многочисленными ракушками и гальками на днѣ, долина, въ которую входитъ поѣздъ, приближаясь къ станціи Пута, есть древнее русло рѣки?

Безъ сомнѣнія, нѣтъ. А почему?

Потому именно, что по берегамъ этой долины залегаютъ исключительно морскіе или субъ-аэральные осадки; ракушки-же и гальки, въ ней встрѣчающіяся, также морскія.

И такъ не всякая долина съ ракушками и гальками и крутыми берегами есть рѣчная долина. Въ существованіи послѣдней можно быть убѣжденнымъ лишь тогда, когда по берегамъ долины будетъ констатированъ компетентными лицами несомнѣнный рѣчной илъ, а ракушки, найденныя на днѣ ея, окажутся по опредѣленію геологовъ несомнѣнно рѣчнаго типа.

Въ 1885 году я нарочито совершилъ съ П. М. Лессаромъ поѣздку по Чарджуй-Дарьѣ съ спеціальною цѣлью ознакомиться съ строеніемъ русла.

На повѣрку оказалось, что въ этой мѣстности нѣтъ не только никакихъ признаковъ рѣчного фарватера, этого скелета рѣки, но нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ илистыхъ осадковъ, рѣчныхъ раковинъ, остатковъ обугленныхъ деревьевъ, камышеваго торфа, слѣдовъ культуры и ирригаціи и другихъ признаковъ химической, механической и культурной дѣятельности рѣчной воды.

Слѣдуя по Чарджуй-Дарьѣ отъ Балла-Ишема Усть-Уртскаго до Мирза-чилле, мы пересѣкали рядъ глубокихъ обособленныхъ котловинъ, окруженныхъ высокими коренными берегами, построенными изъ твердыхъ известковыхъ или песчаныхъ породъ третичнаго возраста, совершенно не размытыхъ струей проточной воды. Вдоль по Чарджуй-Дарьѣ замѣчалась лишь та существенная особенность, что сѣверо-восточный берегъ ея былъ чрезвычайно крутъ и обрывистъ, въ 25—30 саженей высоты, построенный изъ плотныхъ породъ и изрѣзанный множествомъ заливовъ, тогда какъ юго-западный берегъ ея былъ сравнительно низокъ и засыпанъ песчаными, сыпучими буграми, грязно-желтаго цвѣта и заполнившими собою всю западную половину пустыни Каракумъ.

У меня и у г. Лессара твердо сложилось убѣжденіе въ томъ, что Чарджуй-Дарья отнюдь не было русломъ какой нибудь рѣки. Нашъ

взглядъ подтвердился въ 1884 году нивеллировкой экспедиціи Глуховскаго, категорически примкнувшей къ нашему мнѣнію, а въ послѣднее время изслѣдованіями горнаго инженера Обручева.

Итакъ всѣ очевидцы Чарджуй-Дарьи, непосредственно изучившіе значительные участки упомянутаго quasi-русла, пришли къ полному и единогласному заключенію, что Чарджуй-Дарья не была древнимъ ложемъ классическаго Оксуса.

Чувствуя себя поколебленными и на почвѣ Чарджуй-Дарьи, защитники аму-дарьинскаго вопроса создали новую гипотезу, что кромѣ нея существуетъ еще одно древнее русло рѣки, самое древнѣйшее изъ всѣхъ, которое будто-бы направлялось отъ Келифа мимо Мерва къ Асхабаду, шло вдоль Закаспійскихъ горъ и Ахалъ-текинскаго оазиса и соединялось у Балханскихъ горъ съ Узбоемъ.

Такова новая и самая послѣдняя гипотеза о древнемъ теченіи Аму-Дарьи.

Такъ-называемое копетъ-дагское или келифское русло является уже 3-мъ по счету среди предполагаемыхъ старыхъ руселъ рѣки.

По мнѣнію авторовъ этой гипотезы, Аму-Дарья въ древности направлялась первоначально отъ Келифа на Учаджи, гдѣ имѣются будто-бы слѣды 6-ти теченій рѣчныхъ руселъ. Затѣмъ она направилась на западъ къ Мерву, принимая съ лѣвой стороны рр. Мургабъ и Теджень.

Періодъ теченія Аму-Дарьи въ этомъ направленіи опредѣляется г. Обручевымъ за 2000 лѣтъ до нашихъ дней, т. е. въ эпоху Геродота.

Въ послѣдующее время Аму-Дарья неотступно слѣдовала за усыханіемъ Каспійскаго моря и текла вдоль Копетъ-дага, развивая свою дельту. Въ этомъ направленіи она продолжала ее до современныхъ береговъ Каспійскаго моря.

Рядомъ, однако, съ поступательнымъ теченіемъ Аму-Дарьи съ юго-востока на сѣверо-западъ происходило, по мнѣнію гг. Обручева и Каульбарса. боковое движеніе этой рѣки отъ Копетъ-дага на сѣверъ. повинуясь которому рѣка отошла мало-по-малу отъ Копетъ-дага за 250 верстъ къ востоку до Чарджуй-Дарьи, по которой продолжала течь нѣкоторое время. Затѣмъ она какъ-то сразу перескочила еще за 250 верстъ на востокъ до современнаго своего русла и уже тогда пошла мимо Хивинскаго оазиса черезъ Сарыкамышскую котловину и западный Узбой въ Каспійское море.

Со временемъ и это теченіе рѣки усохло и Аму-Дарья направилась цѣликомъ въ Аральское море.

Стало быть, по мнѣнію упомянутыхъ лицъ, Аму-Дарья гуляла въ

древности по всему пространству Каракумской пустыни, имѣющей до 1,000 верстъ въ длину и до 400 верстъ средней ширины и развивала на ней обширнѣйшую дельту, безпримѣрную по своей величинѣ. Основаніе и высота дельтоваго треугольника по 1,000 верстъ. Это—совершенно невѣроятная вещь! Живой гидравлической силы десяти Оксусовъ недостаточно для воспроизведенія столь значительной работы.

Самыя величественныя рѣки въ мірѣ, какъ, напримѣръ, р. Амазонская, Миссисипи, Индъ и Гангъ, Нилъ, наконецъ Желтая и Голубая рѣки въ Китаѣ во много разъ превосходятъ Аму-Дарью по величинѣ своихъ бассейновъ и по запасу воды; однако, онѣ имѣютъ дельту, во много разъ меньшую вышеуказанной, именно—отъ 200 до 500 верстъ въ основаніи и въ высотѣ.

Спрашивается, какіе-же факты легли въ основаніе столь грандіозной гипотезы?

Теорія эта основана, главнымъ образомъ, на существованіи въ пустынѣ Каракумъ шоровъ и чинковъ. Послѣдніе служатъ будто-бы неопровержимыми доказательствами теченія рѣки.

Уважаемый М. Н. Анненковъ въ своемъ краснорѣчивомъ докладѣ „О пригодности Средней Азіи для русской колонизаціи“, основываясь на концепціяхъ барона А. В. Каульбарса и г. Обручева, говоритъ, напримѣръ, слѣдующее: „шоры и чинки“, *эти неопровержимыя доказательства теченія рѣки* указываютъ намъ, что вся пустыня Каракумъ покрыта плодороднымъ лесомъ, остаткомъ древняго теченія могущественной рѣки. Лесъ этотъ по плодородію равенъ китайскому лесу, откуда слѣдуетъ что въ Закаспійскомъ краѣ мы имѣемъ обширнѣйшую территорію, покрытую плодородной почвой, которую стоитъ только оросить, чтобы вызвать къ жизни роскошнѣйшую страну“.

Позвольте, однако, разъяснить, что такое „шоры и чинки“.

Шоръ—это туземное слово, въ переводѣ на русскій языкъ значитъ *солончакъ*.

Чинкъ — тоже туземное слово, въ переводѣ по-русски значитъ *обрывъ*.

Итакъ, выражаясь по-русски, фразу, что шоры и чинки служатъ неопровержимымъ доказательствомъ теченія рѣки, можно перевести такъ, что неопровержимымъ доказательствомъ существованія рѣки служатъ солончаки и обрывы!.

Но мы знаемъ и привыкли думать, что солончаками изобилуютъ, главнымъ образомъ, берега моря. Море, высыхая и оставляя въ прибрежныхъ котловинахъ остатки соленой воды, естественно образуетъ въ

нихъ весьма топкіе солончаки. Съ другой стороны, морскія волны, подмывая крутые морскіе берега, нерѣдко, образуютъ обрывы.

Кому не приходилось высаживаться на любомъ морскомъ берегу, тотъ, безъ сомнѣнія, прежде всего встрѣчался съ солончаками и обрывами. Послѣдними переполнены не только берега Каспія, но и любаго моря.

Обрывъ, какъ продуктъ механической работы морского прибоя, и солончакъ, какъ результатъ совокупной химической и механической дѣятельности моря, всегда были и будутъ естественными и неизбѣжными спутниками большихъ соленоводныхъ бассейновъ.

Правда, что и рѣка въ иныхъ случаяхъ, когда она размываетъ соленосныя породы, создаетъ на почвѣ своихъ разливовъ, въ періодъ ихъ высыханія, также солончаки. Въ другихъ случаяхъ по дну старыхъ рукавовъ, оставленныхъ рѣкою, съ теченіемъ времени отъ испаренія прѣсной воды также создаются солончаки. Подробное описаніе процесса субъ-аэральнаго происхожденія солончаковъ сдѣлано академикомъ Бэромъ, 30 лѣтъ тому назадъ, а отъ барона Каульбарса, три года тому назадъ, мы слышали талантливое объясненіе рѣчного ихъ генезиса.

Рѣчные солончаки возможно, однако, тотчасъ отличить отъ морскихъ по слѣдующимъ признакамъ: во 1-хъ, коренные берега рѣчныхъ солончаковъ всегда прорваны въ двухъ мѣстахъ по направленію тальвега рѣки; въ рѣдкихъ случаяхъ они пересыпаны пескомъ. Въ солончакахъ-же морского типа, въ силу особенностей ихъ происхожденія, коренныя породы залегаютъ по всей окружности солончаковой котловины, нигдѣ не прерываясь. Во 2-хъ, типическимъ петрографическимъ отличіемъ морскихъ солончаковъ отъ рѣчныхъ являются залежи гипса (сѣрнокислой извести), покрывающія собою какъ дно, такъ и берега морского шора. Гипсъ въ данномъ случаѣ является продуктомъ испаренія морской воды, содержащей означенную соль въ изобиліи. Въ прѣсной-же водѣ соли сѣрнокислой извести въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ обыкновенно отсутствуютъ.

Отсюда слѣдуетъ, что доказательствами существованія рѣки отнюдь не можетъ служить голый фактъ присутствія гдѣ-либо шоровъ и чинковъ. Надобно разъяснить, какого рода эти шоры и чинки, совершенно подобно тому, какъ найдя створку, раковину, необходимо въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлить, какого она типа: рѣчного или морского.

Стало быть, весь вопросъ о древнемъ теченіи Аму-Дарьи есть вопросъ по преимуществу почвенный.

Попытаемся-же распутать узелъ, завязавшійся въ вопросѣ о характерѣ почвы кара-кумовъ.

Покойный профессоръ Барботъ-де-Марни, извѣстный геологъ, отличавшійся въ своихъ геологическихъ изслѣдованіяхъ точностью, доходившею до педантизма, характеризуетъ осадки въ современной дельтѣ Аму Дарьи слѣдующимъ образомъ: „по какому-бы рукаву рѣки не пришлось ѣхать, всюду выступаетъ изъ-подъ воды *сѣрая, рыхлая, чрезвычайно пористая глина, прорѣзанная массою растительныхъ волоконъ.* Глина эта растирается въ чрезвычайно тонкій пылевидный порошекъ".

„На этой глинѣ растетъ въ изобиліи камышъ и всякаго рода кустарники, которые по мѣрѣ высыханія образуютъ торфъ".

„Въ этой глинѣ нерѣдко встрѣчаются раковины, свойственныя Аму-Дарьѣ. Продуктомъ вывѣтриванья ея служатъ барханы бѣлаго или стально-сѣраго песку, называющіеся у туземцевъ *ак-кумами*".

Другой нашъ талантливый профессоръ геологіи, И. В. Мушкетовъ, изслѣдовавшій все среднее теченіе Аму-Дарьи отъ Келифа до Хивы на протяженіи болѣе 1,000 верстъ, также констатировалъ повсемѣстно по берегамъ ея тотъ-же рыхлый сѣрый порошкообразный илъ со слоями камышеваго торфа и обугленными стволами кустарниковъ. Продуктомъ вывѣтриванія этой породы служило множество баркановъ стально-сѣраго песку.

Типичные-же морскіе осадки, изобилующіе по берегамъ Каспійскаго моря, характеризуются: красною плотною глиною съ прослойками желѣзистаго бураго или сѣраго песку.

Красная глина насыщена солью и гипсомъ, чего обыкновенно не наблюдается въ рѣчныхъ осадкахъ, отложившихся изъ прѣсной воды.

Упомянутая красная глина въ видѣ-же коренной породы или въ образѣ намывныхъ субъ-аэральныхъ отложеній такъ тверда въ сухомъ состояніи, что удары лошадиной подковы звенятъ по ней, не оставляя слѣда и не вызывая пыли. Это знаетъ каждый, побывавшій въ Туркменіи *).

Въ упомянутыхъ красныхъ глинахъ никогда не встрѣчается древесныхъ обугленныхъ остатковъ или слоевъ камышеваго торфа. Продуктомъ вывѣтриванія красныхъ глинъ и желѣзистыхъ песковъ служатъ барханы и бугры грязно-желтаго песку, называемые туземцами *кара-кумами* или *кизилъ-кумами*.

---

*) Между тѣмъ проѣзжая по Хивинскому оазису или по дорогѣ изъ Мерва къ Султанбенду, или въ долинѣ нашей Куры по тракту отъ Евлаха къ Шушѣ, путникъ въ сухую лѣтнюю погоду, при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра бываетъ окутанъ облаками густой тонкой пыли, происходящей отъ рыхлыхъ рѣчныхъ осадковъ, покрывающихъ эти мѣстности, чрезвычайно легко вывѣтривающихся. *Прим. авт.*

Планы:

Русла Узбоя около колодцевъ Игды

N

28.37

20.61

20.29

20.29

19.40

19.53

Кол. Игды

18.63

17.00

14.43

21.85

23.96

28.50

27.28

28.15

27.30

28.90

S

Русла Аму-Дарьи около Чарджуя

W

Оросительный каналъ

Оросительный каналъ

Оросительный каналъ

Оросительный каналъ

Сыпучіе барханы

Кр. Чарджуй

Сыпучіе барханы

N

Высоты праваго берега

O

Масштабъ

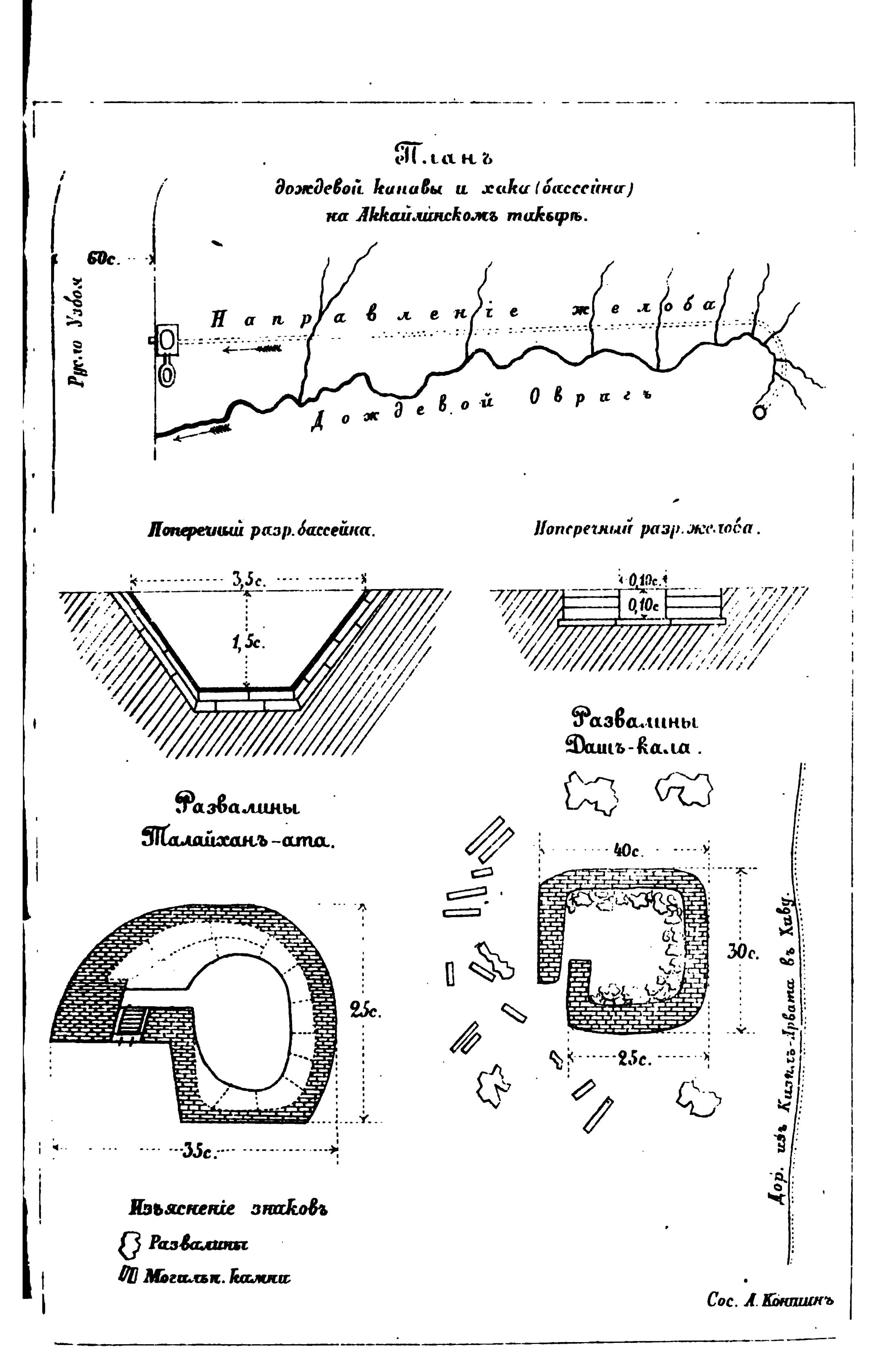
0 1 2 3 4 5 6

6 верстъ въ дюймѣ

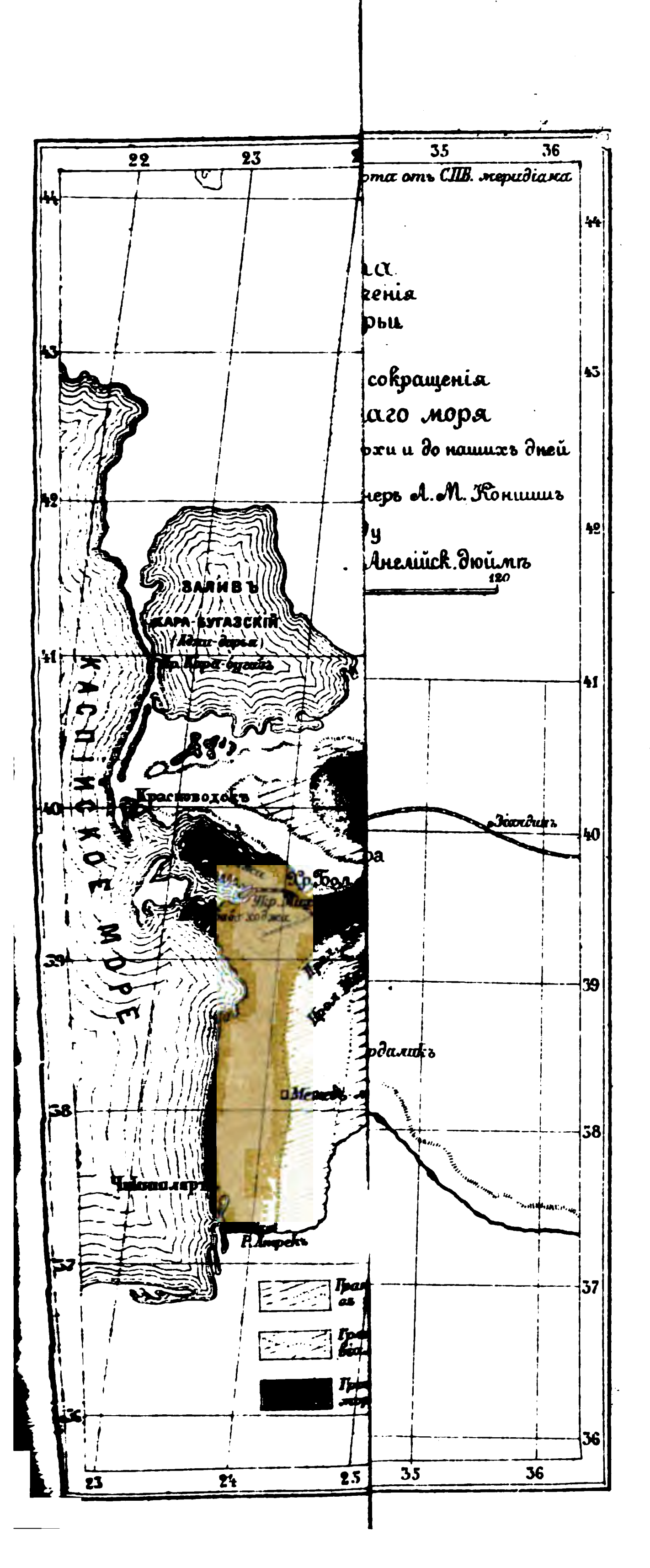
Изъясненіе знаковъ

27,30 Высоты надъ уровнемъ Каспійскаго моря (въ фут.)

Нивелировочная линія

План
дождевой канавы и хака (бассейна)
на Аккайлинскомъ такырѣ.
Русло Уэбоя
60с.
Направленіе желоба
Дождевой Оврагъ
Поперечный разр. бассейна.
3,5с.
1,5с.
Поперечный разр. желоба.
0,10с.
0,10с.
Развалины
Дашъ-кала.
40с.
30с.
25с.
Развалины
Талайханъ-ата.
25с.
35с.
Дор. изъ Кизылъ-Арвата въ Хиву.
Изъясненіе знаковъ
Развалины
Могильн. камни
Сос. А. Коншинъ

отъ СПБ. меридіана
сокращенія
аго моря
эхи и до нашихъ дней
неръ А. М. Коншинъ
Англійск. дюймъ
120
ЗАЛИВЪ
КАРА-БУГАЗСКІЙ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
Красноводскъ
Чикишляръ
Р. Атрекъ
Кр. Бол.
рдаликъ
22
23
24
25
35
36
44
43
42
41
40
39
38
37

Стало-быть, если-бы Аму-Дарья протекала по Кара-кумъ, то пустыня была-бы покрыта рыхлымъ сѣрымъ иломъ и барханами стально-сѣраго или бѣлаго песку, т. е. ахъ-кумами, въ которыхъ мы находили-бы залежи торфа, обугленныя растенія и створки сиренъ.

На дѣлѣ-же мы видимъ, что вся поверхность центральной пустыни, наоборотъ, покрыта буграми грязно-желтаго песку *кара-кумами*, почему и самая пустыня носитъ это наименовеніе. Гдѣ-бы не обнажились коренныя породы, онѣ состоятъ изъ красныхъ глинъ.

Ни одинъ изъ путешественниковъ, посѣщавшихъ центральную часть пустыни, не привезъ оттуда ни куска рыхлаго илу, ни осколка прѣсноводной ракушки, ни горсти камышеваго торфа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по многочисленнымъ дорогамъ, пересѣкающимъ ее вдоль и поперекъ, нигдѣ не замѣчается какихъ-либо слѣдовъ ирригаціи или человѣческой культуры, этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ существованія прѣсной проточной воды въ Средней Азіи. А разъ не имѣется въ кара-кумахъ типичныхъ осадковъ рѣки, то какъ-же можно говорить о существованіи стараго рѣчнаго теченія въ этой области, тѣмъ болѣе рѣки такихъ колосальныхъ размѣровъ, какимъ былъ по предположеніямъ древній Оксусъ.

Таково, мм. гг., положеніе аму-дарьинскаго вопроса по современнымъ геологическимъ даннымъ. На мою долю выпала неблагодарная задача, разрушать иллюзію, которою мы столько лѣтъ увлекались. Но меня къ этому вынудила вся совокупность положительныхъ фактовъ, которые я имѣлъ честь вкратцѣ вамъ изложить. На насъ, какъ членовъ ученаго общества, лежитъ обязанность, не плодить заблужденія, какъ-бы заманчивы они ни были, а наоборотъ, разъяснять ихъ, разъ къ тому является достаточно фактическихъ поводовъ. Пусть лучше будетъ одною иллюзіей меньше, но только пусть будемъ мы ближе стоять къ истинѣ.

А. М. Коншинъ.

Сообщеніе А. В. Пастухова объ его восхожденіи на Эльбрусъ 18 іюля 1890 г. *)

Читано 4-го апр. 1891 г.

Въ 1890 году я былъ командированъ для топографическихъ работъ въ Верхнюю Сванетію. Въ началѣ іюня я пріѣхалъ туда и приступилъ къ съемкѣ наиболѣе высокихъ горъ, входившихъ въ раіонъ моихъ работъ; сдѣлалъ я это съ цѣлью пріучить казаковъ легче переносить послѣдствія разрѣженнаго воздуха, и такимъ образомъ подготовить ихъ къ предстоявшему намъ восхожденію на Эльбрусъ, которое я намѣревался совершить въ концѣ іюля. 24-го іюля, въ 9 часовъ утра, я съ 8-ю казаками и съ проводникомъ-сваномъ выѣхалъ изъ лагеря, находившагося у подошвы горы Ушбы. Мы въ этотъ день успѣли проѣхать 37 верстъ сдѣлавъ одинъ привалъ, и къ 7-ми часамъ вечера пріѣхали на одну изъ полянъ, находящихся на р. Накра. 25-го мы проѣхали всего только 1 верстъ. 26-го, подъѣзжая къ перевалу Донгузъ-орунъ, находящемуся на Главномъ Кавказскомъ хребтѣ, мы встрѣтили двухъ сновъ съ лошадьми шедшихъ съ сѣвернаго Кавказа, которые, на вопросъ—хороша-ли дорога отвѣтили, что по ту сторону хребта дорога очень плоха и что они тамъ потеряли одну лошадь. Взобравшись на перевалъ, высота котораго равняется 10,493 фут., мы остановились закусить. Въ это время къ намъ подошли два свана, которые отправлялись, какъ потомъ оказалось, на заработки въ Урусбіевъ аулъ; закусивъ и отдохнувъ, мы по одиночкѣ стали спускаться на ледникъ, ведя каждый свою лошадь, причемъ догнавшіе насъ пѣшіе сваны пошли впередъ. Не прошли мы и 50-ти саженъ отъ перевала, какъ одинъ изъ свановъ остановился и, указыя внизъ пальцемъ, сталъ звать меня. Я подошелъ къ нему и увидѣлъ провалъ въ ледникѣ, а въ немъ, на глубинѣ 3-хъ саженъ, живую лошадь. Я велѣлъ принести имѣвшуюся при насъ желѣзную лопатку, и мы начали обрывать по краямъ провала снѣгъ, сваливая его внизъ; черезъ четверть часа образовалась покатость, по которой мы на веревкѣ спустили въ провалъ

---

*) Первое восхожденіе на вершину Эльбруса совершилъ проф. Фрешфильдъ съ нѣкоторыми другими англичанами въ 1868 г. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1874 г., поднялась на эту вершину партія англичанъ подъ руководствомъ Грове. Въ 1884 г. достигъ вершины Эльбруса извѣстный венгерскій путешественникъ Деши. Въ послѣдующіе годы восхожденія на вершину Эльбруса повторялись чаще и чаще; почти ежегодно прибывали на главный Кавказскій хребетъ альпинисты различныхъ національностей, поднимавшіеся на эту вершину; въ числѣ послѣднихъ находился также г. Мерцбахеръ. *Ред.*

одного свана; онъ взялъ за уздечку лошадь, и она въ одно мгновеніе очутилась на поверхности ледника.

Всѣ были очень рады спасенію жизни лошади; одинъ изъ свановъ, похвалившійся знаніемъ дороги черезъ ледникъ, взялъ спасенную лошадь и побѣжалъ съ нею внизъ, не разбирая дороги. Я остановилъ его, далъ ему штыкъ въ руки и велѣлъ итти тише и ощупывать передъ собой ледъ; онъ пошелъ впередъ, а мы на нѣкоторомъ разстояніи другъ-отъ-друга потянулись за нимъ длинной вереницей, ведя за собой каждый свою лошадь; но не прошли мы и ста саженъ, какъ найденная лошадь провалилась задними ногами въ трещину; къ ней подбѣжали два свана и нѣсколько казаковъ, схватили ее со всѣхъ сторонъ и стали вытаскивать; при этомъ лошадь выказала неимовѣрное стараніе, но вотъ она стала все ниже и ниже спускаться, еще моментъ—и, выпущенная изъ рукъ людьми, она полетѣла стремглавъ въ пропасть; но при этомъ не слышно было никакого шума. Люди моментально отскочили отъ этого мѣста, но моей лошади пробѣжала дрожь, и она издала тихое и короткое ржаніе. Я осторожно подошелъ къ провалу, заглянулъ въ него, въ надеждѣ увидѣть тамъ лошадь, но, кромѣ мрака бездонной пропасти, я ничего не увидѣлъ; прислушался—тамъ было тихо, какъ въ могилѣ. Послѣ этого мы изслѣдовали на нѣкоторомъ разстояніи отъ провала эту трещину, нашли самое узкое мѣсто и благополучно провели своихъ лошадей. Далѣе мы подвигались съ величайшею осторожностью и, наконецъ, миновавъ нѣсколько трещинъ, выбрались съ ледника, и тутъ только до того молчавшіе казаки стали дѣлиться своими впечатлѣніями. Одинъ изъ нихъ при этомъ замѣтилъ: „Вотъ, братцы, ровно во снѣ видѣли лошадь"; потомъ остальную часть пути и на ночлегѣ у казаковъ только и разговора было, что о погибшей лошади, и они, наконецъ, порѣшили, что, видно, судьба ея такая. Пройдя отъ ледника съ версту, мы поднялись на пригорокъ, съ котораго открывается восхитительный видъ на ледники, спускающіеся съ горы Донгузъ-орунъ, и на озеро того-же названія, имѣющее въ длину около 400 саж. и въ ширину около 150 саж. Одну изъ сторонъ этого озера составляетъ весьма красивая и поросшая березовымъ кустарникомъ морена, за которой окруженный гребнями моренъ, какъ въ ящикѣ, лежитъ, весь заваленный камнями, ледникъ Донгузъ-орунъ.

При началѣ спуска съ этого пригорка всѣ три свана взяли по камню и бросили ихъ въ находящуюся направо отъ дороги довольно большую кучу изъ камней различной величины. На вопросъ мой, сваны отвѣтили, что это дѣлаетъ всякій, кому удается пройти благополучно черезъ перевалъ; я, ради шутки, велѣлъ всѣмъ казакамъ сдѣлать то-же самое, при-

чемъ одинъ изъ нихъ притащилъ цѣлую полу камней. Сваны отъ души смѣялись, глядя на продѣлку казаковъ. Въ 5 часовъ мы подъѣхали къ опушкѣ сосноваго лѣса. Хотя до заката солнца намъ можно было-бы добраться до хутора, лежащаго при сліяніи рѣкъ Азау и Терсколъ, отъ котораго мы уже должны были начать свое восхожденіе, но я рѣшилъ остановиться ночевать здѣсь на опушкѣ лѣса. Тутъ были удобства для этого: кормъ лошадямъ, дрова, вода и ровное мѣсто для ночлега; отсюда-же былъ видѣнъ и Эльбрусъ, который я хотѣлъ хорошенько разсмотрѣть на другой день и выбрать окончательно путь восхожденія. Эльбрусъ былъ открытъ и только изрѣдка по немъ пробѣгали маленькія тучки. Передъ сумерками все ущелье р. Баксана заволокло туманомъ, но около десяти часовъ вечера туманъ осѣлъ, образовавъ сильную росу. 27-го іюля, съ восходомъ солнца, я поднялся на вершину гребня, на скатѣ котораго мы ночевали, и отсюда сталъ обозрѣвать Эльбрусъ, который былъ мнѣ видѣнъ весь, начиная отъ самой подошвы. Я выбралъ путь, спустился къ мѣсту нашего ночлега, гдѣ казаки ожидали меня уже съ осѣдланными лошадьми, и мы сейчасъ-же отправились въ дорогу и скоро спустились въ Баксанское ущелье, имѣющее въ этомъ мѣстѣ совершенно плоское дно, наибольшая ширина котораго доходитъ до 380 саж., и сплошь покрытое прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ, на опушкѣ котораго, и преимущественно на сѣверныхъ скатахъ, растетъ мелкая береза. Въ 8 часовъ мы прибыли на хуторъ, находящійся на р. Терсколъ, на высотѣ 6,944 фут.; здѣсь мы встрѣтили хозяевъ этого хутора, урусбіевскихъ татаръ, занимавшихся покосомъ; они насъ приняли любезно, но потомъ продали намъ говядину и хлѣбъ очень дорого. Мы наскоро сварили въ татарскомъ котлѣ всю говядину, пообѣдали и, оставивъ при лошадяхъ одного казака и проводника-свана, я съ семью казаками Хоперскаго полка ровно въ 10½ часовъ утра сталъ подниматься по хребту между рѣками Азау и Терсколъ. Было совершенно тихо и ясно; на темно-голубомъ небѣ ни одного облачка; воздухъ былъ накаленъ до 35°. Сначала мы шли, конечно, безъ всякой дороги, сосновымъ лѣсомъ; каждый изъ насъ несъ, считая и одежду, не менѣе полутора пуда. Такая почтенная ноша, сильная жара и крутизна горы порядочно давали себя чувствовать и мы изрѣдка садились отдыхать въ тѣни деревьевъ, причемъ утоляли жажду взятой съ собою водой. Но вотъ лѣсъ сталъ рѣдѣть, сосны попадались все ниже и корявѣе, а скоро и совсѣмъ кончились, и мы, отдохнувъ подъ послѣдней сосной на высотѣ 7,840 ф., вышли на совершенно открытое и поросшее мелкой травой мѣсто. Приближался полдень; солце немилосердно насъ жгло; покатость становилась круче, а тутъ и вода, взятая

нами, кончилась и насъ сильно мучила жажда; вблизи нигдѣ не было воды. Скоро мы встрѣтили еще одно препятствіе: намъ пришлось подниматься по осыпи, гдѣ положительно. какъ говорится, дѣлали одинъ шагъ впередъ, а два назадъ. Но. наконецъ. послѣ многихъ усилій, дѣлая всевозможные зигзаги, мы поднялись на хребетъ, гребень котораго состоитъ изъ скалъ; въ нихъ мы замѣтили двѣ арки въ родѣ знаменитаго кольца горы близъ Кисловодска; только встрѣченныя нами здѣсь гораздо грандіознѣе. Когда мы были возлѣ одной изъ нихъ, насъ засталъ дождь, отъ котораго пришлось укрыться подъ этой аркой. Въ то время. когда мы сидѣли подъ аркой, подъ нею-же пролетало очень много мелкихъ птичекъ, которымъ повидимому нравилась прогулка черезъ эти естественныя ворота. Скоро дождикъ кончился, и мы снова отправились въ путь. Вскарабкавшись на нѣсколько уступовъ, мы очутились на концѣ площадки. въ версту длины и въ среднемъ около 100 саж. ширины, на высотѣ 9,283 ф. Какой восхитительный видъ открывается отсюда! Прямо—совершенно ровная зеленая площадка, направо—спускается страшными обрывами, изборожденный безчисленнымъ множествомъ трещинъ, ледникъ Терсколъ, изъ-подъ котораго съ шумомъ вырывается рѣка того-же названія: налѣво—черезъ зеленую ложбину, виднѣется ледникъ Гарабаши; выше—громадныя пространства, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, а еще дальше. упираясь въ темно-синее небо, поднимаются двѣ гигантскія вершины Эльбруса, которыя кажутся такъ близко, какъ будто до нихъ было не болѣе часа ходьбы. Пройдя площадку и переваливъ черезъ вершинку, покрытую щебнемъ, на которой я нашелъ въ высшей степени душистыя желтыя незабудки. въ 5 часовъ 12 минутъ пополудни мы очутились въ котловинѣ, на высотѣ 11,081 фут.; здѣсь уже не было никакой растительности. Отсюда я одного казака отправилъ къ оставшимся внизу, а съ остальными шестью казаками расположился ночевать. Хотя до сумерекъ оставалось еще болѣе 3-хъ часовъ и можно было-бы продолжать путь, но надвигавшіяся съ запада тучи предвѣщали скорую и сильную грозу. И дѣйствительно, не прошло получаса, какъ загудѣлъ громъ, подулъ вѣтеръ и полилъ дождь, вмѣстѣ съ которымъ падалъ градъ, сначала крупный и рѣдкій, потомъ все мельче и чаще и, наконецъ, превратившись въ такъ-называемую крупу, онъ такъ посыпалъ, что и свѣта Божьяго не стало видно. Черезъ часъ тучи пронеслись и гроза утихла, но земля оказалась на 2 вершка покрытою градомъ, и температура понизилась до 0°. Къ этому времени поспѣло и наше какао, которое мы варили во время грозы на фотогенной печкѣ подъ буркой. Закусивъ, напившись какао и не дожидая сумерекъ, мы легли спать, съ тѣмъ, чтобы на другой день раньше встать и продолжать путь далѣе.

28-го іюля, въ 4 часа утра, температура—2.,° Ц. . Въ 8 часовъ выступили въ путь, который на этотъ разъ лежалъ по базальтовымъ глыбамъ, нагроможденнымъ ледниками; налѣво отъ насъ тянулись морены ледника Гара-баши, свидѣтельствовавшія о громадной механической силѣ природы, создавшей ихъ. Почти вездѣ и во всемъ, гдѣ намъ приходится только наблюдать дѣйствіе этой силы, мы видимъ, что она разрушаетъ; тутъ-же, наоборотъ, она создаетъ, причемъ созданныя ею морены сохраняютъ замѣчательную новизну; несмотря на вѣка, пронесшіеся надъ ними, онѣ кажутся какъ-будто образовавшимися нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но есть морены, на которыхъ теперь растетъ строевой лѣсъ; какъ, напримѣръ, на моренѣ при концѣ ледника Азау, который въ очень отдаленныя времена на нѣсколько верстъ спускался ниже, о чемъ свидѣтельствуютъ оставленные имъ морены, да мѣстами отшлифованныя скалы ущелья. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ существуетъ и теперь, въ прежнія времена онъ былъ несравненно толще, что видно по сглаженнымъ скаламъ, поднимающимся болѣе 10-ти саженъ надъ современнымъ уровнемъ ледника. То-же самое можно замѣтить и на ледникахъ Терсколъ и Гара-баши, гдѣ сильно отшлифованныя скалы значительно поднимаются надъ ледникомъ, а мѣстами на выступахъ ихъ лежатъ камни, ничего общаго не имѣющіе съ ними, но принесенные туда ледникомъ.

Въ 10 часовъ утра мы достигли южнаго края средней части ледника Терсколъ. Солнце сильно пригрѣвало и на ледникѣ, имѣющемъ въ этомъ мѣстѣ почти горизонтальное положеніе, стояли большія лужи воды.

Тутъ мы связались между собою веревкой и вступили на ледникъ, по которому и пошли довольно быстро, пока не стали попадаться намъ трещины, заставившія насъ лавировать по всѣмъ направленіямъ, а черезъ иныя перепрыгивать. Глубина этихъ трещинъ мѣстами, какъ мнѣ казалось, доходила до 100 саженъ. Далѣе мы встрѣтили массу стараго снѣга, толщина котораго доходила до 2 аршинъ. По немъ мы и пошли сначала безъ всякаго затрудненія, но вскорѣ я, какъ шедшій впереди, провалился въ закрытую снѣгомъ трещину, и только благодаря связывавшей насъ веревкѣ не полетѣлъ на дно ея. Продолжая путь, мы стали проваливаться на каждомъ шагу въ размякшій отъ лучей солнца снѣгъ. Наконецъ, я снова провалился въ трещину и, выбравшись изъ нея, убѣдился, что ее обойти нельзя никоимъ образомъ, такъ какъ она въ обѣ стороны тянулась на громадное разстояніе и наконецъ соединялась съ другими трещинами, а потому я и рѣшилъ вернуться назадъ, для того, чтобы на другой день пройти это мѣсто рано утромъ, когда отъ мороза снѣгъ дѣлается крѣпкимъ. Въ 12$^1/_2$ часовъ дня мы повернули обратно;

въ это время пошелъ снѣгъ, который, впрочемъ, скоро прекратился; но съ запада надвигались страшныя тучи и предвѣщали непогоду. Дойдя до маленькой морены на высотѣ 12,040 ф., мы рѣшили здѣсь остаться ночевать. Казаки начали готовить ужинъ, а я сталъ бродить по окраинѣ морены, и тутъ на старомъ снѣгу замѣтилъ массу мертвыхъ насѣкомыхъ, которыя, какъ мнѣ кажется, были не что иное, какъ ледниковыя блохи. Объ этихъ насѣкомыхъ я позволю себѣ, сказать нѣсколько словъ. Въ 1887 г. я производилъ топографическую съемку въ верховьяхъ р. Шаро-Аргуна. 12-го августа я находился на самой горѣ, на высотѣ 9,835 ф., гдѣ въ первый разъ встрѣтилъ этихъ козявокъ въ старомъ снѣгу; только онѣ здѣсь были живыя. Козявки эти имѣютъ форму сигары и вдвое менѣе блохи; имѣютъ четыре ноги и двое щупальцевъ; онѣ вьются, какъ піявки, и прыгаютъ какъ блохи; моментально проползаютъ черезъ плотно скатанный кусокъ снѣга, діаметромъ въ шесть дюйм.; при раздавливаніи ихъ получается фіолетовая краска, при таяніи снѣга онѣ въ водѣ быстро умираютъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ падаютъ на дно сосуда, а другія плаваютъ на поверхности воды; на воздухѣ безъ снѣга тоже быстро умираютъ. На натаенный стаканъ воды ихъ приходится до 200 шт. Такихъ точно козявокъ мнѣ еще пришлось встрѣтить, также въ старомъ снѣгу, близъ горы Ушбы, въ Сванетіи.

Возвращаюсь опять къ нашему путешествію. Въ 5 часовъ подулъ сильный западный вѣтеръ и пошелъ снѣгъ; потомъ разыгралась страшная мятель, продолжавшаяся до 7-ми часовъ. Послѣ этого все стихло и стало подмораживать. Въ 8 часовъ 30 минутъ вечера температура была 4° Ц.

29-го іюля, въ 4 чача утра, при температурѣ 5,2, тронулись въ путь. Проваливавшійся наканунѣ снѣгъ теперь былъ твердый, и мы быстро подвигались впередъ. Во многихъ мѣстахъ черезъ едва закрытыя снѣгомъ трещины намъ приходилось класть имѣвшійся при насъ шестъ и по немъ, осторожно передвигая ноги, перебираться черезъ эти пропасти. Въ 6 часовъ 40 минутъ достигли группы скалъ на высотѣ 13,461 фут.; тутъ уже не было льду, а тянулись фирновыя поля, покрытыя твердой полуледяной корой; около скалъ, подъ фирномъ, журчали ручьи; одинъ изъ нихъ съ помощью штыковъ легко откапали и набрали воды. Здѣсь мы позавтракали, подвязали къ ногамъ стальныя кошки, надѣли темные очки и въ 9 часовъ 40 минутъ пошли далѣе. Было тихо и ясно и снѣгъ производилъ ослѣпительный блескъ. Дѣлая громадные зигзаги, чтобы умѣрить крутизну подъема, мы по ровной и гладкой, какъ зеркало, ледяной корѣ шли легко и довольно скоро. Теперь путь нашъ имѣлъ направленіе прямо на сѣверъ. Въ 11 часовъ подошли къ маленькой группѣ камней,

гдѣ также встрѣтили воду. Отсюда начинается очень крутая покатость, идущая съ небольшими измѣненіями вплоть до мѣста, покрытаго мелкими камнями, въ видѣ морены, и находящагося на высотѣ 15,358 ф. Здѣсь мы хотя и нашли воду, но въ очень маломъ количествѣ, сочившуюся коегдѣ изъ-подъ камней. Здѣсь я нашелъ крылышки, принадлежавшія степному жаворонку, занесенному сюда, по всей вѣроятности, какимъ-нибудь крылатымъ хищникомъ. Въ 5 часовъ пополудни мы достигли группы скалъ на юго-восточномъ скатѣ восточной вершины Эльбруса, на высотѣ 16,590 ф. (на 44 ф. выше горы Казбека). Ровно годъ назадъ, въ этотъ самый день, только часомъ раньше, я достигъ вершины Казбека. Здѣсь мы и остались ночевать. Во весь этотъ день мы не видали ни одной птицы. Въ 6 часовъ вечера термометръ показывалъ—6,3° Ц. Западный вѣтеръ, начавшій дуть съ 4-хъ часовъ, къ этому времени достигъ страшной силы, неся съ собою черныя грозовыя тучи, которыя волнами перекатывались черезъ хребетъ, соединяющій Эльбрусъ съ Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, и наполняли Баксанское ущелье; далеко на западѣ, надъ Главнымъ хребтомъ, косыми полосами спускался дождь и снѣгъ. Эти полосы, пронизанныя лучами заходящаго солнца, вмѣстѣ съ вызолоченными гривами несущихся тучъ, представляли величественно-прекрасную хаотическую картину. Вокругъ скалы, подъ которой мы пріютились, страшно завывалъ и свистѣлъ вѣтеръ, по временамъ обсыпая насъ мелкой снѣговой пылью. Въ 8 часовъ вѣтеръ утихъ, что было замѣтно и внизу, такъ какъ несшіяся прежде съ страшной быстротой тучи остановились и какъбы застыли, причемъ поверхность ихъ, представлявшая своего рода горы, стала быстро выравниваться и даже сглаживаться, и изъ темно-сѣрыхъ онѣ превратились въ черныя. Въ 8½ часовъ блеснула молнія и загудѣлъ далеко, далеко внизу громъ; тучи снова заколыхались и началась гроза. Поминутно вспыхивала молнія и гудѣлъ громъ. А вокругъ насъ было тихо и морозно, надъ нами на темно-голубомъ небѣ блестѣли яркія звѣзды и между ними дрожа горѣла такъ-называемая Виѳлеемская звѣзда. Все это было такъ похоже на зимнюю ночь гдѣ-нибудь на далекомъ сѣверѣ. Морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ и въ 9 часовъ онъ уже достигъ 10° Ц. Налюбовавшись этой дивной и необыкновенной картиной, я легъ на краю около спавшихъ уже казаковъ. На случай вѣтра насъ защищала, съ одной стороны, отвѣсная скала, съ другой—большой камень, а съ остальныхъ двухъ—стѣнка, фута въ два высоты, сдѣланная казаками изъ камней; а внутри этой загородки промерзшая земля съ мелкимъ щебнемъ была выравнена лопатой, и на этой площадкѣ мы улеглись на разостланныя бурки, плотно прижавшись другъ къ другу; причемъ я и одинъ изъ

казаковъ, имѣвшій лучшую одежду, сравнительно съ другими, легли по краямъ; мы всѣ сплошь покрылись бурками и намъ было тепло, и очень хорошо спалось. 30-го іюля, въ 4 часа утра, t—12½° Ц.. На разсвѣтѣ, мнѣ пришлось наблюдать необыкновенную картину: на западѣ была видна проекція земного шара, представлявшаяся въ видѣ сегмента, сине-сѣраго цвѣта, на сѣверномъ краю котораго, и частью выше его, рѣзко проектировался Эльбрусъ; но проекція его была ярко-синяго цвѣта. Эта картина была поразительна по своей необычайности. Не менѣе удивительную картину представлялъ восходъ солнца, при которомъ открылся неизмѣримо обширный горизонтъ. Поверхность земли, изъ-за которой совершался кажущійся восходъ солнца, исчезала въ туманной дали, а потому солнце выходило изъ пространства, далеко отстоящаго отъ земли.

Долго еще окрестныя ущелья находились въ утреннихъ сумеркахъ, послѣ того, какъ намъ было уже видно сонце. Въ 6 часовъ мы отправились въ путь. Было тихо и совершенно ясно. Кавказскій хребетъ былъ совершенно открытъ и представлялъ дивную панораму. На востокѣ чуть видвѣлся въ утреннемъ туманѣ, какъ мнѣ казалось, Казбекъ. Ближе къ нему высились Дыхъ-тау, Каштанъ-тау, Гистала, Тетнульдъ и Чхара, которыя составляли какъ-бы отдѣльную семью и между которыми трудно было опредѣлить Главный Кавказскій хребетъ. На юго-востокъ отъ насъ находилась красавица Ушба, выскочившая далеко выше окружающихъ ее вершинъ. Между Гисталой и Ушбой и далѣе, на западъ отъ послѣдней, рѣзко обозначался Главный Кавказскій хребетъ, терявшійся въ утренней мглѣ далеко, у Чернаго моря. Отъ мѣста ночлега мы пошли на западъ почти въ горизонтальномъ направленіи, пересѣкая очень крутую покатость, покрытую окрѣпшимъ снѣгомъ, который подъ лучами утренняго солнца блестѣлъ милліонами бриліантовъ и скрипѣлъ подъ нашими ногами. Скоро мы выбрались на болѣе пологую покатость и тутъ стали дѣлать зигзаги; понемногу поднимались вверхъ; затѣмъ снова пошли въ западномъ направленіи, дѣлая довольно значительный подъемъ.

Тутъ нѣкоторые казаки стали чувствовать тошноту, а вскорѣ и всѣ мы стали страдать отъ нея. Съ каждымъ шагомъ она дѣлалась все мучительнѣе и мучительнѣе и, чтобы удержаться отъ обыкновенныхъ послѣдствій ея, намъ приходилось очень часто останавливаться; въ это время тошнота замѣтно уменьшалась; но какъ только трогались съ мѣста—она возобновлялась съ новою силой. Въ особенности нестерпимо мучила она во время неожиданныхъ остановокъ, которыя приходилось дѣлать при каждомъ замедленіи хода кого-нибудь изъ казаковъ, такъ какъ мы всѣ опять были связаны веревкой. Наконецъ, я велѣлъ развязаться, ибо тутъ

ужъ трещинъ не было, да и покатость была невелика. Чтобы уменьшить тошноту, мы принимали гофманскія капли и ѣли лимоны, но и это нисколько не помогало. Вскорѣ мы вступили на сѣдловину между вершинъ Эльбруса, которая тянется съ сѣвера на югъ на разстояніи 400 саж., дѣлая при этомъ незначительное паденіе. Въ 10 часовъ 8 минутъ утра мы достигли мѣста, находящагося на западномъ скатѣ восточной вершины, на высотѣ 17,514 футъ (на 418 футъ выше горы Дыхъ-тау, первой по высотѣ на Кавказѣ послѣ Эльбруса). Здѣсь на обнаженныхъ мелкихъ камняхъ мы легли и вскорѣ заснули. Проснувшись около 2-хъ часовъ по полудни, я попрежнему чувствовалъ тошноту и сильную головную боль, причемъ будто молотками стучало въ вискахъ, то-же испытывали и казаки. Было попрежнему ясно, только съ запада дулъ легкій вѣтерокъ, да изрѣдка появлялись на вершинахъ Эльбруса сѣрыя волокна тумана. Мы стали натаивать, на фотогенной печкѣ, изъ снѣга воду, потомъ вскипятили ее и приготовили чай. Выпивъ по двѣ кружки горячаго чаю, мы сразу почувствовали себя совершенно здоровыми и готовыми продолжать путь, но было уже 5 часовъ вечера и начиналась мятель, а потому я и рѣшилъ остаться здѣсь ночевать и ждать хорошей погоды; въ 6 часовъ 40 минутъ, t—5° Ц., мы улеглись спать. Мятель все усиливалась и началась гроза. Черезъ часъ гроза утихла, но вьюга становилась все сильнѣй и сильнѣй. Насъ совсѣмъ занесло снѣгомъ, и нельзя было выглянуть изъ-подъ бурки. На перевалѣ гудѣлъ вѣтеръ съ такой силой, что, казалось, содрогалась вся гора; должно быть, около 9 часовъ вечера все стихло и пересталъ итти снѣгъ. Проспавъ, по моему расчету, довольно долго, я рѣшилъ встать, но мнѣ съ трудомъ удалось выбраться изъ-подъ бурки, на которую нанесло массу снѣга, а края ея примерзли. Въ это время свѣтало. Надъ нами было ясно и термометръ Цельсія показывалъ 18,8° мороза; это было 31-го іюля. Долго намъ пришлось натаивать и кипитить воду для чая. Наконецъ, мы напились и, подвязавъ съ величайшимъ трудомъ къ ногамъ кошки (при этомъ пальцы рукъ примерзали къ желѣзу), въ 7 часовъ 40 мин. начали подниматься на западную (высшую) вершину Эльбруса. Теперь со мною шли три казака, а остальные, три, вслѣдствіе тошноты и головокруженія, не могли итти. Сначала мы держались сѣвернаго направленія, потомъ повернули на западъ, и дувшій въ это время сильный вѣтеръ несъ намъ навстрѣчу цѣлыя тучи мелкаго зернистаго снѣга, который причинялъ нашимъ растрескавшимся отъ холода лицамъ нестерпимую боль. Въ это время мы, огибая съ сѣверной стороны воронку западной вершины, шли по довольно большой площади, имѣющей очень малое паденіе. Наконецъ, ровно въ 9 часовъ 20 минутъ, я

взошелъ съ сѣверо-восточной стороны на самую высшую точку Эльбруса, высота которой равняется 18,470 фут.; черезъ десять минутъ послѣ меня взошли сюда и мои казаки Дорофей Мерновъ, Дмитрій Нехорошій и Яковъ Тарановъ. Термометръ, повѣшенный мною на высотѣ 2-хъ аршинъ отъ снѣга, противъ солнца, показывалъ съ 9-ти ч. 20 м. утра до одиннадцати—8,1° Ц., а съ одиннадцати до часу пополудни онъ показывалъ—7,5° Ц.; во все это время дулъ сильный западный вѣтеръ. Въ это-же самое время въ Пятигорскѣ температура была+29,9° Ц., въ Тифлисѣ+33,7° Ц. и въ Батумѣ+34° Ц. Извѣстно, что температура въ концѣ іюля на всемъ Кавказѣ достигаетъ наибольшаго повышенія, а потому можно предположить, что тамъ, на вершинѣ Эльбруса, термометръ никогда не поднимается выше 0, а слѣдовательно, и таянія не происходитъ, что доказываетъ и снѣгъ, на которомъ даже около скалъ незамѣтно никакихъ слѣдовъ таянія; и снѣгъ не можетъ тамъ накопляться, потому что въ сухомъ видѣ онъ легко уносится вѣтромъ и, дѣйствительно, его очень мало. а въ особенности на западныхъ и южныхъ скатахъ обѣихъ вершинъ, гдѣ онъ не покрываетъ даже мелкихъ камней. Это, въ свою очередь, можетъ служить до нѣкоторой степени доказательствомъ того, что тамъ господствуютъ западные и южные вѣтры. На сѣверныхъ-же скатахъ снѣгу довольно много и онъ тутъ лежитъ плотной массой. Обѣ вершины имѣютъ воронкообразную форму, съ прорывами краевъ противоположныхъ сѣдловинѣ; на краяхъ обѣихъ воронокъ находится по три отдѣльныхъ вершинки, причемъ на восточной воронкѣ высшая вершинка, имѣющая высоту 18,347 ф.,—скалистая, а на западной, равняющейся 18,470 ф., снѣжная, имѣющая треугольную форму. Воронкообразная форма обѣихъ вершинъ доказываетъ, что онѣ—кратеры потухшаго вулкана. Неизвѣстно, навсегда-ли уснулъ великанъ или ему суждено еще проявить свою страшную дѣятельность.

На самой высшей точкѣ Эльбруса мы поставили флагъ изъ краснаго кумача, длиною 4 аршина и шириною $3^1/_2$ аршина, на деревянномъ шестѣ, длиною $7^1/_2$ аршинъ. Въ двухъ саженяхъ отъ флага воткнули палку, а въ шести саженяхъ къ сѣверу на камняхъ поставили бутылку съ запиской; затѣмъ я фотографировалъ восточную вершину Эльбруса и часть Главнаго Кавказскаго хребта, сдѣлалъ топографическую съемку восточной и западной вершинъ и перевала, который, впрочемъ, я набросалъ еще ранѣе. Пробывъ на вершинѣ 3 часа 40 минутъ, ровно въ часъ дня, окинувъ взглядомъ въ послѣдній разъ растилавшуюся передъ нами дивную картину, мы стали спускаться внизъ, поминутно оглядываясь на нашъ флагъ. Мы теперь направлялись на востокъ; наконецъ, при поворо-

тѣ, мы въ послѣдній разъ оглянулись на флагъ и вскорѣ потеряли его изъ виду. Затѣмъ мы начали спускаться на сѣдловину. Слѣдъ, оставленный нами утромъ, замело снѣгомъ и не было никакихъ признаковъ его; мы шли новымъ путемъ. Въ 2 часа 20 минутъ пополудни мы достигли мѣста послѣдняго нашего ночлега, гдѣ были оставлены три казака. Печальную картину представлялъ нашъ пріютъ: казаки лежали полузанесенные снѣгомъ, тамъ и сямъ виднѣлись изъ-подъ снѣга оставленныя нами вещи, и надъ ними змѣйками пробѣгала метелица. Начиналась вьюга; мы наскоро устроили изъ бурки шалашъ, поставили въ него фотогенную печку и стали натаивать воду; въ то-же время мы расчищали снѣгъ и приготовляли мѣста для ночлега. Жаль, здѣсь не было такого мѣста, гдѣ можно было-бы улечься всѣмъ рядомъ, а пришлось распредѣлиться такъ: два, два и три. Приготовивъ чай, мы разбудили спавшихъ казаковъ и стали вмѣстѣ пить и закусывать; они по-прежнему жаловались на тошноту и головную боль; но, напившись чаю, они повеселѣли и стали выражать сожалѣніе, что имъ не удалось побывать на вершинѣ Эльбруса Эти казаки были: Огуревъ, Ванюховъ и Пулинъ. Вьюга все усиливалась, и, когда мы кончали закусывать, она уже свирѣпствовала съ страшной силой. Виднѣвшееся раньше, сквозь кружившійся въ воздухѣ снѣгъ, желтымъ пятномъ, солнце теперь закрылось. Воздухъ помутился и все смѣшалось; обѣ вершины скрылись, и вскорѣ мы перестали видѣть другъ друга; мы поскорѣй убрались подъ разостланныя на приготовленныхъ мѣстахъ и придавленныя по краямъ камнями бурки. Переговариваясь, мы съ трудомъ слышали голоса среди страшнаго воя бури. Я положилъ около себя казака Мернова, имѣвшаго менѣе хорошую одежду, чѣмъ другіе, и далъ ему свой полушубокъ; спросивъ у казаковъ, хорошо-ли они улеглись и получивъ утвердительный отвѣтъ, я окончательно закупорился подъ буркой и вскорѣ подъ завываніе бури заснулъ. Не знаю, какъ долго я спалъ, только, проснувшись, я услыхалъ говоръ двухъ казаковъ; одинъ изъ нихъ жаловался, что ему холодно; тогда я разбудилъ спавшаго около меня казака, велѣлъ ему немного подвинуться, подвинулся и самъ и, позвавъ казака, который жаловался на холодъ, велѣлъ ему лечь между нами. Но лишь только онъ поднялъ одинъ край покрывавшихъ насъ бурокъ, цѣлая масса снѣгу посыпалась на насъ. Мы поскорѣе уложили казака и закрыли бурки. Онъ, бѣдный, дрожалъ и стучалъ зубами. Мы его хорошенько укрыли, сдавили съ обѣихъ сторонъ и онъ все тише и тише сталъ трястись, а минутъ черезъ десять уснулъ блаженнымъ сномъ. Когда ложился къ намъ казакъ, я выглянулъ изъ-подъ бурки: было уже темно, настала ночь. Намъ было тепло, только лежавшій на бур-

кахъ снѣгъ изрядно давилъ насъ, да камни, на которыхъ мы лежали, давали себя чувствовать. При этомъ было еще одно неудобство, что нельзя было поворачиваться съ одного бока на другой, а пришлось проспать всю ночь въ одномъ положеніи.

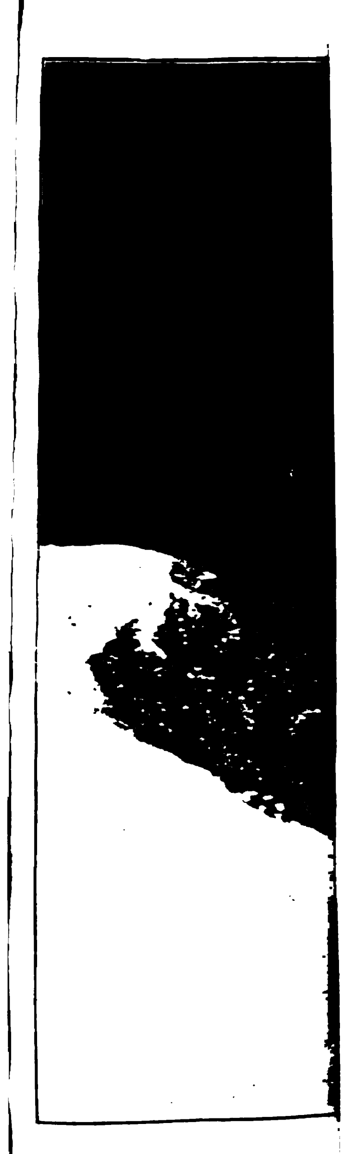
Всю ночь выла страшная буря, но къ утру она достигла невѣроятной силы. Былъ уже день, когда я выглянулъ изъ-подъ бурки. Что творилось надъ нами—невозможно описать. Въ воздухѣ неслись буквально цѣлыя тучи снѣга и нельзя было разобрать, падалъ-ли онъ сверху или только, поднятый съ земли, онъ страшнымъ ураганомъ несся въ пространство. Надъ спавшими казаками лежали сугробы снѣга и никакъ нельзя было подумать, что подъ этими сугробами находятся живыя существа. На улучшеніе погоды не было никакой надежды, а потому я и рѣшилъ, сейчасъ-же спускаться внизъ; при этомъ сталъ обдумывать, какъ и какимъ путемъ лучше спуститься. Представлялось два пути: итти на югъ, откуда пришли—значитъ итти навстрѣчу урагану и тысячамъ трещинъ, которыя мы оставили за собой и между которыми такъ удачно прошли прежде; итти на сѣверъ, за вѣтромъ, было-бы несравненно легче, но тамъ былъ совершенно неизвѣстный для насъ путь и мы очень легко могли сорваться съ какого-нибудь обрыва или полетѣть въ бездонную ледяную пропасть; а если-бы даже мы и спустились благополучно, то очутились-бы по крайней мѣрѣ въ 40-а верстахъ отъ оставленныхъ внизу казаковъ и лошадей; на востокъ или западъ итти—объ этомъ нечего было и думать, а потому я и рѣшилъ, отправиться по прежнему пути. Я окликнулъ казаковъ и велѣлъ имъ собираться. Вотъ заколыхались сугробы и изъ нихъ стали показываться, какъ изъ могилъ, казаки. Оставленныя ими мѣста въ одно мгновенье заносились снѣгомъ, и на нихъ уже снова лечь нельзя было иначе, какъ навсегда, потому что каждаго изъ насъ, какъ только кто вставалъ, моментально облѣпляло всего снѣгомъ, подъ полы до самаго пояса набивало его; а одежда, оставленная на минуту на землѣ, покрывалась цѣлымъ сугробомъ, изъ-подъ котораго приходилось ее вытаскивать. Теперь уже ожидать чего-нибудь и медлить нельзя было, а потому мы начали поскорѣй собираться. Повыкопали изъ снѣга вещи, подвязали къ ногамъ кошки, связались веревкой и въ первый разъ повернулись прямо лицомъ къ урагану; потомъ, по командѣ „съ Богомъ", тронулись въ путь. Мы шли опять въ прежнемъ порядкѣ: я впереди, а за мной казаки, на разстояніи 2-хъ саженей другъ отъ друга. Но что это было за шествіе! Мы вязли въ снѣгъ выше колѣнъ, при этомъ надо было преодолѣвать силу дувшаго навстрѣчу намъ вѣтра; а снѣгъ залѣплялъ глаза, набивался въ ротъ, въ носъ, и бывали моменты, когда поло-

жительно захватывало дыханіе; несмотря на все это, мы хотя медленно, но безостановочно подвигались впередъ, пока я по покатости могъ опредѣлять, что мы идемъ по сѣдловинѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ трещинъ и обрывовъ. Но вотъ покатость сразу измѣнилась; это показало мнѣ, что сѣдловина кончилась, и теперь, чтобы не попасть намъ въ пропасть, мы должны были повернуть налѣво; но подъ какимъ угломъ повернуть? Этого положительно нельзя было опредѣлить. Кругомъ ничего не было видно, я едва могъ видѣть только перваго изъ шедшихъ за мной казаковъ, а остальные уже скрывались въ снѣговой пыли. По компасу въ данномъ случаѣ оріентироваться тоже нельзя было, а потому, повернувъ налѣво, т. е. на юго-востокъ, я сталъ держаться почти горизонтальнаго направленія, ибо, идя такимъ образомъ, можно было, по крайней мѣрѣ на разстояніи одной версты, избѣжать всякихъ обрывовъ и трещинъ. Вотъ по приблизительному расчету мы прошли такое разстояніе и теперь снова должны были повернуть на югъ. Но теперь совсѣмъ ужъ нечѣмъ было оріентироваться; какъ я ни старался вглядываться въ окружавшую насъ мглу, въ надеждѣ увидать какую-нибудь скалу или хотя-бы камень, всѣ усилія мои оставались напрасны. Но долго стоять на одномъ мѣстѣ нельзя было, насъ заносило снѣгомъ, а потому надо было двигаться впередъ, и мы двинулись, но только теперь приходилось ощупывать мѣсто для каждаго шага; при этомъ были еще такія минуты, когда не видно было носка сапога на вытянутой ногѣ. Чѣмъ ниже спускались, тѣмъ болѣе вязли во вновь нанесенный снѣгъ, что еще болѣе затрудняло движеніе впередъ. Мы шли такъ болѣе часа, причемъ я почти на каждомъ шагу останавливался и оглядывался кругомъ, въ надеждѣ, увидѣть что-нибудь, чѣмъ можно было-бы оріентироваться; но ничего не было видно, по-прежнему кругомъ было мутно и сѣро. Вдругъ слышу голосъ шедшаго сзади всѣхъ казака, который молящимъ тономъ проситъ у меня разрѣшенія отвязаться и остаться здѣсь, чтобы поскорѣй замерзнуть, говоря, что онъ усталъ и дальше итти не можетъ. Но въ голосѣ его была слышна не усталость, а совсѣмъ другое: онъ, бѣдняга, упалъ духомъ и потерялся. Я спросилъ у него, что онъ несетъ: оказалось, штативъ отъ фотографическаго аппарата и зонтикъ; я взялъ у него штативъ, а одинъ изъ казаковъ—зонтикъ; при этомъ я сказалъ ему, что мы выбрались на хорошее мѣсто и теперь пойдемъ гораздо скорѣй, а потому онъ долженъ прибавить шагу и не говорить болѣе глупостей. Послѣ этого я, дѣйствительно, прибавилъ шагу, насколько это возможно, и даже сталъ рѣже останавливаться, чтобы оглядѣться кругомъ. Мы снова долго шли, но все ничего не было видно, и теперь ужъ я положительно не зналъ, какого направленія мы держимся,

потому что за это время мы перевалили два раза черезъ какія-то возвышенія и нѣсколько разъ покатость была у насъ то съ правой, то съ лѣвой стороны. Мы положительно заблудились. Вотъ вѣтеръ какъ будто немного стихъ, потомъ сильнымъ порывомъ онъ какъ завѣсу поднялъ передъ нами туманъ; впереди насъ, на разстояніи не болѣе десяти саженей, зіяла страшная трещина, къ которой мы должны были, держась принятаго нами направленія, подойти подъ острымъ угломъ, а потому, сорвись я въ нее, неминуемо сдернулъ-бы туда-же и слѣдовавшаго за мной казака, а вдвоемъ ужъ мы потянули-бы за собой и всѣхъ остальныхъ; къ тому-же, съ тѣхъ поръ, какъ мы пошли быстрѣе, я не могъ ощупывать впереди себя штыкомъ снѣгъ, да мнѣ это и надоѣло. Туманъ разсѣялся всего на нѣсколько секундъ, но намъ было вполнѣ этого довольно для того, чтобы осмотрѣться кругомъ и совершенно вѣрно оріентироваться, и хотя насъ снова окутала такая-же мгла, но мы теперь шли впередъ быстро и навѣрняка. Черезъ полчаса мы уже совершенно вышли изъ сферы бури и мятели. Какъ-будто мы выскочили изъ-подъ крышки кипящаго котла, только кипятокъ-то ужъ былъ очень холодный. Казаки сразу повеселѣли, а когда вскорѣ мы достигли первыхъ камней и развели нашу фотогенную машинку и когда закипѣлъ нашъ чайникъ, тутъ ужъ веселью не было конца; казаки шутили, смѣялись, острили и даже пѣли. Закусивъ и отдохнувъ немного, мы снова отправились въ путь. Выше насъ, надъ вершинами Эльбруса, по-прежнему свирѣпствовала вьюга. Надъ Баксанскимъ ущельемъ было чисто. На западъ отъ насъ по всему Главному хребту лежали красивыя кучевыя облака; а на востокъ тотъ-же самый хребетъ со всѣми его отрогами сплошь былъ покрытъ туманомъ, поверхность котораго была совершенно гладкая, причемъ онъ понижался въ обѣ стороны хребта, по мѣрѣ пониженія его отроговъ, образуя куполы надъ выдающимися вершинами и производя впечатлѣніе крыши, покрывающей чудовищное зданіе. По пути я фотографировалъ начало ледника Азау и часть Главнаго Кавказскаго хребта. Теперь мы уже шли между ледниками Азау и Гарабаши, западнѣе пути, по которому поднимались. Вскорѣ мы спустились на снѣговую равнину, по которой, журча, катилось множество ручьевъ, сливаясь въ одну большую рѣчку, причудливо извивавшуюся по снѣговому полю и далѣе терявшуюся между камней; вода въ ней была такъ прозрачна и такъ заманчиво журчала, что, не чувствуя жажды, всетаки хотѣлось пить. Пройдя эту снѣговую равнину, мы наконецъ достигли твердой земли; тутъ мы отвязали кошки и, прыгая съ камня на камень, бѣгомъ пустились внизъ; при этомъ мѣстами приходилось съ страшной быстротой катиться по мелкому

щебню; вскорѣ мы очутились на зеленой травкѣ и тутъ побѣжали еще быстрѣй, а черезъ часъ или немного больше мы уже были у нижняго конца ледника Азау, среди прекраснаго сосноваго лѣса, въ 3-хъ верстахъ выше того мѣста, откуда начали восхожденіе и гдѣ оставили казаковъ и лошадей, за которымя я и послалъ сейчасъ-же двухъ казаковъ; съ остальными сталъ приготовлять ужинъ. Не могу сказать, въ которомъ часу мы спустились, ибо часы мои остановились еще ночью, такъ какъ я днемъ забылъ ихъ завести. Весь путь нашъ, начиная отъ хутора, гдѣ мы оставили казаковъ съ лошадьми, до вершины и обратно до конца ледника Азау, считая всѣ зигзаги, составилъ разстояніе около 35 верстъ, причемъ мы сдѣлали подъемъ въ 11,526 фут.

2-го и 3-го августа всѣ горы, окружающія Баксанское ущелье, были покрыты облаками и по нѣсколько разъ въ день шелъ дождь. 4-го августа нѣсколько разъяснилось и я съ двумя остававшимися при лошадяхъ казаками отправился по леднику Азау въ западномъ направленіи и въ разстояніи 2½ верстъ отъ конца его, взобравшись на скалы, находящіяся на высотѣ въ 10,000 фут., фотографировалъ оттуда Эльбрусъ. На обратномъ пути мы въ трехъ мѣстахъ на ледникѣ Азау, перпендикулярно къ его направленію, обозначили каменными турами линіи, которыя могутъ указать, если удастся когда-нибудь видѣть ихъ мнѣ или кому-нибудь другому, на скорость движенія этого ледника. 5-го числа я еще фотографировалъ одинъ видъ, въ 12 часовъ дня приказалъ казакамъ сѣдлать лошадей и мы отправились въ обратный путь. Въ этотъ день я расчитывалъ доѣхать только до озера Донгузъ-орунъ-кель, гдѣ я намѣревался ночевать, а на другой день, рано утромъ, когда ледникъ подмерзнетъ, перебраться черезъ него. Это тотъ самый ледникъ, въ которомъ мы погребли лошадь. Дорогой я еще разъ фотографировалъ Эльбрусъ. Къ озеру мы пріѣхали очень рано и тутъ застали нѣсколько свановъ съ большимъ гуртомъ скотины, состоявшимъ изъ быковъ, коровъ, телятъ, козловъ и овецъ; оказалось, что они гнали всю эту скотину въ Сванетію и остановились здѣсь ночевать, такъ-же какъ и мы, въ ожиданіи утренняго мороза. Но, на наше несчастье, вмѣсто мороза всю ночь лилъ дождь, и ледникъ, какъ потомъ оказалось, вмѣсто того, чтобы подмерзнуть, совсѣмъ раскисъ. На другой день, утромъ пока мы пили чай и сѣдлали лошадей, сваны собрали свою скотину и двинулись въ путь, а вскорѣ послѣ нихъ поѣхали и мы. Подъѣзжая къ леднику, мы замѣтили, что сваны со своей скотиной приближались къ нему далеко восточнѣе отъ того мѣста, гдѣ мы прежде спустились. Вотъ они дошли до ледника и скотина, двигавшаяся безпорядочной массой, обгоняя и толкая другъ дружку, остановилась

Часть запа

какъ вкопанная. Тогда одинъ изъ свановъ зашелъ впередъ и, ощупывая передъ собой штыкомъ ледъ, пошелъ по немъ; какъ только онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, вслѣдъ за нимъ двинулся одинъ козелъ, потомъ другой, третій и т. д., до послѣдняго; затѣмъ выстроились въ такомъ-же порядкѣ всѣ овцы, коровы, телята и быки. Надо было видѣть, чтобы оцѣнить всю прелесть этой картины, какъ эта живая лента, извиваясь змѣйкой, двигалась по леднику, сохраняя замѣчательную стройность, которая не нарушалась и во время остановокъ, случавшихся каждый разъ, какъ только шедшій впереди сванъ останавливался передъ какимъ нибудь сомнительнымъ мѣстомъ. Мы пошли по этому-же пути. Проходя мимо того мѣста, гдѣ погибла лошадь, я замѣтилъ, что проваль этотъ значительно удлинился и уширился, но дна по-прежнему въ немъ не было видно; а провалъ, изъ котораго мы вытащили лошадь, теперь превратился въ громадную трещину, перегораживавшую намъ путь, обойдя которую мы черезъ нѣсколько минутъ снова очутились на географическомъ рубежѣ Европы и Азіи.

А. Пастуховъ.

(Къ этому сообщенію приложенъ планъ вершины Эльбруса).

Сообщеніе А. В. Пастухова объ его восхожденіи на вершину горы Халацы, 25-го августа 1891 г.

Читано 26-го марта 1892 г.

Въ прошломъ году мнѣ было поручено начальникомъ кавказскаго военно-топографическаго отдѣла, подняться на вершину горы Халацы и сдѣлать оттуда осмотръ окружающей ее мѣстности, отыскать на сѣверныхъ предгорьяхъ Кавказа вершины Каріу-хохъ и Кіонъ-хохъ и сдѣлать на нихъ тригонометрическія наблюденія. Если-же упомянутыхъ вершинъ не будетъ видно, то выбрать на Главномъ Кавказскомъ хребтѣ вершины, съ которыхъ видны были-бы Халаца, Зильга-хохъ, Каріу-хохъ и Кіонъ-хохъ. Все это нужно было сдѣлать для того, чтобы впослѣдствіи посредствомъ этихъ пунктовъ соединить закавказскую тріангуляціонную сѣть, ведущуюся отъ шамхорскаго базиса, съ тріангуляціею сѣвернаго Кавказа, для которой началомъ послужилъ базисъ, измѣренный около Екатеринограда.

24-го августа, въ 8 часовъ утра, я съ девятью казаками сунженско-владикавказскаго полка *), забравъ необходимые инструменты и провизію, выѣхалъ изъ селенія Глола. День былъ совершенно ясный и тихій. Путь нашъ лежалъ по Военно-осетинской дорогѣ, по которой мнѣ не разъ уже приходилось ѣздить на всемъ ея протяженіи. Дорога эта, какъ всѣмъ извѣстно, колесная и прибавлю отъ себя, что она на участкѣ отъ Кутаиса до Мамисонскаго перевала большей частью шоссированная и содержалась въ замѣчательной исправности. Но теперь, собираясь ѣхать по ней, я долженъ былъ взять проводника. Дѣло въ томъ, что ливнемъ, бывшимъ тамъ 16-го августа, такъ ее разрушило, что мѣстами, и на довольно большихъ разстояніяхъ, отъ нея не осталось никакого слѣда. Позволю себѣ нѣсколько остановиться, чтобы воспроизвести, хотя слабо, ту страшную картину разрушенія, которую представляла истерзанная дорога и окружающая ее мѣстность.

Всѣмъ, конечно, памятенъ ливень, бывшій 31-го іюля прошлаго года, разрушившій Военно-грузинскую дорогу и прервавшій почти на 2 мѣсяца сквозное колесное сообщеніе по ней. Этотъ ливень захватилъ и Военно-осетинскую дорогу и во многихъ мѣстахъ попортилъ ее, преимущественно по сѣверную сторону Главнаго Кавказскаго хребта; но ливень,

*) Павелъ Марченко и Трофимъ Казиміровъ—станицы Ардонской, Фролъ Талинъ—ст. Троицкой, Тимофей Почанскій—ст. Змѣйской, Петръ Милушкинъ—ст. Слѣпцовской, Емельянъ Пономаревъ—ст. Михайловской, Ѳедоръ Артамоновъ—ст. Фельдмаршальской, Александръ Нечаевъ—ст. Нестеровской и Прокофій Ивановъ—ст. Сунженской.

разразившійся съ страшной грозой 16-го августа, уступая первому по величинѣ захваченнаго имъ пространства, превзошелъ его по своей необычайной интенсивности. Къ стастью, этотъ ливень захватилъ небольшое пространство, именно: верховья рѣки Ріона до мѣстечка Они и съ наибольшею силою онъ пролился надъ бассейномъ рѣчки Чанчахи. Отъ Они до селенія Уцеры много было разрушено виноградниковъ: иные были совсѣмъ снесены, другіе-же завалены землей и камнями такъ, что о нихъ прежнемъ существованіи напоминали только кое-гдѣ торчавшіе концы таркальника.

Въ одномъ мѣстѣ громадный лугъ съ росшими на немъ кустами ивовой лозы былъ такъ занесенъ иломъ, что на всемъ его протяженіи торчало только двѣ вѣточки этой лозы. Всѣ каменные лотки по дорогѣ были вырваны. Во многихъ мѣстахъ на дорогу нанесло цѣлыя горы земли, щебня и камней. Мосты посрывало... Однимъ слов мъ, куда взоръ не обращался, всюду онъ встрѣчалъ слѣды разрушительной силы ливня. Но болѣе всего эта сила сказалась въ лѣсу. Тутъ по берегамъ самыхъ ничтожныхъ ручейковъ и даже сухихъ въ обыкновенное время балокъ были съ корнемъ вырваны громадныя деревья и унесены въ рѣку. И почти весь валежникъ вытащило изъ лѣсу. Громадныя деревья, уже гнившія нѣсколько лѣтъ, теперь подняло и понесло въ рѣку. Въ высшей степени странно было видѣть гигантскія деревья, лежавшія на дорогѣ посреди совершенно ровной мѣстности, Богъ вѣсть откуда, принесенныя. Ниже селенія Глола цѣлый ольховый лѣсъ, росшій по руслу рѣки, былъ заваленъ камнями такъ, что ни единая вѣточка не напоминала о немъ. Въ этомъ селеніи сорвало деревянный сарай, вмѣстѣ съ парою быковъ, и унесло рѣкою. Близь Мамисонскаго перевала, въ небольшой лощинѣ, одинъ осетинъ, пастухъ, ночевалъ со стадомъ барановъ, числомъ болѣе 100 штукъ; нахлынувшей водой подхватило этихъ барановъ и унесло всѣхъ до единаго. Замѣчательно, что послѣ этого ливня въ теченіи цѣлой недѣли, несмотря на то, что дождей не было, вода въ рѣкѣ Чанчахи была гораздо болѣе нормальной, и она около селенія Глола каждый день мѣняла теченіе, чѣмъ причиняла много хлопотъ жителямъ.

Надѣлавши такъ много бѣдъ въ верховьяхъ Ріона, ливень этотъ немало сдѣлалъ и добра, выбросивъ массу лѣса на берега и острова, которымъ и воспользовались жители селеній, расположенныхъ по теченію Ріона, надолго обезпечивъ себя, такимъ образомъ, дровами и даже строительнымъ матеріаломъ. Долго послѣ ливня на берегахъ Ріона кишѣлъ народъ, какъ муравьи въ разоренномъ маравейникѣ: иные сносили дрова на себѣ, другіе таскали бревна волами и лошадьми, иные-же, не будучи

въ силахъ справиться съ громадными бревнами, клали на нихъ камни, освящая тѣмъ свое право собственности на эти деревья. Но и тутъ не обошлось безъ несчастья—два жителя (евреи) мѣстечка Они поплатились жизнью, вылавливая лѣсъ изъ Ріона во время самаго разлива.

Въ 2 часа по полудни, преодолѣвъ благополучно множество препятствій, созданныхъ ливнемъ, мы достигли Мамисонскаго перевала (9,254 ф.).

Перебравшись черезъ перевалъ и проѣхавъ по Военно-осетинской дорогѣ 6½ верстъ, мы повернули на югъ, оставивъ влѣво упомянутую дорогу; въ восьми-десяти саженяхъ отъ дороги переѣхали вбродъ рѣку Бубъ-донъ и направились по маленькой тропинкѣ, къ осетинскому селенію Згиль; выше этого селенія, обогнувъ пашни, на которыхъ еще во многихъ мѣстахъ былъ не сжатъ овесъ и ячмень, мы выѣхали опять на хорошую дорогу, идущую съ лѣвой стороны рѣки Земегонъ-донъ, составляющей верховье р. Ардона и изобилующей форелью. Долина, по которой мы теперь ѣхали, достигаетъ въ этомъ мѣстѣ ширины 400 саж. и покрыта какъ по дну, такъ и по скатамъ великолѣпными альпійскими лугами, на которыхъ въ это время производилась спѣшная уборка сѣна, уродившагося въ этотъ годъ, благодаря необыкновенно дождливому лѣту, въ замѣчательномъ изобиліи. Съ правой стороны рѣки Земегонъ-донъ по сѣверо-западному скату горы Дзуаръ-комъ-хохъ тянется низкорослый березовый лѣсъ, доходящій до высоты 8050 ф. надъ уровнемъ моря. Такой-же лѣсъ, только въ меньшемъ количествѣ, растетъ по правой сторонѣ рѣки Ковы-донъ, составляющій притокъ рѣки Земегонъ-донъ. Переѣхавъ черезъ рѣку вбродъ ниже впаденія въ нее упомянутаго притока, мы направились къ лѣсу, гдѣ и набрали нѣсколько сухихъ дровъ и поѣхали далѣе вверхъ по той же рѣкѣ. Далѣе намъ пришлось пересѣчь небольшую рѣчку и въ разстояніи 220 саж. отъ нея мы стали подниматься на довольно крутой уступъ, и здѣсь ясно становятся видными слѣды исчезнувшихъ громадныхъ ледниковъ. Слѣды эти выражаются въ сглаженныхъ бокахъ ущелья и въ нагроможденныхъ камняхъ; они тянутся вплоть до нынѣ существующихъ ледниковъ, которые, представляя сами по себѣ громадную массу льда, въ сравненіи съ прежними ледниками, кажутся маленькими лужами, оставшимися отъ исчезнувшаго ледяного озера. Переправившись черезъ небольшую рѣчку, берущую начало отъ ледниковъ г. Халацы, мы свернули съ дороги влѣво и проѣхавъ саженей 150, въ 6 часовъ 20 минутъ вечера остановились на небольшой ровной площадкѣ на высотѣ 8010 фут. и здѣсь рѣшили остаться ночевать. Было совершенно тихо и ясно. Термометръ показывалъ + 12,5° Р. На верши-

нѣ Халацы догорали послѣдніе лучи заходящаго солнца. Ущелье было совершенно пусто, хотя въ немъ прекрасныя пастбища, на которыхъ лѣтомъ пасется много стадъ барановъ и крупнаго скота, пригоняемыхъ сюда въ іюнѣ мѣсяцѣ и остающихся здѣсь до 10 и 15 сентября; но въ этомъ году, вслѣдствіе дождливаго лѣта, пастухи ожидали ранняго снѣга (что потомъ и оправдалось), а потому и убрались отсюда со своими стадами преждевременно.

25-го августа напившись чаю, въ 7½ часовъ утра я съ восемью казаками пѣшкомъ отправился въ путь. Такъ какъ можно было ожидать всякихъ случайностей, которыя могли помѣшать мнѣ успѣшно окончить предстоявшую работу, то мы, кромѣ инструментовъ, взяли на три дня провизіи и необходимую одежду для ночевокъ на вершинѣ. Погода была прекрасная. Послѣ десяти-часового труднаго и мѣстами опаснаго пути мы ровно въ 5 час. 30 мин. достигли вершины (11,915 ф), и такъ какъ всѣ горы были открыты, то я сейчасъ-же приступилъ къ осмотру мѣстности и убѣдился, что вершины Каріу-хохъ и Кіонъ-хохъ съ Халацы не видны, а потому и намѣтилъ три вершины на Главномъ хребтѣ, которыя могли быть прекрасными связующими пунктами; но наблюденій не могъ сдѣлать теперь-же, потому что казакъ, несшій инструментъ, отсталъ и достигъ вершины только спустя 40 м. послѣ насъ; такимъ образомъ наблюденія пришлось отложить до слѣдующаго дня.

Въ 7 часовъ вечера началъ срываться снѣжокъ. Я велѣлъ казакамъ готовить мѣста для ночлега; приготовилъ и для себя; выровнявъ небольшое мѣсто, я изъ штативовъ отъ теодолита, семи палокъ и бурки сдѣлалъ себѣ шалашъ, въ который сейчасъ-же и залѣзъ, потому что въ это время шелъ уже сильный снѣгъ. Минутъ черезъ 10-ть казакъ мнѣ подалъ туда чайникъ съ горячимъ чаемъ, который онъ приготовилъ на фотогенной печкѣ, натаявъ предварительно для этого воды изъ снѣга. Взявши отъ него чайникъ и закуску, я велѣлъ ему приготовить чай въ кострюлѣ и для казаковъ. Усѣвшись поудобнѣе въ своемъ шалашикѣ, я сталъ пить чай и закусывать. Въ это время было уже темно. Солнце давно сѣло; только вдругъ я замѣтилъ какой-то свѣтъ, который виденъ мнѣ былъ изъ-подъ нижняго края бурки, неплотно прилегавшаго къ землѣ. Сначала этотъ свѣтъ меня озадачилъ, но потомъ я рѣшилъ—что онъ происходитъ отъ бѣлизны вновь выпавшаго снѣга; на этомъ я и успокоился и сталъ безмятежно продолжать свой ужинъ. Казаки, тоже въ ожиданіи своего чая, улеглись на своихъ мѣстахъ, закрывшись плотно бурками, а двое, вблизи меня возившіеся надъ чаемъ, сидѣли на корточкахъ, накинувъ себѣ на головы свои бурки, образуя такимъ образомъ надъ фото-

генной печкой шалашикъ, въ которомъ, какъ они говорили, имъ очень хорошо, потому что тепло. Прошло нѣсколько минутъ послѣ того, какъ я замѣтилъ свѣтъ, идущій изъ подъ бурки, вдругъ я услышалъ надъ собою пискъ, который то усиливался, то затихалъ, но не прекращался. Сначала я подумалъ, что это закипаетъ вода въ кострюлѣ на фотогенной печкѣ; но скоро эту мысль я долженъ былъ оставить, такъ какъ звуки доносились до меня не сбоку, гдѣ была кострюля, а сверху—это я слышалъ ясно. Присутствіе комаровъ, на пискъ которыхъ слышанные мною звуки сильно походили, нельзя было допустить въ такое время года, на такой высотѣ, да еще въ сильную мятель; а потому оставалось одно объясненіе, что появилось электричество. Послѣ этого я сталъ внимательнѣе прислушиваться къ писку, тянувшемуся въ это время на нѣсколько голосовъ и сталъ думать о томъ, чѣмъ все это кончится. Раздумывая такимъ образомъ, я допилъ послѣдній стаканъ чаю и позвалъ казака, чтобы онъ убралъ закуску и чайникъ. Я слышалъ какъ казакъ зашевелился, какъ захрустѣлъ подъ его ногами снѣгъ и потомъ все смолкло. Прошло съ минуту времени и вдругъ слышу, названный мною казакъ страшно упавшимъ голосомъ объявляетъ мнѣ: что появились какіе-то огни, что все горитъ, мы всѣ горимъ и камни горятъ. Я велѣлъ ему открыть полы моего шалаша и сталъ вылѣзать оттуда. Въ рукахъ у меня была металлическая кружка; какъ только я ее высунулъ наружу, она вдругъ вспыхнула и запылала. Вслѣдъ за этимъ загорѣлись мои усы, воротникъ и полы. Стоявшій передо мной казакъ былъ съ огненными усами, бровями и волосами; вся бурка его тоже тлѣла. На каждомъ концѣ палокъ, составлявшихъ мой шалашъ, горѣлъ огонь и, наконецъ, на каждомъ острiѣ всѣхъ камней, покрывавшихъ вершину горы по всей ея длинѣ и ширинѣ, пылали огни, однимъ словомъ, передъ нами были такъ-называемые огни св. Эльма. Площадь, покрытая этими огнями, равнялась сорока квадратнымъ саженямъ. Всѣ огни имѣли форму, подобную пламени газоваго рожка, съ строго равными верхними краями, безъ всякихъ языковъ. При томъ, несмотря на довольно сильный вѣтеръ, пламя нисколько не колебалось. Минутъ 15 я наблюдалъ эти огни и любовался столь дивнымъ и рѣдкимъ зрѣлищемъ, отъ котораго положительно нельзя было оторвать глазъ; но усилившаяся мятель заставила меня вспомнить о моемъ шалашикѣ и я, объяснивъ казакамъ такъ сильно смутившее ихъ явленіе, умолчавъ, конечно, объ опасности, а, напротивъ, совершенно успокоивъ ихъ, опять отправился на свое мѣсто. Съ полчаса еще послѣ этого слышенъ былъ пискъ и горѣли огни и изрѣдка раздавались удары грома. Потомъ все стихло, огни погасли, и я заснулъ. Не знаю, какъ долго я спалъ,

только вдругъ былъ разбуженъ страшнымъ ударомъ грома. Послѣ чего опять послышался пискъ и опять запылали огни, еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде, и это продолжалось ровно 40 минутъ. За это время было три сильныхъ удара грома, потомъ огни исчезли, я заснулъ и проспалъ, ничѣмъ ужъ болѣе не потревоженный, до самаго утра. Въ этотъ день (26-го августа) также, какъ и наканунѣ, нельзя было сдѣлать нужныхъ мнѣ наблюденій, ибо весь Главный Кавказскій хребетъ и окружающія насъ высоты и ущелья были покрыты туманомъ, который по временамъ покрывалъ и насъ; а потому я и рѣшилъ, опять остаться ночевать тутъ-же на вершинѣ. Но чтобы хоть сколько-нибудь обезопасить себя отъ могущей опять произойти грозы, я велѣлъ на самой высшей точкѣ сложить изъ камней громадный туръ, который долженъ былъ служить намъ громоотводомъ, такъ какъ все-же, пожалуй, молнія скорѣй ударила-бы въ самую высшую точку. Шалашикъ я свой разобралъ и рѣшилъ спать прямо, укрывшись буркой. Въ 5 часовъ пополудни насъ окутало густымъ туманомъ и сталъ изрѣдка срываться мелкій снѣжокъ, и я замѣтилъ, что по моему лицу какъ будто ползала паутина, а вмѣстѣ съ тѣмъ я услышалъ знакомый уже мнѣ пискъ. Начиналась вчерашняя исторія. Черезъ полчаса туманъ разсѣялся, и пискъ прекратился, но въ тоже время я замѣтилъ, что съ запада со стороны Сванетіи надвигалась страшная туча, которая, все разростаясь и образуя полукругъ, медленно подвигалась къ намъ. Къ этому времени сварился нашъ супъ и мы стали ужинать. Послѣ ужина я хорошенько уложилъ всѣ инструменты и сдѣлалъ налбюденіе надъ термометромъ, который показывалъ въ это время—0,5° Р.

Въ ожиданіи наступленія непогоды я сталъ ходить вдоль вершины, причемъ замѣтилъ, что внизу подъ нами, съ южной стороны горы, около отвѣсныхъ, изборожденныхъ большими трещинами скалъ, вилась съ сильнымъ крикомъ огромная стая альпійскихъ галокъ. Передъ непогодой онѣ всегда усиленно и какъ-то жалобно кричатъ. По мѣрѣ приближенія тучи стая все уменьшалась и крикъ затихалъ. Галки залѣзали въ трещины скалъ и, наконецъ, когда долетѣла до нашей вершины первая волна тумана надвигавшейся тучи, то уже ни одной галки не оставалось въ воздухѣ, онѣ всѣ попрятались въ скалахъ, какъ будто пчелы въ ульяхъ. Казаки мои тоже улеглись; стали наступать сумерки. Вдали слышны были глухіе раскаты грома; насъ совсѣмъ окутало густымъ холоднымъ туманомъ и сталъ сыпаться мелкій и частый снѣгъ. Въ пяти шагахъ ничего не было видно; я поспѣшилъ послѣдовать примѣру галокъ и моихъ казаковъ, легъ на свое мѣсто и покрылся буркой, чтобы почить безмятежнымъ сномъ, который особенно бываетъ сладокъ (если только не холод-

но) на такихъ высотахъ. Но увы!—не скоро пришлось насладиться этимъ блаженствомъ. Минутъ черезъ 10 раздался такой оглушительный ударъ грома, что буквально содрогнулась вся гора. Я выглянулъ изъ подъ бурки, и моему взору представились тѣ-же огни. Я сталъ опять наблюдать за ними. При каждомъ новомъ ударѣ грома огни мгновенно гасли, но также мгновенно и снова появлялись. По прежнему вся вершина была усѣяна этими чудными огнями и особенно туръ былъ весь унизанъ ими. Вдругъ что-то съ страшнымъ жужжаніемъ промелькнуло передъ моимъ лицомъ по направленію къ туру. Черезъ нѣсколько минутъ явленіе это повторилось, но я попрежнему не могъ разглядѣть. Я сталъ ожидать его снова. приготовившись хорошенько наблюдать. Оно не долго заставило себя ждать. Снова зажужжало и замелькало опять въ томъ-же направленіи, и на этотъ разъ я ясно разглядѣлъ пронесшійся въ разстояніи одного аршина отъ меня маленькій огненный шарикъ, величиною немного болѣе грецкаго орѣха. Онъ летѣлъ волнообразно (какъ мнѣ казалось—рикошетами) и издавалъ жужжащій звукъ, похожій на звукъ производимый пчелой, когда она бьется о стекло. Это повторилось еще нѣсколько разъ, и иногда до того близко пролеталъ онъ отъ моего лица, что я невольно долженъ былъ закрывать глаза.

Наконецъ вѣтромъ стало сильно мести въ лицо мнѣ снѣгъ и я долженъ былъ опустить бурку и совсѣмъ закрыться. Громъ участился. Черезъ каждыя пять, шесть мин. слѣдовалъ новый ударъ. Въ двухъ шагахъ отъ меня, въ жестяномъ ящикѣ лежала желѣзная печка, а около нея желѣзныя кошки и это все при каждомъ ударѣ сильно гремѣло. При иныхъже ударахъ, и какъ мнѣ казалось даже раньше удара, вся поверхность горы гремѣла, какъ-бы сдергивали съ нея крышу изъ листового желѣза. Нѣсколько разъ двигалась на мнѣ бурка, но не такъ, какъ если-бы ее тянулъ кто нибудь, а какъ будто она ползла по мнѣ, причемъ разныя ея части двигались не съ одинаковой скоростью. Удары грома все учащались, притомъ до того близко отъ насъ, что каждымъ ударомъ насъ положительно оглушало. Но вотъ прошло 5 минутъ и удара не было, прошло еще столько-же времени и опять ни одного удара, только пискъ ужасно усилился, а туръ шипѣлъ буквально какъ гигантскій самоваръ. Всѣ казаки, какъ потомъ оказалось, въ это время съ напряженіемъ ожидали чего-то ужаснаго. Я лежалъ на правомъ боку, ногами по направленію къ туру, а слѣдовательно и къ высшей точкѣ вершины. Я опять надъ лицомъ приподнялъ немножко бурку и посмотрѣлъ. Снѣгъ сыпалъ по прежнему, но вѣтеръ былъ тише. Огней было—видимо не видимо. Вдругъ мелькнулъ одинъ шарикъ, потомъ другой, третій, еще и еще, и вдругъ... Но

что тутъ случилось, то уже словами трудно передать; ибо это произошло въ одно мгновенье, а между прочимъ надо много словъ употребить, чтобы все это передать. И такъ, вотъ что случилось: блеснулъ страшный свѣтъ, раздался оглушительный громъ, меня рвануло за ноги, сдернуло съ мѣста и перевернуло на спину. Первою моею мыслью было: меня убиваетъ; вторая—упрекъ себѣ: что, дождался?! Слѣдующая мысль: меня не убило—а только оторвало ноги; и я дѣйствительно чувствовалъ, что по колѣни мои ноги оторваны. Боль въ этихъ мѣстахъ я чувствовалъ ужасную: хочу убѣдиться, дѣйствительно-ли ноги оторваны или по крайней мѣрѣ парализованы и при мысли, что сію минуту могу узнать, что я безногій, у меня не хватаетъ рѣшимости, попробовать цѣлость ногъ. Но эта борьба происходитъ одну секунду, я съ силой стараюсь пошевелить правой ногой и о ужасъ!—убѣждаюсь, что ниже колѣна ее нѣтъ; продѣлываю тоже самое съ лѣвой ногой, и опять тотъ-же результатъ. Тогда я съ фатальною рѣшимостью медленно поднимаюсь, сажусь и руками ощупываю ноги; оказывается, что онѣ обѣ цѣлы, но двинуть я ими по прежнему не могу; ниже колѣнъ—онѣ мертвы. Я начинаю тереть ихъ и вотъ почувствовалъ большой палецъ правой ноги, потомъ пошевелилъ всей ногой; вмѣстѣ съ этимъ возвратилась жизнь и къ лѣвой ногѣ. Послѣ этого я сталъ окликать казаковъ. Но на мой зовъ никто не откликался; я повторилъ нѣсколько разъ, и вотъ первымъ отозвался казакъ Марченко. Я спросилъ, что не убило-ли кого? Въ это время отозвалось нѣсколько голосовъ, которые говорили, что, кажется, Богъ миловалъ на этотъ разъ—никого не убило; но каждый сообщалъ, что его ударило въ ноги, а казакъ Талинъ жаловался, что его ударило въ бокъ, при томъ такъ сильно, что онъ толкнулъ головой лежавшаго рядомъ съ нимъ казака Артамонова съ такою силою, что тотъ откатился отъ него. Очевидно, что мы были поражены *возвратнымъ ударомъ*, причемъ находившееся въ насъ электричество изъ всѣхъ, за исключеніемъ Талина, разрядилось черезъ ноги. Послѣ этого я рѣшилъ, что дальше оставаться тутъ нельзя и надо уходить. Но куда-же идти ночью? во время мятели? и при томъ съ такой горы, какъ Халаца, гдѣ на каждомъ шагу можно было полетѣть въ пропасть; а потому о спускѣ куда нибудь далеко внизъ—не могло быть и рѣчи. И я рѣшилъ, спуститься, хотя саженей на двадцать ниже вершины, гдѣ всетаки могло быть безопаснѣе, чѣмъ здѣсь. И какъ не жаль мнѣ было разстаться со своимъ тепленькимъ и сухимъ мѣстечкомъ, всетаки пришлось оставить его. Я всталъ, забралъ свою одежду и велѣлъ собираться казакамъ, и мы отправились внизъ. Проходя мимо тура, который шипѣлъ, какъ впущенное въ воду раскаленное желѣзо, я замѣтилъ на немъ нѣ-

сколько огоньковъ; по всему-же протяженію вершины, гдѣ огни горѣли прежде—ихъ не было ни одного. Дойдя до мѣста, гдѣ начинались обрывы, мы остановились, и хотя здѣсь покатость была очень большая, но я всетаки рѣшилъ переночевать на этомъ мѣстѣ. Разворочили камни, устроили двѣ небольшихъ террассы, усѣлись на нихъ по четыре человѣка на каждой, плотно прижавшись другъ къ другу и съ верху накрывшись бурками. Вскорѣ я замѣтилъ, что снѣгъ пересталъ идти; я вылѣзъ изъ подъ бурки; было совершенно тихо, туманъ разсѣялся, и на вершинѣ совсѣмъ огни погасли; внизу растилалось безбрежное облачное море, а надъ нимъ тускло свѣтила луна.

Замѣчательно, что этотъ страшный ударъ грома, согнавшій насъ съ вершины, былъ послѣднимъ въ прошлое лѣто. Послѣ этого мы уже не слышали ни одного удара. Такъ эффектно закончила гроза прошлогодній сезонъ своихъ дивныхъ представленій. Мои казаки были народъ здоровый и далеко не нервный, а между тѣмъ все происшедшее въ этотъ вечеръ такъ подѣйствовало на нихъ, что они всю ночь не спали и, при каждомъ кашлѣ кого-нибудь изъ нихъ, всѣ вздрагивали и говорили, что имъ все кажутся опять удары грома. Казакъ Почанскій, между прочимъ, разсказывалъ, что когда мы стали собираться, чтобы уйти съ вершины, онъ лежалъ и не могъ пошевелиться. Вотъ, говоритъ, слышу я разговоръ, все понимаю, слышу, что начинаютъ уходить съ горы, а я не могу и пальцемъ двинуть; и раньше я, при самомъ ударѣ грома, рѣшилъ, что меня убило; а тутъ вспомнилъ, какъ говорили мнѣ еще дома, что мертвые долго слышатъ послѣ смерти, и порѣшилъ окончательно, что я мертвый. Вотъ слышу, какъ прошелъ мимо меня послѣдній казакъ и все смолкло; ну, думаю—тутъ я и останусь на вѣки. Но вдругъ слышу, меня окликаютъ; я напрягаю всѣ силы, чтобы отозваться, но не могу; наконецъ, когда окликнули во второй разъ и дотронулись до меня, то сразу какъ-будто по моимъ жиламъ что-то потекло и я вскрикнулъ. И дѣйствительно, дождавшись, пока съ вершины сошелъ послѣдній казакъ, я отправился и самъ, но въ это время замѣтилъ, что кто-то лежитъ; я подошелъ къ нему и окликнулъ—отвѣта не было, я повторилъ и въ тоже время дотронулся до него; въ это время лежавшій отозвался и оказался казакомъ Почанскимъ. Всю эту ночь съ 26-го на 27-е августа намъ пришлось провести въ сидячемъ положеніи, а на утро я увидѣлъ, что опять всѣ вершины Главнаго Кавказскаго хребта были покрыты туманомъ, и по прежнему нельзя было сдѣлать наблюденій; ближайшія-же окрестности горы Халацы были открыты, а потому я, не теряя времени, рѣшился спуститься внизъ и въ ожиданіи лучшей погоды заняться топографической съем-

кой, которую предстояло здѣсь произвести. Не легко теперь было спускаться; выпавшій снѣгъ сталъ таять и обратился какъ-бы въ полурастворенное мыло и мы скользили на каждомъ шагу. Но привычка карабкаться по всевозможнымъ стремнинамъ, пріобрѣтенная долгой практитой, помогла намъ совершенно благополучно пройти самыя трудныя мѣста и выбраться на менѣе опасный путь, по которому мы уже пустились бѣгомъ, мѣстами скатываясь съ страшной быстротой по льду, покрытому щебнемъ. Бурки наши были совершенно мокрыя, да и остальная одежда не совсѣмъ была сухая, а объ обуви такъ и говорить нечего,—она совершенно раскисла; внизу-же, гдѣ оставались наши лошади и гдѣ намъ предстояло прожить нѣсколько дней, чтобы сдѣлать топографическую съемку и дождаться болѣе благопріятной погоды для вторичнаго восхожденія на Халацу, все было покрыто снѣгомъ; а потому я сталъ задумываться о томъ, гдѣ провести намъ слѣдующая ночь и какъ обсушиться. Дровъ вблизи нигдѣ не было, кромѣ низкорослыхъ рододендроновъ, и я уже думалъ ѣхать въ ближайшее селеніе, чтобы тамъ обсушиться, хотя это стоилобы мнѣ потери, по крайней мѣрѣ, одного рабочаго дня; но каково-же было мое удивленіе и радость, когда остававшіеся внизу казаки встрѣтили насъ и объявили, что они нашли большую и сухую пещеру. Пещера оказалась на столько просторною, что мы въ одной половинѣ ея помѣстили сѣдла, инструменты и другіе пожитки, а въ другой росположились сами. У входа-же разложили костеръ, для котораго послужили намъ рододендроны, въ изобиліи заготовленные догадливыми казачками. И въ этой пещерѣ (8,039 фут.) намъ пришлось прожить ровно двѣ недѣли.

Въ продолженіи этихъ двухъ недѣль только три дня было совершенно ясныхъ, да и тѣ не подъ рядъ; въ остальные-же дни шелъ дождь и снѣгъ. Иногда, впрочемъ, случалось, что часовъ до 10-ти было ясно, и тогда мы спѣшили отправиться на работу; но только что намъ удавалось послѣ страшныхъ усилій взобраться на какую нибудь изъ вершинъ, какъ съ юга-запада надвигались тучи и начиналъ сыпать снѣгъ—иногда пополамъ съ дождемъ, иногда-же дождь съ градомъ, и мы, такимъ образомъ, не успѣвъ ничего сдѣлать, мокрые возвращались въ свою пещеру.

На нѣкоторыя вершины приходилось подниматься по три и по четыре раза. Въ ясные-же дни морозъ по утрамъ доходилъ на высотѣ 10,000 фут. до 8°Р. И вотъ при такомъ морозцѣ, да еше съ вѣтромъ, не совсѣмъ хорошо было лазять по обледенѣлымъ скаламъ и потомъ выстаивать по нѣсколько часовъ на вершинѣ, чтобы зарисовать мѣстность. За это время мы каждый день, или идя на работу, или гуляя около пещеры, встрѣчали очень много перепеловъ и жаворонковъ, которыхъ до восхожденія на

Халацу не встрѣтили здѣсь ни одного; теперь-же мы ихъ встрѣчали на каждомъ шагу, и нѣкоторые изъ нихъ до того были озябшіе, что не могли летѣть, и мы ихъ свободно брали руками. Такимъ образомъ мы взяли трехъ перепеловъ и одного жаворонка. Многіе изъ нихъ, хотя и летѣли при нашемъ приближеніи, но пролетѣвъ шаговъ 10—20, безсильно падали. И если-бы явилось желаніе охотиться на нихъ съ палкой, то можно было-бы очень много ихъ набить; но видя полнѣйшую ихъ безпомощность, жаль было ихъ убивать, положительно рука не поднималась. Упомяну здѣсь, что мы въ теченіе этихъ-же двухъ недѣль нѣсколько разъ встрѣчали лисицъ на высотахъ, достигавшихъ 10,500 фут., которыя находились здѣсь, по всей вѣроятности, для охоты за перепелами. Раньше я сказалъ, что до восхожденія на Халацу мы не замѣтили здѣсь перепеловъ, теперь-же ихъ было такъ много. Спрашивается, зачѣмъ-же они здѣсь появились? да еще при такой далеко неблагопріятной для нихъ погодѣ? Очевидно, что они совершали перелетъ, направляясь въ теплыя страны. Напомню здѣсь, что мы находились на сѣверной сторонѣ водораздѣльнаго Кавказскаго хребта. Теперь я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ относительно перелета птицъ вообще. Производя пять лѣтъ подрядъ топографическія съемки въ разныхъ частяхъ Кавказскаго хребта, я имѣлъ возможность каждый годъ непосредственно наблюдать осенній перелетъ птицъ. И вотъ что пришлось мнѣ видѣть: въ 1887 году я работалъ въ верховьяхъ рѣки Шаро-Аргуна, въ самой высшей части Андійскаго хребта, отдѣльныя вершины котораго въ этомъ мѣстѣ достигаютъ высоты 14,000 фут. съ лишнимъ. 4-го сентября, поднимаясь съ казаками на перевалѣ Качу, абсолютная высота котораго равняется 11,648 фут., намъ пришлось спугнуть нѣсколько перепеловъ вблизи перевала, выше большого ледника того-же названія и, наконецъ, на самомъ перевалѣ мы также встрѣтили перепеловъ. Какъ эти перепела, такъ и спугнутые раньше улѣтали отъ насъ на югъ. На ледникѣ-же мы встрѣтили два трупа и нѣсколько лапокъ и крыльевъ перепеловъ. Въ этотъ-же день, производя топограческую съемку на вершинѣ горы Качу, высота которой надъ уровнемъ моря рввняется 12,824 фут., мнѣ пришлось наблюдать нѣсколько стай журавлей, пролетѣвшихъ на значительной высотѣ надъ нами. Къ вечеру мы спустились на упомянутый раньше перевалъ и здѣсь остались ночевать и, такъ какъ ночью было довольно холодно (—5°Р) и намъ плохо спалось, то мы почти въ продолженіи всей ночи черезъ нѣкоторые промежутки времени слышали характерный свистъ, производимый крыльями пролѣтавшихъ надъ нами утокъ. Кромѣ того, изрѣдка слышны были крики гусей. Ранѣе этого времени, 24-го августа, въ 11 час. 37 минутъ, жу-

равли, пролѣтая надъ вершиною Костухъ-кортъ, высота которой равняется 12,740 фут., вслѣдствіе находившагося на ней тумана поднялись выше этой горы по крайней мѣрѣ на 2,000 фут. Въ 12 час. дня другая стая пролетѣла надъ вершиною Чархунышъ-кортъ (высота 9,105 фут.) 4,000 надъ этой горой. Въ 12 часовъ 14 минутъ одна стая и въ 12 часовъ 35 мин. этого-же дня двѣ стаи журавлей пролетѣли надъ вершиною горы Дитахъ-кортъ, высота которой равняется 14,014 фут. Въ 1888 году мнѣ пришлось работать въ этой мѣстности и по притокамъ рѣки Аргуна, и я опять, наблюдая перелетъ птицъ, вотъ что видѣлъ: 31-го августа въ 11½ час. дня, при совершенно ясной погодѣ, три стаи журавлей, соединившись надъ вершиною Диклосъ, абсолютная высота которой 14,028 фут., минутъ пять кружились надъ этой вершиной, по крайней мѣрѣ на полторы тысячи футовъ выше ея, и потомъ полетѣли прямо черезъ нее на юго-востокъ. 18-го сентября опять надъ вершиной перелетѣли двѣ стаи журавлей въ томъ-же направленіи. 28-го сентября въ 2 часа пополудни пролетѣло шесть стай журавлей опять черезъ эту-же вершину. И, наконецъ, 26-го сентября двѣ стаи журавлей пролетѣло между вершинами Диклосъ и Дитахъ-кортъ черезъ хребетъ, котораго высота доходитъ до 13,500 фут. На водораздѣльномъ хребтѣ, между рѣками Аргуномъ и Шаро-Аргуномъ, въ разныхъ мѣстахъ, расположено нѣсколько маленькихъ озерковъ; самое низшее изъ нихъ находится на высотѣ 6,580 фут., а высшее на высотѣ 7,280 фут. И вотъ въ продолженіи цѣлаго лѣта на этихъ озеркахъ, постоянно проходя и проѣзжая мимо нихъ, мы никогда не видали никакой птицы. Съ половины же августа мы всякій разъ, какъ только бывали около нихъ, видѣли здѣсь утокъ и куликовъ, и думаю, что намъ приходилось встрѣчать ни однихъ и тѣхъ-же, такъ какъ мы ихъ въ разное время видѣли въ разномъ количествѣ. По всей вѣроятности, эти утки, совершая свой перелетъ, останавливались здѣсь на озеркахъ для отдыха и подкрѣпленія пищей. Въ 1890 году я четыре мѣсяца пробылъ въ Ингурской Сванетіи и здѣсь 9-го сентября мнѣ пришлось наблюдать множество пролетавшихъ журавлей между горами Тетнульдомъ и Ушбой черезъ Главный Кавказскій хребетъ, средняя высота котораго въ этомъ мѣстѣ доходитъ до 14,000 ф. Въ этотъ день, 9-го сентября, нѣсколько разъ принимался идти дождь со снѣгомъ, а къ ночи всѣ горы покрылись туманомъ и небо сплошь заволокло тучами; съ наступленіемъ сумерекъ началъ моросить мелкій, какъ пыль, дождикъ, который и продолжался съ небольшими перерывами до самаго разсвѣта. Во всю эту ночь слышенъ былъ крикъ множества летавшихъ надъ нами и вдали журавлей. Но этотъ крикъ не былъ похожъ на ту величественную и спокойную перекличку, которой обыкновенно сопровождает-

ся стройный и свободный полетъ этихъ птицъ. Это былъ отчаянный крикъ выбившихся изъ силъ и обезумѣвшихъ птицъ. Иногда слышался крикъ цѣлой массы журавлей, причемъ отдѣльные голоса доносились съ разныхъ высотъ и то удалялись, то снова приближались къ намъ; очевидно было, что журавли кружились, и притомъ въ страшномъ безпорядкѣ. Иногда слышны были голоса совершенно одинокихъ журавлей. Къ утру небо нѣсколько очистилось, но въ горахъ по прежнему лежалъ туманъ и хотя онъ не высоко поднимался надъ ними, но журавли не перелетали черезъ него, а продолжали безпорядочными стаями кружиться по ущельямъ. По всей вѣроятности у нихъ не хватало уже силъ подняться на такую высоту, чтобы перелетѣть поверхъ тумана, а прорѣзать его они тоже не рѣшались и, наконецъ, двѣ громадныхъ стаи безсильно опустились на скаты горы Лайла; а нѣсколько небольшихъ стай расположились на отрогахъ горы Ушбы. Затѣмъ я оставилъ свой наблюдательный постъ и такимъ образомъ лишенъ былъ возможности слѣдить за ними далѣе; но послѣ, нѣсколько дней спустя, я слышалъ отъ мѣстныхъ жителей, что въ разныхъ мѣстахъ найдено было нѣсколько труповъ погибшихъ журавлей. Итакъ мы видѣли, что для перелета журавлей Главный Кавказскій хребетъ, самъ по себѣ, не составляетъ никакого препятствія, причемъ они даже не дѣлаютъ различія между перевалами и вершинами, достигающими высоты болѣе 14,000 фут., пролетая надъ этими послѣдними на значительной высотѣ. Затѣмъ, мы слышали ночной перелетъ утокъ и гусей, потомъ появленіе первыхъ въ августѣ мѣсяцѣ, именно во время перелета, на озеркахъ, гдѣ ихъ въ продолженіе всего лѣта не было; и наконецъ мы видѣли, хотя всего нѣсколько экземпляровъ, перелетъ перепеловъ черезъ такой высокій перевалъ, какъ Качу. Потомъ это скопленіе перепеловъ около горы Халацы, гдѣ мы ихъ встрѣчали на высотахъ, достигавщихъ болѣе 10,000 ф., и гдѣ никакой растительности уже нѣтъ. И мы думаемъ, что они сюда собрались не для кормешки, и не потому, что заблудились, а для того, чтобы совершить свой перелетъ черезъ Кавказскій хребетъ, также какъ это дѣлали видѣнныя нами на перевалѣ Качу.

А. Пастуховъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЗАПАДНОЙ ОСЕТІИ.

Долины Ардона и Архона. Архонскій аулъ и его окрестности. Фауна и флора Архонской долины. Древнія морены. Поѣздка къ леднику. Рѣчка Латчинъ-донъ. Леченіе чахотки горнымъ воздухомъ, водою и льдомъ. Архонскій ледникъ. Путь отъ Архона къ Холесте. Аулъ Джими и его окрестности. Долина Джими-дона. Стоянка около Кора. Видъ на Боковой хребетъ и его ледники.

Высокій горный хребетъ, поднимающійся между долинами Терека и Ардона, или, тоже самое, между Военно-грузинской и Военно-осетинской дорогами, покрытый огромными массами вѣчныхъ снѣговъ и составляющій часть такъ-называемаго Боковаго Кавказскаго хребта, на большей части своего протяженія извѣстенъ до сихъ поръ еще очень мало. Надо замѣтить, что этотъ хребетъ поднимается значительно выше той части Главнаго Кавказскаго хребта, которая возвышается противъ него, но нѣсколько южнѣе, и совершенно закрываетъ ее съ сѣвера. Казбекъ (16546 ф.) Сырху-барзой (13637 ф.), Джимарай-хохъ (15694 ф.) и Тепли (14510 ф.) возвышаются именно на этомъ хребтѣ; на немъ лежатъ и тѣ огромныя снѣжныя поля, которыя такъ украшаютъ видъ изъ Владикавказа на цѣпь горъ.

Эта часть Бокового хребта, за исключеніемъ восточной и западной окраинъ ея, гдѣ возвышается съ одной стороны Казбекъ, а съ другой Тепли и Кассара, еще ни разу не была посѣщена мною, и потому лѣтомъ 1890 года я рѣшилъ побывать на ней. Въ это же время прибыли на Кавказъ, съ цѣлью путешествія по горамъ, профессоръ геологіи кіевскаго университета П. Н. Венюковъ и ассистентъ при гигіенической лабараторіи Г. В. Шумовъ. Такъ какъ и они не прочь были посѣтить ту часть Кавказа, куда собирался я, то мы рѣшили отправиться вмѣстѣ, что было, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ пріятнѣе и удобнѣе.

Въ двадцатыхъ числахъ іюня мы прибыли въ Алагиръ и употребили два дня съ одной стороны на пріисканіе проводниковъ и лошадей, съ другой на осмотръ болѣе интересныхъ мѣстъ въ окрестностяхъ Алагира, которыя были совершенно неизвѣстны моимъ спутникамъ. Проводниковъ мы отыскали довольно скоро: одинъ изъ нихъ былъ нанятъ нами въ самомъ Алагирѣ, а другой на Военно-осетинской дорогѣ, во время нашихъ экскурсій. Оба они должны были оставаться при насъ во все время нашего путешествія по этой части Кавказа; но, кромѣ нихъ, мы брали еще

третьяго проводника; онъ сопровождалъ насъ отъ одного пункта до другого, гдѣ мы должны были перемѣнять верховыхъ лошадей, находясь такимъ образомъ при насъ дня два-три. Ближайшей цѣлью нашего путешествія была долина Архона, небольшой рѣчки, вытекающей изъ ледника и впадающей съ правой стороны въ Ардонъ, притокъ Терека.

На протяженіи верстъ 25 намъ пришлось ѣхать знакомой уже мнѣ дорогой по живописному ущелью Ардона, которое составляетъ начало Военно-осетинской дороги и было описано мною раньше. (*) Когда мы проѣхали половину этой части пути, то впереди насъ, вдали показалась высокая, красивая, покрытая большими снѣжными полями гора. Вершина ея представляетъ широкую площадку, замѣтно наклонную въ одну сторону и сильно напоминающую кривой столъ. Наши проводники говорили, что это гора Архонъ, возвышающаяся рядомъ съ Тепли. Вправо и влѣво отъ нея также видны были высокія горы, покрытыя большими массами снѣговъ.

Верстахъ въ 25 отъ Алагира мы разстались съ Ардонской долиной и, повернувъ влѣво, вступили въ долину Архона. Она рѣзко отличается отъ первой, страшно тѣсна и окружена очень крутыми склонами; по дну ея течетъ необыкновенно быстрая и во многихъ мѣстахъ сплошь покрытая пѣной рѣчка Архонъ. Въ ея руслѣ всюду валяются огромные камни, частью свалившіеся съ сосѣднихъ горъ, частью принесенные издалека; вода же въ ней страшно мутна и имѣетъ желтосѣрый цвѣтъ. Причина этого кроется, какъ мы убѣдились впослѣдствіи, частью въ ледникѣ, изъ котораго вытекаетъ Архонъ, частью же въ томъ, что рѣчкѣ приходится прокладывать себѣ путь черезъ наносные, глинистые, сильно подвергающіеся размыванію пласты. Ширина Архона отъ 10—15 шаговъ, а длина верстъ 10 или немного болѣе. Горныя породы, образующія склоны долины, состоятъ здѣсь большею частью изъ плотнаго аспиднаго сланца, а кое-гдѣ изъ кристаллическихъ породъ, напр. гранита. Долина эта замѣчательна еще по громаднымъ пластамъ глинистыхъ наносовъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. близъ аула Архона) образуютъ толщи не менѣе 10-15 саженъ.

Въ то время, когда мы попали въ Архонскую долину, она была сильно выжжена солнцемъ, выбита скотомъ, почти лишена растительности и носила крайне печальный, унылый видъ. Изъ кустарниковъ мы встрѣтили здѣсь барбарисъ, шиповникъ, калину-гордовину (Viburnum Lantana), кое гдѣ рододендроны, изъ деревьевъ березки, а травы почти не было вовсе. Обращаютъ на себя вниманіе въ этой долинѣ тропинки, выбитыя скотомъ. На склонахъ, обращенныхъ къ сѣверу, гдѣ растительность меньше

(*) Осетія и верховья Ріона. Зап. Кавк. Отд. Геогр. Общ. Т. XIII.

страдаетъ отъ солнца, болѣе скрѣпляетъ почву, предотвращая сползаніе и осыпаніе ея, эти тропинки представляютъ замѣчательно красивую и густую сѣть ромбовъ, параллелограммовъ и вообще многоугольниковъ, въ особенности красивую, если смотрѣть на нее съ противуположнаго склона долины. При первомъ взглядѣ на эти фигуры трудно подумать, что онѣ не сдѣланы намѣренно человѣкомъ, а возникли, такъ-сказать, случайно.

За все время пути отъ Алагира до Архонскаго аула мы встрѣтили изъ позвоночныхъ животныхъ много маленькихъ красивыхъ ящерицъ (Lacerta muralis), которыя съ замѣчательной ловкостью и быстротою лазятъ не только по отвѣснымъ поверхностямъ, но даже и такимъ, которыя, какъ потолокъ, обращены прямо внизъ; часто встрѣчается здѣсь и зеленая ящерица (Lacerta viridis). Кромѣ пресмыкающихъ намъ попадалось много птицъ. Изъ нихъ по берегамъ ручьевъ и рѣчекъ мы видѣли чаще всего бѣлыхъ и желтыхъ плисокъ (Motacilla alba L., Mot. dukhunensis Sykes, и Colobates sulphurea, Bechst.) и куличковъ-береговиковъ (Actitis hypoleucos L.), а въ лѣсахъ и на полянахъ множество черноголовыхъ соекъ (Garrulus Krynickii Kalen.) сарычей (Buteo Menetriesi Bogd.). пѣночекъ (Phyllopneuste), овсянокъ (Emberiza cia L.) и дроздовъ-дерябъ (Turdus viscivorus L.). Эти послѣдніе попадаются въ горахъ чаще на среднихъ и даже значительныхъ высотахъ, какъ напр. на 8—9 тысячахъ футовъ; здѣсь же мы встрѣтили множество ихъ верстахъ въ 7—8 отъ Алагира, не доѣзжая до ущелья Нахаза, на высотѣ не болѣе 3000 ф. надъ ур. м. По голымъ мѣстамъ, въ особенности гдѣ есть осыпи или кучи камней, попадается еще много чекановъ (Saxicola oenanthe) и черногрудокъ (Ruticilla ochruros Gm.) и т. д.

Тропинка, по которой можно ѣхать только верхомъ, ведетъ къ аулу все время по правой, болѣе подверженной вліянію лучей солнца, сторонѣ ущелья. Въ одномъ мѣстѣ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, она идетъ зигзагами и поднимается на большую высоту, а передъ auломъ, отстоящимъ по прямой линіи всего версты на 4 отъ сліянія Архона съ Ардономъ, снова спускается внизъ. Здѣсь она проходитъ черезъ балку съ очень высокими наносными глинистыми берегами. Они сильно размываются водою и во многихъ мѣстахъ образуютъ высокія, отдѣльно стоящія колонны, столбы и башни, достигающіе нѣсколькихъ саженъ высоты.

За исключеніемъ ранняго утра, во все время нашего путешествія по обѣимъ долинамъ солнце палило немилосердно, и жара была страшная. Въ особенности душно было въ тѣсныхъ скалистыхъ мѣстахъ ущелья, гдѣ камни, раскаленные солнечными лучами, какъ будто бы дышали огнемъ. Вѣроятно эта жара была причиною того, что одному изъ насъ сдѣлалось

дурно: у него начала болѣть голова, явилась сильная слабость, потомъ тошнота и рвота.

Часа въ 4 по полудни мы добрались до Архона. Этотъ маленькій аулъ расположенъ на высотѣ около 4600 футовъ, на очень высокомъ, почти отвѣсномъ, правомъ берегу рѣки и окруженъ красивыми окрестностями. Около него, на склонахъ горъ, всюду разбросаны хлѣбныя поля, то отдѣльными узкими полосками, то болѣе или менѣе скучено. Если смотрѣть на нихъ изъ аула, то они имѣютъ очень красивый видъ. Въ нихъ живетъ много перепеловъ, и крикъ ихъ особенно утромъ и вечеромъ раздается со всѣхъ сторонъ, не умолкая ни на минуту. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ даже очень удивленъ тѣмъ, что на этой высотѣ перепелокъ оказалось такъ много. По словамъ жителей аула, на тѣже поля съ сосѣднихъ горъ прилетаютъ и горныя куропатки (Perdix chukar, Gray).

Рядомъ съ хлѣбными полями здѣсь посѣяно много картофеля, который въ горахъ приходится видѣть довольно рѣдко. Растетъ онъ здѣсь по видимому очень хорошо.

Вблизи самого аула почва покрыта густымъ покровомъ изъ низкаго, стелящагося по землѣ клевера. Этотъ клеверъ, не смотря на ничтожную величину, считается горцами очень питательнымъ и хорошимъ кормомъ. Что касается лѣсовъ, то ихъ вблизи нѣтъ вовсе. Въ одномъ мѣстѣ недалеко отъ аула, видна группа пирамидальныхъ тополей; они повидимому чувствуютъ себя здѣсь очень хорошо; кромѣ того на лѣвомъ берегу Архона есть еще священная сосновая роща, которой никто не осмѣливается трогать. Вдали, верстахъ въ 10, на крутомъ оголенномъ склонѣ также красуется хорошенькій сосновый лѣсокъ. Онъ, однако, не принадлежитъ Архонскому аулу и тоже считается священнымъ. Безъ сомнѣнія долина Архона была прежде богата лѣсами и имѣла совсѣмъ не такой печальный видъ. Доказательствомъ этому служатъ священныя рощи, уцѣлѣвшія въ силу, конечно, совершенно особенныхъ причинъ даже на самыхъ неблагопріятныхъ для лѣса мѣстахъ, и, кромѣ того, существованіе многихъ отдѣльныхъ ольховыхъ лѣсковъ и рощицъ выше аула, по дорогѣ къ глетчеру. Эти рощицы уцѣлѣли главнымъ образомъ потому, что ольха представляетъ очень плохой матеріалъ, даже для топлива; кромѣ того зимой и добраться до этихъ лѣсковъ по причинѣ большаго снѣга, очень трудно. Изъ дикорастущихъ травянистыхъ растеній заслуживаетъ еще упоминанія персидская ромашка (Pyrethrum roseum), которую архонцы собираютъ въ сосѣднихъ горахъ и продаютъ въ Тифлисъ. На крышахъ нѣкоторыхъ хатъ она сушилась и во время нашего пребыванія въ аулѣ.

Кромѣ перепелокъ и горныхъ куропатокъ вблизи аула попадае

немало другихъ птицъ. Въ самомъ аулѣ много полевыхъ воробьевъ (Salicipasser montanus L.) и черныхъ стрижей (Cypselus apus L.), а альпійскія вороны (Fregilus graculus, L.) безпрерывно снуютъ взадъ и впередъ по ущелью и своимъ пріятнымъ, мелодичнымъ, звонкимъ голосомъ оглашаютъ окрестности; обыкновенный чеканъ (Saxicola oenanthe. L.) также попадается около аула очень часто, а нѣсколько выше и дальше отъ жилья нерѣдко можно видѣть бѣлозобыхъ дроздовъ (Turdus torquatus L.) и красногрудыхъ воробьевъ (Carpodacus erythrinus). Что касается крупныхъ млекопитающихъ, то они въ этой долинѣ почти совсѣмъ истреблены. Сернъ здѣсь нѣтъ вовсе, медвѣди попадаются какъ рѣдкость, туры только зимою спускаются довольно низко, а лѣтомъ изрѣдка встрѣчаются на трудно-доступныхъ мѣстахъ вблизи Архонскаго ледника; въ сосѣдней же съ этой, Бадской долинѣ, отдѣляющейся отъ Архонской всего однимъ хребтомъ, до сихъ поръ уцѣлѣли серны, но онѣ никогда не заходятъ, какъ разсказываютъ охотники, въ долину Архона.

Нѣсколько выше аула, на продолженіи той же самой возвышенности праваго берега рѣки, находится кладбище, большая часть памятниковъ котораго принадлежитъ довольно старому времени. Лишь немногіе изъ нихъ сложены изъ тесанаго камня, всѣ же прочіе изъ шиферныхъ обломковъ или простыхъ голышей. Одинъ только памятникъ имѣетъ очень большую величину и представляетъ пирамиду съ выдающимися въ видѣ лѣстницы выступами изъ шиферныхъ же плитъ. Очень удивило меня на этомъ кладбищѣ слѣдующее обстоятельство: на верху нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ памятниковъ находятся каменныя изваянія барановъ, передняя часть которыхъ сдѣлана на столько удовлетворительно, что на ней можно хорошо различать ротъ, уши, рога и глаза, задняя же, наоборотъ, отесана крайне небрежно. Она торчитъ въ видѣ простого, неправильнаго, быстро утолщающагося придатка, на которомъ нельзя отличить и признака заднихъ ногъ. Видно, что художникъ нисколько не позаботился объ отдѣлкѣ ея. Длина такихъ барановъ равняется приблизительно $1\frac{1}{2}$—2 футамъ, а число ихъ на кладбищѣ 4—5 штукъ. Такъ какъ они укрѣплены на самомъ верху памятниковъ, то нельзя было хорошо разсмотрѣть, изъ какого камня они сдѣланы. Замѣчательно, что въ другихъ мѣстахъ Осетіи, а также въ прочихъ частяхъ Кавказа ничего подобнаго я ни разу не видѣлъ. Кресты находятся только на немногихъ памятникахъ.

Въ долинѣ Архона находятся очень мощныя эрратическія образованія. Весь аулъ и кладбище, о которомъ только что шла рѣчь, стоятъ на древней моренѣ. Это—довольно длинная гряда, направляющаяся вдоль ущелья и бывшая когда-то боковой мореною глетчера. Она имѣетъ огром-

ную толщину; рѣчка Архонъ размыла ее, при этомъ образовался отвѣсный уступъ или стѣна, высотою, вѣроятно, сажень въ 30 или 40.

Изъ толщи ея торчатъ во многихъ мѣстахъ огромные камни и вообще моренный характеръ ея ясенъ до очевидности. На поверхности этого вала, на кладбищѣ и дальше за нимъ также валяется много очень большихъ гранитныхъ валуновъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ 5 аршинъ въ длину, 3 въ ширину и около $2^1/_2$ въ высоту. Огромные валуны, выпавшіе изъ отвѣснаго уступа, который служитъ берегомъ рѣки, валяются и на днѣ ея.

Въ аулѣ насъ приняли сначала не особенно любезно. Не желая стѣснять себя и другихъ, мы рѣшили помѣститься на ночь не у кого-либо изъ мѣстныхъ жителей, а, какъ я уже дѣлалъ раньше, въ такъ-называемой канцеляріи, которая находилась и въ этомъ аулѣ, составляющемъ центръ Архонскаго „прихода". Въ подобныхъ пунктахъ, какъ извѣстно, можетъ быть, читателю, живетъ всегда писарь со старшиной, въ вѣдѣніи котораго находится нѣсколько отдѣльныхъ меньшихъ ауловъ, состоящихъ нерѣдко всего изъ 5—7 дворовъ. Пріѣхавъ въ аулъ, мы разыскали писаря; но онъ, несмотря на наши просьбы, переданныя черезъ проводниковъ, не хотѣлъ впустить насъ въ совершенно пустую канцелярію и объявилъ, что старшина по вызову пристава отправился въ Алагиръ, а помощникъ его куда-то уѣхалъ и увезъ съ собою ключи отъ канцеляріи. Не желая напрасно терять времени, я предложилъ своимъ спутникамъ пройти еще сажень 50, выбраться за аулъ, отыскать ровное мѣстечко, разбить на немъ палатку и расположиться въ ней. Если бы не тучи, предвѣщавшія повидимому дождь, то мы, конечно, и не пытались бы искать помѣщеніе въ аулѣ, а выбрались бы на какую нибудь лужайку, гдѣ по близости можно было найти воду и дрова, и ночевали бы тамъ на свѣжемъ воздухѣ.

Мое предложеніе было принято, и минутъ черезъ 5 мы уже занялись развьючиваніемъ своихъ лошадей и готовились разбивать палатку. Въ это самое время явился къ намъ одинъ изъ жителей аула и очень любезно сталъ уговаривать насъ, переѣхать ночевать къ нему въ домъ.

Сначала мы и не думали объ исполненіи его просьбы; но онъ не переставалъ упрашивать насъ, говоря, что если мы не захотимъ помѣститься у кого-нибудь изъ жителей аула и останемся ночевать подъ открытымъ небомъ, притомъ вблизи самого жилья, то это будетъ оскорбленіе для всего аула; оскорбленіе въ настоящемъ случаѣ, какъ онъ объяснялъ, вовсе не заслуженно, потому что отказалъ намъ въ пріемѣ и тѣмъ обидѣлъ насъ не нихъ собратъ, а простой наемникъ, человѣкъ вовсе не принадлежащій къ ихъ обществу.

Какъ мы ни старались увѣрить нашего собесѣдника въ томъ, что раздѣляемъ его мнѣніе, что вовсе не обвиняемъ въ этой исторіи жителей аула, нисколько не претендуемъ на нихъ, и если теперь не хотимъ перебраться въ аулъ, то только по причинѣ сильной усталости и нежеланія снова перетаскивать свои вещи на другое мѣсто; но онъ такъ настойчиво продолжалъ упрашивать насъ, что мы наконецъ должны были внять его просьбѣ и послѣдовать за нимъ.

Когда лошади были уже развьючены, и всѣ наши вещи внесены въ комнату, вдругъ мы услышали невдалекѣ сильный шумъ. Оказалось, что нашъ хозяинъ и еще нѣкоторые изъ жителей аула рѣшили наказать писаря за то, что онъ, припрятавъ ключи, не хотѣлъ насъ впустить въ канцелярію, и изрядно поколотили его. Спустя съ полчаса послѣ этого урока писарь усѣлся, какъ мы сами видѣли, на порогѣ раскрытыхъ дверей канцеляріи и тѣмъ самымъ показалъ, что ключи дѣйствительно были у него, а не у помощника старшины, который къ тому времени еще не возвратился.

Часа за три до вечера небо совершенно очистилось отъ тучъ, и все предвѣщало хорошую погоду. Чтобы не терять времени, я и Ш. рѣшили въ этотъ же день отправиться къ Архонскому леднику, отстоящему отсюда часа на два пути, и добравшись до самой верхней части долины Архона, переночевать тамъ, а на слѣдующій день рано утромъ заняться осмотромъ какъ ледника, такъ и окружающихъ его горъ. Ш. думалъ также поохотиться на туровъ, если представится къ тому удобный случай.

Изъ аула мы взяли себѣ въ проводники охотника, хорошо знающаго всѣ сосѣднія горы. Онъ долженъ былъ провести насъ къ глетчеру и отправиться съ нами, если бы мы пожелали, на охоту.

Дорога къ глетчеру идетъ сначала по правому берегу Архона. Здѣсь она пересѣкаетъ рѣчку Латчинъ-донъ, которая вытекаетъ изъ горъ съ правой стороны долины. Эта чудная рѣчка, прыгая съ камня на камень, быстро несется по очень крутому ложу и представляетъ непрерывную систему водопадовъ. Вода въ ней чиста, какъ роса, и имѣетъ необыкновенно красивый голубоватый оттѣнокъ, а отъ пѣны и безчисленнаго множества брызгъ издали блеститъ, какъ серебряная лента. Верстахъ въ 3—4 отъ аула, тропинка переходитъ на лѣвый берегъ Архона и тянется то по открытымъ каменистымъ мѣстамъ, то проходитъ черезъ упомянутые уже ольховые лѣски или рощицы. Съ значительными перерывами эти рощицы тянутся очень далеко по дну долины, и послѣдняя изъ нихъ отстоитъ менѣе чѣмъ на полверсты отъ глетчера. Многія деревца достигаютъ здѣсь среднихъ размѣровъ, т. е. 5—6 дюймовъ въ діаметрѣ и сажень трехъ высоты. Рядомъ съ этими рощицами лежатъ и сугробы снѣга.

Мы остановились на одной небольшой лужайкѣ. отстоящей отъ нижняго конца ледника приблизительно на версту и лежащей футовъ на 800 ниже его. Высота этого мѣста равняется 7368 ф. надъ уровнемъ моря. Ущелье здѣсь довольно просторно. внизу сплошь усыпано камнями, принесенными рѣкой, а съ боковъ окружено высокими крутыми горами. Мы не думали встрѣтить здѣсь никого изъ людей, за исключеніемъ развѣ какихъ нибудь пастуховъ; на самомъ же дѣлѣ и въ этомъ царствѣ тумановъ и облаковъ оказались у насъ сосѣди, и при томъ женщины. Одна изъ нихъ была осетинка, а другая—русская. казачка, тяжело больная чахоткой и пріѣхавшая сюда лечиться льдомъ, холодной водою и горнымъ воздухомъ. Изъ разговора съ нею мы узнали что мужъ привезъ ее для леченія къ живущему въ Архонскомъ аулѣ своему знакомому; а онъ помѣстилъ ее, вмѣстѣ съ своей женой. здѣсь, вблизи ледника и притомъ подъ открытымъ небомъ. Такимъ образомъ въ этой глуши, вдали отъ всего людскаго, жили эти двѣ женщины, изъ которыхъ одна уже стояла на краю могилы и едва могла ходить. Мужъ осетинки, ея сожительницы. приходилъ сюда только въ 3-4 дня, разъ. чтобы принести изъ аула для обѣихъ женщинъ провизіи, а съ глетчера для больной льда, который она должна была класть въ воду или молоко и потомъ пить ихъ. Сильно исхудавшая, съ темнымъ землистымъ цвѣтомъ лица и впалыми глазами, больная почти не переставала кашлять, и этотъ кашель производилъ на насъ очень тяжолое впечатлѣніе. Узнавъ, что больная русская, мы тотъ-часъ же навѣстили ее; нельзя было не замѣтить, что это необыкновенно обрадовало ее. Дѣйствительно, живя въ такой глуши, вдали отъ всего роднаго и близкаго сердцу, да еще при такомъ состояніи здоровья, немудрено было обрадоваться встрѣчѣ даже съ незнакомыми людьми.

Мы довольно долго говорили съ нею, и изъ разговоровъ узнали, что она въ станицѣ кашляла кровью и отхаркивала много зловонной мокроты, здѣсь же все это прекратилось и кромѣ того явился аппетитъ, котораго у нея прежде почти не было. Такимъ образомъ, судя по ея словамъ, она чувствуетъ себя значительно лучше. Надѣяться однако на хорошій окончательный результатъ такого леченія трудно, такъ какъ больной приходится жить подъ открытымъ небомъ и сильно страдать отъ холода, въ особенности, когда ночью дуетъ сильный вѣтеръ съ ледника внизъ по долинѣ. Впрочемъ, ей обѣщаютъ въ самомъ непродолжительномъ времени выстроить шалашъ; тогда, конечно, положеніе ея хотя немного улучшится. Надо еще замѣтить, что больную уговариваютъ, купаться въ той рѣчкѣ, которая вытекаетъ изъ-подъ глетчера и имѣетъ температуру воды не болѣе 3—4°; она однако боится привести въ исполненіе это пред-

писаніе, да и мы съ своей стороны старались еще болѣе убѣдить ее въ опасности такого способа леченія.

На слѣдующій день я всталъ очень рано; утро оказалось прекраснымъ и надо было поторопиться воспользоватся имъ.

Мнѣ хотѣлось поскорѣе отправиться на ледникъ, но проводникъ только теперь объявилъ намъ, что подняться на глетчеръ можно не иначе, какъ съ противуположнаго склона ущелья, т. е. предварительно перебравшись верхомъ черезъ рѣчку Архонъ. Съ этой цѣлью мы взяли съ собою двухъ неосѣдланныхъ лошадей и отправились. Ѣхать по заваленному грудами камней дну долины было очень плохо, поэтому мы почти все время шли пѣшкомъ, добрались такимъ образомъ до рѣчки, принялись искать бродъ. На наше несчастье, его, однако, нигдѣ не удавалось найти. Правда, рѣчка была совсѣмъ не глубока и воды въ ней хватило бы не болѣе какъ по колѣна лошади, но за то все русло ея оказалось загроможденнымъ такими глыбами камня, что лошадь едва ли бы прошла черезъ него, не поломавши себѣ ногъ или, по крайней мѣрѣ, не упавши нѣсколько разъ. Надо было помнить и то, что если мы не безъ труда переѣдемъ рѣчку теперь, то обратный путь черезъ нее будетъ еще хуже, такъ какъ съ каждымъ часомъ вода въ ней начнетъ прибывать болѣе и болѣе; тогда придется бороться не съ однимъ, а съ двумя препятствіями.

Убѣдившись, что перебраться черезъ рѣчку очень трудно, мы рѣшили идти по правому берегу ея и приблизиться къ леднику на столько, на сколько позволитъ мѣстность. Пройдя такимъ образомъ съ версту, я увидѣлъ однако, что передъ глетчеромъ долина страшно съуживается и образуетъ тѣснину, въ видѣ мрачнаго корридора, длиною сажень въ 200 и шириною приблизительно въ 10—15; при этомъ отвѣсныя стѣны его состоятъ изъ чернаго, очень крѣпкаго аспиднаго сланца и имѣютъ высоту въ нѣсколько сотъ футовъ. Внизу онѣ сильно обмыты водою. Рѣка здѣсь несется съ оглушительнымъ ревомъ по крутому извилистому дну и, прыгая съ уступа на уступъ, бьется то объ одинъ, то о другой берегъ. Вся она покрыта пѣной, а на скалистомъ днѣ ея не валяется, вѣроятно, ни одного камня, потому что каждый изъ нихъ, попавши сюда съ ледника или со склона тѣснины, тотчасъ же уносится внизъ, страшнымъ теченіемъ. Подойти къ леднику, и здѣсь оказалось невозможнымъ, такъ какъ рѣка, вдоль берега которой пришлось бы пробираться, во многихъ мѣстахъ, то съ той, съ другой стороны подбивалась подъ самыя стѣны тѣснины; по дну же ея нельзя было и подумать сдѣлать хотя одинъ шагъ. Изъ этой мрачной разселины, какъ изъ гигантской трубы, вырывалась струя холоднаго, сырого, съ безчисленнымъ множествомъ брызгъ воды, воздуха.

Своимъ холодомъ онъ такъ сильно пронизывалъ насъ, что мы не могли здѣсь оставаться болѣе 10—16 минутъ. Нигдѣ на стѣнахъ тѣснины не было замѣтно слѣдовъ существованія ледника, въ видѣ царапинъ, шлифованныхъ скалъ и т. д. Безъ сомнѣнія еще недавно (въ послѣдній періодъ возрастанія кавказскихъ ледниковъ) ледъ доходилъ сюда, но слѣды движенія его не сохранились.

Выше этой мрачной тѣснины, скалы снова расступаются, ущелье раздѣляется на двѣ вѣтви и показываются прекрасныя зеленыя лужайки. Одна изъ нихъ находится тотчасъ-же за концомъ тѣснины. За ними уже слѣдуютъ болѣе или менѣе голыя скалы и вѣчные снѣга.

Со стороны тѣснины мнѣ также не удалось осмотрѣть глетчеръ, такъ какъ отсюда былъ виденъ только нижній конецъ его. Онъ оказался довольно узкимъ, да и толщина его была не велика.

Послѣ этой новой неудачи, я рѣшилъ отправиться снова внизъ, вдоль берега рѣчки, и посмотрѣть, не удастся ли мнѣ гдѣ-нибудь пѣшкомъ перебраться черезъ нее. Дѣйствительно, хотя и не безъ труда и притомъ набравши въ сапоги воды, я переправился на противуположный берегъ ея. Здѣсь тотчасъ начинался крутой подъемъ. Взобраться на него было очень тяжело. но за то съ каждымъ новымъ шагомъ открывался все болѣе и болѣе обширный видъ, какъ на ледникъ, такъ и на окружающія его горы. Поднявшись такимъ образомъ на довольно порядочную высоту, я могъ, наконецъ, хотя издали увидѣть глетчерныя и снѣжныя поля верховьевъ Архона.

Здѣсь оказался, однако, не одинъ глетчеръ, какъ я раньше думалъ, а два. Изъ нихъ правый (если смотрѣть сверху внизъ) значительно длиннѣе и спускается значительно ниже лѣваго; вверху они почти сходятся и получаютъ начало изъ обширныхъ снѣжныхъ полей Тепли. Правый, болѣе длинный ледникъ оканчивается немного выше тѣснины, при началѣ крутого уступа, состоящаго также изъ шиферныхъ скалъ. Изъ него вытекаетъ довольно порядочная рѣчка. Вблизи этого мѣста поверхность ледника очень крута и пересѣчена множествомъ трещинъ, средняя ширина его едвали превосходитъ сажень 70; толщина же льда, какъ было сказано выше, также не велика. Тянется эта часть почти прямо съ N на S, а потомъ глетчеръ замѣтно поворачиваетъ къ O. Въ средней части онъ становится значительно шире, и еще большихъ размѣровъ въ ширину достигаетъ вблизи снѣжныхъ полей. Съ боковъ его окаймляетъ высокій барьеръ крутыхъ черныхъ скалъ, которыя съ правой стороны тянутся почти вдоль всего глетчера. Это—ледникъ 1-го разряда, хотя и небольшой (версты въ 2—3 длиною).

Лѣвый ледникъ значительно короче и оканчивается гораздо выше, чѣмъ правый. Лежитъ онъ въ неособенно глубокомъ ущельѣ и при томъ довольно близко къ правому. Его ущелье тянется много ниже того мѣста, гдѣ теперь оканчивается ледъ и, наконецъ, соединяется съ ущельемъ, по которому движется правый глетчеръ. Это соединеніе происходитъ немного выше начала упомянутой уже тѣснины. Здѣсь находится довольно обширная, покрытая свѣжей зеленью лужайка, травами которой пользуются, вѣроятно, одни только туры. Около этой лужайки, именно въ углу, гдѣ соединяются ущелья обоихъ ледниковъ, видна старая короткая, но довольно большая морена. Начала обоихъ глетчеровъ находятся въ весьма небольшомъ разстояніи другъ отъ друга и прежде, безъ всякаго сомнѣнія, оба эти ледяные потока внизу соединялись вмѣстѣ. Оканчивается правый ледникъ очень высоко, вѣроятно на 8500 или 9000 ф. надъ уровнемъ моря.

Полюбовавшись ледникомъ издали, я снова спустился внизъ, перебрался черезъ рѣчку вбродъ, снова зачерпнулъ въ одинъ сапогъ холодной, какъ ледъ, воды и, пройдя съ полверсты по дну долины, возвратился наконецъ къ своей стоянкѣ. Мой проводникъ уже давно былъ тамъ. Здѣсь мы провели еще часа полтора, а затѣмъ отправились обратно въ Архонскій аулъ, гдѣ оставался П. Н. Венюковъ.

Изъ долины Архона мы должны были отправиться въ слѣдующую за нею къ востоку долину р. Фіагъ-дона, извѣстную также подъ именемъ Куртатинскаго ущелья. Для этой цѣли намъ прежде всего надо было перебраться черезъ хребетъ, ограничивающій Архонскую долину съ правой стороны, и спуститься къ небольшому аулу Холесте. Мы выступили часовъ въ 8 утра и, пройдя черезъ узкую полосу хлѣбныхъ полей Архона, начали подниматься на страшно крутую гору. Тотъ склонъ ея, по которому мы шли, былъ обращенъ на югъ, сильно выжженъ солнцемъ и почти лишенъ растительности; на немъ всюду валялись куски гранита, принесенные водою или льдомъ издалека. Мѣстами, впрочемъ, дорожка переходила на покатости, склоняющіяся къ сѣверо-западу; здѣсь почва была гораздо влажнѣе, и на ней появлялся очень красивый коверъ изъ разнообразныхъ представителей флоры средняго пояса горъ (5—6 тысячъ футовъ надъ ур. м.). Слѣдующія растенія встрѣчались на этихъ мѣстахъ въ особенно большомъ числѣ экземпляровъ и прежде всего обращали на себя вниманіе: Scabiosa ochroleuca, Astrantia major, Medicago, Orchis mascula, Myosotis vulgaris, Polygonum bistorta, конскій щавель, бѣлый клеверъ, Salvia verticillata, Thymus serpyllum, Alchemilla argentea, Centaurea, Lotus corniculatus, Galium verum, Anemone и т. д. Самый гребень

хребта также былъ покрытъ красивыми пышными лугами, но ни на немъ, ни на склонахъ горъ не было ни одного деревца, ни одного кустика. Лѣвѣе дороги, но довольно далеко отъ нея, видны были размытые водою слои наносовъ громаднѣйшей толщины. Еще разъ скажу, что Архонская долина очень замѣчательна въ этомъ отношеніи и что интересно было выяснить причины, почему наносныя образованія накопились въ ней въ такомъ огромномъ количествѣ.

Чтобы попасть въ Холесте, намъ надо было снова спуститься въ долину одной небольшой рѣчки. Спускъ оказался гораздо болѣе короткимъ, чѣмъ подъемъ, но до того крутымъ, что мы едва могли идти по немъ, а нашимъ лошадямъ приходилось во многихъ мѣстахъ не переступать, а сползать, или, точнѣе, скатываться на всѣхъ четырехъ ногахъ. Надо замѣтить, что этотъ склонъ вовсе лишенъ растительности и что тропинка, извивающаяся по немъ, на всемъ протяженіи покрыта мелко раздробленными пластинками или листочками аспиднаго сланца, который осыпается, ползетъ внизъ, когда на него ступаетъ нога, и затрудняетъ ходьбу еще болѣе, чѣмъ непомѣрная крутизна спуска. Вообще путь черезъ этотъ хребетъ всѣмъ намъ очень не понравился: почти всюду—оголенная почва, лишенная всякой жизни, отсутствіе интересныхъ предметовъ въ сторонѣ отъ дороги и, въ придачу ко всему этому, отвратительнѣйшій спускъ.

Какъ только кончается этотъ крутой склонъ, начинаются хлѣбныя поля, и черезъ нихъ течетъ красивая, быстрая, горная рѣчка. Такъ какъ мы шли часа три по безводной мѣстности и при томъ перебрались черезъ высокій хребетъ съ очень крутыми склонами, на которыхъ намъ пришлось потѣть, какъ въ самой жаркой банѣ, то мы обрадовались этой рѣчкѣ и каждый изъ насъ неоднократно принимался пить изъ нея воду. Пройдя еще съ полъ-версты, мы остановились отдыхать на небольшой лужайкѣ, вблизи воды и недалеко отъ аула Холесте. Этотъ послѣдній имѣетъ очень оригинальный видъ. Онъ расположенъ на самомъ концѣ высокаго, сверхъ притупленнаго отрога горы и состоитъ изъ нѣсколько десятковъ хижинъ, среди которыхъ красуется высокая четырехъ-угольная старинная башня. По обѣимъ сторонамъ аула на подошвѣ того кряжа, на гребнѣ котораго онъ расположенъ, текутъ двѣ быстрыя горныя рѣчки, а въ полуверстѣ отъ него находятся залежи свинцовой руды, которую мѣстные жители понемногу разрабатываютъ для выплавки свинца. На склонѣ горы, въ сторонѣ отъ тропинки, гдѣ мы только что спускались, видно было нѣсколько шахтъ, черезъ которыя выносится эта руда. Шахты имѣютъ довольно значительную длину, и чтобы по нимъ добраться до мѣсторожденія руды, надо

имѣть, какъ намъ говорили, хорошаго путеводителя и спускаться съ огнемъ. Мы посылали одного изъ нашихъ проводниковъ, чтобы онъ отыскалъ, гдѣ-нибудь вблизи входа въ шахты, хотя маленькій кусочекъ руды и принесъ бы его намъ. Къ сожалѣнію ему этого не удалось сдѣлать, по разсказамъ же нашихъ проводниковъ, здѣшняя руда совершенно сходна съ тою, которая добывается въ Садонскомъ рудникѣ и доставляется на Алагирскій заводъ. Судя по этому, надо полагать, что здѣсь находится таже свинцово-серебряная руда. Жители Холесте разсказываютъ, что разработка ея ведется съ незапамятныхъ временъ, что этимъ дѣломъ занимались здѣсь въ прежнія времена какіе-то греки.

Дорога отъ Холесте до слѣдующаго аула, Джими, гораздо интереснѣе и веселѣе. Она все время тянется по лѣвому, обращенному къ сѣверу, склону долины одной небольшой рѣчки, и потому ее почти всюду окаймляютъ красивые луга, выше которыхъ тянется почти сплошной лѣсъ. Травянистыя растенія, въ родѣ Spiraea Aruncus и Aconitum съ большими синими цвѣтами, достигаютъ здѣсь высоты почти сажени, рододендроны съ желтыми цвѣтами (Azalea pontica L.—Ред.) образуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сплошныя заросли, а изъ деревьевъ очень часто встрѣчается береза и ольха. Что же касается обращеннаго къ югу склона долины, то онъ покрытъ хлѣбными полями, и на немъ красуются кое-гдѣ отдѣльно стоящія деревца. Вообще эта долина по богатству растительности, по свѣжести ея и, наконецъ, по красотѣ окружающихъ горъ не можетъ быть сравниваема съ мѣстностью между Архономъ и Холесте.

Въ часъ пополудни мы сдѣлали новый привалъ противъ маленькаго аула Джими, расположеннаго на правой сторонѣ небольшой рѣчки Джими-донъ. Отъ Холесте до Джими мы добрались, не считая времени на остановки, за 4 часа вѣроятно, и десятой части этого пространства намъ не пришлось проѣхать верхомъ. Мѣсто нашей стоянки имѣло довольно пріятный видъ. Вездѣ росла, хотя и очонь мелкая, приземистая, но за то совершенно свѣжая, зеленая трава; всюду попадались кустики, а нѣсколько выше, саженяхъ во ста отъ насъ, тянулся лѣсокъ. Мы набрали здѣсь сухихъ вѣтокъ, развели костеръ, сварили себѣ чай и кофе, исправно закусили послѣ столь основательной прогулки, немного отдохнули и двинулись дальше въ путь.

За Джими дорога на протяженіи верстъ 2—3 идетъ вверхъ по рѣчкѣ Джими-донъ. Мѣста здѣсь также довольно красивы, при чемъ оба склона долины покрыты зеленью, изъ которой только кое-гдѣ торчатъ шиферныя скалы. На лѣвой сторонѣ ущелья тянется почти сплошной бе-

резовый лѣсокъ, въ которомъ, какъ говорятъ, еще до сихъ поръ водятся медвѣди: у нижней границы этого лѣска разстилаются роскошные горные луга. Богатство растительности привлекаетъ сюда и птицъ, которыхъ мы встрѣтили здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ другихъ, уже пройденныхъ нами мѣстахъ. На ручьѣ я видѣлъ трехъ водяныхъ дроздовъ или оляпокъ, и одна изъ нихъ при мнѣ нѣсколько разъ бросилась въ воду съ головою, чтобы добыть себѣ пищу; бѣлозобыхъ дроздовъ встрѣтили не менѣе десятка, а крикъ перепеловъ, не смотря на не особенно раннее время года (29 іюля), безпрерывно раздавался во всѣхъ направленіяхъ. Чеканы, щеврицы и овсянки также попадались въ изобиліи.

Въ этотъ же день намъ предстояло еще совершить не особенно легкое дѣло, именно перебраться черезъ хребетъ, раздѣляющій долины Архона и Фіагъ-дона. Дорога на этотъ хребетъ, поднимающійся тысячъ до 8 футовъ, шла сначала, какъ уже сказано, по долинѣ Джими, а потомъ—поворачивала вправо (на югъ) и выходила изъ долины на сосѣднюю гору. Здѣсь она также тянулась по прекраснымъ лугамъ до самаго перевала. Подъемъ все время былъ довольно легокъ, а самый перевалъ представлялъ очень пологій, сильно притупленный сверху гребень, также покрытый прекрасною растительностью. Здѣсь мы снова сдѣлали привалъ, но уже не столько для себя, сколько для своихъ лошадей, которыхъ надо было хорошо покормить. Крикъ перепеловъ и здѣсь не прекращался ни на минуту, а издали, изъ лѣса довольно часто доносился до насъ крикъ обыкновенной кукушки.

Спускъ въ долину Фіагъ-дона хотя и уступаетъ по своей красотѣ подъему на хребетъ со стороны Джими, но тѣмъ не менѣе онъ очень красивъ. Всюду разстилаются здѣсь по обѣимъ сторонамъ дороги зеленые луга; вдали на востокѣ виднѣется широкая просторная долина Фіагъ-дона; на сѣверѣ возвышается безснѣжная, но очень высокая гора Каріухохъ; а на югѣ—Боковой хребетъ, покрытый на верху вѣчными снѣгами и ледниками. Значительная часть его была, однако, закрыта облаками, и потому мы не могли видѣть его хорошо.

Спустившись тысячи на полторы футовъ ниже перевала, мы выбрали очень удобное для стоянки мѣсто и рѣшили здѣсь остаться до слѣдующаго утра. Это было часа за два до заката солнца.

Мѣстность вокругъ насъ имѣла необыкновенно живописный видъ. Во всѣхъ направленіяхъ разстилались прекрасные горные луга, со множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ; шагахъ въ 30—40 отъ нашей стоянки, въ узкой, глубокой балкѣ, со склонами, также покрытыми зеленой травой, струился небольшой ручеекъ, а за нимъ тянулся, чуть не до линіи вѣч-

ныхъ снѣговъ, крутой откосъ, внизу покрытый травой, выше-же—густымъ, мелкимъ березовымъ лѣсомъ. За этимъ послѣднимъ, въ свою очередь, вздымались темносѣрые утесы скалъ, почти лишенные растительности. Невольно обращала на себя вниманіе на этомъ склонѣ красивая березовая рощица, заключающая не менѣе сотни стройныхъ деревьевъ среднихъ размѣровъ. Съ перваго взгляда можно было догадаться, что она пощажена въ силу особенныхъ обстоятельствъ, именно почитаясь священной. Самая замѣчательная картина открывалась еще дальше въ южномъ и юго-восточномъ направленіяхъ, гдѣ гигантской стѣной поднимался Боковой Кавказскій хребетъ. Внизу онъ также былъ украшенъ лугами, а выше, надъ послѣдними зелеными уступами его, тянулись безконечныя черныя галлереи скалъ, покрытыхъ на верху вѣчными снѣгами и льдами. Около нихъ клубились, медленно переползая съ одного мѣста на другое, густыя, темносѣрыя облака, скрывавшія то ту, то другую часть ихъ отъ нашихъ глазъ.

Передъ заходомъ солнца тучи начали спускаться все ниже и ниже, предвѣщая ненастье въ самомъ близкомъ будущемъ. Мы поторопились разбить палатку, окопали ее канавкой, чтобы ночью, въ случаѣ сильнаго дождя, вода не подтекала подъ насъ, и привели въ порядокъ всѣ свои вещи. Дождь, дѣйствительно, не заставилъ себя долго ждать, и намъ пришлось передъ сномъ закусывать подъ его музыку. Часовъ въ 9 онъ перестаяъ идти и далъ намъ покойно заснуть, а потомъ снова началъ лить съ еще большей силой. Въ теченіи ночи каждый изъ насъ просыпался неоднократно и каждый разъ убѣждался, что дождь не прекращался ни на минуту. Онъ продолжалъ идти даже послѣ разсвѣта и пересталъ только часовъ въ 6 утра. Каждый путешествующій въ горахъ долженъ мириться съ подобными невзгодами и, пожалуй, еще благодарить судьбу, если онѣ не случаются изо дня въ день.

Какъ только дождь прекратился, мы поднялись и вышли изъ своего тѣснаго, сырого убѣжища. Сами мы были совершенно сухи, а намокли слегка, и притомъ только съ одной стороны, бурки, которыми мы укрывались. Трава вокругъ палатки оказалась залитой водой, и потому идти куда-нибудь далеко нельзя было. Я занялся осмотромъ ближайшихъ къ намъ предметовъ и замѣтилъ, что основа горъ и здѣсь состояла изъ шифра, который только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступалъ надъ поверхностью земли; но за то здѣсь-же валялось множество огромныхъ глыбъ известняка, скатившихся сюда по всей вѣроятности съ известковаго хребта Черныхъ горъ, отстоящихъ отъ нашего бивуака версты на три къ сѣверу. Всѣ эти глыбы лежатъ на самой поверхности земли и настоящее

мѣсторожденіе ихъ было, очевидно, не здѣсь. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли огромную величину (не менѣе 10 куб. сажень). Въ щели и трещины одной изъ нихъ было воткнуто много палочекъ съ навѣшанными на нихъ цвѣтными лоскутками. Безъ сомнѣнія и это была какая-то осетинская святыня.

Часовъ въ 8 утра выглянуло солнце, трава начала просыхать, а горы очищаться отъ облаковъ и тумана. Я и Шумовъ рѣшили подняться на ближайшій къ намъ склонъ, чтобы съ него лучше разсмотрѣть горы, находившіяся противъ насъ съ южной стороны. Поднявшись футовъ на 300, мы дѣйствительно могли видѣть гораздо больше, чѣмъ отъ палатки.

Замѣчательная картина открывалась намъ на югѣ. Здѣсь прежде всего обращали на себя вниманіе два великана Царитъ-хохъ и Сырхубарзонъ, составляющіе контръ-фюрсы Бокового хребта и возвышающіеся первый съ правой стороны долины Фіагъ-дона, а второй съ лѣвой. Внизу они были покрыты зеленью, выше тянулись безконечныя галлереи черныхъ аспидныхъ скалъ, а надъ ними наконецъ вѣчные снѣга и льды.

Боковой хребетъ былъ видѣнъ отсюда на довольно значительномъ протяженіи; были видны покрытыя снѣгами горы въ верховьяхъ Фіагъ-дона, его глубокая долина и долины двухъ небольшихъ рѣчекъ, получающихъ начало также на снѣгахъ сѣвернаго склона Бокового хребта и впадающихъ въ Фіагъ-донъ съ правой стороны.

По мѣрѣ того, какъ облака поднимались выше и выше и постепенно исчезали, все болѣе и болѣе чудная панорама горъ открывалась передъ нашими глазами. Необыкновенно прозрачный утренній воздухъ дѣлалъ ее еще болѣе восхитительной и позволялъ даже за много верстъ различать всѣ мельчайшія подробности въ строеніи и очертаніи горъ. Трещины на вѣчныхъ снѣгахъ и глетчерахъ, ямы и выступы, даже незначительныя бороздки или полоски на фирнѣ, сдѣланныя снѣжнымъ комкомъ, скатившимся сверху, все это было видно съ поразительною отчетливостью и какъ будто-бы въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ.

Изъ трехъ только-что упомянутыхъ долинъ, восточнѣе всѣхъ лежитъ долина рѣчки Аксау-дона, впадающей въ Фіагъ-донъ около аула Лаца. Эта рѣчка имѣетъ всего верстъ 6—7 въ длину, а въ верховьяхъ ея находится только одно снѣжное поле, не особенно большихъ размѣровъ которое въ нижней части превращается въ узкій фирнъ-глетчеръ. На срединѣ долины онъ сильно съуживается, черезъ что на немъ образуется глубокій перехватъ. Даже издали можно замѣтить, что ледъ здѣсь часто трескается и обламывается, образуя ледопады; главной причиной ихъ служитъ, конечно, большая крутизна склона, на которомъ виситъ глет-

черъ. Длина его вѣроятно около версты, а питается онъ снѣгами Царитъ-хоха. Зимою воды съ него почти не течетъ и рѣчка Аксау-донъ, какъ разсказываютъ здѣшніе жители, замерзаетъ и также перестаетъ течь.

Далѣе къ западу находится ущелье той небольшой рѣчки, которая впадаетъ въ Фіагъ-донъ съ правой же стороны, но выше Аксау-дона, именно вблизи аула Хейдекуша. Верховье этой рѣчки необыкновенно красиво; оно представляетъ громадный амфитеатръ изъ черныхъ зубчатыхъ скалъ, покрытыхъ на самомъ верху ослѣпительно бѣлыми полями вѣчнаго снѣга. Изъ него во многихъ мѣстахъ торчатъ черные, какъ уголь, остроконечныя скалы, и кромѣ того отчетливо видно множество трещинъ, изъ глубины которыхъ проглядываетъ не бѣлый, а уже сильно уплотнившійся голубовато-зеленый снѣгъ, переходящій въ ледъ. Въ сосѣдствѣ съ верховьями этой рѣчки, горы также представляютъ цѣлый лабиринтъ черныхъ скалъ, торчащихъ изъ снѣжныхъ полей. Съ этихъ послѣднихъ спускается на сѣверную сторону нѣсколько фирнъ-глетчеровъ, изъ которыхъ два тянутся значительно ниже другихъ и сливаются внизу въ одно ледяное поле, спускающееся болѣе или менѣе глубоко въ долину. Этотъ ледникъ носитъ названіе Касанъ-дуръ-чете. Во многихъ мѣстахъ на фирнъ-глетчерахъ находятся большія трещины, вблизи которыхъ, вѣроятно, также случаются частые ледяные обвалы. Вся нижняя часть ледника сплошь завалена щебнемъ. Въ прошломъ году Кассанъ-дуръ-чете былъ посѣщенъ Н. И. Кузнецовымъ. Онъ считаетъ его за ледникъ перваго разряда, замѣчая при этомъ, что нижняя, долинная часть его, очень невелика. По словамъ того-же автора, этотъ ледникъ окруженъ мощными древними моренами, которыя только версты на 2 не доходятъ до аула Хейдекуша (*). Съ боковъ фирнъ-глетчеровъ по всѣмъ углубленіямъ черныхъ скалъ тянутся еще узкія, извилистыя ленты бѣлаго снѣга, которыя образуютъ въ высшей степени нѣжную, красивую, блестящую и рѣзко-выдѣляющуюся на черномъ фонѣ скалъ, сѣтку, въ родѣ кружевъ или тонкой ажурной работы. Вмѣстѣ съ огромными снѣжными полями она больше чѣмъ что-либо, придавала необыкновенную красоту этимъ горамъ.

Еще дальше къ западу, отъ только-что описаннаго мѣста, тянется долина Фіагъ-дона. Она гораздо шире и несравненно длиннѣе двухъ предыдущихъ.

Надо замѣтить, что Боковой хребетъ противъ истоковъ этой рѣчки дѣлаетъ довольно значительный изгибъ, въ видѣ дуги, обращенной выпуклой стороной къ югу; поэтому начало Фіагъ-дона находится значитель-

(*) Путешествіе по Кавказу лѣтомъ 1890 г. Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. XXVI стр. 419.

*

но южнѣе, чѣмъ двухъ его небольшихъ притоковъ, и чрезъ это долина его должна была представляться намъ значительно длиннѣе. Я говорю, конечно, о ея протяженіи къ югу; на сѣверъ-же она тянется на нѣсколько десятковъ верстъ дальше, чѣмъ сосѣднія съ нею. Если за начало и конецъ дуги, образовавшейся вслѣдствіе изгиба Бокового хребта, принять массивы Царитъ-хоха и Сырху-барзона, то вся дуга окажется неменѣе какъ въ ³/₄ окружности и только въ одномъ мѣстѣ будетъ прерываться для того, чтобы дать выходъ водамъ Фіагъ-дона. По бокамъ этого узкаго прохода возвышаются Сырхи-барзонтъ и Царитъ-хохъ; если смотрѣть на нихъ и вообще на эту часть Бокового хребта съ сѣвера, то покажется, что Фіагъ-донъ, подобно нѣкоторымъ другимъ рѣкамъ Кавказа (Ардонъ, Терекъ), прорѣзываетъ Боковой хребетъ и получаетъ начало не на немъ, а на лежащемъ за нимъ Главномъ хребтѣ; въ дѣйствительности же этого нѣтъ.

Самая верхняя часть долины Фіагъ-дона, находящаяся выше упомянутаго прохода, была видна намъ только отчасти и по преимуществу съ правой стороны. Здѣсь тянулся высокій кряжъ, покрытый почти сплошными снѣжными полями, у нижняго края которыхъ висѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фирнъ-глетчеры. По разсказамъ жителей Куртатинскаго ущелья, большихъ ледниковъ въ верховьяхъ Фіагъ-дона не существуетъ, но есть два такихъ, длина которыхъ доходитъ верстъ до двухъ. Одинъ изъ нихъ въ общихъ чертахъ описанъ въ упомянутой уже статьѣ Н. Кузнецова. Этотъ ледникъ, подобно Девдоракскому, замѣчателенъ по огромнымъ заваламъ, причинявшимъ прежде немало бѣдъ.

Окрестности нашей стоянки отличались изряднымъ богатствомъ по отношенію къ пернатому населенію. Прежде всего обратили на себя наше вниманіе великаны изъ класса птицъ умѣренныхъ странъ, а именно бурые грифы (Gyps fulvus), и ягнятники (Gypaëtos barbatus,L). Первыхъ мы видѣли около десятка; что же касается послѣднихъ, то они здѣсь точно также, какъ въ прочихъ мѣстахъ Кавказа, да и во всѣхъ другихъ странахъ, попадаются гораздо рѣже. Ихъ мы видали всего два экземпляра. На одномъ огромномъ камнѣ, лежащемъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей палатки, мы наблюдали еще двухъ интересныхъ совъ. Ростомъ онѣ были меньше перепелки, голову имѣли среднихъ размѣровъ, безъ торчащихъ ушныхъ перьевъ и съ слабо развитымъ вѣеромъ вокругъ глазъ. Основной цвѣтъ ихъ перьевъ, насколько можно было судить издали, шоколадно-сѣрый или сѣробурый и на немъ замѣтно было множество мелкихъ пестринокъ. По росту и другимъ признакамъ эти маленькія совы сильно напоминали сыча-малютку (Glaucidium passerinum L),

существованіе котораго на Кавказѣ, какъ кажется, еще строго не доказано *). Я очень жалѣю, что не могъ убить хотя одну изъ нихъ, чтобы точно опредѣлить видъ. Трудно допустить, чтобы это былъ обыкновенный сычъ (Ephialtes scops), котораго можно отличить по замѣтно выдающимся перьямъ надъ ушами; кромѣ того я рѣшительно ни разу не слышалъ голоса этого сыча въ горахъ, что при его крикливости было бы совершенно невозможно, если бы онъ хотя изрѣдка водился здѣсь. На тѣхъ же самыхъ камняхъ мы видѣли пару горныхъ вьюрковъ (Plectrofringilla alpicola, Pall). Они устроили здѣсь въ трещинѣ камня, на высотѣ саженъ двухъ отъ земли, гнѣздо и во время нашего пребыванія на этомъ мѣстѣ (29—30 іюня) безпрерывно таскали пищу своимъ птенцамъ. Недалеко отъ стоянки мы видѣли еще красивыхъ каменныхъ дроздовъ (Petrocincla saxatilis). О многихъ мелкихъ птичкахъ, большею частью такихъ-же, какихъ мы видали во время пути, я не упоминаю.

Часовъ въ 9 утра мы начали понемногу укладывать свое имущество, просушили палатку и еще нѣкоторыя вещи, намоченныя дождемъ во время ночи, и часу въ одиннадцатомъ тронулись въ путь. Передъ нашимъ выступленіемъ случилось еще одно интересное обстоятельство. Изъ аула Кора, отстоящаго отъ нашей стоянки, какъ было уже замѣчено, не болѣе, чѣмъ на версту, явился къ намъ одинъ осетинъ и затѣялъ съ нашими проводниками очень жаркій разговоръ. Когда я потомъ спросилъ ихъ, о чемъ онъ толковалъ, то узналъ, что мы навлекли неудовольствіе жителей, остановившись на этомъ мѣстѣ, которое считается у нихъ священнымъ, и потому должно не только содержаться всегда въ чистотѣ, но и не можетъ безъ особенной нужды попираться ногами людей или животныхъ. Кромѣ того онъ говорилъ, что дождь, мочившій насъ въ теченіе почти цѣлой ночи, былъ посланъ именно въ наказаніе намъ за неуваженіе къ осетинской святынѣ.

Дорога отъ нашей стоянки шла мимо Кора внизъ, къ Фіагъ-дону. Она спускалась довольно круто и послѣ дождя оказалась грязной и скользкой, и поэтому ѣхать по ней было не особенно хорошо. Солнце въ это время палило такъ сильно, что мы, несмотря на очень изрядную высоту этихъ мѣстъ и близость снѣжныхъ полей, должны были путешествовать въ самомъ легкомъ лѣтнемъ платьѣ.

---

*) Е. Менетріэ въ своемъ Catalogue raisonné des objets zoologiques (p. 28) говоритъ, что эта птица очень обыкновенна на Кавказѣ; но, какъ замѣтилъ М. Н. Богдановъ (Птицы Кавказа стр. 51), Менетріэ принялъ за сыча-малютку сыча обыкновеннаго (Athene noctua). Г. Радде говоритъ (Орнитолог. фауна Кавк., стр. 90), что ему только одинъ разъ, именно вблизи Боржома, удалось видѣть сыча-малютку.

Въ полдень мы достигли маленькаго аула, расположеннаго вблизи сліянія ручья, текущаго мимо Кора, съ Фіагъ-дономъ. Здѣсь я былъ немало удивленъ, увидѣвъ хорошенькій, весьма правильно распланированный маленькій садикъ съ различными фруктовыми деревьями, на большей части которыхъ находилось довольно много еще незрѣлыхъ плодовъ. Такой садикъ въ среднемъ поясѣ горъ большая рѣдкость и, если не ошибаюсь, мнѣ пришлось видѣть его всего во второй или третій разъ. Существованіе его на такой высотѣ (приблизительно 4500 ф.) показываетъ, что фруктовыя деревья отлично могли бы рости въ большей части ущелій Сѣвернаго Кавказа, если бы горцы сколько нибудь позаботились о разведеніи ихъ.

II.

ДОЛИНЫ ФІАГЪ-ДОНА И ГИЗЕЛЬ-ДОНА.

Рѣка Фіагъ-донъ. Растительность. Древнія морены. Аулъ Лацъ Дорога къ Гизель-дону. Аулъ Дзуарикау. Долина Гизель-дона. Громадныя древнія морены и эрратическіе камни. Аулъ Джимара. Верховья Гизель-дона. Ледяные обвалы. Ледникъ Гизель-дона. Обратный путь Аулъ Даргавсъ и дорога до Тменикау.

Проѣхавъ аулъ, мы очутились на самомъ днѣ долины Фіагъ-дона Эта довольно большая горная рѣчка получаетъ начало, какъ уже сказано, на склонахъ Бокового Кавказскаго хребта, на протяженіи верстъ 50 несется въ горахъ въ глубокой долинѣ, а потомъ выходитъ на плоскость и здѣсь, пробѣжавъ еще около 30 верстъ, впадаетъ наконецъ въ Ардонъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Фіагъ-донъ прорѣзываетъ дугу или изгибъ Бокового хребта, его долина ограничивается съ боковъ высокими горами, поднимающимися болѣе чѣмъ до 13000 ф. Съ лѣвой стороны ея возвышается, кромѣ Сырху-барзона, Архонъ и Тепли (14510 ф.), а съ правой Царитъ-хохъ и Джимарай-хохъ.*) Ниже этого мѣста долина снова дѣлается значительно шире, просторнѣе и ограничивается съ боковъ гораздо менѣе высокими горами, склоны которыхъ почти лишены скал

*) На пятиверстной картѣ Кавказа расположеніе этихъ вершин показано иначе. Сырху-барзонъ обозначенъ по ней не по лѣвую сторону долины Фіагъ-дона, а по правую. Я заводилъ объ этомъ разговоръ с нѣсколькими изъ жителей ближайшихъ къ горѣ ауловъ (Лаца, Хейдкуша) и они каждый разъ показывали мнѣ Сырху-барзонъ съ западной т. е. лѣвой стороны долины. Кромѣ того на картѣ названіе этой горы

и покрыты зеленой травой. Лѣсовъ здѣсь нѣтъ, хотя по словамъ жителей въ прежнія времена они росли въ изобиліи. Еще верстъ на 15—20 ниже первой тѣснины, долина Фіагъ-дона снова сильно съуживается, такъ какъ рѣка въ этомъ мѣстѣ прорѣзываетъ хребетъ такъ-называемыхъ Черныхъ горъ. Эти послѣднія совершенно лишены вѣчныхъ снѣговъ, съ южной стороны безлѣсны, а съ сѣверной, обращенной къ равнинамъ Кавказа, покрыты густыми лѣсами. Здѣсь съ лѣвой стороны долины поднимается бросающаяся издали въ глаза гора Каріу-хохъ, важная какъ давнишній тригонометрическій пунктъ.—Она хорошо видна изъ Алагира, Владикавказа и многихъ мѣстъ и имѣетъ высоту въ 11164 фут.

Отсутствіе лѣсовъ въ продольной долинѣ, лежащей между снѣговымъ хребтомъ и Черными горами, замѣчается не только въ этой мѣстности, но почти на всемъ протяженіи центральной и восточной части сѣвернаго склона Кавказа. Объясняется оно главнымъ образомъ особенностями въ распредѣленіи атмосферныхъ осадковъ.

Извѣстно, что огромное количество ихъ выдѣляется на первыхъ уступахъ горъ, т. е. тамъ, гдѣ кончаются равнины и начинается болѣе или менѣе значительный подъемъ. Такимъ образомъ часто случается, что въ то время, когда напр. въ Алагирѣ или Владикавказѣ ежедневно идутъ дожди, въ горахъ стоитъ засуха. Нѣсколько разъ мнѣ самому приходилось наблюдать такое явленіе; о немъ упоминаютъ и другіе авторы. Объясняется оно слѣдующимъ образомъ. Воздухъ, притекающій съ равнинъ, поднимаясь на горы, расширяется вслѣдствіе уменьшенія давленія и черезъ это становится холоднѣе; кромѣ того, температура его понижается еще отъ соприкосновенія съ болѣе холодными вершинами и склонами горъ. Такимъ образомъ, если этотъ воздухъ будетъ содержать въ себѣ пары, то ему придется вслѣдствіе охлажденія выдѣлить большую часть ихъ на сѣверномъ склонѣ Черныхъ горъ; въ продольную-же долину, находящуюся по другую сторону хребта, онъ попадетъ, уже лишившись значительной доли своей влаги; поэтому здѣсь осадковъ будетъ значительно меньше, черезъ что и растительность станетъ развиваться

„Сырху-барзой"—неправильно; правильнѣе будетъ „Сырху-барзонъ", что означаетъ—красная вершина. Говорятъ, что на самомъ верху этой горы есть красныя скалы, за которыя она и получила свое названіе. Другая вершина—Джимарай-хохъ—на картѣ обозначена также не тамъ, гдѣ указываютъ жители, а восточнѣе, именно рядомъ съ Казбекомъ. Послѣднее также едвали вѣрно, такъ какъ аулъ Джимара находится на Гизельдонѣ и весьма недалекъ отъ той вершины, которая находится между Фіагъ-дономъ и Гизель-дономъ и называется мѣстными жителями Джимарай-хохомъ, т. е. Джимарайскою горою.

съ гораздо меньшей силой. На сѣверномъ склонѣ Черныхъ горъ лѣса, вслѣдствіе благопріятныхъ климатическихъ условій, растутъ очень быстро и иногда вновь появляются на мѣстахъ, гдѣ передъ тѣмъ были уничтожены; поэтому, несмотря на страшное варварское истребленіе, они все еще кое-какъ держатся; на другой же сторонѣ Черныхъ горъ лѣса уже исчезли подъ ударами топора, а молодая поросль отъ уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ пеньковъ гибнетъ отъ зубовъ и копытъ домашняго скота. Истребленію лѣсовъ способствуетъ отчасти и относительно большая густота населенія продольной долины.

Иную картину мы видимъ въ Кубанской области, въ особенности въ западной половинѣ ея. Тамъ, какъ и вообще на западномъ Кавказѣ, атмосферныхъ осадковъ огромное количество; очень много выпадаетъ ихъ и въ продольной долинѣ, о которой идетъ рѣчь, поэтому она до сихъ поръ покрыта почти сплошными лѣсами. Густые дремучіе лѣса покрываютъ такимъ образомъ всѣ горы, ущелья и долины въ верховьяхъ Лабы, Бѣлой, Пшехи и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ сѣверозападнаго Кавказа. Жители многихъ станицъ здѣсь до сихъ поръ жалуются, что имъ негдѣ ни косить, ни сѣять. Надо замѣтить, что огромные, почти сплошные лѣса покрывали эти мѣста и во времена до покоренія Кавказа, когда всѣ горы были населены очень густо. Безчисленное множество садовъ съ прекрасными фруктовыми деревьями, разбросанныхъ оазисами среди лѣсовъ, доказываетъ, что здѣсь во времена горцевъ процвѣтало и садоводство. Въ восточной же части Кавказа, да и во всей почти Терской области, мы встрѣчаемся съ явленіями ксерофилизаціи, т. е. замѣны лѣсовъ жестколистными, часто колючими кустарниками. Къ нимъ принадлежатъ таволга (Spiraea crenata), крушина (Rhamnus), барбарисъ и, кромѣ того, нѣкоторые полукустарники, какъ напр. Astragalus pseudotragacantha, колючки которыхъ такъ остры, тонки и длинны, что къ нему побоится даже прикоснуться какое-нибудь животное, напр. корова или овца.

Спустившись на самое дно долины, мы увидѣли картину, достойную вниманія. Послѣ дождя, который мочилъ насъ въ теченіи всей ночи и, вѣроятно, лишь часа два тому назадъ пересталъ лить въ верховьяхъ Фіагъ-дона, вода въ этомъ послѣднемъ сильно прибыла и мѣстами выступила изъ береговъ. Рѣчка эта вообще очень быстра, но теперь теченіе ея было поистинѣ ужасное, а желтовато-сѣрая вода сдѣлалась мутной, какъ грязь. Всюду она была покрыта волнами, пѣной, брызгами и кипѣла, какъ въ котлѣ. Такъ какъ Фіагъ-донъ течетъ здѣсь по долинѣ довольно просторной, ровной и окруженъ низкими берегами, то мы сво-

нимъ взоромъ сразу могли окинуть его на пространствѣ версты въ полторы или даже болѣе. Онъ несся по дну долины, изгибаясь на подобіе змѣи, то въ ту, то въ другую сторону, и былъ въ это время весь въ движеніи, прыгалъ, метался изъ стороны въ сторону и издавалъ страшный шумъ. Въ тотъ моментъ, сходство его съ какимъ-нибудь сказочнымъ чудовищемъ или гигантской змѣей не могло не придти на умъ. Казалось, что это чудовище находится въ агоніи, испытываетъ страшныя муки, и потому бьется, мечется, извивается во всѣ стороны, реветъ, но никакъ не можетъ освободиться отъ своихъ мученій.

Въ полуверстѣ отъ Кора мы переѣхали по мосту черезъ Фіагъ-донъ, а дальше отправились внизъ, сначала по правому берегу рѣки, а потомъ вблизи Хейдекуша снова перебрались на лѣвый. Здѣсь влѣво отъ дороги были видны огромные наносы изъ щебня, песку и каменныхъ глыбъ всевозможныхъ величинъ. Безъ сомнѣнія это древняя морена огромнаго глетчера, спускавшагося въ ледниковый періодъ съ горъ, въ верховьяхъ Фіагъ-дона. Читателю, можетъ быть, извѣстно, что академикъ Абихъ, швейцарскій ученый Э. Фавръ и нѣкоторые другіе доказали, что въ долинахъ, сосѣднихъ съ этой, или находящихся не особенно далеко отъ нея (долины Ардона, Терека, Уруха), эрратическія образованія, въ видѣ моренъ, валуновъ, царапинъ и шлифованныхъ поверхностей, встрѣчаются всюду и при томъ могутъ быть прослѣжены до выхода этихъ долинъ на плоскость; поэтому трудно было бы ожидать, что въ долинѣ Фіагъ-дона подобныхъ образованій не существовало. Навѣрно они сохранились и ниже Лаца, но тамъ, кажется, никѣмъ не были наблюдаемы. Въ ледниковый періодъ котловина, находящаяся въ верховьяхъ Фіагъ-дона и теперь дающая мѣсто нѣсколькимъ ледникамъ, была, вѣроятно, вся наполнена льдомъ, который черезъ проходъ между Сырху-барзономъ и Царитъ-хохомъ проникалъ въ продольную долину, гдѣ расположены теперь аулы Хейдекушъ, Лацъ и т. д., останавливаясь здѣсь или даже спускаясь еще ниже.

Часа въ 4 пополудни мы прибыли въ Лацъ, расположенный на правомъ берегу Фіагъ-дона и на высотѣ слишкомъ 4300 ф. надъ уровн моря. Лацъ для ближайшихъ ауловъ теперь представляетъ нѣкоторымъ образомъ административный центръ („приходъ“): здѣсь находится канцелярія, живетъ писарь и старшина, въ вѣдѣніи котораго находится нѣсколько ауловъ; въ немъ-же имѣются и верховыя лошади, содержимыя обывателями, и служащія для проѣзда мѣстной администраціи или другихъ лицъ, имѣющихъ открытый листъ. Въ Лацѣ мы должны были отпустить одного изъ проводниковъ, именно того, который былъ взятъ нами

вмѣстѣ съ двумя верховыми лошадьми еще въ Униалѣ, въ первый день нашего путешествія, нанять для себя другихъ лошадей и на нихъ отправиться дальше. Такъ какъ лошади находились на пасгьбѣ и могли быть доставлены только къ утру, то намъ пришлось переночевать въ аулѣ у одного изъ жителей, предложившаго намъ довольно сносную комнату. На слѣдующій день, въ 8 час. утра, мы выступили изъ Лаца. Чтобы миновать высокую гору, находящуюся непосредственно за ауломъ, мы проѣхали еще версты двѣ внизъ по Фіагъ-дону, а потомъ свернули вправо и стали подниматься на хребетъ, по другую сторону котораго тянется долина Гизель-дона. Дорога здѣсь шла вдоль небольшой рѣчки Дзуарикау-донъ, впадающей съ правой стороны въ Фіагъ-донъ. Русло ея замѣчательно въ томъ отношеніи, что переполнено обломками разнообразныхъ минераловъ и притомъ нерѣдко довольно красивыхъ. Здѣсь очень часто попадается свинцовый блескъ, куски мѣднаго и желѣзнаго колчедана, молочный кварцъ, зеленая кремнистая брекчія, известковый конгломератъ и плотный глинистый сланецъ съ прослойками кварца.

Довольно долго наша тропинка шла вдоль самаго берега рѣчки, а потомъ повернула вправо, на склонъ долины Дзуарикау-дона и потянулась по красивой мѣстности, покрытой сплошными лугами. Здѣсь они были еще свѣжѣе и пышнѣе, чѣмъ между Джими и Кора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они представлялись почти совершенно розовыми отъ необыкновеннаго изобилія шпажниковъ (Gladiolus communis). Въ особенности красива была мѣстность вправо отъ дороги: она представляла множество неглубокихъ балокъ и котловинъ, покрытыхъ самою роскошною растительностью. Птицъ, конечно, было здѣсь тоже не мало. Мы видѣли нѣсколькихъ черныхъ грифовъ (Vultur monachus,L), красивыхъ каменныхъ дроздовъ (Petrocincla saxatilis) и много мелкихъ пташекъ. Съ вершины хребта, раздѣляющаго долины Гизель-дона и Фіагъ-дона, открывается по обѣ стороны прекрасные виды. Въ особенности красивой показалась намъ долина Гизель-дона, который раздѣлялся здѣсь на многіе рукава, извивающіеся по широкому плоскому дну долины и окаймленные съ обѣихъ сторонъ лентами изъ разноцвѣтныхъ рѣчныхъ валуновъ. Спускъ съ этого хребта въ долину Гизель-дона по красотѣ мѣстности и разнообразію растительности сильно однако уступалъ подъему на хребетъ.

Спустившись съ горы, мы прошли недалеко отъ ауловъ Ламардона и Кадидура и направились вверхъ по Гизель-дону, къ аулу Джимара.

Мѣстность верстахъ въ двухъ ниже этого аула въ высшей степени

интересна въ геологическомъ отношеніи. Здѣсь съ поразительною отчетливостью сохранились слѣды ледниковаго періода, въ видѣ такихъ громадныхъ моренъ, какихъ почти нигдѣ на Кавказѣ не встрѣчается. Онѣ представляютъ цѣлый рядъ огромныхъ валовъ, идущихъ параллельно другъ-другу и раздѣленныхъ глубокими впадинами. Наиболѣе высокіе изъ нихъ лежатъ футовъ 500 или 600 выше уровня рѣки. Громадные боковыя морены бывшаго ледника, расположившіеся здѣсь въ 4 параллельныхъ ряда, покрыты сверху травой и усѣяны то болѣе мелкими, то достигающими громадныхъ размѣровъ валунами. Эти морены надъ рѣкою образуютъ крутой, отвѣсный уступъ, который обнаруживаетъ самое характерное моренное строеніе. Моренный илъ, щебень, мелкіе камни и глыбы въ тысячи пудовъ вѣсомъ, все это перемѣшано здѣсь безъ всякаго порядка или сортировки. Такія громадныя морены особенно бросаются въ глаза на правой сторонѣ Гизель-дона; на лѣвой-же—онѣ значительно меньше. Это происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что лѣвый склонъ долины гораздо круче и морены его подверглись болѣе сильному сползанію и размыванію. Такія морены тянутся безъ перерыва до самаго аула, да и этотъ послѣдній построенъ на гребнѣ одной изъ нихъ. Огромные валуны всюду навалены по обѣимъ сторонамъ рѣки, все русло ея почти непрерывно загромождено ими и вода съ страшнымъ шумомъ прорывается среди нихъ. Многіе валуны лежатъ въ весьма неустойчивомъ положеніи надъ кручей, образующей высокій берегъ рѣки, и въ скоромъ времени должны будутъ свалиться въ нее. Особенно много крупныхъ валуновъ находится у нижняго конца аула; здѣсь нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ до 2 сажень въ длину и почти такую-же ширину и высоту, достигая такимъ образомъ объема около десяти кубическихъ сажень; валуны же въ 2—3 куб. сажени встрѣчаются часто и ихъ, безъ сомнѣнія, можно насчитать цѣлыя тысячи. Всѣ они состоятъ изъ одного и того-же вещества, именно свѣтло-сѣраго кварцита.

Самое ущелье передъ ауломъ ничего особеннаго не представляетъ, но съ этихъ мѣстъ хорошо видны верховья Гизель-дона, высокія горы, окружающія его, огромныя снѣжныя поля и большой ледникъ.

Въ Джимара мы пріѣхали часа за три до вечера. Это маленькій аулъ, расположенный на лѣвой сторонѣ Гизель-дона на высотѣ около 5750' ф. и, какъ уже было замѣчено, по гребню огромной древней морены. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ дворовъ и съ восточной стороны окаймляется небольшой красивой площадкой, врѣзывающейся угломъ въ самый аулъ и покрытой свѣтлозеленой травкой. Мы думали сначала остановиться на ней и расположиться въ своей палаткѣ; но потомъ это

предположеніе нами было оставлено и мы отправиться къ одному изъ здѣшнихъ жителей, человѣку извѣстному нашимъ проводникамъ съ хорошей стороны.

Здѣсь намъ отвели небольшую саклю въ одну комнату, но не успѣли мы внести въ нее свое имущество, а уже цѣлый аулъ собрался смотрѣть на насъ, какъ на какое-нибудь чудо. Это, впрочемъ, и понятно: маленькій аулъ Джимара лежитъ въ самой глухой части горъ и въ него почти никогда не заглядываетъ никто изъ русскихъ или вообще чужестранцевъ, поэтому многіе изъ жителей его, въ особенности женщины и дѣти, навѣрно еще ни разу не видѣли русскихъ людей. При такихъ условіяхъ мы, конечно, могли казаться имъ чѣмъ-то диковиннымъ. Мальчишки, дѣвчонки, женщины и мужчины наполняли нетолько весь дворъ нашего хозяина, но и взобрались на плоскія крыши всѣхъ сосѣднихъ хатъ, осматривая насъ со всѣхъ сторонъ. П. Н. Венюковъ воспользовался случаемъ и снялъ съ этой пестрой толпы фотографическую карточку, оказавшуюся впослѣдствіи очень интересной.

За часъ предъ заходомъ солнца мы отправились осматривать аулъ и его ближайшія окрестности. Всюду намъ попадались громадные эрратическіе валуны. Непосредственно за нашимъ дворомъ съ западной стороны мѣстность поднимается уступами и здѣсь лежало два громадныхъ также эрратическихъ камня, при чемъ на одномъ изъ нихъ была выстроена цѣлая хата. Огромные валуны валяются и съ сѣверной стороны аула, у самой окраины его. Всѣ они совершенно сходны съ тѣми, которые мы видѣли раньше по пути къ аулу, и многіе изъ нихъ достигаютъ объема также въ нѣсколько кубическихъ саженъ. Все русло рѣки и здѣсь загромождено огромными глыбами камня, которыя не могли быть занесены сюда иначе, какъ только льдомъ.

Жители Джимара произвели на насъ хорошее впечатлѣніе и мы, какъ кажется, пришлись имъ по душѣ, поэтому между нами скоро установились добрыя отношенія. Они съ готовностью исполняли всѣ наши желанія и постоянно толпились около насъ. Двѣ хозяйскія дочки по цѣлому часу сидѣли на порогѣ нашей комнаты, заходили внутрь ея или заглядывали въ окно. Родственники ихъ, кажется, смотрѣли на это не особенно одобрительно, но такъ какъ отца дѣвушекъ, человѣка, какъ намъ говорили, очень строгаго, не было дома, то онѣ и позволяли себѣ нѣкоторыя вольности.

На слѣдующій день, рано утромъ мы отправились къ верховьямъ Гизель-дона, главнымъ образомъ, съ цѣлью осмотрѣть его ледники, отстоящіе отъ аула верстъ на 7. На протяженіи первыхъ приблизительно

верстъ 4 по самому дну долины здѣсь идетъ очень хорошая дорога, и мѣстность по обѣимъ сторонамъ ея покрыта свѣжей зеленой травой и почти лишена камня, дальше-же она сильно измѣняется и становится до крайности каменистой; наконецъ на протяженіи послѣднихъ верстъ двухъ дорога теряется совершенно. Здѣсь все дно долины загромождено грудами каменныхъ обломковъ, частью принесенныхъ водою, частью-же свалившихся съ сосѣднихъ горъ. Ѣхать тутъ уже было невозможно и надо было продолжать путь пѣшкомъ; впрочемъ и идти оказалось страшно скверно; за то окружающія долину горы съ каждымъ шагомъ становились все красивѣе и красивѣе.

Когда оставалось до ледника съ версту, то съ восточной стороны намъ открылась короткая боковая долина съ двумя фирнъ-глетчерами. Одинъ изъ нихъ имѣетъ довольно порядочные размѣры и недалеко отъ нижняго своего конца сильно съуживается, вступая въ тѣсный проходъ между скалами.

Здѣсь русло его образуетъ почти отвѣсный уступъ. Свѣшиваясь съ крутого склона, ледникъ этотъ, вѣроятно, движется сравнительно быстро и какъ только переходитъ черезъ упомянутый уступъ, то обрывается и падаетъ внизъ, сбивая на пути скалы и увлекая за собою огромное количество камней. Говорятъ, что такіе завалы случаются здѣсь очень часто. Когда мы проходили противъ устья этой боковой долины, то нашъ проводникъ изъ всѣхъ силъ упрашивалъ насъ идти какъ можно скорѣе, такъ какъ, по его словамъ, въ лѣтнее время ледяные обвалы случаются здѣсь чуть не ежедневно. Это опасное мѣсто тянулось однако на протяженіи сажень полутораста и представляло такой хаосъ, гдѣ мы должны были все время карабкаться по грудамъ камней; по этому пройти его менѣе какъ минутъ въ 20 было невозможно.

Груды льда, не успѣвшаго еще растаять и перемѣшаннаго съ обломками недавно скатившихся камней, около того мѣста, гдѣ мы шли, самымъ краснорѣчивымъ образомъ говорили о томъ, что недаромъ мѣсто это считается опаснымъ. Мнѣ однако почему-то казалось, что обвала теперь произойти не можетъ, и я шелъ здѣсь медленно и совершенно покойно, собирая даже на ходу кое-какіе растенія и минералы.

Изъ этого ледника вытекаетъ небольшая рѣчка; течетъ она по страшно крутому ложу и образуетъ нѣсколько красивыхъ водопадовъ, имѣющихъ высоту отъ 10 до 15 сажень. Шумомъ своихъ водъ она оглашаетъ все ущелье.

Значительно выше этого фирнъ-глетчера есть еще другой, относительно короткій, но очень широкій. Онъ оканчивается отвѣстной ледяной

стѣной, вѣроятно, не менѣе 10—15 саж. высоты и представляющей всѣ признаки свѣжаго излома льда. Здѣсь, очевидно, также происходятъ частые обвалы, но по все вѣроятности гораздо болѣе внушительныхъ размѣровъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ было уже сказано. Большая крутизна склона, на которомъ виситъ этотъ фирнъ-глетчеръ, служитъ ручательствомъ тому, что безъ ледяныхъ обваловъ здѣсь дѣло обойтись не можетъ.

Съ лѣвой стороны ущелья въ Гизель-донъ мчится еще другая горная рѣчка. Она разбивается на множество отдѣльныхъ потоковъ, несущихся по страшной кручѣ, покрытыхъ пѣной и образующихъ безчисленное множество водопадовъ. Такъ какъ эта рѣчка течетъ по склону, обращенному къ востоку, то въ утренніе часы бываетъ освѣщена солнцемъ особенно сильно и блеститъ какъ серебро, усыпанное драгоцѣнными камнями. Именно въ такой моментъ и намъ пришлось ее видѣть. Нѣсколько ниже слiянія этой рѣчки съ Гизель-дономъ тянется небольшой березовый лѣсокъ, а надъ нимъ высокія черныя скалы.

Горныя породы около ледника состоятъ главнымъ образомъ изъ плотнаго глинистаго сланца (шифера) и кварцитовъ. Черный шиферъ, растертый льдомъ и увлеченный ручьями, текущими подъ глетчеромъ, попадая въ Гизель-донъ, придаетъ темносѣрый цвѣтъ его водамъ. Что касается птицъ, то въ этомъ ущельи мы видѣли двухъ великолѣпныхъ розовыхъ горныхъ щуровъ (Carpodacus rubicilla), кромѣ того горныхъ, вьюрковъ (Plectrofringilla alpicola Pall.), овсянокъ (Hylaespiza cia L), завирушекъ (Accentor alpinus Gm.) и нѣкоторыхъ другихъ; наконецъ нашъ проводникъ, желая разсмотрѣть, гдѣ можно удобнѣе пробраться къ леднику, и поторопившись для этого уйти впередъ, наткнулся на тура. Онъ былъ такъ недогадливъ, что вздумалъ кричатъ намъ и, конечно, этимъ заставилъ осторожное животное тотъ-часъ-же убѣжать вверхъ, въ скалы.

Путь къ главному леднику долины Гизель-дона оказался отвратительнымъ. Въ началѣ мы шли по дну долины, а потомъ стали медленно подниматься на правый склонъ ея. Здѣсь идти было особенно трудно, такъ какъ страшно крутой склонъ представлялъ почти сплошную осыпь. Взбираться на нее можно было не иначе, какъ только зигзагами; передъ самымъ ледникомъ мы увидѣли еще новое препятствіе, именно крутую поперечную балку, которая издали вовсе не была замѣтна. Одинъ склонъ ея представлялъ сплошныя осыпи, а другой крутыя скалы. Около нея, и при томъ высоко надъ дномъ долины, мы встрѣтили много roches moutonnées, положеніе которыхъ указываетъ, насколько великъ былъ ледникъ въ прежнія времена. Теперь, по моему приблизительному опредѣленію, онъ оканчивается на высотѣ около 7868 ф.

Въ верховьяхъ Гизель-дона находится только одинъ ледникъ перваго разряда, который имѣетъ однако довольно значительные размѣры. Внизу онъ очень узокъ, но эта съуженная часть тянется приблизительно только на полверсты. Съ лѣвой стороны на ней моренъ почти нѣтъ, съ правой-же глетчеръ на пространствѣ третьей части своей ширины покрытъ щебнемъ и камнями чернаго цвѣта. Нѣсколько выше онъ сразу сильно расширяется, обѣ стороны его покрываются моренами, средина-же продолжаетъ оставаться чистой и тянется вверхъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ почти по прямой линіи. На нижней узкой части ледника, въ особенности съ правой стороны его, много поперечныхъ трещинъ; кромѣ того здѣсь находятся продольныя широкія ложбины и выдающіеся между ними гребни; они явились вслѣдствіе бокового давленія на ледникъ, который въ этомъ мѣстѣ втискивается въ узкій проходъ между скалами. Своимъ нижнимъ концомъ этотъ ледникъ сильно напоминаетъ Девдоракскій. Подобно ему, онъ оканчивается узкимъ и страшно крутымъ выступомъ, изъ-подъ котораго вытекаетъ бурная мутная рѣчка.

Средняя, болѣе широкая часть ледника, слѣдующая за нижней узкой, значительно круче, и потому при началѣ ея ледникъ образуетъ какъ-бы перегибъ, проходящій въ поперечномъ направленіи черезъ всю ширину его. Этотъ перерывъ хорошо замѣтенъ даже верстъ за 15 отъ глетчера. Съ лѣвой стороны средняя часть ледника пересѣкается множествомъ бугровъ, трещинъ и ямъ; довольно много ихъ находится и посрединѣ ея, правая-же сторона остается болѣе или менѣе ровной.

Въ разстояніи около версты отъ только-что упомянутаго перегиба, ледникъ очень сильно расширяется, поверхность его становится очень ровной и пологой, и только изрѣдка виднѣются на ней кое-гдѣ ямы и трещины. Здѣсь по леднику проходитъ дорога черезъ Боковой хребетъ въ Трусовское ущелье, огибающее Казбекъ съ южной и юго-восточной сторонъ. Выше этой пологой части, ледникъ уже раздѣляется на двѣ вѣтви, которыя тянутся еще довольно далеко. Западная вѣтвь широка и имѣетъ порядочную длину. Она представляетъ ровное, чистое глетчерное поле, покрытое сверху снѣгомъ; только при началѣ его замѣтны большія трещины, черезъ которыя проглядываетъ зеленовато-голубой ледъ. Еще выше эта вѣтвь переходитъ въ пологое снѣжное поле, окруженное въ свою очередь еще гораздо болѣе крутыми снѣжными-же откосами. Во многихъ мѣстахъ изъ нихъ торчатъ черныя скалы. Что-же касается восточной вѣтви глетчера, то мы могли видѣть только часть ея, которая показалась намъ значительно уже западной; мѣстные жители говорятъ, что она и въ длину уступаетъ послѣдней. Обѣ вѣтви раздѣляют-

ся высокой грядой, покрытой снѣгомъ, изъ котораго также кое-гдѣ выдаются черныя зубчатыя скалы. По своей величинѣ ледникъ Гизель-дона долженъ занимать среднее мѣсто въ ряду прочихъ ледниковъ Кавказа.

Всѣ горы съ боковъ этого глетчера покрыты очень большими снѣжными полями. Съ лѣвой стороны его возвышается уже знакомая намъ гора Джимарай-хохъ, а съ правой другая съ очень широкой притупленой вершиной, покрытой огромными сплошными полями. На пятиверстной картѣ Кавказа она не названа никакимъ именемъ, впрочемъ и жители аула Джимара не съумѣли сообщить мнѣ названія ея.

Осмотрѣвъ верховья Гизель-дона, мы снова возвратились въ аулъ, переночевали тамъ, а на слѣдующій день отправились дальше въ долину Геналъ-дона, интересную какъ по своему довольно большому леднику, такъ и горячимъ минеральнымъ источникамъ, на которые ежегодно во время лѣта стекается сотни 2—3 больныхъ осетинъ лечиться отъ ревматизма и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней. Намъ надо было вновь проѣхать долиною Гизель-дона, но уже не вверхъ, а внизъ по ней. Во время пути мы еще разъ посмотрѣли на громадныя древнія морены, отстоящія отъ теперешняго ледника верстъ на 10, а часовъ въ 8 утра достили аула Какадура. Здѣсь мы остановились на нѣсколько минутъ, чтобы сдѣлать фотографическій снимокъ верховьевъ Гизель-дона, которыя съ этого мѣста, хотя и значительно удаленнаго, были видны прекрасно. Нижняя и средняя части ледника, его вѣтви, окружающія ихъ высокія горы и снѣжныя поля открывались намъ теперь во всей своей красѣ.

Еще часъ спустя, мы перебрались вбродъ черезъ Гизель-донъ, который разбивается здѣсь на нѣсколько небольшихъ рукавовъ, и вскорѣ въѣхали въ аулъ Даргавсъ. Священникъ, аульный старшина и еще нѣкоторые изъ болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ аула встрѣтили насъ очень любезно, заставили выпить препрядное количество довольно хорошаго пива, дали намъ подробныя указанія на счетъ того, гдѣ и какъ удобнѣе будетъ остановиться намъ и отыскать проводниковъ къ леднику Тменикау; всѣ они при этомъ совѣтовали обратиться къ старику Типсархо Царахову, который въ прошломъ году вмѣстѣ съ топографомъ Пастуховымъ взошелъ на вершину Казбека и въ вѣдѣніи котораго уже въ теченіи многихъ лѣтъ находятся минеральные источники, расположенные у самаго ледника. Словомъ, жители аула держали себя въ отношеніи насъ крайне любезно, но, къ сожалѣнію, дали намъ очень плохихъ лошадей. Мнѣ напр. досталась такая, у которой вся спина была побита, а шея покрыта ранами, иначе говоря—лошадь, совершенно негодная для ѣзды. Я, конечно, не взялъ ее; рѣшили идти пѣшкомъ. Когда мы выступили, то время уже

подходило къ полдню, солнце палило очень сильно, а между тѣмъ надо было на протяженіи нѣсколькихъ верстъ подниматься на крутую гору, именно на хребетъ, раздѣляющій долины Гизель-дона и Геналъ-дона. Г. Шумовъ нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ пользоваться поочередно его лошадью, но я рѣшилъ всю дорогу пройти пѣшкомъ. Не отставать отъ лошадей, которыя, какъ извѣстно, должно быть, читателю, идутъ всегда на крутую гору очень быстрымъ шагомъ, было мнѣ не легко, но тѣмъ-неменѣе возможно. Когда мы одолѣли послѣдній уступъ и очутились, наконецъ, на самой вершинѣ хребта, гдѣ подувалъ свѣжій вѣтерокъ, я былъ весь мокрый, какъ будто только что вылѣзъ изъ воды. Здѣсь намъ необходимо было съ часъ отдохнуть.

Гребень хребта оказался пологимъ, притупленнымъ и покрытымъ роскошной растительностью. Съ него также открывались во всѣ стороны прекрасныя картины, которыми мы любовались въ теченіе цѣлаго часа. На югѣ, на темно-синемъ небѣ, необыкновенно красиво обрисовывался покрытый вѣчными снѣгами Боковой хребетъ, на вершинѣ котораго клубились въ то время густыя свѣтло-сѣрыя облака, на сѣверѣ—Черныя горы, съ одной стороны скалистыя, а съ другой покрытыя лѣсомъ. Глубоко внизу, въ долинахъ виднѣлись еще крошечные осетинскіе аулы, прилѣпленные къ кручамъ и скаламъ точно гнѣзда ласточекъ, а недалеко отъ нихъ—правильныя, четырехъ-угольныя, свѣтлозеленыя полоски хлѣбныхъ полей.

Спускъ съ этого хребта ничего особеннаго не представляетъ. Передъ ауломъ Тменикау дорога также идетъ внизъ, переходитъ черезъ рѣчку, дѣлаетъ на очень красивой мѣстности два большіе зигзага, потомъ снова поднимается вверхъ и наконецъ входитъ въ аулъ. Послѣдній занимаетъ очень красивое и оригинальное мѣстоположеніе. Онъ расположенъ на самомъ концѣ узкаго, высокаго гребня, ограниченнаго съ боковъ двумя ущельями глубиною, вѣроятно, футовъ 400 или 500. На днѣ ихъ текутъ двѣ рѣчки Геналъ-донъ и Кани-донъ, которыя почти у самаго аула сливаются вмѣстѣ, черезъ что здѣсь и самый гребень оканчивается почти отвѣснымъ мысомъ. Площадка, на которой расположенъ аулъ, имѣетъ въ ширину лишь нѣсколько саженъ и съ трехъ сторонъ обрывается такъ круто, что добраться до нея можно только по тропинкамъ, дѣлающимъ много зигзаговъ. Въ особенности крута сѣверная сторона, обращенная къ тому мѣсту, гдѣ сливаются обѣ упомянутыя рѣчки; здѣсь далеко внизу виднѣется еще нѣсколько маленькихъ ауловъ, расположенныхъ почти у самаго дна ущелья.

Аулъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Верхняго Тменикау; онъ со-

стоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ дворовъ и своей сѣверной стороной примыкаетъ къ кладбищу, расположенному почти надъ самымъ обрывомъ. Кладбище это также довольно замѣчательно. Здѣсь находится много большихъ каменныхъ памятниковъ, снизу до верху наполненныхъ человѣческими скелетами и высохшими трупами. Черезъ небольшія окошечки въ стѣнахъ этихъ памятниковъ хорошо видны одѣтые въ бешметы, рубашки и другіе костюмы почти истлѣвшіе трупы, руки и ноги которыхъ пожелтѣли и высохли, какъ у мумій. Небольшія башни въ 2 или 3 этажа, стоящія на этомъ-же кладбищѣ, также до самаго верху наполнены скелетами; они лежатъ безъ всякаго порядка и на нихъ еще сохранились различныя одежды. Здѣсь же валяется множество череповъ и другихъ человѣческихъ костей. Число этихъ труповъ и скелетовъ навѣрно равняется нѣсколькимъ сотнямъ. Жители Тменикау говорятъ, что лѣтъ сто тому назадъ здѣсь былъ такой моръ, во время котораго люди умирали, какъ мухи, и такъ какъ хоронить ихъ не успѣвали, да часто и некому было, то трупы валили одинъ на другой въ башни и памятники, построенные раньше надъ могилами умершихъ, до тѣхъ поръ, пока они не наполнялись до верху. Сколько я ни распрашивалъ мѣстныхъ жителей, не могъ однако добиться, что за болѣзнь свирѣпствовала здѣсь; но, припоминая разсказы, которыя я слышалъ въ Дигоріи о чумѣ, заставившей всѣхъ жителей разбѣжаться по лѣсамъ, и истребившей чуть не все населеніе, я думаю, что и въ Тменикау свирѣпствовала эта-же болѣзнь, а самый антигигіеническій способъ погребенія мертвыхъ способствовалъ, конечно, еще большему ожесточенію ея.

Мѣстные жители говорили мнѣ, что въ теченіи многихъ лѣтъ, никто не осмѣливался, опасаясь страшной заразы, проникнуть въ эти башни и прикоснуться къ чему-нибудь, лежащему въ нихъ; лѣтъ-же десять тому назадъ нашлись алчные люди, рѣшившіеся воспользоваться нѣкоторыми изъ вещей, вродѣ колецъ, металлическихъ пуговицъ, пряжекъ, принадлежавшимъ покойникамъ. Мы два раза были на этомъ кладбищѣ и очень внимательно осмотрѣли его, хотя оно производило на насъ сильно удручающее впечатлѣніе.

Аулъ Тменикау намъ очень понравился за свое прекрасное мѣстоположеніе. Находясь въ немъ, можно смотрѣть, какъ съ птичьяго полета, на всѣ его ближайшія окрестности; отсюда открывается великолѣпный видъ на ледникъ Геналъ-дона и сосѣднія съ нимъ горы. Ледникъ представляется въ видѣ длиннаго, спускающагося далеко внизъ, до самаго дна долины, языка, образующаго два пологіе изгиба въ формѣ буквы S и имѣющаго сѣро-бѣлый цвѣтъ. Вся его поверхность, изборожденная безчисленнымъ

множествомъ трещинъ, и боковыя морены видны отсюда прекрасно. Аулъ расположенъ на высотѣ 5870 ф. и отстоитъ отъ этого ледника по прямой линіи верстъ на десять.

Въ Тменикау мы остановились въ одной саклѣ, около которой была небольшая, огороженная и покрытая травой площадка. На ней съ разрѣшенія хозяина мы разбили свою палатку и сочли за лучшее расположиться и ночевать въ ней. Ночь была тихая, ясная и теплая, поэтому спать на свѣжемъ воздухѣ было гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ болѣе или менѣе грязной хатѣ.

На слѣдующее утро мы отправились къ леднику Тменикау, который въ сочиненіяхъ о Кавказѣ именуется обыкновенно Тменьковскимъ и относится къ числу восьми болѣе или менѣе значительныхъ глетчеровъ, спускающихся съ Казбека. Лошадь, которую мнѣ дали въ этомъ аулѣ, также оказалась почти негодной для ѣзды, поэтому я отдалъ ее своему проводнику, а самъ отправился пѣшкомъ.

Очень хорошая дорога идетъ вначалѣ на значительной высотѣ по лѣвому склону долины, а потомъ спускается къ самой рѣчкѣ. По сторонамъ ея виднѣются склоны, покрытые свѣжей изумрудно-зеленой травой, а значительно выше болѣе или менѣе голые, скалистые гребни. По мѣрѣ приближенія къ леднику эта дорога постепенно превращается въ тропинку, которая становится все хуже и хуже, въ особенности на протяженіи $1^1/_2$—2 верстъ, гдѣ она извивается по грудамъ камней надъ самой рѣчкой и пересѣкается множествомъ небольшихъ поперечныхъ балокъ. Надо замѣтить, что старикъ Цараховъ постоянно расчищаетъ ее, въ чемъ убѣдились и мы сами, подъѣзжая къ леднику; но, конечно, усилія одного человѣка тамъ, гдѣ ежедневно падаютъ тысячи камней и гдѣ всякимъ другимъ неблагопріятнымъ случайностямъ представляется полный просторъ,—черезчуръ недостаточны. Въ нѣкоторыхъ, хотя правда немногихъ, мѣстахъ дорога была и не вполнѣ безопасна, такъ какъ пролегала по сугробамъ снѣга, уцѣлѣвшаго еще отъ зимнихъ лавинъ, подмытаго уже водою Геналъ-дона и готоваго каждую минуту обрушиться.

Не доѣзжая версты четыре до ледника, мы увидѣли на обоихъ склонахъ долины совершенно явственныя огромныя древнія морены, которыя отъ этого мѣста тянулись безъ всякаго перерыва до самаго ледника. Наиболѣе высокія части ихъ лежали покрайней мѣрѣ футовъ на 300 выше дна долины. Что же касается отдѣльныхъ эрратическихъ валуновъ, то мы встрѣтили ихъ и значительно ниже того мѣста, гдѣ начинаются морены, т. е. недалеко отъ аула.

Часа два съ половиною мы употребили на путешествіе отъ аула до ледника, причемъ довольно тяжело было идти только въ теченіе по-

слѣдняго получаса, такъ какъ въ это время приходилось подъ палящими лучами солнца карабкаться съ одной кручи на другую. Когда мы были почти у самаго ледника, то увидѣли около десятка балагановъ или небольшихъ бараковъ, предназначенныхъ для жилья больныхъ, и около нихъ приблизительно такое-же число ваннъ. То и другое выстроено изъ камня самимъ Цараховымъ, который за извѣстную плату (коп. 30 въ сутки) отводилъ здѣсь помѣщеніе больнымъ и лечилъ ихъ горячими ваннами. Въ одномъ изъ такихъ балагановъ онъ помѣстилъ и насъ; хотя особенныхъ удобствъ здѣсь мы не нашли, но за то были вполнѣ защищены отъ дождя и рѣзкаго холоднаго вѣтра, который дуетъ съ ледника ежедневно по утрамъ и вечерамъ, да кромѣ того въ теченіе всей ночи.

Ванны здѣсь имѣютъ очень простое устройство. Онѣ помѣщаются также въ небольшихъ каменныхъ балаганахъ и представляютъ резервуаръ глубиною аршина въ $1^1/_2$, сдѣланный изъ камня-же въ полу балагана. Со всѣхъ сторонъ резервуаръ окруженъ площадкой, на которой больные раздѣваются; въ каждый изъ балагановъ ведетъ низкій входъ, лишенный дверей, и потому никогда не закрывающійся, и кромѣ того проведена канавка или желобокъ по которому течетъ вода изъ источника. Выходя изъ ваннъ, больные очень часто подвергаются дѣйствію холоднаго вѣтра, дующаго съ ледника, поэтому одѣваются обыкновеннаго въ шубы. Купаются они по нѣсколько разъ въ день и лечатся, сколько я могъ узнать изъ разговора съ ними, главнымъ образомъ отъ ревматизма.

Говоря о ваннахъ, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о владѣльцѣ и устроителѣ ихъ. Это старикъ, которому, вѣроятно, не менѣе 60 лѣтъ, довольно сильно сгорбленный, сухой, уже дряхлый тѣломъ, но, надо думать, бодрый духомъ. Онъ цѣлые дни возится около ваннъ, балагановъ или на дорогѣ къ нимъ, приводя то то, то другое въ порядокъ. Нельзя не упомянуть о томъ, что всѣ сооруженія Царахова были нѣсколько разъ уничтожаемы до основанія наступавшимъ ледникомъ и снова воздвигались имъ, когда ледникъ отступалъ. Въ прошломъ году, какъ я уже говорилъ, этотъ старикъ вмѣстѣ съ топографомъ Пастуховымъ совершилъ трудное восхожденіе на вершину Казбека, т. е. совершилъ дѣло, требующее много энергіи и неустрашимости. Живетъ онъ почти исключительно доходами отъ лечащихся, которые, однако, часто не платятъ ему или платятъ неаккуратно, такъ что годовой заработокъ его едва ли превышаетъ рублей 400.

Горячіе источники находятся теперь очень близко къ леднику, именно самый верхній изъ нихъ отстоитъ отъ глетчера всего на 25 шаговъ. Пять лѣтъ тому назадъ ледникъ нѣсколько удлинился и покрылъ не толь-

ко источники, но и двѣ ванны Царахова; тогда горячая вода текла изъ подъ льда. Въ послѣдніе 4 года источники уже не покрывались льдомъ. Двадцать восемь лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 63 году, ледникъ также сильно отступилъ, и всѣ источники открылись, а послѣ этого онъ неоднократно то удлинялся, то укорачивался, хотя и не сильно. По словамъ Царахова за послѣднія 20 лѣтъ ледникъ, подвигаясь впередъ, 4 раза разрушалъ всѣ его сооруженія. Расположеніе моренъ также показываетъ, что за послѣдніе 2—3 десятка лѣтъ значительныхъ измѣненій въ величинѣ ледника не происходило; лѣтъ-же 60 тому назадъ, какъ разсказываетъ Цараховъ, ледникъ Тменикау былъ версты на $1\frac{1}{2}$—2 длиннѣе, чѣмъ теперь. Существованіе горячихъ источниковъ и ваннъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ ледникомъ невольно заставляетъ обращать вниманіе не только на періодическія колебанія его величины, но постоянно слѣдить за самыми незначительными измѣненіями нижняго конца его. Такъ какъ ничего подобнаго не дѣлается нигдѣ на Кавказѣ, за исключеніемъ развѣ Девдоракскаго ущелья, то эти наблюденія должны имѣть не малое значеніе для изучающаго Кавказскіе ледники. Высота, до которой спускается глетчеръ Тменикау, равняется по приблизительному опредѣленію 7320 фут. надъ уровнемъ моря.

Теплая, содержащая много щелочей, вода пробивается здѣсь изъ земли во многихъ мѣстахъ; главныхъ-же источниковъ всего пять, и они расположены по лѣвую сторону рѣчки на пространствѣ лишь нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ саженъ. Температура воды въ нихъ слѣдующая: 55°, 54°, 53,5°, 48° и 41° Ц. Источникъ, отстоящій отъ глетчера на 25 шаговъ, имѣетъ температуру въ 54° Ц. Когда смотришь на ручейки, текущіе отъ этихъ источниковъ, то невольно поражаешься тѣмъ благотворнымъ вліяніемъ, какое оказываетъ на растенія влага вмѣстѣ съ высокой температурой. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ камни, по которымъ струится теплая вода, сплошь покрыты густой зеленью разнообразнѣйшихъ водорослей и другихъ растеній, тогда какъ все окружающее голо и мертво.

Къ минеральнымъ источникамъ мы пріѣхали приблизительно въ полдень и застали здѣсь, кромѣ больныхъ и самого Царахова, еще 3 человѣкъ охотниковъ-промышленниковъ, которые здѣсь спеціально занимаются истребленіемъ туровъ и продаютъ мясо ихъ больнымъ. Еще подобнаго-же субъекта мы встрѣтили въ Тменикау: онъ пріѣзжалъ сюда также охотиться и, убивши нѣсколько штукъ туровъ, возвращался домой. Здѣсь-же и старикъ Цараховъ время отъ времени охотится за этой рѣдкой дичью. О томъ, что въ верховьяхъ Геналъ-дона водится очень много туровъ, я слышалъ еще раньше и, отправляясь сюда, самъ предполагалъ

поохотиться за ними; но, узнавъ, какъ преслѣдуютъ здѣсь ежедневно этихъ животныхъ, махнулъ рукой на охоту. Въ слѣдующіе дни, поднимаясь довольно высоко и нигдѣ не встрѣчая не только туровъ, но даже ихъ слѣдовъ, я дѣйствительно имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что постояннымъ преслѣдованіемъ ихъ заставили держаться въ самыхъ труднодоступныхъ частяхъ горъ, съ которыхъ они спускаются только ночью. Къ сожалѣнію и послѣднее не спасаетъ несчастныхъ животныхъ отъ смерти, потому что здѣшніе охотники или, лучше сказать, истребители дичи отправляются за турами еще съ вечера, ночуютъ нерѣдко вблизи вѣчныхъ снѣговъ и стрѣляютъ неподозрѣвающихъ опасности животныхъ въ то время, когда на разсвѣтѣ они возвращаются на мѣста, гдѣ обыкновенно проводятъ день. Цараховъ и намъ предлагалъ отправиться за турами на ночь, но мы случайно узнали, что трое осетинъ уже совсѣмъ собрались на охоту и черезъ нѣсколько минутъ должны будутъ двинуться въ путь. Такъ какъ они, безъ сомнѣнія, успѣли-бы прежде насъ попасть на лучшія для охоты мѣста, то это еще болѣе укрѣпило во мнѣ рѣшеніе оставить туровъ въ покоѣ и отложить охоту на нихъ до болѣе удобнаго случая.

Часа въ 4 пополудни я отправился осматривать ледникъ. Прежде всего мое вниманіе было обращено на страшно быстрое теченіе Геналъдона. Вырвавшись нѣсколькими бурными потоками изъ подъ глетчера, онъ несется дальше съ ужасной силой, подобно тому какъ напр. Терекъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ. Осмотрѣвши истоки Геналъ-дона, я взобрался на ледъ у нижняго конца ледника, но вскорѣ убѣдился, что пройти по нему болѣе 15—20 сажень невозможно; поверхность его оказалась здѣсь настолько крутой, что, поскользнувшись на ней и не имѣя возможности за что либо удержаться, пришлось-бы скатиться до самаго конца глетчера и, пожалуй, попасть прямо въ Геналъ-донъ. По этой причинѣ я снова сошелъ съ ледника и направился вверхъ по его боковой моренѣ. Пройдя по ней съ полверсты, я нашелъ мѣсто, гдѣ легко было не только взобраться на ледникъ, но и побродить по немъ на значительномъ пространствѣ. Посидѣвъ здѣсь нѣсколько времени и полюбовавшись какъ глетчеромъ, такъ и окружающими его высотами, я отправился обратно къ нашей стоянкѣ.

Такимъ образомъ мнѣ удалось въ этотъ день осмотрѣть только самую нижнюю часть ледника. Оказалось, что она имѣетъ въ ширину сажень около 200, причемъ лѣвая половина ея болѣе или менѣе чиста, на правой-же—полоса приблизительно въ пол-сотни сажень шириною такъ загромождена щебнемъ и камнемъ, что ледъ проглядываетъ здѣсь лишь

въ немногихъ мѣстахъ. Только самая нижняя часть ледника на разстояніи приблизительно сажень 200 отъ конца его лишена трещинъ, за то она настолько крута, что ходить по ней, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, совершенно невозможно. Особенно крутъ ледникъ у самаго нижняго конца, гдѣ онъ сильно съуживается и оканчивается клинообразнымъ выступомъ, на которомъ очень красиво обрисовывается слоистое строеніе льда. Наконецъ, самый край нижняго конца глетчера, имѣющій сравнительно небольшую толщину, встрѣтивъ при своемъ движеніи груды камней, потрескался и разсѣлся, напоминая гигантскую лапу съ короткими, обрубленными пальцами.

За нижней, крутой частью ледника тянется болѣе пологая, пересеченная множествомъ трещинъ, которыя идутъ въ косвенномъ направленіи къ длинѣ ледника. Она простирается недалеко; за нею ледникъ сразу мѣняетъ свой видъ и становится дикимъ до невозможности, представляя безчисленное множество трещинъ, пропастей и ямъ, между которыми торчатъ ледяные столбы, зубцы и острые гребни. Здѣсь по глетчеру нельзя сдѣлать и десяти шаговъ, тогда какъ въ той части, которая пересѣкается только косвенными трещинами, можно безъ особенныхъ затрудненій перейти съ одной стороны его на другую.

Направляется ледникъ какъ въ нижней части, такъ и на дальнѣйшемъ своемъ протяженіи, почти прямо съ Ю. на С., если, конечно, не принимать во вниманіе тѣхъ двухъ пологихъ изгибовъ, о которыхъ было уже упомянуто раньше.

Я забылъ сказать, что, отдыхая на окраинѣ глетчера, замѣтилъ на противуположной сторонѣ его три маленькія движущіяся фигурки; въ бинокль можно было разсмотрѣть, что это три человѣка, пытающіеся перебраться черезъ глетчеръ. Когда они были почти на срединѣ его, то я при помощи бинокля узналъ въ нихъ охотниковъ, притомъ вооруженныхъ берданками. Опять пришли мнѣ на память несчастные туры, которымъ съ каждымъ годомъ становится жить все хуже и хуже, такъ какъ прежде ихъ стрѣляли только изъ плохихъ кремневыхъ винтовокъ, а теперь изъ усовершенствованнаго, и притомъ весьма порядочнаго европейскаго оружія, которое все болѣе и болѣе распространяется между полудикими племенами Кавказа.

На возвратномъ пути я занялся собираніемъ минераловъ, которые представляютъ здѣсь порядочное разнообразіе и являются нерѣдко въ довольно красивыхъ формахъ; преобладаютъ въ этой мѣстности, однако, двѣ породы, именно глинистые сланцы и трахиты. Очень часто встрѣчается красноватый или коричневаго цвѣта плотный трахитъ съ вкрап-

ленными въ него бѣлыми кристаллами санедина; далѣе трахиты пепельно-сѣраго и черноватаго цвѣтовъ, варіолитъ, зеленая съ желтоватыми и черноватыми полосками кремнистая брекчія (пистацитъ); серпентинъ, очень твердый и красивый глинистый сланецъ зеленоватаго цвѣта, шиферъ, гнейсъ, кварцитъ и т. д.

Слѣдующій день мы рѣшили посвятить болѣе обстоятельному осмотру ледника, и потому встали очень рано. Едва только успѣлъ я показаться за дверью нашего пристанища, какъ одинъ изъ проводниковъ подходитъ ко мнѣ и сообщаетъ, что самый завзятый изъ здѣшнихъ охотниковъ на зарѣ убилъ тура, сдѣлавъ по нему 3 выстрѣла, и теперь уже тащитъ его внизъ по противоположному склону долины. Вооружившись биноклемъ, я, дѣйствительно, увидѣлъ человѣческую фигуру, возившуюся съ тяжелой ношей, которую издали разсмотрѣть было трудно. Вскорѣ, впрочемъ, стало замѣтно, что охотникъ не несетъ тура, а безъ церемоніи сбрасываетъ его съ уступа на уступъ; такимъ образомъ онъ спустился съ туромъ къ самому берегу рѣчки, потомъ съ большимъ трудомъ переправился черезъ нее и поднялся къ баракамъ. Убитое животное оказалось самкой и притомъ довольно молодой.

Закусивши на скорую руку, мы втроемъ отправились вверхъ вдоль ледника. На протяженіи болѣе полуверсты мнѣ пришлось идти по знакомой уже, едва замѣтной тропинкѣ, дальше-же хотя и началась мѣстность, мнѣ не извѣстная, но она не представляла ничего особеннаго. Все время влѣво отъ насъ тянулся глетчеръ, а вправо старыя морены и осыпи, а надъ ними скалы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти послѣднія подходятъ довольно близко къ глетчеру, и тогда на нихъ можно было отчетливо видѣть слѣды движенія льда въ видѣ стиранія, шлифовки, царапинъ и т. д.

Пройдя такимъ образомъ еще версты полторы, мы выбрались на высокій гребень съ боку ледника; съ него открывался очень красивый видъ не только на ледникъ, но и на всѣ окружающія его высоты. Послѣднія образуютъ огромный циркъ, обнимающій болѣе чѣмъ половину окружности и заваленный громаднымъ количествомъ вѣчнаго снѣга, изъ котораго только въ немногихъ мѣстахъ выдаются зубцы и гребни скалъ. Очень крутыя снѣжныя поля находятся здѣсь только въ самой верхней части горъ, нѣсколько ниже они становятся болѣе отлогими, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и чередуются съ крутыми уступами. Наконецъ, въ нижней части всѣ они мало-по-малу переходятъ въ глетчеръ. Верхняя часть этого послѣдняго довольно широка и пересѣкается безчисленнымъ множествомъ трещинъ, въ особенности съ правой стороны. Еще ниже тянется болѣе пологая часть, поверхность которой вдоль средины лед-

ника сильно поднята, а къ краямъ понижена. Такимъ образомъ здѣсь получается высокое закругленное вздутіе, простирающееся вдоль ледника. Оно также по всѣмъ направленіямъ изрѣзано трещинами и на поверхности представляетъ пересѣкающіеся подъ всевозможными углами крутые гребни и выступы. Наконецъ, за этой частью слѣдуетъ та, которая была мною осмотрѣна наканунѣ и уже описана раньше.

Съ того гребня, на которомъ мы сдѣлали небольшой привалъ для болѣе или менѣе обстоятельнаго осмотра ледника и окружающихъ его горъ, открывался также красивый видъ на долину, направляющуюся къ западу и почти перпендикулярно къ той. въ которой движется ледникъ. Она очень широка, просторна и тянется версты на 2 или на 3; относительно ровное дно ея почти всюду засыпано камнемъ; по дну течетъ довольно большая быстрая рѣчка съ такой-же мутной, темно-сѣрой водою, какъ въ Геналъ-донѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта долина соединяется съ главной, занятой глетчеромъ, рѣчка уходитъ подъ ледъ и течетъ тамъ, очевидно, до самаго конца глетчера. Съ юга и запада надъ долиной поднимаются очень высокія горы, покрытыя большими снѣжными полями, и вся вода, которая получается отъ таянія ихъ, стекаетъ въ эту единственную рѣчку. Съ сѣверной стороны долины также поднимаются горы, но они относительно низки, скалисты и болѣе или менѣе покрыты растительностью. Я подумывалъ о томъ, не удастся-ли мнѣ увидѣть гдѣ-нибудь на нихъ туровъ, и потому еще по пути къ тому гребню, на которомъ мы сдѣлали привалъ, подвигался впередъ довольно осторожно и внимательно осматривалъ всѣ скалы и утесы. Вмѣсто туровъ я увидѣлъ, однако, осетинскій скотъ, и тогда, конечно, всякіе помыслы объ охотѣ долженъ былъ оставить.

Долина, о которой идетъ рѣчь, безъ сомнѣнія была прежде занята довольно большимъ, широкимъ ледникомъ. Огромныя старыя морены, покоющіяся теперь на днѣ ея, служатъ неопровержимымъ доказательствомъ этому. Одна большая морена, идущая поперекъ долины, лежитъ въ сторонѣ ея; она была когда-то конечной мореной ледника; другая (краевая) тянется вдоль всей долины и почти доходитъ до современныхъ моренъ Тменикау. Во время путешествія сбоку ледника мнѣ удалось также видѣть во многихъ мѣстахъ доказательства того, что и ледникъ Тменикау, подобно прочимъ ледникамъ Кавказа, имѣлъ прежде гораздо большіе размѣры. Въ томъ углу, гдѣ его долина соединяется съ только-что описанной, во многихъ мѣстахъ на скалахъ замѣтны слѣды движенія льда въ видѣ бараньихъ лбовъ, курчавыхъ скалъ, царапинъ и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ лежатъ очень высоко, именно саженъ на 50 выше современнаго

уровня льда. Ниже мѣста, гдѣ обѣ долины соединяются, съ боку ледника Тменикау, на высотѣ сажень 20 надъ его поверхностью, также замѣтны обтертыя льдомъ скалы и всюду на нихъ характерныя царапины. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ зеленые, очень твердые глинистые сланцы чередуются съ обыкновеннымъ шиферомъ, эти слѣды особенно явственны. Царапины замѣчены нами и на многихъ камняхъ, валяющихся у подножья этихъ скалъ.

Осмотрѣвъ верховья Геналъ-дона, мы возвратились въ аулъ Тменикау, а оттуда направились къ военно-грузинской дорогѣ. Съ аула намъ нужно было спуститься по крутой извилистой тропинкѣ къ Геналъ-дону, переѣхать его, а потомъ еще перевалиться черезъ пологій, но довольно высокій хребетъ, раздѣляющій долины Геналъ-дона и Терека. Вся эта дорога, за исключеніемъ спуска въ долину Терека, ничего особеннаго не представляетъ; но спускъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что проходитъ по очень живописной мѣстности вдоль небольшой рѣчки, впадающей въ Терекъ. Въ началѣ его дорога окружена со всѣхъ сторонъ пышными лугами, а потомъ вступаетъ въ лѣсъ. За двухнедѣльное пребываніе въ горахъ мы нигдѣ не видѣли такого веселаго ландшафта и такого изобилія лѣса, какъ здѣсь. Почти полтора часа мы шли по этому лѣсу и, наконецъ, часовъ въ 7 вечера, выбрались на военно-грузинскую дорогу между Балтой и Ларсомъ.

Н. Динникъ.

Путешествіе по Пшавіи и Тушетіи.

I.

Долина Бѣлой Арагвы. Горы между Арагвой и Іорой. Растительность. Древняя церковь. Верхнія и нижнія Тіонеты. Дорога къ Алазанской долинѣ. Видъ на нее съ горы. Долина рѣки Ильто. Селеніе Ахмети. Переправа черезъ Алазань. Долина Штори, ея лѣса, звѣри и птицы. Восхожденіе на перевалъ Мтидъ-гверди. Красивая мѣстность. Путешествіе въ область облаковъ и надъ ними. Видъ на верховья Штори, Алазани и Лопоти съ вершинъ горъ. Видъ на Пирикительскій хребетъ и верховья Андійскаго Койсу съ гребня Главнаго хребта. Перевалъ Мтидъ-гверди. Спускъ съ него.

Во второй половинѣ іюня пріѣхалъ я вмѣстѣ со своимъ спутникомъ Т. въ селеніе Анануръ, расположенное на правомъ берегу Бѣлой Арагвы у самой Военно-грузинской дороги. Здѣсь намъ надо было отыскать себѣ проводника и верховыхъ лошадей, чтобы проѣхать отсюда черезъ Тіонеты и Алазанскую долину въ Тушетію. При помощи старшины мы очень скоро наняли себѣ въ проводники одного молодаго грузина, который, предложивъ намъ своихъ лошадей, взялся сначала сопровождать насъ только до Тіонетъ, а потомъ, вѣроятно, почувствовавъ себя болѣе или менѣе хорошо въ нашемъ обществѣ, изъявилъ желаніе остаться при насъ на все время нашего пребыванія въ горахъ. Такъ какъ онъ довольно хорошо говорилъ по русски, зналъ, конечно, грузинскій языкъ и могъ служить намъ переводчикомъ, то мы съ удовольствіемъ приняли его предложеніе.

Анануръ и его окрестности слишкомъ извѣстны для того, чтобы описывать ихъ. Замѣчательна здѣсь только старинная церковь съ поросшимъ уже травою куполомъ, выстроенная, какъ говорятъ, въ 1704 г. эриставомъ Георгіемъ, принявшимъ впослѣдствіи въ угоду туркамъ магометанство *).

*) Эта церковь описана графомъ И. Толстымъ и Кондаковымъ въ ихъ сочиненіи „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, вып. 4-й, 1891 г., стр. 76.

Дорога отъ Ананура къ Тіонетамъ идетъ спачала по правому берегу Бѣлой Арагвы и на большей части своего протяженія тянется на нѣкоторой высотѣ надъ рѣкою по густому мелкому лѣсу, состоящему главнымъ образомъ изъ кизила, орѣшника и ольхи. Арагва, повернувшая у Ананура подъ прямымъ угломъ, течетъ здѣсь почти прямо къ востоку и на широкомъ, ровномъ, усыпанномъ гальками днѣ долины, разбивается на множество отдѣльныхъ рукавовъ. На островахъ и по берегамъ рѣки здѣсь также растетъ ольха, облѣпиха (Hippophae rhamnoides L.), гребенчукъ (Tamarix) и т. д. Съ лѣвой стороны долины Арагвы поднимаются довольно высокія горы, покрытыя почти сплошнымъ лѣсомъ.

Такой характеръ сохраняетъ эта долина на протяженіи верстъ семи, именно до селенія Жинвани, расположеннаго на высотѣ 2400 ф. и приблизительно на версту ниже сліянія Пшавской Арагвы, получающей начало на горахъ Пшавіи и Хевсуріи, съ Бѣлой Арагвой. Отъ Жинвани долина Арагвы нѣсколько съуживается и направляется почти прямо на югъ; но здѣсь наша дорога переходитъ на лѣвый берегъ рѣки и съ каждымъ шагомъ все больше и больше удаляется отъ нея. Кромѣ того она входитъ въ лѣсъ и начинаетъ подниматься на довольно большую гору, составляющую часть того хребта, который на протяженіи многихъ десятковъ верстъ служитъ водораздѣломъ между Іорой и Арагвой. Дорога здѣсь довольно широка, хорошо наѣзжена, идетъ по твердому каменистому грунту, и если бы не пересѣкалась многими крутыми балками, то могла бы служить и для ѣзды въ легкихъ экипажахъ; обыкновенно-же по ней ходятъ пѣшкомъ, ѣздятъ верхами и на арбахъ. Густой, но уже довольно сильно пострадавшій отъ топора, лѣсъ тянется здѣсь все время по обѣимъ сторонамъ дороги. Онъ состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ древесныхъ и кустарныхъ породъ, при чемъ послѣднія, кажется, преобладаютъ надъ первыми. Виноградная лоза поднимается здѣсь по стволамъ деревьевъ на высоту нѣсколькихъ саженъ и достигаетъ часто 3—4 дюймовъ толщины. Несравненно чаще встрѣчается держи-дерево (Paliurus aculeatus), увѣшанное множествомъ блестящихъ желто-зеленыхъ плодовъ, въ видѣ блюдочекъ или розетокъ, и выглядывающее довольно красиво, но очень непріятное за свои острыя, крѣпкія колючки. Также часто встрѣчается ломоносъ (Clematis vitalba L.), вьющееся съ бѣлыми цвѣтами растеніе, которое такъ

сильно заплетаетъ своими длинными стеблями кустарники и небольшія деревца, что они превращаются въ нѣчто похожее на балаганъ или шатеръ, въ который пролѣзть почти невозможно. Кромѣ того здѣсь очень часто встрѣчаются еще слѣдующія кустарныя и древесныя растенія: боярышникъ, кизилъ (Cornus mascula), свидина (Cornus sanguinea), шишки (Mespilus germanica), орѣшникъ, бирючина (Ligustrum vulgare), сумакъ (Rhus cotinus) съ красивой зеленью и пушистыми метелками; далѣе яблоня, груша, черешня, кленъ (Acer campestris), липа, вязъ (Ulmus campestris), дубъ, букъ (Fagus silvatica), ясень и чаще всего грабъ (Carpinus orientalis Lam.), дерево среднихъ, даже чаще небольшихъ размѣровъ, съ мелкими складчатыми листьями, встрѣчающееся по сторонамъ дороги почти на каждомъ шагу; наконецъ, попадаются здѣсь, главнымъ образомъ, впрочемъ, вблизи жилья, волошскіе орѣхи, но далеко не такіе пышные и красивые, какъ въ Имеретіи или Мингреліи.

Проѣхавъ верстъ 7 отъ Жинвани и взобравшись на вершину горы, мы попали на небольшую полянку, окруженную со всѣхъ сторонъ мелкимъ лѣсомъ. На ней стоитъ полуразрушенная старинная грузинская церковь, имѣющая видъ четыреугольника длиною въ 25 аршинъ и шириною 18. Церковь сложена частью изъ тесанаго камня, частью изъ простыхъ, неотесанныхъ плитъ плотнаго извѣстняка или песчаника съ прослойками бѣлаго кварца. Тесанный камень представляетъ очень крупные куски; нѣкоторые изъ нихъ при достаточной ширинѣ и толщинѣ имѣютъ длину въ 2 арш., большая-же часть приблизительно въ аршинъ. Куполъ церкви сдѣланъ изъ тесанаго камня, а своды изъ плитъ.

Внутри церковь также представляетъ четыреугольникъ; алтарь выступаетъ наружу въ видѣ полукруглой абсиды, шириною въ 6 аршинъ; съ обоихъ боковъ его находятся еще по одному отдѣленію въ родѣ узкой комнаты. Въ одной изъ нихъ сохранились каменныя скамейки, а въ другой на полу сложенъ маленькій сводъ, подъ которымъ находится пустое пространство, напоминающее небольшой погребъ или какой-то подземный ходъ. Потолокъ церкви имѣетъ видъ цилиндрическаго свода, въ срединѣ котораго находится еще куполъ въ византійскомъ стилѣ. Половина купола, впрочемъ, уже разрушилась. Окна церкви очень узкія и высокія, напоминающія своей формой бойницы. На наружныхъ стѣнахъ церкви они окаймлены

высѣченными на камняхъ стѣнъ валиками, а въ одномъ мѣстѣ (со стороны входа въ церковь) въ простѣнкахъ между окнами на плитахъ песчаника находятся кромѣ того орнаменты. Съ сѣверной стороны церкви непосредственно къ самой стѣнѣ ея примыкаетъ еще небольшая пристройка въ $8^1/_2$ арш. длины и 5 ширины. Она гораздо ниже церкви, имѣетъ крышу въ видѣ простого ската, а внутри сѣверная и южная стороны ея вмѣстѣ съ потолкомъ образуютъ сплошной параболическій сводъ; западная-же и восточная также представляютъ двѣ кривыя поверхности,—какъ бы не законченные, не переходящіе другъ въ друга своды; кромѣ того въ стѣнѣ, обращенной къ востоку, находится дверь, шириною около аршина и высотою около двухъ аршинъ

По словамъ нашего проводника Егора, этотъ храмъ построенъ во имя Божіей Матери. Въ книгѣ гр. Толстого и Кондакова я не нашелъ описанія этого храма и, не зная вообще, существуетъ ли оно, рѣшилъ дать ему мѣсто въ своей статьѣ, вовсе не посвященной археологіи.

Недалеко отъ церкви по лѣсу протекаетъ небольшой ручеекъ, въ которомъ мы набрали воды для чая и напоили своихъ лошадей. Такъ какъ въ это время было уже часовъ 6 вечера, то мы рѣшили на полянѣ, вблизи церкви, переночевать. Трудно забыть эту чудную ночь. Она была умѣренно теплая и совершенно тихая; небо блестѣло безчисленнымъ множествомъ звѣздъ; свѣжій, чистый, ароматный воздухъ дѣйствовалъ какъ-то особенно пріятно на нервы; кромѣ шума, производимаго нашими лошадьми, не было слышно ни одного звука, и только изрѣдко это безмолвіе и тишина нарушались доносившимся издали крикомъ совы и завываніемъ какого-нибудь звѣря. Невольно вспомнилъ я слова нѣмецкаго писателя про „бѣдныхъ жителей городовъ“, никогда не видящихъ небесъ и земли въ ихъ истинномъ великолѣпіи.

За развалинами церкви, дорога къ Тіонетамъ идетъ по склону горы, при чемъ вправо отъ нея и параллельно ей тянется довольно глубокая и широкая долина, покрытая сплошнымъ лѣсомъ. Между деревьями среднихъ размѣровъ видны въ ней огромные чинары, букъ (Fagus silvatica), прямые стволы которыхъ, покрытые гладкой свѣтлосѣрой корой, уже издали обращаютъ на себя вниманіе. На днѣ этой долины блеститъ небольшое озерцо, напоминающее обыкновенный прудъ, образовав-

шійся вслѣдствіе сооруженія плотины на днѣ глубокой балки. Отъ него доносится слабый однообразный шумъ воды.

На этой дорогѣ, также почти все время идущей по лѣсу, встрѣтили хорошо одѣтаго грузина, съ тщательно вычищенной кремневой азіатской винтовкой. Этотъ грузинъ оказался полѣсовщикомъ. Я поинтересовался распросить его о томъ, какіе звѣри водятся въ охраняемыхъ имъ лѣсахъ, и изъ его разсказовъ узналъ, что здѣсь очень много медвѣдей, есть дикія козы, кромѣ того зимою часто попадаются олени, которыхъ, лѣтомъ приходится видѣть однако очень рѣдко.

Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ по лѣсу, мы выбрались наконецъ на опушку его, гдѣ дорога начинаетъ уже спускаться внизъ. Отсюда открывается прекрасный видъ на Тушури или Верхнія Тіонети. Это живописное мѣстечко расположено у сліянія нѣсколькихъ ручьевъ, составляющихъ рѣчку Куспо, на полянѣ, которая окружена со всѣхъ сторонъ сплошными лѣсами, растущими по склонамъ горъ, поднимающихся тысячи на полторы футовъ выше селенія. Внизу, вблизи подошвы ихъ, гдѣ лѣсъ уже кончается, вокругъ селенія красиво разбросаны во всѣхъ направленіяхъ длинныя узкія полоски хлѣбныхъ полей.

Верстахъ въ 6 отъ этого мѣста находятся Нижнія Тіонети—уѣздный городокъ, въ которомъ сосредоточено управленіе Пшавіей, Хевсуріей и Тушетіей. Это, безъ сомнѣнія, лучшій изъ городковъ Закавказья. Онъ расположенъ также на днѣ долины, окруженъ со всѣхъ сторонъ лѣсами и горами. Около самыхъ Тіонетъ, съ восточной стороны, протекаетъ довольно большая рѣчка Іора, которая разбивается здѣсь на нѣсколько рукавовъ. Благодаря возвышенному положенію (3627 ф. надъ ур. моря), Тіонети имѣютъ очень здоровый климатъ, прохладное лѣто и прекрасный свѣжій воздухъ.

Въ Тіонетахъ, знакомыхъ мнѣ уже раньше, мы остановились лишь на нѣсколько часовъ, чтобы сдѣлать кое-какія закупки для путешествія по горамъ, гдѣ ни магазиновъ, ни лавокъ уже не существуетъ вовсе, и затѣмъ отправились дальше. Дорога отъ Тіонетъ къ Алазанской долинѣ переходитъ черезъ Іору и дальше на протяженіи болѣе 15 верстъ тянется по лѣсу. Она недавно раздѣлана, обставлена съ боковъ выкрашенными въ бѣлый цвѣтъ деревянными столбиками и выглядываетъ очень красиво. Такъ какъ эта дорога на большей части своего протяженія располагается на довольно значительной высотѣ (при-

близительно на 3500—4000 ф. надъ ур. моря), то лѣса, окаймляющіе ее съ обѣихъ сторонъ, значительно разнятся отъ тѣхъ, которые растутъ напр. по Арагвѣ и вообще на болѣе или менѣе низкихъ мѣстахъ. Они состоятъ здѣсь изъ бука, дуба, граба; значительно рѣже попадается яблоня, груша, лыча; но волошскій орѣхъ, плющъ, виноградъ и держи-дерево почти не встрѣчаются. Зато здѣсь растетъ въ изобиліи ежевика, ожина и, кромѣ того, сильно ядовитая Atropa Belladonna L. Послѣднее растеніе мнѣ раньше почти не встрѣчалось, здѣсь-же по сторонамъ дороги оно попадается почти на каждомъ шагу.

Часовъ въ 6 по полудни, послѣ 4 или 5 часовой ѣзды по вѣковому тѣнистому лѣсу, занявшему все пространство между Тіонетами и Алазанской долиной, выѣхали мы наконецъ на открытое мѣсто. Глазамъ нашимъ открылась въ это время картина, передъ которой окажется безсильнымъ всякое перо. Мы находились въ это время на болѣе или менѣе высокой горѣ, и знаменитая Алазанская долина съ ея безчисленными виноградниками, садами и рощами, разстилалась у нашихъ ногъ. По срединѣ ея тянулась блестящая, какъ серебро, узкая лента, образующая множество петель и извилинъ,—это рѣка Алазань. Берега ея всюду были покрыты рощами, перелѣсками, лугами и золотистыми нивами, а значительно дальше, по обѣимъ сторонамъ долины, тянулись болѣе или менѣе высокія горы, отъ низу до верху заросшія густымъ лѣсомъ; у подножья ихъ виднѣлись небольшія селенія; кромѣ того, верстъ 20 отъ насъ, на самой срединѣ долины, отчетливо обрисовывался величественный бѣлый Алавердскій соборъ, остроконечный куполъ котораго поднимается на 32 сажени отъ земли. Прекрасно видно отсюда селеніе Ахмети, прославившееся хорошимъ кахетинскимъ виномъ, и широкая Альванская долина, гдѣ Алазань разбивается на множество отдѣльныхъ рукавовъ и принимаетъ въ себя справа и слѣва по нѣскольку мелкихъ притоковъ.

Полюбовавшись въ теченіи минутъ десяти этой прекрасной картиной, мы черезъ поля и луга начали спускаться къ Алазанской долинѣ. Въ это время солнце склонилось еще ниже, воздухъ сдѣлался замѣтно прохладнѣе, горы и деревья стали отбрасывать длинныя извилистыя тѣни, чередовавшіяся со свѣтлыми полосами, освѣщенными послѣдними лучами догорающаго солнца, и Алазанская долина стала еще гораздо красивѣе и живописнѣе. Чтобы попасть въ нее, мы должны были проѣ-

хать нѣсколько верстъ вдоль рѣчки Ильто. Верхняя часть ея долины, направляющаяся почти прямо съ сѣвера на югъ, очень живописна; она страшно глубока, окружена высокими горами и кромѣ сплошной зелени лѣсовъ глазъ не открываетъ ни на днѣ, ни на склонахъ ея ровно ничего; на протяженіи верстъ 25 отъ начала ея на склонахъ Кавказскаго хребта въ ней нѣтъ даже ни одного аула или селенія. Верстахъ въ 10 выше сліянія Ильто съ Алазанью, Ильто поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ и направляется на востокъ. Здѣсь долина ея измѣняетъ свой характеръ и становится болѣе или менѣе широкой и просторной.

Проѣхавъ верстъ 7 или 8 по правому берегу Ильто, мы попали наконецъ въ селеніе Ахмети, расположенное на рѣкѣ Орбели, впадающей въ Алазань. Далеко разбросанные другъ отъ друга домики Ахмети раздѣляются садами и даже хлѣбными полями. Виноградниковъ здѣсь очень много, кое-гдѣ растетъ инжиръ (винная ягода), но лучшимъ украшеніемъ этого селенія надо считать огромные, раскидистые волошскіе орѣхи. Подъ однимъ изъ нихъ, на хорошенькой, покрытой зеленой травой площадкѣ, мы расположились на ночлегъ. Вечеръ былъ превосходный, тихій и теплый, а небо свѣтилось безчисленнымъ множествомъ звѣздъ. Въ здѣшнемъ духанѣ мы добыли себѣ сыру и за очень дешевую цѣну отличнаго вина; потомъ приготовили чай и подъ открытымъ небомъ, послѣ болѣе или менѣе утомительной дороги въ теченіи цѣлаго дня, закусили и выпили вина съ такимъ наслажденіемъ, которое можетъ оцѣнить только путешественникъ по горамъ, изо-дня въ день работающій всѣми мускулами своего тѣла и дышащій самымъ здоровымъ горнымъ воздухомъ.

На слѣдующій день намъ надо было проѣхать еще верстъ 15 внизъ по Алазанской долинѣ, затѣмъ повернуть влѣво, на сѣверъ, въ долину рѣки Штори, по ней подняться на склоны Главнаго Кавказскаго хребта, переночевать тамъ и тогда уже перевалиться на сѣверную сторону его, именно въ Тушетію, съ природой которой мнѣ хотѣлось познакомиться. Но прежде всего этого намъ предстояло совершить нелегкое дѣло, именно переправиться вбродъ черезъ Алазань, въ которой вода, вслѣдствіе дождей, перепадавшихъ передъ этимъ въ горахъ довольно часто, прибыла очень сильно. Мы выбрали мѣсто, гдѣ рѣка разбивается на нѣсколько рукавовъ, въ надеждѣ, что здѣсь ее пере-

ѣхать будетъ легче. Дѣйствительно черезъ первые два мы перебрались безъ затрудненія, но третій оказался гораздо глубже и быстрѣе, чѣмъ мы предполагали. Вода въ немъ была мутна, какъ грязь, и когда мы въѣхали въ середину его, то вокругъ насъ она бушевала съ такою силою, что у меня, не смотря на привычку къ подобнымъ переѣздамъ, закружилась голова, а лошадь моя едва удержалась на ногахъ. Наши проводники также, кажется, немного струсили и нѣсколько разъ кричали мнѣ и моему спутнику, чтобы мы сильнѣе подтягивали повода и не давали лошадямъ смотрѣть на воду. Какъ я ни старался приподнять ноги, но сапоги мои, доходившіе до колѣнъ, всетаки оказались потомъ полными воды.

Внизъ по Алазанской долинѣ мы ѣхали до полдня и утомились за это время гораздо сильнѣе, чѣмъ во всѣ предыдущіе дни. Причиной этому была страшная, разслабляющая жара и духота въ воздухѣ этой мѣстности. По всему было замѣтно, что и здѣсь дѣло клонится къ дождю, и потому въ долинѣ, отличающейся вообще жаркимъ лѣтомъ, сдѣлалось жарко и душно въ высшей степени. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ того момента, когда мы доберемся до селенія Пшавели, свернемъ въ горы и вступимъ въ прохладные лѣса. Прежде этого, однако, намъ надо было отдохнуть, покормить лошадей и запастись кое-какой провизіей. Мы добрались до рѣчки Штори, переѣхали черезъ нее и на одной хорошенькой полянкѣ сдѣлали привалъ, часа на полтора. Звонкій, скрипучій крикъ цикадъ не умолкалъ вокругъ насъ ни на минуту, но какъ я ни старался поймать хотя одну изъ нихъ, всѣ мои труды пропали даромъ. Только шкурка, сброшенная при линькѣ однимъ очень крупнымъ насѣкомымъ этого вида, была слабымъ вознагражденіемъ за всѣ мои хлопоты.

Когда мы отдыхали на этой полянкѣ, къ намъ подъѣхалъ одинъ грузинъ, вѣроятно, знакомый нашихъ проводниковъ. Онъ привезъ съ собою тунгу хорошаго вина и не хотѣлъ отстать отъ насъ до тѣхъ поръ, пока все оно не было выпито. Благодатная сторона, подумалъ я. Гдѣ-нибудь въ центрѣ Россіи за такое количество вина, да при томъ, безъ сомнѣнія худшаго качества, надо было бы заплатить нѣсколько рублей, а здѣсь имъ угощаютъ перваго попавшагося.

Послѣ отдыха, въ часъ или два пополудни, мы вступили въ сплошные дѣвственные лѣса долины Штори. Растительность

здѣсь очень разнообразна и богата. Ясень, кленъ, вязъ (Ulmus campestris), грабъ, боярышникъ, а также каштанъ и волошскій орѣхъ встрѣчаются всюду; виноградная лоза въ дикомъ состояніи поднимается на громадныя столѣтнія деревья, оплетаетъ ихъ отъ корня до вершины и перебрасывается съ одного дерева-великана на другое. Рядомъ съ нею встрѣчаются чуть не на каждомъ шагу иныя вьющіяся растенія: плющъ, ломоносъ (Clematis vitalba) и еще одна огромная ліана съ листьями, напоминающими листья ясени, и вѣтвями, которыя подобно змѣямъ висятъ въ воздухѣ и переплетаютъ вѣтви и стволы почти всѣхъ деревьевъ, какъ въ тропическихъ лѣсахъ. Кромѣ того здѣсь растетъ много кустарниковъ, напр. сумакъ (Rhus cotinus) съ красивыми, розовыми, пушистыми метелками, кизилъ, держи-дерево, розы, ожина и т. д. Вообще этотъ лѣсъ такъ густо заплетенъ вьющимися растеніями, такъ изобиленъ различнаго рода колючими кустарниками, что во многихъ мѣстахъ его безъ ножа или топора буквально невозможно сдѣлать ни шагу.

Ѣхали мы по лѣсу часа четыре. Подъемъ въ началѣ былъ очень пологъ и почти незамѣтенъ, но потомъ тропинка, дѣлая безчисленное множество зигзаговъ, повела на такую крутую гору, что намъ нужно было спѣшиться и вести своихъ лошадей на поводахъ. Часа за полтора до наступленія сумерокъ мы остановились на маленькой изумрудно-зеленой лужайкѣ, гдѣ было достаточно корма для лошадей. Эта лужайка, окруженная со всѣхъ сторонъ дѣвственнымъ чинаровымъ лѣсомъ, по моему приблизительному опредѣленію, находилась на высотѣ около 5400 ф. надъ уровнемъ моря и была расположена на гребнѣ, съ котораго открывался прекрасный видъ на разстилавшіяся у нашихъ ногъ долины Штори и Алазани. Что касается первой, то ни въ ней самой, ни на окружающихъ ее горахъ не было видно ни одной квадратной сажени, не покрытой лѣсомъ.

Мѣстность вокругъ лужайки имѣла флору, уже совершенно отличную отъ флоры Алазанской долины. Ни винограда, ни орѣховъ здѣсь не было вовсе, а преобладающей лѣсной породой являлся букъ (Fagus silvatica); кромѣ того довольно часто попадался вязъ, рѣже липа и кленъ, а въ одномъ мѣстѣ, вблизи полянки, площадь приблизительно въ четверть десятины заросла одною бузиною (Sambucus nigra). Изъ травянистыхъ растеній здѣсь чаще всего встрѣчаются папоротники (Pteris aquilina L. и другіе), кромѣ того на всѣхъ деревьяхъ рас-

теть множество лишайниковъ; между ними прежде всего бросается въ глаза Usnea barbata, которая на вѣтвяхъ полузасохшихъ буковыхъ деревьевъ виситъ пасмаліи въ видѣ грязно-зеленыхъ бородъ, иногда почти въ сажень длиною.

За все время путешествія по этому лѣсу я не видѣлъ ни одного звѣринаго слѣда и невольно вспоминалъ многія мѣста Кубанской области и Черноморскаго округа, гдѣ въ лѣсу почти на каждой дорожкѣ или тропинкѣ можно встрѣтить слѣды медвѣдей, кабановъ, оленей или козъ, и гдѣ среди дня нерѣдко натыкаешься на этихъ животныхъ. Меня удивило, что въ такихъ огромныхъ густыхъ лѣсахъ дичи какъ будто-бы вовсе нѣтъ и я завелъ разговоръ на эту тему со своими проводниками. Они отвѣчали, что звѣрей здѣсь довольно много, что зимою въ этихъ мѣстахъ часто убиваютъ козъ, оленей, а осенью медвѣдей, но что вблизи дороги, по которой постоянно ѣздятъ, они не держутся. Съ объясненіемъ этимъ я однако не могу вполнѣ согласиться, такъ какъ знаю, что въ мѣстахъ, очень богатыхъ крупной дичью, напр. въ горахъ Майкопскаго и Екатеринодарскаго уѣздовъ, она встрѣчается около самыхъ станицъ и поселковъ.

Птицъ намъ также попадалось не очень много, въ особенности по Штори. Въ Алазанской долинѣ мы видѣли горлицъ, ветютеней, обыкновенныхъ дикихъ голубей (Columba livia Briss.), черноголовыхъ соекъ (Garrulus Krynickii Kalen.) и сивоворонокъ (Coracias garrula; изъ хищныхъ часто попадались сарычи (Buteo Menetriesi Bogd.), пустельги, рѣже черный коршунъ (Milvus ater Gm.); попадалось много сорокопутовъ (Lanius Collurio), удодовъ (Upupa epops), воробьевъ и т. д. Что касается долины Штори, то она имѣла чисто лѣсное пернатое населеніе, состоящее изъ дятловъ (Picus Poelzami, Gecinus viridis и Picus martius), дроздовъ пѣвчихъ и черныхъ (Merula vulgaris Ray), нѣсколькихъ видовъ синичекъ, пѣночекъ и т. д. У верхней области лѣсовъ намъ попадалось также много дроздовъ-дерябъ (Turdus viscivorus L.). Пѣніе пѣвчихъ дроздовъ утромъ и вечеромъ во время нашего пребыванія въ лѣсахъ Штори не прекращалось ни на минуту.

Слѣдующему дню суждено было выйти самымъ труднымъ за все время нашего путешествія по этой части Кавказа. Мы должны были подняться на перевалъ Мтидъ-гверди, высота котораго лишь на 20—30 саженъ не достигаетъ 11000

фут. *), при томъ надо было почти все время взбираться на него не верхомъ, а по причинѣ большой крутизны подъема пѣшкомъ; наконецъ, необходимо было еще и спуститься до такихъ мѣстъ, гдѣ былъ бы кормъ для лошадей и какой-нибудь хворостъ для костра, на которомъ мы могли бы вскипятить воду для чая. Такимъ образомъ намъ нужно было подняться слишкомъ на 5½ т. футовъ и вновь спуститься почти на столько же. При благопріятной погодѣ, и при томъ для сколько нибудь привычнаго къ путешествіямъ по горамъ человѣка, такой переходъ не только вполнѣ возможенъ, но даже не можетъ считаться особенно труднымъ; по этому мы надѣялись совершить его болѣе или менѣе легко и быть на мѣстѣ, гдѣ имѣлось бы подъ руками все необходимое, т. е. трава, вода и дрова,—часа въ 4 по полудни; но нашимъ предположеніямъ не суждено было осуществиться, такъ какъ по ту сторону перевала намъ готовился неожиданный и не особенно пріятный сюрпризъ.

Чтобы воспользоваться утреннею порою, когда въ горахъ по преимуществу бываетъ хорошая погода, мы встали очень рано, поскорѣе напились чаю, закусили и еще до восхода солнца двинулись въ путь. Крутая тропинка, усѣянная шиферными обломками, которые изрядно затрудняли ходьбу, тянулась сначала по лѣсу, а потомъ вывела насъ на острый гребень, покрытый зеленой травой; здѣсь лѣса уже не было, и потому открывался прекрасный видъ на окружающую насъ мѣстность. Послѣдняя представляла цѣлую сѣть переплетающихся по всѣмъ направленіямъ глубокихъ долинъ или ущелій; только острый гребень, на которомъ мы находились, да самая вершина хребта Накерала, куда намъ приходилось теперь взбираться, представляли узкія полоски горныхъ луговъ; все же прочее было покрыто сплошными лѣсами.

Когда мы прошли еще съ полверсты, то лѣса остались уже позади насъ, но за то вокругъ насъ явилось цѣлое море рододендроновъ (Azalea pontica L.) съ красивыми желтыми цвѣтами. Рядомъ съ нимъ разстилались горные луга, но далеко не такіе пышные и свѣжіе, какъ въ другихъ мѣстахъ Кавказа. Единственной причиной этого надо считать многочисленныя стада

*) Гора Мтидъ-гверди по опредѣленію академика Рупрехта имѣетъ высоту въ 10960 фут., а перевалъ Мтидъ-гверди очень мало разнится съ нею по высотѣ. Число же 10451 относится, вѣроятно, не къ этому перевалу, а къ Санкинбо-геле, отстоящему отъ Мтидъ-гверди версты на 2½.

тушинскихъ овецъ, которыя изъ года въ годъ выбиваютъ здѣсь траву. Страннымъ мнѣ показалось полное отсутствіе въ этой мѣстности хвойныхъ деревьевъ и кустарниковъ, которые въ западной и центральной частяхъ Кавказа, у верхней границы лѣсовъ, въ большинствѣ случаевъ такъ сильно преобладаютъ надъ лиственными породами. Ель или пихту здѣсь, конечно, трудно было предполагать встрѣтить, такъ какъ на восточномъ Кавказѣ онѣ очень рѣдки; но мы не видѣли въ этой мѣстности даже ни одного кустика можжевельника. Что же касается травянистыхъ растеній, то кромѣ различныхъ альпійскихъ злаковъ здѣсь попадается часто Veratrum, незабудки (Myosotis caespitosa и silvatica Hoffm.), Alchemilla argentea, клеверъ, Taraxacum, конскій щавель (Rumex crispus) и т. д. Изъ горныхъ породъ кромѣ темносѣраго аспиднаго сланца намъ не попадалось ничего.

Когда мы поднялись еще выше и были почти на самой вершинѣ горы Ори-цвери, возвышающейся между долинами Штори и Алазани, то нашимъ глазамъ открылся дивный видъ. Разорванные, мрачные зубцы скалъ Главнаго Кавказскаго хребта громоздились одинъ надъ другимъ впереди насъ, а подъ ними тянулись безконечныя осыпи и болѣе или менѣе обширныя снѣжныя поля. Ни кустика, ни деревца между ними нигдѣ нельзя было найти; но совсѣмъ иного рода картины раскидывались вправо и влѣво отъ насъ. Здѣсь тянулись упомянутыя уже выше двѣ глубокія долины, образующія въ своихъ верхнихъ частяхъ множество развѣтвленій. Всѣ онѣ отъ низу и до верху были залиты цѣлымъ моремъ зелени. На красивыя лѣсистыя верховья Штори мы смотрѣли съ птичьяго полета. Оба крошечныя Панкисскія селенія (Верхній и нижній Панкисъ), расположенныя въ верхней части Алазанской долины, представлялись отсюда двумя свѣтлыми пятнышками, окруженными со всѣхъ сторонъ густыми дѣвственными лѣсами; но въ особенности прелестны были верховья Алазани. На днѣ ея ущелья виднѣлся густой темнозеленый лѣсъ, а за нимъ, по другую сторону рѣки, поднимались высокія горы, внизу также покрытыя лѣсомъ, а вверху голыя и скалистыя. На этихъ горахъ повисли огромныя клубы красивыхъ кучевыхъ облаковъ; ярко освѣщенныя лучами солнца они на верхней сторонѣ имѣли ослѣпительно бѣлый цвѣтъ и блестѣли, какъ серебро, тогда какъ нижняя сторона ихъ была темная, свинцовосѣрая. Черныя ска-

листыя вершины горъ прорѣзывали облака, поднимались надъ ними и ихъ силуэты съ поразительною отчетливостью обрисовывались на прекрасномъ темноголубомъ небѣ.

Не далеко отъ вершины Ори-цвери, на высотѣ 9000 ф., мы сдѣлали небольшой привалъ. Въ это время наступилъ уже девятый часъ утра, погода стояла превосходная, надъ нами было чудное альпійское небо и солнце золотило горы своими безчисленными лучами; но впереди насъ на вершинахъ Главнаго хребта уже клубились густыя облака, предвѣщавшія что-то недоброе. Съ каждой минутой они разростались все больше и больше, такъ что когда мы, отдохнувши съ полчаса, снова двинулись въ путь, они успѣли уже скрыть почти всѣ горы, черезъ которыя намъ надо было пробираться.

Пройдя съ версту отъ мѣста, на которомъ только-что отдыхали, мы достигли того пояса горъ, гдѣ висѣли уже на нихъ сѣрыя тучи, а еще нѣсколько минутъ спустя, совершенно погрузились въ нихъ. Зеленые лѣса, безчисленныя ущелья и долины, высокія скалы и вѣчные снѣга, блестѣвшіе вдали, все это изчезло такъ быстро, какъ будто-бы ихъ не существовало вовсе. Густой, непроглядный, сѣрый туманъ окуталъ теперь насъ со всѣхъ сторонъ и едва позволялъ видѣть другъ-друга да тѣ предметы, которые находились у нашихъ ногъ. Такимъ образомъ началось теперь въ высшей степени непріятное и скучное по причинѣ однообразія путешествіе въ области тумана и облаковъ, напоминающее блужданіе въ темную ночь. Идемъ мы такимъ образомъ болѣе часа, совершенно не имѣя понятія о томъ, чтó ожидаетъ насъ въ 30 или 40 шагахъ впереди; время тянется долго, скучно и однообразно, а тропинка мѣстами дѣлается почти незамѣтною. Въ это время мы легко могли сбиться съ нея и залѣзть въ такія пропасти, откуда трудно было бы и выбраться. Всѣми нами овладѣло болѣе или менѣе мрачное настроеніе; мы ждемъ съ нетерпѣніемъ, чтобы туманъ хотя сколько нибудь разсѣялся, далъ намъ возможность взглянуть на окружающую насъ мѣстность и узнать, такимъ образомъ, гдѣ мы находимся. Совершенно голыя скалы, лишенныя всякой жизни осыпи и болѣе или менѣе порядочныя массы снѣга все чаще и чаще попадаются намъ на пути; мы все сильнѣе и сильнѣе чувствуемъ, что вступаемъ въ страну пустынную, дикую, суровую и негостепріимную, а потому желаніе оглядѣться и узнать, чтó находится впереди, все настойчивѣе и настойчивѣе

преслѣдуетъ насъ. Идемъ мы такимъ образомъ часа полтора, которые показались намъ по крайней мѣрѣ за три, а облака по прежнему продолжаютъ окружать насъ со всѣхъ сторонъ. Сознаніе, что только по милости ненавистнаго тумана мы не можемъ любоваться окружающими насъ роскошными картинами альпійскаго міра, дѣлаетъ наше настроеніе еще болѣе мрачнымъ и пасмурнымъ. Но вдругъ начинаемъ мы ощущать какую-то особенную, пріятную, нѣжную теплоту и чувствуемъ, что она доносится къ намъ сверху; кромѣ того видимъ, что вокругъ насъ становится свѣтлѣе, и замѣчаемъ какое-то особенное сіяніе или блескъ, усиливающійся по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся все выше и выше. Я догадался, что мы приближаемся къ верхней границѣ облаковъ и вскорѣ должны будемъ увидѣть надъ собою солнце и чистое небо. Дѣйствительно немного времени спустя становится уже совсѣмъ жарко; туманъ, окружающій насъ, превращается въ какой-то полупрозрачный газъ или паръ, испускающій ослѣпительный свѣтъ, и сквозь него начинаетъ мало по малу проглядывать солнце.

Когда мы поднялись еще выше, то надъ нами не было уже ни одной тучки, небо имѣло чудный, темносиній цвѣтъ, солнце обливало своими лучами всѣ вершины горъ, а облака очутились уже ниже насъ. Бѣлыя какъ снѣгъ и блестящія какъ серебро, они всѣ своей массой напоминали безбрежное море съ безчисленнымъ множествомъ тихо и плавно качающихся закругленныхъ волнъ, которыя безпрерывно измѣняли свои очертанія. Алазанская долина, простирающаяся на многіе десятки верстъ, горы и ущелья, находящіяся далеко за нею, словомъ все пространство, которое можно было окинуть взоромъ съ высоты слишкомъ 10 тысячъ футовъ, было затоплено этимъ моремъ облаковъ. Особенно красивы были они въ долинѣ Лопоти, притока Штори. Издали казалось, что вся эта долина наполнена громадными клубами бѣлаго дыма, которые быстро и непрерывно мѣняютъ свою форму и положеніе, то вытягиваясь вверхъ длинными столбами, то раздаваясь въ горизонтальномъ направленіи. Смотря издали на эту глубокую долину, можно было подумать, что въ ней происходитъ жаркое сраженіе, что нѣсколько мгновеній тому назадъ былъ сдѣланъ залпъ изъ цѣлой сотни самыхъ большихъ орудій и что огромные клубы густого порохового дыма еще не успѣли разсѣяться.

Такъ какъ впереди насъ теперь не было уже ни тумана,

ни облаковъ, то мы увидѣли наконецъ и гребень Главнаго хребта, черезъ который намъ надо было перевалиться, чтобы попасть въ Тушетію; до него оставалось, повидимому, не болѣе часа ходьбы. Мы продолжали медленно подвигаться впередъ, почти все время пробираясь по осыпамъ; кое-гдѣ, впрочемъ, попадались то снѣгъ, то шиферныя скалы; растительности же не было почти никакой за исключеніемъ лишь самыхъ мелкихъ лишайниковъ, крѣпко приросшихъ къ скаламъ. Такимъ образомъ мы подошли къ самому гребню хребта, но здѣсь надо было повернуть влѣво и пойти вдоль него къ перевалу Мтидъгверди. Желаніе взобраться поскорѣе на самую вершину хребта, заглянуть по ту сторону его—на другую часть свѣта, на неизвѣстныя еще мнѣ страны, наконецъ, на высочайшій въ восточной половинѣ Кавказа и покрытый вѣчными снѣгами Пирикительскій хребетъ,—заставило меня уклониться въ сторону отъ тропинки и пролѣзть еще сажень 100 на гору по направленію къ вершинѣ хребта.

Къ высокимъ переваламъ я приближался всегда не безъ нѣкотораго волненія; такъ было со мною и въ этотъ разъ. Желаніе взглянуть съ высоты 11000 ф. на невиданную еще картину, и при томъ такую, какую безъ всякаго сомнѣнія рѣдко представляется случай видѣть, было на столько велико, что послѣдніе шаги я дѣлалъ съ лихорадочной поспѣшностью. Для каждаго страстнаго путешественника это иначе и быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, поднимаешься на высокій перевалъ всегда очень медленно и долго; по мѣрѣ приближенія къ нему, кругозоръ впереди постепенно все болѣе и болѣе съуживается, такъ что при концѣ подъема видишь передъ собой лишь то, что̀ находится подъ ногами, да еще шаговъ на 10 или 15 впередъ, потому что гребень хребта совершенно закрываетъ даль. Но вотъ собираешься сдѣлать послѣдній шагъ, ступить на тотъ самый гребень, который цѣлые дни, иногда даже недѣли, постоянно былъ передъ глазами и ревниво скрывалъ все, что̀ находится за нимъ, и знаешь, что въ этотъ моментъ сразу возникнетъ передъ глазами новый необъятный міръ, съ безчисленнымъ множествомъ горъ, долинъ и ущелій, простирающихся на цѣлыя сотни верстъ. Конечно, этотъ послѣдній, такъ долго жданный шагъ невозможно сдѣлать съ обычнымъ спокойствіемъ.

Возвращаюсь, однако, къ самому путешествію. Съ гребня хребта я увидѣлъ картину, описать которую едва ли было-

бы по силамъ самому богатому таланту. Прежде всего взоръ мой былъ привлеченъ Пирикительскимъ хребтомъ, гребень котораго представлялъ цѣлый рядъ необыкновенно стройныхъ, изящныхъ остроконечныхъ вершинъ, поднимающихся выше всѣхъ окрестныхъ горъ. Снѣговъ на нихъ оказалось однако гораздо меньше, чѣмъ я предполагалъ, но за то снѣжныя, ослѣпительно бѣлыя, блестящія, какъ серебро, нѣжныя, извилистыя ленты наполняли всѣ углубленія склоновъ горъ, свѣшивались далеко внизъ и образовали на темномъ фонѣ скалъ необыкновенно красивую сѣть, напоминающую художественную ажурную работу. Пирикительскій хребетъ находился отъ насъ теперь верстахъ въ 30, но не смотря на это, я тотчасъ узналъ главныя его вершины, извѣстныя мнѣ изъ книгъ и картъ. Въ восточной сторонѣ его была видна высокая гора съ нѣсколькими вершинами, покрытыми сравнительно съ другими частями хребта большимъ количествомъ снѣга. Это Квавлосъ-мта, своей формой напоминающая отчасти Бештау, но въ нѣсколько разъ превосходящая ее высотою. Къ западу отъ нея хребетъ сразу сильно понижается, а потомъ снова становится выше и образуетъ цѣлый рядъ красивыхъ черныхъ зубцовъ, покрытыхъ кое-гдѣ довольно порядочными снѣжными полями. Еще лѣвѣе поднималась высокая и необыкновенно правильная черная пирамида Большаго Качу (14027 ф.), на которой по причинѣ ея крутизны снѣгъ держится въ очень ограниченномъ количествѣ. Только въ одномъ мѣстѣ онъ спускается въ видѣ узкой длинной полосы довольно низко. Рядомъ съ Большимъ Качу стоитъ похожая на него другая, очень красивая, острая и правильная пирамида Малаго Качу. Верхушка ея сплошь покрыта снѣгомъ, который на восточной и западной сторонахъ горы спускается значительно ниже, чѣмъ на южной. Еще лѣвѣе слѣдуетъ новое пониженіе хребта, а за нимъ уже вздымается высочайшая вершина всей восточной половины Кавказа, простирающейся отъ Казбека до Каспійскаго моря, это Тебулосъ-мта, достигающая 14781 фута надъ уровнемъ моря. Вершина ея была въ то время въ облакахъ, и потому мы не могли ея видѣть.

Ближе къ намъ, именно между Пирикительскимъ и Главнымъ хребтомъ, находится верховье Андійскаго-Койсу, которое вытекаетъ отсюда двумя главными истоками Тушинской и Пирикительской Алазанью, не имѣющими однако ничего общаго съ Алазанью южнаго склона. Оба эти истока получаютъ на-

чало въ томъ углу, который образуется пересѣченіемъ Главнаго хребта съ Пирикительскимъ, и питаются такимъ образомъ водами, стекающими съ сѣвернаго склона перваго хребта и южнаго склона второго. Когда мы находились на вершинѣ хребта, то обѣ долины были залиты цѣлымъ моремъ красивыхъ блестящихъ облаковъ, освѣщенныхъ сверху яркими лучами альпійскаго солнца. Это волнующееся море, которое начиналось почти отъ самаго гребня Главнаго хребта, ограничивалось съ противоположной, сѣверной стороны, высокой, зубчатой, черной стѣной, разрисованной бѣлыми полосами и лентами вѣчнаго снѣга, т. е. Пирикительскимъ хребтомъ. Со дна этого моря, по самой срединѣ его, поднималась еще цѣпь горъ съ черными вершинами, увѣнчанными лишь небольшими пятнами снѣга. Это цѣпь, которая, располагаясь между Пирикительскимъ и Главнымъ хребтомъ, раздѣляетъ долины Тушинской и Пирикительской Алазани. Наконецъ на востокѣ виднѣлись еще высокія горы, покрытыя огромнымъ количествомъ снѣга, именно Богосскій хребетъ, разграничивающій въ свою очередь верховья Андійскаго и Аварскаго Койсу. О безчисленномъ множествѣ другихъ горъ, долинъ и ущелій, отстоящихъ на десятки и сотни верстъ, я уже умалчиваю.

Очень довольный тѣмъ, что мнѣ ничто не помѣшало осмотрѣть отсюда Пирикительскій хребетъ и полюбоваться столь чудной картиной, я спустился къ тому мѣсту, гдѣ оставались наши проводники, а затѣмъ вмѣстѣ съ ними направился на западъ, вдоль гребня хребта, къ перевалу Мтидъ-гверди, отстоящему отсюда приблизительно на версту. Тропинка здѣсь была очень плоха, едва замѣтна, всюду засыпана обломками аспидныхъ плитъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ терялась совершенно; мѣстность же вокругъ нея имѣла самый пустынный, суровый и непривѣтливый характеръ: здѣсь съ одной стороны вздымались острыя зубчатыя скалы, а съ другой почти отвѣсные обрывы, пропасти и крупныя осыпи, покрытыя снѣгомъ. Внизу подъ ними, на страшной глубинѣ, текла Алазань. Это опасное мѣсто пришлось, конечно, пройти пѣшкомъ, но, не смотря на всѣ предосторожности, мы едва не потеряли здѣсь одну изъ нашихъ лошадей. Намъ надо было въ этомъ мѣстѣ перейти черезъ нѣсколько снѣжныхъ полей, изъ которыхъ самыя большія достигали саженъ 100 въ длину и ширину. На одномъ изъ нихъ лошадь, шедшая за нашимъ проводникомъ Егоромъ, взятымъ еще

въ Ананурѣ, глубоко провалилась въ снѣгъ; пытаясь выбраться изъ него, она повалилась на бокъ и покатилась внизъ по крутому снѣжному откосу, за которымъ слѣдовалъ еще болѣе крутой уступъ, обрывающійся на цѣлыя тысячи футовъ, почти до самаго дна ущелья Алазани. Къ счастью, Егоръ, бросившись за лошадью съ возможной поспѣшностью, успѣлъ схватить ее за поводъ и помогъ ей удержаться на снѣжномъ откосѣ. Нѣсколько минутъ спустя такая-же исторія повторилась съ лошадью, которую велъ я, но здѣсь снѣжное поле было не такъ круто и потому удержать лошадь на мѣстѣ было гораздо легче.

Замѣчательно тяжелое впечатлѣніе производила эта, хотя и суровая, но необыкновенно величественная природа горъ на нашего проводника Егора, который въ этихъ мѣстахъ никогда не бывалъ и состоялъ теперь при насъ уже не какъ проводникъ, а, такъ сказать, въ должности прислуги. При подъемѣ на перевалъ онъ нѣсколько разъ высказывалъ сожалѣніе, что рѣшился послѣдовать за нами въ такія страшныя трущобы, часто спрашивалъ насъ, почти со слезами на глазахъ, о томъ, какъ долго мы пробудемъ здѣсь и черезъ сколько времени попадемъ снова въ нѣжно любимый имъ Анануръ, а на окружающіе насъ снѣга, скалы и осыпи смотрѣлъ со страхомъ и отвращеніемъ. Онъ много разъ твердилъ намъ, что зачѣмъ воровъ и разбойниковъ отправляютъ въ Сибирь, что ихъ надо ссылать сюда, потому что здѣсь настоящая Сибирь и каторга. Все это онъ говорилъ съ такою искренностью, съ такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, что намъ не на шутку стало жаль его, но помочь горю было невозможно. Я удивлялся тому, на сколько различно можетъ быть впечатлѣніе, производимое однимъ и тѣмъ-же предметомъ на разныхъ лицъ: то, чтó меня такъ привлекало и чѣмъ я съ такимъ наслажденіемъ любовался, это-же на Егора производило самое удручающее впечатлѣніе.

Приблизительно въ полдень взобрались мы наконецъ на перевалъ Мтидъ-гверди, достигающій высоты около 11000 ф. *). Съ него намъ снова открылась та дивная картина, о которой я только что говорилъ, но за то теперь ближайшія къ перевалу мѣста, черезъ которыя пролегалъ нашъ путь, производили

*) Гора Мтидъ-гверди имѣетъ по опредѣленію Рупрехта высоту въ 10960 ф. (Barom. Höhenbestimm., Mem. de l'Acad. de S. Pet., T. VII, № 1); на пятиверстной картѣ Кавказа высота ея обозначена въ 10939 ф.; перевалъ-же весьма немного уступаетъ ей по высотѣ.

на насъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, на южномъ склонѣ, обращенномъ къ Штори и Алазани, снѣга было такъ мало, что мы, пройдя около десятка снѣжныхъ полей, въ общей сложности сдѣлали по снѣгу немного болѣе полуверсты; здѣсь-же, т. е. по другую сторону перевала, начиная отъ самого гребня его, тянулись большія фирновыя поля, притомъ страшно крутыя и обрывистыя. Одно изъ нихъ, имѣющее около $^3/_4$ версты въ длину, начиналось отъ самого перевала. По крутому снѣжному откосу вдоль правой стороны этого поля надо было намъ теперь пробираться. За первымъ, самымъ большимъ фирновымъ полемъ лежало на нашемъ-же пути еще нѣсколько меньшихъ.

Самое верхнее поле занимало огромную подковообразную котловину, съ востока и запада окаймленную скалами, на которыхъ снѣгъ лежалъ лишь отдѣльными пятнами и полосами; съ южной-же стороны, обращенной къ намъ, эта котловина была завалена сплошь снѣгомъ. Черезъ него тянулась едва замѣтная тропинка, по сторонамъ которой валялось болѣе полусотни обглоданныхъ труповъ и скелетовъ козъ и овецъ, а также ихъ шерсть, рога и содержимое кишекъ или желудка. Ясно было, что они погибли здѣсь вслѣдствіе какого-нибудь несчастнаго случая. Эта картина неестественной смерти многихъ животныхъ, а также разсказы нашего проводника, тушина Михако, объ опасностяхъ перевала Мтидъ-гверди, произвели не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе на наши нервы. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ перевалъ замѣчателенъ по очень частымъ несчастіямъ, которыя случались здѣсь съ людьми и животными во время мятелей или частыхъ снѣжныхъ и каменныхъ заваловъ. Двѣ подобныя печальныя исторіи случились здѣсь очень недавно, и при томъ въ теченіе одного мѣсяца. Недѣли за четыре до нашего перехода черезъ этотъ перевалъ, т. е. въ концѣ мая, на немъ погибло, по словамъ Михако, во время сильной мятели, стадо овецъ въ нѣсколько сотъ штукъ. Множество скелетовъ и обглоданныхъ труповъ, только что видѣнныхъ нами на снѣгу, самымъ краснорѣчивымъ образомъ подтвердило это сообщеніе. Изъ этого-же источника мы узнали, что въ маѣ здѣсь произошло еще болѣе крупное несчастіе, именно—заваломъ изъ снѣга и камней засыпало 6 человѣкъ, вмѣстѣ съ 3 ослами и двумя собаками. Три изуродованныхъ трупа тушинъ удалось отыскать, а прочіе три продолжали лежать подъ огромными кучами камня, щебня и

снѣга и тогда, когда мы проходили здѣсь. Въ прежнія времена тоже рѣдко проходилъ годъ, чтобы не случилось 2—3 подобныхъ несчастья на этомъ перевалѣ.

Гребень хребта на Мтидъ-гверди и около него состоитъ изъ тѣхъ-же горныхъ породъ, какія мы встрѣчали раньше, при подъемѣ на него, т. е. изъ темносѣраго аспиднаго сланца; только здѣсь въ немъ очень часто попадались прослойки бѣлаго кварца. Нерѣдко встрѣчались также куски сланца, въ которыхъ кварцъ и шиферъ были перемѣшаны почти въ одинаковой пропорціи.

Отдохнувъ на перевалѣ съ четверть часа, мы начали по снѣгу спускаться внизъ. Пробираться надо было съ большой осторожностью и ступая стараться какъ можно глубже продавливать ногою довольно твердый снѣгъ, чтобы не поскользнуться и не скатиться съ крутаго снѣжнаго откоса, который тянулся влѣво отъ дороги на протяженіи сажень ста. Сами мы прошли это мѣсто вполнѣ благополучно, но одна изъ нашихъ лошадей опять глубоко завязла въ снѣгу и, желая высвободиться изъ него, упала, а затѣмъ, лежа на боку, покатилась внизъ ко дну котловины, занятой снѣжнымъ полемъ. Вытянувъ ноги и шею, несчастное животное съ каждой секундой неслось все быстрѣе и быстрѣе и мы съ нѣмымъ ужасомъ слѣдили за нимъ глазами и видали, какъ оно нѣсколько разъ налетало на острые, торчащіе изъ снѣга камни, перекидывалось черезъ нихъ и всетаки не могло остановиться до тѣхъ поръ, пока не скатилось на самое дно котловины, пролетѣвъ такимъ образомъ не менѣе 200 шаговъ. Лошадь эта принадлежала Егору, и онъ, конечно, больше чѣмъ кто-либо изъ насъ пожалѣлъ бѣдное животное. Отъ испуга и боли лошадь въ первый моментъ не рѣшалась даже попытаться встать на ноги, и минуты двѣ или три лежала совершенно неподвижно.

Сдѣлавъ порядочный обходъ, мы со страхомъ начали приближаться къ ней и были убѣждены, что найдемъ ее страшно искалѣченной, со множествомъ ранъ и непремѣнно со сломанными или вывихнутыми ногами; но къ нашему великому удивленію и вмѣстѣ съ тѣмъ радости, раны лошади оказались совсѣмъ не серьезными и ограничивались лишь нѣсколькими, правда довольно большими и глубокими, порѣзами ногъ. Испугъ ея однако былъ настолько великъ, что она даже въ то время, когда мы уже успѣли подойти, продолжала дрожать, какъ въ ли-

хорадкѣ. Вскорѣ однако она оправилась; мы дали ей успокоиться, потомъ переложили вьюкъ ея на другихъ лошадей, перевязали нѣкоторыя изъ ея ранъ и двинулись дальше. Бѣдная лошадь пошла довольно бодро, но слегка прихрамывала и оставляла на снѣгу кровавый слѣдъ. Мы всѣ удивлялись, какъ счастливо ей обошлось это паденіе.

Послѣ того какъ первое, и въ то же время самое большое, снѣжное поле было нами пройдено, дорога продолжала идти круто внизъ. Она пересѣкала еще нѣсколько меньшихъ снѣжныхъ полей и, кромѣ того, сугробы грязнаго, но очень плотнаго снѣга, который, очевидно, скатился сюда въ видѣ лавинъ зимою или весною съ сосѣднихъ горъ. По словамъ Михако, въ нѣкоторые годы всѣ эти снѣга, въ томъ числѣ и самое большое поле, начинающееся отъ гребня хребта, стаяваютъ совершенно, и тогда изъ Тушетіи въ Кахетію можно пройти, почти нигдѣ не ступивши на снѣгъ. Теперь-же его лежало такъ много, во первыхъ, по той причинѣ, что лѣто еще недавно началось и, слѣдовательно, мало снѣга успѣло къ этому времени стаять, а во вторыхъ его и накопилось здѣсь больше обыкновеннаго въ предшествующую этому лѣту суровую и снѣжную зиму.

Съ боковъ тропинки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтны были болѣе или менѣе высокіе валы или гряды, по своей формѣ и положенію сильно напоминающіе древнія морены. Вѣроятно эти образованія дѣйствительно принадлежатъ къ моореннымъ, но на такомъ крутомъ склонѣ, гдѣ при томъ выпадаетъ ежегодно много осадковъ въ видѣ снѣга и дождя, древнія морены не могли хорошо сохраниться и удержать свой характерный видъ, по этому узнать ихъ безъ болѣе или менѣе тщательнаго изслѣдованія было довольно трудно; но судя по тѣмъ слѣдамъ, которые оставлены ледниками, какъ мы увидимъ вскорѣ, въ сосѣдней долинѣ Ори-цхали, есть полное основаніе предполагать, что эти образованія принадлежатъ къ моореннымъ.

Когда мы спустились съ перевала тысячи на двѣ футовъ, и царство вѣчной зимы осталось позади насъ, то усталость начала уже давать себя чувствовать. Въ это время было около трехъ часовъ по полудни, и, принимая во вниманіе то обстоятельство, что мы отъ самаго разсвѣта шли почти не останавливаясь, я сталъ уже подумывать, какъ бы намъ скорѣе спуститься еще немного ниже и сдѣлать привалъ до слѣдующаго

утра, въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ по близости воды и лѣса. Въ это время вокругъ насъ разстилались тощіе луга, покрытые травкой, недавно еще пробившейся изъ земли; къ ней примѣшивалось довольно много крошечныхъ весенныхъ цвѣточковъ, только-что начинавшихъ распускаться, какъ случается обыкновенно ранней весной; но внизу, верстахъ въ трехъ отъ насъ, густая зелень уже сплошнымъ покровомъ одѣвала почти всѣ склоны горъ. Туда были направлены теперь всѣ наши помыслы.

Довольно долго шли мы внизъ все по такимъ-же мѣстамъ, и мечты о скоромъ и столь пріятномъ для всѣхъ отдыхѣ ни на минуту не оставляли насъ. Михако круто поворачиваетъ вправо и начинаетъ снова подниматься на страшно высокую гору.

На мой вопросъ,—зачѣмъ это дѣлается, онъ отвѣчалъ, что мы не можемъ попасть въ Тушетію иначе, какъ перебравшись еще черезъ другой перевалъ, очень крутой, скалистый, покрытый большимъ количествомъ снѣга и почти такой-же высокій, какъ Мтидъ-гверди. На пятиверстной картѣ Кавказа онъ названъ Сакинбо-геле и имѣетъ 10451 ф. высоты.

Такая новость насъ просто поразила. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было безъ ужаса подумать, что намъ, утомленнымъ физически и нравственно, снова надо карабкаться въ теченіи нѣсколькихъ часовъ на крутую гору, перебираться черезъ небезопасныя скалы, снѣга и, можетъ быть, пропасти, а затѣмъ снова спускаться на цѣлыя тысячи футовъ, прежде, чѣмъ найти подходящее для ночлега мѣсто. Наконецъ, мы не могли быть увѣрены, что будемъ въ состояніи пройти всѣ эти мѣста засвѣтло, и что намъ не прійдется ночевать гдѣ-нибудь на снѣгу или на голыхъ скалахъ безъ воды и безъ огня. По словамъ Михако, намъ надо было употребить на подъемъ часа два, но эти два тушинскихъ часа, навѣрно, оказались бы равными 3 или 4 нашимъ и, сверхъ того, безъ сомнѣнія, еще часа два потребовалось бы на спускъ. Такимъ образомъ, намъ усталымъ и голоднымъ снова предстояло карабкаться по труднымъ и небезопаснымъ мѣстамъ часовъ 5 или 6. Конечно о ѣздѣ верхомъ здѣсь нечего было и думать. Принимая все это во вниманіе, я рѣшилъ отложить до слѣдующаго дня переходъ черезъ этотъ хребетъ и ночевать гдѣ нибудь по близости, въ этой же долинѣ, только спустившись немного ниже.

Какъ мы не старались найти сколько нибудь ровное мѣстечко, на которомъ можно было-бы поудобнѣе улечься и за-

снуть, всѣ наши труды оказались безуспѣшными, потому что кромѣ овраговъ, балокъ, крутыхъ косогоровъ и камней здѣсь ничего не оказалось. Съ этимъ, впрочемъ, неудобствомъ мы примирились легко; но крайне непріятно было то, что нигдѣ по близости не попадалось лѣса, и мы послѣ столь долгихъ и утомительныхъ странствованій по горамъ не могли даже напиться чаю, не могли въ должной мѣрѣ утолить сильнѣйшую жажду, вызванную продолжительнымъ и труднымъ переходомъ. Наконецъ обнаружилось еще одно непріятное обстоятельство: было очень холодно, дулъ сильный вѣтеръ, на горахъ начали скопляться тучи, предвѣщавшія дождь, и намъ, за неимѣніемъ лѣса, нельзя было добыть колъ для палатки и разбить ее. Такимъ образомъ положеніе наше во всѣхъ отношеніяхъ оказалось очень плохимъ и всѣ наши мечты о томъ, съ какимъ удовольствіемъ мы напьемся чаю, закусимъ и какъ сладко заснемъ послѣ столь длиннаго путешествія черезъ горы, разбились въ прахъ. Въ одномъ, впрочемъ, отношеніи судьба надъ нами какъ будто-бы сжалилась: нашъ незамѣнимый Михако спустился внизъ, отыскалъ гдѣ-то кусты рододендроновъ, наломалъ ихъ цѣлую вязанку и притащилъ къ намъ. Такимъ образомъ въ отношеніи чая мы были обезпечены, но о палаткѣ нечего было и думать. Съ рододендронами однако пришлось повозиться не мало. Отъ частыхъ дождей они были сыры, горѣли очень плохо и мы едва вскипятили на нихъ одинъ чайникъ воды, который все-таки доставилъ намъ настоящее наслажденіе.

Въ сумерки уже мы улеглись спать. Ночь была холодная и темная; а вѣтеръ, который дулъ еще съ вечера, теперь очень усилился и насквозь продувалъ бурку, замѣнявшую мнѣ и палатку и одѣяло. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ ночью полилъ еще дождь, продолжавшійся часа 2 или 3. Подъ насъ подтекала вода, и мы, при 2 или 3 градусахъ тепла, мокли и снизу и сверху.

II.

Утро подъ переваломъ Сакинбо-геле. Подъемъ на перевалъ и спускъ съ него. Долина Ори-цхали. Обиліе снѣговъ и слѣды древнихъ ледниковъ. Дорога въ Тушетію. Аулъ Весто-мта и стоянка около него. Животныя и растенія. Горы надъ Тушинскою Алазанью и спускъ съ нихъ. Селеніе Бочорма. Горы между Тушинской и Пирикительской Алазанью. Видъ на Квавлосъ-мта и сосѣднія съ нею вершины. Аулъ Дартло. Поѣздка къ лед-

-никамъ Квавлосъ-мта. Дорога вверхъ по Пиривительской Алазани. Животныя, водящіяся въ ней. Гора Малый Качу. Рѣчка Наровани. Стоянка въ верховьяхъ ея.

Передъ свѣтомъ мы прозябли на столько сильно, что поневолѣ должны были встать очень рано, т. е. тогда, когда только-что начала на востокѣ заниматься заря. Всюду вокругъ насъ было мокро, темно и холодно, и всѣ мы чувствовали себя далеко не хорошо. Особенно несчастнымъ въ это время выглядывалъ нашъ Егоръ, все одѣяніе котораго состояло изъ черкески да бурки средняго качества. Чтобы согрѣться, мы рѣшили поскорѣе укладывать вещи, сѣдлать лошадей и двигаться въ путь. На наше счастье всѣ тучи разсѣялись, и надо было ожидать хорошей погоды. Въ 5 часовъ утра мы уже тронулись; солнце въ это время взошло, но высокій хребетъ, поднимающійся съ восточной стороны, надолго скрылъ насъ отъ его лучей; по этому вокругъ насъ было по прежнему холодно и сыро.

Подъемъ на перевалъ оказался очень крутымъ, и намъ пришлось не болѣе десятой части его проѣхать на лошадяхъ, все же остальное пространство мы должны были пройти пѣшкомъ. Пробираться пришлось то по снѣгу, то по осыпямъ или скаламъ, и не смотря на то, что за ночь наши ноги успѣли порядочно отдохнуть, мы всетаки были принуждены карабкаться на эту гору слишкомъ два часа; вчера же, безъ предварительнаго отдыха, намъ необходимо было бы употребить на этотъ подъемъ, дѣйствительно, не менѣе четырехъ часовъ. Такимъ образомъ мы поступили вполнѣ благоразумно, избравъ мѣсто для ночлега передъ этимъ переваломъ.

Перевалъ Сакинбо-геле только на 500 ф. ниже Мтидъ-тверди и представляетъ неглубокую сѣдловину въ скалистомъ гребнѣ, состоящемъ все изъ того же аспиднаго сланца. По ту и по другую сторону перевала тянутся порядочныя снѣжныя поля, на немъ же снѣгъ не держится вовсе; вѣроятно его сдуваетъ вѣтеръ. Съ этого перевала мы въ третій разъ увидѣли ту чудную картину, которой дважды любовались вчера.

За переваломъ слѣдуетъ безконечно длинный спускъ, ведущій наконецъ уже въ самую Тушетію. Вначалѣ тропинка тянется то по снѣгу, то по осыпямъ и скаламъ, а потомъ переходитъ на склоны, покрытые мелкой тощей и приземистой травкой, перемѣшанной съ крошечными цвѣтами. Не болѣе вершка длиною, прекраснаго синяго цвѣта генціаны (Gentiana pyrenaica)

прежде всего обращаютъ на себя вниманіе; рядомъ съ ними растутъ крошечныя незабудки (Myosotis silvatica Hoffm.), колокольчики (Campanula Adami), камнеломки (Saxifraga levis, S. exarata), Gnaphalium, Draba rigida W., Cerastium и чаще, всего, Trifolium ambiguum M. B..

Этотъ спускъ приводитъ наконецъ къ рѣчкѣ Ори-цхали; но здѣсь, на самомъ днѣ болѣе или менѣе глубокой долины ея, снова начинаются снѣга, и мы снова должны идти по нимъ не менѣе версты. Они съ обѣихъ сторонъ окружены зелеными склонами и представляютъ собою ничто иное, какъ остатки множества лавинъ, скатившихся зимою или весною на дно долины Ори-цхали. Эти снѣга такъ сильно завалили долину, что рѣчка даже лѣтомъ на протяженіи цѣлыхъ верстъ течетъ подъ ними и только въ очень немногихъ мѣстахъ пробивается изъ подъ нихъ на свѣтъ. Вода въ Ори-цхали чиста, прозрачна и имѣетъ прекрасный синезеленый оттѣнокъ, течетъ она очень быстро, и тамъ, гдѣ снѣга кончаются совершенно, представляетъ безконечную серію красивѣйшихъ водопадовъ.

Долина Ори-цхали замѣчательна еще по тѣмъ слѣдамъ, которые оставилъ здѣсь ледниковый періодъ. На правой сторонѣ рѣчки, у самой тропинки, ведущей внизъ, во многихъ мѣстахъ торчатъ изъ земли скалы, состоящія изъ очень твердаго аспиднаго сланца, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ видны ясные слѣды ледниковыхъ царапинъ. Большая часть такихъ скалъ расположена по правую сторону долины, у самой дорожки. Царапины, находящіяся на нихъ, представляютъ цѣлую систему параллельныхъ линій, длиною сажени въ 2. Нѣкоторыя изъ такихъ скалъ имѣютъ сглаженныя и исчерченныя ледниками поверхности въ нѣсколько квадратныхъ саженъ. На высотѣ 600—700 футовъ надъ тропинкой также находятся сошлифованныя скалы; онѣ показываютъ, что ледникъ, существовавшій здѣсь въ прежнія времена, достигалъ очень большихъ размѣровъ и толщина его была никакъ не менѣе 100 саженъ. Явственныхъ моренъ вблизи этихъ мѣстъ незамѣтно, но и здѣсь, на очень крутыхъ склонахъ, имъ трудно было уцѣлѣть въ теченіе многихъ вѣковъ, протекшихъ послѣ ледниковаго періода.

Долина Ори-цхали въ этихъ мѣстахъ совершенно безлѣсна; даже хорошихъ луговъ въ ней нѣтъ. Изъ кустарниковъ мы встрѣтили здѣсь, и то лишь въ одномъ мѣстѣ, таволгу (Spiraea crenata L.), которая въ другихъ ущельяхъ Кавказа принад-

лежитъ къ самымъ обыкновеннымъ растеніямъ. Значительно ниже, на высотахъ отъ $5^1/_2$ до $6^1/_2$ тысячъ футовъ, по Ори-цхали, лѣса занимаютъ уже довольно большія пространства.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ Ори-цхали впадаетъ съ лѣвой стороны небольшая рѣчка, на высотѣ около $6^1/_2$ тысячъ футовъ, мы сдѣлали часа на 2 привалъ, а потомъ пошли дальше. Тутъ снова пришлось намъ взбираться на очень крутую гору, подняться не менѣе какъ футовъ на тысячу и затѣмъ тотчасъ же снова начать спускаться. Дороги въ этой части Кавказа могутъ привести путешественника въ крайнее раздраженіе. Онѣ вовсе не похожи на дороги Кубанской или Терской областей, гдѣ приходится ѣхать по долинамъ рѣкъ цѣлые дни и не встрѣтить иногда ни одного большаго и крутаго подъема или спуска; здѣсь же по нѣскольку разъ въ день приходится подниматься на очень высокія и крутыя горы, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ снова начать спускаться. Если бы не вещи, и въ томъ числѣ теплое платье, безъ котораго путешествовать въ такихъ мѣстахъ невозможно, то здѣсь не стоило бы даже нанимать лошадей, такъ какъ въ нѣкоторые дни путешественнику ѣздить на нихъ почти не приходится.

На всемъ протяженіи послѣдняго подъема и спуска растительность была очень бѣдна. Въ одномъ только мѣстѣ мы встрѣтили нѣсколько штукъ Spiraea crenata, а другихъ кустарниковъ или деревьевъ не видѣли вовсе; почва же здѣсь была болѣе или менѣе тощая, глинистая и образовалась безъ сомнѣнія путемъ разрушенія все того же аспиднаго сланца.

Спустившись съ горы, мы попали въ долину другой рѣчки, также впадающей въ Ори-цхали съ лѣвой стороны. Её нашъ Михако называлъ Весто-мта-цхали. Мы остановились на правомъ берегу ея и такъ какъ передъ этимъ въ теченіе пяти дней шли форсированнымъ шагомъ, то рѣшили здѣсь сдѣлать привалъ, приблизительно на сутки.

Долина Весто-мта-цхали въ этомъ мѣстѣ тянется почти прямо отъ востока на западъ. Она, какъ и большая часть долинъ Тушетіи, имѣетъ небогатую растительность и потому-болѣе или менѣе унылый видъ. Причиной этого надо считать конечно большое количество скота, а въ особенности овецъ, разводимыхъ Тушинами. Горы, окружающія эту долину, почти вовсе лишены скалъ, въ особенности съ лѣвой стороны, гдѣ на нихъ виднѣется много узкихъ полосокъ хлѣбныхъ полей, а кое-

гдѣ и небольшія березовыя заросли. Въ одномъ только мѣстѣ красуется здѣсь маленькая сосновая рощица; вдали же, на востокѣ видно значительно большее количество лѣса, который растетъ частью по склонамъ этой же долины, а частью по Орицхали. Изъ травянистыхъ растеній, кромѣ различнаго рода злаковъ, здѣсь чаще всего попадается обыкновенная генціана (Gentiana verna), конскій щавель (Rumex crispus), чемерица (Veratrum album), царскій скипетръ (Verbascum), розовая ромашка (Pyrethrum roseum), незабудки (Myosotis silvatica), клеверъ (Trifolium pratense и Tr. alpestre), Cucubalus, Geranium pratense, Polygonum bistorta, нѣсколько видовъ Veronica, Alchemilla vulgaris, очень красивая и пышная Betonica grandiflora и т. д. Птицами долина Весто-мта-цхали также не богата. Даже самыхъ обыкновенныхъ горныхъ птицъ, альпійскихъ воронъ и галокъ (Fregilus graculus и Pyrrhocorax alpinus) мы видали здѣсь очень мало; попадались красногрудый воробей (Fringilla erythrina), горная овсянка (Emberiza cia), дроздъ-деряба (Turdus viscivorus), сарычи (Buteo Menetriesi Bogd.) и крошечный, съ гранатово-краснымъ лбомъ, корольковый вьюрокъ (Metoponia pusilla Pall.). Изъ насѣкомыхъ больше всего попадалось жужжелицъ изъ рода Plectes, которыя лѣзли въ нашу палатку, въ особенности вечеромъ, чуть не десятками. На лѣвой сторонѣ рѣки, по склону, обращенному къ солнцу, растительность была нѣсколько богаче. Здѣсь часто попадались Cynoglossum, Borago, Scrophularia, а изъ деревьевъ береза, верба и рябина. Что касается хлѣбныхъ растеній, то мы встрѣтили здѣсь только ячмень и рожь.

Противъ насъ, на лѣвой сторонѣ рѣчки, было расположено нѣсколько маленькихъ тушинскихъ поселковъ. Одинъ изъ нихъ состоитъ всего изъ трехъ хижинъ, другой изъ четырехъ, и, наконецъ, еще два, именно Весто и Весто-мта, изъ 12 или 13 хижинъ каждый. Всѣ они расположены по склоны горы на пространствѣ приблизительно квадратной версты.

На стоянкѣ противъ этихъ крошечныхъ ауловъ мы переночевали, а на слѣдующій день, часовъ въ 12, хотѣли было ѣхать дальше, но дождь, продолжавшійся до самаго вечера, заставилъ насъ остаться здѣсь до слѣдующаго утра.

Дальнѣйшій нашъ путь проходилъ мимо Весто, по направленію къ Тушинской Алазани. Переѣхавъ черезъ Весто-мта-цхали, мы въ теченіе приблизительно получаса поднимались, по лѣвому склону долины ея на невысокій хребетъ, находящійся ме-

жду Тушинской Алазанью и Весто-мта-цхали. Гребень этого хребта очень широкъ, сильно притупленъ и покрытъ густой, но низкой травкой. Здѣсь въ сороковыхъ или пятидесятыхъ годахъ долго стояли лагеремъ русскія войска, защищавшія Тушетію отъ нападеній Шамиля. Не смотря на полъ-сотни лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, слѣды лагеря, въ видѣ множества четырехъ-угольныхъ валиковъ, окружавшихъ когда-то палатки, сохранились до сихъ поръ прекрасно.

Проѣхавъ по гребню нѣсколько десятковъ саженъ, мы начали спускаться въ глубокую долину Тушинской Алазани. Этотъ склонъ очень крутъ, обращенъ къ сѣверу, всегда болѣе или менѣе влаженъ, и потому покрытъ довольно порядочнымъ лѣсомъ. Большія сосны, достигающія обхвата въ толщину, растутъ на немъ въ довольно значительномъ количествѣ; кромѣ того здѣсь много березъ, попадается можжевельникъ (Iuniperus communis L.), смородина и красный, съ крупными, розовыми цвѣтами шиповникъ; въ одномъ мѣстѣ мы встрѣтили здѣсь небольшую группу красивыхъ осинъ. Травянистый Heracleum villosum достигаетъ тутъ размѣровъ цѣлаго дерева. Съ этого склона долины Тушинской Алазани хорошо виденъ и противуположный ему, обращенный на югъ. Лѣса на немъ нѣтъ, а растутъ, и при томъ только въ немногихъ мѣстахъ, отдѣльно стоящія сосенки, въ видѣ кустиковъ, не болѣе сажени высотою, да березки, за то всѣ болѣе или менѣе пологія мѣста его испещрены узкими полосками хлѣбныхъ полей.

Переѣхавъ по мосту черезъ Тушинскую Алазань, которая представляетъ здѣсь довольно большую рѣчку, текущую въ глубокихъ берегахъ, мы направились по дорогѣ, ведущей къ аулу Бочорма, и не доѣзжая до него приблизительно съ $^1/_2$ версты, остановились на полчаса на маленькой, ровной и красивой лужайкѣ. Съ нея открывается прекрасный видъ на долину Орицхали, въ особенности на верховья ея, представляющія цѣлую систему развѣтвленій, получающихъ начало частью на Главномъ хребтѣ, частью на его отрогахъ. Многія изъ этихъ второстепенныхъ долинъ покрыты березовыми лѣсами; черезъ нихъ въ видѣ длинныхъ, узкихъ лентъ, идущихъ сверху внизъ, тянутся сосновыя насажденія, которыя высотою деревьевъ и своимъ темнозеленымъ цвѣтомъ рѣзко выступаютъ надъ свѣтлой зеленью березъ и придаютъ склонамъ горъ очень красивый и оригинальный видъ. Съ этой же лужайки открывается прекрас

ная картина на очень высокій, покрытый большимъ количествомъ снѣга и кромѣ того ледниками Богосскій хребетъ, возвышающійся къ востоку отъ Тушетіи.

Бочорма была первымъ сколько-нибудь значительнымъ ауломъ, попавшимся намъ на пути. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ дворовъ, имѣетъ лавочку, въ которой торгуетъ разными мелочными и бакалейными товарами грузинъ изъ Кахетіи, въ немъ же живетъ и серебрякъ, обдѣлывающій въ серебро оружіе и изготовляющій серебряныя пряжки, пуговицы и прочія вещи для поясовъ, уздечекъ, сѣделъ и т. д. Лавочка, могущая считаться для Тушетіи нѣкоторымъ образомъ роскошью, намъ очень пригодилась, такъ какъ нашъ сахаръ и спички приходили къ концу, а между тѣмъ мы должны были пробыть въ горахъ Тушетіи еще около недѣли.

За Бочорма дорога пересѣкаетъ нѣсколько балокъ и, постепенно поднимаясь, выходитъ наконецъ на самый гребень хребта, отдѣляющаго двѣ главнѣйшія долины Тушетіи, именно долину Тушинской и Пирикительской Алазани. Первая лежитъ между Главнымъ хребтомъ и тѣмъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, а вторая между этимъ послѣднимъ и Пирикительскимъ. Такъ какъ Пирикительскій хребетъ поднимается значительно выше лежащей противъ него части Главнаго и покрытъ гораздо большимъ количествомъ вѣчныхъ снѣговъ, то и Пирикительская Алазань является болѣе многоводной рѣчкой, чѣмъ Тушинская.

Хребетъ, на которомъ мы теперь находились, былъ уже отчасти знакомъ мнѣ. Это тотъ самый, который представлялся намъ съ Мтидъ-гверди въ видѣ ряда зубцовъ, торчащихъ надъ поверхностью облачнаго моря, затоплявшаго тогда всѣ долины Тушетіи.

Теперь на немъ не было ни одного облачка и съ него открывался прекрасный видъ на Пирикительскій хребетъ, отстоящій отъ насъ въ настоящій моментъ уже не на 30 верстъ, какъ прежде, а всего лишь на 8 или 9. Всѣ вершины его, снѣжныя поля, глетчеры и вытекающія изъ нихъ рѣчки были видны, какъ на ладони. Глубоко внизу, въ огромномъ ущельѣ, виднѣлась Пирикительская Алазань. На берегу ея какъ разъ противъ насъ располагался аулъ Чиго, а значительно дальше и немного лѣвѣе поднималась высокая гора, покрытая огромными снѣжными полями. Это Квавлосъ-мта, имѣющая 13423 ф. въ

высоту. Ея широкая зубчатая вершина способствуетъ обильному накопленію снѣга, котораго на этой горѣ въ дѣйствительности гораздо больше, чѣмъ на любой изъ сосѣднихъ съ нею вершинъ, превосходящихъ даже ее своею высотою. На Квавлосъ-мта, какъ мы увидимъ, существуютъ даже глетчеры. Лѣвѣе этой горы видны другія вершины хребта, о которыхъ говорилось уже раньше, а правѣе аула Чиго тянется долина рѣчки, вытекающей со снѣговъ Квавлосъ-и Доносъ-мта (13736 ф.). Въ верховьяхъ своихъ эта рѣчка раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ потоковъ, получающихъ начало на фирновыхъ поляхъ упомянутыхъ горъ. Ледниковъ здѣсь не видно, да, вѣроятно, ихъ и нѣтъ вовсе, или, быть можетъ существуютъ только маленькія фирнъ-глетчеры. Долина этой рѣчки съ обѣихъ сторонъ окружена высокими крутыми черными скалами, но на нихъ снѣга нѣтъ совершенно.

Спускъ съ хребта, по которому мы должны были пробираться къ Пирикительской Алазани, очень крутъ, кромѣ того каменистъ, а мѣстами очень грязенъ. Почти весь его намъ также пришлось пройти пѣшкомъ. Въ нижней части онъ былъ заваленъ огромной снѣжной лавиной, которая, поваливши множество деревьевъ, скатилась почти до самаго дна долины Пирикительской Алазани противъ аула Дартло. На большей части протяженія этотъ спускъ тянулся по лѣсу и подъ конецъ былъ такъ крутъ, что по нему не легко было даже свести лошадей.

Спустившись съ горы и пройдя еще нѣсколько десятковъ сажень по ровной почти мѣстности, мы добрались до моста черезъ П. Алазань и по немъ перешли на другую сторону ея. Эта рѣчка имѣетъ здѣсь шаговъ 20 или 30 въ ширину и очень быстро течетъ въ глубокомъ руслѣ. Переѣхавъ еще черезъ небольшую, но также очень быструю рѣчку, Квавлосъ-цхали, мы попали въ селеніе Дартло и въ немъ рѣшили переночевать съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день рано утромъ отправиться къ ледникамъ Квавлосъ-мта. Для ночлега мы выбрали небольшую, но довольно ровную лужайку передъ самымъ селеніемъ и на ней разбили свою палатку. Спустя нѣсколько минутъ послѣ нашего пріѣзда, къ намъ пришелъ священникъ этого селенія, человѣкъ высокаго роста, съ пріятнымъ выразительнымъ лицомъ и большой сѣдой бородой. Къ сожалѣнію онъ не зналъ ни слова по русски, и мы не могли съ нимъ ни о чемъ побесѣдовать.

Селеніе Дартло расположено на лѣвомъ берегу Пирики-

тельской Алазани въ полуверстѣ отъ нея, на высотѣ 6060 ф. надъ ур. моря. Съ восточной стороны его протекаетъ Квавлосъ-цхали, впадающая въ Алазань и получающая начало изъ ледниковъ Квавлосъ-мта. Она несетъ холодную мутную воду. Все селеніе состоитъ изъ полусотни хатъ, сложенныхъ какъ и всѣ тушинскія постройки, безъ всякаго цемента изъ аспидныхъ плитъ. Передъ селеніемъ находится красивая площадка, покрытая густымъ приземистымъ клеверомъ (Trifolium ambiguum M. B.); она служитъ выгономъ для небольшаго числа коровъ, телятъ или лошадей, лѣтомъ случайно попадающихъ въ селеніе; на сѣверъ-же отъ этого послѣдняго тянутся крутые откосы, которые по мѣрѣ удаленія отъ дна долины поднимаются все выше и выше, доходя такимъ образомъ до самыхъ снѣговъ Квавлосъ-мта. Съ южной стороны, по другую сторону Алазани, возвышается крутая гора, покрытая на большей части своего протяженія лѣсомъ. Въ немъ, какъ замѣтилъ Г. Радде, встрѣчаются растенія, принадлежащія сѣверу Европы, напр. водяница (Empetrum nigrum), черника (Vaccinium myrtillus) и брусника (Vacc. Vitis Idea) и т. д. Около Дартло разбросано много известковыхъ глыбъ, относящихся къ позднѣйшимъ геологическимъ образованіямъ и напоминающихъ плотный известковый туфъ; на горѣ-же съ сѣверной стороны виднѣется не мало луговъ и хлѣбныхъ полей. Въ одномъ мѣстѣ, среди нихъ, на страшно крутомъ выступѣ находится живописная группа домиковъ, составляющихъ крошечный аулъ Коло.

Я забылъ сказать еще о старинныхъ башняхъ этой мѣстности. Въ Дартло ихъ 3, при чемъ одна уже на половину разрушена. Кромѣ того 3 башни находятся вблизи дороги, ведущей въ Дартло съ востока, т. е. со стороны Дагестана. Очевидно, онѣ должны были препятствовать вторженію въ Дартло непрошенныхъ гостей. Сооруженіе этихъ башенъ относится къ давнимъ временамъ, но и въ дни владычества Шамиля онѣ, вѣроятно, также играли видную роль въ дѣлѣ обороны. Всѣ эти башни очень высоки и имѣютъ по 5 этажей. Еще болѣе высокая, въ 6 этажей, башня находится въ Коло. Стоя на высокой горѣ, надъ самой кручей, снизу она кажется еще выше, чѣмъ въ дѣйствительности, и, вѣроятно, въ прежнія времена производила внушительное впечатлѣніе на враговъ Тушетіи. Въ Дартло также находится разрушенная христіанская церковь. Отъ нея уцѣлѣли лишь три стѣны, которыя сложены не изъ плитъ

шифера, какъ всѣ хаты, а изъ известняка, добытаго около самого селенія.

Долина П. Алазани вообще довольно узка, а на юго-востокѣ отъ Дартло въ особенности. Здѣсь между горами, идущими по ту и другую сторону рѣчки остается лишь узкій просвѣтъ въ видѣ воротъ, служащихъ какъ бы для соединенія Тушетіи со всѣмъ остальнымъ міромъ. Необыкновенно красивымъ показался онъ намъ вечеромъ, съ часъ спустя послѣ захода солнца, когда въ немъ всплыла почти полная луна и своимъ магическимъ блескомъ освѣтила одни изъ склоновъ горъ, тогда какъ на другихъ продолжала лежать глубокая тѣнь.

Въ Дартло я собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно фауны Тушетіи. Изъ разсказовъ нѣсколькихъ охотниковъ я узналъ, что здѣсь не встрѣчается ни кабановъ, ни оленей; истреблены также медвѣди, которые въ такомъ изобиліи встрѣчаются повсемѣстно въ горахъ Кавказа. Даже туры (Capra Pallasii Rouill.), постоянно преслѣдуемые тушинскими пастухами—охотниками, забились въ такія трущобы, куда человѣкъ почти не можетъ забраться. Только ночью они спускаются болѣе или менѣе низко. Значительно чаще встрѣчается другой видъ козловъ, именно черный или лѣсной козелъ (Hircus Aegagrus Gm.), который, живя часто не на открытыхъ мѣстахъ, а въ лѣсахъ, растущихъ по скаламъ, легче укрывается отъ преслѣдованія охотниковъ. Черные козлы встрѣчаются даже недалеко отъ Дартло, на горахъ съ правой стороны П. Алазани. Тонкіе, длинные и очень красивые рога этого козла я купилъ за 2 рубля у одного изъ здѣшнихъ немвродовъ и видѣлъ у него-же рога Capra Pallasii. Hircus Aegagrus по словамъ всѣхъ здѣшнихъ охотниковъ чаще встрѣчается въ горахъ на востокъ отъ Дартло, гдѣ больше лѣсовъ; туровъ-же сравнительно много на Тебулосъ-мта и въ особенности на чеченской сторонѣ Пирикительскаго хребта, принадлежащей впрочемъ уже не Тушетіи.

На слѣдующій день, рано утромъ, мы, взявъ съ собою проводника изъ мѣстныхъ жителей, отправились къ Квавлосъ-мта. Дорожка шла здѣсь круто на гору между хлѣбными полями и лугами, потомъ мимо аула Коло, а за нимъ сворачивала вправо, снова внизъ и дальше уже извивалась вдоль лѣваго берега Квавлосъ-цхали. Эта рѣчка имѣетъ верстъ 8 въ длину, и мы на путешествіе отъ аула Дартло до истоковъ ея употребили

ровно два часа, при чемъ около половины этого пространства прошли пѣшкомъ.

Не доѣхавъ версты полторы до ледниковъ, мы оставили на одной изъ лужаекъ своихъ лошадей и дальше отправились пѣшкомъ. Здѣсь долина Квавлосъ-цхали сильно расширяется и образуетъ почти круглую котловину, а сама рѣчка разбивается на нѣсколько отдѣльныхъ потоковъ. Ея русло, берега и всѣ сосѣдніе склоны горъ завалены обломками темносѣраго аспиднаго сланца, къ которымъ изрѣдка примѣшиваются и другіе минералы, какъ напр. кварцъ. Растительность здѣсь становится уже очень бѣдной: между камнями тамъ и сямъ виднѣются бѣлые цвѣточки роговика (Cerastium Kasbek. Part.), камнеломокъ (Saxifraga levis, S. exarata, S. sibirica), Gnaphalium dioicum, Lamium tomentosum W., крошечныя Draba rigida W. и т. д. но за то чудная, чисто альпійская картина открывалась намъ впереди. Вся широкая многораздѣльная зубчатая вершина, или правильнѣе гребень, Квавлосъ-мта, огромныя снѣжныя поля, какихъ нѣтъ ни на одной изъ вершинъ Тушетіи, за исключеніемъ, можетъ быть, Тебулосъ-мта, 4 болѣе или менѣе значительные ледника, начинающіеся на снѣжныхъ поляхъ горы и спускающіеся къ верховьямъ Квавлосъ-цхали, множество трещинъ и пропастей, бороздящихъ ихъ въ разныхъ направленіяхъ, причудливыя черныя скалы, торчащія изъ снѣга даже на самой вершинѣ горы, и мрачные утесы, окружающіе вѣчные снѣга и ледники съ нижней стороны. Все это, благодаря прекрасной погодѣ и прозрачному горному воздуху, было видно съ поразительною отчетливостью.

Вершина Квавлосъ-мта довольно сильно отличается отъ вершинъ большей части высокихъ Кавказскихъ горъ и представляетъ собою цѣлую систему болѣе или менѣе остроконечныхъ зубцовъ, то черныхъ скалистыхъ, то заваленныхъ снѣгомъ. Всѣ вмѣстѣ они образуютъ огромную подковообразную арку или циркъ, очень благопріятный для накопленія большаго количества снѣговъ и возникновенія значительныхъ глетчеровъ. Если бы такая высокая и при томъ съ подобной вершиной гора находилась въ западной части Кавказа, то на ней существовалъ бы непремѣнно огромный ледникъ; но на Пиривительскомъ хребтѣ, гдѣ атмосферныхъ осадковъ выпадаетъ гораздо меньше, дѣло ограничилось лишь образованіемъ 4 болѣе или менѣе значительныхъ фирнъ-глетчеровъ.

Выдающимися изъ снѣга гребнями скалъ фирновыя поля, находящіяся на сѣв. склонѣ горы, раздѣляются на меньшіе цирки, и каждый изъ нихъ даетъ начало отдѣльному фирнъ-глетчеру. Если бы эти послѣдніе спускались значительно ниже, то должны были бы внизу соединиться вмѣстѣ и образовать одинъ болѣе или менѣе значительный глетчеръ; но они всего лишь футовъ на 500 или 600 переходятъ за снѣжную линію. Толщина ледяного пласта здѣсь, какъ кажется, тоже не особенно велика. Г. Радде называетъ ледники Квавлосъ-мта мощными глетчерами. Это совершенно вѣрно по отношенію къ Пирикительскому хребту, вообще бѣдному ледниками; но въ сравненіи съ глетчерами центральной части Кавказа они вовсе не велики. Три изъ нихъ хорошо видны снизу, четвертый-же, лежащій восточнѣе прочихъ, отчасти скрывается за выдающимся мысомъ скалы. Всѣ эти глетчеры тянутся почти съ с. на ю. Только самый восточный въ нижней своей части замѣтно отклоняется къ западу. Вода Квавлосъ-цхали, въ самыхъ истокахъ ея, очень мутна, но не настолько, какъ въ тѣхъ рѣчкахъ, которыя вытекаютъ изъ большихъ глетчеровъ.

Явственныхъ древнихъ моренъ вблизи ледниковъ Квавлосъ-мта я не замѣтилъ, но за остатки ихъ могутъ быть приняты многія нагроможденія, въ видѣ бугровъ и валовъ, лежащихъ на склонахъ долины Квавлосъ-цхали. Безъ сомнѣнія во времена ледниковаго періода здѣшніе ледники спускались гораздо дальше и внизу соединялись въ одно глетчерное поле, но ихъ морены уже успѣли смыться водою. Не видно здѣсь также ни курчавыхъ скалъ, ни такъ-называемыхъ бараньихъ лбовъ, ни ледниковыхъ царапинъ; но ихъ отсутствіе безъ сомнѣнія надо приписать геологическому характеру склоновъ долины, состоящихъ исключительно изъ аспиднаго сланца, не отличающагося твердостью и не могущаго по этой причинѣ сохранить на своей поверхности въ теченіи многихъ вѣковъ какихъ-либо слѣдовъ царапинъ, полировку и т. д. Г. Радде указываетъ впрочемъ на одинъ огромный эрратическій валунъ со слѣдами царапинъ, который онъ нашелъ въ долинѣ Квавлосъ-цхали значительно ниже конца ледника *).

По кучамъ аспидныхъ плитъ и по осыпямъ мы поднялись до высоты 10300 ф., откуда всѣ ледники южнаго склона Квавлосъ-мта были видны прекрасно, а дальше уже не пошли. Около-

*) Хевсурія и Хевсуры. Зап. Кавк. Отд. Геогр. Общ. Т. XI, стр. 284.

нечности ледниковъ были выше насъ еще футовъ на 400, т. е. приблизительно на высотѣ 10700 ф. надъ ур. моря *)

Во второмъ или третьемъ часу дня мы возвратились въ Дартло. Здѣсь мы едва могли достать, за деньги, конечно, курицу, да фунтовъ 5 хлѣба, а одинъ изъ нашихъ проводниковъ получилъ еще въ подарокъ кусокъ сырой баранины. Съ этимъ скуднымъ запасомъ провизіи, половина котораго съѣдена еще въ Дартло, намъ надо было двигаться въ путь, вверхъ по Пирикительской Алазани.

Выступили мы часа въ 4 пополудни, т. е. часа два или три спустя послѣ возвращенія изъ поѣздки къ ледникамъ Квавлосъ-мта. Дорога наша теперь тянулась по лѣвой оторонѣ П. Алазани, пересѣкала сначала двѣ небольшія рѣчки и потомъ болѣе или менѣе значительную Дано-цхали, отстоящую версты на двѣ отъ селенія Дано. На верховьяхъ этой рѣчки видны очень высокія черныя скалы, покрытыя однако лишь небольшими снѣжными полями. Ничего похожаго на глетчеры здѣсь не видно, да и вода въ рѣчкѣ не на столько мутна, чтобы можно было предполагать существованіе сколько нибудь значительныхъ глетчеровъ въ верховьяхъ ея.

Верстахъ въ 3 за Дано-цхали мы переѣхали еще довольно большую быструю рѣчку, впадающую въ П. Алазань съ лѣвойже стороны. Одни изъ Тушинъ называли ее Комитосъ-цхали, а другіе Чешо-цхали. По словамъ тѣхъ и другихъ въ верховьяхъ ея, гдѣ она разбивается на много отдѣльныхъ ручьевъ, есть нѣсколько фирнъ-глетчеровъ, но меньшихъ еще, чѣмъ на Квавлосъ-мта.

Чтобы хотя издали взглянуть на верховья этой рѣчки, имѣющей въ длину всего верстъ 7—8, я оставилъ своихъ спутниковъ внизу и отправился вверхъ по долинѣ ея. Пройдя такимъ образомъ нѣкоторое разстояніе, я увидѣлъ, что вправо отъ истоковъ Чешо поднимается высокая остроконечная черная вершина Большаго Качу, влѣво отъ котораго горы сильно понижаются, а потомъ снова повышаются; при этомъ можно было замѣтить что на Б. Качу снѣговъ очень мало, снѣжныхъ полей даже не видно вовсе, а есть только снѣжныя пятна, полосы и ленты, лежащія въ углубленіи скалъ. Что касается собственно

*) Радде опредѣляетъ эту высоту 10600 ф., но это было 15 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ этотъ ледникъ, подобно почти всѣмъ Кавказскимъ, вѣроятно, успѣлъ уже замѣтно отступить.

долины Чешо-цхали, то она очень глубока, узка и имѣетъ крутые боковые склоны и лишь при началѣ покрыта небольшими рощицами изъ мелкихъ березокъ и сосенъ; дальше же въ ней видны только луга, осыпи и скалы.

Возвратившись къ своимъ спутникамъ и перебравшись вмѣстѣ съ ними еще черезъ одну, среднихъ размѣровъ, горную рѣчку, а потомъ проѣхавъ селеніе Чешо, мы послѣ заката солнца остановились для ночлега на прекрасной лужайкѣ вблизи другого селенія—Парсмы. Вечеръ былъ довольно теплый, тихій, а небо и горы совершенно свободны отъ облаковъ; словомъ, все предвѣщало хорошую погоду въ слѣдующіе дни. Къ сожалѣнію и въ Парсмѣ мы кромѣ десятка яицъ не могли достать ничего съѣстного. Странно, что нигдѣ въ Тушетіи не удалось намъ купить даже сыру, котораго тушины, занятые почти исключительно скотоводствомъ, приготовляютъ очень много.

Маленькое селеніе Парсма расположено на лѣвомъ берегу П. Алазани, на высотѣ около 6600 ф. надъ ур. моря. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ каменныхъ хатъ и, благодаря множеству поднимающихся между ними высокихъ четырехъ-угольныхъ старинныхъ башенъ, издали обращаетъ на себя вниманіе каждаго, посѣтившаго его окрестности.

Переночевавъ на открытомъ воздухѣ вблизи Парсмы, мы на слѣдующій день двинулись въ дальнѣйшій путь вверхъ по П. Алазани. Верстахъ въ 4 отъ Парсмы эта рѣчка составляется изъ двухъ отдѣльныхъ: собственно П. Алазани и Наровани. Первая получаетъ начало изъ Тебулосъ-мта и кромѣ того изъ отрога, соединяющаго Главный Кавказскій хребетъ съ Пирикительскимъ, вторая же частью изъ только что упомянутаго отрога, а частью изъ хребта, который отдѣляетъ долину Наровани отъ долины Тушинской Алазани. По величинѣ обѣ эти рѣчки другъ отъ друга почти не разнятся, сливаются же онѣ на высотѣ приблизительно футовъ 7000 надъ ур. моря.

Пирикительская Алазань, какъ и оба ея истока, имѣетъ очень быстрое теченіе вслѣдствіе огромнаго уклона ея русла. Въ самомъ дѣлѣ разстояніе напр. отъ Парсмы до Дартло по прямой линіи всего верстъ 7, а по теченію рѣки, вѣроятно, 10 или 11, и на этомъ пространствѣ рѣка падаетъ почти на 500 ф. (высота ея у Парсмы 6532 ф. а у Дартло около 6060 ф.), т. е. футовъ 45—50 на версту. Долина П. Алазани почти вездѣ болѣе или менѣе тѣсна и узка. Съ правой стороны ея воз-

вышается уже извѣстный намъ хребетъ, отдѣляющій эту долину отъ Тушинской Алазани. Хотя нѣкоторыя вершины его поднимаются болѣе чѣмъ до 10000 (вершина около перевала Сацхенисъ-геле имѣетъ высоту 10452 ф., а Магротелисъ-мта 10148 ф. *), но снѣгу на немъ въ лѣтнее время бываетъ оченъ мало; поэтому съ него въ П. Алазань не течетъ ни одной сколько-нибудь значительной рѣчки. На оборотъ, съ Пирикительскаго хребта, вершины котораго поднимаюстя до 13 и даже 14 тысячъ футовъ и покрыты гораздо большимъ количествомъ снѣга, стекаетъ въ Алазань около десятка, хотя и короткихъ, но очень быстрыхъ и многоводныхъ рѣчекъ. Къ числу ихъ принадлежатъ уже упомянутыя много Квавлосъ-цхали, Дано-цхали и т. д. Правый склонъ долины П. Алазани почти на всемъ ея протяженіи поднимается гораздо круче и является поэтому болѣе короткимъ, чѣмъ лѣвый, принадлежащій Пирикительскому хребту. Это также должно считать одной изъ причинъ, препятствующихъ существованію на немъ сколько-нибудь значительной рѣчки. Лѣсами эта долина вообще бѣдна, и встрѣчаются они почти исключительно на крутомъ, обращенномъ къ сѣверу, правомъ склонѣ ея. Нужно впрочемъ замѣтить, что долина Алазани лежитъ очень высоко и что дажа самое дно ея только вблизи ея сліянія съ долиною Тушинской Алазани, спускается ниже $5^1/_2$ тысячъ футовъ; на всемъ же пространствѣ отъ Дартло до Чонтіо, самаго верхняго селенія, расположеннаго на высотѣ слишкомъ 7600 ф., въ этой долинѣ нѣтъ ни одного пункта, расположеннаго ниже 6000 ф. надъ уровнемъ моря.

Принимая во вниманіе, что верхняя граница произрастанія березы, всего менѣе чувствительнаго къ холоду дерева, опредѣленная для этой мѣстности академикомъ Рупрехтомъ, совпадаетъ съ высотою въ 8400 ф., мы увидимъ, что значительная часть горъ Тушетіи окажется выше границы произрастанія большей части лиственныхъ породъ деревьевъ. Букъ, напр., который рѣдко гдѣ поднимается на Кавказѣ выше $5^1/_2$ тысячъ футовъ, здѣсь вовсе не могъ бы рости; тоже можно сказать про дубъ, ясень и многія другія деревья. По Наровани лѣса даже вовсе нѣтъ, и только кустарники, которые, конечно, поднимаются выше деревьевъ. Изъ нихъ Rhododendron caucasicum по опредѣленію Радде распространяется въ горахъ Тушетіи до

*) На пятиверстной картѣ Кавказа ее назвали „Макротельтана“.

высоты 10000 ф. *). Наибольшее количество лѣсовъ встрѣчается въ Тушетіи въ долинѣ Ори-цхали и сосѣднихъ съ нею рѣчекъ. Здѣсь, какъ уже было сказано, встрѣчаются и сосны довольно порядочныхъ размѣровъ.

Что касается птицъ, то ихъ въ долинѣ Пирикительской Алазани намъ попадалось немного. На берегахъ ручьевъ и рѣчекъ я видѣлъ нѣсколько разъ оляпку (Cinclus aquaticus, желтыхъ плисокъ (Motacilla sulphurea), на скалахъ и старыхъ башняхъ много дикихъ голубей (Columba livia L.), черногрудокъ (Ruticilla phoenicurus и R. Thitys), а также нѣсколько видовъ чекановъ, на лугахъ попадались горныя овсянки (Emberiza cia), луговые чеканы (Pratincola rubetra) и т. д. Альпійскія вороны и галки (Fregilus graculus и Pyrrhocorax alpinus) встрѣчаются въ Тушетіи очень часто; тоже можно сказать про бѣлозобаго дрозда, котораго мы часто вспугивали изъ густыхъ бурьяниковъ Caltha palustris, конскаго щавеля (Rumex cripus) и прикрыта (Aconitum), растущихъ по берегамъ горныхъ рѣчекъ. Наконецъ горная индѣйка (Megaloperdix caucasica) и горная курочка (Perdix Chucar Gray) также встрѣчаются здѣсь довольно часто. Что касается минераловъ и горныхъ породъ, то здѣсь мы не видѣли ничего кромѣ сѣраго глинистаго сланца, который вообще распространенъ во всей этой мѣстности въ огромномъ количествѣ.

Въ полуверстѣ отъ Парсмы въ П. Алазань впадаетъ довольно порядочная рѣчка. На пятиверстной картѣ Кавказа она не наименована никакъ, Радде называетъ ее Базо-цхали (около нея стоитъ небольшой аулъ Базо), мѣстные же жители называли мнѣ ее Хачосъ-цхали. Вытекаетъ она изъ Малаго Качу, который у Тушинъ носитъ названіе Хачосъ-мта; вѣроятно, названіе „Качу", встрѣчающееся какъ на картахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ о Кавказѣ, есть неправильно переданное Хачосъ. Рѣчка Хачосъ-цхали меньше, чѣмъ Доно и Базо и несетъ еще болѣе чистую воду, указывающую на отсутствіе въ ея верховьяхъ большихъ ледниковъ. Послѣднее, впрочемъ, подтверждается и разсказами мѣстныхъ жителей.

Ущелье Хачосъ-цхали очень круто и скалисто; такимъ характеромъ отличается и входъ, ведущій въ него съ долины П. Алазани. Въ верхней части оно замыкается высокой остроко-

*) Хевсурія и Хевсуры, стр. 19.

нечной горой, у которой только самый шпицъ покрытъ почти сплошнымъ снѣгомъ. Это все тотъ же Качу или Хачосъ-мта. Его я замѣтилъ еще съ перевала Мтидъ-гверди и мнѣ казалось, что онъ своей высотою превосходилъ всѣ вершины Пирикительскаго хребта, которыя были тогда передъ нашими глазами. На картахъ Кавказа Большой Качу обозначенъ верстъ на 6 восточнѣе этой вершины, она же названа просто „Качу". Въ отличіе отъ Большого Качу ее можно бы наименовать Малымъ Качу (или Малымъ Хачосъ-мта). Такъ поступилъ Г. Радде. Высота ея, какъ кажется, еще не опредѣлена, но судя по тому, какой она представляется издали, ее повидимому правильнѣе было бы назвать Большимъ Качу. Съ вершинъ Главнаго хребта замѣтно также, что на вершинѣ ея и снѣгу больше, чѣмъ на Большомъ Качу. Вообще это самая стройная, красивая и изящная изъ вершинъ Тушинскихъ альпъ. Своей остроконечной вершиной, окруженной почти отвѣсными скалами, она напоминаетъ Маттеръ-горнъ Швейцаріи и подобно ему, вѣроятно, долго будетъ считаться недосягаемой. Особенно красивъ ея лѣвый, самый высокій зубецъ, имѣющій высоту по всей вѣроятности не менѣе 14000 ф. (высота Большого Качу 14027 ф.) и покрытый сплошнымъ блестящимъ, ослѣпительно бѣлымъ снѣгомъ, изъ котораго только въ одномъ мѣстѣ выступаетъ узкая полоска черныхъ скалъ, идущихъ сверху внизъ по южной сторонѣ горы. Нѣсколько ниже черныя скалы, торчащія изъ снѣга, попадаются уже чаще. Съ перевала Мтидъ-гверди эта вершина кажется еще острѣе и, кромѣ того, на восточной сторонѣ ея виднѣется маленькое фирновое поле, а на западной довольно пологій скатъ въ видѣ котловины, также наполненной снѣгомъ. Вообще сплошной снѣгъ лежитъ только на самой вершинѣ этой горы и занимаетъ очень ограниченное протяженіе, а ниже его тянутся лишь узкія снѣжныя полоски. Вслѣдствіе отсутствія большихъ фирновыхъ полей здѣсь не можетъ быть и сколько-нибудь значительныхъ глетчеровъ. Конечно, я говорю только о принадлежащемъ Тушетіи южномъ склонѣ горы; сѣвернаго же склона Пирикительскаго хребта, обращеннаго къ Чечнѣ, я не видѣлъ. Рядомъ съ М. Качу стоитъ острая, какъ пика, очень высокая черная гора, на которой, не смотря на ея огромную высоту, снѣгъ образуетъ лишь 3 или 4 маленькихъ пятнышка, а къ западу отъ нея, по направленію къ горѣ Кериго, хребетъ сильно понижается и совершенно лишается снѣжнаго покрова. Здѣсь черезъ

него проходитъ тропинка въ Чечню, къ верховьямъ Аргуна. Такимъ образомъ вся осмотрѣнная нами часть Тушинскихъ альпъ, за исключеніемъ Квавлосъ-мта, очень бѣдна снѣжными полями и вовсе лишена ледниковъ перваго разряда, всегда болѣе или менѣе глубоко спускающихся въ долины.

Верстахъ въ 6-ти отъ Парсмы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сливаются оба истока П. Алазани, мы переѣхали черезъ Пирикитель-цхали, вступили въ узкое скалистое ущелье Наровани и отправились вверхъ по лѣвой сторонѣ ея. Мы рѣшили въ верховьяхъ этой рѣчки перевалиться черезъ горы, отдѣляющія ее отъ Тушинской Алазани, перейти эту послѣднюю и потомъ, вблизи г. Борбало, перебраться на южный склонъ его, въ долину Пшавской Арагвы, черезъ Главный хребетъ и спуститься. Такимъ образомъ въ теченіи дня намъ предстояло совершить одинъ за другимъ два, болѣе или менѣе трудныхъ перехода черезъ хребты, высотою въ 10 или 11 тысячъ футовъ, при чемъ на одномъ изъ нихъ оказалось, какъ мы увидимъ вскорѣ, большое количество снѣга.

Направляясь къ верховьямъ Наровани, мы попали въ небольшое селеніе Эго и, проѣзжая мимо одного изъ дворовъ, увидали порядочную кучку людей. Когда мы поравнялись съ нею, то изъ нея вышелъ къ намъ на встрѣчу одинъ молодой тушинъ и, попросивъ насъ остановиться, началъ довольно горячо разсказывать что-то нашимъ проводникамъ. Сначала мы не понимали, въ чемъ дѣло, но потомъ Егоръ объяснилъ намъ, что это хозяинъ дома, около котораго мы стоимъ, и что онъ проситъ насъ зайти къ нему на поминки его брата, умершаго ровно годъ тому назадъ. При этомъ Егоръ добавилъ, что у тушинъ существуетъ обычай, приглашать на поминки каждаго, кто проѣзжаетъ или проходитъ мимо дома, гдѣ они совершаются, и что мы обидимъ этого тушина, если не захотимъ зайти къ нему. Съ одной стороны не имѣя ни малѣйшаго желанія, дѣлать что-либо непріятное незнакомому намъ человѣку, а съ другой разсчитывая на то, что онъ угоститъ насъ хотя сыромъ (кромѣ черстваго хлѣба у насъ ничего теперь уже не было), мы охотно приняли его предложеніе. Накормилъ онъ насъ, какъ оказалось, гораздо лучше, чѣмъ мы ожидали: намъ былъ поданъ довольно вкусный хлѣбъ, прекрасный тушинскій сыръ и кахетинское вино, за которымъ братъ покойника нарочно ѣздилъ въ Кахетію. Онъ не отпустилъ насъ до тѣхъ поръ, пока мы вчетверомъ не выпили цѣлой тунги этого вина. Такимъ образомъ мы

выѣхали изъ Эго въ болѣе или менѣе веселомъ настроеніи.

Менѣе чѣмъ черезъ $^1/_2$ часа мы спустились къ Наровани и должны были переѣхать въ бродъ. Съ громкимъ шумомъ несется она въ глубокомъ, заваленномъ камнями руслѣ, имѣетъ довольно порядочные размѣры и очень внушительный видъ. Воды въ ней было много, а потому переѣздъ черезъ нее былъ до нѣкоторой степени рискованнымъ; но такъ какъ мостовъ по этой рѣчкѣ не существуетъ вовсе, а наша дорога тянулась дальше по другой сторонѣ ущелья, то переѣхать ее надо было во чтобы то ни стало. Когда мы въѣхали въ грязную, мутную воду, то она пѣнилась и бушевала вокругъ насъ съ такой страшной силой, что лошади едва могли держаться на ногахъ. Чтобы легче было бороться съ быстрымъ теченіемъ, мы старались держаться наискось, внизъ по рѣкѣ, и вздохнули свободно только тогда, когда наши лошади ступили уже на противуположный берегъ ея.

Выше этого переѣзда долина или, правильнѣе сказать, ущелье Наровани сдѣлалось страшно тѣснымъ и скалистымъ. Узенькая, во многихъ мѣстахъ едва замѣтная тропинка извивалась все время по страшно крутому откосу правой стороны ущелья, при чемъ съ одной стороны ея поднимался чуть не отвѣсный уступъ, а съ другой до самой рѣчки обрывалась круча, не менѣе какъ въ 500—600 футовъ. Въ этомъ мѣстѣ достаточно было бы человѣку или лошади сдѣлать одинъ невѣрный шагъ и ступить мимо тропинки, чтобы скатиться на самое дно ущелья, прямо въ рѣчку. Ѣхать здѣсь было опасно и мы рѣшили идти пѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока не кончится этотъ крутой откосъ. Тропинка, извивающаяся вдоль него, была неудобна еще и тѣмъ, что нѣсколько разъ то поднималась на высокую гору, то спускалась почти къ самой рѣчкѣ. Почва и здѣсь была глинистая, а растительность очень бѣдная.

Пропутешествовавши по такимъ мѣстамъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, мы только передъ заходомъ солнца добрались наконецъ до верховьевъ Наровани. Здѣсь характеръ мѣстности сталъ совершенно инымъ. Долина расширилась, скалы и кручи исчезли, рѣка освободилась отъ окружающихъ ее крутыхъ береговъ и разбилась на множество отдѣльныхъ потоковъ, которые образовали красивую сѣть на широкомъ, просторномъ днѣ долины. Здѣсь же появилось довольно много зелени, въ видѣ рододендроновъ съ бѣлыми цвѣтами и разнообразныхъ гор-

ныхъ травъ и цвѣтовъ; болѣе всего, однако, и въ этомъ мѣстѣ росло мелкаго густого клевера (Trifolium ambiguum M. B.), который образовалъ сплошной дернъ, покрывающій большую часть склоновъ горъ. Только на вершинахъ ихъ виднѣлись скалы, а впереди насъ, кромѣ того, громадныя массы снѣговъ. Черезъ нихъ лежалъ нашъ путь въ долину Тушинской Алазани.

Для ночлега нами была выбрана прекрасная лужайка, недалеко отъ одного изъ истоковъ Наровани, на высотѣ почти 500 ф. Мѣстность вокругъ насъ была въ высшей степени живописна. Всюду разстилались зеленые луга, пересѣченные то группами скалъ, то горными потоками, вдали виднѣлись красивыя горы, также зеленыя и покрытыя травой, а надъ ними болѣе или менѣе крутые утесы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рядомъ съ ними лежали еще, какъ уже было сказано, огромныя массы снѣга. Погода стояла прекрасная. Чистое небо имѣло густой темносиній цвѣтъ и на горахъ не было видно ни одного облачка. Опечалило насъ, и то лишь на время, одно только обстоятельство, именно полное отсутствіе деревьевъ и кустарниковъ въ этой части долины и, слѣдовательно, невозможность добыть дровъ для приготовленія чая; но Михако и здѣсь выручилъ насъ изъ бѣды, отправившись довольно далеко внизъ по долинѣ и притащивъ оттуда большую охапку сухихъ рододендроновъ. Можно было, впрочемъ, пожалѣть еще и о томъ, что было довольно холодно, а именно вскорѣ послѣ захода солнца термометръ показывалъ всего лишь 5° тепла.

На завтрашній день намъ предстояло снова не мало потрудиться. Прекрасная погода, стоявшая въ это время въ горахъ, подавала, правда, надежды совершить болѣе или менѣе свободно въ теченіе длиннаго іюньскаго дня два перехода черезъ высокіе хребты, покрытые во многихъ мѣстахъ даже снѣгомъ, но, не смотря на это, надо было дорожить временемъ и не тратить его непроизводительно. Чтобы утромъ не возиться долго съ укладкой вещей и выступить пораньше, мы даже не разбивали палатки, съ вечера уложили въ сумки все, что можно было, и какъ только стемнѣло, улеглись спать подъ открытымъ небомъ.

III

Верховье Наровани. Обиліе снѣговъ. Перевалъ къ Тушинской Алазани. Древнія морены. Восхожденіе на Главный хребетъ. Верховья Кахе-

тіиской Алазани. Тропинка по гребню Главнаго хребта и по склону Малаго Борбало. Видъ на верховья Аргуна. Стоянка въ верховьяхъ Пшавской Арагвы, спускъ въ долину ея. Отсутствіе дороги. Долина Пшавской Арагвы. Капище Лашарисъ-джвари. Поѣздка къ верховьямъ Іоры. Селенія Артани и Капари. Путешествіе отъ Капари въ долину Арагвы.

На слѣдующій день мы поднялись очень рано и въ половинѣ пятаго утра уже тронулись со своей стоянки. Наша тропинка шла вначалѣ съ боку рѣчки, которая имѣетъ здѣсь отъ 15 до 20 шаговъ въ ширину, при глубинѣ около $^{3}/_{4}$ аршина, и течетъ подобно тому, какъ большая часть горныхъ рѣчекъ, вблизи ихъ верховьевъ, очень быстро.

Едва успѣли мы отъѣхать отъ стоянки версты полторы, какъ рѣчка исчезла изъ вида, скрывшись подъ громадными сугробами снѣга. Такимъ образомъ она текла подъ ними на протяженіи верстъ двухъ. По сторонамъ ея, въ этихъ мѣстахъ разстилаются сплошные горные луга, поднимающіеся на многія сотни футовъ выше уровня рѣки; это показываетъ, что снѣгъ, заваливші русло ея, скатился сюда весною или зимою съ сосѣднихъ горъ въ видѣ лавинъ. Такое предположеніе подтверждается съ одной стороны сильной сплоченостью этого снѣга, а съ другой существованіемъ по обѣимъ сторонамъ рѣки длинныхъ, довольно крутыхъ, гладкихъ склоновъ, съ которыхъ неизбѣжно должны зимою скатываться лавины.

По сугробамъ снѣга, завалившимъ рѣку, тянется довольно проторенная тропинка, по которой тушины въ этомъ году, вѣроятно, уже не разъ гоняли своихъ овецъ въ горы. По ней пришлось отправиться теперь и намъ. Идя здѣсь по снѣгу, мы часто слышали подъ собою глухой гулъ и стукъ большихъ камней, которые катила рѣчка, текущая подъ сугробами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ снѣговой сводъ былъ толще или тропинка шла не непосредственно надъ рѣкою, онъ до насъ уже не доносился; за то въ другихъ мѣстахъ мы слышали его такъ явственно, что пробираться здѣсь по снѣгу было какъ-то жутко и непріятно. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ поручиться, что снѣговые своды, съ каждымъ днемъ дѣлающіеся тоньше и тоньше, не рухнутъ сегодня подъ тяжестью человѣка въ томъ мѣстѣ, гдѣ они болѣе или менѣе свободно выдерживали тяжесть его вчера, и что человѣкъ не очутится мгновенно въ холодной, какъ ледъ, водѣ, которая унесетъ его въ мрачное подземелье, заваленное угловатыми и часто очень острыми обломками скалъ.

На путешествіе по этому склону мы употребили около часа и добрались наконецъ по немъ до самыхъ верховьевъ Наровани. Снѣговъ вокругъ насъ здѣсь оказалось еще больше и снѣжныя поля всевозможныхъ размѣровъ, формъ и очертаній, въ видѣ вѣера раскидывались теперь во всѣ стороны отъ центра той котловины, изъ которой вытекаетъ рѣчка Наровани. Надо замѣтить, что такое большое количество снѣговъ лежитъ въ этомъ мѣстѣ не каждое лѣто, а только послѣ болѣе или менѣе снѣжныхъ зимъ, какъ напр. послѣ зимы 1888 г.; но большей или меньшей величины фирновыя поля остаются здѣсь, очевидно, изъ года въ годъ и они обозначены на пятиверстной картѣ Кавказа *).

Отъ верховьевъ Наровани мы повернули влѣво почти подъ прямымъ угломъ и направились на югъ. Проѣхавъ по снѣгу съ полъ-версты, мы должны были слѣзть съ лошадей и вести ихъ за собою, такъ какъ здѣсь онѣ глубоко вязли въ снѣгу, да и подъемъ былъ очень крутъ. Пройдя такимъ образомъ еще съ полчаса, мы вдругъ очутились на самой вершинѣ хребта, возвышающагося между Тушинской Алазанью и Наровани. Это случилось раньше, чѣмъ я предполагалъ, именно въ 5 ч. 50 м. утра, такимъ образомъ мы употребили на весь подъемъ, начиная отъ нашего ночлега, только часъ и двадцать минутъ. Это, конечно, было для насъ очень пріятнымъ сюрпризомъ, такъ какъ мы думали, что восхожденіе на хребетъ займетъ по крайней мѣрѣ часа 3—4.

Только-что упомянутый хребетъ представляетъ часть или продолженіе того самаго, который раздѣляетъ обѣ Алазани Тушетіи. Какъ уже было сказано, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень высокъ и покрытъ снѣгомъ. Перевалъ Сацхенисъ-геле, находящійся на немъ, имѣетъ напр. вышину въ 10452 ф., а нѣкоторые отдѣльные зубцы его поднимаются еще выше; но въ самыхъ верховьяхъ Тушинской Алазани и Наровани, гдѣ этотъ хребетъ долженъ бы быть еще выше, въ немъ образовалась очень глубокая сѣдловина; на ней мы теперь и находились. Высота ея гребня, или, иначе говоря, перевала, не была мною опредѣлена, но, вѣроятно, она не превышаетъ 10000 ф.; горы-же, возвышающіяся по сторонамъ его, достигаютъ тысячъ 11 футовъ, если не больше. Какъ на самомъ перевалѣ, такъ и при подъемѣ

---

*) Въ этомъ мѣстѣ на названной картѣ значится гора Альуго.

на него, изъ царства минераловъ не встрѣчается ничего, кромѣ аспиднаго сланца; что-же касается растительности, то ни травъ, ни цвѣтовъ на перевалѣ не было вовсе, а попадались только маленькіе лишайники, прилѣпившіеся кое-гдѣ къ камнямъ; по пути-же къ перевалу на скалахъ и вокругъ нихъ мы встрѣчали довольно много различныхъ мелкихъ альпійскихъ растеній съ красивыми цвѣтками. Здѣсь попадались крошечныя генціаны (Gentiana pyrenaica), Campanula нѣсколько видовъ, камнеломокъ (Saxifraga), незабудки (Myosotis silvatica), Gnaphalium съ пушистыми листьями и бѣлыми цвѣтами, Alchemilla argentea и т. д. Изъ птицъ мы видѣли завирушекъ (Accentor alpinus), альпійскихъ воронъ (Fregilus graculus) и кромѣ того нѣсколько разъ слышали крикъ горныхъ индѣекъ. Ни туровъ, ни сернъ, ни ихъ слѣдовъ на этомъ перевалѣ, также какъ и на Мтидъ-гверди, мы не видѣли вовсе, да, вѣроятно, лѣтомъ такія осторожныя животныя и не заходятъ въ эти сравнительно доступныя и часто посѣщаемыя людьми мѣста.

Спускъ съ перевала къ Тушинской Алазани оказался гораздо длиннѣе, чѣмъ подъемъ на него со стороны Наровани; но такъ какъ онъ обращенъ къ югу, то снѣгъ на немъ уцѣлѣлъ только въ немногихъ мѣстахъ, все-же прочее было покрыто плитами и обломками аспиднаго сланца. Еще ниже начинались уже горныя пастбища, покрытыя той мелкой, приземистой, густой травкой, которая обыкновенно растетъ на самыхъ верхнихъ горныхъ лугахъ.

Въ концѣ спуска съ перевала мы встрѣтили хорошо сохранившіяся древнія морены. Одна изъ нихъ представляла огромный валъ, идущій поперекъ долины и имѣющій высоту въ нѣсколько саженъ. Во многихъ мѣстахъ, на верху его, торчали изъ земли огромные эрратическіе валуны. Еще ниже, именно тамъ, гдѣ сливаются два истока Тушинской Алазани, нагроможденъ другой подобный-же валъ; онъ прорѣзанъ этими истоками въ двухъ мѣстахъ и раздѣленъ такимъ образомъ ими на три части. Средняя изъ нихъ выдается въ видѣ горы, по обѣимъ сторонамъ которой несутся быстрыя рѣчки, и, безъ сомнѣнія, составляла прежде, вмѣстѣ съ двумя крайними, одинъ непрерывный валъ.

Недалеко отъ этого вала мы повернули направо, т. е. вверхъ по ущелью Тушинской Алазани, переправились на противуположный берегъ ея, проѣхали еще съ версту вдоль него,

а затѣмъ, поднявшись немного на правый склонъ долины, сдѣлали привалъ на красивомъ горномъ лугу, вблизи котораго находились небольшія березовыя заросли. Здѣсь мы рѣшили отдохнуть съ часъ, закусить, напиться чаю, а потомъ уже предпринять восхожденіе на Главный Кавказскій хребетъ, съ тѣмъ, чтобы перебраться черезъ него и къ вечеру спуститься на южный склонъ въ долину Пшавской Арагвы.

Перевалъ, черезъ который мы должны были теперь переходить, лежитъ къ сѣверо-западу отъ Мтидъ-гверди и отстоитъ отъ него верстъ на двадцать. Дорога, ведущая черезъ этотъ перевалъ, пересѣкаетъ Главный хребетъ у горы Борбало, гдѣ отъ Главнаго хребта отходитъ кряжъ, соединяющій его съ Пирикительскимъ хребтомъ и отдѣляющій верховья Аргуна отъ верховьевъ Тушинской и Пирикительской Алазани. Перевалъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше Мтидъ-гверди. Правда, мѣстами онъ довольно крутъ, за-то ни на немъ, ни по дорогѣ къ нему вовсе нѣтъ скалъ или осыпей, и только одно мѣсто на всемъ пути чрезъ него можно считать, при томъ лишь въ дурную погоду, не безопаснымъ.

Отдохнувъ не болѣе часа, мы начали взбираться на Главный хребетъ, направляясь почти прямо на западъ. Въ это время былъ девятый часъ утра. Подъемъ при самомъ началѣ оказался очень крутымъ, но за то почти всюду былъ покрытъ мелкой, густой травкой. Кое-гдѣ намъ приходилось взбираться пѣшкомъ, но большую часть подъема мы сдѣлали верхами. Надо замѣтить, что тропинка, которая вела къ перевалу, приблизительно на половинѣ горы раздѣляется на двѣ новыхъ: лѣвая направлялась черезъ Главный хребетъ къ верховьямъ Алазани, въ Кахетію, а правая къ верховьямъ Арагвы, въ Пшавію. Послѣдняя особенно удобна для перехода или переѣзда черезъ Кавказскій хребетъ.

Поднимаясь шагъ за шагомъ то пѣшкомъ, то на своихъ лошадяхъ, мы по истеченіи двухъ часовъ достигли наконецъ гребня Главнаго хребта, пройдя по снѣгу не болѣе 30—40 саженъ, и очутились въ это время между вершинами Большого и Малаго Борбало, при чемъ первый былъ влѣво (на югъ) отъ насъ, а второй вправо (на сѣверъ). Вершины этихъ двухъ горъ отстоятъ одна отъ другой версты на двѣ, основанія-же ихъ сливаются вмѣстѣ. Обѣ они состоятъ изъ черныхъ шиферныхъ скалъ и огромныхъ шиферныхъ же осыпей. Вершина М. Бор-

бало находится чуть-чуть сѣвернѣе гребня Главнаго хребта, а вершина Большого Борбало отстоитъ отъ него немного на югъ. На первой изъ этихъ вершинъ снѣга было очень мало и къ концу лѣта онъ навѣрно сталъ совершенно, на второй-же находились среднихъ размѣровъ фирновыя поля, но ледники отсутствовали вполнѣ. Вершина Большого Борбало *) поднимается, какъ извѣстно, до 10807 ф. надъ уровн. моря, Малый-же Борбало замѣтно ниже.

Прежде чѣмъ спускаться въ долину Арагвы, мы должны были пройти довольно значительное разстояніе по хребту, вдоль его гребня. Вначалѣ на пространствѣ сажень 70 намъ пришлось пробираться даже по самому гребню, и здѣсь влѣво отъ насъ зіяла страшная пропасть, глубиною, вѣроятно, не менѣе тысячъ двухъ футовъ. На днѣ ея течетъ Кахетинская Алазань, принадлежащая южному склону Кавказа и получающая начало съ юговосточной стороны Большого Борбало. На пятиверстной картѣ это ущелье названо Циплованисъ-хеви, и ограничивается оно съ одной стороны Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, а съ другой горами, отдѣляющими верховья Алазани отъ верховьевъ горы и Пшавской Арагвы. Ущелье это узко, страшно глубоко и представляется сверху, какъ я уже говорилъ, ужаснѣйшей пропастью, скалистыя стѣны которой обрываются почти отвѣсно. Когда мы шли надъ самымъ краемъ этой пропасти, дулъ по направленію къ ней сильный вѣтеръ, и надо было имѣть крѣпкіе нервы, чтобы спокойно шагать по узенькой тропинкѣ, извивающейся надъ страшной бездной.

Пройдя это мѣсто, мы продолжали путь по южной сторонѣ Малаго Борбало. Тропинка здѣсь идетъ очень высоко, повидимому, лишь на нѣсколько десятковъ сажень ниже самой вершины горы и представляетъ продолженіе той, о которой только-что говорилось; но здѣсь она извивается уже не по гребню хребта, а по крутому косогору, покрытому мелкими, сыпучими, пластинчатыми обломками шифера. Только на самой тропинкѣ они были болѣе или менѣе утоптаны, по сторонамъ же ея представляли такую зыбкую массу, на которую нельзя было поставить ногу, чтобы она вмѣстѣ съ кучей обломковъ не сползала внизъ. Влѣво непосредственно отъ самой тропинки тянется гладкій, но страшно крутой откосъ, всѣ малѣйшія неровности

*) Большой Борбало пшавы называютъ Ботанисъ-мта. Объ этомъ говоритъ и Г. Радде.

котораго тщательно засыпаны и выровнены мелкими пластинками того же зыбкаго шифера. Этотъ откосъ тянется лишь саженъ на сотню, а за нимъ тотчасъ слѣдуетъ почти отвѣсный уступъ, обрывающійся до самаго дна пропасти, по которой течетъ Алазань. Когда мы проходили по этой мѣстности, сильный вѣтеръ продолжалъ дуть по прежнему. Порывы его временами были настолько стремительны, что надо было употреблять порядочное усиліе, чтобы сохранить равновѣсіе и не слетѣть внизъ. Только пройдя это опасное мѣсто, тянувшееся на протяженіи около $^1/_2$ версты *), мы могли спокойно посмотрѣть внизъ и полюбоваться новой дивной картиной на верховья Кахетинской Алазани. Чудное смѣшеніе лѣсовъ, горныхъ луговъ, отвѣсныхъ скалъ и кое-гдѣ снѣговъ было такъ красиво, что описать его нѣтъ никакой возможности. Другая такая-же прекрасная картина открывалась намъ на востокѣ, гдѣ видна была долина Тушинской Алазани и всѣ окружающія ее горы.

Когда мы прошли весь косогоръ, и вершина М. Борбало осталась позади насъ, то дорожка продолжала извиваться по сыпучему шиферу, но уже надъ верховьями Аргуна. Отсюда также открывался цѣлый лабиринтъ долинъ, ущелій и раздѣляющихъ ихъ горныхъ хребтовъ, которые принадлежали частью Хевсуріи, частью Чечнѣ. Въ это время въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нами тянулись альпійскіе луга, а далеко внизу, на днѣ и склонахъ долинъ, зеленѣли лѣса; видно было отсюда и нѣсколько скалистыхъ вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ.

Пройдя вдоль гребня Главнаго хребта еще версты двѣ, мы сдѣлали привалъ уже надъ верховьями Пшавской Арагвы. Вскорѣ къ намъ подошли пастухи-пшавы. Мы подробно разспросили ихъ о дорогѣ до ближайшихъ пшавскихъ селеній и здѣсь разстались съ Михако, нашимъ незамѣнимымъ проводникомъ, который по своимъ домашнимъ дѣламъ долженъ былъ возвратиться въ Тушетію.

Мѣсто, на которомъ мы теперь находились, названо на пятиверстной картѣ переваломъ Андаки. Черезъ него проходитъ дорога изъ Пшавіи въ Тушетію, именно къ верховьямъ Тушинской Алазани, и въ Хевсурію, къ верховьямъ Шаро-Аргуна. Перевалъ этотъ почти вовсе лишенъ скалъ и представляетъ

*) Во время дождя по мокрой, скользкой тропинкѣ пробираться еще труднѣе, но въ хорошую тихую погоду путешествіе по ней не представляетъ никакой опасности.

не крутые откосы, покрытые бѣдной, однообразной растительностью, состоящей изъ мелкихъ злаковъ, въ родѣ Alopecurus vaginatus Pall., нѣкоторыхъ видовъ осоки, напр. Carex nigra All., камнеломокъ, драбъ (Draba rigida W., D. siliquosa M. B.) и т. д. Высота его равняется приблизительно 9500 ф. *).

Мы отдохнули на этомъ перевалѣ съ часъ времени, а потомъ начали спускаться внизъ, въ долину Пшавской Арагвы, по довольно хорошей тропинкѣ, извивающейся по горнымъ лугамъ. Съ нея открывается очень красивый видъ на долину Пшавской Арагвы и безчисленныя балки и ущелья, примыкающія къ ней съ боковъ. Почти всѣ онѣ внизу поросли лѣсомъ, а отдѣляются другъ отъ друга болѣе или менѣе высокими хребтами, покрытыми горными пастбищами.

Спускъ къ Арагвѣ тянулся на протяженіи нѣсколькихъ верстъ и привелъ насъ наконецъ къ одному изъ истоковъ ея въ ущелье Ленсъ-хеви. На берегу рѣчки, саженяхъ въ пятидесяти отъ крошечнаго поселка Гокци и на высотѣ $6^1/_2$ т. ф. надъ уровнемъ моря мы сдѣлали привалъ; но такъ какъ здѣсь оказались у насъ подъ рукой дрова и вода, то рѣшено было на этомъ-же мѣстѣ и переночевать. На слѣдующее утро мы думали спуститься по ущелью еще ниже и выйти на самую Арагву, къ селенію Уканапшави, откуда идетъ уже хорошая дорога до Жинвани, Тіонетъ и т. д. Прежде чѣмъ прійдти къ окон[illegible]тельному рѣшенію относительно дальнѣйшаго пути, мы сочли [illegible]днако за лучшее поговорить о дорогѣ съ жителями Гокци, и они къ большому неудовольствію всѣхъ насъ объявили, что наши предположенія на этотъ разъ неосуществимы, такъ какъ тропинка по дну Ленсъ-хеви въ одномъ мѣстѣ съ самой весны завалена камнями и снѣгомъ и сдѣлалась по этой причинѣ непроѣздной. Такимъ образомъ оказалось, что мы совершенно напрасно спускались въ Ленсъ-хеви и потому завтра должны будемъ снова взбираться на очень высокую гору, поднимающуюся съ лѣвой стороны его, а потомъ тотчасъ спускаться съ этой горы въ другое ущелье; только по немъ можно будетъ направиться внизъ, къ Арагвѣ, на правомъ берегу которой расположено селеніе Уканапшави. Разсчитывая добраться отъ Гокци безъ малѣйшихъ затрудненій до густо-населенныхъ мѣстъ,

*) Основаніе конуса Б. Борбало акад. Рупрехтъ опредѣляетъ въ 9655 ф. надъ уровн. моря; на такой-же высотѣ приблизительно лежитъ и этотъ перевалъ.

имѣющихъ уже хорошіе пути сообщенія, и порядочно утомившись длинными, крутыми спусками и подъемами Тушетіи, мы были теперь очень опечалены подобнымъ извѣстіемъ.

Чтобы убѣдиться въ справедливости разсказовъ жителей Гокци о дорогѣ, я съ своимъ спутникомъ Т. отправился внизъ по ущелью, къ тому мѣсту, гдѣ дорога, судя по разсказамъ, должна оказаться заваленной камнями и снѣгомъ. Вскорѣ мы дѣйствительно добрались до этого мѣста и тотчасъ убѣдились, что человѣкъ могъ бы еще кое какъ пробраться здѣсь, но что провести лошадей не мыслимо. Такимъ образомъ на слѣдующій день намъ снова предстояло карабкаться по крутымъ, высокимъ горамъ и потратить на это не мало трудовъ и времени.

Утромъ мы встали очень рано и двинулись въ путь до восхода солнца, чтобы прежде наступленія жары совершить большую часть подъема. Глухая тропинка тянулась здѣсь по лѣсу, была вообще страшно крута и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднималась чуть не на отвѣсную стѣну, при чемъ должна была дѣлать множество зигзаговъ. Такимъ образомъ намъ пришлось, обливаясь потомъ, взбираться по ней въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Когда лѣсъ кончился, то тропинка потянулась черезъ заросли рододендроновъ и альпійскіе луга. Часовъ въ 8 мы выбрались на вершину хребта, но здѣсь должны были испытать новое горе: наша тропинка совершенно исчезла, и мы не знали, куда двинуться. Всѣ старанія отыскать слѣды подковъ или копытъ на горныхъ лугахъ не увѣнчались никакимъ успѣхомъ, и мы, зная лишь приблизительно направленіе, по которому слѣдовало идти дальше, рѣшили продолжать путь безъ дороги. Проплутавши порядочное время по склону горы и спустившись не безъ труда на дно долины, мы встрѣтили тамъ нѣсколько пшавовъ и при помощи ихъ выбрались наконецъ на настоящую дорогу. Переѣхавъ потомъ черезъ одинъ изъ истоковъ Арагвы и черезъ нее самую, мы попали въ селеніе Уканапшави, расположенное на лѣвомъ берегу рѣки, на высотѣ въ 5538 ф. надъ уровн. моря, и здѣсь остановились у тамошняго священника (деканоза) Михаила Чихаидзе.

Въ Уканапшави я нанялъ на нѣсколько часовъ проводника изъ мѣстныхъ охотниковъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправиться на одинъ изъ ближайшихъ гребней и взглянуть оттуда на юго-западную сторону Б. Борбало. Мы направились снова вверхъ по Арагвѣ, а потомъ свернули влѣво въ небольшое боковое

ущелье правой стороны долины. Это болѣе или менѣе скалистое ущелье было почти сплошь покрыто кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ; дороги въ немъ не было, и потому мы при началѣ его должны были оставить своихъ лошадей и отправиться дальше пѣшкомъ. Взобравшись на одинъ высокій косогоръ, мы увидѣли наконецъ вершину Большого Борбало. Это очень красивая гора въ 10807 ф., съ верхней частью, имѣющей видъ совершенно правильнаго и очень тупого конуса, одѣтаго сплошнымъ снѣжнымъ покровомъ. Только вблизи самой вершины его, съ правой стороны горы, замѣтны были въ бинокль темные выступы скалъ. Снѣга спускаются здѣсь однако очень недалеко отъ вершины горы, приблизительно футовъ на 400, считая по вертикальному направленію, т. е. до высоты около 10400 ф. надъ уровн. моря. Къ концу лѣта ихъ граница поднимется, конечно, еще выше. Такимъ образомъ съ этой стороны горы снѣговъ почти столько-же, сколько и съ противоположной ей; что же касается ледниковъ, то они и здѣсь отсутствуютъ совершенно.

Окрестности Уканапшави оживляются довольно порядочнымъ количествомъ птицъ. Я видѣлъ здѣсь нѣсколькихъ удодовъ, кукушекъ, бѣлозобыхъ дроздовъ (Merula torquata L.), красногрудыхъ воробьевъ (Carpodacus erythrinus), стрижей (Cypselus apus), пустельгу (Tinnunculus alaudarius), овсянокъ, завирушекъ и т. д.; присутствія же крупныхъ звѣрей и здѣсь не было замѣтно. Вовсе не было видно напр. разрытыхъ муравейниковъ, которые едвали не прежде всего обнаруживаютъ присутствіе медвѣдей. Впрочемъ, и по разсказамъ жителей этотъ звѣрь здѣсь попадается крайне рѣдко. Туры и безоаровые козлы, въ особенности послѣдніе, встрѣчаются тоже въ очень ограниченномъ количествѣ; но здѣсь также, какъ и въ Тушетіи, мнѣ говорили, что оба вида козловъ на чеченской сторонѣ горъ водятся въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ Пшавіи или сосѣдней съ нею Хевсуріи.

Изъ Уканапшави мы отправились внизъ по Арагвѣ, къ святынѣ здѣшнихъ мѣстъ, Лашарисъ-джвари, къ которому стекаются изъ года въ годъ тысячи людей. Это мѣсто расположено на довольно пологомъ гребнѣ высокой правой стороны долины, верстахъ въ 4—5 отъ Уканапшави. Крупные, раскидистые ясени покрываютъ гребень косогора и ближайшіе къ нему склоны, а дальше за ними тянется уже болѣе или менѣе смѣшанный лѣсъ. Подъ тѣнью ясеней устроенъ изъ камней жертвенникъ, вы-

шиною аршина въ полтора. На немъ разбросано множество различныхъ вещей, какъ-то: мѣдныхъ колецъ. лоскутковъ матерій, ленточекъ, кусковъ стекла, разбитыхъ зеркалъ. гвоздей и т. д. На жертвенникѣ стоитъ также жестяная чаша съ кропиломъ изъ ясеневыхъ вѣтвей и образъ Георгія Побѣдоносца, а около него растетъ большой ясень, также обвѣшанный разными, ничего не стоющими предметами. Шагахъ въ 6 отъ него находится яма, глубиною, какъ говорятъ, сажени въ двѣ и шириною въ аршинъ. Сверху она болѣе или менѣе покрыта каменными плитами, при чемъ между ними остается квадратное, величиною въ полъ-аршина отверстіе. Надъ этой ямой рѣжутъ всѣхъ жертвенныхъ животныхъ, кровь которыхъ черезъ упомянутое отверстіе стекаетъ въ яму и, по словамъ пшавовъ, въ самый разгаръ празднества наполняетъ ее почти до краевъ. Множество валяющихся около ямы и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея бычачьихъ, а въ особенности овечьихъ, ногъ свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь во время празднествъ убивается очень много животныхъ. Рога ихъ также въ изрядномъ количествѣ развѣшаны на растущихъ около жертвенника деревьяхъ. Не далеко отъ него сложена еще изъ камней небольшая хатка. На ней и внутри ея валяется около дюжины роговъ.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ жертвенника находится довольно большое, сажень въ 15 въ длину и ширину, огороженное пространство. Внутри его построено нѣчто въ родѣ часовни, съ крышей изъ бѣлой жести и крестомъ надъ нею. Отъ одного ясня къ куполу часовни протянута веревка и на ней развѣшано множество очень маленькихъ мѣдныхъ колокольчиковъ. Недалеко отъ часовни находится длинный сарай, на крышѣ котораго навалено много оленьихъ роговъ, а нѣсколько выше его, но внутри того же обнесеннаго изгородью пространства, сложена изъ шиферныхъ плитъ ступенчатая 4-хъ-угольная пирамида. Во время нашего посѣщенія этого мѣста мы не встрѣтили въ немъ никого изъ молящихся, а лишь нѣсколько человѣкъ чеченцевъ, пріѣхавшихъ сюда на время здѣшнихъ праздниковъ съ цѣлью сбыта грузинамъ своихъ произведеній: бурокъ, суконъ и т. д. За то мы застали здѣсь цѣлые десятки воронъ, коршуновъ, орловъ и грифовъ, прилетѣвшихъ попользоваться тѣми гніющими остатками, которые валяются здѣсь. Надо замѣтить, что около Лашарисъ-джвари гніетъ такъ много крови, внутренностей, ногъ, кусковъ кожи, что вонь стоитъ невыносимая.

Осмотрѣвъ Лашарисъ-джвари, мы двинулись внизъ по Пшавской Арагвѣ. Она течетъ здѣсь по довольно широкому дну долины, по сторонамъ котораго поднимаются горы, не особенно богатыя растительностью. Въ особенности это можно сказать про правый склонъ, обращенный на югъ и покрытый лишь тощей, сухой травой и мелкими кустарниками, въ родѣ шиповника, барбариса, таволги (Spiraea crenata) и т. д..

Верстахъ въ 13 ниже Лашарисъ-джвари сливаются оба главные истока Пшавской Арагвы. *) Это мѣсто находится на высотѣ 3676 ф. надъ ур. моря. Здѣсь выстроена хевсурская кузница, которая пришлась намъ очень кстати, такъ какъ въ ней мы могли перековать нашихъ лошадей, подковы которыхъ пришли уже въ негодность; кромѣ того у кузнеца я добылъ себѣ два сацерули, т. е. желѣзныя съ острыми шипами кольца, которыя хевсуры надѣваютъ на большой палецъ правой руки и въ дракѣ наносятъ ими своему противнику въ лицо раны. Въ этой кузницѣ мы застали двухъ молодыхъ хевсурокъ, пришедшихъ сюда набрать желѣзныхъ оскоблинъ, которыя онѣ употребляютъ, въ смѣси съ отваромъ древесной коры, для окраски тканей въ черный цвѣтъ. Одна изъ нихъ своею наружностью произвела на насъ очень пріятное впечатлѣніе, была высокаго роста, очень стройна, красива, имѣла темные волосы, нѣжный цвѣтъ лица и прекрасные голубые глаза.

Ниже слiянiя упомянутыхъ двухъ истоковъ характеръ долины Пшавской Арагвы сразу сильно измѣняется: долина становится значительно просторнѣе, голыя скалы, кручи и осыпи въ ней почти исчезаютъ, а лѣса наоборотъ все болѣе и болѣе завладѣваютъ обоими склонами ея. Долина пріобрѣтаетъ такимъ образомъ очень нѣжный, мягкій и красивый колоритъ. Берега Арагвы окаймляются здѣсь узкими перелѣсками изъ ольхи, осины и вербы, за ними тянутся часто болѣе или менѣе широкія полосы луговъ, а еще дальше горы, покрытыя сплошнымъ лиственнымъ лѣсомъ. Только кое-гдѣ, среди зелени его, виднѣются группы небольшихъ скалъ. Изъ деревьевъ здѣсь встрѣчаются букъ, дубъ (Quercus robur), ясень, кленъ (Acer campestre) и т. д. Одно мѣсто этой долины интересно еще въ томъ отношеніи, что здѣсь на довольно порядочномъ пространствѣ растетъ мно-

---

*) Одинъ изъ нихъ называется обыкновенно Хевсурской Арагвой, такъ какъ въ его долинѣ живутъ исключительно хевсуры.

го красивыхъ и довольно крупныхъ тиссовыхъ деревьевъ (Taxus baccata L.), которыя въ другихъ мѣстахъ Пшавіи мнѣ не встрѣчались вовсе.

Проѣхавъ внизъ по этой долинѣ до селенія Тваливи, мы свернули влѣво и по узкой тропинкѣ стали взбираться на средней высоты хребетъ, раздѣляющій долины Арагвы и Іоры, потомъ спустились съ него и черезъ селеніе Тушури снова попали въ Тіонеты.

Отдохнувъ въ Тіонетахъ сутки, я предпринялъ еще небольшую экскурсію вверхъ по долинѣ Іоры. Мы выступили часа за 4 до восхода солнца, разсчитывая проѣхать верстъ 15 до селенія Артани и переночевать у тамошняго священника отца Александра, который хорошо знаетъ русскій языкъ и вообще пользуется прекрасной репутаціей. Дорога отъ Тіонетъ до Артани все время тянется вдоль праваго берега Іоры, по обѣимъ сторонамъ которой разбросаны небольшія пшавскія деревушки. Сама долина имѣетъ здѣсь мягкій и очень живописный видъ. Скалъ въ ней не видно вовсе; горы, идущія по сторонамъ ея, поднимаются всего на тысячу или тысячи на полторы футовъ надъ дномъ ея и покрыты лѣсами, среди которыхъ виднѣется много небольшихъ полянокъ, испещренныхъ хлѣбными нивами.

Мѣсто, на которомъ расположено Артани, очень красиво. Это маленькое селеніе находится на правомъ берегу рѣки и почти на самомъ днѣ долины. Въ немъ есть небольшая церковь и довольно много чистенькихъ каменныхъ домиковъ. Они совершенно не похожи на хаты тушинъ, хевсуровъ и прочихъ представителей полудикихъ племенъ Кавказа, построены очень аккуратно изъ хорошо отесанаго камня, имѣютъ черепитчатыя крыши и нерѣдко вдоль всего передняго фасада широкую крытую галлерею. Противъ селенія, по другую сторону Іоры, поднимается довольно высокая гора, поросшая сплошнымъ лѣсомъ, а нѣсколько ниже ея, отъ главной долины отходитъ другая, второстепенная. Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ сливаются, находится еще небольшое пшавское селеніе, а надъ нимъ гора, на которой узкія полоски лѣса чередуются съ хлѣбными полями. Съ западной стороны Артани также поднимается крутой косогоръ, покрытый густой, но низкой, приземистой травкой, а еще выше тянутся заросли изъ орѣшника, лычи, боярышника и т. д. Воздухъ въ Артани необыкновенно чистый, здоровый. Вѣтровъ здѣсь почти не бываетъ, всюду кругомъ зелень, болотъ нѣтъ,

о пыли не можетъ быть и рѣчи, и температура круглый годъ очень умѣренная.

Изъ Артани открывается красивый видъ на верховья Іоры, гдѣ долина ея раздѣляется высокой горой, внизу покрытой лѣсомъ, а вверху горными пастбищами, на двѣ части. По словамъ здѣшнихъ жителей въ Іорѣ водится не мало рыбы, именно форели и усачей; кромѣ того долина ея оживляется порядочнымъ количествомъ птицъ. Мы видѣли здѣсь много горлицъ, ветютеней, соекъ, иволгъ, чижей, снигирей, воронъ, чекановъ, черныхъ и бѣлозобыхъ дроздовъ; наконецъ съ полей и луговъ безпрерывно доносился до насъ крикъ перепеловъ и коростелей.

На слѣдующій день, часовъ въ 7 утра, послѣ чая и закуски у гостепріимнаго отца Александра, мы двинулись въ путь вверхъ по долинѣ Іоры. Она и здѣсь сохраняетъ тотъ-же мягкій, пріятный для глазъ колоритъ, только горы, идущія по обѣимъ сторонамъ ея, становятся значительно выше. Растительность и здѣсь одѣваетъ почти сплошнымъ покровомъ какъ дно, такъ и склоны долины; лѣса, состоящіе изъ дуба, бука, клена, ясени, груши, орѣшника, ольхи (Alnus incana), черноольхи (Alnus glutinosa), боярышника и т. д., пересѣкаются множествомъ красивыхъ полянъ. Только въ немногихъ мѣстахъ изъ этой сплошной массы зелени выступаютъ камни и небольшія скалы. Очень красиво выглядываютъ здѣсь и тѣ многія короткія боковыя долины, которыя присоединяются къ главной съ правой и лѣвой стороны. Въ каждой изъ нихъ течетъ по небольшой горной рѣчкѣ, впадающей потомъ въ Іору. Такой характеръ сохраняетъ долина до самыхъ верховьевъ рѣки и тѣмъ сильно отличается отъ сосѣдней съ нею долины Арагвы, которая въ верхней своей части скалиста, бѣдна лѣсомъ и вообще зеленью.

Во время путешествія по долинѣ Іоры мнѣ пришлось проѣзжать мимо нѣсколькихъ священныхъ рощъ и полянъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ маленькія часовни или домики, гдѣ живетъ обыкновенно такъ-называемый хевис-бери, т. е. отшельникъ, отказавшійся отъ своихъ родныхъ, дѣтей, если они у него были, и проводящій жизнь вдали отъ суеты людской. Жители ближайшихъ селеній доставляютъ ему пищу и часто одежду, а онъ молится за нихъ, служитъ имъ молебны, панихиды и т. д. Читаетъ онъ то христіанскія молитвы, какъ напр. молитву Господню, то имъ самимъ составленныя, часто даже импровизи-

рованныя, и при этомъ держитъ иногда, подобно священнику, крестъ въ рукахъ. У хевис-бери бываетъ иногда помощникъ, извѣстный подъ именемъ дастули. Что касается образовъ, то въ часовняхъ чаще другихъ бываетъ образъ Георгія Побѣдоносца, св. Тамары, а также образъ Божьей Матери. Рядомъ съ ними лежатъ иногда болѣе или менѣе цѣнныя вещи, а чаще предметы, не имѣющіе никакой стоимости, какъ это уже было упомянуто при описаніи Лашарисъ-джвари. Эти святыя мѣста, луга, поляны и рощи часто бываютъ обнесены валомъ изъ камней, а иногда и настоящей стѣной. Въ долинѣ Іоры, около мѣстечка Хиліани, находится особенно почитаемая пшавами священная грушевая роща.

Часа въ 4 пополудни мы добрались до Капари, послѣдняго въ верховьяхъ Іоры селенія, и здѣсь, повернувъ влѣво, начали взбираться на хребетъ, возвышающійся между долинами Іоры и Пшавской Арагвы. Съ него мы надѣялись увидѣть всѣ горы, окружающія верховья Іоры. Дѣйствительно, когда мы поднялись на болѣе или менѣе значительную высоту, то передъ нами открылся прекрасный видъ на всѣ ближайшіе хребты, долины, балки и ущелья. Видно было, какъ Іора образуется здѣсь изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ небольшихъ рѣчекъ, при чемъ тѣ изъ нихъ, которыя текутъ съ восточной стороны, получаютъ начало на склонахъ горы Масарисъ-мта (10129 ф.), возвышающейся между долинами Іоры и Алазани, другія же, лежащія западнѣе первыхъ, начинаются отъ горы Ураоба и сосѣднихъ съ нею. Большая часть склоновъ всѣхъ этихъ горъ покрыта травой, снѣговъ на нихъ очень мало, а на Масарисъ-мта—нѣтъ вовсе; что касается глетчеровъ, то о нихъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Подъемъ на хребетъ былъ очень крутъ, но благодаря совершенному отсутствію на тропинкѣ камней и скалъ, можно было большую часть его проѣхать верхомъ. Часа за полтора до захода солнца мы взобрались почти на самый гребень хребта и расположились на ночлегъ по сосѣдству съ грузинскими пастухами, прикочевавшими сюда изъ Алазанской долины. Мѣсто это лежитъ очень высоко, именно на 8200 ф. надъ ур. моря, сильно продувается вѣтромъ и оказалось на этотъ разъ такимъ холоднымъ, что мы большую часть ночи провели здѣсь безъ сна и еще до разсвѣта должны были приняться разводить костеръ и приготовлять чай. На наше горе и погода стояла очень пло-

хая, всѣ горы были окутаны облаками, а мелкій дождикъ, начавшійся еще съ вечера, не переставалъ идти почти всю ночь. Само собой разумѣется, что развесть костеръ при такихъ условіяхъ намъ удалось только послѣ продолжительныхъ усилій.

На слѣдующій день погода была также плоха, какъ и ночью. До самаго обѣда, почти не переставая, шелъ дождь и только по временамъ вѣтеръ разгонялъ облака и давалъ намъ возможность взглянуть на сосѣднія горы. Тогда показывался изъ за тучъ и нашъ старый знакомый-Борбало, значительно побѣлѣвшій отъ выпавшаго на немъ ночью снѣга. До вершины его было теперь не болѣе десяти верстъ.

Съ этого мѣста намъ надо было отправиться въ обратный путь. Долго ждали мы напрасно того момента, когда перестанетъ дождь; но такъ какъ онъ не прекращался ни на минуту, то рѣшили выступить, не обращая на него вниманія. Самая удобная дорога къ Анануру пролегала отсюда по знакомой уже намъ долинѣ Арагвы. Чтобы попасть въ нее приблизительно хотя къ Уканапшави, мы должны были спуститься на 3000 ф. по крутой скользкой тропинкѣ, которая тянулась все время по мокрому, измельченному въ порошокъ шиферу. Само собой разумѣется, что весь этотъ длинный спускъ мы должны были пройти пѣшкомъ, употребивъ на это болѣе двухъ часовъ. Дождь и въ это время не прекращался ни на минуту. Растительность здѣсь была довольно бѣдна и однообразна, а лѣски начали попадаться намъ только вблизи Арагвы. При началѣ спуска, на высотѣ тысячъ $7^1/_2$ фут., мы встрѣтили 2 небольшія озерца и съ одного изъ нихъ вспугнули стайку утокъ.

Передъ вечеромъ мы добрались до Арагвы, переѣхали ее и еще черезъ полчаса мокрые, усталые и голодные вступили въ Уканапшави, гдѣ и остались до слѣдующаго утра.

Н. Динникъ.

Нѣсколько замѣчаній о Каспійскомъ морѣ

„Морская географія Каспійскаго водоема" *) заключаетъ въ себѣ послѣднія свѣдѣнія по гидрографіи этого огромнаго внутренняго моря и нѣкоторыя историческія данныя по измѣненію уровня его, съ цифровыми данными, получаемыми изъ непосредственныхъ наблюденій высоты воды по футштокамъ въ разныхъ частяхъ бассейна; но въ этотъ сравнительно краткій очеркъ Каспійскаго моря не вошли нѣкоторыя свѣдѣнія и наблюденія надъ такими явленіями, которыя заслуживаютъ вниманія и желанія по ближе ознакомиться съ ними. Эти, такъ сказать, особенности Каспійскаго водоема замѣчались и прежде, но никто не обратилъ на нихъ должнаго вниманія; онѣ даже заслужили порицанія. Такъ, напримѣръ, въ бытность свою въ Каспійскомъ морѣ, знаменитый естествоиспытатель А. фонъ-Гумбольдтъ замѣтилъ, что уровень этого моря не вездѣ имѣетъ одновременно одинаковой поверхности. Вслѣдствіе этого, Гумбольдтъ говоритъ въ „Asie Centrale", на стр. 287, т. II: „На восточномъ берегу Каспія, близъ Карабугазскаго пролива, полагаютъ, что уровень моря достигъ своего наименьшаго возвышенія въ 1832 году; увѣряютъ, что съ 1833 года море снова стало возвышаться. Наибольшее возвышеніе было замѣчено жителями Гассанъ-Кули (улусъ Юмудовъ на берегу р. Атрека), въ 1819 году. Разности высотъ уровней, въ теченіи всего періода, должны были въ Гассанъ-Кули быть 9 футовъ, на сѣверѣ-же едва 4 фута".

Это замѣчаніе Гумбольдта опровергалъ г. Ханыковъ въ статьѣ о непрерывномъ колебаніи уровня Каспійскаго моря, помѣщенной въ Запискахъ Кавказскаго отдѣла И. Р. Г. О. за 1853 годъ, въ книгѣ 3, говоря: «Если-бы дѣйствительно это было, то было бы неопровержимымъ доводомъ неравномѣрности возвышенія и паденія Каспія въ одно и тоже время, у разныхъ

*) Книга, составленная капитаномъ 1-го ранга Филиповымъ.

частей его береговъ, даже весьма близко другъ отъ друга отстоящихъ, какъ Карабугазъ и Гасанъ-Кули; но ни Муравьевъ, ни Гёбель, ни Карелинъ, ни другіе изслѣдователи не дѣлали такой нивеллировки, да и дѣлать было имъ неоткуда, такъ какъ на всемъ восточномъ берегу, къ сожалѣнію, нѣтъ ни одного постояннаго знака, отъ котораго можно было бы считать величины возвышенія и паденія морскаго уровня; слѣдовательно, числа, приведенныя Гумбольдтомъ, суть примѣрныя оцѣнки, сдѣланныя даже не на мѣстѣ, а по воспоминаніямъ видѣннаго этими путешественниками, и потому они ничего не доказываютъ, тѣмъ болѣе, что на западномъ берегу мы имѣемъ положительныя данныя, удостовѣряющія насъ въ противномъ». Затѣмъ г. Ханыковъ приводитъ цифры, полученныя имъ отъ свѣдущихъ лицъ въ Дербентѣ, Баку и Ленкорани, что море отступало неравномѣрно въ этихъ приморскихъ пунктахъ и это могло послужить какъ доказательство неравномѣрности паденія уровня моря, если-бы покатость дна въ этихъ трехъ мѣстахъ была одинакова, чего, по замѣчаніямъ Ханыкова, нѣтъ. Основываясь на этихъ не совсѣмъ точныхъ наблюденіяхъ, г. Ханыковъ утвердительно сказалъ, что „на всемъ протяженіи Каспійскаго моря уровень его падаетъ и возвышается равномѣрно"; а если это такъ, то само собою уничтожается возможность, искать въ занимающемъ насъ явленіи сходства съ явленіями, замѣченными болѣе ста лѣтъ назадъ на берегахъ Швеціи, т. е. съ постояннымъ и постепеннымъ возвышеніемъ этого берега надъ поверхностью моря (Compte rendu annuel par Kupfer 1851 p. 4—5.). Такимъ образомъ, не смотря на искренность уваженія моего къ мнѣніямъ барона Гумбольдта, я не думаю, чтобы теперь можно было вполнѣ согласиться съ тѣмъ, что онъ говоритъ на стр. 284 т. II „Asie Centrale".

Будучи знакомъ съ многими частями Каспійскаго водоема, какъ въ топографическомъ, такъ и въ гидрографическомъ отношеніяхъ, мы не можемъ найти справедливымъ такой рѣшительный приговоръ г. Ханыкова на замѣчанія А. Гумбольдта о неодинаковомъ одновременномъ возвышеніи и пониженіи уровня Каспія въ различныхъ частяхъ его бассейна; мы даже не можемъ согласиться съ приведенными цифрами г. Ханыкова удаленія моря на западномъ берегу его, на основаніи послѣднихъ новѣйшихъ промѣровъ, тѣмъ болѣе, что гидрографическій характеръ прибрежья и прилегающаго дна моря у Дербента, Баку

и Ленкорани намъ во всей подробности извѣстенъ (что недоступно было г. Ханыкову). По этому, естественно, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы въ этихъ пунктахъ море отходило отъ береговъ единственно отъ повсемѣстнаго пониженія уровня Каспія, ибо на прибрежьи, болѣе низкомъ и пологомъ, море захватываетъ пространство болѣе, нежели на берегу высокомъ; почему отступленіе моря въ первомъ случаѣ бываетъ очень замѣтно, а во второмъ—нѣтъ. По нашему замѣчанію, въ этомъ случаѣ вліяетъ не столько уровень моря, сколько наносы грунта съ берега и съ моря, и этому распространенію и отложенію наносовъ неравномѣрныя колебанія моря только способствуютъ. Какъ наглядный примѣръ этому, мы можемъ представить окраину берега въ Бакинской бухтѣ, около крѣпостной стѣны, теперь уже занятой новою набережною.—Въ 1854 году, ширина прибрежной полосы отъ стѣны къ морю была мѣстами до того узка (напр. противъ Дѣвичьей башни), что вода бухты почти омывала выступающій контрфорсъ башни, оставляя лишь узкую дорогу для прохода и проѣзда. Въ то время уровень воды въ Бакинской бухтѣ стоялъ невысоко, какъ и въ послѣдующіе за тѣмъ годы, до 1864 г. включительно; а затѣмъ вода стала постепенно возвышаться; но и при своемъ возвышеніи она не захватывала берега, а по-немногу отступала отъ него. Спрашивается, почему же это? Потому собственно, что въ 50-хъ годахъ, также раньше и позже, средній уровень моря, близъ Баку, стоялъ почти на одинаковой высотѣ, но предѣлы наибольшаго и наименьшаго возвышенія и пониженія воды въ бухтѣ были различны и это производило то, что грунтъ прилегающаго дна выбрасывался на берегъ дѣйствіемъ волненія и теченія высокой воды, отлагался на берегу, а затѣмъ при пониженіи воды, при тихомъ стояніи уровня, отложенные наносы укрѣплялись на столько, что, временемъ, образовали небольшія дюны, которыя, въ послѣдующіе годы, не могли размыться, а вода, оставшаяся за этими буграми, высыхала и образовывался сплошной материкъ. Бакинскій старожилъ, Спасскій-Автономовъ, долгое время слѣдившій за измѣненіями уровня воды возлѣ Баку, также утверждаетъ, что наростаніе береговой окраины въ Бакинской бухтѣ слѣдуетъ приписывать наносамъ грунта.

Да и данныя, приводимыя г. Ханыковымъ объ увеличеніи береговой окраины на счетъ измѣненій уровня моря, приняты неправильно. По его наблюденіямъ и замѣчаніямъ свѣдущихъ

людей, глубина моря около Баку была большая, чѣмъ у берега р. Ленкорани, а въ Ленкорани болѣе, нежели въ Дербентѣ; между тѣмъ новѣйшія карты описи Ивашинцова показали противное, а именно въ разстояніи 20—30 саж. отъ берега, дно моря у р. Ленкорани спускается глубже (за исключеніемъ близъ устья Ленкорани), нежели въ Баку, точно такъ, какъ покатость дна въ Дербентѣ значительнѣе пологости въ Ленкорани. При этомъ однако надо замѣтить, что наблюденія производились надъ захватами берега моремъ при различной его пологости, такъ что глубина моря въ однихъ мѣстахъ была больше, а въ другихъ меньше, въ одинаковомъ разстояніи отъ берега. Такія наблюденія понятно не могли дать точной мѣры повышенія и пониженія воды въ извѣстный періодъ времени, а тѣмъ болѣе составить какое нибудь понятіе о неравномѣрности одновременныхъ его колебаній въ пунктахъ, слишкомъ отдаленныхъ между собой.

Для подтвержденія сказаннаго Гумбольдтомъ о неравномѣрности возвышенія поверхности Каспія, въ одно и тоже время, въ различныхъ частяхъ его бассейна, скажемъ, что производимыя нами лично измѣренія воды на футштокахъ около Баку и Наргена (въ разстояніи $8^3/_4$ верстъ), при нивеллировкѣ знака Ленца (въ сѣверной скалѣ острова) дали разные результаты въ 1883 году, 28 Апрѣля и 1 мая: въ первый день уровень моря у Наргена былъ выше уровня около Баку на нѣсколько дюймовъ, а во второй—ниже на нѣсколько дюймовъ. По выборкѣ наблюденій воды на футштокѣ у Ленкорани, замѣчалось тоже; но здѣсь разстояніе между пунктами Баку и Ленкорань равнялось почти 120 италіанскимъ милямъ.

Болѣе же наглядное и осязательное подтвержденіе неодинаковости одновременнаго повышенія и пониженія морскаго уровня въ Каспіѣ могутъ дать наблюденія, производимыя надъ высотою воды, въ теченіи лѣта 1858 года, около устьевъ Волги (въ сѣверномъ мелководномъ бассейнѣ Касп. моря). Этими наблюденіями мы обязаны изслѣдованію р. Камызяка (одного изъ рукавовъ Волжской дельты) при углубленіи его для морскихъ судовъ. При этихъ изысканіяхъ въ волжской дельтѣ явно было замѣчено, что въ одно и тоже время уровень воды въ двухъ ближайшихъ устьяхъ не стоялъ на одинаковой высотѣ, но возвышеніе это было различно, такъ что наблюденія воды по футштоку на Ракушинской розсыпи (близъ Бирючьей косы) были неодинаковы съ измѣреніями при другихъ, болѣе восточныхъ ус-

тьяхъ (рукавахъ) Волги, не смотря на одновременность метеорологическихъ причинъ, вліявшихъ на это явленіе. Сравнивая, напримѣръ, наблюденія у *Шараповой косы* (устье Камызяка), близъ самой нижней оконечности притока Камызяка, и на Ракушинской розсыпи, положительно подтверждена давно замѣченная здѣсь разность возвышенія моря по тремъ футштокамъ, установленнымъ: у *Бирючьей Косы, въ устьѣ Камызяка* и въ 10 верстахъ на востокъ отъ Шараповой косы, въ открытомъ морѣ.

Изъ сравненія этихъ наблюденій надъ повышеніемъ и пониженіемъ воды, выведены слѣдующія любопытныя замѣчанія:

1. Подъ вліяніемъ сильныхъ *выгонныхъ* (N и NW) вѣтровъ горизонтъ воды близъ Шараповой косы и на Ракушинской розсыпи находится на одинаковой почти высотѣ.

2. Горизонтъ воды около береговъ, при тѣхъ-же вѣтрахъ рѣдко достигаетъ наибольшаго своего пониженія и только при переходѣ свѣжаго NW въ свѣжій WNW и, даже, WSW, убыль воды бываетъ наибольшая; при этомъ, вода на Ракушѣ спадаетъ до $1^{1}/_{4}$ фута выше остальной отмели; противъ-же Шараповой косы, гдѣ она стекаетъ свободнѣе по искривленнымъ и неправильнымъ промоинамъ своего бара, упадаетъ болѣе, чѣмъ на 2 фута ниже принятаго нуля.

3. За предѣлами бара, пониженіе горизонта моря бываетъ еще болѣе. Такъ наблюденія надъ третьимъ (морск. описи) футштокомъ показали, что при W вѣтрахъ, вода въ морѣ понижается еще на одинъ футъ болѣе футштока Камызякскаго и, надо полагать, если-бы были произведены одновременныя наблюденія далѣе Бирючьей косы, напримѣръ у Четырехъ-бугорнаго острова, то и тамъ нашли бы такую-же, если еще не большую разность между горизонтами воды на Ракушѣ и на ближайшей сюда Зюзинской розсыпи. Такого рода наблюденія, произведенныя не только въ рѣкахъ, но и въ разныхъ частяхъ Каспійскаго моря, могли бы обогатить гидрографію этого бассейна рядомъ любопытныхъ свѣдѣній въ пользу занимаемаго насъ вопроса.

4. При *нагонныхъ* (SO, OSO и O) вѣтрахъ, вода въ обоихъ устьяхъ идетъ на прибыль и достигаетъ наибольшаго возвышенія надъ поверхностью Ракушинской розсыпи, на $8^{1}/_{2}$ фут. у Бирючьей косы и на $5^{1}/_{2}$ футовъ у Шараповой косы, что соотвѣтствуетъ почти $4^{1}/_{2}$ футамъ Камызякскаго футштока. Кромѣ того, непосредственныя наблюденія показали, что вода на Ракушѣ повышается гораздо быстрѣе, нежели противъ устья Камызяка;

но по достиженіи соотвѣтствующихъ или высшихъ предѣловъ колебанія уровня моря, при устьяхъ оставалась въ близъ-параллельномъ между собою движеніи, сохраняя разность *превышенія* отъ 2—3 футовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчено было, что горизонтъ воды, при движеніи ея на Шараповой косѣ, начавъ быстро возвышаться, вдругъ останавливался и затѣмъ въ теченіи сутокъ стоялъ на одной высотѣ, и даже понижался, между тѣмъ какъ на Ракушѣ вода прогрессивно и понемногу повышалась. Но совсѣмъ иное было при устьѣ Камызяка, гдѣ воды крайныхъ истоковъ, при выгонѣ, находятъ менѣе препятствій для своего изліянія въ море и потому падаютъ ниже воды устья *Бахтемира* (главнаго ходового рукава Волги, направляющагося мимо Бирючьей косы, къ Зюзинской розсыпи), вслѣдствіе чего, нагонная волна, повысивъ на нѣкоторое время горизонтъ воды у Шараповой косы, при первоначальномъ ударѣ своемъ о берегъ вторгается въ многочисленныя устья Камызяка и прилегающіе за Шараповой косой заливы, вслѣдствіе чего повышеніе горизонта ея, по временамъ должна удерживаться на одной высотѣ и, смотря по силѣ и направленію вѣтра, можетъ даже нѣсколько понизиться, прежде чѣмъ станетъ продолжать постепенно возвышаться отъ дальнѣйшаго нагона.

Такую значительную разность зъ явленіяхъ, происходящую при одинаковыхъ *метеорологическихъ* причинахъ на двухъ близкихъ пунктахъ окраины волжской дельты (отстоящихъ всего въ 42 верст. другъ отъ друга) надо искать въ топографическомъ положеніи каждаго истока и въ разности качества притекающей изъ рѣки воды.

Посмотримъ теперь, что происходитъ въ остальной части сѣвернаго бассейна Каспія при наибольшихъ *нагонахъ* и выгонахъ воды у прибрежій и въ открытомъ морѣ.

Какъ извѣстно, уровень Каспійскаго моря находится въ зависимости отъ притока воды въ бассейнъ его весною, при регулированіи испаренія отъ солнечныхъ лучей; вѣтры также оказываютъ вліяніе на измѣненіе каспійскаго уровня, особливо это замѣтно въ сѣверномъ мелководномъ бассейнѣ Каспія, гдѣ вода возвышается и понижается отъ продолжительныхъ господствующихъ вѣтровъ, называемыхъ здѣсь *нагонными* и *выгонными* вѣтрами. Колебанія уровня моря въ этихъ мѣстахъ уподобляются приливу и отливу моря, но не періодическому; при такихъ вѣтрахъ, вода затопляетъ по временамъ берега на далекое раз-

ніи отъ берега, ибо, при промѣрѣ въ 1836 году съ парохода „Волга“, на лотъ попадалась соль съ глубины 4 и 5 саж., почти въ 2-хъ миляхъ отъ берега.

Мы коснулись Карабугаза потому, что, отъ сильныхъ испареній на поверхности его, является упадокъ температуры въ окружающей его атмосферѣ, что слишкомъ было замѣтно. По наблюденіямъ термометра, въ промѣрномъ отдѣленіи, въ 1864 году, лѣтомъ, въ исходѣ Іюля и въ началѣ Августа, въ воздухѣ было тепла +15° днемъ и +12° R. вечеромъ, при тепломъ восточномъ вѣтрѣ, и въ водѣ +8°. Такую низкую температуру моря намъ приходилось получать въ разныхъ мѣстахъ прибрежья восточнаго берега Каспійскаго моря.—Такъ у мыса Скалистаго, въ Іюлѣ того-же года, было +8° въ водѣ, какъ и въ Александръ-баѣ; между тѣмъ, верстъ за 12 къ западу, у мыса Песчанаго, температура воды была +23° R.; не рѣдко замѣчали холодныя воды въ Тюбъ-Караганѣ и въ Петровскѣ.

Прослѣдимъ морской промѣръ на пароходѣ „Дербентъ“ и увидимъ, что, на пути отъ мыса Скалистаго къ Петровску, наблюденія надъ температурою воды въ Каспіѣ дали:

23 Іюля 1865 г., въ 5 ч. веч., темп. моря +13,0 R въ 5 мил. отъ бер.
„ „ „ „ „ 6 „ „ „ „ +14,7 „ 13 „ „ „
„ „ „ „ „ 7 „ „ „ „ +14,9 „ 21 „ „ „
„ „ „ „ „ 8 „ „ „ „ +16,7 „ 28 „ „ „
„ „ „ „ „ 9 „ „ „ „ +18,0 „ 36 „ „ „
24 Іюля въ полночь „ „ „ +18,5 „ 59 „ „ „
„ „ „ 4 „ утра „ „ +19,5 „ 90 „ „ „
„ „ „ 9 „ „ „ „ +20,5 „ 125 „ „ „
„ „ „ полдень „ „ „ +20,7 „ 147 „ „ „
„ „ „ $2^1/_2$ ч. пополудни „ +18,5 „ 150 „ „ „
„ „ „ 8 „ „ „ + 9,0 на Петровск. рейдѣ при SO тихомъ вѣтрѣ.

Теченіе моря было отъ S около $^3/_4$ узла въ часъ.

Спрашивается, что за причина такой низкой температуры воды, преимущественно у восточнаго берега моря, и притомъ лѣтомъ, въ самое жаркое время года. Подземные ключи, отвѣчаемъ на это, и это всегда тамъ, гдѣ грунтъ дна моря каменистый или плитняковый. Нѣкоторые полагаютъ, что при южныхъ вѣтрахъ, холодная вода съ глубокихъ безднъ средняго и южнаго бассейновъ моря производитъ уменьшеніе въ температурѣ воды у прибрежья; но если это такъ, то холодная вода разливалась-бы по

всему восточному берегу, а не мѣстами, прерываемыми пространствомъ отъ 6 до 50 миль береговой черты.

Остается сказать о нерѣшенномъ вопросѣ объ измѣненіи высоты знака Ханыкова, выбитаго въ скалѣ Апшеронскаго берега, на дорогѣ отъ берега къ Апшеронскому таможенному посту.

По нивеллировкѣ, произведенной г. Ханыковымъ въ 1853 г. мая 14, упомянутый знакъ отстоялъ отъ уровня моря на. . . . . 25 ф. 4 д. 1 л.,

а по нивеллировкѣ г. Рыкачева . . . . . 37 „ 9,4 „ 19 „ въ 1881 году.

Разность измѣреній обоихъ наблюд. составляетъ 12 ф. 2 д. 3 л.?

Неизвѣстно, какими средствами наблюдалъ г. Ханыковъ, но у г. Рыкачева былъ исправный малый универсальный инструментъ и рейка; самъ Рыкачевъ былъ опытный наблюдатель.

Если-бы знакъ Ленца оказался на малое количество разности отъ послѣдней нивеллировки, то тутъ могла вкрасться ошибка и отъ зыбкости грунта и неопредѣленія хорошо уровня моря; но 12 слишкомъ футовъ—число значительное.

Къ числу особенностей Каспійскаго водоема можно отнести измѣненія, слишкомъ замѣтныя отъ продолжительнаго SO вѣтра и повышенія уровня моря, о которыхъ въ свое время было сообщено въ кавказское общество въ статьѣ: о „невулканическихъ явленіяхъ въ Каспійскомъ морѣ“.

Н. Филиповъ.

Ботаническая экскурсія въ Лазистанъ

Н. Альбова.

Лѣтомъ 1891 года, закончивъ свои ботаническія изслѣдованія на Кавказѣ, я предпринялъ небольшую ботаническую экскурсію въ Лазистанъ. Лазистанъ, какъ извѣстно, составляетъ часть Понтійской области (Pontus Чихачева, Буассье, Коха и др.). Подъ названіемъ „Понтійская область“ въ наукѣ разумѣется южное побережье Чернаго моря отъ Батума до Керасунда, ограниченное съ юга Понтійскимъ хребтомъ, который, отдѣляясь за Батумомъ отъ Малаго Кавказа, тянется затѣмъ параллельно берегу моря почти до Керасунда, за которымъ его продолженіемъ является рядъ другихъ хребтовъ, сохраняющихъ тоже самое направленіе. Лазистаномъ обыкновенно называютъ часть Понтійской области, заключенную между Батумомъ и Трапезондомъ. Въ болѣе же тѣсномъ смыслѣ подъ именемъ Лазистана извѣстна турецкая провинція, входящая въ составъ обширнаго Трапезондскаго вилайета и простирающаяся отъ русской границы до г. Ризе. Эта провинція населена лазами—горцами мингрельскаго происхожденія, отъ которыхъ и получила свое названіе.

Направляясь въ Лазистанъ, я вовсе не имѣлъ въ виду производить тамъ какія-либо капитальныя изслѣдованія; тѣмъ менѣе могъ я разсчитывать открыть тамъ что-либо новое или особенно интересное для науки; страна уже неоднократно была посѣщаема многими, весьма компетентными изслѣдователями, какъ Кохъ, Кочи, Буржо, Баланза, Турнефоръ и др., которые собрали здѣсь богатѣйшія ботаническія коллекціи, такъ что послѣ нихъ я своими изслѣдованіями едва-ли могъ внести въ науку что-либо существенно-новое. Нѣтъ, мною просто руководило желаніе ознакомиться въ общихъ чертахъ съ флорой страны, представляющей такъ много общаго съ флорой Западнаго Закавказья и, въ особенности, съ спеціально изучаемой мною флорой Абхазіи. Кромѣ того, меня особенно интересовала эта

страна въ виду того, что въ недавнее время однимъ русскимъ ботаникомъ, Н. И. Кузнецовымъ, былъ возбужденъ вопросъ о соединеніи Понтійской флоры и флоры Западнаго Закавказья въ одну общую растительную область, подъ названіемъ „Колхидской“, или „Понтійской“, и о выдѣленіи послѣдней, какъ самостоятельной провинціи, изъ средиземноморской области. Мнѣ хотѣлось провѣрить, въ какой мѣрѣ основательно это предложеніе; я желалъ знать, какъ далеко простирается сходство флоръ Понтійской и Закавказской, и настолько-ли велико различіе этихъ флоръ отъ Средиземноморской флоры, чтобы было возможно допустить выдѣленіе ихъ изъ послѣдней. Имѣя въ виду только эту цѣль, я рѣшилъ не забираться далеко въ глубь страны и ограничиться въ своемъ изслѣдованіи мѣстностями, наиболѣе доступными, какъ вполнѣ отвѣчающими названной цѣли,— тѣмъ болѣе, что ни время, ни средства не позволяли мнѣ расширить свои изслѣдованія. Съ этою цѣлію, прибывъ въ Трапезондъ, я направился отсюда, по большой караванной дорогѣ, ведущей изъ Трапезонда въ Эрзерумъ, къ Понтійскому хребту, который находится всего верстахъ въ 50—60 къ югу отъ Трапезонда, нося здѣсь мѣстное названіе Кромской Яйлы. Достигнувъ Понтійскаго хребта, я обслѣдовалъ нѣкоторыя его вершины, спускался на небольшое разстояніе на южный склонъ его и затѣмъ нѣсколько другой дорогой вернулся обратно въ Трапезондъ.

Постараюсь набросать въ нѣсколькихъ штрихахъ картину растительности, которую пришлось наблюдать мнѣ на означенномъ пути. Выйдя изъ Трапезонда, дорога наша идетъ сначала по культурной полосѣ страны, имѣющей видъ волнистаго плато. Каждый клочекъ земли здѣсь тщательно обработанъ. Плантаціи маису и табаку съ разбросанными на нихъ грецкими орѣхами и фруктовыми деревьями здѣсь живо напоминаютъ намъ Закавказье,—точно также какъ встрѣчающіеся на пустыряхъ и по окраинамъ кукурузныхъ плантацій густыя заросли папоротника-орляка, травянистой бузины, держи-дерева и азалеи, перевитыя колючимъ смиляксомъ и ежевичникомъ. Только кипарисовыя рощицы на кладбищахъ заставляютъ насъ вспомнить, что мы находимся въ болѣе тепломъ климатѣ.—Затѣмъ дорога спускается въ широкую и глубокую долину р. Дермендере (?) По обѣимъ сторонамъ долины тѣснятся куполообразныя горы, до середины покрытыя кукурузными плантаціями и

лишь наверху поросшія лѣсомъ. Эти горы, по мѣрѣ удаленія изъ Трапезонда, становятся все выше и выше, поднимаясь другъ за другомъ округленными терассами. Вся мѣстность носитъ явные слѣды вулканическаго происхожденія. Почва состоитъ частію изъ вулканической брекчіи, частію—изъ тонкой глины, происшедшей отъ разложенія трахита и другихъ вулканическихъ породъ. Всюду среди яркой зелени, одѣвающей горы, выступаютъ голыя трахитовыя и базальтовыя скалы. Достигнувъ сел. Дживизлыкъ, мы оставили караванную дорогу, которая въ этомъ мѣстѣ заворачиваетъ къ западу, и стали подниматься прямо на Понтійскій хребетъ по довольно сносной вьючной дорогѣ. Понтійскій хребетъ не представляется рѣзко очерченнымъ, подобно большинству хребтовъ Кавказа, а спускается постепенно мягкими, волнистыми терассами къ долинѣ р. Дермен-дере. За Трапезондомъ онъ сравнительно невысокъ: перевалъ къ Эрзеруму, на караванной дорогѣ, не превышаетъ 7000 фут. Въ верхнихъ своихъ районахъ хребетъ покрытъ альпійскими лугами, а внизу поросъ густымъ лѣсомъ, который поднимается здѣсь, по опредѣленію Коха, всего до высоты въ 5700 ф. Такую низкую *) линію вертикальнаго распространенія лѣса, такъ странно противорѣчащую болѣе южному положенію Лазистана, гдѣ, при сравнительно весьма влажномъ климатѣ, можно было бы ожидать гораздо болѣе высокой цифры поднятія лѣса, по нашему мнѣнію, можно объяснить вліяніемъ сухихъ южныхъ вѣтровъ, дующихъ съ высокаго Армянскаго нагорья, которые господствуютъ въ верхнихъ областяхъ Понтійскаго хребта: эти вѣтры легко переваливаютъ по пологому южному склону черезъ невысокій и плоскій хребетъ, а спускаясь на сѣверный склонъ его, вызываютъ пониженіе лѣсной границы.—Въ лѣсахъ Понтійскаго хребта мы встрѣчаемъ тѣ же самыя зоны, что и въ западномъ Закавказьи, т. е. внизу господствуетъ *смѣшанный лиственный лѣсъ,* состоящій изъ граба, дуба, ольхи, хурмы, самшита, Ficus carica и др. породъ, перевитыхъ разными ліанами: смилаксомъ, дикимъ виноградомъ, ломоносомъ, обвойникомъ (Periploca graeca) съ густымъ подлѣскомъ изъ лещины (Corylus Avellana), кизиля (Cornus sanguinea et C. mascula), крушины (Rhamnus Frangula), грабов-

*) По сравненію съ Закавказьемъ, по крайней мѣрѣ,—гдѣ верхняя граница лѣса достигаетъ не менѣе 7000 фут. надъ уровнемъ моря.

ника (Carpinus duinensis), Paliurus'а, Ruscus'а, боярышника (Crataegus monogyna и C. oxyacantha), Cotoneaster pyracantha, Mespilus germanica и проч. Затѣмъ идутъ *букокаштановые лѣса* съ характернымъ подлѣскомъ изъ понтійскаго рододендрона, ацалеи, кавказской черники (Vaccinium Arctostaphylos), лавровишни и остролиста (Ilex Aquifolium), которые на бóльшихъ высотахъ смѣняются *хвойными лѣсами*, состоящими главнымъ образомъ изъ восточной ели (Picea orientalis) съ примѣсью бука и горнаго ильма (Ulmus montana) и съ тѣмъ-же подлѣскомъ изъ понтійскаго рододендрона, ацалеи, кавказской черники, лавровишни и остролиста, къ которымъ присоединяется еще Daphne pontica *). Въ лѣсахъ Понта, однако, есть и существенное отличіе отъ лѣсовъ западнаго Закавказья. Отличіе это заключается въ томъ, что здѣсь чрезвычайно характерно развита *зона вѣчнозеленыхъ деревьевъ и кустарниковъ*, которая въ западномъ Закавказьи и, особенно, въ Абхазіи, выражена весьма слабо. Въ самомъ дѣлѣ, въ лѣсахъ Абхазіи мы насчитываемъ всего 12 вѣчнозеленыхъ породъ, изъ коихъ 4 (Laurocerasus, Buxus sempervirens, Ilex aquifolium, Rhododendron ponticum, Daphne pontica) распредѣлены по разнымъ регіонамъ лѣса и самостоятельной зоны не образуютъ, и только 7 остальныхъ (Hedera colchica, Cistus creticus, Laurus nobilis, Cotoneaster pyracantha, Arbutus Andrachne, Ruscus aculeatus и R. Hypophyllum) представляются характерными для нижней зоны лѣсовъ, на физіономику которыхъ онѣ, впрочемъ, не имѣютъ существеннаго вліянія, вслѣдствіе своей малочисленности. Между тѣмъ въ Понтійской области мы встрѣчаемся съ прекрасно выраженной вѣчнозеленой зоной, рѣзко выдѣляющейся изъ зоны смѣшаннаго лиственнаго лѣса. Эта зона занимаетъ, естественно, самые нижніе регіоны горъ. На сухихъ, сильно нагрѣваемыхъ мѣстахъ, въ особенности въ устьяхъ ущелій, по песчанымъ берегамъ рѣкъ, представители ея образуютъ весьма характерную растительную формацію, совершенно аналогичную Средиземноморскому маквису (Maquis). Мы встрѣтили такой маквисъ по нижнему теченію Дермен-дере. Въ составъ Понтійскаго маквиса, кромѣ лавра, Arbutus Andrachne, Cistus creticus, Ruscus aculeatus, Cotoneaster pyracantha—свойственныхъ также и Абхазіи—входятъ также масса другихъ вѣчно-

*) Встрѣчающаяся и на Кавказѣ, въ той-же самой зонѣ.

зеленыхъ породъ,—главнымъ образомъ Pistacia palaestina, Phillyrea media, Rhamnus Alaternus, а на западъ отъ Трапезонда (къ Самсуну)—также два вѣчнозеленыхъ дуба—Quercus coccifera и Q. Ilex; къ названнымъ вѣчнозеленымъ породамъ примѣшиваются, принимая дѣятельное участіе въ образованіи маквиса, также нѣкоторыя породы съ опадающими листьями, свойственныя нижней полосѣ лѣса, какъ бирючина (Ligustrum), держи-дерево (Paliurus aculeatus) etc.

Присутствіе рѣзко выраженной *вѣчнозеленой зоны*—единственное отличіе, бросающееся въ глаза при сравненіи Понтійскихъ лѣсовъ съ лѣсами Закавказья. Травянистая растительность, свойственная лѣсной полосѣ страны, представляетъ тоже нѣкоторыя отличія отъ Закавказской, хотя не столь существенныя. Они выражаются главнымъ образомъ преобладаніемъ въ ней растеній изъ сем. губоцвѣтныхъ (преимущественно разныхъ Salvia и Satureja), скабіозъ и нѣкоторыхъ характерныхъ для Востока сложноцвѣтныхъ (напримѣръ—Dichrocephala и Carpesium).

Гораздо болѣе важныя отличія представляетъ альпійская растительность Понтійскаго хребта. Хотя въ составъ ея входятъ существеннымъ элементомъ многіе Закавказскіе виды (Scabiosa caucasica, Campanula tridentata, C. Steveni, C. lactiflora, Cotoneaster Nummularia, Gentiana obtusifolia etc.) или близкіе къ нимъ виды, спеціально свойственные Понтійскому хребту (Campanula hemshinica, Symphyandra lasica, Jasione supina β. pontica, Asperula pontica etc.),—громадное большинство принадлежитъ, однако, армянскимъ видамъ, которые проникли сюда съ высокаго Армянскаго нагорья. Вслѣдствіе этого, общая физіономика альпійскихъ луговъ Понтійскаго хребта *) носитъ совсѣмъ не кавказскій характеръ: вмѣсто густой и сочной зелени альпійскихъ пастбищъ, покрывающихъ вершины Кавказа, мы встрѣчаемъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ колючія кустарныя и травянистыя растенія, характерныя для степей Малоазіатскаго нагорья. Таковы: кустарныя силены (Silene subulata, гвоздики (Dianthus fimbriatus var. brachyodonta) и ромашки (Pyrethrum fruticulosum), колючіе трагакантовые астрагалы (Astragalus microcephalus), акантолимоны, Cirsium'ы (Cirsium Cephalotes), Eryngium giganteum, барбарисъ и др. болѣе или ме-

*) За Трапезондомъ, по крайней мѣрѣ.

ніе колючіе кустарники и травы, а также масса высокорослыхъ зонтичныхъ, вродѣ Prangos alata и проч. Желтовато-красная почва едва прикрыта тощимъ дерномъ изъ разныхъ приземистыхъ, едва видныхъ отъ земли растеньицъ, каковы: миніатюрный звѣробой (Hypericum repens), Geranium subcaulescens, крошечные клеверы, (Trifolium rytidosemium и 2 новыхъ вида), Potentilla cappadocica, Sibbaldia parviflora, Asperula pontica и проч. Лишь по берегамъ ручьевъ, которые здѣсь весьма многочисленны, растительность нѣсколько оживляется присоединяющимися къ ней сочными альпійскими травами, которыя представляютъ по большей части обычные альпійскіе виды Кавказа: Geranium ibericum, Scabiosa caucasica, Centaurea axillaris, Cerastium purpurascens, Epilobium origanifolium, Coronilla cappadocica, Bupleurum baldense и проч. Изъ альпійскихъ растеній Понтійскаго хребта останавливаютъ на себѣ взоръ прежде всего красивые акантолимоны (изъ сем. Plumbagineae), съ ихъ игольчатыми листьями, собранными въ щетинистыя подушечки, надъ которыми возвышаются на тонкихъ стебелькахъ изящные цвѣты съ нѣжно-бѣлыми, точно вылѣпленными изъ воску чашечками и прозрачными розоватыми вѣнчиками; затѣмъ—разные виды безсмертниковъ (Helichrysum) съ великолѣпными желтыми цвѣтами и мохнатыми листьями; необыкновенно изящная кустарная гвоздика Dianthus fimbriatus γ. brachyodontus), оригинальный видъ щавеля съ чрезвычайно-крупными плодами (Rumex angustifolia) и др. Скалистыя вершины хребта бываютъ обыкновенно покрыты подушечками мохнатой Draba polytricha, дерновинками Alsine ciliata n. sp. *), разными астрами и мелколепестниками (Aster alpinus, Erigeron uniflorum, E. pulchellum, E. alpinum β. majus), колокольчиками (Campanula tridentata), зарослями кустарной ромашки (Pyrethrum fruticulosum) и проч. Среди альпійскихъ растеній мнѣ посчастливилось между прочимъ найти нѣсколько совершенно новыхъ формъ. И. Ѳ. Шмальгаузенъ, которому онѣ были посланы для просмотра, призналъ одну изъ нихъ совершенно тождественнымъ съ недавно описаннымъ имъ новымъ кавказскимъ видомъ (изъ коллекціи Акинфіева) Alsine ciliata. Что же касается другихъ—двухъ видовъ *клевера* и одного вида Parnassia—то они представляютъ виды, до сихъ поръ еще никѣмъ не описанные. Особенно характер-

*) Недавно описанный проф. И. Ѳ. Шмальгаузеномъ.

ны изъ найденныхъ мною новыхъ видовъ Trifolium'ы. Оба вида представляютъ миніатюрныя, не болѣе дюйма или двухъ высотой, растеньица и принадлежатъ къ Декандоллевской секціи Chronosemium, куда, какъ извѣстно, относятся: Trifolium speciosum, T. agrarium, T. procumbens etc. Одинъ изъ этихъ Trifolium'овъ рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ другихъ видовъ клевера своими плодами, сидящими на необычайно длинной ножкѣ и крайне раскидисто собранными немногочисленными цвѣтами. Всего ближе этотъ видъ стоитъ къ T. stipitatum Boiss., отъ котораго, впрочемъ, рѣзко отличается устройствомъ чашечки и вѣнчика. Parnassia, мы не смѣемъ выдѣлять ее въ самостоятельный видъ: по всей вѣроятности, это будетъ лишь разновидность Parnassia palustris, отъ типической формы которой она отличается главнымъ образомъ своимъ карликовымъ ростомъ (не выше дюйма).

Таковы главнѣйшіе результаты моей экскурсіи къ Понтійскому хребту. Поѣздкой на Понтійскій хребетъ не закончились мои ботаническія экскурсіи въ Лазистанѣ. Я предпринялъ еще небольшую поѣздку въ г. Ризе *), славящійся своими апельсинными и лимонными плантаціями. Описанію этихъ плантацій я посвятилъ особую статью **), почему теперь распространяться о нихъ не буду; скажу только, что онѣ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Плантаціи состоятъ изъ отборныхъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ 15—25-лѣтняго возраста, приносящихъ отъ 5000 до 10000 штукъ плодовъ въ годъ каждое. Кромѣ апельсиновъ (Citrus Aurantium var. dulcis—по турецки *португалъ*) и лимоновъ (Citrus Limonium), разводятъ еще съ большимъ успѣхомъ *цитроны* (Citrus medica, по тур. кябадъ). Изъ другихъ фруктовыхъ деревьевъ, кромѣ обычныхъ въ краѣ персиковыхъ деревьевъ, Ficus carica, грушъ, яблокъ и проч., въ садахъ Ризе встрѣчается еще до 6 разновидностей *лавровишни* (Laurocerasus). Ягоды лавровишни (по турецки „караіемышъ", т. е. черный плодъ) составляютъ наиболѣе любимый плодъ въ Лазистанѣ. И въ самомъ дѣлѣ, онѣ необыкновенно вкусны. Кромѣ своего пріятнаго вкуса, почти лишеннаго терпкости, которая свойственна ягодамъ дикой лавровишни,

---

*) Ризе (Rizeh) находится на берегу Чернаго моря, въ 60 англ. миляхъ отъ Трапезонда и 120 отъ Батума.

**) См. „Апельсинныя и лимонныя плантаціи Лазистана" въ „Зап. Общ. Сел. Хоз. Южн. Россіи" 1892 г. № 3.

онѣ отличаются отъ дикой лавровишни своей крупной величиной и необыкновенной сочностью. Вслѣдствіе названныхъ качествъ, садовые сорта лавровишни вполнѣ заслуживаютъ разведенія и у насъ на Кавказѣ, и нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ не дѣлалось опытовъ въ этомъ направленіи, хотя у насъ имѣются всѣ данныя на успѣхъ.—Изъ хозяйственныхъ растеній въ окрестностяхъ Ризе культивируютъ въ большомъ количествѣ *коноплю* (Cannabis sativa). Изъ волоконъ конопли жители Ризе выдѣлываютъ необыкновенно тонкія и прочныя ткани, смѣло могущія поспорить съ лучшими льняными тканями *). Что касается растительности Ризе и его окрестностей, то она не представляетъ ничего особеннаго. Можно упомянуть развѣ какъ о курьезномъ фактѣ, превосходно иллюстрирующемъ влажный климатъ страны,—о необыкновенномъ обиліи папоротниковъ (главнымъ образомъ Polypodium vulgare, Pteris cretica, Asplenium Trichomanes, A. Adiantum nigrum, Scolopendrium officinarum), которые здѣсь селятся, въ громадномъ количествѣ, въ самомъ городѣ на заборахъ и стѣнахъ домовъ. Ничего подобнаго я не видалъ даже въ вѣчно сырой Абхазіи.

Поѣздкой въ Ризе я и заключилъ свои ботаническія изслѣдованія въ Лазистанѣ.

Примѣчаніе. Предлагаемая статья вовсе не претендуетъ на общую характеристику растительности Лазистана. Я имѣлъ въ виду только изобразить картину растительности, которую я имѣлъ случай наблюдать во время своей непродолжительной поѣздки въ Понтійскія горы. Къ сожалѣнію, я посѣтилъ эти горы въ крайне неблагопріятный сезонъ—въ августѣ мѣсяцѣ, когда большая часть растительности уже была выжжена солнцемъ. Очень возможно, поэтому, что въ другое время года (весной) растительность Понтійскаго хребта (я разумѣю альпійскую растительность) носитъ нѣсколько иной характеръ. Повторяю, я вовсе не имѣлъ въ виду давать въ этой статьѣ общую характеристику Понтійской флоры.

Одесса, 4 мая 1892 года.

---

*) Въ отчетѣ англійскаго консула Пальгрева объ анатолійскомъ побережьи (см. „Зап. Кавк. Отд. Геогр. Общ. 1882—1883 г.г.) ошибочно сказано, что эти ткани приготовляются изъ волоконъ льна. Ленъ пробовали сѣять въ Лазистанѣ, но неудачно.

Отчетъ о ботаническихъ изслѣдованіяхъ Абхазіи за 1890 годъ.

Н. Альбова.

Настоящій отчетъ имѣетъ цѣлію изложеніе главнѣйшихъ ботанико- и геолого-географическихъ результатовъ моихъ изслѣдованій Абхазіи въ 1890 году. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ, съ 1888 года по 1891, занимался я изслѣдованіемъ Абхазіи. Первые два года я посвятилъ изученію береговой полосы страны и нѣкоторыхъ ближайшихъ горъ (Ахалибохъ, Акагура, Чедымъ, Санчара). Въ виду того, что всѣ мѣстности, посѣщенныя мною за эти годы, довольно хорошо изслѣдованы въ геологическомъ отношеніи и представляютъ мало интереса въ географическомъ, будучи хорошо извѣстными,—я счелъ излишнимъ опубликовывать отдѣльные отчеты объ изслѣдованіяхъ этихъ лѣтъ; ботаническіе-же результаты этихъ изслѣдованій, вмѣстѣ съ таковыми-же результатами, добытыми за 1890 и 1891 годы, вошли въ мои спеціальныя ботаническія работы *). Въ 1890 и 1891 г.г. я посѣтилъ многіе до сихъ поръ въ научномъ отношеніи неизслѣдованные уголки Абхазіи, каковы: верховья Мзымты, Секена и Гвандры, перевалы: Марухъ, Аишха, Хымсы, Гвандра, Глухоръ, Нахаръ, г. Узунколъ и многіе другіе пункты Главнаго Кавказскаго хребта и его отроговъ. Нѣкоторыя изъ названныхъ мѣстностей мало извѣстны даже въ географическомъ отношеніи. Послѣднее обстоятельство и побудило меня выступить съ настоящимъ отчетомъ въ „Запискахъ“ Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества,—въ предположеніи, что сообщаемыя въ немъ географическія, ботаническія и геологи-

*) См. 1) Н. Альбовъ. Описаніе новыхъ видовъ растеній, найденныхъ въ Абхазіи (Труды Одесскаго Отдѣла Общества Садоводства за 1890 г.).

2) Н. Альбовъ. Абхазскіе папоротники (Записки Новороссійскаго Общества Естествоисп. 1891 г. т. XVI, вып. I).

3) Н. Альбовъ. Лѣса Абхазіи. (Записки Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, 1892 г. № 4).

ческія свѣдѣнія могутъ представить нѣкоторый интересъ для лицъ, занимающихся изученіемъ Кавказа. Отчетъ за 1891 годъ не замедлитъ своимъ появленіемъ въ печати, какъ только будетъ кончена обработка матерьяла.

За лѣто 1890 года я сдѣлалъ 4 большія экскурсіи: двѣ на верховья Мзымты (разными дорогами), одну на г. Апшру и одну черезъ высокіе перевалы Главнаго Кавказскаго хребта, Марухъ и Глухоръ—въ Кубанскую область.

Первую экскурсію, на Мзымту, я предпринялъ въ срединѣ іюня. На верховья Мзымты я рѣшилъ пройти, переваливъ черезъ Бзыбскій хребетъ между г.г. Дзышра и Чипшира и направляясь далѣе по альпійскимъ лугамъ хребта Рюхá, составляющаго водораздѣлъ между притоками Бзыби, Пшúцей и Лашипсё. Есть и другой, болѣе легкій путь на Мзымту—черезъ Псхё, по долинѣ Бзыби, и далѣе по долинѣ притока Бзыби—Баула. Но я рѣшилъ избрать первый, какъ болѣе интересный въ ботаническомъ отношеніи. Бзыбскій хребетъ еще и ранѣе привлекалъ меня своею крайне оригинальной растительностью, рѣзко разнящейся отъ растительности сосѣднихъ хребтовъ: по крайней мѣрѣ, на немъ я встрѣтилъ нѣсколько любопытныхъ эндемическихъ формъ,—изъ нихъ 3 совершенно новыя. Къ новымъ формамъ принадлежатъ слѣдующія альпійскія растенія: Geum speciosum, Scutellaria Helenae и Ranunculus Helenae. Новый видъ Geum, названный мною Geum speciosum за его необыкновенно изящно вырѣзанные листья, стройный ростъ и красивые оранжево-желтые цвѣты, есть чрезвычайно характерное растеніе, выдѣляющееся изъ массы другихъ видовъ Geum своими лировидными листьями, съ очень крупной округлой конечной долькой и очень мелкими боковыми дольками; листья собраны розеткой при основаніи стебля, и общій habitus растенія напоминаетъ скорѣе сиверзію, чѣмъ Geum,—почему этотъ видъ и былъ принятъ мною первоначально за сиверзію и описанъ подъ названіемъ Sieversia speciosa; дальнѣйшее изученіе цвѣтка на разныхъ стадіяхъ развитія показало, однако, что это есть Geum (столбики здѣсь не цѣльные, какъ у сиверзіи, а съ сочлененіемъ близъ середины). Scutellaria Helenae,—видъ, близкій къ S. pontica Koch,—также очень красивое растеніе съ крупными розовыми цвѣтами, которое нигдѣ, кромѣ Бзыбскаго хребта, не встрѣчается. Что касается Ranunculus Helenae,—то это миніатюрное растеньице, встрѣчающееся по окраинамъ тающаго

снѣга, представляетъ собою въ высшей степени любопытный видъ, рѣзко отличающійся отъ другихъ видовъ Ranunculus всѣмъ своимъ habitus'омъ; по своимъ мясистымъ корнямъ, собраннымъ пучкомъ при основаніи стебля и по простымъ овально-сердцевиднымъ листьямъ онъ нѣсколько напоминаетъ Ran. Ficaria, но отличается отъ него 5-рнымъ типомъ цвѣтка *). Чѣмъ объяснить такое странное изолированное (въ ботаническомъ отношеніи) положеніе Взыбскаго кряжа—не знаю: быть-можетъ, его геологическимъ строеніемъ. Бзыбскій хребетъ весь образованъ юрскими известняками, которые только въ нижнихъ частяхъ хребта подстилаются юрскими же песчаниками,—а известковые хребты, какъ извѣстно, рѣзко разнятся по своей растительности отъ гранитныхъ и сланцевыхъ (срв. Швейцарскую Юру). Растительность альпійскихъ луговъ Бзыбскаго кряжа поражаетъ своею пышностью и разнообразіемъ: растенія, правда, здѣсь не достигаютъ такой громадной величины, какъ на жирныхъ гранитныхъ почвахъ, но зато гораздо изящнѣе ихъ по своей окраскѣ и habitus'у. На Бзыбскомъ же кряжѣ, именно на южномъ склонѣ его, можно наблюдать необыкновенно-высокое поднятіе нѣкоторыхъ вѣчно-зеленыхъ растеній, свойственныхъ теплымъ климатамъ,—главнымъ образомъ лавровишни. Эта чисто-средиземноморская форма забѣгаетъ здѣсь отдѣльными кустами даже на альпійскіе луга, за границу лѣса.—Бзыбскій кряжъ представляетъ собой типичный известковый хребетъ съ многочисленными провалами—такъ-называемыми „колодцами" и „воронками", изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ чрезвычайной глубины: онъ весь какъ-бы изрытъ ямами, на днѣ которыхъ обыкновенно лежитъ снѣгъ, и представляетъ вообще чрезвычайно дикій и негостепріимный видъ. Это обстоятельство, въ связи съ постоянными туманами и дождями, господствующими на хребтѣ, не позволяетъ долго засиживаться на немъ, и заставляетъ волей-неволей выбираться отсюда куда-нибудь въ болѣе привѣтливое мѣсто. Вѣроятно, эта негостепріимная природа Бзыбскаго кряжа побудила абхазцевъ поставить на пер. Дзина, ведущемъ на сѣверную сторону кряжа, жертвенникъ, на которомъ каждый переваливающій хребетъ кладетъ разныя приношенія, вродѣ монетъ, пуль, цвѣтныхъ лоскутковъ и проч., для умилости-

*) Описаніе этихъ новыхъ формъ смотри въ моей статьѣ: „Описаніе новыхъ видовъ растеній, найденныхъ въ Абхазіи въ 1889—1890 г." (Труды Одесскаго Отдѣла Россійскаго Общества Садоводства, 1890 г.).

вленія духа горъ, который, въ противномъ случаѣ, можетъ наслать туманъ и погубить нечестиваго путника.

Сѣверный склонъ по лѣсной растительности рѣзко разнится отъ южнаго: между тѣмъ какъ южный склонъ покрытъ почти чистымъ буковымъ лѣсомъ (ель встрѣчается лишь по глубокимъ ущельямъ), сѣверный поросъ смѣшаннымъ лѣсомъ изъ бука, восточной ели и нордманновской пихты. Ниже, начиная тысячъ съ 5—4, попадаются: клёнъ, каштанъ, самшитъ съ подлѣскомъ изъ боярышника, черной бузины, понтійскаго рододендрона, остролиста и лавровишни. Еще ниже встрѣчаются фруктовыя деревья (вишня, яблоня, слива), затѣмъ—липа, кизилъ и другія породы. Граница лѣса на сѣверномъ склонѣ представляетъ большее разнообразіе по составу образующихъ ее породъ, чѣмъ на южномъ: кромѣ кустарнаго бука, рябины, ивняка и Daphne pontica, входящихъ въ составъ ея на южномъ склонѣ, здѣсь встрѣчаются еще: береза, орѣшникъ, Viburnum Lantana, Daphne Mezereum, Rhamnus alpina var. colchica (Kuzn.) и высокогорный клёнъ (Acer Trautvetteri). На границѣ лѣса поражаетъ необыкновенно пышно развитой бурьянъ, который образованъ здѣсь не изъ щавеля, зонтичныхъ, лилій, колокольчиковъ и проч., какъ на гранитныхъ почвахъ, а изъ красивыхъ съ великолѣпными крупными цвѣтами водосборовъ (Aquilegia olympica), аконитовъ (Aconitum orientale), Veratrum'а, Alchemilla vulgaris L., Valeriana alliariaefolia и другихъ. Отъ пер. Дзипа идетъ спускъ въ долину р. Бзыби, къ мосту Ахáцха. Спускъ этотъ,—такъ-называемая воровская тропа, по которой абхазцы гоняютъ краденыхъ лошадей,—невообразимо скверный, и я удивляюсь, какимъ образомъ по нему находятъ возможнымъ проводить лошадей, когда онъ едва доступенъ даже для человѣка: достаточно сказать, что нѣсколько верстъ приходится спускаться по пересохшему ложу потока, усѣянному острыми известковыми гальками, и имѣющему уклонъ не менѣе 35°—40°. Что касается Ахáцха (въ переводѣ значитъ: мостъ владѣтеля), то это мѣсто представляетъ одинъ изъ поразительнѣйшихъ уголковъ Абхазіи, подобный которому рѣдко гдѣ можно встрѣтить. Дѣло въ томъ, что ущелье Бзыби въ этомъ мѣстѣ настолько суживается, что образуется чрезвычайно-глубокая и узкая тѣснина, или, вѣрнѣе, даже и не тѣснина, а щель,—ибо она имѣетъ всего сажени $1^1/_2$—2 въ ширину,—съ совершенно отвѣсными стѣнами, сажень 30—40 вышины, на днѣ которой бѣжитъ быстрая Бзыбь. По-

слѣдней даже и не видно сверху, вслѣдствіе глубины и узости ущелья, и она даетъ себя знать лишь глухимъ рокотаньемъ. Черезъ эту щель переброшенъ очень прочно-устроенный мостикъ. Дорога, высѣченная въ скалѣ, нѣкоторое время идетъ вдоль самаго края обрыва, и необходимо соблюдать большую осторожность, чтобы не упасть въ зіяющую подъ ногами бездну. Тотъ, кто видѣлъ Бзыбь ниже и выше Ахáцха, никакъ не повѣрилъ-бы, чтобы такая значительная горная рѣчка могла течь въ такомъ узкомъ ущельи. Ущелье настолько узко, что скалы, расположенныя на противуположныхъ берегахъ, чуть не касаются другъ друга, и геологическія наслоенія однихъ составляютъ непосредственное продолженіе геологическихъ наслоеній другихъ. Вообще это ущелье представляетъ типическое промывное ущелье (cluse Desopa). Близъ Ахáцха находился знаменитый нѣкогда владѣльческій садъ, отъ котораго сохранились теперь слѣды въ видѣ многочисленныхъ плодовыхъ деревьевъ: яблони, вишни, сливы. Замѣчательно также, что близъ Ахáцха въ лѣсу вмѣстѣ съ Smilax'омъ встрѣчается малина (Rubus Jdaeus): первая форма, какъ извѣстно, свойственна исключительно низшимъ регіонамъ горъ, вторая—чисто-высокогорная форма. Отъ Ахáцха мы прошли къ рѣкѣ Пшúцѣ, впадающей въ Бзыбь съ правой стороны, и, перейдя черезъ нее, стали подниматься на г. Чмакоойтперхарта, составляющую начало хребта Рюхá. Преобладающими лѣсными породами здѣсь были тѣ-же, что и на спускѣ съ Дзина. Граница лѣса также состоитъ изъ бука, орѣшника, рябины, къ которымъ присоединяются еще пихта и ель, нашедшія, вѣроятно, здѣсь для себя благопріятныя условія, и потому забравшіяся такъ высоко. За границей лѣса начинается бурьянъ изъ гигантскихъ борщевниковъ (Heracleum pubescens), лилій (Lilium monadelphum), аконитовъ, телекій (Teleckia speciosa), Campanula lactiflora и др. типическихъ подальпійскихъ травъ, къ которымъ здѣсь присоединяются еще сорныя травы, занесенныя сюда скотомъ: Lappa, крапива, щавель, папортникъ-орлякъ и др. Альпійскіе луга Чмакоойтперхарта не представляютъ ничего особеннаго: тѣже типичныя альпійскія растенія, что и на другихъ горахъ: Betonica grandiflora, Aster caucasicus, Myosotis alpestris, Anemone narcissiflora и sulphurea, Geranium amethystinum и проч., къ которымъ здѣсь присоединяется интересный, повидимому, новый видъ Psephellus. Скалы хребта, по которому далѣе идетъ дорога, поросли кав-

казскимъ рододендрономъ, можжевельникомъ-стланцемъ и разными миніатюрными растеньицами снѣжной зоны: Campanula tridentata, Gentiana pyrenaica, Sedum tenellum, Saxifraga exarata, sibirica и laevis, Androsace villosa, Sempervivum pumilum и др. Дойдя по хребту Рюха́ до г. Ачха́, представляющей отдѣльную вершину его, мы стали спускаться въ долину Лашипсё. Спускъ ничего особеннаго въ ботаническомъ отношеніи не представляетъ: за альпійскими лугами слѣдуетъ бурьянъ, затѣмъ—лѣсъ, состоящій почти исключительно изъ пихты и ели. На самой рѣкѣ Лашипсё встрѣчаются густыя заросли высокогорнаго клёна, рябины и горной смородины (Ribes petraeum). Нѣкоторое время мы шли бурьяномъ по берегу Лашипсё и затѣмъ, дойдя до впаденія въ неё рѣчки Пёва, повернула къ с.-з. по направленію къ другому притоку Лашипсё—Уадхара (Одохара на 5-верстной картѣ). Дорога къ Уадхара идетъ прекраснымъ пихтовымъ лѣсомъ. Берега Уадхара въ нижнемъ ея теченіи также поросли пихтовымъ лѣсомъ; далѣе же они представляютъ альпійскія луговины, чередующіяся съ небольшими перелѣсками изъ бука и орѣшника. На правомъ берегу Уадхара, верстахъ въ 3 отъ впаденія ея въ Лашипсё, находится минеральный источникъ (показанный и на 5-верстной картѣ), съ превосходною, насыщенною углекислымъ газомъ, водою, напоминающей вкусомъ зельтерскую. Пройдя нѣкоторое время вдоль берега Уадхара, мы стали подниматься на хребетъ, на которомъ она беретъ начало и который вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ водораздѣлъ бассейновъ Мзымты и Бзыби. Невысокій перевалъ Хёхудара, едва достигающій лѣсной границы, незамѣтно переводитъ насъ въ долину Мзымты. Видъ на неё съ перевала необычайно красивъ. Она видна отсюда какъ на ладони. Въ глубинѣ ея чернѣютъ пихтовые лѣса. Справа возвышаются скалистые отроги Главнаго хребта, который сплошной стѣной замыкаетъ долину съ с.-в. Слѣва поднимается высокій (до 10.700,) продольный кряжъ Адзитпуко (Дзитаву 5-верстной карты), покрытый вѣчными снѣгами и ледниками, ограничивающій долину Мзымты съ ю.-з. За нами остался цѣлый лабиринтъ абхазскихъ горъ, совершенно скрывшихъ отъ насъ море и культурную полосу Абхазіи, отъ которой до перевала Хёхудара считается около 3 или 4 дней пути. Границу лѣса на пер. Хёхудара составляютъ всё тѣ же типичныя для нея породы: высокогорный клёнъ, букъ, орѣшникъ, рябина, береза. Береза вмѣстѣ

съ кленомъ и ивнякомъ (Salix Caprea) образуетъ небольшія рощицы и при спускѣ въ долину Мзымты. Спускъ этотъ былъ для насъ настоящимъ отдыхомъ, такъ какъ долина Мзымты—гораздо болѣе пологая въ сравненіи съ долинами абхазскихъ рѣкъ, и дорога идетъ по ней очень недурная. Вскорѣ мы вступили въ область лѣса, образованнаго здѣсь главнымъ образомъ пихтой и букомъ. Достигнувъ Мзымты, мы направились къ истоку ея—альпійскому озеру Мзымт-адзмы́чь, или Кардывича, находящемуся у самаго подножія Главнаго хребта. Дорога туда идетъ березовыми рощицами, къ которымъ примѣшивается мѣстами рябина, высокогорный клёнъ, орѣшникъ, кустарный букъ, горная смородина, восточная жимолость и черемуха. Озеро, изъ котораго вытекаетъ Мзымта, невелико, но чрезвычайно красиво: вода его голубая и чистая какъ кристалъ. Это озеро питается небольшимъ ледничкомъ, спускающимся съ Главнаго хребта. Озеро окружаютъ съ трехъ сторонъ высокія горы—отроги и склоны Главнаго хребта, на которыхъ видно нѣсколько красивыхъ водопадовъ. Истоки Мзымты представляютъ превосходные альпійскіе луга, поросшіе сочными кормовыми травами, почему абхазцы особенно любятъ гонять сюда свой скотъ на пастьбу. Осмотрѣвъ озеро, мы вернулись назадъ и пошли далѣе внизъ по теченію Мзымты. Дорога наша шла сначала по альпійскимъ лугамъ съ разбросанными на нихъ тамъ и сямъ группами высокогорнаго клёна, а потомъ начала спускаться въ лѣсъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ пихты съ подлѣскомъ изъ орѣшника, восточной жимолости, кавказской черники и горной смородины. Верстахъ въ 6 отъ начала этого лѣса, въ руслѣ одного изъ притоковъ Мзымты-Аріешь, я наткнулся на нѣсколько валуновъ, повидимому кварцитовыхъ съ ярко-блестѣвшей въ нихъ рудой. Заинтересовавшись этой находкой, я сталъ внимательнѣе обслѣдовать ложе Аріешь,—и въ какіе-нибудь полчаса мнѣ удалось собрать массу другихъ подобныхъ же рудоносныхъ валуновъ. Очевидно, рудное мѣсторожденіе было гдѣ-то здѣсь неподалеку, ибо нѣкоторые валуны достигали громадной величины и не могли быть принесены издалека *). Такъ какъ намъ нужно было очень спѣшить,—у насъ съѣстные припасы всѣ вышли, а до поселеній оставалось еще добрыхъ два дня

*) Руда эта, по анализу, любезно произведенному лаборантомъ Новороссійскаго университета М. Д. Сидоренко, оказалось состоящей изъ смѣси свинцоваго блеска съ антимонитомъ.

пути, то я не сталъ изслѣдовать рудное мѣсторожденіе, отложивъ это до болѣе удобнаго времени, и пошелъ дальше. Вскорѣ дорога наша вступила въ густой под-альпійскій бурьянъ, въ которомъ мы и потерялись совершенно. Такъ какъ не было никакой надежды розыскать дороги въ бурьянѣ, то мы рѣшили подняться на Главный хребетъ и идти альпійскими лугами. Съ этою цѣлью мы направились въ небольшое ущелье, спускающееся съ Главнаго хребта верстахъ въ 5 ниже р. Аріешь, и поднялись по нему на Главный хребетъ. Въ концѣ этого ущелья мы встрѣтили желѣзистый источникъ; вода его газа не содержала и была непріятнаго вяжущаго вкуса. На альпійскихъ лугахъ Главнаго хребта мы нашли пастуховъ, которые насъ очень любезно приняли и снабдили съѣстными припасами. Переночевавъ у нихъ, мы отправились далѣе. Нѣкоторое время, верстъ 5, мы шли альпійскими лугами, преобладающими растеніями которыхъ являются здѣсь, кромѣ обычныхъ Betonica grandiflora, Geranium amethystimum, Hedysarum obscurum и др.— еще распространенное здѣсь въ огромномъ количествѣ мотыльковое Coronilla cappadocica, а также Linum hirsutum. Достигнувъ небольшаго поперечнаго отрога Главнаго хребта, вслѣдъ за которымъ долина Мзымты быстро понижается, мы стали спускаться съ альпійскихъ луговъ къ Мзымтѣ. Едва мы начали спускъ,—какъ очутились въ густомъ бурьянѣ, въ которомъ опять потеряли дорогу. Я нигдѣ въ Абхазіи не видалъ бурьяна, который достигалъ бы такого мощнаго развитія какъ на Мзымтѣ. Здѣсь онъ представляетъ собой настоящій лѣсъ. Травы достигаютъ въ немъ высоты болѣе сажени и совершенно скрываютъ за собой человѣка. Особенно гигантской величины достигаютъ гераклеумы и другія зонтичныя, акониты (Aconitum orientale и A. variegatum), живокости (Symphytum asperrimum) и кавказскія лиліи (Lilium monadelphum). Въ этомъ бурьянѣ я нашелъ также новый видъ Delphinium'а, который здѣсь весьма обыкновененъ, но въ другихъ мѣстностяхъ мнѣ не встрѣчался. Я позабылъ упомянуть, что еще раньше, близъ мѣста слиянія р. р. Пёва и Лашипсё, я нашелъ другой новый видъ Delphinium'а, крайне оригинальный—съ крупными бѣлыми благовонными цвѣтами, собранными раскидистой метелкой, нѣсколько напоминающій D. corymbosum Rgl. и рѣзко разнящійся отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ видовъ Delphinium.—Наконецъ, намъ удалось кое-какъ пробраться черезъ чащу бурьяна и достигнуть

лѣса. Но здѣсь начались новыя затрудненія. Дороги въ лѣсу мы также никакъ не могли найти, вслѣдствіе чего намъ пришлось идти по нему наудачу. Лѣсная чаща была настолько густа, что приходилось въ ней прорубать себѣ дорогу кинжаломъ, а мѣстами—даже ползти ползкомъ подъ деревьями. Наконецъ, послѣ многихъ испытаній намъ удалось достигнуть уроч. Ачхипсоу. Подъ именемъ Ачхипсоу извѣстны поляны по среднему теченію Мзымты, на которыхъ нѣкогда стояли аулы воинственнаго абазинскаго племени—медовеевцевъ. Теперь отъ этихъ ауловъ не осталось и слѣда. Всякій, кто читалъ поэтическія „Воспоминанія Кавказскаго офицера" (Фонъ-Торнау), въ которыхъ въ такихъ заманчивыхъ краскахъ описывается Ачхипсоу, навѣрное съ грустью остановится на этихъ безлюдныхъ полянахъ, поросшихъ „терніями и волчицами", которые смѣнили бывшія здѣсь нѣкогда цвѣтущіе сады и нивы съ оживленными аулами, раскиданными среди нихъ. Теперь отъ прежнихъ садовъ остались только отдѣльныя группы грецкихъ орѣховъ и разныхъ плодовыхъ деревьевъ—преимущественно вишни, черешни, яблони и сливы. Авторъ „Воспоминаній" совершенно правъ, говоря, что нѣтъ въ Абхазіи мѣста красивѣе Ачхипсоу: это поистинѣ райскій уголокъ Абхазіи. Правда, поляны на среднемъ теченіи Бзыби могутъ соперничать по красотѣ съ Ачхипсоу. Но зато тамъ мѣстность носитъ болѣе суровый и дикій характеръ, между тѣмъ какъ здѣсь гранитныя и сланцевыя почвы сообщаютъ мѣстности болѣе мягкій колоритъ. Горы здѣсь далеко не такъ обрывисты и неприступны, какъ на Бзыби, и на нихъ очень много зелени и мало скалъ.—Вскорѣ намъ удалось набрести на дорогу, которая привела насъ къ углекислому источнику, находящемуся близъ впаденія въ Мзымту р. Пслухъ и ничѣмъ не отличающемуся отъ таковаго же источника на р. Уадхара. Вслѣдъ за тѣмъ дорога пошла берегомъ Мзымты. Пройдя по ней еще верстъ 10, мы достигли первыхъ человѣческихъ поселеній—колоніи эстонцевъ. Нѣсколько дальше въ томъ мѣстѣ, гдѣ Мзымта образуетъ крутое колѣно, поворачивая на ю.-з., находится греческое селеніе Романовское (Губаа). Отсюда до берега моря остается всего верстъ 60. Отъ Романовскаго къ м. Адлеру, на берегу моря, проложена превосходная вьючная дорога, путешествіе по которой намъ казалось прогулкой послѣ тѣхъ ужасныхъ передрягъ, которыя намъ пришлось испытать на абхазскихъ дорогахъ. Единственнымъ затруд-

ненiемъ, встрѣтившимся намъ на этой дорогѣ, былъ пер. Ахцў (3495′), не столько высокій, сколько крутой и, вдобавокъ, совершенно-безводный: въ теченіе 5 часоваго перехода намъ не встрѣтилось ни одной капли воды,—а кто путешествовалъ въ горахъ, знаетъ, каково это лишеніе.—Растительность мѣстности между Романовскимъ и Адлеромъ почти ничѣмъ не отличается отъ растительности низменностей и предгорій Абхазіи: то-же преобладаніе граба, дуба и ольхи—внизу и бука и каштана на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ.—Достигнувъ Адлера, мы затѣмъ береговой дорогой возвратились въ Гудауты. По пути мы посѣтили Гагры и Пицунду, въ окрестностяхъ которыхъ сдѣлали нѣсколько экскурсій. Растительность между Адлеромъ и Гаграми представляетъ, между прочимъ, тотъ интересъ, что здѣсь на самомъ берегу моря встрѣчаются заросли прутняка (Vitex Agnus castus) и ладанника (Cistus creticus)—чисто средиземноморскихъ формъ, которыя, вмѣстѣ съ лавромъ, держидеревомъ и барбарисомъ, образуютъ здѣсь характерную растительную формацію береговаго кустарника, до нѣкоторой степени аналогичную Средиземноморскому маквису. По скаламъ близъ Гагръ встрѣчается также отдѣльными группами приморская сосна (Pinus maritima),—дерево, рѣдкое въ Абхазіи, которое встрѣчается только здѣсь и въ Пицундѣ; около послѣдней она образуетъ небольшую рощицу на берегу моря. Дорога отъ Гагръ до Гудаутъ идетъ по культурной полосѣ и не представляетъ ничего особеннаго.

Въ первыхъ числахъ іюля, по предложенію моего знакомаго—начальника Гудаутскаго участка Кара-Мурзы, я отправился на г. Апшру, для того чтобы обслѣдовать находящееся тамъ рудное мѣсторожденіе, принадлежащее названному лицу. Г. Апшра представляетъ собою перемычку, соединяющую пер. Бэкилъ-Бгаллара съ г. Ахалибахомъ, одной изъ вершинъ Бзыбскаго кряжа. Мѣсто это было мнѣ довольно знакомо, такъ какъ по близости его я бывалъ уже раза два; однако, разсчитывая найти здѣсь какія-нибудь новыя растенія, которыми вообще такъ богатъ Бзыбскій хребетъ, и кромѣ того заинтересовавшись представлявшейся мнѣ возможностью познакомиться съ характеромъ залеганія руды, я отправился туда. Въ моемъ распоряженіи было 3 рабочихъ съ необходимыми инструментами и достаточное количество пороху. Съ такими средствами я могъ произвести обстоятельныя развѣдки, и мнѣ удалось открыть прево-

сходную залежь руды, которую я прослѣдилъ на значительномъ протяженіи. Руда эта, по опредѣленію М. Д. Сидоренки, представляетъ частію чистый свинцовый блескъ, частію антимонитъ, частію-же минералы, переходные между ними: брунонитъ, цинкенитъ, джемсонитъ. Залегаетъ руда въ красныхъ известковистыхъ песчаникахъ и песчанистыхъ известнякахъ, составляющихъ нижній этажъ юрской формаціи и соотвѣтствующихъ лейасу и, быть-можетъ, доггеру. Эти песчаники заключаютъ мѣстами небольшіе кусочки горной смолки и бураго угля, и многочисленныя конкреціи известковаго шпата и сѣрнаго колчедана. Послѣдній вмѣстѣ съ образующимся изъ него бурымъ желѣзнякомъ, почти постоянно сопутствуетъ рудѣ. Руда залегаетъ не гнѣздами и не жилами, а скорѣе имбибируетъ породу. Иногда порода до такой степени насыщена рудой, что представляетъ какъ-бы сплошной рудный пластъ,—иногда-же руда встрѣчается въ породѣ лишь въ формѣ небольшихъ вкрапленій. Нерѣдко случается, что богатѣйшій рудный пластъ внезапно переходитъ далѣе въ породу, содержащую руду лишь въ формѣ незначительныхъ вкрапленій. Найденное мною мѣсторожденіе находится въ ущельи, спускающемся съ сѣверной стороны Апшры въ долину р. Решавя, лѣваго притока Бзыби; но руда встрѣчается, только менѣе богатыми залежами, также и въ другихъ мѣстахъ на г. Апшрѣ, исключительно въ красныхъ известковыхъ песчаникахъ и рѣже—въ замѣняющихъ ихъ известнякахъ. Совершенно подобная же руда, или, по крайней мѣрѣ, близкая къ ней по составу, была найдена на г. Дзышра, лежащей по ту сторону Решавя, въ нѣсколькихъ часахъ перехода отъ Апшры,—и тамъ она даже составляетъ въ настоящее время предметъ эксплоатаціи (образовавшейся недавно бельгійской компаніи). Залегаетъ она тамъ въ совершенно такихъ же геологическихъ напластованіяхъ, какъ и на г. Апшрѣ. На г. Апшрѣ я пробылъ дней 7 и въ это время успѣлъ обстоятельно познакомиться съ растительностью ея. Особеннаго ничего она не представляетъ. Альпійскіе луга имѣютъ тѣхъ же представителей что и на Бзыбскомъ вряжѣ; лѣсъ на южномъ склонѣ исключительно буковый, а на сѣверномъ состоитъ главнымъ образомъ изъ пихты и ели.

Въ половинѣ іюля я собрался въ новую экскурсію на Мзымту. На этотъ разъ я хотѣлъ болѣе тщательно обслѣдовать найденное тамъ мною рудное мѣсторожденіе, а также болѣе обстоятельно познакомиться съ растительностью Главнаго хребта,

на которомъ я предполагалъ провести нѣсколько дней. На этотъ разъ я избралъ другую дорогу, болѣе удобную, именно—черезъ Пеху, въ виду того, что я хотѣлъ взять съ собой лошадь. На Пеху я спустился черезъ перевалъ Бэкилъ-Бгаллара и затѣмъ пошелъ внизъ по теченію Бзыби, по прекраснымъ полянамъ, которыя были нѣкогда мѣстами абхазскихъ поселеній. Здѣсь въ настоящее время господствуетъ такая же мерзость запустѣнія, какъ и на Ачхипсоу. Тѣмъ не менѣе мѣстность остается всетаки замѣчательно-красивой, чему, разумѣется, содѣйствуютъ необыкновенно величественныя горы, замыкающія долину Бзыби съ боковъ. Достигнувъ р. Баула, впадающаго въ Бзыбь съ правой стороны, мы повернули въ его долину и продолжали идти нѣкоторое время по такимъ же ровнымъ полянамъ, чередовавшимся съ орѣховыми и осиновыми рощицами. Среди густыхъ зарослей сорныхъ и луговыхъ травъ, покрывающихъ эти поляны, возвышались группы грецкихъ орѣховъ и разныхъ плодовыхъ деревьевъ. Наконецъ мы достигли мѣста, гдѣ долина Баула начинаетъ сильно суживаться и повышаться. Мы продолжали подниматься по ущелью Баула, пока наконецъ не достигли истоковъ его. Баулъ беретъ начало на невысокомъ отрогѣ Главнаго Хребта, который въ видѣ перемычки связываетъ упоминаемую выше г. Ачхá съ одной изъ вершинъ Главнаго Хребта, г. Курджúшха. Этотъ отрогъ служитъ водораздѣломъ р.р. Баула и Лашипсё. Начиная съ верховьевъ Баула, мы вступили въ область развитія аспидныхъ и глинистыхъ сланцевъ. Въ этихъ сланцахъ попадаются большіе желваки и жилы кварцита, мѣстами загрязненнаго водной окисью желѣза, мѣстами же переходящаго въ прекрасный, чистый молочный кварцъ съ гнѣздами горнаго хрусталя. Эти сланцы слагаютъ также и близъ лежащія горы, представляющія отроги Главнаго Хребта. Пер. Хёхудара (съ Лашипсё на Мзымту) также сложенъ глинистыми сланцами. Достигнувъ пер. Пёва,—такъ называется перевалъ, ведущій съ верховьевъ Баула на Лашипсё—мы спустились въ долину Лашипсё, а оттуда прежней дорогой прошли черезъ пер. Хёхудара на Мзымту. На Мзымтѣ мы не останавливались, а прямо направились внизъ по ея теченію къ мѣсту впаденія въ неё р. Аріешь. На Аріешь я рѣшилъ сдѣлать привалъ и начать свои изслѣдованія отсюда. Въ первый день я успѣлъ обслѣдовать только нижнее теченіе Аріешь. На слѣдующій день мы снялись съ лагеря и, пройдя нѣсколько верстъ далѣе за

Аріешь, поднялись на альпійскіе луга, не подалеку отъ упоминаемаго выше желѣзистаго источника. Узнавъ отъ находившихся тамъ пастуховъ, что отсюда можно смѣло даже съ лошадью подняться на самый гребень Главнаго Хребта, мы рѣшили подняться на гребень и идти затѣмъ по нему до самыхъ истоковъ Аріешь, чтобы, достигнувъ ихъ, спуститься внизъ по теченію Аріешь къ мѣсту нашей прежней стоянки. Такимъ образомъ мы имѣли бы возможность изслѣдовать строеніе породъ, слагающихъ Главный Хребетъ на протяженіи всего теченія р. Аріешь. Такъ мы и сдѣлали. За день мы, однако, не успѣли совершить всего предположеннаго пути, и ночь захватила насъ въ альпійской котловинѣ, близъ гребня Главнаго Хребта. Ночью поднялся страшно-холодный вѣтеръ съ снѣжныхъ высотъ Главнаго Хребта, отъ котораго не могли насъ спасти наши бурки. Не смотря на то, что мы лежали, тѣсно прижавшись другъ къ другу, всю ночь мы дрожали отъ холода, который исчезъ только съ появленіемъ солнца. На слѣдующее утро мы поднялись на самый гребень Главнаго Хребта, откуда открылся передъ нами величественный видъ, съ одной стороны—на Кубанскую область, а съ другой—на горы Абхазіи и Черноморскаго округа. На Кубанской сторонѣ одни за другими тѣснились высокіе хребты, за которыми далёко—далёко виднѣлись, въ видѣ туманной полосы, Кубанскія степи. На Черноморской сторонѣ виднѣлся безпорядочный лабиринтъ горъ, за которымъ разстилалось вдали подернутое туманной дымкой море. Такъ какъ идти по хребту съ лошадью оказалось немыслимымъ, то мы лошадь отправили по альпійскимъ лугамъ, а сами пошли вдоль гребня, тщательно изслѣдуя попадавшіяся породы и вмѣстѣ съ тѣмъ гербаризируя. Главный Хребетъ сложенъ въ этомъ мѣстѣ (т. е. между г.г. Айшха и Бырдзá) исключительно аспидными сланцами, которые нѣсколько ниже гребня прорываются гранитами, а также и другими огненными породами, ближе пока не опредѣленными. На г. Бырдзá въ аспидныхъ сланцахъ залегаютъ массивы какой-то зеленокаменной породы съ узкими кварцевыми жилами, въ которыхъ нерѣдко встрѣчается мѣдный колчеданъ. Руда, которую я нашелъ внизу на Аріешь, залегаетъ въ совершенно такихъ же кварцевыхъ жилахъ и въ подобныхъ же породахъ, но я тщетно искалъ ея здѣсь. Что касается растительности гребня Главнаго Хребта, то она образована здѣсь миніатюрными растеньицами снѣжной зоны—глав-

нымъ образомъ Saxifraga exarata, S. carthilaginea и S. laevis Sedum tenellum, Alsine recurva, sibbaldia parviflora, Ranunculus suaneticus Rupr., Sempervivum pumilum M.B.

Растительность альпійскихъ луговъ ничего особеннаго не представляетъ. Ниже, близъ границы лѣса, на нихъ встрѣчается масса казацкаго можжевельника (Juniperus labina), можжевельника-стланца (J. nana), Cotoneaster Nummularia, разныхъ альпійскихъ розъ (Rosa mollisima и iberica v. pumila), малины, черники и альпійской смородины (Ribes alpinum), а на самой границѣ лѣса вмѣстѣ съ рябиной, альпійской смородиной и черной калиной (Viburnum Lantana) встрѣчена была мною между прочимъ дикая черешня; послѣднее дерево, не смотря на такую высоту (около 6000′) приносило вполнѣ зрѣлые плоды. Пройдя нѣкоторое разстояніе вдоль по гребню, мы стали спускаться къ р. Аріешь. Не подалеку отъ мѣста нашей прежней стоянки, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ сливаются всѣ три истока Аріешь, мы заночевали и на слѣдующій день отправились въ новую экскурсію—къ верховьямъ главнаго истока Аріешь, берущаго начало на Главномъ Хребтѣ близъ г. Лайубъ. Идя вверхъ по теченію Аріешь по неглубокой альпійской долинѣ, мы незамѣтно поднялись на гребень Главнаго Хребта, который мы тщательно и обслѣдовали. Здѣсь развиты тѣ же породы, что и на г. Бырдзá. Въ нихъ я нашелъ въ небольшомъ количествѣ руду вмѣстѣ съ сѣрнымъ колчеданомъ и бурымъ желѣзнякомъ. На другой день я обслѣдовалъ два другихъ истока Аріешь, и мнѣ удалось здѣсь найти богатыя залежи руды. Надо сказать, что русла правыхъ двухъ истоковъ Аріешь рѣзко разнятся по своему характеру отъ русла главнаго истока его: несмотря на то что каждый изъ правыхъ истоковъ почти втрое короче послѣдняго, русла ихъ необыкновенно глубоки. Эти русла даже мало напоминаютъ русла рѣчекъ. Спрашивается, откуда могла взяться масса воды, которая промыла такія глубокія русла (сажень 20—30 мѣстами) и нагромоздила въ нихъ такіе громадные валуны? Я тщательно обслѣдовалъ всѣ попадавшіеся валуны и сравнивалъ ихъ съ близъ лежащими породами и съ породами, залегающими выше истоковъ. Съ послѣдними они не имѣли совсѣмъ сходства, но зато представляли большое сходство съ тѣми массивами огненныхъ породъ, которые залегаютъ въ глинистыхъ сланцахъ по бокамъ русла обоихъ правыхъ истоковъ Аріешь. Слѣдовательно, они были несомнѣнно оторваны отъ

этихъ послѣднихъ. Но какая же сила могла оторвать эти громадные валуны и прорыть такія глубокія русла? Несомнѣнно, это могъ сдѣлать только ледникъ. По всей вѣроятности, это былъ фирнъ-глетчеръ круто-спускавшійся съ Главнаго Хребта въ долину Мэымты. Къ такому заключенію, по крайней мѣрѣ, приводитъ весь общій видъ русла р. Аріешь, совершенно загроможденнаго валунами, расположенными, вдобавокъ, грядами, очень напоминающими боковыя морены.—На этомъ я и закончилъ свои геологическія обслѣдованія р. Аріешь и немедленно послѣ этого собрался въ обратный путь. До пер. Пёва мы шли той же дорогой; но отсюда рѣшили попробовать пройти другой дорогой черезъ г. Ачха́. Дорога все время идетъ по альпійскимъ лугамъ этой горы и гораздо менѣе удобна, чѣмъ дорога по Баулу. Переваливъ г. Ачха́, она переходитъ на отрогъ этой горы, составляющій водораздѣлъ бассейновъ р. Пшица и правыхъ притоковъ Баула. Отсюда начинается очень неудобный спускъ—сначала по густому бурьяну, а затѣмъ по частому смѣшанному лѣсу въ долину Бзыбы, именно—въ урочище Рыгдза́. Достигнувъ урочища Рыгдза́, мы уже обычнымъ путемъ, черезъ Пеху, вернулись въ Гудауты.

6-го августа я предпринялъ свою четвертую и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднюю экскурсію. Я задумалъ пробраться на Марухскій перевалъ, съ тѣмъ чтобы оттуда спуститься въ Кубанскую область, и черезъ Глухорскій перевалъ вернуться обратно въ Абхазію. Въ эту экскурсію я отправился въ многочисленной компаніи, состоявшей изъ сухумскаго лѣсничаго фонъ-Дервиза и его помощника Мурзина, студента Харьковскаго Университета Гиршмана и двухъ нѣмецкихъ путешественниковъ—Дика и фонъ-Клинга. Но изъ всей этой компаніи Марухскаго перевала удалось достигнуть лишь мнѣ и студенту Гиршману съ двумя проводниками: всѣ остальные отстали по дорогѣ вслѣдствіе болѣзни или утомленія. Этотъ фактъ достаточно ясно говоритъ о томъ, какія трудности приходилось преодолѣвать намъ на пути. Достигнувъ Цебельды, мы стали подниматься на хребетъ, составляющій водораздѣлъ притоковъ Кодора-Джимпалъ-Амткъяла и Амткъялъ-Ачадора. Мы шли по извѣстной скотопрогонной тропѣ, по которой туземцы гоняютъ свой скотъ на альпійскія пастбища Лахты́, Кула́мбо, Ачадора и другихъ горъ, сосѣдящихъ съ Главнымъ Хретбомъ. Дорога, поэтому, была сравнительно недурная, хотя наши спутники-нѣмцы отказались итти дальше, едва до-

стигнувъ г. Лахты́, составляющей высшій пунктъ поднятія упомянутаго хребта (около 8000′). Растительность хребта не представляетъ ничего особеннаго. Весь хребетъ, до г. Лахты́, покрытъ прекраснымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, состоящимъ главнымъ образомъ изъ бука. Выше попадается пихта. На границѣ лѣса, между другими, обычными для этой полосы, породами, мы нашли понтійскій дубъ и новую для Кавказа разновидность Sorbus Aria—var. concol. На г. Лахта́ начинаются альпійскіе луга, растительность которыхъ не представила для насъ ничего новаго, за исключеніемъ красиваго вида шафрана—Crocus scharajani, который мѣстами образовывалъ сплошной оранжево-желтый коверъ.

Что касается геологическаго строенія хребта, то онъ образованъ въ нижнихъ своихъ частяхъ плотными юрскими известняками и красноватыми песчаниками. Выше попадается любопытный раковистый известнякъ, состоящій почти сплошь изъ нериней (по мнѣнію Н. И. Андрусова онъ относится къ юрской или мѣловой формаціи), а на самой г. Лахта́ господствуютъ изверженныя породы, именно—мелофиръ и новѣйшая лава (Лахта́, какъ извѣстно, считается потухшимъ вулканомъ). Отъ г. Лахта́ начинается чрезвычайно-крутой и скверный спускъ къ верховьямъ рѣки Джимпалъ-Амткъялъ. Этотъ спускъ носитъ названіе Пардгъялъ. На Пардгъялѣ сильно развиты древнія огненныя породы, именно—граниты снѣжно бѣлаго цвѣта и тонкозернистаго строенія, прорывающіе глинистые, аспидные и кровельные сланцы. Эти сланцы, вмѣстѣ съ залегающими въ нихъ массивами гранитовъ и разныхъ вулканическихъ породъ, слагаютъ всѣ горы, лежащія между Пардгъяломъ и Главнымъ Хребтомъ. Съ верховьевъ Джимпалъ-Амткъяла начинается очень крутой подъемъ на г. Куламбо. На г. Куламбо мы встрѣтили близъ границы лѣса, на высотѣ приблизительно отъ 6000 ф., значительныя насажденія понтійскаго дуба (Quercus pontica), который такимъ образомъ оказывается весьма распространенной породой лѣса въ Абхазіи (я встрѣчалъ его ранѣе еще на пер. Ачавчара (по дорогѣ къ Пеху), на Главномъ Хребтѣ близъ перевала Санчара и, какъ упомянулъ выше, на г. Лахта́. Начиная съ Куламбо, путь нашъ пошелъ уже исключительно альпійскими лугами. Мы шли по склону хребта Теймázъ. Дойдя до истоковъ р. Амткъялъ—Ачадара, мы обогнули хребетъ и перешли на верховья р. Ацгары, притока Кодора, которыя

отдѣляются отъ Ачадара лишь небольшой плоской возвышенностью. Достигнувъ Ацгары, мы вступили въ область лѣса, начинающагося здѣсь зарослями кустарнаго бука, березы и понтійскаго дуба, между которыми попадается также можжевельникъ (Iuniperus Communis), черника, малина и костеника (Rubus saxatilis). Дальше идетъ превосходный пихтовый лѣсъ, очень рѣдкій и чистый, напоминающій скорѣе паркъ, чѣмъ лѣсъ. Недалеко отъ начала лѣса, на лѣвомъ берегу Ацгары, находится желѣзистый источникъ съ водой сильно вяжущаго вкуса. Достигнувъ мѣста сліянія Ацгары съ р. Марухомъ, мы перешли на другой берегъ Ацгары и направились далѣе вверхъ по Маруху, который беретъ начало на самомъ Главномъ Хребтѣ. Въ скоромъ времени мы достигли подножія Главнаго Хребта. Мы продолжали подниматься дальше по ущелью Маруха, очень широкому и пологому. Невдалекѣ отъ начала ущелья есть прелестный водопадъ: вода низвергается здѣсь съ высоты саженъ 15 широкой струей, разбиваясь при паденіи въ мелкую пыль. Пройдя границу лѣсной полосы, приходится еще нѣкоторое время подниматься по альпійскимъ лугамъ. Затѣмъ начинается подъемъ на Марухскій ледникъ. Конечная морена его очень велика и трудно-проходима. По самому же леднику идти сравнительно легко. Мѣшаютъ только частыя трещины во льду, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ значительной глубины. Кромѣ того, на ледникѣ встрѣчается масса такъ называемыхъ „колодцевъ", очень глубокихъ и чрезвычайно-опасныхъ. Ледъ съ поверхности матово-бѣлый, а въ трещинахъ—прелестнаго голубаго цвѣта. Внизу ледникъ заваленъ массою каменьевъ, которые совершенно маскируютъ его; вверху же—сравнительно чистый. Ледникъ полонъ шумнаго оживленія: по всей его поверхности струятся, съ мелодическимъ журчаніемъ, многочисленные ручейки, которые прорываютъ во льду неглубокія канавки. По леднику мы шли $1^1/_2$ часа и прошли его весь, вплоть до начала его изъ фирноваго поля. Здѣсь мы начали подниматься на перевалъ, возвышавшійся передъ нами крутой невысокой стѣной. Подъемъ сравнительно очень легкій и мы его сдѣлали всего въ 20 минутъ. Съ перевала открывается превосходный видъ на горы Абхазіи. Прямо напротивъ возвышается обрывистый хребетъ Теймáзъ, сверкающій своими ледниками. Направо и налѣво возвышаются скалистые отроги Главнаго Хребта, также покрытые вѣчными снѣгами и ледниками. На Кубанской

сторонѣ ближнія высокія горы закрываютъ видъ; рельефно обрисовывается только широкая и прямая, какъ стрѣла, долина р. Маруха, ограниченная съ боковъ высокими хребтами. Главный Хребетъ сложенъ здѣсь главнымъ образомъ различными огненными породами: гранитами, сіенитами, лавами, гринштейнами, а также слюдяными и хлоритовыми сланцами. Съ перевала мы стали спускаться скверной скалистой тропинкой въ долину, гдѣ лежитъ огромный Марухскій ледникъ. Марухскій ледникъ, по словамъ нашего знатока ледниковъ Динника, есть самый большой въ Кубанской области и среди Кавказскихъ ледниковъ занимаетъ четвертое мѣсто. Ледникъ питаетъ огромное снѣжное поле, лежащее въ обширномъ кратерообразномъ циркѣ къ востоку отъ перевала. Мы спустились приблизительно на среднюю часть ледника, и, не смотря на это, намъ пришлось идти ледникомъ не менѣе 3-хъ часовъ, прежде чѣмъ мы достигли его конца. Марухскій ледникъ имѣетъ чрезвычайно-угрюмый и дикій видъ. На наше несчастье, при спускѣ поднялся, вдобавокъ, сильный туманъ, скрывшій отъ насъ окрестныя горы, за которымъ намъ ничего не было видно, кромѣ безконечнаго ледянаго пространства съ разсѣянными по немъ обломками скалъ. Тамъ и сямъ, въ болѣе или менѣе глубокихъ канавкахъ, или кревассахъ бѣжали ручейки, и бурлила вода въ глубокихъ мельницахъ и колодцахъ. Трудно было представить себѣ картину болѣе дикую и непривѣтливую: настоящая полярная пустыня. Дойдя до конца ледника, намъ пришлось переваливать черезъ огромную конечную морену или, вѣрнѣе, черезъ нѣсколько конечныхъ моренъ, возвышавшихся одна за другой въ видѣ высокихъ валовъ и указывавшихъ на постепенное отступаніе ледника. Затѣмъ мы вступили на куполообразныя возвышенія, покрытыя альпійской растительностью и представлявшія собою типичныя domes arrondis, образованныя прежнею дѣятельностью ледника. Послѣ этого дорога пошла по долинѣ р. Маруха, вдоль его лѣваго берега, и ничего особеннаго не представляла. Пройдя по ней верстъ 10, мы достигли лѣсной границы. Если альпійская растительность сѣвернаго склона Главнаго Хребта пока не представляла для насъ замѣтныхъ отличій, то разница въ лѣсной растительности сѣвернаго и южнаго склона рѣзко бросалась въ глаза. Границу лѣса здѣсь составляли сосны (Pinus silvestris) и небольшія заросли березы и ивняка. Сосна, какъ извѣстно, въ Абхазіи встрѣчается довольно рѣд-

ко *); здѣсь же она образовывала сплошныя насажденія. Здѣсь у насъ случилось непріятное приключеніе: карачаевскіе пастухи украли нашихъ лошадей. Мы должны были потерять цѣлый день на розыскиваніе ихъ и выдержать съ пастухами цѣлое словесное сраженіе, при чемъ чуть было не было пущено въ дѣло оружіе. Далѣе мы продолжали путь благополучно. Пройдя еще верстъ 10 по ущелью, мы взяли проводника изъ карачаевцевъ и съ нимъ направились къ верховьямъ р. Теберды — одного изъ притоковъ Кубани — чтобы оттуда пройти на Глухорскій перевалъ. Намъ пришлось перевалить два высокихъ хребта (до 8000' каждый), которые представляли поперечные отроги Главнаго Хребта, отходившіе отъ него почти подъ прямыми углами. Съ этихъ отроговъ превосходно виденъ Эльбрусъ, находящійся отсюда, по прямой линіи, всего верстахъ въ 70, который представляется отсюда въ видѣ круглой снѣжной шапки съ двумя черными скалистыми вершинами. Двуглавой формы его отсюда, къ сожалѣнію, нельзя видѣть, такъ какъ онъ представляется въ профиль. Горы, по которымъ намъ пришлось итти, образованы почти исключительно темнобурыми кварцевыми конгломератами, почему онѣ кажутся издали красными. Поражаетъ необыкновенная мягкость очертаній кубанскихъ горъ въ сравненіи съ абхазскими. Вѣроятно, это зивиситъ отчасти отъ состава слагающихъ ихъ горныхъ породъ, которыя не такъ легко вывѣтриваются, отчасти—отъ болѣе сухаго климата Кубанской области. Въ составъ лѣса покрывающаго ущелья р.р. Аксаута, Марка и Муху, которыя намъ пришлось пересѣкать, кромѣ упомянутыхъ выше сосны и березы, входятъ также, въ качествѣ существеннаго элемента, черемуха, образующая мѣстами, вмѣстѣ съ разными кустарниками—(альпійской и горной смородиной (Ribes-alpina et petraea), черной калиной (Viburnum Lautana), крыжовникомъ и барбарисомъ),—обширныя и трудно проходимыя заросли. На р. Муху, тысячахъ на 6—5, къ лѣсу присоединяется Нордманновская пихта, а ниже — дубъ, букъ, каштанъ и плодовыя деревья (яблоня, груша, черешня). На р. Тебердѣ близъ впаденія въ нее р. Муху, господствуетъ главнымъ образомъ смѣшанный лѣсъ, состоящій преимущественно изъ сосны, тисса, бука и другихъ породъ, къ которымъ пихта примѣшивается лишь отдѣльными деревьями; далѣе же по Тебердѣ

*) По р. Чхалтѣ и Кодору, на Бзыбскомъ хребтѣ, на г. Мамдзышха.

идутъ прекрасныя чистыя насажденія пихты. Достигнувъ Теберды, мы пошли вверхъ по долинѣ ея, по направленію къ Глухорскому перевалу. Здѣсь идетъ прекрасная верховая дорога, проложенная недавно правительствомъ и пока еще недоведенная до конца (осталось додѣлать еще верстъ 5) *). На Глухорскомъ перевалѣ она соединяется съ такой же дорогой, идущей къ перевалу изъ Сухума. Долина Теберды необычайно-красива. Я не видалъ еще до сихъ поръ мѣста красивѣе ея. Долина Теберды очень широкая (не менѣе версты шириной) и вся поросла превосходнымъ высокоствольнымъ хвойнымъ лѣсомъ. Съ боковъ она ограничивается высокими хребтами, увѣнчанными на верхушкѣ причудливыми скалами, напоминающими развалины какихъ нибудь замковъ. Съ юга долину замыкаетъ одѣтый вѣчными снѣгами и ледниками Главный Хребетъ, на которомъ особенно рельефно обрисовывается одна конусообразная снѣжная вершина (Домбай-Ульгенъ). Вообще долина Теберды, даже по словамъ знатоковъ Кавказа, представляетъ рѣдкое по красотѣ мѣсто на Кавказѣ, и, въ виду своей легкой доступности, смѣло можетъ быть рекомендована для туристовъ. Въ послѣднее время сюда начали направляться нѣкоторые чахоточные больные, которые съ успѣхомъ лечатся здѣсь. Воздухъ этой довольно высоко-лежащей надъ уровнемъ моря долины (до 4,500′ выс.) необычайно-чистый и живительно дѣйствующій на организмъ. Климатъ же сравнительно мягкій и сухой, и тѣхъ ужасныхъ лихорадокъ, которыми славится Сухумъ, здѣсь нѣтъ и помину. Для насъ дорога къ Глухорскому перевалу казалось пріятнымъ отдыхомъ послѣ перенесенныхъ нами трудностей. Самый Глухорскій перевалъ гораздо круче Марухскаго. Можетъ быть, когда будетъ окончена казенная дорога, на него будетъ легче подниматься; но теперь онъ показался намъ гораздо болѣе труднымъ для подъема, чѣмъ Марухъ. Высота Глухорскаго перевала принимается около 9500′. Съ перевала открываются грандіознѣйшіе виды на Абхазію и Кубанскую область. Кругомъ тѣснятся высокія скалистыя горныя вершины (до 13.000′ высоты), на которыхъ мѣстами сверкаютъ вѣчные снѣга и ледники. По увѣренію знатоковъ Кавказа, Глухорскій перевалъ, по своей красотѣ и грозному величію, стоитъ неизмѣримо выше знаме-

*) Она начинается отъ гор. Баталпашинска. Почти на всемъ протяженіи (за исключеніемъ только послѣднихъ 30 верстъ къ перевалу) она доступна ѣздѣ въ экипажахъ.

нитой военно-грузинской дороги. Послѣдняя, будто-бы, кажется послѣ него игрушкой. Глухорскій перевалъ слагается частію обыкновенными бѣлыми гранитами, частію пегматитомъ, въ которомъ попадаются великолѣпныя пачки мусковитовой слюды, достигающей величины въ кв. верш. Пегматитъ намъ встрѣчался и раньше, въ Кубанской области, верстахъ въ 15 отъ Глухорскаго перевала. На сѣверномъ склонѣ, къ востоку отъ перевала, съ невысокой скалистой вершины спускается небольшой фирнъ-глетчеръ, питающій альпійское озеро, изъ котораго вытекаетъ Теберда. На южномъ склонѣ отъ перевала спускается ледникъ нѣсколько большаго размѣра весь заваленный каменьями, дающій начало Клычу, притоку Кодора. По этому леднику намъ и пришлось спускаться въ долину Клыча, такъ какъ на дорогѣ въ это время производились работы порохомъ, и по ней идти было опасно. Спустившись къ Клычу, мы случайно наткнулись на расположившагося здѣсь лагеремъ итальянскаго путешественника, профессора ботаники въ Медикофизической Академіи во Флоренціи, Эмиля Левье. Эмиль Левье, оказалось, пріѣхалъ сюда изъ Сванетіи, гдѣ онъ собралъ значительныя ботаническія коллекціи (съ нимъ было около десятка вьючныхъ лошадей, нагруженныхъ исключительно бумагой), и направлялся отсюда въ Кубанскую область, къ г. Эльбрусу. Дорога съ альпійскихъ луговъ вскорѣ перешла въ пихтовый лѣсъ, которымъ поросли склоны узкаго и скалистаго ущелья Клыча. Здѣсь я нашелъ три новыхъ для Кавказа растенія: два плауна Lycopodium clavatum и L. onnotinum и одинъ очень рѣдкій попортникъ— Phegopteris Robertiana. Въ составъ лѣса, кромѣ пихты, входятъ: букъ, высокогорный клёнъ, горный ильмъ (Ulmus montana), рябина, горная смородина, черная калина (Viburnum Lautana), Rhamnus alpina var. colchica kuzn. и другія породы. Начиная съ 4.000′ пихта исчезаетъ, хотя отдѣльные экземпляры ея попадаются и ниже,—даже въ долинѣ Кодора, за Чхалтой,— и лѣсъ является состоящимъ изъ бука и каштана, съ незначительной примѣсью другихъ породъ. Что касается геологическаго строенія, то въ началѣ ущелья Клыча господствуютъ слюдяные сланцы (біотитовые и мусковитовые), сильно пропитанные желѣзомъ, съ залегающими въ нихъ небольшими гнѣздами и прослойками кварца. Съ ними связаны изверженныя породы: граниты съ тѣлеснаго цвѣта полевымъ шпатомъ и біотитовой слюдой и какая-то зеленокаменная порода, ближе пока не опре-

дѣленная. Ниже начинаются глинистые и аспидные сланцы подстилающіе юрскія отложенія.—Уже верстахъ въ 15 отъ перевала начинается прекрасная обработанная казенная дорога, которая спускается длинными и частыми зигзагами изъ ущелья Клыча въ долину Кодора. Выйдя въ долину Кодора, дорога идетъ далѣе по прекраснымъ полянамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Ажвра, покрытымъ множествомъ плодовыхъ деревьевъ и служившимъ нѣкогда мѣстами поселеній воинственнаго абхазскаго племени Цебель. Затѣмъ, начиная отъ впаденія въ Кодоръ Чхалты, она идетъ по крутому берегу самаго Кодора, въ густомъ буко-каштановомъ лѣсу. Начиная съ Чхалты, мы вступили въ область юрскихъ известняковъ и песчаниковъ, прорѣзанныхъ мѣстами выходами миндалекаменныхъ и зеленокаменныхъ породъ. Разстояніе отъ Чхалты до Латъ (40 вер.) мы легко сдѣлали за одинъ день. Отъ Латъ до Сухума идетъ очень хорошая верховая дорога, описанная уже многими путешественниками, почему я о ней распространяться не буду; 56 верстъ, отдѣляющихъ Латы отъ Сухума, легко пройти по этой дорогѣ въ одинъ день.

Примѣчаніе. Опредѣленія горныхъ породъ, собранныхъ за лѣто 1890 г., сдѣланы главнымъ образомъ профессоромъ Новороссійскаго Университета Р. А. Пренделемъ и Лаборантомъ того же Университета М. Д. Сидоренко, которымъ я и приношу свою благодарность.

Н. Альбовъ.

Одесса, май 1892 года.

УСЫХАНІЕ ОЗЕРЪ

НА СѢВЕРНОМЪ СКЛОНѢ КАВКАЗСКАГО ХРЕБТА.

Предварительное сообщеніе, читанное 13 мая 1892 года въ общемъ собраніи К. О. И. Р. Г. О. дѣйств. членомъ Отдѣла К. Н. Россиковымъ.

Тяжелый кризисъ, переживаемый нашимъ народнымъ хозяйствомъ около 20 лѣтъ, съ необыкновенной силой выступившій въ минувшемъ году, какъ мнѣ кажется, служитъ самымъ яркимъ доказательствомъ того, что въ *климатѣ* нашего отечества вообще и Кавказа въ частности *совершаются* замѣтныя *измѣненія*. Въ общемъ собраніи Отдѣла 11 мая я уже имѣлъ случай отмѣтить нѣкоторые изъ такихъ объективныхъ признаковъ, какъ *сокращеніе площади снѣжной области и уменьшеніе объема и длины ледниковъ* [1]). Къ той-же категоріи должно отнести усыханіе озеръ, обмелѣніе рѣкъ и измѣненіе въ ихъ теченіи—вообще измѣненія уровня всякаго рода водохранилищъ, источниковъ и проч., и проч. На этотъ разъ я остановлюсь исключительно *на явленіяхъ усыханія озеръ,* находящихся на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта, имѣя въ виду въ непродолжительномъ времени представить въ Отдѣлъ же и отчетъ о сдѣланныхъ мною наблюденіяхъ надъ явленіями, относящимися къ рѣкамъ и другимъ водохранилищамъ сѣвернаго же склона Кавказскаго хребта.

Исключая самыхъ сѣверныхъ частей обширнаго Степнаго пространства [2]), разстилающагося отъ подножій сѣвернаго склона Кавказскаго хребта, прилежащихъ къ рр. Ейкѣ, Среднему Егорлыку и Западному и Восточному Манычу, на которыя не

[1]) «Снѣжный покровъ и ледники сѣвернаго склона Боковаго Кавказскаго хребта въ предѣлахъ Терской области». (Предварительное сообщеніе, читанное 11 мая въ общемъ собраніи Кавказскаго Отдѣла Импѣр. Русск. Геогр. Общ.).

[2]) Оно не входитъ въ мой обзоръ.

распространялись мои личныя наблюденія, но гдѣ, однако, разсѣяна цѣлая система извѣстныхъ Манычьскихъ озеръ, лимановъ, часть которыхъ за послѣднія 30—40 лѣтъ, какъ показываютъ изслѣдованія новѣйшихъ наблюдателей, не избѣжала участи тѣхъже процессовъ усыханія и превращенія въ хаки, солонцы и т. п.,—вся остальная часть Сѣвернаго Кавказа, какъ и вообще Кавказъ, небогата озерами. Большое количество озеръ на Сѣверномъ Кавказѣ приходится на обширную область степей и равнинъ его; далѣе по числу озеръ слѣдуетъ горная область въ широкомъ смыслѣ слова отъ передовой гряды Черныхъ горъ до гребня Главнаго Кавказскаго хребта—и, наконецъ,—область предгорій.

Озера Степнаго пространства Сѣвернаго Кавказа по своему положенію: *одни*, и ихъ большинство, ютятся по побережьямъ Каспійскаго и Азовскаго морей, главнымъ образомъ, въ дельтахъ Терека и Кубани и въ низовьяхъ Кумы, Аксая, Сулака, Кирпили, Бейсуга и остальныхъ рѣкъ, орошающихъ Степное пространство западной при-Азовской и восточной при-Каспійской областей, а *другія*—на Ставропольскомъ плоскогоріи и отчасти внутри самыхъ степей.

Озера побережій или *береговыя*, по типу происхожденія—*плотинныя*, или-же очень близкія къ нимъ; всѣ-же остальныя, разсѣянныя внутри Степнаго пространства,—или части бывшаго Арало-Каспійскаго бассейна, или озера—*котловинныя*.

Изъ *береговыхъ* озеръ на побережьи Каспійскаго моря встрѣчаются, хотя и въ небольшомъ количествѣ: а) *Дюновыя* озера—за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ—безымянныя, незначительной величины; одно изъ большихъ, какое я имѣлъ случай наблюдать, озеро Казай-гель, лежитъ въ южной части дельты р. Терека. Залегая въ котловинахъ выдуванія, а отчасти въ ложбинахъ, происшедшихъ изъ морскихъ лагунъ и проч., озера эти въ рѣдкихъ случаяхъ достигаютъ 2—3 верстъ въ окружности и 1—1½ версты въ діаметрѣ, какъ упомянутое озеро Казай-гель. Всѣ они отличаются чрезвычайно однообразнымъ характеромъ, берега ихъ почти всегда прикрыты бѣдной флорой, изъ представителей которой въ лучшихъ случаяхъ попадаются: камышъ (Scirpus), гребенщикъ (Tamarix), колючка (Alhagi camelorum), полынь (Artemisia), молочай (Euphorbia) и еще нѣсколько другихъ видовъ. Глубина такого озера какъ Казай-гель достигаетъ 3½ саженъ. Вода въ немъ солоновато-горькая. б) *Дельтовыя* озера, изъ которыхъ одни, собственно *материковыя*, совершенно замкнутыя, по-

терявшія всякую связь съ источниками своего образованія. Они разбросаны по всему побережью и отличаются незначительной величиной: средняя 1/2 версты въ окружности и отъ 25—40 саж. ширины. Вода ихъ въ рѣдкихъ случаяхъ прѣсная и незагнившая, чаще же всего представляетъ различные переходы отъ прѣсной до солоноватой. На побережьи Каспійскаго моря такихъ озеръ очень много; я приведу лишь тѣ изъ нихъ, которыя были объектомъ моихъ изслѣдованій, именно: въ Кизлярскомъ отдѣлѣ—въ сѣверной части дельты р. Терека, близъ рѣки Прорвы—Почтовые ильмени, Круглый ильмень, Бабурье озеро и друг. Въ самой дельтѣ р. Терека, на лѣвомъ берегу рѣки Таловки, озера: Каракель и Касай-кель и друг. На правомъ берегу рѣки Таловки же озеро Кара-Култукъ и друг. Въ сѣверо-восточной части Хасавъ-Юртовскаго округа на правомъ берегу южнаго протока р. Новаго-Терека, дельты р. Терека—озера: Наги-коль, Балыкъ, Айтхане, Терикъ и др.; по западному побережью собственно Аграханскаго залива—озера: Дунъ-коль, Абашъ-коль и друг., и въ дельтѣ-же р. Терека, между Новымъ и Старымъ Терекомъ, въ мѣстности, называемой Орра-кумъ, озера: Тополь-озекъ, Енъ-ярыкъ, Алтынъ-коль, Конное и др. На побережьи Азовскаго моря изъ массы озеръ я посѣтилъ нѣсколько ихъ у лимана Ахтарскаго и одно-два небольшихъ безымянныхъ озера близъ станицы Старо-Ниже-Стебліевской. Другая группа дельтовыхъ озеръ—*проточныя* озера, которыя въ восточной части Степнаго пространства носятъ названія ильменей, а въ западной—лимановъ. *Одни изъ нихъ соединяются ериками или временно только, во время половодья, или постоянно, съ системой тѣхъ рѣкъ,* въ которыхъ лежатъ и, смотря по топографіи мѣстности, выпускаютъ изъ себя стоки, такіе-же ерики, сбѣгающіе въ тѣ-же рѣки, которымъ обязаны происхожденіемъ. Изъ такихъ ильменей на Каспійскомъ побережьи, въ Кизлярскомъ отдѣлѣ, въ дельтѣ р. Терека назову: въ сѣверной части—озеро Куркино близъ селенія Чернаго-Рынка, между рр. Средней и Таловкой, ильмени: Татарскіе, Бѣлужій и озеро Каракольскій ильмень. Въ Темирханъ-Шуринскомъ округѣ Дагестанской области, въ низовьи р. Сулака, озера: *Узунъ-коль,* Кагырманъ-коль и др. На Азовскомъ побережьи изъ числа такихъ озеръ я посѣтилъ немногія: на р. Бейсугѣ у ст. Переяславской и на р. Кирпили близъ Маріинской пустыни. *Другія озера проточныя-же, но изъ нихъ вытекаютъ ерики въ самое море;* изъ числа такихъ большинство на Каспійскомъ побережьи занимаютъ

восточную часть дельты р. Терека, именно: ильмень Каракольскій, соединяющійся съ Коктюбейскимъ култукомъ ериками: Сомовьимъ, Горшковымъ, Лапинымъ, такъ называемымъ, Большимъ Прораномъ и др.; ильмень Избяной—ерикомъ того-же названія и Звонаревымъ; озеро Крашенинниково—ерикомъ Брянскимъ. Такого-же характера ильмени въ той же дельтѣ между рр. Среднею и Таловкою; самый большой изъ нихъ Свѣтлый; наконецъ ихъ не мало и въ самой сѣверной части Кизлярскаго отдѣла, между Кумскимъ-Култукомъ и Кара-Култукомъ, на такъ называемомъ островѣ Бирюзякѣ, гдѣ въ центральной части его находятся обширныя озера, какъ Армянское, и ильмени—Сѣнной и Глухой; тѣ и другія соединяются съ Кумскимъ-Култукомъ ериками тѣхъ же названій, а озеро Армянское, помимо того, еще ериками: Камышевымъ, Замковымъ, Судовымъ и Пашкинымъ, какъ съ Кумскимъ-Култукомъ, такъ и Кара-Култукомъ. Отмѣчу также среди многихъ другихъ въ сѣверной части Кизлярскаго отдѣла, внѣ дельты р. Терека, на побережьи, озеро Горькое, соединяющееся съ Каспійскимъ моремъ ерикомъ того-же названія. Изъ такихъ же озеръ на побережьи Азовскаго моря, извѣстныхъ подъ именемъ лимановъ, назову лиманы: Бейсугскій, внѣ дельты р. Кубани, и въ самой дельтѣ—Курчайскій съ массой водныхъ образованій, прилежащихъ къ нимъ, названіе которыхъ я здѣсь не привожу, такъ какъ я ихъ посѣтилъ всего одинъ разъ. Характеръ всѣхъ, приведенныхъ группъ дельтовыхъ озеръ, въ общихъ чертахъ, донельзя одинаковъ. Всѣ они отличаются мелководьемъ, низкими плоскими и болотистыми берегами. Это или плавни, въ 5—10 и болѣе верстъ, или лѣса тростника (Phragmites communis), камыша (Scirpus lacustris), чакана (Typha spec.) и многихъ другихъ, а также представителей кислыхъ злаковъ, съ преобладаніемъ осоки (Carex), касатика (Iris), пушицы (Eriophorum), вмѣстѣ съ представителями поемныхъ луговъ и, такъ называемаго, поемнаго лѣса (Salix alba). Озеро Кара-коль, отчасти Татарскій ильмень и друг., по типу растительности принадлежатъ къ этой послѣдней. Берега же меньшинства покрыты рѣдкимъ камышемъ (Scirpus), съ примѣсью кислыхъ злаковъ. Величина дельтовыхъ озеръ чрезвычайно разнообразна; изъ нихъ *материковыя,* впрочемъ, уступаютъ проточнымъ; среди материковыхъ—наибольшее, Балыкъ, около 15-ти верстъ въ окружности; средняя же величина 4—5 верстъ въ окружности и до 1—1½ версты ширины; изъ *проточ-*

ныхъ озеръ—озеро Каракольскій-ильмень 20 верстъ въ окружности, при ширинѣ 4—5 верстъ. Средняя же величина большинства—верстъ 4—5 въ окружности и 2—2½ ширины.

Озера собственно морскаго происхожденія въ количественномъ отношеніи далеко уступаютъ береговымъ. Они раскинуты исключительно въ восточной части Степнаго пространства и именно въ предѣлахъ солонцовато-глинистой равнины при-Каспійской низменности. Всѣ они слывутъ подъ именемъ соленыхъ озеръ; я посѣтилъ немногія изъ нихъ, а именно: въ Терской области въ сѣверной части Кизлярскаго отдѣла оз. *Бадугалъ-тузъ* и *Горькое,* южнѣе—соленыя озера въ урочищѣ *Ярлаши* и *Корунъ.* Отличительныя черты такого рода озеръ—низкіе, плоскіе берега, замкнутость водоемовъ, незначительная величина; самое большее изъ нихъ въ урочищѣ Ярлаши до 2 верстъ въ окружности и ½ версты ширины, и самое маленькое до 20 саж. въ окружности, при діаметрѣ 10—15 саж. Берега сложены изъ соленосной глины, покрыты скудной растительностью типичныхъ солонцовъ: солянками, Statice, Frankenia, изрѣдка Tamarix, Peganum, Zygophyllum Fabago, Camphorosma ruthenica, Alhagi и др. Вода ихъ во время таянія снѣговъ не опрѣсняется и остается всегда горько-соленой.

Озеръ-котловинъ размытія довольно много въ восточной части Степнаго пространства въ лесово-глинистой степи и Каранагайскихъ пескахъ, а отчасти и на береговой полосѣ. Большинство изъ этихъ озеръ имѣютъ бассейны замкнутые. Изъ числа ихъ я побывалъ на озерѣ Тенуекъ-су, что въ пескахъ Карылганъ-Кызылъ, озерахъ: Кошунъ-куль и Камлы-су, что близъ селенія Казанъ-Алуевъ, на равнинѣ Беча, на безымянныхъ озерцахъ въ пескахъ Ахтерекли, на озерѣ Бирючьи-ворота и др. На берегахъ этихъ озеръ плоскихъ и низкихъ, на почвѣ усыпанной кристалами Na Cl, выдѣляется сѣдо-сѣрая флора изъ Statice, Asperula humifusa, Salsola, Artemisa maritima и др. Сами озера очень незначительны и имѣютъ соленую или горькосоленую воду, опрѣсняемую лишь ранней весной во время таянія снѣговъ. Въ этой же группѣ озеръ изрѣдка встрѣчаются озерца болѣе или менѣе опрѣсненныя, къ числу которыхъ можетъ быть отнесено озеро Попово близъ станицы Щедринской; такія озерца уже рѣзко отличаются отъ предыдущихъ тѣмъ, что ихъ прибрежная полоса почти всегда представляетъ темную кайму почвы, прикрытой плотнымъ дерномъ поемной травянистой растительности, а на

нѣкоторыхъ изъ нихъ, помимо того, и поросль камыша, какъ въ прибрежной полосѣ, такъ и въ самомъ озерѣ.

Озера предгорной области Сѣвернаго Кавказа по своему происхожденію котловинныя. Какъ сказано выше, ихъ сравнительно немного въ предгорной области. Въ западной части Кубанской области, въ Баталпашинскомъ уѣздѣ, группа озеръ горькосоленыхъ въ 12 верстахъ отъ гор. Баталпашинска; изъ нихъ одно—большее (восточное) 4—5 верстъ въ окружности и два маленькихъ, изъ которыхъ одно достигаетъ 1—2 верстъ въ окружности. Въ Ставропольской губерніи, въ Новогригорьевскомъ уѣздѣ, между селеніемъ Сергіевскимъ и Калиновскимъ, одно соленое озеро въ 5—6 вер. окружности и до 2 в. ширины, и другое, тоже соленое, безымянное; до двухъ-трехъ вер. въ окружности и до 200—250 с. ширины, близъ селенія Донской-Балки. Въ Александровскомъ уѣздѣ озеро Курсавское и Бештумагель, изъ которыхъ первое до 2 1/2 верстъ въ окружности и саж. въ 300—400 шириной, а второе до 2 верстъ въ окружности, при ширинѣ саж. 200—300. Въ центральной части Сѣвернаго Кавказа, въ Терской области, въ Пятигорскомъ уѣздѣ, горькосоленыя озера: 2 близъ колоніи Николаевской и два въ 10 верстахъ отъ Пятигорска, такъ называемыя—Большой-Тамбуканъ, длиною до 2 верстъ и шириною около 1 версты (3—4 саж. глубины), и Малый-Тамбуканъ, слишкомъ въ два раза меньше перваго. Въ томъ же уѣздѣ небольшое прѣсное озерцо Джаманкулъ-чочъ, у сѣверной подошвы Кабардинскихъ горъ. Занимая болѣе или менѣе возвышенныя мѣстности, по характеру залеганія котловинъ, всѣ вышеприведенныя озера—*замкнутыя*. Наконецъ, въ восточной части Сѣвернаго Кавказа, того-же типа озеро—Темиргоевское въ Темирханъ-Шуринскомъ округѣ Дагестанской области. Источниками питанія всѣ эти озера имѣютъ исключительно дождевые ручьи и подпочвенную воду. Берега однихъ, Баталпашинскихъ, частью круты, высоки, а частью низки и пологи, а другихъ, какъ Тамбукана, Курсавскаго или Темиргоевскаго, совершенно плоски или, какъ у Джаманкулъ-чочъ, плоски и топки. Берега всѣхъ озеръ горькосоленыхъ и прѣсноводныхъ покрыты травянистой растительностью одинаковаго характера съ флорой озеръ этого же типа лесово-глинистой степи, частью же Караногайскихъ песковъ восточной части Степнаго пространства.

Озера горной области Сѣвернаго Кавказа разбросаны по обширной площади всей системы горныхъ хребтовъ, къ сѣверу

отъ гребня Главнаго Кавказскаго хребта, включительно до сѣверной же передовой цѣпи, такъ называемыхъ, Черныхъ горъ. Не смотря, однако, на обширность горной площади Сѣвернаго Кавказа, на поверхности ея, количество озеръ также, какъ и въ предыдущей области, очень невелико и, по справедливому заключенію Элизе Реклю, относящемуся до всего Кавказа, такая бѣдность Сѣвернаго Кавказа этого рода водными образованіями стоитъ въ прямой зависимости отъ недостатка вообще на Кавказѣ отдѣльныхъ горныхъ массъ и промежуточныхъ долинъ [1]). Распредѣленіе ихъ въ горной области легче всего прослѣдить въ такомъ порядкѣ: *Въ Главномъ Кавказскомъ хребтѣ* на сѣверномъ склонѣ, въ западной его половинѣ, въ Кубанской области лежитъ немало собственно «прудовъ», бассейны которыхъ неглубокіе; изъ нихъ заслуживаютъ вниманія два-три, изъ которыхъ—наибольшее озерцо Туманла-коль въ истокахъ р. Теберды у Клухорскаго перевала. Въ восточной половинѣ того же хребта, въ Терской области, немало прудовъ, между ними отмѣчу: озерцо Тэніэ въ истокахъ р. Ассы, въ Архотскомъ ущельи; въ Дагестанской же области три небольшихъ озерца: Тбисъ-тави, Луджи-тба и Хупросъ-тави въ истокахъ р. Орисъ-цхали, одного изъ притоковъ р. Андійскаго-Койсу. На склонахъ отроговъ Главнаго Хребта въ Кубанской области группа изъ 3 озеръ на хребтѣ Абишира-Ахцба въ истокахъ р. Урупа [2]) и др. *Въ Боковомъ Кавказскомъ хребтѣ*, въ центральной части его, на сѣверномъ склонѣ, въ Терской области: два безымянныхъ озерца на ледникѣ Цити, группа озеръ Тба въ долинѣ р. Амилишки у Дарьяльскаго ущелья, въ восточной части того же хребта, извѣстной подъ именемъ Перикительскаго хребта; безымянное озерцо на сѣверо-восточномъ ледникѣ г. Харгабе-ламъ [3]), озеро Улушъбине-амъ у подошвы горы Балумъ-кортъ, въ истокахъ р. Хашелдой и безымянное озерцо въ Богосскомъ хребтѣ, въ истокахъ рѣки Хварши.

Въ Скалистомъ хребтѣ, въ восточной части его, озеро Галанъ-чочъ въ истокахъ р. Гехи и въ части же его, извѣстной подъ именемъ Сулако-Терскаго водораздѣльнаго хребта, именно, на южномъ склонѣ, у подошвы горы Абдалъ-Забурзалъ, озеро

---

[1]) Элизе Реклю. «Россія Европейская и Азіатская». Т. II, стр. 51.
[2]) На 5-верстной картѣ группа озеръ эта названа озерами «Чиликъ»
[3]) На 5-верстной картѣ названа «г. Доносъ-мта».

Технуцалъ въ Ботлихской котловинѣ, на сѣверо-западномъ склонѣ горы Чанхо озеро Цастой-амъ [1]) (Амичу) и два-три незначительныхъ озерца въ складкахъ при подошвѣ вершины горы Цоболь-хохъ.

Въ Черныхъ горахъ довольно много маленькихъ озеръ «прудовъ», едва превышающихъ десятки саженъ въ окружности и 1—2 въ діаметрѣ; большинство такихъ «прудовъ» лежитъ въ западной части Черныхъ горъ въ Кубанской области; болѣе же или менѣе заслуживающихъ вниманія очень немного. Въ центральной части этихъ горъ, на сѣверномъ склонѣ, въ Терской области, два озера Хеймаши, на водораздѣлѣ между р.р. Малкой и Гунделеномъ; озеро Шерекъ-яна (Черекъ-Коль) на днѣ долины р. Черека; здѣсь же по близости два озера—Псехурей въ котловинѣ р. Кудихурдъ, притока р. Черекъ; близъ гор. Владикавказа, озеро Тарское, у подножія горы Илъ; въ части этихъ же горъ, извѣстной подъ именемъ Керкешскихъ, на южномъ склонѣ, самое большое озеро всей горной области на Сѣверномъ Кавказѣ, Кезеной-Амъ; наконецъ, въ восточной части этихъ же горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Тамухъ, на сѣверномъ склонѣ—озеро Датиль-амъ въ истокахъ р. Ярыксу и два безымянныхъ же озерца въ истокахъ рѣки Аксая.

По мѣсту положенія надъ уровнемъ моря, озера горной области Главнаго и Боковаго хребтовъ (въ Главномъ хребтѣ, за исключеніемъ Хупросъ-Тави, а въ Боковомъ—озера Тба) всѣ лежатъ свыше 8.000′ надъ уровнемъ моря, а нѣкоторыя принадлежатъ и къ высокогорной области, какъ озеро Туманла-коль, 2 озера ледниковъ Цити и Харгабе-ламъ. Озера Скалистаго хребта, за исключеніемъ лежащихъ при подошвѣ горы Цоболь-хохъ, озеро Цастой-амъ и Арджи-амъ, изъ которыхъ послѣднее достигаетъ высоты свыше 7.000′ надъ уровнемъ моря; остальные, какъ озеро Технуцальское и др., не ниже 3.000′ надъ уровнемъ моря. Озера Черныхъ горъ вообще по положенію не ниже 2.500′ надъ уровнемъ моря (Тарское), а самое высокое изъ нихъ, Кезеной-амъ—6.125′ надъ уровнемъ моря.

Озера Горной области, по типу происхожденія, частью *плотинныя*, а отчасти *котловинныя*. Къ числу *плотинныхъ* озеръ относятся: Хорло-коль, Тбисъ-тави, Луджи-тба, Хуприсъ-тави, 2 безымянныхъ озерца ледника Цити, группа озеръ Тба, безы-

---

[1]) На 5-верстной картѣ обозначено подъ именемъ «Арджи-амъ».

мянное озерцо на сѣверо-восточномъ ледникѣ горы Харгабе-ламъ, безымянное озерцо въ истокахъ р. Хварши и озеро въ истокахъ р. Аксая и пр.; а къ числу *котловинныхъ* группа озеръ въ истокахъ р. Урупа, два озера Хеймаши, Псехуресъ, Галанчочъ, Кезеной-амъ, Цастой-амъ, Арджи-амъ, Технуцалъ, Датиль-амъ и др. По роду же запрудъ, изъ плотинныхъ озеръ безымянное озерцо сѣверо-восточнаго ледника горы Харгабе-ламъ (Доносъ-мта) служитъ представителемъ *ледниковыхъ озеръ*. Оно лежитъ на нижней оконечности упомянутаго ледника, въ небольшой, около 25—30 саж. въ окружности, при діаметрѣ 3—4 саж., ледниковой впадинѣ, въ ледяныхъ плоскихъ берегахъ, прикрытыхъ пескомъ и отчасти щебнемъ, лишенныхъ какой бы то ни было растительности. Положеніе его надъ уровнемъ моря свыше 9.650'. Глубина около 2 аршинъ (1885 г.). Безымянное озерцо въ истокахъ р. Хварши характернѣе другихъ изъ группы такъ называемыхъ *лавинныхъ озеръ*. Оно лежитъ въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ нижняго конца ледника, спускающагося съ горы Барза-ламъ. Массы снѣга, свалившіяся съ вершины горы Барза-ламъ на дно ущелья р. Хварши, запрудили эту послѣднюю, образовавъ озерцо въ 22 сажени длиной и въ 10—15 шириной. Глубина его достигала 5 саж. (1885 г.). Во время посѣщенія этого озера (въ 1885 г.) оно уже было наканунѣ окончательнаго исчезновенія. Снѣговая запруда, прикрытая обломками скалъ и щебнемъ, мѣстами совершенно обтаяла; глубина его, по разсказамъ проводниковъ, достигала 40—45 саж. Озеро Хупросъ-Тави—типичный представитель озеръ *обваловъ и осыпей*. Оно ютится на днѣ глубокаго лѣсистаго ущелья р. Ори-цхали, имѣетъ около 200—250 саж. въ окружности и 15—20 саж. въ діаметрѣ, справа и слѣва обрамляется скалистыми обрывистыми берегами ущелья, а съ двухъ другихъ сторонъ, именно по теченію, замкнуто невысокой пологой дамбой, образовавшейся изъ обвала части прилежащей горы, а со стороны ей противуположной остается совершенно открытымъ, такъ что горизонтъ воды озера сливается съ дномъ самаго ущелья и втекающей въ него рѣкой. Дамба, запрудившая озеро, имѣла до 25—30 саж. ширины и 15—20 саж. высоты. Скалистые берега озера обнажены саженъ на 5—6, а, затѣмъ, прикрыты густой травой лѣсной растительности и смѣшаннымъ лѣсомъ, подъ сѣнью котораго покоится зеркальная поверхность изумрудныхъ водъ озера. Глубина озера не превышала 5—6 саженъ (1885 г.). Озера: Хорло-

кель, Тбисъ-Тави, Луджи-Тба и два озерца въ истокахъ р. Аксая, есть повтореніе описаннаго. Изъ нихъ два первыя отличаются отъ озера Хупросъ-Тави лишь своей величиной: Хорлокель достигаетъ 150—200 саж. въ окружности, при діаметрѣ 15—16 саж., а Тбисъ-Тави и Луджи-Тба 50—80 саж. въ окружности и 10—12 саж. ширины. Кромѣ того, всѣ они выше перваго по положенію надъ уровнемъ моря, и по глубинѣ значительно мельче его. Два озерца въ истокахъ р. Аксая, помимо величины—наибольшее изъ нихъ, сѣверное, достигаетъ лишь 25 саженъ въ окружности, при ширинѣ въ 6 саженъ—расположены внѣ ущелья, на плоской возвышенности, такъ что только одинъ берегъ плоскій, а другой склонъ горы обрывистый. Оба берега покрыты subʼальпійской травянистой растительностью. Два безымянныхъ озерца ледника Цити, оз. Туманъ-ла-колъ и группа озеръ Тба—выразители типа *озеръ моренныхъ*, изъ которыхъ первые два—образованія нашего времени, а озеро Туманъ-ла-колъ и группа озеръ Тба—эпохи ледниковой.

Озера ледника Цити имѣютъ высокое положеніе—до 10.000′ надъ уровнемъ моря. Они образовались, при отступленіи лѣваго рукава ледника Цити, въ углубленіяхъ поддонной морены, замкнутыхъ конечной мореной. Величина наибольшаго изъ нихъ 25 саженъ въ окружности и 2—5 саженъ ширины, глубина до 10—20 футовъ. Берега ихъ каменисты, состоятъ исключительно изъ валуновъ, обломковъ скалъ, ледниковаго ила и песку, продуктовъ ледниковой дѣятельности, и совершенно лишены какой бы то ни было растительности. Оба озера принимаютъ въ себя по бурному потоку, истоки р. Гизель-дона, изъ которыхъ каждый тутъ-же вырывается изъ-подъ ледниковыхъ воротъ нижней оконечности западнаго рукава ледника Цити.

Группа озеръ Тба, какъ и озеро Туманъ-ла-колъ, лежатъ—первыя на высотѣ 5000′ надъ уровнемъ моря, а второе около 6000′ надъ уровнемъ моря. Въ группѣ озеръ Тба всего три озера, они чрезвычайно красиво выдѣляются на фонѣ яркой зелени subʼальпійскихъ луговъ, среди разбросанныхъ крупныхъ и мелкихъ валуновъ и живописнаго мореннаго ландшафта древняго ложа Девдаракскаго ледника. Озера лежатъ на самомъ сѣверномъ концѣ морены, обрывающейся отвѣсной стѣной въ 100—150 футовъ надъ Военно-грузинской дорогой въ Дарьяльскомъ ущельи. Самое большее изъ этой группы—озеро среднее; оно замкнутое, а другое имѣетъ стокъ: площадь его не свыше ½ де-

сятины, наибольшая длина 20—25 саженъ, а ширина 5—6 саженъ. Залегая между валообразными возвышеніями, въ нѣсколько десятковъ футъ высоты, оно обрамляется хотя и пологими, но высокими берегами, за исключеніемъ южной стороны, гдѣ образовалась плоская перемычка, по которой стекаютъ воды сосѣдняго южнаго озера. Берега средняго озера покрыты скудной ксерофильной растительностью, между которой отмѣчу приземистые кустарники: можжевельника (Juniperus sp.), гребенчука (Tamarix), астрагала (Astragalus) и др. Южное озеро обрамляется болѣе низкими берегами, площадь его не достигаетъ и 1/2 десятины. Берега закрыты растительностью, свойственной поемнымъ почвамъ. Оба озера не лишены водорослей, а южное по западному берегу имѣетъ и небольшія заросли камыша (Scirpus). Третье озерцо этой группы, сѣверное, заболачивается. Озеро Туманъ-ла-Колъ носитъ такой-же характеръ, какъ предыдущія, но величиной оно нѣсколько меньше, а каменистые берега его обрамлены густой травянистой растительностью.

Котловинныя озера: группа озеръ истоковъ р. Урупа, озера—Шерекъ-яна, Псехурей, Тарское, Тэніэ, Галанъ-чочъ, Технуцалъ, Цастой, Арджи-амъ, безымянное озерцо на гребнѣ хребта Ишхой, близъ подошвы горы Цоболь-хохъ, и др. представители озеръ *котловинъ размытія.* Изъ нихъ одни, какъ Шерекъ-яна, Псехурей, Тарское и др. расположены въ *мѣстностяхъ лѣсистыхъ,* а другія, какъ группа озеръ истоковъ р. Урупа, озера: Тэніэ, Цастой, Арджи-амъ, Галанъ-чочъ, Технуцалъ, безымянное озеро на хребтѣ Ишхой, Датиль-амъ—*частью въ открытыхъ subʼальпійскихъ лугахъ,* а отчасти и въ *рѣчныхъ долинахъ,* какъ озера Галанъ-чочъ, и въ котловинахъ, какъ озеро Технуцалъ. Всѣ *три группы озеръ котловинъ размытія* отличаются замкнутыми бассейнами, причемъ одни имѣютъ стоки, а другіе—безъ этихъ послѣднихъ. Изъ числа озеръ, которыя расположены въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ и имѣютъ стоки, типичнѣе другихъ—озера Псехурей. Ихъ собственно два, оба расположены на днѣ глубокой котловины, которая обрамляется крутыми и скалистыми склонами. Большее изъ нихъ южное, площадь его около 2 десятинъ; оно совершенно круглое, охвачено крутыми берегами, за исключеніемъ сѣверо-восточной стороны, гдѣ находится стокъ озера, сбѣгающій въ сосѣднее меньшее озеро. О глубинѣ озера говорятъ различно. Во всякомъ случаѣ надо полагать, что оно глубоко. Берега озера окутаны высокоствольнымъ крупнымъ буковымъ лѣ-

сомъ; въ прибрежной и пелагической части озера не замѣчается никакихъ водорослей; другое же, меньшее озеро, все переполнено ими. Озеро Шерекъ-яна отличается отъ описанныхъ лишь величиной. Оно достигаетъ 350 саженъ въ окружности, при наибольшей ширинѣ въ 70 саженъ. Въ прибрежной его полосѣ масса водорослей. Изъ озеръ этой группы, не имѣющихъ стока, типичнѣе озеро Тарское: оно лежитъ въ маленькой котловинѣ, обрамлено невысокими, пологими берегами, которые покрыты растительностью поемныхъ луговъ. Площадь его не болѣе 1/2 десятины, прибрежье его лишено водорослей, но частью покрыто водоплавными растеніями: жалгой (Potamogeton) и др. *Изъ озеръ, расположенныхъ въ открытыхъ sub'альпійскихъ лугахъ, имѣющихъ стокъ,* типичнѣе другихъ группа озеръ истоковъ р. Урупа. Въ этой группѣ три озера. Они расположены на днѣ живописной котловины, на высотѣ около 8000' надъ уровнемъ моря, обставлены горами Ачубъ-Галара и Ганерута (10000' надъ уровнемъ моря). Берега всѣхъ трехъ озеръ плоскіе, завалены обломками камней, покрыты sub'альпійской травянистой растительностью. Каждое озеро имѣетъ стокъ, изъ которыхъ слагается истокъ р. Урупа. Площадь самаго большаго изъ нихъ немногимъ болѣе 1/4 десятины, оно и глубже другихъ. Всѣ они изобилуютъ водорослями, а восточное изъ нихъ, расположенное при подошвѣ горы Ганерута, заболачивается, постепенно превращаясь въ болото, поросшее кислыми злаками. Такимъ-же характеромъ отличаются озера: Тэніэ и др. *Изъ озеръ* этой-же группы, *не имѣющихъ стока,* озеро Цастой-амъ занимаетъ дно небольшой котловины, на высотѣ 6500' надъ уровнемъ моря, которая обставлена съ трехъ сторонъ невысокими склонами въ 1000 и 1500' надъ поверхностью озера, а съ четвертой болѣе или менѣе открыта и обрамлена невысокимъ, пологимъ берегомъ. Озеро питается двумя незначительными ручьями, имѣетъ 250—260 саженъ въ длину и наибольшую ширину 60—70 саженъ. Берега его покрыты травянистой sub'альпійской растительностью, прибрежье закрыто жалгой (Potamogeton), а пелагическая часть—водорослями; береговая-же полоса, по обсыхающимъ частямъ—кислыми злаками. Въ озерѣ обитаютъ форель и два-три вида моллюсокъ прѣсноводной фауны. Такого-же совершенно характера и озеро Арджи-амъ и другія озера, съ тою лишь разницею, что они лишены водорослей, совершенно не имѣютъ рыбы и сравнительно бѣдны представителями фауны безпозвоночныхъ животныхъ.

Изъ озеръ же открытыхъ мѣстностей, залегающихъ *въ рѣчныхъ долинахъ, имѣющихъ стокъ*, озеро Галан-чочъ занимаетъ чрезвычайно живописную часть долины истоковъ р. Гехи. Оно обставлено мягкими склонами, возвышающихся надъ его поверхностью, сравнительно невысокихъ горъ, за исключеніемъ сѣверо-западной стороны, въ которой лежитъ стокъ въ р. Гехи. Озеро имѣетъ саженъ 500 въ длину и саженъ 100—150 въ ширину. Склоны, обрамляющіе его берега, покрыты роскошной травянистой растительностью. Положеніе его надъ уровнемъ моря не превышаетъ 5000' футовъ. *Изъ озеръ этой же группы, не имѣющихъ стока,* озеро Технуцальское лежитъ на днѣ Ботлихской котловины, въ ущельи р. Андійскаго-Койсу, среди невысокихъ холмовъ, обрамляемое плоскими берегами; величина его площади не болѣе $^1/_4$ десятины. Берега совершенно голы и безжизненны. Никакихъ водорослей въ немъ нѣтъ. Лежитъ на высотѣ 3000 футовъ надъ уровнемъ моря. Изъ другихъ озеръ *котловинныхъ*, озера Хаймаши и Датиль-амъ *провальныя, замкнутыя*; они обставлены высокими—первое скалистыми, а второе болѣе или менѣе крутыми, но не скалистыми берегами. Площадь каждаго изъ этихъ озеръ не превышаетъ половины десятины. Берега покрыты травянистой растительностью. Высота надъ уровнемъ моря—первыхъ двухъ около 4500', а Датиль-амъ свыше 5000'.

Наконецъ, *изъ тѣхъ же котловинныхъ озеръ,* озеро Кезеной-амъ я отношу къ *дислокаціоннымъ — замкнутымъ.* Занимая котловину того-же имени, озеро Кезеной-амъ состоитъ изъ трехъ составныхъ частей: собственно тѣла (югозападной части) и сѣвернаго и восточнаго рукавовъ. Озеро питается двумя горными рѣчками: Эхки, которая вливается въ сѣверный рукавъ, и Карка-Эчу—въ восточный, и нѣсколькими горными потоками. Котловина озера обставлена высокими горами, изъ которыхъ гора Азанъ (8718' надъ уровнемъ моря), Шимерой (7595 футовъ надъ уровнемъ моря) и Кашкеръ-ламъ (9037 футовъ надъ уровнемъ моря); самое же озеро относительно уровня моря по 5-верстной картѣ показано на высотѣ 6123', а по послѣдней съемкѣ 1884 г., на одноверстной картѣ Кавказскаго Топографическаго отдѣла, на высотѣ 5978'. Озеро имѣетъ до 9 верстъ въ окружности; наибольшая его длина съ юго-запада на сѣверно-востокъ, сѣверъ и сѣверо-западъ—$3^1/_2$ вер., а съ юго-запада на сѣверо-востокъ—$2^1/_2$ вер., наибольшая ширина въ юго-западной части до 500 саженъ; сѣверный рукавъ—около 120 саженъ, а восточный—отъ 170—200

саженъ. Берега его скалисты и обрывисты, особенно сѣверный и частью юго-восточный и западный; со стороны же впадающихъ рѣкъ Эхки и Карка-Эчу, низменный и болотистый; точно также западный берегъ со стороны горы Хупи-кортъ пологій и невысокій. Глубина озера, по измѣреніямъ моимъ, у южнаго берега въ 3—4 аршинахъ отъ скалъ достигаетъ 30—40 саженъ, а по заявленію старожилъ, по срединѣ превышаетъ 150—200 саженъ. Всѣ склоны котловины залиты яркой зеленью sub'альпійскихъ луговъ, а обрывистые и скалистые берега, особенно южный и сѣверный, мѣстами покрытые кустарниками березы, ивы и отдѣльными приземистыми сосненками, придаютъ озеру живописный видъ и рѣдкую красоту. Берега со стороны р. Эхки и р. Карка-Эчу закрыты жалгой (Potamogeton) и др. водяными растеніями, частью же камышемъ, осокой и проч. представителями поемныхъ почвъ. Самое озеро, помимо нѣсколькихъ видовъ водорослей, изобилуетъ представителями прѣсноводной фауны, моллюсками, бодягами, піявками, форелью, [1]) гаммаридами и многими другими.

Приведенный списокъ посѣщенныхъ мною озеръ далеко, конечно, не исчерпываетъ всѣхъ озеръ, какія имѣются на Сѣверномъ Кавказѣ; такъ, я не отмѣтилъ массу небольшихъ и неглубокихъ бассейновъ стоячей воды, такъ называемыхъ «прудовъ», какихъ чрезвычайно много на Сѣверномъ Кавказѣ, во всѣхъ его областяхъ, и изъ которыхъ, тѣмъ не менѣе, на очень многихъ я также побывалъ и производилъ наблюденія. Хотя не упомянулъ многихъ озеръ, лежащихъ на Ставропольскомъ плоскогоріи, и между ними Кравцова, Новомарьевскаго и др., но долженъ сказать, что въ число описанныхъ выше вошли всѣ озера, наиболѣе заслуживающія вниманія. Общая черта этихъ послѣднихъ, какъ я уже упомянулъ, ограниченность бассейновъ и, за небольшимъ исключеніемъ, незначительная глубина, чѣмъ они рѣзко отличаются отъ озеръ южнаго склона Кавказа, а тѣмъ болѣе Малаго Кавказа, гдѣ между береговыми озерами достаточно назвать: Палеостомъ, и озерами горной области—Гокчу, Чалдыръ и многія другія. По всей вѣроятности, ограниченная величина озеръ Сѣвернаго Кавказа и есть та причина, что они оставались до нашихъ дней совершенно необслѣдованными, въ то время, какъ озера Малаго Кавказа и южнаго склона Большаго Кавказа имѣютъ свою

[1]) Монографія «Озеро Кезеной-амъ, его фауна и флора» подготовлена мною къ печати.

литературу и изучались многими учеными, изъ которыхъ достаточно назвать: Кесслера, Данилевскаго, Ал. Брандта, а изъ мѣстныхъ изслѣдователей—Чернявскаго, Паули, И. И. Пантюхова и др.

Совершая изъ года въ годъ, начиная съ 1881 года, экскурсіи въ различные уголки Сѣвернаго Кавказа, преслѣдуя зоогеографическія цѣли, я перебывалъ на приведенныхъ выше озерахъ въ различныя времена года, на однихъ изъ нихъ лишь по одному только разу, на другихъ по два, но чаще на многихъ изъ нихъ по три-четыре раза и болѣе, имѣя случай ознакомиться, помимо ихъ фауны, флоры и физическаго строенія, еще и со многими интересными явленіями, характеризующими ихъ современную жизнь.

Въ 1881 году въ іюлѣ впервые я посѣтилъ часть при-Каспійской низменности сѣвернѣе дельты р. Терека, а въ концѣ сентября того же года впервые же я побывалъ на побережьи Азовскаго моря, сѣвернѣе дельты р. Кубани. Обѣ поѣздки совершены были по настоянію покойнаго незабвеннаго учителя, профессора М. Н. Богданова, съ цѣлью ознакомленія съ элементами орнитологической фауны этихъ побережій, и для производства наблюденій надъ осеннимъ пролетомъ птицъ. Къ этому времени собственно и относятся первыя мои наблюденія надъ *береговыми озерами*. Имѣя въ рукахъ 5-верстную карту, я не могъ не обратить вниманія на рѣзкое различіе въ площадяхъ и очертаніяхъ, нанесенныхъ на карту озеръ, ильменей, лимановъ, ериковъ, прорановъ, култуковъ и самихъ рукавовъ р. Терека и р. Кубани, съ дѣйствительной ихъ величиной, положеніемъ, очертаніями и проч., и проч. На обоихъ побережьяхъ одни изъ этихъ водныхъ образованій совершенно обсохли, другія сократили свои площади болѣе чѣмъ вдвое. При новой съемкѣ этихъ частей Сѣвернаго Кавказа, за отсутствіемъ подробныхъ и систематическихъ наблюденій надъ озерами, 5-верстная карта сослужитъ службу въ опредѣленіи степени измѣненія озеръ. Тогда же мною было вбито на двухъ озерахъ при-Каспійскаго побережья—на озерѣ Куркиномъ, близъ селенія Черный-Рынокъ, и на озерѣ Касай-кель, близъ селенія Тарумовки, и на двухъ озерахъ Азовскаго побережья—на озерѣ Бейсугъ, что у станицы Переяславской, и на озерѣ Кирпили у Маріинской пустыни, по нѣскольку футштоковъ [1]) въ различныхъ мѣстахъ этихъ озеръ, какъ для суж-

[1]) Я вбивалъ въ дно озеръ колья на глубинѣ 3—6 футовъ, съ отмѣткой на нихъ масляной краской уровня.

денія относительно будущаго измѣненія уровня ихъ, такъ и уменьшенія или приращенія ихъ береговой полосы. Площади приведенныхъ 4-хъ озеръ въ 1881 году, во время моего пребыванія на нихъ, были меньше на $^2/_3$ каждая, противъ тѣхъ площадей, какія обозначены на 5-верстной картѣ.

Командированный Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ лѣтомъ 1888 года въ Кубанскую область для зоогеографическихъ изслѣдованій долины Заагдана, что въ истокахъ рѣки Большой Лабы, я заѣхалъ и на Азовское побережье и посѣтилъ озера: Бейсугъ и Кирпили вторично. Изъ установленныхъ мною знаковъ я розыскалъ всего два на озерѣ Бейсугъ, изъ которыхъ одинъ знакъ 20 іюня, т. е. спустя 7 лѣтъ, указывалъ, что уровень его понизился на 45 дюймовъ, а береговой знакъ—обсыханіе южнаго берега на $63^1/_4$ сажени. Знаки на озерѣ Кирпили уничтожены, но судя по наброскамъ берега, на которомъ были установлены знаки, площадь озера сократилась значительно. Многіе-же безымянные ильмени и озера совершенно обсохли и обратились въ луга.

Въ томъ-же году въ декабрѣ мѣсяцѣ мнѣ пришлось побывать въ городѣ Кизлярѣ и въ селеніи Черномъ-Рынкѣ по дѣламъ службы. Я проѣхалъ на озеро Касай-кель и Куркино. Озеро Касай-кель 18 декабря 1888 года было покрыто льдомъ, около $2^1/_2$ вершковъ. Уровень его упалъ до 59 дюймовъ, береговая полоса въ сѣверной части увеличилась на 78 футовъ, остальные знаки были уничтожены. Измѣренная мною наибольшая глубина озера Касай-кель равнялась 1 сажени. Озеро Куркино обсохло на юго-западномъ берегу на 64 фута, а въ сѣверной части на 48 футовъ. Уровень его понизился на 46 дюйм. Обсохшія части береговъ того и другого озеръ успѣли заросги густымъ камышемъ (Scirpus). Озеро Куркино было покрыто льдомъ въ полдюйма толщиной, глубина его достигала $5^1/_2$ футовъ.

Въ 1889 году, находясь въ Кизлярскомъ отдѣлѣ и Хасавъ-Юртовскомъ округѣ по дѣламъ службы, я въ теченіе апрѣля, мая и іюня мѣсяцевъ объѣхалъ все побережье при-Каспійской низменности отъ устья р. Кумы до устья р. Сулака. За это время попутно я ознакомился со всѣми, хоть сколько нибудь замѣчательными озерами береговой полосы. У устья р. Кумы я посѣтилъ чрезвычайно интересный въ зоологическомъ отношеніи островъ Бирюзякъ. Занимая площадь въ 10000 десятинъ, островъ отличается также рядомъ характерныхъ водныхъ образованій Каспій-

скаго побережья. Именно, здѣсь имѣются култуки: Кумской и Кара-култукъ, ерики: Пашкинъ, Судовой, Сѣнной, Замковъ, Камышевый и др., озеро Армянское, ильмени: Глухой, съ ерикомъ того-же названія, пророны: Пашкинъ и др. Имѣвшіеся въ рукахъ моихъ планы хозяйственной съемки чиновъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1877 года и 5-верстная карта дали мнѣ возможность установить и здѣсь тотъ фактъ, что всѣ водныя образованія, какъ самого острова, такъ и водъ, омывающихъ его, т. е. Каспійскаго моря, находятся въ періодѣ усыханія, въ частности-же ильмень Глухой, съ ерикомъ того-же названія, ерикъ Камышевый и Судовой, наканунѣ совершеннаго обсыханія. На Армянскомъ озерѣ, въ Пашкиномъ проранѣ, мѣстами на Кара-култукѣ и въ западной части Кумскаго култука я отмѣтилъ уровень водъ и береговыя полосы.

Южнѣе острова Бирюзяка, на самомъ побережьи при-Каспійской низменности, включительно до сѣвернаго рукава р. Терека-Прорвы, я посѣтилъ три-четыре озера *материковыхъ-дельтовыхъ:* ильмени: Почтовые и Круглый и озеро Бабурье, что близъ Краснаго-Бугра, гдѣ также отмѣчены 20 апрѣля уровень и береговыя полосы, и нѣсколько озеръ *котловинъ размытія,* именно, озеро Горькое и др. Попутно я побывалъ 25 апрѣля и на озерѣ Куркиномъ. Уровень воды въ немъ понизился на 2 дюйма; береговая полоса за 5 мѣсяцевъ увеличилась въ юго-западной части на 2 фута; знаки на сѣверной сторонѣ береговой полосы были утрачены. Въ концѣ апрѣля перебравшись въ дельту р. Терека, я проѣхалъ въ сѣверную ея часть, между пристанью Брянской и селеніемъ Коктюбей, и здѣсь вновь ознакомился съ цѣлымъ рядомъ такихъ-же точно характерныхъ водныхъ образованій, какъ на островѣ Бирюзякѣ, именно: съ ильменемъ Каракольскимъ, съ цѣлой системой ериковъ: Петровымъ, Горшковымъ, Лапинымъ, Сергинымъ и такъ-называемымъ Большимъ прораномъ, съ Коктюбейскимъ култукомъ, съ ильменемъ Избянымъ и друг., съ озеромъ Крашенинниковымъ, съ ерикомъ Брянскимъ, а также съ цѣлымъ рядомъ ериковъ: Звонаревскимъ, Подстѣннымъ и Бабинскимъ, помощью которыхъ соединяются съ Бабинскимъ култукомъ, находящіеся въ глубинѣ прибрежной полосы небольшіе безымянные ильмени и озера. И здѣсь планы хозяйственной съемки межевыхъ чиновъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1877 года и 5-верстная карта позволили мнѣ констатировать фактъ обсыханія, а слѣдовательно и уменьшенія пло-

щадей перечисленныхъ водныхъ образованій, изъ которыхъ ильмень Избяной, съ ерикомъ Звонаревымъ, ерики: Горшковъ, Петровъ, Сергинъ, съ прилежащими къ нимъ озерами и ильменями, уже совершенно обсохли и покрылись сплошнымъ дремучимъ тростникомъ (Phragmites); другіе, какъ Подстѣнный, Бабинскій, близки къ такому-же состоянію, наконецъ, площади всѣхъ остальныхъ подверглись сокращенію въ нѣсколько разъ. На ильменѣ Каракольскомъ, озерѣ Крашенинниковѣ и Большомъ Проранѣ, 2, 4 и 6 мая, мною установлены футштоки и береговые знаки. Далѣе въ дельтѣ р. Терека я посѣтилъ нѣсколько *озеръ материковыхъ* и между ними во второй разъ, 6 мая, Кара-култукъ, 10 мая озеро Кара-кель, а 12 мая въ третій разъ побывалъ на озерѣ Касай-кель. Уровень озера Касай-кель, по футштоку, установленному въ 1888 году, на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ, понизился всего на $1^1/_2$ дюйма. Береговая полоса за 6 мѣсяцевъ наросла на 2 фута въ сѣверной части озера и на $1^1/_2$ фута въ южной. 18 мая я посѣтилъ озера въ южной части дельты р. Терека, въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ Орра-Кумъ, между Новымъ и Старымъ-Терекомъ, а 19 и 20 ознакомился съ озерами: Тополь-озекъ, Янъ-Ярыкъ, Коннымъ и другими. Мѣстность Орра-Кумъ, судя по 5-верстной картѣ и планамъ владѣльцевъ, какими я только располагалъ, двадцать лѣтъ тому назадъ представляла сплошное, въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ, водное пространство, переполненное болотами и проточными озерами, между которыми наибольшія—выше приведенныя. Послѣднія отличались глубиной, какъ показывалъ самый рельефъ мѣстности и разсказы моихъ спутниковъ. Теперь я засталъ сплошную обсохшую площадь, занятую прекрасными сѣнокосными лугами, пашнями, только отчасти еще прикрытую камышемъ, да изрѣдка неглубокими низинами, заполненными небольшими болотами съ тростникомъ, которыя и служатъ наглядными, вещественными признаками когда-то бывшихъ здѣсь огромныхъ озеръ. 25 мая я посѣтилъ въ долинѣ р. Терека такъ-называемыя *проточныя озера* и изъ нихъ самое большое—озеро Каракольскій-ильмень. На 5-верстной картѣ площадь его достигаетъ до 20 квадратныхъ верстъ. Оно питалось обширнымъ рукавомъ рѣки Средней (Бекешей) и не имѣло стока. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, крестьянъ селенія Раздолья и Таловскаго, оно отличалось въ то время, лѣтъ 20 тому назадъ, глубиной отъ 1—5 саженъ и болѣе, и въ казенной рыболовной оброчной статьѣ—«Терскія рыболовныя воды»—играло

важную роль, такъ какъ въ немъ одномъ вылавливалось съ помощью кошцовъ [1]) десятки тысячъ сомовъ и другой частиковой рыбы. Я засталъ озеро Каракольскій-ильмень 25 мая 1889 года въ ту уже пору его жизни, когда оно превратилось въ озеро проточное, соединяясь съ р. Таловкою цѣлою рѣкою, подъ именемъ «Абуталибкинскій прорывъ», по которой $^2/_3$ воды р. Таловки течетъ въ озеро Каракольскій-ильмень и отсюда по старому рукаву, соединявшему его съ рѣкою Средней. Сравнивая площадь его, нанесенную на планъ хозяйственной съемки межевыми чинами Министерства Государственныхъ Имуществъ 1884 г., съ его дѣйствительною величиною, можно утвердительно сказать, что площадь его за послѣдніе четыре года сократилась больше чѣмъ въ 5—6 разъ, а обсохшія части успѣли покрыться таловымъ (Salix alba) лѣсомъ, высокоствольнымъ тростникомъ, камышемъ и проч. 30 и 31 мая я находился на Татарскомъ и Бѣлужьемъ ильменяхъ. Площади ихъ также уменьшаются изъ года въ годъ, но уменьшеніе это зависитъ исключительно отъ искусственныхъ причинъ, а не отъ естественныхъ факторовъ: отъ спуска воды окрестными крестьянами селеній Чернаго-рынка и Раздолья.

На пути въ мѣстность Орра-Кумъ, 17 мая, я побывалъ въ дюнахъ, занимающихъ сѣверо-восточную часть дельты р. Терека, въ урочищѣ Бехтемиръ, гдѣ лежитъ нѣсколько *озеръ дюнныхъ* и между ними Казай-гель, показанное на 5-верстной картѣ очень значительнымъ, въ 7—8 верстъ въ окружности. Въ это посѣщеніе, площадь его уже не отвѣчала картѣ, она сократилась до $^7/_8$. На немъ мною установлены футштоки и положены отмѣтки на сѣверномъ и южномъ берегахъ относительно береговой полосы. Въ теченіе іюня мѣсяца я объѣздилъ весь Хасавъ-юртовскій округъ. Начало іюня пробылъ на побережьи при-Каспійской низменности. Съ 3 по 8 іюля посѣтилъ группу *материковыхъ озеръ* на правомъ берегу р. Новаго-Терека: Нагиколь, Балыкъ, Айтхане, Терикъ, Алтынъ-коль и др. Площади ихъ на 5-верстной картѣ просто громадны: такъ, напримѣръ, большее изъ нихъ озеро Балыкъ достигаетъ 25—30 квадратныхъ верстъ; я засталъ всѣ озера эти почти совершенно обсохшими; уцѣлѣли лишь западины и низины; обсохшія площади, какъ и на озерахъ въ мѣстности Орра-Кумъ, представляли или пашни, или покосныя мѣста, или

---

[1]) Особаго рода забойки изъ хвороста и кольевъ, въ рѣкахъ и озерахъ.

пространства, покрытыя безбрежнымъ тростникомъ, а мѣстами тальникомъ (Salix). 10 іюля я побывалъ на озерѣ Дуаколь, озерѣ Абашъ и друг. на побережьи Аграханскаго залива, которыя также, какъ и предыдущія, по большей части представляли значительныя обсыхающія площади.

Наблюденія послѣдующихъ годовъ надъ всѣми приведенными озерами не представляютъ ряда систематически организованныхъ наблюденій. Я производилъ ихъ попутно, всякій разъ при служебныхъ разъѣздахъ, а потому и для большаго удобства сгруппирую ихъ въ хронологическомъ порядкѣ относительно времени наблюденій или побывки на озерахъ.

Въ 1890 году я побывалъ 5 мая на озерѣ *Крашенинниковѣ*; уровень по футштоку, установленному на глубинѣ 4 футовъ, понизился до 10 дюймовъ; отступаніе озера на южномъ берегу достигло 5 саженъ, а на сѣверномъ берегу 4 саженъ.

Въ 1891 году, 16 іюня, уровень понизился еще на 16 дюймовъ, приращеніе береговой полосы въ сѣверной части достигло 13½ саженъ, въ южной 14,3 саженъ.

На ильменѣ Кара-колѣ въ 1890 году, 10 мая, уровень понизился до 12 дюймовъ, отступаніе озера на западномъ берегу достигло 16¼ саженъ, а на восточномъ 10¾ саженъ. Обсохшія береговыя полосы покрылись камышемъ и тростникомъ. Въ 1891 году, 17 іюня, уровень его понизился на 15¾ дюйма, отступаніе озера на сѣверномъ берегу достигло 22 саженъ, на восточномъ— 19 саженъ.

На озерѣ Кара-култукѣ 1890 года, 8 мая, уровень понизился на 14 дюймовъ, отступаніе озера на сѣверномъ берегу достигло 12½ саженъ, а на южномъ 23½ саженъ. Въ 1891 году 17 іюня уровень понизился на 16 дюймовъ, отступаніе озера на сѣверномъ берегу достигло 20 саженъ, а на южномъ до 17 саженъ. Обсохшая береговая полоса представляла баткакъ и твань, прикрытые мелкимъ камышемъ. Ерики: *Сомовій*, *Звонаревскій*, *Подстѣнный*, *Бабинскій* и отчасти *Брянскій* въ первой половинѣ мая этого года такъ обсохли, что отдѣлились отъ своихъ ильменей и озеръ и составили сплошныя обсохшія пространства, закрытыя камышемъ, а отчасти тростникомъ. Многія изъ озеръ и ильменей ихъ, также совершенно обсохли и покрылись тростникомъ и камышемъ. Что касается *Большаго-Прорана*, то онъ за все время съ мая мѣсяца 1889 года по май мѣсяцъ 1891 года отличался наименьшимъ колебаніемъ уровня; такъ 10 мая 1890

года уровень его понизился на 10 дюймовъ, а 18 іюня 1891 г. около 11 дюймовъ.

На озерѣ Касай-кель 12 мая 1890 года уровень понизился на 13 дюймовъ. Обсохшая площадь, примыкая къ береговой полосѣ, представляла сплошной топкій баткакъ, переходящій далѣе, къ срединѣ озера, въ полужидкую трясину (твань), которая въ 1889 году еще была прикрыта водою. 10 іюня 1891 года озеро Касай-кель совершенно обсохло и заросло высокимъ тростникомъ и камышемъ.

На озерѣ Каракольскомъ-ильменѣ 14 мая 1890 года уровень понизился до 12 дюймовъ, отступаніе озера на западномъ берегу достигло 50 саженъ. Въ 1891 году 10 іюня я засталъ озеро окончательно обсохшимъ. Футштокъ обсохъ, такъ что приблизительно уровень понизился свыше 20 дюймовъ. Вся площадь его поросла густымъ высокоствольнымъ (въ 3—4 сажени) тростникомъ, съ примѣсью поемнаго лѣса (Salix alba) и др. Абуталибкинъ прорывъ составлялъ теперь вполнѣ самостоятельный протокъ или, вѣрнѣе, продолженіе рѣки Средней до выхода ея изъ р. Таловки.

На озерѣ Кара-кель 9 іюня 1891 года воды вовсе не было. Тростникъ съ камышемъ и Salix alba закрывали всю его площадь. Оно обсохло совершенно. Я его проѣхалъ верхомъ.

На озерѣ Казай-кель 15 іюня 1891 года уровень опредѣлить не было возможности, за уничтоженіемъ футштока; озеро замѣтно обсохло, отступаніе на сѣверномъ берегу достигло 53 саженъ, а на южномъ 45¾ саженъ. Озеро настолько уменьшилось, что оставшаяся часть обмелѣла окончательно и покрылась рѣдкимъ камышемъ. Обсохшія площади обратились въ сплошные пески, едва прикрытые растеніями песчаныхъ почвъ.

Въ 1891 году, въ 20-хъ числахъ іюня, я побывалъ вторично въ устьяхъ р. Кумы и *на островѣ Бирюзакѣ*. Спустя два года, здѣсь мнѣ пришлось воочію констатировать ту силу и быстроту, съ какой совершается усыханіе, не только въ замкнутыхъ бассейнахъ, но и въ такихъ, къ какимъ принадлежатъ бассейны острова Бирюзака. 20 мая этого года на озерѣ *Армянскомъ*, въ совершенно тихій солнечный день, при $T = +15^\circ R$, въ 12 часовъ дня уровень понизился на 28 дюйм., отступаніе озера на южномъ берегу, въ западной оконечности, достигло 30 саженъ, а на томъ же берегу, въ восточной оконечности, 25 саженъ; на ватагѣ, у рыболовнаго коша, занимающей центральное положеніе относи-

тельно приведенныхъ мѣстъ,—28 саженъ. На *Пашкиномъ прорань* того-же числа уровень по одному изъ уцѣлѣвшихъ футштоковъ понизился на 22 дюйма, отступаніе на возвышенномъ восточномъ берегу достигло $12^1/_2$ футовъ, а на сѣверномъ низменномъ 30 саженъ.

На западномъ берегу Кумскаго прорана 21 іюня того же года, по уцѣлѣвшему футштоку и береговому признаку, уровень понизился на 27 дюймовъ, а отступаніе достигло 22 саж. Та же картина и въ *Каракултукъ*, противъ ватаги Кирѣева, что̀ на Нижней косѣ, на низменномъ западномъ берегу—уровень понизился на 26 дюймовъ, а обсохшая прибрежная полоса достигла 26 саж., на возвышенномъ же, у самой ватаги обсыханіе не превышало $1^1/_2$ фута. *Ильмень Глухой, съерикомъ того же имени,* ерики *Камышевый, Судовой и Замковый* обсохли вовсе. Обсохшія площади ериковъ покрылись густымъ высокоствольнымъ тростникомъ, а площадь ильменя поемнолуговой растительностью, кислыми злаками и проч., ильмень *Сѣнной*, съ ерикомъ того же имени, обмелѣли настолько, что по нимъ нельзя было проѣхать въ самомъ маленькомъ каюкѣ.

На ильменяхъ *Почтовыхъ, Кругломъ* и озерахъ *Чапурьемъ, Бабурьемъ* и *Куркиномъ* за періодъ времени съ 1889 года по 25 іюня 1891 года водныя площади ихъ сильно уменьшились. Многія вовсе обсохли. Обнаженныя днища представляли сплошной солончакъ. На ильменѣ *Кругломъ,* самомъ глубокомъ, уровень понизился на $40^1/_2$ дюймовъ, отступаніе ильменя въ среднемъ достигло 11 саженъ.

Озеро Бабурье сократило водную площадь до $^2/_3$; отступаніе озера на сѣверномъ берегу достигло 46 саженъ. Обсохшія мѣста—также обнаженные солончаки, лишенныя вовсе почти растительности. Вода большинства ильменей, въ 1889 году солоноватая, теперь пріобрѣла горьковато-солоноватый вкусъ. Озера *Чапурье* и *Куркино* совершенно обсохли.

Съ частью озеръ собственно *морскаго происхожденія,* лежащихъ внѣ береговой полосы при-Каспійской низменности, я ознакомился весною 1890 года, въ поѣздку чрезъ станицу Наурскую, что на р. Терекѣ, въ Кара-ногайскія степи, на кочевья общества крещенныхъ калмыковъ. Именно, 20—28 апрѣля я посѣтилъ озера *котловинъ размытія:* Бирючьи-ворота, Камлы-су, Кашунъ-куль и др., а 28—30 апрѣля группу озеръ въ урочищѣ Ярлаши, Корунъ и друг., а съ 1—5 мая оз. Бадуганъ-тузъ и Горь-

кое. На всѣхъ поименованныхъ озерахъ я отмѣтилъ береговыя полосы и установилъ футштоки.

На озеро *Бадуганъ-тузъ* я проѣхалъ 23 іюня 1891 года: уровень озера понизился на 29 дюймовъ, отступаніе озера на сѣверномъ берегу достигло 10 саженъ, а на южномъ 9 саженъ; площадь воды не превышала 1/8 десятины, озеро настолько обмелѣло, что было близко къ полному высыханію. Степень солоности воды повысилась. Обсохшія части покрылись растительностью солонцово-глинистой степи.

На озерѣ Горькомъ, 24 іюня 1891 года, уровень озера понизился на 19 дюймовъ, но судя по характеру мѣстности, по величинѣ водной поверхности и проч., площадь его сократилась почти въ 3—4 раза; оно сильно обмелѣло, обмелѣвшія части поросли густымъ камышемъ. *Ерикъ того-же имени,* впадавшій въ него съ восточной стороны, совершенно обсохъ и покрылся тощей растительностью солонцовъ: Asperula, Statice, Kochia, Frankenia и мног. друг.

На озерахъ въ урочищѣ Ярлаши, 25 іюня 1891 года, картина сильно видоизмѣнилась. Большинство мелкихъ озеръ, водохранилища которыхъ едва превышали 1—2 фута глубины, теперь представляли обсохшія, пыльныя низины, среди бугристой солончаковой степи. Самое большее изъ группы этихъ озеръ, на которомъ былъ мною установленъ футштокъ и береговые признаки, и глубина котораго, по увѣреніямъ моихъ проводниковъ, изъ мѣстныхъ кочевниковъ, достигала 1 сажени, теперь обсохло настолько, что его трудно было узнать. Уровень понизился на 20 дюймовъ, отступаніе озера на сѣверномъ берегу, въ мѣстахъ низменныхъ, достигло 30—40 саженъ, а на высокомъ, сравнительно, западномъ берегу 17 1/2 саженъ. Обсохшая полоса покрылась характерной солончаковой растительностью, съ небольшой примѣсью представителей глинисто-лёсовой степи.

На озерахъ Корунъ, 27 іюня, именно на одномъ изъ нихъ, небольшомъ, но сравнительно глубокомъ, до 12 футовъ, колебаніе уровня не превышало 19 дюймовъ, большинство же мелкихъ, или совершенно обсохло и на мѣстѣ ихъ зіяли пыльныя днища, или же настолько обмелѣли, что дни существованія ихъ были сочтены.

На озерахъ Кошунъ-куль и *Кам.лы-су*, 29 іюня 1891 года, я не нашелъ ни одной изъ положенныхъ мною въ предыдущемъ году береговыхъ помѣтокъ, уровень озера, по сохранившимся

футштокамъ, понизился для озера Кошунъ-куль на 18 дюймовъ, а для озера Камлы-су на 21 дюймъ. Площади обоихъ озеръ сильно уменьшились, и они обмелѣли такъ, что по нимъ можно было проѣхать въ бродъ, чего раньше сдѣлать никто не рѣшался.

На озерѣ Бирючьи-ворота, 30 іюня 1891 года, воды не было ни одной капли, днище представляло зеленую лужайку.

На озерахъ праваго берега р. Новаго Терека: *Нашколь, Балыкъ, Айтхане, Терикъ* и *Алтынъ-коль*, 25 марта 1892 года, я еще разъ констатировалъ, что обсохшія площади этихъ озеръ вновь увеличились на счетъ бывшихъ болотныхъ низинъ и трясинъ, отмѣченныхъ мною 3—8 іюля 1889 года. Камышъ и тальникъ также сократили свои площади. Они отодвинулись въ глубину бывшихъ водоемовъ озеръ, причемъ всюду на мѣста ихъ становилась богатая луговая растительность.

На бывшихъ озерахъ въ мѣстности Орра-Кумъ 8 апрѣля 1892 года я наблюдалъ ту-же картину, что и на озерахъ праваго берега р. Новаго Терека.

На озерѣ Попово, 7 іюня 1891 года, уровень за два года понизился на 38 дюймовъ, оно значительно обмелѣло. Прибрежная полоса обсохла отъ 15—25 саженъ.

Приводя вышеупомянутыя величины колебанія уровней, относившихся къ береговымъ озерамъ, и вообще озерамъ въ сѣверо-восточной части при-Каспійской низменности, я нахожу нелишнимъ отмѣтить здѣсь и мои личныя наблюденія надъ *колебаніемъ уровня Каспія и измѣненіями въ его береговой полосѣ*, не смотря на ихъ отрывочный характеръ. Выше я уже отмѣтилъ обсыханіе западнаго берега Кумскаго Култука и западнаго берега Кара-Култука, лежащихъ въ сѣверныхъ предѣлахъ района моихъ наблюденій. При объѣздѣ побережья Каспійскаго моря въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ 1889 года, я установилъ въ различныхъ его мѣстахъ нѣсколько футштоковъ и отмѣтилъ береговую полосу. Посѣтивъ тѣ-же мѣста, затѣмъ, вторично, спустя два года,—въ іюнѣ 1891 года, я могъ отмѣтить нижеслѣдующія данныя: 23 іюня по футштоку, установленному на *прибрежьи западнаго берега Каспійскаго моря, въ 10 верстахъ отъ селенія Чернаго-Рынка*, на глубинѣ 5 футовъ, уровень Каспія понизился на 26 дюймовъ [1]). Прибрежная полоса въ этомъ же мѣстѣ обсохла на 12 футовъ 7 дюймовъ.

[1]) Наблюденія совпали съ ясными днями, при совершенно почти спокойной поверхности моря.

18 мая по футштоку, установленному въ *Коктюбейскомъ Култукѣ* на ватагѣ Ряшникова, на косѣ, у створы—уровень Каспія понизился на 25 дюймовъ, а прибрежная полоса, въ низменной части берега, обсохла на 16 футовъ, а противъ футштока на 2 фута.

10 іюня, по футштоку, установленному въ открытомъ морѣ, противъ возвышеннаго берега у озера Казай-гёль—уровень понизился на 24$^1/_2$ дюйма.

10 декабря, по отмѣткѣ на одной изъ свай выхода, на *ватагѣ «Кушъ»,* на западномъ берегу Аграханскаго залива, пониженіе уровня достигло 29$^1/_2$ дюймовъ.

12 декабря, *въ юго-западномъ углу того-же залива,* уровень понизился на 30$^1/_2$ дюймовъ, а прибрежная полоса обсохла на 22 сажени.

Въ концѣ марта 1892 года я посѣтилъ *Ставропольскій заливъ* и *Коктюбейскій Култукъ,* въ устьяхъ сѣверныхъ рукавовъ р. Терека, и констатировалъ тотъ фактъ, что въ предѣлахъ между устьемъ р. Прорвы и устьемъ р. Таловки, на протяженіи слишкомъ 19 верстъ, обсыханіе берега достигло почти до 1$^1/_2$ версты, а со стороны Коктюбейскаго Култука на 2$^1/_2$ версты.

Наблюденіямъ надъ озерами *предгорной области* положено было начало лѣтомъ 1882 года; къ сожалѣнію, число поѣздокъ на озера этой области было сравнительно предпринято очень и очень немного. Изучая фауну западной части долины р. Малки, я посѣтилъ 20—21 іюля озеро Тамбуканъ и группу озеръ у колоніи Николаевской. Зимой 188$^2/_3$ года, экскурсируя въ южной и юго-западной части Ставропольскаго плоскогорья, я побывалъ 5 января на горькосоленомъ озерѣ между селеніями Сергіевскомъ и Калиновскомъ, въ Ново-Григорьевскомъ уѣздѣ; 7 января на озерѣ Бештумагель, 8 января на озерѣ Курсавскомъ и 12 января на группѣ озеръ Баталпашинскихъ. Озера всѣ были замерзши. Я опредѣлилъ глубину нѣкоторыхъ изъ нихъ: такъ наибольшая глубина озера Бештумагель достигала 2 саженъ, а озера Курсавскаго 1$^1/_2$ сажени, и тогда же установилъ на нихъ футштоки и береговые признаки.

Въ этомъ же году 25 мая посѣтилъ озеро Темиргоевское.

Въ 1884 году, весной, проѣзжая по Малой Кабардѣ, я побывалъ 15 мая на озерѣ Джаманкулъ-чочъ. Дальнѣйшими поѣздками мною установлены нижеслѣдующія данныя:

На озерѣ *Джаманкулъ-чочъ,* 28 августа 1885 года, уровень

понизился на 8 дюймовъ, отступаніе озера на сѣверномъ берегу достигло 5 саженъ, а на восточномъ 4½ сажени; 20 апрѣля 1891 года площадь озера сократилась почти вдвое. Уровень воды понизился на 46 дюймовъ, а береговая полоса, судя по одному изъ сохранившихся признаковъ на сѣверномъ берегу, обсохла до 22½ саженъ.

На озерѣ *Темиргоевскомъ* 12 іюня 1887 года уровень понизился на 50 дюймовъ. Отступаніе озера на сѣверномъ берегу достигло 30 саженъ, а на южномъ 41 сажени.

На озерахъ *Тамбуканъ*, 25 іюля 1887 года, на большемъ изъ нихъ уровень понизился на 49 дюймовъ, отступаніе озера на сѣверномъ берегу достигло 12 саженъ, а на южномъ 14¾ саж. 25 августа 1891 года уровень понизился на 41 дюймъ. Озеро *Малый Тамбуканъ* обсохло до ⅔.

На озерѣ *Курсавскомъ* 27 іюля 1887 года уровень понизился на 28½ дюймовъ, отступаніе озера на сѣверномъ берегу достигло 10¼ саженъ, а остальные береговые признаки оказались утраченными.

На озерѣ *Бештумагель*, 2 августа 1887 года, уровень понизился на 22 дюйма. Отступаніе озера на сѣверномъ берегу достигло 7 саженъ, а на западномъ 10 саженъ.

На озерахъ *Баталпашинскихъ*, 6 августа 1887 года, на большомъ и среднемъ озерѣ я могъ только констатировать общую убыль воды, выразившуюся въ обсыханіи береговой полосы, такъ какъ всѣ признаки, установленные мною, были утрачены; на самомъ же меньшемъ, уровень понизился до 38 дюймовъ.

Изъ озеръ *Горной области* первыми по времени посѣщенія, 26—27 августа 1882 года, были два озера, лежащія на Сулако-Терскомъ водораздѣльномъ хребтѣ, Цастой-амъ (Малое Форельное) [1]) самое высокое по положенію надъ уровнемъ моря, 7500', и Кезеной-амъ [2]) (Большое Форельное)—самое большее изъ всѣхъ sub'альпійскихъ озеръ Горной области. Въ томъ же году 8 сентября я посѣтилъ впервые озеро Технуцальское (Ботлихское). Въ 1883 году 22 мая, возвращаясь изъ Нагорнаго Дагестана, съ озера Цастой-амъ, я проѣхалъ на озеро Арджи-амъ, лежащее въ 2—3 верстахъ сѣвернѣе озера Цастой-амъ. Въ томъ же году,

[1]) К. Россиковъ. Поѣздка въ Чечню и Нагорный Дагестанъ. Зап. Кавк. Отд. Географ. Общ. кн. XIII вып. I стр. 23.

[2]) Ibidem стр. 25.

5 июня, во время первой экскурсіи на Девдаракскій ледникъ, я посѣтилъ группу озеръ Тба. Въ 1884 году, экскурсируя въ Балкаріи, 2 іюня я посѣтилъ группу озеръ въ бассейнѣ р. Черека: Цирикъ-гель, Ширичано [1]) (Шерекъ-яна) и Псехуресъ. 15 іюня, при посѣщеніи Карачая, я побывалъ на озерѣ Харло-кель, а 20 іюня на озерѣ Туманлы-колъ и на безымянномъ озерцѣ въ урочищѣ Крылганъ, а 26 іюля, на возвратномъ пути съ одного изъ Эльбрусскихъ ледниковъ, Банк-баши-бузъ—на озерахъ Хаймаши. Въ 1885 году, командированный Кавказскимъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ Чечню и Нагорный Дагестанъ, я побывалъ на всѣхъ озерахъ, находившихся на пути моего слѣдованія, и изъ нихъ въ первый разъ 15 іюня на озерѣ Тэніэ, 20-го на озерѣ Галанъ-чочъ, 10-го іюля на безымянномъ озерцѣ въ истокахъ р. Хварши, въ Богосскомъ хребтѣ, 20-го—на озерѣ Хупросъ-Тави и 22 и 23 іюня же на озерцахъ Тбисъ-тави и Луджи-тба. Въ 1886 году, 25 сентября, на озерцѣ Тарскомъ. Въ 1888 году, во время командировки въ долину Заагданъ, по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 21 августа я побывалъ на группѣ озеръ истоковъ р. Урупа. Въ 1890 году въ іюлѣ мѣсяцѣ на большинствѣ озеръ Сулако-Терскаго водораздѣльнаго хребта, на всемъ его протяженіи отъ горы Диклосъ-мты до р. Сулака, и изъ нихъ въ первый разъ на озерахъ Улушбине-амъ, на безымянныхъ озерахъ въ истокахъ р. Аксая и на хребтѣ Ишхой, у подножія горы Цоболь-хохъ; и на озерѣ Датиль-амъ. Въ 1891 г. 3—6 августа на двухъ озерахъ ледника Цити. Помимо изслѣдованій общаго характера, почти на каждомъ изъ названныхъ озеръ мною были установлены или футштоки, или береговые признаки и помѣтки на скалахъ, камняхъ, выступахъ и на самомъ берегу.

Наблюденіями послѣдующихъ лѣтъ по этимъ знакамъ и отмѣткамъ было найдено, что:

На озерѣ *Кезеной-амъ* 20 апрѣля 1883 года уровень, по даннымъ 3-хъ помѣтокъ на скалахъ сѣвернаго, восточнаго и южнаго береговъ, понизился въ среднемъ на $19^1/_2$ дюймовъ, отступаніе-же озера въ сѣверномъ рукавѣ, въ устьи р. Эхки достигло 4-хъ саженъ, на восточномъ рукавѣ, въ устьи Карка-Эчу $3^3/_4$ сажени, а на западномъ концѣ, у караулки 1 сажени. Въ томъ-же году 22 мая, по тѣмъ-же помѣткамъ, уровень понизился въ сред-

[1]) Этимъ именемъ озеро «Шерекъ-яна» названо на 5-верстн. картѣ.

немъ на $3^1/_2$ дюйма, отступаніе озера въ устьи р. Эхки достигло $1^1/_4$ сажени, въ устьи р. Карка-Эчу 1 сажени и у караулки $^1/_2$ аршина. 28 іюля 1889 года, по тѣмъ-же тремъ помѣткамъ, уровень понизился въ среднемъ на 59,6 дюймовъ, отступаніе озера достигло у устья р. Эхки $25^1/_3$ саженъ, у устья р. Карка-Эчу $22^1/_2$ саженъ, а у караулки около 5 саженъ. При этомъ замѣчено, что вокругъ озера образовалась, за исключеніемъ большей части южнаго скалистаго берега и отчасти восточнаго и сѣверо-западнаго, береговая полоса. 2 іюля 1890 года уровень понизился, по тѣмъ-же 3-мъ помѣткамъ, въ среднемъ на 25,2 дюйма, а отступаніе озера достигло у устья р. Эхки около 15 саженъ, у устья р. Карка-Эчу—около 12 саженъ, а у караулки—2 саженъ. Береговая полоса еще больше увеличилась, многія скалы южнаго берега, какъ и восточнаго и сѣверо-западнаго обсохли до самаго подножія. 25 мая 1891 года, по помѣткѣ на одной изъ скалъ южнаго берега, единственной, подножіе которой еще оставалось въ водѣ (скалы восточнаго берега и сѣверо-западнаго, на которыхъ находились помѣтки предшествовавшихъ годовъ, теперь остались внѣ воды), уровень озера понизился на 96,4 дюйма, отступаніе озера достигло у устья р. Эхки свыше 42 саженъ, у устья р. Карка-Эчу до 36 саженъ и у караулки около 10 саженъ. Береговая полоса, широкой, отъ 1—10 саженъ, бѣлой каймой опоясывала все озеро, за исключеніемъ одного скалистаго выступа на южномъ берегу, на которомъ дѣлались отмѣтки относительно измѣненія уровня. На всемъ протяженіи образовавшейся береговой полосы, за исключеніемъ частей ея, обрамляющихъ сѣверный и восточный рукава, покрытой крупнымъ и мелкимъ щебнемъ и обломками самыхъ различныхъ величинъ и размѣровъ известняковъ, продуктовъ размыванія и разрушенія скалистыхъ его береговъ, успѣли за это время вкорениться немногіе представители флоры каменисто-песчаныхъ почвъ.

На озерѣ *Цастой-амъ* (Малое Форельное) 22 апрѣля 1883 г., по футштоку, установленному у обрывистой части сѣверо-восточнаго берега, на глубинѣ одной сажени, уровень понизился на 12 дюймовъ. Отступаніе озера, по даннымъ двухъ помѣтокъ—одной на восточномъ берегу, сравнительно отлогомъ—достигало 2 аршина 13 вершковъ, и другой на западномъ берегу, низменномъ—10 саженъ. 21 мая того-же года уровень понизился на 4 дюйма, отступаніе озера достигло на восточномъ берегу 1 аршина 3 вершковъ и на западномъ—1 сажени. 30 іюля 1889 года

уровень понизился, по приблизительному опредѣленію, на 48 дюймовъ, говорю по приблизительному, въ виду того, что установленный футштокъ оказался обсохшимъ и обломаннымъ до самаго основанія. Отступаніе озера достигло на восточномъ берегу 8 саженъ, а на западномъ 38½ саженъ, при этомъ уровень стоянія воды и обрамлявшая его узкая полоса обсохшаго прибрежья показывали, что озеро отступило въ берега второй террасы. 5 іюля 1890 года, по футштоку, установленному въ предыдущемъ году, уровень озера понизился вновь на 33 дюйма, отступаніе озера достигло на восточномъ берегу 4 саженъ, а на западномъ 26 саженъ; уровень воды въ предыдущемъ году, опредѣлявшій горизонтъ нижней (второй) террасы, на сѣверномъ и мѣстами на южномъ берегахъ теперь отступилъ такъ, что эта нижняя котловина обозначилась береговой полосой, закрытой мелкимъ щебнемъ и гравіемъ, продуктами разрушенія обрамляющихъ его береговъ. 26 мая 1891 года уровень понизился на 88 дюймовъ, отступаніе озера на восточномъ берегу достигло 3 саженъ, а на западномъ—35 саженъ; кругомъ озера образовалась широкая, отъ 1—5 саженъ, береговая полоса, съ сѣвера и юга усыпанная щебнемъ и мелкими осколками и обломками каменистыхъ береговъ озера, съ запада прикрытая густымъ дерномъ кислыхъ злаковъ, а съ востока, у самаго прибрежья—пашнями.

На озерѣ *Харло-кель* 10 августа 1886 года уровень понизился до 5 дюймовъ, береговые признаки утратились.

На озерѣ *Туманъ-лы-колъ* 20 августа 1886 года уровень понизился на два дюйма.

На безымянномъ озерѣ въ урочищѣ Крылганъ, въ долинѣ р. Теберды, 16 августа 1886 года уровень понизился на 3 дюйма.

На озерѣ *Арджи-амъ*, 30 іюля 1889 года величину колебанія уровня, какъ и отступанія озера констатировать было нельзя, такъ какъ футштокъ и береговые признаки были утрачены. Но достаточно было одного взгляда, чтобы прочитать судьбу этого озера. Площадь его сократилась въ два раза, въ немъ совершался съ поразительной быстротой процессъ заболачиванія, части болѣе или менѣе обсыхавшія покрылись густой порослью кислыхъ злаковъ. 5 іюля 1890 года, въ средней части, въ глубинѣ озера еще я могъ различить два-три *окна* среди густой зелени травы и плававшихъ растеній, а самая водная площадь сократилась противъ предыдущаго года болѣе чѣмъ въ два раза. 26 мая 1891 года я засталъ озеро совершенно обсохшимъ. Днище его

было закрыто сплошнымъ густымъ травянистымъ покровомъ кислыхъ злаковъ, съ преобладаніемъ осоки. Я по немъ проѣхалъ совершенно свободно верхомъ.

На озерѣ *Технуцальскомъ* 31 іюля 1885 года уровень понизился на 24 дюйма, отступаніе озера на сѣверномъ берегу, гдѣ уцѣлѣла одна лишь помѣтка, достигло 12 саженъ, при этомъ на столько озеро обмелѣло, что съ возвышеннаго берега дно его можно было видѣть до самой средины озера. 6 іюля 1890 года уровень понизился на 22 дюйма, отступаніе по той-же помѣткѣ около 10 саженъ. Обсохшія площади береговой полосы мѣстами покрылись налетомъ хлористаго натрія. 14 мая 1891 года на мѣстѣ этого озера я засталъ въ 15 квадратныхъ саженъ лужу, глубиною не болѣе ¼ аршина, которая по всей вѣроятности въ срединѣ лѣта совершенно обсохла.

На группѣ озеръ *Тба*, 7 іюня 1890 года уровень средняго озера понизился на 18 дюймовъ, отступаніе озера со стороны западнаго берега достигло 2 аршинъ 8 вершковъ, а со стороны восточнаго берега 3-хъ аршинъ 1 вершка; уровень южнаго озера понизился на 16 дюймовъ, отступаніе со стороны западнаго берега равнялось 3 аршинамъ. 12 мая 1891 года, уровень средняго озера понизился на 3 дюйма, южнаго на ½ дюйма, отступаніе перваго озера на западномъ берегу=4-мъ вершкамъ, на восточномъ 2½ вершк. 25 сентября того-же года уровень средняго озера понизился до 4½ дюймовъ, а южнаго до 5 дюймовъ, отступаніе на западномъ берегу=6 вершкамъ, а на второмъ озерѣ= 4 вершкамъ.

На озерѣ *Тарскомъ*, 10 іюля 1887 года уровень понизился на 2 дюйма, отступаніе на сѣверномъ берегу=1 аршину. 8 мая 1888 года уровень понизился до 3 дюймовъ, отступаніе на томъже берегу 1½ аршина. 11 сентября 1889 года уровень понизился на 5 дюймовъ, отступаніе на томъ-же берегу=2½ аршинамъ. 10 августа 1890 года уровень понизился на 3¼ дюйма, отступаніе на томъ-же берегу=1 аршину. 4 іюля 1891 года уровень понизился до 11 дюймовъ, отступаніе достигало—1 аршина.

На озерахъ *Шерикъ-яна* и *Псехуресъ*, 25 іюня 1887 года уровень перваго понизился на 4½ дюйма, уровень второго—на 5 дюймовъ. Величины отступанія озеръ, за утратою береговыхъ признаковъ, опредѣлить было нельзя.

На озерѣ *Галанъ-чочъ*, 17 сентября 1890 года, по одной изъ уцѣлѣвшихъ помѣтокъ на скалѣ, уровень понизился на 20

дюймовъ. 17 мая 1891 года уровень понизился на 12 дюймовъ. Отступаніе озера по двумъ береговымъ помѣткамъ, положеннымъ въ предыдущемъ году на сѣверномъ берегу, достигло 2 аршинъ 7 вершковъ, а на южномъ до 3 аршинъ 4 вершковъ.

На озерѣ *Улушбине-амъ*, 20 мая 1891 года уровень понизился еще на 15 дюймовъ, отступаніе озера трудно было опредѣлить по помѣткамъ. Озеро такъ сильно обмелѣло, что прибрежная полоса его, саженъ на 6—8 отъ берега превратилась въ сплошную глинистую вязкую топь.

На озерѣ *Датиль-амъ*, 3 іюня 1891 года уровень понизился до 17½ дюймовъ, отступаніе на южномъ берегу=6 саженямъ, а на сѣверномъ 2½ саженямъ. Озеро сильно обмелѣло, съ сѣвера, юга и запада прибрежье на столько обсохло, что образовалась береговая полоса отъ 2—5 саженъ шириной.

На группѣ озеръ горъ Ишхой, 15 іюля 1891 года всѣ озера найдены были обсохшими; днища ихъ покрылись травянистой sub'альпійской растительностью.

На озерахъ истоковъ р. Аксая, 16 іюля 1891 года—уровень понизился до 14 дюйм.

Приведенныя выше данныя колебаній уровня озеръ, находящихся въ Степномъ пространствѣ, показываютъ, что на всѣхъ безъ исключенія озерахъ, разсѣянныхъ по обширной его площади, въ періодъ съ 1881 года по 1891 годъ включительно, уровень изъ года въ годъ понижался, причемъ убыль воды отразилась на самихъ озерныхъ бассейнахъ такимъ образомъ, что a) *одни изъ бассейновъ* въ этотъ промежутокъ времени *совершенно обсохли;* съ числу такихъ относятся: озеро Казай-гёль, многіе изъ ильменей Почтовыхъ, озера: Кара-Кель, Касай-Кель, Наги-Коль, Балыкъ, Айтхане, Терикъ, Тополь-озекъ, Енъ-ярыкъ, Алтынъ, Чапурье, Куркино; озера—Каракольскій-ильмень, Дунколь, Абашъ, Узунъ-Коль, ильмень Глухой съ ерикомъ того-же имени, ильмень Свѣтлый, ерики: Камышевый, Судовой и Замковый; ильмени: Избяной, Сомовій, Звонаревскій, Подстѣнной, Бабинскій и друг. съ ериками тѣхъ-же названій; безымянные ильмени въ устьяхъ р. Кирпили и р. Бейсуга; нѣкоторыя изъ озеръ въ урочищѣ Ярлаши и Корунъ, оз. Бирючьи-ворота, Попово и проч. и проч. b) *другіе озерные бассейны*, если не обсохли совершенно, то на столько *обмелѣли*, что доживали послѣдніе дни своего существованія; къ числу ихъ относятся: озеро Бабурье, безымянныя озера и ильмени лимана Ахтарскаго, озеро Кагырманъ-Коль;

озера устья р. Кирпили, ильмени: Каракольскій, Сѣнной съ ерикомъ того-же названія; озера—Горькое, Бадуганъ-Тузъ, нѣкоторыя изъ безымянныхъ мелкихъ озеръ въ урочищѣ Ярлаши и Корунъ; с) *всѣ остальныя озера* Степнаго пространства, *продолжая сохранять болѣе или менѣе обширные водные запасы, понизили уровень на довольно значительную величину*. Къ сожалѣнію недостатокъ и отрывочный характеръ этого рода данныхъ, лишаетъ возможности прослѣдить для нихъ послѣдовательно величину колебаній уровня, какъ по каждому году, такъ и по отдѣльнымъ періодамъ. Тѣмъ не менѣе, до извѣстной степени, и по имѣющимся даннымъ, эти величины даютъ хотя приблизительное понятіе о ходѣ упомянутыхъ измѣненій. Такъ *годовой ходъ колебаній уровня* съ 1890—1891 г., для озеръ *морскаго происхожденія* достигъ отъ 19—20 дюймовъ; для озеръ *котловинъ размытія*—отъ 18—21 дюйма; для озеръ *береговыхъ дельтовыхъ:* a) *замкнутыхъ* отъ 16 дюймовъ; b) *проточныхъ, соединяющихся съ рѣками* отъ 12 дюмовъ; c) *проточныхъ, соединяющихся съ моремъ* или *его частями*—отъ 26—31 дюйма. *За отдѣльный періодъ* съ 1889—1891 г., для озеръ собственно *морскаго происхожденія*—отъ 29 дюймовъ; для озеръ *котловинъ размытія*—отъ 38 дюймовъ; для озеръ *береговыхъ дельтовыхъ:* a) *замкнутыхъ*—отъ 30—40 дюймовъ; b) *проточныхъ, соединяющихся съ рѣками,* отъ 32 дюйм.; c) *проточныхъ, соединяющихся съ моремъ и его частями,* отъ 26—28 дюймовъ.

Данныя, добытыя изъ наблюденій надъ озерами *Предгорной области*, констатируютъ тоже явленіе *«усыханія»* для всѣхъ озеръ этой области, выразившееся въ систематическомъ пониженіи ихъ уровней. И здѣсь за періодъ съ 1882—1891 г.: a) *одни озера* совершенно *обсохли*, какъ группа озеръ близъ колоніи Николаевской, озеро Малый-Тамбуканъ и рядъ «прудовъ», раскинутыхъ по подошвѣ «Черныхъ горъ»; b) *другія,* если не обсохли вовсе, то *сильно обмелѣли,* какъ озеро Большой-Тамбуканъ, озеро близъ ст. Курсавки и озеро Темиргоевское; c) *третьи,* какъ и озера Степнаго пространства, сохраняя запасы воды, *понизили значительно уровень*. Данныхъ, относящихся до выраженія величины пониженія уровня на этихъ послѣднихъ озерахъ предгорной области—еще меньше, чѣмъ для озеръ только что разсмотрѣнной области. Такъ, наблюденія за 1884—85 г. опредѣляютъ *величину годового пониженія уровня* въ 8 дюймовъ; наблюденія за 1883—87 г. показываютъ, что для большинства озеръ этой области,

служившихъ объектомъ наблюденій, уровень понизился отъ 20—50 д. и, наконецъ, наблюденіями съ 1883—1891 года устанавливается *величина колебаній уровня за весь періодъ наблюденій* до 90 дюймовъ (озеро Тамбуканъ).

Данными, приведенными для озеръ *Горной области*, устанавливается общее двумъ предыдущимъ областямъ явленіе *«усыханія»* и для всѣхъ безъ исключенія озеръ Горной области. Всѣ озера, такъ называемыя «прудовыя» въ предѣлахъ Черныхъ горъ по большей части вовсе обсохли, другія обмелѣли. Изъ числа, впрочемъ, *озеръ совершенно обсохшихъ*, описанныхъ, отмѣчу лишь группу озеръ на горахъ Ишхой, изъ *обмелѣвшихъ*-же—озера: Тарское и Датиль-амъ. Въ предѣлахъ Скалистыхъ горъ—изъ *обсохшихъ* совершенно—озеро Арджи-амъ, а изъ *обмелѣвшихъ*—озера: Цастой-амъ и Технуцальское. Въ Боковомъ хребтѣ большее число «прудовъ» совершенно обсохло, изъ озеръ-же *обмелѣвшихъ:* Улушбине-амъ и одно озерцо изъ группы озеръ Тба. Въ Главномъ Кавказскомъ хребтѣ также *обсохло* не мало «прудовъ», озерцо Тэніэ и друг., а изъ *обмелѣвшихъ* одно озерцо изъ группы истоковъ р. Урупа, Луджи-Тба, и отчасти озеро Туманлы-колъ. *На всѣхъ прочихъ озерахъ этой области*, изъ числа описанныхъ, *обсыханіе выразилось пониженіемъ уровня на довольно значительную величину*. Къ сожалѣнію, для сужденія о величинѣ годоваго хода колебаній уровня, какъ равно и за отдѣльные періоды и за все время наблюденій—для озеръ этой области, я не располагаю вполнѣ достаточнымъ числомъ данныхъ. Такъ, *годовая величина пониженій уровня*, по наблюденіямъ за 1890—91 г.—для озеръ *плотинныхъ-моренныхъ*—отъ $2^1/_2$—5 дюймовъ; дла озеръ *котловинныхъ,* именно—для группы *озеръ котловинъ размытія,* расположенныхъ: a) въ *мѣстностяхъ лѣсистыхъ*—до 11 д.; b) въ *мѣстностяхъ открытыхъ*, въ sub'альпійскихъ лугахъ—отъ 88—96 дюйм.; c) въ *рѣчныхъ долинахъ*—отъ 12 до 17 дюймовъ и d) въ *котловинахъ*—отъ 12—15 дюймовъ. *Величина пониженій уровня за періодъ* съ 1884—1886 г., для озеръ *плотинныхъ моренныхъ*—отъ 2 дюймовъ; для озеръ *котловинныхъ,* именно—*котловинъ размытія,* расположенныхъ: a) *въ лѣсахъ* отъ 4—8 д.; съ 1885—1890 г. для того-же рода озеръ, т. е. *котловинъ размытія,* расположенныхъ: *въ рѣчныхъ долинахъ*—до 20 д., а въ *котловинахъ*—до 22 дюйм.; b) наконецъ, съ 1883—1889 г., для *котловинныхъ же озеръ,* расположенныхъ въ *sub'альпійскихъ лугахъ*—отъ 48—59,6 дюймовъ. *Величина пониженій уровня* почти *за весь періодъ*

наблюденій, т. е. съ 1882—1891 г.—для озеръ *котловинныхъ,* только что упомянутыхъ, отъ 185—202 дюймовъ.

Сопоставляя величины колебанія уровней озеръ всѣхъ трехъ областей Сѣвернаго Кавказа, видимъ, что *положеніе уровня, а равно и усыханіе озерныхъ бассейновъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ совершается въ Степномъ пространствѣ,* не смотря на то, что величина пониженій уровня для одной изъ группъ озеръ Горной области (subъальпійскихъ озеръ), за весь періодъ наблюденій, т. е. съ 1881—1891 г., собственно, превышаетъ величину колебаній уровня за тотъ-же періодъ озеръ Степнаго пространства. Въ этомъ случаѣ Степное пространство, составляя порубежную часть обширной площади Арало-Каспійской низменности, отчасти входя въ нее, какъ составная часть, примыкаетъ къ одному изъ обширныхъ звеньевъ ея—Каспійскому бассейну, для сѣверо-восточной части котораго, какъ и для сѣверо-западной, находящейся въ предѣлахъ Астраханской губерніи, давно установленъ фактъ усыханія. Какими причинами обусловливается это явленіе въ Арало-Каспійской низменности—еще вопросъ открытый; мы до настоящаго дня все еще остаемся лишь нѣмыми свидѣтелями при совершеніи этого явленія, пока констатируя самый фактъ. Наблюденіями съ 1889—1891 г. на западномъ побережьи Каспійскаго моря отъ Кумскаго-Култука до устья р. Сулака, мною отмѣчено тоже явленіе пониженія уровня и обсыханіе прибрежья, сопровождаемаго цѣлымъ рядомъ образованій на мѣстахъ отступанія моря въ видѣ: косъ, озеръ, ериковъ, ильменей, прорановъ, лимановъ, заливчиковъ и проч., и проч. Величина пониженій уровня открытаго моря—близъ селенія Чернаго-Рынка, у озера Казай-гель, а также на его внутреннихъ образованіяхъ, какъ: въ Кумскомъ-Култукѣ, Кара-Култукѣ, Коктюбейскомъ-Култукѣ и въ Аграханскомъ заливѣ и связанныхъ съ ними бассейнахъ, каковы: озеро Армянское, ильмень Караколь, озеро Крашенинниково, Большой-проранъ, Пашкинъ-проранъ и проч., и проч.—отвѣчаетъ очень близко величинѣ колебаній уровня озеръ и другихъ водныхъ образованій всего вообще побережья, не связанныхъ съ рѣчными системами, какъ: озера Кара-Култукъ, Бадугалъ-Тукъ, такъ равно и тѣхъ изъ озеръ, которыя лежатъ далеко за предѣлами собственно побережья—въ глубинѣ степей, какъ: Ярлаши, Корунъ, Кошунъ-Куль, Камлы-су и др., и, такимъ образомъ, какъ-бы подсказываетъ, что процессъ усыханія большинства озеръ въ раіонѣ обширнаго бассейна Каспія зависитъ и подчиняется

однимъ и тѣмъ-же еще неизвѣстнымъ факторамъ, которыми обусловливается процессъ обмелѣнія и усыханія самаго Каспія. Нѣсколько, но при томъ впрочемъ, очень незначительной разницей въ степени пониженій уровня, а не въ самомъ процессѣ усыханія, отличаются собственно *озера береговыя-дельтовыя,* не утратившія связи съ источниками своего образованія—рѣками Терекомъ и Кубанью, что объясняется тою или другою степенью сокращенія снѣжнаго покрова и ледниковъ, питающихъ эти рѣки, которое, какъ можно было убѣдиться изъ доклада моего 11 мая въ общемъ собраніи Отдѣла, у насъ на Кавказѣ имѣетъ въ настоящее время широкое развитіе.

Второе мѣсто по степени колебаній уровня озеръ занимаетъ предгорная область. Величины колебаній уровня озеръ этой области, однако, далеко не отличаются тою равномѣрностью, какую можно видѣть на озерахъ предыдущей области. *Въ общемъ, степень колебаній уровня озеръ въ предгорной области ниже—озеръ Степнаго пространства* и болѣе отвѣчаетъ величинѣ колебаній уровня озеръ Горной области. Ближайшей причиной такого распредѣленія колебаній уровня озеръ этой области, несомнѣнно, надо искать въ неотразимомъ вліяніи высочайшаго колосса Кавказскаго хребта—Эльбруса, обогащающаго осадками центральную часть предгорій—Ставропольское плоскогоріе, съ которымъ онъ непосредственно связанъ.

Третье мѣсто по степени колебаній уровня озеръ принадлежитъ Горной области. Самое разнообразіе условій орографическихъ и геологическихъ, въ широкомъ смыслѣ, флоры и проч. этой области,—ставитъ озера ея въ зависимость, помимо общихъ факторовъ, обусловливающихъ ихъ состояніе, еще и отъ только что упомянутыхъ, такъ сказать, мѣстныхъ. Всѣ озера этой области въ предѣлахъ Черныхъ горъ отъ Азовскаго до Каспійскаго моря, какъ равно и въ Скалистомъ хребтѣ, расположенныя въ зонѣ буковыхъ лѣсовъ, отличаются поразительно опредѣленной, болѣе, такъ сказать, постоянной и въ то же время почти самой меньшей величиной колебаній уровня. Въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, степень колебаній уровня этихъ озеръ находится въ полной зависимости отъ состоянія лѣсныхъ насажденій, покрывающихъ эти горы на всемъ ихъ протяженіи, выполняющихъ здѣсь роль собирателя и хранителя влаги. Лучшимъ доказательствомъ значенія лѣса въ отношеніи такихъ водныхъ образованій, какъ озеро, въ разсматриваемой области, служитъ—озерцо Тарское.

Изъ года въ годъ съ 1886 г. по 1890 годъ уровень его понижался отъ 2—5 дюймовъ; какъ, вдругъ, въ 1891 году уровень разомъ понизился до 11 дюймовъ. При ближайшемъ изученіи такого факта, оказалось, что онъ тѣсно связанъ съ вырубкой большой площади лѣса въ окрестностяхъ его—въ Конкурской лѣсной дачѣ, гдѣ, дѣйствительно, въ 1890 году впервые былъ сдѣланъ мѣстнымъ Управленіемъ Государственными Имуществами опытъ сплошной рубки лѣса дѣлянками. Такими же примѣрами вліянія лѣсной растительности на озерные бассейны служатъ озера: Галанъ-чочъ, Датиль-амъ и др. Еще лѣтъ 25—30 тому назадъ оба озера лежали въ густыхъ дремучихъ лѣсахъ; тогда озеро Датиль-амъ, судя по обрывистымъ его берегамъ, глубоко выполнялось водою, а теперь съ каждымъ годомъ, благодаря истребленію здѣсь лѣсовъ, мелѣетъ, и въ 1891 г. я засталъ его уже наканунѣ совершеннаго обсыханія. Тоже, или почти тоже, происходитъ и съ озеромъ Галанъ-чочъ; уровень его понижается въ послѣдніе годы значительно больше, чѣмъ въ предыдущіе годы. Въ 1891 году оно уже замѣтно сильно обмелѣло. Не меньшій интересъ представляютъ озера sub'альпійскихъ луговъ этой области, каковы озера: Кезеной-амъ, Цастой-амъ, Арджи-амъ, группа безымянныхъ озеръ на горахъ Ишхой и т. п. Колебанія уровня ихъ достигаютъ maximum'а, какой только мною наблюдался въ предѣлахъ не только горной области, но и предгорій и Степнаго пространства. Указывать на ближайшія причины такого колебанія уровня, на озерахъ этого типа, при отсутствіи какихъ либо метеорологическихъ данныхъ—еще преждевременно. Далѣе слѣдуютъ озера рѣчныхъ котловинъ, типичнымъ представителемъ которыхъ является озеро Технуцальское. Величина колебанія уровня на немъ ближе къ тѣмъ изъ озеръ Предгорной области, которыя находятся въ совершенно одинаковыхъ съ нимъ условіяхъ. Озера моренныя, каковы—Тба, Туманлы-колъ и друг., по величинѣ колебаній уровня стоятъ почти особнякомъ; у нихъ колебаніе уровня даже ниже, чѣмъ у озеръ, лежащихъ въ лѣсахъ Черныхъ горъ. По всей вѣроятности, колебанія уровня на этого рода озерахъ, завися отъ общихъ факторовъ, регулируются такими мѣстными факторами, какъ окружающіе ихъ, близъ-лежащіе ледники, и накопленія снѣжныхъ массъ по обрамляющимъ высокимъ горамъ. Въ этомъ случаѣ, надо полагать, представятъ высокій интересъ будущія наблюденія надъ озерами ледника Ци-

ти, гдѣ мною 6 августа 1891 года установлено два футштока и другія береговыя помѣтки.

Дѣлать теперь-же какія-либо вполнѣ опредѣленные выводы, на основаніи тѣхъ отрывочныхъ и краткихъ данныхъ, какія я привелъ, преждевременно;—ими несомнѣнно подтверждается, замѣченный въ послѣднія 40—50 лѣтъ *общій фактъ ухудшенія нашего климата, отклоняющагося въ сторону усиленія сухости атмосферы,* и затрогивается цѣлый рядъ въ высшей степени интересныхъ и разнообразныхъ явленій, относящихся къ метеорологіи и климатологіи Кавказа вообще и Сѣвернаго въ частности.

Не имѣя болѣе полныхъ данныхъ, я, однако, счелъ себя вправѣ изложить настоящій матеріалъ въ общемъ собраніи Отдѣла, въ надеждѣ, что по тому интересу, какой онъ возбуждаетъ, Кавказскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества не откажетъ взять на себя организацію *систематическихъ изслѣдованій,* не говорю, на всѣхъ озерахъ Сѣвернаго Кавказа, а лишь на тѣхъ изъ нихъ, которыя, представляя живой интересъ, заслуживаютъ серьезнаго изученія.

К. Россиковъ.

Печатано по распор. Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Паровая скоропечатня Я. И. Либермана. Тифлисъ, Михайловская 64.

Къ исторической географіи Кавказа.

Сообщеніе А. С. Хаханова,

читанное въ Общемъ Собраніи Отдѣла 9 марта 1893 г.

Международный конгрессъ по доисторической археологіи и антропологіи, устроенный въ текущемъ году въ Москвѣ, далъ поводъ географическому отдѣленію Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи собрать и выставить въ залахъ историческаго музея имѣющіеся матеріалы по землевладѣнію Россіи и прилегающихъ къ ней частей Азіи. При содѣйствіи, оказанномъ инниціатору этой выставки, проф. Д. Н. Анучину, всѣми нашими министерствами и различными учрежденіями, выставка оказалась весьма удачной и превзошла скромные размѣры, которые были намѣчены въ идеѣ ея осуществленія. Въ девяти обширныхъ залахъ музея собранъ такой громадный матеріалъ по географіи, въ обширномъ ея смыслѣ, что посѣтитель теряется среди многочисленныхъ картъ, плановъ, глобусовъ, видовъ мѣстностей, гидрографическихъ, геологическихъ, метеорологическихъ, статистическихъ изданій, этнографическихъ коллекцій, пособій по учебной и промышленной географіи, полученныхъ не только изъ предѣловъ Россіи, но и отъ нѣкоторыхъ заграничныхъ правительственныхъ и частныхъ учрежденій. Мы не имѣемъ возможности даже мимоходомъ коснуться всѣхъ частей Россіи, представленной на картахъ и въ различныхъ изданіяхъ. Мы имѣемъ въ виду указать лишь на матеріалъ, касающійся Кавказа, при томъ на столько, на сколько онъ очерченъ на выставленныхъ картахъ и атласахъ. Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, перейду къ дѣлу; укажу только еще на то обстоятельство, что живое участіе въ выставкѣ приняло Императорское географическое общество, приславшее се-

рію альбомовъ путешественниковъ, а также нашъ Кавказскій и Сибирскій его отдѣлы. Рядъ видовъ и типовъ присланъ Н. К. Зейдлицемъ, фотографами Ермаковымъ, Энгелемъ и Ордэномъ изъ Тифлиса. Но поставивъ своей задачей обозрѣть лишь данныя по исторической географіи, я лишенъ возможности, познакомить слушателей съ образцовыми картинами, видами и типами Кавказа, обращающими любопытные взоры посѣтителей выставки. Да и по исторической географіи Кавказа свѣдѣнія, сообщаемыя мною, не будутъ отличаться полнотой, такъ какъ ея предѣлы ограничены тѣмъ матеріаломъ, который представленъ на выставкѣ. Можно только сказать, что данныхъ изъ „древней" географіи гораздо больше, чѣмъ изъ путешествій средневѣковыхъ. Мы и начнемъ свой обзоръ съ матеріаловъ „древней" географіи.

Подъ „древней" географіей, какъ извѣстно, разумѣется землеописаніе народовъ, жизнь которыхъ служила театромъ древней исторіи. Не говоря о Библіи, египетскихъ, ассирійскихъ и вавилонскихъ памятникахъ, нужно указать на греческихъ и латинскихъ писателей, оставившихъ главный матеріалъ для ознакомленія съ представленіями древнихъ народовъ о земномъ шарѣ и его обитателяхъ. Древнѣйшими греческими памятниками были Иліади и Одиссея, въ которыхъ и открываются первыя свѣдѣнія грековъ по географіи извѣстныхъ имъ странъ. На картѣ, воспроизводящей отрывочныя указанія Гомера, по географіи (IX в. до Р. Х.), представлена земля въ формѣ диска, вокругъ котораго течетъ Рѣка-океанъ, дающій начало рѣкамъ Нилу и Фазису, впадающимъ въ Средиземное море, которое въ свою очередь соединяется чрезъ Геркулесовы столбы (т. е. Гибралтарскій проливъ) съ Океаномъ. Черное и Каспійское море соединены узкимъ проливомъ, а Каспій сливается съ Океаномъ, обтекающимъ нашу землю. Въ представленіяхъ Гекатея (VI в. до Р. Х.) географія Кавказа дѣлаетъ шагъ впередъ. Океанъ еще обтекаетъ земной дискъ, но уже намѣчено Азовское море; Каспій, въ видѣ выдвинутаго залива, примыкаетъ къ Океану; между Чернымъ и Каспійскими морями отмѣчена горная цѣпь. Отецъ исторіи Геродотъ (V в. до Р. Х), вѣроятно, пользовался такъ-называемыми путеводителями (περίπλους), предназначенными для облегченія торговыхъ и иныхъ сношеній. Насколько землевѣдѣніе къ тому времени сдѣлало успѣхи, видно ужъ изъ того, что Геродотъ смѣется надъ тѣми, которые воображаютъ себѣ землю, какъ бы въ видѣ вырѣзаннаго столяромъ кружка, и доказываетъ, что Океанъ не есть рѣка, а обшир-

ное море, относительно котораго никому не извѣстно, обтекаетъ ли онъ сушу со всѣхъ сторонъ, или нѣтъ. Что касается до Кавказа, то онъ его помѣщаетъ между Понтійскимъ моремъ и Каспіемъ, представляющимъ большое озеро. Азовское море, сравнительно съ показаніемъ Гекашея, является увеличеннымъ въ объемѣ, горы же соединяютъ два моря, Понтъ и Каспій. На картѣ III в., съ нанесеніемъ путей, которымъ слѣдовалъ Александръ Македонскій во время своего похода въ Азію, довольно правильно показаны очертанія нашего края. Нужно вообще сказать, что походъ ознакомилъ съ отдаленными странами, о которыхъ ранѣе доходили только смутные слухи и обогатилъ грековъ новыми географическими свѣдѣніями. Библіотекарь Александрійскаго музея Эратосѳенъ, родомъ изъ Кирены (II в. до Р. Х.) дѣлаетъ попытку, на основаніи новыхъ данныхъ составить карту обитаемой земли (ἡ οἰκουμένη), которая оставалась лучшей до II в. (до Р. Х.). Каспій, по этой картѣ, соединенъ съ Сѣвернымъ океаномъ, Черное море получаетъ болѣе правильное очертаніе, горы обозначены въ видѣ хребта, идущаго съ сѣверной части Чернаго моря по наклонной линіи къ Каспійскому морю.

Со II в. (до Р. Х.) начинается расширеніе географическихъ свѣдѣній, благодаря римскимъ походамъ и завоеваніямъ. Первый, воспользовавшійся ими, былъ Полибій, извѣстный историкъ, но, къ сожалѣнію, глава, посвященная географіи, утрачена изъ его труда. Мы видѣли на выставкѣ только „дорожную карту“ временъ Имперіи, факсимиле т.-назыв. „Tabula Peutingeriana. Castori Romanorum Cosmographi tabula quae dicitur Peutingeriana. Recognovit C. Miller. 1887“. Всѣ извѣстныя страны здѣсь размѣщены, безъ всякаго соблюденія дѣйствительныхъ очертаній, на длинной лентѣ и представлены расположенными вдоль Средиземнаго моря и далѣе къ востоку, при чемъ однако нанесены всѣ сколько-нибудь достойные вниманія города и дороги между ними. На этой картѣ мы разобрали имена: Lazi и рядомъ съ ними Eniochi; повыше послѣднихъ Hercani, восточнѣе ихъ Cavcasi, надъ которыми помѣщены Amazones.

Не смотря на косвенное содѣйствіе римлянъ развитію землевѣдѣнія, географическая наука долго еще оставалась въ рукахъ грековъ. Величайшій географъ древности—это Страбонъ (I в. по Р. Х.), родомъ изъ Амасіи, провинціи Малой Азіи (Понтъ). Его показанія касательно Кавказа согласны съ указаніями Эратосѳена; только Каспій у перваго немного съуженъ. Страбонъ не былъ

ученый спеціалистъ, какъ Эратосѳенъ, но былъ человѣкъ образованный, умѣвшій излагать фактъ занимательно на основаніи источниковъ.

Единственный географическій трактатъ римлянъ, дошедшій до насъ, принадлежитъ Помпонію Мелѣ, жившему при императорѣ Клавдіи (40—50 г.). Его трактатъ построенъ на древней формѣ объѣздовъ; онъ воображаетъ себѣ, что объѣзжаетъ на кораблѣ земной шаръ и по мѣрѣ переѣздовъ описываетъ попадающіяся на пути мѣста, умалчивая совершенно о болѣе удаленныхъ отъ моря пунктахъ. По представленію этого географа, Помпонія Мелы, Каспійское море продолжаетъ по Эрато-сѳену оставаться заливомъ Сѣвернаго океана, только оно вытянуто не съ сѣвера на югъ, а съ запада на востокъ. Каспій соединяется съ Океаномъ уже длиннымъ узкимъ проливомъ, „на подобіе рѣки"—первый намекъ на Волгу.

Самымъ важнымъ послѣ Страбона географомъ древности былъ Птоломей (II в. по Р. Х.), работавшій главнымъ образомъ по астрономіи въ Александріи. Его задачей было, реформировать карту міра, согласно вновь полученнымъ географическимъ свѣдѣніямъ. На картѣ его мы видимъ правильно проведенные меридіаны и круги широтъ; предѣлы извѣстной земли уже значительно расширились, но являются неопредѣленными на сѣверѣ и востокѣ. Каспій у него остается еще болѣе удлиненнымъ, съ запада на востокъ, заливъ-же суженъ.

Земля по представленіямъ Козьмы Индикополова (VI в.) является плоскою, четыреугольной, омываемой моремъ, которое образуетъ четыре большихъ залива (соотвѣтствующихъ морямъ: Средиземному, Красному, Персидскому и Каспійскому). Извѣстно, что еще Анаксимандру философу (VI в. до Р. Х.) приписывалось составленіе карты на мѣди, на которой былъ начертанъ „кругъ земной съ морями и рѣками". Представленіе о шарообразной формѣ земли господствовало среди ученыхъ древности, но въ массѣ продалжало держаться убѣжденіе, что земля составляетъ плоскій дискъ. Воспроизведеніе земли въ формѣ четырехугольной плоскости имѣемъ у Козьмы Индикополова. На этой плоскости возвышается гора, вокругъ которой ходитъ солнце, подымаясь то выше, то ниже и обусловливая этимъ смѣну дня и ночи и временъ года. На востокѣ за моремъ рай, откуда истекаютъ четыре рѣки; на краяхъ земли возвышаются кристальныя стѣны, сходящіяся вверху въ небесный сводъ, подъ коимъ, за кристальной горизон-

тальной перегородкой—жилище Бога и святыхъ. Воззрѣнія Козьмы, изложенныя въ его „Христіанской топографіи“, пользовались большимъ авторитетомъ въ средніе вѣка. Образцы четырехугольной карты земли и круглыхъ или колесовидныхъ помѣщаютъ обыкновенно въ центрѣ Іерусалимъ. Карты оріентировались такъ, что востокъ (гдѣ предполагался земной рай) приходился вверху.

Переходя къ арабской географіи, мы должны назвать круглую карту географа Эдризи (XII в.). Хотя земля у него представляется круглою, но въ подробностяхъ замѣтенъ шагъ впередъ въ представленіи о Каспійскомъ морѣ. Черное море, правда, мало похоже и пространство, имъ занимаемое, небольшое, но оно уже представлено соединеннымъ съ помощью залива съ Средиземнымъ моремъ. Горная цѣпь вовсе не обозначена.

Карта съ нанесеніемъ путей въ Азію извѣстныхъ средневѣковыхъ путешественниковъ Рубруквиса и Марко Поло даетъ въ правильныхъ очертаніяхъ Азовское и Черное моря, при чемъ послѣднія соединяются съ Средиземнымъ моремъ. Кавказскій хребетъ имѣетъ въ общемъ вѣрное направленіе, только съ тѣмъ отличіемъ, что горы не распространяются до Баку, а поднимаются выше къ Дербенту.

Такъ-называемая Каталанская карта земли, 1375 г., исполненная для французскаго короля Карла V, даетъ, между прочимъ, караванный путь изъ Таны (отъ Азовскаго моря) черезъ Южную Россію и Среднюю Азію въ Китай (въ Кимбаликъ, нынѣшній Пекинъ), съ нанесеніемъ разныхъ любопытныхъ подробностей, соотвѣтствующихъ ходившимъ въ средніе вѣка легендамъ. На этой картѣ Азовское и Черное моря представлены въ довольно правильныхъ очертаніяхъ, Каспій же вытянутъ еще съ запада на востокъ. По берегу Чернаго моря обозначены: Anapa, Susachia, Albazechia, Pezondu (Пицунда), Savasta, Fassa. Рѣки: Сора (Кубань), впадающая въ Азовское море, въ Каспій же впадаетъ Terchi (Терекъ), въ Черное море Fassa. Водораздѣломъ бассейновъ рѣкъ Terchi и Сора обозначены горы, ближе примыкающія къ Каспію. Fassa, Terchi и Сора берутъ свое начало съ этихъ горъ. На берегу Каспійскаго моря намѣчены: Cicie, Barsac, Derben, Caraol. Два послѣднихъ пункта сопровождаются изображеніями церквей, которыя видны также по берегу Чернаго моря и на пространствѣ между этими двумя морями.

Карта земли венеціанскаго космографа Фра Мауро, 1459 года, представляетъ земной кругъ, оріентированный такъ, что сѣ-

веръ приходится внизу, а югъ вверху. Въ нижней части круга изображены страны, соотвѣтствующія нынѣшней Россіи. Между прочимъ, встрѣчается названіе "Sibir". Карта вообще интересна въ историко-географическомъ отношеніи и отличается обиліемъ легендъ или пояснительныхъ надписей. Данныхъ, касающихся Кавказа, на этой картѣ очень немного. Замѣтимъ только, что нашъ край испещренъ изображеніями церквей и надъ Каспіемъ означена страна „Tartaria", а Черное море и Каспій представлены въ обратномъ положеніи. Земной кругъ, по русскимъ народнымъ представленіямъ XVII—XIX вв., съ надписью: „Книга глаголемая космографія переведена бысть съ римскаго языка. Въ ней описаны государства, земли и знатные острова и въ которой части живутъ какіе люди и вѣры ихъ и нравы и что въ которой землѣ родится и о томъ значетъ въ сочиненномъ округѣ семъ". На этой картѣ, созданной народнымъ воображеніемъ, расположеніе географической номенклатуры получаетъ любопытное сочетаніе: Черное море, въ видѣ длинной полосы, означено пониже Мертваго моря, къ югу Чернаго моря изображенъ Понтъ, Каспія совершенно нѣтъ, а кругомъ всей земли обтекаетъ Океанъ.

Глобусъ Мартина Бехайма, 1492 г., интересенъ въ томъ отношеніи, что знакомитъ насъ съ представленіями о земномъ шарѣ лучшихъ географовъ конца XV в., непосредственно передъ открытіемъ Колумба. Часть глобуса М. Вальдзеемюллера, 1505 г., на которой впервые помѣщено названіе „Америки", и половина глобуса Шёнера, исполненная около 1511 г., даютъ только западное полушаріе, безъ восточнаго, слѣд. съ отсутствіемъ нашего Кавказа.

Карта „Дѣва Европа", по Севастіану Мюнстеру, XVI в., представляетъ европейскій материкъ въ видѣ женщины въ коронѣ; различныя части ея тѣла и костюма соотвѣтствуютъ различнымъ государствамъ. Здѣсь можно видѣть: Pontus euxinus (т. е. Понтъ Евксинъ—гостепріимный), надъ нимъ представлена Scythia, рядомъ съ послѣдней Tartaria, а Кавказа нѣтъ.

Карта земли Ортеліуса, 1587 г. (Typus orbis terrarum) изъ сочиненія Vivien de Saint Martin: Histoire de la Géographie. Между Чернымъ и Каспійскимъ морями представлена „Armenia".

Копія съ части карты Бюашъ, французскаго географа половины XVIII в., составленной для показанія главнѣйшихъ горныхъ цѣпей и плато. Терминъ „плато", введенный Бюашемъ, былъ примѣненъ имъ къ плоскимъ возвышенностямъ, расположеннымъ, по его представленіямъ, въ областяхъ расхожденій горныхъ хреб-

товъ или соединенія нѣсколькихъ изъ нихъ въ одинъ узелъ. Горы наполняютъ все пространство между Чернымъ моремъ и Каспіемъ, выступаютъ изъ этихъ предѣловъ и непосредственно соединяются съ Уральскими горами.

Оставивъ рядъ картъ, не касающихся Кавказа, коснемся космографіи Севастьяна Мюнстера, 1598 г., въ листъ, со множествомъ картъ и политипажей. Космографія эта выдержала массу изданій и пользовалась большимъ распространеніемъ въ XVI—XVII в. Вотъ чтò мы читаемъ, напр., о грузинахъ и армянахъ въ другой космографіи 1670 г., извѣстной подъ именемъ „Космографія, сирѣчь описаніе сего свѣта земель и государствъ великихъ":

„Земля грузинская, нарицаемая царство Иверское, стоитъ подле Хвалынское море. Вѣра же издавна была благочестивая отъ царя Константина. Нынѣ царя о себѣ не имутъ и вѣры разныя, потому что осилѣлъ ихъ шахъ кизилбашской и разорилъ и данми тяжкими покорилъ. Изобильна же овощъемъ и хлъбомъ и скотомъ и виномъ".

„Земля армянская изначала о себѣ было царство пространно, грады и людьми, и овощемъ, и скотомъ. Нынѣ подъ державою порабощены кизилбашскимъ царемъ, вѣры въ нихъ разныя ереси смѣшаются, благочестивыхъ зѣло мало обрѣтается, нынѣ же и до конца заблудили".

Изъ четырехъ древнѣйшихъ картъ Московіи (Moscovia d. Battista Agnese 1525 г., Moscovia v. Anton Wied 1555 г. Moscovia aus Seb. Münster's 1554 г. и Moscovia Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein—изъ атласа къ путешественнику Герберштейну проф. Замысловскаго) мы должны отмѣтить ту, которая касается Кавказа: здѣсь Каспій остается еще въ положеніи, удлиненномъ съ запада на востокъ, Черное море соединяется съ Азовскимъ и Средиземными морями; обозначена страна „rex Georgianiae" и по южнѣе „Armenia".

Въ картѣ Московіи Массы на 2 листахъ, XVII в., носящей названіе Russiae vulgo Moscovia: 1, partes septentrionales et orientales; 2, pars australis. Въ этой-то послѣдней (южной) части Московіи мы находимъ страну „Petigoria".

Оставивъ рядъ другихъ картъ и изданій средневѣковыхъ путешествій и старинныхъ описаній Россіи, мы остановимся еще на картѣ Штраленберга 1730 г. Сочиненіе и карта эти составлены плѣннымъ шведскимъ офицеромъ, сосланнымъ при Петрѣ I въ

Сибирь и собравшимъ тамъ многія неизвѣстныя до того времени географическія, археологическія и этнографическія данныя. У него означены Черное и Каспійское моря, рѣки: Cubani, Rune (Ріонъ), Kuralias (Кура), страны: Awgasia, Mingrelia, Imeretia-Guria, Cartuelia, Samse (Самцхе).

Отмѣтимъ, въ заключеніе этого обзора географической выставки, еще атласъ Баптиста Агнезе, 1550 г., очень старинный, изъ 12 раскрашенныхъ различными красками и золотомъ картъ, съ интересными виньетками. На этомъ атласѣ представлено Черное море въ правильныхъ очертаніяхъ.

И. И. Пантюховъ.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ НА КАВКАЗѢ.

Читанныя въ засѣданіи Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Le D-r I. I. Pantukhof.

OBSERVATIONS ANTHROPOLOGIQUES AU CAUCASE.

Présentées à la Section Caucasienne de la Société Impériale Russe de Géographie.

ТИФЛИСЪ. 1893.

Типографія К. П. Козловскаго. Голов. просп., № 12.

Напечатано по постановленію Распорядительнаго Комитета Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Оглавленіе (Table des matières).

Антропологическія наблюденія на Кавказѣ.

Докладъ доктора И. И. Пантюхова, дѣйствительнаго члена Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества,

читанный въ Общемъ Собраніи Отдѣла 28 марта 1892 г.

Современное поколѣніе, увлекаемое быстрыми успѣхами нѣкоторыхъ отдѣловъ физики, химіи, бактеріологіи и особенно примѣненіями этихъ наукъ къ техникѣ, ждетъ и отъ антропологіи немедленныхъ, прямыхъ отвѣтовъ на назрѣвшіе жизненные вопросы. Признавая законность такихъ требованій практики, предъявляемыхъ къ людямъ науки, потому что наука въ концѣ концовъ должна имѣть въ виду человѣческое благо, необходимо однако принять въ соображеніе, что всѣ замѣчательныя открытія послѣдняго времени явились слѣдствіемъ долголѣтней, кропотливой, малозамѣтной для неспеціалистовъ, работы. Только частными, повидимому разразненными, трудами научныхъ работниковъ создались новые медоты изслѣдованія, открылись новые горизонты и явилась возможность обобщенія и широкаго практическаго примѣненія. Антропологія въ настоящемъ фазисѣ своего развитія находится нѣсколько въ особомъ положеніи. Несмотря на то, что вопросы, подлежащіе ея рѣшенію, несравненно сложнѣе и важнѣе вопросовъ, которыми занимаются другія науки, разработывались они до послѣдняго времени весьма мало, и современная антропологія еще должна заниматься, главнымъ образомъ, собираніемъ необходимаго ей подготовительнаго матеріала. Въ противуположность другимъ естественнымъ наукамъ, гдѣ матеріалъ собирался многими поколѣніями, въ антропологіи чуть не все приходится начинать, можно сказать, сначала, потому что научныхъ работъ, которыми бы могла пользоваться современная антропологія, отъ прежняго времени осталось весьма и весьма мало. Правда, о человѣкѣ и его мѣстѣ въ при-

родѣ существуютъ безчисленныя сочиненія философовъ, историковъ, лингвистовъ и разныхъ другихъ ученыхъ, какъ древняго, такъ и новѣйшаго времени, но всѣ эти сочиненія почти вовсе не затрогиваютъ вопроса объ устройствѣ человѣческаго тѣла по типамъ и племенамъ, ничего не говорятъ о зависимости физической и психической жизни отъ преобладающаго типа, а если коекакія опредѣленія человѣческихъ племенъ въ этихъ сочиненіяхъ и дѣлаются, то, обыкновенно, такими общими мѣстами, которыя не имѣютъ никакого значенія для антропологіи. Собственно естествоиспытателями, даже послѣдняго времени, для изученія типа человѣка сдѣлано также весьма мало. Въ то время, когда подвергались тщательному изслѣдованію многообразныя явленія и силы природы, когда съ прогрессомъ науки сдѣланы многочисленныя открытія въ областяхъ геологіи, біологіи, астрономіи, когда, не смотря на разнорѣчіе ученыхъ, все же достаточно хорошо опредѣлены виды и разновидности животныхъ и растеній, мы и до настоящаго времени не имѣемъ научнаго опредѣленія даже основныхъ типовъ нынѣ существующихъ людей. Уже Лафатеръ сказалъ, что отрицать существованіе особыхъ національныхъ физіономій и характеровъ значило бы не видѣть свѣта въ ясный день, но и въ настоящее время точными цыфрами не опредѣлено, въ чемъ заключается эта разница. Неизвѣстны не только сравнительная степень развитія органовъ чувствъ, умственной энергіи, размѣровъ внутреннихъ органовъ, напр., монгола, курда, италіанца, болгарина и пр., но научно не опредѣлены даже различіе ихъ роста, длина рукъ и ногъ, зависимость ихъ физической организаціи отъ цвѣта глазъ, устройства черепа, степени метисаціи и пр. Подъ названіемъ антропологіи въ послѣднее время появилась на всѣхъ европейскихъ языкахъ масса разнообразныхъ, составленныхъ на основаніи наблюденій путешественниковъ и представляющихъ смѣсь всевозможныхъ свѣдѣній, книгъ, но только весьма немногія изъ нихъ заслуживаютъ вниманія антропологовъ. Все это, большею частію, компиляціи, сдѣланныя лицами, которыя сами вовсе и не занимались антропологическими изслѣдованіями. Только въ самое послѣднее время изученіе человѣка, въ антропологическомъ смыслѣ этого слова, сдѣлало очевидные и важные успѣхи. Труды такихъ ученыхъ, какъ Брока, Катрфаржъ, Вирховъ, А. П. Богдановъ, разъяснили первенствующее значеніе антропологіи въ ряду другихъ наукъ о человѣкѣ и указали дороги, какими, при изученіи этой науки, должно итти. Главное, такимъ образомъ, сдѣлано. Въ

созданіи новыхъ путей изслѣдованія заключается главная плодотворная сила науки, а примѣненіе ея есть только вопросъ времени.

Прежде чѣмъ приступить къ обобщеніямъ и опредѣленіямъ человѣческихъ типовъ и племенъ, оказалось необходимымъ произвести массу подготовительныхъ работъ. Многіе замѣчательные ученые, какъ у себя дома, такъ и предпринимая спеціальныя путешествія, начали заниматься въ разнообразныхъ отношеніяхъ изслѣдованіемъ физическаго типа человѣка. Кромѣ черепа, изученіе котораго, во всякомъ случаѣ, имѣетъ первенствующее значеніе, отдѣльные ученые посвящаютъ свои труды изученію роста, цвѣта глазъ, формы носа, длины и расположенія рукъ, ногъ, пальцевъ, длины и емкости пищеварительнаго аппарата, разнообразныхъ аномалій и уродствъ и пр. Къ болѣе сложнымъ вопросамъ антропологіи относятся опредѣленія остроты чувствъ, степени воспріимчивости, количества развиваемой организмомъ въ данное время мышечной силы, способности къ приспособленію, спеціализаціи и пр. Для выясненія происхожденія и степени прочности человѣческихъ типовъ и племенъ, всѣ эти собираемые отдѣльными наблюдателями, научно установленные факты, необходимо комбинировать и сравнивать. Недостаточно, напр., установить, что такое-то племя имѣетъ извѣстную среднюю форму черепа и ростъ, но необходимо показать, въ какой зависимости форма черепа находится отъ цвѣта глазъ, длины рукъ, толщины волосъ и другихъ физическихъ признаковъ. Опредѣливъ физическіе признаки типа, необходимо выяснить значеніе и чистоту, встрѣчающихся въ каждомъ народѣ, смѣшанныхъ формъ и указать вліяніе ихъ на физическій и умственный складъ народа.

При такой обширности и сложности задачъ антропологіи и молодости самой науки, невозможно ожидать, чтобы антропологія уже въ настоящее время могла отвѣтить на всѣ предъявляемые ей, громадной важности вопросы. Точно также нельзя требовать, чтобы частные, детальные, уже добытые ею результаты, могли быть оцѣнены неспеціалистами. Значеніе антропологіи, можно сказать, неизмѣримо, но полное развитіе ея средствъ и силъ возможно только въ будущемъ. Человѣчество, относительно своего прошлаго и будущаго, пока, можно сказать, ходитъ въ темнотѣ. Никто не знаетъ, при какихъ комбинаціяхъ типовъ и племенъ нѣкоторыя семьи и цѣлыя людскія группы вырождаются, или совершенствуются, мало принимаются въ соображеніе послѣдствія переселенія въ другія страны и постоянно совершающіяся между раз-

ными типами и племенами метисаціи, и почти нѣтъ научныхъ данныхъ объ истинныхъ причинахъ возвышенія и упадка разнообразныхъ государствъ и народовъ. Человѣчество въ своей дѣятельности руководствуется страстями и хитроумными, часто не имѣющими научнаго смысла, соображеніями. Только тогда, когда антропологіею будетъ выяснена зависимость всѣхъ этихъ явленій отъ свойства самихъ человѣческихъ типовъ и, въ силу законовъ накопленной наслѣдственности, ихъ безчисленныхъ комбинацій, жизнь и судьба людей не будутъ подвержены такимъ неожиданностямъ и, повидимому, случайностямъ, какимъ онѣ подвержены въ настоящее время.

Кромѣ антропологіи, раскрытіемъ прошлой исторіи человѣчества и изученіемъ многоразличныхъ вліяній, которымъ съ разныхъ сторонъ подвергались расы и племена человѣческія, занимается цѣлый рядъ другихъ наукъ, между которыми важнѣйшія — лингвистика и собственно исторія. Съ одинаковымъ правомъ можно говорить о расахъ антропологическихъ, происхожденіе которыхъ исчезаетъ въ отдаленіи временъ, историческихъ, образующихся на нашихъ глазахъ и лингвистическихъ, являющихся смѣшеніемъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Если бы можно было установить происхожденіе всѣхъ языковъ отъ одного или нѣсколькихъ, то лингвистика для научной антропологіи, безъ сомнѣнія, имѣла бы важное значеніе, но изслѣдованія лингвистовъ показываютъ, что чѣмъ дальше отъ насъ тѣ или другія времена, тѣмъ болѣе было діалектовъ и языковъ, чѣмъ на менѣе высокой степени стояло человѣчество, тѣмъ больше оно было раздроблено, имѣло больше обычаевъ и законовъ. Допуская, что основныхъ языковъ, какъ и основныхъ антропологическихъ типовъ человѣка, было извѣстное, опредѣлимое число, все же, при дальнѣйшемъ развитіи и смѣшеніяхъ народовъ, языкъ и особенности быта будутъ говорить намъ только о томъ, съ кѣмъ имѣли сношенія изучаемыя племена и подъ чье вліяніе подпали и, поэтому, при вопросахъ о происхожденіи народа легко могутъ ввести въ заблужденіе лингвистовъ и этнографовъ. Среди множества племенъ, слившихся съ главными народами Европы, едва-ли можно открыть слѣды ихъ первоначальныхъ языковъ и обычаевъ, а, слѣдовательно, и опредѣлить ихъ происхожденіе. Точно такъ-же мало фактовъ для разъясненія физическаго типа народовъ даетъ и исторія. Въ исторіи народы, состоящіе обыкновенно изъ самыхъ разнообразныхъ племенъ, дѣйствуютъ какъ политическія единицы, и названія народовъ обыкновенно

ровно ничего не выражають. Какой типъ имѣли древніе кимерійцы, сапиры, ассы и пр., мы вовсе не знаемъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно за позднѣйшія эпохи, лингвистика, исторія и этнографія, безъ сомнѣнія, окажуть большія услуги при разъясненіи прошлаго человѣчества, но наиболѣе важное значеніе при изученіи судьбы человѣческихъ расъ и племенъ и въ этомъ случаѣ должна имѣть антропологія. Какъ бы ни измѣнились языкъ и обычай людей, физическій типъ и морфологическія свойства основныхъ типовъ и въ настояще время тѣ же, что были и тысячи лѣтъ тому назадъ. Со временемъ, безъ сомнѣнія, будутъ разъяснены антропологіею и многоразличныя комбинаціи основныхъ типовъ.

Чтобы изучить физическую организацію нынѣ существующихъ человѣческихъ типовъ и племенъ, необходимо, насколько это окажется возможнымъ, разъяснить исторію человѣка съ первыхъ эпохъ его существованія. Доисторическою антропологіею весьма дѣятельно занимаются, какъ иностранные, такъ и русскіе ученые. Матеріала по изученію доисторическаго человѣка собрано уже довольно, и многое поставлено на прочную научную почву. Изученіе доисторическаго человѣка зависитъ, однако, въ значительной степени отъ случайныхъ находокъ и не можетъ подвигаться слишкомъ скоро.

Безчисленныя измѣненія земной коры, которыхъ ни времени, ни причины мы не знаемъ, въ разныя геологическія эпохи совершенно перемѣняли видъ земли: тамъ, гдѣ были моря, образовались материки, гдѣ былъ климатъ жаркій, сдѣлался холодный и наоборотъ. Между прочимъ, по недавнимъ изслѣдованіямъ И. Д. Черскаго[1]), постъ-третичный періодъ Сибири характеризуется отсутствіемъ животныхъ холоднаго климата, даже оленя, а преобладаніемъ Felis tigris, F. uncia, Cervus giganteus, Rhinoceros tichorhinus, Elephas primigenius и другихъ животныхъ:—климата теплаго и жаркаго.

Вслѣдствіе такихъ, обнимавшихъ весь земной шаръ, перемѣнъ, естественно должны были въ разныя эпохи измѣняться и условія органической жизни на землѣ, и какъ слѣды дѣятельности человѣка, такъ и остатки его скелета во многихъ мѣстностяхъ почти

[1]) И. Д. Черскій. Описаніе млекопитающихъ постъ-третичн. період. Сибири. Записки Импер. Акад. Наукъ. 1891. VI. Заимств. изъ L'Anthropologie. 1892. Т. III. № 1. J. D. Tschersky, Description de la collection des Mammifères post-tert.

совершенно исчезли. Изъ эпохи эоценоваго и міоценоваго періода ни одно млекопитающее не дожило до насъ, а изъ пліоценоваго остался одинъ гиппопотамъ. Не входя въ обсужденіе обширнаго и мало еще разработаннаго вопроса о времени появленія на землѣ человѣка, по имѣющимся до настоящаго времени фактамъ, человѣкъ, котораго костяки находили въ постъ-пліоценовыхъ формаціяхъ, остался въ такомъ же почти видѣ, какимъ онъ былъ тогда, и до настоящаго времени. Въ каменный и, вообще, во всѣ самые ранніе періоды, въ какихъ существованіе человѣка доказано антропологіею, онъ былъ уже гораздо выше звѣря: имѣлъ огонь, дѣлалъ оружіе и пр.

Сохраняя со времени своего появленія на землѣ главныя особенности скелета, рѣзко отличающія его отъ другихъ позвоночныхъ, организмъ человѣка въ зависимости отъ многочисленныхъ, въ настоящее время едва ли доступныхъ изученію, вліяній, не могъ, однако, оставаться однимъ и тѣмъ-же, а долженъ былъ также подвергнуться разнымъ измѣненіямъ.

Даже въ самыя раннія эпохи существованія человѣка, кости его скелета, а особенно черепа указываютъ, что человѣкъ уже и тогда не имѣлъ одинаковой физической организаціи, а принадлежалъ къ разнымъ типамъ.

Условія образованія первоначальныхъ человѣческихъ типовъ неизвѣстны. Существуетъ мнѣніе Фатера и, вообще, такъ-называемой американской школы, что каждый народный типъ есть самостоятельный видъ, и что человѣческіе типы произошли самостоятельно, по волѣ Творца, независимо одинъ отъ другого, въ разныхъ, ограниченныхъ труднопреодолимыми препятствіями мѣстностяхъ. Антропологи этой школы предполагаютъ, что главнѣйшіе человѣческіе типы остаются и теперь на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они и первоначально появились. Это мнѣніе мы признаемъ весьма важнымъ и заслуживающимъ полнаго вниманія. Допуская единство человѣческаго рода, большинство европейскихъ антропологовъ объясняютъ послѣдовавшія измѣненія человѣческаго организма физическими причинами. Шафгаузенъ пришелъ къ заключенію, что свѣтлые глаза у человѣка произошли въ ледяной періодъ и что первоначальнымъ отечествомъ свѣтлоглазыхъ была Сѣверная Европа[1]). Риттеръ говоритъ, что монгольскій типъ могъ образоваться только на плоскогорьяхъ внутренней Азіи. Топинаръ

[1]) L'Anthropologie. 1891. T. II, IV, p. 563.

утверждаетъ, что первоначальный бѣлокурый типъ былъ длинноголовый. Довольно многіе ученые, какъ D. Brinton, приходятъ къ заключенію, что первые люди появились въ Европѣ, а не въ Азіи[1]). Максъ Мюллеръ отечествомъ арійцевъ считаетъ Европу, такъ какъ по дорогѣ въ Индію нѣтъ слѣдовъ этого типа.

Сколько и какихъ человѣческихъ типовъ должно считать, какъ въ древніе, такъ и въ позднѣйшіе періоды за основные, наукою пока точно не опредѣлено. Блюменбахъ считаетъ ихъ 5, Ломбадъ—13, Кольманъ—18, Крауфордъ—60, а Глиддонъ—даже 150. Изъ неодинаковыхъ взглядовъ на этотъ предметъ антропологовъ видно, что для установленія научной классификаціи типовъ, необходимыхъ данныхъ еще не собрано. Кромѣ въ общихъ чертахъ уже изученной длины и конфигураціи черепа, для установленія признаковъ типа необходимо принимать во вниманіе и множество другихъ, пока мало изученныхъ, фактовъ. Во всякомъ случаѣ пріобрѣтенныя предками доисторическаго человѣка и закрѣпленныя рядомъ безчисленныхъ преемственныхъ поколѣній, нѣкоторыя особенности организаціи дѣлаютъ нынѣ существующіе на землѣ народы весьма непохожими другъ на друга, и нѣкогда сформировавшіяся организаціи ихъ весьма прочными, не измѣняющимися ни подъ вліяніемъ климата, ни отъ метисаціи. Какъ въ доисторическій, такъ и въ историческій періодъ происходили многочисленныя метисаціи главныхъ основныхъ типовъ, но, по словамъ Кольмана, никто не видѣлъ ни въ Европѣ, ни въ Азіи образованіе смѣшаннаго типа, а только смѣшанныя формы. При дальнѣйшихъ метисаціяхъ обыкновенно раньше или позже возстановляется одинъ изъ основныхъ типовъ. По опытамъ Sanson'а надъ животными, у овецъ, напр., уже черезъ четыре поколѣнія наступаетъ возвращеніе къ одному изъ основныхъ типовъ. Объ условіяхъ возвращенія смѣшанныхъ формъ человѣка къ основному типу, такъ-называемомъ атавизмѣ, пока однако мало точныхъ наблюденій. При тѣхъ многочисленныхъ метисаціяхъ и комбинаціяхъ типовъ, которымъ подвергались всѣ народы, но особенно европейцы, опредѣлить условія возвращенія къ основному типу, при нынѣшнемъ состояніи науки пока невозможно. Для рѣшенія этого вопроса необходимо прослѣдить шагъ за шагомъ, съ циркулемъ и другими научными способами изслѣдованія, жизнь нѣсколькихъ поколѣній, чего антропологи еще не успѣли сдѣлать.

---

[1]) Brinton D-r. Races aud peoples. L'Anthropol. 1890. T. I. №6.

Климатъ и среда, обнаруживая большое вліяніе на общее физическое и умственное развитіе людей, не имѣютъ видимаго вліянія на измѣненіе человѣческаго типа—долихоцефалы и брахіоцефалы остаются такими же во всѣхъ климатахъ, глаза у эскимосовъ, нѣкогда, очевидно, жителей жаркаго климата, остаются карыми, а глаза у нѣкоторыхъ племенъ Индостана, по западнымъ склонамъ Гатъ, свѣтлыми, не смотря на климатъ.

Подъ роковыми требованіями приспособленія организма къ тѣмъ цѣлямъ, какія обязательны въ данныхъ условіяхъ борьбы за существованіе, необходимо однако долженъ былъ измѣниться общій складъ тѣла, а также характеръ человѣка.

Какъ брахіоцефалы, такъ и долихоцефалы встрѣчаются между разными народами и на разныхъ ступеняхъ развитія, но характеръ, нравы и обычаи ихъ могутъ быть весьма неодинаковы. При смѣшеніи нѣсколькихъ типовъ, смѣшавшееся племя пріобрѣтаетъ языкъ и обычай преобладающаго, хотя и въ этихъ случаяхъ нѣкоторыя особенности и свойства характера первоначальныхъ типовъ остаются. Въ Тунисѣ и Алжирѣ D-r Berthodon[1]) нашелъ смѣшанными шесть, имѣющихъ антропологическія особенности, разныхъ типовъ: одинъ долихоцефалическій, два брахіоцефалическіе, одинъ Cro-Magnon, одинъ свѣтлорусый и одинъ средній и въ каждомъ изъ нихъ онъ замѣтилъ, кромѣ физическихъ, и особыя нравственныя черты: одинъ отличался наклонностями спокойными и непредпріимчивостью, другой - обнаружилъ большую энергію, въ третьемъ—Cro-Magnon, преобладали наклонности къ разбою.

Не всѣ, входящіе въ составъ извѣстнаго населенія, типы имѣютъ одинаковую прочность и одинаково передаютъ потомству свои качества. Какъ при скрещиваніи осла съ лошадью, оселъ, какъ болѣе древняя и прочная порода, передаетъ болѣе своихъ признаковъ потомству, чѣмъ лошадь, такъ и при смѣшеніяхъ человѣческихъ типовъ потомству передается наиболѣе признаковъ типа болѣе стараго и прочнаго. При равныхъ прочихъ условіяхъ, по опытамъ Sanson'a, пищеварительный каналъ осла извлекаетъ изъ даннаго количества пищи болѣе питательнаго матеріала, чѣмъ извлекаетъ его пищеварительный каналъ лошади, и, поэтому,

---

[1]) Berthodon D-r—Esquisse de l'Anthropologie criminelle du Tunisien musulman. L'Anthropologie. 1890. № 1, p. 73.

оселъ, при одинаковомъ съ лошадью количествѣ пищи, развиваетъ больше энергіи, чѣмъ лошадь и, слѣдовательно, долженъ почитаться типомъ болѣе устойчивымъ.

Способность человѣческихъ типовъ смѣшиваться другъ съ другомъ весьма неодинакова, хотя пока, мало изучена. При смѣшеніяхъ двухъ одинаково стойкихъ основныхъ типовъ, свойства и менѣе численнаго, напр., голубоглазаго, среди преобладающаго кароглазаго типа и наоборотъ, возстановляются неопредѣленно долгое время. Есть мнѣніе, что при метисаціяхъ кароглазыхъ съ свѣтлоглазыми, каріе глаза передаются потомству чаще, чѣмъ свѣтлые, что происходитъ, вѣроятно, отъ того, что кароглазые принадлежатъ къ болѣе древнему типу.

Нѣкоторые типы весьма трудно смѣшиваются одинъ съ другимъ. Топинаръ, между прочимъ, говоритъ, что отъ женщинъ, вывозимыхъ съ Кавказа, въ жены мамелюковъ, не было потомства.

Во многихъ случаяхъ промежуточные, находящіеся въ каждомъ народѣ типы, нѣкоторое время сохраняютъ свойства типовъ, изъ коихъ образовались, и нерѣдко отличаются особыми способностями и лучшимъ физическимъ развитіемъ, чѣмъ народность, въ составъ которой они вошли.

Случается также, что главное, хотя въ обыкновенныхъ условіяхъ не замѣчаемое, вліяніе на прогрессъ извѣстнаго племени или народа имѣетъ какой-нибудь одинъ изъ входящихъ въ составъ его антропологическихъ типовъ, а остальные являются пассивною, идущею за руководящими типами, массою.

Приступая къ антропологическому изученію нынѣ населяющихъ Кавказъ племенъ, мы раскрываемъ таинственную книгу, въ которой мало понятными, при современномъ состояніи науки, буквами, написана вся прошлая исторія не только этого края, но, можетъ быть, и всего человѣчества. Населяющія Кавказъ племена представляютъ смѣшеніе всѣхъ, главнымъ образомъ, высшихъ человѣческихъ типовъ и расъ. Между ними есть крайніе брахіоцефалы и долихоцефалы, есть племена низкаго и высокаго роста, есть типы съ свѣтлоголубыми и сѣрыми глазами и розовымъ цвѣтомъ кожи, и типы съ темнокарыми и черными глазами и смуглою кожею. Среди преобладающихъ кароглазыхъ, глаза свѣтлыхъ цвѣтовъ и особый европейскій складъ лицъ, встрѣчающіеся почти между всѣми народностями края, давно обращали на себя вниманіе путешественниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ тѣхъ, нѣкогда существовавшихъ народовъ, которые, по словамъ барона Услара, были загна-

ны болѣе сильными племенами въ Кавказскія горы и, спасаясь отъ преслѣдованія, тамъ поселились и замкнулись, находились и племена европейскія: славянскія, германскія и финскія.

При той обширности задачъ антропологіи, о которой мы говорили и скудости имѣющагося научнаго матеріала, въ настоящее время невозможно точно характеризовать всѣ обитающія на Кавказѣ племена, а тѣмъ болѣе опредѣлить происхожденіе и степень смѣшенія ихъ. Мы имѣемъ болѣе скромную задачу, только констатированіе нѣкоторыхъ добытыхъ наукою фактовъ, не дѣлая изъ нихъ окончательныхъ выводовъ.

Исторія для изученія антропологическаго типа, нынѣ населяющихъ Кавказъ племенъ, даетъ мало данныхъ. Не касаясь темнаго вопроса о появленіи откуда-то арійцевъ и семитовъ, у греческихъ историковъ Геродота, Діодора сицилійскаго, Діонисія и др. есть указанія, что при Сезострисѣ на юго-восточномъ берегу Чернаго моря поселились египтяне, затѣмъ, на основаніи существующихъ историческихъ документовъ и преданій можно считать несомнѣннымъ, что на Кавказъ проникали переселенцы изъ Индіи, позже изъ Греціи, что истинное, по Услару, отечество евреевъ, земля Халдейская находилось въ верховьяхъ Ефрата, и что изъ всѣхъ восточныхъ монархій самое большое во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе на судьбу населяющихъ большую часть Кавказскаго перешейка племенъ, имѣли уже съ 5—6 вѣка до Р. Х. персы. О времени появленія на Кавказѣ свѣтлоглазыхъ и свѣтловолосыхъ племенъ извѣстно мало. Въ исторіи есть довольно темныя указанія о нашествіяхъ на Азію скифовъ за 7—10 вѣковъ до Р. Х., и о передвиженіяхъ арійцевъ неизвѣстнаго типа. Судя по существующему типу населенія, нѣтъ сомнѣнія, что на берегахъ Чернаго моря, въ Абхазіи, Джигетіи, а также и въ другихъ мѣстностяхъ, нѣкогда поселился типъ семитическій, египетскій или арабскій, не имѣющій почти ничего общаго съ широкоголовымъ халдейскимъ типомъ кавказскихъ евреевъ. Несомнѣнно также, что со всѣми племенами, особенно съ горскими и грузинскими, смѣшались большеголовыя расы: сѣроглазыя высокорослыя и голубоглазыя низкорослыя. Когда появились эти расы на Кавказѣ и не были ли онѣ въ доисторическое время между нѣкоторыми племенами Кавказа преобладающими, въ исторіи нѣтъ указаній. Нашествія монголовъ оставили свой антропологическій слѣдъ, наиболѣе между нѣкоторыми лезгинами, особенно аварцами и казикумуками.

—

Современная лингвистика также мало даетъ для разъясненія прошлаго нынѣ населяющихъ Кавказъ племенъ. Изъ результатовъ изслѣдованія языковъ заслуживаетъ особаго вниманія только мнѣніе Фридриха Миллера, что языки, на которыхъ говорятъ грузины, западные и восточные горцы, не представляютъ сродства съ языками другихъ народовъ бѣлой расы и народы, говорящіе ими, Ф. Миллеръ называетъ особнякомъ стоящими (isolirte Völker).

По этнологической классификаціи кавказскихъ народовъ, сдѣланной на основаніи существующихъ трудовъ, однимъ изъ знатоковъ Кавказа, покойнымъ А. П. Загурскимъ [1]), къ картвельской группѣ относятся весьма разнообразнаго антропологическаго типа племена: грузины, имеретины, мингрельцы, сванеты, лазы; къ западно-горской—абхазцы и черкесы (адыге), а къ восточно-горской—смѣшанное, разнаго типа населеніе Чечни и Дагестана. Языки лезгинъ по Услару и Шифнеру представляютъ нѣкоторое лингвистическое сродство, хотя иные стоятъ совершенно самостоятельно.

Къ народамъ арійскаго семейства—иранскому поколѣнію—Л. П. Загурскій относитъ осетинъ, персовъ, татовъ, курдовъ, къ армянскому—армянъ, къ семитическому семейству—евреевъ, айсоровъ и халдеевъ, а къ монгольской расѣ, вмѣстѣ съ чистыми монголами-калмыками, и такія смѣшанныя племена, какъ антропологически сходныхъ съ персами адербейжанскихъ татаръ и карапапаховъ.

Первый, сдѣлавшій попытку начать изученіе доисторическаго человѣка Кавказскаго края, былъ почтенный археологъ Ф. Байернъ, описавшій въ 1872 году, при помощи доктора С. Ф. Сцѣпуры, впервые, найденные имъ на древнемъ кладбищѣ Самтавро, возлѣ Мцхета, черепа [2]). Въ 1875—77 годахъ о томъ же сообщали гг. Сцѣпура, Вейсъ-фонъ-Вейссенгофъ и Вырубовъ [3]). Ко времени открытія антропологической выставки въ Москвѣ, въ 1879 году [4]), туда было доставлено гг. Филиповымъ, Керцелли и Чернявскимъ нѣсколько череповъ изъ разныхъ мѣстъ Кавказа, а ко времени

[1]) Кавказскій Календарь. 1888 г.
[2]) Zeitschrift f. Ethnologie. 1890. IV.
[3]) Objets d'Antiquité, Tiflis. 1877.
[4]) Антропологическая выставка 1879 г. Москва, 1882 г., ч. III, т. IV и др. Труды Московскаго Общ. Естествоиспыт.

археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ въ 1881 году, на съѣздъ были присланы разные предметы и черепа, между прочимъ изъ Дагестана и Карсской области. Антропологическимъ изученіемъ ихъ занимались проф. А. П. Богдановъ[1]), А. А. Тихомировъ[2]), проф. Р. Вирховъ[3]), Эрн. Шантръ[4]). Въ послѣдніе года раскопки многихъ кавказскихъ могильниковъ произведены при участіи графини П. С. Уваровой, а описанія найденныхъ череповъ сдѣланы А. А. Ивановскимъ[5]).

Антропологическія изслѣдованія живыхъ начаты на Кавказѣ въ 1881 году Р. Θ. Эркертомъ[6]) и почти одновроменно съ нимъ Эрнестомъ Шантромъ[7]), а въ послѣднее время по этому вопросу появились труды доктора Н. В. Гильченко[8])—объ осетинихъ, Е. П. Вельяминовой[9])—о грузинкахъ, Н. В. Насонова[10])—о курдахъ, Н. А. Вырубова[11])—о кабардинцахъ и горскихъ татарахъ, а также изслѣ-

---

[1]) Богдановъ А. П.—О черепахъ изъ кавказскихъ кургановъ и могилъ. Антр. выставка. М. 1879. Т. III, ч. I, вып. 4.

[2]) Тихомировъ А. А.—Къ антропологіи современ. кавказскихъ расъ. Извѣст. И. Р. Общ. Естеств. М. Т. XXXV.

[3]) Virchow R.—Das Gräberfeld v. Koban in Lande der Osseten. Zeitschrift f. Ethnologie. 1885—7. Die Kaukas. u. Trauskauk. Gräberfeld.—idem.

[4]) Chantre Ern.—Recherches anthropol. dans le Caucase. Paris—Lyon. 1887.

[5]) Ивановскій А. А.—Дневн. Антроп. Отд. И. Р. Общ. Ест. 1891. вып. 5.

[6]) Erckert R.—Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig. 1887.

Его же — Kopfmessungen Kaukasischen Völker. Archiv. f. Anthrop. und Urgeschicht des Menchen,—begründet v. A. Ecker und L. Lindenschmit. Org. der deutschen Gesellschaft. 1890—1891 T. XVIII—XIX. Предварительныя сообщенія Р. О. Эркерта напечатаны въ Изв. Кавk. Отд. И. Р. Геогр. Общ. Т. VII—VIII и въ рефератахъ Л. П. Загурскаго.

[7]) Chantre Ern.—Recherches Anthropolog. 1887.

[8]) Н. В. Гильченко—Матер. для антропол. Кавказа—Осетины. Спб. 1890

[9]) [10]) Дневн. Антроп. Отд. Имп. Общ. Люб. Естеств. М. 1889—1890 г. Вып. IX. 1890, вып. X.

[11]) Вырубовъ Н. А.—Отч. о поѣздкѣ на Кавказъ. 1890 г. Дн. Антр. Отд. 1890, № 9.

дованія о физическомъ типѣ и патологіи нѣкоторыхъ племенъ, врачей[1]) и естествоиспытателя К. Н. Россикова[2]).

Мы не имѣемъ въ виду останавливаться на изученія черепов, остатковъ человѣка и слѣдовъ его дѣятельности въ доисторическій періодъ, потому что таковое изученіе не входитъ въ нашу программу, замѣтимъ только, что по извѣстнымъ, добытымъ до настоящаго времени, черепамъ, какъ въ могильникахъ Закавказскаго края, главнымъ образомъ, Самтавро, возлѣ Мцхета, Маріенфельда и Рѣдкина лагеря, такъ и по черепамъ, найденнымъ на сѣверномъ Кавказѣ, преимущественно въ Осетіи, видно, что въ эпоху бронзы и въ началѣ желѣзнаго вѣка во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ если не преобладалъ, то былъ весьма распространенъ долихоцефалическій типъ, съ черепнымъ показателемъ 70—74, а иногда и 69. Г. Шантръ полагаетъ[3]), по нашему мнѣнію безъ достаточныхъ основаній, что брахіоцефалическій типъ появился на Кавказѣ только за IV—V вѣковъ до Р. Х.

Въ могильникахъ, какъ древнихъ, такъ и позднѣйшихъ эпохъ встрѣчаются, однако, черепа самыхъ разнообразныхъ типовъ. По раскопкамъ графини В. С. Уваровой въ 1890 году могильниковъ Осетіи, повидимому, принадлежащихъ одной и той же эпохѣ, по измѣреніямъ А. А. Ивановскаго[4]), черепа изъ могильниковъ, взятыхъ въ недалеко лежащихъ одна отъ другой мѣстностяхъ, имѣли черепные показатели отъ 69 до 76, 80 и даже больше, въ среднемъ 73—74, а 4 черепа изъ могильника деревни Рутхи имѣли показатели minimum 67,₈ max. 74,₃, среднiй 71,₂. Принадлежали ли эти черепа одному народу или разнымъ, въ настоящее время опредѣлить нельзя. По недавнимъ изслѣдованіемъ G. De Lapouge[5])

[1]) Пантюховъ И. И.— О ростѣ нѣкот. племенъ Закав. края. Мед. Сбор. изд. Кавк. Мед. Общ. 1890, № 50. Его-же: Антроп. замѣтки о Кавказѣ. Прот. Засѣд. Русс. Антр. Общ. за 1889 г. Спб. 1890. Статья по племен. патологіи въ „Русск. Мед.“ за 1890, 1891 и 1892 гг. Уразовъ Г. В.—Медико-топогр. оч. Джебраильскаго уѣзда. Медиц. Сбор. Кав. Общ. № 50. Т. 1889.

[2]) Россиковъ К. Н. — Поѣздка въ юго-западн. часть горной Осетіи и Дагестанъ. Изв. Кав. Отд. Им. Рус. Геогр. Общ. Т. IX, 1886—88, стр. 96—107.

[3]) Chantre Ern.—Recherches anthrop. dans le Caucase. T. IV, p. 270.

[4]) Днев. Антр. Отд. 1891 г., вып. V.

[5]) G. De Lapouge—Cranes modernes de Montpellier. L' Anthropol. 1891, № 1.

череповъ изъ кладбища Моннелье XVII и XVIII столѣтія оказалось, что 117 череповъ, взятыхъ изъ части кладбища, гдѣ хоронили простой народъ, имѣли среднiй черепной показатель 78,3 и между ними было 58 съ показателемъ выше 80, а 17 череповъ изъ аристократическаго кладбища имѣли среднiй показатель 74,7, и изъ нихъ только одинъ былъ съ показателемъ выше 80, а половина съ показетелемъ меньше 75. De Lapouge въ своемъ трудѣ L'inégalité parmi les hommes[1]) доказываетъ, что долихоцефалы вообще люди инициативы, или, какъ онъ выражается, офицеры и штабъ арміи прогресса, а брахiоцефалы пассивная масса, рядовые, поэтому, по его заключенію, долихоцефалы вездѣ составляютъ, какъ бы привиллегированный классъ. По результатамъ раскопки Bertin въ Ниневіи, тамъ также господствующій классъ былъ длинноголовый. Насколько эти наблюденія могутъ быть доказательны вообще и въ особенности относительно населявшихъ Кавказъ племенъ, сказать въ настоящее время трудно.

При изученіи физическихъ качествъ нынѣ живущихъ людей, во многихъ случаяхъ не требуется никакихъ спеціальныхъ инструментовъ, а нужны только крайняя внимательность и строгая точность. Очень важные результаты получаются уже при изслѣдованіи достаточнаго числа лицъ одного племени, мѣстности и возраста, если опредѣлить только ихъ ростъ, окружность груди, головы, цвѣтъ глазъ и волосъ и различныя, замѣтныя для каждаго, уклоненія отъ нормальнаго типа. Сопоставляя найденные факты между собою и съ другими подобными, мы можемъ замѣтить и главнѣйшія особенности типа, и значеніе разнообразныхъ метисацій, и степень прогресса и регресса отдѣльныхъ, входящихъ въ составъ населенія, типовъ. При болѣе подробномъ изученіи человѣка уже необходимо руководствоваться спеціальными нормами и пріемами. Есть нѣсколько шаблоновъ для измѣреній тѣла, но какими бы шаблонами изслѣдователь ни руководствовался, самое важное, при измѣреніяхъ опредѣлить и вѣрно указать тѣ анатомическія точки, между которыми производится измѣреніе. Будетъ-ли производимо измѣреніе по нормамъ Брока—Богданова или по Вирхову и Велькеру, зная анатомическія точки, между которыми производилось измѣреніе, послѣдующіе наблюдатели всегда могутъ оріентироваться. Для изученія человѣка существуетъ множество способовъ, и употребляются многочисленныя измѣренія. Каждый

---

[1]) Revue d'Anthrop. 1888. T III.

изслѣдователь имѣетъ, безъ сомнѣнія, право употреблять тотъ способъ, который ему кажется лучшимъ и подходитъ къ его наклонностямъ и средствамъ, но большинство антропологовъ при массовыхъ измѣреніяхъ употребляютъ только наиболѣе важные, допускающіе наименѣе ошибокъ. Въ нашихъ изслѣдованіяхъ мы держались, главнымъ образомъ, программы, принятой Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія и Антропологіи.

Одинъ изъ важнѣйшихъ антропологическихъ признаковъ человѣческихъ типовъ и племенъ—ростъ. Уже самъ по себѣ средній ростъ говоритъ много, но еще большее значеніе получаетъ онъ при наблюденіи постепенности повышенія и пониженія его или кривой, при сравненіи роста разныхъ, встрѣчающихся въ каждомъ племени, антропологическихъ типовъ и по сравненію роста съ размѣрами отдѣльныхъ частей тѣла измѣряемыхъ лицъ. Чтобы можно было сопоставлять цыфры измѣреній, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ племенъ, измѣренія разныхъ частей тѣла необходимо привести къ какой нибудь общей единицѣ. Такою единицею можетъ быть только ростъ.

Первые почтенные изслѣдователи нынѣ живущихъ на Кавказѣ племенъ, гг. Эркертъ и Шантръ, такъ же какъ и почти всѣ временнопроживающіе и путешествующіе по Кавказу ученые, не имѣли возможности опредѣлить ростъ осмотрѣнныхъ ими, или произвели измѣренія роста у немногихъ, случайныхъ лицъ. Въ моей работѣ—*О ростѣ нѣкоторыхъ Закавказскихъ племенъ*, цыфра роста опредѣлена также не изъ однообразнаго матеріала и на основаніи, сравнительно, немногихъ цыфръ.

Придавая вопросу о ростѣ первенствующее значеніе, мною по сношенію съ врачами воинскихъ присутствій, въ настоящее время собраны болѣе подробныя и возможно точныя свѣдѣнія о ростѣ призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности въ Закавказскомъ краѣ, какъ принимаемыхъ на службу, такъ и бракуемыхъ. По этимъ даннымъ, ростъ населенія нѣкоторыхъ мѣстностей края, возраста 20—21 года, по племенамъ, оказался слѣдующій:

		Годъ призыва.	Число наблюденій.	Средній ростъ
Евреи	Кубинскаго уѣзда	1889	75	1616
„	„ „	1890	52	1617

		Годъ призыва.	Число наблюденій.	Средній ростъ.
Евреи	Кубинскаго уѣзда	1891	80	1622
„	Кутаисскаго „	1889	41	1630
„	Кайтаго-Табасаранскаго о.	1890	61	1644
Армяне	Нахичеванскаго уѣзда. . . .	1889	280	1623
„	„ „	1890	244	1616
„	Шарухо-Даралагезск. уѣзд.	1890	186	1626
„	Ордубадскаго уѣзда . .	1890	74	1629
„	Зангезурскаго „ . . .	1888	413	1630
„	„ „ . . .	1889	421	1632
„	Ахалкалакскаго „ . . .	1890	491	1630
„	Горійскаго „	1890	84	1634
„	Джебраильского „ . . .	1889	135	1640
„	Елизаветпольск. „ . . .	1889—90	330	1645
„	Тифлисскаго „ . . .	1889—90	230	1652
Грузины	Горійскаго „ . . .	1890	474	1639
„	Тифлисскаго „ . . .	1889	305	1640
„	„ „ . . .	1890	224	1644
„	Сигнахскаго „ . . .	1890	185	1652
„	„ „ . . .	1891	327	1651
„	Тіонетскаго, всѣ народ.. .	1889—90	308	1670
		1889	83	1660
„	„ собст. грузины .	1890	80	1640
„	„ „ тушины .	1890	35	1660
„	„ „ пшавы. .	1890	66	1688
„	„ „ хевсуры .	1890	44	1690
Имеретины	Кутаисскаго уѣзда. . .	1889	1366	1653
„	Лечгумскаго „ . . .	1889	176	1657
„	Шаропанскаго „ . . .	1890	1222	1658
„	Рачинскаго „ . . .	1890	101	1661
Мингрельцы	Сенакскаго „ . . .	1891	643	1642
„	Зугдидскаго (одни принят.).	1888—90	279	1647
Самурзаканцы	Сухумскаго округа. . . .	1889	261	1658
„	„ „ . . .	1890	300	1656
Абхазцы	„ „ . . .	1889	180	1652
„	„ „ . . .	1890	48	1650

		Годъ призыва.	Число наблюденій.	Средній ростъ.
Сванеты	Горные по Ингуру. . . .	1889	71	1660
,,	,, ,, ,, ...	1890	71	1656
,,	Нижн. по Цхенисъ-цхале.	1889	37	1625
Осетины	Горійскаго уѣзда.	1890	258	1670
,,	Терской обл.(по Гильченко).	—	200	1695
Русскіе	урож. Закавказья, правосл.	1889—90	195	1688
,,	„ „ сектанты	1889—90	226	1680
Нѣмцы	Тифлисск., Елизаветп. губ.	1890—90	75	1684
Греки	Тифлисск	1890	17	1645

Относительно опредѣленія роста другихъ народностей нѣтъ достаточно однообразнаго матеріала. По имѣющимся даннымъ, ростъ нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣдующій:

Турки по 42 моимъ измѣреніамъ, сходно съ измѣреніями
А. Н. Елисѣева. . . . . 1660 м.
Айсоры изъ окр. Урмія по 11 измѣрен. . . . . . 1683 „
Персіяне по 21 моему измѣренію . . . . 1687 „
Адербейжанскіе татары по 25 моимъ измѣрен. . . . 1658 „
Курды по 17 измѣр. Н. В. Насонова. . . . . . . 1685 ,,
Казикумуки по 9 измѣр. моимъ. . . . . 1690 ,,

Изъ остальныхъ народностей, по отдѣльнымъ наблюденіямъ разныхъ лицъ, средній ростъ можно принять: чеченцевъ 1680, кабардинцевъ 1670, лезгинъ, смотря по племени и мѣстности, между 1650—1670.

Такимъ образомъ, народности Кавказа по среднимъ цыфрамъ будутъ:

Низкаго роста 1620—1644 мм.:
- евреи.
- сванеты по Цхенисъ-цхале.
- армяне юго-восточные.
- грузины Тифлисскаго и Горійскаго уѣздовъ.
- мингрельцы Сенакскаго уѣзда.

Средняго роста 1645—1655 мм.:
- грузины Сигнахскаго уѣзда.
- ,, Тіонетскаго ,,
- армяне Тифлисскаго уѣзда.

Средняго роста 1645—1655 мм.	имеретины Кутаисскаго уѣзда. абхазцы.
Выше средняго роста 1656—1670	имеретины Шаропанскаго уѣзда. ,, Рачинскаго ,, мингрельцы Самурзакани. ,, турки, тушины. горные сванеты.
Высокаго роста 1671—1690	осетины. курды. персіяне. чеченцы. пшавы. хевсуры. нѣмцы. русскіе.

Слѣдовательно, кромѣ сванетовъ по Цхенисъ-цхале, которыхъ типъ патологически измельчалъ вслѣдствіе весьма сильно распространенныхъ между ними зоба и кретинизма, самыми низкорослыми будутъ евреи, армяне, часть грузинъ и мингрельцы Сенакскаго уѣзда, а самыми великорослыми—осетины, курды, чеченцы, персіяне, нѣмцы, русскіе и два небольшіе, по языку, принадлежащіе къ грузинамъ, племена—пшавы и хевсуры.

Послѣ роста, наиболѣе характерные особенности типа составляетъ цвѣтъ волосъ и глазъ. Преобладающій цвѣтъ волосъ головы населенія Кавказа черный, но обыкновенно не блестяще черный, а матовый. По наружному виду отличить оттѣнки чернаго цвѣта и постепенный переходъ его къ темно-русому не легко. Между прочимъ, по осмотрѣ мною волосъ 28 дѣвочекъ приходской армянской школы въ г. Ахалкалакахъ я нашелъ у всѣхъ дѣвочекъ черные волосы, когда же обратилъ вниманіе на концы косъ, то оказалось, что до конца косъ волосы были черны только у четырехъ дѣвочекъ, а у остальныхъ концы волосъ имѣли неодинаково русые оттѣнки. При осмотрѣ 60 мальчиковъ Тифлисской армянской св. Богородицы церкви, что на Майданѣ, у 50 были волосы черные, при чемъ у одного блестяще черные и завитые въ видѣ руна, у остальныхъ черные безъ яснаго блеска, а у 10 темнорусые, самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, отъ почти чернаго до каштановаго, пепельнаго и свѣтло-

русаго. Не считая вопроса о цвѣтѣ волосъ могущимъ быть научно рѣшеннымъ при нынѣшнихъ способахъ наблюденія, мы приведемъ изъ имѣющихся у насъ многихъ тысячъ опредѣленій цвѣта волосъ врачами воинскихъ присутствій только нѣкоторыя и вмѣстѣ съ ними и цыфры, полученныя другими изслѣдователями*).

Цвѣтъ волосъ головы.

		Число наблюденій.	Свѣтло-рус.	Темно-рус.	Черный.	Рыжій.
Евреи	Кубинскаго уѣзда..	150	2	8	135	5
"	Дагестанскаго окр...	60	—	4	56	—
"	Кутаисскаго уѣзда.	41	3	18	20	—
Армяне	Нахичеванскаго " ..	280	4	74	200	2
"	Зангезурскаго " ..	420	2	49	267	1
"	Елизаветпол. " ..	244	36	63	143	2
Грузины	Тифлисскаго " ..	300	15	111	174	1
"	Горійскаго " ..	452	39	106	302	5
"	Тіонетскаго " ..	107	—	67	37	3
Имеретины	Кутаисскаго " ..	1379	184	917	264	14
Мингрельцы	Зугдидскаго " ..	124	7	43	77	—
"	Самурзаканскаго " ..	255	17	71	155	12
Гурійцы	Озургетскаго " ..	99	6	34	57	2
Сванеты	Лечгумскаго " ..	106	5	61	40	—
Абхазцы	Сухумскаго округа ..	155	12	58	83	2
Кабардинцы	" " ..	126	—	28	97	1
Горцы западн.	" " ..	168	5	39	123	3
Лезгины вообще	" " ..	157	6	43	104	4
Осетины	" " ..	200	20	77	103	—

По словамъ г. Шантра, цвѣтъ волосъ грузинъ 50% темнорусый (châtain), 33% черный и 11% свѣтлорусый.

Изъ другихъ народностей персіяне, айсоры и курды нѣкоторыхъ

---

[1]) Опредѣленіе цвѣта волосъ кабардинцевъ и горцевъ сдѣлано Н. А. Вырубовымъ (Дневн. Антр .Отд. Имп. Общ. Естеств. 1890 г. вып. 9), опредѣленіе цвѣта волосъ осетинъ—Н. В. Гильченко а лезгинъ извлечено изъ текста упомянутаго труда Р. Ѳ. Эркерта. Остальныя опредѣленія сдѣланы частью мною, частью врачами воинскихъ присутствій.

мѣстностей имѣютъ цвѣтъ волосъ на головѣ на 85—90 и болѣе процентовъ черный.

Еще гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ опредѣленіе цвѣта волосъ на головѣ, представляетъ точное опредѣленіе цвѣта волосъ на лицѣ. Усы и борода появляются у кавказскихъ народовъ далеко не въ одинаковомъ возрастѣ. У армянъ и смѣшанныхъ съ ними адербейжанскихъ татаръ у 16—17-лѣтнихъ уже весьма замѣтны усы и борода, а у деревенскихъ 20-лѣтнихъ грузинъ, осетинъ, имеретинъ у 10—30% еще вовсе нѣтъ бороды, а у большинствъ только пушокъ или небольшіе и рѣдкіе волосы.

Цвѣтъ волосъ на лицѣ обыкновенно не однообразный. Черный цвѣтъ волосъ на лицѣ наичаще у евреевъ, персіянъ айсоровъ и армянъ нѣкоторыхъ мѣстностей. У другихъ народностей онъ рѣдокъ и переходитъ самыми разнообразными оттѣнками въ темнорусый, каштановый, свѣтлорусый, рыжій, а иногда и въ цвѣтъ льна. По наблюденіямъ моимъ и Н. А. Вырубова цвѣтъ волосъ на лицѣ у нѣкоторыхъ народностей:

	Цвѣтъ волосъ на лицѣ.				
	Число наблюденій.	Свѣтло-рус.	Темно-рус.	Черный.	Рыжій.
Кабардинцы (Вырубовъ). . . .	114	4	34	65	11
Горскіе татары (Вырубовъ). . .	155	6	79	57	13
Имеретины „ . .	52	11	31	4	6
Мингрельцы „ . .	243	59	117	29	38
Гурійцы „ . .	94	25	34	16	19

Черные, хотя тоже съ свѣтлыми оттѣнками, волоса на лицѣ у имеретинъ и мингрельцевъ встрѣчаются только у 8—10%, а рыжіе у 10—15%. При этомъ, однако, необходимо замѣтить, что сплошь рыжіе волосы составляютъ менѣе одного процента, а рыжими мною помѣчались такіе, въ которыхъ рыжій цвѣтъ преобладалъ, или, по крайней мѣрѣ, былъ совершенно явственъ. У многихъ рыжій цвѣтъ переходитъ въ бѣлокурый, иногда даже въ цвѣтъ льна. Совершенно бѣлокурые, цвѣта льна, волосы на лицѣ, особенно на усахъ и бровяхъ, у мингрельцевъ встрѣчались у 2—3%, а у кабардинцевъ почти у одного процента. Разнаго цвѣта волоса кавказскихъ туземцевъ имѣютъ неодинаковую толщину и другія качества. Черные волосы на головѣ—обыкновенно прямые, сравнительно толстые,

рѣдко волнистые, еще рѣже курчавые. Толщина черныхъ волосъ 0,066—0,078—0,081 и до 0,091 мм., при чемъ толщина колебалась не только у разныхъ лицъ, но у одного и того же. Волосы темнорусые тоньше и мягче черныхъ и нерѣдко, особенно у населенія Кутаисской губерніи, волнисты. Волосы на бакахъ имеретинъ имѣютъ характерные завитушки.

Изъ особенностей волосъ населенія Кавказа заслуживаетъ вниманія раннее появленіе на волосахъ сѣдины. Волосы сѣдѣютъ уже до 20 лѣтъ, но никогда всею массою или даже отдѣльными пучками, и бѣлѣютъ только отдѣльно сидящіе между нормальными волоса. Изъ 237 осмотрѣнныхъ мною мингрельцевъ 21—23 лѣтъ посѣдѣніе найдено у 18 или $7,_6$%, изъ 120 грузинъ такого же возраста у 6%, изъ 200 абхазцевъ, по осмотру д-ра Барскаго, у 4-5%. Процентъ появленія сѣдыхъ волосковъ у лицъ другихъ народностей опредѣлялся не на однообразномъ матеріалѣ. По имѣющимся цыфрамъ сѣдина въ возврастѣ 20—22 лѣтъ у евреевъ и армянъ встрѣчается у 3—4%, а у осетинъ, кабардинцевъ, курдовъ, лезгинъ и еще рѣже.

По микроскопическому изслѣдованію посѣдѣвшихъ волосковъ, ни въ стволѣ ихъ, ни въ луковицѣ не найдено никакихъ патологическихъ измѣненій и сѣдые волоски точно также прочно какъ и нормальные сидѣли въ кожѣ, но толщина сѣдыхъ волосковъ была нѣсколько больше, чѣмъ нормальныхъ. Сѣдые волосы наблюдались почти одинаково часто, какъ при черныхъ, такъ и при русыхъ волосахъ. Время старческаго посѣдѣнія у кавказскихъ племенъ точно не опредѣлялось, обыкновенно оно появляется около 50 лѣтъ, но вообще въ весьма неодинаковомъ возрастѣ. Облысѣніе у лицъ съ черными волосами и карыми глазами наступаетъ поздно и часто у лицъ 60—70 лѣтъ; выпаденія волосъ еще незамѣтно и волосы на головѣ также густы, какъ и у молодыхъ.

Преобладающій цвѣтъ глазъ у кавказскихъ туземцевъ карый. Между всѣми народностями имѣется большій или меньшій процентъ и глазъ, какъ не содержащихъ караго пигмента, такъ и среднихъ, гдѣ карый пигментъ наслоенъ на основномъ сѣромъ или голубомъ цвѣтѣ. Опредѣленіе сплошнаго караго, особенно интенсивнаго, цвѣта глазъ, не можетъ встрѣчать затрудненія, но опредѣленіе безпигментыхъ глазъ не всегда легко. Иногда, особенно у имеретинъ и мингрельцевъ, пигментъ лежитъ такою тонкою каемкою вокругъ зрачка или такъ слабо наслоенъ на интенсивно сѣромъ или голубоватомъ фонѣ, что глаза кажутся чисто сѣрыми или го-

лубыми и констатировать пигментъ можно только при весьма внимательномъ осмотрѣ. Точно также иногда трудно замѣтить отдѣльныя незначительныя вкрапленія пигмента.

Попадаются еще глаза однообразно пепельнаго, свѣтло-желтаго цвѣта, гдѣ можно стать въ затрудненіе, считать ли такіе глаза за пигментированные или нѣтъ.

Первыми почтенными изслѣдователями антропологическаго типа нынѣ населяющихъ Кавказъ племенъ, гг. Эрнестомъ Шантромъ и Р. О. Эркертомъ, цвѣтъ радужной оболочки глазъ весьма часто опредѣлялся зеленымъ. Г. Эркертъ нерѣдко опредѣляетъ цвѣта глазъ двумя и тремя словами, напр.: желто-каро-зеленый, зелено-желто-голубой, темно-сѣрый, сѣро-зеленый. Впечатлѣнія зеленаго цвѣта даютъ дѣйствительно многіе глаза туземцевъ. Кромѣ зеленоватаго цвѣта, происходящаго отъ смѣшенія голубаго или синяго съ желтымъ, у нѣкоторыхъ народностей нерѣдко встрѣчаются глаза карые, съ разнообразными зеленоватыми оттѣнками. По осмотрѣ мною дѣтей армянской приходской Тифлисской св. Богородицы, что на Майданѣ, школы, изъ 60 дѣтей, у одного были глаза сѣрые, у троихъ—сѣроголубые и голубые, у 2—сѣрозеленые, у 4—средніе, смѣшанные, а изъ остальныхъ 50 темно-каро-глазыхъ, у восьми дѣтей замѣчался зеленоватый отливъ, а у двоихъ раекъ былъ такъ черенъ, что не отличался отъ зрачка. Вообще, зеленый цвѣтъ глазъ долженъ быть причисленъ къ трудно опредѣляемымъ и взглядъ на него разныхъ наблюдателей не одинаковъ. Н. А. Вырубовъ у кабардинцевъ и горныхъ татаръ нашелъ 1,5—2,8% зеленыхъ глазъ. Другіе наблюдатели причисляли зеленые глаза, смотря по преобладающему впечатлѣнію, то къ карымъ, то къ зеленымъ или сѣрымъ. Докторъ Н. В. Гильченко вовсе не приводитъ цыфръ зеленыхъ и, вообще, средняго цвѣта глазъ у осетинъ. Наичаще зеленые глаза встрѣчаются у мингрельцевъ и особенно у сванетовъ.

Меньше всего безпигментныхъ глазъ, т. е. чисто сѣрыхъ и голубыхъ, между кавказскими народностями у персовъ, курдовъ, адербейжанскихъ татаръ, евреевъ и армянъ, гдѣ безпигментные глаза даютъ отъ 2 до 8% всѣхъ глазъ, а больше всего у мингрельцевъ, сванетовъ, имеретинъ, грузинъ и нѣкоторыхъ дагестанскихъ горцевъ, гдѣ они составляютъ 10—15% всѣхъ глазъ. Среднихъ глазъ, куда должно причислить и зеленые, между первою группою 10—15%, между грузинами 15—25, имеретинами, сване-

тами и нѣкоторыми дагестанскими горцами, считая по опредѣленію г. Эркерта всѣ переходные цвѣта за средніе, отъ 30 до 50%.

Процентъ безпигментныхъ глазъ даже у одного и того же племени, по обществамъ и мѣстностямъ, не всегда одинаковъ; преподаватель Тифлисской гимназіи г. Ганъ[1]) видѣлъ у всѣхъ дѣтей одной осетинской школы, Тифлисской губерніи, вверхъ по р. Большая Ліахва, отъ с. Цхинвалъ, голубые глаза, а Н. В. Гильченко нашелъ у осетинъ сѣвернаго Кавказа только 5,4% голубыхъ и 30% сѣрыхъ глазъ. Г. Эрн. Шантръ нашелъ у курдовъ 3% голубыхъ глазъ и 7% зеленыхъ, но есть племена курдовъ, гдѣ голубыхъ глазъ вовсе не наблюдается, а чаще встрѣчаются сѣрые. Между прочимъ С. А. Еліазаровъ[2]) вовсе не наблюдалъ блондиновъ у курдовъ одной мѣстности Эриванской губерніи.

Въ Горійскомъ уѣздѣ, въ сел. Гориджвари, голубые глаза чаще, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ Грузіи и, между прочимъ, я видѣлъ четырехъ братьевъ грузинъ, главъ четырехъ семействъ изъ этого селенія, съ чисто голубыми глазами. У армянъ Артвинскаго округа я наблюдалъ голубые глаза чаще, чѣмъ у армянъ другихъ мѣстностей. У лезгинъ разныхъ мѣстностей даже одного и того же племени г. Эркертъ находилъ весьма неодинаковое распредѣленіе цвѣтности глазъ. Есть также семейства привиллигированныхъ сословій въ Имеретіи, Мингреліи и Сванетіи, гдѣ преобладаютъ безпигментные глаза.

Кромѣ упомянутыхъ наблюденій и моихъ личныхъ опредѣленій, у меня имѣется нѣсколько тысячъ наблюденій цвѣта глазъ, сдѣланныхъ врачами воинскихъ присутствій во время осмотра призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности. Собиравшіе свѣдѣнія по моей просьбѣ, врачи не задавались никакими цѣлями, а были простыми отмѣтчиками фактовъ на установленныхъ мною бланкахъ, только имѣя въ виду, что собираемыя свѣдѣнія необходимы для научныхъ надобностей. Разсматривая именные списки съ отмѣтками: мѣста родины, происхожденія, роста, окружности груди, цвѣта волосъ, глазъ и нѣкоторыхъ другихъ физіологическихъ и патологическихъ особенностей осмотрѣнныхъ врачами молодыхъ людей призывнаго возраста, уроженцевъ разныхъ мѣстностей и принадлежащихъ къ разнымъ народностямъ, ока-

---

[1]) Hahn C.—Aus dem Kaukasus, Leipzig. 1892. p. 62.

[2]) Записк. Кавк. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1891 г. Т. VIII, вып. 2.

зывается, что лица, имѣющія разнаго цвѣта окраску радужной оболочки глазъ, часто имѣютъ неодинаковое физическое развитіе и въ общемъ отличаются какъ ростомъ, такъ и величиною головы и другими признаками. При личномъ осмотрѣ нѣсколькихъ сотень лицъ разныхъ народностей, эта неодинаковость физическаго типа, въ зависимости отъ цвѣта глазъ, подтверждалась.

Приводя ниже нѣкоторыя данныя о зависимости физической организаціи отъ антропологическаго, входящаго въ составъ населенія, типа, представляю таблицу распредѣленія цвѣта глазъ: сѣрыхъ, голубыхъ, среднихъ и карыхъ, по опредѣленію моему и другихъ, указанныхъ въ таблицѣ наблюдателей.

Цвѣтъ глазъ кавказскихъ племенъ.

Племя.	Мѣсто наблюденій.	Наблюдатель.	Число наблюденій.	Цвѣтъ глазъ.			
				Сѣрый.	Голуб.	Средній.	Карый.
Евреи	Ахалцыхъ	Пантюховъ. .	23	2	1	2	18
,,	Кутаисъ	Зеленскій . .	1	3	—	4	34
,,	Дагестанъ	Шабиневичъ .	60	1	—	9	50
,,	Кубинскій у.	Сорокинъ . .	80	10	2	—	68
Армяне	Нахичеванскій у.	Войцеховскій.	280	5	—	48	227
,,	Ордубатскій	,,	73	1	4	4	53
,,	Шаруро-Даралаг.	Козловскій. .	186	5	3	47	130
,,	Джеванширскій.	,,	135	20	1	4	109
,,	Зангезурскій	,,	432	19	6	62	345
,,	Елизаветпольск.	Левитусъ. . .	249	38	10	19	182
,,	Ахалкалакскій	Успенскій . .	491	16	6	12	457
,,	Разныхъ уѣздовъ	Пантюховъ. .	100	5	2	13	80
Грузины	Горійскій у.	Кириловъ . . Пурцеладзе .	509	59	11	180	532
,,	Тифлисскій	Чепурковскій.	309	19	20	33	237
,,	Разныхъ уѣздовъ	Пантюховъ. .	100	6	5	12	77
Хевсуры	Тіонетскій	Войцеховскій.	44	6	3	15	20
Пшавы	Тіонетскій	,,	64	—	7	12	45
Тушины	Тіонетскій	,,	32	—	4	14	14
Имеретины	Кутаиcкій у.	Зеленскій . .	1363	76	103	282	902
,,	Рачинскій	Бунитіанцъ. .	101	3	6	12	80
,,	Лечгумскій	Дѣловъ. . . .	176	4	12	75	85
,,	Разныхъ уѣздовъ	Пантюховъ . .	80	4	7	12	57
Мингрельц.	Зугдидскій	,,	131	3	9	62	57
,,	Сенакскій	,,	114	2	9	59	44
,,	Самурзаканскій	Барскій . . .	556	89	34	34	399
Абхазцы	Сухумскій окр.	Барскій . . .	294	33	18	25	218

Цвѣтъ глазъ Кавказскихъ племенъ.

Племя.	Мѣсто наблюденій.	Наблюдатель.	Число наблюденій.	Цвѣтъ глазъ. Сѣрый.	Голуб.	Средній.	Карый.
Сванеты	Лечгумскаго	Чуевъ	106	4	4	53	45
Осетины	Терской обл.	Гильченко . .	200	61	9	—	130
,,	Горійскаго уѣзд.	Цурцеладзе. . Кириловъ. . .	190	40	5	63	82
Аварцы	Дагестанской об.	Эркертъ.. . .	43	—	4	4	35
Казикумух.	,,	,, . . .	35	6	2	6	21
Андійцы.	,,	,, . . .	65	9	8	18	30
Дидойцы	,,	,, . . .	43	10	3	14	16
Даргинцы	,,	,, . . .	131	16	7	43	65
Курюнцы	,,	,, . . .	43	2	4	16	21
Табасаран.	,,	,, . . .	34	3	—	15	16
Чеченцы	,,	,, . . .	35	7	4	9	15
Адиге	Кубанской обл.	,, . . .	16	—	2	2	12
Кабардинц.	,,	,, . . .	8	—	1	2	5
,,	,,	Вырубовъ. . .	126	11	5	8	102
Горцы вост.	,,	,, . . .	168	34	11	11	112
Греки	Тифлисской губ.	Хащинскій. .	16	2	—	—	14
Русск. прав.	Бакинской ,,	Сорокинъ. . .	52	37	11	–	4
,, ,,	Тифлисскаго у.	Хащинскій. . Чепурковскій..	72	37	5	14	16
Субботник.	Ленкоранскаго	Сорокинъ. . .	17	10	5	—	2
Молокане	,,	,, . . .	25	7	16	—	2
,,	Елисаветпольск.	Козловскій . .	—	7	—	2	1
Нѣмцы	Тифлисскаго у.	Хащинскій . . Чепурховскій .	38	14	4	11	9
,,	Елизаветпольск.	Козловскій . .	13	4	1	2	6

Преобладающій *цвѣтъ глазъ* у всѣхъ народностей карый, нерѣдко, особенно у армянъ и, отчасти, грузинъ, переходящій въ интенсивно карый или черный. У нѣкоторыхъ народностей черные глаза рѣдки, и у турокъ по 42 наблюденіямъ я не видѣлъ ни разу темнокарыхъ, а только свѣтлокарые глаза. Преобладаніе караго цвѣта глазъ колеблется между 80—92% —у курдовъ, айсоровъ, евреевъ, персіянъ, армянъ многихъ мѣстностей и адербейджанскихъ татаръ; между 60—70%—у грузинъ, осетинъ, имеретинъ и 40—50%—у мингрельцевъ, сванетовъ и нѣкоторыхъ племенъ Дагестана. Процентъ безпигментныхъ сѣрыхъ и голубыхъ глазъ ко-

леблется между 2—15 и даже болѣе процентами. Большая или меньшая интенсивность и оттѣнки этихъ глазъ въ высшей степени разнообразны. Очень часто, особенно у имеретинъ, мингрельцевъ, но, главнымъ образомъ, у сванетовъ, средняго цвѣта глаза представляются явственно зеленоватыми. У сванетовъ, разнообразныхъ оттѣнковъ зеленые глаза даютъ 20—30% всѣхъ глазъ. У мингрельцевъ мною наблюдались глаза, нигдѣ больше не встрѣчавшагося цвѣта—чисто пепельнаго и ярко желтаго. Весьма обстоятельно опредѣленъ цвѣтъ глазъ въ послѣднемъ, напечатанномъ въ Archiv f. Anthropologie 1891 года, трудѣ Р. О. Эркерта у туземцевъ Дагестана. По выбраннымъ мною изъ текста опредѣленіямъ г. Эркерта карые глаза преобладаютъ у аварцевъ (81%), кабардинцевъ (80%), адиге (85%), казикумухцевъ (62%). Сѣрые глаза наичаще наблюдались у дидойцевъ (23%), казикумухцевъ (16%), чеченцевъ (20%), рѣдко у кюринцевъ (4%), и вовсе не наблюдались у аварцевъ. Голубые глаза, почти всегда свѣтлаго цвѣта, наичаще наблюдались у андійцевъ (12%), чеченцевъ, кюринцевъ и аварцевъ (8—10%), и вовсе не замѣчены у табасаранцевъ. Въ частности нѣкоторыя общества отличались особенно большимъ числомъ свѣтлаго цвѣта глазъ. Въ Андійскихъ обществахъ Хлибиши и Иди или Тинди по 10 и 7 наблюденіямъ преобладали въ первомъ голубоглазые, а во второмъ зеленоглазые, а карые глаза были только у двухъ. Глаза среднихъ и смѣшанныхъ цвѣтовъ составляютъ 28,2% всѣхъ осмотрѣнныхъ г. Эркертомъ глазъ лезгинъ. По разнымъ оттѣнкамъ 125 случаевъ средняго цвѣта глазъ, по опредѣленію г. Эркерта, въ текстѣ его труда, распредѣлялись:

Сѣро-карый	30	Желто-карый	17
Сѣро-желтый	18	Желто-зеленый	21
Сѣро-зеленый	23	Зелено-карый	6
Сѣро-голубой	10		

Наиболѣе часты средняго цвѣта глаза у табасаранцевъ (45%), кюринцевъ (37%), даргинцевъ и дидойцевъ (32%). У табасаранцевъ преобладаютъ сѣро-карые, составляющіе 80% всѣхъ среднихъ глазъ, у даргинцевъ сѣро-желтые и желто-карые (по 40%), а у дидойцевъ сѣро—и желто-зеленые (95%.) Карые кружки и точки, составляющіе такую частую и характерную особенность глазъ населенія Кутаисской губерніи, между народностями Дагестана замѣчены г. Эркертомъ только у весьма немногихъ. У

одного аварца съ голубыми глазами и, сравнительно, небольшимъ черепнымъ показателемъ—81,$_8$,—ростъ былъ измѣренъ и оказался весьма высокъ—1828 мм. Изъ числа измѣренныхъ мною 9 кази-кумухцевъ, у одного голубоглазаго ростъ 1700, головной показатель 86,$_7$, скуловой діаметръ 150, окружность головы 545 мм.

По моимъ наблюденіямъ имеретинъ, мингрельцевъ и гурійцевъ, между ними найдено глазъ сѣрыхъ 2,8%, голубыхъ 6,9%, зеленыхъ 0,3%, однообразно карыхъ 38%, а остальные 49% должны быть причислены къ смѣшаннымъ, по другимъ наблюдателямъ—зеленымъ. Главная особенность смѣшанныхъ глазъ этихъ народностей, концентрическіе, обыкновенно карые, разной пигментаціи, кружки вокругъ зрачка, при чемъ основной цвѣтъ не всегда рѣзко различается. По уѣздамъ, средняго цвѣта глаза найдены ¹):

	Раекъ съ концентрическими карыми круглыми и неясными, часто зеленоватыми, оттѣнками	Сѣрый съ карыми коемками.	Голубой съ карымъ	Желтые глаза безъ пигмента.
Озургетскій уѣздъ. .	34	6	2	2
Кутансскій.	12	6	5	1
Сенакскій.	41	1	13	4
Зугдидскій.	28	8	10	3

Показатель головной и, получаемый изъ него, вычитаніемъ двухъ единицъ, черепной нынѣ живущія племена имѣютъ:

	Народность.	Наблюдатель	Число наблюденій.	Головной показат.	Черепной показат.
Долихоцефалы 70—75	Персіяне	Шантръ. . .	6	76,$_6$	74,$_6$
	,,	Пантюховъ. .	21	76,$_6$	74,$_6$
Субдолихоцефалы 75,$_1$—77,$_7$	Курды	Насоновъ. .	26	78,$_4$	76,$_4$
	,,	Шантръ. . .	30	79,$_5$	77,$_5$
Мезатицефалы 77,$_8$—80	Адербейджанскіе татары	Пантюховъ. .	34	79,$_4$	77,$_4$
		Эркертъ. . .	28	80,$_0$	78,$_0$
	Курды	Шантръ. . .	131	81,$_8$	79,$_8$

¹) Пантюховъ И.—Антроп. замѣтки на Кавказѣ. Прот. Русск. Антроп. Общ. 1889 г. С.-пб.

	Народность.	Наблюдатель.	Число наблюденій.	Головной показат.	Черепной показат.
	Калмыки	Эркертъ. . .	10	80,9	78,9
Мезатицефалы	Имеретины	Пантюховъ. .	52	81,3	79,3
	Чеченцы	Россиковъ [1]).	—	81,3	79,3
77,8—80,0	Черкесы, адиге	Эркертъ. . .	30	81,9	79,9
	Абхазцы	Пантюховъ. .	12	81,7	79,7
	Мингрельцы	,, . .	15	81,6	79,6
	Осетины	Гильченко. .	200	82,6	80,6
	Хиналугцы	Эркертъ. . .	10	82,7	80,7
Суббрахицефалы	Горные татары	Вырубовъ . .	175	83,4	81,4
	Кабардинцы	,, . .	125	83,8	81,8
80,1—83,3	Сванеты	Пантюховъ. .	19	84,0	82,0
	Дидойцы	Эркертъ. . .	52	84,6	82,6
	Казикумухцы	,, . .	36	85,2	83,2
	Грузины	Шантръ. . .	7	85,8	83,8
	,,	Пантюховъ. .	90	85,5	83,5
	Армяне	Шантръ. . .	35	85,5	83,5
	,,	Пантюховъ. .	100	86,3	84,3
Брахицефалы	Евреи горные	Эркертъ. . .	10	86,7	84,7
	,, кубинск.	Пантюховъ. .	17	87,4	85,4
	,, ахалцыхск.	,, . .	18	85,3	83,3
83,4—85,0	Даргинцы	Эркертъ. . .	127	86,2	84,2
	Табасаранцы	,, . . .	34	86,3	84,3
	Кюринцы	,, . . .	43	87,6	85,6
	Айсоры	,, . . .	5	85,1	83,1
	,,	Пантюховъ. .	10	87,0	85,0

Къ наиболѣе длинноголовымъ принадлежатъ персіяне, курды, адербейжанскіе татары, къ среднеголовымъ—имеретины, чеченцы, черкесы, абхазцы, къ подкороткоголовымъ—осетины, кабардинцы, сванеты и нѣкоторыя племена Дагестана и, наконецъ, къ коротко-головымъ въ Закавказскомъ краѣ группа наиболѣе малорослыхъ—грузины, армяне и евреи, а изъ дагестанскихъ горцевъ—даргин-

[1]) Это опредѣленіе взято изъ сочиненія И. В. Гильченко. Число наблюденій неизвѣстно,

цы, табасаранцы и, особенно, кюринцы. Измѣренные мною 11, имѣвшихъ самый широкій черепъ, айсоровъ принадлежали къ уроженцамъ не Кавказа, а округа Урмія въ Персіи. Уже изъ представленной таблицы видно, какъ произвольно нѣкоторые ученые причисляли всѣ кавказскія народности къ одному типу, а также и ошибочность предположенія, попавшаго въ популярныя сочиненія по антропологіи и, между прочимъ, въ спеціальное сочиненіе Топинара, что персіяне, армяне, грузины и курды принадлежатъ къ одному типу.

Между всѣми народностями встрѣчаются черепа разныхъ типовъ. У Тифлисскаго муши-еврея Чичавадзе, при высокомъ, далеко уклоняющемся отъ средняго, ростѣ—1795 мм.—черепной показатель 79,4, а у другого еврея, Бехарашвили, также, какъ и первый, ахалцыхскаго уроженца, ростъ 1650, головной показатель 90,8. У грузинъ и лезгинъ показатели колеблются между 75—76 и 90—93. Точно также у народностей наиболѣе долихоцефалическаго типа нерѣдко встрѣчаются черепа весьма широкіе. У нѣкоторыхъ персіянъ и, между прочимъ, у одного персіянина, занимающаго высокій постъ въ Тифлисѣ, широкій черепъ по устройству имѣетъ полное сходство съ армянскимъ. У курдовъ Шантръ наблюдалъ также черепные показатели 83 и 84. Такіе разнообразные показатели, безъ сомнѣнія, произошли отъ метисаціи разнородныхъ типовъ. Въ историческое время метисація, нерѣдко насильственная, наиболѣе часто происходила между длинноголовыми персіянами, татарами, курдами и короткоголовыми армянами, грузинами и евреями.

Черепа длинноголоваго типа, находимые въ могильникахъ бронзоваго и начала желѣзнаго вѣка, имѣютъ своихъ представителей и въ настоящее время. Кромѣ длинноголовыхъ курдовъ и персіянъ, черепа съ показателями 70—72 наблюдаются и среди населенія Кутаисской губерніи. У жителей Окумскаго округа Самурзакани: Стефана Голенава длина черепа 203, ширина 143, черепной показатель 70,4, у Амта Голенава длина 182, ширина 134, показатель 73,6. Самый широкій черепъ былъ наблюдаемъ мною у принятаго въ военную службу уроженца Шорапанскаго уѣзда Модабадзе. Окружность головы его была 608 мм., а черепной показатель, вслѣдствіе уплощенія затылка, 103.

Размѣры разныхъ частей головы, лица и другихъ частей тѣла колеблются между кавказскими племенами въ весьма широкихъ предѣлахъ. *Емкость черепа*, по измѣреніи ея наполненіемъ черепа просомъ, найдена:

Черепъ, хранящійся въ музеѣ общества кавказскихъ врачей подъ № 9, добытый въ Кюринскомъ округѣ, продольн. діам. 17‘ поперечн. 144, головной показатель 84,,, емкость 1410 к. сант.

№ 10, оттуда же, добытый на кладбищѣ въ Самтавро, возлѣ Мцхета, прод. діам. 178, попер. 148, показатель 83,,, кубическій объемъ 1410 к. сант.

Имѣющіеся у меня 2 черепа изъ армянскаго кладбища въ Тифлисѣ, куб. объемъ 1420—1480 к. сант.

Два черепа, добытые мною изъ склепа развалинъ церкви, верстахъ въ двухъ недоѣзжая Абасъ-тумана: одинъ имѣлъ продольный діаметръ 176, поперечн. 152, показатель 86,,, емкость 1560; другой—продольн. діам. 179, попер. 158, показатель 88,,, емкость 1510 к. сант.

Изъ череповъ современныхъ измѣрены:

Хранящійся въ музеѣ общества кавказскихъ врачей подъ № 12, убитаго въ Зангезурскомъ уѣздѣ, разбойника-татарина Али-Кяръ-Кауръ-оглы—діаметр. прод. 185, попер. 142, показатель 77,,, емкость 1450 к. сант.

Оттуда же, подъ № 13, разбойника Мегръ-оглы, тамъ же убитаго, діаметръ продольн. 183, поперечн. 142, показатель 77,,, кубическій объемъ 1395 к. сант.

Оттуда же, подъ № 17, татарина Елизаветпольской губерніи Казахск. уѣзда, продольный діаметръ 188, поперечный 137, показатель 72,,, емкость 1500 к. сант.

Оттуда же, черепъ грузина подъ № 15, продольн. діам. 170, поперечн. 160, показатель 94,,, емкость 1540 к. сант.

Оттуда же черепъ имеретина подъ № 14, очевидно смѣшаннаго происхожденія, продольн. діаметръ 175, поперечн. 155, показатель 87,,, емкость 1510 к. сант.

Оттуда же № 16, абхазца Сулейманъ-Адлейба, продольный діам. 179, поперечн. 141, показатель 78,,, емкость 1560 к. сант.

Кромѣ того по измѣренію четырехъ, наблюдавшихся въ тифлисскомъ военномъ госпиталѣ лицъ, емкость череповъ ихъ найдена:

Лезгина Али-Али-оглы весьма искривленный черепъ: емкость 1480; татарина Ахалцыхскаго уѣзда Мустафа-Рауджабъ-оглы—1690; татарина Рустамъ-оглы, изъ неизвѣстной мѣстности, 1410, и армянина Шакаро Авакимова, Тифлисскаго уѣзда, 1420 к. сант.

Черепа разбойниковъ совершенно правильны и по формѣ весьма подходятъ къ черепамъ, находимымъ въ Самтаврскомъ кладбищѣ въ среднемъ ярусѣ.

По произведеннымъ измѣреніямъ нынѣ живущаго населенія изъ наиболѣе характерныхъ чертъ разныхъ типовъ упомянемъ о слѣдующихъ:

Длина лица отъ корня волосъ до подбородка абсолютно самая большая у персіянъ, 188 мм.; самая меньшая у абхазцевъ и мингрельцевъ, 174 до 178; но относительно роста самая большая у персіянъ, $11,_{1}$, самая меньшая у грузинъ $10,_{8}\,^{0}/_{0}$.

Ширина лица верхняя, т. е. разстояніе между наиболѣе удаленными частями скулъ, между племенами Закавказскими по нашимъ измѣреніямъ, у персіянъ 138 мм. или $8,_{2}\,^{0}/_{0}$ роста, у имеретинъ, айсоровъ, евреевъ и армянъ 141 или $8,_{7}$—$8,_{3}$—$8,_{5}$—$8,_{8}\,^{0}/_{0}$ роста, у грузинъ $142,_{5}$ или $8,_{6}\,^{0}/_{0}$ роста. Несравненно большая разница и большее разстояніе между скулами у кавказскихъ горцевъ. По измѣреніямъ г. Эркерта, разстояніе наиболѣе удаленныхъ точекъ скулъ у казикумухцевъ $146,_{6}$, по измѣреніямъ г. Гильченко у осетинъ $144,_{8}$.

Длина носа, по нашимъ наблюденіямъ, наименьшая у персіянъ $53,_{5}$ мм., а по опредѣленію г. Эркерта у агуловъ $52,_{5}$, наибольшая у армянъ $56,_{8}$ мм., а по измѣренію г. Эркерта у андійцевъ $58,_{7}$. *Ширина носа* умѣренная, но между всѣми народностями наблюдались носы и весьма широкіе, съ показателемъ 75 - 80, а у одного армянина даже 100. Между закавказскими туземцами наичаще широкіе носы у грузинъ, у которыхъ средняя ширина носа $35,_{1}$ или $2,_{1}\,^{0}/_{0}$ роста. Изъ другихъ народностей наичаще широкіе носы съ показателемъ выше 75, по опредѣленію г. Эркерта, у калмыковъ $50\,^{0}/_{0}$, рутульцевъ $40\,^{0}/_{0}$, ногайцевъ $38\,^{0}/_{0}$, рѣже—у даргинцевъ $6\,^{0}/_{0}$ и татаръ $2,_{1}\,^{0}/_{0}$ и вовсе нѣтъ широкихъ носовъ у будугцевъ, хиналугцевъ, айсоровъ, евреевъ. Число наблюденій этихъ народностей однако слишкомъ незначительно.

Самая большая *длина рукъ* наблюдалась у айсоровъ, персіянъ. сванетовъ, причемъ большой размахъ ихъ рукъ $104,_{1}$—$104,_{4}$—$105\,^{0}/_{0}$ роста, а самая малая у грузинъ $102,_{1}\,^{0}/_{0}$ и мингрельцевъ $101,_{8}\,^{0}/_{0}$ роста.

Абсолютная и относительная величина длинныхъ костей скелета весьма неодинакова. Средняя длина у грузинъ—плеча—$19,_{8}$, предплечія—$14,_{3}$, кисти—$11,_{7}$, всей руки—$45,_{8}\,^{0}/_{0}$ роста,—длиннѣе средней длины руки мингрельцевъ и короче руки армянъ.

Относительная *длина ноги* отъ нижняго срощенія лобковыхъ костей, по измѣренію въ Тифлисскомъ воинскомъ присутствіи, самая малая у армянъ, а самая большая у русскихъ.

По измѣреніямъ 6 курдовъ, ноги у нихъ отъ лобка 48,2°/₀ роста.

Тазовыя кости, по наблюденію доктора-акушера Кананова, у грузинокъ и армянокъ относительно шире, чѣмъ у русскихъ.

Вѣсъ молодыхъ людей, принятыхъ въ военную службу, по взвѣшиванію, произведенному въ Лорійскомъ полку:

28	уроженцевъ	Тифлиса	63,5 кил.
123	„	Тифлисской губерніи	62,1
71	„	Елизав. губ., Зангезурск., Джеваншир. у.,	61,3
32	„	Нухинскаго уѣзда	60,0
29	„	Кубинск. и Шемахинск.	61,2
32	„	Шушинскаго.	62,6
35	„	Кутаисскаго	62,1

Вѣсъ 75 киллограмовъ и болѣе имѣли 12 человѣкъ или 7°/₀ взвѣшенныхъ Тифлисскаго уѣзда, и не имѣлъ ни одинъ изъ уроженцевъ Нухинскаго и Кубинскаго уѣздовъ. Среднiй вѣсъ кавказскихъ туземцевъ, приведенный у Топинара, 50 киллограммовъ, значительно меньше дѣйствительнаго.

О состояніи, величинѣ и расположеніи внутреннихъ органовъ кавказскихъ туземцевъ, пока мало извѣстно. По наблюденіямъ въ Тифлисскомъ военномъ госпиталѣ, величина *печени* и *селезенки* грузинъ и армянъ въ среднемъ больше величины ихъ у русскихъ. Длинный діаметръ печени обыкновенно 25—27, а иногда 33 сант., а селезенки 17—18, нерѣдко 20 сант., при соотвѣтственной толщинѣ. Возможно, что это состояніе патологическое и зависитъ отъ существующей во многихъ мѣстностяхъ маляріи. У вскрытаго въ моемъ присутствіи горнаго лезгина Али-Али-оглы, имѣвшаго искривленный, упомянутый выше, черепъ, селезенки была длиною 15, шириною 7, толщиною 1,5 сант., т. е. меньше нормальной. Еще меньшая селезенка была у, вскрытаго въ томъ же госпиталѣ, горнаго сванета. *Кишечный каналъ* у туземцевъ, по имѣющимся даннымъ, длиннѣе, чѣмъ у европейцевъ. По Albert Asmead длины кишечника европейца 506, по другимъ 550°/₀ роста, а у кавказскихъ туземцевъ она около 600. По измѣреніямъ въ Тифлисскомъ военномъ госпиталѣ, въ 1890 году, по народностямъ, средняя длина кишечника, принимая ростъ за 100, у 6 татаръ, 536, 6 имеретинъ—607, 3 грузинъ 610 и 3 армянъ 704. По произведенному мною измѣренію трупа абхазца Ефая, роста 1600 мм,, длина тонкихъ кишекъ его 8887, толстыхъ 1500, слѣдовательно весь кишечникъ равняется 649°/₀ роста. По измѣренію имеретина Хуцишвили, при ростѣ 1640 мм., длина тонкихъ кишекъ

8842, толстыхъ 1955, въ среднемъ вся длина канала составляетъ 658% роста. Наименьшая длина кишечника наблюдалась у татарина Эриванской губ., 51 года, роста 1740 мм.,—440% роста. Емкость желудка, по наполненіи его водою, по 10 измѣреніямъ колебалась между 840 у татарина Эриванской губерніи и 2700 куб. сант. у имеретина Хуцишвили, въ среднемъ емкость около 2000 к. сант. Емкость кишекъ у Хуцишвили тонкихъ—6600, толстыхъ—5000, а мочеваго пузыря 980 к. сант. По наблюденіямъ доктора Полякова въ тифлисскомъ военномъ госпиталѣ, аномаліи толстыхъ кишекъ у кавказскихъ туземцевъ чаще, чѣмъ у европейцевъ.

Не считая возможнымъ разбирать въ настоящее время подробно накопившійся, какъ у насъ, такъ и другихъ изслѣдователей, сравнительно небольшой антропологическій матеріалъ, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи ограничимся констатированіемъ только нѣкоторыхъ, наиболѣе опредѣленныхъ, результатовъ, добытыхъ какъ нами, такъ и другими изслѣдователями антропологическаго типа нынѣ населяющихъ Кавказъ племенъ. Мы будемъ разсматривать главнѣйшія антропологическія группы, не придерживаясь какой либо, пока преждевременной, классификаціи ихъ, только на основаніи имѣющагося, весьма неодинаковаго для каждой группы, матеріала. Нѣкоторыя группы такъ характерны или такъ приближаются разными особенностями организаціи къ другимъ группамъ, что напрашиваются на различныя сравненія и заключенія, но въ виду еще далеко неоконченной нами спеціальной разработки, мы воздерживаемся отъ всякихъ заключеній.

I. Евреи.

Кавказскіе евреи по дѣленію Катрфажа принадлежатъ къ халдейскому семейству, семитической вѣтви. Ростъ евреевъ 21 года, призывавшихся къ отбыванію воинской повинности:

Ростъ			Кубинскій уѣздъ. 1889	1890	1891	Дагестанъ Кайтаго-Табасар. окр. 1889	Кутаисъ.	Тифлисъ.
1422	1466	милл.	1	—	—	1	1	—
1467	1510	„	1	1	—	2	1	—
1511	1555	„	8	5	8	3	3	2
1556	1600	„	18	12	17	4	3	8

		Кубинскій уѣздъ. 1889	1890	1891	Дагестанъ Кайтаго-Табасар. окр. 1889	Кутаисъ.	Тифлисъ.
1601	1644	20	15	25	14	12	12
1645	1689	18	14	15	23	14	4
1690	1733	9	4	14	9	4	9
1734	1777	—	1	1	4	2	2
1778	1822	—	—	—	1	1	—
Число наблюденій.		75	52	80	61	41	37
Средній ростъ		1616	1617	1621	1644	1630	1642

Средній ростъ закавказскихъ евреевъ, частію землевладѣльцевъ, живущихъ въ Кубинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи, по измѣреніямъ за три года почти одинаковъ — 1618 — 1621 миллиметровъ, ростъ евреевъ Кутаисской губерніи 1630, а самый высокій ростъ горскихъ евреевъ Дагестанской области 1644 мм. Эти три группы евреевъ довольно чужды другъ другу и говорятъ на языкахъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ живутъ. У наиболѣе низкорослыхъ кубинскихъ, лицъ ниже 1555 мм. 12,8°/₀, изъ которыхъ не принято по малому росту около 6°/₀, а высокорослыхъ — 1733 мм., и выше—менѣе 1°/₀. У горскихъ и кутаисскихъ, гдѣ чаще встрѣчаются евреи съ темнорусыми и рыжими волосами и съ зеленоватымъ цвѣтомъ глазъ, низкорослыхъ около 10°/₀, а высокорослыхъ 7°/₀. Самый высокій ростъ между закавказскими евреями у болѣе предпріимчивыхъ выходцевъ изъ г. Ахалцыха, евреевъ Тифлиса — 1642 мм. По отдѣльнымъ измѣреніямъ евреевъ Тифлиса, двое наиболѣе высокаго роста — 1795 — 1740 мм. — Саба Чичавадзе и Абрамъ Багдадовъ имѣли темнорусые, на бородѣ съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, волосы и головной показатель — 79.

Окружность груди			Кубинскій уѣздъ. 1889	1890	Кайтаго-Табасарскій округъ	Кутаисъ.	Тифлисъ.
до	711	мм.					
712	755	„	1	1	1	3	
756	800	„	5	4	8	16	
801	844	„	34	11	21	17	5
845	888	„	33	29	25	13	3
889	932	„	1	7	5	2	1
Число наблюденій. . .			74	52	60	41	9
Средняя окружность. .			828	841	835	822	834
Больше полуроста на .			19	33	12	7	10

Наиболѣе относительно роста развитую грудь имѣютъ евреи Кубинскаго уѣзда, менѣе развитую горскіе, но особенно городскіе кутаисскіе. Число получившихъ отсрочку и освобождаемыхъ по

недостатку мѣры груди, у евреевъ Закавказья вообще меньше, чѣмъ у городскихъ евреевъ западныхъ губерній. Средняя окружность живота горскихъ и кубинскихъ евреевъ, по 9 измѣреніямъ, при ростѣ 1630 мм., 1700 мм. Средняя окружность живота, по 11 измѣреніямъ уроженцевъ Ахалцыха, тифлисскихъ купцовъ, 787, при средней окружности груди 857 и ростѣ 1634 мм.

Горизонтальная окружность головы евреевъ по 61 измѣренію:

500	мм.	2
501—520	„	2
521—540	„	20
541—560	„	27
561—595	„	10

Средняя окружность головы 547 мм. Головные діаметры по 43 измѣреніямъ:

	Продольный			Поперечный	
Малый	до	170 мм.	4	до 130	0
Средній	„	171—185 „	28	„ 131—145	1
Большой	„	186—195 „	11	„ 146 и 163	42

Главные показатели

Мезотицефалы	Суббрахицефал.	Брахицефал.	Гипербрахиц.	Ультрабрахицеф.
77,7—80	80,1—83,3	83,3—85	85,1—90	90,1—95
3	10	6	14	10

Какъ по вышинѣ роста, такъ и по діаметрамъ головы, кавказскіе евреи, смотря по обитаемой ими мѣстности, представляютъ значительныя отличія. Такъ головные діаметры и показатели имѣли:

№			Діаметръ продольный.	Діаметръ поперечный.	Головной показатель.
1	Евреи	Дагест. обл.	168	151	89,8
2	„	„ „	172	156	90,6
3	„	„ „	184	153	83,0
4	„	„ „	176	152	86,4
5	„	„ „	171	156	91,2
6	„	„ „	178	150	84,2
7	„	„ „	180	161	89,4
8	„	„ „	181	165	91,1
9	„	„ „	175	154	83,2
		Среднее.	176,8	155,3	87,5

№			Діаметръ продольный.	Діаметръ поперечный.	Головной показатель.
10	Евреи	Бакин. губ..	197	162	82,2
11	„	„ „	178	161	90,4
12	„	„ „	181	148	81,7
13	„	„ „	167	157	94,1
14	„	„ -	185	161	87,2
15	„	„ „	174	157	90,2
16	„	„ „	182	153	84,0
17	„	„ „	175	157	89,7
		Среднее. . . .	179,0	157,0	87,4

№		Діаметръ продольный	Діаметръ поперечный	Головной показатель
18	Евреи Кутаис. губ.	188	163	86,7
19	" " "	180	151	83,9
20	" " "	177	145	81,9
21	" " "	184	153	83,1
22	" " "	180	170	94,4
23	" " "	186	159	85,4
24	" " "	174	150	86,2
	Среднее . . .	181,6	156	85,9

№		Діаметръ продольный	Діаметръ поперечный	Головной показатель
25	Евреи Ахалц. уѣз.	163	151	92,6
26	" " "	183	162	88,5
27	" " "	184	152	82,5
28	" " "	193	162	83,9
29	" " "	204	163	79,9
30	" " "	170	155	91,1
31	Евреи Ахалц. уѣз.	186	159	85,4
32	" " "	180	170	94,4
33	" " "	184	160	86,9
34	" " "	195	155	79,4
35	" " "	192	153	79,6
36	" " "	180	149	82,7
37	" " "	177	161	90,8
38	" " "	187	160	85,5
39	" " "	179	149	83,2
40	" " "	187	152	81,2
41	" " "	186	150	80,6
42	" " "	183	157	85,8
43	" " "	179	152	86,7
	Среднее . . .	183,8	156,4	85,3

Головной показатель для дагестанскихъ, горскихъ и бакинскихъ, Кубинскаго уѣзда, евреевъ—87,5, нѣсколько больше найденныхъ г. Р. Ѳ. Эркертомъ для десяти измѣренныхъ имъ горскихъ евреевъ 86,7. Діаметры и показатели кутаисскихъ и ахалцыхскихъ, измѣренныхъ большею частію въ Тифлисѣ, евреевъ значительно разнятся отъ предыдущихъ. У горскихъ евреевъ продольный діаметръ колебался только въ предѣлахъ 168—184, а у Ахалцыхскихъ 163—204, а головной показатель у горскихъ между 82 и, у г. Эркерта, 92, а у ахалцыхскихъ между 79,4 и 94,4. Такая разница не можетъ быть объяснена случайностью, а должна произойти только отъ метисацій ахалцыхскихъ и кутаисскихъ евреевъ съ длинноголовыми и высокорослыми типами. Упомянутый выше Чичавадзе имѣетъ окружность головы 595, продольный діаметръ 204, волосы темнорусые, глаза сѣрые.

Ростъ и нѣкоторые размѣры тѣла послѣднихъ 11 евреевъ, ахалцыхскихъ уроженцевъ, слѣдуюшіе:

№	Ростъ	Длина лица.	Ширина лица скул.	Наружн. орбиты.	Между глаз. простран.	Углы нижн. челюсти.	Носъ длин.	Носъ шир.	Длина стоп.	Большой размахъ
33	1660	186	146	97	34	110	60	35	250	1750
34	1740	197	148	109	39	116	57	40	276	1750

№	Ростъ.	Длина лица.	Ширина лица скул.	Наружн. орбиты.	Между глаз. простран.	Углы нижн. челюсти.	Носъ длин.	Носъ шир.	Длины стопы	Большой размахъ
35	1630	189	141	98	33	115	51	33	257	1610
36	1615	163	140	98	32	114	48	38	255	1620
37	1653	191	139	103	33	110	61	32	240	1670
38	1585	173	141	98	32	112	52	35	245	1670
39	1540	190	140	98	34	98	65	36	230	1610
40	1695	181	134	94	29	115	56	35	260	1800
41	1650	192	146	100	33	118	61	37	260	1670
42	1635	171	144	98	32	113	49	33	260	1620
43	1580	187	133	92	29	105	54	28	245	1600
Среднее	1632	184	141	99	$32,_5$	111	$55,_8$	$34,_7$	252	1670

Почти всѣ приведенныя цыфры больше цыфръ г. Эркерта для горскихъ евреевъ. Не зная роста измѣренныхъ г. Эркертомъ лицъ, подробныя сравненія не могуть имѣть значенія; замѣтимъ только, что у горскихъ евреевъ, по г. Эркерту не было ни разу длины носа менѣе 52, а ширины менѣе 32 мм., а у ахалцыхскихъ евреевъ два раза были носы весьма коротки, менѣе 50 мм., и разъ очень узкій— 28 мм.

Изъ другихъ особенностей типа 11 торговцевъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія: глаза у 9 карые, у одного средніе и у № 42 чисто голубые, волосы на головѣ черные, на лицѣ болѣе или менѣе темнорусые, у № 33 рыжіе, у № 35 черные. Волосатость тѣла весьма значительна и волоса на груди, а иногда и животѣ, найдены у 8. У № 35 волоса на тѣлѣ особенно обильны, а волоса на головѣ курчавые, рунообразные. У голубоглазаго волосъ на тѣлѣ нѣтъ. Длина ушей небольшая, въ среднемъ 60 мм., меньше чѣмъ у горскихъ евреевъ, по Эркерту 65 мм. Уши, въ противуположность ушамъ горскихъ евреевъ не оттопырены, а обыкновенно прижаты къ головѣ, часто имѣютъ какъ бы угловатый видъ и весьма маленькую сережку. Достойно вниманія еще, сравнительно, короткая рука 11 ахалцыхскихъ евреевъ—средняя длина ихъ плеча 309, предплечія 210, кисти 195 или $18,_9$—$12,_9$—$11,_9$% роста, а вся рука 711 мм. или $43,_6$% роста. Длина ноги отъ Spina oss. ilei ant. superior.—928, отъ лобка 800 мм. или $56,_6$ и $48,_9$% роста.

Неодинаковость *типа евреевъ* выражается и въ неодинаковости ихъ общаго физическаго развитія. Кромѣ собранныхъ мною цыфръ, при осмотрѣ молодыхъ людей, призывавшихся къ отбыва-

нію воинской повинности, также наблюдался болѣе высокій ростъ у евреевъ съ свѣтлаго цвѣта глазами. По цыфрамъ, извлеченнымъ мною изъ именныхъ списковъ евреевъ, измѣренныхъ докторомъ Сорокинымъ въ Кубинскомъ уѣздѣ въ 1891 году, ростъ ихъ по цвѣту радужкой оболочки глазъ былъ:

	Кароглазые	Свѣтлоглаз.
Малый 1500—1600 м.	23	2
Среднiй 1006—1688 „	34	56
Высокій 1582—1740 „	11	4
Число наблюденій.	68	12
Средній ростъ	1617	1644

Изъ 10, измѣренныхъ г. Эркертомъ, евреевъ, у троихъ, имѣвшихъ зеленые глаза, продольный діаметръ головы 183, у прочихъ 181,1 мм.

Типъ русскихъ евреевъ значительно менѣе брахіоцефалическій и по измѣренію моему въ Тифлисѣ 10 русскихъ, состоящихъ на военной службѣ, евреевъ, 21—24 лѣтъ, діаметры головы и головной показатель ихъ найдены:

	Діаметры		Головной
№	*) продольный	поперечный	показатель
1	190	151	79,4
2	179	149	78,0
3	186	150	80,6
4	190	150	78,9
5	188	150	79,7
6	190	163	80,7
7	180	151	83,5
8	193	152	78,7
9	188	148	78,7
10	180	150	83,3

У двухъ изъ осмотрѣнныхъ, глаза голубые, у двухъ средніе, носы часто короткіе, у двухъ вздернутые. По произведенному мною, измѣренію 500 евреевъ г. Одессы *), наименѣе смѣшанный типъ — черноглазыхъ и черноволосыхъ—имѣлъ, сравнительно съ другими, меньшій ростъ и худшее физическое развитіе.

Не смотря на большую смѣшанность кавказскихъ и русскихъ евреевъ, первоначальный основный типъ ихъ былъ несомнѣнно халдейскій. По историческихъ и лингвистическимъ изслѣдованіямъ ба-

*) Пантюховъ И. И.—О вырождающихся типахъ семитовъ: Прот. Русск. антрополог. общ. Спб. 1889 г.

рона Услара, верховья Ефрата и окрестности озера Ванъ должны считаться истиннымъ первоначальнымъ отечествомъ халдеевъ. Къ этой группѣ примыкали и жившіе въ недалекихъ оттуда разстояніяхъ другія племена. Типъ халдеевъ смѣшивался съ кавказскими народами уже въ весьма отдаленное время, когда всѣ эти народы имѣли общій религіозный культъ. Смѣшеніе халдеевъ съ кавказскими племенами продолжалось и тогда, когда евреи обособились. По словамъ книги Есфирь, при Артаксерксѣ многіе народы приняли еврейство изъ страха передъ евреями. По изслѣдованіямъ барона Услара евреи, разселившіеся на Кавказѣ, были здѣсь по рожденіи Спасителя первыми провозвѣстниками христіанской религіи. Впослѣдствіи многіе евреи по разнымъ причинамъ, нерѣдко и по принужденію, принимали христіанство, а также магометанство и входили въ составъ разныхъ племенъ. Весьма вѣроятно, что были метисаціи евреевъ и внѣбрачныя. На Кавказѣ существуютъ, имѣющія нѣкоторыя этнографическія основанія, преданія, что хевсуры, часть сванетовъ и нѣкоторые лезгины происхожденія еврейскаго. По словамъ одного греческаго писателя, въ пятомъ вѣкѣ грузинскіе цари гордились своимъ происхожденіемъ изъ Іерусалима, а по лѣтописи Мойсея Хоренскаго, армяне также считали себя одного происхожденія съ евреями.

Халдейскій типъ, къ которому принадлежатъ, кромѣ Кавказскихъ евреевъ, айсоры и нѣкоторыя мало изслѣдованныя племена Малой Азіи и къ которому по росту и ширинѣ головы наиболѣе подходятъ армяне, часть грузинъ и нѣкоторыя лезгинскія племена, имѣетъ весьма мало общаго съ арабскимъ семитическомъ типомъ, представителей котораго на Кавказѣ весьма мало. По наружному виду между айсорами я не встрѣчалъ ни одного, имѣющаго семитическій типъ, между кавказскими евреями только у весьма немногихъ, но между русскими евреями этотъ типъ наблюдается гораздо чаще. Въ отдѣльныхъ случаяхъ арабскій семитическій типъ я наблюдалъ между адербейджанскими татарами и особенно абхазцами, и г. Эркертъ между нѣкоторыми лезгинами. Большая распространенность арабскаго семитическаго типа между абхазцами даетъ полную вѣроятность сообщаемому Геродотомъ, Діодоромъ Сицилійскимъ и другими древними историками свѣдѣнію, что первоначальные поселенцы на восточныхъ берегахъ Чернаго моря были выходцы изъ Египта.

Въ патологическомъ отношеніи евреи характеризуются необыкновеннымъ распространеніемъ между ними паршей головы

(Favus). Эта болѣзнь давно извѣстна у евреевъ и въ книгѣ Левитъ, глава XIII, называется проказою на головѣ. Наиболѣе распространены парши у евреевъ Кубинскаго уѣзда, гдѣ ясные слѣды ихъ найдены у 37—40% всѣхъ молодыхъ людей, осмотрѣнныхъ въ воинскихъ присутствіяхъ въ 1890—1891 годахъ. У русскихъ евреевъ парша также несравненно чаще, чѣмъ у живущаго въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и евреи христіанскаго населенія. По цыфрамъ, извлеченнымъ мною изъ офиціальныхъ документовъ, по причинѣ паршей освобождено отъ отбыванія воинской повинности въ 1875 году въ Подольской губерніи на 1000 осмотрѣнныхъ евреевъ 42, а христіанъ одинъ. Изъ другихъ патологическихъ особенностей можно упомянуть, что у городскихъ евреевъ, какъ Россіи такъ и Кавказа, зубы начинаютъ сравнительно рано портиться. Изъ 42, осмотрѣнныхъ во время призыва, Кутаисскихъ евреевъ, порченные зубы найдены у 24, а изъ 60 горскихъ у четырехъ.

Въ заключеніе, для показанія степени распространенности еврейскаго типа на Кавказѣ, приведемъ цыфры, выбранныя нами изъ текста упоминаемаго труда Р. Ѳ. Эркерта о частотѣ еврейскаго типа между нѣкоторыми кавказскими племенами. У Пешеля встрѣчается также мысль, что между нѣкоторыми тюркскими племенами семитическій типъ преобладаетъ. Баронъ Уеларъ не придаетъ особаго значенія наблюденіямъ, основаннымъ на впечатлѣніяхъ путешественниковъ о распространенности еврейскаго типа между населеніемъ Кавказа, но, во всякомъ случаѣ, это впечатлѣніе ученыхъ путешественниковъ показываетъ, что въ типѣ нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ есть нѣчто такое, чего нѣтъ у европейскихъ, а также монгольскихъ и негрскихъ, и, слѣдовательно, что, если наблюдаемыя лица и не еврейскаго происхожденія, то принадлежатъ къ общему съ ними основному типу. По г. Эркерту, число лицъ еврейскаго типа, по сравненію съ числомъ всѣхъ осмотрѣнныхъ, у нѣкоторыхъ племенъ слѣдующее:

	Число наблюденій.	Еврейскій типъ.	Процентъ еврейск. типа
Аварцы	70	15	21
Казикумухцы	35	3	8
Андійцы	68	48	70
Дидойцы	43	35	80
Кюринцы	43	9	20
Табасаранцы	34	1	3
Даргинцы	82	21	25

	Число наблюдений.	Еврейскій типъ	Процентъ еврейск. типа.
Чеченцы восточные	43	30	70
Чеченцы средніе	35	7	20
Горцы восточные	20	2	10
Кабардинцы	8	0	0
Адербейджанскіе татары	24	0	0

II. Айсоры.

Измѣренные мною 11 айсоровъ—всѣ уроженцы округа Урмія, въ Персіи, главнымъ образомъ изъ находящагося отъ г. Урміи въ 20 верстахъ, съ исключительно айсорскимъ населеніемъ, селенія Абделлаханъ и сосѣднихъ съ нимъ. Почти всѣ эти айсоры занимаются въ Тифлисѣ черною работою, а также садовствомъ, а двое или трое, имѣющіе особенную, такъ сказать, библейскую, наружность, промышляютъ продажею крестиковъ и амулетовъ. Айсоры называютъ себя православными, хотя исповѣдуютъ несторіанскую религію и имѣютъ своихъ священниковъ и приходскія школы. Типъ айсоровъ, повидимому, сохраняется довольно чистымъ, потому что, хотя, по ихъ словамъ, персіяне иногда и берутъ ихъ женщинъ себѣ въ жены, но никогда не случается, чтобы айсоръ женился на комъ либо, кромѣ айсорки, а переходовъ въ ихъ религію или изъ ихъ религіи, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время, не бываетъ.

Наружность осмотрѣнныхъ айсоровъ характерна. У большинства ихъ длинные, сантиметровъ 15—20, спускающіеся на шею, слегка вьющіеся, черные волосы, большая, широкая, черная, рѣже темнорусая, борода; густыя, широкія, кустящіяся, въ трехъ, изъ 10 случаевъ, слегка сросшіяся брови; прямые, толстые, на треть съ горбиною носы; сравнительное большое,—11,1 % роста длины, и неширокое—8,1 % роста между наиболѣе удаленными точками скуловыхъ костей ширины,—лицо; недлинныя—59 мм.—съ весьма малою сережкою, уши и небольшое разстояніе между наружными орбитами глазъ—разъ 87, въ среднемъ 97 мм. или 5,7 % роста. Средній разрѣзъ глазъ 61,4, у одного 55 мм., сравнительно малъ. Болѣе характерныя изъ особенностей айсоровъ видны изъ слѣдующей таблицы:

№	РОСТЪ.	Большой размахъ.	Діам. головы продольные.	Діам. головы поперечные.	Діаметры скулов.	Діаметры между орбитами.	Углы нижней челюст.	Длина стопы.
1	1660	1750	180	145	137	99	101	235
2	1710	1820	186	161	148	99	107	235
3	1740	1850	187	156	145	99	114	260
4	1615	1720	188	169	148	104	118	245
5	1736	1810	185	156	144	102	113	275
6	1625	1660	175	155	140	100	105	225
7	1605	1670	170	157	147	87	109	240
8	1740	1750	170	154	135	92	103	260
9	1580	1640	169	151	132	96	103	250
10	1750	1875	180	154	141	94	112	270
11	1650	1750	169	154	136	110	111	240
Среднее.	1688	1755	178	155,7	141,6	98,3	108,5	249,3
Ростъ	100	104,1	10,6	9,2	8,3	5,7	6,4	14,3

По размѣрамъ головы измѣренные айсоры принадлежатъ къ одному изъ самыхъ широкоголовыхъ типовъ. Головной показатель въ одномъ случаѣ 80,1, а въ остальныхъ колебался между 83,4 и 92,1, въ среднемъ 87,0. Изъ пяти айсоровъ, измѣренныхъ г. Эркертомъ, у одного голова тоже очень широкая—166 мм., но въ среднемъ головной показатель у г. Эркерта меньше моего и равняется 85,0. У г. Эркерта не сказано, уроженцы какой мѣстности были измѣренные имъ айсоры. Отъ другихъ широкоголовыхъ кавказскихъ типовъ айсоры, однако, довольно рѣзко отличаются: отъ большинства лезгинъ—малымъ развитіемъ скулъ, отъ армянъ и грузинъ—болѣе высокимъ ростомъ, большей величины размахомъ рукъ—104,1 противъ 103,6—102,5, и небольшой длины стопою, составляющею только 14,3% роста, противъ 15,2—15,6% роста длины стопы этихъ народностей. По небольшому числу наблюденій, мы не будемъ приводить дальнѣйшихъ сравненій, замѣтимъ только, что отъ татаръ, персіянъ и курдовъ айсоры еще рѣзче отличаются большимъ головнымъ показателемъ. Выдѣляясь изъ сосѣднихъ народовъ довольно рѣзкими антропологическими признаками, группа измѣренныхъ айсоровъ, повидимому, составляетъ сравнительно наименѣе смѣшанныхъ потомковъ древнихъ халдеевъ. Съ такого же происхожденія кавказскими евреями ахалцыхской группы айсоры схожи небольшимъ развитіемъ скуловыхъ костей—141 мм., небольшими ушами—59 мм., и волосатостью тѣла, при чемъ волоса, иногда весьма обильные, на груди и животѣ, находятся у большой половины какъ айсоровъ, такъ и ахалцыхскихъ евреевъ. Между измѣ-

рейными айсорами и евреями находится, однако, и много несходства. Такъ плечо айсора 337, предплечіе 224, кисть 201, вся рука 762 или 44,[illegible] % роста, длиннѣе руки евреевъ почти на два процента, а стопа айсоровъ 249 мм. или 14,[illegible] % роста, — меньше стопы евревъ, которая 251 мм. Принимая во вниманіе и сравнительно высокій ростъ айсоровъ, необходимо заключить, что съ типомъ ахалцыхскихъ евреевъ у нихъ далеко не все общее.

III. Армяне.

Ростъ армянъ по мѣстностямъ неодинаковъ. Самые низкорослые армяне — уроженцы юго-восточной части Закавказскаго края, Нахичеванскаго, Ордубатскаго (участ.) и Шаруро-Даралагезскаго уѣздовъ. Къ сѣверу отъ этой мѣстности ростъ и физическое развитіе армянъ замѣтно повышаются и достигаютъ наибольшей высоты у армянъ Елизаветпольскаго и Тифлисскаго уѣздовъ. Еще замѣтнѣе разница роста между армянами деревень и городовъ. Городское армянское населеніе Шуши, Баку, Тифлиса и Кутаиса значительно выше населенія деревень.

Армяне, имѣющіе средній ростъ 1620—1640 мм. по уѣздамъ:

РОСТЪ	УѢЗДЫ: Нахичеванскій		Ордубатскій участ.	Шаруро-Даралагезскій.	Джебраильскій.	Зангезурскій.		Горійскій.	Ахалкалакскій.
	1889	1890	1890	1890	1889	1888	1889	1890	1890
1378—1422 мм.	1	—	—	—	—	—	—	—	—
1423—1466 „	2	—	—	—	—	3	4	—	3
1467—1510 „	3	7	—	—	1	2	6	—	13
1511—1555 „	29	33	7	17	7	25	19	8	36
1556—1600 „	57	51	13	36	18	89	54	12	81
1601—1644 „	75	71	23	51	43	109	136	26	144
1645—1688 „	65	53	15	45	40	107	116	16	132
1689—1733 „	34	21	12	24	19	62	60	5	58
1734—1777 „	10	7	4	10	6	14	18	5	15
1778—1822 „	4	1	—	2	1	4	4	1	9
1823—1866 „	—	—	—	1	—	1	1	1	—
Число наблюденій	280	244	74	186	135	413	421	84	491
Средній ростъ	1623	1616	1629	1626	1640	1630	1632	1634	1630

Колебанія роста по уѣздамъ составляютъ 10—15 мм. Низкорослыхъ, ниже 1555 мм., до 9,[illegible] %, немного меньше, а высокорос-

лыхъ—выше 1733 мм. 5,1 °/оо—почти на половину больше, чѣмъ между евреями.

Ростъ армянъ городскихъ и армянъ Тифлисскаго и Елизаветпольскаго уѣздовъ:

РОСТЪ	Уѣзды: Тифлисскій.	Уѣзды: Елизаветпольскій.	Города: Куба.	Города: Баку.	Города: Ахалцихъ.	Города: Ахалкалаки.	Города: Тифлисъ.
1422	—	2	—	—	1	—	—
1466	2	4	1	—	—	—	—
1510	5	20	—	2	6	1	9
1555	13	39	3	3	13	6	23
1600	23	85	4	6	24	10	55
1644	12	89	6	6	35	11	55
1689	13	54	4	6	21	6	48
1733	9	27	2	4	6	—	19
1777	2	9	—	1	—	1	4
1822	—	1	—	—	—	—	1
Число наблюденій	79	330	20	28	106	35	214
Средній ростъ	1652	1645	1651	1668	1648	1642	1658

Самые высокіе армяне —до 1668 м.—въ Баку, гдѣ живетъ много армянъ изъ Шуши и Тифлиса и гдѣ кавказскіе армяне смѣшаны съ армянами изъ разныхъ мѣстностей, и въ Тифлисѣ. Въ среднемъ, ростъ армянъ Тифлисскаго и Елизаветпольскаго уѣздовъ и городскихъ—1650 мм.—больше роста выше приведенныхъ уѣздовъ на 15—20 мм. и процентъ великорослыхъ между ними также соотвѣтственно больше. Ростъ женщинъ не измѣрялся. По отдѣльнымъ наблюденіямъ, разница роста мужчинъ и женщинъ деревенскихъ туземцевъ меньше, чѣмъ между европейцами. По измѣреніямъ д-ра В. А. Кобылина *) средній ростъ женщинъ, русскихъ 1539—1544, нѣмокъ 1564—1568,—на 10—12 сант. ниже роста мужчинъ этихъ народностей; у деревенскихъ же армянъ и другихъ кавказскихъ племенъ эта разница едва ли болѣе 7—8 сант. По измѣренію моему роста дѣтей Ахалкалакскихъ школъ, до 13 лѣтъ, 11 дѣвочекъ армянокъ имѣли ростъ выше роста такого же возраста 22 мальчиковъ.

Относительная окружность груди у армянъ земледѣльцевъ выше, чѣмъ у городскихъ. Въ виду однообразія цифръ мы приводимъ только нѣкоторыя:

---

*) Кобылинъ В. А.—Антропол. къ изученію сифилиса. Вѣстн. общ. гигіены 1890. Т. VII.

Окружность груди.	Уѣзды			Города		
	Зангезурскій 1888	1889	Джебраильскій	Елиза-ветп.	Тиф-лисъ	Баку
до 711	1	—	—	—	—	—
752—755	2	5	—	1	2	—
756—800	22	28	10	7	16	3
801—844	139	121	31	25	45	7
845—888	163	161	67	30	47	16
889—932	73	82	24	15	14	8
933—970	13	17	3	2	5	2
971—996	—	—	—	1	—	—
Число наблюденій. . .	413	414	135	81	128	28
Средняя окруж. груди.	851	852	852	850	840	844
Больше полуроста на. .	26	26	32	28	12	10

Наименѣе относительная развитость груди—между городскими армянами Тифлиса и Баку.

Ростъ и общее физическое развитіе армянъ находится въ зависимости отъ входящихъ въ составъ населенія антропологическихъ типовъ. По выбору изъ именныхъ списковъ призываемыхъ, составленныхъ докторомъ Козловскимъ, ростъ армянъ Джевадскаго и Зангезурскаго уѣздовъ, имѣвшихъ волосы на груди, черные и сѣрые глаза, былъ:

Ростъ	Джевадскій уѣздъ			Зангезур. у.
	Волосы на груди	Цвѣтъ глазъ Сѣрый	Черный	Волосы на груди.
1450—1600 мм.	1	7	6	7
1601—1644 ,,	9	6	14	6
1645—1688 ,,	10	10	17	10
1688—1733 ,,	3	5	6	10
1733—1820 ,,	2	2	3	6
Число наблюденій. .	25	30	45	37
Средній ростъ . . .	1656	1625	1658	1660

Ростъ имѣющихъ волосатую грудь—на три сантиметра больше средняго.

Въ Нахичеванскомъ уѣздѣ, по измѣренію доктора Воскресенскаго, изъ пяти крайнѣ малорослыхъ—1380—1466 мм.,—одинъ имѣлъ черные, а 4 карые глаза, а изъ 7, роста выше 1777 мм. 6 карые и 1 зеленые. Зеленоглазые, по 29 наблюденіямъ, имѣли ростъ 1642, а 16 сѣроглазыхъ 1644 мм., выше средняго для этого уѣзда. Одинъ изъ зеленоглазыхъ имѣлъ ростъ 1822 мм., при окружности головы 535. У имѣющихъ глаза голубые, ростъ обыкновенно ниже средняго, а окружность головы выше.—Изъ цифръ, собранныхъ докторомъ Левитусомъ по Елизаветпольском

лыхъ—выше 1733 мм. 5,1%₀—почти на половину больше, чѣмъ между евреями.

Ростъ армянъ городскихъ и армянъ Тифлисскаго и Елизаветпольскаго уѣздовъ:

РОСТЪ	Уѣзды		Города				
	Тифлисскій.	Елизаветпольскій.	Куба.	Баку.	Ахалцыхъ.	Ахалкалаки.	Тифлисъ.
1422	—	2	—	—	1	—	—
1466	2	4	1	—	—	—	—
1510	5	20	—	2	6	1	9
1555	13	39	3	3	13	6	23
1600	23	85	4	6	24	10	55
1644	12	89	6	6	35	11	55
1689	13	54	4	6	21	6	48
1733	9	27	[illegible]	4	6	—	19
1777	2	9	—	1	—	1	4
1822	—	1	—	—	—	—	1
Число наблюденій	79	330	20	28	106	35	214
Средній ростъ	1652	1645	1651	1668	1648	1642	1658

Самые высокіе армяне —до 1668 м.—въ Баку, гдѣ живетъ много армянъ изъ Шуши и Тифлиса и гдѣ кавказскіе армяне смѣшаны съ армянами изъ разныхъ мѣстностей, и въ Тифлисѣ. Въ среднемъ, ростъ армянъ Тифлисскаго и Елизаветпольскаго уѣздовъ и городскихъ—1650 мм.—больше роста выше приведенныхъ уѣздовъ на 15—20 мм. и процентъ великорослыхъ между ними также соотвѣтственно больше. Ростъ женщинъ не измѣрялся. По отдѣльнымъ наблюденіямъ, разница роста мужчинъ и женщинъ деревенскихъ туземцевъ меньше, чѣмъ между европейцами. По измѣреніямъ д-ра В. А. Кобылина *) средній ростъ женщинъ, русскихъ 1539—1544, нѣмокъ 1564—1568,—на 10—12 сант. ниже роста мужчинъ этихъ народностей; у деревенскихъ же армянъ и другихъ кавказскихъ племенъ эта разница едва ли болѣе 7—8 сант. По измѣренію моему роста дѣтей Ахалкалакскихъ школъ, до 13 лѣтъ, 11 дѣвочекъ армянокъ имѣли ростъ выше роста такого же возраста 22 мальчиковъ.

Относительная окружность груди у армянъ земледѣльцевъ выше, чѣмъ у городскихъ. Въ виду однообразія цифръ мы приводимъ только нѣкоторыя:

---

*) Кобылинъ В. А.—Антропол. къ изученію сифилиса. Вѣстн. общ. гигіены 1890. Т. VII.

Окружность груди.	Уѣзды Зангезурскій 1888	1889	Джебраильскій	Города Елисаветп.	Тифлисъ	Баку
до 711	1	—	—	—	—	—
752—755	2	5	—	1	2	—
756—800	22	28	10	7	16	3
801—844	189	121	31	26	46	7
845—888	168	161	67	80	47	16
889—932	73	82	24	15	14	8
933—970	18	17	3	2	5	2
971—996	—	—	—	1	—	—
Число наблюденій. . .	413	414	135	81	128	28
Средняя окруж. груди.	851	852	852	850	840	844
Больше полуроста на. .	26	26	32	28	12	10

Наименѣе относительная развитость груди—между городскими армянами Тифлиса и Баку.

Ростъ и общее физическое развитіе армянъ находится въ зависимости отъ входящихъ въ составъ населенія антропологическихъ типовъ. По выбору изъ именныхъ списковъ призываемыхъ, составленныхъ докторомъ Козловскимъ, ростъ армянъ Джевадскаго и Зангезурскаго уѣздовъ, имѣющихъ волоса на груди, черные и сѣрые глаза, былъ:

Ростъ	Джевадскій уѣздъ Волосы на груди	Цвѣтъ глазъ Сѣрый	Черный	Зангезур. у. Волосы на груди.
1450—1600 мм.	1	7	5	7
1601—1644 ,,	9	6	14	6
1645—1688 ,,	10	10	17	10
1688—1733 ,,	3	5	6	10
1733—1820 ,,	2	2	3	6
Число наблюденій. .	25	30	45	37
Средній ростъ . . .	1656	1625	1638	1660

Ростъ имѣющихъ волосатую грудь—на три сантиметра больше средняго.

Въ Нахичеванскомъ уѣздѣ, по измѣренію доктора Воскресенскаго, изъ пяти крайнѣ малорослыхъ—1380—1466 мм.,—одинъ имѣлъ черные, а 4 карые глаза, а изъ 7, роста выше 1777 мм. 6 карые и 1 зеленые. Зеленоглазые, по 29 наблюденіямъ, имѣли ростъ 1642, а 16 сѣроглазыхъ 1644 мм., выше средняго для этого уѣзда. Одинъ изъ зеленоглазыхъ имѣлъ ростъ 1822 мм., при окружности головы 535. У имѣющихъ глаза голубые, ростъ обыкновенно ниже средняго, а окружность головы выше.—Изъ цыфръ, собранныхъ докторомъ Левитусомъ по Елизаветпольском

уѣзду за 1889 годъ, средній ростъ 10 голубоглазыхъ 1645, средняя окружность головы 557 м., а средній ростъ кароглазыхъ 1650, окружность головы 550 мм. Между армянами нѣкоторыхъ, особенно южныхъ, уѣздовъ, также какъ и между евреями, распространены парши. Средній ростъ 25 призывныхъ Нахичеванскаго уѣзда, имѣвшихъ парши на головѣ, меньше общаго средняго—1617 мм. Ростъ двухъ, имѣвшихъ гипертрофированныя (женскія) грудныя железы, 1580 и 1680, при окружности головы 540 и 530, и ростъ одного съ бѣлыми пятнами на смугломъ тѣлѣ (песь, библейская проказа) и сѣдиною волосъ 1694, окружность головы 550. Упомянемъ еще, что у одного осмотрѣннаго Нахичеванскаго уѣзда была и настоящая проказа и что эта болѣзнь между армянами наблюдалась еще въ Шарурo-Даралагезскомъ уѣздѣ и въ Карсской области.

Горизонтальная окружность головы у армянъ, по нашимъ измѣреніямъ 44 тифлисскихъ армянъ, въ среднемъ 547 мм. Нѣсколько иныя, полученныя другими наблюдателями, цыфры измѣреній головы, вѣроятно, находятся въ зависимости отъ количества волосъ на головѣ во время измѣренія призываемыхъ. По мѣстности окружность головы армянъ найдена:

		Уѣзды		
	Г. Тифлисъ	Сигнахскій	Ахалкалак.	Бакинскій
500—510 мм.	—	1	1	—
—520 „	—	4	10	—
—530 „	7	8	62	2
—540 „	12	10	105	6
—550 „	11	16	98	4
—560 „	11	7	82	3
—570 „	2	11	46	2
—580 „	1	2	10	2
—590 „	—	1	1	—
—600 „	—	—	1	—
Число наблюденій . .	44	60	416	19
Среднее	547	548	549	548

По измѣренiи 50 армянъ Тифлиса и 56 другихъ мѣстностей, ростъ и нѣкоторыя другія измѣренія найдены слѣдующія:

Армяне г. Тифлиса.

	Голова				Дуги.	Діаметры.	Носъ.		Цвѣтъ.			Показатель.	
Ростъ	Окружность груди	Окружность головы	Продольная окружность головы	Поперечная окружность головы	Продольный	Поперечный	Длина	Ширина	Волосъ головы	Лица	Глазъ	Головной	Носовой
1626	830	530	315	340	180	148	59	35	черн.	рус.	кар.	82,3	59
1622	820	535	330	370	186	155	62	34	черн.	рус.	кар.	83,3	54
1750	874	540	325	365	183	166	63	34	черн.	черн.	кар.	90,7	54
1644	848	540	320	365	179	158	54	33	черн.	—	кар.	88,7	61
1733	870	560	335	380	189	160	57	35	черн.	черн.	кар.	84,[illegible]	61
1644	840	555	300	350	186	154	54	36	черн.	рус.	кар.	82,7	66
1718	861	553	325	350	181	154	56	37	т.-рус.	рус.	средн.	85,0	65
1563	870	540	320	380	179	161	50	32	т.-рус.	рыж.	зелен.	89,9	64
1617	813	530	300	345	173	151	62	33	черн.	рыж.	кар.	87,2	53
1666	888	550	300	360	188	158	60	—	т.-рус.	рыж.	средн.	84,0	—
1666	822	550	320	350	180	155	60	33	т.-рус.	т.-рус.	кар.	86,1	55
1651	813	535	325	358	182	152	62	37	черн.	—	средн.	83,5	59
1527	813	530	325	358	177	155	60	—	черн.	—	кар.	87,5	—
1670	861	555	333	365	189	158	65	37	черн.	рыж.	кар.	83,8	57
1692	857	530	324	380	182	169	61	32	черн.	—	кар.	92,8	52
1733	790	556	320	390	185	158	66	41	черн.	черн.	кар.	85,8	62
1630	870	555	315	365	181	158	60	39	черн.	черн.	кар.	87,2	65
1644	852	535	325	350	186	151	61	34	черн.	—	голуб.	81,1	55
1733	826	550	335	370	182	161	52	34	черн.	рыж.	средн.	88,[illegible]	65
1652	822	560	330	385	177	160	52	36	черн.	т.-рус.	кар.	90,3	69
1617	857	560	320	380	189	160	60	31	черн.	черн.	черн.	84,6	51
1617	830	543	330	365	178	160	54	38	черн.	т.-рус.	кар.	89,8	70
1568	808	545	340	345	186	155	55	31	черн.	черн.	кар.	83,3	56
—	—	550	305	360	181	162	52	34	черн.	черн.	кар.	89,8	65
1657	880	560	335	350	190	161	—	—	черн.	черн.	кар.	84,2	—
1652	870	530	300	340	181	153	60	34	т.-рус.	т.-рус.	средн.	84,6	56
1648	900	560	340	360	183	155	—	—	черн.	т.-рус.	средн.	84,6	—
1604	830	530	335	380	182	164	65	35	черн.	черн.	черн.	90,1	53
1670	857	550	330	330	190	155	57	28	черн.	рус.	средн.	81,[illegible]	49

Ростъ	Окружность груди	Голова: Окружность головы	Голова: Дуги. Продольная окружность головы	Голова: Дуги. Поперечная окружность головы	Голова: Діаметры. Продольный	Голова: Діаметры. Поперечный	Носъ: Длина	Носъ: Ширина	Цвѣтъ: Волосъ головы	Цвѣтъ: Лица	Цвѣтъ: Глазъ	Показатель: Головной	Показатель: Носовой
1696	826	540	390	350	196	158	—	—	черн.	т.-рус.	черн.	80,6	—
1624	848	550	320	340	188	158	—	—	черн.	т.-рус.	кар.	84,9	—
1657	856	550	330	340	184	155	—	—	черн.	черн.	кар.	84,8	—
1665	867	530	310	340	177	147	—	—	черн.	черн.	кар.	83,10	—
1555	826	540	315	365	185	163	—	—	черн.	рыж.	кар.	88,1	—
1674	861	545	325	365	186	153	—	—	черн.	черн.	черн.	82,3	—
1577	844	560	340	360	186	160	58	35	черн.	черн.	кар.	86,6	60
1755	874	570	305	360	191	157	61	33	т.-рус.	т.-рус.	средн.	82,2	54,1
1420	—	535	300	335	172	159	—	—	черн.	—	кар.	92,3	—
1688	—	545	318	330	180	155	51	35	черн.	т.-рус.	средн.	85,6	68,6
1730	—	—	—	—	180	155	—	—	т.-рус.	с.-рус.	средн.	86,1	—
—	—	—	—	—	177	151	—	—	черн.	черн.	кар.	85,8	—
—	—	—	—	—	184	160	—	—	т.-рус.	т.-рус.	сѣр.	86,9	—
—	—	540	320	360	177	152	—	—	черн.	т.-рус.	кар.	85,8	—
1740	—	570	340	410	195	158	67	35	черн.	черн.	кар.	81,02	52,3
1730	—	—	—	—	180	155	—	—	рус.	с.-рус.	средн.	86,1	—
1710	—	540	330	345	172	155	—	—	черн.	черн.	кар.	90,6	—
1690	840	548	—	—	185	154	57	34	т.-рус.	т.-рус.	кар.	85,3	59,6
1650	—	540	300	380	172	155	62	35	ч.-сѣд.	рыж.	средн.	90,1	56,1
1660	—	580	—	—	190	159	61	38	черн.	т.-рус.	кар.	83,6	62,3
1660	—	535	315	370	184	156	42	42	черн.	черн.	кар.	84,7	100,0
1654	844	547	321	360	182,9	156,3	57,2	34,6				85,14	60,2

Армяне разныхъ мѣстностей.

№	Ростъ	Діаметры головы продол.	Діаметры головы попер.	Носъ длина	Носъ шир.	Цвѣтъ глазъ	Больш. размах.	Показатели голов.	Показатели носов.
						Борчалинскій уѣздъ			
1	1580	172	150	—	—	Карые	—	87,3	—
2	1680	178	160	—	—	сѣро-зел.	—	89,8	—
3	1660	185	162	—	—	карые	—	87,5	—
4	1560	178	161	—	—	сред., сѣр.	—	90,5	—

№	Ростъ	Діаметры головы продол.	Діаметры головы попер.	Носъ длина	Носъ шир.	Цвѣтъ глазъ	Большой размахъ.	Показатели голов.	Показатели носа.

Борчалинскій уѣздъ.

5	1810	174	152	61	40	карые	1870	87,3	65,5
6	1670	178	153	—	—	сѣрые	1690	85,9	—
7	1580	176	162	51	33	карые	—	91,3	64,7
8	1545	173	161	47	31	карые	—	93,0	65,9
9	1730	183	152	54	33	карые	1880	83,0	61,1
10	1660	184	153	56	33	зеленые	1720	83,1	58,9
Средн. .	1651,0	178,1	156,8	53,8	34,7	,,	1790	87,87	63,2

Нухинскій уѣздъ.

1	1670	185	154	—	—	черн.	—	85,3	—
2	1550	169	149	56	30	средн.	—	87,7	53,5
3	1640	184	147	50	32	кар.	—	79,9	64,0
4	1650	187	163	—	—	кар.	1710	87,1	—
5	1700	181	167	58	33	средн.	1720	92,2	56,8
6	1720	180	159	54	34	черн.	1800	88,3	62,9
7	1550	172	155	63	39	средн.	1700	90,0	61,9
8	1600	185	155	53	32	кар.	—	83,7	60,3
9	1545	173	161	47	31	кар.	—	93,0	65,9
10	1630	171	156	66	30	зел.	1700	91,2	45,4
Среднее. .	1625,5	178,7	156,6	55,9	31,2	—	1722	87,84	58,3

Ахалцихскій и Ахалкалакскій уѣзды.

1	1710	182	150	55	35	гол. сѣр.	1810	82,4	63,6
2	1650	186	154	58	37	сѣр.	—	82,7	63,7
3	1660	185	157	58	35	кар.	—	81,6	60,3
4	1640	186	159	64	32	средн.	—	85,4	50,0
5	1635	190	162	62	34	голуб.	—	80,0	54,8
6	1665	194	155	56	36	кар.	—	79,8	64,5
7	1785	190	159	60	34	средн.	—	83,6	56,6
8	1700	187	156	—	—	кар.	—	83,4	—
9	1630	186	158	—	—	кар.	—	84,9	—
10	1650	179	165	—	—	кар.	—	92,1	—
Среднее. .	1672,5	186,5	157,5	59,0	34,7	—	—	86,62	59,0

Елизаветпольскій уѣздъ.

1	1690	175	151	—	—	—	—	86,2	—
2	1630	184	156	67	35	черн.	1710	84,7	52,2
3	1690	173	161	52	28	черн.	1755	93,0	53,8
Среднее. .	1670	177,3	156	59,5	31,5	—	1732	87,9	53,0

Геокчайскій уѣздъ.

1	1630	167	141	42	37	кар.	—	84,4	88,0
2	—	175	156	—	—	кар.	—	89,1	—
3	1650	172	159	53	32	кар.	1700	92,4	60,3
Среднее. .	1640	171,3	153,0	47,5	34,5	—	1700	88,6	74,1

№	Ростъ	Діаметры головы продол.	попер.	Носъ длина	шир.	Цвѣтъ глазъ.	Большой размахъ.	Показатели голов.	носа.
				Александропольскій уѣздъ.					
1	1645	179	165	58	37	—	—	92,1	67,8
2	2620	174	150	49	30	кар.	—	86,2	61,2
3	1560	185	158	52	34	кар.	—	85,4	65,4
Среднее..	1608	179,0	157,6	53	33,6	—	—	87,9	64,6
				Телавскій уѣздъ.					
1	1540	167	146	—	—	сред.	—	93,5	—
2	1640	185	147	—	—	кар.	—	79,4	—
3	1790	178	156	57	29	голуб.	—	87,6	50,8
Среднее..	1653	176,6	153	57	29	—	--	86,8	50,8
				Зангезурскій уѣздъ.					
1	1660	178	155	58	33	средн.	1725	87,0	56,9
2	1680	189	163	58	34	кар.	1710	86,1	58,7
3	1760	176	155	58	35	сѣр.	1730	88,0	60,8
4	1620	190	160	51	35	кар.	1660	84,2	68,6
Среднее..	1655	183,2	158,2	56,2	34,2	—	1706	86,3	61,1
				Шушинскій уѣздъ.					
1	1640	170	158	59	31	—	—	92,9	52,5
2	1660	180	151	51	34	кар.	1700	83,8	66,8
3	1690	185	158	55	36	сред.	1690	85,4	65,6
Среднее..	1663	178,8	155,6	55,6	33,6	—	1695	87,3	61,5

Прочіе уѣзды.

	Діаметры головы. продольн.	попер.	Головной показатель.
Сигнахскій	183	157	85,7
	189	150	79,3
Джеваншірскій	176	157	89,1
	176	150	85,2
Арешскій	169	161	95,4
Шемахинскій	180	144	80,0
Бакинскій	176	162	92,0
Джебраильскій	192	151	78,1
Ордубадскій	180	152	84,4
Нахичеванскій	180	160	88,9
	185	162	88,6
Сумма	1966	1606	9465
Средніе	178,7	155,1	86,05

Величина наибольшихъ продольныхъ и поперечныхъ головныхъ діаметровъ и головныхъ и носовыхъ показателей по уѣздамъ:

	Число наблюд.	Діаметры прод.	попер.	Показатель головн.	носов.
Г. Тифлисъ	50	182,9	156,8	85,73	60,7
Уѣздъ Борчалинскій	10	178,1	156,8	87,87	63,4
„ Нухинскій	10	178,7	156,6	87,84	58,8
„ Ахалцихскій и Ахалкалак.	10	186,5	157,5	87,62	59,9
„ Елизаветпольскій	3	177,4	156,0	87,90	53,0
„ Геокчайскій	3	171,8	153,10	88,6	74,1
„ Александропольскій	3	179,0	157,6	87,9	64,6
„ Телавскій	3	176,6	153,0	86,8	50,8
„ Зангезурскій	4	183,2	158,2	86,3	61,1
„ Шушинскій	3	178,8	155,6	87,2	61,5
Прочіе	11	178,7	155,1	86,04	—
Средніе	110	181,15	156,45	86,25	60,4

По относительной величинѣ, головной показатель армянъ Тифлиса и прочихъ мѣстностей:

		Тифлисъ.	Прочихъ мѣстн.	Итого.
75,1	77,7	—	1	1
77,8	80,0	—	5	5
80,1	83,3	10	5	15
83,4	85,0	14	10	24
85,1	89,9	19	24	43
90,0	95,0	7	14	21
95,1	100,0	—	1	1
Число наблюденій		50	60	110
Средній показатель		85,73	86,02	86,25

По 50 измѣреніямъ армянъ, произведеннымъ мною почти исключительно во время призыва къ отбыванію воинской повинности въ г. Тифлисѣ, средній головной показатель 85,7,—меньше показателя армянъ другихъ мѣстностей—86,0. По отдѣльнымъ мѣстностямъ эта разница еще больше. По измѣреніямъ г. Шантра головной показатель 13 армянъ, живущихъ возлѣ Діарбекира 84,1. Показатель армянъ Эривани 85,7, а изъ Голлу 86,25. По моимъ другимъ измѣреніямъ 20 армянъ разныхъ мѣстностей показатель 87,0. По измѣреніямъ д ра Блюма 40 армянъ, у 8 показатель менѣе 80, у 14 отъ 80 до 85, у 16 отъ 85 до 90 и у 2 отъ 90 до 94[1]).

Изъ приведенныхъ цыфръ измѣренныхъ въ Тифлисѣ видно, что самый низкій ростъ былъ у имѣвшихъ рыжіе волосы на лицѣ—1632 мм., а выше средняго у 18 съ волосами русыми—1660 мм.,

[1]) Медиц. Сборн. изд. Общ. Кавк. врачей, № 42.

что горизонтальная окружность головы 7 рыжеволосыхъ 543, а 7 съ русыми волосами головы 549, и что головной показатель рыжеволосыхъ 87,3 больше средняго, а показатель имѣвшихъ русые волосы на лицѣ 84,8 и средняго цвѣта глаза 84,6—меньше средняго. Самый высокій ростъ имѣли 13 со средняго цвѣта глазами 1674 м. Показатель носовой у рыжеволосыхъ 59 нѣсколько меньше средняго—60,2—и показателя свѣтловолосыхъ 61.

Носовой показатель по 70 измѣреніямъ:

	Тифлисъ.	Прочихъ мѣстн.	Итого.
Отъ 40— 50	1	2	3
„ 50— 60	17	11	28
„ 60— 70	13	21	34
„ 70— 80	1	1	2
„ 80—100	1	2	

Средній носовой показатель 60,6

Существуетъ множество превосходныхъ, даже художественныхъ, описаній носовъ, глазъ и другихъ частей лица разныхъ народностей, въ томъ числѣ и армянъ. Желая ограничиться только цифровымъ матеріаломъ и не придавая большого значенія описаніямъ, не опирающимся на цыфры, мы будемъ избѣгать ихъ. У армянъ средніе носы выпуклые, длинные 56 мм., не широкіе—до 34 мм., съ большею или меньшею среднею долькою. Носы съ большимъ горбомъ и сводчатые составляютъ, смотря по мѣстностямъ, отъ 5 до 10%, а носы короткіе, широкіе, съ показателемъ болѣе 75, отъ 2 до 4%. Изъ числа измѣренныхъ нами, троихъ съ показателемъ выше 80, у № 50, уроженца Тифлиса, рядового Лорійскаго полка Хачатурова, длина и ширина носа одинаковы, 42. Большіе орлиные и кровлеобразные, встрѣчающіеся у армянъ, носы составляютъ принадлежность особаго, своеобразнаго, древняго, мало изученнаго типа. Bertin находилъ такіе носы у господствовавшаго въ древней Ниневіи типа.

По болѣе подробному измѣренію 20, не вошедшихъ въ предшествующія таблицы, армянъ нѣкоторые другіе размѣры головы и конечностей ихъ.

№	Ростъ.	Длина лица.	Ширина лица bizigom.	Наружн. орбитъ.	Межглазничное пространство.	Углы нижн. челюсти.	Носъ длина.	Носъ ширин.	Длина стопы.	Большой размахъ.
1	1650	183	140	100	36	119	58	36	250	1710
2	1720	193	150	116	35	112	65	37	272	—
3	1650	168	147	102	37	115	50	35	270	1710
4	1710	172	138	96	29	118	51	38	245	—
5	1650	182	145	112	39	124	51	35	266	1640
6	1805	179	145	102	—	106	55	38	280	—
7	1730	189	140	94	30	112	61	37	275	—
8	1660	176	138	98	29	112	56	33	275	1720
9	1690	170	136	114	29	112	52	28	250	1755
10	1580	184	134	105	30	103	56	37	250	1610
11	1660	172	140	115	31	100	58	33	265	1725
12	1680	188	148	102	32	115	58	34	255	1710
13	1730	192	144	96	31	115	55	34	265	1880
14	1580	187	136	94	29	110	59	32	242	1550
15	1780	172	142	—	29	116	58	29	270	1890
16	1680	188	135	95	26	105	66	30	242	1700
17	1580	173	138	101	32	116	53	36	240	1630
18	1730	164	144	112	34	121	57	40	270	1745
19	1740	214	140	112	29	111	62	32	—	—
20	1690	205	143	103	32	108	55	36	255	1690
Среднiе	1651	182,6	141	104	31,5	112	56,8	34,5	259	1711

По приведеннымъ цыфрамъ, типъ армянъ сходенъ съ типомъ евреевъ и халдеевъ, между прочимъ близкимъ по размѣрамъ головнымъ показателемъ, почти одинаковымъ разстоянiемъ между наиболѣе удаленными точками скуловыхъ костей и угловъ нижней челюсти, почти одинаковой длины и ширины носами, а разнится меньшею длиною лица, большимъ разрѣзомъ глазъ — 72,5 противъ 67—61 мм., у айсоровъ и евреевъ—и большею—259 противъ 252 мм. —длиною стопы. Не смотря на меньшiй ростъ и меньшую длину лица отъ корня волосъ до подбородка, верхняя часть лица армянъ больше, чѣмъ у айсоровъ. Такъ

	Полная дл. лица.	Длина лица съ нижн. чел.	Длина верхн. лица.	Лобъ.	Среднее лицо	Нижн. ч. лица.
Айсоры. . .	186	133	78	53	78	55
Армяне. . .	182	125	70	57	70	56

Отношенiе армянскаго народа къ другимъ и, между прочимъ, къ типу халдейскому еще не выяснено. Баронъ Усларъ рядомъ со-

поставленій библейскихъ сказаній, сравнительной филологіи и исторіи, пришелъ къ заключенію, что южная Арменія была колыбелью семитовъ. Тамъ, по его словамъ, на дикопрекрасныхъ берегахъ озера Ванъ семиты не пришельцы, а туземцы, коренные обитатели[1]) Когда этихъ доисторическихъ обитателей плоскогорья начали тѣснить, пришедшіе, по историкамъ, съ востока, такъ-называемые, арійцы, то изъ земли халдейской первые выселились арабы, финикіяне и другія племена, а затѣмъ уже, на зарѣ исторіи, и евреи. Евреи переселялись медленно. Ѳарра, отецъ Авраама, жившій 205 лѣтъ, умеръ по дорогѣ въ землѣ Харранѣ, на берегахъ Ефрати, не дошедши до земли Ханаанской. Авраамъ же нашелъ тамъ своихъ соплеменниковъ, говорящихъ на понятномъ ему языкѣ.

Мы не будемъ входить въ разсужденія, на сколько предположенія Услара и другихъ ученыхъ относительно одного происхожденія евреевъ и арабовъ справедливы. Антропологически арабскій, по преимуществу семитическій, типъ имѣетъ мало общаго съ халдейскимъ. Для насъ особенно важно доказательство лингвистовъ, что корни семитическаго языка сохраняются между живущими и нынѣ на Армянскомъ плоскогорьѣ халдеями несторіанской и другихъ религій, и что евреи, живущіе въ разныхъ мѣстахъ Кавказа, не пришельцы сюда послѣ разоренія Іерусалима, какъ принято считать, а по Услару, отрасли семитовъ—жившихъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Когда, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, халдеи вынуждены были двинуться на югъ, то, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, они могли разойтись и въ разныя другія стороны. Пфафъ говоритъ, что киммерійцы были семиты, а киммерійцы еще за XV вѣковъ до Р. Х. ушли далеко на сѣверъ и тогда слились съ племенами Осетіи и Ирана[2]). Конечно уже они могли слиться и съ другими народами Кавказа.

Кромѣ коренныхъ обитателей Армянскаго плоскогорья, халдеевъ, послѣ плѣна Вавилонскаго при Даріѣ Гистаспѣ (521—485 г. до Р. Х.) и особенно Артаксерксѣ I, здѣсь появились и евреи Палестинскіе. Въ это время, по словамъ книги *Есфирь*, многіе народы приняли еврейскую вѣру изъ страха передъ евреями, слѣдовательно къ типу евреевъ примѣшались другіе элементы. По лѣтописи Мойсея Хоренскаго Іерусалимскіе евреи имѣли сношенія съ

---

[1]) Усларъ—Древн. сказанія о Кавказѣ. стр. 13.

[2]) Пфафъ.

армянами за долго до Р. Х., и около времени Р. Х. армянскій царь Аршакъ находился даже въ нѣкоторой зависимости отъ еврейскаго царя Ирода и долженъ былъ поставить его изображеніе въ храмахъ. Особенно распространились евреи въ Арменіи въ первые вѣка нашей эры. Ерицовъ говоритъ, что въ V вѣкѣ по Р. Х. изъ армянскихъ городовъ, было, при одномъ нашествіи персовъ, переселено—изъ Еруандашата 30,000, Зарехавана 8000, Заришана 14,000 и Вана 10,000 дымовъ евреевъ[1]). Завладѣвъ торговлею, евреи, по словамъ Ерицова, повліяли на наклонности, нравы и образованіе армянъ и, наконецъ, дали Арменіи государственныхъ людей и царскую династію Багратидовъ.

Принадлежали ли такъ размножившіеся въ Арменіи евреи къ обособившейся Палестинской семитическо арабской, или къ арамейско ассирійской, сиро-халдейской группѣ и къ принявшимъ еврейскую религію, кореннымъ обитателямъ плоскогорья, халдеямъ, въ исторіи нѣтъ свѣдѣній. По антропологическому, крайне брахіоцефалическому, низкорослому типу горскихъ и кубинскихъ евреевъ нельзя допустить, что они потомки тѣхъ типичныхъ, арабской расы, семитовъ, изображенія которыхъ находятъ на египетскихъ памятникахъ. Типъ евреевъ, находящагося ближе къ Армянскому поскогорью, Ахалцыхскаго уѣзда только немного болѣе длинноголовъ. Судя по этому въ древней Арменіи должны были играть наибольшую роль не пришельцы евреи семитическаго типа, а коренные, принявшіе еврейскую религію и близкіе по мѣсту жительства и вѣроятно происхожденію армянамъ, обитатели плоскогорья, евреи-халдеи. Особенности организаціи и обособленность языка армянъ показываютъ, что они уже давно образовали самостоятельную, своеобразную, народную группу, но эта группа также давно смѣшалась съ другими группами. По имѣющимся какъ антропологическимъ, такъ и историческимъ фактамъ, метисація ихъ съ халдеями должна была происходить уже съ весьма отдаленныхъ временъ. Антропологическія доказательства этого мы видимъ между прочимъ и въ томъ, что наибольшимъ ростомъ и лучшимъ физическимъ развитіемъ отличаются армяне, имѣющіе наиболѣе волосъ на тѣлѣ, особенно волосатую грудь. Метисація армянъ съ голубоглазыми и свѣтловолосыми типами происходила также съ древнѣйшихъ временъ. Мы встрѣтили въ одномъ историческомъ сочиненіи

---

[1]) Ерицовъ—Историч. очеркъ торговыхъ путей древн. Арменіи. Сборн. свѣд. о Кавказѣ, т. I стр. 54.

свѣдѣніе, что нѣкогда одна изъ армянскихъ царицъ было голубоглазая, и что голубоглазыя женщины у армянъ почитались особенно привлекательными.

IV. Грузины.

Грузинскій языкъ издавна былъ распространенъ на Кавказѣ и отчасти сѣверѣ Малой Азіи. Слѣды грузинскихъ названій городовъ, рѣкъ и урочищъ находятъ въ настоящее время даже на рѣкѣ Кизилъ-Ирмакъ. Грузинскій языкъ издавна объединилъ многія, разнаго антропологическаго типа и вѣроятно говорившія нѣкогда на другихъ языкахъ племена. По грузински говорятъ собственно грузины Тифлисской губерніи, живущіе въ Тіонетскомъ уѣздѣ тушины, пшавы, хевсуры, живущіе въ Кутаисской губерній имеретины, гурійцы и аджарцы. У поселившихся издавна въ Грузіи армянъ и евреевъ роднымъ языкомъ, до послѣдняго времени, также былъ грузинскій. Къ грузинской народности нѣкоторые историки и лингвисты причисляютъ еще мингрельцевъ, лазовъ и сванетовъ.

Въ антропологическомъ отношеніи народности говорящія по грузински распадаются на нѣсколько группъ. Имѣющіяся историческія и лингвистическія свѣдѣнія о первоначальномъ происхожденіи этихъ группъ не объясняютъ ничего. Сказанія о томъ, что во время Геродота и Гиппократа на мѣстахъ, гдѣ говорятъ нынѣ грузинскимъ языкомъ, жили колхи, лазы, сапири или месхи, также какъ и упоминаніе о ихъ нравахъ и обычаяхъ не даютъ указаній о происхожденіи этихъ народовъ и о связи ихъ съ другими антропологическими типами. Мы однако вполнѣ присоединяемся, къ раздѣляемому и барономъ Усларомъ, мнѣнію многосторонняго французскаго ученнаго Дюбуа де Монпэрѐ *), что племена, говорящія грузинскимъ языкомъ суть древнѣйшіе поселенцы Кавказа и что колхи, лазы и месхи живутъ и теперь на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ они жили и въ времена Геродота.

Пока еще недостаточно антропометрическихъ данныхъ для точнаго разграниченія всѣхъ особыхъ, говорящихъ на грузинскомъ

---

*) Dubois de Montpéreux—Voyage autour du Caucase, Paris 1839—1843.

языкѣ, антропологическихъ группъ, но уже неодинаковый ростъ, цвѣтъ волосъ и глазъ, также какъ и разные діаметры головы ставятъ населеніе Тифлисской губерніи въ особую группу. При смѣшеніи измѣреній имеретинъ и грузинъ, какъ сдѣлалъ это г. Эркертъ, въ среднемъ выйдутъ ничего не выражающія цыфры.

Ростъ грузинъ Тифлисской губерніи.

Ростъ	Уѣзды: Тифлисскій.		Горійскій.	Сигнахскій.		Ахалцихскій.	Тіонетскій.	Г. Тифлисъ.
	1889	1890	1890	1890	1891	1889	1889—90	
1244—1377 мм.	—	—	—	—	—	—	2	—
1378—1422 „	—	—	—	—	—	—	1	—
1422—1466 „	—	3	1	—	1	1	—	—
1467—1510 „	4	6	1	2	2	1	—	—
1511—1555 „	24	10	30	9	12	5	11	—
1556—1600 „	45	28	76	28	37	8	15	2
1600—1644 „	79	57	129	29	89	20	54	11
1645—1689 „	77	51	131	55	82	18	79	16
1690—1733 „	52	52	74	47	72	10	78	9
1734—1777 „	20	15	27	10	27	2	52	8
1778—1822 „	1	2	2	5	5	1	14	—
1823—1866 „	3	—	—	—	—	—	2	—
Число наблюденій	305	224	471	185	327	66	308	46
Средній ростъ.	1640	1644	1639	1652	1651	1634	1670	1665

Вышина роста грузинъ по уѣздамъ колеблется между ростомъ населенія Ахалцыхскаго и Горійскаго уѣздовъ, 1634—1639 мм., Сигнахскаго уѣзда — 1652 мм. и Тіонетскаго — 1670 мм. Въ среднемъ низкорослыхъ грузинъ, до 1555 мм.—7,2%, а высокорослыхъ—выше 1733 мм. — 10%.

Если разсматривать ростъ грузинъ не по уѣздамъ, а по тѣмъ этнографическимъ группамъ, на которыя раздѣляются грузины Тифлисской губерніи, то разница будетъ еще больше. Такъ ростъ живущихъ въ Тіонетскомъ уѣздѣ собственно грузинъ, пшавовъ, тушинъ и хевсуръ:

	Грузины.	Тушины.	Пшавы.	Хевсуры.	Итого.
до 1377	2	—	—	—	2
„ 1429	1	—	—	—	1
„ 1466	—	—	—	—	—
„ 1510	8	2	—	1	13

	Грузины.	Тушины.	Пшавы.	Хевсуры.	Итого.
до 1555	8	1	5	1	15
„ 1600	25	13	10	6	54
„ 1644	36	8	24	11	79
„ 1689	36	8	14	20	78
„ 1773	16	9	16	11	52
„ 1822	4	2	7	1	14
„ 1866	1	—	—	1	2
Число наблюденій. . .	137	43	76	52	310
Средній ростъ.	1652	1665	1689	1690	1670

Разность роста собственно грузинъ—1652, и хевсуръ—1690, почти четыре сантиметра.

Окружность груди.

	Уѣзды			Тіонетскій уѣздъ.			
	Горійскій.	Тифлисскій.	Г. Тифлисъ.	Грузины.	Тушины.	Пшавы.	Хевсуры.
до 711 мм.	—	1	—	8	—	—	—
712—755 „	2	5	—	3	—	4	3
756—800 „	10	17	5	11	7	9	5
801—844 „	61	125	13	42	24	27	23
845—888 „	119	200	18	59	10	28	14
889—932 „	67	123	7	15	2	8	5
933—976 „	6	22	1	2	—	—	2
977—990 „	—	2	—	—	—	—	—
Число наблюденій.	265	495	44	135	43	76	52
Средняя окружность груди	860	864	838	846	866	870	850
Окружность груди больше половины роста на.	40	43	6	20	33	25	5
При ростѣ 100, окружность груди. .	52,4	52,5	50,2	51,2	51,4	51,5	50,3

Окружность груди превышаетъ полуростъ наиболѣе у равнинныхъ жителей Горійскаго и Тифлисскаго уѣздовъ. Въ Тіонетскомъ уѣздѣ у грузинъ превышеніе составляетъ 20 мм., а у хевсуръ всего 5 мм. Неодинаковость роста и груди зависятъ частію отъ топографическихъ и бытовыхъ условій, но еще болѣе вслѣдствіе причинъ антропологическаго характера. Г. И. Радде говоритъ между прочимъ, что хевсуры въ Гуро и Шатилѣ не только старые, но и молодые, отличаются необычайною худощавостью. У 8 призываемыхъ хевсуръ, измѣренныхъ въ воинскомъ присутствіи 1889 г., средняя окружность груди была на 5 милл. меньше по-

ловины роста. Въ Тифлисскомъ уѣздѣ въ 1890 году, по обществамъ, отношеніе окружности груди къ росту, принятому за сто, колеблется между $51_{,8}$ —$51_{,8}$ у призываемыхъ обществъ никорцминдскаго, норійскаго, хашминдскаго и $53_{,6}$ призываемыхъ обществъ, гвевскаго, георгицминскаго и патердзеульскаго.

Ростъ грузинъ Тифлисскаго и Сигнахскаго уѣздовъ по наблюденіямъ призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности въ 1889 году, по цвѣту радужной оболочки глаза:

РОСТЪ.	Цвѣтъ радужной оболочки глазъ					
	карый					
	свѣтло-	темно-	средній	зеленый.	голубой.	сѣрый.
1400—1510 мм.	1	8	—	1	—	—
1511—1555 „	19	5	1	2	6	—
1556—1600 „	47	12	3	2	4	5
1601—1644 „	58	16	15	7	7	5
1645—1689 „	76	30	15	4	4	3
1690—1733 „	53	24	9	5	3	5
1733—1777 „	16	7	4	2	—	1
1778—1822 „	5	—	1	—	—	—
1823—1866 „	1	2	—	—	—	—
Число наблюденій.	276	99	48	23	24	19
Средній ростъ.	1640	1655	1660	1630	1610	1634

Самый высокій ростъ имѣли лица съ темнокарыми, 1655 мм. и средняго цвѣта глазами, 1660 мм,, а самый низкій съ зелеными 1630 и голубыми 1610 мм. При болѣе внимательномъ разсматриваніи кривой роста кароглазыхъ видно, что этотъ типъ смѣшанный и, кромѣ болѣе или менѣе интенсивной окраски глазъ, различается еще крайностями роста. Между кароглазыми, особенно съ глазами темнокарыми или черными, есть типъ малорослый, по нѣкоторымъ другимъ даннымъ еврейскій, и великорослый, совершенно иного склада. Смѣшеніе съ грузинами особаго малорослаго типа наблюдается и въ другихъ уѣздахъ,—такъ изъ 80 грузинъ призывнаго возраста, осмотрѣнныхъ въ 1890 году въ Тіонетскомъ уѣздѣ, между 62 кароглазыми трое было почти карликовъ: 2, роста 1245 мм. и 1—1332 мм. Двое изъ нихъ имѣли радужную оболочку интенсивно карую, т. е. черную.

Между тушинами, пшавми и хевсурами также замѣчается вліяніе вошедшихъ въ составъ ихъ антропологическихъ типовъ на физическую организацію отдѣльныхъ лицъ. По измѣреніямъ

за время призыва 1890 года ростъ этихъ народностей по цвѣту глазъ былъ:

	Цвѣтъ глазъ.	Р О С Т Ъ низкій.	средній.	оч. высокій.	Число наблюденій.	Средній ростъ.
		1501—1700	1601—1733	1733—1822		
Тушины	Карый	—	4	1	5	1668
„	Черный	—	7	2	9	1657
„	Средній	2	8	4	14	1657
„	Голубой	—	3	1	4	1690
Пшавы	Карый	2	9	10	21	1705
„	Черный	2	15	7	24	1680
„	Средній	. .	8	4	12	1701
„	Голубой	1	5	1	7	1660
Хевсуры. . . .	Карый	—	9	3	12	1686
„ . . .	Черный	—	6	2	8	1690
„ . . .	Средній	2	9	4	15	1684
„ . . .	Сѣрый	—	4	2	6	1730
„ . . .	Голубой	—	2	1	2	1690

Между тушинами, пшавами и хевсурами вовсе не встрѣтилось не только карликовъ, но и слишкомъ малорослыхъ, а великорослыхъ наиболѣе было у пшавовъ между кароглазыми, у тушинъ между имѣвшими средній цвѣтъ глазъ, а у хевсуръ между сѣроглазыми. Голубоглазые пшавы имѣли наиболѣе низкій, а голубоглазые хевсуры средній ростъ.

Окружность головы чрезъ затылочный бугоръ и надбровныя дуги надъ ушами:

мм.	Тифлисскій 1891	уѣздъ 1889	Сигнах. у. 1891	Тушинскій уѣздъ Грузин.	Тушин.	Пшавы.	Хевс.
500	3	2	3	—	—	—	—
510	3	3	5	1	—	—	—
520	14	19	16	5	2	—	1
530	24	51	48	12	—	2	2
540	52	84	83	18	2	6	2
550	46	65	78	14	8	12	10
560	26	41	58	19	11	18	11
570	31	16	24	12	7	17	5
580	10	8	5	4	2	10	5
590	—	1	3	—	2	1	6
600	—	—	—	—	1	—	2
Число наблюд...	209	290	323	80	85	66	44
Средняя окруж..	541	548	548,$_5$	550	561	561,$_4$	563,$_8$

По цвѣту радужной оболочки окружность головы грузинъ Тифлисскаго уѣзда, по измѣренію призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности, призыва 1889 года:

	Цвѣтъ радужной оболочки				
	Карый.	Черный.	Средній.	Сѣрый.	Голубой.
500—510 мм.	3	2	—	—	—
511—520 „	15	4	—	—	—
521—530 „	26	11	5	5	4
531—540 „	36	23	13	6	6
541—550 „	35	15	6	7	2
851—560 „	22	11	3	—	5
561—570 „	12	4	—	—	—
571—580 „	5	2	—	1	—
581—590 „	1	—	—	—	—
Число наблюденій. .	155	72	27	19	17

Малоголовые, съ окружностью головы до 521 мм., были въ количествѣ 10% только между имѣвшими пигментированный раекъ. У грузинъ, имѣющихъ свѣтлыхъ цвѣтовъ глаза, величина головы средняя, безъ крайностей въ ту или другую сторону, а относительно роста окружность головы ихъ больше, чѣмъ у имѣющихъ пигментированный раекъ. Такъ окружность головы черноглазыхъ составляетъ $33_{,10}$, а голубоглазыхъ $33_{,86}$% роста. Изъ числа осмотрѣнныхъ въ 1891 году докторомъ Васильевымъ грузинъ Сигнахскаго уѣзда 5 голубоглазыхъ при среднемъ ростѣ 1622 мм. имѣли окружность головы 552 мм., а три сѣроглазыхъ при ростѣ 1640, окружность головы 563 мм.

Окружность головы по цвѣту радужной оболочки у тушинъ, пшавовъ и хевсуръ:

Окруж. головы.	Тушины цвѣтъ райка.			Пшавы Цвѣтъ райка.				Хевсуры цвѣтъ райка		
	Кар.	Черн.	Зел.	Кар.	Черн.	Зел.	Гол.	Кар.	Чер.	Зел.
510—520	1	—	1	—	—	—	—	—	1	—
521—530	—	—	—	2	—	—	—	—	1	—
531—540	—	—	—	2	2	1	1	2	—	—
541—550	—	2	3	3	5	2	2	2	4	4
551—560	3	3	2	4	9	3	2	5	1	5
561—570	1	3	3	7	6	2	1	1	—	1
571—580	—	1	1	3	2	3	2	2	—	1
581—590	—	—	2	—	—	1	—	—	1	3
591—600	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Число набл. .	5	9	13	21	24	12	8	12	8	15
Средняя окр..	554	563	565	560	560	566	564	559	550	568

У всѣхъ народностей окружность головы, у имѣющихъ цвѣтъ радужной оболочки зеленый, или голубой, больше, чѣмъ у кароглазыхъ. Особенно велика окружность головы у четырехъ измѣренныхъ въ 1890 году голубоглазыхъ хевсуръ, у которыхъ, при среднемъ ростѣ 1690, окружность головы была 593 мм. или 35,4 % роста.

Важнѣйшіе размѣры головы грузинъ, по измѣреніямъ Шантра, Эркерта и моимъ:

	Шантръ.	Эркертъ.	Мои.
Число наблюденій	8	21	20
Горизонтальная окружность головы . . .	556	—	543
Наибольшій продольный діаметръ. . . .	195	185	183,4
Наибольшій поперечный діаметръ. . . .	167	156	155,0
Головной показатель.	85,85	84,3	84,5
Длина лица отъ нач. волосъ до подбородка.	204	182	178,7
Разстояніе между наибол. удаленн. точками скуловыхъ костей	153	145	142,8
Длина носа.	50	58	53,6
Ширина носа	35	36	35,1
Носовой показатель	68,6	62,1	65,5
Межглазничное пространство	—	33	33,1
Углы нижней челюсти.	—	112	110,7

Приводимыя цыфры значительно отличаются однѣ отъ другихъ. Повидимому г. Шантръ производилъ наблюденія наиболѣе развитыхъ физически людей и поэтому всѣ размѣры его выше размѣровъ г. Эркерта и моихъ. У гг. Эркерта и Шантра не приводится ни ростъ, ни мѣсто рожденія наблюдавшихся, по этому цифры ихъ имѣютъ только относительное значеніе. Къ цыфрамъ имѣющимъ относительное значеніе я долженъ однако причислить и вышеприведенныя свои. Мною сдѣланы измѣренія болѣе ста грузинъ, но эти измѣренія не обработаны и не полны, почему я сдѣлалъ исчисленія только на двадцати, главнымъ образомъ измѣренныхъ въ Тифлисѣ, грузинъ и только изъ нихъ проставилъ вышеприведенныя средніе. Эти средніе никакъ нельзя считать за средніе для грузинскаго типа, потому что городское населеніе болѣе смѣшано чѣмъ сельское и носитъ слѣды метисацій, между прочимъ съ своими единовѣрцами, болѣе длинноголовыми имеретинами, въ весьма значительномъ числѣ, въ качествѣ чиновниковъ, купцовъ, лакеевъ, поваровъ, садовниковъ и проч., издавна живущихъ въ Тифлисѣ. По измѣреніямъ 40 грузинъ сельскихъ, неда-

леко отъ Тифлиса находящихся, обществъ, Норіо и Марткоби, средній головной показатель ихъ 85,$_{21}$, почти совершенно такой, какой получается по измѣренію ста грузинъ—85,$_{4}$. Вообще типъ даже собственно грузинъ по мѣстностямъ далеко не одинаковъ. Кромѣ живущихъ въ Тіонетскомъ уѣздѣ—тушинъ, пшавовъ и хевсуръ, отличаемыхъ уже по внѣшнему виду, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ другихъ уѣздовъ встрѣчаются грузины, имѣющіе какъ бы другую анропологическую закваску и при небольшомъ числѣ измѣреній, при общихъ заключеніяхъ, могутъ ввести въ невольную ошибку наблюдателей. Между прочимъ по 6 моимъ измѣреніямъ грузинъ Сигнахскаго уѣзда средняя окружность головы ихъ 558 мм., діаметры головы: продольный 191, поперечный 157,$_{9}$, головной показатель 81,$_{4}$,—что для среднихъ цыфръ этого уѣзда едва-ли вѣроятно.

	Ростъ.	Полная длина лица.	Наиболѣе удален. час. окуль.	Углы нижн. челюсти.	Наружныя орбиты.	Внутр. углы глазъ.	Носъ длина.	Носъ шир.	Длина стопы.
1	1610	168	136	108	97	31	51	38	262
2	1602	164	134	104	90	32	50	32	250
3	1580	178	138	113	104	31	62	35	250
4	1670	195	140	104	101	33	55	40	250
5	1630	170	148	118	112	55	41	35	240
6	1670	188	145	114	97	34	57	35	270
7	1640	171	148	118	104	33	51	34	240
8	1700	192	150	120	126	38	57	38	270
9	1700	192	147	115	124	33	56	35	270
10	1640	177	138	110	116	34	59	34	255
11	1700	188	148	107	116	35	58	39	275
12	1620	185	142	107	118	29	56	39	250
13	1640	185	144	107	100	35	61	43	235
14	1710	180	148	114	106	34	60	37	260
15	1750	180	139	103	100	32	58	32	245
16	1600	175	139	108	102	32	53	31	224
17	1760	160	146	119	108	—	44	32	270
17	1660	165	141	103	96	31	51	31	254
19	1590	167	1в9	108	99	35	43	35	240
20	1700	181	141	105	103	32	45	38	248
Средніе.	1658	178,$_{7}$	142,$_{8}$	110,$_{7}$	106,$_{1}$	33,$_{1}$	53,$_{4}$	35,$_{1}$	252

Изъ приведенныхъ измѣреній видно, что къ грузинамъ примѣшано больше какъ арійскихъ, европейскихъ, такъ и азіатскихъ,

монгольскаго типа, элементовъ, чѣмъ къ евреямъ и армянамъ. Носы у грузинъ нерѣдко широкіе, расплывающіеся, даже курносые, и длина носа, въ среднемъ 53,$_4$ меньше, а ширина—35,$_1$ мм. больше чѣмъ у евреевъ и армянъ. Скуловыя кости у грузинъ также въ среднемъ болѣе развиты и наибольшее разстояніе между скуловыми костями, 142,$_5$ мм.—абсолютно и относительно больше, чѣмъ у евреевъ и армянъ. Длина рукъ грузинъ меньше, чѣмъ у армянъ и большой размахъ рукъ, по измѣреніямъ Тифлисскаго уѣзда, призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности, докторомъ А. Б. Алексѣевымъ. и 50 грузинъ разныхъ мѣстностей мною, при ростѣ 100, былъ:

Величина размаха при ростѣ 100.

Ростъ.	Измѣренія. Д-ра Алексѣева.	Мои.	Всего.
90—97	20	2	22
98—99	24	6	30
100	27	11	38
101	25	5	30
102	19	5	24
103	34	8	42
105	16	6	21
105	12	3	15
106	9	3	12
107	1	1	2
108	4	1	5
110	1	—	1
113	1	—	1
115	1	—	1
Число наблюденій.	194	51	244
Среднiй размахъ	111,$_4$	102,$_3$	102,$_6$

У армянъ среднiй размахъ по 20 наблюденіямъ 103,$_6$, у евреевъ, по 19 наблюденіямъ, 102,3.

Нога у грузинъ, по имѣющимся наблюденіямъ отъ Spina oss. lei anter super.—917 мм. или 54,$_6$%, а отъ нижняго лобковаго срощенія, по 20 моимъ измѣреніямъ, 802, или 48,$_3$%. По 192 измѣреніямъ доктора Алексѣева, средняя длина ноги грузинъ, 793 мм., относительно роста измѣряемыхъ почти вполнѣ сходится съ найденою мною. По измѣренію разныхъ народностей во время призыва къ отбыванію воинской повинности въ Тифлисѣ, въ 1890 году, ноги у грузинъ найдены длиннѣе, чѣмъ у армянъ, но короче, чѣмъ у евреевъ.

Въ смѣшанныхъ народностяхъ тушинъ, пшавовъ и хевсуръ грузинскій типъ преобладаетъ, особенно у пшавовъ. По замѣчанію Г. И. Радде типъ этихъ народностей по мѣстностямъ также неодинаковъ. По его словамъ, въ с. Гуро хевсуры большею частію смуглые, черноволосые, огромнаго роста, съ большими, руками; у шатильцевъ остроконечные носы и оттопыренныя уши. По измѣреніи мною троихъ хевсуръ, найдено:

	Ростъ	Діаметры головы продол.	попереч.	Длина лица.	Наибол. разст. м. скулами.	Углы нижн. чел.	Н о с ъ длина.	ширин.
1	1700	195	160	196	145	110	55	34
2	1800	179	162	172	136	115	57	36
3	1670	185	162	172	146	115	53	38

Головной показатель 82_0,—90_5,—$87_{,5}$. Хевсуръ № 1, Кибишаури, имѣетъ чисто голубые глаза, большой размахъ 1710, длину стопы 270 мм., но особенно характеренъ большимъ разстояніемъ между внутренними углами глазъ—42 мм.—и небольшимъ размѣромъ глазъ—62 мм.

При современныхъ метисаціяхъ кавказскихъ типовъ съ славянскими и германскими, грузинскій типъ несравненно лучше смѣшивается съ ними, чѣмъ предыдущіе, и метисаціи ихъ большею частью плодородны.

V. Имеретины.

Имеретины занимаютъ Кутаисскій, Шорапанскій, Рачинскій и часть Лечхумскаго уѣзда Кутаисской губерніи.

Ростъ имеретинъ по уѣздамъ:

Ростъ.	Шорап. уѣзд. 1890 г. Западной части.	Шорап. уѣзд. 1890 г. Восточн. части.	Кутаис. уѣз. 1889 г. Низменн.	Кутаис. уѣз. 1889 г. Горный.	В с е г о. Шорапан.	В с е г о. Кутаисскій.	В с е г о. Рачинскій.	В с е г о. Лечгумскій.
1378—1422 мм.	—	—	—	—	—	—	—	1
1423—1466 „	1	1	—	—	2	—	—	1
1467—1510 „	4	7	3	—	11	3	1	2
1511—1555 „	45	31	60	23	76	83	4	8
1556—1600 „	83	42	92	78	125	170	8	18
1600—1644 „	156	132	187	132	288	319	19	35
1645—1688 „	156	130	210	147	286	357	31	52

Ростъ.	Шоран. уѣзд. 1890 г. Западной части.	Восточн. части.	Кутаис. уѣзд. 1889 г. Низмен.	Горный.	Всего. Шорапан.	Кутаисскій.	Рачинскій.	Лечгумскій.
1689—1733 „	164	119	156	137	283	288	24	40
1734—1777 „	78	37	69	42	115	111	12	15
1778—1822 „	21	14	19	14	35	33	2	3
1822—1866 „	1	—	4	3	1	7	—	1
1867 „	1	—	—	—	—	—	—	—
Число наблюденій. . .	710	512	800	566	1222	1366	101	176
Средній ростъ.	1658	1651	1651	1655	1656	1653	1661	1657

Средній ростъ имеретинъ по уѣздамъ колеблется въ предѣлахъ менѣе одного сантиметра. Въ гористыхъ мѣстностяхъ въ Рачинскомъ, Шорапанскомъ и Лечгумскомъ уѣздахъ, ростъ выше, чѣмъ въ болѣе ровномъ Кутаисскомъ, особенно южной и западной его половинѣ. Низкорослыхъ, имѣющихъ менѣе 1511 мм., около 8 на 1000, при чемъ число это колеблется между 2 въ Кутаисскомъ и 22 въ пораженномъ, въ значительной части, эндеміею зоба, Лечгумскомъ. Число имѣющихъ ростъ менѣе узаконеннаго minimum'a для поступленія въ военную службу т. е. менѣе $34,_5$ вершковъ или 1533 мм., въ общемъ около $3,_5$% призываемыхъ, наиболѣе,—до $4,_5$%,—также въ Лечгумскомъ уѣздѣ.

Неодинаковость роста наблюдается какъ въ отдѣльныхъ родахъ, такъ и въ цѣлыхъ обществахъ и находится въ зависимости отъ наслѣдственности, а также и эндемій. Въ Лечгумскомъ уѣздѣ средній ростъ имеретинъ Лухванскаго, Зубскаго и Дехвирскаго обществъ—по 35 измѣреніямъ, 1630,—меньше средняго роста жителей Окурешскаго, Дерчскаго и Орбельскаго обществъ,—по 69 измѣреніямъ, 1676 мм.,—на 46 мм.

Высокорослыхъ, выше 1777 мм., между всѣми имеретинами до 3%. Значительный процентъ ихъ принадлежитъ къ дворянскому сословію.

Ростъ дворянъ, князей и духовныхъ въ Кутаисскомъ уѣздѣ по измѣреніямъ призывавшихся въ 1889 году:

	Дворяне.	Духовные.
1510—1555 мм.	3	—
1556—1600 „	4	1
1601—1644 „	14	6
1645—1688 „	18	6
1689—1733 „	25	4

	Дворяне.	Духовные.
1734—1774 „	15	1
1774—1822 „	11	3
1822—1866 „	3	—
Число наблюденій. . . .	95	21
Средній ростъ	1705	1675

Въ среднемъ, ростъ выше общаго средняго, дворянъ и князей на 47, а духовыхъ на 17 мм. Кромѣ естественнаго подбора, на высшій средній ростъ дворянъ и духовныхъ должны вліять и причины наслѣдственныя.

Окружность груди.

	Уѣзды			
	Кутаисскій.	Шорапанскій.	Рачинскій.	Лечгумскій.
711 мм.	—	—	—	2
712— 755 „	1	7	2	9
756— 800 „	11	47	14	36
801— 844 „	88	300	83	84
845— 889 „	151	533	35	36
890— 933 „	79	287	17	9
934— 977 „	13	47	2	—
978—1022 „	3	1	—	—
Число наблюденій	447	1222	101	176
Средняя окружн. груди. .	868	865	842	860
Больше половины роста на.	41	38	12	32

Въ Кутаисскомъ уѣздѣ, значительная часть котораго лежитъ на равнинѣ, относительная окружность груди больше, чѣмъ въ гористомъ Шорапанскомъ, а также и Лечгумскомъ. Незначительная окружность груди призываемыхъ Рачинскаго уѣзда, превышающая полуростъ только на 12 мм. и имѣвшая результатъ освобожденіе или отсрочку по недостатку размѣра груди—25°/₀ всѣхъ призываемыхъ, до нѣкоторой степени объясняется промышленнымъ и торговымъ духомъ населенія этого уѣзда. Вслѣдствіе суровости горнаго ккимата и недостатка земли, рачинцы меньше заняты земледѣліемъ, а занимаются или торговлею, или разнообразными промыслами—въ Тифлисѣ едва ли не большая часть лакеевъ, поваровъ—рачинцы.

Между дворянами и, вообще, высокорослыми, процентъ узкогрудыхъ наибольшій, а изъ 7 человѣкъ, имѣвшихъ ростъ болѣе

1822 мм., призывныхъ Кутаисскаго уѣзда, ни одинъ не имѣлъ нормы груди, установленной для поступающихъ въ военную службу.

Вліяніе различныхъ антропологическихъ типовъ, входящихъ въ составъ имеретинскаго племени, выражается менѣе рѣзко чѣмъ между грузинами. По выборкамъ изъ имянныхъ списковъ призывныхъ, измѣренныхъ и осмотрѣнныхъ докторомъ Зеленскимъ въ 1889 году, ростъ имеретинъ по цвѣту радужной оболочки былъ:

	Число набл.	Средн. ростъ.
Кароглазыхъ.	700	1654
Голубоглазыхъ.	70	1652
Сѣроглазыхъ.	58	1650
Средняго цвѣта	88	1647

Болѣе рѣзко выражается вліяніе антропологическаго типа на величинѣ головы. По цвѣту радужной оболочки глазъ, окружность головы у призываемыхъ:

Окружность головы.	Цвѣтъ радужной оболочки. Голубой.	Сѣрый.	Средн. и зеленый.	Черный.	Карый.	Итого.
до 500 мм.	1	—	—	—	1	2
„ 510 „	—	1	—	—	3	4
„ 520 „	3	1	4	—	8	16
„ 530 „	2	4	8	1	28	43
„ 540 „	7	8	11	4	50	80
„ 550 „	15	15	19	3	58	110
„ 560 „	23	13	33	2	38	109
„ 570 „	10	13	7	2	24	56
„ 580 „	6	3	4	1	12	24
„ 590 „	1	—	1	—	2	4
„ 600 „	—	—	1	—	1	2
Число наблюденій	68	58	88	13	225	452
Средняя окружность.	555,6	553,8	552,3	553,3	550,0	552,7

Средняя окружность головы 452 человѣкъ—552,7, а по исчисленію 1078 лицъ—552,4, меньше окружности головы голубоглазыхъ—555,6—по три слишкомъ милиметра. Наименьшая окружность головы у кароглазыхъ—550 мм.

По сословіямъ и нѣкоторымъ особенностямъ организаціи, окружность головы:

	Лица имѣвшія					
	Дворяне.	Духовные.	Сѣдину.	Зобъ.	Глухонѣмот. и слабоумie.	Волосы на груди.
510 мм.	—	—	—	—	—	—
520 „	1	—	1	—	2	—
530 „	6	1	3	1	1	5
540 „	11	9	9	4	2	7
550 „	20	4	6	3	3	11
560 „	25	6	6	1	1	17
570 „	19	2	4	3	1	13
580 „	11	1	4	3	—	6
590 „	1	—	—	1	—	1
Число наблюденій..........	94	23	83	15	10	60
Средняя окружность........	557,3	550,3	551,5	558,0	543,0	558,0

Окружность головы духовнаго сословія, по сравненію съ ростомъ, 32,2 %, самая малая, а зобатыхъ самая большая.

По цвѣту глазъ у 8 голубоглазыхъ дворянъ окружность головы 555, у 9 зеленоглазыхъ 562, а у 14 дворянъ, имѣвшихъ карые глаза и черные волосы, 560. У духовныхъ голубыхъ глазъ не наблюдалось, а окружность головы 6 сѣроглазыхъ 556,4. У всѣхъ, имѣвшихъ волосатую грудь, окружность головы больше средней и у 11 волосатыхъ дворянъ окружность головы 564,5, а у 7 духовныхъ 558,7. Раннее посѣденіе волосъ не обнаруживаетъ замѣтнаго вліянія на физическое развитіе. Между дворянами съ сѣдиною было двое, между вообще голубоглазыми и зеленоглазыми по одному, и между сѣроглазыми два. Между лицами духовнаго сословія имѣвшихъ сѣдину не наблюдалось.

Размѣры нѣкоторыхъ частей тѣла имеретинъ.

	Ростъ.	Длина лица.	Ширина лица скуловъ.	Наружныя орбиты.	Межглазн. пространст.	Углы нижн. челюсти.	Носъ длина.	Носъ шир.	Длина стопы.	Большой размахъ.
1	1710 мм.	174	133	97	34	96	56	35	250	1730
2	1780 „	176	138	98	—	108	57	27	270	1820
3	1650 „	192	143	105	33	108	54	37	270	1800
4	1760 „	190	145	98	32	118	58	40	270	1790
5	1680 „	164	141	100	33	112	51	35	245	1840
6	1710 „	180	154	110	32	118	54	34	275	1730

	Ростъ.		Т ѣ л а — Длина лица.	Ширина скуловъ.	Наружныя орбиты.	Межглазн. пространст.	Углы нижн. челюсти.	и м е р е т и н ъ — Нось длина.	Нось шир.	Длина стопы	Большой размахъ.
7	1650	мм.	168	141	98	28	110	54	35	245	1660
8	1620	„	178	144	104	33	108	61	32	242	1650
9	1800	„	172	147	109	31	120	55	38	295	1870
10	1750	„	181	150	98	35	112	53	35	270	1900
11	1710	„	190	142	105	34	115	60	34	260	1806
12	1710	„	183	149	102	35	116	55	32	255	—
13	1550	„	170	136	108	31	108	58	35	245	1605
14	1660	„	180	142	—	33	—	55	34	250	1695
15	1650	„	184	141	106	34	115	56	36	240	1660
16	1640	„	168	137	97	—	108	49	34	250	1800
17	1820	„	191	141	101	34	103	60	34	290	1930
18	1630	„	183	143	100	34	112	53	38	260	1670
19	1650	„	174	140	101	32	118	58	31	240	—
20	1610	„	174	134	116	26	106	57	35	260	1630
21	1740	„	190	138	111	28	106	62	32	275	1716
22	1770	„	187	142	123	31	118	62	27	270	—
23	1710	„	184	142	116	35	116	66	37	265	1750
24	1640	„	174	132	102	27	106	55	32	250	1700
25	1640	„	184	133	97	34	99	58	31	250	1695
Среднее. . . .	1696	„	179,6	141	102	32	110	56	34	260	1760

Длина лица имеретинъ отъ корня волосъ до средины подбородка иногда бываетъ весьма небольшая, менѣе 10% роста, въ среднемъ 179 мм., относительно меньшая чѣмъ у грузинъ. Разстояніе между наиболѣе удаленными точками скуловыхъ костей только въ двухъ случаяхъ было 150 и 154, въ 8 отъ 132 до 139, а вообще верхняя ширина лица 141 мм. относительно менѣе чѣмъ у армянъ и грузинъ.

Нѣкоторые размѣры головы имеретинъ по опредѣленію гг. Шантра, Эркерта и моимъ:

	Шантра.	Эркерта.	Мои.
Число наблюденій.	4	6	52
Окружность головы	572	—	552
Наибольшій продольный діаметръ	204	187	185
Наибольшій поперечный діаметръ.	169	155	151
Головной показатель	82,8	83,1	81,8
Длина лица	200	178	179
Наибольшая ширина лица	151	137	140
Длина носа.	52	58	56
Ширина носа.	34	35	34
Носовой показатель.	65,7	61,8	60,6

Имеретинскій типъ, во многихъ отношеніяхъ рѣзко выдѣляется отъ другихъ сосѣднихъ съ ними типовъ. Основной характеръ его длинная голова, темнорусые, переходящіе на лицѣ въ русые и рыжіе волосы, и карые, но уже давно смѣшанные съ безпигментными и въ значительномъ числѣ зеленоватые, глаза. Изъ отдѣльныхъ измѣреній видно до какой степени этотъ типъ смѣшанъ. Между имеретинами встрѣчаются лица имѣющія наибольшій продольный діаметръ головы 202 и 170, поперечный 157—140, а головные показатели 74—93. Встрѣчаются черепа, не съ умысломъ, а вслѣдствіе увязыванія новорожденныхъ и продолжительнаго лежанія ихъ на затылкѣ,—съ плоскимъ затылкомъ, деформированные. Не смотря на это, основной, длинноголовый типъ выступаетъ въ среднихъ цыфрахъ совершенно опредѣленно. Не имѣя въ виду въ настоящее время входить въ спеціальный разборъ его, замѣтимъ только, что рѣзко отличаясь отъ армянъ и грузинъ ростомъ, болѣе длинною и узкою головою, съ показателемъ 81,, отъ курдовъ и персовъ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ, отъ монгольскихъ племенъ небольшою шириною лица, и наконецъ отъ своихъ сосѣдей мингрельцевъ и гурійцевъ болѣе высокимъ ростомъ, имеретины по типу наиболѣе подходятъ къ типу нѣкоторыхъ западныхъ горцевъ, особенно абаздеховъ и адиге. Кромѣ, уже и въ настоящее время имѣющихся цыфръ, доказывающихъ своеобразность антропологическаго типа имеретинъ, въ общихъ, трудно поддающихся для передачи цыфрами, чертахъ физіономіи, имеретинъ,—въ небольшихъ, слегка завитыхъ, русыхъ бакахъ, въ положеніи носа, губъ и подбородка, напоминающихъ мордочку дикаго козла или оленя, въ складѣ худощаваго тѣла, въ особой предприимчивости и нѣкоторой, такъ сказать, артистичности ихъ, замѣчаются черты совершенно выдѣляющіе имеретинъ въ особую антропологическую группу. Наиболѣе чистые характерные типы ихъ уроженцы горныхъ мѣстносией Рачинскаго и Лечгумскаго уѣздовъ. По 6 измѣреніямъ головной показатель ихъ 80, меньше общаго средняго. Теорія de Lapouge'a, что долихоцефалы люди по преимуществу инніціативы находитъ себѣ подтвержденіе въ имеретинахъ, такъ какъ между грузинскими племенами они наиболѣе длинно-головые и наиболѣе предпріимчивы.

Въ общую таблицу измѣреній мы включили подъ № 11 имеретина Шорапанскаго уѣзда Мадабадзе, по устройству головы совершенно выдѣляющагося отъ другихъ. Продольный діаметръ го-

ловы его 185, поперечный 192, головной показатель 103,₇. Модабадде имѣетъ общее хорошее физическое развитіе—ростъ 1710 грудь 935, большой размахъ 1800, но окружность головы 608, скуловой діаметръ 147, длина лица 172. Въ общемъ, не смотря на вполнѣ плоскій затылокъ и какъ бы сдавленность мозжечка, всѣ, въ томъ числѣ и половыя, отправленія Модабадзе не уклоняются отъ нормальныхъ и онъ принятъ въ военную службу.

У имеретина Шорапанскаго уѣзда Гелашвили, № 16, между большимъ и вторымъ пальцами обѣихъ ногъ растянуты кожанныя перепонки.

У жителя Лечгумскаго уѣзда сел. Дерчи, Ахвладіашвили, № 19, между четвертымъ и среднимъ пальцами лѣвой руки наполовину кожаная перепонка.

VI. Мингрельцы и гурійцы.

Естественныя границы мингрельцёвъ, по, имѣющему всѣ основанія мнѣнію Дюбуа де Монпере непосредственныхъ потомковъ, описанныхъ Геродотомъ, колхидцевъ—рѣки Цхенисъ-цхале, Ріонъ, Черное море, рѣка Ингуръ и горные отроги, гдѣ мингрельцы сливаются съ сванетами. Вслѣдствіе большей предпріимчивости мингрельцы ассимилировали и, жившее къ сѣверу отъ Ингура, въ Самурзакани, болѣе высокаго роста, племя, поэтому ростъ, какъ и другіе признаки мингрельцевъ Сенакскаго и Зугдидскаго уѣздовъ, разнятся отъ мингрельцевъ Самурзакани,

Гурійцы занимаютъ почти одинъ Озургетскій уѣздъ.

Ростъ мингрельцевъ.

Ростъ.	Уѣзды: Зугдидскій принят. на службу.	Сенакск. 1891 г. Всѣ осмотрѣнные.	Самурзакань 1879 г.	Самурзакань 1890 г.	Ростъ гурійцевъ принятыхъ.
1378—1422 мм.	—	3	—	—	—
1423—1466 „	—	3	2	—	—
1467—1510 „	—	10	—	—	—
1511—1555 „	9	14	8	14	2
1556—1600 „	27	69	30	42	16
1601—1644 „	86	175	53	69	18
1645—1682 „	83	203	85	78	33
1689—1733 „	51	120	45	54	14
1734—1777 „	17	34	26	24	3

Ростъ мингрельцевъ.

Ростъ.	Уѣзды: Зугдидскій принят. на службу.	Сенакск. 1891 г.	Самурзакань 1889 г.	1890 г.	Ростъ гурійцевъ принятыхъ.
		Всѣ осмотрѣнные.			
1778—1822 мм.	6	11	8	12	1
1823—1866 „	—	1	3	1	—
Число наблюден. .	279	643	260	300	87
Среднiй ростъ. . .	1644	1642	1659	1653	1645

Среднiй ростъ самурзаканцевъ слишкомъ на сантиметръ выше роста мингрельцевъ Зугдидскаго, а особенно, болѣе удаленнаго отъ Самурзакани, Сенакскаго уѣзда. Не принимая въ разсчетъ роста мингрельцевъ Зугдидскаго уѣзда, выведеннаго только по измѣреніямъ уже принятыхъ, безъ забракованныхъ по малому росту, малорослыхъ до 1510 мм., въ Сенакскомъ уѣздѣ 4,$_{8}$, а въ Самурзакани 1,$_{2}$%, а высокорослыхъ, выше 1733 мм., въ Сенакскомъ уѣздѣ 7, а въ Самурзакани почти вдвое больше—13,$_{2}$%, Выше 40 вершковъ или 1777 мм. между призываемыми Сенакскаго уѣзда было только 11 на 640, а между самурзаканцами 25 на 560 осмотрѣнныхъ.

Ростъ гурійцевъ подходитъ къ росту сосѣднихъ съ ними мингрельцевъ Сенакскаго уѣзда. Кромѣ неодинаковости роста, по родамъ и мѣстностямъ, между мингрельцами также неодинаковъ ростъ и по сословіямъ. По измѣреніямъ, во время призыва 1890 г. средній ростъ лицъ привиллегированныхъ сословій мингрельцевъ Самурзакани, 1720 мм., выше общаго средняго на 65 мм.

Окружность груди.

	Самурзакань 1889 г.	1890 г.	Уѣзды: Зугдидскій принятые.	Сенакскій 1891 г.
до— 711 мм.	—	1	—	—
712— 755 „	1	1	—	1
756— 800 „	18	34	15	18
800— 844 „	73	94	66	120
845— 889 „	100	130	107	279
890— 933 „	44	38	65	179
934— 977 „	4	2	20	27
978—1022 „	1	—	4	1
Число наблюденій. . .	241	300	277	629
Средн. окруж. груди. .	846	842	890	866
Больше полуроста на..	17	16	55	45

Окружность груди у мингрельцевъ Сенакскаго и Зугдидскаго уѣздовъ какъ абсолютно, такъ и относительно, значительно больше окружности груди мингрельцевъ Самурзакани.

При разсматриваніи роста по цвѣту волосъ и глазъ видно, что свѣтлорусые и свѣтлоглазые мингрельцы, въ среднемъ болѣе высокаго роста и между ними почти нѣтъ ни слишкомъ низкорослыхъ, ни высокорослыхъ, а черноволосые и черноглазые болѣе низкаго и представляютъ въ этомъ отношеніи большія крайности. За два года ростъ призываемыхъ по цвѣту волосъ и глазъ былъ:

Ростъ.	Цвѣтъ волосъ Свѣтло-рус.	Черн.	Цвѣтъ глазъ. Сѣрые.	Голуб.	Черные.
до 1510 мм.	—	5	1	—	2
„ 1555 „	1	14	1	1	3
„ 1600 „	3	50	7	3	11
„ 1644 „	7	72	16	7	24
„ 1688 „	6	109	25	9	27
„ 1733 „	9	68	16	4	16
„ 1777 „	4	39	13	7	4
„ 1822 „	4	11	4	3	2
„ 1844 „	—	4	1	—	1
Число наблюденій. . .	34	372	84	34	90
Средній родъ.	1670	1650	1662	1673	1645

Слѣдовательно, ростъ свѣтлорусыхъ и голубоглазыхъ, колеблясь въ предѣлахъ 250 мм., въ среднемъ, на 20—28 мм. выше роста черноволосыхъ и черноглазыхъ. Между брюнетами наичаще встрѣчались какъ люди весьма низкаго роста, почти карлики, 32 вершковъ, такъ и весьма высокіе, болѣе 41 вершка, почему ростъ ихъ колебался въ предѣлахъ 400 мм. Между сѣроглазыми есть люди какъ очень низкаго, такъ и очень высокаго роста, но въ среднемъ, по физическому развитію, они стоятъ также значительно выше черноглазыхъ. У самурзаканцевъ зеленый цвѣтъ глазъ, можетъ быть, и наслѣдственнаго происхожденія отъ неизвѣстнаго, нѣкогда жившаго здѣсь или въ Сванетіи, народа, такъ какъ небольшая группа зеленоглазыхъ отличается нѣсколько инымъ, болѣе слабымъ физическимъ развитіемъ и средній ростъ 12, измѣренныхъ въ 1890 году, зеленоглазыхъ былъ 1620 мм.

Соціальное положеніе, нѣкоторыя особенности организаціи и хроническія семейно-наслѣдственныя страданія также вліяютъ на физическое развитіе, а слѣдовательно и на ростъ. Чтобы точнѣе характеризовать это вліяніе, привожу здѣсь е е таблицу роста

дворянъ и князей, а также лицъ, имѣвшихъ волосы на груди, сѣдину въ волосахъ и парши.

Ростъ.	Дворяне и князья	Лица имѣющія: Волоса на груди.	Сѣдину.	Парши головы.
до 1510 мм.	—	—	1	—
„ 1555 „	—	6	2	5
„ 1600 „	—	6	5	5
„ 1644 „	1	25	6	12
„ 1688 „	9	18	10	8
„ 1733 „	3	21	3	4
„ 1777 „	3	9	3	3
„ 1822 „	7	3	2	1
„ 1846 „	2	2	—	—
Число наблюденій. . .	25	90	32	38
Средній ростъ.	1720	1665	1644	1632

Ростъ дворянъ и князей на цѣлыхъ 65 мм. выше средняго; ростъ имѣвшихъ волосы на груди на сантиметръ выше, а ростъ имѣвшихъ сѣдину и страдавшихъ паршами, на 10 и 22 мм. ниже средняго. Особою высотою роста отличались дворяне и князья, имѣвшіе глаза свѣтлаго цвѣта, составлявшіе около 40% всѣхъ глазъ привиллегированныхъ сословій. Такъ, средній ростъ 5-ти голубоглазыхъ 1770, а 5-ти сѣроглазыхъ 1760 мм. Самый высокій ростъ былъ у сѣроглазаго 1835 мм.

Неодинаковость происхожденія мингрельцевъ Самурзакани выражается и многими другими физическими признаками. Мы обратимъ еще здѣсь только вниманіе на неодинаковую величину головы: по измѣренію одной горизонтальной окружности черепа надъ углами, черезъ надбровныя дуги и затылочный бугоръ. По измѣренію 300 молодыхъ людей призывнаго возраста въ 1890 году, средняя окружность головы всѣхъ вообще и окружность головы привилегированныхъ сословій, а также лицъ, имѣвшихъ разный цвѣтъ радужной оболочки глазъ:

Горизонтальная окружн. головы.	Число лицъ осмотрѣнныхъ: Всего	Привил. сослов.	Имѣвшихъ цвѣтъ глазъ: сѣрый.	голубой.	черный.
—500 мм.	1	—	1	—	—
501—510 „	2	—	—	—	—
511—520 „	4	—	—	—	2
521—530 „	23	—	3	—	5
531—540 „	53	—	6	2	14
541—550 „	65	3	9	4	9
551—560 „	74	6	11	5	12

Горизонтальная окружн. головы.	Число лицъ осмотрѣнныхъ: Всего	Привил. сослов.	Имѣвшихъ цвѣтъ глазъ: сѣрый.	голубой.	черный.
561—570 „	47	4	5	6	4
571—580 „	22	3	5	3	7
581—590 „	9	1	1	2	1
Число наблюденій. . .	300	17	41	22	54
Средняя окружность.	554,3	565,3	554,1	563,6	552,7

Къ величинѣ средней окружности головы 554,3 мм. подходить средняя окружность головы сѣроглазыхъ и частію черноглазыхъ, окружность же головы голубоглазыхъ—563 мм., а особенно лицъ привиллегированныхъ сословій—565, на 8 и 11 мм. больше средней. Самая меньшая окружность головы по цвѣту глазъ у зеленоглазыхъ—549,2 мм. Въ общемъ окружность головы находится въ соотвѣтствіи, хотя и не вполнѣ, съ ростомъ. Окружность головы находится также въ зависимости отъ особенностей организаціи и болѣзней. Самая малая окружность головы у имѣвшихъ сѣдину 547,7, между которыми былъ одинъ микроцефалъ съ окружностью 500 мм.; затѣмъ у страдавшихъ, обыкновенно съ дѣтства, паршами—550, а у лицъ, имѣвшихъ волосатую грудь, больше средней—558,4 мил.

Нѣкоторые размѣры лица мингрельцевъ:

	Ростъ.	Длина лица.	Ширина лица скуловая.	Наружныя орбиты.	Межглазное пространство.	Углы нижней челюсти.	Носъ длина.	Носъ ширина.	Длина стопы.	Большой размахъ.
1	1590 мм.	175	138	96	35	112	55	35	240	—
2	1630 „	193	144	115	36	110	62	35	250	—
3	1520 „	170	134	106	34	108	59	36	238	1610
4	1660 „	177	141	118	41	105	59	35	270	1734
5	1670 „	186	140	104	35	—	58	30	255	1740
6	1590 „	151	145	107	32	120	46	34	236	1600
7	1690 „	186	142	98	33	110	58	34	245	1640
8	1720 „	172	135	92	28	108	58	27	260	1760
9	1630 „	182	134	95	32	114	55	31	248	1660
10	1690 „	183	144	107	35	110	57	31	252	1660
11	1590 „	175	137	108	31	104	52	32	262	1635
12	1650 „	179	141	94	31	104	43	33	260	1750
13	1620 „	198	134	100	34	105	59	34	275	—
14	1690 „	180	145	119	30	112	52	34	258	—
15	1770 „	175	147	120	37	110	52	37	260	—
Среднее . .	1647 „	178	140	105	33	109	55	32,6	253	1678

У мингрельцевъ, сравнительно съ имеретинами, относительно большая верхняя ширина лица, большее межглазное пространство, меньшіе носы и меньшая стопа.

По сравнительнымъ измѣреніямъ, нѣкоторые размѣры головы мингрельцевъ:

	Наблюденія.		
	Шантра.	Эркерта.	Мои.
Число наблюденій	12	14	15
Горизонтальная окружность головы..	568	—	546
Наибольшій продольный діаметръ . .	197	188	184
Наибольшій поперечный діаметръ. .	164	154	150
Головной показатель	83,$_{2}$	81,$_{9}$	81,$_{5}$
Длина лица.	193	179	178
Ширина лица.	155	140,$_{3}$	140,$_{6}$
Длина носа.	48	55	55
Ширина носа.	32	34	32,$_{5}$
Носовой показатель.	67,$_{9}$	61,$_{8}$	60,$_{0}$

Вслѣдствіе значительно большихъ и относительно мингрельцевъ цыфръ г. Шантра сравнительно съ цыфрами моими и г. Эркерта, головной діаметръ у него и для мингрельцевъ больше найденныхъ мной и г. Эркертомъ. Неодинаковость типа населенія, вошедшаго въ составъ мингрельцевъ, выражается особенно рѣзко тѣмъ, что окружность головы по моимъ измѣреніямъ 15, уроженцевъ собственно Мингреліи, 546 мм., по измѣреніямъ 300 мингрельцевъ Самурзакани 554, а по 12 измѣреніямъ г. Шантра, 568 мм.

Головные показатели грузинъ, имеретинъ и мингрельцевъ по моимъ измѣреніямъ:

Головной показатель.	Грузины.	Имеретины.	Мингрельцы.
70 —75,$_{0}$	—	3	2
75,$_{1}$—77,$_{7}$	1	3	2
77,$_{8}$—80,$_{0}$	6	19	3
80,$_{1}$—83,$_{3}$	18	17	9
83,$_{4}$—85,$_{0}$	20	5	4
85,$_{1}$—89,$_{9}$	42	3	4
90,$_{1}$—95,$_{0}$	5	1	—
95,$_{1}$—103	1	1	—
Число наблюденій	93	52	24

У грузинъ показатель меньше 75 не встрѣчался, у имеретинъ былъ 3, а у мингрельцевъ 2 раза. Преобладали показатели у грузинъ выше 85, составлявшіе почти 50%, у имеретинъ между 77 и 83, почти 70%, а у мингрельцевъ между тѣми же цыфрами

50°/₀. У мингрельцевъ лицъ съ показателемъ 83 и ниже, 67°/₀, въ томъ числѣ ниже 77, до 17°/₀, слѣдовательно больше, чѣмъ у имеретинъ. Головъ съ показателемъ выше 85 у мингрельцевъ 17°/₀, а съ показателемъ выше 90, нерѣдкихъ не только у грузинъ, но и смѣшанныхъ съ ними имеретинъ, у мингрельцевъ не наблюдалось.

VII. Сванеты.

Небольшое, съ населенiемъ до 12,000 душъ, извѣстное уже въ глубокой древности, племя сванетовъ или свановъ, занимаетъ котловину по верховьямъ р. Ингура, у южнаго подножія Эльбруса, на высотѣ 4—7000 ф. и, тотчасъ южнѣе этой котловины, за Сванетскимъ хребтомъ, ущелья по притоку Ріона, Цхенисъ-цхали. Антропологическій типъ сванетовъ имѣетъ свои особенности, но представляетъ ясныя метисаціи на югѣ съ мингрельцами и имеретинами, на сѣверѣ, во кругъ Эльбруса, съ карачаевцами, на сѣверо-востокѣ, особенно въ Ушкульскомъ обществѣ, съ грузинами. Вслѣдствіе метисаціи, распространенія между сванетами эндеміи зоба и неодинаковыхъ топографическихъ и экономическихъ условій, въ которыхъ живутъ сванеты, физическое развитіе ихъ — весьма неодинаково. Въ 10 обществахъ Сванетіи по Ингуру или Верхней, и пяти обществахъ, отдѣленной отъ нея трудно проходимымъ Сванетскимъ хребтомъ, Сванетіи по Цхенисъ-цхали или Нижней, ростъ призываемыхъ:

		1889—90 Верхняя.	1889 Нижняя.
1378	1422	1	1
1423	1466	1	—
1467	1510	3	3
1511	1555	8	2
1556	1600	18	7
1600	1644	25	8
1645	1689	42	6
1690	1733	24	5
1734	1777	14	5
1778	1822	4	—
1823	1866	2	—
Число наблюденій. . .		142	37
Средній ростъ.		1660	1624

Болѣе высокій ростъ сванетовъ въ обществахъ, лежащихъ ближе къ Эльбрусу—Ецерскомъ, Бечойскомъ, Чуберскомъ, а низкій въ Ушкульскомъ, Ипарскомъ, гдѣ типъ и даже нѣкоторыя особенности быта населенія имѣютъ сходство съ средне-грузинскимъ.

Въ Нижней, какъ и Верхней Сванетіи среди низкорослыхъ встрѣчаются лица своеобразнаго типа и весьма высокаго роста. По измѣреніямъ въ 1889 и 1890 году, ростъ призываемыхъ по обществамъ:

Общества.	1889 года		1890 года.	
	Число наблюденій.	Средній ростъ.	Число наблюденій.	Средній ростъ.
Ушкульское	4	1570	—	—
Ипарское	8	—	7	1612
Мулахское	6	1630	7	1660
Латальское	5	1635	—	—
Кальское	4	1635	5	1594
Местійское	4	1648	3	1655
Бечойское	7	1676	3	1680
Парское	5	1676	8	1630
Чуберское	15	1697	11	1655
Ецерское	18	1702	9	1650

Въ Сванетіи по Цхенисъ-цхали самый, малый ростъ у жителей Лентехскаго общества—въ 1889 году, по 17 измѣреніямъ, 1600, а въ 1891, по 19 измѣреніямъ, несмотря на то, что одинъ изъ измѣренныхъ былъ роста 1830 мм., средній ростъ, 1610. На пониженіе роста и вырожденіе сванетовъ по Цхенисъ-цхали главное вліяніе имѣетъ эндемія зоба. По осмотрѣ молодыхъ людей, зобъ найденъ между жителями Верхней у 10%, Нижней у 48%, а кретинизмъ у 55% Верхней и 8% Нижней. Изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ Лентехскаго общества имѣли зобъ въ 1889 году 8, а въ 1891 году 10 чел., или 50% всѣхъ осмотрѣнныхъ.

	1889 года.	
	Верхняя.	Нижняя.
711 мм.	—	2
711— 755 „	1	1
756— 800 „	5	8
801— 844 „	21	9
845— 888 „	29	15
889— 932 „	12	2
933— 977 „	2	—

	1889 года.	
	Верхняя.	Нижняя.
978—1022 мм.	1	—
Число наблюденій. . . .	71	37
Средняя окруж. груди. .	880	822
Больше полуроста на . .	50	11

У сванетовъ по Ингуру грудь развита весьма хорошо—чѣмъ они рѣзко отличаются отъ другого, живущаго въ почти такихъ-же условіяхъ и причисляемаго къ грузинскимъ, племени хевсуръ. У сванетовъ по Цхенисъ-цхале, какъ носящихъ многіе слѣды вырожденія, грудь развита слабо.

Окружность головы сванетовъ больше, чѣмъ окружность головы мингрельцевъ и равняется для горной Сванетіи 560, для нижней 553 мм. По цвѣту радужной оболочки глазъ, по исчисленіямъ, сдѣланнымъ мною изъ измѣреній призываемыхъ въ 1890 году, средняя окружность головы уроженцевъ горной Сванетіи—24 кароглазыхъ 550 мм., 25 зеленоглазыхъ 560 мм., и 3 голубоглазыхъ 559 мм. По 140 измѣреніямъ въ 1891 году, произведеннымъ уже имѣвшимъ опытъ докторомъ Е. И. Дѣловымъ смѣшаннаго, главнымъ образомъ, сванетскаго населенія обществъ Чолурскаго, Накуралешскаго, Леншехскаго, Лашхетскаго, Лухванскаго, Дехвирскаго и Окурешскаго Лечгумскаго уѣзда, средній ростъ 1642, средняя окружность головы $553,_2$—въ томъ числѣ 15 голубоглазыхъ, ростъ 1615, окружность головы 565 мм., и 7 сѣроглазыхъ ростъ 1650, окружность головы $564,_8$. Окружность головы кароглазыхъ и здѣсь самая малая—около 550 мм.

По 19 измѣреніямъ сванетовъ призывнаго возраста, чиновъ 3 стрѣлковой дружины, продольный діаметръ головы ихъ, колеблясь въ предѣлахъ 169—196, въ среднемъ $181,_{26}$, а поперечный, колеблясь между 140 и 165, въ среднемъ $156,_3$, крайніе головные показатели сванета изъ, смѣшаннаго съ имеретинами, Чолурскаго общества—$75,_8$, и уроженца общества Парскаго, въ горной Сванетіи, $92,_5$ мм. Основной, большеголовый типъ сванетовъ повидимому болѣе сохранился отъ смѣшенія въ горной Сванетіи.

Кромѣ большаго процента зеленоватыхъ, разныхъ оттѣнковъ глазъ и большей противъ другихъ народностей окружности головы, сванеты, особенно горные, выдѣляются отъ своихъ сосѣдей большою относительною длиною рукъ. По моему измѣренію, длина руки, отъ acromion до конца пальцевъ, у сванетвъ около 46%, а

у одного до 47,$_6$°/$_0$ роста. По измѣреніямъ, произведеннымъ мною и докторомъ Е. Г. Дѣловымъ, длина большого размаха рукъ сванетовъ, относительно роста, принимаемаго за 100, колеблясь въ предѣлахъ 98 и 111°/$_0$, въ среднемъ 105°/$_0$. Величина размаха рукъ находится въ зависимости какъ отъ величины окружности головы, такъ и цвѣта глазъ. Въ горной Сванетіи, въ 1890 году, у 10 лицъ, имѣвшихъ короткія руки и размахъ отъ 98 до 101°/$_0$ роста, средняя окружность головы 560 мм., у 7 лицъ, имѣвшихъ размахъ 108—110°/$_0$ роста,—окружность головы 566,$_7$ мм. У 24 лицъ, имѣвшихъ карые глаза, большой размахъ 105,$_3$°/$_0$, у 19 со средняго цвѣта глазами 104, у 21 съ зелеными и голубыми 103,$_9$, и у двухъ съ чисто сѣрыми глазами и среднимъ ростомъ 1612, 107°/$_0$ роста. Весьма распространенный между сванетами зобъ и кретинизмъ не имѣютъ видимаго вліянія на длину рукъ, но, повидимому, вліяютъ на величину головы.

Окружность головы сванетовъ вообще и въ частности зобатыхъ:

Окружность головы.	Горные сванеты.	Нижніе сванеты.	Зобатые Сванеты горные	Зобатые Сванеты нижніе	Зобатые Имеретины.
510 мм.	—	1	—	—	—
520 „	—	2	—	—	—
530 „	2	5	—	—	—
535 „	3	10	—	—	—
540 „	5	17	—	2	—
545 „	6	15	—	2	—
550 „	5	17	—	2	1
555 „	5	16	2	2	1
560 „	11	18	1	3	2
565 „	6	9	3	2	1
570 „	13	8	1	1	—
575 „	4	7	—	1	1
580 „	4	7	—	1	—
585 „	3	—	—	—	—
590 „	2	2	—	2	—
600 „	1	—	—	—	—
Число наблюденій.......	71	140*)	7	18	6
Средняя окружность......	560,$_1$	552,$_7$	566	558,$_1$	562

*) По измѣреніямъ 1892 года призывныхъ обществъ Чолурскаго, Накуралещскаго, Дехвирскаго, Лентехскаго, Лухванскаго, Лешхетскаго, Окурещскаго. Въ этихъ обществахъ сванеты смѣшаны съ имеретинами.

Оказывается весьма интересный и заслуживающій вниманія съ точки зрѣнія этіологіи зоба фактъ, что у зобатыхъ, какъ горной, такъ и нижней Сванетіи, окружность головы больше, чѣмъ у незобатыхъ на 6 миллиметровъ. Въ Лентехскомъ обществѣ, гдѣ большая часть населенія зобата, два зобатыхъ, роста 1580 и 1660 мм., имѣли окружность головы 588 и 590, а средняя окружность головы всѣхъ призываемыхъ, по 19 измѣреніямъ, 558,₅ мм. Сванеты выдѣляются отъ другихъ и состояніемъ зубовъ. По осмотрамъ д-ра Чуева и моимъ, рѣдкіе зубы у сванетовъ составляютъ 20—30%

VIII. Абхазцы.

Смѣшанное съ значительнымъ процентомъ семитическаго и неизвѣстныхъ большеголовыхъ, свѣтло-глазыхъ племенъ, абхазское племя имѣетъ меньшій средній ростъ, меньшую голову и худшее физическое развитіе, чѣмъ ихъ южные сосѣди, самурзаканцы, а также, по имѣющимся даннымъ, чѣмъ горцы сѣверныхъ склоновъ Западнаго Кавказскаго хребта, племена адиге и карачаевцы. Осмотрѣнные, призывавшіеся къ отбытію воинской повинности, абхазцы имѣли ростъ:

	1890	1891 г.
1378—1466 мм.	—	1
1667—1510 „	2	—
1511—1555 „	6	5
1556—1600 „	28	18
1601—1644 „	47	13
1645—1689 „	45	10
1690—1733 „	37	3
1734—1777 „	14	1
1778—1822 „	5	—
1823—1866 „	1	—
Число наблюденій	180	46
Средній ростъ.	1650	1648

Минимальный ростъ 1400, а максимальный 1840 мм.; малорослыхъ до 1510 мм.—1,₃, а до 1551 м.—5,₄, а высокорослыхъ, выше 1733 м., сравнительно большой процентъ—9,₄%.

По обществамъ ростъ абхазцевъ, измѣренныхъ въ 1889 г.:

	Число наблюд.	Ростъ.		Число наблюд.	Ростъ.
Беслухупское. . .	4	1617	Гудаутское. . . .	38	1653
Моквинское. . . .	4	1620	Поквешское	15	1660

	Число наблюд.	Ростъ.		Число наблюд.	Ростъ.
Илорское.	16	1635	Бедійское.	39	1666
Гамышское	7	1635	Чиловское.. . . .	9	1666
Гупское.	18	1644	Квитаульское . . .	6	1668
Аджюбжинское . .	14	1648			

По небольшому числу наблюденій, эти цыфры не могутъ имѣть особаго значенія, но заслуживаетъ вниманія, что средній ростъ въ обществахъ наиболѣе малярійныхъ—Моквинскомъ и Илорскомъ, особенно малъ.

На пониженіе роста нѣкоторыхъ родовъ имѣютъ видимое вліяніе, гнѣздящіеся у нихъ и передаваемые изъ поколѣнія въ поколѣніе, парши. По осмотрамъ въ 1889 и 1890 годахъ, паршами было поражено 22 человѣка, или 12% всѣхъ молодыхъ людей, и средній ростъ имѣвшихъ парши, 1630, на 20 мм. меньше общаго средняго.

Окружность груди.

	1889 г.	1890 г.
755 мм.	—	1
756— 800 „	12	3
801— 844 „	46	24
845— 889 „	78	14
890— 922 „	28	4
923— 977 „	9	—
978—1022 „	1	—
Число наблюденій.	174	46
Средняя грудь	869	836
Больше полуроста на.	35	12

По цвѣту глазъ и волосъ ростъ абхазцевъ:

Ростъ.	Цвѣтъ глазъ			Цвѣтъ волосъ	
	голубой.	сѣрый.	черный.	св.-рус.	черный.
1466—1510 мм.	—	—	1	1	—
1511—1555 „	1	—	—	—	1
1556—1600 „	—	—	1	—	5
1601—1644 „	2	2	3	2	13
1645—1688 „	4	3	4	3	27
1689—1733 „	2	7	5	6	24
1734—1777 „	—	5	3	—	20
1778—1822 „	1	1	4	—	10
1823—1866 „	—	1	2	—	5
Число наблюденій	10	19	23	12	105
Средній ростъ	1644	1670	1672	1661	1657

Самые высокіе черноглазые—1672 и сѣроглазые—1670, а самые низкорослые голубоглазые—1644 мм.

Средняя окружность головы, по 180 измѣреніямъ, $551,_4$ мм. По типу радужной оболочки глазъ, окружность головы 10 голубоглазыхъ абхазцевъ, 548 мм., меньше, а окружность головы 18 сѣроглазыхъ, $560,_1$, больше общей средней. У сѣроглазыхъ не было ни разу горизонтальной окружности головы 510—530 мм., а окружность головы 580—590 была вчетверо чаще, чѣмъ у кароглазыхъ.

Относительно роста, принимаемаго за 100, окружность головы голубоглазыхъ такая же ($33,_2$ роста), а сѣроглазыхъ больше ($34,_1$), чѣмъ у мингрельцевъ.

По 12 измѣреніямъ абхазцевъ, средній головной показатель ихъ $81,_7$, въ томъ числѣ 1 долихоцефалъ, 4 мезотицефала, 1 суббрахицефалъ и 6 брахіоцефаловъ. Носы у абхазцевъ довольно длинные, въ среднемъ, по 12 измѣреніямъ, 57, и узкіе—33 мм.; носовой показатель $57,_8$. Средняя длина лица 173, ширина весьма различная, отъ 131 до 146.

Цвѣтъ кожи абхазцевъ неодинаковъ, въ среднемъ матово смугловатый, безъ румянца. Волосистость тѣла незначительна и между 10, осмотрѣнными мною, волосатость на тѣлѣ и груди была только у одного. Изъ 180, осмотрѣнныхъ въ воинскомъ присутствіи, волоса на груди были у 38 или 21%, а волоса на животѣ были у троихъ. У 11 человѣкъ найдена большая или меньшая курчавость волосъ. Имѣвшіе волосы на груди были средняго роста 1656, а курчавые 1675 мм. Сѣдина въ волосахъ найдена у 8, порченные зубы у 6, кривые и неправильно растущіе зубы у 8 и рѣдкіе у 20 изъ 180 осмотрѣнныхъ.

Имѣя въ основѣ типъ семитически-арабскій, абхазцы подвергались многочисленнымъ метисаціямъ. Между разнообразными, встрѣчающимися между ними, типами, упомянемъ о слѣдующихъ.

Берулова Гию,—ростъ 1690, окружность головы 550, волоса черные, глаза карые, лице узкое, носъ сводчатый, наклоненный, имѣетъ сходство съ клювомъ птицы, а въ узкихъ челюстяхъ всего только 15, неправильно растущихъ, зубовъ.

Чхота Дормани изъ Окума: ростъ 1642 мм., окружность груди 880, продольный діаметръ головы 183, поперечный 149, показатель $81,_4$, большой размахъ рукъ 106% роста, глаза карые, волосы темнорусые, на лицѣ свѣтлорусые, брови бѣлыя,

клыки обѣихъ челюстей выдаются, волосъ на тѣлѣ нѣтъ, но на всемъ смугломъ тѣлѣ, отъ ложныхъ реберъ внизъ, бѣлыя, величиною въ ладонь и болѣе пятна (песь, vitilligo).

Чхоталія, Гальскаго общества, ростъ 1580, окружность головы 560, волосы черные, глаза карые, имѣетъ на лѣвомъ боку кучу, въ полъ ладони величиною, рыжихъ волосъ.

Доута Крія, ростъ 1710, окружность головы 565, волосы свѣтлорусые, глаза зеленые, носъ массивный—длиною до 70 мм.

Сувари: ростъ 1510, мулатъ, у котораго отецъ негръ, а мать абхазка.

По незначительному числу подробныхъ измѣреній, невозможно цыфрами подтвердить высказанное мнѣніе, что главный, можетъ быть, основной, типъ абхазцевъ арабско-семитическій, но я позволю себѣ прибавить, что кромѣ немногихъ измѣреній и наблюденій, у меня пять лѣтъ былъ на воспитаніи сынъ владѣльца деревни Кварчели, Окумскаго округа, Чагу Анчибайя, имѣвшій арабско-семитическій складъ лица. Изъ числа измѣренныхъ наиболѣе характерный семитическій типъ имѣлъ Сеидакъ Харазія, абхазецъ Гудаутскаго общества, измѣренный мною во время пребыванія его въ Тифлисскомъ военномъ госпиталѣ.

Не входя ни въ какія вычисленія и сравненія, я приведу здѣсь важнѣйшія цифры измѣреній этого, по наружному виду типичнаго семита. Ростъ 1610 мм., горизонтальная окружность головы 540, діаметръ головы продольный 175, поперечный 148, длина лица отъ корня волосъ до подбородка 177, длина рукъ $45,_4$ ноги отъ spina oss. ilei ant. sup. $54,_8$, а отъ лобка $49,_7$ % роста. Діаметръ ушной 126, лобный 118, длина верхняго лица 69, длина лица съ нижнею челюстью 114. Длина носа 58, ширина и вышина 30 мм. Ширина лица между наиболѣе удаленными точками скулъ 138, между наружными углами глазъ 97, углами нижней челюсти 106. Длина ушей 61, разрѣзъ рта 47, губы не толстыя, но съ особенною, свойственною семитамъ, складкою. Длина большого пальца руки—61, средняго—96. Длина стопы 250, ширина 100, подъемъ 325. Діаметръ плечъ 380, таза 295, большой размахъ 1640 мм. Высота сосковъ 1200, пупка 960 мм.

Изъ особенностей организаціи Хоразія заслуживаетъ вниманія уродство большого пальца лѣвой руки, имѣющаго двѣ фаланговыя кости и два ногтя.

IX. Осетины.

Осетины въ Закавказскомъ краѣ живутъ почти только въ Горійскомъ уѣздѣ и весьма немного въ Душетскомъ и Рачинскомъ. По осмотру призываемыхъ въ 1890 году, по отдѣльнымъ участкамъ, ростъ осетинъ Горійскаго уѣзда и ростъ осетинъ осетинскаго дивизіона, по измѣреніямъ доктора Н. В. Гильченко *), былъ:

	Горійскій уѣздъ. 1 уч. Вокругъ города.	II уч. Вверхъ по Ліахвѣ.	III уч. Боржомск. участокъ.	IV уч. Цхинвальскій участ.	Всего.	По Гильченко.
1423—1466 мм.	—	—	2	—	2	—
1467—1510 „	—	1	—	—	1	—
1511—1555 „	—	2	4	—	6	—
1556—1600 „	—	11	6	—	17	11
1601—1644 „	2	33	9	4	48	35
1645—1688 „	3	29	23	5	60	45
1689—1733 „	3	32	30	5	70	58
1734—1777 „	1	16	16	3	37	31
1778—1822 „	2	6	4	2	13	16
1823—1866 „	1	1	1	1	4	4
Число наблюденій	12	131	95	20	258	200
Средній ростъ.	1701	1666	1658	1692	1670	1695

Ростъ осетинъ Горійскаго уѣзда колебался въ предѣлахъ 1423 и 1846 мм. и былъ самый большій въ городскомъ, равнинномъ—1702, а наименьшій въ горномъ Боржомскомъ участкѣ. Средній ростъ осетинъ Горійскаго уѣзда, 1670 мм., меньше найденнаго докторомъ Н. В. Гильченко для осетинъ сѣвернаго Кавказа на 25 мм., главнымъ образомъ потому, что докторъ Гильченко измѣрялъ уже избранный народъ, безъ забракованныхъ по малому росту и другимъ причинамъ, и, кромѣ того, осмотрѣнные имъ осетины были возраста 21—28 лѣтъ. Судя потому, что процентъ имѣющихъ ростъ между 1645 и 1777 мм. у меня и у г. Гильченко почти одинаковъ—66 и 67%—надо полагать,

*) Гильченко Н. В.—Матеріалы по антропологіи Кавказа. Осетины. Спб. 1890 г. стр. 109.

что средній ростъ осетинъ Горійскаго уѣзда и Кубанской области при равныхъ условіяхъ измѣренія не слишкомъ удаляется другъ отъ друга.

Окружность груди осетинъ.

	I уч.	II уч.	III уч.	IV уч.	Всего.	По Гильченко.
711	—	1	2	—	3	—
712— 755 мм.	—	3	1	—	4	—
756— 800 „	—	4	2	1	7	1
801— 844 „	1	17	18	1	37	17
845— 888 „	4	51	39	10	104	73
889— 932 „	3	46	26	7	82	84
933— 970 „	4	8	7	1	20	16
—1041 „	—	—	—	—	—	
Число наблюденій	12	131	95	20	257	190
Средняя грудь	900	860	856	872	865	893
Больше полуроста	49	27	28	26	30	46

По причинѣ указанной, средняя окружность груди осетинъ, по измѣреніямъ д-ра Гильченко, 893 мм., больше найденной мною, 860 мм. Преобладающая окружность груди у 40% осетинъ, измѣренныхъ докторомъ Гильченко, 889—932 мм., а у осетинъ Горійскаго уѣзда 845—888, слѣдовательно у осетинъ Горійскаго уѣзда въ общемъ развитіе груди меньше, чѣмъ у осетинъ, измѣренныхъ г. Гильченко.

Размѣры важнѣйшихъ діаметровъ головы и лица осетинъ:

	Шантръ.		Эркертъ.	Гильченко.
Число наблюденій	7	11	16	200
Наибольш. продольн. діамет. черепа	202	201	191	189,4
Наибольшій поперечный діаметръ	163	170	155	156,5
Головной показатель	80,7	84,7	81,1	82,62
Длина лица отъ корня волосъ до подбородка	194	197	182	177,3
Ширина лица	152	157	143,9	144,
Длина носа	49	53	58	54,9
Ширина носа	36	35	36	36,7
Носовой показатель	74,2	66,0	62,0	66,6
Межглазничное пространство	—	—	33,5	33,3
Окружность головы	555	561	—	560
Нижняя ширина лица (углы нижней челюсти)	—	—	112,6	110,1

Изъ таблицы видно, что продольный діаметръ головы осетинъ у Шантра, 201 и 202, на 11 мм., а у г. Эркерта, 191 мм., поч-

ти на два миллиметра больше найденнаго г. Гильченко, а полная длина лица—по Шантру 196, по Эркерту 182—на 16 и 5 мм. больше полученной г. Гильченко. Точно также болѣе или менѣе разнятся и другія цыфры.

Изъ другихъ измѣреній осетинъ г. Гильченко приведемъ еще слѣдующія: средняя величина большого размаха рукъ 1754, или 103,$_{4}$% роста, ширина плечъ, колеблясь между 352 и 449 мм., въ среднемъ 392 мм. или 22,$_{12}$% роста, окружность живота 729 или 43% роста, высота пупка 1008 мм. или 59,$_{4}$% ширина таза 267 мм. или 15,$_{78}$% роста.

	Средняя длина.	Длина къ росту, приним. за 100.
Верхняя конечность	749 мм.	44,$_{13}$% роста.
Плечо	326 „	
Предплечье.	279 „	
Кисть	196 „	11,$_{55}$ „
Средняя длина нижней конечности отъ трохантера.	885 „	52,$_{1}$ „
Бедро	441,$_{8}$ „	26,$_{1}$ „
Голень.	390,$_{3}$ „	23,$_{0}$ „
Длина ступни	256,$_{3}$ „	15,$_{14}$ „
Средняя окружн. икры голени..	363,$_{6}$ „	
Надъ лодыжками.	226,$_{1}$ „	

Г. Гильченко въ своихъ таблицахъ измѣреній не приводитъ цвѣта глазъ осмотрѣнныхъ имъ осетинъ, а въ текстѣ говоритъ, что вліянія цвѣта глазъ на ростъ не замѣтилъ, но, исчисляя ростъ, головные діаметры и окружность головы упоминаемыхъ имъ въ текстѣ 7, имѣвшихъ голубые глаза, осетинъ, оказывается, что и у осетинъ, также какъ и у грузинъ, голубоглазые имѣютъ ростъ ниже, а окружность головы относительно больш кароглазыхъ. Такъ голубоглазыхъ:

№№ по таблицѣ Гильченко.	Ростъ.	Діаметръ продольн.	поперечн.	Окруж. головы.	Большой размахъ.
57	1668	198	154	562	1726
62	1674	188	154	555	1737
89	667	187	157	552	1764
115	679	193	153	557	1745
139	1701	190	158	568	1789
178	1622	197	157	553	1692
197	1700	186	163	562	1762
Среднее.	1668	191,$_{2}$	156,$_{3}$	558,$_{4}$	1760

Средняя окружность головы голубоглазыхъ 558, и составляетъ $33,_4$%, а окружность головы всѣхъ измѣренныхъ г. Гильченко осетинъ 560 или $33,_0$% роста. Точно также у голубоглазыхъ большой размахъ 105% роста, шире, а продольный діаметръ головы, 191 мм., больше противъ общихъ чиселъ.

По моему измѣренію 16 осетинъ, уроженцевъ Горійскаго уѣзда, продольный діаметръ головы ихъ былъ 186, меньше найденнаго другими наблюдателями, а головной показатель почти такой, какой найденъ г. Шантромъ по его 11 наблюденіямъ, $84,_6$. Это доказываетъ, что осетины Горійскаго уѣзда болѣе смѣшаны съ широкоголовымъ типомъ. Окружность головы по моимъ измѣреніямъ осетинъ Горійскаго уѣзда $551,_3$ мм., длина носа $53,_8$, ширина $35,_2$.

X. Турки.

Турками называютъ въ Закавказскомъ краѣ магометанъ-суннитовъ, главнымъ образомъ уроженцевъ, долгое время входившихъ въ составъ турецкаго государства, Ахалцыхскаго и Ахалкалакскаго уѣздовъ Тифлисской губерніи и Карсской области. Турки этихъ мѣстностей представляютъ населеніе смѣшанное и въ уѣздахъ Тифлисской губерніи даже не принадлежащее къ турецкой расѣ, а большею частію состоящее изъ принявшихъ магометанство грузинъ. Процентъ чисто турецкаго типа по мѣстностямъ неодинаковъ, но только въ Ардаганскомъ округѣ есть мѣстности, гдѣ этотъ типъ преобладаетъ. Въ Тифлисской губерніи, среди основного грузинскаго, турецкій типъ все же, однако составляетъ замѣтный процентъ и вліяніе его выражается, какъ въ сравнительно меньшемъ головномъ показателѣ магометанъ, такъ и въ болѣе высокомъ ростѣ, ихъ по сравненію съ живущими въ этихъ мѣстностяхъ грузинами православными.

Нѣкоторыя, произведенныя мною измѣренія турокъ, представляются въ слѣдующей краткой таблицѣ:

№№	Ростъ.	Окружность груди.	Окружность головы.	Продольн. діамет. чер.	Поперечн. діамет. чер.	Длина носа.	Ширина носа.	Головной указатель.	Носовой указатель.	Цвѣтъ волосъ гол.	Цвѣтъ волосъ лица.	Цвѣтъ глазъ.	Мѣсто наблюденія.
1	1600	870	542	179	153	61	36	85,5	59,0	черн.	черн.	см.	Г. Ардаганъ.
2	1759	915	562	181	161	66	33	88,9	50,0	черн.	—	см.	
3	1740	890	573	193	161	67	37	83,4	55,1	черн.	—	см.	
4	1700	1028	553	182	156	59	40	85,7	67,7	т.-р.	--	гол.	
5	1620	860	543	184	156	71	36	84,7	50,7	т.-р.	св.	гол.	
6	1635	850	548	187	156	61	34	83,4	55,6	т.-р.	св.	сѣр.	
7	1610	—	—	187	155	62	35	83,9	56,0	с.-р.	рус.	гол.	Г. Ахалкалаки Управ. начальника уѣзда.
8	1750	—	—	191	162	57	35	84,8	61,4	чер.	рус.	кар.	
9	1610	—	—	181	154	66	33	85,0	50,0	т.-р.	рус.	см.	
10	1560	—	—	177	161	62	33	90,9	58,1	черн.	—	см.	
11	1610	—	—	190	155	61	35	81,5	57,3	чер.	черн.	кар.	
12	1700	—	—	181	155	57	34	85,6	59,6	чер.	рус.	кар.	
13	1690	—	—	181	150	60	37	82,8	61,6	чер.	чер.	кар.	
14	1790	885	—	180	155	—	—	86,1	—	т.-р.	т.-р.	сѣр.	С. Хоспіо. Ахалкалакск. уѣзда.
15	1590	832	—	182	158	—	—	86,8	—	чер.	рус.	кар.	
16	1650	952	—	180	151	—	—	83,8	—	т.-р.	рус.	кар.	
17	1660	920	—	181	154	—	—	85,1	—	т.-р.	с.-р.	кар.	
18	1650	830	—	181	154	—	—	85,0	—	чер.	рус.	гол.	
19	1690	910	—	181	157	—	—	86,7	—	чер.	рус.	кар.	
20	1590	920	—	187	153	—	—	81,8	—	чер.	рус.	кар.	
21	1560	920	—	184	155	—	—	78,1	—	т.-р.	рус.	кар.	
22	1710	910	—	188	147	—	—	83,9	—	чер.	—	кар.	
23	1660	890	—	176	154	—	—	87,4	—	т.-р.	с.-р.	кар.	
24	1680	760	—	185	158	—	—	87,5	—	т.-р.	—	кар.	
25	1370	675	—	173	156	—	—	89,5	—	с.-р.	рус.	гол.	
26	1650	—	—	187	151	—	—	80,7	—	чер.	рус.	см.	Г. Ахалцыхъ.
27	1670	—	—	187	157	—	—	80,7	—	т.-р.	рус.	см.	
28	1600	—	—	173	151	—	—	87,2	—	чер.	—	см.	
29	1680	—	—	187	155	—	—	82,9	—	чер.	—	гол.	
30	1680	—	—	180	156	—	—	85,1	—	чер.	т.-р.	кар.	Г. Ахалцихъ изъ разныхъ селеній.
31	1700	—	—	174	157	—	—	90,2	—	т.-р.	—	кар.	
32	1600	—	—	185	163	—	—	88,1	—	т.-р.	с.-р.	см.	
33	1680	—	—	171	145	—	—	84,7	—	т.-р.	с.-р.	гол.	
34	1715	—	—	183	157	—	—	85,8	—	т.-р.	—	кар.	
35	1650	—	—	180	162	—	—	90,0	—	т.-р.	—	гол.	

№№	Ростъ.	Окружность груди.	Окружность головы.	Продольн. діамет. чер.	Поперечн. діамет. чер.	Длина носа.	Ширина носа.	Головной указатель.	Носовой указатель.	Цвѣтъ волось гол.	Цвѣтъ волось лица.	Цвѣтъ глазъ.	Мѣсто наблюденія.
36	1580	—	—	184	150	—	—	$81,_5$	—	чер.	т.-р.	см.	Г. Ахалцихъ, изъ разныхъ селеній.
37	1630	—	—	190	146	—	—	$76,_8$	—	чер	—	гол.	
38	1810	—	—	191	156	—	—	$81,_6$	—	чер.	т.-р.	см.	
39	1650	—	—	184	153	—	—	$83,_1$	—	т.-р.	св.	гол.	
40	1660	—	—	182	156	—	—	$85,_7$	—	чер.	рус.	кар.	
Среднее	1660	—	—	$182,_9$	$155,_0$	—	—	$84,_7$	—				

У осмотрѣнныхъ турокъ с. Хоспіо, среди преобладающаго грузинскаго типа, съ продолговатымъ иранскимъ черепомъ и убѣгающимъ лбомъ было двое. Средній ростъ турокъ 1660 мм. и окружность груди на 58 мм. больше полуроста. Поперечный діаметръ головы средній у одного, а у остальныхъ 39 онъ больше 145 мм. Продольнчй діаметръ головы средній у 26, большой у 14. По черепному указателю къ субдолихоцефаламъ съ показателемъ до 77 мм. и къ мезатяцефаламъ до $83,_3$ мм. принадлежать по одному, къ субрахицефалическимъ 10 и къ брахицефалическимъ 28. Черепной указатель у турокъ Ардагана $85,_6$, въ Хоспіо $84,_8$, въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ $83,_5$, въ Ахалцихскомъ уѣздѣ $84,_1$, средній $84,_{17}$. Длина носа у турокъ измѣрялась отъ средины надбровныхъ дугъ и потому слишкомъ велика.

Цвѣтъ волосъ головы имѣли: свѣтло-русый 2, темно-русый 17 и черный 20 и лица: свѣтло-русый 7, темно-русый 17 и черный 3. Имѣвшихъ черные волосы на головѣ и лицѣ всего трое. Глаза сѣрые у 2, голубые, иногда съ небольшимъ пигментомъ, у 10, смѣшаннаго, большею частью съ карыми кругами цвѣта,—у 11, карые, обыкновенно свѣтлые у 16, а интесивно карыхъ или черныхъ также, какъ и зеленыхъ не наблюдалось ни разу. Въ число голубыхъ помѣщены и тѣ глаза, гдѣ этотъ цвѣтъ только преобладалъ.

Не смотря на смѣшанность типа, большой процентъ голубыхъ глазъ, неимѣніе черныхъ и сравнительно незначительный процентъ карыхъ глазъ, при небольшомъ числѣ полныхъ брюнетовъ и черепномъ показателѣ меньшемъ, чѣмъ у грузинъ и армянъ, показываютъ, что среди осмотрѣнныхъ магометанъ турецкій типъ составляетъ весьма значительный процентъ, и что онъ при метисаціяхъ съ грузинскимъ игралъ не маловажную роль.

XI. Персіяне.

Персіянъ измѣрено 21, изъ нихъ 11 рабочихъ изъ разныхъ мѣстностей, а 10 жителей Тифлиса, главнымъ образомъ, торговцевъ. Измѣренія 11 рабочихъ:

	Ростъ.	Діамет. продол.	головы попер.	Голов. показ.	Носа длина.	Носа шир.	Носов. показ.
1	1680 мм.	190	143	75,2	—	—	—
2	1880 "	205	144	70,2	58	35	60,3
3	1760 "	194	146	75,2	56	42	75,4
4	1480 "	178	145	81,4	56	35	62,5
5	— "	205	149	72,6	—	—	—
6	1700 "	192	145	75,5	58	36	63,4
7	1830 "	187	141	75,4	—	—	—
8	1510 "	183	134	73,2	—	—	—
9	1690 "	191	140	73,3	—	—	—
10	1670 "	191	151	79,0	—	—	—
11	— "	177	142	82,2	—	—	—
Среднее.......	1683 "	190,2	143,6	75,7	—	—	—

У болѣе подробно измѣренныхъ торговцевъ г. Тифлиса:

	Ростъ.	Окруж. головы.	Діаметръ продол.	Діаметръ попер.	Носъ длина.	Носъ шир.	Голов. показ.	Носов. показ.
1	1706 мм.	540	189	149	57	36	78,8	63,1
2	1675 "	550	194	144	53	37	74,2	69,8
3	1715 "	545	190	142	57	36	74,7	63,1
4	1630 "	550	190	150	57	37	78,9	64,9
5	1590 "	512	180	140	42	32	77,7	76,2
6	1710 "	520	176	149	51	36	84,6	70,5
7	1697 "	530	187	144	56	35	77,0	62,5
8	1715 "	560	202	154	51	38	76,2	74,4
9	1650 "	525	180	150	56	32	83,4	57,0
10	1810 "	560	196	147	55	41	75,0	74,5
Среднее....	1689 "	539	188,4	146,9	53,5	36,0	77,6	67,3

По 21 измѣренію:

Ростъ................	1687	мм.
Діаметръ продольный........	189,6	"
" поперечный........	145,0	"
Головной показатель.........	76,6	"
Длина носа.............	54,6	"
Ширина носа............	36,0	"
Носовой показатель.........	65,9	"

Нѣкоторые другіе размѣры лица и тѣла послѣднихъ 10.

	Полная длина лица.	Наибол. разстоян. скул. к.	Углы нижней чел.	Наружн. орбиты.	Межглаз-ничное простр.	Длина стопы.	Большой размахъ
	194	143	110	101	36	250	1850
	196	140	117	96	38	270	1765
	190	139	111	93	35	260	1810
	195	149	116	100	29	252	1735
	172	126	100	95	32	244	1620
	185	144	115	100	35	260	1810
	188	130	105	90	27	255	1720
	181	143	116	100	32	260	1765
	190	135	102	95	31	260	1680
	186	136	110	100	35	280	1880
Среднее .	187,7	138,5	110	97	33	259	1763

Наиболѣе характерныя особенности типа персіянъ—длинная узкая, въ горизонтальной окружности небольшая, 539 мм., съ убѣгающимъ лбомъ и часто совершенно изглаженнымъ затылочнымъ бугромъ, голова; длинное—187 мм., и узкое—между наиболѣе удаленными точками скулъ 138 мм.—лицо; небольшое развитіе нижней челюсти—110 мм. или 6,5% роста; короткіе до 54 мм., тупые, нерѣдко расплывающіеся,—шириною до 36 и вышиною до 33 мм.,—носы; толстыя, грубыя, часто выдающіеся впередъ, съ выступающею наружу на 20—25 мм. слизистою оболочкою, губы; густые, но не тонкіе, какъ у армянъ и грузинъ, а широкіе брови.

Волосы на головѣ персіянъ почти всегда сбриты, при чемъ обыкновенно пробривается только средина головы. Цвѣтъ нормальныхъ волосъ черный, бороду красятъ или брѣютъ. На бритой кожѣ головы у нѣкоторыхъ находятся глубокіе, нанесенные острымъ оружіемъ, рубцы, происшедшіе отъ обычая при оплакиваніи святого Гусейна, на праздникѣ называемомъ Шахсей, въ знакъ скорби, причинять себѣ страданія. Волосатость тѣла незначительна, волосы на груди замѣчены у двухъ. Наибольшая ширина бровей у наружнаго угла глазъ, гдѣ волосы сидятъ кучею, а оттуда, быстро утончаясь, брови доходятъ тонкими концами до переносья. Цвѣтъ глазъ изъ 21 осмотрѣннаго у 18 карый, но часто не ярко и чисто карый, а какъ бы мутный. У троихъ карый цвѣтъ смѣшанъ съ голубымъ, у одного съ сѣрымъ.

Изъ другихъ измѣреній тѣхъ же 10 персіянъ приведемъ еще слѣдующія.

	№№ по порядку.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Среднее.
Высота надъ поломъ.	Слухов. отв.	1565	1545	1570	1515	1455	1568	1556	1615	1490	1665	1554
	Подбород.. .	1465	1440	1465	1410	1335	1460	1445	1485	1390	1556	1445
	Acromion . .	1420	1380	1410	1320	1250	1410	1390	1460	1300	1470	1381
	Epycond. . .	1060	1080	1080	1000	960	1070	1060	1140	1000	1110	1056
	Голов. луча.	710	840	830	800	740	850	840	900	760	840	811
	Конецъ сред. пальца. . .	610	640	630	600	540	650	650	700	560	690	621
	Spinaoss. ilei.	900	920	960	900	880	960	1000	950	920	1070	947
	Лобокъ . . .	—	800	870	780	800	850	870	850	820	960	844
	Колѣно. . .	470	470	470	420	430	450	460	500	450	520	465
	Внут. лодыж.	62	70	75	74	68	88	80	80	70	80	74
	Соски. . . .	1270	1280	1270	1200	1150	1300	1290	—	1190	1320	1254
	Пупокъ. . .	1020	980	1100	980	920	1010	1060	—	960	1030	1007
Діам.	Плечь. . . .	380	410	380	380	360	385	350	405	380	405	383
	Таза	310	320	300	290	282	290	275	310	290	315	298
Длина.	Ушей. . . .	63	67	60	62	54	65	58	69	54	57	61
	Разрѣза рта.	53	60	65	50	47	53	50	53	48	46	52
	Бол. пальца руки. . . .	66	69	73	67	68	71	65	70	78	68	69
	Средн. пальца.	105	107	107	103	98	110	97	100	104	102	104

Вся длина руки отъ acromion до конца средняго пальца 760 мм. или 44,9% роста, въ томъ числѣ длина плечевой кости 325, предплечія 245 и кисти 190 мм. или 19,2—14,5 и 11,2% роста. Длина бедра отъ spina oss. ilei ant. sup. 947, или 56% роста, отъ лобка 844, и отъ колѣна 465. Длина стопы средняя 259 мм. или 15,3% роста. По своему строенію стопа персіянъ довольно рѣзко отличается отъ стопы грузинъ и армянъ. Она широкая, въ среднемъ 100 мм., часто плоская, невысокая—въ среднемъ высота надъ поломъ внутренней лодыжки 74 мм.,—и толстая. Наименьшая окружность вокругъ пятки и наружной стороны стопы или подъемъ, большая, 350 мм., или 20,7% роста.

Діаметръ плечь 22,6 а таза 18,2% роста. Ухо въ одномъ случаѣ 54 мм., въ одномъ 68, въ среднемъ 61 мм. Въ 8 случаяхъ ушная раковина прижата къ головѣ, въ двухъ оттопырена. Ушная сережка часто мала, у № 9 ее почти вовсе не было.

Между персіянами нерѣдка проказа. Прокаженный, находившійся въ Тифлисской Михайловской больницѣ, Абдулъ-Али-оглы, уроженецъ Тавриза, 25 лѣтъ, въ маѣ 1892 года осмотрѣнъ и измѣренъ мною. Абдулъ-Али женатъ уже 5 лѣтъ, изъ двухъ родившихся у него дѣтей одно умерло, другое живое; жена здорова. Проказою, анестетическаго характера, поражены главнымъ

образомъ его конечности,—никакой чувствительности въ нихъ, даже при самыхъ глубокихъ уколахъ, больной не ощущаетъ. Всѣ размѣры тѣла Абдулъ-Али типичные. Ростъ 1680 мм., размахъ 1750, или $104,_1$% роста, горизонтальная окружность головы 515 мм., продольный діаметръ головы 185, поперечный 135, головной показатель $72,_9$. Длина носа 55, ширина 32, показатель 58. Полная длина лица 179, длина верхняго лица 68, лица съ нижнею челюстью 120. Ширина лица—ушная 128, между наиболѣе удаленными точками скулъ 141, между наружными орбитами 96, углами нижней челюсти 112. У Абдулъ-Али, также какъ и у почти всѣхъ осмотрѣнныхъ, волосъ на тѣлѣ и груди нѣтъ, на лицѣ только небольшіе усы и немного короткихъ волосъ на бородѣ.

Абдулъ-Али принадлежитъ къ наиболѣе чистому долихоцефалическому типу, и имѣетъ весьма небольшой черепъ. Мы привели цыфры, что у пораженныхъ зобомъ имеретинъ и сванетовъ окружность головы значительно большая чѣмъ у здоровыхъ. По измѣренію мною одного кретина сванета Удесьяна, кромѣ большой головы, и черепной указатель его былъ особенно великъ, 94. Конечно фактовъ пока мало, но по поводу больнаго проказою, малоголоваго Абдула-Али, и больныхъ зобомъ большеголовыхъ сванетовъ, мы желали бы поставить вопросъ—не принадлежатъ ли крайніе брахіоцефалы и крайніе долихоцефалы къ типамъ отживающимъ, вырождающимся, и не поражаютъ ли зобъ и проказа по преимуществу тѣхъ, которыхъ типъ почему либо слишкомъ уклонился, или отсталъ отъ современнаго средняго. Можетъ быть большею поражаемостью этими и другими болѣзнями крайнихъ долихоцефаловъ объясняется и то, что крайній долихоцефализмъ, такъ нерѣдко встрѣчающійся на черепахъ бронзоваго вѣка, теперь существуетъ только какъ исключеніе.

XII. Татары.

Населеніе Закавказскаго края, называемое вообще татарами или Адербейжанскими татарами, принадлежитъ къ смѣшанной расѣ. Неодинаковый типъ головы, встрѣчающійся у татаръ во всѣхъ мѣстностяхъ, уже и по уѣздамъ представляетъ значительныя различія. По измѣренію мною въ маѣ 1892 года 32 татаръ, возраста отъ 11 до 22 лѣтъ, воспитанниковъ Закавказской Учи-

тельской Семинаріи въ гор. Гори, размѣры головы ихъ по нѣкоторымъ уѣздамъ найдены:

	Лѣта.	Ростъ.		Размахъ.	Окружность головы.	Діам. гол. Продольн.	Діам. гол. Поперечн.	Головной показатель.	Носъ Длина.	Носъ Ширина.	Носовой показатель.	Цвѣтъ Волосъ.	Цвѣтъ Глазъ.
						Нухи скаго уѣзда.							
1	14	1430	мм.	1480	510	174	150	86,2	48	35	72	чер	кар.
2	16	1380	„	1570	520	164	157	94,0	51	33	64	чер.	чер.
3	19	1590	„	1620	565	178	140	95,5	55	34	61	т.-р.	сѣр.
4	17	1580	„	1630	530	182	146	80,2	50	31	62	чер.	кар.
5	13	1400		1490	536	174	160	91,9	44	32	72	рус.	кар.
Среднее . .		1480	„	1560	532	175,0	156,6	89,5	49,6	33,0	66		
						Шушинскаго уѣзда.							
6	14	1500	„	1500	520	181	146	80,6	54	33	61,1	чер.	кар.
7	20	1700	„	1770	540	184	154	83,6	57	36	63,1	чер.	кар.
8	16	1691	„	1720	530	179	157	87,7	55	32	58,1	чер.	кар.
9	11	1340	„	1500	530	179	150	83,7	42	32	76,1	чер.	кар.
10	11	1340	„	1350	510	170	149	87,0	41	32	78,0	т.-р.	кар.
11	15	1576	„	1590	530	178	147	83,1	47	34	72,3	чер.	кар
12	13	1535	„	1570	545	187	153	81,8	49	36	73,4	чер.	кар.
13	11	1500	„	1530	535	191	147	76,9	53	32	69,3	чер.	кар.
Среднее . .		1520	„	1563	530	181,1	150,3	83,02	49,7	33,3	67,6		
						Казахскаго уѣзда.							
14	14	1490	„	1480	528	180	150	83,3	52	30	56,6	чер.	кар.
15	17	1600	„	1600	545	188	156	82,0	47	34	72,3	чер.	кар.
16	21	1650	„	1680	565	195	151	77,4	58	37	63,7	чер.	кар.
17	18	1710	„	1760	570	201	158	78,6	53	35	66,0	чер.	кар.
18	21	1660	„	1706	548	184	151	82,0	53	37	66,7	чер.	с.-к.
19	11	1280	„	1240	515	175	141	80,5	41	27	65,8	чер.	т.-к.
20	11	1265	„	1285	505	173	144	83,7	42	23	64,2	чер.	чер.
21	12	1360	„	1390	526	176	147	83,5	45	31	68,8	чер.	кар.
22	15	1590	„	1520	535	180	150	83,2	55	32	58,1	чер.	кар.
Среднее . .		1511	„	1527	537	183,5	149,8	81,5	49,5	33,5	64,7		
						Шемахинскаго уѣзда.							
23	—	—	„	—	—	191	151	79,0	—	—	—		
24	—	—	„	—	—	191	149	78,4	—	—	—		
25	—	—	„	—	—	181	151	83,4	—	—	—		

По часто встрѣчающимся широкимъ черепамъ видно, что татары, особенно Нухинскаго уѣзда, смѣшаны съ широкоголовымъ, главнымъ образомъ армянскимъ типомъ.

Размѣры головы, длина и ширина носа у лицъ выше 20 лѣтъ, 8 воспитанниковъ и 10 взрослыхъ крестьянъ:

	Уѣзды.	Ростъ.	Окружность головы.	Діам. головы. Продольн.	Діам. головы. Попереч.	Головной показатель.	Носъ. Длина.	Носъ. Ширина.	Носовой показатель.
1	Ахалцыхскій . . .	1630 мм.	540	188	149	$79,_{2}$	56	35	$62,_{5}$
2	„ . . .	1650 „	555	195	151	$77,_{4}$	58	34	$63,_{7}$
3	Казахскій.	1650 „	565	195	154	$76,_{8}$	55	34	$61,_{8}$
4	Шушинскій. . . .	1700 „	540	184	154	$83,_{6}$	57	36	$63,_{1}$
5	Шемахинскій. . .	1520 „	545	191	151	$79,_{0}$	51	35	$68,_{0}$
6	„ . . .	1660 „	550	190	149	$78,_{5}$	60	37	$61,_{2}$
7	Казахскій.	1660 „	548	184	151	$82,_{0}$	53	37	$66,_{7}$
8	Джеватскій.. . . .	1640 „	540	186	159	$85,_{4}$	53	34	$64,_{2}$
9	Борчалинскій. . .	1620 „	—	195	150	$76,_{9}$	65	37	$56,_{9}$
10	„ . . .	1700 „	—	194	156	$80,_{4}$	62	35	$56,_{8}$
11	„ . . .	1700 „	—	194	158	$81,_{4}$	59	36	$61,_{1}$
12	„ . . .	1770 „	565	190	152	$79,_{9}$	61	31	$50,_{8}$
13	Ленкоранскій. . .	1730 „	545	178	160	$89,_{0}$	57	35	$56,_{1}$
14	Елизаветпольскій .	1600 „	560	188	152	$80,_{8}$	55	30	$54,_{5}$
15	„ .	1630 „	540	186	149	$80,_{0}$	—	—	—
16	Казахскій.	— „	—	174	145	$82,_{9}$	—	—	—
17	Шушинскій. . . .	— „	—	180	145	$80,_{5}$	—	—	—
18	„	— „	—	189	152	$80,_{7}$	—	—	—
	Среднее.	1657 „	—	$187,_{9}$	$151,_{8}$	$80,_{6}$	$57,_{3}$	$34,_{1}$	$59,_{2}$

Изъ 36 осмотрѣнныхъ воспитанниковъ, у 34 волосы черные, нерѣдко блестящіе, большею частью матово-черные, прямые, у 10 волнистые и частью вьющіеся. На лицѣ волосы обыкновенно такого же цвѣта, какъ и на головѣ, чѣмъ, между прочимъ, татары отличаются отъ грузинъ. Волосы на лицѣ начинаютъ рости рано: у 13—14-лѣтнихъ уже усы, а у 16-лѣтняго уроженца Нухинскаго уѣзда № 2, ростъ 1380, черепной показатель $94,_{0}$, усы и борода почти какъ у взрослаго. Съ 19 лѣтъ на лицѣ у всѣхъ уже густые волосы. Глаза у 33 татаръ учениковъ темно - иногда весьма интенсивно—карые, у двухъ сѣрые и у одного сѣрые съ крапинками. Брови не слишкомъ густые, часто уже у 12-лѣтнихъ (№ 21) сросшіяся, рѣсницы длинныя до 7 мм.(у № 12 и 10). Лобъ прямой, рѣже выпуклый. Весьма у многихъ лобъ имѣетъ правильную полукруглую форму, такъ что наибольшая вышина лба надъ переносьемъ правильною дугою понижается къ наружи и лобъ надъ наружнымъ концемъ бровей иногда втрое меньше, чѣмъ надъ переносьемъ. Такъ лобъ и нѣкоторыя части лица:

	Вышина лба наибольш.	средняя.	меньшая.	Углы нижней челюсти.	Наружные орбиты.	Внутр. углы глазъ.	Величина разрѣза глазъ.	Длина лица.	Наиб. удален. части скулъ.
№ 11	37	25	18	112	95	31	64	164	137
„ 12	70	63	23	103	101	37	64	182	134
„ 13	54	41	22	48	98	33	65	174	130
„ 14	40	21	18	23	112	30	82	167	130

Длина лица разнообразна и составляетъ у № 11—10,5 № 12—12,1 № 13—11,7, № 14—11,1% роста. Скулы развиты сравнительно слабо, что указываетъ на то, что татары Закавказья не монгольскаго происхожденія. Между татарами мною, какъ и г. Эркертомъ наблюдались арабскіе съ тонкими носами типы, къ которымъ изъ воспитанниковъ принадлежитъ № 13 и 14.

Кромѣ вышеприведенныхъ, у 10 болѣе подробно осмотрѣнныхъ деревенскихъ татаръ, возраста 25—50 лѣтъ, изъ которыхъ 6 первые, уроженцы Закавказья, а четыре послѣдніе сѣверной Персіи, ростъ и діаметры головы и носа:

	Ростъ.	Окруж. головы.	Діаметръ продол.	Діаметръ попереч.	Носъ длина.	Носъ ширина.	Показатель головы	Показатель носа.
1	1650 мм.	522	176	150	62	31	85,2	50,0
2	1496 „	530	187	150	53	30	80,2	56,8
3	1700 „	550	192	145	65	26	75,6	40,0
4	1715 „	565	185	144	65	31	77.8	47,7
5	1620 „	560	194	147	55	38	75,7	69,1
6	1620 „	520	176	151	55	35	85,7	63,6
7	1655 „	530	184	145	50	35	78,8	70,0
8	1660 „	532	188	142	51	35	75,2	68.6
9	1625 „	530	178	150	66	37	84,1	56,1
10	1810 „	565	195	160	57	37	82,0	64,9
Среднее .	1655 „	540	185,5	148,4	57,9	33,3	80,0	58,6

По сравненію съ персіянами, ростъ татаръ ниже, длина головы ихъ меньше, ширина больше, а окружность головы и у персіянъ и у татаръ почти одинаковая –539—540 мм. Окружность головы этихъ народностей меньше окружности разсмотрѣнныхъ до сего народностей Кавказа. По отношенію къ росту, окружность головы 10 измѣренныхъ персіянъ составляетъ только 31,8, а окружность головы прокаженнаго даже 29,7% роста. У болѣе смѣшанныхъ татаръ относительная окружность головы больше и составляетъ 32,2% роста. Въ мѣстностяхъ, гдѣ татары наиболѣе

смѣшались съ широкоголовыми, относительная окружность головы ихъ еще больше, и въ Нухинскомъ и Шушинскомъ уѣздахъ, по измѣренію воспитанниковъ, она равняется 35% роста.

Носовой показатель у дѣтей татаръ почти также великъ, какъ и у персіянъ, но у взрослыхъ татаръ носы значительно длиннѣе и уже. У нѣкоторыхъ, какъ у № 9, уроженца персидскаго Адербейджана, муши Касумъ-оглы, носъ горбатый, сводомъ, какихъ у персіянъ вовсе не наблюдалось. Г. Эркертъ у Адербейжанскихъ татаръ широкіе носы наблюдалъ несравненно чаще и средняя ширина носа татаръ по его измѣреніямъ $35,_{4}$, а носовой показатель почти такой, какой получился у насъ по измѣреніямъ дѣтей—$64,_{5}$.

Нѣкоторыя другія измѣренія татаръ:

	Полная длина лица.	Наибольш. разстояніе скул. к.	Наружныя орбиты.	Углы нижней челюсти.	Межглазничное пространство.	Верхнее лицо.	Ли.ю съ нижнею челюстью.	Длина стопы.	Большой размахъ.
1	180	137	103	114	32	80	128	—	—
2	182	137	121	102	30	75	115	230	—
3	210	148	114	116	36	72	135	270	1790
4	186	150	115	121	34	70	131	245	1755
5	190	140	112	113	35	67	128	260	1698
6	180	140	98	115	32	68	118	245	1720
7	192	142	100	120	38	75	132	240	1730
8	181	139	95	115	33	77	127	255	1780
9	190	140	97	113	39	77	135	252	1700
10	187	146	108	116	35	86	142	260	1860
Среднее	$187,_{8}$	$141,_{9}$	$106,_{3}$	$114,_{5}$	$34,_{4}$	$70,_{1}$	$128,_{1}$	$250,_{8}$	1750

Длина лица у персіянъ и татаръ одинаковая, около 188 мм., но ширина лица у татаръ 142 мм., абсолютно на 4 мм. больше, чѣмъ у персіянъ. Двое татаръ было съ чисто монгольскимъ развитіемъ скулъ. Точно также у татаръ больше, чѣмъ у персіянъ разстояніе между наружными углами глазъ—106 противъ 97,—разстояніе между углами нижней челюсти—114 противъ 110, и межглазничное пространство. У измѣренныхъ татаръ встрѣчались небольшія стопы и въ среднемъ длина стопы—250 мм. или $15,_{1}$% роста,— меньше длины стопы персіянъ.

Въ числѣ измѣренныхъ татаръ былъ одинъ, Мехметъ-Керимъ-оглы, уроженецъ Нухинскаго уѣзда, арестантъ, 24 лѣтъ, значащійся подъ № 6 послѣдней таблицы, голубоглазый. Ростъ

его, 1620 мм., ниже, а головной показатель, 85 - выше средних. Нѣкоторое уклоненіе его отъ средняго типа представлялось въ длинѣ рукъ—большой размахъ его 1720 мм. или почти 106—роста. На тѣлѣ и груди его волосъ не было.

XIII. Курды.

Ростъ и нѣкоторые размѣры головы и тѣла измѣренныхъ курдовъ, первыхъ пяти—уроженцевъ Александропольскаго уѣзда, № 6 Пассенской долины Эрзерумскаго вилайета и 7 изъ Салмаса, Персидскаго Курдистана:

	1	2	3	4	5	6	7	Среднее.
Ростъ	1630	1750	1608	1665	1660	1760	1740	1687
Окружность головы	515	552	525	540	525	576	508	534
Продольный діаметръ	180	191	179	190	185	202	173	187
Поперечный „	139	152	141	143	143	152	147	145
Наиболѣе удал. части скулъ	130	146	134	141	138	151	140	140
Углы нижней челюсти	116	116	105	110	106	112	113	111
Полная длина лица	175	181	189	181	174	197	187	183
Носъ длина	54	54	53	54	51	69	55	56
„ ширина	25	31	23	36	37	37	37	33,7
„ вышина	33	32	28	30	32	31	31	30
Наружныя орбиты	90	101	102	94	97	123	98	101
Межглазн. пространст.	35	31	37	30	32	—	31	33
Большой размахъ	1720	1870	1590	1710	1730	—	1800	1732
Длина стопы	250	265	235	245	245	—	280	256
Головной показатель	77,2	79,5	74,6	75,2	77,5	75,2	84,9	77,6
Носовой показатель	46,3	57,3	43,4	67,4	72,5	53	67,2	57,7

Среднія числа измѣренныхъ 10 персіянъ и 7 курдовъ относительно роста, окружности головы, діаметровъ головы, продольнаго и поперечнаго, довольно близки. Заслуживаетъ вниманія однако, что окружность головы у курдовъ еще меньше, чѣмъ у персіянъ, въ среднемъ 534 мм., или 31,1 % роста, а у двухъ только 515 и 508. Послѣдній по относительной окружности головы, составляющей только 29 % роста, долженъ быть причисленъ къ микроцефаламъ. Болѣе важныя отличія типа измѣренныхъ курдовъ отъ персіянъ —большая какъ верхняя, такъ и нижняя ширина лица курдовъ, болѣе длинный—56 противъ 53 у персіянъ—носъ и менѣе длин-

ное лицо — отъ корня волосъ до подбородки 183, а у персіянъ 187 мм. Типъ курдовъ неодинаковъ, что видно уже изъ неодинаковости ихъ головныхъ поперечниковъ. По мѣстностямъ, по измѣреніямъ г. Шантра:

Мѣсто наблюденія.	Число набл.	Продольн. діам.	Попер. діам.	Головной показатель.
Сирія	26	194	159	82,0
Месопотамія . .	37	200	159	79,5
Діарбекиръ. . .	11	195	156	79,8

По 131 измѣренію, показатель 81,3. По 25 измѣреніямъ г. Насонова курдовъ Новобаязетскаго уѣзда, продольный діаметръ 188,2, поперечный 147,7, показатель 78,4.

По наблюденіямъ, произведеннымъ мною въ Ардаганскомъ округѣ, также какъ и свѣдѣніямъ другихъ, главныхъ, типовъ курдовъ можно считать два — одинъ, составляющій до 70°/₀ населенія, роста высокаго съ черными волосами, тонкими, правильными носами, темнокарыми, иногда почти черными, между которыми встрѣчаются и голубые, глазами, а другой, менѣе высокаго роста, съ волосами темнорусыми, глазами часто смѣшаннаго и свѣтло-караго цвѣта, и большими, широкими, неправильными носами. Волосы на головѣ курды брѣютъ, но на макушкѣ головы оставляютъ длинный клокъ, толщиною въ гусиное перо.

Къ длинноголовымъ примыкають еще небольшія группы татовъ, удиновъ, карапапаховъ. По измѣренію, произведенному мною четырехъ карапапаховъ въ Ардаганскомъ округѣ, длина головы ихъ 191—195, ширина 150—158, средній головной показатель 80,2. Волосы у карапаховъ черные, глаза темно-карые, носъ небольшой, толстый, скулы значительно развиты. По измѣренію г. Эркертомъ четырехъ татовъ, продольный діаметръ головы ихъ 185, поперечный 152, головной показатель 82,2. Черепъ удина, добытый г. Горбачевымъ и показанный имъ мнѣ, имѣетъ горизонтальную окружность 460 мм. и очень узокъ.

Персіяне, курды, адербейжанскіе татары, удины и таты — представители длинноголовыхъ на Кавказѣ. Мы придерживаемся мнѣнія, что главные, основные человѣческіе типы, хотя, подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, отъ времени до времени и выдвигались, иногда очень далеко, изъ занимаемой ими съ незапамятныхъ временъ мѣстности, но главныя массы ихъ оставались на томъ мѣстѣ, гдѣ они первоначально появились и кото-

рое должно почитаться ихъ первымъ отечествомъ. Пока нѣтъ ни историческихъ, ни антропологическихъ доказательствъ, что нѣкогда распространенный почти на всемъ Кавказѣ длинноголовый типъ пришелъ сюда изъ какихъ либо отдаленныхъ странъ. Болѣе вѣроятно, что въ началѣ бронзоваго и желѣзнаго вѣка предки нынѣ существующихъ длинноголовыхъ выдвинулись изъ своихъ коренныхъ мѣстностей и заняли значительную часть Кавказскаго перешейка. Длинноголовые черепа, находимые въ могильникахъ бронзоваго вѣка въ разныхъ мѣстахъ Кавказа, ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ череповъ нынѣ живущихъ длинноголовыхъ.

XIV. Лезгины.

Пересѣкая перешеекъ между Европою и Азіею и образуя множество трудно-проходимыхъ хребтовъ и ущелій, Кавказскія горы естественно должны были сдѣлаться мѣстомъ, гдѣ осѣдала нѣкоторая часть народовъ, двигавшихся изъ Европы въ Азію и обратно, а также мѣстомъ убѣжища, куда попадали разнообразныя, гонимыя изъ плоскостей и спасающіяся отъ преслѣдованія враговъ, племена. Какой типъ можно бы почитать здѣсь болѣе древнимъ, опредѣлить едва-ли возможно. Находимыя въ старыхъ, недостаточно хорошо выясненной эпохи, могильникахъ, черепа, принадлежатъ частію съ долихоцефалическимъ, частію къ брахіоцефалическимъ. По мнѣнію Lombard[1]) и другихъ, въ эпоху бронзы, смѣшанная съ Cromagnon Средиземная раса занимала весь югъ Европы до Кавказа и Персіи. Если предположить, что кароглазый типъ аутохтонный на Кавказѣ, остается неразъясненнымъ, былъ ли онъ длинноголовый или короткоголовый и когда и оттуда явился здѣсь свѣтло-глазый. По нѣкоторой своеобразности и прочности типа нынѣ живущихъ свѣтлоглазыхъ, можно однако предположить, что часть ихъ принадлежала къ древнѣйшимъ, кореннымъ обитателямъ Кавказа и только впослѣдствіи смѣшалась съ кароглазыми. Во всякомъ случаѣ появившійся въ неизвѣстную эпоху на Кавказѣ, голубоглазый и сѣроглазый типы принадлежали къ основнымъ типамъ и обладали прочностью и устойчивостью не менѣе кароглазаго. Подвергаясь вліянію и метисаціямъ какъ не-

---

[1]) Lombard-Description ethnograf. de l'Europe. Bull. de la société d'Anthrop. 1890 № 1.

извѣстныхъ, предполагая аутохтонныхъ, кароглазыхъ, кавказскихъ народовъ, такъ и позднѣйшихъ извѣстныхъ—татаръ, монголовъ, персовъ, семитовъ,—свѣтлоглазый типъ, и до настоящаго времени сохранилъ свою своеобразность. Мы не имѣемъ свѣдѣній о высотѣ роста племенъ населяющихъ Дагестанъ и не можемъ указать, зависитъ ли ростъ ихъ отъ цвѣта радужной оболочки глазъ: но по отдѣльнымъ, встрѣчающимся у г. Эркерта и другихъ, наблюденіямъ видно, что свѣтло-глазый типъ, и до настоящаго времени имѣетъ хорошее физическое развитіе и сохраняетъ нѣкоторыя особенности первоначальнаго основнаго типа.

Существующія скудныя, историческія свѣдѣнія не могутъ имѣть важнаго значенія для выясненія первоначальнаго происхожденія лезгинъ. Несравненно большую важность въ этомъ отношеніе можетъ имѣть изученіе языка. По Л. П. Загурскому аварскій языкъ служитъ международнымъ языкомъ для жителей горнаго Дагестана, андійское нарѣчіе на рубежѣ Чечни и Дагестана наиболѣе подходитъ къ аварскому, но составляетъ самостоятельный языкъ. Остальныя нарѣчія находятся въ ближайшемъ родствѣ съ языкомъ андійскимъ. О какой либо связи этихъ нарѣчій съ европейскими или азіятскими языками свѣдѣній не имѣется. Судя по ширинѣ скулъ, большому межглазничному промежутку и вообще частымъ признакамъ монгольскаго типа между отдѣльными лицами нѣкоторыхъ племенъ Дагестана, можно предполагать, что къ Дагестанскимъ горцамъ сравнительно недавно много прилило крови монгольской. На сколько извѣстно, вліяніе монгольскихъ нарѣчій на языки горцевъ однако не замѣчено. По нѣкоторыми наблюденіямъ г. Эркерта и моимъ, широкія скулы и большіе промежутки между глазами нерѣдки и у горцевъ, имѣющихъ голубые глаза. Есть ли это результатъ метисаціи европейскаго типа съ монгольскимъ, или можетъ быть такой типъ совершенно самостоятельный —опредѣлить въ настоящее время, по неимѣнію подробныхъ измѣреній, еще нельзя.

Прежде чѣмъ представить антропометрическія наблюденія относительно Дагестанскихъ горцевъ, полагаемъ не безполезнымъ привести нѣсколько свѣдѣній объ условіяхъ, въ какихъ эти горцы жили въ теченіи многихъ столѣтій и объ тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, при какихъ происходило формированіе ихъ многочисленныхъ племенъ. Физическія причины, не вліяя на основныя качества типа—форму черепа, цвѣтъ глазъ и пр.—должны существенно отразиться на біологіи и складѣ тѣла.

Размноженіе всякаго народа естественно ограничивается количествомъ могущей быть добытою пищи и большею или меньшею здоровостью страны. Въ Дагестанѣ, по цыфрамъ Закавказскаго Статистическаго Комитета [1]), количество, могущей быть эксплоатированною, земли весьма ограничено и обыкновенно колеблется между 1 и 3—4 десятинами на семью или дымъ. Въ Андійскомъ округѣ пахатной земли приходится около 1 десятины на дымъ, а пастбищной хватаетъ только для пастьбы ограниченнаго числа овецъ. Въ Аварскомъ, земли на дымъ пахатной и сѣнокосной по 3 десятины, а пастбищной по 18. Въ Кюринскомъ—земли на семью 1—3 десятины. Въ Кайтаго-Табасаранскомъ въ среднемъ земли немного болѣе 1 десятины на дымъ, а, считая и находящуюся въ пользованіи жителей бекскую, отъ 2—4 десятины. Въ Казикумухскомъ всего пахатной и сѣнокосной земли приходится по 1 десятинѣ и пастбищной, между которою много негодной, около 4.

Вслѣдствіе недостатка земли, какъ количество хлѣбовъ, такъ и число содержимаго поселеніемъ скота строго ограничено. Въ трудахъ Статистическаго Комитета весьма часто помѣчается, что такое-то общество имѣетъ пастьбу только на 3 или 4 мѣсяца, или что кромѣ выгона земли не имѣетъ, а напр. въ Каратинскомъ наибствѣ Андійскаго округа пастьбы для овецъ вовсе нѣтъ. Въ среднемъ число крупнаго рогатаго скота въ Дагестанѣ 3,2 на дымъ, въ томъ числѣ приходится на дымъ наиболѣе въ округахъ Гунибскомъ—4,6 и Аварскомъ—5,0 и наименѣе въ Даргинскомъ—2,1 и въ Казикумухскомъ—2,2 а число мелкаго —во всемъ Дагестанѣ 18 на дымъ, наиболѣе въ Гунибскомъ—28, Андійскомъ 32 и Самурскомъ 39, а наименѣе въ Даргинскомъ, 11 и въ Кюринскомъ, 12 штукъ на дымъ.

Недостаточное количество добываемыхъ, необходимыхъ для жизни, продуктовъ пріучило лезгинъ къ величайшей умѣренности въ пищѣ, почему по общему складу тѣла они худощавы, а жизнь среди скалъ и опасностей сдѣлала ихъ стройными и ловкими.

Санитарныя условія обитаемой лезгинами страны, за исключеніемъ малярійныхъ котловинъ и береговъ нѣкоторыхъ рѣчекъ, благопріятны. Не болѣзненность мѣстности, а бѣдность,

---

[1]) Дагестанская область—Сводъ стат. данн. изъ посемейн. списк. Закавк. Тифл. 1890 г. и другія изд. Комитета.

невѣжество и предразсудки обусловливаютъ распространеніе, нерѣдко появляющихся между лезгинами эпидемическихъ болѣзней оспы, скарлатины, кори у дѣтей и тифовъ у взрослыхъ. Тѣснота, поразительная нечистота и совмѣстная жизнь съ домашними животными способствуютъ весьма большому распространенію заболѣваній наружныхъ покрововъ—экземы, паршей, чесотки и глистовъ, особенно круглыхъ (Ascaris lumbricoides) и широкаго лентеца (Bothriocephalus latus). По ущельямъ и низменностямъ, особенно въ Кюринскомъ округѣ, большія опустошенія дѣлаетъ малярія. Въ Кюринскомъ, Табасаранскомъ, а отчасти и въ другихъ округахъ наслѣдственныя формы сифилиса. Въ Кюринскомъ округѣ отъ сифилиса въ 1889 году мущинъ пользовано окружнымъ врачемъ 209 человѣкъ. Въ Андійскомъ округѣ эндемиченъ зобъ. По наибствамъ чесотка, парши, трахома и зобъ въ 1890 году въ этомъ округѣ окружнымъ врачемъ наблюдались:

НАИБСТВА.	Чесотка.	Парши.	Трахома.	Зобъ.
Андійское	8	2	6	2
Гумбетовское	15	3	7	3
Тиндальское	13	4	8	6
Каратинское	14	7	12	8
Ункратль-Чамалальское	10	5	12	2
Технуцальское	14	6	10	7
Дидоевское	10	2	8	1
Всего	84	29	69	29

К. Н. Россиковъ говоритъ, что въ с. Конхидатлѣ, Андійскаго округа, и въ Энзебинскомъ обществѣ, Гунибскаго, зобомъ больны 10% всего поселенія.

Такимъ образомъ всѣ племена лезгинъ должны были приспособиться къ жизни на весьма тѣсномъ, ограниченномъ пространствѣ земли и при крайне скудныхъ условіяхъ питанія. Недостающія средства для удовлетворенія первыхъ потребностей горецъ долженъ былъ добыть гдѣ либо на сторонѣ. Прежде для этого служили похищенія чужой собственности, разбои и войны, но уже изъ давнихъ временъ въ краѣ существовали и многіе ремесла и промыслы. Между населеніемъ особенно бѣднаго землею Казикумухскаго округа, по свѣдѣніямъ Закавказскаго Статистическаго Комитета, числится: сапожниковъ 418, котельщиковъ 214, мѣдниковъ 259, лудильщиковъ 997, кузнецовъ 256 и серебрянииковъ 608. Тысячъ десять молодыхъ людей округа уходятъ на разнообразныя работы, а остальные жители, особенно по верхо-

вьямъ Койсу, въ прямомъ смыслѣ голодаютъ. Во всякомъ случаѣ, не говоря уже о нерѣдкихъ неурожаяхъ и падежахъ скота, ведущихъ за собою голоданіе и вымираніе большихъ массъ людей, количество земли, занятое съ незапамятныхъ временъ отдѣльнымъ племенемъ, также какъ и промыслы, могли давать только извѣстное, въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ ограниченное, количество пищевыхъ и иныхъ, необходимыхъ для поддержанія существованія, веществъ, и, поэтому, размноженію населенія уже многія сотни лѣтъ положенъ строгій предѣлъ. Для ограниченія размноженія населенія нѣкоторыя, замкнутыя въ тѣсныхъ ущельяхъ, племена принимали и непосредственныя мѣры—у сванетовъ лишнихъ дѣвочекъ убивали при рожденіи, а у хевсуровъ, по наблюденію доктора Худадова, принимали искуственныя мѣры для ограниченія дѣторожденія и имѣть дѣтей болѣе трехъ считалось даже стыдомъ. Въ большинствѣ случаевъ ограничиваетъ размноженіе населенія смерть, которая является естественнымъ послѣдствіемъ хроническаго голоданія и происходитъ обыкновенно отъ присоединившейся какой либо, неважной для хорошо питающагося, но смертельной для истощеннаго организма болѣзни.

При условіяхъ прекращенія способа добывать средства для существованія хищничествомъ, въ Дагестанѣ должны были выдвинуться тѣ антропологическія группы, которыя оказались наиболѣе способными къ приспособленію для добыванія средствъ къ жизни при новыхъ условіяхъ. По свѣдѣніямъ Закавказскаго Статистическаго Комитета, за послѣднія 20 лѣтъ наибольшая прибыль населенія у табасаранцевъ—62%, евреевъ—59%, татовъ—42%, а наименьшая у дидойцевъ, рутульцевъ—19%, кубачинцевъ—21%. Между прочимъ народности съ наибольшею прибылью населенія—табасаранцы, чеченцы, кайтагцы, евреи—живутъ въ небольшихъ деревняхъ, въ 37—64 дыма, у племенъ же, живущихъ въ деревняхъ, имѣющихъ 200—300 дымовъ, прибыль наименьшая.

Ничто живое не можетъ остановиться, застыть на извѣстной ступени развитія, а идетъ либо впередъ къ большему и большему совершенствованію, либо къ упадку и разрушенію. Между лезгинскими племенами, какъ замкнуто они ни жили, это движеніе однихъ впередъ, другихъ назадъ, безъ сомнѣнія продолжалось многія столѣтія, но результатовъ этой борьбы мы теперь опредѣлить не можемъ.

Въ настоящее время еще также нѣтъ достаточно данныхъ для опредѣленія, какой и изъ нынѣ существующихъ антро-

пологическихъ, входящихъ въ составъ Дагестанскихъ горцевъ, типовъ имѣетъ болѣе способностей для борьбы за существованіе, но, во всякомъ случаѣ, типы ихъ представляютъ далеко не одинаковое физическое развитіе и не одинаковую прочность. Кромѣ доказательствъ антропологическихъ, уже въ цыфрахъ Кавказскаго Статистическаго Комитета есть нѣкоторыя указанія, что лезгины имѣютъ разную, такъ сказать, антропологическую закваску и, между прочимъ, значительно иную, чѣмъ племена собственно Закавказскаго края—грузины, армяне, татары и персіяне.

Разсматривая статистическія цыфры объ отношеніи мужского и женскаго населенія на Кавказѣ, бросается въ глаза большое преобладаніе мужского пола надъ женскимъ въ Закавказскомъ краѣ и почти равное отношеніе половъ между горцами Дагестана. Во всемъ Закавказскомъ краѣ на 100 м. п. приходится женскаго 87, въ Елизаветпольской губерніи даже $77,_{6}$, а во всѣхъ округахъ Дагестана 95. Въ частности между армянами, татарами и грузинами на 100 м. п. 78—85 женскаго, между Дагестанскими племенами: кумыками—89, адербейжанскими татарами—84, ногайцами—82, евреями—89, армянами—71, а между собственно лезгинами-андійцами—96, табасаранцами—91, аварцами—$100_{,2}$, тиндальцами—102, ботлихцами—$103,_{8}$, казикумухцами—$103,_{8}$, арчинцами—$107,_{2}$, и годоберинцами даже—$111,_{7}$.

Весьма вѣроятно, что на большое, сравнительно, число женскаго пола у лезгинъ вліяли и другія условія труда, при чемъ женщина у нихъ больше работаетъ мускулами, чѣмъ женщина Закавказья, но уже изъ неравномѣрнаго распредѣленія числа женщинъ между разными племенами лезгинъ можно заключить, что въ этомъ случаѣ долженъ играть роль и другой антропологическій типъ населенія.

Вліяніе антропологическаго типа населенія, въ связи съ мѣстностью и множествомъ разнообразныхъ условій быта, выражается и въ неодинаковой численности семей, величинѣ поселеній и возрастного состава населенія. По цыфрамъ Закавказскаго Статистическаго Комитета, среднее число жителей на дымъ и средняя величина обитаемой деревни по народностямъ слѣдующія:

	Среднее число домовъ деревни.	Среднее число душъ на дымъ.
Кубачинцы	507	$4,_{4}$
Даргинцы	222	$4,_{4}$

	Среднее число домовъ деревня.	Среднее число душъ на дымъ.
Арчинцы	203	3,9
Ботлихцы	172	4,1
Рутульцы	151	5,8
Каратинцы	120	3,8
Казикумухцы	107	4,9
Кюринцы	103	5,9
Аварцы	90	4,1
Цахурцы	65	5,6
Евреи	64	4,9
Агулы	63	5,6
Чеченцы	47	4,9
Табасаранцы	37	6,1
Хунзальцы	34	4,8
Дидойцы	30	4,2

Самыя большія поселенія—у кубачинцевъ и даргинцевъ, а самыя малыя у дидойцевъ и хунзальцевъ. Самыя большія семьи у табасаранцевъ и кюринцевъ, а самыя малыя у каратинцевъ и арчинцевъ.

По нѣкоторымъ возрастамъ и народностямъ, по вычисленію, на 1000 въ Дагестанской области числится жителей:

	ВОЗРАСТЪ						
	0—5 лѣтъ.	6—10 лѣтъ.	11—15 лѣтъ.	16—20 лѣтъ.	61—70 лѣтъ.	71—80 лѣтъ.	81—100 лѣтъ.
Таты	186	188	111	101	7	3	4
Евреи	218	142	111	76	13	6	2
Аварцы	146	129	93	101	50	23	13
Андійцы	210	157	72	80	28	10	5
Каратинцы	172	140	104	90	32	17	9
Тиндальцы	181	120	109	83	50	22	9
Дидойцы	214	145	123	92	30	10	7
Казикумуки	164	121	117	89	38	16	6
Капучинцы	145	168	103	112	31	16	29
Даргинцы	178	147	112	87	27	12	8
Кубачинцы	175	134	113	62	20	17	10
Табасаранцы	194	191	126	94	13	8	3
Кюринцы	189	148	108	116	15	6	2
Агулы	174	140	111	98	21	10	5
Рутульцы	178	107	87	124	23	7	1
Цахурцы	153	129	111	154	22	5	3
Адербейжанск. татары	184	160	126	105	11	4	2
Кумыки	161	137	126	86	31	10	5

Дѣтей до пяти лѣтъ больше всего—21% населенія—у евре-

евъ, андійцевъ и дидойцевъ, а меньше всего—14—15°/₀ населенія—у аварцевъ, капучинцевъ, цахурцевъ. Стариковъ выше 60 лѣтъ больше всего—7—8°/₀—у аварцевъ, тиндальцевъ и капучинцевъ, а меньше всего—2—3°/₀—у евреевъ, кюринцевъ, табасаранцевъ, адербейжанскихъ татаръ, а менѣе 2°/₀ у татовъ.

Неодинаковость антропологическаго типа лезгинъ, кромѣ разнаго цвѣта радужной оболочки глазъ, объ чемъ мы уже говорили, выражается неодинаковостью размѣровъ головы и отдѣльныхъ частей лица.

У Р. Ѳ. Эркерта не приведена окружность головы лезгинъ, а черепные показатели не могутъ дать понятія о величинѣ головы, по исчисленію же изъ его труда величины головныхъ діаметровъ она оказалась:

	Число наблюд.	Діамет. продол.	головы попер.
Даргинцы Варкуанъ. . .	10	190,3	160,0
„ Даргуа. . . .	33	189,8	162,1
Кюринцы Захурцы . . .	7	189,6	158,8
„ Джекцы. . . .	10	188,4	161,7
Даргинцы Кубачинцы. .	15	187,9	163,1
Дидойцы	53	187,7	157,0
Кюринцы Будухи. . . .	10	187,6	156,2
Даргин. Акушинцы. . .	72	186,6	161,9
Хиналуги.	10	186,5	153,9
Рутульцы	20	186,0	159,9
Собств. Кюринцы . . .	43	185,5	161,9
Казикумухцы.	35	185,4	156,7
Аварцы	70	185,0	159,8
Андійцы.	69	184,5	158,0
Табасаранцы.	34	184,3	159,7
Кюринцы Агулы	13	183,7	158,1
„ Арчинцы. . .	22	179,6	155,5

Разница длины головы между отдѣльными племенами доходитъ до 6 и 10 мм.

Діаметры головы нѣкоторыхъ лезгинъ, также какъ и кабардинцевъ, черкесовъ, чеченцевъ, въ среднемъ больше діаметровъ головы главныхъ Закавказскихъ племенъ, грузинъ и армянъ. У персіянъ и курдовъ діаметры переднезадніе въ среднемъ больше, чѣмъ у горцевъ, но поперечные гораздо меньше.

Еще большее какъ различіе лезгинъ между собою, такъ и отличіе ихъ отъ другихъ сосѣднихъ племенъ представляютъ нѣкоторые размѣры ихъ лица. Такъ по наблюденіямъ г. Эркерта:

ЛЕЗГИНЫ.	Число наблюденій.	Длина лица.	Разст. наибольш. удален. точ. скул. костей.	Углы нижн. челюсти.	Носъ. Длина	Носъ. Ширина.
Аварцы	70	180,9	144,7	111,8	55,6	35,4
Андійцы	67	181,8	148,9	115,0	58,7	33,4
Казикумухцы	35	176,7	146,4	114,0	52,7	35,4
Дидойцы	53	179,2	145,1	112,7	56,4	34,6
Даргинцы (Кайтахъ)	33	185,6	146,3	112,6	57,2	34,2
Будухи	10	179,6	141,7	109,9	57,4	33,8
Хиналуги	10	183,1	141,2	106,7	54,9	32,9
ДРУГІЯ ПЛЕМЕНА.						
Черкесы Адиге	22	186,4	142,3	110,2	56,6	36,5
Калмыки	10	180,4	148,6	117,5	51,4	33,0
Армяне	21	175	140,9	107,6	55,5	35,2
Мингрельцы	10	178,9	140,3	109,0	55,5	38,6

Вслѣдствіе неимѣнія цыфръ роста, нельзя дѣлать заключенія объ относительныхъ размѣрахъ приводимыхъ цыфръ, но изъ представленныхъ видно, что по большому развитію скуловыхъ костей, а также и ширинѣ нижней челюсти особенно между андійцами, казикумухами и даргинцами, главный основной типъ ихъ долженъ бы считаться монгольскимъ. Только болѣе длинные, узкіе и прямые, часто съ горбиною, носы отличаютъ ихъ отъ чисто монгольскаго типа. Неменѣе важное отличіе широколицыхъ лезгинъ отъ монголовъ густая, широкая, имѣющаяся у большинства лезгинъ, борода.

По выборкѣ изъ текста труда г. Эркерта, форма носа у нѣкоторыхъ лезгинскихъ племенъ:

	Н О С Ъ			
	Выпуклый.	Прямой.	Широкій-плоскій.	Заостреный.
Дидойцы	19	13	3	1
Андійцы	20	10	1	—
Казикумуки	15	3	1	2
Кюринцы	22	12	4	—
Табасаранцы	15	16	—	1
Будухи	5	4	—	1
Хиналуги	3	4	1	1
Даргинцы	34	9	3	—

	Б О Р О Д А			
	Широкая густая.	Малая	Почти нѣтъ.	Вовсе нѣтъ.
Дидойцы	19	7	2	1
Андійцы	15	—	1	1
Кюринцы.	17	4	3	1
Табасаранцы	21	4	—	1
Будухи	7	3	—	—
Хиналуги.	8	2	—	—
Даргинцы	30	1	—	—

Лбы по величинѣ и формѣ по племенамъ также неодинаковы—у дидоевцевъ они большею частію прямые, у кюринцевъ чаще выпуклые, у табасаранцевъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ почти одинаковое число. Весьма нерѣдки лбы убѣгающіе, выступающіе угломъ и нависшіе подъ глазами—у хиналуговъ изъ: 10 осмотрѣнныхъ только у 3 лбы прямые, а у остальныхъ выпуклые, выдающіеся впередъ и нависшіе надъ глазами.

Губы у лезгинъ рѣдко толстые, большею частію умѣренной величины. Величина разрѣза рта колеблется между 44 и 60. Въ среднемъ разрѣзъ рта у нѣкоторыхъ племенъ:

Аварцы.	52,6 мм.	Кюринцы.	52,0 мм.
Табасаранцы	53,3 „	Будухи.	51,9 „
Казикумуки.	53,4 „	Захурцы	51,5 „
Андійцы	53,7 „	Джекцы.	51,6 „
Даргинцы.	53,8 „	Хиналуги.	50,3 „
Даргинцы (Варкунъ). .	54,2 „	Кубачинцы	50,2 „

Уши оттопыренныя, большія, длиною отъ 51 до 75 мм. Форма ихъ трудно поддается описанію. По наибольшей длинѣ, средняя величина ушей у нѣкоторыхъ племенъ:

Дидойцы	62,7	Кубачинцы.	63,9
Казикумухцы.	62,2	Кюринцы	64,6
Даргинцы	63,1	Даргинцы (Варкунъ) . .	65,1
Аварцы.	63,6	Андійцы.	65,7

Самыя большія уши у андійцевъ. Длина ихъ колебалась между 55 и 74 мм., въ среднемъ почти 66 мм., при чемъ длина ушной раковины у 15 изъ 69 была 70 и выше миллиметровъ; самые малые уши у дидойцевъ. Длина ушной раковины у нихъ колебалась между 51 и 72, выше 70 длина раковины у 3 изъ 43 осмотрѣнныхъ. Ушная сережка развита розно—у одного таба-

саранца, съ сѣрокарыми глазами и головнымъ показателемъ 85, ушной сережки вовсе не было.

Между племенами лезгинъ въ отдѣльныхъ случаяхъ г. Эркертъ находилъ типы русскій, нѣмецкій, финскій, арабскій, калмыцкій, негрскій, а одинъ разъ китайскій, но особенно часто еврейскій. Встрѣчаются самыя рѣзкія комбинаціи типовъ. Одинъ аварецъ съ черными волосами на головѣ и лицѣ, роста 1828 мм., имѣлъ темносиніе глаза. У казикумухца № 15, безбородаго, волоса рыжіе. У голубоглазаго кюринца, № 18, съ оттопыренными ушами и загнутымъ носомъ; типъ еврейскій. Зависимости черепнаго показателя отъ цвѣта глазъ незамѣтно.

	Сѣроглазые		Голубоглазые.	
	Число набл.	Гол. показ.	Число набл.	Гол. показ.
Казикумуки и андійцы..	9	84,0	—	—
Дидойцы	9	85,5	—	—
Кюринцы.	2	87,8	4	85,0
Табасаранцы	3	86,2	2	88,4
Будухи	4	82,6	1	85,2
Аварцы.	—	—	3	86,7
Андійцы	—	—	4	88,0

Точно также не находится въ зависимости отъ головного показателя и носовой показатель, и у 10 даргинцевъ съ головнымъ показателемъ 78,5—84,2 и 10 съ головнымъ показателемъ 90—92,8—носовой показатель почти совершенно тотъ же—62,7 и 62,9.

Не обнаруживая вліянія на величину черепного показателя, цвѣтъ радужной оболочки, повидимому, вліяетъ на размѣръ головы и, вѣроятно, ростъ. Такъ по цыфрамъ, взятымъ изъ труда г. Эркерта, размѣры головы и лица у казикумухцевъ, имѣвшихъ:

	№	Продольные діаметры гол.	Поперечные діаметры гол.	Полная длина лица.	Наибольш. разстоян. скул. к.	Длина носа.
Сѣрые глаза . .	1	187	159	173	144	56
	4	190	153	183	148	54
	5	186	158	178	145	55
	10	183	159	180	143	50
	13	190	159	182	143	55
	15	191	167	194	150	48
	Среднее	188	159	183	147	53

	№	Продольн. діаметры головы.	Поперечные діаметры головы.	Полная длина лица.	Наибольш. разстояніе скул. вост.	Длина носа.
Голубые глаза.. .	33	187	162	186	140	50
	85	190	163	185	153	53
	Среднее	188	162	185	146	51

У имѣвшихъ свѣтлые глаза, головные діаметры, а особенно полная длина лица, значительно больше среднихъ для всѣхъ казикумуковъ.

Г. Эркертомъ произведены только нѣкоторыя измѣренія головы и лица лезгинъ; о размѣрахъ же другихъ частей тѣла лезгинъ до настоящаго времени наблюденій не дѣлалось; поэтому привожу цыфры, полученныя мною по болѣе подробному измѣренію въ Тифлисѣ 9 лезгинъ Казикумукскаго округа. Всѣ они работаютъ въ Тифлисѣ, главнымъ образомъ, у мастеровъ занимающихся выдѣлкою кинжаловъ и украшеній къ нимъ.

Ростъ, окружность груди, живота и разстояніе нѣкоторыхъ точекъ отъ пола:

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Средн.
Лѣта	28	24	25	25	21	40	33	22	25	27
Ростъ	1680	1700	1700	1730	1637	1615	1700	1690	1770	1690
Окружность груди. .	845	950	800	890	798	910	920	920	900	882
„ живота.	810	840	760	820	780	870	870	880	780	823
Вышина надъ поломъ:										
Слухового отверст..	1550	1570	1565	1610	1500	1485	1575	1565	1634	1561
Подбородка	1460	1460	1453	1490	1410	1380	1475	1450	1500	1450
Acromion	1360	1380	1340	1410	1340	1330	1400	1350	1490	1377
Epicondyl	1030	1060	1010	1060	1020	1000	1070	1040	1050	1050
Головки луча. . . .	780	800	810	840	780	770	840	800	860	809
Кон. средн. пальца.	580	600	615	640	580	580	620	605	640	607
Spina oss. ilei ant.sup.	960	950	960	980	910	940	990	960	1040	954
Лобка	840	830	820	880	810	810	850	840	910	843
Колѣна	460	490	440	510	440	460	490	470	510	474
Внутр. лодыжки . .	85	85	85	90	80	95	85	85	75	85
Сосковъ	1300	1290	1250	1320	1210	1200	1300	1280	1360	1280
Пупка.	1050	1020	1030	1030	980	950	1020	1000	1080	1017

Средній ростъ измѣренныхъ 1690, грудь—882, на 37 мм. больше, а окружность живота 823 на 22 мм. менѣе полуроста. Длина всей руки 770 мм.$=45,_5$% роста, плеча, 327 мм.$=19,_3$%, предплечія 241 мм.$=14,_2$ и кисти $202=11,_9$% роста, длина ноги отъ spina oss. ilei anter. sup. 954 мм.$=56,_4$%, отъ лобка $843=49,_9$%

роста. Высота сосковъ 1280=75,$_7$, пупка 1017, 60,$_1$% роста. По опредѣленію на станкѣ наводящимъ наугольникомъ, высота черепа до ушнаго отверстія 105=6,$_2$%, высота головы 217=12,$_{18}$% роста, а по измѣренію циркулемъ отъ высшей точки темени высота черепа 161=9,$_{14}$, а головы 251=14,$_2$% роста.

Размѣры головы и лица:

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Средн.
Гориз. окружн. гол. .	532	545	520	540	555	560	550	540	538	542
Дуги продольн.. .	310	320	295	295	305	310	325	320	300	308
Дуги поперечн . .	360	360	360	360	360	362	382	360	365	363
Діаметры продольн.. .	174	181	173	182	187	196	186	179	179	181,$_8$
Діаметры поперечн . .	164	157	152	159	158	160	160	159	155	158,$_2$
Діаметры наим. лобн .	132	127	107	118	120	111	122	107	114	117
Діаметры ушной. . . .	126	135	122	129	129	142	139	141	137	133
Длина верхн. лица. .	75	78	74	76	70	77	77	77	78	75
„ лица съ ниж. чел.	120	135	115	120	118	120	114	126	120	121
Наружныя орбиты. .	94	102	90	110	114	102	114	106	111	105
Наиб. удал.ч.ч.скулъ.	144	150	136	147	143	150	147	153	153	147
Скулы.	115	140	115	120	105	128	132	138	140	126
Углы нижн. челюсти.	120	123	113	111	114	118	119	113	113	116
Полная длина лица .	177	189	176	184	192	184	178	194	177	183,$_4$
Гориз. вѣтв. ниж.чел.	98	110	94	94	93	96	90	100	100	97
Носъ: длина.	48	51	46	47	55	49	51	48	58	50,$_3$
„ ширина	34	33	35	35	37	46	40	40	37	37,$_4$
„ вышина. . . .	32	30	26	34	35	26	31	30	31	30,$_5$
Межглаз. пространс.	30	37	36	35	40	37	37	37	35	36,$_0$
Головной показатель.	94,$_2$	86,$_7$	88,$_3$	86,$_8$	84,$_4$	81,$_6$	86,$_0$	88,$_9$	86,$_5$	87,$_0$

Изъ этой таблицы видно, что, не смотря на болѣе высокій ростъ казикумуковъ, сравнительно съ армянами и грузинами, окружность головы ихъ, 542 мм., какъ абсолютно, такъ и еще больше относительно роста, меньше окружности головы грузинъ и армянъ и что головные показатели ихъ, колеблясь въ предѣлахъ 81,$_6$—94,$_2$, въ среднемъ=87,$_8$. Самый меньшій показатель 81,$_6$ у наиболѣе низкорослаго, 1615 мм., съ сѣрыми глазами № 6. Самый большой 94,$_2$ у лезгина № 1 съ каросѣрыми глазами. У голубоглазаго № 2 показатель 86,$_7$.

Особаго вниманія заслуживаетъ типъ казикумуковъ по весьма часто встрѣчающимся между ними широкимъ носамъ и широкимъ лицамъ. У г. Эркерта изъ 35 измѣренныхъ у 10 носовой показатель болѣе 70, средній показатель 67, у меня—у сѣроглазаго встрѣтился показатель 94, средній показатель 74. Среднее разстояніе наиболѣе удаленныхъ точекъ скуловыхъ костей у г. Эркерта 146,

у меня 147 мм., углы нижней челюсти у г. Эркерта 114, у меня 116, межглазничное пространство у него 35,,, а у меня 36. Небольшая разница между цыфрами происходитъ вѣроятно отъ того, что измѣренные мною, болѣе предпріимчивые казикумухцы, были болѣе высокаго роста, чѣмъ измѣренные г. Эркертомъ.

Нѣкоторые другіе размѣры тѣла казикумухцевъ.

		1	2	3	4	5	6	7	8	9	Сред.
1	Діаметръ плечь . .	370	400	375	400	370	360	360	390	395	380
2	„ таза . . .	300	310	285	300	305	290	320	290	320	302
3	Стопа—длина. . .	245	245	260	260	250	256	260	270	280	258
4	„ ширина.. .	102	105	100	95	100	110	120	105	120	106
5	„ подъемъ. .	340	370	350	355	320	340	340	375	380	352
	Длина пальц. руки:										
6	большаго	65	75	64	64	70	62	107	65	73	71
7	средняго	110	107	108	103	105	71	114	108	111	104
	Раздвигъ пальцевъ:										
8	больш. и указат.	175	210	195	196	180	180	210	190	208	193
9	больш. и средн. .	200	240	215	225	210	220	245	225	225	222
10	Большой размахъ.	1780	1740	1730	1815	1715	1740	1770	1815	1890	1777
11	Длина ушей. . . .	56	58	54	63	60	57	61	58	63	59
12	Разрѣзъ рта	50	58	54	55	55	58	60	58	55	55
13	Цвѣтъ вол. головы.	т.-р.	рус.	т.-р.	чер.	т.-р.	т.-р.	т.-р.	чер.	т.-р.	—
14	„ „ лица. .	рус.	с.-р.	т.-р.	чер.	т.-р.	с.-р.	т.-р.	с.-р.	т.-р.	—
15	„ глазъ. . . .	с.-к.	гол.	кар.	кар.	т.-к.	сѣр.	кар.	кар.	зел.	—

Особаго вниманія въ этой таблицѣ заслуживаетъ большая величина размаха рукъ, составляющая слишкомъ 106% роста. Длина стопы въ отдѣльныхъ случаяхъ доходила до 280 мм., въ среднемъ 258 мм., или 15,,% роста.

Изъ другихъ особенностей типа казикумухцевъ упомянемъ, что волосатость тѣла ихъ незначительна и только у № 6, низкорослаго, имѣющаго сѣрые глаза и типъ, напоминающій русскій, волоса на груди обильны, и у № 3 и 5—немного. Зубы у четырехъ рѣдкіе, съ промежутками между рѣзцами, у № 5 верхніе рѣзцы мелкіе. Носы прямые широкіе, у № 5 горбатый, у № 6 расплывчатый. Брови негусто сросшіяся у 4. Высота сидячаго:

	№ 1	2	3	4	5	6	7	8
	850	870	900	920	860	840	830	880
Ростъ 100 мм.	51	51	53	53	52	52	48	52

Мы упоминали, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, восточно-горскіе языки составляютъ особую группу, связь которой съ другими языками не найдена.

Мы не знаемъ, выдѣляется ли спеціалистами языкъ казику-

мухцевъ въ особую группу и нашли ли они связь его съ другими, по словамъ же, знающаго нѣкоторыя лезгинскія нарѣчія, турецкій и татарскій языкъ, поручика Магомета-ага Анцугскаго, урожденнаго аварца, языкъ казикумухцевъ имѣетъ нѣчто общее съ языкомъ текинцевъ. По словамъ г. Анцугскаго милиціонеры казикумухцы, во время пребыванія въ Закаспійской области, понимали текинцевъ и самый типъ казикумухцевъ, особенно та вѣтвь ихъ, которая у лезгинъ извѣстна подъ названіемъ Кяфиръ-кумуковъ, напоминаетъ текинскій. Въ виду такого весьма интереснаго сообщенія, я привожу здѣсь нѣкоторыя, произведенныя мною въ Тифлисѣ, измѣренія восьми текинцевъ *).

XV. Текинцы.

Измѣренные мною 8 текинцевъ живутъ въ аулѣ возлѣ Асхабада, и были присланы для пользованія на Тифлисскую Пастеровскую станцію, какъ сильно искусанные въ лицо и верхнюю часть туловища, вбѣжавшимъ ночью въ ихъ кибитки, бѣшенымъ волкомъ.

	1	2	3	4	5	6	7	8	Сред.
Лѣта	29	30	30	44	22	20	22	60	
Ростъ	1800	1820	1790	1700	1730	1660	1715	1660	1734
Окружность груди	900	890	950	830	880	760	850	870	856
„ живота	900	880	780	710	750	720	670	770	772
Полная окружн. головы	565	575	560	580	580	540	570	570	568
Вертикал. окружн. головы	325	340	335	340	325	335	325	—	333
Поперечн. окружн. „	355	370	383	380	386	380	390	—	379
Гол. діам. продольн.	194	203	197	204	201	189	199	—	198
„ „ поперечн.	146	142	144	163	154	146	156	—	150
Діаметръ височный	142	138	130	138	138	125	136	145	136
Наружныя орбиты	101	104	106	99	105	98	116	102	104
Наибол. удал. ч. скулъ	150	149	138	150	146	131	152	140	145
Углы нижней челюсти	116	117	112	115	112	96	125	118	116
Полная длина лица	210	204	187	185	200	176	197	190	194
Длина верхн. лица	77	—	73	67	76	70	73	68	72
„ лица съ нижн. чел.	—	147	127	127	132	110	131	126	128

*) По изслѣдованіямъ барона П. К. Услара языкъ казикумухцевъ (ляковъ) ничего не имѣетъ общаго съ тюркскими языками, и потому предположеніе почтеннаго автора о сродствѣ его съ языкомъ текинцевъ неосновательно. *Ред.*

	1	2	3	4	5	6	7	8	Сред.
Носа длина.	63	61	48	45	49	51	56	51	50
„ ширина	38	42	39	40	41	35	40	46	40
„ вышина.	—	23	24	19	28	22	22	—	23
Межглазничн. простр.. . .	38	40	35	34	40	32	40	40	37
Длина больш. пальца руки.	75	75	67	66	67	61	58	62	66
„ средн. „ „ .	118	108	107	103	115	103	98	96	106
Раздвигъ больш. и указат..	195	180	180	170	180	195	185	175	182
„ „ „ средн. .	215	200	205	200	200	215	210	190	204
Длина стопы.	270	260	255	225	250	260	238	254	252
Ширина „	100	100	110	85	105	95	98	100	98
Подъемъ „	—	335	320	308	320	330	335	334	326
Діаметръ плечь	400	370	380	353	340	365	387	380	372
„ таза.	310	320	290	258	280	270	290	300	280
Большой размахъ	1920	1850	1830	1750	1820	1690	1750	1750	1782
Высота сидячаго	880	960	940	880	920	810	850	890	891
Головной показатель . . .	$75,_2$	$69,_9$	$73,_0$	$79,_9$	$76,_6$	$77,_1$	$78,_3$	—	$75,_7$

Попавшая въ Тифлисъ группа текинцевъ принадлежитъ къ хорошо развитымъ и высокорослымъ. Средній ростъ ихъ, 1734 мм.,—самый высокій, головной показатель $75,_7$, самый малый, а средняя окружность головы—568, длина головы—198 и полная длина лица отъ корня волосъ до подбородка—194 мм.,—самыя большія между всѣми измѣренными на Кавказѣ народностями. Докторъ Я. Яворскій [1]) между народностями внутренней Азіи находилъ самый высокій ростъ—1700—1715—у таджиковъ, китайцевъ и каракиргизовъ, а самый малый головной показатель у сартовъ $75,_8$ и таранчей $73,_0$. Подходя по головнымъ показателямъ къ текинцамъ, сарты и таранчи выдѣляются отъ нихъ меньшимъ ростомъ, 1696—1642 мм., и небольшою длиною головы—179 мм. У таджиковъ, китайцевъ и каракиргизовъ головные показатели гораздо больше—78—81,—чѣмъ у текинцевъ. По видимому текинцы составляютъ особую, своеобразную разновидность монгольскаго типа,

Нѣкоторыя другія измѣренія текинцевъ:

	Высота надъ поломъ.								
	1	2	3	4	5	6	7	8	Сред.
Ушного отверстія.	1680	1700	1630	1570	1600	1500	1560	1510	1592
Подбородка	1580	1620	1550	1480	1520	1420	1470	1440	1510
Acromion	1510	1520	1480	1442	1460	1350	1410	1370	1444
Epycondyl..	1150	1190	1110	1110	1120	1030	1080	1050	1105

---

[1]) Яворскій, Я. Медико-Географич. и Статист. Опис. Туркестана. Спб. 1889 г.

	Высота надъ поломъ.								
	1	2	3	4	5	6	7	8	Сред.
Шилов. отр. луча.	800	920	870	860	850	810	850	800	852
Конца средн. пальца . . .	660	700	660	630	660	610	650	580	644
Spin. oss. il. ant. super. .	1000	1010	980	920	950	910	940	900	946
Головки бедра	980	930	—	880	910	860	890	850	885
Лобка	900	900	870	800	850	820	850	800	850
Колѣна	500	480	470	450	450	440	460	420	459
Внутренней лодыжки. . .	90	90	80	85	90	90	90	85	86
Сосковъ	1350	1360	1300	1240	1270	1230	1280	1200	1278
Пупка.	1080	1070	1050	1020	1020	1000	1020	950	1025

Вышина лобка не могла быть точно опредѣлена, высоту головки бедра не всегда ясно можно было прощупать. Высота головы, опредѣленная, какъ и прочія высоты, безъ наводящаго наугольника, по исчисленію на двойномъ метрѣ,—13% роста.

Въ настоящемъ сообщеніи мы ограничиваемся только представленіемъ наиболѣе важныхъ результатовъ измѣреній, избѣгая, по недостаточности числа измѣреній, входить въ спеціальный разборъ и сопоставленія ихъ. Не подавая поэтому рѣшающаго значенія цыфрамъ измѣреній текинцевъ, мы однако сдѣлаемъ нѣкоторыя сравненія ихъ типа съ нѣкоторыми кавказскими.

Уже высокій средній ростъ—1734 мм.,—большія головы съ горизонтальною окружностью 568, небольшой головной показатель, въ среднемъ $75_{,7}$, и большая ширина лица, 145 мм., выдѣляютъ текинцевъ какъ отъ короткоголовыхъ, такъ и отъ длинноголовыхъ кавказскихъ типовъ. Не говоря о широкоголовыхъ и низкорослыхъ типахъ, съ которыми у текинцевъ нѣтъ, можно сказать ничего общаго, отъ ближайшихъ къ нимъ длинноголовыхъ ардебейжанскихъ татаръ текинцы отличаются болѣе низкими, короткими и широкими, часто приплюснутыми носами, съ показателемъ $80_{,0}$, большимъ промежуткомъ – 37 мм,,—между нерѣдко косо стоящими, глазами, и меньшею длиною стопы.

Измѣренія кистей рукъ и стопъ произведены мною какъ метрическою лентою и линейкою, такъ и по рисункамъ, полученнымъ обведеніемъ карандашомъ, помѣщенныхъ на бумагѣ кистей и стопъ. Средняя длина стопы 252 или $14_{,5}$% роста текинцевъ—относительно меньше, чѣмъ у адербейжанскихъ татаръ. У № 4, роста 1700 мм., длина стопы замѣчательно мала—225 мм.

Принадлежа по многимъ признакамъ, особенно широкимъ, приплюснутымъ носамъ и скошеннымъ глазамъ, къ монгольскому типу, и имѣя довольно много общихъ признаковъ съ адербейжан-

скими татарами, текинцы между Кавказскими горцами имѣютъ также не мало общаго и съ казикумухцами.

Длина носа и у текинцевъ и у казикумухцевъ одинаковая, 50 мм., межглазничное пространство у первыхъ 37, у вторыхъ 36, разстоянiе между наиболѣе удаленными точками скуловыхъ костей 145 и 147, между углами нижней челюсти 116 и 116, между наружными орбитами 104 и 104. Нѣкоторое различiе строенiя ихъ тѣла можно объяснить культурными причинами. У искусныхъ ремесленикова казикумухцевъ пальцы рукъ развитѣе и длина большого и средняго пальцевъ больше чѣмъ у текинцевъ. Не смотря на болѣе высокiй ростъ текинцевъ, длина пальцевъ рукъ ихъ — 66 и 106, а казикумухцевъ 68 и 108, раздвигъ большого и указательнаго и большого и средняго пальцевъ у текинцевъ 182 и 204, а у казикумухцевъ 194 и 221. Точно также длина стопы, у жителей степей и наѣздниковъ текинцевъ — 252, а у жителей горъ ремесленниковъ, казикумухцевъ—257 мм. Главное однако несходство между этими двумя народностями—слишкомъ большое различiе головныхъ показателей.

Нѣкоторыя другiя наблюденiя текинцевъ. Волосы на головѣ у осмотрѣнныхъ—черные, жесткiе, короткiе, за исключенiемъ № 4—темнорусаго. Волосы на лицѣ короткiе рѣдкiе, съ русыми оттѣнками. У № 4, 6, 7, 8—волосъ на лицѣ почти нѣтъ. Волосъ на желтомъ туловищѣ и груди, за исключенiемъ № 3, вовсе нѣтъ, но на голеняхъ есть. Волосы подъ мышками и на лобкѣ черные. Цвѣтъ глазъ, за исключенiемъ № 5, сѣрокароглазаго, у всѣхъ темнокарый. Дiаметръ роговицы 8—9 мм. Брови весьма рѣдкiя, широкiя. У № 2 длина бровей 53, ширина до 17 мм. Зубы у всѣхъ желтые, у троихъ надломаны, у двоихъ верхнiе рѣзцы однообразно-мелкiе, длиною и шириною 5 мм. У № 2 и 8 бородавки на рукахъ, у № 7 багровое сосудистое пятно на шеѣ. Текинцы всегда сидятъ согнувшись; опредѣленная высота сидячаго согнувшагося 891, на 50—60 мм., меньше выпрямившагося.

Текинецъ № 4—Эйдокъ-Маметъ-Дурды-оглы и № 7, Дурдакъ-Раджабъ-оглы, послѣ смерти были вскрыты въ Тифлисской Михайловской больницѣ, при чемъ по протоколу вскрытiя и моему измѣренiю емкости и длины кишечника найдено:

У № 7, Дурдаха-Раджабъ-оглы, вѣсъ сердца 280 граммовъ, селезенки 120, почекъ по 160, печени 1750, яичекъ по 30, мозга 1620 граммовъ. Длина тонкихъ кишекъ 8500, толстой и прямой 2400, всего 10,900 мм., принимая ростъ за 100—642.

Емкость желудка 2800, тонкихъ кишекъ 7000, толстыхъ 5400 куб. сантиметровъ.

№ 4—Эйдокъ—длина тонкихъ кишекъ 6500, толстой 2000, всего 8500 или 500 роста. Емкость тонкихъ кишекъ 7000, толстыхъ 3500 к. с. Длина penis'а въ нормальномъ состояніи 90, вытянутаго 130 мм. Длина курчавыхъ волосъ на лобкѣ до 70, подъ мышками, немного,—до 50 мм.

XVI. Русскіе. Нѣмцы. Греки.

Измѣренные мною уроженцы разныхъ мѣстностей Закавказскаго края русскіе, уроженцы Тифлисской и Елизаветопольской губерніи нѣмцы и уроженцы Тифлисской губерніи и Сухумскаго округа греки, призывавшіеся къ отбыванію воинской повинности, имѣли ростъ:

	Русскіе.		Нѣмцы.	Греки.	
	Правосл.	Сектанты.		Тифл. губ.	Сух. окр.
Отъ 1470 до 1510 мм.	1	—	—	2	—
„ 1511 „ 1554 „	2	4	1	—	—
„ 1555 „ 1599 „	11	18	4	6	4
„ 1600 „ 1643 „	30	40	13	4	10
„ 1644 „ 1687 „	54	62	17	2	1
„ 1688 „ 1732 „	76	62	22	3	1
„ 1733 „ 1776 „	50	31	11	—	—
„ 1777 „ 1821 „	12	8	7	—	—
„ 1822 „ 1865 „	10	1	—	—	—
Общее число измѣрен. . .	246	226	75	17	16
Minimum роста „ . .	1500 мм.	1520 мм.	1550 мм.	1450 мм.	1560 мм.
Maximum „ „ . .	1846 „	1866 „	1820 „	1740 „	1689 „
Средній ростъ „ . .	1690 „	1680 „	1684 „	1645 „	1609 „

Средній ростъ русскихъ православныхъ, главнымъ образомъ потомковъ, селившихся въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ при штабъ-квартирахъ полковъ отставныхъ чиновъ гренадерской дивизіи—1690 мм., при чемъ ростъ уроженцевъ Манглиса и Константиновки 1700—1705 мм., а Закаталъ и Царскихъ-Колодцевъ—1670 мм. Ростъ сектантовъ, уроженцевъ разныхъ мѣстностей Елизаветпольской, Тифлисской и Бакинской губерній, отцы и дѣды которыхъ уроженцы Симбирской, Тамбовской и другихъ внутреннихъ, великорусскихъ губерній—1680 мм. Ростъ какъ православныхъ, такъ и сектантовъ выше средняго роста населенія средне-русскихъ губерній,

равняющагося по вычисленію проф. Д. Н. Анучина 1650—1660 мм., [1]) на 20—30 мм. Средній ростъ нѣмцевъ Тифлисской губерніи, по 20 и 15 измѣреніямъ 1890 и 1891 года—1700 и 1710 мм., а ростъ нѣмцевъ Елизаветпольской губерніи, по 20 измѣреніямъ 1890 года—1662 мм.

Ростъ грековъ Тифлисской губерніи, давнихъ населенцевъ края—1645 мм.—подходитъ къ росту грузинъ. Ростъ грековъ Сухумскаго округа, по измѣренію 16 осмотрѣнныхъ этого округа—1608 мм. Между греками Карсской области больше великорослыхъ. Изъ другихъ европейскихъ народностей упомянемъ еще, что ростъ поселившихся въ Сухумскомъ округѣ эстовъ по 10 измѣреніямъ, 1678 мм.

Окружность груди:

	Русскіе. православн.	Русскіе. сектанты.	Нѣмцы.	Греки Тифлис. губ.
До 711 мм.	1	—	—	—
„ 755 „	4	4	1	—
„ 800 „	33	21	7	7
„ 844 „	79	78	17	7
„ 888 „	97	75	24	6
„ 932 „	30	32	20	3
„ 976 „	—	6	3	—
„ 1020 „	—	2	—	—
Число наблюденій. . .	244	218	72	16
Средняя	884	884	890	888
Больше полуроста. . .	30	45	48	62

Абсолютная развитость груди у русскихъ, нѣмцевъ и грековъ выше, чѣмъ у другихъ туземныхъ народностей. По отношенію къ росту, окружность груди превышаетъ полуростъ—у русскихъ православныхъ на 30, у сектантовъ на 45, у нѣмцевъ на 48, а у грековъ тифлисскихъ на 62 мм. У грековъ Сухумскаго округа окружность груди меньше—840 мм,—превышаетъ полуростъ на 35 мм.

Ростъ, діаметры головы, цвѣтъ глазъ и волосъ русскихъ Тифлиса, почти всѣхъ—уроженцевъ Закавказскаго края:

[1]) Д. Н. Анучинъ. О географич. расцростр. роста мужского насел. Россіи. Зап. Имп. Рус. Географич. Общ. Т. VIII, вып. I. Спб. 1889 г.

Ростъ.		Окружность головы.	Діаметръ. Продольный.	Діаметръ. Поперечный.	Цвѣтъ. Волосъ.	Цвѣтъ. Глазъ.	Головной показатель.
1	1755 мм.	575	188	159	тем.-р.	сѣр.	84,₅
2	1737 „	550	187	159	тем.-р.	кар.	83,₀
3	1676 „	560	195	157	черн.	кар.	80,₅
4	1755 „	575	196	163	черн.	сѣр.	83,₁
5	1630 „	570	—	—	св.-р.	кар.	—
6	1700 „	564	183	157	св.-р.	сѣр.	85,₅
7	1652 „	540	172	152	тем.-р.	сѣр.	88,₃
8	1702 „	555	190	153	св.-р.	сѣр.	80,₅
9	1815 „	560	188	153	св.-р.	средн.	81,₄
10	1660 „	560	187	157	тем.-р.	сѣр.	83,₈
11	1733 „	580	191	160	св.-р.	средн.	83,₇
12	1653 „	550	186	150	св.-р.	средн.	81,₆
13	1712 „	540	183	144	черн.	кар.	78,₇
Среднее. . .	1706 „	560	187,₁	155,₅	—	—	82,₉

Окружность головы русскихъ 560,₀; нѣмцевъ почти равняется окружности головы русскихъ. По измѣреніямъ призываемыхъ Тифлисскаго уѣзда въ 1890 году докторомъ Чепурковскимъ окружность головы 23 нѣмцевъ 559, 33 русскихъ 558,₈, 17 армянъ 547 мм. По измѣренію въ 1891 году призываемыхъ того же уѣзда докторомъ Хенцинскимъ окружность головы 16 нѣмцевъ 560, 50 русскихъ 558, 16 грековъ 554 мм. По 56 измѣреніямъ, докторомъ Успенскимъ. призываемыхъ въ 1890 году духоборовъ Ахалкалакскаго уѣзда, окружность головы ихъ оказалась, можетъ быть отъ неточности измѣреній, меньше, чѣмъ у православныхъ, въ среднемъ 553 мм.

По немногимъ наблюденіямъ, физическое развитіе и окружность головы кароглазыхъ русскихъ и нѣмцевъ больше среднихъ. У 8 кароглазыхъ русскихъ Тифлисскаго уѣзда, измѣренныхъ въ 1891 году, средній ростъ 1688 и средняя окружность головы 565 мм.; у четырехъ кароглазыхъ нѣмцевъ средній ростъ 1700, а окружность головы 564 мм. Духоборцы Ахалкалакскаго уѣзда, какъ голубоглазые, такъ и темноглазые, имѣютъ ростъ почти одинаковый—1666 и 1668 мм.—но окружность головы голубоглазыхъ по 25 измѣреніямъ —550, а кароглазыхъ, по 18 наблюденіямъ—556,₆. Въ Сигнахскомъ уѣздѣ, въ Закаталахъ и Царскихъ Колодцахъ средній ростъ 22 русскихъ 1670 окружность головы 559, а трехъ кароглазыхъ ростъ 1691, окружность головы 562.

Греки Тифлисской губерніи по росту и образу жизни подходятъ къ грузинамъ. Греки Ардаганскаго округа, переселенцы изъ Малой Азіи, ростомъ выше, и образомъ жизни отличаются отъ своихъ сосѣдей турокъ и армянъ. Жилища Ардаганскихъ грековъ не всегда подземныя, какъ у турокъ и армянъ, и въ помѣщеніяхъ больше свѣта, комфорта. Земли греки засѣваютъ мало, но засѣваемую тщательно обрабатываютъ и удабриваютъ. Занимаются отхожими промыслами—они хорошіе камнотесы и кладчики каменныхъ стѣнъ. Вліяніе турокъ на малоазійскихъ грековъ выражается, между прочимъ, въ томъ, что къ своему прозвищу греки, какъ и турки, прибавляютъ слово *оглы*. По измѣренію моему двухъ грековъ въ Ардаганѣ наиболѣе типичный, Георгій Виньянъ-оглы, 46 лѣтъ, носящій феску и одѣтый по турецки, имѣлъ слѣдующіе важнѣйшіе размѣры тѣла: ростъ 1815 мм., окружность головы 575, окружность груди 922, живота 770, головной діаметръ—продольный 196, поперечный—150, показатель—82,$_2$.. Длина лица отъ корня волосъ до подбородка 190 мм., ширина между наиболѣе удаленными точками скуловыхъ костей 163, наружными орбитами 116 и углами нижней челюсти 124. Длина лба 67, носа 62, лица отъ подносовой точки до средины подбородка 61 мм. Межглазничное пространство 38, разрѣзъ глазъ 68 мм. Изъ остальныхъ размѣровъ заслуживаетъ вниманія большая высота внутренней лодыжки—112 мм. отъ пола—и длинная стопа—290 мм. Обращали еще вниманіе боковые, сильно скошенные, рѣзцы въ верхней челюсти и весьма густыя, съ волосами 7—8 мм. длиною, но не сросшіяся брови. Волосы на головѣ блестяще черные, на усахъ съ рыжеватыми оттѣнками. Глаза почти черные. У другого грека межглазничное пространство было также велико—38 мм. У грека, осмотрѣннаго въ Сухумскомъ воинскомъ присутствіи 1891 года, Николая Уилляръ-оглы, ростъ 1520 мм., окружность головы 555, черноволосаго, кароглазаго, все тѣло въ томъ числѣ и спина и грудь, покрыты волосами. Изъ 20 осмотрѣнныхъ въ Сухумскомъ присутствіи, болѣе или менѣе волосатая грудь найдена у восьми. Средняя окружность головы волосатыхъ 553, больше окружности не имѣвшихъ волосъ (551), и ростъ 1600 мм. ниже, чѣмъ у не имѣвшихъ волосъ, на 10 мм.

Причины болѣе высокаго роста русскихъ, призывавшихся къ отбыванію воинской повинности, уроженцевъ Закавказскаго края, сравнительно съ ростомъ призываемыхъ внутренней Россіи, до-

вольно сложны. Главнѣйшія изъ нихъ—вольное и невольное переселеніе въ Закавказскій край людей предпріимчивыхъ, сильныхъ, которые обыкновенно и физически развитѣе, болѣе разнообразная и питательная пища и болѣе раннее физическое развитіе въ южныхъ широтахъ.

Обнаруживая вліяніе на ростъ, а также окружность груди и особенно живота, переселеніе русскихъ въ Закавказскій край не могло конечно имѣть вліянія на ихъ антропологическій типъ.

XVII. Смѣшанные типы.

Вопросъ о смѣшанныхъ типахъ принадлежитъ къ одному изъ самыхъ трудныхъ въ антропологіи. Большинство ученыхъ согласны только въ томъ, что всѣ человѣческіе типы и племена при метисаціяхъ производятъ потомство, и что при метисаціяхъ этого потомства съ однимъ изъ смѣшавшихся типовъ чрезъ нѣсколько поколѣній наступаетъ возвращеніе къ основному типу. На счетъ же того, какія особенности организаціи передаются смѣшивающимися типами потомкамъ, какая плодовитость ихъ браковъ, какая способность промежуточныхъ типовъ къ смѣшенію между собою и могутъ ли смѣшанные типы образовать промежуточную расу,—существуютъ самыя разнорѣчивыя мнѣнія. По словамъ *Шерцера*, отъ европейца и китаянки дѣти будутъ или совершенными европейцами, или совершенными китайцами. При метисаціяхъ англичанъ съ народностями Индостана дѣти бываютъ то одного, то другого типа, но вообще чаще передаются нѣкоторые признаки обоихъ смѣшавшихся типовъ. Плодовитость браковъ при первыхъ генераціяхъ иногда даже увеличивается, но при метисаціяхъ отдаленныхъ въ антропологическомъ отношеніи расъ плодовитость уменьшается. *Нотъ* говоритъ, что англосаксонская раса въ Каролинѣ даетъ метисовъ безплодныхъ во второмъ поколѣніи, а метисація голландцевъ и малайцевъ на Явѣ, по словамъ *Топинара* [1]) уже въ третьемъ поколѣніи производитъ только безплодныхъ дѣвушекъ. Мы уже упоминали, что, по Топинару же, отъ женщинъ, вывозимыхъ изъ Грузіи въ жены мамелюкамъ, не было потомства. Вопросъ о томъ, могутъ ли метисы

[1]) Топинаръ—Антропологія. Спб. 1879 стр. 364.

при смѣшеніяхъ между собою образовать особый, съ самостоятельными признаками, типъ, весьма спорный. Мы держимся мнѣнія, что такого типа не образуется, а происходятъ только смѣшанныя формы.

Не останавливаясь на общихъ вопросахъ и не имѣя въ настоящее время достаточно матеріала чтобы строго разграничить существующіе на Кавказѣ самостоятельные типы, мы можемъ только сказать, что всѣ населяющія Кавказъ племена носятъ на себѣ слѣды разнообразныхъ метисацій; что наиболѣе среднихъ, произшедшихъ отъ смѣшенія основнаго типа съ посторонними, формъ даютъ грузинскія и лезгинскія племена; но что, не смотря на безчисленныя комбинаціи промежуточныхъ типовъ, самостоятельныя, основныя черты типовъ долихоцефалическаго и брахицефалическаго, типовъ съ интенсивно карыми и свѣтлокарыми, и типовъ съ голубыми и сѣрыми глазами выступаютъ довольно опредѣленно. Средніе типы, къ которымъ между нѣкоторыми народностями принадлежитъ большинство населенія, не представляютъ чего-либо установившагося, а являются переходными и непрочными.

Не предпологая въ настоящее время разсматривать этотъ вопросъ сколько нибудь подробно, мы хотимъ только обратить вниманіе на метисацію кавказскихъ типовъ съ европейскими, главнымъ образомъ славянскими, и приведемъ нѣсколько цыфръ измѣреній потомства, произшедшаго отъ смѣшанныхъ браковъ.

Для точнаго выясненія результатовъ метисацій, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и племенъ, необходимо знакомство съ генеалогіею смѣшивающихся типовъ; но при нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній такое знакомство обыкновенно невозможно, почему приходится ограничиваться общею характеристикою смѣшивающихся народностей. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что какъ европейскіе, такъ и кавказскіе народы принадлежатъ въ большинствѣ случаевъ къ смѣшаннымъ, а чистые типы между ними рѣдки, и что вліяніе метисаціи обнаруживается какъ на отдѣльныхъ семействахъ и родахъ, такъ и на населеніи цѣлыхъ мѣстностей. Между европейскими и кавказскими племенами есть высокія и низкія, брюнеты и блондины. Нѣмцы сѣверные выше ростомъ, и съ болѣе свѣтлыми волосами и глазами, чѣмъ нѣмцы южные. Русскіе сѣверные ростомъ и многими другими признаками отличаются отъ южныхъ. Разница между величиною и діаметрами головы одного и того же народа не менѣе значи-

тельны. Изъ вышеприведенныхъ цыфръ видно, что такая же разница по мѣстностямъ и семействамъ наблюдается и между кавказскими народностями.

При такихъ обстоятельствахъ и незнакомствѣ съ генеалогіею каждаго изъ смѣшивающихся типовъ, выясненіе промежуточныхъ, происшедшихъ отъ смѣшенія кавказскихъ съ европейскими, типовъ, представляетъ необыкновенную трудность.

Измѣряя по возможности чистокровныхъ и не принимая въ расчетъ смѣшанныхъ съ инородцами, наибольшую разницу типа по сравненію между собою находимъ въ русскомъ населеніи среднихъ, западныхъ и южныхъ губерній. Для показанія различія типовъ славянскихъ, прежде чѣмъ говорить о метисаціяхъ ихъ, приведемъ нѣсколько, полученныхъ нами въ Тифлисѣ, цыфръ измѣреній наиболѣе характерныхъ славянскихъ группъ восточной и западной. По измѣреніямъ въ Тифлисѣ, военнослужащіе, уроженцы Пензенской и Вятской губерній, имѣли ростъ, головные діаметры и нѣкоторые другіе признаки:

	Мѣсто родины.	Ростъ.	Діаметр. гол.		Цвѣтъ глазъ.	Носъ.		Головной показатель.	Большой размахъ.
			Продол.	Попереч.		Длина.	Ширина.		
1	Певзенской губ.. .	1620 мм.	183	149	—	48	33	80,8	1610
2	„ „ . .	1630 „	186	150	сѣр.	52	25	80,6	1730
8	„ „ . .	1740 „	179	146	сѣр.	—	—	81,5	1720
4	„ „ . .	1650 „	192	156	гол.	—	—	81,2	1670
5	Вятской „ . .	1720 „	180	151	гол.	—	—	83,8	1810
6	„ „ . .	1720 „	181	147	сѣр.	41	38	81,2	1820
7	„ „ . .	1720 „	190	166	сѣр.	48	34	87,3	1760
8	„ „ . .	1670 „	170	148	сѣр.	50	35	87,0	1740
9	„ » . .	1710 „	186	149	чер.	51	34	80,1	—
10	„ „ . .	1650 „	177	149	сѣр.	—	—	84,1	1730
	Среднее.	1688 „	182,4	151,1	—	—	—	82,7	1732

По сравненію съ русскими уроженцами Закавказскаго края, головные діаметры уроженцевъ Россіи меньше, а головные показатели почти равны. Самый высокій изъ всѣхъ измѣренныхъ на Кавказѣ русскій, уроженецъ Пензенской губерніи—рядовой Мингрельскаго полка, 21 года, Иванъ Ивановъ. Ростъ Иванова 1950, большой размахъ 2005 мм., окружность головы 590: діаметръ головы продольный—192, поперечный—163, показатель—84,8, длина носа—55, ширина—43. Ноздри круглыя, волосы на головѣ и лицѣ свѣтлорусые, глаза сѣрые, волосъ на груди нѣтъ.

У поляковъ и смѣшаннаго католическаго западныхъ губерній населенія ростъ и головные показатели по измѣренію въ Тифлисѣ военнослужащихъ:

	Ростъ.		Окружность головы.	Діаметръ. Продол.	Діаметръ. Попереч.	Цвѣтъ. Волосъ.	Цвѣтъ. Глазъ.	Головной показатель.
1	1680	мм.	590	193	165	т.-р.	гол.	$85,_{4}$
2	1650	„	550	186	157	св.-р.	сред.	$84,_{3}$
3	1690	„	575	193	165	св.-р.	гол.	$85,_{5}$
4	1550	„	510	172	152	св.-р.	гол.	$88,_{3}$
5	—	„	530	176	148	т.-р.	—	$84,_{5}$
6	1690	„	—	187	161	св.-р.	сѣр.	$86,_{1}$
7	1700	„	554	183	157	рус.	сѣр.	$85,_{6}$
8	1714	„	530	183	144	чер.	чер.	$78,_{7}$
9	1670	„	—	187	161	св.-р.	сѣр.	$86,_{1}$
10	1660	„	—	186	148	св.-р.	гол.	$79,_{5}$
Среднее . . .	1667	„	548	$184,_{6}$	$155,_{8}$	—	—	$84,_{4}$

Головные показатели поляковъ, $84,_{4}$, больше чѣмъ показатели уроженцевъ Пензенской и Вятской губерній.

Головные показатели уроженцевъ южной и юго-восточной Россіи въ среднемъ менѣе показателей уроженцевъ западныхъ и болѣе показателей губерній среднихъ. Средній показатель бѣлорусовъ, по К. Н. Икову, $82,_{4}$. Показатели нѣмцевъ, по нашимъ измѣреніямъ, въ среднемъ подходили къ показателямъ русскихъ.

По нѣкоторымъ измѣреніямъ метисовъ, происшедшихъ отъ смѣшанныхъ браковъ, діаметры головы и цвѣтъ глазъ найдены:

Отецъ русскій, мать грузинка.

	З В А Н І Е.	Ростъ.		Діаметры. Продол.	Діаметры. Попереч.	Цвѣтъ глазъ.	Головной показатель.
1	Фельдшерскіе ученики	1690	мм.	185	151	кар.	$81,_{6}$
2	„ „	1550	„	185	152	кар.	$82,_{2}$
3	„ „	1552	„	181	144	кар.	$80,_{0}$
4	Извощикъ	1652	„	186	152	сред.	$84,_{2}$
5	Живописецъ	1737	„	187	159	кар.	$83,_{9}$
	Отецъ русскій, мать армянка.						
6	Извощикъ	1704	мм.	190	153	сѣр.	$80,_{8}$
	Отецъ русскій, мать имеретинка.						
7	Фельдшерскій ученикъ.	1560	мм.	184	151	кар.	$82,_{6}$
	Отецъ осетинъ, мать русская:						
8	Фельдшерскій ученикъ.	1540	мм.	186	149	кар.	$80,_{1}$

Головные показатели при смѣшанныхъ бракахъ туземцевъ съ русскими, когда отецъ русскій, у дѣтей въ среднемъ меньше, чѣмъ у туземцевъ, и подходятъ къ показателямъ русскихъ, а цвѣтъ глазъ чаще по матери, карый. Исключеніе составляетъ № 6, извощикъ Раковъ, у котораго, по его словамъ, мать армянка. У Ракова, осмотрѣннаго въ воинскомъ присутствіи 1889 года, волосы цвѣта льна, лицо бѣлое румяное, глаза свѣтло-голубовато сѣрые. У № 7, у коего мать имеретинка, и въ семьѣ 4 брата и ни одной сестры, общій характеръ лица имеретинскій и только румяныя и толстыя щеки обличаютъ примѣсь славянской крови. Окружность головы его 540 мм., волосы русые, цвѣтъ глазъ неровно карый.

Случаи, гдѣ вполнѣ возстанавляется одинъ изъ смѣшавшихся типовъ, многочислены и наблюдаются главнымъ образомъ когда одинъ или оба смѣшивающіеся типа принадлежатъ къ наиболѣе чистымъ. Извѣстный въ Тифлисѣ врачъ, Л—чь, у котораго отецъ полякъ, а мать армянка, имѣетъ типъ вполнѣ армянскій, у помѣщика грузина Т—ва, женатаго на нѣмкѣ, сынъ нѣмецкаго, а дочь грузинскаго типа. При метисаціяхъ русскаго и нѣмецкаго типовъ съ средними смѣшанными туземными типами, дѣтямъ передается больше чертъ европейскихъ, чѣмъ туземныхъ.

По измѣренію семьи, въ которой отецъ русскій, мать лезгинка, потомство съ преобладаніемъ русскаго типа.

Отецъ великоросъ, 45 лѣтъ, уроженецъ Курской губерніи, изъ крестьянъ, бывшій солдатъ, темно-русый, сѣро глазый. У его матери 16 дѣтей—9 сыновъ и 7 дочерей. Будучи 27 лѣтъ, женился на кароглазой, принявшей православіе, лезгинкѣ 19 лѣтъ. Родилось четыре дѣвочки, изъ которыхъ одна умерла. По измѣреніямъ этой семьи найдено:

	Отецъ.	Мать.	Дочери.		
			Елена.	Катерина.	Марія.
Лѣта	45	38	15	12	10
Ростъ	1650	1500	1580	1340	1250
Окружность головы	550	530	510	505	510
Продольная окружность	310	305	295	—	295
Поперечная окружность	350	350	335	—	340
Продольный діаметръ	187	180	163	170	172

	Отецъ.	Мать.	Дочери. Елена.	Катерина.	Марія.
Поперечный діаметръ	150	152	142	140	141
Височный „	125	132	117	—	—
Скуловой „	135	134	127	123	117
Наружныя орбиты	97	90	98	92	91
Межглазничное пространство.	34	33	32	33	32
Углы нижней челюсти	105	105	104	—	94
Лицо отъ корня волосъ до подбородка	187	160	162	167	160
Отъ переносья до корня рѣзцовъ	57	56	57	57	55
Отъ переносья до средины подбородка	115	90	100	105	97
Длина носа	43	48	41	47	37
Ширина носа	36	30	31	35	28
Головной показатель	80,1	83,0	87,1	82,3	81,9
Носовой показатель	86	70,0	75	74	75
Волосы	рус.	чер.	рус.	ц. льна	рус.
Глаза	сѣр.	кар.	кар.	сѣр.	кар.

Въ складѣ лица у всѣхъ дѣвочекъ больше чертъ отца, и только голова старшей рѣзко отклоняется какъ отъ отцовской, такъ и отъ материнской и отклоняется очевидно на сторону материнскаго типа. Волосы у всѣхъ дѣвочекъ мягкіе, у 1 и 3 темнорусые, а у второй бѣлые, цвѣта льна. Носы у первой и третьей дѣвочки, какъ и у отца, короткіе, вздернутые, вышины 20—24 мм., съ показателемъ, приближающимся къ отцовскому—74—75. У матери волосы черные, безъ малѣйшаго оттѣнка, носъ тоже коротокъ, но не курносый, а выпуклый, крючковатый и гораздо выше, чѣмъ у другихъ членовъ семьи. У второй, свѣтловолосой, дѣвочки носъ длиннѣе, но тоже болѣе подходитъ къ отцовскому, чѣмъ материнскому. Глаза у двухъ дѣвочекъ материнскіе, у одной—отцовскіе. Цвѣтъ лица у матери однообразно смуглый, у дѣтей бѣлый, слегка розовый.

XVIII. Микроцефалы. Уродства и неправильность развитія. Патологія.

Величина горизонтальной окружности головы, измѣряемая на живыхъ, находится въ зависимости отъ толщины кожи и отъ

бо̀льшаго или меньшаго количества волосъ на головѣ и поэтому всегда больше горизонтальной окружности черепа. Если къ микроцефалическимъ причисляются черепа съ горизонтальною окружностью до 500 мм., то при измѣреніи живыхъ, микроцефалами должны считаться лица, имѣющія окружность головы до 510 и даже до 515 мм. Считая микроцефалами лицъ, имѣющихъ горизонтальную окружность головы до 510 мм., изъ кавказскихъ племенъ наиболѣе микроцефаловъ между курдами, татарами, персіянами, евреями,—менѣе между грузинами и армянами—до 2%, и еще менѣе между имеретинами и мингрельцами—1—1,$_5$%. У пшавовъ, хевсуръ, горныхъ сванетовъ, уроженцевъ Кавказа русскихъ и нѣмцевъ окружности головы менѣе 520 мм. не наблюдалось.

Всѣ наблюдавшіеся микроцефалы—грузины, армяне, евреи, персіяне, курды—имѣли черные волосы и карый, переходящій въ черный, цвѣтъ глазъ. Между микроцефалами мингрельцами былъ одинъ имѣвшій сѣрый цвѣтъ райка, а между абхазцами—голубой. Средній ростъ шести микроцефаловъ грузинъ Тифлисскаго уѣзда—1584, трехъ имеретинъ Кутаисскаго 1530 мм. Между микроцефалами сравнительно часты лица съ психическими ненормальностями. По измѣренію моему микроцефаловъ армянина, уроженца Бакинской губерніи, Геокчайскаго уѣзда, Багдасарьянца, съ искривленнымъ въ ироническую улыбку лицомъ, и горскаго еврея Кайтаго-Табасаранскаго округа Давида Мелихава, обоихъ страдавшихъ психическими ненормальностями и находившихся въ Тифлисскомъ военномъ госпиталѣ на испытаніи, нѣкоторые размѣры ихъ тѣла найдены:

	Багдасарьянцъ.	Мелихава.
Ростъ	1630	1630
Окружность головы	500	505
Продольный діаметръ	167	168
Поперечный „	141	153
Височный „	130	133
Скуловой „	136	141
Наружныя орбиты	97	97
Внутренн. углы глазъ	32	31
Длина лица полная	174	173
„ отъ переносья	122	113
Длина носа	42	55
Ширина носа	37	37
Головной показатель	84,$_4$	89,$_8$
Носовой „	88	58

Микроцефалія наблюдалась и у одного русскаго уроженца Подольской губерніи, Ивана Кутра, страдавшаго эпилепсіею, измѣреннаго одновременно съ вышеприведенными въ Тифлисскомъ госпиталѣ. Окружность головы его 505, діаметры—продольный 179, поперечный—146 мм.

У глухонѣмыхъ и кретиновъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, микроцефаліи не наблюдалось. Изъ 7 глухонѣмыхъ, осмотрѣнныхъ въ Кутаисскомъ присутствіи въ 1889 году, у двоихъ окружность головы 520, а средняя всѣхъ семи—540 мм. У троихъ кретиновъ Кутаисскаго уѣзда средняго роста 1600, средняя окружность головы 553. Одинъ глухонѣмой и одинъ кретинъ голубоглазые. У троихъ кретиновъ, сванетовъ Лентехскаго и Лашхетскаго обществъ, средній ростъ 1550, окружность головы 552, волосы у всѣхъ черные, а глаза у двоихъ зеленые, у одного карые.

У имѣвшихъ большія головы, цвѣтъ глазъ въ половинѣ случаевъ карый, а въ остальныхъ или безпигментный, или средній.

	Ростъ.	Окружность головы.	Цвѣтъ волосъ.	Цвѣтъ глазъ.	Большой размахъ.	
Сванеты	1548 мм.	590	рус.	зел.	1647	
„	1620 „	590	рус.	зел.	1760	
„	1696 „	590	чер.	сред.	1660	
„	1662 „	590	чер.	кар.	1740	зобат.
„	1526 „	590	чер.	кар.	1560	зобат.
„	1650 „	597	чер.	кар.	1782	
„	1516 „	590	рус.	гол.	1722	
„	1635 „	590	чер.	кар.	1800	
Имеретины	1696 „	596	—	—	1764	
„	1534 „	600	рус.	зел.	—	
„	1740 „	590	рус.	кар.	—	
„	1700 „	608	рус.	зел.	—	
Грузины Сигнаха	1644 „	602	рус.	кар.	—	
„ „	1700 „	605	рыж.	сред.	—	
Тифлис.	1763 „	590	чер.	кар.	—	
Тушинъ	1670 „	600	чер.	кар.	—	
Хевсуръ	1742 „	600	рус.	гол.	—	
Пшавъ	1774 „	590	чер.	кар.	—	
Абхазецъ	1590 „	605	чер.	сѣр.	—	

Средній ростъ 8, имѣвшихъ окружность головы болѣе 590 мм., сванетовъ—1605, меньше общаго средняго, а абхазца съ

окружностью головы 605 мм.—1590 мм. У большеголовыхъ другихъ народностей ростъ выше средняго.

Неправильности устройства черепа, искривленіе его затылочной части, наблюдались нерѣдко особенно у сванетовъ и нѣкоторыхъ лезгинъ, а уплощеніе затылка у мингрельцевъ, армянъ, грузинъ и евреевъ. Между прочимъ у армянина Зангезурскаго уѣзда, совершенно здороваго, черноглазаго Исака Исагушева, сел. Мазра—бросающаяся въ глаза ассиметрія двухъ половинъ головы.

О разнообразныхъ особенностяхъ устройства черепа, направленіи лба, лобныхъ буграхъ, большемъ или меньшемъ развитіи затылочныхъ бугровъ и другихъ частей черепа, также какъ и объ особенностяхъ лица, частотѣ прогнатизма, устройствѣ рта и подбородка, размѣрѣ глазъ и другихъ особенностяхъ головы и лица, какъ вопросахъ, требующихъ спеціальныхъ изслѣдованій и неподдающихся точному цыфровому опредѣленію, мы въ настоящее время говорить не будемъ.

Уродства развитія отъ времени до времени наблюдались между разными народностями Кавказа. Въ обществѣ Кавказскихъ врачей были демонстрированы двойные уроды людей и животныхъ, также какъ и нѣкоторыя аномаліи и ненормальности развитія. Мы приведемъ здѣсь только тѣ случаи уродства, которые наблюдались или нами лично, или по нашей просьбѣ врачами воинскихъ присутствій, во время призыва молодыхъ людей къ отбыванію воинской повинности.

Кромѣ упоминавшихся въ разныхъ мѣстахъ этого труда, уродливости пальцевъ наблюдались у слѣдующихъ лицъ:

Пилипишвили Осипъ, имеретинъ Шорапанскаго уѣзда, дер. Вардзе, 45 лѣтъ, темнорусый, кароглазый. На правой рукѣ нѣтъ пальцевъ, на мягкихъ, снабженныхъ мускулами, отросткахъ, длиною въ полъ-сантиметра, пястныхъ костей, слѣды ногтей, а на большомъ пальцѣ одинъ съ хорошо развитыми мышцами суставъ.

Стурца Лука, мингрелецъ Сенакскаго уѣзда, Маранскаго общества, 20 лѣтъ, роста 1660 мм., имѣетъ на обѣихъ рукахъ средній и безымянный палецъ во всю длину сросшіеся кожною перепонкою. Сгибаніе ихъ возможно.

Санидзе, мингрелецъ Сенакскаго уѣзда, Носирскаго общества, 20 лѣтъ, роста 1570 мм.; на правой стопѣ вовсе нѣтъ пальцевъ.

Зумпановъ Хечо—армянинъ, торговецъ г. Сигнаха, 20 лѣтъ, ростъ 1600, окружность головы 550 мм., волосы черные, глаза ка-

рые. На обѣихъ ногахъ по шести пальцевъ. Два, существующіе на каждой стопѣ большіе пальца срослись кожною перепонкою.

Царинбая Иванъ, мингрелецъ Самурзакани, Набакевскаго общ., ростъ 1708, окружность головы 570 мм., волосы свѣтлорусые, глаза сѣрые, культа правой кисти длиною 5, шириною 7 сантиметровъ, и на ней три зачаточные пальца.

Балунцъ Степанъ, Зангезурскаго уѣзда, с. Герюсы, армянинъ, ростъ 1666, окружность головы 554 мм., черноволосый, черноглазый,—имѣетъ на правой ногѣ только одинъ малый палецъ, остальные не выражены; а на второмъ пальцѣ лѣвой руки и третьемъ правой нѣтъ верхнихъ суставовъ.

Кромѣ упомянутыхъ выше двухъ имеретинъ съ уродствами пальцевъ, у одного имеретина Кутаисскаго уѣзда наблюдалось во время призыва недоразвитіе пальцевъ стопы.

Ненормальности развитія груди, увеличеніе грудныхъ желѣзъ наблюдались не рѣдко, но особенно у слѣдующихъ лицъ:

Микертичъ Шахбазовъ, армянинъ, уроженецъ Борчалинскаго уѣзда, волосы темнорусые, на бородѣ съ рыжими оттѣнками, глаза смѣшаннаго, желто-сѣраго, мутнаго цвѣта, имѣетъ женскія груди, величиною съ полъ головы ребенка, съ развитыми Монгомеровыми, молочными железами.

Беридзе Михаилъ, Тифлисскаго уѣзда, грузинъ 22 лѣтъ, на головѣ черные волосы съ просѣдью, на лицѣ черные вьющіеся; глаза карые, лобъ высоты до 50 мм., полукруглый; брови сросшіяся; имѣетъ гипертрофированныя, величиною въ кулакъ, съ развитыми железами, груди, особенно правую.

Сабундія Дзегія, мингрелецъ Самурзаканскій, Окумскаго общества, ростъ 1675, окружность головы 560, волосы черные, глаза карые, зубы рѣдкіе. Обѣ грудныя железы сильно развиты.

Дзманашвили Георгій, грузинъ Сигнахскаго уѣзда, ростъ 1652, окружность головы 540, волосы черные, глаза карые, лѣвая грудная железа величиною въ кулакъ.

У сванетовъ докторомъ Чуевымъ, при осмотрѣ призываемыхъ въ 1889 году, отмѣчена грудь припухшая какъ у женщины, у двоихъ. Ростъ ихъ 1688 и 1620, окружности головы 558 и 555 мм., глаза у одного издали зеленые, у другого сѣрые съ желтою полоскою.

Гипертрофія грудныхъ железъ наблюдалась еще у имеретина Кутаисскагоуѣзда и двухъ армянъ Нахичеванскаго. Между

нижними чинами Лорійскаго полка увеличеніе грудныхъ железъ найдено у четырехъ.

Неправильное расположеніе грудныхъ сосковъ и большее число ихъ наблюдались: въ Сигнахскомъ уѣздѣ у грузина *Чутлашвили*—ростъ 1608, окружность головы 556, волосы темнорусые, глаза зеленые, – правый сосокъ на два сантиметра ниже лѣваго. У грузина того же уѣзда *Лонашвили*—ростъ 1700, окружность головы 546, волосы черные вьющіеся, глаза карые, на тѣлѣ много волосъ,—правый сосокъ на полъ-сантиметра ниже лѣваго. У грузина того же уѣзда *Шахашвили*,—ростъ 1700, окружность головы 585, волосы темнорусые, глаза карые,—правый сосокъ на сантиметръ ниже лѣваго. У имеретина Кутаисскаго уѣзда соски на уровнѣ третьяго ребра. У русскаго уроженца Тифлиса *Горникова Василія*—ростъ 1770, окружность головы 560 мм., волосы темнорусые, глаза сѣрые, на груди 5 сосковъ—нижніе—правый на 14, а лѣвый на 15 сант. ниже верхнихъ. На 9 сантиметровъ отъ нижняго праваго еще покрытый волосами сосокъ. По словамъ Горникова, у его матери 4 соска.

Изъ другихъ особенностей организаціи и ненормальностей развитія наблюдались:

Бѣлыя пятна на тѣлѣ, въ разныхъ размѣрахъ и количествѣ у имеретинъ 4 раза, абхазцевъ 2, армянъ 2, у сванета и русскаго, ученика I Тифлисской гимназіи, разъ.

Эллиптическіе зрачки—у троихъ имеретинъ и неправильной формы зрачки у абхазца.

Пигментныя пятна весьма часты. У абхазца Кобайя Лука, Бедійскаго общества—ростъ 1620, глаза сѣрые, пигментное пятно на спинѣ въ полъ-ладони величиною. У мингрельца Вардойя Филипа, роста 1730, окружности головы 570, рыжеволосаго, съ карыми глазами и рѣдкими зубами, рыжая, пятнистая пигментація по всему тѣлу. Рыжія пятна по тѣлу наблюдались и у армянина.

Рѣдкіе и неправильно растущіе зубы часты, особенно у сванетовъ, мингрельцевъ и нѣкоторыхъ лезгинъ. При осмотрѣ призываемыхъ въ 1889 году, докторъ Чуевъ нашелъ у сванетовъ рѣдкіе зубы: изъ 71 человѣка Горной Сванетіи—у 25, а изъ 37 Нижней—у 26 человѣкъ. Въ Лентехскомъ обществѣ изъ 17 осмотрѣнныхъ рѣдкіе зубы у 13, а изъ всѣхъ 18, страдавшихъ зобомъ, у 16. У абхазца Бедійскаго общества Тауйквидъ—ростъ 1645, волосы свѣтлорусые, глаза сѣрые—въ нижней челюсти

двойной рядъ рѣзцовъ. У одного имеретина зубъ на твердомъ небѣ.

Hypospadia, задержаніе яичекъ въ брюшной полости, находятся въ видимой связи съ метисаціею и встрѣчались главнымъ образомъ у смѣшанныхъ типовъ.

Мѣстная патологія характеризуется преобладаніемъ малярійныхъ заболѣваній. Наиболѣе господствуетъ малярія въ низменныхъ, сырыхъ мѣстахъ, въ котловинахъ, въ мѣстностяхъ, обильно орошаемыхъ для культуры риса и табаку, но особенно на прибрежьяхъ Чернаго моря. Большое пространство этого берега подвержено дѣйствію такой губительной маляріи, что не могло быть годнымъ для постояннаго жительства человѣка, такъ же и въ древнее время, какъ негодно для этого въ настоящее. Христіанскіе храмы и торговые пункты, устраиваемые на этихъ берегахъ энергическими проповѣдниками христіанства, главнымъ образомъ греками временъ Юстаніана, не могли сосредоточить вокругъ себя постояннаго населенія, по той естественной причинѣ, что такое населеніе въ сравнительно короткій срокъ должно было вымирать отъ маляріи. Особенность малярійной инфекціи та, что малярія поражаетъ организмъ большею частію медленно, исподоволь, то прекращаясь, то возобновляясь, и жители малярійныхъ мѣстностей съ этимъ свыкаются. Привлекаемые плодородіемъ почвы, жители, сосѣдніе съ сильно малярійными мѣстностями отъ времени до времени также занимаютъ эти мѣстности, но также обыкновенно раньше или позже вымираютъ и уступаютъ свое мѣсто другимъ, которыхъ постигаетъ та-же участь. Вліяніе маляріи на ослабленіе и даже вырожденіе населенія несомнѣнно. Изъ нѣкоторыхъ, приведенныхъ выше, данныхъ, видно, что физическое развитіе, главнымъ образомъ ростъ, населенія прибрежныхъ мѣстностей Мингреліи и Абхазіи ниже, чѣмъ у населенія того же типа, живущаго на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ. По мѣрѣ возвышенія почвы, малярія слабѣетъ. Маляріи совершенно нѣтъ на большей части Армянскаго плоскогорья, въ Горной Сванетіи и вообще, за немногими исключеніями, на возвышенностяхъ выше 3000 ф. н. п. м.

Острыя инфекціонныя болѣзни туземцы малярійныхъ мѣстностей переносятъ хуже, чѣмъ европейцы. При равныхъ прочихъ условіяхъ, смертность отъ оспы, кори и крупознаго воспаленія легкихъ между туземцами Кутаисской губерніи вдвое и втрое больше, чѣмъ между европейцами. Точно также въ нѣкоторыхъ

мѣстностяхъ Кавказа отъ гриппа и его осложненій умерло несравненно больше, чѣмъ отъ этой болѣзни умирало въ Россіи и Европѣ.

Изъ другихъ болѣзней наибольшій въ антропологическомъ отношеніи интересъ представляютъ каменная болѣзнь, эхинококки и психическія разстройства.

Камни въ мочевомъ пузырѣ встрѣчаются во всѣхъ мѣстностяхъ и между всѣми народностями Закавказскаго края. Въ Тифлисской Михайловской больницѣ чаще всего наблюдалась эта болѣзнь между населеніемъ Тифлисской губерніи, армянами и грузинами, но ею также страдаютъ татары, мингрельцы, осетины, греки, евреи. По отчету Тифлисской Михайловской больницы за 1890 годъ, докторовъ Розенбаума и Малюженко, изъ 29 оперированныхъ посредствомъ sectionis medianae, было армянъ 12, грузинъ 9, татаръ 2.

Опасныя для жизни и здоровья пузырные глисты наблюдаются также какъ на горныхъ, такъ и низменныхъ мѣстностяхъ Кавказа. Особенно распространены они у домашнихъ животныхъ.

По цыфрамъ, извлеченнымъ нами изъ отчетовъ Тифлисскаго, наблюдающаго за бойнями, ветеринарнаго врача, число всѣхъ убитыхъ въ Тифлисѣ въ 1890 году животныхъ и число найденныхъ при убоѣ органовъ пораженныхъ эхинококками за нѣкоторые мѣсяцы и въ цѣломъ году было:

Число убитыхъ животныхъ въ 1890 году.

	Январь.	Мартъ.	Іюнь.	Августъ.	Годъ.
Коровъ.	981	178	1,442	1,883	17,941
Воловъ.	2,118	1,443	1,328	977	19,431
Буйволовъ, ...	168	94	24	31	1,978
Барановъ.	2,262	662	4,074	4,297	34,104
Свиней	4,669	9	—	1	13,136
Прочихъ животныхъ . . .	41	33	92	158	997
Всего.	10,238	2,441	6,960	7,311	87,579

Число найденныхъ при убоѣ органовъ, пораженныхъ эхинококками.

	Январь.	Мартъ.	Іюнь.	Августъ.	Годъ.
Легкихъ	1,218	268	395	117	4,448
Печеней	592	43	109	80	2,178
Сердецъ.	11	5	—	—	22
Селезенокъ.	85	5	—	—	96
Всего.	1,906	321	504	197	6,764

По цыфрамъ, за годъ, органовъ пораженныхъ эхинококками, 7,6% всѣхъ убитыхъ животныхъ. Наиболѣе поражались легкія.

У людей, на 1141, вскрытыхъ въ Тифлисской Михайловской больницѣ въ 1887, 88, 89 и 90 годахъ, труповъ, эхинококки, главнымъ образомъ въ печени, найдены у 18. Считая и распознанныя при жизни, оперированныя, число лицъ, страдающихъ, часто не замѣчаемыми при жизни, эхинококками, около 2%.

Умалишенныхъ въ Закавказскомъ краѣ, по свѣдѣніямъ за 1867 годъ, считалось 745, больше всего—232—въ Кутаисской губерніи, а глухонѣмыхъ 332, изъ коихъ наиболѣе—120—тоже въ Кутаисской губерніи [1]). Психическія болѣзни наблюдаются неодинаково часто между всѣми народностями. Больше всего ихъ, по наблюденіямъ посѣщавшихъ страну врачей, П. П. Чуева, Е. Г. Дѣлова, у сванетовъ. По отчету доктора А. А. Павловскаго [2]) въ Тифлисской Михайловской больницѣ психическихъ больныхъ мужчинъ за 1887, 1888 и 1890 годы по народностямъ пользовано: армянъ 76, русскихъ 65, грузинъ 20, имеретинъ 12, татаръ 11, поляковъ 18, нѣмцевъ 9, евреевъ 4, осетинъ 4, мингрельцевъ 2, лезгинъ 1. Главныя психическія разстройства въ 1890 году были слабоуміе 38%, манія 18 и меланхолія 17%. Психическіе больные только немногіе попадаютъ въ больницу, а большинство живетъ у себя дома и цыфры больницы конечно не могутъ показывать степени распространенности ихъ въ населеніи. Психическія страданія болѣе часты у метисовъ кавказскихъ племенъ съ европейскими.

Форма черепа у психическихъ больныхъ часто бывала неправильна. Докторъ Савицкій [3]) наблюдалъ у умалишенныхъ: грузина с. Марткоби, правую затылочно-темянную область болѣе выпуклую, чѣмъ лѣвую, а у грузина изъ Душета—черепъ какъ-бы растянутъ, правая лобная темянная и лѣвая затылочно-темянная области больше соотвѣтственныхъ противуположныхъ сторонъ.

Относительно распространенія другихъ болѣзней, заслуживаетъ вниманія, что по отчетамъ Тифлисской Михайловской больницы, цирротическое перерожденіе печени и хроническое воспаленіе почекъ у туземцевъ армянъ и грузинъ встрѣчается чаще, чѣмъ у русскихъ, и что, по отчету за 1890 годъ докторовъ Гау-

---

[1]) Сборн. свѣд. о Кавказѣ. Т. I. 1871 г.
[2]) Годовой отчетъ Тифл. Михайл. больницы за 1887, 88 и 1890 г.
[3]) Медиц. Сборн., издан. Имп. Кавк. Мед. Общ. № 8.

делина и Рехтзамера [1]), въ Тифлисѣ несравненно рѣже, чѣмъ въ Европѣ, наблюдается діабетъ, или сахарная моча, амилоидное перерожденіе органовъ, круглая язва желудка, такъ-называемое рабочее сердце и нѣкоторые нервныя болѣзни.

Изъ ненормальностей строенія внутреннихъ органовъ, мы обратимъ только вниманіе на наблюдавшееся врачами Лункевичемъ, Поляковымъ и Турбинымъ отсутствіе одной почки. У сванета Мирзы Вседень, арестанта 60 лѣтъ, Г. И. Турбинъ [2]), кромѣ отсутствія одной почки съ мочеточникомъ, нашелъ большое развитіе Пахіоновыхъ железъ и срощеніе мозговыхъ оболочекъ, являющіяся обыкновеннымъ послѣдствіемъ хроническаго пьянства, а также уменьшенную печень и селезенку, длиною 100, шириною 50, толщиною 17 мм., т. е. почти вдвое меньше нормальной. Нѣсколько большую языкообразную селезенку я наблюдалъ у лезгина. Неправильное расположеніе толстыхъ кишекъ и несоразмѣрная величина внутреннихъ органовъ нерѣдки. До какой степени значительны бываютъ отклоненія величины внутреннихъ органовъ, даже у лицъ одной народности, видно изъ слѣдующихъ цыфръ измѣреній, вскрытыхъ въ 1880 году въ Тифлисскомъ военномъ госпиталѣ и измѣренныхъ мною, двухъ армянъ:

		Тифл. уѣзда. Андріасовъ Карапетъ.		Нухин. уѣзд. Карабабянъ Пар.	
Лѣта		45		22	
Ростъ		1710	мм.	1670	мм.
Гориз. окружность головы		540	„	550	„
Сердце	длина	75	„	110	„
„	ширина	75	„	100	„
Печень	длина	280	„	280	„
„	ширина	220	„	210	„
„	толщина	35	„	35	„
Селезенка	длина	—	„	160	„
„	ширина	—	„	115	„
„	толщина	—	„	24	
Куб. вмѣст.	желудка	3300	к. сант.	3700	к. сант.
„	тонкихъ киш.	5700	„	8200	„
„	толстыхъ киш.	3200	„	4600	„
„	мочевого пузыря	300	„	1020	„
Длина	тонкихъ киш.	6840	мм.	9200	мм.
„	толстыхъ киш.	1420	„	1460	„

[1]) Отчетъ Михайл. Городск. больницы за 1890 годъ. Тифл. 1891, стр. 89.

[2]) Прот. засѣд. Имп. Кавк. Мед. Общ. 1880 г. № 9.

Вѣсъ	сердца.	179 граммъ	252 граммъ
„	печени.	1510 „	1402 „
„	селезенки	278 „	298 „
„	почки	179 „	152 „
„	яичка	— „	29 „
„	мозга	— „	1641 „

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Произведенными до настоящаго времени антропологическими и лингвистическими изслѣдованіями ставится на твердую почву фактъ существованія на Кавказѣ многочисленныхъ типовъ и племенъ, о разнообразіи которыхъ говорятъ древніе и позднѣйшіе наблюдатели. Математически опредѣленные размѣры головы, ростъ, также какъ неодинаковый языкъ и другіе признаки даютъ точки опоры для классификаціи племенъ и выясненія ихъ происхожденія не на основаніи темныхъ и не могущихъ имѣть рѣшающаго значенія сказаній лѣтописцевъ и путешественниковъ, а опираясь на точные, доступные провѣркѣ, факты.

Не касаясь опредѣленія типа человѣка эпохи полированнаго камня и бронзы, для чего собрано еще мало матеріала, относительно жившаго на исторической памяти и современнаго населенія Кавказа, антропологія и лингвистика пришли къ нѣкоторымъ положительнымъ заключеніямъ.

Непосредственными измѣреніями и наблюденіями установлено, что отъ крайнихъ брахицефаловъ—айсоровъ, евреевъ, армянъ, до крайнихъ долихоцефаловъ—татовъ и персіянъ—на Кавказѣ существуютъ цѣлые десятки антропологически самостоятельныхъ группъ. Точно также много здѣсь и самостоятельныхъ, или, по крайней мѣрѣ, носящихъ печать своеобразности, языковъ и говоровъ. Языкъ грузинскій и языки восточныхъ и западныхъ горцевъ, по изслѣдованіямъ Ф. Миллера, не представляютъ сродства съ языками другихъ народовъ бѣлой расы, т. е. принадлежатъ къ типу, повидимому, нигдѣ больше, кромѣ Кавказа, не существующему. Отдѣльныя нарѣчія этихъ языковъ также носятъ печать своеобразности.

Сформировавшіеся и опредѣлившіеся въ доисторическую эпоху, въ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ, физическій и лингвистическій типы Кавказскихъ народовъ весьма устойчивы и прочны. Высокая цивилизація, которую въ доисторическій періодъ пере-

жили предки превосходно физически одаренныхъ, поселившихся въ неизвѣстную эпоху, по всѣмъ вѣроятностямъ, послѣ одного изъ обширныхъ геологическихъ переворотовъ, на Кавказѣ племенъ,— вліяла такъ глубоко и своеобразно, что не смотря на позднѣйшія столкновенія и смѣшенія съ другими народами, племена Кавказа болѣе или менѣе сохранили не только свой типъ и языкъ, но и многія другія особенности.

Въ противуположность тому, что мы видимъ въ Западной Европѣ, гдѣ основные типы выступаютъ неясно и большинство населенія представляетъ смѣшанныя формы, многочисленныя метисаціи Кавказскихъ племенъ сравнительно мало вліяли на измѣненіе основнаго типа. Между всѣми измѣренными айсорами, евреями, аварцами не встрѣтилось ни одного долихоцефала, а между татами ни одного брахицефала. По небольшому числу произведенныхъ измѣреній вообще, а особенно по недостатку измѣреній подробныхъ, еше нельзя установить точныя отношенія распредѣленія разнаго рода типовъ между народностями Кавказа, но по цыфрамъ Шантра, Эркерта, Гильченко, моимъ и нѣкоторыхъ другихъ наблюдателей, процентныя отношенія долихоцефаловъ, мезатицефаловъ и брахицефаловъ, въ круглыхъ цыфрахъ, между важнѣйшими племенами слѣдующія:

	Долихоцефалы. 70—77	Мезатицефалы. 77—85	Брахицефалы. 85 и выше
Таты [1]	80	20	0
Персіяне	70	25	5
Курды	50	40	10
Адербейджанцы	46	44	10
Имеретины	30	58	12
Мингрельцы	25	59	16
Черкесы	20	63	17
Карачаевцы	18	62	20
Закавк. татары (смѣш.)	19	57	24
Абхазцы	12	38	50
Будухцы	10	60	30
Осетины	7	52	41
Сванеты	6	46	48

[1]) По послѣднимъ измѣреніямъ г. Шантра изъ 32 татовъ ни у одного не было головнаго показателя болѣе 82,7 а по измѣренію 11 казикумуковъ только у двухъ показатель меньше 85.— *Chantre, Ern.* Les Tats de la vallée infer. de la Koura. Nouv. observ. sur les Lesghines. Bull. de la Société d'Anthrop. de Lyon. 1891. T. X. № 1 и 2.

	Долихоцефалы. 70—77	Мезатицефалы. 77—85	Брахицефалы. 85 и выше
Чеченцы	6	49	45
Дидойцы	5	46	49
Турки	3	45	52
Грузины	2	48	50
Кюринцы	2	47	51
Даргинцы	1	45	54
Хиналугцы	0	65	35
Закавк. евреи	0	45	55
Айсоры	0	44	56
Армяне	0	40	60
Табасаранцы	0	33	66
Казикумухцы	0	36	64
Аварцы	0	38	62
Горскіе евреи	0	30	70

Приведенныя цыфры не могутъ оставлять сомнѣнія въ своеобразности большинства Кавказскихъ племенъ. Еще рѣшительнѣе обнаруживается это при разборѣ частностей.

Кромѣ размѣровъ головы, длины и ширины лица, высоты роста и проч.,—антропологическій типъ характеризуется цвѣтомъ глазъ. Для пониманія, какъ происхожденія Кавказскихъ племенъ, такъ и способности ихъ къ метисаціямъ и ассимиляціямъ, это вопросъ въ высокой степени важный, хотя пока весьма мало выясненный. Къ глазамъ съ преобладающимъ, разной интенсивности, карымъ райкомъ, здѣсь примѣшаны въ большей или меньшей степени глаза безпигментные, принадлежащіе совершенно другого характера типамъ. Какія свѣтло-глазыя племена смѣшались съ Кавказскими туземцами и когда произошло это смѣшеніе, пока неизвѣстно, но изъ нѣкоторыхъ, приведенныхъ выше, цифръ видно, что антропологическій типъ свѣтло-глазыхъ одного и того-же племени отличается отъ типа кароглазыхъ. Голубоглазые грузины и армяне въ среднемъ ниже ростомъ, но съ большею окружностью головы чѣмъ кароглазые. Въ Самурзакани, отчасти и другихъ мѣстностяхъ, высшій ростъ и большая окружность головы у сѣроглазыхъ. Что свѣтло-глазый типъ имѣетъ и нѣкоторыя психическія особенности, видно, между прочимъ, изъ одной абхазской легенды. Абхазскій герой и защитникъ отечества Абрскиль, живущій и нынѣ въ одной пещерѣ недалеко отъ Окума, куда онъ заключенъ Богомъ за гордость, почиталъ всѣхъ, какъ плѣнныхъ, такъ и соотечественниковъ, имѣвшихъ голубые глаза, опасны-

ми для народа и безпощадно истреблялъ ихъ [1]). Нельзя не предположить, что свѣтлоглазые, абхазскимъ защитникомъ отечества, почитались опасными не за одинъ цвѣтъ глазъ, а потому что они имѣли и другія, нравственныя, отличныя отъ существовавшихъ у кароглазыхъ, особенности. По типу, только нѣкоторые голубоглазые могутъ быть причислены къ европейскому, а большинство, повидимому, принадлежитъ къ особому, нынѣ, какъ самостоятельный, исчезнувшему типу.

Хотя основные типы на Кавказѣ сохранились сравнительно лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ, но и здѣсь, какъ вездѣ, кромѣ смѣшенія свѣтлоглазыхъ съ кароглазыми, существуетъ множество и другихъ, произшедшихъ отъ смѣшенія нѣсколькихъ самостоятельныхъ типовъ, промежуточныхъ формъ. Очень важную роль при метизаціяхъ Кавказскихъ племенъ играли халдейскій и семитическій типъ. Волосатость тѣла, характерная для халдеевъ, послѣ айсоровъ наиболѣе наблюдается у ахалцыхскихъ евреевъ, гораздо меньше у армянъ, преимущественно южныхъ уѣздовъ, и еще меньше у грузинъ, имеретинъ и татаръ. У голубоглазаго еврея, также какъ и голубоглазыхъ хевсура и казикумука, волосъ на тѣлѣ почти вовсе не было. Грузины, армяне и мингрельцы, имѣющіе волосатую грудь, ростомъ выше средняго, а татары и Сухумскіе греки ниже. Семитическій типъ, опредѣляющійся пока только по общему впечатлѣнію, особой складкѣ губъ и выраженію глазъ, болѣе или менѣе наблюдается почти между всѣми народностями Кавказа. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ халдейскимъ, но его также нельзя признать основнымъ типомъ и большинства Кавказскихъ евреевъ. Во многихъ случаяхъ смѣшанность типа выражается разнообразными частностями организаціи. У сванетовъ съ карыми глазами руки длинныя и большой размахъ рукъ болѣе 105% роста, а у сванетовъ съ голубыми и зелеными глазами руки короче и средній размахъ 103% роста. У мингрельцевъ руки сравнительно коротки и весьма часто большой размахъ меньше вышины роста. У свѣтлоглазыхъ казикумукцевъ головные діаметры и полная длина лица значительно больше чѣмъ у кароглазыхъ. Между преобладающими вертикальными, ортогнатическими лицами и выпуклыми носами, изрѣдка наблюдается большій или меньшій прогнатизмъ, и носы то сводообразные, то при-

[1]) *Гарцкія, В.* (учитель, абхазецъ). Абрскилъ. Сборн. Мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. Т. XIII, стр. 74.

плюснутые. Въ зависимости отъ типа находятся и нѣкоторые патологическіе признаки. У армянъ, грузинъ, но особенно у мингрельцевъ наблюдается раннее появленіе сѣдины въ волосахъ. Большеголовые сванеты чаще поражаются зобомъ, чѣмъ имѣющіе меньшую окружность головы.

Ничто не можетъ быть дѣломъ слѣпаго случая, а есть необходимое слѣдствіе закона, сущность котораго видна въ разнообразіи его проявленія. Пока еще не собрано достаточно матеріала для объясненія законности проявленія той или другой смѣшанной формы, или того или другого кажущагося уклоненія отъ общихъ законовъ. Распутать всѣ эти, нынѣ кажущіяся непонятными, комбинаціи, показать, на основаніи какихъ законовъ произошли тѣ или другія смѣшанныя формы, и объяснить, какая роль ихъ въ прошломъ и настоящемъ, дѣло не близкаго будущаго.

Помѣстивъ въ текстѣ извлеченія изъ нашихъ таблицъ измѣреній, мы въ настоящее время не признали необходимымъ приводить какъ самыя таблицы, такъ и разнообразнаго значенія подробности, касающіяся физической и психической физіономіи измѣренныхъ лицъ. Точно также мы пока не дѣлали, имѣющихъ условное значеніе, вычисленій угловъ лица, показателей высоты головы, ширины лица, относительной длины конечностей и проч. Для выясненія многоразличныхъ вопросовъ, касающихся антропологическаго типа Кавказскихъ племенъ, собрано еще мало матеріала, почему выводы изъ него намъ кажутся преждевременны. Кромѣ недостаточности числа точныхъ измѣреній, все чтò собрано до настоящаго времени, требуетъ спеціальной обработки и провѣрки. При естественномъ стремленіи занимающихся антропологіею, производить измѣренія и наблюденія возможно точно, при наблюденіяхъ живыхъ и не всегда одинаковыхъ взглядахъ антропологовъ на нѣкоторые вопросы, часто невозможно избѣжать ошибокъ и недоразумѣній. Стоитъ просмотрѣть цыфры какъ спеціальныхъ наблюдателей Штида, Вейсбаха, Брока, Зеланда, Яворскаго и др., такъ и цыфры, вошедшія въ популярныя руководства Топинара, Пешеля и Ранке, чтобы убѣдиться, что нѣкоторыя изъ нихъ значительно разнятся и могутъ дать поводъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Такихъ ложныхъ выводовъ дѣлалось и дѣлается учеными, и еще больше популяризаторами, весьма много. До какой степени среднія изъ небольшаго числа измѣреній колеблются, видно, между прочимъ, изъ приводимыхъ въ текстѣ настоящаго труда, неодинаковыхъ цыфръ высоты роста, раз-

мѣровъ головы, цвѣта глазъ одного и того же народа, полученныхъ на Кавказѣ гг. Шантромъ, Эркертомъ, Гильченко и другими. Цыфры измѣреній, сдѣланныхъ мною въ 1889—90 годахъ, такъ же иногда весьма замѣтно разнятся отъ цыфръ измѣреній 1891—92.

Всякому знакомому съ работами членовъ Русскаго Общества любителей естествознанія и антропологіи, трудами графа и графини Уваровыхъ, гг. А. П. Богданова, Шантра, Эркерта, Ивановскаго, Тихомирова, Шифнера, Фр. Миллера, Услара и другихъ ученыхъ, очевидно, что мракъ, до послѣдняго времени окутывавшій прошлое, и, находящееся въ непосредственной связи съ прошлымъ, настоящее, многочисленныхъ племенъ Кавказа, антропологическими, лингвистическими и археологическими изслѣдованіями, начинаетъ кое гдѣ разъясняться, главнѣйшіе типы, или, по нѣкоторымъ, виды человѣческаго рода, въ общихъ чертахъ опредѣлены, важнѣйшія особенности языка и связь древней культуры кавказскихъ племенъ съ языкомъ и культурою другихъ народовъ во многомъ установлены. Весьма важною помощью для изученія человѣка служатъ и появившіеся въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, главнымъ образомъ подъ редакціею Н. К. Зейдлица, многочисленныя статистическія изслѣдованія, освѣтившія экономическое и біологическое положеніе нынѣ живущаго населенія, и нѣкоторые труды геологовъ, ботаниковъ, врачей, химиковъ, инженеровъ и другихъ естествоиспытателей, способствующіе выясненію условій, въ которыхъ жилъ и живетъ человѣкъ на Кавказѣ. Сравнительно съ тѣмъ, что̀ было извѣстно о типѣ Кавказскихъ племенъ лѣтъ 20—30 тому назадъ, успѣхи науки о человѣкѣ,—антропологія—весьма значительны. Все это однако должно почитаться только началомъ дѣла.

Нельзя обольщать себя мыслью, что великія проблемы, затрогиваемыя антропологіею и другими, рядомъ съ нею идущими, науками, близки къ разрѣшенію. Пока самые существенные вопросы остаются темны. Мы съ изумленіемъ останавливаемся передъ образцами физической и нравственной красоты, такъ нерѣдкими между народами Кавказа, но не имѣемъ данныхъ для объясненія, какія доисторическія и послѣдующія условія дали возможность организоваться этимъ типамъ. Мы не можемъ съ достаточною точностью опредѣлить анатомическія особенности и степень прочности ихъ. Не смотря на успѣхи въ разныхъ отрасляхъ знанія, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ условіями

жизни, мы почти даже и не знаемъ, почему, живущій весьма интенсивною жизнью, горецъ довольствуется такимъ количествомъ пищи, при которой европеецъ едва-ли можетъ сколько-нибудь продолжительное время существовать. Мы не имѣемъ научныхъ данныхъ для опредѣленія вліянія топографическихъ условій страны на физическій и психическій складъ человѣка. Антропологія, можно сказать, еще только выбралась изъ темныхъ и запутанныхъ тропинокъ на прямую дорогу. Чтобы можно было твердо, съ увѣренностью идти по этой дорогѣ и дать положительные отвѣты на жгучіе вопросы, касающіеся самаго существованія человѣка въ настоящемъ и будущемъ,—занимающимся антропологіею еще долго будетъ предстоять скромная задача, главнымъ образомъ, собирать факты. Болѣе или менѣе быстрое движеніе по этой дорогѣ находится въ прямой зависимости отъ степени накопленія точныхъ фактовъ.

Собираніе спеціальнаго, антропологическаго матеріала не зависитъ однако отъ усилій однихъ спеціалистовъ. Антропологія не теоретическая наука. Ею нельзя заниматься сидя въ кабинетѣ, углубляясь въ книги и создавая теоріи. Для изученія какъ нынѣ живущаго, такъ и прежде существовавшаго человѣка и всего того, что̀ окружаетъ человѣка въ настоящее и окружало его въ давнопрошедшее время,—необходимо все изслѣдуемое непосредственно видѣть. Безъ сочувствія образованнаго общества къ такого рода изслѣдованіямъ, особенно въ мало культурныхъ странахъ, частнымъ лицамъ, каковы бы ни были ихъ энергія и знанія, тутъ многаго сдѣлать нельзя. Еще гораздо болѣе для успѣха антропологическихъ работъ необходима нравственная, а нерѣдко и матеріальная поддержка ученыхъ обществъ. Благосклонное вниманіе Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества къ занятіямъ антропологіею, которую должно почитать частью спеціальной географіи, безъ сомнѣнія будетъ служить этою могущественною поддержкою.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

Прилагаемыя фототипіи печатаны съ фотографій, сдѣланныхъ въ Тифлисѣ, за исключеніемъ сванетовъ, которые фотографированы, по моей просьбѣ, военнымъ топографомъ А. В. Пастуховымъ, въ горной Сванетіи: группа зобатыхъ въ Местійскомъ, а сванетъ кретинъ въ Ленджерскомъ обществѣ. Фотографіи снимались безъ особаго выбора лицъ, съ тѣхъ, которыя, по моей просьбѣ и за нѣкоторое вознагражденіе, позволили снять себя безъ одежды. Стопы и кисти рукъ срисованы съ подвергавшихся и другимъ измѣреніямъ. Для обчерчиванія, стопа ставилась на листъ бумаги и обводилась тонкимъ карандашемъ, возможно ближе къ наружному краю. Кисть руки клалась тыльною стороною наружу, при чемъ обращалось вниманіе, чтобы большой палецъ сохранялъ свое естестественное, наиболѣе отогнутое, положеніе. Труднѣе всего, хорошо обвести большой палецъ; почему размѣры его на рисункѣ не вездѣ точны. Форма носа срисована частью съ натуры, частью съ фотографій. Стопа съ малымъ подъемомъ, болѣе или менѣе плоская,—по нашимъ чертежамъ, наичаще у армянъ земледѣльцевъ и мингрельцевъ, высокій подъемъ чаще у грузинъ, нѣкоторыхъ горцевъ и городского населенія. Наибольшее отгибаніе большаго пальца руки у казикумуковъ, наименьшее у текинцевъ, при чемъ у одного старика, 60 лѣтъ, большой палецъ естественно почти совсѣмъ не отгибался. Измѣренія дѣлались безъ выбора лицъ, и рисунки стопъ и кистей рукъ принадлежатъ лицамъ средняго типа. Спеціальное изслѣдованіе стопъ и кистей не входило въ программу настоящаго труда.

Всѣ измѣряемые и фотографированные принадлежатъ къ податному, крестьянскому сословію, за исключеніемъ евреевъ, которые, кажется, числются мѣщанами, и айсоровъ, подданныхъ персидскихъ. По роду занятій—грузины, армяне и мингрельцы, главнымъ образомъ—сельскіе жители, земледѣльцы; казикумуки—ремесленники, преимущественно серебряники; евреи—торговцы, айсоры и курды—чернорабочіе, а текинцы—скотоводы.

Принадлежность фотографированныхъ къ извѣстной народ-

ности опредѣлялась изъ распросовъ. Большая или меньшая чистокровность ихъ, до нѣкоторой степени, видна изъ рисунковъ.

№ 1 й—айсоръ представляетъ совершенно своеобразный типъ, съ почти черными глазами, черными, безъ оттѣнковъ, слегка курчавыми волосами на головѣ и черными же волосами на лицѣ, съ небольшою—515 мм.—окружностью головы, довольно широкимъ—показатель 67—носомъ и большимъ, характернымъ головнымъ показателемъ—91,,.

№ 2-й—армянинъ, 18 лѣтъ, черноволосый, кароглазый, съ выпуклымъ носомъ, головнымъ показателемъ 86,,, носовымъ 58,,, также можетъ почитаться типичнымъ. Большое развитіе жировой ткани вокругъ сосковъ и даже гипертрофія грудныхъ железъ у армянъ, а также, хотя и нѣсколько въ меньшей степени, у другихъ туземцевъ Закавказскаго края, наблюдается нерѣдко.

№ 3—грузинъ, хотя по головному и носовому показателямъ и соотвѣтствуетъ грузинскому типу, неможетъ быть названъ типичнымъ представителемъ этой народности уже потому, что эта народность не представляетъ однообразнаго типа, а въ составъ ея вошло нѣсколько, родственныхъ по языку, племенъ. Во всякомъ случаѣ, судя по показателямъ головы и носа, ширинѣ лица—между наиболѣе удаленными точками скуловыхъ костей 145 мм.—зеленоватымъ глазамъ и русымъ волосамъ—грузинскій типъ здѣсь преобладаетъ.

№ 4—имеретинъ, съ русыми на головѣ, свѣтлорусыми, небольшими на лицѣ, волосами, чисто голубыми глазами, хотя нами къ сожалѣнію подробно не измѣренный, долженъ почитаться представителемъ одного изъ главныхъ, вошедшихъ нѣкогда въ составъ имеретинъ, свѣтлоглазыхъ, высокорослыхъ, нынѣ какъ самостоятельный исчезнувшихъ, типовъ. Хотя фотографіи en face и въ профиль неодинаковой величины, но изъ нихъ видно, что какъ по узкому носу, съ показателемъ около 50, такъ и по длинѣ головы, съ показателемъ около 80, этотъ типъ не имѣетъ ничего общаго съ предшествовавшими. Съ кароглазыми имеретинскими типами онъ сходенъ показателями головы и носа, но отличается, кромѣ цвѣта глазъ, большею выпуклостью носа.

№ 5—адербейжанскій татаринъ по цвѣту и качеству волосъ, цвѣту глазъ, размѣрамъ головы, головному показателю—81,,—и общему характеру физіономіи весьма подходитъ къ среднему типу татаръ, называемыхъ адербейджанскими. Уроженцы какой

мѣстности его родители, нельзя было узнать, но во всякомъ случаѣ они коренные обитатели восточной половины Закавказскаго края.

№№ 6, 7 и 8—гурійцы, братъ и сестра. Они крестьяне, никогда не выѣзжавшіе изъ своей деревни Самхто, Озургетскаго уѣзда, и только совершенно случайно, будучи укушены бѣшенымъ волкомъ, прибыли въ Тифлисъ для пользованія на Пастеровской станціи. Уже общій характеръ лицъ, свобода держаться въ незнакомомъ и совершенно чуждомъ обществѣ, особое выраженіе чувства собственнаго достоинства молодаго человѣка и свѣтлые волосы дѣвицы показываютъ своеобразность этихъ типовъ. При болѣе подробномъ осмотрѣ, эта своеобразность выступаетъ еще рѣзче. У молодого человѣка волосы на лицѣ свѣтлорусые, основной цвѣтъ глазъ голубой, но вокругъ зрачка карая каемка; у дѣвицы, при совершенно свѣтлыхъ волосахъ, глаза чисто голубые. Головной показатель у мужчины 80,,, у дѣвицы 77,,, наибольшая ширина лица 130 и 123 мм., носы сравнительно шире и носовой показатель больше, чѣмъ у армянъ, грузинъ и татаръ. Отличаясь отъ указанныхъ, не близкихъ къ Гуріи, племенъ, братъ и сестра Балквадзе отличаются и отъ своихъ сосѣдей имеретинъ. Мы обратимъ только вниманіе на ростъ, который въ среднемъ у гурійцевъ вообще значительно ниже, чѣмъ у имеретинъ, и у мужчины Балквадзе равняющійся 1550 мм., на болѣе узкія его плечи, а также на впечатлѣніе семитическаго типа, получающагося при взглядѣ на обнаженнаго, нѣсколько сконфузившагося, гурійца, въ профиль.

Нѣкоторые размѣры тѣла лицъ изображенныхъ въ фототипіяхъ.

Племя, имя, фамилія и мѣсто родины.	1 Айсоръ Илья Абрамовъ г. Урмія.	2 Армянинъ Тигранъ Давришевъ города Тифлиса.	3 Грузинъ Георгій Хизабарели города Тифлиса.	4 Имеретинъ Конст. Джанидзе м. Они, Рачинскаго уѣзда.	5 Адерб. ейджан. Аббасъ-Али-оглы гор. Тифлиса.	6 Гурієцъ Георгій Балквадзе, д. Самхто, Озургет. уѣз.	7 Гурійка Пелагея Балквадзе, д. Самхто, Озургетск. уѣз.
Лѣта	22	18	26	26	30	22	16
Ростъ	1650	1610	1760	1740	1640	1550	1500
Окружность головы . .	515	560	570	—	510	550	525
Полуокружн. головы							
„ продольн..	275	345	320	—	315	320	315
„ поперечн..	365	395	380	—	365	355	355

Племя, имя, фамилія и мѣсто родины.	1 Айсоръ Илья Абрамовъ гор. Урмія.	2 Армянинъ Тигранъ Дакришевъ города Тифлиса	3 Грузинъ Георгій Хизабарсли города Тифлиса.	4 Имеретинъ Конст. Джанидзе м. Они Рачинскаго уѣзда.	5 Адербейджан. Аббасъ-Али-оглы гор. Тифлиса.	6 Гуріецъ Георгій Балквадзе д. Самхто, Озургет. уѣзда.	7 Гурійка Пелагея Балквадзе, д. Самхто, Озургет. уѣзда.
Діаметры головы							
„ продольн. . .	169	191	192	—	182	180	176
„ поперечн. . .	154	165	164	—	148	145	137
Длина лица							
„ отъ волосъ до подб.	174	171	187	—	174	171	—
„ средняго лица . .	68	65	65	—	75	56	—
„ отъ переносья до подбородка . . .	121	110	120	—	128	119	—
Ширина лица							
„ bizygom. . . .	136	141	145	—	129	130	123
„ угловъ ниж.чел.	111	112	—	—	112	—	96
„ наружн. орбит.	110	112	122	—	—	100	90
Внутр. углы глазъ . . .	34	33	34	—	—	34	29
Носъ длина	54	58	56	62	60	52	50
„ ширина.	37	34	33	30	30	32	31
„ вышина.	27	34	30	35	28	34	25
Волосы головы.	черн.	черн.	т.-рус.	т.-рус.	черн.	т.-рус.	св.-р.
„ лица.	черн.	т.-рус.	св.-р.	св.-р.	т.-рус.	св.-р.	—
Цвѣтъ глазъ	т.-кар.	кар.	зелен.	голуб.	кар.	ср.-з.	голуб.
Форма носа	прям.	вып.	горб.	горб.	прям.	вып.	прям.
Показатель головы . . .	$91,_{1}$	$86,_{3}$	$85,_{4}$	—	$81._{3}$	$80,_{5}$	$77,_{8}$
„ носа	$67,_{4}$	$58,_{6}$	$58,_{9}$	—	$50,_{0}$	$61,_{3}$	$62,_{0}$

№ 9—Группа зобатыхъ сванетовъ изъ Местійскаго общества, съ фотографіи г. Пастухова.

№ 10—Сванетъ—кретинъ Ленджерскаго общества, съ фотографіи г. Пастухова.

Табл. I. **Окружность головы и черепа.**

№ 1 и 2, голова имеретина Шорапанскаго уѣзда Модабадзе, съ волосами на головѣ и бородѣ, прямо и въ профиль. Черепной показатель $103,_{6}$, до сего нигдѣ не наблюдавшійся. Ростъ 1710, волосы на головѣ темно-русые, на лицѣ рыжеватые. глаза средніе, зеленоватые. Болѣе подробныя свѣдѣнія приводятся въ текстѣ.

Наибольшая горизонтальная окружность черепа:

№ 3—Армянина Эриванскаго уѣзда, умершаго въ Тифлисъскомвоенномъ госпиталѣ.

№ 4 – Грузина – изъ развалинъ церкви возлѣ м. Аббасъ-Тумана.

№ 5—Адербейджанскаго татарина, изъ музея Общ. Кавк. врачей № 17.

6—Текинца, Омарле, значащагося въ текстѣ подъ № 2.

Табл. II. Носъ.

Фиг. 1—носъ преобладающій между армянами, и обыкновенный между большинствомъ чисто кавказскихъ народностей. № 2 и 3—срисованы съ натуры у Тифлисскихъ армянъ, встрѣчаются рѣже предыдущаго. № 4—съ фотографіи Тифлисской грузинки. № 5—довольно обыкновенный между армянами. № 6—носъ грузина, довольно обыкновенный. № 7 – съ натуры чистокровнаго, высшаго сословія грузина. Этотъ носъ можетъ почитаться типичнымъ грузинскимъ. № 8 – носъ имеретинки, нерѣдкій и между армянами и грузинами.

Табл. III. Народность, лѣта, ростъ, окружность головы головной показатель, цвѣтъ волосъ, глазъ и лицъ, кисти которыхъ изображены въ таблицѣ III.

	Народность.	Мѣсто рожденія.	Имя и фамилія.	Лѣта.	Ростъ.	Окружн. головы.	Головной показатель.	Цвѣтъ волосъ.	Цвѣтъ глазъ.
1	Грузинъ.	Телавск. у.	Н. Цивилашвили.	22	1700	555	84,8	т.-р.	кар.
2	„	Сигнахск.	Суліашвили.	22	1640	550	83,6	т.-р.	кар.
3	„	Тифлиск.	Ошакашвили.	23	1670	575	89,0	черн.	кар.
4	Армянинъ	Елисав. уѣзд.	Х. Мартирусовъ.	22	1680	527	86,2	черн.	чер.
5	„	Борчал. уѣзд.	Л. Эрзикіанцъ.	20	1545	540	93,0	черн.	чер.
6	„	Ахалкал.	С. Пичикиріанцъ.	21	1660	552	81,8	черн.	кар.
7	„	Ахалцых.	Авакомовъ.	21	1640	553	85,4	черн.	ср.
8	„	Эриван. уѣзд.	Калустовъ.	22	1780	550	83,0	черн.	кар.
9	„	Ахалкал.	Л. Татусовъ.	23	1650	567	82,4	черн.	сѣр.
10	Мингрел.	Зугдидск.	Кирія.	22	1690	560	73,3	т.-р.	кар.
11	„	Сенакск.	Телеги.	23	1770	566	82,7	т.-р.	кар.
12	„	Самурзак.	Голенава.	22	1690	500	70,8	т.-р.	кар.
13	Еврей . .	Ахалцых.	Е. Мегрелешвили.	22	1540	525	83,2	черн.	кар.
14	Зак. Тат.	Борчалин. у.	Акв. Махмутъ-о.	22	1620	552	76,9	черн.	кар.
15	„	Персія.	Кар. Рустемъ-о.	28	1830	560	70,2	ч.-сѣд.	кар.
16	„	Шушин.	Мах. Шихъ-о.	30	1740	560	84,1	ч.-с.	кар.
17	Казикум.	С. Опны (?)	Ах. Сулейманъ-о.	28	1700	545	86,7	св.-р.	гол.
18	„	С. Гоймн.	Омаръ Разаматъ.	28	1700	538	86,5	рус.	зел.

	Народность.	Мѣсто рожденія.	Имя и фамилія.	Лѣта.	Ростъ.	Окружн. головы.	Головной показатель.	Цвѣтъ волосъ.	Цвѣтъ глазъ.
19	Казикум.	С. Бухти.	Нуръ Ахматъ.	25	1700	520	82,3	рус.	кар.
20	„	С. Хорхе *).	Али Амеръ-о.	35	1680	532	94,2	брит.	кар.
21	Курдъ.	Алексан. у.	Кечо Мусулъ.	30	1610	520	74,6	т.-р.	зел.
22	„	Персія сел. Салмансы.	Аббасъ Гейдеръ-о.	25	1710	508	84,0	черн.	чер.
23	Текинецъ	Асхабад. у.	Ксенъ-о.	30	1660	540	77,2	черн.	кар.
24	„	„	Кванчъ Кавио-.	60	1660	590	75,7	черн.	кар.
25	„	„	Акъ Магом.-о.	30	1790	560	73,0	черн.	кар.
26	„	„	Дурдахъ Руджевъ-о.	30	1715	570	78,3	черн.	кар.
27	„	„	Омарле Хаджи-о.	30	1820	575	69,9	т.-р.	кар.
28	Сванетъ.	Лечгум. у.	В—дзе.	35	1700	560	—	т.-р.	гол.
29	Хевсуръ.	Тіонетск.	Кибишаури.	21	1700	565	82,0	св.-р.	гол.
30	Айсоръ.	Г. Урмія.	Сим. Лазарь.	30	1710	550	86,3	черн.	кар.
31	Лезгинъ.	Неизв. сел. Хамши (?)	Али Али-о.	35	1690	520	88,2	т. р.	сред.
32	Имеретин.	Г. Кутаиса.	Ак. Чит.	20	1490	540	81,6	рус.	кар.

Табл. IV. **Народность, лѣта, ростъ, окружность головы, головной показатель, цвѣтъ волосъ и глазъ лицъ, которыхъ стопы изображены въ таблицѣ.**

№№ по поряд.	Народность.	Мѣсто родины.	Фамилія.	Лѣта.	Ростъ.	Окруж. головы.	Головной показатель.	Цвѣтъ волосъ.	Цвѣтъ глазъ.
1	Грузинъ.	Кутаиск. у.	С. Джакидзе.	27	1680	555	84,2	р. рыж.	сѣр.
2	„	Сигнахск.	Галакашвили.	21	1700	560	86,0	черн.	кар.
3	„	Телавск. у.	Н. Цивилашвили.	22	1700	555	84,8	т.-р.	кар.
4	Метисъ съ русск.	Тифлис.	Ивановъ.	30	1680	560	82,0	св.-р.	сред.
5	Хевсуръ.	Тіонетск.	Кибишаури.	21	1700	565	82,0	св.-р.	голб.
6	Армяне.	Ахалкалак.	Татусовъ.	23	1650	567	82,4	черн.	сѣр.
7	„	Эриванск.	Калустовъ.	22	1780	550	83,0	черн.	кар.
8	„	Ахалцых.	Авакимовъ.	21	1640	553	85,4	черн.	сред.
9	„	Ахалкалак.	Пичикиріанцъ.	21	1660	552	81,6	черн.	кар.
10	„	Борчал.	Эрзикіанцъ.	20	1545	540	93,0	черн.	черн.
11	Мингрел.	Сенакск.	Турава.	22	1650	525	81,0	рыж.	кар.
12	„	„	Сулашвили.	22	1640	—	—	т.-р.	кар.
13	„	„	Теленп.	23	1770	566	82,7	т.-р.	кар.

*) у Крхи?

	Народность.	Мѣсто рожденія.	Имя и фамилія.	Лѣта.	Ростъ.	Окружн. головы.	Головной показатель.	Цвѣтъ волосъ.	Цвѣтъ глазъ.
14	Мингрел.	Окумъ.	Голенова.	22	1690	500	70,1	т.-рус.	кар.
15	Евреи . .	Ахалцих.	Шим. Баніашвил.	42	1610	535	94,4	черн.	кар
16	„	Ахалцих.	Мегрелеити.	22	1540	525	83,2	черн.	кар.
17	Айсоръ.	Г. Урмія.	Симонъ Лазарь.	30	1710	550	86,3	черн.	кар.
18	„	„	Иванъ Лазарь.	27	1625	530	88,5	черн.	кар.
19	Курдъ.	Александр.	Абб. Гейдер.-о.	25	1710	508	84,0	черн.	чер.
20	Казикум.	С. Варай.	Неизвѣст.	28	1670			т.-рус.	кар.
21	„	С. Оины.	Ах. Сулеимонъ-о.	28	1700	545	86,7	с.-рус.	гол.
22	„	„	Омаръ Рамазанъ.	28	1700	538	86,5	рус.	зел.
23	„	„	Нуръ Магом.-о.	25	1700	520	82,3	т.-рус.	кар.
24	Татары.	Борчал.	Аивазъ Махм.-о.	22	1620	552	76,9	черн.	кар.
25	„	Борчал.	Абраг. Маматъ-о.	20	1700	570	80,1	черн.	срд.
26	„	Персія.	Карб. Рустемъ-о.	28	1830	560	70,1	черн.	кар.
27	Лезгинъ.	?	Али Али-оглы.	35	1690	520	88,2	т.-рус.	срд.
28	Текинцы.	Асхабад.	Акъ Магом.-о.	30	1790	560	73,6	черн.	кар.
29	„	„	Дурдахъ Рудзи-о.	30	1715	570	78,3	черн.	кар.
30	„	„	Омарле Хаджи-о.	30	1820	575	69,9	т.-рус.	кар.
31	„	„	Османъ Кули Х.-о.	29	1800	565	75,2	т.-рус.	кар.
32	„	„	Кванчо Кази-о.	60	1660	590	75,7	черн.	кар.
33	Имеретинка	Г. Кутаиса.	Ак. Ч.	20	1490	540	81,6	рус.	кар.

Опечатки

и ошибки, имѣющія существенное значеніе.

Стран.	Строка сверху.	*Напечатано*:	*Должно быть*:
7	9	Ломбадъ	Ломбардъ
19	12, столбецъ 1,	420	319
—	18 —	124	127
32	36	704	644
35	8	1700	700
37	средн. рост.	1632	1635
38	8	56	6
49	средн. Нух. у.	$31,_2$	$32,_6$
—	—	1722	1726
—	средн. Ахалц. у.	$86,_{82}$	$83,_6$
—	средн. Гокч. у.	$153,_0$	152
50	5	2620	1620
—	средн. Телав. у.	1653	1657
—	—	153	150
—	средн. Зангез у.	1655	1680
53	средн. рост.	1651	1682
—	ср. длин. стопы	259	249
54	28	уже	тогда уже
60	29	Тушинскій	Тіонетскій уѣздъ
60	средн. окружн.	541	547
70	средній ростъ	1696	1690
—	уголъ нижн. чел.	110	106
72	4	147, длина лица 172	142, длина лица 190
79	30	55%	$5,_5$%
82	10	20—30%	20—70%
88	ростъ № 89	667	1667
—	— № 115	679	1679
—	средн. ростъ	1668	1673
91	средн. ростъ	1660	1654
94	средн. кон. ср. пальца	621	627
—	средн. соск.	1254	1252
96	ср. рост. Нух. у.	1480	1476
—	ср. размаха	1560	1558

	Народность.	Мѣсто рожденія.	Имя и фамилія.	Лѣта.	Ростъ.	Окружн. головы.	Головной показатель.	Цвѣтъ волосъ.	Цвѣтъ глазъ.
14	Мингрел.	Окумъ.	Голенова.	22	1690	500	70,4	т.-рус.	кар.
15	Евреи. .	Ахалцих.	Шим. Баніашвил.	42	1610	535	94,4	черн.	кар
16	„	Ахалцих.	Мегрелеити.	22	1540	525	83,2	черн.	кар.
17	Айсоръ.	Г. Урмія.	Симонъ Лазарь.	30	1710	550	86,3	черн.	кар.
18	„	„	Иванъ Лазарь.	27	1625	530	88,5	черн.	кар.
19	Курдъ.	Александр.	Абб. Гейдер.-о.	25	1710	508	84,0	черн.	чер.
20	Казикум.	С. Варай.	Неизвѣст.	28	1670			т.-рус.	кар.
21	„	С. Оины.	Ах. Сулеимонъ-о.	28	1700	545	86,7	с.-рус.	гол.
22	„	„	Омаръ Рамазанъ.	28	1700	538	86,5	рус.	зел.
23	„	„	Нуръ Магом.-о.	25	1700	520	82,8	т.-рус.	кар.
24	Татары.	Борчал.	Аивазъ Махм.-о.	22	1620	552	76,9	черн.	кар.
25	„	Борчал.	Абраг. Маматъ-о.	20	1700	570	80,4	черн.	срд.
26	„	Персія.	Карб. Рустемъ-о.	28	1830	560	70,2	черн.	кар.
27	Лезгинъ.	?	Али Али-оглы.	35	1690	520	88,2	т.-рус.	срд.
28	Текинцы.	Асхабад.	Акъ Магом.-о.	30	1790	560	73,0	черн.	кар.
29	„	„	Дурдахъ Рудзи-о.	30	1715	570	78,3	черн.	кар.
30	„	„	Омарле Хаджи-о.	30	1820	575	69,9	т.-рус.	кар.
31	„	„	Османъ Кули Х.-о.	29	1800	565	75,2	т.-рус.	кар.
32	„	„	Кванчо Кази-о.	60	1660	590	75,7	черн.	кар.
33	Имеретинка	Г. Кутаиса.	Ак. Ч.	20	1490	540	81,6	рус.	кар.

Опечатки

и ошибки, имѣющія существенное значеніе.

Стран.	Строка сверху.	*Напечатано*:	*Должно быть*:
7	9	Ломбадъ	Ломбардъ
19	12, столбецъ 1,	420	319
—	18 —	124	127
32	36	704	644
35	8	1700	700
37	средн. рост.	1632	1635
38	8	56	6
49	средн. Нух. у.	$31,_2$	$32,_6$
—	—	1722	1726
—	средн. Ахалц. у.	$86,_{81}$	$83,_6$
—	средн. Гокч. у.	$153,_0$	152
50	5	2620	1620
—	средн. Телав. у.	1653	1657
—	—	153	150
—	средн. Зангез у.	1655	1680
53	средн. рост.	1651	1682
—	ср. длин. стопы	259	249
54	28	уже	тогда уже
60	29	Тушинскій	Тіонетскій уѣздъ
60	средн. окружн.	541	547
70	средній рость	1696	1690
—	уголъ нижн. чел.	110	106
72	4	147, длина лица 172	142, длина лица 190
79	30	55°/₀	$5,_5$°/₀
82	10	20—30°/₀	20—70°/₀
88	рость № 89	667	1667
—	— № 115	679	1679
—	средн. рость	1668	1673
91	средн. рость	1660	1654
94	средн. кон. ср. пальца	621	627
—	средн. соск.	1254	1252
96	ср. рост. Нух. у.	1480	1476
—	ср. размаха	1560	1558

Стран.	Строка сверху.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
—	ср. прод. діам. гол.	175,0	174,8
—	попер. діам. гол.	156,6	150,6
—	ср. ростъ Шуш. у.	1520	1528
—	ср. размах. „	1563	1566
—	ср. ростъ Казахск. у.	1511	1512
—	ср. размахъ „	1527	1518
98	углы нижн. чел. у № 13	48	98
—	тоже у № 14	23	93
99	средн. больш. размаха	1750	1754
100	средн. окружн. головы	534	539
—	средн. носъ, ширины	83,7	82,3
—	средн. больш. размаха	1732	1737
—	средн. длины стопы	256	253
—	средн. гол. показателя	57,7	58,2
107	20 (табасар.)	91	97
112	послѣдн. строка	159	152
—	—	147	145
113	средн. выш. подбор.	1450	1453
—	средн. spin. oss. ilei.	954	966
116	ср. угла нижн. челюсти	116	114
117	средн. длина носа	50	53
—	ср. больш. размахъ	1728	1795
—	средн. ушн. отверстіе	1592	1594
118	8 (средн.)	852	845
—	5 (средн.)	946	951
—	6 —	885	870
136	32 (январь)	10238	10239
—	— (мартъ)	2441	2419
—	— (августъ)	7311	7347
—	— (годъ)	87579	87587

I. Айсоръ изъ г. Урмія, Илья Абрамовъ, 22 лѣтъ

II. Армянинъ г. Тифлиса, Тигранъ Давришевъ, 18 л.

III. Грузинъ г. Тифлиса, Георгій Хизабарели, 26 лѣтъ.

IV. Имеретинъ м. Они, Рачинскаго у., Константинъ Джанидзе, 27 л.

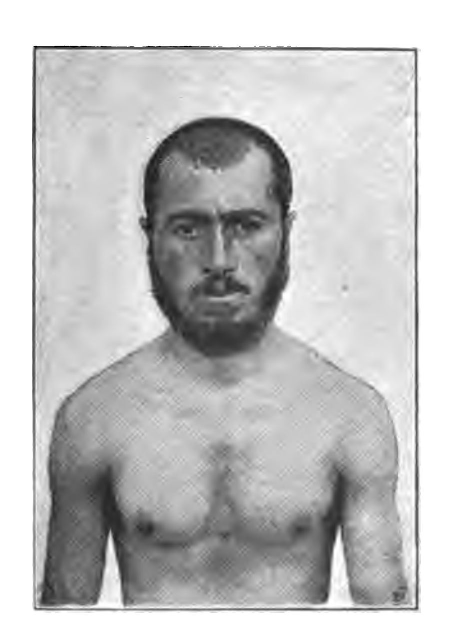

V. Адербейжанскій татаринъ, уроженецъ г. Тифлиса, Аббасъ-Али-Оглы, 30 лѣтъ.

VI. Гурійцы Озургетскаго у., д. Самато, братъ и сестра, Георгій и Пелагея Балквадзе, 22 и 16 лѣтъ.

VII. Гурійцы Озургетскаго у., д. Самато, братъ и сестра, Георгій и Пелагея Балквадзе, 22 и 16 лѣтъ.

VIII. Гурiецъ Георгій Балквадзе.

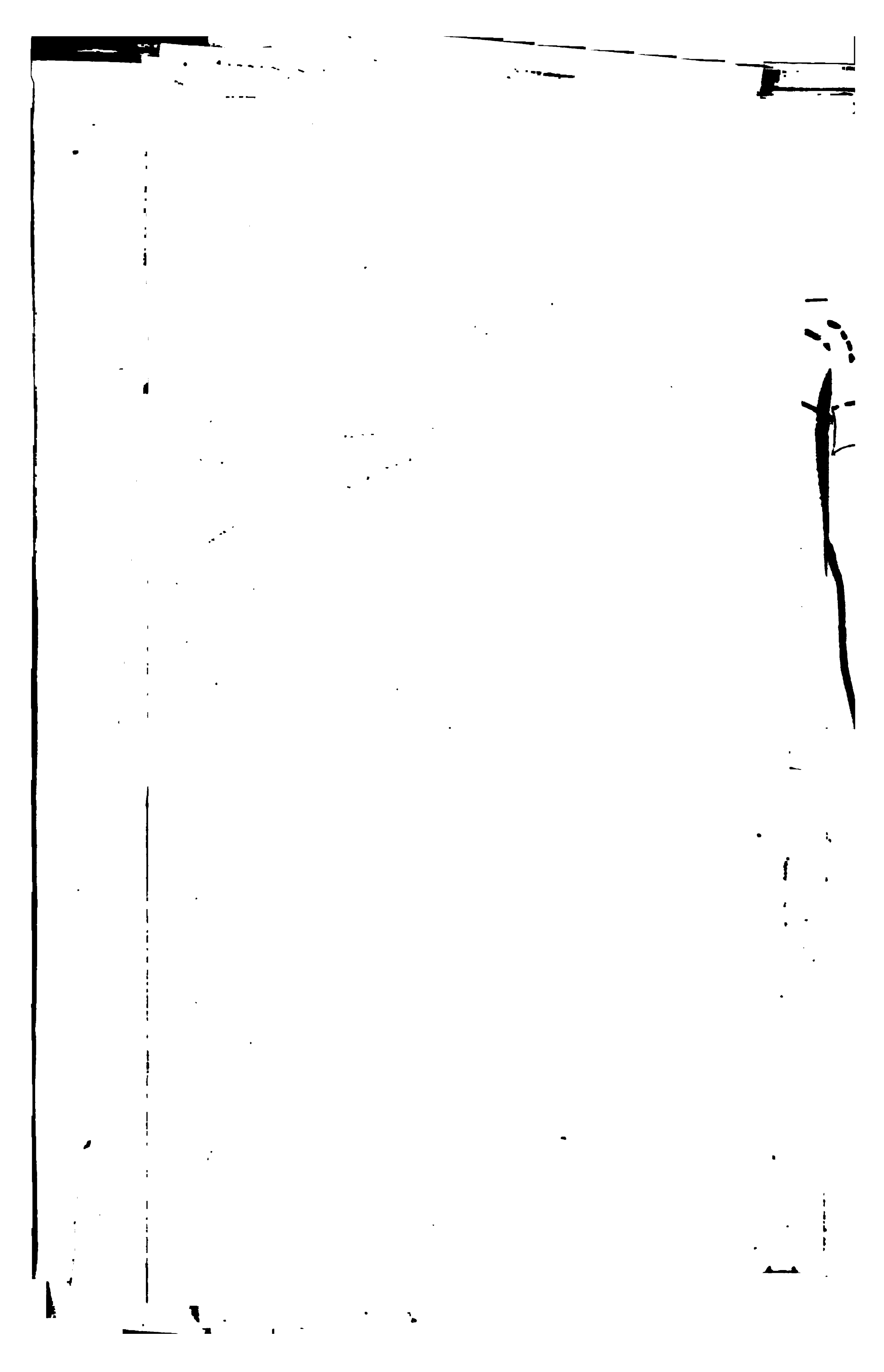

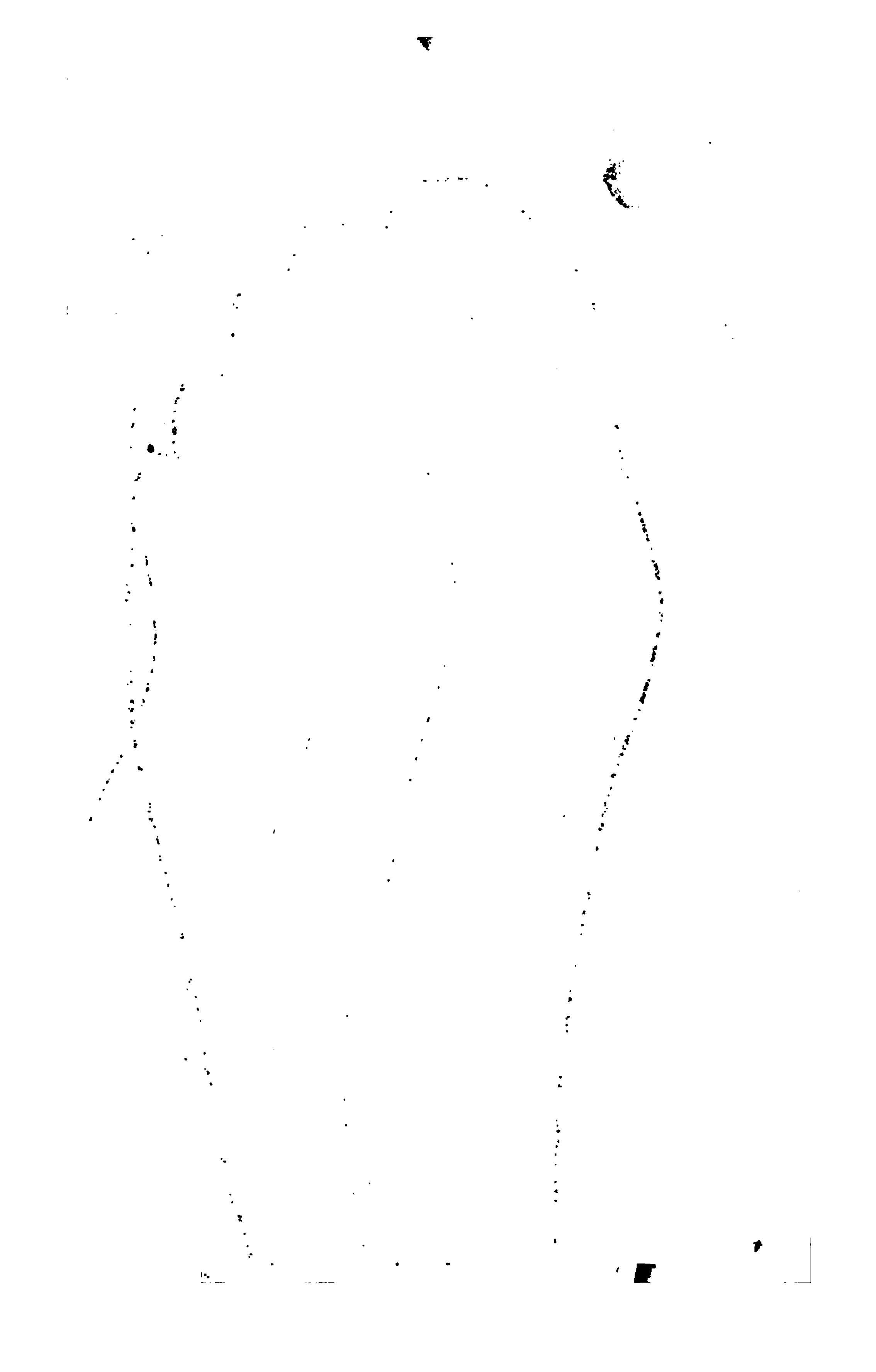
Тип. Эд. Гоппе.

IX. Группа зобатыхъ сванстовъ.

X. Сванетъ кретинъ.

НОВЫЕ
и
РѢДКО ВСТРѢЧАЮЩІЕСЯ ВИДЫ КАВКАЗСКОЙ ФЛОРЫ,
собранные въ 1882—1891 гг.

И. Я. Акинфіевымъ.

Многократныя поѣздки на Кавказъ, съ цѣлью изученія растительности, дали мнѣ возможность составить большой гербарій, который въ настоящее время приведенъ въ извѣстность, благодаря любезному содѣйствію проф. И. Ф. Шмальгаузена, взявшаго на себя трудъ помочь въ этомъ и сдѣлать описаніе новыхъ видовъ. Полный списокъ моего сбора еще не законченъ; поэтому въ настоящей статьѣ представлены только новые виды, а также малоизвѣстные, рѣдко встрѣчающіеся виды, новыя разновидности и формы изъ первой трети полнаго списка, составленнаго лишь до семейства Rosaceae включительно, начиная съ Ranunculaceae.

Сопоставляя содержаніе настоящей работы съ подобными работами, опубликованными въ послѣдніе 3—4 года и принадлежащими гг. Липскому, Альбову, Келлеру и др., нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, энергично поддерживаемымъ г. Липскимъ, относительно того, что флора Кавказа далеко еще не изучена со стороны своего состава, не смотря на многочисленныя изслѣдованія въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе у нѣкоторыхъ представителей ботаники существуетъ другое, обратное мнѣніе, по которому предполагается, что, по составу, флора Кавказа вполнѣ извѣстна и что пора уже приступить къ выясненію вопроса объ исторіи происхожденія этой флоры и къ изученію растительныхъ зонъ и формацій. Представителями послѣдняго мнѣнія являются Н. И. Кузнецовъ и проф. Красновъ, изъ которыхъ первый, въ своихъ «Элементахъ Средиземноморской области», старается доказать, что Ріонская или Колхидская об-

который, начиная съ 8000 фут. на Главномъ хребтѣ, тянется отъ него по долинѣ, образуя чистое густое насажденіе на 10—15 верстъ отъ сел. Урусбіева; далѣе къ соснѣ подмѣшиваются широколиственныя породы въ низшихъ раіонахъ, а невдалекѣ отъ Корхужана (40—50 верстъ отъ Главнаго хребта) сосна вновь чистымъ насажденіемъ спускается до самой рѣки, нѣсколько ниже 4000 фут. надъ уров. моря. Что же касается лѣваго склона долины, то по нему сосна еще ранѣе с. Урусбіева не спускается ниже 6000 ф., затѣмъ, встрѣтившись снова въ двухъ—трехъ ущельяхъ на высотѣ 6000—7000 фут., она скоро совсѣмъ прекращается. Это зависитъ оттого, что лѣвый склонъ долины обращенъ къ югу и открытъ сухимъ восточнымъ вѣтрамъ, врывающимся сюда со степей и уничтожающимъ по этому склону растительность, которая въ двухъ-трехъ верстахъ отсюда, на противоположной сторонѣ рѣки, развивается прекрасно. Еще примѣры: Главный хребетъ у Крестоваго перевала, какъ извѣстно, лишенъ сосны. По Военно-грузинской дорогѣ сосна кое-гдѣ встрѣчается въ области Боковаго хребта. Она совсѣмъ отсутствуетъ въ Главномъ хребтѣ отъ Адай-Хоха далеко на востокъ. Въ верховьи Уруха смѣшанный лѣсъ изъ широколистныхъ породъ и сосны тянется почти до ледника Карагома, до высоты 5000 фут. Словомъ, схема зонъ Кавказа Н. И. Кузнецова настолько произвольна и далека отъ дѣйствительности, что трудно найти хоть одно мѣсто, которое бы ей соотвѣтствовало. Оно и понятно, потому что зоны нанесены на несуществующій рельефъ горъ.

Дѣлать выводы, обобщенія и схематизировать полезно только тогда, когда предметъ изученъ точно и всесторонне; детальнаго же изученія растительности на Кавказѣ еще нѣтъ, а потому преждевременно представлять ее схематически и входить въ разсужденіе о причинахъ, не сдѣлавъ точныхъ наблюденій и не установивъ фактовъ.

Екатеринославъ,
апрѣль, 1892 г.

СПИСОКЪ

новыхъ видовъ и разновидностей кавказской флоры [1]).

1. **Clematis pseudo-flammula Schmalh. (См. «Изслѣдованіе Сѣвернаго Кавказа», В. Липскій). Отличается отъ A. Flammula L. травянистымъ, невьющимся и не цѣпкимъ стеблемъ, достигающимъ не болѣе 2 фут. высоты. Впервые взятъ въ 1882 г. близъ с. Новопавловскаго, Медвѣженскаго уѣзда, Ставропольской губерніи, въ цвѣту, въ концѣ апрѣля (Ан. Ак.), затѣмъ въ 1887 г. въ селѣ Султановскомъ, близъ Ставрополя; часто встрѣчается въ окрестностяхъ «Кавказскихъ минеральныхъ водъ» до 2000 фут. надъ уров. моря. Вообще имѣетъ широкое распространеніе въ степяхъ и предгорьяхъ Сѣвернаго Кавказа (Липскій).

*2. **Thalictrum elatum Murr. β. stipellatum Regl.** Бештау, 4000'; близъ Кисловодска по Аликоновкѣ, 3500'. У Боассье приводится только для Иверіи (Грузіи).

3. **Thalictrum minus L. β. saxatile Schlecht. Отличается отъ Th. foetidum отсутствіемъ свойственнаго послѣднему запаха и голыми, блестящими листочками.—Гор. Брыковая, 2000'; Ставропольск. губ.; Ардонъ, близъ Гулака, 3000'.

4. **Thalictrum simplex L. β. strictum Led.** (sp.) Кисловодскъ до 4000', часто; Алагиръ. У Боассье приводится только для Арменіи.

5. **Thalictrum flavum L.** Извѣстно было для Терека (MB). Мною взято близъ ст. Коби, 6000'; Табацхурское озеро близъ Боржома, 6200'. Попадаются экземпляры, представляющія среднія формы между № 4 и 5.

---

[1]) Опредѣленіе и номенклатура извѣстныхъ растеній сдѣланы по соч. Боассье (Flora orientalis) и Ледебура (Flora rossica). Растенія, найденныя авторомъ впервые на Кавказѣ вообще, обозначены двумя звѣздочками, впервые на сѣверномъ Кавказѣ—одной звѣздочкой. Нѣкоторыя изъ нихъ (3—4 формы) опубликованы были въ сочин. Липскаго „Изслѣдов. Сѣв. Кавказа 1890 г.“.

6. **Anemone alpina** L. β. **sulphurea Boiss.** Дадiановскiй и Сванетскiй хребты, съ 8000 до 10000'; Южный склонъ Главнаго хребта близъ Гульскаго ледника, съ 7500 до 9000', въ цвѣту 6 iюля 1890 г.

7. **Anemone narcissiflora** L. β. **subuniflora** Boiss. Бермамутъ; близъ Эльборуса, 10000'; Бечоскiй перевалъ изъ Сванетiи въ долину Баксана, 11000'; Стуливцекъ, 10000'.

8. **Adonis aestivalis.** L. Довольно распространенное растенiе на Кавказѣ, со степей до 7000' въ Главномъ хребтѣ по сѣверному склону. Въ Закавказьи взято близъ Душета и Боржома.

*9. **Ranunculus aquatilis** L. β. **heterophyllus DC.** (R. triphyllos Wallr.). Взятъ въ высыхающемъ озерѣ въ Дигорiи на 5200'. Раньше извѣстенъ былъ для Закавказья, близъ Самура (Рупр.).

*10. **Ranunculus nemorosus DC.** Бештау на выс. 2400 (Ан. Ак.); Джиналъ 4000'

11. **Ranunculus Villarsii DC.** β. **dissectus Rupr.** Дигорiя, близъ ледника Харвесъ, 8000'

12. **Ranunculus dissectus MB.** Южный склонъ Сванетскаго хребта, въ цвѣту и плодахъ въ концѣ iюня; Абхазiя (Альбовъ).

13. **Ranunculus Raddeanus Regl.** Латпарскiй перевалъ по сѣверному склону Сванетскаго хребта. Извѣстно еще для г. Дадiашъ (Радде).

14. **Ranunculus pedatus Kit. Сел. Винодѣльное, Ставропольск. губ.; земля удѣльнаго вѣомства по Калаусу; 1000'. Для другихъ пунктовъ Кавказа неизвѣстно.

*15. **Ranunculus Constantinopolitanus Urv.** Бештау, 3000' (Ан. Ак.); Кисловодскъ, 6000'; Псеканъ-су въ Балкарiи, съ 4000 до 6000'. Боассье не цитируетъ для Кавказа. Смирновъ приводитъ для Малаго Кавказа.

16. **Helleborus caucasicus C. Koch.** Сванетiя, въ Бечо, 4000'.

17. **Delphinium Ajacis** L. *α. **orientale Gay** (sp.). Дигорiя, 4000'; Зромахъ по Ардону, 6500'; Закавказье (Смирн.).

β. **medium mihi. Fores violacei magnitudines D. Ajacis (typicum) L., calcare petalo aequilongo; capsula pedunculo erecto patulo suffulta oblonga erecta magnitudine D. Consolida L. Занимаетъ средину между D. Ajacis и D. Consolida L.—Встрѣчается рѣдко: Кисловодскъ, 3000'.

18. **Delphinium flexuosum** MB.

α. **typicum Rupr.** Bracteae et bracteolae lineari setaceae, calcare recto vel apice recurvo sepalis glabris longiore. Растенiе крупныхъ размѣровъ, вверху голое или слабо рѣснистое, очень распро-

страненное на Кавказѣ. Сюда же должна быть отнесена форма Закавказскихъ луговъ, у которой всѣ верхнія части рѣснистыя, прицвѣтнички линейные, недостигающіе до цвѣтка, шпора очень длинная, загнутая кверху, а не книзу.—Южный склонъ Дадіановскаго хребта, 6000'; Тори и Бакурьяни, близъ Боржома.

β. **lasiopum Sm.** Bracteoli late ineari, calcare recto sepalis patule hirtis aequilongo. Habitus растенія какъ у D dasycarpum Sted., но листовки голыя, а не пушистыя.—Кисловодскъ; Бештау; Бермамутъ и др.

γ. **Paulowi mihi. Bracteolae oblongae virides, glabrae, ciliatae; calcare apice recto vel incurvo sepala glabra ciliata aequanti vel breviori. Habitus растенія и опушеніе—какъ у D speciosum MB, цвѣты тоже такіе, но листовки голыя. Садонъ, притокъ Ардона, 6000—7000', часто. Дигорія.

δ. **bracteolatum mihi. Bracteolae oblongae violaceae, calcare recto sepalis glabris ciliatisque longiore. Habitus растенія и цвѣтка сходенъ съ формой α, взятой въ Закавказьи, близъ Боржома, но прицвѣтнички расширенно-продолговатые, окрашеные, рѣснистые только на верхушкѣ или совсѣмъ голые, болѣе крупные чѣмъ у всѣхъ другихъ близкихъ видовъ; чашелистики рѣснистые, черешки тоже, верхніе же листья и кисть голые.—Южный склонъ Главнаго хребта изъ Бечо, на 6000—7000'.

19. **Delphinium speciosum** MB. Балкарія по Псеканъ-су; Мамисонъ; Коби; Сванетія Вольная, часто.

20. **Delphinium caucasicum** C. A. M. Юсенги въ верховьяхъ Баксана, 10000'; перевалъ Стуливцекъ изъ Балкаріи въ Дигорію, 11000'.

21. **Aconitum Comarum L. var **cymbalatum Schmalh.**

Humile, caule tenui 30—40 cm. alto, petioles foliorum laciniis, bracteis et sepalis ciliatis, segmentis foliorum profunde partitis, laciniis lanceolato-linearibus, racemo paucefloro, floribus parvis caeruleis, bracteis linearibus stipatis; galeà angusta cymbaeformi, superne convexa margine inferiore concavo, antice longe rostrata, apice rostri deorsum porrecto; filamentis non ciliatis, unguibus petalorum curvatis, calacare arcuato, caprellis 3.

A. nasutum Fisch. (Ruprecht, Flora Caucasi, pag. 39) a nostro deffert: caule alto, robusto, racemo denso multifloro, floribus subduplo majoribus, galeà ampla, subtriangulari, depressa, parte exteriore subrecta, margine inferiore minus concavo exciso, antice in ros-

trum antrorsum porrectum attenuata, unguibus petalorum subrectis. A. pubiceps Rupr. (l. c. pag. 42) pilis viscidis in summitate et filamentis ciliatis deffert.

Caucasus centralis, mons Elborus, 10000', 24 julio florens; Bermamut, 8500' (Schmalhausen).

22. **Paeonia Wittmanniana Stev.** Южный склонъ Дадiановскаго хребта по Рокальскому перевалу, на высотѣ 6000'

23. **Papaver lateritium C. Koch.**

α. **oreophilum Rupr.** Очень распространенная форма въ Главномъ хребтѣ, съ 6000 до 10000'.

β. **subacaule Boiss.** Гульскiй ледникъ въ Сванетiи, на выс. 10000'.

24. **Fumaria Schleicheri Goy.Will. — Темнолѣсская и Удѣльное имѣнiе близъ Ставрополя; Желѣзноводскъ; Псеканъ-су въ Балкарiи, 6000'; Баксанъ; Сванетiя въ Мулахской общ., 5000'.

25. **Dentaria microphylla Willd.**—Девдоракскiй ледникъ, 6800'; Гудъ-гора, 10000'.

*26. **Arabis hirsuta Scop.** β. **Gerardi Boiss.** Султановское, Ставропольск. губ., 1200'. Раньше приводилось только для Закавказья (Szow.).

*27. **Arabis albida Stev.** До сихъ поръ приводилась только для Закавказья, но мною взята близъ ст. Коби, гдѣ она встрѣчается не часто, на выс. 8000', и отличается меньшими, чѣмъ у типической формы, цвѣтками, пушистыми цвѣтоножками и слабо рѣсничстыми чашелистиками. Такъ какъ этотъ видъ сильно варiируетъ, то необходимо имѣть болѣе тщательный сборъ его со всѣхъ пунктовъ Кавказа, чтобы установить точно формы.

28*. **Nasturtium sylvestre R. Br.** β. **Turczaninowii Czern.** Желѣзноводскъ, на пути къ Змѣиной, въ болотистой мѣстности.

29. **Erysimum ibericum Adams.**

α. **genuinum.** Virens pube foliorum et seliquarum 3—4 partita. Волоски густые, стручки въ 4—5 сант. длины, прямо вверхъ стоячiе, носикъ почти сидячiй или равенъ ширинѣ стручка, цвѣты до 12 миллм. длины. По Ардону, съ 5000 до 8000', часто. Также близъ Боржома.

*β. **callicarpum. Lipsk.** (sp.) (См. Изслѣдованiе Сѣвернаго Кавказа. 1890 г. стр. 17). Pallidi vel canescenti-virens pube foliorum trifida pilis paucis bipartitis mixtis. Волоски рѣдкiе, стручки въ 7—8 (до 12) сантим. длины съ сидячимъ почти рыльцемъ, величи-

на цвѣтка отъ 16 до 24 миллим. Девдоракскій ледникъ, 6000'; Гулакъ по Ардону, 3000'. Впервые найдено г. Липскимъ близъ Новороссійска.

30. **Erysimum exaltatum Andrz. По Ардону близъ Гулака, 2700', въ цвѣту. Для Кавказа приводится впервые.

31. **Erysimum hieracifolium L. β. virgatum Roth (sp.). Хассаутъ, близъ Бермамута, 4500' и Карачай на Кубани; имѣю отъ г. Сипягина отъ 1884 г.

32. **Erysimum caucasicum Trautv.**

Specimen unicum adest sine dubio perenne, basi fasciculis foliorum instructum, caule tenui, ad 60 cm. alto, apice ramoso; foliis radicalibus lineari-lanceolatis, dentatis vel runcinatis; siliquis ad 10 cm. longis, flexuosis. Specimen alterum floribus et siliquis immaturis instructum, caulem habet basi ramosum, ramis adscendentibus 30—60 cm. longis, foliis sublinearibus, dentatis, siliquis 5—7 cm. longis. Caeterum a descriptione (Bossier, Flora Orient. Supplementum, pag. 37) specimina nostra non differunt.

Specis haec in sectionem 3, Perennia (Boissier, Flor. Orient. 1) juxta E. leptophyllum MB. collocanda videtur, a quo precipue pilis stellatis differt.

Transcaucasia, in Likanis prope Borshom, 30 julia florens, 21 cum fructibus maturis.

Видъ этотъ впервые описанъ Р. Э. Траутфеттеромъ по очень неполнымъ экземплярамъ. Считаю, поэтому, не лишнимъ представить описаніе видѣнныхъ мною экземпляровъ. Многолѣтнее, стебли длиною 30—60 сантим., одиночные или по нѣскольку изъ одного корня, тонкіе, согнутые и на верху иногда вѣтвистые, покрытые 2-3-раздѣльными волосками, круглые, при основаніи снабженные короткими вѣточками съ пучками листьевъ; листья прикорневыхъ пучковъ линейно-ланцетные, выемчато-острозубчатые или почти струговидные, съ треугольными долями, покрытые звѣздчатыми большею частью 5-раздѣльными волосками, стеблевые въ небольшомъ числѣ, выемчато-зубчатые; соцвѣтіе негустое, при основаніи часто вѣтвистое; цвѣтоножки почти равны чашечкѣ; чашелистики длиною 6 миллим., лепестки съ ноготкомъ, немного возвышающимся надъ чашечкою и съ желтою обратно-яйцевидною пластинкою, длиною 12—14 миллим.; стручки на косо-вверхъ-стоячихъ цвѣтоножкахъ, согнутые, довольно тонкіе и слегка сжатые со стороны створокъ, длиною до 11 сантим., покрытые звѣздчатыми 5-раздѣльными волосками; столбикъ довольно

тонкій, почти въ 2 раза длиннѣе ширины стручка; рыльце въ серединѣ немного выемчатое (Шмальгаузенъ).

33. **Erysimum Cheiranthoides L. Желѣзноводскъ и Кисловодскъ, по Березовкѣ. Для другихъ мѣстъ Кавказа неизвѣстно.

*34. **Vesicaria digitata** C. A. M. Встрѣчается въ Главномъ хребтѣ: сѣверный склонъ Эльборуса, 10000'; Балкарія, перевалъ Стуливцекъ; Зромахскій ледникъ, 9500, на сѣверѣ Адай-Хоха. Раньше приводилась для Тушетіи и Дагестана.

*35. **Alyssum montanum** L. β. **trichostachyum Rupr.** (sp.). Бермамутъ, 8000' (1884 г. Ан. Ак.); Джиналъ близъ Кизловодска.

36. **Draba molissima Stev.**

α. **typica.** Foliis oblongis obtusis pube brevi ramosa incana velutinis, scapis glabris elongatis, stigmate sessili. Въ такой формѣ извѣстна для Шахдага (Стев.).

β. **ossetica Rupr.** Foliis obovato-spatulatis, patulis, scapo basi puberulo; stylo $^1/_2$—$^3/_4$ mm. longo; loculis sub 10-spermis; seminibus apice appendice aequilonga lineari-lanceolata recta vel falacta instructis (Schmalhausen). Встрѣчается по Ардону и его притоку Садону, съ 3000 до 5000'; также по Псеканъ-су, въ Балкаріи.

γ. **compacta Rupr. (Flor. Caucasi, 113). По описанію весьма близка къ нашему растенію, которое взято на известнякахъ въ Балкаріи (со зрѣлыми плодами) по р. Псеканъ-су, 5000'. Рупрехтъ приводитъ для г. Богоса.

37. **Draba longisiliqua Schmalh. (nov. spec.). Dense pulvinaris; caulibus foliis vetustis tectis, apce dense subrosulatum foliatis; foliis obovato-spathulatis patentibus, pube ramosa incana velutins; scapis basi pubescentibs, caeterum glabris; racemo abreviato, pedicellis tenuibus; petalis aureis; siliquis glabris, linearibus pedicellum aequantibus vel longioribus; stylo brevi, stigmate emarginato, loculis sub 20-spermis, seminibus 2-serialibus, apice appendice aequilonga lanceolato-lineari, recta vel falcata instructis.

Scapis circiter 5—6 cm. longis, pedicellis 8—14 mm., siliquis 10—18 mm. longis.

Habitus, foliorum forma, pubescentia et semina omnino D. mollissimae Stev., sed folia paululum major, magis rosulata, pedicelli tenuiores, longiores, semina numerosiora; siliqua angusta et longa ad D. siliquosam MB. accedit.

In Caucaso centrali, Psekan-su, 4500', cum fructibus maturis 15 julio (Schmalhausen).

38** **Brassica juncea Czern.** Гор. Брыковая, 2000'; Кисловодскъ. Для другихъ мѣстъ неизвѣстно.

39. **Viola minuta MB.** Кромѣ типической, слабо пушистой во всѣхъ частяхъ формы, встрѣчается форма β. **glabra mihi**, у которой стебли и листья голые. Перевалъ Стули-вцекъ въ Балкаріи, 10000'

*40. **Polygala anatolica Boiss.** Ставрополь; гор. Брыковая; Бештау, 2500'; Кисловодскъ. Раньше приводилась для Закавказья.

*41 **Silene conica L.** Бешпагиръ, 1000', Ставропольск. губ.; Боржомъ. Извѣстна была только для Закавказья.

*42 **Silene sperguliflolia Desf** β. **arbuscula Boiss.** Зромахъ по Ардону 6000'; Боржомъ. Извѣстна дая Дагестана и Закавказья (Рупр.).

43. **Silene Akinfijewi Schmalh. (nov. spec.).

Glanduloso-pubescens, caulibus humilibus, foliis viridibus, ovatis, acutis, inflorescentia terminali cymosa, bracteis herbaceis, pedicellis calyci aequilongis vel duplo longioribus, calyce oblongo inflato, allbido 10-nervo, venulis anastomosantibus, dentibus triangulari-oblongis, obtusiusculis petalorum lamina alba, bifida, basi dentula; capsula carpophoro triplo longiori, calyce non implente.

Fragmenta caulium 8—10 cm. longa, folia circiter 3 cm. longa 17 mm. lata; cyma 2—4 flora; calyx 15 mm. longus, compressus, 10—11 mm. latus.

A proxima S. physocalyce Ledeb. (Flora Ross., I, pag. 321) differt foliis multo latioribus, pedicellis longioribus, dentibus calycis obtusiusculis.

In Caucaso centrali, ad glaciem Harwes, 6000'. Specimina pauca (Schmalhausen). Дигорія, въ ущельѣ Харвесъ, близъ ледника, въ цвѣту 12 іюля 1891 г.

44. **Silene chlorantha Ehrh.** Гор. Брыковая, 1800' и верховье Калауса, Ставропольск. губ. Для другихъ мѣстъ Кавказа не показана.

45. **Silene Hoefftiana Fisch.** Извѣстна была для Кисловодска и Хассаута (Мейеръ). Имѣю изъ Балкаріи, по рѣчкѣ Псеканъсу, 4500', въ цвѣту, съ незрѣлыми плодами, 15 іюля 1891 г.

46. **Alsine ciliata Schmalh. (nov. spec.). Caespitosa, caulibus adscendentibus, superne geniculatis, ramosis, axilis ramuliferis vel fasciculiferis, pilis articulatis glandulose hirsutis, unifloris, foliis lanceolato-linearibus vel sublinearibus, acutis, uninervis, patulis, basi connatis, margine pilis longis rigidis et articulatis ciliatis; pedicello

calyce longiori, longe hirsuto; sepalis longe hirsutis sublinearibus, obtusis 3-nervis, margine membranaceis; petalis lineari spatulatis, obtusis, albis; sepalis quarta parte longioribus; capsula subcylindrica, 3-valvis, calyce quarta parte longiori; stylis 3; seminibus compressis, facie laevibus, margine fimbriato-cristatis.

Ramuli 4—10 cm. longi, folia 7—10 mm. longa, 1 mm. tantum lata; calyx 7—9, capsula 9—10 mm. longa.

Affinis A. inbricatae MB., cujis folia breviora sunt, obtusa, petala longiora et latiora, capsula conica, pubescentia brevior. A. pinifolia MB. differt a nostra foliis rosulatis, rigidioribus, floribus corymbosis et pubescentia.

Caucasus centralis, prope glaciam Deudorak dictam, 7000', 14 iunio florens et in monto Gud-gora, 25 julio fructifera (Schmalhausen).

*47. **Alsine Brotherana Boiss.** Дигорія, ледникъ Харвесъ, 9000'. До сихъ поръ было извѣстно только для Закавказья: р. Ліахва (Broth).

48. **Alsine Akinfijewi Schmalh. (nov. spec.). Annua, glandulosa pubescens, caule ramoso et laxe dichotome-cymoso, ramis erecto-patulis; foliis sublinearibus 7-neviis, pedicellis patentibus; sepalis glanduloso-pubescentibus, 3-nerviis, lanceolatis, acuminatis; petalis oblongis acutiusculis, calyce 2—3-plo brevioribus; capsula calyce tertia parte breviori seminibus minute tuberculatis.

Planta 15 cm. lata, folia 15 mm. longa, $1^1/_2$ mm. lata, calyx 5—6 mm. longus.

Proxima A. multinervi Boiss. (Flora Orient., I, pag. 683), a qua differt indumento non valde glanduloso, sepalis acuminatis. A. Meyeri Boiss. differt a nostra cymis glomeratis, pedicellis brevioribus, strictis, calycibus 6—10 mm. longis (Sehmalhausen).

Взята близъ Боржома, 5500', 28 іюня, въ плодахъ и цвѣтахъ.

49. **Arenaria longifolia MB. Взята на Янкуляхъ, притокѣ Калауса, въ 50 верстахъ отъ Ставрополя, въ 1889 г. Г. Липскій приводитъ ее для Невинномысской (въ 1891 г.).

50. **Cerastium anomalum W. K.** Отличается отъ южно-русскихъ представителей очень слабымъ опушеніемъ и значительно меньшими размѣрами во всѣхъ частяхъ. Цхра-Цхаро, на 8200', въ плодахъ и цвѣтахъ, 14 іюля 1887 г.

51. **Cerastium dahuricum Fisch. β. hirsutum Boiss. Въ

типической формѣ растеніе очень распространенное на Кавказѣ, но въ названной разновидности до сихъ поръ было неизвѣстно здѣсь. Мною взяты экземпляры въ Бакурьяни близъ Боржома, 5600', въ цвѣту и плодахъ, 10 іюля 1887 г.

52. **Cerastium nemorale** MB.

α. **vilosa Led.** Очень распространенное растеніе въ субальпійской области.

β. **glabrescens Led.** (Cerastium elongatum MB.).—Боассье не признаетъ этихъ разновидностей, но онѣ несомнѣнно имѣютъ ясно выраженные и прочные признаки. Иногда встрѣчаются растущими совмѣстно, напр., въ Березовой Балкѣ въ Кисловодскѣ; но чаще вторая форма присуща альпійской зонѣ.—Джинальскій хребетъ близъ Кисловодска, 4200'; Бермамутъ 8000'; Сванетія по Бечоскому перевалу въ Главномъ хребтѣ, 8000'.

53. **Cerastium viscosum** L. У Боассье этотъ видъ пропущенъ. Ледебуръ приводитъ его для Терека и Закавказья. У меня имѣется съ Бештау, 4000 (Ан. Ак.), и Бермамута, 8000'.

*54. **Hypericum nummularioides Trautv.** Приводится для Кодора (Радде); мною взятъ близъ ледника Харвесъ въ Дигоріи, 9000'.

55. **Malva sylvestris** L. β. **eriocarpa Boiss.** Кисловодскъ; Дигорія на 3500' и Лайлаши, Кутаисск. губ.

56. **Althaea armeniaca Ten.** Кисловодскъ по Березовкѣ; Ардонъ, 3000'; Боржомъ. Г. Липскій приводитъ для Баталпашинска.

57. **Althaea ficifolia L. β. **glabrata Boiss.** Встрѣчается нерѣдко на Кавказѣ.—Окрестности «Минеральныхъ водъ» на Сѣверномъ Кавказѣ; Сванетія, общ. Местія; Боржомъ.

58. **Linum nervosum** W. K. На Сѣверномъ Кавказѣ встрѣчаются экземпляры, сильное опушеніе которыхъ рѣзко отличается отъ общераспространенныхъ формъ. Султановское, Бешпагиръ, Ставропольск. губ.; Подкумокъ, между Есентуками и Кисловодскомъ.

*59. **Geranium ibericum Cavan.** β. **platypetalum Boiss.** Альпійская форма скалъ, довольно распространенная въ Главномъ хребтѣ, съ 6000 до 9000'. Ледникъ Карагомъ въ Дигоріи; Зромахъ по Ардону; Г. Гудъ, 9000', и горный склонъ Дадіановскаго хребта, 7500'.

*60. **Geranium gymnocaulon DC.** Форма альпійской и снѣ-

говой зонѣ.—Сѣверный склонъ Бечоскаго перевала, 9000'; ледникъ Харвесъ въ Дигоріи; Коби; гор. Гудъ, 10000'; Ушкульскій ледникъ въ Сванетіи; Сванетскій хребетъ.

*61. **Geranium Renardi Trautv.** Рѣдкое растеніе, встрѣчается по осыпямъ и утесамъ скалъ; прежде было извѣстно только для Ліахвы (Broth.), но мнѣ встрѣтилось на Гульскомъ ледникѣ въ Сванетіи, на 9500', въ Дигоріи близъ ледника Харвесъ, 8000' и у Зромахскаго ледника, близъ Адай-хоха, 9500'.

62. **Evonymus europaeus L. var. glaucus mihi.** Ramis teretibus laevibus glabris, foliis oblongo-ellipticis acuminatis serrulatis glabris glaucis, junioribus subtus ad venas paululum asperulis. Листья очень крупные, до 10—13 сантим. длины и 4—5 сантим. ширины, вполнѣ похожіе на листья E. latifolius Scop., голые, сизо-зеленые, плоды же, какъ у типической формы, на короткихъ плодоножкахъ.—Желѣзноводскъ, Бештау, до 3000'; Ардонъ 4000'. По листьямъ это растеніе такъ сильно отличается отъ типической формы и настолько походитъ на E. latifolius Scop., что это, вѣроятно, было причиною, почему признавали присутствіе E. latifolius Scop. на Бештау (см. напр., Медвѣдевъ «Деревья и кустарники Кавказа» 1883 г.). Я же полагаю, что здѣсь нѣтъ этого вида и что вообще E. latifolius Scop. по сѣверному склону центральнаго Кавказа, т. е. между Эльборусомъ и Казбекомъ, не встрѣчается; зато онъ нерѣдокъ на южномъ склонѣ, гдѣ мнѣ попадался уже близъ ст. Млеты на 6000', а также по Ріону близъ Уцера, 5000'.

63. **Rhamnus Pallasii Fisch et M. β. pubescens mihi.** Ramis, foliis et glumis pubescentibus. Пушокъ на прошлогоднихъ и молодыхъ побѣгахъ, а также на листьяхъ сохраняется не только въ молодости, какъ у типической формы, но и при созрѣваніи плодовъ, почки тоже на верхушкѣ пушистые. У нѣкоторыхъ экземпляровъ пушистость особенно сильно выражена на черешкахъ и верхней сторонѣ листьевъ.—Пелагеяда, въ 15 верстахъ отъ Ставрополя, на высотѣ 1000'. Машука, 2800'.

64. **Medicago cretacea MB. Взята на Цхра-Цхаро, 8200', близъ Боржома, въ 1888 году, впервые на Кавказѣ. Въ 1890 году Липскій нашелъ ее близъ Новороссійска.

65, **Trifolium diffusum Chrh. β. longipetala mihi. Calycis corollam roseam quarta parte brevioribus. У типической формы лепестки равны или почти равны чашечкѣ, обвертка у самаго основанія головки, между тѣмъ у нашей формы лепестки почти на 1/4 своей длины выставляются изъ-за зубчиковъ чашечки, головки зна-

чительно отстоять отъ обвертки.—Бешпагиръ, въ 50 верстахъ отъ Ставрополя, на выс. 1000'.

66. **Trifolium angulatum W. K. Встрѣчается въ верховьяхъ Калауса съ 700 до 1500', Ставропольск. губ. Приводится здѣсь впервые для Кавказа.

67. **Trifolium polyphyllum C. A. M.** Довольно распространенное растеніе въ Главномъ хребтѣ, съ 6000 до 10000', въ особенности въ окрестностяхъ Эльборуса. Въ діагнозахъ Ледебура и Боассье есть неполнота въ описаніи этого вида, именно: у однихъ первые листья о 3—4 листочкахъ, а послѣдующіе о 7—9 листочкахъ; всѣ листочки обыкновенно въ 1,5 или 2 сантим. длины, цвѣточныя стрѣлки отъ 3 до 6 сантим. длины, несутъ отъ 3 до 7 цвѣтковъ съ грязно-пурпуровыми лепестками. У другихъ всѣ листья длинно-черешковые о 5 листочкахъ (длиною въ $2._5$—3 сантиметр.), стрѣлки до 12 сантим. длины, несутъ 7—9 желтоватыхъ цвѣтковъ, зубчики чашечки равные, вдвое короче вѣнчика. Послѣдняя форма взята по Бечоскому перевалу на скалахъ, 7500'.

68. **Astragalus contortuplicatus L. Кисловодскъ (очень рѣдко), на «Зеленыхъ горахъ», 3500'. У Боассье пропущенъ для Кавказа.

*69. **Astragalus Oreades C. A. M.** Растеніе альпійской области, съ 7000 до 10000'. Казбекъ (Мейеръ); Мамисонъ, въ плодахъ 24 іюня; Гульскій ледникъ въ Сванетіи, 9000'; сѣверный и южный склоны по Бечоскому перевалу изъ Сванетіи въ верховья Баксана. Впервые приводится здѣсь для Закавказья.

*70. **Astragalus supinus C. A. M.** Представляетъ слѣдующаго рода разницу въ описаніи: variatio foliolis glabrescentibus, pedunculis subnullis, vexillo violascente, legumine parce nigro-pubescente, 6 mm. longo, 4 mm. lato (Schmalhausen).

Принадлежитъ къ снѣговой зонѣ Главнаго хребта, съ 9000 до 10500'. Сѣверный склонъ Эльборуса; перевалъ Стули-вцекъ по обѣ стороны. Приводится впервые для Сѣвернаго Кавказа.

*71. **Astragalus fragrans Willd.** Встрѣчается вмѣстѣ съ предъидущимъ; неопредѣленно приводится для Закавказья (MB.); но для сѣвернаго склона до сихъ поръ не былъ извѣстенъ.

*72. **Astragalus Frickii Bung.** Взятъ близъ Мамисонскаго перевала по сѣверной сторонѣ, 8500'; извѣстенъ былъ для Арменіи и Закавказья (Frick.).

*73. **Astragalus humilis MB.** Баксанъ, на выс. 3000'; Кара-

чай въ верховьяхъ Кубани. У Боассье приводится для Иберіи и Арменіи.

74. **Astragalus albicaulis DC.** Султановское, 1500 (въ цвѣту 15 іюня), Ставропольск. губ.

75. **Astragalus cruciatus Link** (A. Asterias Stev.). Неопредѣленно приводится для Закавказья (Мейеръ); мною взятъ у ст. Страшнокопской, въ 15 верстахъ отъ Боржома.

76. **Oxytropis uralensis Wulf.**

α. **caucasica Bung.** (sp.). Къ описанію у Боассье нужно добавить: bracteis hirsutis calycem subaequantibus vel superantibus, legumen 17—18 mm. longo, 6 mm. lato; scapus 12—25 centim. longus.—Растеніе очень распространенное въ Главномъ хребтѣ центральнаго Кавказа, съ 3000 до 8500'; прежде приводилось только для Казбека и Дагестана. Экземпляры, взятые въ Дигоріи по Воллакомъ-дону, имѣютъ стрѣлку до 25 сантим. съ крупными бобами, снабженными неопадающими зелеными прицвѣтниками, по длинѣ почти равными бобу.

*β. **typica.** Эта форма не показана для Кавказа, но я къ ней отношу экземпляры, взятые на Баксанѣ, на 3000', въ плодахъ. Отличіе ихъ отъ предыдущей формы состоитъ въ слѣдующемъ: листья о 10—12 парахъ листочковъ; стрѣлки не болѣе 7—8 сантим.; длина боба 11—12 миллим., ширина 4 милл.; прицвѣтники короче чашечки, почти перепончатые.

77. **Oxytropis pilosa L.** Представители этого вида на Кавказѣ сильно уклоняются отъ типическихъ изъ другихъ мѣстъ, представляя переходныя формы между нимъ и другимъ, болѣе распространеннымъ чисто кавказскимъ видомъ—O. Pallasii Pers. Экземпляры, взятые въ предгорьяхъ Сѣвернаго Кавказа, на высотѣ 2000', характеризуются очень крупными, прямыми бобами, чѣмъ отличаются какъ отъ O. pilosa, такъ и отъ O. Pallasii; у послѣдней формы бобы должны быть изогнутые. O. Palasii тоже часто уклоняется отъ свойственныхъ ему, судя по описанію, признаковъ. Экземпляры, взятые на ст. Страшнокопской, близъ Боржома, по habitus'у и многимъ признакамъ, принадлежатъ къ O. Pallasii, но имѣютъ носикъ у лодочки короткій и бобы почти прямые. Необходимо болѣе тщательное изученіе сюда относящихся кавказскихъ растеній.

78. **Onobrychis circinata Desv.** Ошибочно приводится для окрестностей «Кавказскихъ минеральныхъ водъ» (Ризенкампфъ «Полный списокъ Пятигорской флоры»); онъ растетъ только въ Закавказьи,

напр. близъ Боржома. Близъ Пятигорска же, какъ и всюду на сѣверномъ Кавказѣ, распространенъ видъ O. vaginalis C.A.M. Кромѣ того, изрѣдка встрѣчаются на Сѣверномъ Кавказѣ, напр. близъ Сергіевскаго и Султановскаго, Ставропольской губерніи, формы среднія между названными видами, имѣющія habitus и слабо опушенные бобы, снабженные къ тому же длинными голыми твердыми шипами, какъ у O. circinata Desv. (O. radiata MB), въ то время, какъ форма и величина ихъ крыльевъ—признакъ наиболѣе устойчивый у всѣхъ Onobrychis—совершенно ничѣмъ не отличаются отъ типическихъ O. vaginalis C.A.M.

79. **Vicia Balansae Boiss.**

α. **typicum.** Caule erecto crasso striato foliis in cirrhum longum saepius ramosum abeuntibus. Стебли высокіе, въ 40—60 сантим., полые, голые или слабо пушистые, какъ и листья; послѣдніе, о 7—8 парахъ листочковъ, всегда оканчиваются длиннымъ вѣтвистымъ усикомъ или прицѣпкомъ; чашечки голыя или слабо пушистыя, въ особенности по зубчикамъ. Иногда попадаются экземпляры, которые характеризуются весьма густымъ опушеніемъ чашечки и сизоватымъ налетомъ на нижней сторонѣ листочковъ. Бечоскій перевалъ на южной сторонѣ 9000' и вообще въ Главномъ хребтѣ очень часто, а также по Дадіановскому и Сванетскому хребтамъ.

β. **brevicirrhis mihi. Caule glabro, solido, striato; foliis inferioribus mucrone brevi terminatis, mediis et superioribus in cirrhum brevem abeuntibus. Стебли плотные, голые, до 25 сант., листья о 5—6 парахъ листочковъ, нижніе совсѣмъ безъ усиковъ, средніе и верхніе съ очень короткимъ, простымъ или раздвоеннымъ усикомъ, листочки сжатые, нижніе придвинутые къ стеблю, цвѣтки мельче типической формы, чашечки слабо пушистые. Эта форма очень напоминаетъ V. tricatula MB., отъ которой однако рѣзко отличается устройствомъ цвѣтка и листочками. Мамисонскій перевалъ, 8000', 17 іюня въ цвѣту и плодахъ.

80. **Vicia ciliata Lipsk. (См. «Изслѣдованіе Сѣвернаго Кавказа, Кіевъ, 1891 г.). Встрѣчается часто въ предѣлахъ Кубанско-Терскаго водораздѣла съ 2000 до 4000'. Найдена мною близъ Кисловодска въ 1886 г.

81. **Vicia variegata Willd.** Варіируетъ интензивностью окраски лепестковъ, болѣе или менѣе густому опушенію, а также длинными узколинейными и короткими широкими прилистниками. Послѣдняя форма, послѣ болѣе полнаго изученія, вѣроятно, будетъ

выдѣлена въ особую разновидность (var. latestipulata). Очень распространенная въ Главномъ хребтѣ, съ 6000 до 9500'.

82. **Lathyrus rotundifolius Will.** Кромѣ типической формы, всѣ части которой голыя, встрѣчается еще форма:

β. **pubescens mihi.** Caule crispule pubescenti. Стебли снизу и почти до верху, черешки листьевъ и цвѣтоносы покрыты густымъ курчавымъ пушкомъ. Крылья стебля сильно съуженныя, голыя. — Пелагеяда, Ставропольск. губ. 800 фут., 22 іюня съ зрѣлыми плодами.

*83. **Lathyrus leptophyllus.** Желѣзноводскъ, очень рѣдко; извѣстно только для Закавказья.

84. **Lathyrus incurvus Roth.** β. **glaber mihi.** Caule glabro scandenti latiuscule alato, pedunculis folium longioribus, legumine suberecto. Растеніе совершенно голое, крылья стебля болѣе широкія, цвѣтоносы значительно длиннѣе листьевъ, цвѣтоножки вдвое длиннѣе чашечки (тогда какъ у типической, которую имѣю изъ Крыма, онѣ почти равны ей), бобы почти прямые, рубчикъ окружаетъ половину (а не треть) сѣмени. Село Солдатское, Терской области, 800', съ зрѣлыми плодами 15 іюля.

85. **Sorbus Aria Cranz** β. **intermedia Ehrh.** На Сѣверномъ Кавказѣ эта форма распространена по лѣснымъ опушкамъ съ 3000 до 5000'.—Бештау, въ цвѣту 31 мая 1887 г. (Ан. Ак.). Джинальскій хребетъ въ верховьи р. Ольховки близъ Кисловодска на 4200'. Близъ Чиркея (Кузнецовъ, «Элем. Средиз. флоры»).

86. **Crataegus oxyacantha L.** β. **pubescens Lipsk.** («Изслѣд. Сѣв. Кавказа»). Село Татарка, близъ Ставрополя. Бештау, въ цвѣту 12 мая 1887 (Ан. Ак.), Кисловодскъ, а также близъ Армавира (Липск.).

87. **Cotoneaster multiflora Bung.** Прежде было извѣстно только для Закавказья, но г. Липскимъ впервые найдено около Змѣиной горы; оказывается довольно распространеннымъ въ предѣлахъ Кубанско-Терскаго водораздѣла. Экземпляры, взятые по р. Подкумку, имѣютъ форму листьевъ яйцевидную или яйцевидно-округлую, до 4,7 сантим. длины и 3,6 сант. ширины.

88. **Rosa oplisthes Boiss.** Бакуріани, близъ Боржома, 6000'.

*β. **Brotheri Scheutz.** Извѣстно для Имеретіи, но оказывается довольно распространенной въ Главномъ хребтѣ по сѣверному склону: Дигорія, ледникъ Цей. Мои экземпляры нѣсколько отличаются отъ описаннаго у Боассье.

*89. **Rosa dumetorum Thuil.** Лайлаши, Кутаисск. губ. Да-

діановскій хребетъ 6000'. Дигорія въ верховіяхъ Уруха, 5000'. Близъ Ставрополя, въ плодахъ 18 іюля 1889 г.

*90 **Rosa coriifolia Freis.**

α. **Boissieri Crep.** (R. Ruprechti β. daghestanica Rupr.). Указывалась прежде для Дагестана (Рупр.), но оказывается распространенной на всемъ сѣверномъ Кавказѣ и въ Закавказьи. Пелагеада и Султановское, Ставроп. губ. Ставрополь (Норманнъ по рукописи). Зромахъ, по Ардону 6000'. Сванетія: Бечо и Мулахское общество.

*91. **Rosa iberica Stev.** Часто встрѣчается на Сѣверномъ Кавказѣ: Султановское, Ставропольск. губ. Дигорія, Коби 7000'; Тиберды въ верховья Кубани (Липск.) Сванетія: Гульскій ледникъ, 7—8000'.

92. **Rubus hirtus Weih.** Приводится для Кайшаура (Рупр.) и Владикавказа; мною взято по горному склону Бечоскаго перевала въ Главномъ хребтѣ, на выс. 6000'.

*93. **Geum strictum Ait.** Указывается только для Арменіи и Закавказья (Hoh.), между тѣмъ этотъ видъ весьма нерѣдокъ на всемъ Кавказѣ въ области 2000—7000'. Кисловодскъ, очень часто; Алагиръ, Псеканъ-су въ Балкаріи. Владикавказъ. Сванетія очень часто: Бечо, Гульскій ледникъ 7000, Кали, Сванетскій хребетъ. Бакуріани, близъ Боржома.

94. **Comarum palustre L.** Растеніе рѣдкое на Кавказѣ. Сомхетія (Ледеб.), Сванетія на пути изъ Ипаръ въ Мулахское общ. Бакуріани близъ Боржома 6000', въ торфяномъ озерѣ.

*95. **Potentilla brachypetala Fisch.** Сванетія: Мулахское общ., Кали, также верховье Уруха до ледника Харвесъ, очень часто, 7500'.

96. **Potentilla Oweriniana Rupr.**

α. **genuina mihi.** Stipulis lanceolato-linearibus, ad medium inter se coalitis, parte libera linearis, pedunculis calycibus subduplo longioribus, petalis calyce brevioribus, carpellis glabris. Слабо дернистое, цвѣты въ щиткѣ на болѣе длинныхъ цвѣтоножкахъ, чѣмъ чашечка; чашелистики длиннѣе лепестковъ, наружные равны или длиннѣе внутреннихъ, сѣмянки голыя; свободная часть прилистниковъ ланцентно-линейная, болѣе длинная, чѣмъ сросшаяся. Дигорія, ледникъ Харвесъ 8500'. Верхняя Сванетія 6600' (Овер.).

β. **divina Alb.** (sp.). (См. Альбовъ, Описаніе новыхъ видовъ растеній, найденныхъ въ Абхазіи). Stipulis lanceolatis, ad medium inter se

coalitis, parte libera lanceolatis, floribus subsessilibus, petalis calyce longioribus, carpellis ad carinam longe ciliatis. Сильно дернистое, съ короткими прилистниками и почти сидячими или на короткихъ цвѣтоножкахъ цвѣтками; чашелистики короче лепестковъ, наружные равны или короче внутреннихъ, сѣмянки пушистыя, по спинкѣ длинно-волосистыя. Между этими двумя формами существуютъ переходныя среднія. Эта послѣдняя форма очень распространена въ окрестностяхъ Эльборуса и западнѣе его. Мною взята по Бечоскому перевалу на обоихъ его склонахъ съ 7000 до 10000'. Взыбскій хребетъ и г. Чадымъ (Альбовъ). Теберда (Липскій).

97. **Potentilla geoides MB. Извѣстна для Крыма (откуда имѣю и я), на Кавказѣ взята близъ Кисловодска, по Березовой балкѣ, а также по южному склону Дадіановскаго хребта.

*98. **Potentilla pimpinelloides L.** Имѣю изъ Карачая въ верховьяхъ Кубани отъ г. Сипягина; кромѣ того взята мною близъ Тенгенекли по Баксану на выс. 6000'; очевидно имѣетъ значительное распространеніе на Сѣверномъ Кавказѣ, хотя до сихъ поръ показана была только для Арменіи.

99. **Potentilla inclinata β. glabrior mihi.** Pilis foliorum subtus non stellata, sed tantum adpressis griseo-tomentosis. Дигорія, 6000'; Ардонъ, 3000'. Тенгенекли, по Баксану. Сванетія въ Мулахскомъ обществѣ.

*100. **Potentilla Ruprechti Boiss.** До сихъ поръ приводилось для Закавказья только. Рача и Мамисонъ (Рупр.). Я имѣю съ г. Гудъ, 10000', съ сѣвернаго склона Эльборуса, 9500', а также Сванетскаго хребта (вершины).

101. **Potentilla cinerea Chaix.** Извѣстна изъ-подъ Ставрополя (Норм.). Мною найдена близъ Пелагеады, гор. Брыковая, Бештау 3000'. Экземпляры съ Брыковой имѣютъ листья, стебли и общій habitus Pot. opacae L., но нижняя сторона листьевъ покрыта, кромѣ длинныхъ оттопыренныхъ волосковъ, еще звѣздчатыми прижатыми волосками.

102. **Saxifraga Dinniki Schmalh.** (nov. sp.) Caespitoso-pulvinaris, glauca, caudiculis dense superne subrosulatim foliatis, foliis lineari-spathulatis, acutiusculis remote 5-foveolatis, subtus obtuse carinatis, patulis, apice recurvis, calcareo-incrustatis, margine a basi ad medium remote fimbriatis; caulibus floriferis cum calyce glabris, remote foliatis, unifloris; calycis laciniis ovatis obtusis; capsulà calyce subsuperante; stylis longis divaricatis, capsula longioribus.

Folia 6 mm. longa, $1^1/_2$ mm. lata; caulis florifer 25 mm. longus, styli 5—7 mm. longi.

Affinis S. caesiae L., sed differt caule unifloro et stylis longis divaricatis.

Caucasus centralis, in Balcaria primus legit N. Dinnik! (secundum specimina ab A. Normanno Stauropolensi communicata (Schmalhausen). Кромѣ того много было взято въ Балкаріи же по Псеканъ-су на выс. 6000' въ области известняковъ, въ плодахъ 15 іюля 1891 г.

103. **Saxifraga columnaris Schmalhausen (nov. sp.).

Caespitoso-pulvinaris, glauca, caudiculis longe columnaribus, dense imbricatim foliatis; foliis oblongis, dense imbricatis, erectis vel apice subrecurvis, obtusis, subtriquetris, supra subplanis, 5-foveolatis, subtus convexis, obtuse carinatis, margine a basi ad medium fimbriatis, calcareo ircrustatis; caulibus floriferis brevioribus unifloris, cum calice glanduloso-pubescentibus; foliis paucis linearibus; laciniis calycis ovatis, obtusis; petalis obovatis, multinerviis, calyce duplo longioribus, albis; capsula calycem subsuperante; stylis divergentibus, capsulam aequantibus.

Folia 3 mm. longa, 1 mm. lata; caulis florifer 5—12 mm. longus; stylis 4 mm. longus.

Affinis S. diapensoidi Beil., sed minus robusto, caules floriferi in nostra minoris uniflori (Schmalhausen).

Взято одновременно и въ одинаковыхъ условіяхъ съ S. Dinniki, въ Балкаріи по Псеканъ-су.

104. **Aegopodium tribracteolatum Schmalhaus. (nov. sp.)

Parce papillosum, caule subangulato, foliis caulinis ternatis, foliolis pinnatisectis, segmentis lanceolatis, basi cuneatis, profunde serratis, inferioribus petiolulatis 3-sectis, serraturis mucronulatis, involucri involucellique phyllis setaceis, his 3-reflexis pedicello duplo brevioribus, illis pluribus; radiis et pedicellis interne papillose pubescentibus; mericarpiis oblongis subteretibus, evittatis, jugis filiformibus.

Caulis 60 cm. altus; umbella unica 16-radiata; radii 35 mm. longi, fructus 3 mm. longi, segmenta foliorum circiter 3 cm. longa, 15 mm. lata.

A simili A. alpestri Ledeb. differt involucro et involucello, ab A. involucrato Orph. foliolis involucelli brevioribus et dentibus calycis obsoletis.

Взято близъ Боржома, на выс. 2800' 6 іюля 1887 г.

105. **Laserpitium dauciforme Schmalh. (nov. spec.) Caule elato, glabro, striato, ramoso, petiolis cum ramificationibus, vaginis et venis foliorum subtus parce hirsutis; foliis basi vagina ampla suffultis, ternatis, foliolis bipinnatisectis, segmentis ovato lanceolatis, pinnatifidis, laciniis lanceolatis, infimis saepe incisis, superioribus confluentibus, umbellà magnà, radiis numerosis, augulatis pedicellisque intus scabridis; involucri et involucelli phyllis numerosis herbaceis, longis, ciliatis, illis linearibus apice latioribus, interdum foliaceis et incisis, his subsetaceis radio umbellae subaequantibus; dentibus calycis lanceolato subulatis, petalis albidis, laceolato-inflexa; mericarpiis oblongis, jugis primariis grabris, secundariis anguste alatis, lateralibus latioribus, semen aequantibus; stylis reflexis.

Specimina incompleta, basi et foliis radicalibus carentia; umbellae radii ad 55,69 cm. longi; mericarpia immatura 7 mm. longa, 5 mm. lata.

L. ruthenico L. et L. hispido MB. habitu et foliis similis, a quibus differt jugis primariis non hispidis, foliolis involucri involucellique linearibus, haud membranaceo-marginatis, ab illo praeterea involucro, involucelloque haud reflexo, ab hoc petalis albidis differt (Schmalhausen).

Взять въ центральномъ Кавказѣ: въ Главномъ хребтѣ, на горной сторонѣ, по Бечоскому перевалу, на выс. 6500', въ плодахъ, 9 іюля, а также по горному склону Дадіановскаго хребта, въ цвѣту 24 іюня.

106. **Hieràcium atrocephalum Schmalhausen (nova spec.).

Pilis basi nigris hirsutum, caule dense foliato, superiore parte fusco, foliis lutescentibus, nitidulis, subintegerrimis, mucronatis, basi cordato-amplexicaulibus, mediis oblongo-lanceolatis, superioribus oblongo-ovatis, pedunculis longe et dense hirsutis, pauce bracteatis; capitulis mediocribus, involucri campanulati phyllis nigricantibus, adpressis, sublinearibus, acutiusculis, pilis brevioribus nigris glandula fulvescenti terminatis et longioribus apice canescentibus dense tectis; ligulis apice non ciliatis.

Specimen unicum, basi carens, 36 cm. altum, 3-cephalum; involucrum 11 mm. longum, 10 latum.

A H. prenanthoide Vill. et H. cydonifolio Vill. differt pilis longioribus rigidioribus, caule dense foliato, ligulis non ciliatis, praeterea a H. prenanthoide capitulis majoribus, a H. cydonifolia foliis sub-

integerrimis. H. foliosum W. K. a nostro differt pilis magis setosis, caule apice densius foliato capitulis minoribus pedunculis et involucris glabris, phyllis laxiusculis obtusis (Sshmalhausen).

Взята близъ Кисловодска по р. Ольховкѣ 3000', 1886 года въ іюлѣ.

*107. **Verbascum ibericum Schmalhausen** (nov. spec.) Canotomentosum, caule humili, foliis inferioribus oblongis, crenatis, in petiolum attenuatis, ceteris sessilibus, minute crenulatis, superioribus deminutis, ovatis, acuminatis; inflorescentia interrupta, simplici vel ramosà, foliis floribus ovatis calycem aequantibus, floribus 3—5 fasciculatis, subsessilibus vel pedicellis calycem subaequantibus suffultis, calyce mediocri ad $^2/_3$ in lacimas lanceolatas partito; corolla flava mediocri; filamentis omnibus flavido-lanatis; antheris omnibus reniformibus.

Caulis circiter 50 cm. altus; calyx 6—7 mm. longus; corolla 20 mm. lata.

A proximo V. Hohenackeri Fisch. et Mey. (Boissier, Flora Orientalis, T. IV, pag. 313) differt foliis caulinis non decurrentibus et calycibus majoribus; a V. glomerato Boiss. (l. c. pag. 309) statura et calyce minori (Schmalhausen).

Закавказье, станція Страшноокопская, въ 15 верстахъ отъ Боржома, 5 іюля 1888 г.

108. **Verbascum Sceptrum Schmah. (nov. sp.) Tenuiter-tomentoso-canescens; caule crasso, elato, simplici, dense folioso; foliis crenatis, oblongo-lanceolatis, basi attenuatis, caulinis sessilibus, inferiore parte cauli adpressis, valde acuminatis; inflorescentia longa, basi interrupta, apice densa; foliis floralibus fasciculos multifloros superantibus, sublinearibus acuminatis, bracteis calycem subaequantibus; pedicellis calyci aequilongis vel brevioribus, calyce sat magno, fere ad basin in lacinias lineari-lanceolatas acuminatas partito, corolla magna, flava, filamentis superioribus flavido-lanatis, inferioribus nudis; antheris staminum longiorum adnatis.

Folium radicale 35 cm. longum, 7 cm. latum; calyx 10 mm. longus, corolla 30 mm. lata.

Affine V. campestri Boiss. et Heldr. et V. Laguro Fisch. et Mey. (v. Boissier, Flora orientalis, T. IV, paq. 302), sed floribus pedicellatis differt, ab illo praeterea calyce majori, ab hoc lana laxa inflorescentiam, calyces et bracteas non occultante. V. armenum Boiss. (l. c., pag. 304) a nostro differt lana densa adpressa, foliis

floralibus latioribus, minus acuminatis pedicellis longioribus et calycibus minoribus (Schmalhausen).

Растеніе очень крупныхъ размѣровъ, до 2 метровъ вышиной; встрѣчается по дорогѣ отъ Бакуріани (близъ Боржома) до Цхрацхаро, на границѣ лѣсной растительности, на высотѣ 7500', въ цвѣту 14 іюля 1888 г.

109. **Stipa caucasica Schmalh. (nov. sp.) Dense cespitosa, caulibus pedalibus vel sesquipedalibus, foliis tenuibus setaceo-convolutis flexuosis, laevibus; vaginis ciliatis, ligula brevissima barbata; vagina suprema dilatata longe setaceo-attenuata, partem inferiorem paniculae plus-minus involucante; paniculae 5—10 florae subconfertae ramis brevibus, glumis subaequilongis, subbipollicaribus, lineari-lanceolatis, longe et tenuiter aristato-attenuatis; glumella glumis 2-3-plo breviore, basi in collum acutum nudum abeunte, supra callum undique, superne lineatim adpresse hirsuta; arista subquinquepollicari, ad quartam partem geniculatà et pilis adpressiusculis hirsuta; supra genu pilis patulis, versus basin unilateralibus, versus apicem sensim deminutis et evanescentibus plumosa.

Planta 25—40 cm. alta, glumae 25—45 mm. longae, glumella 12 mm. longa, arista infra genú 15—25 mm., supra id. $6^1/_2$—10 cm. longa.

Species variabilis et forsan non satis a S. orientali Trin. distincta. Haec attamen differta nostra statura minori, glumis et aristis subduplo brevioribus, pilis aristae infra genu sitis longioribus, versus apicem non tam deminutis. S. barbata Desf. ab utraque longe differt ligula lanceolata, panicula multiflora (Schmalhausen).

Встрѣчается близъ Кисловодска (гдѣ взята мною 24 іюля, 1886 г.), а также въ Дагестанѣ (Темиръ-Ханъ-Шура, гдѣ 6 мая, а близъ Чиръ-юрта 11 мая 1891 г. взята г. Липскимъ).

Напечатано по распоряженію Кавк. Отдѣла Имп. Рус. Географическаго Общества

Типографія Канцеляріи Главноначальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ.

ibus et

ь выше
до Ш
7500

cespi
ceo-co
barb
nferio
confer
ri-lan
2-3
n me
ari,
ra g
sensi

mella
—10

di-
ri-
us.
n-

ЗАПИСКИ

КАВКАЗСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

КНИЖКА XVI.

MÉMOIRES

DE LA SECTION CAUCASIENNE DE LA SOCIETE IMPERIALE RUSSE DE GÉOGRAPHIE.

LIVRE XVI.

Тифлисъ.
Типографія: Груз. Изд. Товарищ. и К. К. Козловскаго.
1894.

Подъ редакціею Дѣйствительныхъ Членовъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русск. Географич. Общ. Н. К. Зейдлица и Е. И. Кондратенко.

Печатано по распоряженію Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ (TABLE DES MATIÈRES).

ЗАПИСКИ
КАВКАЗСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

КНИЖКА XVI.

MÉMOIRES
DE LA SECTION CAUCASIENNE
DE LA SOCIETE IMPERIALE RUSSE DE GÉOGRAPHIE.

LIVRE XVI.

Тифлисъ.
Типографіи: Груз. Изд. Товарищ. и К. П. Козловскаго.
1894.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Б

Д.

Л

С

ОПЕЧАТКИ ЗАМѢЧЕННЫЯ.

—

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
6	7 снизу	грузины	оно
—	6 —	пригласили	нашло въ лицѣ
—	— —	на защиту	защиту для
—	2 —	абхазцевъ	объ Абхазіи
123	7 снизу	Eryobothria	Eriobotrya
178	8 сверху	вѣтлы	ветлы
195	1 снизу	Джунгууцай	Джунгутай
196	19 сверху	видѣнъ	виденъ
203	20 —	курщцы	курущцы
—	3 снизу	впрочомъ	впрочемъ
204	5 —	происведенной	произведенной
206	12 сверху	большой	большомъ
—	— —	большой	большей
—	19 —	одежа	одежда
220	7 снизу	Донйо-хи	Доной-хи
221	4 сверху (таб.)	173	17,3
243	5 сверху	sylvaticus	sylvatica
247	4 снизу	Канчаветскій	Кончаветскій
258	4 сверху	А. Д. Андрониковымъ	Л. Д. Андрониковымъ
273	14 снизу	25 селъ	28 селъ
319	14 сверху	застенчивая	застѣнчивая
421	5 сверху	кудичекъ	куличекъ
На планѣ вершины горы Б. Арарата		сернистый водорадъ	сѣрнистый водородъ
На планѣ верш. М. Арарата		фульгурити	фульгуриты

I

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Г. М. Г. Джанашвили, въ своей компилятивной статьѣ „Абхазія и абхазцы", помѣщенной въ настоящей, XVI, кн. „Записокъ Отдѣла", вводя абхазскія и грузинскія слова, изображалъ ихъ буквами русскаго алфавита, съ присоединеніемъ къ нимъ, въ видахъ нѣсколько болѣе точнаго выраженія произношенія этихъ словъ, двухъ буквъ французской азбуки (h и q) и одной буквы грузинской (Ѵ). Буква h введена авторомъ для обозначенія, что та буква русской азбуки, около которой будетъ стоять h, должна произноситься съ придыханіемъ; буква q—предназначена для выраженія глубоко-гортаннаго *к*, а буква грузинская Ѵ—для выраженія звука нѣсколько подходящаго къ сочетанію русскихъ буквъ *т* и *ц*. По просьбѣ г. Джанашвили, упустившаго объ этомъ разъяснить въ его предисловіи, редакція, въ устраненіе недоразумѣній, могущихъ явиться при чтеніи статьи „Абхазія и абхазцы", ставитъ въ извѣстность читателей.

Г. Н. М. Альбовъ, авторъ статьи—„Ботанико-географическія изслѣдованія въ Западномъ Закавказьи", составляющей предварительное сообщеніе его, прочитанное имъ въ общемъ собраніи Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества и помѣщенное въ настоящей, XVI, кн. „Записокъ Отдѣла",—проситъ насъ сдѣлать извѣстнымъ, что предположеніе его, высказанное имъ въ этой статьѣ, основанное на приблизительныхъ наблюденіяхъ, будто известняки, флору на которыхъ онъ изучалъ въ Западномъ Закавказьи, есть юрскіе, не оправдалось, послѣ изслѣдованія въ Новороссійскомъ университетѣ породъ известняковъ, собранныхъ г. Альбовымъ въ названной части края.

Редакція, желая пополнить ботанико-географическія свѣдѣнія о западной части Закавказья, помѣстила въ настоящей книжкѣ „Записокъ", съ разрѣшенія г. Дика, ботаника и садовладѣльца въ Саксоніи, въ переводѣ, пять его статей, большею частью посвященныхъ имъ путешествію его въ этой части края. Такой-же трудъ (ботанико-географическій) о Западномъ Закавказьи гг. Сомье и Левье, ботаниковъ во Флоренціи, редакція, заручившись согласіемъ названныхъ ученыхъ, предполагаетъ помѣстить въ слѣдующей книжкѣ „Извѣстій".

Абхазія и абхазцы.

(Этнографическій очеркъ)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Абхазцы извѣстны съ древнихъ временъ: Плиній (29—79 по Р. Х.) называетъ ихъ абсилами (absilae), Арріанъ (100—160 по Р. Х.)—апсилами (αψιλαι), древнія лѣтописи Грузіи—апһшил'ами (апһшили) и апһсар'ами (апһсари). Сами абхазцы называютъ себя апһсуа, а свою страну—Апһсв; нынѣшніе грузины называютъ ихъ различно: абхази, апхази, апһхази.

Изъ сравненія этихъ именъ видно, что этническое названіе абхазцевъ образовалось изъ апс, абс, апһс, апһш. Въ кавказскихъ языкахъ звуки б, п, пһ, м, в, также с, ш, весьма часто замѣняютъ другъ друга. Вотъ нѣсколько примѣровъ: а-м-сэба=а-в-сэба =ап-һ-шэпһа, что̀ значитъ наполнять; сули=шури, душа; м-равали =б равали=б-рэли=пһ-рэли, множество; п-ркэ=б-ркэ и пр. Итакъ, тождество абс, апс, апһс и абш, апс, апһш несомнѣнно. Что-же значитъ абс или апһш?

Прежде всего нужно сказать, что въ абхазскомъ языкѣ существительнымъ именамъ предшествуетъ „а“, соотвѣтствующее значенію члена le и la во французскомъ языкѣ. Это „а“ въ словосочетаніи часто выпадаетъ. Возьмемъ, для примѣра, одинаковыя слова, какъ въ грузинскомъ, такъ и въ абхазскомъ языкѣ:

грузинскія:	абхазскія:	
кһалакһи	а—кһалакһ	городъ
натһла	а—натһра	крещеніе
камбэчи	а—камбаш	буйволъ
нана	а—нан	мать
кһартһуэли	а—кһиртһуа	грузинъ
лази	а—лаз	лазистанецъ
каба	а—каба	платье

грузинскія;	абхазскія:	
калтһа	а—калтһа	фалды
хэрхи	а—хуархи	пила
макратэли	а—макратил	ножницы
кибэ	а—киба	лѣстница
гэмо	а—гэма	вкусъ
кһваби	а—кһваб	котелъ
угһэли (угһу, сванское)	а—угһу	ярмо
гули (гуи, сванское)	а—гу	сердце
зари	а—зар	плачъ, рыданіе

Нерѣдко и грузинскій языкъ прибѣгаетъ къ такому-же способу образованія существительныхъ изъ глагольныхъ корней, съ добавленіемъ къ концу именъ вспомогательнаго глагола л и или а р и *) (3-е лицо един. числа изъяв. накл., значитъ—есть). Напр. д э г или д г и значитъ—стой, крѣпись; а-д э г или а-д г и—вставай; а-д г и-л и—твердь, земля, суша. Также: н у с х э—считай, м-н у с х э-л и—считающій, а-м-н у с х э-л и—счетоводъ.

Итакъ, мы имѣемъ въ корнѣ только п һ с или п һ ш, что на многихъ кавказскихъ языкахъ, не исключая языковъ абхазскаго и грузинскаго, имѣетъ многоразличныя родственныя значенія рѣки, воды, влаги, души, источника и пр. По-черкесски, напр., п һ д з э или п һ с е значитъ рѣка, вода; по-грузински: п һ ш а,—рѣка, рѣчка, ключевая вода; пһшэ-на или пһши-нва—дыханіе, вздохъ, запахъ; м-пһшуэни—дышащій, душа, духъ; п һ с а -лить, п һ с э л и—урина; по-абхазски: а п һ с—душа, а п һ ш а вѣтеръ, воздухъ; а д з и (ძი)—вода, рѣка, ручей; а д з и-х и—источникъ: а д з и-ж и--озеро, амшин—море, и т. д.

Извѣстно, что многіе древніе народы свои названія получили отъ тѣхъ водъ, на берегахъ которыхъ они жили. Припомнимъ, напр., хоть изъ древне-славянской исторіи—поморянъ, полабовъ, бужанъ и друг. **).

---

*) а р и—есть; въ грузинскомъ языкѣ и его діалектахъ этотъ глаголъ является то въ формѣ а (напр. каци-а=человѣкъ есть) то въ формѣ л и (ара-ли=не-есть), то р и или р э (ахло-рэ=близко есть). Изъ нихъ въ грузинскомъ преобладаетъ употребленіе формы а р и, въ мингрельскомъ—р э, р и, р о, въ сванскомъ—л и, а р и, въ абхазскомъ—л, р.

**) ,,Разселяясь по Европѣ, славяне дали рѣкамъ тѣ древнѣйшія названія, вынесенныя ими съ востока, которыя изначала употреблялись, какъ нарицательныя имена рѣки или воды вообще. Такъ, названія: Сава, Драва, Одра (Одеръ), Ра, Упа, Ока, Донъ, Дунай, Двина—арійскаго происхожденія и имѣютъ въ санскритѣ родственныя себѣ формы и кор-

Тоже самое мы видимъ и въ Грузіи, гдѣ, въ большинствѣ случаевъ, названія провинцій и племенъ, населяющихъ ихъ, образовались изъ понятій, означающихъ рѣку, источникъ, озеро, воду и пр. Такъ, напр., Д ч а значитъ источникъ, колодезь, рѣка; д ч а-р и=рѣчной, а-д ч а р и=Адчара (въ турецкой Грузіи - Аджарія); д ч а р и=(рѣчной)=Дчарская область (въ Закаталахъ); д ч а-н и значитъ ключи, рѣки, - д ч а н-э т һ и=Дчанетія (грузинское названіе всей турецкой Грузіи); д ч а р о х и=р. Дчорохъ; д ч а-л а, роща, рѣка, —д ч а л а-д и д и=Дчаладиди (буквально „большая рѣка").

П һ ш а=рѣчка, П һ ш а-э т һ и=Пшавія; П һ ш а=рѣка около Гори, рѣка въ Гуріи, въ Аджаріи и въ другихъ мѣстахъ; А б а ш а (древн. А п һ ш а)=рѣка въ Имеретіи; П һ а с и с и (древн. пһсиси)=рѣка Пһазъ, Пһасъ (буквально - рѣчной: пһасиси—родит. пад.).

Отъ этого-же корня происходитъ а-пһши-ли, какъ изъ „дги" а-дги-ли. Въ буквальномъ переводѣ „а-пһши-ли" должно означать: „рѣчной". Такимъ образомъ, въ названіяхъ а п һ ш и л и п һ ш а э л и (пшавецъ) и А б а ш э л и=А б ш э л и (житель береговъ р. Абаши) я нахожу полнѣйшее сходство. Тоже самое значитъ и слово А б с а р и, гдѣ, вмѣсто существительнаго глагола а л и, стоитъ другая его форма а р и (Абс-ари=Абс-али); а такъ какъ грузинскія а р и, а л и и сокращенно р и, л и въ абхазскомъ языкѣ переходятъ въ „а" и „уа" (Кһартһу-али=акһиртһу-а, грузинъ, гурули=а-гура-а, гуріецъ, мэ-грэ-ли=а-гру-а, мингрелецъ), то мы и имѣемъ а б с у а=абхазецъ, т. е. грузинское а б ш и-л и (абхазецъ)=равнозначащее абхазскому а б с у-а.

Отъ этого-же корня происходятъ названія многихъ рѣчекъ въ Абхазіи, какъ-то: П һ ш и ц а (рукавъ Бзыби), П һ ш а н д р а (около сел. Лыхны), р. П һ с ц э, р. Хашу-П һ с э, р. П һ с б у, Туа-п һ с э и пр.

ни съ указаннымъ общимъ значеніемъ: dhuni, dhoni (рѣка) доселѣ удерживаетъ свой первоначальный смыслъ на Кавказѣ, гдѣ у осетинъ формы д у н и д о н означаютъ всякую рѣку и воду; у славянъ-же Д о н ъ перешло въ собственное имя, а форма д у н съ окончаніемъ а в ъ образовала: Д у н а в ъ, а потомъ Д у н а й. Слово Д у н а й, служащее собственнымъ именемъ извѣстной рѣки, до сихъ поръ употребляется и какъ нарицательное для всякихъ большихъ и малыхъ рѣкъ. Примѣры можно видѣть въ галицкихъ и польскихъ пѣсняхъ: „за рѣками—за дунаями". (Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, II, 220)

Сами единоплеменные абхазцамъ черкесы, называемые туземцами а д з и х и, а д з и г и, а д з е г и, получили свое названіе отъ того-же корня д з и или д з э, что̀ означаетъ воду, рѣку, море. По-черкесски, какъ мы выше сказали, п h с э или п h д з е значитъ вода, рѣка; тоже самое значитъ и въ грузинскомъ и абхазскомъ языкахъ. Кромѣ того, въ этихъ послѣднихъ языкахъ изъ того-же корня образовались слова з г h у а или д з у г h в а (въ грузинскомъ, мингрельскомъ и сванскомъ), что̀ значитъ море, а д з и ж и (по-абхазски) озеро, а д з и х и (по-абхазски-же) источникъ, ключевая вода. Вотъ откуда а д з и х и (черкесы) и стали называться таковымъ именемъ. Точно также слово ш а- п h с у г и съ грузинскаго буквально значитъ рѣчной, у водъ живущій (ша-пhсу-ги=са-пhсу-ги=са-пhшу-ги въ переводѣ значитъ „гдѣ вода —тамъ").

Интереснѣе всего другое грузинское слово т б а, что̀ значитъ озеро. Это слово въ древнихъ письменныхъ памятникахъ и, нынѣ, въ мингрельскомъ діалектѣ встрѣчается и произносится одинаково—т о б а; сваны-же произносятъ его—т и б а р и иногда т у и б а р, что̀ означаетъ и озеро, и глубокое ущелье и, вообще, глубокую ложбину. Уже въ датированныхъ памятникахъ X вѣка мы встрѣчаемъ названіе древней грузинской провинціи Т б э т h и, въ центрѣ которой нынѣ красуются развалины знаменитой Тбетской церкви, построенной Ашотомъ Кухомъ († 918 г.). Т б э т h а значитъ „озерье", „озера"; Т б э л и и т о б э л и значитъ „озерецъ" *), озерный, при озерѣ находящійся или живущій. А между грузинскимъ Тобэли и библейскимъ Тhобэли, которыя на картахъ Киперта занимаютъ какъ-разъ то мѣсто, гдѣ находится грузинская провинція Тобэтhа (Тобэли), я не нахожу никакой разницы.

Этихъ Тhобэловъ греко-римскіе писатели иногда именуютъ Т и б а р э н а м и, а это названіе есть тоже грузинское Тобэли сванскаго произношенія „Тибар". Во множественномъ числѣ изъ этого слова мы имѣемъ „Тибарэни", т. е. Тибарцы—озерцы. Гекатей (около 550 г. до Р. Хр.) называетъ ихъ Типаниси (Типаниссэ), что̀ стоитъ въ родит. пад. множ. числа и переводится съ грузинскаго словомъ „озерные". Типаниси, Тибарены греко-римскими писателями считаются народомъ, родственнымъ Мосхамъ и Колхамъ. Отъ этого-же корня мы имѣемъ теперь множество на-

*) „Тбэли" (по мингрельскому произношенію „тобэли") есть титулъ Тбэтскихъ епископовъ съ 918 года.

званій, какъ-то: **Тобарозани** (озеристый), озеро Тапараванъ; **Тобаніэри** (озерный), селеніе въ Имеретіи (около Кутаиса); **Тоба-цурэ** (озеро-бухта), селеніе въ Мингреліи; **Дидитба**, великое озеро, около Царскихъ Колодцевъ; **Тубанис-тба**, озерное-озеро, въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ; **Тцэ-тоба** (лѣсъ-озеро), въ Закатальскомъ округѣ и друг.

Оставляя за собою право въ другой разъ вернуться къ болѣе подробному выясненію своего взгляда на происхожденіе этническихъ названій картвельскаго племени, перехожу къ изложенію краткаго историческаго очерка Абхазіи.

Лѣтописи Грузіи, достовѣрность и древность которыхъ отвергались покойнымъ К. П. Паткановымъ, но вполнѣ подтверждаются вновь найденной грузинской хроникой первой половины X вѣка, свидѣтельствуютъ, что распространителемъ христіанства въ Абхазіи былъ Симонъ Кананитъ, прибывшій въ Грузію, вмѣстѣ съ апостоломъ Андреемъ. Оба апостола вступили въ Аджарію, откуда Андрей направился къ Месхетіи (къ Ахалциху), а Симонъ Кананитъ къ Имеретіи и Абхазіи. Хотя послѣдній сдѣлался здѣсь жертвою язычниковъ, но брошенныя имъ сѣмена христіанства не погибли безслѣдно: по истеченіи 2—3 вѣковъ, они взошли, и языческій міръ просіялъ свѣтомъ христіанскаго ученія. На мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Симонъ Кананитъ, былъ воздвигнутъ храмъ, который и до нашего времени привлекаетъ множество богомольцевъ.

О христіанствѣ въ Абхазіи и Грузіи мы имѣемъ свѣдѣнія и изъ греко-римскихъ писателей. Такъ, напр., Прокопій, писатель конца VI вѣка, говоритъ: „Христіанство нигдѣ такъ чисто не сохраняется, какъ въ Иверіи". Далѣе: „Съ тѣхъ поръ, какъ царствуетъ Юстиніанъ Августъ, нравы абхазцевъ замѣтно смягчились, потому что они приняли христіанство. Юстиніанъ послалъ къ нимъ одного изъ своихъ евнуховъ—Евррата, абхазца по рожденію, съ цѣлью воспрещать князьямъ производить кастратовъ. Юстиніанъ же воздвигъ у абазговъ храмъ Божіей Матери и назначилъ въ него священниковъ; онъ позаботился, чтобы послѣдніе распространяли христіанство" *). Указываемый Прокопіемъ храмъ Божіей Матери есть знаменитый Бичвинтскій (Пицундскій) храмъ, который съ древнѣйшаго времени игралъ видную роль не только въ религіозной, но и въ политической жизни абхазцевъ. Эриставъ абхаз-

---

*) Histoire de la Géorgie, par Brosset, St. Pétersb. 1856, 4°, II, p. 240.

скій Леонъ II, пользуясь ослабленіемъ Грузіи послѣ двукратнаго нашествія арабскаго воинства, отложился отъ царя Грузіи Джуаншэра и принялъ титулъ царя абхазскаго въ 786 году. Столицей царства онъ избралъ Бичвинту, гдѣ уже святительствовали католикосы. Самостоятельность абхазскаго царства продлилась всего два вѣка. Царь Грузіи Давидъ Великій, будучи бездѣтенъ, усыновилъ себѣ Баграта III (980—1014), родившагося отъ супружества Гургена, наслѣдника грузинскаго престола, съ дочерью Георгія II, царя абхазскаго, Гурандухтою. А такъ какъ мужеская линія царей абхазскихъ, со смертію слѣпого царя Θеодосія II, пресѣклась, то царство абхазское, по праву ближайшаго родства съ этимъ домомъ, вмѣстѣ съ удѣлами Багратидовъ Самцхійскихъ, было соединено съ грузинскимъ, и Багратъ III принялъ титулъ царя грузинскаго и абхазскаго. Съ этого-же времени католикосы Мцхетскіе стали титуловаться католикосами „всея Грузіи" и иногда „всея Грузіи и Абхазіи". Въ цвѣтущій періодъ грузинской исторіи (съ X по XII вѣкъ) вся Абхазія и особенно береговыя части ея покрылись городами, монастырями, церквами и укрѣпленными замками. Съ конца XV вѣка, т. е. по паденіи Византіи и утвержденіи на Софійскомъ храмѣ вмѣсто креста—полумѣсяца, въ Абхазіи, мало-по-малу, распространилось магометанство, чему еще болѣе содѣйствовало то обстоятельство, что Грузія, ослабленная и разоренная въ многовѣковой борьбѣ съ монголами и затѣмъ съ персами и турками, въ XV-мъ же вѣкѣ распалась на три царства (кахетинское, карталинское и имеретинское) и пять княжествъ (самцхійское, сванское, мингрельское, абхазское и гурійское); при этомъ турки покорили Аджарію и стали въ ней распространять магометанство. Въ это время и кавказскіе горцы (лезгины, чеченцы, сѣверные осетины, черкесы и др.) измѣнили христіанству и приняли магометанство. Грузія, со всѣхъ сторонъ окруженная магометанствомъ, съ трудомъ, но еще сохраняла свою вѣру; но слабая и маленькая Абхазія этого не могла сдѣлать: магометанское ученіе сильно распространилось въ ней и совершенно поглотило-бы христіанство, еслибы грузины своевременно не пригласили сѣвернаго колосса на защиту всѣхъ древнихъ аборигеновъ Кавказа.

Источниками и пособіями при составленіи настоящаго этнографическаго очерка Абхазіи послужили автору слѣдующія статьи абхазцевъ: 1. „Абхазія и абхазцы", этнографическій очеркъ П. Гіоргидзе, помѣщенный въ „Иверіи" за 1888 г.; 2. „Абхазія"

этнографическій очеркъ К. Мадчаваріани, въ газетѣ ,,Дроэба'' 1884—1885 гг.; 3. ,,Очеркъ абхазской миѳологіи'', Званбая, ,,Кавказъ'' за 1867 г., номера 74, 75 и 76; 4. ,,Религіозныя вѣрованія абхазцевъ'', А., въ ,,Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ'', вып. V, и 5. ,,Экономическое положеніе туземнаго населенія Сухумскаго отдѣла", его-же, въ томъ-же „Сборникѣ", вып. VI.

М. Джанашвили.

25 апрѣля 1892 года.
Г. Тифлисъ.

скій Леонъ II, пользуясь ослабленіемъ Грузіи послѣ двукратнаго нашествія арабскаго воинства, отложился отъ царя Грузіи Джуаншэра и принялъ титулъ царя абхазскаго въ 786 году. Столицей царства онъ избралъ Бичвинту, гдѣ уже святительствовали католикосы. Самостоятельность абхазскаго царства продлилась всего два вѣка. Царь Грузіи Давидъ Великій, будучи бездѣтенъ, усыновилъ себѣ Баграта III (980—1014), родившагося отъ супружества Гургена, наслѣдника грузинскаго престола, съ дочерью Георгія II, царя абхазскаго, Гурандухтою. А такъ какъ мужеская линія царей абхазскихъ, со смертію слѣпого царя Θеодосія II, пресѣклась, то царство абхазское, по праву ближайшаго родства съ этимъ домомъ, вмѣстѣ съ удѣлами Багратидовъ Самцхійскихъ, было соединено съ грузинскимъ, и Багратъ III принялъ титулъ царя грузинскаго и абхазскаго. Съ этого-же времени католикосы Мцхетскіе стали титуловаться католикосами „всея Грузіи" и иногда „всея Грузіи и Абхазіи". Въ цвѣтущій періодъ грузинской исторіи (съ X по XII вѣкъ) вся Абхазія и особенно береговыя части ея покрылись городами, монастырями, церквами и укрѣпленными замками. Съ конца XV вѣка, т. е. по паденіи Византіи и утвержденіи на Софійскомъ храмѣ вмѣсто креста—полумѣсяца, въ Абхазіи, мало-по-малу, распространилось магометанство, чему еще болѣе содѣйствовало то обстоятельство, что Грузія, ослабленная и разоренная въ многовѣковой борьбѣ съ монголами и затѣмъ съ персами и турками, въ XV-мъ же вѣкѣ распалась на три царства (кахетинское, карталинское и имеретинское) и пять княжествъ (самцхійское, сванское, мингрельское, абхазское и гурійское); при этомъ турки покорили Аджарію и стали въ ней распространять магометанство. Въ это время и кавказскіе горцы (лезгины, чеченцы, сѣверные осетины, черкесы и др.) измѣнили христіанству и приняли магометанство. Грузія, со всѣхъ сторонъ окруженная магометанствомъ, съ трудомъ, но еще сохраняла свою вѣру; но слабая и маленькая Абхазія этого не могла сдѣлать: магометанское ученіе сильно распространилось въ ней и совершенно поглотило-бы христіанство, еслибы грузины своевременно не пригласили сѣвернаго колосса на защиту всѣхъ древнихъ аборигеновъ Кавказа.

Источниками и пособіями при составленіи настоящаго этнографическаго очерка Абхазіи послужили автору слѣдующія статьи абхазцевъ: 1. „Абхазія и абхазцы", этнографическій очеркъ П. Гіоргидзе, помѣщенный въ „Иверіи" за 1888 г.; 2. „Абхазія"

этнографическій очеркъ К. Мадчаваріани, въ газетѣ „Дроэба" 1884—1885 гг.; 3. „Очеркъ абхазской миѳологіи", Званбая, „Кавказъ" за 1867 г., номера 74, 75 и 76; 4. „Религіозныя вѣрованія абхазцевъ", А., въ „Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ", вып. V, и 5. „Экономическое положеніе туземнаго населенія Сухумскаго отдѣла", его-же, въ томъ-же „Сборникѣ", вып. VI.

М. Джанашвили.

25 апрѣля 1892 года.
Г. Тифлисъ.

Абхазія и абхазцы.

I.

Абхазецъ.—Его характеръ.—Грабежи, нападенія и воровство.—Краснорѣчіе абхазца.—Месть за кровь.—Любовь къ родинѣ.—Гостепріимство, вѣжливость и привѣтливость.—Честность.—Выгода.—Народныя игры.—Поэзія.

Абхазецъ—средняго роста, худощавый, смуглый, съ черными волосами и глазами горецъ. Онъ безстрашенъ, смѣлъ и гордъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, непостояненъ и чрезвычайно вспыльчивъ. На ряду съ природною даровитостью, красотой и, вообще, симпатичными сторонами характера, въ немъ проявляется немало и отрицательныхъ чертъ, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Абхазцы съ древнѣйшихъ временъ слывутъ за самыхъ безстрашныхъ и смѣлыхъ разбойниковъ. Они постоянно дѣлали набѣги на сосѣдей, грабили ихъ и опустошали. Впрочемъ, грабежи и набѣги—это общая черта всѣхъ вообще горцевъ. „Внѣ грабежа и набѣговъ жизнь не въ жизнь горцу", говоритъ въ своемъ сочиненіи Сергѣй Мечъ. Въ этой чертѣ горца—вся его поэзія, все украшеніе его существованія. Одинъ только тигръ можетъ сравниться съ горцемъ въ неожиданности и быстротѣ нападенія въ глухую, темную ночь на спящее селеніе. Идя на добычу, горецъ увѣренъ, что его ничто не выдастъ и не измѣнитъ ни кинжалъ, который у него всегда въ ножнахъ, ни блескъ ружья, завернутаго въ чахолъ, ни мягкая неслышная поступь ноги, обутой въ лапоть, ни хорошо-обученный для ночной ѣзды конь, ни его, наконецъ, языкъ, шипящіе звуки котораго напоминаютъ шелестъ листьевъ.... Съ глазами, налитыми кровью, съ кинжаломъ въ одной и пистолетомъ въ другой рукѣ, съ страшнымъ гикомъ бросается горецъ въ битву и въ это время забываетъ все, кромѣ побѣды.... Таковы абхазцы и ихъ сосѣди.

Абхазецъ и понынѣ считаетъ воровство удальствомъ, геро-

измомъ и чуть ли не такою-же необходимостью, какъ пища и питье. Этимъ недугомъ одинаково страдаютъ, отъ мала до велика, всѣ абхазцы—мужчины, женщины и дѣти, а высшее абхазское сословіе обратило его даже въ постоянное свое ремесло. Мѣняются времена и обстоятельства, поколѣнія за поколѣніями медленно, но постоянно вносятъ въ абхазскую жизнь новыя культурныя начала,—и одно лишь воровство неизмѣнно остается излюбленнымъ занятіемъ абхазца, какъ-бы освященное авторитетомъ сѣдой старины....

Впрочемъ, что тутъ удивительнаго? Абхазецъ, будучи еще ребенкомъ, неотразимо подчиненъ окружающимъ его обстоятельствамъ и всевозможнымъ стихійнымъ воздѣйствіямъ. Сообразно этимъ внѣшнимъ стихійнымъ или внутреннимъ нравственнымъ вліяніямъ, онъ и поступаетъ, дѣлаясь взрослымъ человѣкомъ. Какія-же воздѣйствія испытываетъ абхазецъ въ юности и какія нравственныя начала выноситъ онъ изъ явленій и фактовъ окружающей его природы и среды?.. Вотъ онъ, ребенкомъ, держа въ рукѣ ножъ съ рукояткою больше себя, пасетъ въ лѣсу или въ горахъ буйволовъ или козъ и наблюдаетъ происходящее у него передъ глазами: вонъ лиса подстерегла неосторожную дикую курочку, схватила ее и поволокла на расправу въ лѣсную чащу; вонъ изголодавшійся волкъ, на глазахъ у зазѣвавшагося пастуха, такого-же подростка, какъ и онъ, выхватилъ изъ стада ягненочка; вонъ тамъ, подальше, пернатый хищникъ, улучивъ удобную минуту, стрѣлой налетѣлъ на слабаго лѣсного обитателя и, вцѣпившись въ него когтями, поднялся съ пойманнымъ животнымъ и исчезъ въ синевѣ неба.... и такъ изъ дня въ день. Одни и тѣ-же образцы безнаказаннаго грабежа и насилія, повседневно повторяющіеся, не могутъ не оставить, конечно, глубокихъ слѣдовъ въ душѣ наблюдательнаго подростка-пастуха. Наблюденныя имъ въ окружающей природѣ явленія, по приходѣ его домой, скрѣпляются и, такъ сказать, освящаются въ его глазахъ авторитетомъ старшихъ членовъ семьи: здѣсь ежедневно происходятъ пересуды и перебранки по случаю потери или угона кѣмъ-то чужого скота; онъ слышитъ, съ одной стороны, похвалы и одобреніе воровству, а съ другой—проклятія по адресу уворовавшаго; онъ видитъ, наконецъ, какъ, хозяйка семьи, въ законности поступковъ которой ему ни разу не приходило въ голову сомнѣваться, съ великою осторожностью достаетъ зарытое въ землѣ мясо украденнаго у сосѣдей животнаго и варитъ его... Когда-же, умудренный наблюденіемъ окружающей среды и удачными опытами своихъ близкихъ, ребенокъ вы-

ростаетъ въ взрослаго юношу,—то родители и, вообще, представители семьи даютъ ему оружіе, предварительно благословивъ его словами: „пріобрѣтай теперь самъ, находи себѣ состояніе воровствомъ и грабежомъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ всѣ твои сверстники". Слѣдовательно, воровство не только получаетъ здѣсь значеніе примѣра, достойнаго, при благопріятномъ случаѣ, подражанія; но оно предлагается, какъ обязательный modus vivendi, какъ догматъ, санкціонированный авторитетомъ родителей и, вообще, старшихъ въ семьѣ.

Обратимъ вниманіе еще на другое обстоятельство. Дѣти, какъ извѣстно, весьма любятъ сказки и всякаго рода повѣствованія и легенды. Въ длинныя зимнія ночи старики и старухи разсказываютъ ихъ абхазскимъ дѣтямъ. Но большинство подобныхъ разсказовъ также вредно въ смыслѣ нравственнаго вліянія, ибо содержаніе этихъ легендъ, сказокъ и повѣствованій дальше восхваленій воровству, грабежу и нападеніямъ не идетъ; въ нихъ прославляется смѣлость, рѣшимость и храбрость какого-нибудь „абрага" (абрекъ=разбойникъ), его воровская находчивость, смѣтливость при затрудненіяхъ, удальство при грабежѣ и захватѣ чужого добра. Этимъ, отчасти, быть можетъ, объясняется то печальное явленіе въ жизни абхазцевъ, что лица, даже понюхавшія средняго образованія, по возвращеніи на родину подчасъ вновь отдаются усвоенному съ дѣтства ремеслу—воровству. Виноваты тутъ, конечно, не школа и не среднее образованіе, а тѣ традиціонныя воззрѣнія на это „ремесло", отъ соприкосновенія съ которыми гибнетъ всякое иное единичное воззрѣніе на него, подобно тому, какъ одинокій пшеничный колосъ глохнетъ среди окружающихъ его плевелъ.

Въ воровствѣ абхазецъ вѣроломенъ. Лучшіе, повидимому, друзья не стѣсняются красть другъ у друга, и въ Абхазіи не рѣдкость, что братъ крадетъ у брата, отецъ у сына, сынъ у отца. Вошло чуть-ли не въ поговорку, что когда абхазцу не у кого красть, такъ онъ крадетъ у самого себя. Бывали примѣры, что абхазецъ, выкравъ у сосѣда, въ темную ночь, лошадь и обмѣнявъ ее, по угонѣ за тридевять земель, на другую, въ ту-же ночь возвращался домой, а на утро, при первой-же суматохѣ по случаю кражи у сосѣда, первымъ являлся къ нему съ соболѣзнованіями и, въ числѣ другихъ, посылая проклятія по адресу укравшаго, съ остервенѣніемъ мчался, вмѣстѣ съ другими, въ догонку за воромъ.

Воръ-абхазецъ не сознается въ преступленіи даже и тогда,

когда могъ-бы быть уличенъ свидѣтельскими показаніями. При разборахъ воровскихъ дѣлъ на сельскихъ сходахъ, на постановленія судей въ пользу обвиняемаго нерѣдко вліяютъ смѣлость оправдательныхъ его рѣчей, нахальная изворотливость обвиняемаго и то, что называется „заговаривать зубы". Вообще-же, на такихъ сходахъ всякое хитроумное, хотя-бы и совершенно безстыжее, краснобайство завѣдомаго вора находитъ себѣ не только внимательныхъ слушателей, но и почитателей. „Смѣлостью рѣчи, говорятъ въ такихъ случаяхъ, онъ спасъ себя".

И хотя такое воровское „краснорѣчіе" часто избавляетъ виновнаго отъ наказаній, но потерпѣвшій, понятно, не убѣждается въ его правотѣ и, въ свою очередь, старается, при удобномъ случаѣ, выместить на немъ свои убытки, по рецепту: „око за око и зубъ за зубъ".

Месть за пролитую кровь въ наши дни проявляется сравнительно въ слабой степени; но въ былыя времена она составляла одну изъ главнѣйшихъ чертъ въ жизни абхазца. Обычай кровомщенія обязываетъ родственника убитаго убить или самого убійцу, или-же его родственника. Кровомщеніе переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и составляетъ священную обязанность человѣка; невымещеніе крови считается стыдомъ и посрамленіемъ для живыхъ сородичей убитаго. По убѣжденію абхазца, если, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, кровь останется невымещенною, она сама начнетъ вымещать за себя.

Въ томъ случаѣ, когда самъ убійца спасался бѣгствомъ, отвѣтственнымъ за него лицомъ являлся его родственникъ: его убивали, уводили въ плѣнъ или грабили и разоряли въ конецъ. Убійство даже самаго послѣдняго раба часто приводило къ столкновенію цѣлыя селенія; слѣдствіемъ такой вражды бывало то, что одно изъ селеній должно было въ конецъ разориться, либо выселиться въ другое мѣсто, если между ними не устанавливалось взаимнаго соглашенія и примиренія.

Въ дѣлѣ кровомщенія большую роль играло происхожденіе. Если, напримѣръ, князь убивалъ крестьянина, то родственники послѣдняго не имѣли права вымещать на убійцѣ кровь убитаго, ибо „кровь крестьянъ не одинакова съ княжеской". Поэтому, взамѣнъ убійцы-князя, за пролитую имъ кровь долженъ былъ отвѣтствовать его воспитатель.

За кровь крестьянина, дворянина и князя взималось неодинаково.

Хотя личныя достоинства человѣка въ Абхазіи обращали на

себя особенное вниманіе, но, тѣмъ не менѣе, кровь крестьянина стоимостью была ниже крови дворянина, а этого послѣдняго ниже крови князя. Такъ, напримѣръ, если кровь крестьянина цѣнилась въ пять душъ человѣческихъ, то кровь дворянина стоила втрое, а князя въ пять разъ дороже, чѣмъ кровь крестьянина. Стоимость крови опредѣлялась по пядямъ. Душа (человѣкъ) по росту въ 4 пяди цѣнилась въ 30 коровъ или въ 30 руб. сереб., въ пять пядей—50 коровъ или 50 руб. сер. и въ шесть пядей—70 коровъ или 70 руб. сер. Въ придачу приплачивалось еще оружіемъ и одеждою. За кровь уплачивалось коровами, козами, овцами и ульями. Число послѣднихъ опредѣлялось, сообразно стоимости коровы.

Если цѣна крови въ опредѣленный срокъ не уплачивалась, то въ концѣ года, взамѣнъ стоимости 4 пядей, писалось пять, взамѣнъ пяти—6, а шести—7, такъ что и вообще значительный долгъ увеличивался еще больше и тяжелымъ бременемъ ложился на плательщика. Но у абхазцевъ былъ одинъ прекрасный обычай —приходить на помощь къ несостоятельному должнику. Послѣднему стоило только сказать, что за нимъ „остается кровь", и всякій вносилъ свою лепту на уплату его долга.

Лучшимъ средствомъ для полнаго умиротворенія враждующихъ за кровь считался слѣдующій обрядъ. Родственникъ убійцы устраивалъ пиръ и, черезъ посредниковъ, приглашалъ самого ищущаго крови, или его сына. Тутъ достаточно было убѣдить ищущаго крови приложить свои губы къ груди жены или матери должника, чтобы, вслѣдствіе одного этого акта, между ними установился вѣчный и нерушимый миръ. Если-же кровомститель не угомонялся и не приходилъ на пиръ, то противная сторона старалась украсть или инымъ способомъ залучить къ себѣ въ домъ его сына или близкаго родственника. Если это удавалось, то и миръ, волей-неволей, устанавливался, ибо убивать воспитателя считалось попраніемъ и обезчещеніемъ „груди", а это ужь не соотвѣтствовало достоинству удальца.

Любовь къ родинѣ въ абхазцѣ развита до высшей мѣры. Нѣкоторые народы говорятъ: ubi bene, ibi patria; абхазецъ-же, наоборотъ, молится: „Лучше Абхазіи въ мірѣ нѣтъ мѣста. Боже, сохрани Абхазію". И въ горѣ, и въ радости онъ одинаково твердитъ эту молитву.

Гостепріимство, какъ и у всѣхъ древнихъ народовъ, въ Абхазіи свято чтится и сохраняется. Абхазецъ увѣренъ, что со всякимъ гостемъ имѣется по семи „барака" (благословеніе, бла-

годать, обиліе), изъ которыхъ одно остается у гостепріимца, а гостю Богъ опять даетъ убавленное седьмое барака. Самый бѣдный абхазецъ старается какъ можно лучше угостить гостя; когда абхазецъ видитъ странника, проходящаго по сельской дорогѣ въ вечернюю пору, тотчасъ-же предлагаетъ ему: „бзіала ваhбэит" —„добро васъ видѣть!" Затѣмъ онъ начинаетъ приглашать встрѣчнаго къ себѣ: „заверните ко мнѣ, отдохните; куда вы пойдете теперь? проведите у насъ ночь и утромъ рано идите своею дорогою". Если путникъ, будь онъ знакомый или незнакомецъ, приметъ приглашеніе и зайдетъ къ приглашающему, то его радушно встрѣтятъ и угостятъ на славу. А если путникъ не приметъ приглашенія, то, отвѣчая: „убэихт" (разбогатѣй, благодарю), продолжаетъ свой путь. Обычай гостепріимства защищаетъ путника даже отъ кровомстителя. Разъ онъ въ гостяхъ, никто не въ правѣ его трогать.

Вмѣстѣ съ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ, абхазецъ также весьма учтивъ, вѣжливъ и почтителенъ, особенно-же предъ старшими себя. Вотъ два-три примѣра.

Предъ принятіемъ всякой пищи абхазцы обыкновенно вымываютъ руки. Но мытье рукъ совершается по старшинству: очищеніе рукъ водою начинается самымъ старшимъ и оканчивается самымъ младшимъ изъ пирующихъ. Такой-же порядокъ существуетъ и во время распиванія вина. Но при этомъ и старшій не остается въ долгу: сначала онъ отказывается отъ своей очереди и предлагаетъ слѣдующему за собой лицу первымъ испить вина или вымыть руки. Этого требуетъ обычай учтивости и вѣжливости. Но, конечно, меньшій на-отрѣзъ отказывается отъ предлагаемой чести. Наконецъ, послѣ многократныхъ взаимныхъ уговоровъ, комплиментовъ, первый (старшій) принимаетъ таки приглашеніе. Затѣмъ такая-же церемонія происходитъ между вторымъ и третьимъ, между третьимъ и четвертымъ и т. д., до послѣдняго изъ пирующихъ. При этомъ, когда старшіе моютъ руки, младшіе должны стоять. Тутъ опять происходятъ церемоніи, увѣщеванія, чтобы они садились, но если приглашаемые не внимаютъ этимъ увѣщаніямъ и продолжаютъ стоять, тогда и старшій считаетъ уже неприличнымъ сидя мыть руки,—онъ также встаетъ. Съ такими-же церемоніями рѣшается вопросъ, кому изъ двухъ первымъ переступить порогъ и войти въ домъ. Вотъ, въ лѣсу, напр., встрѣтились два всадника. Младшій изъ нихъ, если имѣетъ что либо сказать старшему, долженъ слѣзть съ коня и докладывать, стоя на землѣ. При этомъ старшій убѣдительно проситъ его докладывать, не слѣзая.

Языкъ обхазцевъ также свидѣтельствуетъ объ ихъ вѣжливости. Въ разговорѣ абхазецъ часто прибѣгаетъ къ словамъ: прошу, твоя болѣзнь мнѣ, да сдѣлаться мнѣ жертвою твоихъ болѣзней, жертвою взамѣнъ тебя, да покружиться мнѣ вокругъ того мѣста, гдѣ ты лежишь, и т. д. Въ силу этого послѣдняго выраженія, абхазка, навѣстивъ своего больного питомца или долгое время не видѣннаго человѣка, три раза обходитъ его, говоря: „уцгэ мцугэ сэизгатъ", т. е. да унести мнѣ твою болѣзнь, твое несчастіе.

У абхазца на каждый случай жизни имѣется особое привѣтствіе, въ которомъ высказывается пожеланіе благополучія, силы, побѣды, размноженія, прибыли и пр. Такъ, въ репертуарѣ всевозможныхъ абхазскихъ привѣтствій есть даже спеціально приноровленныя на случаи встрѣчъ ѣдущихъ на скачку, привѣтствія устроителю этихъ скачекъ и т. д. И это совершенно понятно и естественно для такого народа, какъ абхазцы, у которыхъ лошадь и оружіе составляютъ самые излюбленные предметы, высоко цѣнить которые они привыкаютъ чуть-ли не съ пеленокъ. Дѣти лицъ высшихъ сословій уже съ первыхъ лѣтъ жизни становятся прекрасными наѣздниками и оруженосцами. Пистолетъ, кинжалъ, шашка, ножъ и цѣлый арсеналъ оружія—постоянно украшаютъ любого абхазца. Для него нѣтъ выше удовольствія, когда онъ, вооруженный съ головы до ногъ, накинувъ на себя бурку, ѣдетъ съ сверстниками и подпѣваетъ веселую пѣсенку. Безъ лошади и оружія абхазцу и жизнь не въ жизнь!

Кромѣ скачекъ и джириты, въ жизни абхазца обращаютъ на себя вниманіе еще слѣдующія игры: 1. игра въ мячъ, 2. аркил-рики и 3. метаніе камня. Народная музыка и поэзія абхазцевъ весьма бѣдны. Единственный музыкальный инструментъ абхазцевъ, притомъ позаимствованный, судя по названію, у грузинъ, это ачангур, балалайка (груз. чонгури). Абхазское стихосложеніе, большею частью, соподчинено аллитераціи. Вотъ примѣры:

Варвулту... барфунту
Чілар марда qулардам
Арба арба сінарба
Маста мастароу
Маста стахоу
Сіамул уца
Сіамул сіахоу
Сіанджар уца.

II.

Домашняя жизнь абхазцевъ.—Семья.—Положеніе женщины.

Вся домашняя жизнь абхазца обставлена такъ незатѣйливо, что весь необходимый хозяйственный скарбъ, за исключеніемъ вещей желѣзныхъ, производится самимъ-же абхазцемъ, изъ того матеріала, который имѣется у него подъ рукой. Кузнечное ремесло, требующее уже нѣкоторыхъ спеціальныхъ техническихъ знаній, предоставлено особымъ мастерамъ этого дѣла. Въ каждомъ селеніи имѣется по два, по три кузнеца, которые изъ доставленнаго куска желѣза выдѣлываютъ все необходимое абхазцу. Кузнецы пользуются большимъ почетомъ въ обществѣ, и самое ремесло ихъ въ глазахъ абхазца имѣетъ священное значеніе.

Торговля считается постыднымъ ремесломъ и поэтому сами абхазцы не занимаются ею; но еслибы она была развита, то абхазцы многое могли-бы съ выгодой продавать. Такъ, напр., абхазки, кстати сказать, большія мастерицы на всякія домашнія работы, изъ овечьей и козьей кожи выдѣлываютъ сафьянъ (цуш), который такъ нравится иностранцамъ; этотъ ц у ш въ Абхазіи, лѣтомъ, служитъ постелью. Мужчины дѣлаютъ прекрасныя ложки изъ дерева и роговъ животныхъ. Многіе охотники убиваютъ по семи-восьми медвѣдей въ годъ, но шкуръ не продаютъ. Вообще, купля и продажа въ Абхазіи мѣновая, денегъ въ этомъ случаѣ не употребляютъ.

Главнымъ источникомъ пропитанія абхазцевъ являются земледѣліе, скотоводство и, отчасти, пчеловодство. Въ предгорьяхъ абхазцы имѣютъ часто по 200 и болѣе ульевъ. Нынѣ абхазцы сѣютъ кукурузу и, изрѣдка, пшеницу. Нѣсколько лѣтъ назадъ, гоми (гһоми) считался главнымъ и самымъ распространеннымъ хлѣбнымъ растеніемъ; но теперь кукуруза совсѣмъ вытѣснила его. Въ ограниченномъ количествѣ, для домашняго только употребленія, сѣютъ еще табакъ, хлопокъ, ленъ, пеньку и огородныя растенія.

Главное богатство абхазца составляетъ домашній скотъ; по мнѣнію абхазца, это — существенный рычагъ жизни человѣка, кормитель, взроститель и хранитель его. Въ представленіи абхазца жизнь безъ домашняго скота немыслима; можно еще кое-какъ обходиться безъ хлѣба, но безъ скота нельзя. Такое воззрѣніе особенно справедливо относительно пастуховъ, которые, можно ска-

зать, блаженствують, почти исключительно питаясь мясомъ и молокомъ. Для прокормленія стада, нерѣдко даже въ двѣ-три головы скота, когда оканчивалась трава въ одномъ мѣстѣ, абхазецъ переселялся въ другое, гдѣ ея легче было достать, и переносилъ съ собой свою пһацха (плетенку-шалашъ). Такъ было до послѣдней войны, а послѣ нея главное вниманіе абхазцевъ было обращено на посѣвъ кукурузы, вывозъ которой увеличивается изо дня въ день.

Устройство абхазскаго дома, пһацха, незатѣйливо. По виду онъ бываетъ круглый или четыреугольный. Стѣнки пһацхи подымаются наклонно вверхъ и сплетаются тоненькими орѣховыми прутьями; на нихъ опирается конусообразная крыша; сверху, конусъ связанъ вѣтками лозняка или прутьями; жерди укрѣплены на столбикахъ (დარბაყინი). Такое незатѣйливое строеніе покрывается папоротникомъ, камышомъ, или метлюкомъ (полевицей, пыреемъ, Agrot:s vulgaris).

Другого рода пһацха, представляющая по формѣ неправильный четыреугольникъ, строится такъ. У дверей фасада вбиты въ землю два каштановые столбика такъ, что верхніе концы ихъ сходятся. Абхазцы называютъ ихъ амакратл-хква (ножницы). Въ сторонѣ, противоположной „ножницамъ", вбитъ столбъ; на „ножницы" и на этотъ столбъ перекинуто стропило, на которомъ держится крыша. Крыша у такой пһацхи бываетъ покатая и плоская. Такую пһацху можно строить какой угодно величины. Спереди ея дѣлаютъ сѣни, а сзади особое отдѣленіе, гдѣ складываютъ всякій скарбъ и зимою держатъ скотт. Стѣнъ пһацхи не обмазываютъ ничѣмъ и только зимою изрѣдка обставляютъ папоротникомъ; поэтому, чрезъ стѣны легко проходитъ внутрь свѣтъ, а вмѣстѣ съ нимъ, холодъ и дождь.

Внутри дома, по серединѣ пһацхи, изъ глины или тесанаго камня устроенъ очагъ (ахуштаара). Надъ очагомъ, съ потолка, на обручахъ висятъ чугунные котлы, въ которыхъ варятъ пищу. Въ очагѣ абхазцы стараются поддерживать неугасимый огонь. Дымъ выходитъ черезъ крышу, но во время вѣтра кружится по комнатѣ; поэтому, вся пһацха, и особенно верхняя часть ея, закопчена сажей. По одну сторону пһацхи поставлена тахта, у очага стоитъ длинная и нѣсколько широкая скамья, которая подчасъ служитъ и тахтой. На тахтѣ сложены постельныя принадлежности; тутъ-же стоитъ сундукъ, въ которомъ хранятся необходимыя вещи. На стѣнѣ висятъ сѣдло, кнутъ и часть ору-

жіе. Въ углу-же, у стѣны, находится посуда для приготовленія гhоми; тамъ же висятъ корзинки для храненія провизіи, деревянныя или роговыя ложки, чашки, стоятъ подойники, корыта и пр. Тазы и кувшины попадаются рѣдко; вмѣсто кувшина, употребляютъ тыкву-горлянку. Ко всему этому надо добавить еще нѣкоторыя орудія, плоскій камень, употребляемый вмѣсто ступки, и точильный камень. Вотъ и вся домашняя обстановка абхазца съ среднимъ состояніемъ.

Большая четыреугольная пhацха служитъ главнымъ жилымъ домомъ, а конусообразная (хкваңу)—для помѣщенія новобрачныхъ. Бѣдные довольствуются и однимъ домикомъ.

Обыкновенной, повседневной пищей абхазца служатъ сыръ, хлѣбъ изъ кукурузы, гhоми и кислое молоко. Гhоми приготовляется съ сыромъ (аэладж), или съ молокомъ и сыромъ (ачамухкуа). Зимою абхазецъ довольствуется вареннымъ мясомъ, причемъ предпочитаетъ мясо козла. Легко обходится безъ вина, лишь-бы было кислое молоко. Раковъ абхазецъ ненавидитъ; прежде не любилъ также и рыбы, но нынѣ, мало по малу, привыкаетъ ее ѣсть; не ѣстъ и нѣкоторыхъ огородныхъ растеній, но любитъ пищу, приправленную горькими травами, перцемъ и пр. Для своихъ моленій абхазцы пекутъ конусообразные хлѣбы, которые потомъ варятся: постомъ—въ водѣ, а въ другое время—въ молокѣ. Эти хлѣбы называются арважа.

Старшинство въ семьѣ абхазца строго почитается. Своему pater familias (авн аіhаб) подчиняются всѣ домочадцы. Въ семьѣ все дѣлается по его распоряженію и усмотрѣнію и только въ дѣлахъ, касающихся женщинъ, руководительницей является старшая въ семьѣ женщина (авн эіhаб апhс). Младшіе во всемъ дѣйствуютъ по указаніямъ старшихъ; но если младшій членъ семьи по уму и опытности превосходитъ старшаго, то фактически все совершается по его волѣ и указаніямъ.

Старшіе въ домѣ (мужчина и женщина) исполняютъ всѣ религіозные обряды и молитвы. Старшій въ фамиліи также является исполнителемъ всѣхъ фамильныхъ религіозныхъ обрядовъ. Сыновья съ большою любовью ухаживаютъ за своими престарѣлыми родителями; при жизни родителей они обыкновенно не отдѣляются. Если-же случается раздѣлъ, то родителямъ даютъ половину всего имущества. Если дѣлежъ происходитъ между сыновьями и матерью, то послѣдней, кромѣ ея приданаго, выдѣляется часть имущества, равная долѣ каждаго изъ братьевъ; затѣмъ, по своей

волѣ и желанію, она поселяется съ однимъ изъ сыновей. Старшему брату при раздѣлѣ назначается доля за старшинство (а і һ а б ш а х у). Если имѣется много скота, то за старшинство удѣляется по одной головѣ отъ каждой породы, а если мало, то одна, самая лучшая. Меньшему брату тоже выдѣляется за меньшинство (ә і ҷ б ш а х у). Послѣ выдѣла за старшинство и за меньшинство, все остальное по-ровну дѣлится между братьями; при этомъ домъ отца, дворъ и пр. достается меньшему брату. Сестры получаютъ меньше братьевъ.

Ласковый и привѣтливый въ обществѣ, абхазецъ является у себя дома довольно суровымъ, повелительнымъ и столь неразговорчивымъ, точно ему лѣнь или жаль проронить своимъ домашнимъ хоть одно слово ласки и привѣта. Абхазка пользуется большою свободой. У нея не меньше, чѣмъ у мужчины, дѣла. Такъ, она сама носитъ кукурузу на мельницу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сама и мелетъ ее на ручной мельницѣ. Во время лѣтнихъ работъ, съ мотыгой въ рукѣ, она работаетъ, вмѣстѣ съ мужчиной, въ кукурузникѣ. Жены лицъ высшихъ сословій трудятся не меньше мужей, за то и пользуются онѣ большей свободой и почетомъ, чѣмъ гдѣ либо.

Съ дѣтства и до старости женщину встрѣчаютъ съ почетомъ и уваженіемъ. Женщины посѣщаютъ общественныя сходки, бываютъ на оплакиваньяхъ, поминкахъ, въ собраніяхъ мужчинъ и танцуютъ съ ними. Бывали примѣры, когда въ ночныхъ похожденіяхъ женщина являлась предводительницей абраговъ. Она исполняетъ религіозныя требы и церемоніи. Но при всемъ этомъ требуется, чтобы абхазка была невинна, стыдлива и говорила предъ старшими мужчинами учтиво и вѣжливо.

Абхазкѣ,—если мужъ по неосновательной причинѣ разведется съ ней,—разрѣшено являться на сельскія сходки и защищать себя. И она умѣло пользуется этимъ правомъ: съ неменьшею, чѣмъ мужчина, рѣшимостью идетъ на сходку и съ большимъ краснорѣчіемъ защищаетъ себя. Если, по разнымъ обстоятельствамъ, мужъ можетъ развестись съ женою, то и послѣдней дано право также поступать съ мужемъ, когда и онъ провинится передъ ней.

III.

Воспитаніе.—Воспитываемый.—Воспитатели.

Когда высшее сословіе въ Абхазіи пользовалось силой и властью, положеніе низшаго сословія было чрезвычайно угне-

тенное, батоки (господинъ, феодалъ) смотрѣлъ на своего подданнаго, на раба, какъ на вещь: смотря по обстоятельствамъ, онъ продавалъ его или закладывалъ. Впрочемъ, и послѣ уничтоженія рабства, положеніе крестьянства не улучшилось, такъ какъ дворянство вплоть до послѣдняго времени не переставало заниматься воровствомъ, грабежами и разбоями.

При такомъ положеніи вещей, крестьянству оставалось мириться съ феодализмомъ и стараться, гдѣ можно, пользоваться его покровительствомъ. Лучшимъ средствомъ для этого служилъ обычай усыновленія или воспитанія крестьянами сыновей аристократовъ. Благодаря этому обычаю, усиливались и сами аристократы, такъ какъ они пріобрѣтали чрезъ это въ крестьянахъ самыхъ вѣрныхъ себѣ сторонниковъ, а жены ихъ освобождались отъ тягостной обязанности воспитанія и кормленія собственныхъ своихъ дѣтей. Поэтому-то въ Абхазіи нѣтъ ни одного крестьянина, который не воспиталъ-бы одного или нѣсколькихъ князей и дворянъ; вслѣдствіе этого обычая, едва-ли наберется 1% дворянъ, вскормленныхъ грудью собственныхъ матерей.

Предъ наступленіемъ рòдовъ въ семьяхъ аристократовъ (д и д э б у л и), къ беременной начинаютъ стекаться, съ одной стороны, родственницы и знакомыя, съ другой—будущія воспитательницы ожидаемаго ребенка, съ которыми приходятъ сюда мужья и родственницы, чтобы съ подобающей торжественностью вернуться въ свое селеніе съ новорожденнымъ младенцемъ-воспитанникомъ. При рòдахъ къ роженицѣ являются также сельскія дѣвушки, чтобы веселымъ пѣніемъ и повѣствованіемъ басенъ и сказокъ развлекать родильницу и облегчать предродовыя ея страданія. Мужъ въ это время отсутствуетъ. По обычаю страны, онъ не имѣетъ права находиться при рòдахъ жены и потому удаляется изъ дому. Надъ кроватью роженицы съ потолка подвѣшивается веревка, за которую она могла-бы хвататься при сильныхъ родовыхъ боляхъ и спазмахъ. Ей неприлично доводить свои стоны и крики до слуха свекра и свекрови, она должна стойко выносить страданія, чтобы на всегда не потерять ихъ уваженія къ себѣ. Вотъ, наконецъ, она разрѣшилась. Рожденіе мальчика радуетъ мать больше, чѣмъ дѣвочки, такъ какъ это даетъ ей въ глазахъ общества больше уваженія и чести; но она не особенно печалится и рожденіемъ дочери, ибо это служитъ, все-таки, доказательствомъ ея небезплодности. Новорожденный переходитъ въ руки кормилицы (жены воспитателя), родственницы поздравляютъ роженицу съ благополуч-

нымъ исходомъ родовъ; мать тоже радуется, и болѣе всего, конечно, тому обстоятельству, что, съ переходомъ малютки на воспитаніе въ чужія руки, сама она скоро поправится и, свободная отъ ухода за нимъ, тѣмъ легче сохранитъ красоту и свѣжесть лица. Чрезъ нѣсколько дней возвращается мужъ и, въ свою очередь, поздравляетъ ее съ разрѣшеніемъ отъ бремени *).

Въ день, назначенный для отъѣзда кормилицы съ новорожденнымъ малюткою, родители устраиваютъ пиръ и дарятъ ей матерію на платье, бѣлье и всѣ принадлежности для колыбели ребенка, мѣдный котелокъ для обмыванія его и другія мелкія вещи.

Съ этого дня воспитательница получаетъ почетное имя анадздзэи (кормилица, мать-кормилица), и не только сама она, но и мужъ ея—абадздзэи (кормилецъ, отецъ-кормилецъ) пользуются всеобщимъ уваженіемъ; малютка, съ переходомъ въ домъ кормильца и кормилицы, признается воспитанникомъ (ахупhа) той фамиліи, къ которой принадлежитъ кормилецъ.

Воспитатели подобающимъ образомъ лелѣятъ малютку, содержатъ его въ нѣгѣ и довольствѣ. Чрезъ 2—3 года, воспитывающагося приводятъ къ его родителямъ съ подарками, состоящими изъ одного или двухъ быковъ, козла, каплуновъ, вина, хлѣба и пр. Въ домѣ родителей ребенка опять устраивается пиръ, на который сзываются и сосѣди. Тутъ кормилицѣ и ея мужу оказываютъ всяческій почетъ. Воспитателямъ дается право первымъ вымывать руки, а при возвращеніи ихъ домой, родители ребенка должны посадить ихъ на лошадь, т. е. когда они садятся на лошадь, поддерживать стремена съ противоположной стороны. Воспитатели возвращаются домой съ малюткой, обремененные всевозможными подарками: животными, платьемъ и деньгами.

Воспитанникъ остается у воспитателей впродолженіи 8—9 лѣтъ, а затѣмъ его привозятъ къ настоящимъ родителямъ. Нечего и говорить, что дитя, проведя свои юные годы въ чужомъ домѣ, выросши тамъ и научившись ходить, говорить и любить кормилицу и окружавшую его среду, со вступленіемъ въ домъ своего отца съ трудомъ мирится съ новымъ положеніемъ—въ первое время домъ отца кажется ему чуть-ли не тюрьмою. По этой причинѣ ему позволяютъ чаще навѣщать своихъ воспитателей. Если же воспитанникъ—сирота, то до женитьбы онъ остается въ домѣ воспитателей, на ихъ попеченіи.

*) См. прекрасную статью „Абхазія“ К. Мачаваріани, въ газ. „Иверія“ за 1884 г., № 275.

Воспитанникъ обязанъ защищать интересы своихъ воспитателей, т. е. той фамиліи, члены которой воспитали его. Онъ обязанъ, напр., розыскивать потерянную вещь его воспитателей, находить вора и взыскивать съ него, и большой для него будетъ срамъ, если онъ не съумѣетъ этого сдѣлать. Точно также, если его воспитателей обидитъ кто нибудь и они, по слабости, не могутъ отплатить обидчику, то за нихъ долженъ заступиться ихъ воспитанникъ. Положимъ, напр., что какой нибудь князь побилъ крестьянина. Въ этомъ случаѣ, за обиду долженъ требовать воспитанникъ побитаго крестьянина и искать за нее не съ самого обидчика-князя, ибо его „кровь неравна крестьянской", а съ его воспитателя, крестьянина-же; ему-то и достается за оскорбленіе, нанесенное воспитателю другого князя. Если крестьянинъ-воспитатель замѣшанъ въ какомъ нибудь дѣлѣ, то князь-воспитанникъ старается, всѣми правдами и неправдами, выручить его изъ бѣды. Въ такихъ случаяхъ, если воспитанникъ самъ еще молодъ и не въ состояніи помочь своимъ воспитателямъ, то вмѣсто него дѣйствуютъ его родители.

Этимъ, однако, еще не завершается роль воспитанника по отношенію къ воспитателю. Въ радостяхъ и несчастіяхъ своего воспитателя, во всѣхъ мало-мальски серьезныхъ обстоятельствахъ его жизни, онъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Такъ, когда умретъ сама кормилица его, ея мужъ или кто-либо изъ ихъ дѣтей, то онъ горько оплакиваетъ ихъ, надѣваетъ трауръ, отпускаетъ волосы, на свой счетъ покупаетъ гробъ и распоряжается порядкомъ и церемоніей оплакиванія и похоронъ усопшаго. При поминкахъ онъ доставляетъ барана или лошадь и опять-таки распоряжается всѣмъ. Воспитанникъ-же является главнымъ лицомъ и въ томъ случаѣ, когда сынъ его кормилицы похищаетъ себѣ въ жены дѣвушку: если родственники дѣвушки погонятся за похитителемъ, то князь-воспитанникъ дѣйствуетъ за него словомъ и оружіемъ и не уступаетъ похищенной дѣвушки; затѣмъ, до окончательнаго улаженія дѣла, онъ держитъ ее у себя, такъ какъ нападать на его домъ уже никто изъ родственниковъ похищенной не осмѣлится.

Если-же свадьба сына воспитателя, или его дочери происходитъ мирно, по добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ, то и тутъ князь-воспитанникъ считается первымъ дружкомъ жениха, даритъ невѣстѣ деньги, лошадь и пр.

Въ свою очередь, и воспитатели не остаются въ долгу у воспитанника, котораго они называютъ своимъ солнцемъ, своею свя-

тынèю, именемъ котораго клянутся. Они ежегодно доставляютъ ему подарки, къ рождеству: сыръ, каплуновъ, хлѣбъ; къ пасхѣ: барашка или козленка и „чумухквати". Подарки эти—необходимые внѣшніе знаки искренняго расположенія и дружбы со стороны меньшихъ (низшей братіи) къ старшимъ; съ прекращеніемъ ихъ, прерывается и взаимная дружба.

Сыновья кормилицы бываютъ обыкновенно закадычными друзьями и пособниками воспитанника въ его ночныхъ воровскихъ похожденіяхъ. По этому-то, князь или дворянинъ въ свои воровскія экспедиціи беретъ и сыновей кормилицы, зная, что они, въ нуждѣ, готовы пожертвовать за него и жизнью.

Когда умретъ воспитанникъ, то горе и печаль воспитателей безпредѣльны; къ его похоронамъ они доставляютъ саванъ и деньги; они-же приводятъ на поминки по усопшемъ одного или двухъ быковъ, барановъ и пр. При женитьбѣ воспитанника они оказываютъ ему всяческое содѣйствіе своимъ личнымъ трудомъ, также дарятъ ему откормленныхъ животныхъ, да и невѣстѣ его приносятъ подарки.

У абхазцевъ существуетъ и другой родъ воспитыванія: именно, въ воспитанники приглашается взрослый мужчина. Такого мужчину абхазскій крестьянинъ приглашаетъ къ себѣ словами: „Я желаю повести тебя въ мой домъ и, по состоянію своему, оказать тебѣ почетъ". Въ назначенный день приглашаемый отправляется въ домъ будущаго своего воспитателя и беретъ съ собою еще нѣсколько человѣкъ. Во время ужина, хозяинъ и его родственники становятся на колѣни предъ вступающимъ въ воспитанники и подаютъ ему стаканъ вина, затѣмъ встаютъ на ноги и одинъ изъ нихъ обращается къ нему съ слѣдующей рѣчью: „Съ этого дня мы считаемъ тебя вскормленнымъ грудью въ нашей семьѣ, мы одинаковаго съ тобой образа мыслей и не пожалѣемъ для тебя ничего; надѣемся, что и ты для насъ не поскупишься ничѣмъ; ты будешь пользоваться бóльшимъ, чѣмъ другіе воспитанники, почетомъ". Послѣ этого, ему подносятъ нѣсколько рублей и дарятъ что нибудь его сотоварищамъ (х а ч̣). При передачѣ подарковъ говорятъ: „в а д ч а э н у п" (подарокъ тебѣ). Церемонія эта заканчивается слѣдующимъ образомъ: на постланномъ коврѣ ставятъ сундукъ, на него садится жена хозяина дома, т. е. будущая кормилица; ее окружаютъ женщины. Затѣмъ, чрезъ отворенныя двери, входитъ вступающій въ воспитанники и становится предъ возсѣдающей на сундукѣ хозяйкой, кланяется ей

и троекратно прикасается губами къ соску ея груди, или, какъ абхазцы говорятъ, „три раза кусаетъ сосцы“; послѣ каждаго раза онъ произноситъ: „съ этого дня ты—родная моя мать“. И дѣйствительно, съ этого времени между ними устанавливаются совершенно такія-же взаимныя отношенія, какъ и въ первомъ случаѣ—полнаго воспитанія чужого ребенка. Нечего и говорить, что, кромѣ князей и дворянъ, крестьяне точно также воспитываютъ дѣтей духовныхъ лицъ, купцовъ и даже крестьянъ-же. Бываютъ случаи, когда и дворяне на тѣхъ-же основаніяхъ принимаютъ къ себѣ на воспитаніе сыновей сильныхъ и вліятельныхъ князей.

IV.

Женитьба.

Лѣтъ пятнадцать назадъ, женихъ обыкновенно похищалъ себѣ въ жены дѣвушку, т. е., безъ согласія родителей дѣвушки и ея самой, совершалъ на нее нападеніе, при содѣйствіи сверстниковъ, и уводилъ ее къ себѣ силою. Такіе случаи нынѣ рѣдки. Напротивъ, похищенія совершаются теперь, большею частью, съ согласія самой невѣсты, хотя нерѣдко и помимо воли ея родителей. Въ послѣднемъ случаѣ, избранная въ невѣсты приходитъ въ ночное время къ заранѣе условленному мѣсту, за нѣсколько верстъ отъ родительскаго дома. Туда-же прибываетъ женихъ съ сверстниками, на лошадяхъ. Она садится на особую, для нея приведенную, лошадь и затѣмъ вся кавалькада скачетъ обратно, въ домъ жениха или какого нибудь вліятельнаго лица. Никакая погоня не въ состояніи отнять невѣсты у похитителей, ибо они, въ случаѣ необходимости, готовы драться за нее до послѣдней капли крови. Вскорѣ послѣ похищенія, сама дѣвушка всенародно объявляетъ, что похищеніе совершилось по ея личному желанію и что она только и можетъ быть счастлива съ своимъ похитителемъ. Тутъ начинаются взаимные уговоры, и все кончается миромъ: зять приноситъ подарки матери и отцу невѣсты, и дѣло прекращается.

Нужно замѣтить, что абхазецъ никогда не похищаетъ дѣвушки изъ низшаго, чѣмъ самъ, званія. Это считалось-бы безчестіемъ для самого похитителя. Напротивъ, каждый старается похитить дѣвушку болѣе высшаго происхожденія или, по крайней мѣрѣ, равную ему самому. Сдѣлать дѣвушкѣ предложеніе и получить отъ нея или ея родителей отказъ считается кровнымъ оскорбленіемъ;

въ этомъ случаѣ, единственнымъ способомъ удовлетворенія оскорбленнаго самолюбія считается похищеніе. Обыкновенно-же переговоры о женитьбѣ въ Абхазіи ведутъ свахи или посредники. Если они доводятъ дѣло до благополучнаго исхода, то за свой трудъ получаютъ головы и шкуры зарѣзанныхъ на свадьбѣ воловъ. Какъ только состоится обоюдное согласіе сторонъ, женихъ и невѣста, обмѣнявшись подарками, назначаютъ день для свиданія.

Въ назначенное время женихъ съ дружками отправляется съ подарками въ домъ родителей невѣсты. Женихъ-князь иногда пригоняетъ до 20-30 лошадей, изъ которыхъ многія бываютъ осѣдланы. Тутъ устраивается пиръ на счетъ жениха. Во время пиршества дружки жениха, съ одной стороны, и приглашенные родителями невѣсты, съ другой, всячески стараются превзойти другъ друга остротами, каламбурами, краснорѣчіемъ, количествомъ выпитаго вина, пѣніемъ и пр. На другой день дружки жениха получаютъ разные подарки, а женихъ коня, или деньги и оружіе. Затѣмъ дружки возвращаются, а зять остается въ домѣ родителей невѣсты со своимъ уполномоченнымъ (дадэ).

Но будущій зять чувствуетъ себя пока очень неловко. По обычаю страны, онъ не можетъ еще показываться родителямъ невѣсты и ихъ родственникамъ. Онъ окутанъ буркой, голова и лицо его обвязаны башлыкомъ, изъ-подъ котораго чуть видны только глаза. Въ первую ночь, во время пира, онъ скрывается гдѣ нибудь на дворѣ и ночуетъ въ сосѣднемъ домѣ. На другой-же день его насильно приводятъ въ домъ невѣсты. Но и тутъ онъ не смѣетъ садиться и молча стоитъ у дверей, предоставляя уполномоченному отвѣчать за себя. Вообще, молодому зятю не подобаетъ обѣдать съ тестемъ и тещей, а въ другое время—садиться съ ними за трапезу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мужъ и жена никогда не показываются вмѣстѣ родителямъ жены. Это считается стыдомъ.

Невѣста поселяется въ маленькомъ домикѣ—амһара, откуда не выходитъ до тѣхъ поръ, пока въ большомъ домѣ не устроятъ пира. Тогда ее ведутъ въ домъ, и одинъ изъ пожилыхъ друзей семейства или самъ отецъ продѣваетъ кусокъ печенки на вертелъ и начинаетъ молиться и высказывать пожеланія, чтобы предстоящая чета была счастлива, плодовита и пр.

Когда женихъ изъ дома родителей невѣсты возвращается въ домъ отца, онъ и тутъ не имѣетъ права показываться родителямъ и старшимъ родственникамъ. Это считается также непри-

личнымъ. Онъ является только послѣ пира, устроеннаго его отцомъ. Тутъ повторяются тѣ-же благословенія и пожеланія, какъ и при выводѣ невѣсты изъ ея амһара, при чемъ онъ дѣлаетъ подарки своей матери, отцу, дядѣ, воспитателю и, вообще, всѣмъ старшимъ родственникамъ. Этотъ пиръ носитъ названіе апһхашархэ (доля стыда, устранитель стыда).

По изготовленіи приданаго, родители невѣсты приглашаютъ къ себѣ будущаго зятя, чтобы вручить ему свою дочь; въ назначенное время женихъ является за нею со своими дружками и съ ея подругами. Возвращаясь домой съ невѣстою, по дорогѣ поютъ свадебную пѣсню бэдніэра (счастіе), джигитуютъ на лошадяхъ, стрѣляютъ изъ пистолетовъ и проч. Приближаясь къ дому жениха, посылаютъ кого нибудь впередъ извѣстить его отца и мать о пріѣздѣ невѣсты. Такой вѣстникъ останавливается гдѣ нибудь у воротъ дома и молча дѣлаетъ изъ пистолета выстрѣлъ на воздухъ. Въ домѣ ему даютъ отвѣдать меду или сахару.

Тѣмъ временемъ свадебный поѣздъ достигаетъ дома. Тутъ дружки и подруги нѣкоторое время тѣшатся громаднымъ круглымъ просянымъ хлѣбомъ, перебрасывая его троекратно чрезъ невѣсту и домъ и разламывая его на кусочки, которые разбираются присутствующими. Послѣ этого невѣсту вводятъ въ домъ, въ дверяхъ котораго два человѣка держатъ скрещенныя надъ головами шашки. На порогѣ ей даютъ отвѣдать меду или сахару, приговаривая при этомъ: „да дастъ тебѣ Богъ такой-же сладкій языкъ“. Вошедшей въ домъ невѣстѣ даютъ въ руки чашку, наполненную зернами гоми, на которыя положено яйцо. Затѣмъ ее три раза обводятъ вокругъ очага, причемъ она разбрасываетъ зерна гоми. Посадивъ невѣсту, ей даютъ въ руки мальчика, какъ-бы въ предзнаменованіе того, что она то-же родитъ мальчика. Нѣсколько времени спустя, невѣсту вводятъ въ отдѣльный домикъ, амһара, и тогда начинается настоящій свадебный пиръ.

На второй и въ слѣдующій затѣмъ дни приходятъ родственники, знакомятся съ невѣстою и подносятъ ей подарки каждый по своему состоянію. Когда хотятъ знакомиться съ невѣстой, то ея уполномоченная подруга (дадэ) приподымаетъ съ ея лица покрывало, которымъ она закрыта; посѣтители привѣтствуютъ невѣсту, а она, не произнося ни слова, стоитъ прямо, спокойно, опустивъ глаза внизъ. Отвѣты даетъ, вмѣсто нея, ея подруга. По прошествіи-же достаточнаго времени послѣ свадьбы, на всякій

предлагаемый ей вопросъ она, вмѣсто „да“ и „нѣтъ“, киваетъ только головой.

Въ амhара молодая остается нѣсколько мѣсяцевъ; потомъ ее приглашаютъ въ главный домъ, и съ этого времени на нее переходятъ всѣ заботы по семейству. Она старается угождать всегда свекрови и свекру и поступать по ихъ желаніямъ. Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, она не говоритъ ни съ кѣмъ; потомъ начинаетъ говорить сначала съ меньшими домочадцами и сельчанами, а затѣмъ уже и со старшими; позже-же всѣхъ начинаетъ говорить со свекромъ и свекровью. Новую невѣстку всѣ односельчане величаютъ „нашею невѣсткой“; къ ней приносятъ разное шитье, которое она и исполняетъ безвозмездно.

Молодая чета, впродолженіи многихъ лѣтъ, вмѣстѣ не показывается родителямъ мужа: въ ихъ присутствіи, до самой смерти, они не могутъ вмѣстѣ обѣдать. Въ разговорѣ со старшими (будутъ-ли то родственники, или посторонніе) жена не можетъ сказать о мужѣ—„мой мужъ“, и мужъ о своей женѣ—„моя жена“. Невѣстка не можетъ садиться на ту скамью, на которой сидѣли свекоръ и свекровь. Жена никогда не можетъ назвать мужа своего по имени и въ необходимыхъ случаяхъ, вмѣсто этого, обходится мѣстоименіями: „ты“, „онъ“. Точно также она не называетъ по имени деверей, воспитателей мужа, членовъ семьи, старшихъ въ селеніи и проч. Мужъ-же не произноситъ только имени жены. Когда теща и тесть впервые посѣтятъ зятя, то онъ долженъ поднести имъ подарки, равно какъ и въ томъ случаѣ, когда самъ онъ съ женою первый разъ отправляется къ родителямъ жены.

V.

Оплакиваніе и похороны усопшихъ.

Абхазцы весьма сострадательны, вообще, къ больнымъ, а опасно больныхъ никогда не оставляютъ одинокими. Когда сельчане узнаютъ, что такой-то ихъ собратъ тяжко боленъ, то обязательно всѣ навѣщаютъ его, разспрашиваютъ о болѣзни, ободряютъ и стараются его развеселить. Навѣщаютъ больного не только родственники, но и всѣ прочіе сельчане, безъ различія званій и состояній. Къ больному обыкновенно приходятъ по вечерамъ и проводятъ около него цѣлую ночь, поютъ, пляшутъ или разсказываютъ сказки, отпускаютъ остроты и пр., съ цѣлью какъ ни-

будь развеселить больного и такъ или иначе облегчить его страданія. Больныхъ лечатъ домашними средствами, старушки-знахарки читаютъ надъ ними свои молитвы и пр.

Какъ только больной умретъ, женщины тотчасъ подымаютъ оглушительный вой и потрясающій душу крикъ, при чемъ рвутъ на себѣ волосы, царапаютъ себѣ тѣло, бьютъ себя по лицу, по головѣ и проч. Между тѣмъ, собирается весь околотокъ; плачъ и рыданіе увеличиваются. Нѣкоторыя женщины, изъ близкой родни умершаго, начинаютъ побивать себя, ударяться головами обо что нибудь; другія-же стараются ихъ угомонить, успокоить. Но всѣ эти увѣщанія часто не дѣйствуютъ на изступленныхъ плакальщицъ, и онѣ, вслѣдствіе наносимыхъ себѣ побоевъ по тѣлу и головѣ и ударовъ головою обо что-нибудь, сами падаютъ за-мертво. Когда, наконецъ, воцаряется тишина, устанавливается церемоніалъ похоронъ. Ближайшая родня шьетъ себѣ траурныя платья; посылаются гонцы съ извѣщеніями и приглашеніями къ родственникамъ,воспитателямъ, друзьямъ и знакомымъ умершаго; односельчане-же, и безъ приглашеній, обязаны придти на оплакиванье. Умершаго кладутъ въ гробъ. Позади гроба усаживаются женщины въ траурныхъ нарядахъ, босыя, съ разодранными платьями, до-крови исцарапанными лицами и распущенными волосами. Съ другой стороны, къ гробу подходятъ плакальщики и плакальщицы. Самый порядокъ оплакиванья таковъ. Идутъ, положимъ, для оплакиванья усопшаго 4—5 женщинъ. Какъ только онѣ вступятъ во дворъ, тотчасъ-же начинаютъ плакать и кричать „авав", при чемъ прикладываютъ пальцы къ вискамъ и, пока не окончатъ своего „авав", бороздятъ ими лицо до подбородка. На ихъ „авав" сидящія у гроба женщины отвѣчаютъ такимъ-же возгласомъ. Плакальщицы медленно приближаются къ дому. Вой и рыданія ихъ, мало по малу, усиливаются, затѣмъ онѣ заходятъ въ домъ, гдѣ уже происходитъ настоящее общее оплакиванье. Плакальщики-же, ударяя себя по лбу и въ грудь, заходятъ въ домъ, становятся предъ гробомъ на колѣни и оплакиваютъ такъ усопшаго.

Въ другомъ отдѣленіи дома выставлены вещи усопшаго, его платье и оружіе. Послѣ оплакиванья усопшаго, плачъ и рыданіе происходятъ и надъ его вещами.

Соболѣзнованіе роднымъ усопшаго высказывается посѣтителями въ слѣдующей формѣ: „Пусть-бы не случилось этого съ вами; пусть-бы вы услышали, вмѣсто этого, о моей смерти..." и т. д.

Кормилица умершаго или ея дѣти, приходя на оплакиваніе воспитанника, еще за версту отъ дома подымаютъ вой и крикъ. Во дворѣ ихъ встрѣчаютъ нарочно поставленные люди, которые вводятъ ихъ подъ руку въ домъ. Это не мѣшаетъ вновь прибывшимъ на ходу до-крови исцарапывать себѣ щеки и шею, биться головами объ столбы дома, пока онѣ, полумертвыя, не опустятся предъ гробомъ, обливаясь слезами. Воспитатель и его дѣти также бичуютъ себя по головѣ и лицу.

Въ день похоронъ оплакиванье усопшаго бываетъ всеобщее. Затѣмъ, послѣ оплакиванья, устраивается тризна и угощаются всѣ посѣтители хлѣбомъ, виномъ и постными яствами, а къ вечеру уже хоронятъ усопшаго.

Необходимо отмѣтить еще одну характерную черту. Когда умираетъ глава семьи и печальное шествіе съ его останками уже тронулось къ кладбищу,—то чрезъ его домъ перекидывается веревка, которую держатъ за концы два человѣка и тянутъ то въ одну, то въ другую сторону. Смыслъ этого оригинальнаго обычая, распространеннаго и въ Мингреліи, таковъ: со смертью главы семьи и выносомъ его на кладбище, домъ начинаетъ расшатываться и грозитъ рухнуть, и чтобы это отвратить, прибѣгаютъ къ веревкѣ. Послѣ выноса тѣла, когда домъ остается цѣлъ и невредимъ, дѣлаютъ ружейный выстрѣлъ въ знакъ радости.

Могилы для мужчинъ роютъ глубиною до поясницы, а для женщинъ еще глубже, такъ какъ, по мнѣнію нѣкоторой части абхазцевъ, женщина вообще хитра и лукава (паіван), и абхазская поговорка утверждаетъ: „что имѣешь на умѣ, не сообщай женѣ, иначе она и изъ могилы выползетъ и разгласитъ твою тайну“. Поэтому усопшую хоронятъ глубже и насыпаютъ на нее больше земли.

Уложивъ усопшаго въ могилу, эту послѣднюю обставляютъ деревянными досками, а потомъ сверху засыпаютъ землею.

У абхазцевъ спеціальныхъ кладбищъ не имѣется. Каждая фамилія имѣетъ свое особое кладбище. Чаще для кладбищъ служатъ высокія и горныя мѣста, гдѣ проходитъ общая дорога. Туристъ или путешественникъ легко замѣтитъ, что въ Абхазіи самыя лучшія и поэтическія мѣста заняты кладбищами.

Заботы объ усопшемъ продолжаются еще долго послѣ его похоронъ. Мать и жена умершаго, кормилица или ея дочери, одѣтыя въ трауръ, на босую ногу, каждый день, по утрамъ и вечерамъ, посѣщаютъ свѣжую могилу, горько оплакиваютъ усопшаго

и просятъ его помочь имъ въ разныхъ житейскихъ заботахъ, ходатайствовать за нихъ предъ другими усопшими, передать имъ поклонъ отъ нихъ и пр. Такъ продолжается до 40 дней или до „субботнихъ поминокъ“. До этого-же времени въ домѣ бываютъ выставлены вещи усопшаго и вновь прибывающіе оплакиватели сначала плачутъ надъ этими вещами, а потомъ и надъ могилой. Также до этого времени, и часто впродолженіи цѣлаго года, при всякомъ завтракѣ и ужинѣ, на столъ кладется и доля усопшаго.

На сороковой день или въ одну изъ субботъ устраиваютъ поминки по усопшемъ. Рѣжутъ барана и приготовляютъ скоромныя блюда. Родственники усопшаго, которые постились до сихъ поръ, только въ этотъ день разговляются. Впрочемъ, мать и кормилица постятся цѣлый годъ.

Вторыя поминки сопряжены еще съ большими расходами. Эти поминки называются а п һ с х у в р а (აფსხუვრა *). Рѣжутъ при этомъ животныхъ, тратятъ много и стараются, по возможности, удовлетворить душу усопшаго. Абхазцы увѣрены, что неудовлетворенная душа можетъ повредить не только ихъ имуществу, но и имъ самимъ. Эти поминки устраиваются на второй годъ по смерти усопшаго, чаще осенью, когда всего имѣется въ изобиліи.

Ко дню апһсхувра созываются гости для оплакиванья усопшаго. Иногда въ этотъ-же день въ честь умершаго устраивается и м а р у л а (скачки). Если скачки назначены заранѣе, то объ этомъ своевременно сообщается всѣмъ чрезъ нарочныхъ. Между тѣмъ, хозяева заготовляютъ обильные запасы провизіи животными, виномъ, сыромъ, хлѣбомъ и пр. Наканунѣ апһсхувра выставляютъ вещи умершаго, и тутъ-же привязываютъ коня усопшаго, съ траурной попоной. На сѣдлѣ коня вѣшаютъ оружіе усопшаго: ружье, постолетъ, кинжалъ, шашку, кнутъ и пр.; затѣмъ происходитъ оплакиванье надъ могилой и останками.

А вотъ и эта картина. Стоитъ толпа людей обоего пола, босыхъ, одѣтыхъ въ трауръ. Волосы у мужчинъ заплетены въ косы, какъ у женщинъ. Къ нимъ направляются пѣшіе и конные, причемъ ведутъ по одному или по два быка, по нѣскольку барановъ и, вообще, кто чтò можетъ, и несутъ разныя сладости, приготовленныя на маслѣ и на меду, также м а ц о н и (кислое

---

*) апһс—душа, ху—доля, порядокъ, вра—дѣлать, совершать, т. е. совершеніе поминокъ въ честь души усопшаго.

молоко) и пр. Одинъ изъ идущихъ держитъ въ рукѣ вѣтвистую, деревообразную свѣчу, на которой укрѣпленъ лоскутокъ миткаля зеленаго цвѣта, пропитанный воскомъ. На вершинахъ вѣтокъ и вѣточекъ навѣшаны такіе-же лоскутки, колеблемые вѣтромъ, подобно листьямъ дерева. (Если шествіе происходитъ ночью, то къ вѣтвеобразной свѣчѣ прикрѣпляютъ нѣсколько зажженныхъ свѣчекъ, также, какъ и къ рогамъ быковъ). Печальная процессія медленно приближается къ дому и входитъ во дворъ, гдѣ ее встрѣчаютъ другіе. Тутъ происходитъ рыданіе и плачъ, отдѣльно женщинъ и мужчинъ. После этого рѣжутъ быковъ и барановъ, при чемъ каждый разъ приговариваютъ: „приносится душѣ твоей".

На другой день, т. е. въ день апѣсхувра, собирается множество народа. Къ полудню одинъ изъ родственниковъ усопшаго отвязываетъ его коня и становится посреди поляны, а возлѣ него устанавливаются въ кругъ женщины и мужчины. Затѣмъ конь троекратно обводится въ кругу; за конемъ слѣдуетъ ближайшая родня усопшаго, въ трaурѣ, съ обнаженными головами и босыми ногами, горько рыдая. Мужчины ударяютъ себя въ грудь и лицо. Женщины, стоящія въ кругу, раздѣлившись на двѣ партіи, попеременно возглашаютъ „авав". Эта церемонія оканчивается выведеніемъ коня изъ круга; съ этого времени считаются уничтоженными всякіе земные знаки (останки) усопшаго, до того-же и самъ усопшій признавался невидимо присутствующимъ тутъ, среди собранія.

Послѣ этого гости садятся обѣдать. Для нихъ на полянѣ, подъ открытымъ небомъ, накрыта длинная скатерть и приготовлены различныя яства. Особенное вниманіе обращаютъ на себя сдѣланныя изъ сыра ложки, чашки, стаканы, наперстки и пр. Тутъ-же ставятся вышеописанныя свѣчи.

Слѣдуетъ замѣтить, что хотя это угощеніе стоитъ чрезвычайно дорого, но оно необременительно для хозяевъ, потому что въ расходахъ принимаютъ участіе не только родственники, но и цѣлое селеніе, въ которомъ устраивается такая тризна.

Послѣ обѣда происходитъ джирити, напоминающій турниры среднихъ вѣковъ. Вотъ прекрасный полъ занялъ сѣни дома. Молодые конные парни собрались предъ красавицами и въ рѣчахъ на-перерывъ стараются выказать остроуміе, находчивость и знаніе, а въ предстоящей джигитовкѣ—свою храбрость.

Главная джигитовка, тарчэи (თარჩეი), состоитъ въ слѣдующемъ. Одинъ изъ состязающихся всадниковъ беретъ у хозяина пира

или у какой нибудь красавицы лоскутки ситца, сшитый сапожокъ, четки изъ каштановъ, или что нибудь другое и, держа въ рукѣ этотъ т а р ч э й, скачетъ съ нимъ впередъ, а другіе парни за нимъ въ догонку и стараются его поймать и отнять тарчэй. Если это удается, то тарчэй переходитъ въ руки того, кто отнялъ его у перваго всадника: теперь скачетъ этотъ, а другіе снова несутся за нимъ въ догонку. Побѣдителемъ остается тотъ, кого не съумѣютъ изловить и кто довезетъ тарчэй до мѣста, откуда началось состязаніе. Состязаніе наѣздниковъ этимъ, однако, еще не заканчивается: они продолжаютъ гарцовать на лошадяхъ, подымаютъ на всемъ скаку, съ земли, деньги и пр.

На поминкахъ устраиваются иногда и состязанія въ скачкѣ. Наѣздниками являются дѣти 8—9 лѣтъ. Для состязающихся назначается мѣсто, и кто первый къ нему прискачетъ, выигрываетъ что нибудь. Въ этомъ случаѣ, хозяева дарятъ побѣдителямъ коня усопшаго, какое нибудь животное, или х а к (аршинъ или же пядь) ситца.

VI.

Религіозныя вѣрованія абхазцевъ.

„До 1867 года, говоритъ г. А. въ своей прекрасной статьѣ объ Абхазіи, религіозное состояніе абхазцевъ представляло полнѣйшій сумбуръ. Здѣсь можно было встрѣтить обряды всѣхъ вѣроученій, начиная отъ фетишизма до христіанства. Точнаго понятія народъ не имѣлъ ни объ одной религіи, а усвоилъ себѣ отъ каждой изъ нихъ то, что выдавалось болѣе рельефно и сильнѣе дѣйствовало на его почти дѣтское воображеніе“ *). Г.-же Гіоргидзе говоритъ: „Нынѣ большинство абхазцевъ исповѣдуетъ христіанскую вѣру, а меньшинство—магометанскую. Но, несмотря на это, абхазецъ мало свѣдущъ и въ той и въ другой религіи и скорѣе онъ—язычникъ, чѣмъ христіанинъ или магометанинъ“ **).

1.

Души усопшихъ —Ихъ странствія по землѣ.

Абхазецъ вѣритъ, что человѣческая жизнь не кончается земнымъ существованіемъ и что она продолжается и за гробомъ,

*) См. Сборн. свѣд. о кавк. горц., вып. V.
**) Иверія за 1888 г.

или, говоря словами абхазца, „на той сторонѣ". Онъ также вѣритъ, что эта загробная жизнь продолжается на томъ именно мѣстѣ, гдѣ похороненъ усопшій. Поэтому-то недостаточно, напр., достать изъ воды трупъ утопленника и предать его землѣ, но должно изъ воды вызвать и душу его и впустить ее въ ту могилу, въ которой зарытъ трупъ утопленника. Вотъ какъ совершается церемоніалъ вызова и изловленія души утопленника. На обоихъ берегахъ рѣки, откуда вытащенъ былъ трупъ утопленника, собираются мужчины и женщины. Надъ рѣкой, съ одного берега до другого, перекидываютъ шелковую нитку; на ней вѣшаютъ кожаную котомку, которая нижнимъ концомъ чуть касается поверхности рѣчной воды. Собравшіеся мужчины и женщины начинаютъ подпѣвать подъ звуки балалайки. Абхазецъ увѣренъ, что душа утопленника, заслышавъ звуки балалайки и пѣніе, выходитъ изъ воды и входитъ въ котомку. Когда, по мнѣнію абхазца, она находится уже въ котомкѣ, онъ бросается въ воду и завязываетъ котомку. Затѣмъ, съ ликованіями, доставляютъ котомку на кладбище, гдѣ чрезъ просверленное въ ней отверстіе впускаютъ изловленную душу въ могилу утопленника.

Усопшіе въ Абхазіи пользуются большимъ почетомъ. Кладбища, какъ мы уже сказали, бываютъ на высокихъ живописныхъ мѣстахъ и обводятся заборами. Надъ могилами строятся крытые дранью дома, какихъ абхазцы, вообще, себѣ не строятъ. У могилъ сажаютъ разныя плодовыя деревья: яблони, груши, персиковыя, айвовыя и пр.; на самыхъ-же могилахъ кладутъ ломти дыни, арбуза, огурцы и пр. Все это, опять-таки, служитъ подтвержденіемъ того повѣрья, что въ загробной жизни души усопшихъ также, какъ живые люди, нуждаются въ ѣдѣ, питьѣ, жилищахъ и пр.

И дѣйствительно, абхазецъ, положивши, напр., кусокъ дыни на могилѣ усопшаго, увѣренъ, что онъ имъ полакомится. Благодаря такому повѣрью, впродолженіи почти цѣлаго года по смерти усопшаго, за каждымъ обѣдомъ и ужиномъ кладется на столѣ особая доля для умершаго, совершаются поминки по немъ и пр. Кромѣ этого, поминки по недавно умершимъ бываютъ ежегодно наканунѣ родительской субботы, а въ самую родительскую субботу поминки по преждеумершимъ. Глава семьи, при убоѣ жертвеннаго животнаго, возглашаетъ: „Если существуетъ загробная жизнь, приносится (жертва) для твоей души". Затѣмъ, когда яства приготовлены и положены на скатерть, тотъ-же глава семьи, становясь предъ скатертью, опять возглашаетъ: „Усопшіе,

благодать вашихъ душъ даруйте намъ! не повредите насъ смертью (умерщвленіемъ)! прибавляйте (размножайте) насъ, нашъ скотъ! не лишите насъ вашей защиты и покрова!" и пр. По окончаніи этого возгласа, желѣзнымъ вертеломъ, надъ скатертью, въ воздухѣ, онъ дѣлаетъ крестное знаменіе и причитываетъ: „Все это, пріуготовленное силою огня и воды, если вправду существуетъ загробная жизнь, жертвуется душамъ вашимъ". Сказавъ это, глава семьи беретъ стаканъ вина и выпиваетъ; послѣ этого, въ ломоть гоми всовываетъ кусочки сердца и печенки жертвеннаго животнаго, возливаетъ на него немного вина и выбрасываетъ ломоть на дворъ, при словахъ: „А это вамъ, душамъ-проводникамъ и сопровождающимъ". Изъ этого видно, что живыхъ сородичей, по религіознымъ представленіямъ абхазцевъ, посѣщаютъ души усопшихъ, вмѣстѣ съ прочими душами, сопровождающими ихъ. И абхазецъ увѣренъ, что чѣмъ онѣ (души усопшихъ) пышнѣе будутъ встрѣчены и угощены, тѣмъ довольнѣе и благодарнѣе останутся и тѣмъ больше содѣйствія и покровительства окажутъ онѣ живымъ,—въ противномъ-же случаѣ, онѣ будутъ только вредить имъ. Души, оставшіяся довольными пріемомъ, по возвращеніи къ душамъ другихъ умершихъ сородичей, высказываютъ имъ свою радость и хвалятся, съ какими большими почестями приняли ихъ; недовольныя-же возвращаются чрезвычайно огорченными, и когда другія души ихъ разспрашиваютъ объ оказанномъ имъ пріемѣ, то отвѣчаютъ: „Что-жь бы мы у нихъ нашли, когда и сами они, оказывается, такіе-же мертвецы, какъ и мы". Въ этомъ случаѣ, по вѣрованію абхазца, жертвами страшнѣйшаго гнѣва неудовлетворенныхъ душъ усопшихъ обязательно дѣлаются нѣсколько членовъ семьи, не съумѣвшей должнымъ образомъ угостить души своихъ усопшихъ родичей.

Абхазцы твердо убѣждены, что души усопшихъ выходятъ изъ могилъ и посѣщаютъ своихъ живыхъ сородичей. Онѣ становятся возлѣ домовъ и свистятъ, ихъ задабриваютъ возліяніемъ вина или выбрасываніемъ чего нибудь. Души усопшихъ, особенно по ночамъ, любятъ выходить изъ могилъ, становятся у дороги и, когда увидятъ путника, бѣгутъ за нимъ въ догонку. Послушаемъ, какъ разсказываютъ сами абхазцы о важномъ значеніи поминокъ.

1. „Сесркiва былъ извѣстный храбрецъ. При одномъ набѣгѣ, онъ лишился въ схваткѣ всѣхъ своихъ ста сотоварищей: всѣхъ ихъ перебили. Сесркiва зарѣзалъ множество быковъ, барановъ и устроилъ поминки по сотоварищамъ. Затѣмъ онъ и самъ былъ

убитъ въ какой-то стычкѣ и неизвѣстно гдѣ похороненъ. Его другъ изъявилъ однажды желаніе отыскать могилу Сесрквы и оплакать его. Послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ, онъ нашелъ ее, оплакалъ Сесрвку, и такъ какъ до селенія было далеко, а время было позднее, то онъ рѣшился тутъ-же заночевать. Привязавъ лошадь къ дереву, онъ прилегъ подъ дубомъ и скоро заснулъ. Во снѣ ему снится, что сто убитыхъ молодцовъ Сесрквы въ загробной жизни находятся въ прекрасномъ положеніи: они довольны всѣмъ, ибо и гостей съ почетомъ принимаютъ, и лошадей своихъ хорошо кормятъ; Сесрква-же и его лошадь скитаются голодные и питаются только подаяніями тѣхъ ста молодцовъ. Увидѣвъ героя Сесркву въ такомъ положеніи, другъ спрашиваетъ его: „Сесрква! ты превосходилъ всѣхъ на бѣломъ свѣтѣ; чтò-же такое приключилось съ тобою въ загробной жизни, что ты не можешь принять даже и одного гостя?" Сесрква отвѣчаетъ: „Какъ мнѣ принимать гостей, когда я и самъ-то для себя и лошади выпрашиваю у другихъ!". Проснувшись, другъ догадался, что Сесрква по сію пору остается безъ поминокъ, и вотъ онъ немедленно-же устраиваетъ ему богатыя поминки. И еще разъ снится ему сонъ: Сесрква теперь въ такомъ-же прекрасномъ положеніи, какъ и сто его сподвижниковъ, и въ состояніи принимать гостей".

2. „Шли два человѣка; у одного изъ нихъ въ котомкѣ припрятанъ былъ жирный рѣзаный козелъ, со снятой шкурой. Вечернею порой кто-то сталъ ихъ преслѣдовать, посвистывая на бѣгу. Тогда человѣкъ съ ношей обратился къ нему и сказалъ: „Отстань, чего ты хочешь отъ меня?" Сказавъ это, опять продолжалъ путь, но привидѣніе не отставало. Товарищъ догадался, въ чемъ дѣло, и посовѣтовалъ другому отрѣзать кусокъ мяса и бросить привидѣнію. Совѣтъ принятъ, кусокъ мяса брошенъ,—свистъ и преслѣдованіе тотчасъ-же прекратились".

3. „Моквцы ежегодно устраивали поминки по своимъ усопшимъ, похороненнымъ въ верхней части кладбища, а морквульцы этого не дѣлали для своихъ усопшихъ, погребенныхъ въ нижней части. Поэтому, моквскіе усопшіе съ насмѣшкой кричали морквульскимъ: „Ничего ненаходящіе!" а тѣ имъ отвѣчали на это: „Когда наши сородичи найдутъ что нибудь для себя, такъ и намъ отъ нихъ перепадетъ". Эти усопшіе собирались вмѣстѣ по ночамъ и устраивали танцы на а п һ с ц а р к в а ш а р т һ а (мѣсто для танцевъ умершихъ). Слѣды ногъ танцующихъ душъ могъ видѣть всякій".

Души, какъ умершихъ, такъ и живыхъ людей, особенно-же вѣдьмъ, способны, по временамъ, совершать странствія съ злыми цѣлями, напр. высасывать молоко изъ сосцовъ, вынимать изъ груди сердце и печень и пр. Вѣдьмъ даже и водная стихія не принимаетъ, онѣ не тонутъ въ водѣ. Онѣ имѣютъ своего начальника - Роскипи, который живетъ на вершинѣ горы Табакона. По степени своего могущества, онѣ раздѣлены на группы: младшія изъ нихъ обыкновенно путешествуютъ на мышахъ, лягушкахъ, кошкахъ и проч., а старшія—на лисицахъ, волкахъ и т. д. Наканунѣ Успенія всѣ онѣ обязаны собираться на Табакона для ежегоднаго отчета своему властелину Роскипи о своихъ дѣйствіяхъ и представлять ему вещественныя доказательства своей исправной службы: вынутое ими сердце человѣка, или животнаго, печень, глаза, ногти, волосы и пр. Чтобы избѣжать нападенія вѣдьмъ, абхазцы принимаютъ такія мѣры: во время Успенскаго поста ставятъ кресты, втыкаютъ себѣ въ волосы свѣчи, а наканунѣ Успенія стрѣляютъ изъ ружей, поютъ и цѣлую ночь проводятъ въ бдѣніи. Абхазецъ увѣренъ, что вѣдьма одновременно можетъ находиться у себя дома, между людьми, и на вершинѣ горы Табакона. Подобное раздвоеніе человѣка абхазцы объясняютъ тѣмъ, что стра ствуетъ не сама вѣдьма, а ея побочная душа (а п һ с ч ч д а=лишняя душа).

2.

Истинный Богъ.—Язычество.—Главные и второстепенные боги абхазцевъ. —Причины политеизма.—„Творцы“ и „выковыватели“.—Рокъ или предопредѣленіе.

Въ помощь верховному существу, говоритъ г. А-ъ, надѣленному всѣми качествами, которыми, по нашимъ представленіямъ, одаренъ Богъ, миѳологія абхазцевъ придала множество другихъ божествъ, опредѣливъ каждому изъ нихъ его спеціальное назначеніе. Эти подручныя божества, по ихъ понятію, созданы Всевышнимъ прежде человѣка и вселенной, и молящійся, чрезъ ихъ посредство, обращается къ самому Богу. Самъ Богъ никогда не сходитъ на землю, но если ему нужно кого либо наказать или ниспослать на кого нибудь свою милость, то онъ посылаетъ одного изъ своихъ помощниковъ. Въ молитвахъ, которыя произносятся и поются при жертвоприношеніяхъ и другихъ религіозныхъ брядахъ абхазцы взываютъ къ богу: а х д а у (или а н ц а-д а у к в а)

злыпха-ххаура, что значитъ: Боже великій, милосердый, многомилостивый.

Кромѣ этого многомилостиваго бога, у абхазцевъ, какъ мы сказали, существуютъ еще другіе, второстепенные боги, необходимость созданія которыхъ вызывалась потребностями народа. Всякое атмосферическое явленіе, всякая опасность, угрожающая человѣку или его достоянію, всякій трудъ, обезпечивающій существованіе человѣка, создали въ дѣтскомъ воображеніи народа отдѣльныхъ, невидимо управляющихъ всѣмъ, покровителей. Божества эти не имѣютъ никакихъ изображеній, такъ какъ представляются въ различной формѣ, сообразной съ обстоятельствами, но тѣмъ не менѣе бытіе ихъ, по понятію абхазцевъ, несомнѣнно, ибо ощущается на всемъ хорошемъ и дурномъ, что только случается въ жизни человѣка. Каждый шагъ человѣка находится подъ ихъ контролемъ и всякое совращеніе съ истиннаго пути немедленно вызываетъ съ ихъ стороны наказаніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ развитіи религіозныхъ идей и теистическихъ образовъ у абхазскаго народа, какъ это доказано наукой на множествѣ аналогичныхъ примѣровъ у другихъ первобытныхъ народовъ, громадную роль играли окружающая природа и ея явленія. На его младенческій умъ и воображеніе несомнѣнно сильное воздѣйствіе производило и лазуревое небо, необъятнымъ сводомъ опирающееся на землю и то грозно-сурово выглядывающее на нее изъ-за тучъ, то улыбающееся ей своими огненными глазами: днемъ—солнцемъ, а ночью —луною и звѣздами; вліяла на нихъ и сама мать-земля, ибо она, во-истину, есть мать, кормилица, производительница и источникъ благъ и изобилія; не оставались безъ вліянія на этотъ младенческій умъ солнце, этотъ „глазъ неба“, согрѣвающее и оживотворяющее весь міръ; „стражъ ночи“—луна, незамѣтно плывущая по своду неба и побѣждающая ночную тьму; грозный громовой ударъ, наводящій страхъ и уничтожающій все по пути; воздухъ, то привѣтливо-тихій и спокойный, то грозно несущійся и воющій; разноцвѣтная, красивая радуга—этотъ „поясъ“ неба; утренняя заря, эти „двери дня“... Все это и многое другое, конечно, сильно дѣйствовало на человѣка въ дѣтскомъ его возрастѣ, и немудрено, что абхазецъ все это, вмѣстѣ съ деревьями, лѣсами, полями и пр., олицетворяетъ и обоготворяетъ; обоготворяетъ нѣкоторыя существа за то, что они приносятъ ему пользу, а другія за то, что причиняютъ ему вредъ. Сообразно этому, миѳологія абхазца для каждаго рода дѣ-

ятельности и энергіи человѣка,—сельское-ли это хозяйство или промышленность, искусство или пастушество и пр.,—создала спеціальныя божества-покровителей. Такими являются, напр., Аитһар—покровитель скота, Джаджа—богъ посѣвовъ, Шаша—богъ кузнечнаго дѣла и др. Многіе изъ этихъ божествъ—женскаго рода; напр., покровительница водной стихіи, „мать воды"—женщина; самая земля олицетворена въ женскомъ родѣ; имѣется также „госпожа вѣтеръ"; предокъ скота—женскаго рода, предокъ козъ—тоже; богъ посѣвовъ—Джаджа и др.—также женскаго рода.

Кромѣ этихъ боговъ, имѣются еще Ашаца—чапһаца, боги „творцы" и „выковыватели". Ихъ бываетъ или два, или множество. Подъ воздѣйствіемъ христіанства, они представляются въ видѣ ангеловъ. Чрезъ Ашаца-чапһаца рождается „всякая душа". Новорожденному они опредѣляютъ его будущее, его счастіе и несчастіе, долготу жизни и часъ смерти и обо всемъ этомъ дѣлаютъ ему надпись на лбу (лахинꙋара). Абхазецъ увѣренъ въ существованіи такихъ надписей на лбу человѣка и, по его убѣжденію, въ этомъ всякій можетъ увѣриться собственными глазами. Приведемъ, кстати, одинъ абхазскій разсказъ, иллюстрирующій неминуемость предопредѣленія, рока.

Въ ночной часъ два человѣка отправились на воровство. По пути ихъ застигъ сильный дождь. Они укрылись въ сѣнцахъ хаты поселянина. Заглянувъ внутрь хаты, они увидѣли собравшихся женщинъ и роженицу, которая, вслѣдъ за тѣмъ, вскорѣ и родила дѣвочку. „Творцы" и „выковыватели" не замедлили явиться сюда. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „Да будетъ новорожденная женою того изъ двухъ воровъ, который снаружи заглядываетъ въ домъ. Да будетъ это его предопредѣленіемъ". Второй изъ „творцовъ-выковывателей" подтвердилъ слова перваго. Воръ былъ уже въ среднихъ лѣтахъ, и, услышавъ это, онъ сказалъ: „Я ужъ и теперь не молодъ, а она только-что родилась; да избавитъ меня богъ отъ такой женитьбы". И вотъ онъ задумалъ убить новорожденнаго малютку: когда всѣ уснули въ домѣ, онъ тихо пробрался въ хату, взялъ ребенка, вышелъ на дворъ и, распоровъ ему животъ, забросилъ его на плоскую крышу хаты; затѣмъ оба они пошли своей дорогой. Плачъ ребенка разбудилъ женщинъ. Онѣ отыскали его, зашили шелковой ниткой рану и, такимъ образомъ, спасли его отъ смерти. Какъ ни старался жениться тотъ воръ, которому сдѣлано было вышеприведенное предопредѣленіе, ему не

удавалось этого сдѣлать. Тѣмъ временемъ и дѣвочка, которую онъ считалъ умершею, достигла возраста замужества и, какъ то разъ, повстрѣчалась съ воромъ; онъ съ перваго-же раза влюбился въ нее и женился. Тутъ-то и обнаружилось, какъ неотложно исполняется всякое предопредѣленіе и рѣшеніе „творцовъ-выковывателей".

VII.

Моленія въ честь божествъ.

Моленіями называются тѣ религіозные обряды и церемоніи, которые, сопровождаясь жертвоприношеніями въ честь боговъ, совершаются по извѣстному, издревле освященному и установленному, порядку.

Каждое божество, въ сферѣ своей дѣятельности, можетъ самостоятельно проявлять милость и гнѣвъ къ человѣку, напр. насылать на него самого или его скотъ болѣзни, несчастія и пр. Факты прогнѣвленія божествъ отступленіями отъ установленнаго порядка религіозной обрядности абхазцы легко устанавливаютъ по особымъ примѣтамъ. Для отвращенія гнѣва божествъ за упущенія въ молитвахъ и при жертвоприношеніяхъ надо повторить приношенія и восполнить то, что упущено; неисправленныя ошибки и упущенія въ обрядности ложатся тяжкою виною предъ прогнѣвленнымъ божествомъ даже на отдаленнѣйшія поколѣнія прогнѣвителей. Когда кто заболѣетъ, вслѣдствіе обрядовой виновности предъ какимъ нибудь богомъ, то для выздоровленія обязательно долженъ принести ему жертву. Если самъ онъ, по болѣзни, не въ силахъ этого сдѣлать, то представляетъ въ залогъ какую нибудь вещь, приговаривая: „если ты (богъ) это (болѣзнь) насылаешь за мою вину, то облегчи; какъ подобаетъ тебѣ и какъ объяснитъ мнѣ кудесникъ, я помолюсь". Но когда неизвѣстно въ точности, какое божество гнѣвается и причинило болѣзнь, то говорятъ: „по чьей бы причинѣ ни случилась болѣзнь, восполню все, какъ будетъ объяснено кудесниками". Залогъ, какъ священная вещь, хранится особо, до исполненія обѣта. Исполнителями молитвъ при такихъ религіозныхъ обрядахъ являются мужчины или женщины, смотря по тому, какого пола божество, въ честь котораго совершается данная церемонія.

Перехожу къ описанію самыхъ церемоній.

1.

Церемонія въ честь матери-земли.

Безгрѣшная женщина, взявъ шесть орѣховъ и нѣсколько зеренъ проса, ведетъ больного къ ольховому дереву. Здѣсь она обноситъ три орѣха и нѣсколько просяныхъ зеренъ вокругъ дерева, во имя земли; потомъ тоже самое дѣлаетъ вокругъ орѣшника (грецкаго), во имя **Адабна**, прося его смиловаться надъ больнымъ. Затѣмъ она дѣлаетъ богато-убранную куклу человѣка, которую и хоронитъ въ землѣ, для „освобожденія" больного, и при этомъ возглашаетъ: „вмѣсто больного, поиграй и потѣшься надъ этимъ. Послѣ этого, пекутъ большой просяной хлѣбъ — „хлѣбъ земли-матери", и еще два длинныхъ хлѣба для Адабна. Та-же женщина беретъ по ломтю отъ всѣхъ четырехъ краевъ перваго хлѣба, оба хлѣба въ честь Адабна, свѣчу и ладанъ и, вмѣстѣ съ больнымъ, идетъ къ перекрестку трехъ дорогъ; здѣсь она кладетъ у одной дороги ломти просяного хлѣба, у другой—хлѣбы Адабна, а у третьей зажигаетъ свѣчи и тутъ-же кладетъ чеvяки (обувь), приговаривая: „госпожа земля, это твоя обувь!" Затѣмъ, среди разложенныхъ вещей, ставитъ на колѣни больного съ „чикилою" (родъ вуаля) на головѣ и проситъ: „Адгил-анху, Атула-анхусэ, даруй ему твою благодать! подаждь ему крѣпость головы, сердца, тѣла! подаждь ему цвѣтъ, кожу, кость! вороти ему желаніе говорить, работать! дай ему силу! избавь его отъ лукаваго" и пр.; точно также она молится и Адабну. Послѣ сего женщина сбрасываетъ съ больного орѣховымъ прутикомъ **чикилу**, приподымаетъ его, ударяетъ по спинѣ хлыстомъ и говоритъ: „ступай, съ этого дня даю тебѣ свободу (**азати**)", и затѣмъ оба идутъ домой. Здѣсь разламываютъ по-поламъ просяной хлѣбъ; двѣ женщины берутъ по половинѣ этого хлѣба и становятся по обѣ стороны очага, одна противъ другой; больной троекратно проходитъ между ними подъ хлѣбомъ, при чемъ одна изъ женщинъ восклицаетъ: „дай мнѣ принявшаго еврейскую вѣру", а другая: „дай мнѣ обращеннаго въ христіанство".

Абхазецъ увѣренъ, что невидимое существо, вселившееся въ больного, оставляя его, тотчасъ спѣшитъ перейдти въ другого, и вотъ, чтобы помочь ему найдти новую жертву, ему молятся на перекресткѣ трехъ дорогъ, гдѣ происходитъ постоянное

движеніе народа и, слѣдовательно, всегда найдется, въ кого перейдти—искать долго не придется. А такъ какъ болѣзнь можно захватить даже отъ мѣста, гдѣ случайно упалъ или сѣлъ человѣкъ, то обрядъ умилостивленія земли долженъ происходить на самомъ мѣстѣ паденія или сидѣнья, откуда началась болѣзнь, и тутъ-же слѣдуетъ зарыть куклу. Поэтому-то абхазецъ, чтобы на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ случайно сѣлъ, не захватить чего нибудь недобраго, троекратно плюетъ, вставая съ земли, и приговариваетъ: „Тутъ былъ дѣдушки моего домъ-дворъ!“

2.

Церемонія въ честь воды.

Когда кто-нибудь долго болѣетъ лихорадкою, то за совѣтомъ и помощью обращаются къ гадальщицѣ: та обыкновенно приказываетъ молиться водѣ, которая считается причиной болѣзни; а такъ какъ покровительница водъ, „мать воды“—женщина, то на церемонію приглашается безгрѣшная старушка.

Мѣстомъ пребыванія „матери воды“ считается большое, чистое, неприступное прѣсное озеро; она можетъ жить также въ чистомъ источникѣ, котораго не касается ничто нечистое, напр. свинья и т. п. „Мать воды“ выходитъ иногда изъ своего жилища на берегъ, и въ это время ее всѣмъ можно видѣть. Вотъ какъ описываютъ абхазцы эту „мать воды“. Она —красивѣйшая обворожительная женщина; локоны у нея безподобные, каштановые, глаза смѣющіеся. Обвороженный ею, абхазецъ говоритъ своимъ сверстникамъ: „Эхъ, братцы, меня побѣдила мать воды, и съ этого дня я уже не принадлежу вашему обществу. Недавно я заѣхалъ въ глухой лѣсъ, въ которомъ, подъ большимъ дубомъ, увидѣлъ приготовленную трапезу; тутъ-же стояло зеркало и горѣла свѣча; предъ зеркаломъ сидѣла „мать воды“ и, улыбаясь собственной красотѣ, причесывала свои длинные, до земли спустившіеся, волосы. У меня опустились руки въ изнеможеніи, я не могъ оторвать глазъ отъ такого удивительнаго видѣнія. Замѣтивъ меня, она тотчасъ прибрала волосы и пошла ко мнѣ. У меня закружилась голова... Не произнося ни слова, она подняла вверхъ всѣ десять пальцевъ, спрашивая меня этимъ: „согласишься или нѣтъ быть моимъ мужемъ впродолженіи десяти лѣтъ?..“ Я отрицательно покачалъ головою, но она не унималась и количествомъ показываемыхъ пальцевъ попеременно предлагала девять, восемь, семь и т. д. лѣтъ

супружества. Когда, благодаря моему отказу, она, наконецъ, подняла послѣдній палецъ—мизинецъ и вперила въ меня свои взоры, я тотчасъ-же изъявилъ согласіе..." *).

Приглашенная къ церемоніи „чистая"старушка незамѣтно для домочадцевъ больного беретъ какую нибудь его вещь, напр. платье и т. п., идетъ къ рѣчкѣ и, ставъ на берегу, причитываетъ: „матерь воды, госпожа, если больной связанъ тобою, то развяжи"; при этомъ взятою отъ больного вещью она троекратно касается воды, зачерпываетъ ея нѣсколько капель въ ольховые листья, которые бережно приноситъ домой и прикрѣпляетъ надъ очагомъ къ потолку дома, будучи увѣрена, что лихорадка больного также испарится, какъ вода въ листьяхъ; затѣмъ старушка бѣжитъ вонъ изъ дому, съ словами: „пусть точно также побѣжитъ и твоя болѣзнь".

Если больной послѣ этого почувствуетъ облегченіе, то приглашаютъ молельщицу, приготовляютъ курицу и пѣтуха, начиненный прѣсный хлѣбъ, отливаютъ три свѣчи и распредѣляютъ такъ: курицу и одну свѣчу назначаютъ „матери воды", пѣтуха и другую свѣчу—мужу ея, а третью свѣчу—ихъ служанкѣ, которая называется А б з а һ а в-А б з а ч а в (благодѣтельница). Больной отправляется съ женщиной-молельщицей къ водѣ и становится на колѣни. Молельщица-же беретъ свѣчу, зажигаетъ и ставитъ у воды, обращаясь съ мольбой объ облегченіи больного сначала къ „матери воды"—д з д з л а н д з а һ в в а ж х и п һ с һ а г в а ш а („матерь воды", „госпожа воды", Хипһсһа Гваша); потомъ зажигаетъ другую и также ставитъ, прося о томъ-же „господина супруга" матери воды; наконецъ, ставитъ третью зажженную свѣчу, проситъ ихъ служанку быть посредницей и ходатаемъ за больного предъ „господами" и, обводя рукой по спинѣ больного, даетъ ему „азати" (свободу) отъ болѣзни.

Такая-же церемонія совершается надъ молодой невѣсткой, когда ее впервые „выводятъ на воду" (т. е. ведутъ по̀-воду), и надъ роженицей, чтобы она имѣла обильное молоко. При этомъ, если описанной церемоніи нельзя совершить сполна, то на долю „матери воды" бросаютъ въ воду, при молитвѣ, яйцо.

Изъ опасенія сскверпить воду, абхазецъ боится даже купаться въ проточной водѣ; если онъ выкупается, то, по выходѣ

---

*) Этнограф. письма изъ Абхазіи; Конст. Мачаваріани, „Дроэба", за 1884—1885 гг.

изъ воды, береть три камешка и говорить: „сегодня я согрѣшилъ предъ тобою—зашелъ въ воду и выкупался, но ты прости меня“, при чемъ обводить камешками вокругъ головы и затѣмъ ихъ бросаеть въ воду.

3.

Церемонія въ честь радуги.

Церемонія въ честь радуги, необязательная для всѣхъ, совершается, большею частью, надъ тѣми больными, причиной болѣзни которыхъ, по указанію гадальщицы, является радуга. Долговременная желтизна лица, разслабленіе организма, неустойчивость въ характерѣ—все это абхазецъ приписываетъ тому, что больной зашелъ въ воду въ тотъ самый моментъ, когда изъ нея пила радуга.

Намѣтивъ жертвоприношеніе и пообѣщавъ моленіе, „чистыя“ старушки выводятъ больного къ рѣчкѣ и приносятъ съ собою двухъ жареныхъ каплуновъ, два начиненные прѣсные хлѣба въ формѣ языка и другую провизію, какъ при совершеніи церемоніи въ честь воды. По обоимъ берегамъ рѣчки раскладываютъ чистыя вещи: платье, серебро и пр. и перебрасываютъ съ одного берега на другой нитяный мостикъ. Приготовивъ все это, молельщица, съ заранѣе сдѣланною куклою въ рукахъ, обходитъ вокругъ стоящаго на колѣняхъ больного, покрытаго кускомъ миткаля, и молитъ о немъ радугу именемъ Эліапhші; затѣмъ беретъ свѣчку и обращается съ такою-же молитвой къ „госпожѣ матери воды“ и „господину мужу ея“; помолившись надъ провизіею, бросаетъ въ воду кусочки отъ каждаго кушанья; куклу-же усаживаетъ въ тыкву и, украсивъ эту послѣднюю зажженными свѣчами, пускаетъ внизъ по теченію рѣчки и приговариваетъ: „вмѣсто больного, потѣшься надъ этимъ“. Наконецъ, молельщица-старушка проводитъ рукою по спинѣ больного, приподымаетъ его и, давъ ему свободу („азати“) отъ болѣзни, отпускаетъ домой, наказавъ ему при возвращеніи не оглядываться назадъ; принесенная пища тутъ-же съѣдается участницами церемоніи, остатки отъ стола бросаются въ воду, а посуда на-чисто вымывается.

Вообще, этотъ молитвенный обрядъ считается въ Абхазіи самымъ священнымъ и имя радуги—А ц а ҷ в а произносится съ великимъ благоговеніемъ. По увѣренію абхазцевъ, послѣдствіемъ церемоніи въ честь радуги бываетъ дождь.

4.

Молитвенная церемонія въ честь вѣтра (п ƕ ш а р н ƕ а).

Приготовляется большой хлѣбъ съ сыромъ, кладется на плетенку и выносится поодаль отъ дома. Тутъ молятъ „госпожу вѣтеръ" (божество женскаго пола), чтобы она повѣяла на нихъ добромъ, унесла подальше зло, избавила отъ всякихъ напастей и пр. Затѣмъ, вырѣзавъ серединную часть хлѣба, несутъ ее въ лѣсъ и вѣшаютъ на вершинѣ дуба; на другой день этой жертвой лакомится тотъ, кто первый подойдетъ къ дубу.

5.

Молитва въ честь дерева.

Въ день Успенія Богородицы пекутъ витушки по числу душъ мужескаго пола въ семьѣ; затѣмъ хозяинъ дома, съ домочадцами, подходитъ къ какому нибудь молодому дереву и, наступивъ на него ногою, молится: „Дерево, подаждь мнѣ твою благодать и счастье... Съ вершины дерева да благополучно снизойдти мнѣ. Свѣжая вѣточка, когда я наступлю на нее ногою, да окрѣпнетъ, а окрѣпшая да сдѣлается свѣжею (мягкою)" и пр.

6.

Молитва въ честь А д н q а или (что тоже) „внѣшнихъ".

Причиною заболѣванія человѣка и его скота бываютъ часто души усопшихъ („внѣшнія"): онѣ нерѣдко на него гнѣваются и внѣшними знаками этого гнѣва являются напускаемыя на прогнѣвившихъ—частая зѣвота, сонливость и общее изнеможеніе. Если больной не удовлетворитъ гнѣвающуюся „внѣшнюю" жертвою и молитвою, то его ожидаетъ неминуемая смерть. Въ одинъ изъ субботнихъ дней приготовляютъ кушанье изъ молодого барашка, куръ, кислаго молока и мяса коровы, если гнѣвается душа женщины, и всю эту провизію устанавливаютъ подъ навѣсомъ на скатерти, а по обѣ стороны ея кладутъ платье и драго-

цѣнныя вещи. Больного или больную ставятъ посреди круга и мужчина или женщина, соотвѣтственно полу больного, молится и проситъ живыхъ и мертвыхъ (Анги-пһснгис) помиловать больного, даровать ему здоровье и принять приготовленную въ честь ихъ пищу. Послѣ этого молящійся за больного обводитъ рукой по его спинѣ и даетъ ему свободу отъ болѣзни („азати"). Въ томъ случаѣ, когда причиною болѣзни является душа князя или, вообще, высокопоставленнаго лица, привязываютъ тутъ-же лошадь, которую, при заключительныхъ словахъ молитвы: „это (лошадь) твоей душѣ", отвязываютъ и пускаютъ въ поле. Такая лошадь, по мнѣнію абхазца, вскорѣ разбухаетъ и издыхаетъ.

7.

Молитвенная церемонія въ честь Ажаһара.

Именемъ Ажаһара абхазцы называютъ покровителя или генія дома и домашняго очага, въ честь котораго совершается эта церемонія надъ молодыми супругами въ томъ періодѣ супружества, когда они еще не появлялись вмѣстѣ предъ старшими и когда молодая въ первый разъ вводится въ главный домъ мужа, или когда она приглашается въ свой отчій домъ. Одинъ изъ старѣйшихъ членовъ въ домѣ втыкаетъ на вертелъ сердце и печень жертвеннаго животнаго и проситъ Ажаһара быть покровителемъ молодыхъ дома и всюду внѣ его.

8.

Алишкантра.

Алишкантра—„госпожа" собакъ. По мнѣнію абхазца, кто имѣетъ хорошихъ собакъ, тотъ будетъ счастливъ и въ пріумноженіи скота: съ удачей на собакъ соединяется представленіе о счастьи на домашнихъ животныхъ. Поэтому-то, раньше моленій другимъ богамъ-покровителямъ домашнихъ животныхъ и дикихъ звѣрей, абхазцы молятся Алишкантрѣ, чтобы она дала имъ счастье на хорошихъ собакъ и возможность выростить и размножить ихъ.

9.

Молитва въ честь Жабрана.

Жабранъ—покровитель животныхъ. Молитвенную церемонію въ честь его совершаетъ каждый абхазецъ, имѣющій скотъ, въ сырную субботу. Для этого приготовляютъ сулугуни (большой сыръ), называемый „святымъ сыромъ"; на очагъ кладутъ тѣсто для хлѣба, въ которое мужчина втыкаетъ сердцевину сулугуни и молится: „Предпочти меня всѣмъ, произносящимъ твое имя; умножь мою скотину, увеличь ее настолько, чтобы въ будущемъ я могъ молиться тебѣ и приносить сыръ величиной въ этотъ хлѣбъ и чтобы дворъ мой не вмѣщалъ всей моей скотины. Сохрани мой скотъ отъ всякаго худа и напасти, какъ дома, такъ и внѣ его; подай, чтобы мой скотъ, кромѣ стараго волоса и кала, не терялъ ничего; подай, чтобы стадо мое было такъ велико, чтобъ позади идущая скотина не могла догнать бѣгущей впереди; чтобы телята играли, подобно медвѣжатамъ, и блистали, подобно жеребятамъ. Вотъ о чемъ я прошу тебя". Затѣмъ молящій втыкаетъ въ хлѣбное тѣсто три палочки грецкаго орѣшника и, ударяя объ потолокъ, восклицаетъ: „вооц! чіпhш!" (кликъ, коимъ зовутъ скотину). Такая-же церемонія совершается въ четвергъ сырной недѣли въ честь покровителя козъ и называется Джабранъ.

10.

Моленіе въ честь Аітhар'а.

Аітhар есть покровитель домашняго скота и хуторнаго хозяйства. Моленія ему совершаются въ одну изъ субботъ, но только не въ постные дни, такъ какъ жертвоприношенія должны состоять изъ продуктовъ молока, а у богатыхъ—изъ телка, вспоеннаго молокомъ. Самымъ употребительнымъ при этомъ кушаньемъ бываетъ—жидкая каша на молокѣ недавно отелившейся коровы. Кругомъ котла или чашки, наполненной кашею, становятся пастухи, и старшій изъ нихъ по возрасту, взявъ восковую свѣчу, читаетъ молитву: „Аітhар, даруй мнѣ превосходство предъ всѣми, произносящими твое имя", и затѣмъ проситъ его о размноженіи стадъ и о защитѣ ихъ отъ хищныхъ звѣрей. По окончаніи

молитвы, пастухъ бросаетъ три ложки каши на поставленную вблизи жаровню съ угольями, а остальное съѣдаютъ всѣ присутствующіе. Если моленіе Аітһар'у совершается жителями всего или части селенія, то приносится въ жертву теленокъ, котораго зарѣзываетъ самый почетный старикъ, произнося предварительно молитву. Когда мясо теленка бываетъ сварено или сжарено, то тотъ-же старикъ вторично произноситъ молитву, отрѣзывая небольшіе куски отъ всѣхъ частей животнаго, приноситъ въ жертву Аітһар'у, бросая ихъ на раскаленные уголья.

11.

Ажвепһшаа (Абн-інцваху).

Ажвепһшаа—богъ лѣсовъ и дикихъ звѣрей. Охотники приносятъ ему жертву предъ отправленіемъ на охоту, что̀ бываетъ обыкновенно въ половинѣ или въ концѣ декабря. Для принесенія жертвы, покупаютъ въ складчину козла или барана. Когда его сжарятъ, то старшій по возрасту охотникъ проситъ Ажвепһшаа послать успѣхъ ихъ предпріятію и, въ заключеніе молитвы, бросаетъ на уголья небольшіе куски жаренаго мяса и кусочекъ ладана. Каждый изъ остальныхъ охотниковъ, по очереди, повторяетъ молитву, прибавляя къ ней свои собственныя пожеланія и указывая, какое именно животное онъ хотѣлъ-бы убить, и при этомъ бросаетъ кусочки ладана на уголья.

12.

Джаджа и Анапһанга.

Джаджа—покровительница посѣвовъ. Моленія ей совершаются два раза въ годъ: въ мартѣ, съ началомъ весны, и въ ноябрѣ, послѣ уборки кукурузы. Моленіе Джаджѣ не сопровождается никакимъ особеннымъ торжествомъ и происходитъ тихо, въ каждомъ семействѣ отдѣльно. Богатые владѣльцы приглашаютъ иногда на эту молитву бывшихъ своихъ подвластныхъ, и именно тѣхъ изъ нихъ, которые принимали участіе въ посѣвѣ и уборкѣ ихъ хлѣба. Въ день, назначенный для моленія, приготовляются кушанья, исключительно изъ хлѣба и плодовъ, воздѣлываемыхъ хозяиномъ. Когда кушанья поставлены на столъ, старшій въ се-

мействѣ обращается съ молитвой къ Джаджѣ и благодаритъ за хорошій урожай или проситъ послать всего въ изобиліи. При весеннемъ моленіи Джаджѣ всѣ кушанья приготовляются постныя.

У Анапhанги, богини посѣвовъ, абхазецъ проситъ: „Гдѣ только я проведу борозду и ударю желѣзомъ и орудіемъ, да дастся мнѣ всюду изобиліе зерна; подай счастіе сѣятелю и потребителю". Въ честь Анапhанги молятся и во время жатвы, когда первый разъ привозятъ домой снопы; въ Успенскій-же постъ изъ колосьевъ дѣлаютъ крестъ, прикрѣпляютъ къ свѣчкѣ зерна кукурузы и лобіи для отвращенія вреда, наносимаго злыми духами, хотя-бы тою-же, напр., Джаджей. Эта Джаджа—безобразная, низенькая, толстая богиня; выйдя на ниву, она возглашаетъ: „нацвіс, нацвіс" (мизинецъ! мизинецъ!), т. е. пожеланіе, чтобы кукуруза на нивѣ достигла роста только въ мизинецъ; но если погнаться за Джаджей, съ словами: „ракі дзакі, ракі дзакі" (локоть-пядень, локоть-пядень), то она оставитъ ниву, и пожеланіе ея не исполнится.

Предъ молотьбой гоми великимъ богинямъ молятся, чтобы онѣ сохранили во здравіи все семейство и чтобы впредь всѣ домочадцы, и во главѣ ихъ сама хозяйка, собирались у колотушки для молотьбы гоми (сацехвэли).

13.

Моленіе о пчелахъ.

Пекутъ круглый хлѣбъ съ сыромъ, приносятъ его на пасѣку и молятся Ананагундѣ о сохраненіи пчелъ; по возвращеніи-же домой, разламываютъ хлѣбъ и ѣдятъ такъ, чтобы не видѣть другъ друга, для чего одни становятся лицомъ къ однимъ дверямъ, а другіе—къ другимъ.

14.

Моленіе солнцу и лунѣ.

Къ солнцу абхазецъ обращается съ мольбой: „Солнышко, не лиши насъ твоей благодати, тепла и свѣта, благополучія и преуспѣянія во всемъ; даруй дѣвицамъ красоту, выразительность, изящество, чтобы онѣ, подобно тебѣ, свѣтили, блистали и согрѣвали людей". Въ молитвенномъ-же обращеніи къ лунѣ выражаютъ пожеланіе, чтобы мальчики уподобились ея блеску.

15.

Моленіе Кhпhатh и Кhвнаш'у.

Моленіе это совершаютъ въ субботу на Ѳоминой недѣлѣ, съ приношеніемъ въ жертву сыра, хлѣба, вина, свѣчей и пр. Идея его—испрошеніе здоровья и благоденствія семьѣ. Въ одну изъ слѣдующихъ субботъ молятся о томъ-же Кhвнаш'у. Кhпhатh и Мджатh суть названія мужчинъ въ Абхазіи.

16.

„Ананаhа".

Анан значитъ мать. Старшая въ домѣ женщина кладетъ на хлѣбъ деньги (Анан л пhара—денежка Ананы) и идетъ съ нимъ въ огородъ, гдѣ накладываетъ на хлѣбъ по три огуречныхъ листика и столько-же листиковъ себѣ на голову; затѣмъ, прикрѣпляетъ къ огуречному стеблю зажженую свѣчу и, взявъ въ руки ладанъ, молится: „Матери творительницы, не дайте мнѣ испытать горе по сыновьямъ, не ввергните меня въ печаль по нимъ, но покажите мнѣ ихъ благоденствіе". Такая-же молитва совершается въ честь Ашацанhа—бога-творителя или родителя. Въ жертву ему приносятъ корову и деньги. Въ великомъ посту сельскія дѣвушки молились также „матери водъ", чтобы она даровала имъ густые и длинные волосы.

17.

Моленіе за ухо.

Абхазецъ говоритъ: „аhса р лмhа і клоу", что значитъ: „привѣшенный къ ушамъ дѣвицъ". Ломота въ колѣняхъ, неровность характера, общая слабость организма человѣка и пр.—все это послѣдствія „тяжелой причины". Для отвращенія болѣзни, подвѣшиваютъ къ уху, на подобіе сережки, пуговку. Чистая и безгрѣшная женщина ведетъ больного къ орѣховому кусту и ставитъ его на колѣни, а кругомъ него втыкаетъ въ землю семь орѣ-

ховыхъ палочекъ и къ каждой изъ нихъ прикрѣпляетъ по зажженой свѣчѣ и молится за больного ћанiпћа—генiю, ходящему по скаламъ.

18.

Моленiе въ честь верховнаго существа.

Это верховное существо признается причиною многоразличныхъ болѣзней человѣка. Когда у тяжко больного сильно колеблется температура тѣла и его бросаетъ то въ жаръ, то въ холодъ; когда онъ теряетъ сознанiе или падаетъ въ обморокъ, на мгновенiе приходитъ въ себя и затѣмъ вновь начинаетъ метаться, бредить, пѣть пѣсни, бормотать молитвы и проч.,—то всѣ такiя тяжкiя болѣзненныя явленiя у абхазцевъ считаются несомнѣнными признаками воздѣйствiя на больного верховной силы, верховныхъ божествъ (Анца р мзз)—„божественная есть причина". Абхазцы увѣрены, что эта „божественная причина" вселилась въ больного, и потому говорятъ: Анца дртћоуп, т. е. „богъ пришелъ гостить". Когда гадальщица подтвердитъ, что болѣзнь дѣйствительно произошла отъ того, что въ больного „вселился богъ", —то въ домѣ больного съ этого времени всѣ должны принять на себя веселый видъ и радоваться, а не печалиться, ибо „гдѣ поселился богъ, тамъ можетъ быть одно только веселье". Поэтому, въ домѣ такого больного собирается сельская молодежь, всѣ начинаютъ пѣть и плясать, и если только самъ больной въ силахъ, то и его заставляютъ принимать участiе въ пляскахъ и пѣнiи.

Молитвенное жертвоприношенiе совершается по близости дома, у опушки лѣса. Въ жертву приносятъ козла или козленка, барана или ягненка, также хлѣбы и пр. Все это приносится къ назначенному мѣсту, куда приводятъ и больного. Женщины при этомъ отсутствуютъ, такъ какъ онѣ не могутъ приближаться къ этому священному мѣсту. Затѣмъ старецъ, держа свѣчу, возглашаетъ: „Великiй богъ, сегодняшнiй богомолецъ, какъ надлежитъ и какъ указано гадальщицей, предсталъ предъ тобою и принесъ хлѣбы, привелъ жертвенныхъ животныхъ... Помилуй его, смилуйся надъ нимъ; если онъ согрѣшилъ предъ тобою, прости его; прошу тебя отстать отъ него съ сегодняшняго дня, оставить и освободить его, подобно развязанному узлу". Произнеся эти слова, старецъ обводитъ больного свѣчею, зажигаетъ ее и ставитъ тутъ-же; затѣмъ

беретъ другую свѣчу и молится Микэлю-Габріэл. По совершеніи этой церемоніи, больной самъ одинъ возвращается домой, а другіе садятся тутъ-же обѣдать.

Впрочемъ, одной такой церемоніи считается недостаточно для проводовъ столь высокаго гостя, какъ богъ. Поэтому, абхазецъ долженъ ежегодно повторять эту церемонію. Въ честь того-же верховнаго существа устанавливается праздникъ въ одинъ изъ дней недѣли: день этотъ почитается такимъ священнымъ, что втеченіи его даже домъ остается не выметеннымъ и пр.

19.

Апһі.

Апһі *) есть богъ и повелитель грома, молніи и всѣхъ вообще, атмосферическихъ явленій. Въ честь этого бога совершаются въ Абхазіи самыя торжественныя моленія.

Въ день, назначенный для молитвы,—а это бываетъ обыкновенно при угонѣ стадъ на лѣтнее время въ горы и при возвращеніи ихъ оттуда осенью,—пастухи селенія раздѣляются на нѣсколько группъ, и каждая изъ нихъ выбираетъ какое нибудь живописное мѣсто въ лѣсу, вблизи ручья, или рѣки. По числу участниковъ закалывается нѣсколько барановъ, и старшій изъ пастуховъ, уходящихъ въ горы, обращается къ Апһі, моля его сохранить, какъ ихъ самихъ, такъ и стада ихъ отъ громовыхъ ударовъ. Женщины и дѣти не смѣютъ присутствовать при моленіи Апһі, а первыя не должны даже и произносить его имени. Говоря объ Апһі, абхазцы обыкновенно выражаются: хахікал (который на верху, или верховный).

Во время продолжительной засухи, въ честь Апһі совершается моленіе съ жертвоприношеніемъ. Выбирается изъ стада лучшій быкъ и назначается день для жертвоприношенія. Жители приносятъ гоми, хлѣбъ, свѣжій сыръ и кувшинъ вина. Самый почетный старикъ берется за веревку, надѣтую на рога быка, и, снявъ шапку, читаетъ слѣдующую молитву: „О Апһі, повелитель грома, молніи и дождя! сжалься надъ бѣднымъ своимъ народомъ. Наши посѣвы высохли, трава выгорѣла, скотъ издыхаетъ безъ корма, и потому

*) См. Сборн. свѣдѣн. о кавк. горцахъ, вып. V, Тифл. 1871 г., стр. 15—16 ст. Религіозныя вѣрованія абхазцевъ, А-а,—гдѣ божество это, впрочемъ, названо Афы.

намъ угрожаетъ голодная смерть. Повели скатиться дождевымъ тучамъ, повели загремѣть грому, засверкать молніи и пошли дождь для спасенія погибающаго народа". По произнесеніи присутствующими аминь, жертва закалывается и мясо ея варятъ. Когда всѣ яства, изъ принесенныхъ продуктовъ, приготовлены и разложены на плетенки, старикъ, читавшій молитву, повторяетъ ее еще разъ, и затѣмъ начинается пиръ, при пѣніи хвалебнаго гимна въ честь Апһі. Гимнъ этотъ называется Анчва рысшва и поется въ честь Апһі не только на пирахъ, но и во время грозы. Въ первомъ случаѣ, его поютъ въ благодарность за дары, которыми пользуются, а во второмъ—въ надеждѣ умолить Апһі послать хорошую погоду. На пирахъ одинъ изъ стариковъ обращается обыкновенно къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой напоминаетъ, что все, чѣмъ они пользуются въ настоящую минуту, есть благодать Апһі, и предлагаетъ возблагодарить его. Тогда одинъ изъ присутствующихъ начинаетъ прославлять бога: „Анчва дукһва злыпһха ххаура! о, ты, который съ неба нисходишь съ молніей и возносишься на небо съ громомъ; которому извѣстно число звѣздъ на небѣ и песку на днѣ морскомъ..." и т. д. и оканчиваетъ стихъ словами: ахдау. Всѣ присутствующіе, раздѣленные на двѣ группы, поочередно повторяютъ каждый стихъ гимна, и непремѣнно по три раза.

Пораженіе молніей домашней скотины вызываетъ непремѣнно моленіе Апһі; въ противномъ случаѣ, если онъ не будетъ умилостивленъ жертвою, надо ожидать повторенія его посѣщенія. Хозяинъ убитой скотины приглашаетъ жителей селенія, безъ различія возраста и пола. На мѣстѣ, гдѣ убита скотина, устраивается вышка, сажени въ полторы высотой, такъ, чтобы хищныя животныя не могли на нее взобраться. Всѣ присутствующіе окружаютъ убитое животное, берутъ другъ друга за руки и, приплясывая, поютъ: одна половина—Воетла, другая отвѣчаетъ ей—Чаупар, и, при пляскѣ и пѣніи, подымаютъ животное на вышку, оставляя его тамъ на жертву хищнымъ птицамъ. Затѣмъ, хозяинъ пораженной молніей скотины приноситъ въ жертву Апһі быка, и, при этомъ, благодаря его за настоящее, проситъ, тѣмъ неменѣе, избавить его отъ дальнѣйшихъ посѣщеній. Изъ мяса жертвы приготовляются кушанья, приносятся хлѣбъ, сыръ, вино, и присутствующіе цѣлый день пируютъ на счетъ пострадавшаго. День, когда была убита молніей скотина, бываетъ такъ памятенъ въ родѣ того, кого такимъ образомъ посѣтилъ Апһі, что ни самъ глава семьи,

ни его дѣти въ годовщину этого событія никому и ничего не дадутъ, говоря, что ожидаютъ въ этотъ день посѣщенія Апһі.

Надъ человѣкомъ, пораженнымъ молніей, совершается тотъже самый обрядъ. Во время пляски вокругъ трупа никто изъ родственниковъ убитаго не смѣетъ плакать,—въ противномъ случаѣ, всѣ присутствующіе будутъ поражены громовымъ ударомъ.

„Недавно, пишетъ г. Гіоргидзе въ 1888 году въ газ. „Иверія", съ плачемъ и рыданіемъ хоронили одного человѣка. Въ это время громовой ударъ сразилъ двухъ быковъ, пасшихся тутъ-же. Плачъ и рыданіе моментально замѣнились пляской и пѣніемъ „Атлaрчоупһ". Убитыхъ быковъ подняли и установили на деревѣ, а затѣмъ, при гробовомъ молчаніи, предали землѣ покойника".

Трупъ человѣка, сраженнаго громовымъ ударомъ, кладутъ въ гробъ, ставятъ на вышку и оставляютъ его тамъ до тѣхъ поръ, пока отъ него не останутся однѣ кости; тогда гробъ снимаютъ и хоронятъ, совершивъ надъ нимъ обыкновенный погребальный обрядъ, справивъ установленныя обычаемъ поминки.

Вѣроятно, такой обрядъ ставленія или подвѣшиванья труповъ людей, сраженныхъ Апһі, подалъ поводъ древнимъ грекоримскимъ писателямъ и географу Вахуштію свидѣтельствовать, что въ Абхазіи и Колхидѣ умершихъ мужчинъ не хоронили, но вѣшали ихъ трупы на деревьяхъ. Вотъ слова Вахуштія: „Христіане по религіи, абхазцы не знаютъ своей вѣры и потому считаются идолопоклонниками. И, дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы хоронить своихъ покойниковъ, они одѣваютъ ихъ въ лучшее платье и оружіе, запираютъ въ ящики и ставятъ на деревья". Аполлоній Родосскій (250—200 л. до Р. Х.) пишетъ о Колхидѣ: „Тамъ росло много винограда и ивъ, на верхушкахъ которыхъ на цѣпяхъ повѣшены были трупы умершихъ. И теперь еще считается у Колховъ за преступленіе жечь трупы мужчинъ или даже зарывать ихъ въ землю и засыпать курганами; ихъ кладутъ въ необдѣланныя бычачьи кожи и далеко за городомъ вѣшаютъ на деревья; но и земля получаетъ свое, какъ и воздухъ, ибо ей предаются трупы женщинъ; таковъ ужъ у нихъ законъ" *). Тоже самое свидѣтельствуется въ Variae Historiae: „Колхи кладутъ мертвыхъ въ кожи, зашиваютъ ихъ и вѣшаютъ на деревья" **). Нимфодоръ Сиракузскій (жилъ около половины IV вѣка до Р. Хр.) говоритъ,

*) Греко-Римскіе писатели о Кавказѣ, Гана, стр. 49.
**) Тамъ-же, стр. 162.

что „у Колховъ не принято ни сжигать, ни хоронить трупы мужчинъ. Трупы эти они кладутъ въ свѣжія кожи животныхъ и вѣшаютъ на деревьяхъ. Трупы-же женщинъ они предаютъ землѣ... Они почитаютъ больше всего небо и землю" *).

20.

Ш а ш а.

Подъ именемъ Ш а ш а абхазцы разумѣютъ изобрѣтателя кузнечнаго дѣла. Объ немъ говорятъ: „Ш а ш а х э а һ-д о у", что, въ переводѣ, значитъ: „Шаша, великій господинъ ремеслъ". Шаша или Шаш былъ первымъ кузнецомъ. Раскаленное желѣзо онъ бралъ не щипцами, а руками, и ковалъ не на наковальнѣ, а на своихъ колѣнахъ. Онъ—изобрѣтатель не одного только кузнечнаго дѣла, но и изобрѣтатель-покровитель 363 другихъ ремеслъ. Онъ чрезвычайно могущественъ и горячъ. Сама кузница, со всѣми ея принадлежностями, есть образъ Шаша **).

Моленія ему совершаются наканунѣ новаго года, и самый полный обрядъ производится кузнецами и слесарями.

Наканунѣ новаго года, хозяинъ рѣжетъ теленка или барана, а жена его—по одному пѣтуху на каждаго члена семейства и приготовляетъ пирогъ изъ пшеничной муки съ свѣжимъ сыромъ. Печенку и сердце всѣхъ зарѣзанныхъ животныхъ жарятъ отдѣльно, причемъ, вмѣсто вертела, употребляютъ палочку свѣжаго орѣшника. Когда кушанья готовы и принесены въ кузницу, то кузнецъ складываетъ на наковальнѣ всѣ свои инструменты, а вблизи ея ставитъ жаровню съ угольями, и все семейство его становится на колѣни вокругъ наковальни. Снявъ башлыкъ и поясъ (какъ доказательство, что обращается къ Шаша съ открытымъ сердцемъ и мыслями), кузнецъ зажигаетъ восковую свѣчу, бросаетъ ладанъ на уголья жаровни и обращается къ Шаша съ молитвой: чтобы онъ ниспослалъ ему и семьѣ здравіе и долголѣтіе и чтобы орудія, дѣлаемыя изъ желѣза, послужили ему въ пользу, а не во вредъ. По окончаніи молитвы, когда присутствующіе произнесутъ „аминь", хозяинъ отрѣзываетъ кусочки пирога и внутренностей, сжаренныхъ на орѣховомъ вертелѣ, и бросаетъ ихъ на жаровню, приговаривая: „До тѣхъ поръ, пока я не буду въ состоя-

*) Греко-Римскіе писатели о Кавказѣ, стр. 208.

**) Иверія, 1888 г., № 186.

ніи этими кусочками накормить всѣхъ Шервашидзе и Анчабадзе, пусть никто не болѣетъ въ моемъ семействѣ. Молю тебя объ этомъ, Шаша, принося тебѣ настоящую жертву". Кузнецъ отрѣзываетъ затѣмъ такіе-же кусочки отъ прочихъ жертвъ и раздаетъ ихъ всѣмъ членамъ семейства, которые съѣдаютъ ихъ и запиваютъ тремя глотками вина. Вино для этой трапезы хозяинъ назначаетъ тотчасъ послѣ уборки винограда и хранитъ его въ отдѣльномъ кувшинѣ, называемомъ шёшер гапhши, зарытомъ въ самой кузницѣ; подъ страхомъ наказанія Шаша, къ нему не смѣетъ, ни въ какой крайности, прикасаться, раньше кануна новаго года, ни самъ хозяинъ, ни, тѣмъ болѣе, кто-либо изъ постороннихъ. По окончаніи моленія, приготовленныя яства переносятся въ домъ кузнеца, куда собираются сосѣди и пируютъ во славу Шаша до разсвѣта.

Моленіе Шаша въ канунъ новаго года совершаютъ также и нѣкоторые князья, причемъ присутствующіе на нихъ люди, бывшіе когда-то въ зависимости отъ этихъ князей, приносятъ каждый по пѣтуху. Шаша—одно изъ божествъ, чаще другихъ призываемое абхазцами.

По понятію абхазцевъ, божество, имя котораго было призвано ложно, немедленно наказываетъ провинившагося тѣми средствами или орудіями, которыя входятъ въ кругъ его спеціальности. Такъ, напр., призвавшій ложно имя Апhі, распоряжающагося грозою, не можетъ быть наказанъ посредствомъ огнестрѣльнаго или холоднаго оружія, составляющихъ спеціальность Шаша, и т. д.

Присяга Шаша бываетъ двухъ родовъ: въ кузницѣ и подъ открытымъ небомъ. Въ первомъ случаѣ, кузнецъ, положивъ молотъ на наковальню и сложивъ руки на груди, становится по одну ея сторону, присягающій—по другую сторону наковальни, противъ кузнеца, а тотъ, по дѣлу котораго приносится присяга, становится въ сторонѣ. Присягающій, взявъ въ руки молотъ, говоритъ: „Если я виноватъ въ томъ, въ чемъ меня обвиняютъ, то пусть Шаша разобьетъ мою голову на наковальнѣ"; при этихъ словахъ онъ ударяетъ три раза молотомъ по наковальнѣ,—присяга считается совершонной. Во второмъ случаѣ, вбиваютъ въ землю двѣ палки, одну противъ другой, на нихъ вѣшаютъ заряженныя ружья, дуломъ обращенныя въ промежутокъ, занимаемый присягающимъ; въ сторонѣ становятся присутствующіе. Присягающій произноситъ: „Если я сказалъ ложь,—пусть Шаша пронзитъ мою голову пулями

изъ этихъ ружей", и три раза проходитъ чрезъ промежутокъ между ружьями.

Принесшій ложную присягу, при первомъ-же недугѣ, сопряженномъ съ головными болями, проситъ родственниковъ узнать у ворожеи причину его болѣзни. Ворожея, отъ самого-же кузнеца обыкновенно заранѣе знающая обо всѣхъ принимавшихъ присягу, раскинувъ зерна лобіи или взглянувъ на звѣзды, указываетъ причину болѣзни—ложную присягу, принесенную Шаша тогда-то, по такому-то дѣлу и въ такой-то кузницѣ. Одинъ изъ родственниковъ заболѣвшаго отправляется къ тому, по чьему дѣлу была принята ложная присяга, и подарками склоняетъ его вымолить у Шаша прощеніе больному, обѣщая, конечно, что тотъ, по выздоровленіи, удовлетворитъ его сполна. Затѣмъ оба они отправляются въ кузницу, гдѣ была принесена присяга, и обвинявшій больного, снявъ съ себя поясъ, какъ свидѣтельство, что его обращеніе къ Шаша будетъ искреннимъ, подходитъ къ наковальнѣ и произноситъ молитву, въ которой проситъ Шаша снять болѣзнь съ виновнаго, какъ залогъ того, что больной, когда выздоровѣетъ, самъ явится вымаливать себѣ прощеніе у Шаша; затѣмъ, оставивъ въ кузницѣ кусочекъ желѣза, онъ идетъ къ больному, чтобы успокоить его. Если больной выздоровѣетъ, то, удовлетворивъ обиженнаго имъ, онъ приходитъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ кузницу и, положивъ на наковальню мелкую серебряную монету (неменѣе двухъ рублей), благодаритъ Шаша за свое выздоровленіе; принесенные-же имъ баранъ, хлѣбъ и вино передаются кузнецу, отъ котораго, послѣ молитвы, онъ получаетъ кусочки печени и сердца барана и отсылаетъ ихъ въ семью, какъ знакъ полученнаго отъ Шаша прощенія, а самъ, вмѣстѣ съ кузнецомъ, обиженнымъ имъ лицомъ и своими родственниками, съѣдаетъ въ домѣ кузнеца принесенныя яства.

21.

Моленіе Эйріг-аацныхъ'у.

Эйріг-аацныхъ'ъ есть покровитель воровства, грабежей и разбоевъ. Это божество за рѣкою Бзыбью носитъ названіе Чугурухныхъ, и всѣ абхазцы, отправлявшіеся на воровство къ убыхамъ, шапсугамъ и другимъ горцамъ, приносили жертву Чугурухныху, алтарь котораго, если можно такъ выразиться, нахо-

дился на отвѣсной скалѣ за укрѣпленіемъ Гагры. Моленіе этому богу совершается исключительно лишь занимающимися покровительствуемыми имъ „художествами“. Въ жертву ему приносятся четыре коническихъ хлѣба, надъ ними читается молитва, въ которой испрашивается благословеніе предпріятію и дается обѣщаніе, въ случаѣ успѣха, пожертвовать богу еще что нибудь. Хлѣбы берутся въ дорогу. Благодарственная-же жертва приносится изъ числа украденныхъ вещей, а если уворованы лошадь или рогатый скотъ, то жертва состоитъ изъ пряди волосъ отъ украденнаго животнаго, и все это вѣшается на деревья, въ окрестностяхъ того мѣста, гдѣ предполагается постоянное мѣстопребываніе Эйріг-аацных'а.

22.

Анывс-ныха-дудрюпhш.

Сильнѣйшимъ изъ боговъ почитается Анывс-ныха-дудрюпhш, мѣстопребываніемъ котораго считается гора Дудрюпhш. Осмѣливающіеся подняться на эту гору немедленно наказываются слѣпотою; поэтому, молитвы и жертвоприношенія божеству совершаются у подножія горы. Какъ божество, Аныбс-ныха не имѣетъ никакой исключительной, профессіональной области вѣдѣнія, но почитается выше и могущественнѣе всѣхъ другихъ божествъ. Порядокъ моленій и жертвоприношеній ему тотъ-же, какъ и Шаша, съ тою только разницею, что при принесеніи предъ нимъ присяги говорится: „Пусть Аныбс-ныха нашлетъ на меня слѣпоту и всякую болѣзнь...“ и т. д.

Мѣстопребываніе Аныбс-ныха находится подъ исключительнымъ надзоромъ многочисленной абхазской фамиліи Анхаё-Чичба. Правомъ этимъ Чичба пользуются уже нѣсколько поколѣній, и оно доставляетъ имъ большой доходъ, такъ какъ разрѣшеніе на принесеніе жертвы божеству покупается у нихъ подарками. Не доходя до вершины горы Дудрюпhш, настоящаго мѣстопребыванія Аныбс-ныха, подъ дубомъ, лежитъ камень, въ который врѣзанъ образъ Божіей Матери; всѣ присягающіе обязаны класть на этотъ камень какую нибудь монету, или что-либо металлическое, и горе тому, кто искусится взять хоть одну изъ находящихся тутъ вещицъ!

23.

Канунъ Рождества и Новаго года.

Наканунѣ Рождества Христова, въ каждомъ семействѣ, по числу душъ, рѣжутъ куръ и приготовляютъ на каждаго члена по четыре кваквар і, т. е. небольшихъ хлѣбца, начиненныхъ сыромъ. До первыхъ пѣтуховъ куры должны быть сжарены и квакварі спечены. Послѣ первыхъ пѣтуховъ, хозяинъ ставитъ на столъ чашки, кладетъ въ каждую изъ нихъ по курицѣ и по четыре квакварі и прилѣпляетъ къ чашкамъ по восковой свѣчѣ. Неподалеку отъ стола, помѣщается жаровня съ угольями. Всѣ члены семейства становятся на колѣни вокругъ стола, каждый противъ своей чашки, и старшій въ семьѣ, снявъ шапку и бросивъ ладанъ на жаровню, проситъ Бога, чтобы онъ сохранилъ его и семейство его отъ разстройства желудка. По окончаніи молитвы, всѣ встаютъ, оборачиваются направо и кланяются на востокъ, затѣмъ ѣдятъ каждый свою долю, причемъ стараются окончить трапезу непремѣнно до разсвѣта.

Подъ Новый годъ, послѣ ужина, въ каждомъ семействѣ также совершается моленіе о ниспосланіи всѣхъ благъ. Для этого приготовляютъ четыреугольный пирогъ, начиненный сыромъ, и кладутъ его на доску, къ которой прилѣпляютъ восковую свѣчу. Все семейство становится кругомъ на колѣни, и старшій въ родѣ, бросивъ ладанъ на уголья, произноситъ молитву; затѣмъ пирогъ съѣдаютъ, а остатки сжигаютъ на угольяхъ. Моленіе это называется Каліпда. Въ первый день Новаго года совершается моленіе Гуныхва (сердечная молитва). Для нея приготовляются, по числу членовъ семейства, пшеничные хлѣбцы, съ запеченнымъ въ нихъ яйцомъ. Глава семейства, поднося къ груди каждаго хлѣбецъ, обращается къ Богу съ молитвой, въ которой проситъ избавить ихъ отъ болѣзней сердца. Послѣ молитвы, каждый съѣдаетъ свой хлѣбецъ.

24.

Засуха.

Во время сильной лѣтней засухи собираются всѣ сельскія дѣвушки въ лучшихъ своихъ нарядахъ, неподалеку отъ рѣки. Раздѣлившись на три группы, онѣ приготовляютъ изъ вѣтокъ плотъ, настилаютъ его соломой и дѣлаютъ куклу, которую одѣваютъ жен-

щиной. Когда всѣ эти приготовленія окончены, приводятъ осла, покрываютъ его бѣлою простынею, сажаютъ на него куклу, одна изъ дѣвушекъ, беретъ за поводъ осла, двѣ другія поддерживаютъ куклу и направляются къ мѣсту, гдѣ устроенъ плотъ; остальныя-же дѣвушки идутъ по обѣимъ сторонамъ процессіи, распѣвая: „Дзіва дзіва дзварі! Ква ква мыкрылд апһш-ах інһа дід шіваіт дзы хучік, дзы хучік“, чтò значитъ въ переводѣ: „Воды, воды достать! Достать воды дождевой—маргаритку красную! Сынъ Владыки, мы жаждемъ немного воды, немного воды!“. Придя къ рѣкѣ, снимаютъ съ осла куклу, сажаютъ ее на плотъ и, зажегши солому, пускаютъ плотъ по теченію воды; затѣмъ стараются загнать въ воду осла, для чего, конечно, употребляется немало усилій. Оселъ, наконецъ, стащенъ въ рѣчку и, выбравшись на противоположный берегъ, начинаетъ кричать, чтò считается самымъ вѣрнымъ предзнаменованіемъ скораго дождя. Если-же оселъ при этомъ не закричитъ, то на другой или на третій день та-же церемонія повторяется вновь.

25.

Святые.

Независимо отъ общаго почитанія всѣхъ выше исчисленныхъ божествъ, жители селеній Лыхны, Лзаа и Илори состоятъ подъ покровительствомъ святыхъ, которымъ посвящены воздвигнутыя въ этихъ селеніяхъ церкви, или, лучше сказать, состоятъ подъ покровительствомъ самыхъ церквей. Въ Лыхнахъ каждое семейство призываетъ покровительство Ан а н-Л ы х н ы х ъ (Матерь Лыхнская), въ Лзаа—А н а н-Л з а а н ы х (Матерь Лзаанская, т. е. храмъ Пицундскій во имя Божіей Матери), въ Илори—Цминда Гіорги (храмъ св. Георгія). Для призыва на себя ихъ покровительства необходимы жертвы, которыя и приносятся каждымъ семействомъ ежегодно, въ одно изъ воскресеній, вечеромъ.

Въ день, назначенный для жертвоприношенія, выбирается изъ стада лучшая годовалая телушка и вводится вечеромъ въ домъ, гдѣ постоянно живетъ семейство, испрашивающее у храма милости. Приготовляется ужинъ, состоящій изъ вареннаго или жаренаго барана, и все семейство моется и надѣваетъ чистое бѣлье. Глава семьи, взявъ въ одну руку восковую свѣчу, а въ другую веревку, привязанную за шею теленка, обращается къ храму съ

молитвою о покровительствѣ себѣ и семьѣ, причемъ оговаривается, что храму посвящается телушка и весь приплодъ отъ нея мужескаго пола будетъ приноситься въ жертву храму, а вмѣсто телушекъ будутъ приноситься въ жертву бараны. Послѣ этой молитвы, телушкѣ надрѣзываютъ ухо, и съ этого времени она считается неприкосновенною и не можетъ быть употребляема въ пищу. Телушка, въ день ея посвященія храму, должна ночевать въ домѣ, вмѣстѣ съ семействомъ.

Если кто нибудь изъ жителей трехъ выше названныхъ селеній переходитъ на жительство въ другое мѣсто, то онъ и тамъ обязанъ ежегодно приносить жертву храму родного селенія. Изъ этого правила не исключаются и дѣвушки этихъ селеній, выходящія за-мужъ за жителей другихъ селеній; какъ онѣ сами, такъ и дѣти ихъ, все-таки, считаются состоящими подъ покровительствомъ Лыхнскаго, Пицундскаго или Илорскаго храмовъ и, потому, обязаны приносить имъ жертвы.

М. Джанашвили.

ДОБАВЛЕНІЕ.

Абхазскія поговорки и пословицы *).

Акамбаш ахул абоэн, аанда абоомзт	Буйволъ видѣлъ брюкву, забора не замѣтилъ.
Ацгу апhа аhнапh аквоіт	Дѣтенышъ кота поймаетъ мышку (т. е. по отцу пойдетъ).
Акут іалшоо акутагhі оуп	Курица можетъ только яйца несть.
Аж ашап аhс ашвам	Нога коровы не убьетъ теленка (т. е. корова не убьетъ своего теленка).
Ацгу ахвартhа эназтhамла, аш баауп аhоон	Котъ не доскочилъ до корзины съ сыромъ и сказалъ: „онъ гнилъ" (соотвѣтствуетъ грузинской пословицѣ, въ которой, при такой-же неудачѣ, котъ вспоминаетъ, что „сегодня постный день").
Тhакважк бу цутhак лгухэан, ла лгухэа аов ікмзт	Старуха печалилась о семи селеніяхъ, а о ней (самой) никто не печалился.
Аов бзіа дзніава аов іпhх діхаhвоіт	Кто встрѣтитъ хорошаго человѣка, тотъ человѣческую душу обрѣтетъ.
Ав іашва гвара ітhахм, і мала дкаhвоіт	Пьяному человѣку пинка не нужно: самъ повалится.

*) Изъ газеты „Иверія" за 1888 г., №№-ра: 196, 203, 206 и 208. Къ русскому переводу, по большей части дословному, въ необходимыхъ случаяхъ сдѣланы поясненія и ссылки на соотвѣтствующія пословицы въ другихъ языкахъ.

Ав-дздзэік р бжара ахупhа дбжапhсіт	Питомецъ сталъ жертвою двухъ кормилицъ (соотвѣтствуетъ русской: „у семи нянекъ дитя безъ глазу“).
Ак згз ігз ідрван, вба згз ігз іздрамзт	Кто имѣетъ одинъ недостатокъ, сознаетъ (его), кто два—нѣтъ.
Адз ар ігухэан, адз амаж ігухэан	Одного озабочивалъ походъ, другого озабочивало довольствіе (къ походу).
Хусіка эгіічован, эгііраповan.	Хусикъ (чтò) мотыжилъ, (то и) топталъ.
Ач эзміаіз, аквадр дасвон	Не справившись съ лошадью, по сѣдлу билъ (т. е. на сѣдлѣ вымещалъ).
Ар іргаз іргэіт, іаанхаз бакура ікаіцэіт	Чтò угнало войско, то угнало, а остальное досталось Бакурѣ.
Агрва дэімрꙋоо эналага, упhаꙋа эіца qэупhа іарhован	Когда грабили мингрельца, говорили: „у тебя борода крива, потому и грабимъ“.
Апhhс бзіа л—хаꙋа мвнпhа іітhахам	Мужу хорошей женщины не надо провизіи (т. е. приносить, заботиться о провизіи).
Аов дандзша аhhабж іаhавом	Если человѣка ждетъ гибель, зова (крика) не услышитъ.
Анхав ідзра энааілаві ілаба кдхн дцооіт	Придется пропадать крестьянину, возьметъ палку (посохъ) да и поплетется.
Асс вбз хааз іаінзгі іацэіт, іаінмзгі	Сладкоязычный ягненокъ мать и не-мать высосалъ (соотвѣтствуетъ русской: „ласковый теленокъ двѣ матки сосетъ“.
Эгізхарамзт абга-худч алакhва ірпhэіт	Безвиннаго шакала собаки сожрали.
Аh-аhкважі энэімацгэха, аhтhапhhс ахгара ложіт	Какъ начались ссоры у господина и госпожи,—служанкѣ легче стало.
Ат абла эноу, „аджмш, аджмш“ аhовон.	Найдя глазъ, филинъ кричалъ: „бровей, бровей“.
Саб ічагэ смазар эга счарн	Отцовской мотыгой и я-бы много смотыжилъ.

Ласс ірмгаз атħпħа лані ларэі кэтла эісван	Долго засидѣвшаяся въ невѣстахъ съ матерью палкою дралась.
Австħаа ітħа рхн амца эцраіȣоон	Дьяволъ, когда скосилъ свое сѣно, поджегъ его.
Алаба qіш ах укргі ваqішвоіт, аȣхва экргі ваqішвоіт	Запачканной палки оба конца пачкаютъ.
Ач аȣхва укр адз урнагооіт, ала ȣхва укр адз утħанажвоіт	Лошадь, если возьмешься за ея хвостъ, чрезъ воду выведетъ, а схватишься за хвостъ собаки, она тебя сбросить въ воду.
Ач пħср ад атħнхоіт, аов дпħср іажа ітħнхооіт	Лошадь околѣетъ,—поле останется, а человѣкъ умретъ,—слово останется.
Ашара зхлȣз абліс іоуп, ахаȣара зхлȣз дпħэħамбаруп	Страхъ произошелъ отъ сатаны, а геройство отъ пророка.
Абга ішнарцооз: „васкэпħ, васкэпħ" аħоон	За шакаломъ гнались, а онъ: „курдюкъ, курдюкъ" кричалъ.
Аħкваж лапħхэ аħдчск бліт	Предъ госпожей поросенокъ сгорѣлъ.
Вага сасра думштħан	Дурака въ гости не посылай.
Акут ашга ашацхб іȣнахіт	Курица своей лапой ножъ на себя вырыла.
Адз утħалаандза уч-хумтн	Пока въ воду не войдешь, платья не снимай.
Адз іагооз дччон	Водою уносимый смѣялся.
Ач этз іітħіван, ачанхіча іівамэт	Продавалъ хозяинъ (свою) лошадь, а конюхъ (ему) не позволялъ.
Х пħсргі, ажа пħсвам	Голова умретъ, слово не умретъ.
Ала хага ачаш эікħгугħвоіт	Сумасшедшая собака надѣется сырный хлѣбъ получить.
Лан улпħшн лпħа дħа	Невѣсту выбирай по матери.
Аэша аша давзоуп, агула агу	Братъ подобенъ крови, сосѣдъ сердцу.
Апħсуа іла кħіра даħовон	Абхазецъ за посмотрѣнье подачки требовалъ.

Ахабж апhхэ ,,хабж'' вов ізhоом	Раньше опаршивѣвшаго о „парши" (его) никто не скажетъ.
Ач зн ілапhсахооіт, зн іhапhсахооіт	Лошадь цѣнятъ тѣ въ собаку, тѣ въ свинью.
Аꙋбра ізцмгhз іпhнꙋа ітhіааіт	Кому претила чабера *), у того она въ носу выросла.
Адз эпhнуу апhан ідрвоіт	У воды живущій и бродъ знаетъ.
Ажа атартhа соур аhртhа іш соурз аhэіт	Говорилъ заяцъ: ,,пріютъ-бы имѣть, а кормъ я найду''.
Абзіа ун адз іатh, ідзвом	Твори добро, (такъ хоть) въ воду окуни, не пропадетъ.
Ваnhхэ ікаhаво уіхмччан	Кто упадетъ предъ тобой, надъ тѣмъ не смѣйся.
Абнат арбагhі іаан авнт арбагhі іканацоон	Съ-чужа пѣтухъ пришелъ и домашняго (своего) сталъ прогонять.
Аꙋла шатhала іглоуп, аов вала дqоуп	Дерево держится корнями, человѣкъ друзьями.
Ага-бгhіці ашха-бгhіці эіміовоіт	Горные и равнинные листья повстрѣчаются.
Абват авн івназгі абвꙋмгhк ігхэіт	Въ мѣдномъ домѣ живущему не хватило мѣднаго гвоздя.
Апhша іаанагаз адз іагэіт	Вѣтромъ принесенное водою унесено (т. е. легко добытое скоро пропадаетъ).
Адз штhрала іцооіт	Вода по руслу идетъ (бѣжитъ).
Ала эннꙋа, абга шарцара іргоон	Собака подохла, на охоту шакала взяли.
Ахрзамана qалооіт эврhа, ахвамꙋ ала тhнахіт; ахрзамана qамлэіт, іара ілашн адіун іааkhухэіт	Боясь свѣтопреставленія, червь ѳслѣпилъ себя; свѣтопреставленія не случилось, и слѣпой червь достался землѣ.
Адагhі сэтhоу: адз зэгі ірэіhандаз аhэіт	Лягушка сказала: ,,пусть воды гдѣ я живу, будетъ больше всего''.
Апhагэ анца діцмгhуп	Гордаго Богъ не любитъ.
Апhагэра мдрроуп	Гордость есть невѣжество.

*) Satureia hortensis или Thymus Serpyllum.

Нкі пhскі эікhваhаіт	Живой и мертвый столкнулись.
Акр змаз іаб іпhсхугі, іаб іпhсхугі іуіт; эгі змамз іаб іпhсхугі ізмвуіт	Имущій по отцу и прадѣду справилъ поминки, а неимущій и по отцу не могъ ихъ справить.
Ац змамз арбагhі цагhвара іігоон	У кого не было быка, (тотъ) пѣтуха бралъ для паханья.
Ча мбаква ча зшхэда?	Не видавъ оленя, кто его убивалъ?
Ажа шаqа ітаз аqара івіт	Заяцъ, сколько прыгалъ, столько и бѣгалъ.
Аца іаду харпhуп.	Что на кожѣ(тѣлѣ),то и рубашка.
Зпhа дмпhсц упhа думрɣан	У кого (самого) не умеръ сынъ, тому не давай оплакивать твоего сына.
Здчара умбац іажра вахмччан	Не смѣйся надъ старостью того, чьей молодости не видѣлъ.
Хчча ах іахівоіт	Насмѣшка возвращается насмѣшнику.
Іддр дасуу іца дасвоіт	Когда загремитъ (громъ), всякій бьетъ палкой по своему амбару.
Ач жлала іввоіт	Лошадь по породѣ бѣгаетъ.
Шаж пhсвам, шаж баавом	Старая кровь не умираетъ, не гніетъ (относится къ кровомщенію).
Амжда аqвара ікhухвлооіт	Несчастнаго (неудачника) на берегу воды застигла ночь.
Ажа абаху апгушван, абаху іаздрамт	Заяцъ на скалу пенялъ, а скала (про то) и не вѣдала.
Ціра алаба ілкшан дэгіɣван	Ціра (имя женщины) палкой дралась, да (сама) и плакала.

Сѣверный Кавказъ.

1.

Ботаническое изслѣдованіе Ставропольской губерніи 1889 г.—Верховье Калауса и ставропольское поднятіе.

И. Я. Акинфіева.

Въ настоящей статьѣ представляются результаты наблюденій, произведенныхъ мною лѣтомъ въ 1889 г., при изученіи флоры Сѣвернаго Кавказа во время поѣздки по кубанско-терскому водораздѣлу, начиная отъ ставропольскаго поднятія до снѣжной линіи близъ Эльбруса.

Изслѣдованія начаты были съ верховья р. Калауса, отъ села Султановскаго, и велись чрезъ землю Удѣльнаго вѣдомства до г. Темнолѣсской, отсюда къ г. Ставрополю въ села Пелагіаду, Бешпагиръ, Сергіевское, Круглолѣсское и снова въ Султановское. Дѣлаю здѣсь общій обзоръ осмотрѣнной мѣстности со стороны почвы, климата и растительности, оставляя спеціальную ботаническую часть до разбора и опредѣленія собранныхъ растеній.

Спускаясь изъ Султановскаго, расположеннаго подъ г. Брыковой на 1200 фут. н. у. м., въ долину Калауса, нельзя было не замѣтить, что гладкая удобная дорога идетъ сначала по черноземной почвѣ, затѣмъ скоро переходитъ на глинистую, на видъ рыжеватую и даже съ пепельнымъ налетомъ. Растительность, по мѣрѣ спуска къ рѣкѣ, становится болѣе бѣдною: вмѣсто разнообразныхъ злаковъ и яркоцвѣтныхъ травъ, какія встрѣчались выше, здѣсь, внизу, преобладали аржанецъ (Triticum cristatum), деревей (Achillea austriaca), курай (Salsola), бѣлая полынь (Artemisia maritima) и другія, большею частью, жесткія и безполезныя травы. Аржанецъ мѣстами занималъ значительные участки земли,

и тогда крупные и густые колосья его волновались при слабомъ вѣтрѣ и переливали на солнцѣ различными оттѣнками свѣтлосѣраго колера; но еще чаще бѣлая полынь или „глистникъ“ покрывалъ все видимое пространство балки, доказывая наиубѣдительнѣйшимъ образомъ, что почва ея глинисто-солончаковая, называемая по мѣстному „рудоземомъ“.

Между тѣмъ г. Докучаевъ въ своемъ сочиненіи „Русскій черноземъ“ всю мѣстность отъ Ставрополя до снѣговой линіи Кавказскихъ горъ причисляетъ, судя по картѣ, къ черноземному пространству, содержащему перегноя отъ 7% до 10%. Иначе говоря, по этому сочиненію выходитъ, что здѣсь черноземъ болѣе тученъ, чѣмъ не только въ Екатеринославской губерніи, гдѣ онъ содержитъ всего 2%—4% перегноя, но и чѣмъ въ губерніяхъ Полтавской и Подольской, гдѣ перегноя всего отъ 4% до 7%.

Подробное же изслѣдованіе всей мѣстности, принадлежащей къ верховьямъ рр. Калауса и Средняго Егорлыка, убѣждаетъ, что почва здѣсь не поддается обобщенію, которое возможно для русской равнины: здѣсь въ мѣстности гористой, даже на возвышенныхъ пунктахъ, на ряду съ черноземомъ, содержащимъ около 6% перегноя, встрѣчаются мѣста глинистыя, каменистыя и даже сыпучіе пески, а въ низменныхъ мѣстахъ рѣчныхъ балокъ и по крутымъ южнымъ склонамъ почти всюду преобладаетъ глинисто-солонцеватая почва.

Приводимъ ниже анализъ почвъ, взятыхъ мною въ различныхъ пунктахъ описываемаго пространства. Анализъ произведенъ въ Почвенной Коммисіи въ С.-Петербургѣ М. И. Шешуковымъ.

1. Образецъ взятъ близъ первой Терновской караулки Удѣльнаго вѣдомства, на высотѣ 600 фут. н. у. м., на ровномъ, открытомъ мѣстѣ, въ 100 саженяхъ отъ р. Калаусъ; содержаніе въ мергелѣ гумуса, по анализу, 1.793% на глубинѣ 1 четв. аршина.

2. Второй образецъ взятъ въ 15—17 верстахъ отъ перваго пункта, близъ второй Терновской караулки, на землѣ того-же вѣдомства, по слабому сѣверному склону, на высотѣ 1000 ф. н. у. м.; онъ представляетъ т я ж е л у ю г л и н у, въ которой содержится гумуса на глубинѣ четверти аршина 5,915%, а на глубинѣ трехъ четвертей арш. 3,646%.

3. Лѣсная почва, взятая при подъемѣ по шоссе изъ с. Татарскаго къ г. Ставрополю, на высотѣ 1800 ф. н. у. м., представляла суглинокъ, вскипающій отъ кислоты и содержащій гумуса на

глубинѣ четв. аршина 6,773%, а на глубинѣ трехъ четверт. аршина 1,179%.

4. Наконецъ, почва, взятая на вершинѣ г. Бештау, 4650 ф. н. у. м., на глубинѣ 1/4 аршина, между дерномъ альпійскихъ травъ и каменистой подстилкой (песчаникъ), содержала гумуса 17,742%.

Не входя въ разсмотрѣніе послѣднихъ двухъ образцовъ почвъ, такъ какъ они принадлежатъ лѣсной и альпійской растительности, остановимся на первыхъ двухъ, принадлежащихъ собственно голой степи бассейна Калауса.

Въ сухомъ состояніи почва низинъ № 1-й имѣетъ красновато-сѣрый цвѣтъ, сильно растрескивается на комья въ 2—3 вершка и даетъ щели въ 6—8 вершковъ, такъ что корень рѣдкаго растенія можетъ устоять отъ разрыва. Вотъ почему лѣтомъ здѣсь могутъ расти только такіе виды, какъ аржанецъ, образующій густыя дерновины, или полынь, имѣющая длинный и плотный стержневой корень безъ боковыхъ развѣтвленій. Въ сыромъ-же состояніи, лѣтомъ, послѣ дождей или весною и осенью, такая глинисто-солончаковая почва превращается въ липкую, темнаго цвѣта массу, отъ которой нѣтъ силъ оторвать ногу пѣшеходу или колесо проѣзжему.

Въ весеннее (да и въ осеннее) время мѣста съ такой почвой не имѣютъ вида безплодныхъ пространствъ; напротивъ, они богаты разнаго рода мелкими весенними растеніями изъ семейства луковичныхъ (Gagea Tulipa), мокричныхъ (Cerastium, Holosteum), крестоцвѣтныхъ (Alyssum, Draba, Sisymbrium, Lepidium ruderale L.), а также Veronica triphyllos, Ceratocephalus, Poa bulbosa, Koeleria и др. Все это обыкновенно отцвѣтаетъ и усыхаетъ къ лѣту не только здѣсь, но и на всякой другой почвѣ, на пространствѣ всего юга Россіи. Лѣтомъ-же на этихъ мѣстахъ, если они не обращены въ толоку, кромѣ выше названныхъ растеній, кое-гдѣ попадаются слѣдующія, к о с т е р ъ—Bromus tectorum, mollis и inermis, о в с ю г ъ—Festuca ovina, к е р м е к ъ—Statice, с п о р ы ш ъ—Polygonum aviculare L., Gypsophila muralis и др.

Далѣе, чѣмъ выше поднимаешься по склону, въ особенности сѣверному, чѣмъ отложе при этомъ подъемъ, тѣмъ почва темнѣе даже въ сухомъ состояніи; въ ней больше перегноя (см. № 2-й) и слой послѣдняго глубже, а вмѣстѣ съ тѣмъ, растительность разнообразнѣе и богаче формами. Къ упомянутымъ злакамъ присоединяются: м я т л и ц а (Poa), п ы р е й (Triticum repens L.), т и м о ф ѣ е в к а (Phleum) и кое-гдѣ к о в ы л ь (Stipa). Затѣмъ идутъ

яркоцвѣтныя растенія: желтенецъ (Galium verum L.), васильки (Salvia sylvestris), вероники (Veronica spicata L.), шлемникъ (Phlomis tuberosa L.), лапчатка (Potentilla recta L. и argentea L.), братки (Melampyrum pratense L.), гвоздика, смолевка (Silene bicolor MB. и др.), клеверъ (Trifolium pratense, agrarium L. и др.), буркунъ (Melilotus), люцерна или бурундукъ (Medicago) и др. Встрѣчаются поля на взгорьяхъ или перевалахъ, на которыхъ сѣнокосъ состоитъ только изъ двухъ-трехъ самыхъ цѣнныхъ травъ: пырея, тимофѣевки и люцерны или клевера; но чаще, въ особенности по склонамъ и углубленіямъ, среди травъ на сѣнокосахъ преобладаетъ желтенецъ, вслѣдствіе чего все поле издали имѣетъ видъ желто-зеленый. Растеніе это, по снятіи травы, быстро чернѣетъ и дѣлаетъ сѣно буровато-темнымъ, какъ бы подопрѣвшимъ и, потому, менѣе цѣннымъ въ продажѣ.

Что касается древесныхъ породъ, то на всемъ пространствѣ верхняго теченія Калауса и его притоковъ нигдѣ нѣтъ слѣдовъ природнаго лѣса. Кромѣ того, нигдѣ не видно обыкновеннѣйшихъ спутниковъ ковыля, кустарниковъ: бобовника или дикаго миндаля (Amygdalus nana L.) и вишняка (Prunus Chamaecerasus), а также травъ: Stachys recta L., Silene Otites Sm., Crambe и др. Всѣ эти растенія нерѣдки въ 20—25 верстахъ за водораздѣлами на западъ и востокъ отъ Калауса. Очевидно, что степи Калауса не принадлежатъ къ типическимъ южно-русскимъ, настоящимъ ковыльнымъ степямъ, а составляютъ нѣчто среднее между ковыльною и полынною степью, причемъ послѣдняя особенно рѣзко выражается по низкимъ мѣстамъ котловины.

Къ искусственнымъ лѣснымъ насажденіямъ принадлежитъ небольшая роща изъ ясени, насажденная лѣтъ 12—15 назадъ близъ 1-й Терновской сторожки. Развившіяся за этотъ періодъ времени деревца имѣютъ очень жалкій видъ: самыя большія изъ нихъ достигаютъ 2—3 вершковъ въ діаметрѣ и 4 аршинъ въ вышину, тогда какъ 15-ти лѣтній ясень Великоанадольскаго лѣсничества Екатеринославской губерніи имѣетъ 4—5 вершковъ въ діаметрѣ и до 6—7 аршинъ высоты. Причина слабаго роста Терновскаго разсадника кроется въ томъ, что онъ находится въ глубокой балкѣ, гдѣ солончаковая почва, очевидно, не благопріятствуетъ росту лѣсныхъ породъ. Болѣе удачной попыткой лѣсоразведенія нужно признать школу изъ лѣсныхъ породъ, разводимыхъ близъ второй Терновской сторожки; трехлѣтніе всходы дали прекрасные результаты, потому что школа эта находится, какъ мы видѣли, на вы-

сотѣ 1000—1100 ф. н. у. м., по сѣверному склону, гдѣ черноземъ залегаетъ до 3 футъ и болѣе въ глубь на тяжелой глинѣ.

Обращаясь къ вопросу о климатѣ, мы видимъ, что наша мѣстность находится въ очень благопріятныхъ условіяхъ орошенія, по сравненію, напр., съ сосѣдними частями Ставропольской губерніи. Примыкая на западѣ непосредственно къ кубанско-терскому водораздѣлу, верховье Калауса въ достаточной степени пользуется влагой, приносимой юго-западными вѣтрами. Всякій разъ, какъ западныя тучи, пройдя по низовьямъ Кубани, встрѣчаютъ высоты Стрыжамента (2600 ф.) или Ставропольскія горы (до 2200 ф.) и разражаются здѣсь сильнымъ дождемъ,—въ Ставрополѣ ливни, какъ извѣстно, довольно часты,—на долю нашей мѣстности остается еще не мало этого дождя, на долю Калиновскаго кряжа, отстоящаго въ 20—25 верстахъ на востокъ, приходятся уже только остатки влаги, а затѣмъ тучи безслѣдно проносятся надъ трухменскими и калмыцкими песчаными степями, поднимаясь все выше и выше и постепенно тая въ сухой атмосферѣ этихъ степей.

Значительное количество атмосферной влаги и степень тепла, какими пользовалось искони вѣковъ верховье Калауса, послужили причиною химическихъ процессовъ въ растительной жизни, въ результатѣ чего получилось накопленіе перегноя въ почвѣ. Понятно само собою, что на горныхъ, болѣе крутыхъ и сильнѣе согрѣваемыхъ, склонахъ условія для гніенія растительныхъ остатковъ менѣе благопріятны, чѣмъ на пологихъ сѣверныхъ склонахъ, —слѣдовательно, накопленіе перегноя на послѣднихъ должно быть большее, чѣмъ на первыхъ.

Для болѣе полной характеристики нашей мѣстности, остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ, относящихся къ р. Калаусу. Къ особенностямъ ея нужно отнести незначительные размѣры ея русла, не смотря на обширность бассейна. Обыкновенно, при путешествіи по долинѣ Калауса, самую рѣчку замѣчаешь только тогда, когда приблизишься къ переѣзду чрезъ нее. Отъ верховья почти до самаго устья она представляетъ неглубокій оврагъ въ 5—10 саж. ширины, съ совершенно отвѣсными краями изъ желтой глины и съ сырымъ дномъ. Во время сильныхъ дождей или быстраго таянья снѣговъ, глубина воды въ Калаусѣ достигаетъ нѣсколькихъ саженъ: рѣка, подобно всѣмъ степнымъ рѣчкамъ, становится бурной и опасной на переѣздахъ; но въ остальное время года вода задерживается только кое-гдѣ въ выбоинахъ и впадинахъ, образуя незначительные мочежинники изъ осокъ,

куги (Typha) и др. болотныхъ растеній. Въ болѣе значительныхъ водовмѣстилищахъ, вѣроятно, сохраняется постоянно рыба. Сто лѣтъ тому назадъ, путешественникъ Гюльденштедтъ видѣлъ въ верхнемъ теченіи Калауса въ жаркое время года такія мѣста, въ которыхъ водились окуни и карпы. Но г. Фаусекъ, изслѣдовавшій въ 1885 г., вмѣстѣ съ геологомъ г. Ивановымъ, Калаусъ въ его нижнемъ теченіи, отрицаетъ присутствіе въ немъ не только рыбы, но и моллюсковъ и, повидимому, всякой другой животной жизни *). Намъ не пришлось быть въ нижнемъ теченіи рѣчки, но относительно верхняго и средняго можно съ увѣренностью сказать, что рыба здѣсь есть. Такъ, близъ с. Сергіевскаго, при насъ въ глубокомъ мѣстѣ крестьянки ловили ситами весьма мелкую рыбешку въ $^1/_2$ —$^3/_4$ вершка величиной, набирая ея въ теченіи двухъ часовъ съ полведра для ухи. На вопросъ: зачѣмъ истребляютъ рыбу въ такомъ раннемъ возрастѣ, намъ отвѣтили: „все равно, рыба пропадетъ, когда вода здѣсь убавится послѣ дождей".

Во многихъ пунктахъ по Калаусу легко можно устраивать постоянныя запруды со шлюзами, но до этого еще далеко здѣшнему населенію. Здѣсь все дѣлается самымъ примитивнымъ способомъ. Не только по Калаусу, но даже по его незначительнымъ притокамъ и балкамъ нигдѣ нѣтъ постоянныхъ водоемовъ, хотя послѣдніе, при отсутствіи родниковъ и трудности устройства колодцевъ, составляютъ единственный источникъ водоснабженія. Благодаря солоноватости здѣшней почвы, вода, задержанная въ балкѣ, не подвергается такому быстрому заростанію водорослями, плѣсенью и вообще загниванію, какъ въ другихъ мѣстахъ; здѣсь, въ теченіи всего лѣта, она остается почти одинаково чистою и здоровой. А между тѣмъ, и этой воды почти нигдѣ нѣтъ въ надлежащемъ количествѣ потому только, что нѣтъ хорошихъ запрудъ по балкамъ. Нельзя-же считать серьезной запрудой насыпь въ полтора-два аршина вышины и буквально въ поларшина ширины, что чаще всего встрѣчается близъ хуторовъ Удѣльнаго имѣнія. При всякомъ болѣе или менѣе значительномъ дождѣ, такіе запруды разрушаются, и жители въ теченіи продолжительной засухи часто остаются совсѣмъ безъ воды для себя и скота. Удѣльное вѣдомство свои 112 тыс. десятинъ земли отдаетъ значительными участками подъ выпасъ скота и овецъ, а частью подъ хлѣбопашество. Еще не такъ давно здѣсь было мало населенія, и арендато-

*) „Къ природѣ степей сѣвернаго Кавказа" В. Фаусека.

рами являлись крупные овцеводы-тавричане, имѣвшіе по 15 и 40 тыс. головъ овецъ. Но въ послѣдніе годы мѣстность быстро заселяется арендаторами-хлѣбопашцами. Слѣдовательно, цѣлинныя мѣста все болѣе и болѣе распахиваются. Результатъ-же распашки можетъ быть только отрицательный по отношенію къ орошенію края, потому что, какъ извѣстно, рядомъ съ развитіемъ земледѣлія въ какой либо мѣстности мелѣютъ рѣки и усиливается засуха. По отношенію къ Ставропольской губерніи, это положеніе нужно считать доказаннымъ послѣ работъ гг. Иванова и Дементьева. Къ этимъ работамъ мы сейчасъ вернемся, а теперь должны замѣтить, что если здѣшнее населеніе промедлитъ еще нѣсколько лѣтъ съ устройствомъ капитальныхъ запрудъ со шлюзами по балкамъ и рѣчкамъ, то потомъ, пожалуй, уже будетъ поздно браться за это дѣло. Потомъ, пожалуй, нечего будетъ задерживать въ прудахъ, такъ какъ стокъ воды по распаханнымъ возвышенностямъ и склонамъ задерживается почвой. Необходимо поэтому возможно скорѣе воспользоваться современнымъ состояніемъ поверхности, вслѣдствіе котораго почва будучи покрыта сплошнымъ растительнымъ дерномъ, утоптаннымъ овцами, можетъ доставить руслу балки значительный запасъ стекающей воды. Если бы даже только что высказанныя опасенія показались кому либо недостаточно убѣдительными, то не подлежитъ сомнѣнію, что съ устройствомъ возможно большаго числа запрудъ должно улучшиться положеніе арендатора, которому теперь приходится самому ухищряться въ задержаніи воды и, въ концѣ концовъ, страдать отъ ея недостатка,—увеличится доходность земли и уменьшится сухость воздуха.

Теперь мы подошли къ самому интересному, такъ сказать, животрепещущему вопросу для Ставропольской губерніи, къ вопросу о „высыханіи" ея. Засухи послѣднихъ лѣтъ и какъ слѣдствіе ихъ, неурожай хлѣбовъ и травъ, а также повсемѣстное уменьшеніе воды въ колодцахъ, запрудахъ и рѣкахъ заставили администрацію губерніи обратить серьезное вниманіе на изслѣдованіе причинъ этого явленія, съ цѣлью устраненія его. Приглашенъ былъ геологъ г. Ивановъ, который въ теченіе двухъ лѣтъ (1885 и 1886 гг.) разъѣзжалъ по губерніи, изучалъ ее и дѣлалъ съ г. Фаусекомъ попытки буренія колодцевъ въ песчаныхъ степяхъ для снабженія жителей водою. Въ результатѣ изслѣдованія появилось въ трудахъ ученыхъ обществъ нѣсколько статей, относящихся къ искомымъ причинамъ. Въ отвѣтъ на одну изъ статей г. Иванова

одинъ изъ мѣстныхъ знатоковъ края, г. Дементьевъ, сдѣлалъ возраженія въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Высыханіе Ставропольской губерніи". Авторъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ геологовъ относительно высказанныхъ причинъ засухи, указываетъ свои причины ея, причемъ, какъ водится въ полемикѣ, не вездѣ сохраняетъ спокойный тонъ и хладнокровіе. Для человѣка безпристрастнаго становится яснымъ, что какъ одинъ, такъ другой и третій (г. Фаусекъ) въ вопросѣ объ изслѣдованіи причинъ высыханія коечто сдѣлали. Можно даже сказать, что г. Дементьевъ, какъ лучше знающій свой край, чѣмъ пріѣзжіе, сдѣлалъ болѣе послѣднихъ, но это нисколько не умаляетъ значенія изслѣдованія приглашенныхъ лицъ. Но дѣло не въ этомъ только. Обѣ стороны согласны въ одномъ, что сдѣланнаго ими мало. Такъ, г. Ивановъ въ заключеніе одной своей статьи говоритъ: „Насущные практическіе вопросы, выдвигаемые и жизнію, и природой, требуютъ для рѣшенія ихъ множества такихъ свѣдѣній о мѣстныхъ условіяхъ, которыхъ у насъ не имѣется и для собиранія которыхъ требуется уже новая программа обстоятельнаго и всесторонняго изученія страны съ ея обитателями.... Поэтому я закончу свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы время какъ разработки такой программы, такъ и ея осуществленія наступило возможно скорѣе". Почти тѣмъ-же заканчиваетъ свою статью и г. Дементьевъ: „Несомнѣнно, говоритъ онъ, что ни изслѣдованія г. Иванова, ни тѣ заключенія, къ которымъ я пришелъ на основаніи личнаго знакомства съ затронутымъ имъ вопросомъ, отнюдь не исчерпываютъ предмета, и снаряженіе ученой экспедиціи для дальнѣйшаго разъясненія дѣла является неотложною потребностью края". Такая экспедиція, по его словамъ, не только съумѣетъ разъяснить дѣйствительныя причины высыханія, но и будетъ въ состояніи указать мѣры для борьбы съ ними. Сущность-же самыхъ изслѣдованій обоихъ авторовъ сводится къ слѣдующему: 1. По г. Иванову, усиленность засухъ въ Ставропольской губерніи зависитъ отъ истребленія недавно бывшихъ здѣсь большихъ лѣсовъ и отъ чрезмѣрнаго развитія скотоводства въ послѣдніе 20—25 лѣтъ. Истребленіе лѣсовъ было причиною того, что изсякли ключи, что повлекло за собою къ большей сухости климата, а большое количество скота, томимаго жаждой, забивало и затаптывало оставшіеся источники и вело къ тѣмъ-же результатамъ. Во всемъ, стало быть, виноватъ „россійскій хлѣбопашецъ", съ жадностью набросившійся на новую страну и обезсилившій ея „естественные запасы непосильнымъ и нераціо-

нальнымъ расходованіемъ ихъ“. 2. Г. Дементьевъ, защищая россійскаго хлѣбопашца отъ третированія его г. Ивановымъ, собственно отрицаетъ только ту мысль послѣдняго, что въ Ставропольской губерніи недавно были большіе лѣса, которые будто-бы истреблены пришлымъ сюда русскимъ человѣкомъ. Онъ говоритъ, что лѣса истреблены здѣсь давнымъ давно, еще вольными кочующими номадами (ногайцами), у которыхъ скота было неменьше, чѣмъ его теперь у русскихъ. Поэтому, суть дѣла не въ истребленіи лѣсовъ и скотоводствѣ, хотя и это—несомнѣнно вредныя условія для природы страны, а въ слѣдующемъ: 1. Поверхность Каспійскаго моря, по изслѣдованію Кумо-Манычской экспедиціи, въ теченіе 100 послѣднихъ лѣтъ сократилась на 300×50 верстъ= 15000 квадр. верстъ; стало быть, площадь испареній и количество воды, испаряемой моремъ, соотвѣтственно уменьшились. 2. Площадь суши, подверженной дѣйствію моря, увеличилась за тоже время на 15000 кв. верстъ или на 1.500.000 десятинъ сыпучаго песку, главнымъ образомъ. Стало быть, вообще говоря, восточные и юговосточные вѣтры, дующіе съ Каспійскаго моря, становятся все болѣе и болѣе сухими. Это—причины стихійныя. Но, помимо ихъ, есть причины, лежащія въ дѣятельности населенія. Это, главнымъ образомъ—хлѣбопашество. Дѣло въ томъ, что поднятый плугомъ и разрыхленный посѣвомъ зерна верхній слой чернозема на возвышенныхъ мѣстахъ, при сильныхъ и продолжительныхъ восточныхъ и юговосточныхъ вѣтрахъ, сдувается и сносится въ долины, обнажая подпочву, состоящую въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи изъ сыпучихъ песковъ. „Мнѣ извѣстно, говоритъ г. Дементьевъ, нѣсколько случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее десятилѣтіе, когда вѣтеръ въ теченіе двухъ-трехъ дней снесъ совершенно пахатный слой въ три вершка на большихъ площадяхъ (100—200 десятинъ), частью уже засѣянныхъ“. Въ настоящее время, явленіе, о которомъ говоритъ авторъ, нужно считать обыкновеннымъ. Не только сотни, но тысячи и десятки тысячъ десятинъ пахатнаго слоя сносятся почти ежегодно при сильныхъ восточныхъ вѣтрахъ. Такъ, въ теченіе марта 1884 г. ростово-владикавказская желѣзная дорога должна была устроить особыя загражденія на пространствѣ отъ Ростова до Кубани отъ наноса пахатной пыли, которой въ иныхъ мѣстахъ скопился слой въ аршинъ толщины. Съ тѣхъ поръ въ рѣдкій годъ не приходится прибѣгать къ подобному способу защиты пути.

Если прибавить къ перечисленнымъ бѣдамъ „опасное разви-

тіе сыпучихъ песковъ въ восточныхъ низовыхъ степяхъ, куда пески съ большою быстротою передвигаются съ береговъ Каспійскаго моря", то съ главными причинами высыханія Ставропольской губерніи будетъ покончено.

Обращаясь-же къ пространству верхняго теченія Калауса и ставропольской возвышенности, составляющей окончаніе кубанско-терскаго водораздѣла, мы должны сказать, что этотъ уголокъ пока—самый богатый въ губерніи по почвѣ и растительности, самый благопріятный по климату и самый красивый по рельефу; его серьезно еще не куснулась ни одна изъ перечисленныхъ бѣдъ, зависящихъ отъ высыханія губерніи. Но это не даетъ права мѣстному населенію пользоваться естественными богатствами края, употребляя хищническіе пріемы или неэкономическіе способы пользованія. Необходимо критическое отношеніе къ этимъ пріемамъ и способамъ, своевременная и всесторонняя оцѣнка ихъ. Раньше было сказано, что, не смотря на значительное распространеніе въ Удѣльномъ имѣніи участковъ земли съ глинистой и солончаковой почвой, послѣдніе никоимъ образомъ не могутъ считаться совершенно безплодными. Они даютъ всегда подножный кормъ для скота и даже немало сѣна, правда, нѣсколько жесткаго отъ присутствія аржанца, который вреденъ для лошадей, но остальной скотъ его ѣстъ. Что-же касается склоновъ и возвышенностей, то, содержа тучный черноземъ, они принадлежатъ къ очень плодороднымъ. Во время нашего проѣзда, здѣсь сѣно было, въ большинствѣ случаевъ, уже убрано и, такъ какъ весна была особенно суха въ этомъ году (1889 г.) и травы малорослы, то количество полученныхъ стоговъ сѣна было въ такомъ отношеніи къ прошлогоднему сбору: на два стога новыхъ стояло 6 или 7 старыхъ. Сѣнокосъ былъ произведенъ и сѣно убрано до 23 мая. Но съ этого числа пошли дожди, нѣкоторые участки травы, оставшіеся неснятыми, теперь косились. Оказалось, что на такихъ мѣстахъ сѣна получилось почти столько-же, сколько и въ прошломъ году, именно: отъ 5 до 6 стоговъ. Такъ велика производительность земли при достаткѣ влаги! Тоже нужно сказать и относительно хлѣбовъ. Двухъ недѣль, во время которыхъ прошло нѣсколько хорошихъ дождей, было достаточно, чтобы исправить посѣвы тамъ, гдѣ уже все считали погибшимъ. И это въ то время, когда въ другихъ уѣздахъ губерніи тѣ-же дожди не оказали замѣтнаго дѣйствія ни на хлѣба, ни на травы, какъ явившіеся поздно. Вообще, здѣсь неурожаевъ жители не знаютъ. Кромѣ то-

го, въ глубокихъ балкахъ, каковы Большіе Янкули, зимой никогда не бываетъ тѣхъ холодовъ, какіе свирѣпствуютъ въ окрестностяхъ на высокихъ пунктахъ. Въ такихъ балкахъ овцы и рогатый скотъ въ теченіе всей зимы держатся на подножномъ кормѣ, потому что снѣгъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, дольше 3—4 дней не лежитъ.

Но что̀ будетъ, если по всей поверхности разсматриваемаго района, какъ на возвышенныхъ мѣстахъ, такъ и по отлогимъ склонамъ и балкамъ, пройдетъ плугъ русскаго хлѣбопашца, къ чему собственно и клонятся всѣ условія пользованія землею? Послѣдствія будутъ, конечно, только худыя, какъ это случилось и въ другихъ мѣстахъ юга Россіи, именно: часть чернозема съ возвышенностей снесется вѣтромъ. часть смоется въ балки и рѣчки. Профессоръ Костычевъ, въ своей прекрасной работѣ: „Почвы черноземной области Россіи“, говоритъ: „Въ черноземной почвѣ, заросшей травою, условія для отмучиванія и сноса (минеральныхъ частицъ) въ высшей степени неблагопріятны.... Взмученныя частицы, двигаясь по склону, встрѣчаютъ тысячи густыхъ кустовъ травы, которые задерживаютъ, подобно фильтрѣ, частицы... Даже въ задернѣвшихъ балкахъ, гдѣ теченіе бываетъ очень сильное, вода остается прозрачною“.

При распашкѣ-же всего пространства до самыхъ низинъ, фильтръ, о которомъ говоритъ г. Костычевъ, уничтожится. Мелкія частицы чернозема, поднятыя плугомъ и взрыхленныя подъ посѣвы, какъ ничѣмъ незадержанныя, будутъ снесены въ балки. Запруды, устроенныя при такихъ условіяхъ, будутъ заноситься иломъ. Вода, содержащая органическія вещества, будетъ подвергаться быстрому загниванію и перестанетъ быть годной для питья. Все это теперь пока легко предотвратить, если во̀-время и съ знаніемъ взяться за дѣло.

Теперь перейдемъ къ описанію ставропольской возвышенности. Съ юга эта возвышенность начинается горою Стрыжаментомъ или Темнолѣсской, поднятой до 2700 ф. надъ уровнемъ моря. Если, проѣзжая отъ станціи Кавказской къ югу, наблюдать за высокимъ крутымъ берегомъ Кубани, то легко видѣть, что онъ близъ станціи Невинномысской достигаетъ наибольшей высоты въ видѣ треугольной, совершенно голой горы, съ обрывистымъ южнымъ склономъ. Это и есть гора Стрыжаментъ. На вершинѣ ея, у самаго обрыва, стоитъ довольно хорошо сохранившаяся крѣпость Екатерининскихъ временъ. Отсюда къ сѣверу, верстъ на 100 въ дли-

ну, простирается широкая ставропольская возвышенность, постепенно понижающаяся и сильно изрѣзанная и, такъ сказать, разчлененная на отдѣльные участки рѣчками, ручьями и балками.

Геологически, ставропольская возвышенность болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ котловина въ верховьи Калауса и южная часть кубанско-терскаго водораздѣла. Котловина Калауса принадлежитъ средиземноморскому ярусу третичной системы, тогда какъ края котловины и вся ставропольская возвышенность сарматскому ярусу той-же системы, или, переводя спеціальныя фразы на общепонятный языкъ, мы будемъ имѣть, что въ то геологически давнее время, когда сѣверная часть Ставропольской губерніи, по водораздѣлу до Стрыжамента включительно, съ одной стороны, и мѣста отъ Ставрополя чрезъ с. Сергіевское, Калиновское до Круглолѣсскаго включительно, съ другой, находились подъ водою въ концѣ третичной эпохи, вся область, принадлежащая верхнему теченію Калауса, и далѣе къ югу была уже сушею. Затѣмъ причины, обусловившія поднятіе всего кубанско-терскаго водораздѣла отъ Эльбруса далеко (200—250 верстъ) на сѣверъ, выдвинули изъ-подъ воды сильнѣе ставропольское плоскогорье, чѣмъ верховье Калауса. Послѣднее, такимъ образомъ, оказалось окруженнымъ съ сѣвера полукольцомъ горъ, такъ хорошо видимыхъ съ Брыковой, а также Стрыжамента и съ др. пунктовъ.

Различіе по времени происхожденія было причиною различія и въ подпочвенномъ составѣ двухъ смежныхъ мѣстностей. Въ то время, какъ въ котловинѣ Калауса совершенно отсутствуютъ каменистыя породы и подпочвой являются различныхъ качествъ глины, окружающая котловину возвышенность состоитъ изъ камней, преимущественно кварцеваго состава: песчаниковъ и песчано-глинистыхъ образованій, которыя или едва прикрыты черноземомъ въ 6—8 вершковъ мощности, или прямо выступаютъ на дневную поверхность. Въ слояхъ-же, лежащихъ ниже минеральныхъ отложеній сарматскаго яруса, что видно при переѣздѣ чрезъ глубокія балки, напр. Средній Егорлыкъ, легко замѣтны обнаженія глинъ и др. породъ средиземноморскаго яруса.

О климатическихъ особенностяхъ обѣихъ мѣстностей уже было говорено выше, а такъ какъ въ связи съ климатическими и почвенными особенностями находится растительность, то, остановивши вниманіе на послѣдней, мы легко увидимъ разницу этихъ двухъ мѣстъ. Уже при подъемѣ со стороны рр. Янкулей на первые уступы темнолѣсскихъ высотъ бросается въ глаза большое

разнообразіе травъ и ихъ высокій ростъ, что все цѣло зависитъ отъ болѣе тучнаго чернозема, содержащаго 7%—8% перегноя, и обильныхъ осадковъ, выпадающихъ здѣсь. Когда-же подвимешься на Стрыжаментъ и произведешь тщательный осмотръ сѣнокосныхъ полей и луговъ, а также лѣсныхъ опушекъ, то видишь, что разнообразіе травъ выражается присутствіемъ среди степныхъ растеній большого количества формъ чисто горнаго происхожденія. Здѣсь встрѣчаются такіе виды, которые свойственны лугамъ Кавказа, начиная съ высоты 2000 до 5000 фут., какъ напр. крупноголовые, свѣтлорозовые васильки—Centaurea dealbata, съ сопровождающимъ его паразитомъ, очень красивымъ темнопунцовымъ растеніемъ, цвѣтокъ котораго горцы мѣтко назвали чертовой трубкой (шайтан-люли)—Anoplanthus coccineus, роскошные истоды—Polygala major Jacq., бѣлоголовыя пупавки—Anthemis rigescens Willd., ярко-желтые лютики, ладонники—Helianthemum vulgare, G., Heracleum pubescens MB и многіе другіе. Второй характерной чертой всего ставропольскаго поднятія является присутствіе лѣсовъ. Лѣса, какъ мы видѣли, совершенно отсутствуютъ въ котловинѣ Калауса. Нужно думать, что въ послѣдней ихъ никогда и не было, ни до прихода сюда „россійскаго хлѣбопашца", о которомъ говоритъ г. Ивановъ, ни еще раньше, до появленія здѣсь „номада", о которомъ трактуетъ г. Дементьевъ. Что-же касается ставропольскаго плоскогорья, то на немъ лѣса росли съ самыхъ древнихъ временъ, но далеко не всюду, а лишь на каменистыхъ мѣстахъ и преимущественно по сѣвернымъ пологимъ склонамъ въ верховьяхъ рѣчекъ, спускаясь иногда до дна балокъ и долинъ. По южнымъ-же склонамъ спускаться низко лѣса не могли, а занимали только вершины склоновъ. Причинъ этого двѣ: одна—климатическая, въ силу которой южные склоны, сильно нагрѣваемые полуденнымъ солнцемъ, препятствовавшимъ обыкновенно укореняться молодому растеньицу, подвергались вывѣтриванію и быстрому разрушенію, превращаясь въ отвѣсы, а другая—почвенная. Южные склоны и дно глубокихъ балокъ здѣсь, какъ по Калаусу, въ большинствѣ случаевъ, состоятъ изъ плотной глинистой почвы, богатой невыщелоченными морскими солями. Такая почва крайне неблагопріятна для лѣсныхъ растеній, корневая система которыхъ, углубляясь на 5—6 и болѣе саженей въ землю, требуетъ, какъ это утверждаетъ г. Костычевъ и др., мелкозернистой, хрещевато-каменистой конструкціи почвы. На основаніи этого, необходимо допустить, что въ опи-

сываемой нами мѣстности, вопреки мнѣнію гг. Иванова, Дементьева и др., никогда не было дремучихъ лѣсовъ, занимавшихъ будто-бы огромныя пространства. Еще и теперь, послѣ тщательнаго осмотра мѣстности, легко можно было-бы реставрировать всю площадь лѣсовъ, когда либо здѣсь произраставшихъ. Полагаю, что эта площадь была-бы больше той, какую составляютъ теперь здѣшніе лѣса, всего на 35%—40%. Но если, съ одной стороны, лѣса не имѣли здѣсь никогда такого распространенія, какое имъ приписывается, а слѣдовательно и не могли имѣть рѣшающаго значенія въ дѣлѣ увеличенія засухъ въ Ставропольской губерніи, то, съ другой стороны, нельзя не признать справедливости мнѣнія г. Иванова, что уменьшеніе воды въ рѣчкахъ, уничтоженіе скотомъ родниковъ, ключей и колодцевъ и всеобщая распашка полей были весьма важною причиною, усилившею засуху въ послѣдніе годы, какъ въ почвѣ, такъ и въ воздухѣ. Собственно говоря, всемѣстная распашка полей повлекла за собою сокращеніе пастбищъ, вслѣдствіе чего скотъ направился въ балки и долины, гдѣ засорилъ ручьи и ключи и способствовалъ уничтоженію лѣсныхъ насажденій; кромѣ того, распашка сняла дернъ, обнажила мелкозернистый слой почвы, который, будучи поднятъ вѣтромъ, сносился въ тѣ-же балки и долины и, будучи захваченъ атмосферными водами, тоже сносился въ балки и засорялъ ключи и колодцы. Но и этого мало: поверхность земли, лишенная дерна, т. е. своей естественной покрышки, сильнѣе накалялась въ лѣтнее время, въ іюлѣ и августѣ, глубже просыхала и, будучи перемѣшиваема съ песками, лежащими ниже пахатнаго слоя, все болѣе и болѣе пріобрѣтала характеръ песчаныхъ степей. Плугъ превращаетъ слабочерноземныя мѣста Ставропольской губерніи въ песчаныя степи, а не скотъ и не истребленіе лѣсовъ. Но разведеніе послѣднихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только они могутъ расти, должно считаться единственнымъ продиводѣйствіемъ гибильному вліянію плуга на страну, единственнымъ средствомъ, которое можетъ, если не возстановить прежнія климатическія и почвенныя особенности страны, то въ значительной мѣрѣ улучшить теперешнее состояніе ея въ степной части.

Особенно важно и даже безусловно необходимо разведеніе лѣсныхъ насажденій въ тѣхъ мѣстахъ губерніи, гдѣ поднятъ для построекъ нетолстый слой камня и обнажены сыпучіе пески, лежащіе подъ нимъ. Въ нашей мѣстности къ такимъ пунктамъ относятся села Бешпагиръ и Султановское.

Село Бешпагиръ возникло въ половинѣ настоящаго столѣтія. Оно расположено у крутого склона горы, вершина которой до заселенія прикрыта была неглубокимъ слоемъ чернозема, густо заросшаго травою. Подъ черноземомъ залегалъ слабой мощности строевой камень (песчаникъ?), а подъ нимъ толстый слой песка. При отсутствіи по близости лѣса, годная для построекъ минеральная порода быстро была извлечена изъ земли и лежащій подъ нею песокъ обнажился. Задерненію и укрѣпленію его растительностью мѣшалъ скотъ и потому, поднятый сѣверовосточными вѣтрами, песокъ сталъ постепенно спускаться въ село и засыпать его. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, на глазахъ жителей занесло пескомъ до 50 усадьбъ, при чемъ многія постройки, вовремя не перенесенныя, оказались совершенно прикрыты имъ въ настоящее время. Въ послѣдніе 3—4 года сыпучіе пески стали грозить центру села и церкви, поэтому крестьяне подняли тревогу и обратились къ губернской администраціи за совѣтомъ и помощью. Насколько послѣдняя будетъ дѣйствительна, трудно сказать; но въ настоящее время пески въ полномъ разгарѣ своей разрушительной дѣятельности.

Въ болѣе благопріятномъ положеніи находится дѣло обнаженія сыпучихъ песковъ въ с. Султановскомъ. Здѣсь оно, такъ сказать, только въ зародышѣ, потому что ломка камня съ горы Брыковой, подъ которой находится село, началась очень недавно, съ восьмидесятыхъ годовъ, да и само село существуетъ всего 25—28 лѣтъ. Но несомнѣнно, что и здѣсь получится тоже, что мы имѣемъ въ Бешпагирѣ, Петровскомъ и въ другихъ мѣстахъ, если вовремя не будутъ предприняты надлежащія мѣры къ сохраненію горы въ ея нетронутомъ видѣ, т. е. къ огражденію растительности отъ уничтоженія скотомъ и къ прекращенію ломокъ камня.

И. Я Акинфіевъ.

Поѣздка въ Осетію на Ардонѣ и въ Сванетію.

I.

Поѣздка въ Закавказье по военно-осетинской дорогѣ.—Осетія по Ардону.—Ріонская долина отъ верховьевъ до Кутаиса.

Мѣстоположеніе Владикавказа у самыхъ горъ Кавказскихъ представляетъ весьма много удобствъ для того, кто пожелалъ-бы изучатъ эти горы въ естественно-историческомъ отношеніи. Четыре параллельныхъ геологическихъ складки, имѣющихъ видъ кряжей, которые въ другихъ мѣстахъ Кавказа отстоятъ другъ отъ друга на десятки верстъ, пересѣкаются и перепутываются поперечными грядами до того, что едва возможно разобраться въ нихъ и спеціалисту геологу, здѣсь, у Владикавказа, расположены такъ правильно и близко другъ къ другу, что въ общемъ онѣ дѣйствительно являются въ видѣ ступеней лѣстницы, какъ сказано въ одномъ учебникѣ географіи. Въ ясную погоду вы видите въ разстояніи 3—4 верстъ отъ города первые два кряжа Лѣсистыхъ или Черныхъ горъ, изъ которыхъ задній—болѣе высокій, кое гдѣ на вершинахъ обнаженный отъ лѣса и покрытый полянами травянистой зелени. За ними ступенью выше поднимается третій кряжъ Скалистыхъ горъ, среди которыхъ красиво выдѣляется „Столовая гора“, поднятая на высоту 9855 футъ н. у. м. и покрытая почти доверху альпійскою растительностію. Наконецъ, четвертую ступень въ 14—15000 футъ составляетъ такъ-называемый Боковой хребетъ, покрытый вѣчными снѣгами. Въ немъ господствуетъ бѣлоснѣжный конусъ Казбека. Все это, какъ у художника на картинѣ, представляется вашему взору ясно и отчетливо и при утреннемъ солнечномъ освѣщеніи имѣетъ весьма эффектный видъ. Геологу и ботанику здѣсь, на разстояніи 15—20 верстъ, Кавказъ можетъ дать много интереснаго матеріала. Пер-

вый, пройдя до снѣговаго кряжа горъ, можетъ видѣть въ каждой параллельной грядѣ своеобразныя напластованія горныхъ породъ: песчаниковъ, известняковъ, глинистыхъ сланцевъ, гранитовъ и другихъ, изверженныхъ породъ. Второй на небольшомъ разстояніи найдетъ значительное количество характерныхъ горныхъ кавказскихъ растеній, покрывающихъ каждый кряжъ горъ и являющихся на извѣстной высотѣ въ видѣ особыхъ широкихъ полосъ, называемыхъ ботаниками зонами: лѣсной, лугово-альпійской и альпійской. Одной недѣли пребыванія въ Владикавказѣ достаточно, чтобы натуралисту добросовѣстно и съ успѣхомъ выполнить ту или другую задачу. Къ сожалѣнію, мнѣ и моему спутнику, студенту Харьковскаго университета г. К., нельзя было оставаться здѣсь долѣе двухъ дней, такъ какъ необходимо было спѣшить въ Кутаисъ, чтобы успѣть присоединиться къ экспедиціи профессора Краснова, имѣвшей выступить въ Сванетію 20 іюня.

Выѣхавъ изъ Владикавказа утромъ на почтовыхъ 14 іюня, мы къ вечеру были въ Алагирѣ, послѣдней русской станицѣ, у входа въ Ардонское ущелье. Строго говоря, русскаго населенія въ Алагирѣ, изъ 700 дворовъ, не болѣе одной пятой части; болѣе трехъ пятыхъ здѣсь осетины, а остальное имеретины. Но такъ какъ здѣсь живетъ приставъ, есть докторъ и нѣсколько чиновниковъ, и такъ какъ большинство осетинъ говорятъ порусски, то вы не чувствуете себя среди чужихъ. Алагиръ, какъ и Владикавказъ, расположенъ у самыхъ горъ, только высота перваго надъ уровнемъ моря нѣсколько меньшая, именно въ 2100 футъ, тогда какъ Владикавказъ расположенъ на 2350 ф. Тѣмъ не менѣе обиліе лѣса въ окрестностяхъ и садовъ въ самой станицѣ дѣлаетъ Алагиръ весьма удобнымъ мѣстомъ для пребыванія лѣтомъ для жителей Россіи, въ особенности въ виду дешевизны жизненныхъ продуктовъ. Въ послѣдніе годы сюда, дѣйствительно, все чаще и больше стали пріѣзжать на лѣто даже изъ такихъ мѣстъ, какъ Ростовъ, Харьковъ и др. Пріѣзжіе обыкновенно платятъ за дома въ 4—5 комнатъ на все лѣто отъ 25 до 50 рублей, устраивая столъ изъ свѣжей провизіи, которую дешевле чѣмъ въ другихъ городахъ можно имѣть ежедневно съ базара. Но самое замѣчательное въ Алагирѣ—это серебро-свинцовой заводъ: онъ принадлежитъ казнѣ и управляется четырьмя чиновниками, при 42—45 годовыхъ рабочихъ, изъ которыхъ человѣкъ 25 заняты выплавкой руды, а остальные заготовленіемъ древеснаго угля, необходимаго для выплавки. Плавильщики получаютъ плату не посроч-

но, а отъ пуда выплавленнаго серебра; мѣсячный заработокъ каждаго колеблется между 20—25 рублями.

Всего въ годъ Алагирскій серебро-свинцовый заводъ вырабатываетъ до 30—33 пудовъ серебра и около 9—10 тысячъ пудовъ свинца.

Садонскій рудникъ находится почти въ 40 верстахъ отъ Алагира, на рѣчкѣ Садонѣ, притокѣ Ардона слѣва, на высотѣ 4200 футъ. Онъ помѣщается въ уютномъ уголкѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ высокими скалами, состоитъ изъ крѣпостцы, въ которой, кромѣ жилыхъ помѣщеній для служащихъ и рабочихъ, находится церковь и казарма для нѣсколькихъ десятковъ солдатъ и различныя приспособленія для сортировки, измельченія и отмучиванія руды. Послѣднія производятся даровою силою горной рѣчки, составляющейся здѣсь изъ двухъ рукавовъ: сѣвернаго, Хода, и южнаго, Садона, разбить которые канавками на мелкіе ручьи и провести воду по всѣмъ отдѣленіямъ завода не представляетъ большаго труда и расходовъ. Руда залегаетъ въ горѣ, расположенной на рѣчкѣ Ходъ выше крѣпостцы, въ сѣверовосточномъ углу отъ нея и въ незначительномъ разстояніи. Жилы руды идутъ съ основанія горы далеко вверхъ, имѣя юго-восточное направленіе и характеризуясь частными и большими сдвигами, по формѣ трудно объяснимыми съ геологической точки зрѣнія. Толщина жилы весьма разнобразная: то она достигаетъ 3—4 саженей, то совсѣмъ сходитъ на нѣтъ. Вся жила обыкновенно состоитъ изъ слѣдующихъ слоевъ: если считать съ боковъ ея основную породу горы, состоящую изъ легко разрушимаго видоизмѣненія крупно-зернистаго гранита, то за кварцемъ будутъ слѣдовать колчеданы—сначала желѣзный, потомъ мѣдный и цинковый; затѣмъ слѣдуютъ соединенія сурьмы и висмута и свинцово-серебряный блескъ; въ самомъ-же центрѣ находится тонкая бѣлая прослойка известковаго или тяжелаго шпата. Для разработки важны только тѣ слои жилы, которые содержатъ чистый свинцово-серебряный блескъ. Поэтому оторвавъ отъ скалы, при помощи небольшихъ зарядовъ пороха, кусокъ жилы въ 3—5 пудовъ, размельчаютъ его ручнымъ способомъ, разъединяютъ отдѣльные минералы въ видѣ небольшихъ камешковъ, сортируя послѣдніе по кучкамъ. Такъ какъ рабочимъ платятъ только отъ пуда чистой руды и за качество сортировки остальныхъ породъ, то всякъ старается сортировать самымъ тщательнымъ образомъ. Тѣ-же мелкія крупинки руды, которыя нельзя извлечь молоткомъ изъ камня, идутъ въ

особыя ступы, толкутся здѣсь, и въ видѣ мелкихъ крупинокъ отдѣляются водою отмучиваніемъ на довольно сложныхъ приспособленіяхъ, грохотахъ, продыравленныхъ цилиндрахъ и пр. Такимъ образомъ, на Алагирскій заводъ руда изъ рудника часто отправляется въ видѣ небольшихъ (въ куриное яйцо) камней, въ видѣ зеренъ и даже мелкаго порошка. Богатства этого рудника, по словамъ служащихъ, неистощимы; но трудность разработки руды состоитъ въ томъ, что весьма много приходится затрачивать капитала на производство выемокъ пустой породы при отысканіи жилы, которая вдругъ пропадаетъ въ шахтахъ, вслѣдствіе короткихъ и многочисленныхъ сдвиговъ горы. Число рабочихъ, занимающихся извлеченіемъ руды и ея измельченіемъ, сравнительно невелико, всего около 100—120 человѣкъ. Менѣе половины этого количества принадлежитъ къ постояннымъ, на долю которыхъ приходится работать въ шахтахъ. Обыкновенно руда добывается въ продольныхъ и боковыхъ ходахъ въ горѣ, а также въ поднятіи вверхъ по направленію жилы. Каждая кубическая сажень выемки въ шахтахъ производится партіею рабочихъ въ 4 или 6 человѣкъ за извѣстную плату, смотря по качеству породы, при чемъ наивысшая плата 90 рублей за кубическую сажень назначается за лучшій сортъ камня, такъ что въ общемъ на долю каждаго рабочаго приходится заработать въ мѣсяцъ отъ 15 до 20 рублей. На работахъ состоятъ главнымъ образомъ мѣстные жители осетины—народъ, далеко не отличающійся прилежаніемъ и усердіемъ.

Но возвратимся къ описанію поѣздки. Прежде всего нужно сказать, что путешествіе по военно-осетинской дорогѣ должно считаться довольно удобнымъ и несомнѣнно болѣе пріятнымъ и интереснымъ, чѣмъ путешествіе по военно-грузинской дорогѣ. Нужно удивляться только, какъ мало знаютъ объ этой дорогѣ и мало ѣздятъ по ней. Въ одномъ только военно-осетинская дорога уступаетъ своей восточной сосѣдкѣ—это въ томъ, что здѣсь отъ Алагира до Они, уѣзднаго городка Кутаисской губерніи, на Ріонѣ, нѣтъ почтовыхъ станцій и ѣдущимъ поэтому нужно нанимать подводу между извѣстными пунктами на пространствѣ около 120—130 верстъ. Это пространство легко проѣхать въ 2—3 дня, сдѣлавъ первую остановку въ урочищѣ Св. Николая и вторую въ „пріютѣ" близъ Мамисонскаго перевала, на 8190 футъ н. у. м. Дорога на всемъ пространствѣ хорошо шоссирована и всегда содержится въ полномъ порядкѣ. Ночлегъ можно имѣть въ особыхъ помѣщеніяхъ,

правда не всегда охотно открываемыхъ служащими, какъ въ урочищѣ Св. Николая, такъ и въ пріютѣ; но для того, чтобы доступъ въ нихъ былъ свободный, достаточно спросить разрѣшенія у инженера, живущаго въ Алагирѣ и завѣдывающаго этими станціями.

Въ началѣ, по выѣздѣ изъ Алагира, долгое время приходится ѣхать мимо двухъ небольшихъ горныхъ складокъ, живописно окутанныхъ до верху сплошнымъ лѣсомъ широколиственныхъ породъ изъ чинара, граба и дуба; у самой воды Ардона преобладаетъ ольха, большія деревья которой на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ представляютъ весьма оригинальный видъ, будучи лишены снизу почти доверху коры, которую осетины обдираютъ для того, чтобы получить изъ нея коричневую краску для своихъ суконъ. Далѣе, на 74-ой верстѣ, все болѣе и болѣе съуживающейся долины, вы въѣзжаете въ предѣлы известковой складки или Скалистаго хребта, который характеризуется тѣмъ, что съ сѣверной стороны представляетъ постепенный подъемъ въ 30—40° до высоты въ 9—12000 футъ, и болѣе чѣмъ на двѣ трети этой высоты покрытъ лѣсомъ, тогда какъ съ южной онъ совершенно отвѣсный и образуетъ гигантскую стѣну въ 1½—2 версты высоты, считая отъ основанія до верхушки. Видъ этой бѣлой стѣны, изборожденной страшными трещинами, совершенно голой, свободной отъ растительности и вѣчно окутанной облаками, до такой степени эффектный, что можетъ поспорить съ самой пылкой фантазіей, доступной человѣку въ сновидѣніяхъ. Какъ только вы оставили эту стѣну за собой на сѣверѣ,—вы чувствуете, что находитесь въ особомъ мірѣ природы и людей. Тамъ за вами осталась Россія съ своимъ солнцемъ, вѣтрами, лѣсомъ и людьми, здѣсь—не то освѣщеніе, не тотъ климатъ, не та растительность и люди. Лучи полуденнаго солнца, отраженные отъ вертикальной гигантской известковой стѣны Скалистаго хребта, наполняютъ долину такимъ обиліемъ свѣта и тепла, какого никогда не бываетъ, при всѣхъ равныхъ условіяхъ, въ 10 верстахъ оттуда на сѣверъ. Вмѣсто пріятнаго сплошнаго зеленаго фона лѣсовъ, здѣсь вы видите голыя скалы, то свѣтлосѣрыя известковыя, то грязнотемныя глинистыя, на которыхъ то тамъ, то сямъ ютятся какіе-то колючіе приземистые азіатскіе кустарники или отдѣльные пучки полыни, бересга и другихъ такихъ-же сѣрыхъ и корявыхъ травокъ, какъ и фонъ основной почвы. Благодаря защитѣ мѣстности высокой стѣной „Бѣлыхъ горъ", или Скалистаго хребта, отъ сѣверныхъ

холодныхъ вѣтровъ, хлѣба вызрѣваютъ здѣсь очень рано, къ половинѣ іюля, будучи на высотѣ 3000—4000 ф. н. у. м. Всякая болѣе или менѣе широкая поляна занята пашнями. Всякій открытый и болѣе или менѣе ровный уголокъ здѣсь пріютилъ на себѣ десятокъ, два или три домовъ особой, непривычной для русскаго человѣка архитектуры. Обитатели ихъ—осетины.

Прослѣдовавъ мимо первой почтовой станціи Гулакъ, расположенный на 24-й верстѣ отъ Алагира, на высотѣ почти 3000 ф. н. у. м., путникъ вступаетъ въ область метаморфическихъ глинистыхъ сланцевъ, легко вывѣтривающихся и напоминающихъ своимъ видомъ и строеніемъ весьма распространенные сланцы въ Крыму. Русло рѣчки, многоводной и менѣе грязной по водѣ, чѣмъ Терекъ, съуживается, вы вступаете въ предѣлы изверженныхъ кристаллическихъ породъ. Горы принимаютъ иное очертаніе, вновь начинаютъ все чаще и чаще попадаться древесныя породы, какъ широколиственныя, такъ и хвойныя; послѣднія преобладаютъ по вершинамъ горъ и по сѣвернымъ тѣнистымъ склонамъ, опускаясь мѣстами до самой воды. Теперь вы находитесь въ области Боковаго кряжа, который отходитъ отъ Адай-хоха, что̀ въ Главномъ хребтѣ, близъ Мамисонскаго перевала, куда ведетъ васъ шоссе. На 29-й верстѣ отъ Алагира находятся такъ-называемыя Батскія или „Кривыя" ворота, которыя были устроены, какъ говоритъ преданіе, генуэзцами въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣки и перебрасывались съ лѣваго на правый берегъ ея, преграждая встарину входъ съ юга на сѣверъ. На 23-й верстѣ въ Ардонъ впадаетъ слѣва Садонъ и отсюда идетъ боковая дорога, въ ущелье къ Садонскому руднику. Еще нѣсколько верстъ пути вверхъ и ущелье нѣсколько расширяется; здѣсь расположено село Нузалъ, церковь котораго считается одною изъ самыхъ древнихъ и наиболѣе почитаемыхъ въ Осетіи. Внѣшній видъ этой церкви *) настолько простой, что мы, будучи заранѣе предупреждены о ней, проѣхали ее не замѣтивъ. Величина ея около четырехъ саженъ въ длину и двухъ въ ширину и даже въ вышину. Она сложена изъ грубаго камня, слабо сцементированнаго; съ двухъ сторонъ находится по небольшой щели, играющихъ роль оконъ, закрыва-

*) См. „Путешествіе по ущельямъ Сѣверной Осетіи", д-ра В. Пфафа, въ Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ, изд. Кавк. Статист. Комит., т. I, Тифл., 1871 г., стр. 127—177, гдѣ и помѣщенъ рисунокъ Нузальской церкви.

Ред.

емыхъ всякій разъ послѣ богослуженія тоже камнями. Намъ не удалось побывать внутри ея, потому что старшина села, сохранявшій ключъ ея, отсутствовалъ въ это время изъ села и завезъ ключъ съ собой. Далѣе на 44-й верстѣ расположено урочище Св. Николая *). Въ 15 верстахъ отъ урочища находится одинъ изъ красивѣйшихъ ледниковъ Кавказа—ледникъ Цей. Доступъ къ нему весьма удобенъ; все время можно ѣхать на лошади, сначала по узкому ущелью Цей, а потомъ отъ селенія Цей по живописнѣйшей долинѣ къ почти самому ледниковому гроту. На этотъ разъ намъ не пришлось посѣтить ледникъ, потому что мы боялись потерять лишній день на поѣздку къ нему, да къ тому-же погода весь день стояла пасмурная и холодная.

Верстою выше отъ урочища Св. Николая, берега Ардона вновь сильно съуживаются другъ къ другу, какъ въ Дарьяльскомъ ущельи, только здѣсь, по Ардону, горы не такъ дики и не обнажены, какъ тамъ, и большею частью покрыты внизу кустарниками барбариса, можжевельника, крыжовника, а вверху—сосною, елью и березою. Получаются поэтому болѣе мягкіе и болѣе пріятные контуры горъ, хотя не менѣе грандіозные по величинѣ и массивности, какъ и по Тереку. Переѣхавъ два-три деревянныхъ мостика, миновавъ нѣсколько мѣстъ снѣжныхъ заносовъ и поднявшись на высоту 5500 ф. н. у. м., гдѣ холодъ заставляетъ васъ кутаться въ зимнее платье, вы вдругъ неожиданно послѣ одного изъ безчисленныхъ крутыхъ поворотовъ въѣзжаете въ расширенную область верховья Ардона, самую красивую широкую котловину, какую только приходится видѣть на Кавказѣ изъ обитаемыхъ долинъ на той высотѣ. Она совершенно кругомъ закрыта высокими горами, которыя на сѣверѣ значительно выше, чѣмъ на югѣ, именно горы Боковаго кряжа, поднятыя до 15—16000 футъ и своими вѣчно-бѣлоснѣжными вершинами защищаютъ мѣстность

*) Это родъ станціи съ 3-мя небольшими нежилыми зданіями и длинною конюшнею; все это обнесено невысокою стѣною. Постройки принадлежатъ вѣдомству путей сообщенія. Такъ какъ вскорѣ послѣ нашего проѣзда ожидался осмотръ военно осетинской дороги главнымъ инженеромъ изъ Тифлиса, то насъ не впустили въ помѣщеніе, поэтому намъ пришлось провести дождливую ночь на крыльцѣ, съ завистью подумывая о томъ, какъ пріятно быть въ настоящую погоду въ сухой комнатѣ. Путешественники желающіе пріобрѣсти неоспоримое право воспользоваться помѣщеніемъ на станціяхъ военно-осетинской дороги, должны запастись билетомъ отъ инженеровъ завѣдующихъ ею. Только такой документъ неграмотные сторожа станцій узнаютъ и принимаютъ къ исполненію.

отъ сѣверныхъ холодовъ. Здѣсь въ каждомъ уголкѣ Ардона и его притоковъ, гдѣ есть хоть нѣсколько удобныхъ для жизни десятинъ земли, ютятся села, поселки и отдѣльные дворы.

Всякій, гдѣ возможно, по освѣщеннымъ солнцемъ мѣстамъ, засѣваетъ главнымъ образомъ ячмень, овесъ, картофель, а также рожь и пшеницу. Послѣдняя, правда, не всегда успѣваетъ вызрѣть, потому что посѣвы подняты здѣсь до 7200 и 7300 футъ н. у. м. Сборъ хлѣбовъ обыкновенно совершается въ августѣ, а для успѣха урожая каждая пядь земли воздѣлывается и удобряется навозомъ самымъ тщательнымъ образомъ. Самый богатый владѣлецъ въ Зромагѣ имѣетъ земли не болѣе одной десятины, многіе владѣютъ полдесятиной, а у нѣкоторыхъ всего четверть десятины и меньше. *) Земли здѣсь такъ мало, что въ селахъ никто не держитъ никакой живности: свиней, куръ и пр. нигдѣ не встрѣтите. Конечно скотоводство, обезпеченное обширными альпійскими пастбищами, служитъ немалымъ подспорьемъ для нуждъ жителей. Лѣсовъ въ окрестностяхъ почти нѣтъ, кромѣ небольшихъ рощъ березняка, вырубаемаго чрезъ 2—3 года извѣстными обществами поочереди. Единственное богатство—обиліе аспиднаго сланца, изъ котораго грубо складываются всѣ строенія до описанныхъ башенъ включительно. Не мало здѣсь и минеральныхъ богатствъ, но они мало извѣстны и тамъ, гдѣ извѣстны, не разрабатываются. Такъ одинъ лѣсной объѣздчикъ, Ахметъ Сикоевъ изъ Зромага, показывалъ намъ образцы прекраснаго графита и марганцевой руды, утверждая, что на его землѣ находятся большія залежи этихъ минераловъ. Нѣкоторые говорятъ, что они знаютъ у себя „тотъ самый камень, что разрабатывается въ Садонѣ". Насколько это вѣрно, трудно сказать, но несомнѣнно, что край этотъ представляетъ собою нетронутый уголъ въ отношеніи техническихъ производствъ и культуры. Не смотря на то, что губернскій и даже уѣздный городъ отстоятъ отсюда всего въ 60—70 верстахъ, здѣсь нѣтъ рѣшительно ничего, что напоминало-бы вамъ объ общности цивилизаціи. Шведскія спички приводятъ въ изумленіе жителей, заставляя думать, что онѣ зажигаются лишь слушаясь только „своего хозяина". Еще не такъ давно, по разсказамъ жителей, одинъ осетинъ нашелъ на дорогѣ часы. Прежде чѣмъ взять

*) Есть семьи, которыя владѣютъ землею сообща, и чтобы не раздѣлять небольшого участка, они засѣваютъ его не ежегодно, а чередуясь: въ одинъ годъ засѣетъ одна семья, а въ другой другая.

ихъ, онъ услышалъ, что они стучатъ. Порѣшивъ, что это нечистая сила „чортъ", онъ схватилъ камень и разбилъ ихъ въ дребезги. Что касается минеральныхъ источниковъ, то по военно-осетинской дорогѣ они нерѣдки. Первый такой источникъ—на 12-й верстѣ отъ Алагира, въ известковой складкѣ. Онъ имѣетъ видъ большого грота въ 5 аршинъ длины и 3 ширины. Глубина воды въ гротѣ болѣе 10 аршинъ. Температура воды источника 10,₈° Цельсія; вода вытекаетъ подъ шоссе въ Ардонъ и потому запахъ тухлыхъ яицъ слышенъ за полверсты раньше до этого источника. Другой желѣзно-углекислый источникъ, называемый Суаръ, находится на 48-й верстѣ, подъ шоссе, на высотѣ 5400 ф.; температура его воды 9,₈° Ц., вода очень пріятная на вкусъ, напоминаетъ собою Нарзанъ Кисловодска; но жаль, что онъ слабо поддерживается въ должномъ порядкѣ и чистотѣ мѣстнымъ населеніемъ.

Второй ночлегъ у насъ состоялъ въ „пріютской" сторожкѣ, расположенной на 8190 ф. н. у. м., въ 9 верстахъ отъ Мамисонскаго перевала. Здѣсь насъ тоже не хотѣли впустить въ комнату, потому что ожидали проѣзда „самаго министра", но обѣщаніе сторожу, что будетъ заплочено, отворило намъ одну изъ комнатъ пріютской сторожки. Рано утромъ, на другой день мы двинулись къ перевалу, но такъ какъ дорога здѣсь не шоссирована, подъемъ въ гору очень крутой и дожди сдѣлали изъ глинистой почвы невылазную грязь, то на проѣздъ 9 верстъ потребовалось около 3 часовъ. Жалѣть объ этомъ намъ не пришлось; нашъ путь проходилъ по весьма живописной мѣстности, среди альпійской зелени и вѣчныхъ снѣговъ; всего въ какихъ нибудь 10 верстахъ отъ насъ, направо, у гигантскаго бѣлоснѣжнаго Адай-хоха, поднятаго до 13244 ф. н. у. м., виднѣлись ледники. Такіе-же ледники и огромныя снѣжныя поля шли длинною полосою по лѣвую сторону дороги по вершинамъ Главнаго хребта, поднятаго до 12-13000 ф. н. у. м. На самомъ гребнѣ перевала, имѣющемъ въ ширину всего 2—3 сажени, лежалъ снѣгъ сплошною полосою. Высота перевала 9282 футъ н. у. м., т. е. на полторы тысячи футъ выше Крестоваго перевала военно-грузинской дороги (7694'). Видъ съ Мамисонскаго перевала по обѣ стороны его на долины Ардона и Ріона, одинъ изъ самыхъ живописныхъ на Кавказѣ. Долина Ріона до Они довольно узкая и малонаселенная въ верхней своей части. Спустившись по крутому спуску, вьющемуся короткими зигзагами по склону горы до 8000 ф., гдѣ находится будка, вы въѣзжаете въ область роскошнѣйшихъ луговъ съ буйною расти-

тельностію, которая на высотѣ 7000 ф. смѣняется дремучими лѣсами изъ пихты, ели, сосны и породъ чернолѣсья, съ буками во главѣ. Такихъ могучихъ хвойныхъ деревьевъ намъ нигдѣ не приходилось видѣть на Кавказѣ послѣ далекихъ окрестностей Боржома. Видно было, что здѣсь, какъ и тамъ, топоръ и пила еще мало работали. Лѣса по Ріонской долинѣ тянутся почти до самаго Кутаиса, но характеръ древесныхъ породъ мѣняется чрезъ каждые 10—15 верстъ, находясь въ строгой зависимости отъ высоты мѣстности надъ уровнемъ моря и состава минеральной породы. Старые, почти дѣвственные, лѣса спускаются по крутымъ недоступнымъ склонамъ до 5000 ф. Особенно роскошны хвойные лѣса въ окрестностяхъ перваго имеретинскаго селенія Глола, расположеннаго на 4644 ф. н. у. м. За Глолой вскорѣ идутъ лѣса смѣшаннаго характера до Уцеры, гдѣ существуютъ минеральные источники и лѣчебный курортъ, посѣщаемый жителями Кутаиса и всей губерніи. Скалы крутыя и утесистыя принимаютъ закругленныя очертанія, постепенно разступаются другъ отъ друга,—долина, видимо, дѣлается шире и напоминаетъ нѣсколько долину Арагвы близъ Пассанаура, только на Ріонѣ лѣса́ иные по составу. Начиная съ 5-ти и въ особенности съ 4-хъ тысячъ футъ н. у. м., до Кутаиса въ лѣсахъ Ріона все чаще и чаще попадаются представители вѣчнозеленыхъ растеній, свойственныхъ древней Колхидѣ и нѣкоторымъ другимъ пунктамъ Закавказья. Обыкновенно эти растенія находятся въ полной зависимости здѣсь не только отъ климата, но и отъ минеральнаго состава породы. Обыкновенно они въ изобиліи встрѣчаются на глинистыхъ и изверженныхъ породахъ, тогда какъ на известнякахъ ихъ или совсѣмъ нѣтъ или они выражаются небольшимъ только числомъ своихъ менѣе прихотливыхъ представителей. А такъ какъ Ріонъ въ своемъ теченіи нѣсколько разъ пересѣкаетъ различнаго состава геологическія складки или, говоря проще, кряжи горъ, тянущихся обыкновенно съ востока на западъ, то, проѣзжая по долинѣ этой рѣки, вы неоднократно видите, какъ вмѣстѣ съ минеральной породой рѣзко мѣняется характеръ лѣсовъ. Тоже самое впрочемъ можно замѣтить и по южному берегу Крыма и въ другихъ пунктахъ такъ-называемой Средиземноморской области, гдѣ только встрѣчаются представители вѣчно зеленыхъ растеній, на чтò впервые обращено было вниманіе западно-европейскими ботаниками. Къ представителямъ вѣчнозеленыхъ растеній въ долинѣ Ріона относятся, кромѣ лавровишни, падуба (Jlex aquifolium) и ліаны—вьющіеся кустарники,

которые-то болѣе чѣмъ что другое и придаютъ своеобразный характеръ лѣсамъ этой мѣстности. Изъ ліанъ первое мѣсто принадлежитъ винограду. Появляется онъ здѣсь, какъ культурное растеніе, на высотѣ 4000 ф., въ видѣ плантацій, довольно густо посаженнымъ и очевидно закапываемымъ на зиму. Но съ 3000 футъ и ниже, ухода за собою онъ уже не требуетъ и растетъ дико въ видѣ толстыхъ, длиннѣйшихъ многолѣтнихъ лозъ, высоко поднимающихся по какому нибудь большому дереву: буку, ольхѣ и др., а иногда перекинутыхъ съ одного дерева на другое. Съ непривычки кажется довольно страннымъ такое сочетаніе безплоднаго дерева съ виноградными лозами, вьющимися по дереву и украшающими его своими крупными листьями и тяжелыми гроздями сочныхъ ягодъ; но потомъ привыкаешь къ этому, потому что кромѣ винограда почти на каждомъ шагу встрѣчается здѣсь въ такомъ-же видѣ и плющъ (Hedera Helix L.), который, запустивъ тысячи воздушныхъ корешковъ подъ кору бука или дуба, душитъ нерѣдко вѣковое дерево въ своихъ мощныхъ объятіяхъ, и ломоносъ (Clematis Vitalba L.), образующій всегда густую и широкую крону изъ крупныхъ кистей красивыхъ бѣлыхъ и душистыхъ цвѣтовъ или серебристыхъ султановъ плодниковъ, и сассапарель (Smilax excelsa L.), концы вѣтвей которой и свѣтлозеленая листва мягки и нѣжны, а потому съѣдобны, но за то устарѣвшія и отвердѣвшія части снабжены такими крѣпкими, острыми колючками, какими снабжены только вѣтви держи-дерева (Paliurus aculeatus). Наконецъ къ только что названнымъ нужно присоединить многочисленные колючіе кустарники шиповника (Rosa) и разнообразные виды ежививчника (Rubus). Все это такъ перепутываетъ собою и переплетается другъ съ другомъ, въ особенности у опушки лѣсовъ и краевъ дороги, что получается непроницаемая живая изгородь, чрезъ которую ни человѣку, ни животному проникнуть не представляется никакой возможности. Вторая особенность всѣхъ здѣшнихъ лѣсовъ состоитъ въ чрезвычайно буйномъ ростѣ деревьевъ и кустарниковъ. Теплый и влажный въ теченіе всего лѣта климатъ заставляетъ растеніе расти и развиваться всѣми своими почками и по всѣмъ направленіямъ, что въ сильнѣйшей степени затрудняетъ разчистку плантацій подъ виноградникъ и полей подъ посѣвы. Оставленное на короткое время безъ расчистки свободное мѣсто заростаетъ кустарниками и древесными побѣгами такъ-же быстро, какъ и у насъ сорною травою, превращаясь въ теченіи одного-двухъ лѣтъ въ цѣ-

лыя рощи и лѣсныя чащи. Такой быстрый ростъ свойственъ пространству средняго и нижняго теченія Ріона, начиная отъ Они. Отсюда долина Ріона становится еще шире, мѣстность населеннѣе, горы совсѣмъ низкія. Кажется, что вотъ-вотъ, за тѣмъ поворотомъ почтовой дороги, горы совсѣмъ разступятся и откроется равнина, тѣмъ болѣе что барометръ у Тольской почтовой станціи на Ріонѣ, на границѣ Рачинскаго съ Лечхумскимъ уѣздомъ, стоитъ всего на тысячи футахъ н. у. м., тогда какъ близъ Они онъ показываетъ 2750 футъ. Но такія ожиданія напрасны. Проѣхавъ верстъ пять отъ Тольской станціи, вы видите, что долина пересѣкается мощными пластами известняка, чрезъ складки и сдвиги которыхъ рѣка прокладываетъ себѣ путь, змѣевидно извиваясь и поворачиваясь то къ западу и сѣверу, то вдругъ почти подъ прямымъ угломъ -къ югу. Почтовая дорога зигзагами высоко поднимается въ гору, оставляя Ріонъ гдѣ-то на восемсотъ футъ ниже. На самомъ гребнѣ вправо обрисовываются громаднѣйшіе известковые столбы въ 200—300 футъ высоты, поставленные одинъ около другого и представляющіе какъ-бы развалины невѣроятныхъ размѣровъ дворца или храма. Лѣса здѣсь не имѣютъ ни бука, ни лавровишни, ни винограда и сассапарили, но состоятъ изъ береста, карагача, грабовника (Ostrya carpinifolia) и нѣкоторыхъ другихъ; представителей хвойныхъ тоже не встрѣчается до самой станціи Алпани. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этой станціи Ріонъ течетъ въ гигантской трещинѣ, отвѣсные бока которой состоятъ изъ трахита и другихъ изверженныхъ породъ, а потому покрыты роскошнѣйшими соснами, пихтами, въ верхнихъ областяхъ горъ и буками и дубами.

И обитатели здѣшнихъ красивыхъ мѣстностей находятся въ полной гармоніи съ природой: имеритины представляютъ изъ себя самую красивую отрасль грузинскаго племени, въ особенности характеризуются оригинальною красотою мужчины. Помимо стройнаго стана, легкой, изящной походки, они обладаютъ тонкими, какъ бы выточенными, чертами лица изъ бѣлой кожи, окаймленнаго черными, курчавыми мягкими волосами. Изъ представительницъ прекраснаго пола только изрѣдка и въ ранней молодости попадаются красивыя; но вообще женщины далеко уступаютъ мужчинамъ въ этомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, отсутствіе русской рѣчи лишаетъ возможности путешественника производитъ разспросы и знакомиться съ характеромъ и бытомъ мѣстнаго населенія.

Отъ Они до Кутаиса сообщеніе совершается на почтовыхъ: разстояніе здѣсь 110 верстъ; но лошадей на станціяхъ очень мало, такъ что приходится ожидать тройку по нѣскольку часовъ.

II.

Путь въ Сванетію чрезъ Рокальскій перевалъ.—Липа-великанъ.—Вольная Сванетія, ея внѣшній видъ и физическія условія жизни человѣка.

Попасть въ Сванетію частному человѣку и путешествовать по ней безъ оффиціальныхъ полномочій и рекомендацій не легко и не дешево. Вотъ почему наша экспедиція, съ профессоромъ Красновымъ во главѣ, четырьмя студентами Харьковскаго университета, охотникомъ г. П. и мною, изъ Кутаиса направилась въ мѣстечко Лайлаши, лѣтнее мѣстопребываніе Лечгумскаго уѣзднаго начальника, въ вѣденіи котораго находится Сванетія и отъ распорядительности котораго зависѣлъ въ значительной степени успѣхъ экспедиціи. Въ другое время намъ пришлось-бы отправиться изъ Алпани въ уѣздный городъ Цагери, а оттуда по рѣчкѣ Цхенис-цхали прибыть въ общество Лентехи, Дадіановской Сванетіи; теперь-же изъ Лайлаши нашъ путь лежалъ по р. Ладжанури на Рокальскій перевалъ. Пробывъ въ Лайлашахъ три дня и сдѣлавъ экскурсію, для ознакомленія съ флорой мѣстныхъ известняковъ, экспедиція 24 іюня въ 9 ч. утра выступила въ путь на 10-ти верховыхъ и 9-ти вьючныхъ лошадяхъ. До 2 часовъ дня мы успѣли проѣхать бѣдный растительностью известковый кряжъ, переѣхать рѣчку и, давъ лошадямъ полуторачасовую передышку, начать съ 3½ т. ф. подъемъ на Дадіановскій хребетъ, состоящій изъ глинистыхъ сланцевъ. Какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и здѣсь смѣна материковой породы сразу отразилась на составѣ лѣса. Кромѣ черешни, бука, клена появились снова лавровишня, падубъ, кавказскій чай (Vaccinium Arctostaphylos), плющъ (Hedera helix) и другіе представители вѣчно зеленыхъ растеній, большинство которыхъ избѣгаютъ известковыхъ горъ. Съ постепеннымъ подъемомъ въ горы большее преобладаніе получаетъ букъ и липа, могучіе экземпляры которыхъ покрыты во многихъ мѣстахъ длинными зелеными нитями лишайника—Usnea barbata, и подъ которыми почти

нѣтъ никакой травянистой растительности. По этому почва буковаго лѣса является болѣе бѣдною, чѣмъ въ участкахъ сосноваго и другихъ лѣсовъ. Поднявшись по восточному отрогу Дадіановскаго хребта на высоту $4^1/_2$ т. ф., тропа спускается внизъ футовъ на четыреста къ водопаду, а затѣмъ опять крутыми зигзагами идетъ вверхъ по южному склону хребта. Съ четырехъ съ половиною тысячъ футовъ лѣсъ становится рѣже, снова появляется каштанъ (и притомъ въ полномъ цвѣту въ концѣ іюня, тогда какъ въ Кутаисѣ онъ цвѣтетъ въ маѣ), растущій на высотѣ почти 5000 ф. н. у. м. Послѣдними деревьями, которыми заканчивается здѣсь зона лѣса на 7000 ф., были черешня, кленъ (Acer Trautvetteri), рябина и береза. Изъ кустарныхъ попадались лавровишня, Sorbus subfusca, роза и др. Кромѣ того съ 6000 ф. по открытымъ мѣстамъ и опушкамъ лѣсовъ начинается лугово-альпійская или субъальпійская флора, переходящая постепенно и незамѣтно, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ Кавказа, въ альпійскую, и характеризующаяся чрезвычайно буйнымъ (до двухъ аршинъ) ростомъ травъ. Это было констатировано нами въ слѣдующій день, такъ какъ ночовку мы сдѣлали на 6000 ф. Хвойныхъ растеній по южному склону Дадіановскаго хребта не было, тогда какъ по сѣверному лѣсъ начинается съ 7500 ф. березой, сосной и елью, затѣмъ переходитъ въ лиственный лѣсъ изъ бука, клена и др., но только не имѣетъ представителей вѣчнозеленыхъ деревьевъ. Очевидно, что названный хребетъ, самыя нижнія точки котораго подняты до 8 т. футъ, служитъ для послѣднихъ преградой къ дальнѣйшему распространенію. Немалаго труда составляетъ переходъ чрезъ него и человѣку. Нужна большая опытность и осторожность, чтобы при переходѣ по такимъ крутымъ и неудобнымъ путямъ обошлось все благополучно. У насъ на второй день, когда мы были уже невдалекѣ отъ самой вершины Рокальскаго перевала, случилось обстоятельство, окончившееся весьма печально для лошади и, къ счастью, совершенно безвредно для всадника. Нашъ охотникъ г. П., садясь на лошадь, зацѣпился за бурку, нехорошо привязанную къ сѣдлу, вслѣдствіе чего лошадь, находясь на крутомъ спускѣ, споткнулась, не удержалась на нижней тропинкѣ и полетѣла кубаремъ по склону внизъ, вмѣстѣ съ всадникомъ. Два раза всадникъ былъ то подъ лошадью, то сверху ея, пока случайно не отскочилъ въ сторону и не зацѣпился за кустарники; лошадь-же скатилась внизъ футовъ на полтораста, переломала себѣ всѣ ноги и пробила голову. Сѣдло тоже раскрошилось въ дре-

безги, даже ружье, бывшее на спинѣ у г. П., погнулось. Самъ-же онъ отдѣлался испугомъ и легкой царапиной на пальцѣ руки. Нужно замѣтить, что лошадь была не мѣстная, а собственная у г. П., купленная имъ во Владикавказѣ за 200 р., и принадлежала къ породистымъ карабахскаго завода. Бѣдное животное пришлось застрѣлить, чтобы прекратить его страданія. Дорога по сѣверному склону Рокальскаго перевала во многихъ мѣстахъ до того крута и неудобна, что только сильная усталость заставляетъ сидѣть въ сѣдлѣ и въ тѣхъ случаяхъ, какъ несчастная лошадь на крутыхъ спускахъ, кряхтя и напрягаясь всѣми мускулами, старается сдѣлать внизъ нѣсколько шаговъ такъ, чтобы не полетѣть вмѣстѣ съ своимъ сѣдокомъ въ пропасть.

Въ 4 часа дня мы были въ одномъ изъ самыхъ верхнихъ обществъ Дадіановской Сванетіи, Лашкеты, расположенномъ на 4 т. ф., на верхнемъ теченіи Цхенис-цхали.

Впрочемъ, оставаться здѣсь долго намъ не пришлось, такъ какъ это не входило въ планъ профессора Краснова. Неблагопріятная погода препятствовала производить экскурсіи, пришлось два дня провести безотлучно подъ липою-великаномъ, которая по своему гигантскому росту превышаетъ все, что пришлось видѣть до сихъ поръ изъ царства растеній въ этомъ родѣ. Исторически извѣстный гигантъ-чинаръ Имеретинскихъ царей, находящійся во дворѣ Кутаисской гимназіи, а также священная липа села Лайлаши, въ дуплѣ которой помѣщается пять человѣкъ, уступаютъ по величинѣ сванетской липѣ. Послѣдняя имѣетъ въ обхватѣ почти 30 футъ, на высотѣ одного аршина отъ земли, въ самомъ узкомъ мѣстѣ. Шатеръ, занимая 30 аршинъ въ діаметрѣ, представляетъ такую густую листву, что въ сильнѣйшій дождь земля остается едва смоченной.

Кромѣ липы здѣсь пришлось встрѣтить очень большихъ размѣровъ ясень, діаметръ котораго равенъ 13 футамъ, 10 дюймамъ. Необходимо замѣтить, что высота мѣстности, на которой здѣсь растутъ эти деревья, около 4100 ф. надъ уровнемъ моря, то есть такая, что на ней въ ста двадцати верстахъ отсюда на сѣверномъ склонѣ Кавказа, напр. на Бештау, уже совсѣмъ не могутъ расти эти деревья, а встрѣчаются лишь небольшіе кустарники березы. На третій день экспедиція вновь выступила въ походъ чрезъ Сванетскій хребетъ по Латпарскому перевалу. Въ первый день мы поднялись почти до границы лѣсной растительности, до 7000 ф. н. у. м., гдѣ и остановились на ночлегъ, а 28-го, съ 8 часовъ утра

до часу дня достигли вершины перевала, почти на 9500 ф., съ котораго, начиная съ 3 часовъ дня до вечера успѣли спуститься въ общество Кальское, находящееся на Ингурѣ, въ Вольной Сванетіи, на высотѣ около 5200 ф.

Изъ всѣхъ горныхъ округовъ Кавказа Вольная Сванетія характеризуется своей обособленностью. Рѣка Ингуръ, по которой она расположена, какъ и большинство другихъ значительныхъ рѣкъ Кавказа, въ верховьѣ имѣетъ долину болѣе широкую, чѣмъ въ среднемъ и нижнемъ теченіи. Здѣсь, въ среднемъ теченіи, бока Ингура сближаются до нѣскольких десятковъ сажень и стоятъ отвѣсно утесами въ одну или двѣ тысячи футъ высоты надъ уровнемъ моря, сопровождая Ингуръ на нѣсколько (до 7) десятковъ верстъ. Вслѣдствіе этого доступъ въ Верхнюю Сванетію возможенъ не по руслу ея рѣки—Ингура, какъ это бываетъ въ другихъ мѣстахъ кавказскихъ, а непосредственно чрезъ гребни ея параллельныхъ кряжей, изъ которыхъ южный—болѣе низкій (въ 8—10 т. ф.) и короткій, а сѣверный—болѣе высокій (въ 12—13 т. ф.) и длинный. Высота средняго колеблется между 9—12 т. ф. По Ингуру, въ самомъ верховьѣ, находится „Вольная Сванетія", нѣсколько ниже—Дадишкиліановская Сванетія. Обѣ онѣ имѣютъ въ длину около 60 верстъ, а въ ширину не болѣе 25 верстъ. Слово ширина выражаетъ здѣсь разстояніе отъ линіи гребня Кавказскаго Главнаго хребта до линіи гребня Сванетскаго хребта. Дно-же этой долины чаще всего имѣетъ ширину всего въ 3—4 сажени, гдѣ вѣчно шумитъ по грудѣ камней быстрая рѣчка, съ весьма мутною водою. Если смотрѣть съ вершины Латпарскаго перевала на верхнюю Сванетію, то она кажется глубокою продольной котловиной съ безчисленнымъ множествомъ поперечныхъ долинъ и ущелій, изъ которыхъ каждая начинаетъ ледникомъ на Главномъ хребтѣ Кавказскихъ горъ. Очень часто ледники въ видѣ гигантскихъ бѣлыхъ языковъ спускаются въ верховье долины довольно низко, всего на 8000 ф. и даже на 7500 ф., т. е. на тысячу и полторы тысячи футъ ниже той полосы въ горахъ, до которой достигаютъ кустарники рябины, березы, рододендрона, не говоря уже о свѣтло зеленой муравѣ альпійскихъ луговъ, поднимающихся по склонамъ горъ до 9000 ф. Рѣже снѣжная линія оканчивается не ледниками, а снѣжными наносами и обвалами, спускающимися тоже очень низко по узкимъ долинамъ. И наконецъ еще рѣже въ главной или боковыхъ цѣпяхъ горъ

торчатъ голые утесы или отвѣсныя скалы изверженныхъ породъ или глинистыхъ сланцевъ. Послѣдніе образуютъ Сванетскій и Дадіановскій кряжи горъ. Вся полоса отъ высоты 7500 ф. до русла рѣки обыкновенно покрыта лѣсомъ, при чемъ на южныхъ и западныхъ склонахъ преобладаетъ чернолѣсье, а на сѣверныхъ и восточныхъ хвойныя деревья. Кромѣ того, есть участки лѣсовъ смѣшанныхъ. Но иногда попадаются участки у русла рѣки почти отлогіе или слабопокатые, въ 400—500 квадр. сажень, не занятые лѣсомъ. Тутъ-то и ютятся сванетскія общества, состоящія обыкновенно изъ нѣсколькихъ селъ, или отдѣльныхъ домовъ. Тутъже, въ особенности на южныхъ склонахъ находятся посѣвы, пахотныя поля и сѣнокосныя луга. Часто села отстоятъ отъ ледниковъ всего на 3—4 версты, будучи сами расположены на 6000 ф. н. у. м. Такова высота обществъ Ушкульскаго, Мужальскаго и Чубихеви. Другія общества расположены ниже, но вообще говоря не ниже 3500 ф. (Эцери). Само собою понятно, что всякое пониженіе мѣстности на тысячу и пять сотъ футовъ дѣлаетъ ее болѣе пригодною для обитанія. Если-же при этомъ данная мѣстность бываетъ доступная болѣе продолжительному въ теченіе дня дѣйствію лучей солнца, то тѣмъ лучше, потому что при существованіи этихъ двухъ условій увеличиваются шансы на вызрѣваніе пшеницы и другихъ хлѣбовъ. Впрочемъ главнымъ хлѣбнымъ злакомъ здѣсь является ячмень. Изъ него печется хлѣбъ съ примѣсью только иногда ржаной и пшеничной муки, или бобовъ и сыра. Рожь, засѣваемая обязательно всякимъ сванетомъ, идетъ преимущественно на приготовленіе араки (слабая водка съ обиліемъ сивушнаго масла), до которой сванеты большіе охотники. Въ большинствѣ случаевъ физическія условія крайне неблагопріятны для ея обитателей. Большинство обществъ помѣщается въ такихъ тѣснинахъ между горъ, что съ перваго взгляда кажется, что нѣтъ никакой возможности ни спуститься къ нимъ съ высоты, ни подняться отъ нихъ на свѣтъ Божій. Солнечный лучъ проникаетъ въ такія узкія котловины лѣтомъ не ранѣе 8—9 часовъ утра и освѣщаетъ ихъ только до 4—5 часовъ вечера. А что̀ дѣлается здѣсь зимою или въ пасмурную погоду, трудно представить себѣ. Сванеты въ зимнее время прекращаютъ всякія сношенія съ остальнымъ міромъ. Даже отдѣльныя общества остаются изолированными отъ сосѣдей, будучи прикрыты въ своихъ долинахъ глубокимъ слоемъ снѣга. Если въ лѣтнее время цивилизованному человѣку кое-какъ еще можно путешествовать здѣсь верхомъ по

крутымъ тропинкамъ и неудобнымъ дорожкамъ, то зимой даже сами сванеты не рѣшаются пускаться въ путь иначе какъ пѣшкомъ, придерживаясь по возможности кряжей горъ, изъ боязни быть засыпанными въ долинахъ снѣжными обвалами и заносами. За то при спускахъ съ крутыхъ склоновъ по снѣгу они обыкновенно садятся на бурку или овчинную шкуру, съ которыми рѣдко когда разстаются даже въ теченіе лѣта, и быстро ползкомъ съѣзжаютъ внизъ.

О климатѣ Сванетіи трудно составить себѣ опредѣленное понятіе. Непосредственныхъ точныхъ наблюденій нигдѣ нѣтъ, разсказы же сванетовъ о суровости зимы и сырости лѣта самые разнообразные. Зима бываетъ очень продолжительная и глубокоснѣжная, но безъ большихъ холодовъ; лѣто дождливое.

III.

Сванеты.—Ихъ умственный складъ и бытовыя особенности.

Всѣ сванеты мелки, невзрачны и некрасивы. Тоже можно сказать и о женщинахъ: ни физіономіи, ни живости, ни дородства. Выраженіе лица безучастное, тупое. Нужно замѣтить, что женщина здѣсь пользуется хорошимъ положеніемъ въ семьѣ и обществѣ. Она не закрываетъ своего лица, какъ это дѣлается въ Грузіи, не потупляетъ стыдливо взора или не отворачивается отъ мужчинъ при встрѣчѣ, какъ въ Кабардѣ и татарскихъ обществахъ Сѣвернаго Кавказа. Дома и на полѣ она работница, наравнѣ съ мужемъ. На сельскомъ сходѣ она участвуетъ наравнѣ со всѣми мужчинами; общественныя повинности отбываетъ какъ представитель семьи, вмѣсто мужа или брата. Для доказательства достаточно привести два факта. Въ Ушкульскомъ обществѣ при нашемъ проѣздѣ одна сванетка подошла къ мужу, положила свою руку на его плечо и въ такой безъискуственной позѣ провожала глазами нашу кавалькаду; затѣмъ что-то сказала ему, указывая на плакавшаго ребенка. Мужъ поднялъ послѣдняго и отправился въ домъ, тогда какъ жена присѣла къ сосѣдкамъ на улицѣ. Въ другомъ мѣстѣ старая сванетка была погонщицей быковъ при перевозкѣ нашего багажа на саняхъ. Да не подумаетъ читатель, что нашъ багажъ пришлось везти по снѣгу: нисколько! между нѣкоторыми селами и обществами существуетъ сообщеніе на саняхъ.

лѣтомъ по обыкновенной землѣ, что̀ въ горахъ удобнѣе, чѣмъ на колесахъ. Въ горахъ Грузіи для этой цѣли существуютъ особаго устройства арбы съ двумя очень маленькими колесами, сдѣланными изъ цѣльнаго круга отъ двухвершковой доски. Спереди ящикъ арбы упирается на полозья; выходитъ, слѣдовательно, экипажъ, похожій на арбу и сани. Сванеты упростили его, превративъ въ маленькія сани, состоящія изъ двухъ тонкихъ полозьевъ и мелкой плетеной изъ хвороста корзины. Въ такихъ саняхъ удобнѣе перевозить тяжелыя вещи, при чемъ при перевозкѣ сзади багажа всегда слѣдуетъ отдѣльный человѣкъ съ шестомъ въ рукахъ, чтобы придерживать и направлять ихъ вдоль узкой и покатой тропы.

Но возвращаюсь къ сванеткамъ. Выходятъ замужъ онѣ очень рано—въ 13 и даже 12 лѣтъ; мужчины женятся на шестнадцатомъ году. Женитьба совершается безъ принужденія. Женихъ можетъ взять невѣсту къ себѣ домой съ малыхъ лѣтъ, но вступаетъ съ съ нею въ связь послѣ бракосочетанія. Онъ обыкновенно платитъ выкупъ отцу невѣсты натурою: коровой, лошадью или овцами. Невѣста приноситъ домашнюю утварь. Прежде въ приданое давали навозъ, который здѣсь имѣетъ весьма важное значеніе для удобренія полей. Теперь, надо полагать, это не практикуется. Въ старину выкупъ за невѣсту былъ значительно дороже, такъ какъ женщинъ было мало и дѣвочекъ нерѣдко, какъ говорятъ, убивали при рожденіи. Теперь всюду перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами *), и удивляться нужно, почему и до сихъ поръ существуетъ такой цѣнный выкупъ за невѣсту. Это было понятно въ то время, когда въ „Вольную“ Сванетію бѣжали, какъ въ нашу Малороссію, разные холостые молодцы и недовольные женатые изъ Грузіи, Абхазіи, Кабарды и пр. Но теперь, очевидно, это держится пока въ силу обычая. Чтобы покончить съ женщинами, слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о ихъ костюмѣ. Значительное большинство сванетокъ, въ особенности молодыхъ, носятъ въ праздникъ костюмъ европейскій, или смѣшанный, именно: кофточку, короткую юбку и штаны подъ нею, а на головѣ платочекъ. Но кромѣ этого костюма часто можете встрѣтить на сванеткѣ такое одѣяніе: на тѣлѣ надѣта нижняя рубаха, видная на груди, обыкновенно не-

---

*) Мнѣніе это не подтверждается народными переписями 1873 и 1886 годовъ (См. изд. Кавк. и Закавк. Статист. Ком.).

Ред.

мытая съ тѣхъ поръ, какъ она надѣта, и неснимаемая, пока не износится и окончательно не разлѣзется. Сверху рубахи надѣто черное платье или, вѣрнѣе, халатъ, имѣющій большую вырѣзку спереди и распоротый до низу, а сзади расширенный и складчатый. Рабочій костюмъ часто состоитъ изъ одной длинной рубахи и платка. На праздничномъ костюмѣ нерѣдко замѣтна вышивка золотою и серебряною тесьмою, работы черкешенокъ Сѣвернаго Кавказа. Ткани костюмовъ во всякомъ случаѣ простыя и дешевыя.

Говоря о внѣшней и физической сторонѣ сванетовъ и сванетокъ, нельзя не упомянуть объ одномъ уродствѣ, которое приходится встрѣчать здѣсь часто, это зобастость,—наростъ, иногда въ дѣтскую голову, пониже кадыка на шеѣ. Въ зобъ выростаетъ у нихъ особая щитовидная железа, существующая у всякаго человѣка, но съ возрастомъ у другихъ атрофирующаяся. Развивается зобъ у сванетовъ, по мнѣнію, распространенному на Кавказѣ, отъ воды. Съ такимъ мнѣніемъ, конечно, трудно согласиться, потому что присутствіе зоба сопровождается нерѣдко кретинизмомъ, а кретины, какъ извѣстно, встрѣчаются въ гористой части многихъ странъ, какъ Альпы и др. Очевидно, что не однѣ воды Ингура съ притоками и Цхенис-цхали играютъ здѣсь роль въ происхожденіи зоба. Вся суровая природа, совокупностью всѣхъ своихъ силъ, а также экономическія и бытовыя особенности обществъ служатъ тому причиною. Этотъ вопросъ, весьма спорный и интересный, до сихъ поръ мало изслѣдованъ съ антропологической точки зрѣнія. Правда, въ настоящемъ году сюда пріѣзжалъ докторъ Ольдерогге для этой цѣли, но онъ пробылъ здѣсь всего около двухъ недѣль и не много успѣлъ детально осмотрѣть обществъ; такъ онъ ограничился, кажется, только осмотромъ Дадишкиліановской Сванетіи и нижней части Вольной до общества Кальскаго. На этомъ пространствѣ ему удалось освидѣтельствовать до 600 кретиновъ и зобатыхъ индивидуумовъ. Нашъ проводникъ, служившій въ Сванетіи три года въ званіи фельдшера, утверждаетъ, что здѣсь зобатыхъ не менѣе 1000 душъ, *) но ихъ проѣздомъ рѣдко удается видѣть, такъ какъ обыкновенно такіе субъекты избѣгаютъ встрѣчи съ незнакомыми и посторонними людьми.

*) Всѣхъ сванетовъ считается около 14 тысячъ душъ, слѣдовательно четырнадцатый здѣсь зобатый.

И дѣйствительно, во время нашего проѣзда намъ рѣдко попадались такіе уроды, а между тѣмъ г. Ольдерогге имѣлъ возможность видѣть 600 душъ, благодаря тому, что онъ ихъ искалъ, имѣя оффиціальное распоряженіе къ старшинамъ обществъ отъ кутаисскаго начальства на этотъ счетъ. Въ Дадіановской Сванетіи, въ обществѣ Лашкеты, мы видѣли двухъ зобатыхъ и одну глухонѣмую женщину идіотку. Величина зоба у одного была поразительная. Г. Ольдерогге говоритъ, что ему приходилось наблюдать размѣры въ 67 сантиметровъ (15 вершковъ) при измѣреніи чрезъ всю шею и зобъ; видѣнный нами субъектъ имѣлъ наростъ, вѣроятно, не меньшихъ размѣровъ. Далѣе г. Ольдерогге свидѣтельствуетъ, что кретинизмъ въ настоящее время преобладаетъ между молодымъ поколѣніемъ, и что, слѣдовательно, вырожденіе племени сванетовъ быстро подвигается впередъ. Изслѣдователь приписываетъ это обильному употребленію араки молодежью. Онъ говоритъ, что видѣлъ пьяными четырехъ-лѣтнихъ дѣтей и даже знаетъ случай опаиванія аракой грудныхъ младенцевъ. Вопросъ о вырожденіи сванетовъ, во всякомъ случаѣ, настолько интересный и сложный, что надъ разрѣшеніемъ его прійдется серьезно поработать еще не одному изслѣдователю. Да и вообще здѣсь не мало работы спеціалистамъ разнаго рода. Такъ, напр., намъ говорили, что въ какомъ-то селѣ близъ Чубихеви есть лица, зараженныя настоящей проказой. Нашъ переводчикъ, по профессіи фельдшеръ, то же передававшій намъ объ этомъ, прибавилъ, что будто на него возложено порученіе подробно ознакомиться съ распространеніемъ этой болѣзни въ чубихевскомъ сельскомъ обществѣ.

Посмотримъ теперь, каковы особенности сванетовъ со стороны ихъ духовнаго развитія.

Сообразительность сванетовъ очевидно невелика. Это видно, напримѣръ, изъ того, что всякій разъ, когда нашему переводчику приходилось платить общую сумму нѣсколькимъ сванетамъ, ему немалаго труда стоило растолковать, сколько именно долженъ былъ получить каждый изъ нихъ за услуги намъ. При этомъ почти всегда сванеты поднимали между собою крикъ и споръ и успокаивались только тогда, когда, усѣвшись на дорогѣ, производили разсчетъ по камышкамъ. Далѣе, во многихъ обществахъ существуетъ обычай, по которому разъ оцѣненный предметъ сохраняетъ одну и туже стоимость, не смотря на разные размѣры. Такъ его, напр., и крупный баранъ и почти ягненокъ въ обществѣ Бечо продается за 3 рубля, и курица и цыпленокъ—по 20 коп. Въ

другомъ мѣстѣ съ насъ просили по 4 рубля за двухъ различныхъ по величинѣ барановъ. Вотъ почему, служащіе, мѣстные обыватели, которымъ приходится покупать провизію, крайне недовольны, когда пріѣзжіе господа, въ особенности англичане-альпинисты, даютъ большія суммы за извѣстные продукты. Сванетъ ни разсуждаетъ, ни примѣняется къ обстоятельствамъ, а разъ продавъ вещь за извѣстную плату, вторично требуетъ ее или отказывается продать, хотя бы привезъ вещь для продажи.

Религіозныя воззрѣнія сванетовъ крайне оригинальны. Кажется, нѣтъ на Кавказѣ народа, который былъ бы менѣе ихъ религіозенъ. Собственно говоря, всѣ они считаются христіанами православнаго исповѣданія, по существу-же—христіанства, да еще православнаго, у нихъ очень мало. Начать съ того, что они не крестятся и не имѣютъ въ своихъ домахъ никакихъ иконъ. Рѣдко кто изъ нихъ посѣщаетъ богослуженія въ церквахъ, а женщины по требованію обычая совсѣмъ не подходятъ къ церкви на близкое разстояніе. Только разъ въ жизни позволительно женщинѣ быть въ церкви,—это когда она стоитъ подъ вѣнцомъ. Существованіе такого обычая тѣмъ болѣе непонятно, что женщина здѣсь, какъ сказано, болѣе равноправна, чѣмъ у другихъ народовъ Кавказа.

При насъ въ обществѣ Ушкульскомъ въ Вольной Сванетіи совершался обрядъ жертвоприношенія. Это бываетъ здѣсь разъ въ году, въ первое воскресенье послѣ Петрова дня. Происхожденія этого обряда намъ не объяснили; совершался же онъ такимъ образомъ: въ 10 ч. утра процессія изъ нѣсколькихъ мужчинъ и 9—10 женщинъ, разодѣтыхъ по праздничному, прослѣдовала изъ сосѣдняго села мимо нашей квартиры въ древнюю церковь Богоматери. По преданію, въ этой церкви похоронена царица Тамара, зàмокъ которой стоитъ тутъ-же на вершинѣ горы, въ разстояніи двухъ верстъ. Въ Сванетіи какъ и въ Грузіи имя Тамары очень популярно. Въ процессіи каждый несъ низкій столикъ, а на немъ толстый свѣжеиспеченный чурекъ изъ ячменной муки съ сыромъ. Не дойдя на разстояніе квартала до церкви, женщины остановились, передали свои ноши мальчикамъ, которые вмѣстѣ съ мужчинами отнесли приношенія къ церковной оградѣ и поставили ихъ здѣсь въ рядъ. Раньше еще здѣсь мужчины убивали и потрошили животныхъ: барановъ, телятъ и ягнятъ. Когда мы подъѣхали къ оградѣ, двухъ-трехлѣтнюю телку рѣзали на части, тащили хворостъ для костра, несли новые столики, дѣти тащили

промытые въ ручьѣ потроха,—словомъ, шли приготовленія. Въ полдень, намъ сказали, позовутъ священника, который прочтетъ молитву и затѣмъ принесенное будетъ съѣдено присутствующими. Не знаю, что будутъ дѣлать въ это время женщины: будутъ-ли онѣ сидѣть до вечера вдали отъ трапезы или разойдутся. Но во всякомъ случаѣ, какъ мнѣ сказали, въ самой трапезѣ онѣ никогда не принимаютъ никакого участія, въ силу обычая. Сванеты въ теченіе своей жизни никогда не говѣютъ. Только передъ смертію каждый зоветъ священника для совершенія Исповѣди и Св. Причастія. Недавно духовенство распорядилось, чтобы изъ каждаго дома въ теченіе Великаго поста хотя одинъ совершалъ обрядъ говѣнія. Вообще обрядовая сторона христіанства здѣсь въ загонѣ. Иконъ не только въ домахъ нѣтъ, но ихъ весьма мало и въ сванетскихъ церквахъ. Послѣднія по своей архитектурѣ ничего не имѣютъ общаго съ представленіемъ русскаго о церкви. Сванетскія церкви—это каменныя постройки размѣромъ не болѣе желѣзнодорожныхъ будокъ, часто шести- или восьми-гранныя, безъ оконъ, а съ очень узенькою щелью на восточной сторонѣ и маленькою дверью на западѣ. Даже крестъ не всегда стоитъ на такой миніатюрной и въ тоже время запущенной полуразвалившейся постройкѣ. О колокольнѣ и колоколахъ и помину нѣтъ. Всѣ сванетскіе храмы очень древніе, какъ древне здѣсь и христіанство. Но, какъ видно уже изъ сказаннаго, то и другое не прогрессируетъ со времени возникновенія; напротивъ, своеобразныя и исключительныя условія жизни измѣняли первоначальныя учрежденія по своему. Каждый бѣглецъ въ Сванетіи вносилъ въ ея коренное населеніе что-нибудь свое собственное и если не уничтожалъ, то въ сильной степени ослаблялъ вліяніе мѣстнаго воззрѣнія. Этимъ, между прочимъ, объясняется, почему сванеты болѣе другихъ народностей Кавказа, какъ сказано ранѣе, индефферентны къ религіознымъ вопросамъ. Будучи христіанами, они въ то же время празднуютъ въ недѣли, кромѣ воскресенья, субботу, пятницу и понедѣльникъ. Слѣдовательно, магометанская и іудейская религія тоже оставили слѣды. Не смотря на это, представители сванетовъ утверждаютъ, что народъ ихъ охотнѣе входитъ въ житейскія сношенія съ русскими, какъ христіанами, чѣмъ съ черкесами—магометанами, или евреями. Съ магометанами, обитающими на Сѣверномъ Кавказѣ, у сванетовъ существуетъ исконная вражда. Исторически даже извѣстно, что нѣкогда черкесскія племена были въ вассальномъ отношеніи къ сванетамъ,

а раньше, быть можетъ, составляли особыя сванетскія общины. Въ верховьяхъ Кубани существуютъ, по словамъ г. Стоянова, остатки сванетскихъ построекъ и сванетскихъ храмовъ. Если это такъ, то надо полагать, что распространившееся на Сѣверномъ Кавказѣ магометанство было принято и бывшими здѣсь сванетами, которые вѣроятно и образовали особыя черкесскія общины. Что-же касается іудейства, то слѣды его въ Сванетіи остались въ двухъ общинахъ Дадишкиліановской Сванетіи. Съ этими общинами остальные сванеты не входятъ въ сношенія, хотя еврейскаго въ нихъ, кромѣ физіономіи и основныхъ чертъ характера, по словамъ г. Стоянова, очень мало. Языкъ, религія, нравы и обычаи—все теперь уже сванетскіе.—Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о сванетскихъ постройкахъ, почему-то пріобрѣтшихъ въ литературѣ славу оригинальныхъ и характерныхъ только для Сванетіи. Для меня-же остается невыясненнымъ вопросъ: кто у кого перенялъ постройку высокихъ четырехъ-угольныхъ башенъ—сванеты ли у осетинъ, или осетины у сванетовъ, или-же, наконецъ, тѣ и другіе у грузинъ. Несомнѣнно, что характеръ постройки не только этихъ башенъ, но и остальныхъ помѣщеній совершенно одинаковъ какъ у осетинъ, такъ и у сванетовъ. Достаточно видѣть одно село осетинъ въ верховьяхъ Ардона, что-бы утверждать это. Даже общій видъ села въ Осетіи и Сванетіи одинъ и тотъ-же. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, вы видите небольшую крѣпость, въ которой вдоль наружныхъ стѣнъ, а также и въ срединѣ, находится много очень высокихъ башенъ съ узкими щелями (бойницами) въ стѣнахъ. Рядомъ съ башней находится небольшое двухъ-этажное *) зданіе для жилья, тоже съ однимъ или двумя небольшими отверстіями (окнами) и съ входной дверью, къ которой ведетъ каменная или деревянная лѣстница, приставленная снаружи. Какъ всѣ постройки, такъ и башни сложены изъ камня—глинистаго слапца—болѣе или менѣе правильной формы; въ Сванетіи, онѣ хорошо цементированы, а въ Осетіи же иногда кладка произведена безъ цемента. Часто отдѣльные дворы стоятъ внѣ общаго расположенія села, внѣ крѣпости. Такіе дворы тоже состоятъ изъ башни и одной-двухъ пристроекъ къ ней для жилья. Въ нѣкоторыхъ общинахъ Сванетіи, какъ напр. Ушкульскомъ, Мулахскомъ, каждый дворъ имѣетъ свою башню и большинство башенъ ошту-

*) Въ верхнемъ этажѣ живутъ лѣтомъ, въ нижнемъ содержится скотъ, зимой-же живутъ въ нижнемъ вмѣстѣ со скотомъ.

катуреныхъ известью; въ другихъ общинахъ башенъ меньше, чѣмъ дворовъ. Во всѣхъ-же—часто можно видѣть башни, полуразрушенныя; да и въ тѣхъ, которыя снаружи хорошо сохранились, внутри нѣтъ теперь ходовъ наверхъ. Вообще-же башни въ Сванетіи въ настоящее время представляютъ остатокъ старины, и новые хозяева, устраивая свои дома, охотно обходятся безъ нихъ, такъ какъ теперь нѣтъ необходимости жителямъ искать защиты въ башнѣ при нападеніи непріятеля на общество. Въ осетинскихъ селахъ башенъ теперь значительно меньше, чѣмъ въ сванетскихъ, что можно объяснить тѣмъ, что въ Осетіи давно миновала въ нихъ надобность и что башни сложены здѣсь изъ легко вывѣтривающихся плитъ глинистаго сланца, мало или совсѣмъ не цементированныхъ. Предоставляя мѣстнымъ историкамъ рѣшеніе вопроса о томъ, кому принадлежитъ честь изобрѣтенія этихъ башенъ—сванетамъ ли, осетинамъ, или грузинамъ, я долженъ еще обратить вниманіе спеціалистовъ на то, что сванетскія башни не могутъ быть болѣе древняго происхожденія, чѣмъ сванетскія церкви. Послѣднія-же, распространившіяся по всему Кавказу въ періодъ цвѣтущаго состоянія Грузіи, напоминаютъ собою по архитектурѣ церкви грузинскія. Что башни болѣе древни, чѣмъ храмы, объ этомъ есть указанія въ сванетской литературѣ. Извѣстный изслѣдователь сванетской поэзіи, г. Ниджерадзе, передавалъ въ нашемъ присутствіи профессору Краснову содержаніе одной сванетской пѣсни о движеніи Ушкульскаго ледника. Въ пѣснѣ говорится, что ледникъ, отстоящій теперь отъ Ушкульской общины на разстояніи 4—5 верстъ, однажды двинулся внизъ по теченію Ингура, дошелъ до монастыря и храма Богоматери *), но отсюда повернулъ въ сторону: „Владычица не допустила разрушить“, говоритъ народъ. Ледникъ снесъ всѣ дворы и постройки Ушкуля и произвелъ опустошенія далеко по теченію рѣки. Въ память этого событія въ названномъ обществѣ существуетъ особое празднество въ честь „ледника“, совершаемое всякій годъ въ началѣ мая. Осмотръ всѣхъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ пѣснѣ, убѣждаетъ въ полной достовѣрности народнаго преданія, освѣщеннаго и закрѣпленнаго религіознымъ обычаемъ, съ дѣйствительностію. Ледниковыя морены видны не только далеко ниже мѣстоположенія Ушкульскаго общества, но и выше его, въ сторонѣ, къ сѣверу.

*) Этотъ храмъ считается древнѣйшимъ въ Сванетіи послѣ храма Кирика (Квирика) и Улиты въ Кальскомъ обществѣ.

Храмъ Богоматери и монастырь древнѣе построекъ и башенъ Ушкульскихъ селъ. Здѣсь-же на горѣ, какъ замѣчено раньше, находится древняя башня царицы Тамары. Эта башня, какъ и другія подобныя, встрѣчающіяся такъ часто на Кавказѣ, и послужили моделью для сванетскихъ башенъ, нужда въ которыхъ появилась въ Сванетіи послѣ упадка Грузинскаго царства и продолжалась долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Кавказа.

Распространяясь такъ долго о сванетскихъ постройкахъ, мы имѣли только въ виду подробнѣе иллюстрировать ту мысль, что у сванетовъ своего самобытнаго очень мало: у нихъ все позаимствовано отъ сосѣдей и, главнымъ образомъ, отъ грузинъ. Даже ихъ празднества, различныя способы увеселеній и танцы,—и тѣ не представляютъ ничего самобытнаго и оригинальнаго. Если справедливо мнѣніе, что по улыбкѣ и смѣху можно дѣлать правильные выводы о душевныхъ свойствахъ человѣка, то, по нашему мнѣнію, по игрѣ и танцамъ народа не менѣе правильно можно заключать о характерѣ и духѣ націи. Въ самомъ дѣлѣ, разудалый камаринскій, краковякъ, лезгинка и др. не характерны-ли для своихъ націй такъ-же, какъ костюмъ, говоръ и другіе признаки? У сванетовъ же танцы такъ просты и невыразительны, какъ безхитростна и безсодержательна вся жизнь ихъ.

Танцы здѣсь, какъ и въ Грузіи, двухъ родовъ: кругъ и въ одиночку. Кругъ составляется изъ мужчинъ, которые, медленно переступая съ мѣста на мѣсто, производятъ однообразныя движенія ногами, отбрасывая ихъ назадъ. Грузины (мы видѣли тоже и у имеретинъ въ Лайлашахъ за обѣдомъ у любезнаго Лечгумскаго уѣзднаго начальника) составляютъ кругъ изъ мужчинъ и женщинъ; всѣ участвующіе быстро скачутъ вправо и влѣво, мужчины при этомъ выдѣлываютъ ногами быстрые и характерные па. Танецъ въ одиночку у сванетовъ нѣсколько напоминаетъ имеретинскую лезгинку по внѣшнимъ пріемамъ, но отличается тѣмъ, что производится порознь одной особой, то мужчиной, то женщиной, которые очень вяло движутся въ кругу хлопающей ладонями въ тактъ публики и совершенно не умѣютъ производить тѣхъ граціозныхъ прыжковъ (мужчины) и плавныхъ красивыхъ движеній (женщины), какія производятся во время лезгинки въ Грузіи. Сванетка держитъ руки во время танца такъ неумѣло, какъ будто онѣ ей мѣшаютъ, тогда какъ красивыя и выразительныя движенія рукъ грузинокъ и имеретинокъ часто приковываютъ къ себѣ вниманіе публики.

Но было-бы крайне односторонне, отрицать у сванетовъ про-

явленіе своего во всемъ. Самобытное у нихъ безспорно есть, и оно проявляется въ рѣчи, въ процессѣ говоренія и въ пѣсняхъ: распространяться объ этомъ здѣсь не мѣсто, и выходитъ за предѣлы нашей компетенціи. Ясно для насъ одно, что языкъ сванетовъ не походитъ ни на одно изъ нарѣчій кавказцевъ. Произношеніе-же словъ характеризуется монотонностью, быстротою и часто одновременностью со стороны двухъ говорящихъ. Кажется, будто вы слышите речитативъ чтеца на клиросѣ въ русской церкви. Высота тона речитатива двухъ говорящихъ сванетовъ зависитъ отъ ихъ возбужденія. Всѣ звуки чистые, мягкіе, горловые, но не губные или зубные.

Что-же касается пѣсенъ, то онѣ тоже не отличаются разнообразіемъ тоновъ и мотивовъ. Обыкновенно запѣвало что-то монотонно, громко и безъостоновочно говоритъ и выкрикиваетъ, а всѣ присутствующіе повторяютъ послѣднія два-три слова или же совершенно особые припѣвы, произнося ихъ протяжно. Куплеты всѣ маленькіе, пѣсни тоже очень короткія.

Впрочемъ желающихъ подробно ознакомиться съ народной поэзіей сванетовъ мы отсылаемъ къ сборнику о Сванетіи *), гдѣ приведены пѣсни въ нотахъ и гдѣ, кромѣ того, находится очень много свѣдѣній по другимъ вопросамъ, относящимся къ этой странѣ.

IV.

Возвращеніе изъ Сванетіи на сѣверъ черезъ Бечоскій перевалъ.—Ледники и флора южнаго и сѣвернаго склоновъ Главнаго хребта.

Трудность путешествія по Сванетіи вслѣдствіе дурныхъ дорогъ, отсутствія помѣщенія при остановкахъ для всей экспедиціи изъ 9 человѣкъ и, главнымъ образомъ, отсуствіе хлѣба, который замѣняется здѣсь полуиспеченными ячменными лепешками (чуреками), были причиною того, что мы рѣшили раздѣлиться на три

*) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изд. Упр. Кавк. Учебн. Окр., вып. X, Тифл. 1890 г.—Томъ этотъ почти весь посвященъ языку и словесности Сванетіи.

партія. Каждая партія, выбравъ себѣ желательный путь, отправилась по немъ къ ближайшему городу или желѣзной дорогѣ. На долю мою и двухъ студентовъ выпало Бечоское общество, въ которомъ мы рѣшили пожить нѣсколько дней и отсюда перевалить чрезъ Главный хребетъ на сѣверъ, въ долину Баксана.

Характеръ мѣстности близъ Бечо сильно отличается отъ того, что̀ мы видѣли до сихъ поръ въ Вольной Сванетіи. Всѣ общины, которыя мы оставили позади себя, обыкновенно расположены значительно выше надъ уровнемъ моря, чѣмъ Бечо, и въ направленіи преимущественно съ востока на западъ, согласно теченіи Ингура. Бечо же находится на довольно значительномъ притокѣ Ингура, Штургѣ, протекающемъ по прямому направленію съ сѣвера на югъ, въ довольно глубокой котловинѣ, дно которой расположено всего на 4000′ надъ уровнемъ моря, а двѣ параллельныя притоку гряды горъ замыкаются на югѣ снѣговою линіею Ляйлы въ Сванетскомъ хребтѣ, на сѣверѣ-же, въ Главномъ хребтѣ, онѣ упираются въ г. Ужбу, поднятую на 15407 надъ уровнемъ моря.

Названіе Ужба по мѣстному будто бы означаетъ чудовище, что̀ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ внѣшнему очертанію этой горы, видимой изъ Бечо почти съ самаго ея основанія. Видъ на нее одинъ изъ рѣдкихъ, но нельзя сказать пріятныхъ. Если при видѣ царственно-величественнаго Эльбруса, или красавца Тетнульда, или даже Казбека вы невольно восхищаетесь правильностью очертанія бѣлоснѣжныхъ конусовъ, то при видѣ Ужбы не приходится испытывать ничего подобнаго; наоборотъ, васъ поражаетъ грубая неправильность въ формѣ раздвоенной вершины, составленной изъ какихъ-то безобразно гигантскихъ и чудовищно дикихъ утесовъ и обрывовъ, обнаженныхъ въ большей своей части отъ снѣга. Эльбрусъ не только восхищаетъ васъ своей правильностью формы, но онъ манитъ васъ къ себѣ своимъ величіемъ. Вы охотно, кажется, предприняли бы восхожденіе на него, если бы это было не такъ трудно. Взбираться же на Ужбу вы не чувствуете ни малѣйшей охоты, потому что издали видна вся безполезность подобнаго опаснаго предпріятія. Тѣмъ не менѣе одному англичанину, вѣроятно безмѣрному любителю сильныхъ ощущеній, захотѣлось во что бы то ни стало взойти на Ужбу. Въ 1888 г. онъ поднимался на нее съ сѣвера, но неудачно; въ 1890 г. онъ снова явился изъ Кутаиса въ Сванетію и хотѣлъ подняться

на нее съ юга. Четыре дня пробылъ на ледникахъ горы, и послѣ невѣроятныхъ усилій дошелъ только, какъ говорятъ, до раздѣла между двумя вершинами горъ; далѣе идти было невозможно, потому что отвѣсные утесы стоятъ всюду стѣною въ нѣсколько сотъ футъ.

Близъ Ужбы со стороны Сванетіи находится много ледниковъ, изъ нихъ ближе и легче другихъ доступный изъ Бечо находится на восточной сторонѣ горы; онъ извѣстенъ подъ именемъ Гульскаго. Конечная морена его спускается до 9000′, боковая, довольно высокая, тянется на нѣсколько верстъ. Вообще по размѣрамъ онъ мало уступаетъ Ушкульскому леднику или Намквамъ, только послѣдній гораздо ниже спускается въ долину верховья Ингура.

Что касается растительности долины Бечо, то она здѣсь болѣе роскошная и разнообразная, чѣмъ въ осмотрѣнныхъ ранѣе пунктахъ Сванетіи. Двѣ параллельныя гряды горъ покрыты до самой вершины лѣсомъ изъ широколиственныхъ породъ, обыкновенныхъ въ Сванетіи; но изъ травянистыхъ формъ здѣсь впервые намъ попались: зимовникъ (Helleborus caucasicus C. K.), хмѣль, жимолость (Lonicera Caprifolium L.) и нѣкоторыя другія; что, въ связи съ присуствіемъ цикадъ (Cicada atra Am.), не встрѣчавшихся раньше въ Сванетіи, свидѣтельствуетъ, что климатъ здѣсь сравнительно болѣе теплый и мягкій, чѣмъ можно было бы ожидать, такъ какъ долина эта съ юга закрыта высокимъ снѣговымъ кряжемъ горъ. Но вѣроятно въ противовѣсъ какъ-бы этому кряжу, присутствіе Ужбы на сѣверѣ защищаетъ глубокую долину отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Это вліяніе защиты особенно рѣзко сказывается на растительности верховья рѣчки Гулагала, на западной сторонѣ Ужбы, по Бечоскому перевалу, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Теперь-же приступимъ къ описанію нашего пути по этому перевалу.

На всѣхъ картахъ Кавказа Бечоскій перевалъ неправильно называется Гульскимъ,—неправильно потому, что урочище Гуль и Гульскій ледникъ, какъ сказано, на востокѣ отъ Ужбы. Но по этому направлеоію изъ Бечо на сѣверъ нѣтъ никакого пути, между тѣмъ сванеты изъ Бечо переходятъ въ долину Баксана по западной сторонѣ, и хотя проводники называютъ этотъ путь, на основаніи словъ путешественниковъ, Гульскимъ перевапомъ, но на своемъ языкѣ они именуютъ его Бечоскимъ, а жители Баксана, урусбіевцы, называютъ его еще перевапомъ Юсенги, по имени

рѣчки, впадающей справа въ Баксанъ, и ледника Юсенги или Чиберскаго.

Предварительныя свѣдѣнія, полученныя нами объ этомъ перевалѣ въ Бечо, были крайне неяснаго и неточнаго характера. По словамъ нашего проводника, весь путь можно сдѣлать очень быстро, не болѣе какъ въ полтора дня. „Выѣхавъ послѣ обѣда изъ Бечо, говорилъ онъ, мы переночуемъ въ лѣсу, отпустимъ лошадей, утромъ дойдемъ до крутой горы, и взойдя на нее пораньше, перейдемъ ледники, а затѣмъ уже—спускъ и Баксанъ.“ Далѣе онъ старался увѣрить насъ, что опасности по этому пути нѣтъ никакой, что сванеты чрезъ этотъ перевалъ всегда гонятъ скотъ, пріобрѣтаемый ими на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта, и что для вещей мы должны взять носильщиковъ. На основаніи этихъ свѣдѣній мы 8-го іюля подъ вечеръ, въ числѣ 11 человѣкъ, двинулись въ путь, пока верхами. Чрезъ два часа пошелъ дождь, заставившій насъ остановиться на ночлегъ раньше, чѣмъ достигнуть былъ лѣсъ, въ развалинахъ стараго сванетскаго храма. На утро, съ 4-хъ часовъ, двинулись въ путь, а чрезъ два часа пришлось переходить въ бродъ рѣчку, вытекающую неподалеку изъ-подъ ледника Ужбы. Высота мѣстности около 6000′, температуры воды $1,_{6}°$ Ц.; въ эту-то воду и пришлось погрузиться нашимъ носильщикамъ, заботясь при переходѣ о томъ, какъ бы не быть опрокинутымъ бушующимъ потокомъ. Мы не безъ труда перебрались чрезъ него на лошадяхъ, которыхъ тутъ-же отпустили, а сами продолжали путь пѣшкомъ по грудѣ камней, то взбираясь на возвышенія, то опускаясь въ углубленія.

Тропа долгое время шла по лѣсу, среди интересной растительности изъ смѣшанныхъ лѣсныхъ породъ, хвойныхъ и широколиственныхъ, между которыми вновь встрѣтились: лавровишня, видѣнная нами въ послѣдній разъ на горномъ склонѣ Сванетскаго хребта, кавказскій чай—(Vaccinium Arctostaphylos L.) и рѣдкія на Кавказѣ: смородина,—Rubus hirtus W., вороньи ягоды (Actaea spicata L.), высокая лапчатка—Potentilla elatior Schl., Psoralea acaulis Stev., пурпурный мытникъ (Pedicularis atropurpurea L.), Linnaea borealis Gronov., Digitalis ciliata Stev. и мн. др. Характерно то, что ни одинъ изъ этихъ видовъ не встрѣчается на пути къ Гульскому леднику, по восточной сторонѣ Ужбы, при равныхъ условіяхъ высоты мѣстности. Кромѣ того, здѣсь, по Бечоскому перевалу, взяты совершенно новые виды изъ семействъ

лютиковыхъ и зонтичныхъ; вообще же флора этой мѣстности, находясь подъ защитой Ужбы, представляетъ много самостоятельнаго и оригинальнаго. Лѣсъ оканчивается на высотѣ 6500′ лавровишнею и березой, тогда какъ въ другихъ пунктахъ Главнаго хребта со стороны Сванетіи древесная растительность поднимается значительно выше; здѣсь-же только отдѣльные экземпляры березы поднимаются до 7200—7300′. Отъ конца лѣса идутъ роскошныя высокорослыя травы до зарослей рододендрона, восходящаго, какъ и въ другихъ сванетскихъ мѣстахъ, до 9000′.

Медленно подвигаясь впередъ, мы къ 11 часамъ вышли изъ лѣса и, пройдя еще версты 3—4, достигли поворота тропы вправо въ боковое ущелье, на высотѣ 7000′, гдѣ и порѣшили сдѣлать остановку на весь конецъ дня, въ виду утомленія, которое испытывали, а также въ виду того, что ясно было, что мы не успѣемъ въ этотъ день совершить переходъ чрезъ Главный хребетъ. Наша остановка была всего въ 2—3 верстахъ отъ ледника, довольно значительныхъ размѣровъ, ледника перваго разряда, хотя онъ до сихъ поръ остается неописаннымъ. Очевидно, онъ долженъ быть названъ ледникомъ Гулагала, по имени рѣчки и ущелья, въ которое онъ спускается съ вершины бокового отрога, отходящаго къ югу отъ Главнаго хребта. Морена его оканчивается приблизительно на 7600—8000′. Отъ конца морены въ 3—4 верстахъ онъ развѣтляется на два рукава, которые постепенно поднимаются къ верху на самый отрогъ. Длина его не менѣе 7 верстъ, подъемъ довольно слабый, поле льда совершенно чистое, безъ значительныхъ трещинъ и воронокъ. Къ главной моренѣ съ юго-запада и юга спускаются морены еще трехъ ледниковъ второго разряда, такъ что въ общемъ весь западный и южный горизонтъ ущелья представляетъ полукругъ изъ ледниковъ или ледниковый циркъ. Въ 5 часовъ вечера за эти ледники стало прятаться солнце, а въ половинѣ седьмого въ ущельѣ наступили сумерки, при температурѣ +8° Ц., тогда какъ днемъ (въ 12 часовъ) на солнцѣ термометръ показывалъ +44° Ц., а въ тѣни +22°. Ночью ртуть упала до +3° Ц., при чистомъ звѣздномъ небѣ.

Обогрѣвшись по утру чаемъ, мы въ 4 часа снова были въ пути и чрезъ полтора часа были на 7500′, у основанія морены новаго ледника, спускающагося двумя истоками съ Главнаго хребта. Этотъ ледникъ тоже принадлежитъ къ неописаннымъ и неизвѣстнымъ до сихъ поръ. Западный его рукавъ или истокъ обры-

вается своею половиною съ очень высокой скалы, представляя весьма красивый ледниковый водопадъ. Чрезъ каждые 5 —10 минутъ масса льда, стоящая въ видѣ гигантскихъ столбовъ надъ обрывомъ, съ страшнымъ шумомъ обрушивается внизъ на ледяное-же поле, разсыпаясь въ дребезги и оглушая ущелье перекатами эхо. Восточный истокъ у Главнаго хребта спускается тоже съ большой крутизны, но не ледопадомъ, а въ видѣ каскадовъ льда съ страшными зіяющими трещинами. Эти то каскады и трещины намъ нужно было обойти, для чего пришлось повернуть къ востоку и очень долго идти по крутому склону горы вверхъ, начиная подъемъ съ 8200′. Это и есть та „крутая гора“, о которой насъ предупреждалъ проводникъ еще въ Бечо и у которой мы должны были быть еще вчера въ это время, т. е. около 7—8 ч. утра.

Трудно рѣшить, почему случилось, что мы такъ запоздали: потому-ли, что были плохими ходоками, или потому, что нашъ проводникъ, не имѣя понятія о разстояніи, какъ истый сванетъ, не могъ передать и подробно описать намъ всѣхъ подробностей пути. По его мнѣнію, самымъ важнымъ было взойти на крутую гору и удачно пройти ледники; а то̀, что до этой горы предстояло сдѣлать предварительно верстъ 15—17 пѣшкомъ по крайне неудобной тропѣ, онъ очевидно ставилъ ни во что. Какъ-бы ни было, но теперь для насъ настало самое трудное дѣло. Приходилось подниматьси вверхъ то по едва замѣтной тропѣ, то по осыпи камней, то по глинистому мокрому грунту, липнувшему къ ногамъ полупудовыми комьями. Въ 10 часовъ, когда посильщики достигли вершины горы, мы были значительно ниже и лишь къ 12 часамъ дня достигли ледяного поля только-что упомянутаго восточнаго истока Бечоскаго ледника. Перейти его поперекъ въ теченіе 20 минутъ не представляло никакой трудности и опасности, такъ какъ ледяное поле было совершенно гладкое и почти ровное, лишь тающій отъ солнечнаго припека фирнъ, въ который погружались ноги на 2—3 вершка, причинялъ непріятное ощущеніе холода въ ногахъ. Температура воздуха была равна +12° Ц. въ тѣни. Высота, на которой мы находились, судя по показанію анероида, превышала 11000′. Необходимо замѣтить, что весной черезъ этотъ ледникъ переходятъ обыкновенно на 1000′ ниже, чѣмъ лѣтомъ, такъ какъ ниже лежащія ледниковыя трещины весною бываютъ засыпаны и закрыты снѣгомъ, остающимся отъ зимы. Ширина пройденнаго нами ледяного поля—около версты. Пройдя его, мы сдѣлали послѣднее усиліе, поднявшись на скалу

еще футовъ на 200—300 вверхъ. Теперь мы были на самой высшей точкѣ перевала, на Главномъ хребтѣ, прошли по узкому острому гребню на западъ, любуясь открывшимся видомъ на долину Баксана и, спустившись нѣсколько внизъ, вступили на ледяное поле ледника, морена котораго простирается на сѣверный склонъ Главнаго хребта въ верховье Юсенги. Это былъ ледникъ Чиберскій или Юсенги. Впрочемъ надо полагать, что выше, тысячи на двѣ футовъ къ востоку, этотъ ледникъ соединяется съ тѣмъ, который мы только-что прошли съ горной стороны и который названъ мною Бечоскимъ, такъ что оба они составляютъ одинъ ледникъ переметный, принадлежащій къ ледникамъ третьяго разряда. Переходъ по леднику Юсенги нельзя считать удобнымъ и безъопаснымъ. Имѣя въ ширину болѣе двухъ верстъ (на переходъ его мы употребили 35 минутъ скорой ходьбы), онъ на первой трети отъ гребня спускается вдругъ подъ крутымъ угломъ, въ 45—50°, затѣмъ образуетъ глубокія косыя трещины, а ниже средины на него сверху падаетъ ледниковый водопадъ, засыпающій тропу и ежеминутно грозящій путнику быть сброшеннымъ въ трещину или прикрытымъ фирновымъ обваломъ. Описываемый ледникъ спускается на сѣверо-западъ въ новый на пути ледниковый циркъ, состоящій изъ трехъ большихъ ледниковъ, сходящихся въ одинъ на 8700′; конецъ-же морены этого цирка или ледника Юсенги находится на 8100 ф. Отсюда путь можетъ быть очень удобный для верховой ѣзды до урочища Тенгенекли, отстоящаго въ 15—17 верстахъ отъ ледника Юсенги. Такимъ образомъ, Бечоскій перевалъ принадлежитъ къ самымъ высокимъ и довольно труднымъ и не безъопаснымъ переваламъ на Кавказѣ, такъ какъ его приходится дѣлать пѣшкомъ на разстояніи около 40 верстъ, съ необходимостью, сдѣлать нѣсколько переходовъ чрезъ значительныя рѣчки и пройти по ледникамъ. Князь Урусбіевъ на Баксанѣ утверждаетъ, что съ сванетами ежегодно бываютъ несчастные случаи при переходѣ ихъ по Бечоскому перевалу. Но справедливость требуетъ замѣтить, что этотъ перевалъ самый популярный у сванетовъ, что̀ видно изъ того, что почти всѣ урусбіевцы прекрасно понимаютъ по сванетски, хотя сами никогда не бываютъ въ Сванетіи: въ теченіе лѣта сванеты безпрестанно идутъ по Баксану на сѣверъ на лѣтнія заработки и ихъ рѣчь усвоена жителями Баксана.

Что касается растительности Бечоскаго перевала, то въ области снѣговой зоны, не ниже 10000′, по обоимъ склонамъ

встрѣчаются одинаковыя растенія, общераспространенныя на всемъ Кавказѣ въ этой полосѣ. Одинъ только видъ можно отмѣтить, какъ характерный для этой мѣстности — это лапчатка Оверина (Potentilla Oweriniana Rupr.), довольно рѣдкая въ другихъ мѣстахъ Кавказа и очень распространенная здѣсь. Ниже 10000′, въ области альпійской зоны, по сѣверному склону попадаются такіе виды, которыхъ нѣтъ на южномъ, именно: Delphinium caucasicum MB., съ 8500 до 9000′, Thalictrum alpinum L. съ 7500 до 9500′, Polygonum viviparum L. тоже, Lamium tomentosum W. съ 9000 до 10500′ и нѣкот. др. Несравненно больше различія проявляется во флорѣ лугово-альпійской, расположенной ниже 9000′, при сравненіи сѣвернаго склона съ южнымъ. На сѣверномъ склонѣ нѣтъ почти ни одного вида, который приводится нами на стр. 88 и 89 для южнаго склона.

Далѣе зона рододендрона на сѣверѣ поднимается до 9500′, рябина и береза до 8500′, а сосна до 8000′. Послѣдняя становится преобладающей по всей долинѣ Баксана, спускаясь по правой, сѣверной сторонѣ ея до 4000′, т. е. доходя почти до „бѣлыхъ известковыхъ скалъ“ или хребта Алмалы-кая, тогда какъ западная сторона или лѣвая, солнечная, уже съ 6000′, не далеко отъ Урусбіева, лишена лѣса и покрыта большею частью только колючими кустарниками: барбариса, крушины (Rhamnus Pallasii F. et M., астрагала (Astragalus Marschallianus), можжевельника (Juniperus Sabina L.) и др. Вообще въ этой прямой и широкой долинѣ, открытой сухимъ восточнымъ вѣтрамъ, замѣтно преобладаніе сухолюбовъ, подвигающихся сюда со стороны степей, по мѣрѣ уничтоженія лѣсовъ.

Ив. Акинфіевъ.

Августъ 1890 года.
Екатеринославъ.

БОТАНИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ
въ Западномъ Закавказьи въ 1893 году.

Наблюденія надъ флорой юрскихъ известняковъ *)

Н. Альбова.

Настоящая статья имѣетъ цѣлію опубликовать нѣкоторыя изъ ботанико-географическихъ изслѣдованій, собранныхъ въ Западномъ Закавказьи, именно въ слѣдующихъ провинціяхъ его: Аджаріи, Гуріи, Мингреліи, Самурзакани, Абхазіи, Черноморскомъ округѣ, въ теченіе $5^1/_2$ мѣсяцевъ этого года, съ мая по октябрь. Хотя мои ботаническія коллекціи пока еще не разработаны, но, въ виду особеннаго интереса, который представляютъ нѣкоторые изъ полученныхъ мною выводовъ относительно географическаго распредѣленія растеній, я нахожу полезнымъ ознакомить съ ними публику ранѣе, нежели окончится разработка коллекцій. Я считаю это позволительнымъ въ виду нѣкотораго предварительнаго опыта, который я имѣю въ флорѣ Западнаго Закавказья (растительность послѣдняго мнѣ достаточно извѣстна по Абхазіи, составлявшей предметъ моихъ изслѣдованій въ теченіе 5 лѣтъ, съ 1888 по 1892 годъ). Разумѣется разработка собранныхъ гербаріевъ можетъ заставить меня нѣсколько видоизмѣнить и, въ особенности, дополнить сообщаемые здѣсь выводы—но, однако, непошатнуть ихъ, такъ какъ они опираются на строго провѣренные факты, которые одни, собственно говоря, и составятъ сущность этой статьи.

---

*) Предварительное сообщеніе, читанное въ собраніи членовъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 30 октября 1893 года.

Кромѣ чисто ботаническихъ наблюденій, которыя были главной цѣлью моихъ путешествій, въ статью войдутъ также кое-какія и другія наблюденія, ничего общаго съ ботаникой не имѣющія, какъ-то: этнографическія, археологическія, сельско-хозяйственныя, а также—чисто-географическія. Эти наблюденія велись мною только попутно, въ минуты свободнаго времени. Оговаривая это, я надѣюсь, поэтому, что читатели не осудятъ меня за ихъ краткость и, быть-можетъ, поверхностность. Совсѣмъ отказаться отъ такихъ наблюденій я не могъ: въ такой мало изслѣдованной странѣ, какъ Западное Закавказье (въ особенности если взять Черноморскій округъ), это было бы даже съ моей стороны непростительно.

Главнымъ мотивомъ, побудившимъ меня предпринять въ настоящемъ году изслѣдованія Западнаго Закавказья, было слѣдующее обстоятельство. Изучая растительность Абхазіи, я былъ пораженъ, между прочимъ, рѣзкой разницей въ систематическомъ составѣ альпійской флоры известковыхъ и неизвестковыхъ (огненно-кристаллическихъ и шиферныхъ) горъ этой страны. На эту разницу я указывалъ уже въ своей статьѣ въ Запискахъ Кавказскаго Отдѣла, относящейся къ 1890 году [1]). Позднѣе, въ своемъ сообщеніи, читанномъ въ Ботаническомъ Отдѣленіи С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей, въ январѣ текущаго года, я еще болѣе рѣзко и опредѣленно подчеркнулъ этотъ фактъ [2]). Чрезвычайно заинтересованный имъ и желая во чтобы то ни стало найти ему объясненіе, я рѣшилъ сдѣлать пробѣгъ по всему Западному Закавказью и прослѣдить растительность какъ известковыхъ, такъ и неизвестковыхъ горъ на всемъ протяженіи этой страны. Мое намѣреніе встрѣтило къ себѣ сочувствіе у M-r William Barbey въ Женевѣ, собственника Herbier Boissier (лучшаго въ мірѣ собранія растеній Востока),—который, будучи самъ живо заинтересованъ мало изслѣдованной флорой Западнаго Закавказья, предложилъ мнѣ реализовать проектированное мною путешествіе на средства Herbier Boissier. Разумѣется, мнѣ не удалось осуществить своего проекта полностью: Западное Закавказье—страна слишкомъ обширная, чтобы ее можно было осмотрѣть въ та-

---

[1]) Отчетъ о ботаническихъ изслѣдованіяхъ Абхазіи за 1890 годъ. (Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. XV, стр. 167—168).

[2]) Результаты ботаническихъ изслѣдованій Абхазіи (Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытатей, 1893 г., стр. 80—81).

кой короткій промежутокъ времени, какъ $5^1/_2$ мѣсяцевъ. Я именно не успѣлъ посѣтить Имеретіи и Сванетіи; черноморскія горы были мною также недостаточно полно обслѣдованы. Но если принять во вниманіе, что въ двухъ названныхъ провинціяхъ, Сванетіи и Имеретіи, известковыхъ горъ очень мало, да и эти послѣднія находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ мингрельскими известковыми горами, то позволительно думать, что мои наблюденія, касающіяся главнымъ образомъ известковыхъ горъ, мало теряютъ отъ этихъ изъяновъ,—тѣмъ болѣе, что флоры всѣхъ провинцій Западнаго Закавказья, отъ Батума до Туапсе, вообще чрезвычайно сходны между собой (въ особенности травянистая растительность). Какъ бы то ни было, но и посѣщенныя мною провинціи: Аджарія, Гурія, Мингрелія, Самурзакань, Абхазія и Черноморскій округъ, дали мнѣ достаточное количество фактовъ для того, чтобы я могъ, положа руку на сердце, построить, на основаніи ихъ, сообщаемые ниже выводы. Въ интересахъ цѣльности изложенія, я считаю за лучшее сгруппировать эти выводы, равно какъ и самые факты (растительности известняковъ) въ концѣ статьи, которую я начну съ изложенія разностороннихъ, какъ-то: ботанико-географическихъ, этнографическихъ и иныхъ наблюденій, произведенныхъ мною въ различныхъ провинціяхъ Западнаго Закавказья.

Начну съ *Гуріи*, куда была направлена моя первая экскурсія, въ концѣ мая мѣсяца.

Въ Гуріи я сдѣлалъ нѣсколько небольшихъ экскурсій въ нижней полосѣ горъ и, кромѣ того, прошелъ, на значительномъ протяженіи, Аджаро-Имеретинскій хребетъ, гдѣ я посѣтилъ между прочимъ знаменитыя пастбища Бахмаро-Дзелигори.—Растительность Гуріи въ общемъ совершенно напоминаетъ растительность Абхазіи, только представляется еще болѣе пышной. Такъ, нигдѣ въ Абхазіи не видалъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ лавровишни и рододендрона. Рододендронъ рѣшительно принимаетъ здѣсь древовидную форму, достигая 2 саженъ высоты, при $^1/_2$ арш. въ поперечникѣ; а о размѣрахъ лавровишни можно судить по тѣмъ цифрамъ, которыя дало намъ измѣреніе одного экземпляра ея, встрѣченнаго нами по дорогѣ на Бахмаро: онъ оказался до $^3/_4$ арш. въ діаметрѣ, при $2^1/_2$—3 саженяхъ высоты!

Вообще, въ Гуріи чувствуется климатъ болѣе теплый и болѣе влажный. Это сказывается между прочимъ и присутствіемъ въ лѣсахъ ея нѣсколькихъ вѣчнозеленыхъ формъ, которыхъ нѣтъ

въ Абхазіи, лежащей гораздо сѣвернѣе, а именно двухъ видовъ Phillyrea: Ph. media и Ph. Medwedewi (Ph. Vilmoriniana). Что касается состава лѣсовъ, то онъ ничѣмъ не отличается отъ лѣсовъ Абхазіи: внизу господствуетъ тотъ же смѣшанный лиственный лѣсъ, составленный изъ нѣсколькихъ десятковъ разныхъ породъ, среди коихъ трудно указать преобладающую—*дуба*, *граба*, *бука*, *ольхи*, *карагача*, *полевого клена* и проч., и образующій непроходимую чащу, перевитую всякаго рода ліанами, главнымъ образомъ—*обвойникомъ* (Periploca graeca), икале Smilax excelsa), *плющемъ* (Hedera Helix, H. colchica) *ломоносомъ* (Clematis Vitalba) etc., и изобилующую массой колючихъ кустарниковъ—вродѣ Jlex, Ruscus, Rubus fruticosus etc. Выше, начиная съ 2000—2500 ф., идутъ болѣе или менѣе чистыя *буковыя* насажденія съ примѣсью *каштана* и съ подлѣскомъ изъ *понтійскаго рододендрона*, *азалеи*, *лавровишни* и *кавказской черники*. Еще выше, начиная съ 4000 ф., произрастаютъ хвойные—*еловые* и *пихтовые* лѣса, изобилующіе также *букомъ*, *кленомъ* (Acer platanoides) и *горнымъ ильмомъ*.

Также, какъ въ Абхазіи, названныя хвойныя породы не вездѣ присутствуютъ въ этихъ лѣсахъ; именно, на открытыхъ солнечныхъ склонахъ лѣсъ представляется состоящимъ исключительно изъ лиственныхъ породъ, главнымъ образомъ—*бука* [1]). Наконецъ, лѣсная растительность заканчивается полосой низкорослыхъ деревьевъ и кустарниковъ, вродѣ Viburnum Lantana, Sorbus Aria, *березы* (Betula alba), *рябины*, *Кавказскаго рододендрона* и проч.—совершенно анологичной подобной-же полосѣ Абхазіи. Въ этой полосѣ, которая при описаніи растительности Абхазіи назвалъ пограничной полосой или просто границей лѣса, произрастаетъ между прочимъ открытый тамъ Я. С. Медвѣдевымъ новый видъ березы—Betula Medwedewi. До сихъ поръ видъ этотъ считался эндемичнымъ для Гуріи, но, какъ я разскажу ниже, мнѣ удалось его найти также въ Мингреліи. Предѣлъ распространенія лѣсной растительности въ Гуріи, по моимъ наблюденіямъ, варьируетъ въ границахъ 2000—2200 метровъ, т. е. 6562—7220 футъ, надъ уровнемъ моря. Что касается растительности нагорныхъ луговъ Гуріи, то она предста-

[1]) Сравн. объ этомъ въ моихъ статьяхъ: „Лѣса Абхазіи“ (Зап. Общ. Сел. Хоз. Южн. Россіи 1892 г.) и „Результаты ботаническихъ изслѣдованій Абхазіи“ (Труды СПБ. Общ. Ест., т. XXIII, 1893 г.).

вляетъ мало интереснаго, будучи совершенно сходна съ растительностью нагорныхъ луговъ Западнаго склона Главнаго Кавказскаго хребта на всемъ его протяженіи отъ Черноморскаго округа до Имеретіи. Здѣсь вы встрѣчаете тотъ же самый разноцвѣтный коверъ изъ Anemone narcissiflora, Anemone sulphurea, Alchemilla vulgaris, Aquilegia olympica, Betonica grandiflora, Aster caucasicus, разныхъ *примулъ*, *педикуляррисовъ*, Macrotomia и другихъ растеній, характерныхъ для альпійской полосы кристаллическихъ и сланцевыхъ горъ Западнаго Закавказья. Точно также формація растительности, покрывающей вершинныя скалы Аджаро-Имеретинскаго хребта имѣетъ своего полнаго аналога въ той же формаціи западнаго склона Главнаго Кавказскаго хребта и его отроговъ, состоя изъ характерныхъ для этой формаціи миньатюрныхъ изящныхъ растеньицъ: Gentiana pyrenaica, Gentiana verna var. alata, Campanula tridentata, Dryas octopetala, Alchemilla sericea, разныхъ *камнеломокъ* (Saxifraga exarata, sibirica etc.), *драбъ* (Draba imbricata, tridentata etc.) и проч.

Такова, въ общихъ чертахъ, растительность Гуріи. Черезъ нѣкоторое время, уже въ началѣ іюля, я снова возвратился въ Гурію. На этотъ разъ я обслѣдовалъ горы, лежащія на ея границѣ съ Кинтришемъ. Я проникъ сюда изъ Кинтришскаго ущелья и осмотрѣлъ нагорныя пастбища горъ Хино-Сагбіели (вершины въ 8522 и 7938′ н. у. м.). Отсюда, по истокамъ рѣки Джуджи, я спустился черезъ Гогіетское ущелье въ Озургети. Пастбища Хино-Сагбіели почти ничѣмъ не отличаются отъ пастбищъ Бахмаро-Дзелигори, кромѣ развѣ присутствія на нихъ одного интереснаго вида осоки, свойственнаго, собственно говоря, западнѣе лежащему Лазистану—Carex lazica. Этотъ видъ осоки былъ найденъ мною также и на известковыхъ горахъ Абхазіи.—Спускаясь въ покрытое лѣсомъ Гогіетское ущелье, я встрѣтилъ, между истоками р. Джуджи и ея лѣваго притока, на высотѣ около 2150 метровъ (7054′), обширныя заросли Betula Medwedewi. Эта порода, вмѣстѣ съ *рябиной*, Viburnum Lantana, Sorbus Aria и проч. составляетъ здѣсь лѣсную границу. Такимъ образомъ, Betula Medwedewi имѣетъ въ Гуріи обширное распространеніе, встрѣчаясь по всему Гурійскому склону Аджаро-Имеретинскаго хребта. Вмѣстѣ съ Betula Medwedewi въ образованіи лѣсной границы участвуетъ, между прочимъ, *Пон.*

тійскій дубъ (Quercus pontica). Этотъ интересный видъ дуба, съ листьями, имѣющими совершенно форму каштановыхъ, впервые былъ найденъ Кохомъ въ Турецкомъ Лазистанѣ. Послѣ того, въ 1889 году я нашелъ его въ Абхазіи, а въ 1890 году Красновъ—на границѣ Абхазіи и Сванетіи (въ Самурзакани). Пока оставался открытымъ вопросъ—встрѣчается ли онъ въ промежуточныхъ странахъ между Лазистаномъ и Абхазіей. Въ настоящемъ году мнѣ удалось разрѣшить этотъ вопросъ окончательно, найдя понтійскій дубъ въ Аджаріи, Гуріи и Мингреліи. Понтійскій дубъ растетъ всегда въ верхней полосѣ лѣса, начиная отъ лѣсной границы (2000—2200 метр. или 6562—7218′ ф.) и не спускаясь ниже 1350—1400 метровъ (4430—4593′ ф.).

Вотъ все, что я могу, пока, въ этой предварительной статьѣ, сообщить о растительности Гуріи.

Отъ Гуріи я перешелъ къ *Аджаріи*. Въ Аджаріи я ѣздилъ очень мало, такъ какъ не надѣялся встрѣтить тамъ что-либо интересное для себя (страна была уже неоднократно посѣщаема ботаниками—Я. С. Медвѣдевымъ, кн. Масальскимъ, Sommier и Levier и пр.), и такъ какъ главная цѣль моихъ изслѣдованій—флора известняковъ—увлекала меня въ Мингрелію и Черноморскій округъ. Въ Аджаріи, также какъ и въ Гуріи, какъ извѣстно, нѣтъ известковыхъ горъ, достигающихъ альпійской высоты, т. е. высоты нагорныхъ пастбищъ (2000 метр., 7218 ф. и выше). Я былъ въ Аджаріи 2 раза: одинъ разъ въ концѣ мая, другой—въ началѣ іюля, и за это время сдѣлалъ слѣдующія экскурсіи. Первый разъ, въ концѣ мая, я дѣлалъ изъ м. Кеды восхожденіе на хребетъ Медзибна (вершина Гератъ-Кесунъ, 6468 ф.), служащій водораздѣломъ рѣкъ: Мериси и Маджахлисъ-цкали (Мачахелисъ-цкали). Отсюда я спустился въ ущелье р. Маджахлисъ-цкали и прошелъ имъ до его впаденія въ ущелье Чороха. Въ началѣ іюля я повторилъ это восхожденіе. Другой разъ, я прошелъ изъ Кобулетъ черезъ Чаквисъ-мта (5077 ф.) въ долину рѣки Аджарисъ-цкали и отсюда обратно, черезъ пер. Калва (6398 ф.) спустился въ Кинтришъ къ деревнѣ Хино, откуда поднялся на пограничныя съ Гуріей пастбища Хино-Сагбіели.

Въ растительности Аджаріи меня интересовало всего болѣе географическое распространеніе двухъ вѣчнозеленыхъ кустарни-

ковъ, которые считаются для этой страны эндемичными, ибо въ другихъ мѣстахъ они пока найдены не были. Это именно: Rhododendron Ungernii и Rhododendron Smirnowii. Эти два пышные куста, столько-же поражающіе красотой своихъ цвѣтовъ,—окраска которыхъ бываетъ то снѣжно-бѣлая, то нѣжно-розовая, то ярко-красная,—сколько великолѣпіемъ своей листвы, сверху ярко-зеленой, снизу бѣло-войлочной,—эти два куста почему то оставались въ наукѣ неизвѣстными до самаго послѣдняго времени. Впервые они были открыты въ Лазистанѣ г. Казбекомъ, путешествовавшимъ въ этихъ мѣстахъ въ началѣ 70-хъ годовъ [1]). Затѣмъ Каневскій—тотъ самый, который написалъ прелестную книгу: „Любопытные уголки Кавказа", - нашелъ ихъ въ Аджаріи. Описаніе свое они получили только въ восьмидесятыхъ годахъ изъ рукъ Траутфеттера. Къ сожалѣнію, мои изслѣдованія мало чего прибавили къ тому, что мы уже знаемъ о распространеніи этихъ кустарниковъ. Я могу только сказать, что въ изобиліи встрѣтилъ одинъ изъ этихъ видовъ—съ бѣлыми и розоватыми цвѣтами (Rhododendron Ungernii) на хребтѣ Медзибна. Онъ попадается тамъ отдѣльными кустами уже начиная съ высоты 1325 метровъ (4347 ф.), но успѣшнѣе всего произрастаетъ между 1500 и 1600 метр. (4920—5250 ф.). На этихъ высотахъ онъ образуетъ сплошныя заросли вмѣстѣ съ *понтійскимъ дубомъ*, Rhamnus colchica, *лавровишней*, *азалеей* и *понтійскимъ рододендрономъ*. Такимъ образомъ, въ отношеніи мѣста своего обитанія, этотъ рододендронъ занимаетъ средину между Rhododendron ponticum и Rhododendron caucasicum: первый распространенъ на всемъ вертикальномъ протяженіи лѣса, отъ берега моря до 6600—7000 ф.,—тогда какъ второй свойственъ исключительно верхней, альпійской полосѣ горъ, встрѣчаясь отъ 6500 ф. и доходя до 9000 и даже до 9500 ф. надъ уровн. моря. Границами же вертикальнаго распространенія Rhododendron Ungernii надо считать высоты между 1300—1850 метр. (4265—6070 ф.) Повидимому, этотъ рододендронъ не выходитъ изъ предѣловъ Аджаріи и даже, кажется, горы отдѣляющія Кинтришъ отъ Малой Аджаріи, составляютъ его сѣверную границу. Я по крайней мѣрѣ не встрѣчалъ его на пер. Калва (1852 м., 6398 ф. по

[1]) *Казбекъ.* Три мѣсяца въ Турецкой Грузіи (Зап. Кавказ. Отд. Русск. Геогр. Общ. кн. X, вып. I (1876 г. стр. 112).

5-верстной картѣ), а на перев. Чаквисъ-мта (1500 м., 4920 ф.) встрѣтилъ всего одинъ кустъ его, безъ цвѣтовъ.

Что касается состава лѣсной растительности Кинтриша и Аджаріи, то она, за исключеніемъ присущихъ ей двухъ новыхъ рододендроновъ, не представляетъ никакихъ особенностей по сравненію съ Гуріей. Здѣсь, въ нижнихъ районахъ лѣса мы въ изобиліи встрѣчаемъ тѣ самыя вѣчно зеленыя породы, которыя составляютъ особенность лѣсовъ Гуріи, а именно: два названные выше вида Phillyrea—media и Ph. Medwedewi. Изъ другихъ вѣчнозеленыхъ породъ лѣсовъ Аджаріи отмѣтимъ еще Arbutus Andrachne, попадающееся также и гораздо сѣвернѣе по побережью Чернаго моря, именно—въ Крыму и Абхазіи. Другія полосы лѣсвой растительности Аджаріи имѣютъ себѣ полныхъ аналоговъ въ лѣсахъ Гуріи и Абхазіи. Укажу только на необыкновенно низкіе предѣлы, до которыхъ спускается здѣсь *елка* (Picea orientalis): я ее встрѣтилъ въ ущельи Маджахлисъ-цкали всего на 600 м. (около 2000 ф.) высоты,—тогда какъ въ Гуріи и Абхазіи, въ особенности въ Абхазіи, она ниже 4000 ф. никогда не спускается. Граница лѣса въ Аджаріи поднимается значительно выше нежели въ Гуріи и въ Абхазіи, доходя на горѣ Хино до 2300 и даже до 2400 метровъ (7546—7874 ф.), т. е. почти до 8000 футъ (*карликовый букъ, кавказскій рододендронъ*). Альпійская растительность Аджаріи также не представляетъ почти ничего особеннаго по сравненію съ таковою же растительностью Гуріи и Абхазіи. Отмѣчу только въ ней присутствіе красиваго губоцвѣтнаго съ розовыми цвѣтами—Scutellaria pontica. Это растеніе было извѣстно прежде только изъ Лазистана. Кромѣ Аджаріи, оно было найдено мною также въ Абхазіи, но въ послѣдней—исключительно только на известковыхъ горахъ.

— —

Это—все, что я рѣшаюсь сказать, въ предварительномъ очеркѣ, о растительности Аджаріи. Прежде чѣмъ перейти къ описанію флоры остальныхъ провинцій, посѣщенныхъ мною этимъ лѣтомъ, я хотѣлъ еще нѣсколько остановиться на этой странѣ, чтобы коснуться одного сельско-хозяйственнаго вопроса, возросшаго на ея почвѣ. Я именно хотѣлъ поговорить о попыткахъ культуры *чайнаго куста* въ Аджаріи, въ мѣстности, носящей названіе Чаква, близъ Батума. Въ послѣднее время въ обществѣ

возникъ большой интересъ къ этому вопросу, и многія лица обращались ко мнѣ съ просьбой высказать о немъ свое мнѣніе. Будучи нѣсколько знакомъ съ попытками чайной культуры какъ на Чаквѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Западнаго Закавказья, я охотно исполняю это желаніе, оговариваясь, однако, что я считаю себя совершенно некомпетентнымъ въ этомъ вопросѣ во всемъ, что касается его практической стороны.—Съ чайными плантаціями на Чаквѣ я ознакомился еще въ прошломъ году, въ имѣніи г. Соловцова. Разскажу впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ осмотра плантаціи г. Соловцова, въ связи съ тѣми свѣдѣніями, которыя мнѣ удалось получить отъ него. Плантація г. Соловцова имѣетъ внушительные размѣры. Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года я засталъ тамъ до 3000 кустовъ чая, причемъ г. Соловцовъ надѣялся къ концу года довести это число до 5000. На плантаціи находились какъ кусты, вырощенные изъ сѣмянъ—имѣвшіе четырехлѣтній возврастъ, такъ и кусты, сохранившіеся отъ выписки изъ Китая (кустовъ 40, возраста 6—7-лѣтняго). Кусты идутъ очень успѣшно. Ежегодный приростъ куста достигаетъ ½—1 арш. Чѣмъ старѣе кустъ, тѣмъ больше побѣги. Масса кустовъ цвѣла и дала зрѣлыя сѣмена, изъ которыхъ г. Соловцовъ выгоняетъ новые кусты. Почва, на которой разведена плантація—глинистая. По словамъ г. Соловцова, чайный кустъ лучше всего растетъ въ тѣни, на росѣ. Вотъ тѣ замѣчанія, которыя я могу сообщить изъ моего бѣглаго осмотра плантаціи Соловцова. Нѣтъ сомнѣнія, что, судя по настоящему блестящему состоянію плантаціи, попытка г. Соловцова (уже насчитывающая 7—8 лѣтъ) будетъ имѣть успѣхъ. Весь вопросъ только въ томъ, будетъ ли чай Чаквинской плантаціи того же высокаго качества, чтó и получаемый въ Китаѣ и въ Индіи. Этотъ вопросъ, разумѣется, можетъ быть разрѣшенъ только со временемъ. Въ сущности же говоря, въ самомъ фактѣ успѣшнаго произрастанія чая въ Аджаріи и въ другихъ мѣстахъ Западн. Закавказья—напр., въ Сухумѣ,—нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь растутъ же тамъ, съ неменьшимъ успѣхомъ *камелія* и японская *мушмала* (Mespilus (Eryobothria) japonica), происходящія изъ тѣхъ же самыхъ странъ, которыя служатъ родиной чаю.

Разъ я заговорилъ о *чайныхъ плантаціяхъ на Чаквѣ*, небезинтересно будетъ также напомнить исторію ихъ возникновенія. Собственно говоря всѣ чайные кусты Чаквинскихъ плантацій происходятъ отъ нѣсколькихъ десятковъ кустовъ, которые Н. К. Зейдлицъ выписалъ въ 1884 году изъ Китая, черезъ Русское Обще-

ство Пароходства и Торговли, для своего имѣнья на Чаквѣ. Такимъ образомъ, г. Зейдлицу принадлежитъ починъ въ дѣлѣ разведенія чайнаго куста у насъ въ Закавказьи [1].

Слѣдующей провинціей Западнаго Закавказья, на которую я перенесъ свое вниманіе, была *Мингрелія*. Такъ какъ известковыя горы занимаютъ значительное пространство, то, понятно, она и составила главный предметъ моихъ изслѣдованій. Могу сказать, что я прошелъ ее почти вдоль и поперекъ—съ сѣверо-запада на юго-востокъ и съ юго-запада на сѣверо-востокъ (говоря такъ, я разумѣю исключительно горную Мингрелію—отъ Зугдидъ до Салхино и отъ Салхино до Горди). Этотъ пробѣгъ я сдѣлалъ въ теченіе двухъ большихъ экскурсій. Одну изъ нихъ я предпринялъ въ срединѣ іюня, другую—въ началѣ августа. Первый разъ исходнымъ пунктомъ у меня было сел. Джвари возлѣ Ингура. По ущелью Ингура я прошелъ до сел. Худонъ и отсюда началъ свой подъемъ на Мингрельскія Альпы. Путешествіе было необыкновенно трудное. Вслѣдствіе ранняго времени (весна въ этомъ году повсюду въ Закавказьи сильно запоздала) большинство горъ еще были завалены снѣгомъ. Это значительно усложняло путешествіе и безъ того тяжелое, такъ какъ горныя тропы въ Мингреліи находятся въ ужасномъ состояніи—не лучше, чѣмъ въ Абхазіи. Все время мы шли пѣшкомъ, безъ лошадей, имѣя весь вьюкъ на людяхъ. За 10 дней пути, намъ пришлось сдѣлать до 5 большихъ переваловъ. Вотъ названія этихъ переваловъ (высота ихъ опредѣлена вывѣреннымъ анэроидомъ): 1) Перевалъ отъ г. Урулапъ къ уроч. Наотипуре—2700 м. (8858 ф.). 2) Гора Джикиршъ (водораздѣлъ рѣкъ Тхэишъ и Катцленджъ)—2300 м. (7546 ф.). 3) Гора Гвандра (перевалъ отъ уроч. Вани на р. Катцленджъ къ уроч. Урашъ) 2725 м. (8940 ф.). 4) Пер. Натахты съ верховьевъ р. Урашъ на верховья р. Хопицкали—2780 м. (9121 ф.). 5) Гора Чита-Гуаля (на 5 вер. картѣ Чажки-болъ, 9906 ф.)—перевалъ съ Хопицкали на верховья р. Магана—2850 м. (9350 ф.).—Крайній сѣверовосточный пунктъ, до котораго мы дошли, было уроч. Вани, на

[1]) Г. Зейдлицъ читалъ докладъ о своей попыткѣ на Международномъ съѣздѣ садоводовъ въ С.-Петербургѣ въ 1884 г. Рефератъ объ этомъ докладѣ былъ въ свое время напечатанъ въ петербургскихъ газетахъ.

р. Катцленджъ, на границѣ съ горами Ушкульскаго общества (въ Вольной Сванетіи). Я прошелъ сюда черезъ горы Урулапъ, Сацхено, Наотипуре, Джикиріпъ,—и затѣмъ, черезъ горы Гвандра, Натахты, Чита-Гуаля и Кернахони, вернулся въ населенную полосу, спустившись въ сел. Джгалъ (верстахъ въ 15-ти къ Ю. В. отъ Джваръ). Всѣ горы, пройденныя мною—неизвестковыя, за однимъ исключеніемъ—Кернахони, которая сложена юрскими известняками. Такимъ образомъ, за эту экскурсію я могъ прослѣдить на большомъ протяженіи растительность нагорныхъ пастбищъ горъ неизвестковаго, т. е. огненно-кристаллическаго или сланцеваго сложенія. Растительность эта въ высшей степени однообразна и почти не отличается отъ растительности нагорныхъ пастбищъ Абхазіи, Гуріи и Аджаріи, характеризуясь тѣми же *примулами* (P. amoena var. Meyeri, P. auriculata etc.), *анемонами* (Anemone narcissiflora, A. sulphurea, Pulsatilla albana), *аквилегіями* (Aquilegia olympica), *педикулярисами* (Pedicularis condensata, atrorubens, Nordmanniana), *незабудками* (Myosotis alpestris), Veronica gentianoides, Macrotomia, Geranium amethystinum etc. etc. Вообще альпійская растительность Мингрельскихъ неизвестковыхъ горъ представляетъ естественный переходъ отъ альпійской растительности Гуріи къ альпійской растительности Абхазіи. Здѣсь, напримѣръ, встрѣчается по скаламъ красивый видъ *Потентилли* съ розовыми цвѣтами и серебристо-бѣлыми листьями—Potentilla Oweriniana, весьма распространенная въ Абхазіи, Сванетіи, Карачаѣ, и которой однако нѣтъ въ Гуріи. Съ другой стороны, здѣсь обыкновенны нѣкоторыя альпійскія растенія, свойственныя Гуріи и Аджаріи, которыхъ не встрѣчается въ Абхазіи (списокъ этихъ растеній будетъ приведенъ мною послѣ точнаго ихъ опредѣленія). Какъ на интересную находку, могу указать на одинъ видъ лютика, Ranunculus Raddeanus—видъ, открытый въ горахъ Мингреліи Dr. Radde и описанный покойнымъ Регелемъ по одному весьма плохому экземпляру. Я собралъ его массу превосходныхъ экземпляровъ (на уроч. Вани, гдѣ онъ растетъ въ изобиліи), по которымъ, разумѣется, можно будетъ составить болѣе вѣрное представленіе о природѣ этого растенія, чѣмъ то, которое существовало доселѣ. Лишь въ одномъ мѣстѣ въ Мингрельскихъ горахъ я нашелъ флору нѣсколько болѣе разнообразную—это именно на спускѣ съ г. Чита-Гуаля въ долину р. Магана, на высотѣ

около 2250 м. (7382 ф.). Здѣсь, на отвѣсной скалѣ, обращенной на югъ и потому постоянно находящейся на солнопекѣ, пріютилась цѣлая колонія интереснѣйшихъ растеній, какъ Selaginella helvetica, Saxifraga Akinfievi, Omphalodes Loikae, Jurinea pumila etc. Послѣдніе три изъ названныхъ растеній представляютъ новые виды, недавно описанные Красновымъ, Соммье и Левье и мною.

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о лѣсной растительности пройденныхъ мною мингрельскихъ горъ. Лѣса сѣверо-восточной Мингреліи отъ Джваръ до Вани, отъ Вани до Чита-Гуаля и отъ Чита-Гуаля до Джгалъ, не представляютъ рѣшительно никакихъ особенностей по сравненію съ лѣсами Абхазіи. Здѣсь можно отмѣтить тѣ же самыя полосы, какія отмѣчалъ я и тамъ, т. е. нижнюю полосу смѣшаннаго лѣса, полосу буко-каштановыхъ лѣсовъ (2000—4000 ф.), полосу высокогорныхъ хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ (*ель*, *пихта*, Acer platanoides, *букъ*, *горный ильмъ)* и пограничную полосу лѣса (*рябина*, *берсза*, Acer Trautvetteri, Sorbus Aria etc.). На границѣ съ Сванетіей, возлѣ Вани, на хребтѣ Джикиршъ лѣсъ заканчиваетъ *сосна* (Pinus montana) вмѣстѣ съ *березой* и *кавказской черникой*. Высшій предѣлъ распространенія лѣсной растительности въ Мингреліи варьируетъ между 1900 и 2250 м. (6234 и 7382 ф.). Въ среднемъ его слѣдуетъ считать, также какъ въ Гуріи, между 2000—2200 м. (6562—7218 ф.). Сосна па хребтѣ Джикиршъ поднимается до 2300 м. (7546 ф.).

Этими замѣчаніями можно будетъ пока ограничиться для характеристики кристаллическихъ и сланцевыхъ горъ Мингреліи. Я упомянулъ, что мною была посѣщена также одна известковая гора Кернахони; въ видахъ цѣльности изложенія, я считаю болѣе полезнымъ описать растительность этой горы тогда, когда я буду говорить вообще о растительности известковыхъ горъ Западнаго Закавказья, т. е. въ концѣ своей статьи.

Слѣдующую поѣздку въ Мингрелію я предпринялъ въ началѣ августа мѣсяца. На этотъ разъ исходной точкой моего путешествія послужило сел. Горди, на границѣ Лечгума, Мингреліи и Имеретіи. Отсюда я поднялся на известковый хребетъ Асхи, прошелъ его почти весь и спустился затѣмъ по рѣкѣ Чачхуръ въ сел. Салхино. Здѣсь я занялся снаряженіемъ новой экскурсіи. Прибывъ въ селеніи Курзу, верстахъ въ 15 выше Салхино по р. Техуру, я поднялся отсюда на известковыя горы Мигаріа и Джва-

ри и затѣмъ посѣтилъ лежащія нѣсколько далѣе на сѣверо-востокъ неизвестковыя горы Лекудели и Каргишаль (эти горы на 5-верстной картѣ не обозначены; онѣ лежатъ близъ г. Натолебъ). Такимъ образомъ, за эту экскурсію я могъ сразу, одновременно, ознакомиться съ растительностью какъ известковыхъ горъ, такъ и горъ кристаллическаго и сланцеваго сложенія. Сообщу вкратцѣ все, что я нашелъ и наблюдалъ интереснаго за время этихъ двухъ экскурсій, откладывая характеристику флоры известняковъ Мингреліи на конецъ статьи.

Известковыя горы Мингреліи—Асхи, Мигаріа, Джвари, Кернахони, совершенно сходны по строенію съ таковыми же горами Абхазіи (срв. мое описаніе известковаго Бзыбскаго хребта въ статьѣ: Отчетъ объ изслѣдованіяхъ Абхазіи въ 1890 году [1]). Онѣ образованы тѣми же самыми сѣроватыми юрскими известняками. Онѣ представляють ту-же самую изрытую ямами, а мѣстами какъ бы изъѣденную или изъязвленную, изборожденную глубокими трещинами, поверхность. Также, какъ и послѣднія, онѣ отличаются полнымъ безводьемъ. Известковыя горы Мингреліи не высоки. Наиболѣе высокія изъ нихъ—горы Асхи не превышаютъ 2400—2450 м. (8000 ф.). Остальныя значительно ниже: Мигаріа 2130 м. (до 7000 ф.), Кернахони—едва 2000 м. (6562 ф.). Луговая растительность на всѣхъ известковыхъ горахъ Мингреліи носитъ совершенно одинаковый характеръ и рѣзко отличается отъ растительности неизвестковыхъ горъ. Не говоря пока ничего о характерѣ этой растительности, скажу нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ сдѣланныхъ мною на известнякахъ Мингреліи находкахъ. На горахъ Мигаріа и Джвари мнѣ посчастливилось найти *новый родъ сложноцвѣтнаго*, впервые открытый въ Мингреліи Кузнецовымъ и остающійся до сихъ поръ безъ описанія, благодаря недостаточному количеству взятыхъ Кузнецовымъ экземпляровъ; затѣмъ новый видъ *Астры*, новый *колокольчикъ* съ блестящими кожистыми листьями и новый для Кавказа *Цикламенъ*, весьма близкій къ Cyclamen europaeum (можетъ быть, лишь разновидность послѣдняго). Лѣса, покрывающіе известковыя возвышенности Мингреліи, дали мнѣ также интересныя находки. Именно, на горахъ Мигаріа и Джвари, на границѣ лѣса я нашелъ *Медвѣдевскую березу* (Betula Medwedewi). На названныхъ горахъ, въ полосѣ отъ 2000 метровъ (6562 ф.) и ниже—до 1250 м.

[1]) Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. XV стр. 168.

(4100 ф.) она образуетъ сплошныя заросли. Надобно только удивляться, какъ эти заросли могли ускользнуть отъ вниманія прежнихъ изслѣдователей. Быть можетъ, не лишнее будетъ сказать два слова о характерныхъ признакахъ этой малоизвѣстной породы, которая получила свое первое описаніе изъ рукъ покойнаго Регеля. Медвѣдевская береза—въ высшей степени типичное растеніе, рѣзко отличающееся отъ всѣхъ прочихъ видовъ березы всѣмъ своимъ обликомъ. Листья ея всего менѣе напоминаютъ листья березы. Скорѣе можно сказать, что это—листья орѣшника или ольхи. Они имѣютъ иногда овальную, иногда округленную форму и очень крупны, достигая иногда 1 вершка въ діаметрѣ. Въ цвѣточныхъ сережкахъ всякій найдетъ сходство съ обыкновенной березой, но плоды опять отличаются отъ нея, составляя переходъ отъ плодовъ березы къ плодамъ ольхи. Плодовыя сережки Медвѣдевской березы бросаются въ глаза прежде всего своей необыкновенно крупной величиной. Кора на старыхъ стволахъ серебристо-бѣлая—совершенно, какъ у обыкновенной березы, только слегка темнѣе и притомъ съ шелковистымъ отливомъ; на молодыхъ она сѣроватая или буроватая. Имѣя въ рукахъ молодую вѣточку съ одними листьями, безъ цвѣтовъ, ни одинъ ботаникъ въ мірѣ не могъ бы распознать въ ней березу. Медвѣдевская береза—растеніе высокихъ скалъ. Стволъ ея обыкновенно ползетъ, извиваясь змѣей по голой поверхности скалъ. Ниже, въ лѣсу, гдѣ она образуетъ сплошныя насажденія, стволъ ея становится болѣе прямымъ, хотя все-таки она не выходитъ изъ размѣровъ небольшого деревца, до $1^1/_2$ сажени высоты, при $1^1/_2$—2 вершкахъ въ поперечникѣ на высотѣ груди. Betula Medwedewi, по всей вѣроятности, принадлежитъ къ остаткамъ флоры прежнихъ геологическихъ періодовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ ея странный обликъ, напоминающій нѣкоторыя ископаемыя березы, а изъ нынѣ живущихъ—восточно-сибирскіе виды. Въ пользу того-же предположенія говоритъ и изолированность ея мѣсторожденія (какое значеніе имѣетъ это послѣднее обстоятельство—я яснѣе изложу въ концѣ моей статьи, когда я буду говорить объ известковой флорѣ).—Вмѣстѣ съ Betula Medwedewi я нашелъ, на тѣхъ-же известковыхъ горахъ Мингреліи, на границѣ лѣса, на скалахъ, Rhamnus microcarpa—именно тотъ варьететъ его, который описанъ Траутфеттеромъ подъ названіемъ microphylla. Этотъ видъ Rhamnus (карликовый кустарничекъ, лѣпящійся по скаламъ съ кро-

шечными листьями и плодами) свойственень Лазистану. Но онъ найденъ былъ также и на Кавказѣ, именно—въ Боржомѣ (Радде), въ Дагестанѣ (имъ же) и въ Аджаріи (Я. С. Медвѣдевымъ). Этимъ же лѣтомъ я нашелъ его также на известнякахъ въ Абхазіи (var. typica Trautv.). Курьозно, что, по словамъ д-ра Радде, въ Дагестанѣ, точно также какъ въ Абхазіи и Мингреліи, этотъ Rhamnus растетъ только на известнякахъ, тогда какъ въ Аджаріи и Боржомѣ онъ встрѣчается на породахъ неизвестковыхъ.—О нахожденіи въ Мингреліи *понтійскаго дуба* я уже упоминалъ выше. Онъ встрѣчается тамъ на горахъ неизвестковыхъ (Лекудели, Каргишаль).—Чтобы закончить перечисленіе особенностей лѣсовъ Мингреліи, упомяну какъ о курьозѣ—о нѣсколькихъ экземплярахъ *самшита* (Buxus sempervirens), до 1 вершка толщиной, встрѣченныхъ мною на верховьяхъ р. Чита-цкари на высотѣ около 1400 м. (4593 ф.) въ компаніи съ Betula Medwedewi и Rhamnus alpina var. colchica!—Въ нижней, лѣсной полосѣ Мингреліи я нашелъ, между прочимъ, также недавно описанный мною, изъ Абхазіи, новый для Кавказа родъ—Rhamphicarpa Medwedewi. Этотъ тропическій родъ, принадлежащій къ тропической группѣ Buchneraceae (колѣна Gerardiaceae, семейства Scrophularineae), представители которой живутъ всѣ подъ тропиками, впервые былъ найденъ на Кавказѣ Я. С. Медвѣдевымъ, который передалъ его для описанія мнѣ. Яковъ Сергѣевичъ нашелъ его въ болотѣ возлѣ города Поти. Въ прошломъ году мнѣ самому удалось вновь открыть его въ двухъ мѣстахъ—въ Абхазіи и въ Самурзакани. Оно растетъ обыкновенно въ сухихъ канавкахъ возлѣ проѣзжихъ дорогъ. Въ нагорной Мингреліи оно принадлежитъ, повидимому, къ числу весьма распространенныхъ растеній. Я встрѣтилъ неподалеку отъ Салхино, по дорогѣ къ Толэрской канцеляріи, цѣлое сухое болотце, сплошь покрытое этимъ растеніемъ. Rhamphicarpa—очень изящное растеніе съ узкоразрѣзными листьями и съ крупными бѣлыми или розовыми цвѣтами, издающими очень пріятный запахъ. При засушиваніи растеніе все чернѣетъ—какъ листья, такъ и цвѣты, и получаетъ не особенно привлекательный видъ. Въ своей работѣ о Rhamphicarpa [1]) я доказываю, что растеніе это принадлежитъ къ

[1]) *Н. Альбовъ.* Два новыхъ рода для флоры Кавказа—Rhamphicarpa и Dioscorea (Acta Horti Petropolitani, vol. XII, № 9, 1893 г.)

остаткамъ третичной флоры. За это говоритъ изолированность обитанія какъ этого вида Rhamphicarpa, такъ и 6 (или 7) другихъ видовъ, принадлежащихъ къ тому же роду. Эти виды разбросаны по самымъ разнообразнымъ странамъ Стараго и Новаго Свѣта, которыя нѣкогда были между собой тѣсно связаны, а теперь совершенно отдѣлены другъ отъ друга морями и океанами (Индія, Египетъ, Мадагаскаръ, Южная и Центральная Африка, Австралія, Западное Закавказье).—Вообще, остатки третичной флоры въ Западномъ Закавказьи, какъ я показалъ въ другой своей работѣ [1]), чрезвычайно многочисленны. Къ числу ихъ я отношу, между прочимъ, слѣдующіе деревья и кустарники, которые были весьма распространены въ Европѣ въ третичную эпоху, а теперь тамъ или вымерли или сохранились лишь въ немногихъ болѣе теплыхъ мѣстахъ Средиземноморскаго побережья:

Rhododendron ponticum.	Arbutus Andrachne.
Diospyros Lotus.	Andrachne colchica.
Buxus sempervirens.	Zelcowa (Planera) crenata.
Rhododendron Ungernii.	Betula Medwedewi.
Rh. Smirnovii.	Quercus pontica.
Jasminum officinale.	Phillyrea Medwedewi (Vilmoriniana).
Jasminum fruticans.	Ph. media.
Ficus Carica.	Laurus nobilis.
Erica arborea.	Smilax excelsa.
Azalea pontica.	Vitis vinifera.

Vaccinium Arctostaphylos (=V. maderense) etc. [2])

и слѣдующія травянистыя растенія, встрѣчающіяся подъ тропиками или принадлежащія къ тропическимъ родамъ:

Dichrocephala latifolia. Fragaria indica.

[1]) *Н. Альбовъ.* Результаты ботаническихъ изслѣдованій Абхазіи (Труды СПБ. Общ. Естеств. т. XXIII, 1893, стр. 65—99).

[2]) Въ этотъ списокъ я включилъ между прочимъ нѣкоторые виды, которые въ третичныхъ отложеніяхъ Европы найдены не были (Andrachne colchica, оба Аджарскіе вида *рододендрона*, Phillyrea Medwedewi, Quercus pontica, Betula Medwedewi), но принадлежность которыхъ къ третичной флорѣ несомнѣнна въ силу другихъ соображеній.

Carpesium abrotanoides.	Eleusine indica.
Datisca cannabina.	Siegesbeckia orientalis.
Erianthus Ravennae.	Prenanthes purpurea.
Jmperata cylindrica.	Dioscorea caucasica etc.

Въ заключеніе о нагорной растительности Мингреліи скажу что во всемъ Западномъ Закавказьи, за исключеніемъ одной Абхазіи, я не знаю ни одной провинціи, которая, подобно Мингреліи, могла бы дать такую массу неожиданныхъ открытій. Я почти увѣренъ, что послѣдующія изслѣдованія обнаружатъ еще много интересныхъ новостей въ Мингреліи, въ особенности въ пастбищной и въ лѣсной полосѣ известковыхъ возвышенностей.

Отъ Мингреліи я перешелъ къ изслѣдованію Черноморскаго округа. *Черноморскій округъ* уже давно привлекалъ меня своей почти полной неизслѣдованностью. Говоря безъ преувеличеній, это—въ полномъ смыслѣ terra incognita, обѣтованная страна всякихъ открытій, почти незатронутая изслѣдованіями, кромѣ энтомологическихъ и отчасти геологическихъ [1]). Въ ботаническомъ отношеніи въ Черноморскомъ округѣ можно назвать обслѣдованными только окрестности Новороссійска и верховьевъ рѣки Мдзымты. Первая мѣстность была детально обслѣдована Липскимъ, вторая—мною. Кромѣ того, Н. И. Кузнецовъ дѣлалъ ботанико-географическія наблюденія въ береговой полосѣ Черном. окр.— Меня всегда особенно интересовала южная часть Черноморскаго округа, именно—известковыя горы Аибги (подъ именемъ Аибга извѣстна верхняя долина р. Псоу). Я пытался не разъ пробраться туда, но всегда—безъ успѣха, благодаря отсутствію въ краѣ знающихъ дороги проводниковъ. Въ прошломъ году, доставъ, наконецъ, хорошихъ проводниковъ въ Абхазіи, я, казалось, былъ близокъ къ осуществленію моей цѣли. Въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго 1892 года я вышелъ изъ сел. Калдахваръ, чтобы черезъ абхазскія горы—Мамдзышха, Кутушера и Арбика пробраться къ хребту Ахэгёшъ (или Хагъ, на 5-верстн. картѣ), служащему водораздѣломъ притоковъ Бзыби и Псоу и оттуда спуститься на Аибга; но послѣ нѣсколькихъ дней ужасной дороги по известковымъ ска-

[1]) Какъ извѣстно, энтомологъ А. А. Старкъ, проживающій въ Учъдэрэ возлѣ Сочи, прекрасно обслѣдовалъ фауну жуковъ Черноморскаго округа, а г. Коленко, геологъ, далъ геологическія изслѣдованія нѣкоторыхъ горъ, лежащихъ въ южной части Черном. окр.

ламъ, безъ лошади, принужденный нести вещи на себѣ, я заболѣлъ и долженъ былъ вернуться домой съ пол-дороги. Въ настоящемъ году я попытался вновь осуществить мое намѣреніе. Въ Сухумѣ мнѣ рекомендовали людей, изъ абхазцевъ, которые будто-бы бывали на Аибгѣ и брались меня туда доставить. Съ этими людьми, во второй половинѣ іюля, я двинулся въ путь изъ Сухума. На этотъ разъ я избралъ болѣе удобную дорогу—черезъ Псхё, по долинѣ р. Бзыби и затѣмъ по притоку ея Агурепста (на 5-верстн. картѣ онъ неправильно названъ Бауломъ) на верховья рѣкъ Лашипсё и Уадхара (на 5-верстн. картѣ Одохара)—тоже притоковъ Бзыби—и отсюда—на перевалъ Хёхудара (путь этотъ подробно уже описанъ мною въ моей статьѣ въ Запискахъ Отдѣла [1]). Дойдя до пер. Хёхудара, чтобы попасть на Аибгу, мы должны были свернуть на лѣво къ западу, подняться на небольшой хребетъ Кутэхёку (служащій границей Сухумскаго и Черноморскаго округа) и перевалить черезъ высокія скалы хребта Адзитпуко [2]), въ которыя упирается хребетъ Кутэхёку. Но тутъ обнаружилось, что мои проводники совершенно не знаютъ дороги, что они даже совсѣмъ не бывали въ этихъ мѣстахъ. Однимъ словомъ, я былъ кругомъ обманутъ [3]), Итти на свой страхъ, отыскивая самъ дорогу черезъ страшныя скалы Адзитпуко (достигающія 11700 ф. высоты) я не рискнулъ, не имѣя достаточно съѣстныхъ припасовъ и будучи связанъ двумя лошадьми съ значительнымъ вьюкомъ. Поневолѣ пришлось отказаться отъ намѣренія попасть на Аибгу и ограничиться болѣе детальнымъ обслѣдованіемъ верховьевъ р. Мдзымты. Я не совсѣмъ потерялъ отъ такого измѣненія въ моихъ планахъ. Занявшись изслѣдованіемъ хребтовъ Кутэхёку и Адзитпуко (Адзитпуко—хребетъ, отдѣляющій долину Мдзымты отъ Псоу и идущій совершенно параллельно Главному Кавказскому хребту), я натолкнулся на цѣлый рядъ интересныхъ географическихъ открытый. Прежде всего, мною было обнаружено существованіе на хребтѣ Адзитпуко огромнаго

---

[1]) Отчетъ объ изслѣдованіяхъ Абхазіи въ 1890 г., въ Зап. К. О. Геогр. О., кн. XV, стр. 166—187.

[2]) На 5-верстной картѣ—Агепста.

[3]) Чтобы не повторился такой-же случай съ слѣдующими путешественниками, считаю не лишнимъ, для предупрежденія послѣднихъ, назвать имена проведшихъ меня людей: Шахирь Джіударипа изъ Эшеръ и Ахметъ Хебъ изъ Джгердъ. Не слѣдуетъ также довѣряться рекомендаціямъ лѣсныхъ объѣздчиковъ Дуга и Сейдоха изъ сел. Эшеры.

ледника, не обозначеннаго на 5-верстн. картѣ. Ледникъ этотъ носитъ у абхазцевъ названіе *Хымс-анēкē* (*анēкē* по абхазски значитъ *ледникъ*). Изъ этого-то ледника, по всей вѣроятности, и беретъ начало главный (лѣвый) истокъ рѣки Мдзымты. Ледникъ отлично виденъ съ праваго верховья р. Мдзымты, отъ озера Кардыбачъ (Кардывича 5-верстной карты). Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось подойти къ леднику ближе чѣмъ на 2—3 версты. Ближайшимъ пунктомъ, откуда я его разсматривалъ, былъ одинъ изъ отроговъ г. Адзитпуко, обозначенный и на 5-верстн. картѣ, находящійся часахъ въ 3-хъ пути отъ хр. Кутэхёку. Кромѣ этого большого ледника, *имѣющаго, вѣроятно, версты 2-3 въ длину, и ширины весьма значительной*, на томъ же хребтѣ Адзитпуко видно еще нѣсколько малыхъ ледничковъ. Къ подножью одного изъ такихъ ледничковъ я подходилъ.—Въ свое первое посѣщеніе Мдзымты въ 1890 году я также видѣлъ описываемый большой ледникъ; но такъ какъ я наблюдалъ его тогда только издали и притомъ въ дурную погоду, то я не могъ тогда составить себѣ о немъ точнаго представленія, почему въ своей статьѣ о немъ вовсе не упоминаю. Насколько мнѣ извѣстно, еще ни одинъ изслѣдователь не былъ на ледникѣ Хымс-анēкē. Въ прошломъ году студентъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія, В. Константиновъ, который, стараясь попасть изъ Аибги на Мдзымту, перевалилъ черезъ хребетъ Адзитпуко какъ разъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ледникъ. По словамъ г. Константинова, ледникъ не меньшихъ размѣровъ спускается также съ юго-западной стороны хребта Адзитпуко, въ сторону Аибги. На хр. Адзитпуко, близъ соединенія его съ Кутэхёку, я обнаружилъ также нѣсколько альпійскихъ озеръ, не обозначенныхъ на 5-верстной картѣ. Такихъ озеръ я насчиталъ до 5. По величинѣ нѣкоторыя изъ нихъ не уступаютъ значащемуся на картѣ озеру Мзи.—Поднявшись на одну изъ вершинъ г. Адзитпуко, близъ ледника (на юго-западъ отъ него), на высоту 2850 м. (9405 ф.), откуда открывается видъ во всѣ стороны на огромное пространство, я убѣдился, что ближайшія мѣстности нанесены на 5-верстную карту неправильно. Невѣрность карты въ этомъ мѣстѣ слишкомъ очевидна. Такъ, большое лѣсное *озеро* Р и д з а, которое образуетъ на своемъ теченіи р. Лашипсē (притокъ Бзыби), находится по крайней мѣрѣ верстъ на 15 выше (вверхъ по теченію рѣки) того мѣста, гдѣ оно обозначено на картѣ. Замѣчу мимоходомъ, что это—не одно мое наблюденіе. На то же указывали мнѣ работавшіе въ этихъ

мѣстахъ лѣсной таксаторъ Орѣховъ и землемѣръ Максимовъ. Равнымъ образомъ, известковый хребетъ по правую сторону Бзыби, идущій отъ г. Мамдзышха къ г. Ахэгёшъ (Хагъ 5-верстн. карты), имѣетъ не сѣверо-южное направленіе, какъ это значится на картѣ, а SO—NW.—Весьма поучителенъ видъ, открывающійся съ вершины Адзитпуко на Главный Кавказскій хребетъ. Главный хребетъ представляется отсюда весьма низкимъ (таковъ онъ есть и на самомъ дѣлѣ, имѣя не болѣе 9000 ф. средней высоты). Онъ весь покрытъ прекрасными пастбищами и имѣетъ очень малоскалистыхъ вершинъ. Возвышающійся за нимъ въ Кубанской области параллельный ему хребетъ гораздо его выше, точно также какъ и самъ хребетъ Адзитпуко (по тригонометрической съемкѣ 11700 ф.). Я уже имѣлъ случай, въ своей статьѣ въ Запискахъ Отдѣла [1], указывать на такой странный характеръ Главнаго хребта на верховьяхъ Мдзымты. Мои наблюденія подтверждаетъ и г. Старкъ, много путешествовавшій въ этихъ мѣстахъ. Укажу также на характерную разницу въ петрографическомъ составѣ Главнаго хребта и хребта Адзитпуко. Между тѣмъ какъ Главный хребетъ сложенъ въ этихъ мѣстахъ преимущественно сланцами (глинистыми, аспидными и пр.), хребетъ Адзитпуко образованъ мощными массивами краснаго гранита и какой-то красноватой же метаморфической породой, имѣющей сланцевую отдѣльность и ближе мною не опредѣленной. Мѣстами эта послѣдняя порода поднята чрезвычайно круто и образуетъ тогда какъ бы натуральную лѣстницу.

Я не стану распространяться о растительности верховьевъ Мдзымты, полагая, что она уже достаточно подробно описана мною въ Запискахъ Кавказскаго Отдѣла.

Слѣдующая моя экскурсія въ Черноморскомъ округѣ была направлена на горы Фиштъ и Оштенъ на Главномъ Кавказскомъ хребтѣ. Прошелъ я туда вверхъ по рѣкѣ Шахе. Исходнымъ пунктомъ послужилъ черкесскій поселокъ Кичмай, откуда я взялъ себѣ проводниковъ. Я прошелъ затѣмъ по ущелью р. Шахе до Бабуковой поляны (2345 ф.), откуда поднялся на Главный хребетъ и черезъ перевалъ Шитлибъ (Бѣлорѣченскій) (6249 ф.) вышелъ на верховья р. Схагуашё (Бѣлая), въ Кубанскую область. Отсюда уже я совершалъ восхожденія на горы Фиштъ и Оштенъ.

Фиштъ и Оштенъ – горы въ высшей степени замѣчательныя.

---

[1]) Кн. XV, стр. 174.

Какъ извѣстно, Главный Кавказскій хребетъ на всемъ своемъ протяженіи (по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ онъ поднимается выше лѣсной полосы) образованъ исключительно древними породами—гранитами, гнейсами, сіенитами, діоритами и т. п., или-же метаморфическими сланцами (слюдяными, тальковыми, хлоритовыми и пр.). Но вотъ, приблизительно на 44-й параллели с. ш., въ Главный хребетъ внезапно вклиниваются известняки, которые образуютъ здѣсь два громадныхъ массива—Фиштъ и Оштенъ [1]). Явленіе это—присутствіе известняковъ въ составѣ Главнаго Кавказскаго хребта, да вдобавокъ на такой высотѣ,—настолько необычное, что оно просто поражаетъ,—тѣмъ болѣе, что эти известняки, проникая въ Главный хребетъ, приносятъ съ собой и совершенно другую флору, рѣзко отличающуюся отъ обычной альпійской флоры Главнаго хребта. Ниже я укажу на всѣ особенности этой флоры. Здѣсь же умѣстно будетъ разсказать лишь о слѣдующемъ любопытномъ обстоятельствѣ. Въ прошломъ году, когда я былъ занятъ флорой Абхазіи, Н. И. Кузнецовъ, извѣстный своими путешествіями по Кавказу, указалъ мнѣ на два рѣдкихъ растенія, найденныхъ имъ на г. Оштенѣ, на Daphne sericea и Gentiana alata forma floribus luteis N. Alboff (Gentiana oshtenica Kuznetsoff in litt.). Съ другой стороны, изъ литературы мнѣ было извѣстно о существованіи на той же горѣ весьма рѣдкаго растенія Thalictrum triternatum. Всѣ 3 названныя растенія принадлежатъ къ типичнѣйшимъ представителямъ флоры известковыхъ горъ Абхазіи. Меня чрезвычайно озадачилъ фактъ нахожденія ихъ на одной изъ вершинъ Главнаго хребта. Н. И. Кузнецовъ ничего не сказалъ мнѣ о породѣ, на которой эти растенія были найдены. Но я никакъ не могъ предполагать, чтобы эта порода была иная, нежели огненно-кристаллическая или сланцевая. А если это такъ, то спрашивается: какъ объяснить себѣ существованіе на ней такихъ типичныхъ известковыхъ растеній? Разрѣшить этотъ вопросъ такъ или иначе—это и была главная цѣль моей поѣздки въ настоящемъ году на г. Оштенъ. Каково же было мое удивленіе и радость, когда я увидалъ, что названныя растенія растутъ на Оштенѣ именно на известнякахъ!

---

[1]) Строго говоря, обѣ эти вершины расположены не на самомъ Главномъ хребтѣ, а нѣсколько въ сторону отъ него—на небольшомъ отрогѣ.

Обѣщая возвратиться къ известковой флорѣ Оштена и Фишта въ концѣ своей статьи, я теперь опишу эти горы только съ географической и геологической точки зрѣнія. Горы Фиштъ (9360 ф.) и Оштенъ находятся на Главномъ Кавказскомъ хребтѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ начинаетъ весьма быстро понижаться. Эти двѣ горы—послѣднія пастбищныя вершины Главнаго хребта. Слѣдующія за ними вершины—Аутль (4400 ф.) и проч. едва выходятъ изъ лѣсной полосы. Насколько низокъ Главный хребетъ возлѣ самой горы Фиштъ, можно судить изъ того, что перев. Шитлибъ, ведущій съ верховьевъ р. Шахе на верховья р. Схагуашё, имѣетъ всего 6 съ небольшимъ тысячъ футъ высоты. Я дѣлалъ восхожденіе и на Фиштъ и на Оштенъ. Фиштъ имѣетъ двѣ главныхъ вершины, раздѣленныя чрезвычайно глубокимъ и узкимъ ущельемъ, по которому спускается, на сѣверо-востокъ, небольшой ледникъ. Одна изъ вершинъ, на которую я восходилъ, достигаетъ 9000 слишкомъ футъ высоты (по анэроидному опредѣленію). Другая—значительно выше, футъ на 500 по крайней мѣрѣ. Оштенъ нѣсколько ниже Фишта. Обѣ горы образованы сплошь известняками красносѣраго цвѣта (благодаря присутствію въ нихъ желѣза). Эти известняки представляютъ самыя ужасныя рытвины, бездонные провалы и промоины, глубочайшія трещины. Мѣстами поверхность скалъ просто какъ бы изъѣдена. Словомъ—та самая картина, что на известковыхъ горахъ Мингреліи или Абхазіи. Любопытно, что весь дальнѣйшій рядъ вершинъ Главнаго хребта по направленію къ юго-востоку (Абаго, Шугушъ (10642 ф.) и пр.) уже не известковый, какъ въ этомъ меня завѣряли гг. Старкъ и Константиновъ, бывавшіе въ тѣхъ мѣстахъ.

Горы Фиштъ и Оштенъ, какъ я уже замѣтилъ, составляли исключительную цѣль моего второго путешествія въ Черноморскій округъ. Посѣтивъ ихъ, я вернулся тѣмъ же самымъ путемъ къ берегу моря. Здѣсь слѣдовало бы охарактеризовать лѣсную растительность посѣщенной мною мѣстности. Но она такъ сходна съ лѣсною растительностью Абхазіи, что описывать ее—значило бы повторяться. По рѣкѣ Шахе я встрѣчалъ всѣ, или почти всѣ лѣсныя породы Абхазіи, распредѣленныя въ вертикальномъ направленіи по тѣмъ же самымъ полосамъ. Только ростъ и развитіе ихъ значительно уступаетъ тому, что можно видѣть въ Абхазіи,—что легко объясняется болѣе сѣвернымъ положеніемъ мѣстности. По р Шахе довольно много *самшита*, который растетъ

здѣсь на литографскомъ сланцѣ. Повсюду въ долинѣ р. Шахе мы встрѣчали остатки убыхскихъ и шапсугскихъ садовъ и, между прочимъ, массу отличнаго винограда. Все это безвозвратно пропадаетъ, будучи заглушаемо быстро разростающимся сорнымъ ольховымъ и орѣшниковымъ лѣсомъ.

Въ долинѣ р. Шахе, говорятъ, находится много долменовъ, судя по разсказамъ, совершенно тождественныхъ съ тѣми, которые существуютъ на уроч. Пшадъ и возлѣ Лазаревскаго. Въ особенности много этихъ долменовъ возлѣ уроч. Старый Кичмай, а также на хребтѣ противъ впаденія въ Шахе рѣки Бзычь. Расположены долмены всегда по вершинамъ горъ. О происхожденіи ихъ у черкесовъ существуетъ любопытная легенда. Долмены эти (по черкесски *спунъ*) были выстроены великанами *Инижъ*. Эти великаны жили на положеніи рабочихъ у карликовъ *Спи*, которые собственно и были настоящими хозяевами долменовъ и жили въ нихъ вмѣстѣ съ своими *лошадьми-зайцами (тхагмэкяхъ)*.

Пользуясь своимъ пребываніемъ у черкесовъ, я старался добыть о нихъ кое-какія этнографическія свѣдѣнія. Черноморскіе черкесы едва затронуты этнографическими изслѣдованіями. Объясняется это ихъ быстрымъ выселеніемъ въ Турцію послѣ окончательнаго покоренія нами Кавказа. Одно изъ черкесскихъ племенъ, именно убыхи, исчезло совершенно безслѣдно для науки, которая даже не знаетъ въ точности, какимъ языкомъ говорилъ этотъ народъ. О черноморскихъ черкесахъ—шапсугахъ и нотхуаджь—я знаю всего только двѣ работы, заслуживающія довѣрія, одна—сочиненіе Bell'я „Journal d'une résidence en Circassie", а другая—статьи Люлье, помѣщенныя имъ въ Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. въ 50-хъ и 60-хъ годахъ [1]). Статьи Люлье представляютъ въ высшей степени солидныя произведенія, и мои мимолетныя наблюденія едва-ли могли прибавить что-либо существенное къ сообщаемымъ въ нихъ свѣдѣніямъ. Такъ какъ, однако, повторяю, о черноморскихъ черкесахъ все-таки слишкомъ

---

[1]) *Люлье*. Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки черкесъ. Зап. К. О. Р. Г. О. 1862, кн. V.

— Учрежденія и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ. Зап. К. О. Р. Г. О. 1866, кн. VII.

— Общій взглядъ на страны, занимаемыя горскими народами: черкесами, абхазцами и другими смежными съ ними. Зап. К. О. Р. Г. О. 1857, кн. IV.

— О натухажцахъ, шапсугахъ и абадзехахъ. l. c.

мало извѣстно, и скоро, по всей вѣроятности, этотъ народъ сойдетъ со сцены и тогда уже окончательно будетъ потерянъ для науки, то я считаю своимъ долгомъ разсказать здѣсь все, что мнѣ удалось узнать о нихъ на мѣстѣ.

Черкесы, у которыхъ я былъ, принадлежатъ къ племени *шапсугъ*. Они—остатки небольшого народца *хакучей*, жившихъ прежде на верховьяхъ р. Хакучипсё. Этотъ народецъ оказался всѣхъ болѣе привязаннымъ къ своей родинѣ, и завоевателямъ пришлось употребить не мало усилій, прежде чѣмъ имъ удалось выжить хакучей изъ ихъ гнѣздъ въ неприступныхъ ущельяхъ черноморскихъ горъ; хакучи во всякомъ случаѣ ушли въ Турцію послѣдними. Тѣ Хакучи, которыхъ я засталъ на р. Шахе—послѣдніе могикане этого народа. Ихъ осталось всего 110 дымовъ. Изъ нихъ 40 дымовъ живутъ теперь на р. Шахе, образуя селеніе подъ названіемъ Кичмай, а другіе 70 дымовъ составляютъ сел. Александровское на верховьяхъ рѣки Ашше. Прежде они жили на уроч. Лѣсномъ на р. Мдзымтѣ, возлѣ Адлера, и перебрались сюда лишь въ сравнительно недавнее время. Живутъ они съ большимъ достаткомъ, даже богато: напримѣръ, одинъ изъ моихъ бывшихъ проводниковъ имѣетъ цѣлый табунъ лошадей. Съ русской культурой успѣли свыкнуться. Большинство говорятъ и почти всѣ понимаютъ по русски. Въ сакляхъ болѣе состоятельныхъ вы найдете русскую мебель и русскую домашнюю утварь—въ томъ числѣ даже самоваръ. Не смотря однако на благосостояніе, которымъ они теперь пользуются, многіе изъ нихъ поговариваютъ о выселеніи въ Турцію, невыгоды котораго, впрочемъ, всѣ отлично понимаютъ. Причина—боязнь солдатчины.—Несмотря на такое внѣшнее усвоеніе чуждой имъ культуры, хакучи однако отлично сохранили въ памяти преданія старины,—сохранили даже въ гораздо большей степени, чѣмъ, напримѣръ, упорно-консервативные абхазцы. Даже молодые черкесы могли назвать мнѣ имена черкесскихъ языческихъ божествъ и разсказать одно-два нартовскихъ преданія. Мусульманская религія, кстати сказать, привилась у нихъ очень слабо, хотя у нихъ и существуютъ мечеть, медрессе и мулла. Молитвъ они вовсе не знаютъ, намазовъ не творятъ, омовеній не дѣлаютъ. Къ мулламъ особеннаго почтенія не питаютъ. Напротивъ, какъ я самъ бывалъ свидѣтелемъ, исподтишка надъ ними подсмѣиваются. Единственно, въ чемъ они являются правовѣрными—это въ томъ, что они не пьютъ вина и не ѣдятъ свинины. По характеру народъ этотъ довольно сим-

патичный—мягкій, привѣтливый, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ расчетливый и хитрый. Въ противуположность абхазцамъ, черкесы-хакучи очень молчаливы и сдержанны. Во всякомъ случаѣ они умнѣе, практичнѣе и болѣе способны къ культурѣ, чѣмъ абхазцы. Обычаи черкесовъ во многомъ напоминаютъ абхазскіе. Не смотря на мусульманскую религію, дѣвушка держится здѣсь совершенно свободно—также свободно, какъ въ Абхазіи. Она постоянно является въ кунацкую, прислуживать гостямъ. Съ ней можно разговаривать и даже шутить. До сихъ поръ у хакучей распѣваются пѣсенки про красавицу Працъ, гремѣвшую въ этихъ мѣстахъ лѣтъ 30—40 тому назадъ, черезчуръ острый язычекъ которой не оставлялъ въ покоѣ ни одного посѣтителя, являвшагося въ домъ ея отца и въ концѣ концовъ разогналъ всѣхъ гостей изъ кунацкой. Замужняя женщина, напротивъ того, гостямъ не показывается, хотя при встрѣчѣ лица своего и не закрываетъ (въ Абхазіи, какъ извѣстно, напротивъ, хозяйка дома выходитъ на встрѣчу гостя и принимаетъ въ пріемѣ его не меньшее участіе чѣмъ самъ хозяинъ). Взглядъ на женщину, благодаря вліянію ислама, у хакучей значительно разнится отъ того, какой существуетъ въ Абхазіи. Абхазцы смотрятъ на женщину какъ на существо съ мужчиной равноправное, работъ она несетъ гораздо меньше мужчины, и бракъ у абхазцевъ вовсе не носитъ характера купли-продажи: женихъ и отецъ невѣсты обмѣниваются подарками *равной* стоимости, послѣ чего бракъ считается заключеннымъ. Кромѣ того, у абхазцевъ большею частію дѣвушка вольна въ выборѣ жениха. У черкесовъ бракъ заключается посредствомъ *мекяха*, или обязательства выплатить за дѣвушку извѣстную сумму денегъ, обыкновенно—300-500 рублей. Большая часть этихъ денегъ присвоивается родителями невѣсты, и лишь незначительная—идетъ подъ обезпеченіе жены на случай смерти мужа или развода. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ *мекяхомъ* въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ оно понимается у мусульманъ (обязательство обезпечить жену извѣстной суммой денегъ на случай смерти или развода—нѣчто вродѣ douaire французовъ и dower англичанъ), а скорѣе—съ татарскимъ *калымомъ*, который въ сущности обозначаетъ прямо куплю-продажу дѣвушки. Изъ-за этого калыма у черкесовъ постоянно бываютъ недоразумѣнія и ссоры и еще не такъ давно произошло изъ за него кровавое столкновеніе.

Я хотѣлъ разсказать о черкесскихъ суевѣріяхъ и охарактеризовать различныя божества черкесовъ. Но все это такъ об-

стоятельно описано въ превосходной статьѣ Люлье, что мои гасспросы не могли прибавить сюда ничего новаго. Замѣчательно, что черкесы давали мнѣ характеристику своихъ божествъ въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ они описаны у Люлье. Это, съ одной стороны, придаетъ еще болѣе солидности статьѣ послѣдняго, а съ другой—наглядно говоритъ о томъ, какъ твердо держатся у черноморскихъ черкесовъ старинныя вѣрованія, не смотря на вліяніе мусульманства. Вѣрованія и религіозные обряды на столько хорошо сохранились въ памяти народа, что до сихъ поръ еще вамъ могутъ не только пересказать, но даже пропѣть нѣкоторыя старинныя молитвы. Упомяну о нѣкоторыхъ суевѣріяхъ черкесъ, которыя почему-то не вошли въ статью Люлье.

1) Черкесы вѣрятъ въ существованіе особыхъ добрыхъ геніевъ, въ образѣ прекрасныхъ женщинъ, которыхъ они называютъ *джинёфъ* (отъ слова *джинё*—духъ). Эти *джинёфъ* обладаютъ даромъ всевѣдѣнія и могутъ сообщать его людямъ. Онѣ нерѣдко вступаютъ въ связь съ человѣкомъ, котораго полюбятъ, и тогда исполняютъ всѣ его желанія. Для всѣхъ другихъ, кромѣ своего любовника, онѣ—невидимки. Но горе тому человѣку, съ которымъ онѣ живутъ, если онъ признается, что съ нимъ въ связи *джинёфъ*; тогда онъ навѣки потеряетъ ее.

2) По повѣрьямъ хакучей, въ лѣсахъ ихъ страны обитаютъ какія-то дикія существа, *мезлануквы (лѣсные люди)*. У нихъ на груди всегда бываетъ привѣшенъ маленькій топоръ. На людей эти существа бросаются и убиваютъ ихъ. Несомнѣнно, что *мезлануквы* совершенно тождественны съ абхазскими *абнаоё* и самурзаканскими *очокочи*, т. е., въ переводѣ, *лѣсными людьми*, которыхъ абхазское и самурзаканское преданія рисуютъ также съ топорами на груди.

3) Кромѣ мезлануквовъ, въ лѣсахъ живутъ еще другого рода существа—*мезцыфъ* (*мез*—лѣсъ, *цыфё*—человѣкъ). Это суть существа, всѣ обросшія волосами. Ходятъ они безъ всякой одежды. Человѣка не трогаютъ. Не есть ли это грузинскіе *маймуни* (*люди-обезьяны*)?

Любопытно будетъ сопоставить обрядъ, исполняемый шапсугами надъ трупомъ убитой громомъ скотины (или человѣка), съ подобнымъ же обрядомъ, существующимъ въ Абхазіи и въ Самурзакани. Обрядъ этотъ у шапсуговъ носитъ названіе *шиблясъ* (отъ слова *шибле*—богъ грома). Онъ превосходно описанъ у Люлье, и я считаю поэтому излишнимъ распространяться о немъ.

Скажу только, что онъ состоитъ въ томъ, что убитое животное поднимаютъ на нарочито устраиваемую для этого вышку; затѣмъ всѣ участвующіе въ церемоніи, взявшись за руки, начинаютъ плясать вокругъ вышки, причемъ одна сторона поетъ *«о-еллэ»*, а другая отвѣчаетъ—*«е—ллэ»*. Затѣмъ всѣ вмѣстѣ подхватываютъ: *«о-еллялэ—эллё»*. Обрядъ заканчивается закланіемъ жертвеннаго животнаго и общимъ пиромъ. Совершенно въ такой же формѣ существуетъ обрядъ въ Абхазіи и Самурзакани. У абхазцевъ онъ носитъ названіе *Афу-лыпха*, т. е. *молитва въ честь Афу* (бога грома), а у самурзаканцевъ—*жинишъ-хвама*, т. е. верхняя молитва. Только у абхазцевъ при пляскѣ поется другой припѣвъ, а именно: одна половина хора поетъ *«во-етла»*, а другая—*«чаупаръ»*; затѣмъ хоры соединяются и поютъ вмѣстѣ *«во-етла—чаупаръ»* [1]). Слова: *«во-етла»* и *«чаупаръ»* не имѣютъ въ абхазскомъ языкѣ никакого значенія, точно также какъ и у черкесовъ *«елля-еллё»*.—У хакучей до сихъ поръ отлично сохранился въ памяти этотъ обрядъ, и одинъ сравнительно молодой черкесъ въ высшей степени живо описалъ мнѣ его и даже пропѣлъ припѣвъ. Курьезно, что не менѣе живо сохраняется этотъ языческій обрядъ и въ христіанской Самурзакани.

Находясь въ гостяхъ у хакучей, я старался также вывѣдать у нихъ все, что имъ извѣстно относительно ихъ бывшихъ сосѣдей—*убыховъ*. Убыхи, какъ я уже говорилъ, представляютъ народъ, безслѣдно погибшій для науки. Они всѣ до послѣдняго человѣка выселились въ Турцію прежде, чѣмъ этнографы могли узнать что-либо объ ихъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ и языкѣ. По словамъ Люлье, убыхскій языкъ не похожъ ни на черкесскій, ни на абхазскій. Впрочемъ, Люлье самъ у убыховъ не былъ, а у шапсуговъ, среди которыхъ онъ долго жилъ, не могъ добиться объ этомъ положительныхъ свѣдѣній. Напротивъ, турецкій путешественникъ XVII вѣка Эвліа-Эффенди, проѣхавшій по всему Черноморскому побережью и посѣтившій въ томъ числѣ земли убыховъ, утверждаетъ, что послѣдніе говорили именно абхазскимъ языкомъ. Извѣстный изслѣдователь кавказскихъ нарѣчій, баронъ Усларъ, началъ было изучать убыхскій языкъ, пользуясь пребываніемъ въ русскомъ лагерѣ убыхскаго мальчика; но занятія его оборвались неожиданнымъ образомъ въ самомъ началѣ

---

[1]) Срв. *Соломонъ Званбайя*. Очерки абхазской миѳологіи. Газ. «Кавказъ» 1867, № 74—76.

нихъ, вслѣдствіе того, что этотъ мальчикъ въ одинъ прекрасный день внезапно исчезъ изъ лагеря. То̀ что̀ успѣлъ записать Усларъ, по словамъ его, приводитъ его къ той мысли, что убыхскій языкъ очень близокъ къ абхазскому. Съ своей стороны, я лично получилъ отъ хакучинскихъ стариковъ, помнящихъ убыховъ, одно важное свѣдѣніе, которое подтверждаетъ слова Эвлія-Эффенди и барона Услара. По словамъ хакучей, у убыховъ было *два языка —одинъ обще черкесскій, адыге*, обще распространенный среди нихъ и болѣе всего употреблявшійся, а другой—*свой собственный* языкъ, которымъ они пользовались тогда, когда желали, чтобы ихъ не поняли другіе черкесы, напримѣръ—находясь въ плѣну. Этотъ послѣдній языкъ носилъ у нихъ названіе *абзабзы*. Если разобрать хорошенько этимологію этого слова, то выходитъ слѣдующее. *Абзабзы* есть слово абхазскаго происхожденія, состоящее изъ 2 словъ: *апс* и *абзы*, и значитъ оно въ русскомъ переводѣ *абхазскій языкъ* (*апсуа*—абхазскій, *абзъ*—языкъ). Такимъ образомъ, сопоставляя вмѣстѣ всѣ вышеприведенныя данныя, можно, кажется, теперь сказать съ увѣренностью, что убыхи говорили *именно абхазскимъ* языкомъ—вѣроятно, какимъ-либо особымъ нарѣчіемъ его, въ родѣ того, какое существовало у другихъ абхазскихъ народцевъ, обитавшихъ въ горахъ Черноморскаго округа и Кубанской области (Медозюй, Садзенъ, Тамъ и проч.).

Я полагаю ограничиться вышеприведенными этнографическими данными для характеристики черноморскихъ черкесовъ, отсылая всѣхъ желающихъ получить болѣе подробныя свѣдѣнія къ превосходнымъ статьямъ Люлье.

Перехожу теперь къ остальнымъ двумъ провинціямъ, которыя были посѣщены мною этимъ лѣтомъ,—Абхазіи и Самурзакани. Собственно говоря, эти провинціи были детально изслѣдованы мною еще въ прошломъ году. Несмотря, однако, на это, мнѣ удалось и въ настоящемъ году сдѣлать тамъ нѣсколько замѣчательныхъ находокъ. Это показываетъ, между прочимъ, какъ богата и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ мало изслѣдована растительность двухъ названныхъ провинцій. Мои находки въ Абхазіи и Самурзакани пріурочиваются исключительно къ известняковымъ горамъ. На известнякахъ Абхазіи я нашелъ между прочимъ два новыхъ сложноцвѣтныхъ. Одно изъ нихъ есть новый видъ A s t e r, а дру-

гое—*новый*, еще неизвѣстный въ наукѣ *родъ*, относящійся къ трибѣ Buphtalmeae, стоящій близъ родовъ Postia и Chrysophtalmum [1]). Оставляя за собой право подробнаго описанія этого рода впослѣдствіи, въ спеціальныхъ ботаническихъ журналахъ, теперь ограничусь сообщеніемъ его краткаго діагноза. Это въ высшей степени изящное растеніе съ ланцетными листьями, сверху яркозелеными, сниву—снѣжно-бѣлыми. Цвѣты—бѣловато-сѣроватые, напоминающіе цвѣты Linosyris. Растеніе болѣе красиво своими листьями, чѣмъ цвѣтами. Вотъ латинскій діагнозъ этого рода, которому я даю названіе Barbeya, въ честь ботаника William Barbey, шефа Herbier Boissier, въ Chambésy, возлѣ Женевы.

Barbeya n. gen. N. Alboff:

Capitulum cylindricum radiatum, habitu Linosyridis, flosculis tubulosis omnibus hermaphroditis. Jnvolucri phylla dense imbricata. Receptaculum paleaceum, paleis longis lanceolato-linearibus. Antherae basi caudatae. Styli rami incurvi lineari-cylindrici. Achaenia subcompressa adpresse hirta apice dense pilosa, pappo uniseriali eis 2—3-plo longiore, coronata. Pappi setae scabrae inaequales.—Herba perennis gracilis 1-vel pluriflora, foliis supra nitidis viridibus, subtus argyreo-canis.—Genus ex affinibus Chrysophtalmi, Postiae etc. (subtrib. Buphtalmeae trib. Jnuloideae).

Оба названныя растенія были найдены мною на Взыбскомъ хребтѣ, въ Сѣверной Абхазіи. Во время поѣздки по Самурзакани, я обнаружилъ, кромѣ того, на известковомъ хребтѣ Охачкуэ существованіе новаго вида Campanula—того самаго, *который встрѣчается и на известковыхъ горахъ Мингреліи*. О характерѣ растительности Абхазіи и Самурзакани считаю говорить излишнимъ, въ виду многочисленныхъ статей, которыя я посвятилъ ея описанію [2]). Въ частности, объ известковой флорѣ этихъ странъ

---

[1]) И то и другое растенія, какъ я упоминалъ выше, были найдены мною также въ Мингреліи.

[2]) *Н. Альбовъ.* Описаніе новыхъ видовъ растеній, найденныхъ въ Абхазіи. (Труды Одесск. Отд. Общ. Садовод., 1891).

— Состояніе садоводства въ Абхазіи (Зап. Общ. Сел. Хоз. Южн. Россіи, 1892).

— Лѣса Абхазіи (ibid).

— Абхазскіе папоротники (Зап. Новоросс. Общ. Естеств. 1891).

будетъ рѣчь ниже, когда я буду характеризировать известняковую флору западнаго Закавказья вообще.

Путешествуя настоящимъ лѣтомъ по Абхазіи, я старался пополнить свои этнографическія свѣдѣнія о ней. Интересующихся этими свѣдѣніями я отсылаю къ своему пространному докладу, читанному мною въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Этнографическомъ Отдѣленіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (Докладъ этотъ въ скоромъ времени долженъ быть напечатанъ въ „Живой Старинѣ“—сборникѣ, издаваемомъ Императорскимъ Географическимъ Обществомъ).

Говоря объ Абхазіи, я не могу пройти молчаніемъ любопытныхъ памятниковъ старины, широко распространенныхъ во всей Абхазіи, отъ Бзыби до Ингура, именно—о такъ называемыхъ *Цани-гвара*, *постройкахъ* (буквально—*оградахъ*) *Цаніевъ*, съ которыми у абхазцевъ и самурзаканцевъ связано одно любопытное преданіе. Въ литературѣ я не встрѣчалъ упоминанія объ этихъ оригинальныхъ сооруженіяхъ, равно какъ и самомъ преданіи. Хотя подробно говорилъ о нихъ въ своемъ докладѣ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ, но въ виду того, что отчетъ этотъ пока еще не опубликованъ, считаю не лишнимъ коснуться этого предмета въ настоящей статьѣ. Почти на всѣхъ горахъ Абхазіи, на высотѣ отъ 7000 до 7500 ф. (2133 до 2286 м.) можно встрѣтить оригинальныя сооруженія, имѣющія видъ низенькихъ оградъ, грубо сложенныхъ изъ камней, безъ всякаго цемента. Онѣ расположены то въ видѣ четыреугольника, иногда раздѣленнаго еще на отдѣленія, то въ видѣ неправильнаго круга. Часто они находятся въ полуразрушенномъ состояніи, и тогда ихъ не трудно смѣшать съ обыкновенными осыпями камней, хотя все-таки искуственный ихъ характеръ выдается ихъ правильнымъ расположеніемъ. Такъ какъ постройки эти имѣютъ мало

— Два новыхъ рода для флоры Кавказа—Rhamphicarpa и Dioscorea (Acta Horti Petropolitani, 1893).

— Изъ Абхазіи (Русское Лѣсное Дѣло, 1893).

— Результаты ботаническихъ изслѣдованій Абхазіи (Труды СПБ. Общ. Естеств., 1893).

— Отчетъ о ботанич. изслѣдованіяхъ Абхазіи (1890 г. Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. XV, 1893).

— Contributions à la flore de la Transcaucasie: plantes nouvelles ou peu connues trouvées en Abkhasie de 1889 à 1892. Bull. de l'Herbier Boissier, vol. 1, N 5, 1893).

типичнаго, то я, да и всякій другой наблюдатель, склоненъ былъ бы считать ихъ за простыя ограды, устроенныя пастухами для своихъ стадъ, если бы у туземцевъ не существовало о происхожденіи ихъ преданіе, которое слово въ слово повторяется какъ въ сѣверной Абхазіи, такъ и въ Абжуа (Кодорской Абхазіи) и Самурзакани. Преданіе это гласитъ слѣдующее. Въ очень давнее время, на этихъ горахъ жили карлики, принадлежавшіе къ роду *цанъ* (по абхазскому произношенію) или *цанiа* (по самурзакански). Они занимались пастушьимъ хозяйствомъ и построили эти ограды для себя и своихъ стадъ. Тогда на землѣ было еще то блаженное время, когда не существовало ни дождя, ни снѣга, ни вѣтра, ни холода, и не было различія между днемъ и ночью, солнце вѣчно сіяло на безоблачномъ небѣ, и цаніямъ вовсе не было холодно на этихъ высотахъ, которыя теперь доступны для обитанія лишь въ теченіе 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Цаніи не знали употребленія огня и питались молочными продуктами своихъ стадъ и сырымъ мясомъ. Воду они брали изъ ручьевъ, бѣжавшихъ изъ подземныхъ родниковъ. Цаніи, были очень нечестивый народъ, который совсѣмъ не признавалъ существованіе Бога. И вотъ Богъ, разгнѣвавшись на цаніевъ за ихъ невѣріе, рѣшилъ достойно наказать ихъ. Однажды цаніи сидѣли, собравшись въ кружокъ въ своихъ оградахъ. Вдругъ одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что у козла, стоявшаго неподалеку на скалѣ, стала пошевеливаться борода. Это былъ вѣтеръ, который Богъ впервые послалъ на землю. Вѣтеръ нагналъ на небо черныя тучи, которыя заслонили отъ цаніевъ солнце. Затѣмъ съ неба начали падать хлопья ваты, которые покрыли землю точно снѣгомъ. Послѣ того, Богъ послалъ на землю огонь, который воспламенилъ вату и вмѣстѣ съ нею сжегъ нечестивыхъ цаніевъ.

Коснувшись археологіи Абхазіи, не могу не упомянуть объ оригинальныхъ *жертвенникахъ*, существующихъ на нѣкоторыхъ перевалахъ абхазскихъ горъ. Одинъ изъ такихъ жертвенниковъ на перевалѣ черезъ Главный хребетъ (перевалъ Ноуръ?) былъ описанъ еще фон-Торнау въ его превосходныхъ „Воспоминаніяхъ" [1]). Я такіе жертвенники видалъ на перевалѣ Хымсы и на перевалѣ Дзина. Жертвенники эти состоятъ обыкновенно изъ небольшаго четыреугольнаго возвышенія, сложеннаго изъ камней. Всякій переваливающій черезъ хребетъ непремѣнно долженъ, послѣ

---

[1]) Воспоминанія Кавказскаго офицера. Москва, 1865 г.

прочтенія молитвы, положить на жертвенникъ какое-либо приношеніе. Въ противномъ случаѣ Духъ горъ непремѣнно пошлетъ ему на дорогѣ какое-нибудь несчастіе, столкнетъ въ пропасть, занесетъ снѣгомъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. На перевалѣ Дзина въ числѣ приношеній я видѣлъ пули, ружейные патроны, разноцвѣтные лоскутки и обломки ножницъ (это послѣднее—очевидно, приношеніе женщинъ), хорошій кристаллъ известковаго шпата и *цѣлую массу старинныхъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій*. О такихъ же стрѣлахъ на перевалѣ Ноуръ упоминаетъ и Фон-Торнау. Отъ этихъ стрѣлъ происходитъ и самое названіе жертвенниковъ (по абхазски „*ахчакохыку*", т. е. мѣсто, гдѣ лежатъ стрѣлы). Я не могъ захватить съ собою стрѣлъ съ перевала Дзина, такъ какъ меня не допустили до этого мои проводники: по абхазскому суевѣрію, всякій кто присвоитъ себѣ какое-либо изъ приношеній, будетъ за это жестоко наказанъ Богомъ. Но у меня есть стрѣлы, найденныя мною на перевалѣ Ачавчара, въ землѣ, которыя ничѣмъ не отличаются отъ стрѣлъ съ пер. Дзина. Любопытно, что подобныя же стрѣлы встрѣчаются въ землѣ возлѣ одного долмена въ Черноморскомъ округѣ, въ долинѣ рѣки Мдзымты, близь сел. Романовскаго (на Красной Полянѣ).

Этими свѣдѣніями я закончу изложеніе разнообразнаго матеріала, собраннаго мною во время моихъ поѣздокъ по различнымъ провинціямъ Западнаго Закавказья, и перейду теперь, въ частности, къ тѣмъ фактамъ, которые я добылъ при изслѣдованіи *флоры известняковъ*, и къ тѣмъ выводамъ, на которые эти факты наталкиваютъ.

Прежде всего я долженъ подробно охарактеризовать *известковую флору Абхазіи*, которая послужила точкой отправленія для моихъ изслѣдованій. Уже въ своей статьѣ, въ Запискахъ Кавказскаго Отдѣла, написанной въ 1891 году, я достаточно ясно намѣтилъ особенности флоры известняковъ Абхазіи, говоря о растительности нагорныхъ пастбищъ Бзыбскаго хребта [1]). Съ большей полностью и опредѣленностью я развилъ свой взглядъ въ сообщеніи, читанномъ мною въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года въ Ботаническомъ Отдѣленіи С.-Петербургскаго Общества Естество-

---

[1]) l. c. стр. 167.

испытателей [1]). Вотъ главныя мои положенія, высказанныя въ этомъ сообщеніи:

1) Растительность известковаго Бзыбскаго хребта рѣзко разнится отъ растительности остальныхъ (неизвестковыхъ) горъ Абхазіи.

2) Она характеризуется *цѣлымъ рядомъ эндемическихъ формъ*, изъ коихъ нѣкоторыя представляютъ собою *совершенно новые виды*, а другія—*очень рѣдкіе эндемическіе кавказскіе виды*. Къ числу первыхъ относятся: новый видъ Geum (Geum speciosum N. Alboff), новый видъ Ranunculus (Ranunculus Helenae N. Alboff), новый *шафранъ* (Crocus Autrani N. Alboff). Къ числу рѣдкихъ эндемическихъ кавказскихъ видовъ принадлежатъ: Daphne sericea, Thalictrum triternatum, Gentiana alata var. floribus luteis N. Alboff.

3) Въ числѣ растеній известковаго Бзыбскаго хребта попадается *нѣсколько видовъ, свойственныхъ* только южнѣе лежащему *Лазистану*. Эти виды также въ другихъ, неизвестковыхъ горахъ Абхазіи не встрѣчаются. Таковы: чрезвычайно характерный видъ осоки (Carex lazica), Scutellaria pontica (var. abchasica N. Alb.).

4) Хотя вышеприведенныя растенія составляютъ весьма незначительный процентъ въ сравненіи съ массой другихъ видовъ, общихъ у Бзыбскаго хребта съ другими горами, но за то распространены они въ такомъ громадномъ количествѣ особей, что нерѣдко исключаютъ всю другую растительность. Мнѣ случалось, напримѣръ, видать цѣлые громадные участки альпійскаго луга, заросшіе сплошь Geum speciosum и Carex lazica.

Въ такомъ видѣ я резюмировалъ свои наблюденія надъ флорой абхазскихъ известковыхъ горъ въ петербургскомъ сообщеніи. Настоящимъ лѣтомъ, какъ я уже упоминалъ, я вновь посѣтилъ абхазскіе известняки, и мнѣ удалось сдѣлать тамъ два важныхъ открытія (два новыхъ сложноцвѣтныхъ—Aster и Barbeya). Кромѣ того, ознакомившись предварительно съ растительностью известковыхъ горъ Мингреліи и Черноморскаго округа, я принужденъ былъ, при моемъ новомъ посѣщеніи абхазскихъ известняковъ, отмѣтить для нихъ еще цѣлый рядъ растеній, много раньше игнорированныхъ, какъ вульгарныя, но которыя, какъ я убѣдился при сравнительномъ изученіи известковыхъ флоръ Запад-

---

[1]) l. c. стр. 80 и 81.

наго Закавказья, представляются также весьма характерными для известняковъ. Наконецъ, при разработкѣ моихъ новѣйшихъ коллекцій изъ Абхазіи въ Гербаріѣ Буассье, весною этого года, оказались еще три растенія, свойственныхъ также только известнякамъ Абхазіи, изъ которыхъ два представляютъ новые виды (Ranunculus Sommieri и одно *зонтичное*). Такимъ образомъ, мнѣ пришлось сдѣлать существенныя дополненія къ вышеприведенному списку растеній Бзыбскаго хребта. Привожу теперь этотъ списокъ полностью:

* Geum speciosum.
Carex lazica.
Daphne sericea.
Astrantia Biebersteinii.
Thalictrum triternatum.
Galium vaillantoides.
Helianthemum vulgare.
Draba bruniaefolia.
Primula acaulis typica.
Doronicum caucasicum.
* Aster n. sp.
* Ranunculus Helenae.
* Umbelliferarum n. sp. (n. genus?).
Bupleurum heterophyllum.
Geranium Robertianum var. purpurea.
Salvia verticillata.
Omphalodes cappadocica.
Asperula aspera.
Campanula alliariaefolia.
* Gentiana alata f. floribus luteis.
* Crocus Autrani.
* Ranunculus Sommieri.
* Barbeya (n. gen. Compos.).
Scutellaria pontica var. abchasica N. Alb.
Sedum acre.
Origanum vulgare.
Umbilicus oppositifolius.
Arctostaphylos Uva Ursi.

(Здѣсь звѣздочкой обозначены мои новые виды).

Охарактеризовавъ известковую растительность Абхазіи, перехожу къ обозрѣнію луговой растительности известняковъ, въ другихъ провинціяхъ Западнаго Закавказья.

Начну съ Мингреліи.

Асхи—самый южный изъ известковыхъ хребтовъ Западнаго Закавказья, который удалось мнѣ изслѣдовать. Я уже упоминалъ, что по своему геологическому строенію онъ совершенно напоминаетъ Бзыбскій хребетъ. Посмотримъ, проявляетъ ли такое же сходство его флора.

Вотъ списокъ растеній записанныхъ мною на хребтѣ Асхи,

жакъ не попадающіяся на сосѣднихъ гранитныхъ и сланцевыхъ горахъ:

* Geum speciosum.	Helianthemum vulgare.
Carex lazica.	Salvia verticillata.
Astrantia Biebersteinii.	Origanum vulgare.
Asperula aspera.	Arctostaphylos uva ursi.
Galium vaillantoides.	Sedum acre.
	* Campanule alliariaefolia.
Geraninm Robertianum v. purpurea.	Cyclamen n. sp.

Бѣдность списка объясняется тѣмъ, что я былъ на Асхи въ разгаръ засухи, когда большая часть растительности погорѣла, а та, которая уцѣлѣла, была сильно потравлена скотомъ. Бросивъ бѣглый взглядъ на этотъ списокъ, мы не можемъ не замѣтить, что всѣ отмѣченныя въ немъ растенія, за исключеніемъ одного Cyclamen n. sp., представляютъ типичныя известковыя растенія Абхазіи.

Перехожу къ слѣдующимъ горамъ, лежащимъ далѣе на сѣверъ —*Мигаріа* и *Джвари*. Отмѣчаю ихъ характерныя растенія:

* Geum speciosum.	Achillea grandifolia.
Carex lazica.	Galium vaillantoides.
Daphne sericea.	Asperula aspera.
Astrantia Biebersteinii.	Helianthemum vulgare.
Sedum acre.	Geranium Robertianum var. purpurea.
* Barbeya (n. gen. Compos.).	Salvia verticillata.
* Aster n. sp.	Umbilicus oppositifolius.
	Arctostophylus uva ursi.
* Campanula n. sp. № 1.	Origanum vulgare.
Campanula alliariaefolia.	Thalictrum triternatum.

И здѣсь мы видимъ полное сходство, даже еще большее, чѣмъ на Асхи, со спискомъ известковыхъ растеній Бзыбскаго хребта—за исключеніемъ опять-таки того-же Cyclamen и еще одного новаго *колокольчика*, эндемичнаго для этихъ горъ (буду его пока называть № 1, въ отличіе отъ другого новаго вида, найденнаго въ Черноморскомъ окр.).

Перехожу теперь къ г. *Кернахони* (около селенія Джгалъ). Кернахони—очень невысокая гора, едва выходящая изъ лѣсной полосы, отчего ея растительность довольно бѣдна. Я былъ здѣсь

очень рано весной и при томъ въ дурную погоду, и могъ записать здѣсь только слѣдующія растенія:

* Geum speciosum.	Omphalodes cappadocica.
Daphne sericea.	Scutellaria pontica var. abchasica.
Carex lazica.	

— т. е. опять всё типичныя известковыя растенія Бзыбскаго хребта.

Кернахони заканчиваетъ собою рядъ изслѣдованныхъ мною известковыхъ возвышенностей Мингреліи.

Перейдя затѣмъ черезъ рѣку Ингуръ въ Самурзакань, мы сейчасъ-же наталкиваемся на типичный известковый хребетъ *Охачкуэ*, высота котораго достигаетъ не менѣе 7500 ф. (2286 м.). На Охачкуэ я былъ поздней осенью, въ октябрѣ мѣсяцѣ, но тѣмъ не менѣе успѣлъ записать здѣсь слѣдующія растенія, которыя не встрѣчаются въ сосѣднихъ неизвестковыхъ горахъ:

* Geum speciosum.	Helianthemum vulgare.
Daphne sericea.	Salvia verticillata.
Astrantia Biebersteinii.	Galium vaillantoides.
Origanum vulgare.	Omphalodes cappadocica.
Campanula alliariaefolia.	Sedum acre.
* Campanula n. sp. № 1.	Scutellaria pontica var. abchasica.
* Cyclamen n. sp.	Geraninm Robertianum var. purpurea.

Какъ видно, списокъ совершенно тождественъ со спискомъ мингрельскихъ известковыхъ растеній, а отъ абхазскаго отличается лишь присутствіемъ въ немъ новыхъ видовъ Cyclamen и Campanula.

Послѣ Охачкуэ на большомъ протяженіи не встрѣчается пастбищныхъ известковыхъ горъ. Высокія горы Самурзакани и Абжуа—Опара, Апшира, Ачирассэра, Ходжалъ и проч. также какъ и пастбищныя горы верховьевъ Кодора и Гумисты, образованы частію огненными, частію метаморфическими сланцами. Въ прошломъ году я сдѣлалъ большой пробѣгъ по всѣмъ этимъ горамъ и не нашелъ на нихъ ни одного изъ приведенныхъ выше растеній. Известковыя горы поднимаются выше пастбищной полосы только въ Бзыбской Абхазіи. Первой такой горой будетъ Гумишха (около 6000 ф. или 1830 м.), затѣмъ Бзыбскій хребетъ, высочайшая вершина котораго, г. Дзышра, поднимается до 9000 ф.

(2744 м.) слишкомъ, а прочія—Чипшира, Ахалибохъ, Акугра, Ахырджа—имѣютъ каждая болѣе 8000 ф. (2438 м.). Такъ какъ растительность Бзыбскаго хребта была мною уже достаточно детально охарактеризована, то я къ ней болѣе не возвращаюсь.

Сѣвернѣе Бзыбскаго хребта, за рѣкой Бзыбью, лежитъ цѣлая группа известковыхъ возвышенностей—Мамдзышха, Кутушера, Арбика. Изъ нихъ первая гора имѣетъ высоту незначительную (6400—6500 ф. или 1950 и 1980 м.), а двѣ другія достигаютъ приблизительно той-же высоты, что и Бзыбскій хребетъ. Вотъ перечень растеній, записанныхъ мною на этихъ горахъ:

* Geum speciosum.	* Ranunculus Helenae.
Daphne sericea.	Doronicum caucasicum.
* Scutellaria pontica v. abchasica.	Sedum acre.
Arctostaphylus uva ursi.	Primula acaulis typica.
Geranium Robertianum var. purpurea.	Jurinea mollis.

Очевидно, что растительность этихъ горъ представляетъ буквальное повтореніе растительности Бзыбскаго хребта. Бѣдность списка объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что я былъ здѣсь очень рано весной, когда многія типичныя растенія, какъ Astrantia Bieberateinii, Carex lazica и другія еще не успѣли развиться. Кромѣ того, какъ я уже упомянулъ выше, пребываніе мое здѣсь было чрезвычайно непродолжительное: я здѣсь заболѣлъ и принужденъ былъ поспѣшно вернуться назадъ, не успѣвъ детально обслѣдовать эти горы.

Еще сѣвернѣе названныхъ горъ, уже въ Черноморскомъ округѣ, лежитъ группа известковыхъ хребтовъ, отдѣляющихъ приморскую полосу отъ верхней долины р. Псоу. Это—такъ называемыя горы *Аибги:* хребты *Кицырха*, *Ачишха*, *Арашха* и *Ахэгёшь (Хагъ)*. Какъ я уже имѣлъ случай говорить выше, я не могъ попасть на эти горы, несмотря на неоднократныя мои попытки—вслѣдствіе отсутствія проводниковъ. Хотя, повторяю, самъ я въ этихъ горахъ и не былъ, но я имѣю о нихъ достаточное представленіе со словъ г. Старка, много разъ на нихъ бывавшаго. По его словамъ, горы Аибги представляютъ типичнѣйшіе известковые хребты со всѣми ихъ особенностями, т. е. изрытые глубокими ямами, изборожденные трещинами, совершенно безводные. Такія же самыя свѣдѣнія объ этихъ горахъ я получилъ отъ землемѣра Заборовскаго, производившаго недавно здѣсь съем-

ку. Разумѣется, упомянутые господа, не будучи ботаниками, не могли ничего сообщить мнѣ о растительности этихъ горъ. Но я не сомнѣваюсь, что она мало чѣмъ отличается отъ растительности смежныхъ съ ней горъ Арбика, Кутушера и Мамдзышха, съ которыми горы Аибги связаны самымъ тѣснымъ образомъ посредствомъ хребта Ахэгёшъ.

Наконецъ еще далѣе къ сѣверу пастбищные известняки встрѣчаются лишь на верховьяхъ рѣки Шахе, гдѣ они участвуютъ въ сложеніи Главнаго Кавказскаго хребта, образуя высокія вершины горъ *Фишта и Оштена*. Посмотримъ, въ какой степени сохраняется своеобразный характеръ флоры на этихъ известковыхъ горахъ. Вотъ перечень растеній, свойственныхъ горамъ Фишту и Оштену, которыхъ нѣтъ на ближайшихъ гранитныхъ и шиферныхъ горахъ:

Daphne sericea.	Arctostaphylos uva ursi.
Thalictrum triternatum.	Geranium Robertianum var. purpurea.
* Ranunculus Helenae.	Umbilicus oppositifolius.
* Gentiana alata forma floribus luteis.	Helianthemum vulgare.
Asperula aspera.	Campanula alliariaefolia.
Draba bruniaefolia.	Campanula betulaefolia.
Galium Vaillantoides.	* Campanula n. sp. № 2.
Astrantia Bieberşteinii.	Sedum acre.

Здѣсь, въ этомъ спискѣ, при всемъ его сходствѣ со списками растеній Бзыбскаго хребта и Мингрельскихъ горъ, мы уже встрѣчаемъ нѣкоторыя довольно значительныя отклоненія. Во 1-хъ бросается сразу въ глаза *обѣдненіе* списка. Обѣднѣніе это не можетъ быть объяснено несовершенствомъ или неполнотою наблюденій: въ немъ не хватаетъ такихъ крупныхъ и видныхъ растеній, какъ Geum speciosum и Carex lazica, которыхъ пропустить невозможно. Во 2-хъ мы замѣчаемъ въ спискѣ присутствіе двухъ новыхъ растеній—именно 2 колокольчиковъ, изъ коихъ одинъ—представляетъ видъ свойственный Лазистану (Campanula betulaefolia), а другой—совершенно новое растеніе. Несмотря однако на указанныя отличія, всякій найдетъ въ спискѣ поразительное сходство съ другими приведенными выше списками известковыхъ растеній.

Горы Фиштъ и Оштенъ, какъ уже сказано выше, составляютъ на сѣверѣ послѣднія горы Западнаго Закавказья, имѣю-

щія пастбища. Такимъ образомъ нами былъ завершенъ циклъ моихъ изслѣдованій известняковъ Западнаго Закавказья.

Сведемъ теперь вмѣстѣ все сказанное нами при разсмотрѣніи флоръ известняковъ каждой провинціи въ отдѣльности, чтобы получить представленіе объ известковой флорѣ Западнаго Закавказья вообще.

§ 1. Флора нагорныхъ луговъ известковыхъ горъ Западнаго Закавказья, на всемъ ихъ протяженіи отъ г. Фиштъ въ Черноморскомъ округѣ до г. Асхи въ Мингреліи, представляетъ значительныя особенности по сравненію съ таковой же флорой горъ огненно-кристаллическихъ и сланцевыхъ.

§ 2. Особенности эти заключаются въ присутствіи въ ней цѣлаго ряда растеній, которыхъ на горахъ кристаллическихъ и сланцевыхъ совсѣмъ не встрѣчается.

§ 3. Хотя означенныя растенія составляютъ сравнительно весьма небольшой процентъ общаго числа видовъ, свойственныхъ альпійской растительности известковыхъ горъ, но распространены они въ такомъ громадномъ количествѣ экземпляровъ, что нерѣдко совершенно исключаютъ всю другую растительность, сплошь покрывая своими зарослями цѣлые участки альпійскаго луга. Это въ особенности можно сказать относительно Geum speciosum и Carex lazica.

§ 4. Отдѣльныя флоры известняковъ Черноморскаго округа, Абхазіи и Мингреліи лишь незначительно отличаются между собою присутствіемъ въ нихъ тѣхъ или другихъ эндемическихъ растеній. Такъ, мингрельскимъ и самурзаканскимъ известнякамъ свойственны: новый видъ Cyclamen и новый *колокольчикъ* (№ 1); бзыбскимъ известнякамъ—новый *крокусъ*, новый *лютикъ* (Ranunculus Sommieri) и новое *зонтичное;* черноморскимъ известнякамъ—новый *колокольчикъ* (№ 2).

§ 5. Присутствіе на однихъ известнякахъ извѣстныхъ эндемическихъ видовъ и отсутствіе послѣднихъ на другихъ можетъ быть объяснено недостаточной изслѣдованностью известковыхъ горъ. Вѣроятно, эндемическіе виды, свойственные мингрельскимъ известнякамъ, будутъ найдены также и на абхазскихъ—и наоборотъ. Отсутствіе на мингрельскихъ известковыхъ горахъ характернаго для Бзыбскаго хребта и для г. Фишта эндемическаго вида Ranunculus Helenae объясняется незначительной высотой мингрельскихъ известковыхъ горъ (Ranunculus Helenae не

встрѣчается ниже 7500 ф. или 2286 м., а обыкновенно гораздо выше).

§ 6. Флора известковыхъ вершинъ Главнаго хребта—Фишта и Оштена, болѣе значительно разнится отъ другихъ известковыхъ флоръ: именно, она характеризуется внезапнымъ обѣднѣніемъ списка известковыхъ растеній: въ немъ не хватаетъ широко распространенныхъ въ другихъ флорахъ Geum speciosum и Carex lazica.

Соединимъ теперь всѣ наши списки въ одинъ и составимъ одинъ общій списокъ, который будетъ характеризовать альпійскую флору известняковъ Западнаго Закавказья вообще:

* Geum speciosum.
* Ranunculus Helenae.
* Ranunculus Sommieri.
* Campanula n. sp. № 1.
* Campanula n. sp. № 2.
* Cyclamen n. sp.
* Aster n. sp.
* Crocus Autrani.
* Barbeya (n. gen.).
* Umbellifera n. sp. (n. gen.).
* Gentiana alata f. lutea.
* Draba bruniaefolia.

Salvia verticillata.
Omphalodes cappadocica.
Arctostaphylus uva ursi.
Doronicum caucasicum.
Bupleurum heterophyllum.
Daphne sericea.
Carex lazica.
Astrantia Biebersteinii.
Scutellaria pontica var. abchasica.
Campanula alliariaefolia.
Campanula betulaefolia.
Umbilicus oppositifolius.
Thalictrum triternatum.
Helianthemum vulgare.
Sedum acre.
Galium vaillantoides.
Asperula aspera.
Geranium Robertianum var. purpurea.
Jurinea mollis.
Origanum vulgare.
Primula acaulis typica.
Achillea grandifolia.

всего 34 вида.

Если считать общее число альпійскихъ видовъ Западнаго Закавказья въ 350 (у меня изъ одной Абхазіи опредѣлено ихъ до 300), то число видовъ, свойственныхъ исключительно известнякамъ, составитъ всего 10% общаго числа альпійскихъ видовъ. Если же теперь будемъ сопоставлять число известняковыхъ и число неизвестняковыхъ видовъ растеній на каждой изъ изслѣдован-

ныхъ мною горъ въ отдѣльности, то полученное процентное отношеніе будетъ значительно больше, ибо наличность флоры каждой горы въ отдѣльности ограничивается значительно меньшей цифрой, чѣмъ показанная выше, между тѣмъ какъ число известковыхъ видовъ остается приблизительно одно и то же. Наиболѣе полные списки у меня имѣются съ Бзыбскаго хребта, съ г. Мигаріа и съ г. Фиштъ. Записи мои даютъ для этихъ горъ слѣдующія цифры:

	Бзыбскій хр.	Мигаріа.	Фиштъ.
Общее число растеній до.	156	— 50	— 134
Число известковыхъ растеній до.	28	— 18	— 16
	18%	36%	12%

Долженъ однако сознаться, что цифры эти лишь грубо-приблизительны, такъ какъ зарегистрировать всѣ растенія альпійскаго луга до послѣдняго нѣтъ возможности. Болѣе точныя цифры получается только послѣ окончательной разработки моихъ гербаріевъ, гдѣ, разумѣется, имѣются многія растенія, не попавшія въ мою записную книжку. Полагаю, однако, что несмотря на всю свою приблизительность, эти цифры сообщаютъ нѣкоторыя данныя для сужденія о характерѣ флоръ разныхъ известковыхъ горъ.

Изъ сравненія этихъ трехъ столбцовъ цифръ мы видимъ, что % содержаніе известковыхъ растеній всего выше на г. Мигаріа, которая дѣйствительно и поражаетъ—болѣе чѣмъ какая-либо другая изъ посѣщенныхъ мною горъ, своей оригинальной флорой. Высокій процентъ содержанія известковыхъ растеній здѣсь объясняется сравнительной бѣдностью общаго числа альпійскихъ видовъ, свойственныхъ этой горѣ, а эта бѣдность въ свою очередь обусловливается незначительной высотой г. Мигаріа, едва выходящей за лѣсную полосу.—Слѣдующей за Мигаріа горой по богатству известковыми видами является Бзыбскій хребетъ (18%). Здѣсь % содержаніе значительно ниже, вслѣдствіе того, что Бзыбскій хребетъ, имѣя значительную высоту, даетъ пріютъ бо̀льшему числу альпійскихъ растеній, между тѣмъ какъ число известковыхъ видовъ увеличивается лишь въ весьма слабой степени. Еще меньшее % содержаніе мы замѣчаемъ на г. Фиштъ—что легко объясняется, съ одной стороны обѣднѣніемъ списка известковыхъ растеній, съ другой—значительной высотой этой горы.

Вернемся опять къ составленному нами общему списку известковыхъ растеній. Посмотримъ, на какія заключенія можетъ натолкнуть насъ его подробный анализъ.

Звѣздочкой въ спискѣ отмѣчены описанные мною новые виды. Такихъ видовъ оказывается цѣлыхъ 11, что составитъ почти какъ разъ $1/3$ общаго числа видовъ. Такая крупная цифра новыхъ видовъ среди растеній, характерныхъ для известняковъ, не можетъ не поражать всякаго. Если къ моимъ новымъ видамъ присоединить еще два вида, описанные Ледебуромъ и Рупрехтомъ и также исключительно свойственные известнякамъ, а именно: Umbilicus oppositifolius Ledeb. и Thalictrum triternatum Rupr., то названная цифра возрастетъ до 13.

Формулируемъ нашъ выводъ:

§ 7. Флора известняковъ Западнаго Закавказья чрезвычайно богата эндемическими видами, которые составляютъ около 33% общаго числа растеній, имъ свойственныхъ или около 3% всей наличности луговой флоры.

Разсмотримъ остальныя растенія нашего списка. Слѣдующія растенія: Daphne sericea, Campanula betulaefolia, Carex lazica, Scutellaria pontica свойственны Понтійскому хребту и другимъ горамъ Малой Азіи, а на Кавказѣ встрѣчаются только на Аджаро-Имеретинскомъ хребтѣ, *гдѣ они произрастаютъ на породахъ неизвестковыхъ*. Отмѣчаемъ этотъ фактъ.

§ 8. Нѣкоторыя изъ растеній, характерныхъ для известняковъ Западнаго Закавказья, *южнѣе, на Понтійскомъ и Аджаро-Имеретинскомъ хребтахъ, встрѣчаются не на известнякахъ*.

Что касается остальныхъ растеній нашего списка, то это — все растенія, попадающіяся и въ другихъ провинціяхъ Закавказья (Грузіи, Дагестанѣ и проч.). Къ сожалѣнію, въ литературѣ не имѣется никакихъ указаній на то, на какихъ породахъ они тамъ встрѣчаются. Если теперь мы прослѣдимъ вертикальное распространеніе этихъ растеній, то замѣтимъ слѣдующее курьозное обстоятельство: все это суть растенія свойственныя, собственно говоря, болѣе теплымъ, нижнимъ регіонамъ горъ, присутствіе ихъ среди луговой растительности всегда звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ съ общимъ тономъ альпійскаго луга. Дѣйствительно, мы привыкли ихъ видѣть скорѣе гдѣ нибудь на береговыхъ предгорьяхъ, на высотѣ же свыше 1000—2000 ф. (305—610 м.), а нѣкоторыя даже и ниже (напримѣръ—Helianthemum, Origanum. Нѣкоторые изъ эндемическихъ видовъ известковыхъ

хребтовъ, какъ-то: Cyclamen n. sp. и Umbilicus oppositifolius встрѣчаются также весьма низко, (Cyclamen—въ Окумскомъ ущельи на 1000 ф., Umbilicus oppositifolius на Псху—на 2000 ф., а въ Гаграхъ еще ниже). Такимъ образомъ изъ всѣхъ этихъ фактовъ мы заключаемъ:

§ 9. Большинство растеній, свойственныхъ луговой флорѣ известняковъ Западнаго Закавказья, имѣетъ чрезвычайно широкіе предѣлы вертикальнаго распространенія; собственно говоря, они не принадлежатъ даже къ числу настоящихъ альпійскихъ растеній, будучи скорѣе растеніями, свойственными нижней, болѣе теплой полосѣ горъ.

Къ вышеприведеннымъ замѣчаніямъ слѣдуетъ добавить еще одно, касающееся одного изъ растеній помѣщенныхъ въ моемъ спискѣ въ числѣ эндемическихъ видовъ известняковъ; именно Gentiana alata forma floribus luteis N. Alboff (Gentiana alata var. oschtenica Kuznetsoff). Я долженъ сказать, что растеніе это встрѣчается въ Западномъ Закавказьи *и не на известковыхъ горахъ*, но при этомъ, однако, всегда въ ближайшемъ съ ними сосѣдствѣ. Такъ она попадается на горѣ Ачха рядомъ съ Бзыбскимъ хребтомъ и на горѣ Онара близь хребта Охачкуэ.

Отмѣтимъ этотъ фактъ въ ряду нашихъ выводовъ подъ § 10.

Эти 10 параграфовъ въ сущности и исчерпываютъ собою всѣ наблюденія, которыя я произвелъ надъ растительностью известняковъ Западнаго Закавказья, съ записной книжкой въ рукахъ. Разумѣется, разработка коллекцій заставитъ меня нѣсколько дополнить мои выводы, а можетъ быть, даже слегка видоизмѣнить ихъ. Возможно также, что нѣкоторыя мало-типичныя растенія, какъ Asperula aspera, Galium vaillantoides, найдутся въ коллекціяхъ съ кристаллическихъ и шиферныхъ горъ, и тогда ихъ придется вычеркнуть изъ списка известковыхъ растеній. Но самый списокъ, заключающій въ себѣ такія характернѣйшія растенія, какъ Geum speciosum, Carex lazica, Daphne sericea, Crocus Autrani, Ranunculus Helenae, Barbeya и проч.—растенія, которыя нельзя было пропустить на другихъ горахъ даже при всемъ моемъ желаніи,—едва-ли потеряетъ отъ этого въ своемъ значеніи. Флора известняковъ Западнаго Закавказья, несомнѣнно, всегда будетъ представляться рѣзко обособленной отъ флоръ кристаллическихъ и сланцевыхъ горъ *той же страны*, какое бы число растеній ни заключалъ ея списокъ.

Я не буду давать здѣсь объясненій выше приведеннымъ фактамъ, отлично сознавая, какія огромныя затрудненія встрѣтятся мнѣ на этомъ пути, при крайней скудости или, вѣрнѣе сказать, полномъ отсутствіи гео-ботаническихъ и ботанико-географическихъ свѣдѣній о флорахъ другихъ провинцій Закавказья, съ которыми известковую флору Западнаго Закавказья приходится сравнивать. Я надѣюсь, однако, нѣкоторыя объясненія сообщить въ своей статьѣ, которая будетъ опубликована послѣ окончательной обработки коллекцій, весною будущаго года; теперь же считаю болѣе благоразумнымъ ограничиться сообщеніемъ голыхъ фактовъ, существованія которыхъ отрицать невозможно.

Тифлисъ,
8 ноября 1893 года.

Альбовъ, Н. Описаніе новыхъ видовъ растеній, найденныхъ въ Абхазіи въ 1889—1890 гг.—20 стр., съ табл. рисунк. Одесса, 1891.

Настоящая статья составляетъ небольшую часть труда, который авторъ готовитъ о флорѣ Абхазіи, изслѣдованной имъ въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1888 по 1890 г.—Растительность Абхазіи, какъ и другихъ мѣстностей Черноморскаго побережья Кавказа, изучена вообще крайне слабо. Весьма естественно, по этому, что ближайшее изслѣдованіе обнаружило въ ней не мало формъ новыхъ или такихъ, которыя до того не были извѣстны на Кавказѣ.—Новыхъ видовъ растеній найдено г. Альбовымъ 11; всѣ они подробно описаны имъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Приводимъ перечень этихъ видовъ: Ranunculus Helenae, Delphinium Schmalhauseni, Delphinium pyramidatum, Trifolium ponticum, Sieversia speciosa, Potentilla divina, Psephellus abchasicus, Rhynchocorys intermedia, Scutellaria Helenae, Ornithogalum Schmalhauseni, Alopecurus sericeus.—Располагая ограниченной литературой, авторъ не ручается за строгую самостоятельность установленныхъ имъ новыхъ формъ и допускаетъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, при ближайшемъ изученіи, могутъ оказаться разновидностями или помѣсями извѣстныхъ уже видовъ. Съ своей стороны замѣтимъ, что не малое значеніе имѣютъ въ данномъ случаѣ климатическія вліянія, опредѣляющія мощность развитія растительныхъ особей. Извѣстно, что въ возвышенныхъ горныхъ областяхъ развитіе вегетативныхъ частей растенія крайне сокращается. Разительнымъ примѣромъ тому могутъ служить многіе виды Ranunculus (R. caucasicus MB., elegans C. Koch, Villarsii DC. и др.), широко распространенные въ лѣсной и альпійской полосахъ

Кавказа. Такой-же примѣръ климатическаго вліянія представляетъ, повидимому, найденный г. Альбовымъ на вершинѣ горы Чедымъ (около 9000 ф. высоты) миніатюрный Ornithogalum Schmalhauseni, который, по нашему мнѣнію, тождественъ съ O. Balansae Boiss. Этотъ послѣдній видъ въ изобиліи встрѣчается въ альпійскихъ и подъальпійскихъ областяхъ Понтійскаго хребта, Аджаро-Шавшетскихъ горъ и Ахалцихо-Имеретинскаго хребта, роскошно развиваясь нѣсколько выше границы лѣсной растительности, являясь, наоборотъ, пигмеемъ на высотахъ 8500—9000 фут.

Въ концѣ своей брошюры г. Альбовъ помѣстилъ списокъ растеній наиболѣе рѣдкихъ, а также найденныхъ на Кавказѣ впервые. Къ числу первыхъ отнесены: Thalictum triternatum Rupr., Hypericum nummularioides Trautv., Melilotus hirsuta Lipsk., Senecio stenocephalus Boiss., Veronica monticola Trautv., Quercus castaneaefolia C. A. Meyer.—Нахожденіе въ Абхазіи Quercus castaneaefolia вполнѣ сомнительно. Этимъ названіемъ г. Альбовъ обозначилъ, повидимому, весьма схожій по листьямъ съ каштаномъ Quercus pontica C. Koch, свойственный Понтійскому хребту и въ послѣднее время найденный въ верхней лѣсной полосѣ Гуріи и Сухумскаго округа [1]).

Весьма интересенъ списокъ впервые найденныхъ на Кавказѣ растеній, изъ которыхъ три формы были находимы только въ Крыму: Ranunculus dissectus MB., Genista depressa MB., Veronica peduncularis MB. var. umbrosa Boiss.—Изъ числа остальныхъ видовъ Alsine recurva All. var. nivalis Boiss. найдена была ранѣе во многихъ мѣстахъ Кавказа (см. Acta Hort. Petrop., II, p. 512 IV, p. 118, 356; V, p. 415).

Я. Медвѣдевъ.

---

[1]) Настоящее предположеніе Якова Сергѣевича вполнѣ подтвердилъ авторъ въ новѣйшихъ своихъ трудовъ, здѣсь же (см. стр. 120) напечатанныхъ. *Ред.*

Альбовъ, Н. Абхазскіе папоротники (Записки Новороссійскаго общества естествоиспытателей, т. XVI, вып. I. стр. 97—106. Одесса, 1891 г.).

До послѣдняго времени папоротники Абхазіи (Сухумскій округъ Кутаисской губ.) были почти вовсе не изслѣдованы. Въ 1869 году Л. В. Рейнгардъ [1]) насчитывалъ тамъ всего 11 видовъ,—число, очевидно, далеко не соотвѣтствовавшее дѣйствительности. Абхазія, съ своимъ влажнымъ климатомъ и обширными, тѣнистыми лѣсами, безспорно, представляетъ всѣ условія для роскошнаго развитія этого класса растеній. Г. Альбовъ, занимавшійся въ теченіе трехъ лѣтъ изученіемъ флоры Черноморскаго побережья Кавказа, собралъ въ Абхазіи 25 видовъ папоротниковъ. Перечень этихъ видовъ, а также найденныхъ въ Абхазіи же 3-хъ видовъ плауновъ и 1 вида хвощей, съ указаніемъ мѣстонахожденій, составляетъ предметъ приведенной статьи.

Перечисляемъ собранные г. Альбовымъ виды: *папоротники*: Ophioglossum vulgatum L., Ceterach officinarum Willd., Woodsia fragilis Trevir., Polypodium vulgare L., Phegopteris polypodioides Fee, Ph. Robertiana Hoffm.. Allosurus crispus L., Pteris cretica L., aquilina L., Blechnum Spicant L., Scolopendrium officinarum L., Adiantum Capillus Veneris L., Asplenium viride Huds., A. Trichomanes L., A. Ruta muraria L., A. Adiantum nigrum L., Athyrium alpestre Hoppe, Aspidium Lonchitis L., A. aculeatum L. въ двухъ формахъ—vulgare Döll. и Swartzianum Koch, Nephrodium Thelypteris L., N. Oreopteris Ehrh., N. Filix mas L. var. incisum Moor, N. spinulosum Sw. var. dilatatum Koch, Cystopteris fragilis L. var. anthriscifolia Koch, Onoclea Struthiopteris Hoffm; *плауны*: Lycopodium Selago L., L. clavatum L., L. annotinum L., *хвощи*: Equisetum Telmateja Ehrh.

Этотъ списокъ можетъ быть дополненъ слѣдующими довольно распространенными въ Западномъ Закавказьи видами папоротниковъ, безъ сомнѣнія встрѣчающимися и въ Абхазіи: Phegopteris Dryopteris L., Notochlaena Marantae L. Asplenium septen-

---

[1]) См. «Замѣтка о папоротникахъ Абхазіи» (Труды Общества испытат. прир. при Имп. Харьковск. Универ., 1869, т. 1).

trionale L., Athyrium Filix foemina Roth, Botrychium Lunaria, Osmunda regalis. L.

Считаемъ небезполезнымъ исправить указанія автора о найденныхъ, по его мнѣнію, впервые на Кавказѣ видахъ папоротниковъ.

Allosurus crispus Bernh. найденъ Г. И. Радде въ Хевсуріи, въ альпахъ Чаухи (см. Act. Hort. Petrop., 1878, V, 488).

Asplenium viride Huds., Nephrodium spinulosum Sw. var. dilatatum Koch собраны Н. К. Срединскимъ въ горахъ Рачинскаго уѣзда, Кутаисской губ. (см. его Herb. Cryptogam. Rossic., fasc. I, Petrop., 1876, tab. 2, 16).

Я. Медвѣдевъ.

Ein dendrologicher Spaziergang nach dem Kaukasus und Pontus von Dr. E. Dieck in Zoeschen bei Merseburg („Gartenflora“ 1891) 44 стр. въ 8 д. л.

Докторъ Дикъ, владѣлецъ торговаго сада въ Саксоніи, совершивъ въ 1890 г. ботаническую экскурсію по Западному Закавказью, далъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ описаніе своего путешествія.

Въ виду того, что это описаніе можетъ въ нѣкоторой степени пополнить данныя, помѣщенныя выше въ статьѣ г. Альбова, редакція признала полезнымъ напечать, въ извлеченіи, статьи доктора Дика: I) Абхазскій первобытный лѣсъ; II) На родинѣ кавказской сказачной пихты; III) Въ Верхней Сванетіи—кавказскомъ Энгадинѣ; IV) Экскурсія на Армянское высокогорье, и V) Въ третичномъ кустарномъ лѣсу Лазистанскихъ горъ.

I. Абхазскій первобытный лѣсъ.

Оставивъ 1 августа 1890 г. Саксонію и проѣхавъ по желѣзнымъ дорогамъ до Одессы, мы, говоритъ докторъ Дикъ, отсюда направились къ восточному берегу Чернаго моря на пароходѣ, и 12 августа уже были въ виду береговъ Сухумскаго округа. Куда мы не обращали взоръ на эту страну, намъ вездѣ представлялось сплошное ярко-зеленое море лѣсистыхъ горъ, окаймленныхъ на дальнемъ горизонтѣ скалами и снѣжными великанами и пестрѣвшихъ рѣдкими полосками кукурузныхъ полей, ютившихся вдоль ущелій.

12-го августа мы сошли на берегъ въ Сухумѣ. Первая растительность, съ которою намъ пришлось ознакомиться въ этомъ городѣ, была на набережной. Здѣсь были красивыя альбиціи (Acacia julibrissin), гималайскіе кипарисы, стрекуліи, хурма (Diospyrus), евкалипты и павлоніи. Въ садахъ Сухума оказалось обиліе пальмъ, пестролистнаго клена (Negundo), мексикано-калифорнійскихъ хвойныхъ деревьевъ, прекрасно здѣсь развивающихся, и много лавро-

вишни и хурмы, чередовавшихся съ вѣчно-зелеными Pittosporum, Escallonia, Evonymus, магноліями, миртами и гранатами, отлично акклиматизировавшимися. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ садахъ попадались китайскіе чайные кусты. Это растеніе, прекрасно растущее на Кавказѣ, гдѣ есть много земель годныхъ для культуры его, могло бы разводиться съ большимъ успѣхомъ съ промышленною цѣлью и въ значительной мѣрѣ удовлетворить потребность Россіи въ чаѣ.

На берегу моря предъ садомъ Введенскаго обращаетъ на себя особое вниманіе рощица изъ величественной сосны (Pinus insignis), обѣщая сдѣлаться украшеніемъ окрестностей Сухума.

Въ августѣ стояли сильные жары въ Сухумѣ, побудившіе насъ поторопиться отъѣздомъ въ горы. Соединившись съ студентами Альбовымъ и Гиршманомъ, собиравшимися въ тѣже горы, и принявъ любезное предложеніе мѣстнаго лѣсничаго Н. В. фонъ-Дервиза быть руководителемъ въ нашемъ путешествіи, мы, въ сопровожденіи нѣсколькихъ полѣсовщиковъ, одного мѣстнаго нѣмца колониста и переводчика князя Билалъ-Яшба, муллы мерхеольскаго, бывшаго когда то, какъ намъ передавали, извѣстнымъ въ краѣ разбойникомъ, рѣшили двинуться въ путь.

Нанявъ лошадей, мы отправили ихъ впередъ къ конечному пункту колесной дороги, а сами поѣхали туда на линейкахъ. Выѣхавъ изъ Сухума, мы направились по берегу моря мимо ряда дачъ и садовъ, сопровождаемые со стороны дачъ субтропическою растительностью, а со стороны моря непроницаемою зарослью изъ держидерева (Paliurus aculeatus), облѣпихи (Hippophaë rhamnoides) и высокоствольной дерюзы, близко подходящей къ Rubus tomentosus, принадлежащей къ характеристическимъ растеніямъ понтійской низменности.

Переправившись чрезъ рѣчки Келасури и затѣмъ чрезъ Маджара, мы въѣхали въ равнинную, мѣстами болотистую мѣстность, поросшую ольхою (Alnus glutinosa barbata C. A. M., можетъ быть и A. oblongata var. nitens C. Koch), вербою, лапани (Pterocarya), кавказскою сассапарелью (Smilax) и дикимъ виноградомъ. Дорога здѣсь шла по просѣкѣ, окаймленной Carpinus Betulus, Quercus sessiliflora, Diospyros Lotus и Rubus meridionalis, замѣняющимися постепенно по мѣрѣ движенія въ горы формами изъ группы R. fruticosus, идущими до субъ-альпійской полосы. Породы эти сопровождались Smilax excelsa и Clematis Vi-

talba, которыя вились съ дерева на дерево и съ дерюзою превращали мѣстами вырубленный лѣсъ въ трудно проходимую чащу (джонгль).

Изъ кустарниковъ вдоль дороги попадались бузина (Sambucus Ebulus), орличникъ (Pteris aquilina) и перенесенная изъ Америки Phytolacca decandra, завладѣвшая Южною Европою и Востокомъ и господствующая надъ всѣми другими растеніями. Часто встрѣчающаяся Phytolacca, отчасти уже принявшая свою прекрасную осеннюю красную окраску, полна черными кистями привлекательнаго вида плодовъ, которые составляютъ на Югѣ главнѣйшее средство для окраски винъ. Эти три породы кустарниковъ подавляютъ всякую другую растительпость и тамъ, гдѣ они есть, хлѣбопашество становится возможнымъ лишь при невыразимомъ трудѣ. Къ сожалѣнію на Кавказѣ эти кусты заняли всѣ лѣсистыя и плодородныя низменности и предгорія.

Пологая дорога привела насъ на высоту 1000 ф. н. у, м., гдѣ картина растительности измѣнилась: къ буку (Carpinus Betulus) присоединился Carp. duinensis Scop. (orientalis Lam.), къ дубу примѣшались липы Tilia rubra и platyphyllos, ольха (Alnus incana) и ильма (Ulmus elliptica C. Koch) въ той формѣ, которая долгое время въ питомникахъ Западной Европы воздѣлывалась подъ названіемъ Ulmus sibirica, пока Диппель въ ней не призналъ тотъ понтійскій видъ, который распространяется по всей Средней Азіи до Амура, а къ пальмамъ прибавилась нѣжная зеленъ кольхидскаго клена (Acer Lobeli Ten. var. colchicum); низкорослый-же лѣсокъ этой мѣстности весьма разнообразенъ, такъ какъ въ немъ сплелись тѣсною семьею распространившіяся съ Сѣвера породы съ породами Юга: подлѣ дикаго фиговаго дерева растетъ европейская крушина (Rhamnus Frangula), а подлѣ Rhododendron ponticum—обыкновенная лещина; съ лавровишнями растутъ ивы и ветлы, съ колхидскимъ плющемъ—обыкновенный, съ благороднымъ лавромъ—сѣверный Evonymus europaeus, съ Staphylea colchica—пролетарій германскихъ лѣсовъ, простой кизильникъ (Cornus sanguinea), лишь съ тою разницею, что его ягоды на роскошной почвѣ и подъ климатомъ Абхазіи нерѣдко достигаютъ величины малыхъ вишенъ.

Съ дальнѣйшимъ углубленіемъ въ горы мѣстность становится живописнѣе, а дорога труднѣе. Чѣмъ выше поднималась мѣстность, тѣмъ свѣжѣе оказывалась почва ея и роскошнѣе расти-

тельность: здѣсь рододендроны братаются съ желтыми азаліями, а колхидскій плющъ и ломоносъ заглушаютъ въ своихъ объятіяхъ кусты и деревья, спускаясь гирляндами съ вѣтвей ихъ и нависшихъ скалъ. Но вотъ глубоко въ пропасти показалась шумящая рѣка Амткель, на половину закрытая папоротникомъ и великолиственными кустами и окаймленная ольхами. Спустившись къ ней и затѣмъ переѣхавъ по мосту опаснѣйшей конструкціи, мы изъ сыроватосвѣжей прелести лѣсовъ вступили прямо въ голую, выжженную солнцемъ холмистую страну съ совершенно ичой растительностью, среди которой появились вновь наши друзья съ морского берега: Rubus meridionalis, огненный кустъ Моисея (Crataegus Pyracantha), дикія фруктовыя деревья и разнообразный шиповникъ, которому очень полюбилась здѣшняя известковая почва.

Здѣсь мы попали въ одну изъ вновь образовавшихся земледѣльческихъ колоній, гдѣ имѣли случай ознакомиться съ успѣхами садоводства. За тѣмъ проѣхавъ еще нѣсколько часовъ черезъ нескончаемый ольховникъ, мы добрались, наконецъ, до ночлега въ лѣсномъ домѣ Амткель, построенномъ при впаденіи рѣки того-же названія въ Кодоръ, гдѣ имѣли удовольствіе встрѣтиться съ баронами Ѳ. Р. Унгернъ-Штернбергомъ и Фелкерзамомъ, которые, вслѣдствіе похищенія у нихъ абхазцами большинства ихъ лошадей, должны были отказаться отъ предпринятаго ими путешествія въ абхазскія высшія горы и возвратиться въ Сухумъ.

На другой день они, взявъ съ собой заболѣвшаго г. фонъ-Дервиза, направились въ Сухумъ, а мы продолжали нашъ путь со студентами и своимъ проводникомъ абхазцемъ.

Близъ Амткеля находится небольшой остатокъ стараго пальмоваго (самшитъ, Buxus sempervirens) лѣса, какой на Кавказѣ уже встрѣчается рѣдко. Такой же старый лѣсъ сохранился въ верховьяхъ Бзыби примѣрно изъ 20,000 стволовъ въ 2 фута толщины, за который, какъ говорятъ, англійская компанія предлагала $3^1/_2$ милліона руб. Самшитовый лѣсъ близъ Амткеля, чрезъ который мы ѣхали, произвелъ на насъ совершенно баснословное впечатлѣніе: солнечный лучь не въ состояніи проникать сквозь густую листву и потому вѣчные сумерки и священная тишина господствуютъ въ лѣсу; не слышно ни одной птицы, ни одно насѣкомое не пролетитъ въ воздухѣ, и только шелестъ листьевъ и стоны вѣтвей, колышимыя вѣтромъ, изрѣдка прерываютъ гробовое молчаніе этого дѣвственнаго лѣса, кажущагося обиталищемъ духовъ.

Но эта волшебная картина тотъ-часъ же исчезла, какъ только мы выѣхали изъ самшитоваго лѣса, оканчивающагося у рѣки Амткель. Тутъ, на другомъ берегу, оказались обширныя пространства, гдѣ нѣкогда были дремучіе лѣса. Въ теченіи долгихъ часовъ пришлось намъ тащиться по этой широкой долинѣ, прокармливавшей еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ многочисленное населеніе, не пожелавшее оставаться здѣсь и ушедшее изъ своей родины въ Турцію, оставивъ, какъ память о себя, слѣды садовой растительности. Одичалыя фруктовыя деревья, взрощенныя когда-то абхазцами, даютъ и теперь плоды большей величины, которыми лакомятся медвѣди и кабаны, расплодившіеся до невѣроятности въ опустѣлыхъ ущельяхъ Абхазіи. Тутъ попадается алыча нѣсколькихъ разновидностей, грецкій орѣхъ и мушмула; рядомъ вавилонская ива плачетъ надъ развалинами человѣческихъ жилищъ, а Catalpa и Robinia, выходцы Америки, занесенные сюда абхазскимъ пчеловодомъ изъ Сухума, встрѣчаются по одиночкѣ; шиповникъ-же разнообразныхъ сортовъ достигаетъ значительнаго развитія, составляя съ боярышникомъ (Crataegus heterophylla, melanocarpa и oxyacantha) густыя заросли, перевитыя дерюзою изъ колючей породы Rubus fruticosus.

Послѣ долгаго переѣзда, дорога, наконецъ, оставляетъ луговую долину и направляется черезъ кустарникъ изъ бука и лещины. Лишь только мы вступили въ этотъ кустарникъ, какъ черезъ нашу дорогу перебѣжалъ спугнутый нами отъ послѣобѣденнаго сна громадный медвѣдь. Чрезъ нѣкоторое время дорога вновь пошла чрезъ высокоствольный лѣсъ изъ бука, роскошь и величіе котораго не поддаются никакому описанію, и вскорѣ стала до того трудною, что пришлось спѣшиться, чтобы дать лошадямъ возможность подвигаться впередъ. Время отъ времени дорогу перегораживали свалившіяся исполинскія деревья, иногда такой толщины, что мы были не въ состояніи ни перелѣзть черезъ нихъ, ни даже что-либо увидѣть за ними, и вынуждены были совершать вокругъ нихъ далекіе обходы. Другія упавшія деревья образовали ворота, подъ которыми приходилось пролѣзать, какъ подъ кавдинскимъ игомъ. Послѣ неимовѣрныхъ трудовъ мы наконецъ взошли на горный кряжъ и достигли, при 4500 ф. н. у. м., субъальпійской полосы, замѣтной по появленію Gentiana auriculata, Svertia, Trifolium polyphyllum, Mulgedium и Campanula lactiflora, особенно-же по появленію красиваго, темно-зеленаго

Crocus Scharojani (Suworoffianus), только что начавшаго цвѣсти. Въ одномъ мѣстѣ замѣтили и прекрасную крушину, Rhamnus grandifolia (imeretina) европейскихъ садовъ. Въ полдень для отдыха мы расположились въ живописномъ ущельи, поросшемъ лавровишнями и кустами рододендрона, вѣтви которыхъ шли въ костеръ для приготовленія чая. Съ высоты нашего мѣста отдохновенія мы видѣли кавказскую чернику (Vaccinium Arctostaphylos), которая здѣсь попадается рѣже, чѣмъ въ Понтѣ, гдѣ она встрѣчается въ массахъ, часто доставляя путнику наслажденіе своею ягодою, прекрасно утоляющею жажду.

Послѣ отдыха мы двинулись далѣе вновь по буковому лѣсу, который вскорѣ мало по малу сталъ рѣдѣть, уступая мѣсто альпійской растительности подлѣска: на мѣсто буковъ стали появляться одиночныя рябины (Sorbus Aucuparia) въ сѣроватозеленомъ цвѣтѣ, Sorbus Aria и до неузнаваемости схожій съ европейскимъ Acer pseudoplatanus—кленъ Траутфетера (A. Trautvetteri Medwedew) [1]), а на мѣсто Rhododendron ponticum появился R. caucasicum. Въ чащахъ изъ Rhododendron flavum (Azalea pontica) появилась форма ивы, Salix caprea, окраска вѣтвей и форма листьевъ которой въ высшей степени подходятъ къ Rhododendron'у; между же каменникомъ гребня и въ тѣни отдѣльныхъ возвышенностей и утесовъ процвѣтала наша сѣверная брусника, а между нею отдѣльные кусты Salix arbuscula и silesiaca, Daphne glomerata и красивая въ цвѣту карликовая роза.

Утомленные до изнеможенія, мы съ закатомъ солнца достигли берега жалкой лужи снѣговой воды, носящей громкое наименованіе озера Лахда, гдѣ и расположились на ночлегъ. Почти высохшая отъ чрезмѣрной засухи текущаго лѣта, лужа эта доставляетъ скромное убѣжище нѣсколькимъ подушечкамъ болотнаго мха (Sphagnum), впервые найденнаго нами на Кавказѣ. Видъ съ этого мѣста, возвышающагося примѣрно до 7000 фут., можно назвать величественнымъ, такъ какъ передъ зрителемъ лежатъ снѣговыя горы Главнаго хребта, отъ котораго его отдѣляетъ лишь глубокая котловина; на скатѣ горъ, видны были темныя массы хвойныхъ деревъ. Не взирая на эту близость, намъ не удалось по-

---

[1]) См. о яворѣ и кавказскомъ высокогорномъ кленѣ Я. С. Медвѣдева „Деревья и кустарники Кавказа", Тифл. 1883., стр. 27—29, гдѣ разъ яснено, что ростъ и область распространенія обѣихъ породъ весьма различны. Ред.

бывать на Главномъ хребтѣ, такъ какъ проводникъ Билалъ отказывался предоставить для этой головоломной поѣздки своихъ вьючныхъ и верховыхъ лошадей и катеровъ.

На другое утро, послѣ неудобнаго ночлега въ холодѣ и на голой землѣ, съ нами разстались молодые русскіе попутчики наши, рѣшившіеся продолжить свой путь и пробраться чрезъ Марухскій перевалъ въ Кубанскую область.

Хотя это имъ, какъ мы потомъ узнали, и удалось осуществить, но они вынуждены были, въ виду трудности пути, оставить двухъ своихъ лошадей у пастуховъ на вершинахъ горъ.

Мы же рѣшили возвратиться въ Амткель, но не по тому пути, которымъ поднялись, а по другому, оказавшемуя еще тяжелѣе перваго, такъ какъ намъ пришлось долго спускаться по полувысохшему, очень крутому ложу горнаго ручья.

Роскошная растительность и величественныя картины дѣвственнаго лѣса, помогали намъ переносить тяжести этого спуска, а когда на полдорогѣ мы случайно встрѣтились съ гумистинскимъ участковымъ начальникомъ И. В. Свистуномъ, любезно предложившимъ сопутствовать ему при облавѣ на конокрадовъ, то всѣ невзгоды были забыты, такъ какъ это любезное предложеніе давало возможность намъ отправиться на Главный хребетъ и достичъ Нахарскаго перевала, лежащаго на водораздѣлѣ этого хребта и въ области вѣчныхъ снѣговъ.

Въ слѣдующіе дни намъ было не до собиранія растеній, такъ какъ для преслѣдованія конокрадовъ пришлось путешествовать форсированными переходами среди постоянно смѣнявшихся прелестныхъ картинъ горныхъ видовъ и роскошной растительности, смѣшанныхъ дремучихъ лѣсовъ Кодорскаго ущелья, въ которыхъ перемѣшивались букъ, грабъ, дубы, каштаны, одиночныя ильмы, липы и колхидскій кленъ, а на сырыхъ мѣстахъ и ольха (Alnus glutinosa v. barbata и incana). До чудовищнаго доходили размѣры стволовъ въ величественныхъ лѣсахъ Кодорскаго ущелья. Раньше приходилось удивляться буковымъ стволамъ, болѣе 2 метровъ въ пеперечникѣ; здѣсь же дубы толщиною до 3-хъ и каштаны до $3^1/_2$ метровъ встрѣчались вовсе нерѣдко, такъ что деревья толщиною въ 1 метръ уже не обращали на себя вниманіе. Всѣ эти исполины-деревья истлѣваютъ на корню, если они не стоятъ на берегу сплавныхъ рѣкъ, и на ихъ трупахъ весело выростаетъ новое поколѣніе. Лѣсныхъ пожаровъ не бываетъ въ Аб-

хазіи и въ Черноморскомъ округѣ даже и лѣтомъ, хотя каждый охотникъ и путешественникъ, принужденный ночевать въ лѣсу, по обыкновенію, раскладываетъ огонь непосредственно у древеснаго ствола, который однако никогда сильно не разгорается, вѣроятно вслѣдствіе того, что деревья, находясь подъ вліяніемъ сырыхъ морскихъ вѣтровъ, имѣютъ обиліе сока. Во все время нашего путешествія мы здѣсь не замѣчали слѣдовъ лѣсныхъ пожаровъ, несмотря на то, что отъ бездождія въ 1890 г. большинство источниковъ въ этой странѣ изсякли до такой степени, что мы часто были въ большомъ затрудненіи утолить жажду свою и своихъ животныхъ.

На третій день путешествія мы переправились чрезъ стремительный горный потокъ Кодора по мосту изъ ліанъ европейскаго ломоноса (Clematis vitalba), переброшенныхъ съ одного берега на другой и достигающихъ въ Абхазіи нерѣдко отъ 6 до 8 сант. въ поперечникѣ. Въ ущельи на берегу рѣки, гдѣ плоская прибрежняя полоса расширяется и лѣсъ трудами человѣка еще въ старину расчищенъ, грецкіе орѣхи (Juglans regia) появляются въ замѣчательной роскоши и вмѣстѣ съ ними множество дикихъ плодовыхъ деревъ—лещины и другихъ свидѣтелей прежнихъ воздѣланныхъ мѣстъ. Ядъ Медеи, роскошное Colchicum speciosum съ большими цвѣтами, въ тѣни орѣшинъ превращаетъ землю въ розовый коверъ, тогда какъ опушку кустовъ захватываетъ его соперникъ, неменѣе ядовитая чемерица (Helleborus abchasicus). Дерюза и шиповникъ, орличникъ и Phytolacca decandra вновь становятся замѣтными и несносными, а опушку лѣса окаймляетъ массами звѣробой (Hypericum ramosissimum). Прогалины же составляютъ щетинистые луга изъ злака Setaria, питательное значеніе которыхъ только коегдѣ увеличивается появленіемъ бобовыхъ растеній въ родѣ Vicia и Coronilla, Doronicum, составляющихъ лакомую пищу для вѣчно голодныхъ животныхъ путешественниковъ. Алыча (Prunus divaricata), грѣцкіе орѣхи и лѣсныя яблоки, произрастающіе въ этихъ мѣстахъ въ изобиліи, даютъ вкусную пищу кабанамъ и медвѣдямъ, которые въ эту пору скопляются здѣсь массами, наслаждаясь урожаемъ плодовъ. Это обстоятельство портило намъ ночлегъ, такъ какъ мы не могли, по примѣру кавказскихъ нашихъ попутчиковъ, предаваться безмятежному сну въ то время, когда было слышно какъ медвѣди встряхивали плодовыя деревья и ѣли плоды.

На слѣдующее утро, продолжая путь по Кодорскому ущелью, мы въѣхали въ лѣсное пространство, въ которомъ высокіе стволы сначала состояли изъ бука и граба, а затѣмъ изъ прекраснѣйшихъ стволовъ Abies Nordmanniana и orientalis, толщиною до 2 метровъ, тогда какъ подлѣсокъ составлялся изъ Rhododendron, Laurocerasus, Buxus и Ilex (падубъ), т. е. почти исключительно изъ вѣчно зеленыхъ кустовъ.

Достигнувъ того мѣста, гдѣ въ р. Кодоръ впадаетъ съ правой стороны р. Кличъ, мы оставили ущелье Кодора и вступили въ ущелье названнаго притока, вдоль котораго и слѣдовали до его выхода изъ ледниковъ горы Клухора. Кличское ущелье стольже величественно по видамъ своимъ, какъ и въ высшей степени интересно въ ботаническомъ и ботанико-географическомъ отношеніяхъ. Открытое къ югу, оно предоставляетъ входъ теплымъ морскимъ вѣтрамъ, тогда какъ съ другой стороны леденая вода глетчеровъ приноситъ свѣжесть и прохладу. Этимъ двумъ факторамъ оно обязано разнообразіемъ флоры, доходящимъ до чудеснаго, и столкновеніемъ типовъ разнороднѣйшихъ растительныхъ областей, рѣдко встрѣчаемыхъ.

Поднимаясь по Кличскому ущелью, мы на полдорогѣ встрѣтились съ гг. Соммье и Левье изъ Флоренціи, заканчивавшими ботаническое путешествіе переходомъ черезъ Нахарскій перевалъ и посѣщеніемъ окрестностей Эльбруса. Послѣ товарищескаго привѣтствія, италіанскіе ученые торжественно сообщили намъ, что они со входа въ ущелье уже отмѣтили 112 разныхъ видовъ растеній, —число, которое до перевала и Клухорскаго ледника легко могло утроиться, такъ какъ до нихъ еще предстояло пройти обширную область альпійскихъ и высокоальпійскихъ растеній. Особенно обрадованы были италіанцы отысканіемъ вновь Hypericum nummularifolium—красиваго звѣробоя, впервые найденнаго 25 лѣтъ тому назадъ Г. И. Радде.

Кличское ущелье—единственное на земномъ шарѣ, въ которомъ лавровишневое дерево смѣшивается съ ольхою и березою, для образованія съ ними границы древесной растительности. Выше того растетъ лишь Rhododendron caucasicum, вмѣстѣ съ Daphne glomerata и сѣверною брусникою. Весьма интересная кавказская черника (Vaccinium Arctostaphylos) кажется только здѣсь достигаетъ высоты 6000 ф. н. у. м., съ вербою (Salix caprea), крушиною (Rhamnus frangula), буковымъ кустарникомъ и

другими древесными растеніями изъ третично-арктической группы лѣсныхъ деревъ. На пространствѣ, черезъ которое можно пройти въ теченіи едва-ли не 4 часовъ, на высотѣ отъ 3600 до 7000 ф. н. у. м., въ Кличскомъ ущельи соединяются особи всѣхъ растительныхъ поясовъ, соотвѣтствующихъ нынѣ умѣренной зонѣ. Изъ третично-арктическихъ элементовъ находятся Alnus и Betula, Castanea и Carpinus, Tilia и Corylus, Rhamnus и Evonymus, Acer и Pyrus, Salix и Lonicera; изъ числа навѣрно или вѣроятно третично-пацифическихъ—Fagus и Ribes, Vitis и Ilex, Vaccinium и Daphne, Prunus и Ulmus, къ которымъ еще присоединяются представители дотретичной эпохи, хвойныя, въ лицѣ Abies Nordmanniana и orientalis, тогда какъ Laurus и Pinus, Smilax и Rhus въ качествѣ представителей средиземной группы растеній достигаютъ почти до дна ущелья. Если-бы утесы могли говорить, они разсказали бы намъ весьма интересныя вѣсти о многотысячелѣтней борьбѣ этихъ растеній съ вліяніями климатическихъ колебаній и геологическо-физическими измѣненіями, пока наконецъ нынѣшнее столь разнообразное общество растеній не научилось мириться другъ-съ-другомъ на одномъ и томъ-же клочкѣ земли.

Пышность древесной растительности, и при томъ на этой высотѣ надъ уровенемъ моря, въ высшей степени замѣчательна. Нордманновыя ели и восточныя пихты неслыханной толщины и красоты часто до того близко стоятъ другъ-отъ-друга, что лучи свѣта едва въ состояніи проникнуть черезъ ихъ верхушки, а всѣ кусты представляютъ могущество вѣтвей и величину листьевъ, невиданныя въ садахъ Германіи. Климатъ и почва именно соединяются здѣсь съ вліяніемъ дождeносныхъ морскихъ вѣтровъ для того, чтобъ развить растительность, роскошнѣе которой едва-ли мыслимо и которая даже совершенно перемѣняетъ внѣшній видъ деревъ *).

Луга, встрѣчающіеся въ Альпахъ уже въ субъальпійскомъ поясѣ, здѣсь находятся только въ высокоальпійскомъ. До 7000 ф. и́ мѣстами еще выше здѣсь приходится протѣсняться черезъ чащу кустовъ, всегда доходящую выше колѣнъ, нерѣдко и плечъ, и состоящую изъ видовъ Valeriana, Teleckia, Senecio, Delphinium, Cephalaria, Aconitum, Campanula (особенно C. lactiflora), боль-

*) О богатой травяной флорѣ Клическаго ущелья свѣдѣнія помѣщены далѣе въ отчетѣ гг. Соммье и Левье.

Ред.

шихъ сложноцвѣтныхъ и зонтичныхъ. Южное солнце лѣтомъ, послѣ поздняго таянія снѣга, до того быстро и сильно нагрѣваетъ мокрую почву, что растенія вырастаютъ какъ-бы въ парникѣ или теплицѣ. Чтобы найти приземистые альпійскіе цвѣты, приходится подыматься въ область туровъ и выше ледниковъ. Впрочемъ къ концу августа здѣсь уже давно прошло главное цвѣтеніе растеній и только при Клухорскомъ ледникѣ намъ удалось еще найти свѣже распустившіеся цвѣтки Ranunculus subtilis, открытаго здѣсь г-мъ Радде, Veronica monticola, Saxifraga exarata и muscoides, тогда какъ Primula и Pedicularis даже въ этихъ мѣстахъ уже имѣли спѣлыя сѣмена.

Поднявшись на ледниковыя высоты, мы, противъ всякаго ожиданія, нашли для ночлега теплый уголокъ близъ печи, выстроенной для печенія хлѣба многочисленнымъ рабочимъ, занятымъ взрываніемъ скалъ для будущей проѣзжей дороги черезъ труднѣйшій Нахарскій перевалъ. Впослѣдствіи посѣтители этихъ мѣстъ будутъ въ состояніи переѣзжать въ каретѣ черезъ перевалъ и глетчеръ, превышающіе 9000 ф. н. у. м.! (9617 ф. по 5-ти верстной картѣ),

Въ три усиленные перехода путешественники вернулись съ перевала въ Сухумъ, проночевавъ на пути въ бывшемъ Цебельдинскомъ укрѣпленіи въ деревянномъ сараѣ московскаго табачнаго фабриканта Рейнгардта, изготовляющаго извѣстныя въ Россіи папиросы „Лафермъ". Управляющій его, г. Шраплау, ведетъ тяжелую борьбу съ папоротникомъ, бузиною и дерюзою, мѣшающими культурѣ табака, и съ медвѣдями, уничтожающими разводимые имъ плоды утонченныхъ породъ.

Пообѣдавъ по туземному въ усадьбѣ нашего проводника, князя Билала Яшбы, мы вечеромъ, на двѣнадцатый день своей поѣздки, вернулись въ Сухумъ, чтобы готовиться къ новымъ экскурсіямъ и отправкѣ своей ботанической добычи на родину.

II. На родинѣ Кавказской сказочной пихты.

(Стр. 12—17 того же отдѣльнаго оттиска).

Изъ Сухума г. Дикъ отправился черезъ Поти и Михайлово въ Боржомъ, причемъ онъ былъ очевидцемъ необыкновеннаго даже для Кавказа лѣсного пожара. Изъ Боржома г. Дикъ предпринялъ экскурсію въ близълежащее ущелье Даба, въ которомъ нашлись тѣ-же самые виды деревьевъ и кустовъ, какъ и въ Абха-

зіи, но въ несравненно меньшемъ развитіи и роскоши. Недоставало только лапины (лапани, Pterocarya) и колхидскаго клена (?). Здѣсь господствовали чинаръ и букъ и въ рѣчномъ ущельи стояли многочисленныя дикія груши. Ущелье Даба, въ 2-хъ часахъ ѣзды отъ Боржома, не очень обширно: еловый и пихтовый лѣсъ наполняетъ его въ рѣдкомъ насажденіи (считаютъ только нѣсколько тысячъ стволовъ), такъ что подробное изслѣдованіе лѣса не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій. Лѣсъ ущелья Даба состоитъ исключительно изъ Кавказской пихты (Abies Nordmanniana Spach и Picea orientalis Carr.); и ели восточной, подлѣсокъ-же ограничивается нѣсколькими кустами падуба (Ilex), лавровишни, боярышника, Cytisus и ежевики. Что касается географическаго распространенія нордманновой пихты, то оно еще довольно обширно: всегда въ соединеніи съ восточною елью, она наполняетъ большинство тѣнистыхъ ущелій Кавказа, начиная съ 3500 до 6500 ф. н. у., спускаясь особенно на сѣверныхъ склонахъ еще ниже. Кромѣ того г. Дикъ находилъ ее въ тѣхъ-же условіяхъ на берегу Лазистана, а нѣсколько экземпляровъ даже въ высокихъ горахъ выше Требизонда; при этомъ авторъ выражаетъ свое мнѣніе, что этотъ видъ найдется еще гораздо дальше къ западу въ Малой Азіи, гдѣ, можетъ быть, появятся переходныя формы къ группѣ греческихъ пихтъ.

III. Въ Верхней Сванетіи, кавказскомъ Энгадинѣ.

Такъ озаглавлена статья, помѣщенная на страницахъ 17—22 любезно намъ предоставленнаго авторомъ отдѣльнаго оттиска. Изъ Кутаиса г. Дикъ, по случаю поздняго времени (конца августа) спѣшилъ пробраться скорѣе въ Верхнюю Сванетію, составляющую котловину, дно которой лежитъ на высотѣ 5—7000 ф., а окружающіе его снѣжные исполины доходятъ до высоты 16 и 17,000 ф. н. у. м. Самый нижайшій перевалъ, ведущій съ южной стороны въ эту котловину, достигаетъ 9200 ф. По дорогѣ черезъ Имеретію и Лечгумъ г. Дикъ встрѣтилъ много интересныхъ древесныхъ и кустарныхъ породъ, не составляющихъ однако сплошныхъ лѣсовъ. Близъ Кутаиса и въ предгорьяхъ онъ наблюдалъ прекрасные экземпляры дзельквы (Zelkova carpinifolia Pall. или Planera Richardi Mich.), по наружному виду похожіе на европейскія ильмы, но всетаки представляющія впечатлѣніе чего то совершенно чужого. Планеры эти дѣйствительно остатокъ изъ

давно минувшаго геологическаго періода, уцѣлѣвшій только здѣсь на Кавказѣ, на островахъ Кипрѣ и Критѣ, въ восточной части Сѣверной Америки и въ Восточной Азіи. Въ такомъ положеніи нужно считать и хурму (Diospyrus), представляющую въ Имеретіи самую обыкновенную лѣсную породу. Впрочемъ оба вида деревъ исчезли на пути г. Дика, какъ скоро вулканическая, состоящая изъ вывѣтрившагося діабаза и базальта почва, замѣнились бѣдною почвою юрской извести, питающей совершенно другую растительность. Изъ деревъ на этой почвѣ попадались лишь Fagus и Carpinus, какъ и одиночные дубы изъ породъ Quercus sessiliflora и pubescens, а густой подлѣсокъ состоялъ изъ сумака (Rhus Coriaria), безчисленныхъ розъ, ежевикъ, разныхъ колючекъ, покрывающихъ всѣ скаты горъ и долину рѣчки и огненный боярышникъ Crataegus pyracantha, покрытый яркокрасными безчисленными плодами, пріютившійся къ блѣдносѣрой облѣпихѣ и ивѣ. Въ мѣстахъ гдѣ ущелье р. Цхенис-цкали расширяется, тянутся обширныя заросли ольхи (Alnus glutinosa var. barbata), а въ окрестностяхъ деревень серебристыя ивы и остроплодовыя ясени (Fraxinus oxycarpa) окаймляютъ рѣчки и сады, въ которыхъ дикія, какъ и культурныя виноградныя лозы въ изумительной пышности вьются съ вѣтви на вѣтвь, представляя прекрасное зрѣлище своими созрѣвающими, большею частью синими, кистями. Въ виноградникахъ Имеретіи, какъ и Абхазіи, г. Дикъ нашелъ только четыре сорта туземнаго винограда—два бѣлаго и два синяго. Изъ нетуземныхъ сортовъ американская изабелла пріобрѣла здѣсь весьма большое распространеніе и давно одичала въ лѣсахъ. Эту лозу много лѣтъ тому назадъ привезли испанскіе корабли, прибывшіе въ Одессу за хлѣбомъ, откуда турецкіе корабли привезли ее подъ названіемъ „одессо“ въ Абхазію и Имеретію. Отсюда-же американка попала и въ Германію, гдѣ ее, напр. въ фрейбургскихъ виноградникахъ, часто воздѣлываютъ какъ „кавказскую лозу“ [1]). Распространеннѣйшая кавказская дикая виноградная лоза приноситъ синіе, рыхлые, но доволь-

[1]) Все сообщенное объ американскомъ виноградѣ *изабелла* мы оставляемъ на отвѣтственности автора; но со словъ давнишняго старожила мингрельскаго, нынѣ покойнаго, графа Розмордюка знаемъ только, что изабелла въ этой странѣ, гдѣ она, къ слову, вытѣснила почти всѣ прочіе сорты винограда, какъ менѣе устойчивые въ сыромъ краѣ противъ болѣзни Oidium *„ацари“*, дѣйствительно называется *„одессо“*. *Ред.*

но вкусные грозди, изъ которыхъ часто давятъ вино. Естественно что въ лѣсахъ кавказскихъ встрѣчается много и другихъ сортовъ, потому что въ странѣ со столь давнишнимъ винодѣліемъ, какъ Передняя Азія, въ теченіи тысячелѣтій должны-же были встрѣтиться безчисленные случаи къ одичанію культурныхъ лозъ. Виноградная лоза на южномъ склонѣ Кавказа подымается почти до 4600 ф. н. у. м., но годное для питья вино производится съ винограда, поспѣвающаго только до высоты примѣрно 3.500 ф. *).

Нигдѣ не оказывается большаго разнообразія отношеній, опредѣляющихъ высоты распредѣленія растеній, какъ на Кавказѣ. Независимо отъ разницъ, опредѣляемыхъ сѣвернымъ и южнымъ склонами, тѣнью и солнцемъ, на Кавказѣ имѣютъ значеніе необыкновенныя климатическія разницы, обусловленныя господствующими вѣтрами. Тогда какъ западная часть Закавказья (Кутаисская губ. и Черноморскій окр.) подъ вліяніемъ сырыхъ и теплыхъ понтійскихъ морскихъ вѣтровъ обладаетъ морскимъ климатомъ, восточная большая половина его подъ вліяніемъ сухихъ вѣтровъ, дующихъ изъ Закаспійскихъ степей и такихъ-же южныхъ, дующихъ съ безлѣснаго Армянскаго плоскогорья, имѣетъ опредѣленно континентальный, сухой климатъ. Вслѣдствіе этого, предѣлы лѣсовъ и прочей растительности на Кавказѣ подвержены колебаніямъ почти въ $1^1/_2$ тысячи футъ, при чемъ вездѣ замѣчается повидимому странный фактъ, что эти предѣлы, и въ особенности предѣлы древесныхъ растеній, на сѣверныхъ скатахъ находятся несравненно выше южныхъ. Такъ, напримѣръ, Дикъ на южномъ склонѣ Главнаго хребта нигдѣ не замѣтилъ, чтобы Rhododendron caucasicum и Daphne glomerata превышали высоту примѣрно 9.000 ф., между тѣмъ Г. И. Радде нашелъ первое изъ нихъ въ центральномъ Кавказѣ на высотѣ болѣе 10.000 ф., въ полномъ цвѣту.

Ключъ къ нѣкоторому объясненію этого повидимому загадочнаго явленія г. Дикъ нашелъ при переходѣ черезъ Латпарскій перевалъ, возвышающійся до 9.273 ф. Начавъ восхожденіе на этотъ перевалъ по южному склону горъ, г. Дикъ замѣтилъ, что внизу въ сырыхъ ущельяхъ росъ большой буковый лѣсъ, а въ су-

---

*) Въ Ахалцихскомъ уѣздѣ винодѣліе заходитъ чуть-ли не выше 4000 ф. н. у. м. (Очеркъ винодѣлія Кавказа въ Сб. свѣд. о Кавк., т. III, Тифл. 1875, стр. 256).

хихъ—каштанъ, съ примѣсью бѣлаго бука и каменнаго дуба (на высотѣ до 5000 ф.) и сѣверной березы (на высотѣ до 6000 ф.), при чемъ подлѣсокъ у каштановаго лѣса состоялъ изъ лещины, крушины (Rhamnus frangula), шиповника (Rosa glutinosa), калины (Viburnum orientale), и дубоваго кустарника. Разсматривая березу, г. Дикъ замѣтилъ на стволахъ ея трещины, происшедшія видимо отъ морозовъ, что показалось ему невѣроятнымъ, такъ какъ это дерево легко выноситъ большіе холода безъ всякихъ повреждений. Далѣе г. Дикъ увидѣлъ цѣлыя пространства подлѣска, омертвѣвшаго и высохшаго, какъ будто отъ пожара. Ознакомившись детально съ свойствами повреждений, г. Дикъ убѣдился, что какъ трещины на березѣ, такъ и омертвѣніе подлѣска произошли отъ одной и той-же причины: раннею весною солнце, вліяя сильно на растенія южнаго склона горъ, вызываетъ въ нихъ жизнь, а нерѣдко затѣмъ случающіеся морозы уничтожаютъ молодые побѣги и дѣлаютъ другія повреждения въ начавшихъ оживать растеніяхъ. Такое объясненіе г. Дика вполнѣ подтвердилось состояніемъ тѣхъ-же породъ на сѣверномъ склонѣ Латпарскихъ горъ: тутъ тѣ-же породы кустовъ и деревьевъ, находившіяся при томъ болѣе чѣмъ на 1000 ф. выше противъ того какъ онѣ растутъ на южномъ склонѣ, не имѣли никакихъ повреждений. Поздній морозъ, который на южномъ склонѣ понизилъ границу этихъ деревьевъ, на сѣверномъ тѣнистомъ склонѣ не причиняетъ вреда, такъ какъ здѣсь солнце не можетъ раньше времени возбудить къ жизни растенія.

Верхняя Сванетія не можетъ назваться лѣсистою страною, такъ какъ въ ней только нижніе ярусы горъ покрыты первобытными лѣсами, верхніе-же склоны, и то только сѣверные, и при томъ крупнѣйшіе изъ нихъ, покрыты небольшими лѣсами, весьма похожими на германскіе, какъ по общему виду, такъ и по породамъ деревъ и кустовъ, составляющихъ эти лѣса, и если-бы не Rhododendron, высокорастущая кавказская черника (Vaccinium Arctostaphylos), единичные самшиты (Buxus) и лавровишни, примѣшивающіеся къ этимъ лѣсамъ, то можно было-бы полагать, что находишся въ горныхъ лѣсахъ Германіи; если-же прибавить, что ущелье, чрезъ которое прорывается дикій Ингуръ, какъ и ближайшіе скаты горъ давно уже превращены трудолюбивымъ населеніемъ въ луга и поля, засѣянныя рожью, ячменемъ, овсомъ, просомъ и бобовыми растеніями, и что эти поля, и особенно

имѣющія орошеніе, могутъ смѣло поспорить по чистотѣ обработки ихъ съ германскими, то иллюзія внѣшняго сходства этой части Сванетіи съ германскими горными странами увеличивается еще болѣе.

Верхнюю границу лѣсовъ здѣсь почти вездѣ составляютъ береза и осина, перемѣшанныя рябиною и часто кленомъ Траутфетера. Выше сел. Жибіани, на высотѣ 8000 ф., на кряжѣ Лашрашъ г. Дикъ нашелъ вѣтлы Salix arbuscula и silesiaca, одиночный экземпляръ европейской S. pentandra и S. apus (apoda) Trautv., которую г. Дикъ считаетъ С. arbuscula.

Весьма удивила г. Дика растущая цѣлымъ лѣскомъ на томъ же кряжѣ на высотѣ 7300 ф. европейская Pinus silvestris, въ видѣ искрывленныхъ деревцевъ, какими онѣ встрѣчаются и высоко на сѣверѣ Европы.

Во всей Сванетіи прекрасно растетъ Rhododendron caucasicum, который, расположившись выше предѣла лѣсной растительности, покрываетъ склоны горъ, особенно сѣверные, широкимъ, тысячи въ двѣ футовъ, поясомъ, пестрѣющимъ небольшими просвѣтами свѣтлозеленыхъ альпійскихъ лужковъ.

Лѣса изъ нордмановой пихты и восточной ели въ Сванетіи находятся въ достаточномъ количествѣ, преимущественно въ тѣнистыхъ мѣстахъ горъ.

IV. Экскурсія на Армянское высокогорье.

10 октября 1890 г. г. Дикъ изъ Батума на фаэтонѣ направился въ с. Борчху. Дорога пролегала по берегу р. Чороха между крутыхъ и утесистыхъ склоновъ діабазовыхъ горъ, которыхъ вершины и сѣверные склоны поросли въ перемежку то лѣсомъ, то кустарникомъ. Въ тѣнистыхъ мѣстахъ горъ произростаютъ папортники и понтійскій рододендронъ, а внизу, у рѣки—серебристыя и пурпуровыя ивы, гребенщикъ и родственныя имъ мирикаріи, дерюза и облѣпиха (Hippophaё), покрытая въ это время года ягодами.

Переночевавъ въ инженерномъ домѣ, г. Дикъ отправился далѣе въ каюкѣ, который съ трудомъ бичевою тащили пятеро лазовъ противъ сильнаго теченія Чороха. По склонамъ горъ ростетъ самшитъ или пальма, высокоствольные экземпляры которой почти всѣ уже вырублены, чередуясь съ букомъ, дубовыми кустами,

крушиною (Rhamnus) и земляничникомъ (Arbutus Andrachne), красные сучья котораго, покрытые плодами, красиво блестѣли мѣстами среди лѣса. Въ болѣе сырыхъ частяхъ ущелья стояли пирамидальныя бѣлолиственницы и такія-же туи (Biota orientalis), образовавшія отдѣльныя довольно большія группы.

Вокругъ уединенныхъ лазскихъ деревень Чорохскаго ущелья, весело смотрящихъ, видны были большія насажденія плодовыхъ деревьевъ, въ томъ числѣ и оливковыхъ, перемѣшанныхъ съ пиніями (Pinus Pinea), зонтичныя, вершины которыхъ придаютъ мѣстности почти южно-италіанскій видъ.

Къ ночи съ трудомъ проплывъ чрезъ пороги Чороха въ страшныхъ тѣснинахъ горъ около гор. Артвина, не разъ подвергаясь опасности быть опрокинутыми въ воду со своимъ каюкомъ, г. Дикъ наконецъ, добрался до города, въ которомъ былъ задержанъ на цѣлыя сутки сильными дождями.

На слѣдующій день, не смотря на то, что въ окрестныхъ горахъ выпалъ глубокій снѣгъ, г. Дикъ поѣхалъ верхомъ далѣе и къ вечеру съ большими затрудненіями добрался до Зололетскаго казачьяго поста, на высотѣ 5000 ф., въ которомъ и переночевалъ подъ гостепріимнымъ кровомъ есаула Левченко. На другой день, сопровождаемый казаками, г. Дикъ доѣхалъ до Нахарскаго казачьяго поста, на высотѣ 6500 ф., состоящаго изъ двухъ убогихъ хижинъ. Красивая мѣстность этой части Артвинскаго округа съ своими рододендронами и соснами напоминаетъ Гималайскія горы въ провинціи Сиккимъ. Исполнивъ здѣсь главную цѣль своей поѣздки, состоявшую въ томъ, чтобы для европейскихъ садовъ добыть растущіе въ этой мѣстности, открытые покойнымъ профессоромъ Траутфетеромъ, новые виды рододендроновъ, названныхъ имъ въ честь М. Н. Смирнова и барона Унгернъ Штернберга, г. Дикъ отправился назадъ, совершивъ переѣздъ по сѣверному склону гор. Дилуве (10,510 ф.) и Сорикелъ-дагъ (8470 ф.), съ которыхъ за глубокой и обширной котловиной виденъ былъ на сѣверо-западѣ хребетъ съ вершинами Тріалъ-дагомъ, Керценъ-дагомъ и Квахидъ-дагомъ, достигающимъ 10,370 ф. н. у. м. На южномъ склонѣ этихъ исполинскихъ горъ вѣчный снѣгъ лежитъ только въ немногихъ ущельяхъ.

Спустившись чрезъ Залалетскій казачій постъ въ гор. Артвинъ, г. Дикъ помчался на каюкѣ по Чороху и, высадившись близъ устья этой рѣки, возвратился въ Батумъ.

V. Въ тропическомъ кустарномъ лѣсу Лазистанскихъ горъ.

Съ ботаническими сокровищами Джимиля и Андона (по Киперту—Антона), лежащихъ на сѣверномъ склонѣ Лазистанскихъ горъ, до г. Дика удалось ознакомиться только ботаникамъ Карлу Коху, бывшему тамъ лѣтъ 50 назадъ, и Баланса—лѣтъ 20 назадъ.

Какъ въ 1841 г. профессоръ Кохъ, такъ въ 1890 г. г. Дикъ для посѣщенія этихъ мѣстъ высадился въ Риза, красивомъ турецкомъ мѣстечкѣ, расположенномъ на южномъ берегу Чернаго моря, въ 120 верстахъ къ юго-западу отъ Батума. Г. Дика сопровождалъ докторъ Клингъ. Мутасерифъ, къ которому г. Дикъ обратился съ просьбой разрѣшить ему поѣздку внутрь страны, хотя и далъ позволеніе, но отобралъ отъ него фотографическій аппаратъ и назначилъ для наблюденія за нимъ и спутниками двухъ кавасовъ. Только на третій день по прибытіи въ Ризу г. Дику удалось выбраться въ горы и то въ полдень.

Сначала, часа два, путешественники ѣхали по роскошно-зеленѣющей холмистой мѣстности, а затѣмъ направились по неглубокому руслу рѣчки Асфоросъ, сопровождаемой по обѣимъ сторонамъ полями кукурузы, проса и др. хлѣбныхъ растеній, и небольшими группами фруктовыхъ деревьевъ, между которыми попадаются лавровишневыя деревья, достигающія иногда толщины туловища человѣка, хурма (Diospyros lotus), прекрасно развившіеся инжиръ и миндаль. Двумъ послѣднимъ деревьямъ видимо не идетъ въ пользу здѣшняя сырость. Холмистые спуски горъ покрыты понтійскимъ рододендрономъ и азалеями въ перемежку съ лещиною, крушиною, самшитомъ и ольховыми кустами, которые разводятся здѣшними жителями правильными рядами для торкальника и другихъ хозяйственныхъ нуждъ.

Къ ночи г. Дикъ достигъ деревни Амберлукъ, гдѣ нашелъ ласковый пріемъ въ домѣ муллы, возлѣ мечети, возвышающейся на берегу рѣчки.

На другое утро въ 8 часовъ г. Дикъ продолжалъ свой путь въ горы, вдоль той-же рѣчки, по мѣстности становившейся все болѣе и болѣе дикой, на которой изрѣдко попадались одинокіе исполины буковъ, каштановъ и липъ, свидѣтельствовавшіе, что здѣсь когда-то стоялъ первобытный лѣсъ. По мѣрѣ движенія въ горы появился подлѣсокъ изъ самшита и показались альпійскія розы (рододендронъ) исполинскихъ размѣровъ, а вмѣсто сопровождавшаго наканунѣ по холмистой мѣстности армянскаго дуба

(Quercus armeniaca) появились сѣверная рябина (Sorbus aucuparia) и красная (черная) ольха, которую на Востокѣ было-бы правильнѣе называть горной ольхой, въ отличіе отъ растущей на низменностяхъ сѣрой ольхи (Alnus incana).

Чрезъ три часа ѣзды по руслу рѣчки Асфоросъ путешественники своротили на востокъ по круто-подымающейся тропѣ въ горы, по которой вскорѣ и доѣхали до жалкой турецкой деревушки Андонъ или Антонъ, какъ та названа на картѣ Киперта. Деревушку эту Г. Дикъ принимаетъ за Tzantzacum castrum, первую станцію изъ древняго Rhizus въ Персарменію временъ императора Іустиніана.

Отсюда тропа становится все круче и круче и, наконецъ, обращается въ лѣстницу, устроенную широкими ступенями изъ дерева и камней. Одолѣвъ эту лѣстницу, г. Дикъ достигъ водораздѣла (до 4000 ф.) горъ, простирающихся въ меридіональномъ направленіи, по гребню которыхъ тянутся пространные альпійскіе луга. Проѣхавъ по этому гребню довольно долгое время, путешественники въѣхали въ лождбину, врѣзавшуюся въ земляной холмъ ярко-желтаго цвѣта охры, и здѣсь съ изумленіемъ увидѣли въ развалинахъ дорогу, вымощенную огромными базальтовыми глыбами, вѣроятно ту, которую соорудили во времена императора Іустиніана и о которой Прокопій Кесарійскій повѣствуетъ, что она пролегаетъ чрезъ Тцантцаконъ, Шамалихинонъ и Пархаръ, т. е. чрезъ альпійскіе луга въ Персарменію.

На этомъ памятникѣ Великой Византійской имперіи г. Дикъ нашелъ искомую имъ Orphanidesia gaultherioides, кустикъ изъ семейства вересковыхъ, впервые здѣсь найденный французскимъ ботаникомъ Balansa, приведшій автора Flora orientalis, Boissier, въ такой восторгъ, что онъ назвалъ его „insigne flora elasicae decus“, т. е. „прекраснымъ украшеніемъ флоры Лазистана.“ Здѣсь-же г. Дикъ нашелъ и еще лѣсное чудо, настоящій „florae lasicae miraculum“—Quercus pontica Коха *). Эти два растенія интересны потому, что они есть представители флоры минувшихъ тысячелѣтій.

*) Ни чуть не умоляя значенія этой послѣдней находки, прибавимъ, что, по словамъ лучшаго знатока флоры Кавказа, Я. С. Медвѣдева, этотъ понтійскій дубъ, похожій листьями на каштанъ, распространенъ и въ Сухумскомъ округѣ. Насъ удивляетъ, какъ это г. Дикъ, бывшій въ названномъ округѣ съ цѣлью пріобрѣтенія для германскихъ садовъ именно этихъ породъ, не замѣтилъ ихъ тамъ. *Ред.*

Проѣхавъ еще немного по гребню горъ отъ остатковъ Іустиніановой дороги, путешественники достигли турецкаго хана (харчевня), строенія, похожаго на конюшню, и расположились въ немъ на ночлегъ. Близъ хана оказался родникъ. Вся мѣстность вокругъ хана была покрыта кустами понтійскаго дуба, у подножья которыхъ, среди мягкаго болотнаго мха (Sphagnum) росла орфанидезія. На этомъ самомъ мѣстѣ ее собиралъ Баланса.

Рано утромъ на слѣдующій день г. Дикъ принялся за собираніе жуковъ, обитавшихъ подъ многочисленными камнями, вокругъ хана, и въ короткое время набралъ ихъ массу, при чемъ добрая треть изъ нихъ оказалась совершенно новыхъ видовъ, а остальные были большею частью очень рѣдкихъ видовъ и родовъ. Часовъ въ 8 утра путешественники поѣхали далѣе. Сначала путь ихъ лежалъ черезъ остатокъ высокоствольнаго лѣса изъ восточныхъ елей и нордмановыхъ пихтъ, подлѣсокъ которыхъ состоялъ изъ вѣчно-зеленыхъ кустовъ, со множествомъ растущихъ между ними орфанидезіями, Daphne pontica и Ruscus. Богатая-же флора здѣшнихъ мховъ густо покрывала землю и стволы деревьевъ.

По мѣрѣ подъема въ горы, хвойныя деревья стали замѣняться понтійскимъ дубомъ, перемѣшаннымъ съ красною ольхою и кое-гдѣ съ букомъ. Растительность эта спровождала путешественниковъ до границы лѣсовъ, лежащей здѣсь, примѣрно, на высотѣ до 7000 ф. Выше этой границы изъ древесной растительности попадаются только Rhododendron ponticum и еще выше Rh. caucasicum (единично) и Daphne pontica, съ D. glomerata. Выше этихъ растеній начинается высоко-альпійская полоса, сначала весьма бѣдная растеніями, а затѣмъ и вовсе безплодная, гдѣ лежалъ свѣжій снѣгъ.

По страшно попорченной отъ таянія снѣга дорогѣ, пролегавшей по водораздѣлу, въ вытоптанной ложбинѣ, путешественники ѣхали съ трудомъ. Достигнувъ сѣдловины горъ, они увидѣли къ сѣверу верхнюю долину Хемшинскаго округа, а въ противуположномъ юго-восточномъ направленіи на гребнѣ горъ, въ совершенно пустынной и безлѣсной мѣстности,—деревню Макрободани *), не нанесенную на карты. Далѣе въ южномъ направленіи предъ ними высилась гора Джагранъ-дагъ („отголосокъ“ съ туземнаго). На сѣдловинѣ, на которой путешественники находились, валялись обломки обсидіана, то темно-чернаго, то ярко-краснаго

*) Вѣроятно—Макропотами, т. е. „большая рѣка“, съ греческаго.

цвѣта. Г. Дикъ сначала принялъ ихъ за куски желѣзнаго шлака, нерѣдко встрѣчающагося въ Понтійскихъ горахъ, этой родинѣ древнихъ халибовъ. Продолжая путь, г. Дикъ выяснилъ себѣ, что куски обсидіана наполняютъ всю мѣстность въ нѣсколько квадр. верстъ вокругъ сосѣдней плоской вершины, которая и сама состоитъ изъ обсидіана, составляя какъ-бы огромный пузырь изъ вулканическаго стекла. Переѣхавъ этотъ стеклянный куполъ. путешественники стали подыматься по крутымъ и узкимъ гребнямъ на вершину горы Демиръ-дагъ, достигающую болѣе 9000 ф. Глубокій и свѣжій снѣгъ, лежавшій на этой горѣ, сильно затруднилъ подъемъ на вершину ея, на которой на обнаженныхъ отъ снѣга мѣстахъ видна была въ большомъ количествѣ желѣзная руда. Съ вершины открывается дивный видъ: на югѣ за рядомъ хребтовъ видна главная цѣпь понто-армянскихъ горъ, совершенно вулканическихъ; на сѣверъ видна вся цвѣтущая береговая полоса Чернаго моря отъ Трапезонда до Батума (Джаника) и далѣе до горъ Абхазіи.

Вечеромъ путешественники спустились въ ущелье р. Калопотамосъ, въ верховьи котораго лежитъ большое сел. Джимиль, весьма опрятное, но безъ всякой древесной растительности. Здѣсь ихъ очень радушно принялъ въ своемъ домѣ престарѣлый турокъ, признавшій г. Дика за сына гостившаго у него 50 лѣтъ назадъ ботаника Карла Коха, который оказалъ ему и многимъ жителямъ Джимиля услуги. Чрезъ два дня путешествія, подъ страхомъ нападенія разбойниковъ, г. Дикъ съ своими спутниками возвратился въ Ризу.

Описаніе нѣкоторыхъ ледниковъ въ Сванетіи.

Настоящее мое описаніе нѣкоторыхъ ледниковъ Сванетіи составлетъ продолженіе сообщенія, читаннаго мною въ общемъ собраніи Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 27 ноября 1889 г., напечатаннаго въ X кн. I-го вып. Извѣстій Отдѣла. Тогда я остановился на описаніи ледника Кулакъ (чегемское названіе) или Сгимъ (сванетское названіе), спускающагося съ Главнаго хребта на сѣверъ между горою Тихтенгенъ и переваломъ, названнымъ на нашихъ картахъ Джаберскимъ.

Отъ этой части Главнаго хребта къ югу спускается одинъ изъ большихъ ледниковъ Сванетіи, носящій общее названіе Твюберь; онъ дѣлится на три части: верхнюю, у перевала, называющуюся Лычатъ, среднюю—Дзынамъ, и нижнюю, носящую названіе Твюберь. Весь ледникъ этотъ имѣетъ около 10 верстъ длины; ширина его въ нижней части достигаетъ 170 саж., далѣе же онъ расширяется и доходитъ до версты и болѣе; толщина льда у нижней оконечности равняется 21 сажени; ледникъ Твюберь спускается до 6664 фут. надъ уровнемъ моря.

Въ этотъ ледникъ впадаетъ шесть болѣе или менѣе значительныхъ ледниковъ:

Съ сѣверной стороны, со склоновъ Главнаго хребта, ледникъ Ласхедаръ, имѣющій 2 вер. 200 саж. длины и 250 саж. ширины; на половинѣ длины его есть ледопадъ, высота котораго доходитъ до 80 саженъ.

Со склоновъ хребта Гвалда спадаютъ: 1) ледникъ Иретъ, имѣющій въ длину 2 версты 300 саженъ, и въ ширину 150 саж.; надъ нимъ возвышаются два скалистыхъ пика Башиль-тау или Иретъ и Тотъ; 2) ледникъ Тотъ въ 1 вер. 285 саж. длины и 225 саж. ширины, идущій сначала совершенно полого, затѣмъ, сразу оборвавшись высокимъ ледопадомъ, въ 230 саженъ, упирается въ ледникъ Твюберь. Эти три ледника никакихъ моренъ не имѣютъ.

Съ западной стороны, съ хребта Гвалда, входятъ 2 ледника: 1) Асмаши—длиною болѣе 3 верстъ и шириною около 450 саженъ, въ средней части очень крутой, а за тѣмъ пологій, и 2) Сери—длиною болѣе 4 верстъ и шириною до 300 саженъ и болѣе, въ нижней части обрывающійся, въ трехстахъ саженяхъ отъ соединенія съ ледникомъ Твюберь, уступомъ около 120 саженъ высоты и идущій дальше довольно полого.

Съ восточной стороны подъ прямымъ угломъ въ ледникъ Твюберь впадаетъ большой ледникъ Китлодъ,—въ длину 8 верстъ, и въ ширину, у соединенія съ Твюберь, 310 саженъ, спускаясь полого и имѣя мало камней, а на половинѣ своей обрываясь ледопадомъ болѣе 160 саж. высоты; верхняя часть ледника окружена Главнымъ хребтомъ, который здѣсь стоитъ почти отвѣсной стѣной, возвышаясь только на 200 саженъ надъ ледянымъ полемъ.

Береговыя морены ледника Китлодъ идутъ не по всей его длинѣ: направляющаяся съ правой стороны идетъ отъ ледопада, проходитъ немного болѣе двухъ верстъ и затѣмъ пропадаетъ въ трещинахъ; съ лѣвой стороны морена начинается именно противъ того мѣста, гдѣ кончается морена праваго берега и доходитъ до соединенія ледника Китлодъ съ ледникомъ Твюберь. Срединныхъ моренъ этотъ ледникъ не имѣетъ; трещинъ очень много вдоль правой его части; въ средней же ихъ значительно меньше, но здѣсь попадаются часто колодцы; подъ ледопадомъ образовалась большая круглая яма.

Въ настоящее время, ледникъ Китлодъ сильно уменьшается въ объемѣ, что можно заключить по положенію моренъ, которыя теперь не только лежатъ отъ него далеко, но и высоко, болѣе чѣмъ на 20 саженъ надъ поверхностью ледника.

Общее направленіе ледника Твюберь слѣдующее: часть, называемая Лычатъ, идетъ отъ перевала на западъ, затѣмъ круто поворачиваетъ на югъ, образуетъ въ этомъ мѣстѣ ледопадъ, правѣе котораго идетъ небольшая береговая морена; далѣе отъ ледопада въ средней своей части, подъ названіемъ Дзыналъ, направляется на юго-западъ, а въ нижней части и уже подъ названіемъ Твюберь, направляется прямо на югъ.

Вслѣдствіе того, что въ ледникъ Твюберь впадаетъ много другихъ ледниковъ, онъ имѣетъ нѣсколько срединныхъ моренъ, состоящихъ изъ большихъ валуновъ и даже цѣлыхъ громадныхъ скалъ, которыя можно принять за отдѣльныя скалистыя горки. Средин-

ныя морены идутъ вначалѣ правильными параллельными грядами и держатся средины ледника, но по мѣрѣ того, какъ подходятъ ближе къ нижней части ледника, придвигаются къ лѣвой его сторонѣ и здѣсь соединяются, образуя безпорядочныя груды, такъ что вся нижняя часть ледника совершенно закрыта камнями.

Трещины на ледникѣ Твюберь въ верхней и средней частяхъ встрѣчаются рѣдко и вообще онъ въ этихъ частяхъ удобо-проходимъ. Послѣ же того, какъ съ нимъ соединится ледникъ Китлодъ, онъ до самого почти конца весь изборожденъ трещинами, которыхъ много также и у правой береговой морены.

Въ объемѣ ледникъ Твюберь сильно уменьшается, судя по тому, что береговыя его морены отстоятъ далеко и возвышаются надъ нимъ почти на 15 саженъ.

Относительно отступленія ледника мнѣ трудно что-нибудь сказать, такъ какъ я точныхъ наблюденій не дѣлалъ. Судя-же по тому, что въ первыхъ числахъ іюня отвѣсный обрывъ конца ледника совпадалъ съ отвѣсомъ скалы, находящейся подъ нимъ и въ такомъ положеніи оставался до конца сентября, можно допустить, что за эти три мѣсяца ледникъ не отступилъ. Ледн. Твюберь служитъ началомъ рѣки того-же названія, которая, пройдя версты 4, впадаетъ въ рѣку Мульхура-чала съ правой стороны, немного выше сел. Жабешъ.

Рѣчка Твюберь, протекая все время, начиная отъ ледника и до впаденія въ Мульхура-чала, въ скалистомъ и тѣсномъ ущельѣ, была-бы непереходима, если бы природа не позаботилась устройствомъ здѣсь вѣчнаго моста, образовавшагося отъ снѣжныхъ заваловъ, падающихъ съ лѣвой стороны довольно крутого хребта Нашкодра. Въ настоящее время снѣгъ этотъ до того уплотнился, что образовалась ледяная масса, которая и служитъ мостомъ и даетъ жителямъ возможность переѣзжать и перегонять скотъ съ одного берега на другой. По словамъ жителей, мостъ этотъ, на сколько они его помнятъ, все время находится въ одномъ положеніи.

Отъ вершины Главнаго хребта Тихтенгенъ спускается высокій отрогъ Нашкодра, раздѣляющій ледники Китлодъ и Ц а н н е р ъ № 1. Послѣдній ледникъ спускается съ Главнаго хребта на югъ въ той его части, откуда на сѣверѣ начинается сѣверо-восточная вѣтвь ледника Улу-Чирана (Безинги). Фирновое поле ледника Цаннеръ № 1 очень обширно: оно имѣетъ въ ширину болѣе 5 верстъ. Съ сѣверо-восточной стороны его вы-

сится отвѣсной стѣной Главный хребетъ, возвышающійся надъ ледникомъ на 170 саженъ. Эту часть Главнаго хребта сванеты называютъ Джамбъ. Пройдя отъ начала своего около 6 верстъ довольно полого, ледникъ входитъ въ тѣснину изъ высокихъ скалъ и обрывается громаднымъ ледопадомъ до 190 саж. высоты; отвѣсно стоящія скалы, сопровождающія ледопадъ, дѣлаютъ его почти недоступнымъ.

Ниже ледопада ледникъ Цаннеръ № 1 идетъ вновь полого, направляясь съ востока на западъ и достигая здѣсь въ ширину до одной версты. Пройдя отъ ледопада 4 версты, онъ упирается въ небольшой хребетъ Гогиш-Загяръ, который заставляетъ его повернуть на югъ, въ скалистую тѣснину, шириною всего въ 140 саженъ, и спуститься съ уступа высотою болѣе 80 саженъ. Масса льда, скопившаяся въ этомъ мѣстѣ, образуетъ нагроможденія самыхъ причудливыхъ формъ: тутъ можно видѣть и нѣчто въ родѣ пирамиды, и что-то схожее съ Иглою Клеопатры, и цѣлыя колонны, увѣнчанныя валунами, и все это въ грандіозныхъ размѣрахъ. Эффектъ этой волшебной картины сильно увеличивается безпрерывнымъ шумомъ, происходящимъ отъ постояннаго разрушенія ледника подъ вліяніемъ тепла: паденіе воды, громъ обрывающихся льдинъ и камней, грохотъ валуновъ, катимыхъ водою подъ корою ледника, все это образуетъ цѣлый грозный хаосъ звуковъ, производящій сильное впечатлѣніе. Но ниже ледопада ледникъ вновь получаетъ прежнюю правильную форму и на немъ лишь кое-гдѣ торчатъ, въ видѣ складокъ или бугровъ, не успѣвшія растаять или занять мѣсто въ общей массѣ ледника, ледяныя глыбы. Пройдя съ версту отъ ледопада, ледникъ оканчивается почти отвѣсной стѣной, имѣющей въ высоту около 22 саженъ. Вся длина ледника Цаннеръ № 1, считая и фирновое поле (впрочемъ, я его нигдѣ не выдѣлялъ), равняется 11 верстамъ; ширина его доходитъ до версты и болѣе, за исключеніемъ мѣстъ у ледопадовъ и нижней его оконечности, гдѣ ширина всего 90 саженей. Ледникъ спускается до 6838 фут. надъ уровнемъ моря. Изъ-подъ ледника вытекаетъ большая рѣка Мульхура-чала, одинъ изъ значительныхъ притоковъ рѣки Ингура.

Въ концѣ перваго ледопада ледника Цаннеръ № 1 въ него входитъ съ лѣвой стороны большой ледникъ Цаннеръ № 2. Спускается онъ съ перемычки, соединяющей гору Тетнульдъ съ Главнымъ хребтомъ. Питается онъ снѣгами также съ горы Ги-

столы и съ сѣверныхъ скатовъ Тетнульда. Длина его болѣе 5 верстъ, ширина, у соединенія съ Цаннеромъ № 1, равняется 440 саж.; высота ихъ соединенія достигаетъ 9524 фут. н. у. м. Въ нижней части ледникъ имѣетъ небольшой уступъ, средняя его часть довольно пологая, а верхняя имѣетъ постепенный, но довольно крутой подъемъ. Въ этомъ ледникѣ нѣтъ срединныхъ моренъ; береговыя-же морены образовываются только близъ соединенія ледниковъ, но онѣ не высоки. Начиная отъ соединенія ледниковъ Цаннеръ № 1 и 2, идетъ большая срединная морена, которая рѣзко разграничиваетъ ледъ одного Цаннера отъ другого. Съ правой стороны ледъ весь изборожденъ трещинами и ямами и заваленъ камнями. Лѣвѣе срединной морены хотя также много трещинъ, но здѣсь ледъ совершенно чистъ отъ камней. У лѣвой береговой морены есть два небольшихъ озера. Съ лѣвой стороны срединной морены протекаетъ по льду ручей, который до того широкъ и имѣетъ такіе глубокіе и крутые берега, что перейти его можно только въ верхней части. Здѣсь же встрѣчаются нѣсколько ледниковыхъ мельницъ и колодцевъ.

У самого почти конца ледника Цаннеръ № 1, ниже его второго ледопада, въ него входитъ еще одинъ большой ледникъ Нагебъ. Спускается онъ съ сѣверо-западныхъ склоновъ Тетнульда. Ледникъ этотъ замкнутъ въ узкомъ ущельи между хребтами Пкарашъ и Лак-Чхильдаръ и имѣетъ на своемъ протяженіи три значительныхъ ледопада. Камней на поверхности очень мало. Длина этого ледника доходитъ до 6 верстъ, а ширина въ нижней части 130 саженъ, въ средней 300; далѣе онъ расширяется и доходитъ до версты и болѣе. Береговую морену имѣетъ только съ правой стороны.

Если стать на правой береговой моренѣ ледн. Цаннеръ № 1 и смотрѣть вдоль ледн. Нагебъ, то онъ представляется какъ-бы лѣстницей, ведущей на Тетнульдъ.

Ледникъ Цаннеръ въ объемѣ значительно уменьшился, что можно судить по его береговымъ моренамъ, которыя идутъ тремя параллельными рядами съ обѣихъ сторонъ. Морены эти далеко отстоятъ отъ ледника и возвышаются надъ нимъ до 300 саженъ.

Слѣдующій сванетскій ледникъ, знаменитый Адишъ или Лардхадъ (подъ послѣднимъ названіемъ мало кто изъ сванетъ его знаетъ, большенство-же называетъ его Адишъ). У Динника

я встрѣтилъ еще названіе Лерха. Но такого названія онъ не носитъ. Есть названіе Лерша, но оно принадлежитъ небольшому хребтику, расположенному ниже ледника съ лѣвой стороны, по которому идетъ дорога на перевалъ Чхуднеръ. Хребетъ этотъ, по моему, есть ни что иное, какъ старая береговая морена ледника Адишъ. Началомъ ледника Адишъ служитъ большое снѣжное поле заключенное между горами Катын-тау (названіе безенгіевское) или Адишъ (назв. сванетское), Гистолой и Тетнульдомъ. Спускается онъ прямо ледопадомъ, верхняя часть котораго находится на высотѣ 13,594 фут., а нижняя на высотѣ 8,785 фут. надъ уровнемъ моря; такимъ образомъ паденіе въ 4,809 фут. онъ дѣлаетъ на разстояніи 2 верстъ 150 саж., при этомъ въ верхней части стоитъ почти отвѣсной стѣной; ниже онъ представляетъ что-то необыкновенное и не поддающееся никакому описанію. Длина ледника, считая за начало Главный хребетъ, равняется $7^1/_2$ верстамъ, изъ нихъ снѣжное поле $2^1/_2$ версты, ледопадъ 2 вер. 150 саженъ, а остальныя 2 вер. 350 саж. онъ проходитъ отъ ледопада до нижней оконечности. Эта часть ледника спускается довольно полого; камней здѣсь немного; трещины только у береговыхъ моренъ. Ледникъ Адишъ спускается до 7,448 футъ надъ уровнемъ моря. Онъ имѣетъ береговыя морены какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны, которыя высоко поднимаются надъ нимъ.

Я уже говорилъ раньше, что немного ниже ледника Адишъ идетъ дорога чрезъ перевалъ Чхуднеръ; она спускается въ ущелье рѣки Халде, берущей начало съ ледника Халде или Гёрешо. Ледникъ этотъ спускается частью съ г. Шхара, частью съ Джанги-тау. Принимая за начало первую вѣтвь, длина его равняется почти 8 верстамъ; ширина въ нижней части 250 саженъ; затѣмъ онъ постепенно суживается и въ 750 сажняхъ отъ нижней оконечности доходитъ до 200 саж., затѣмъ вновь расширяется и доходитъ до версты и болѣе. Спускается онъ до 8057 ф. надъ уровнемъ моря. Ледникъ Халде въ верхней части имѣетъ двѣ срединныхъ морены, которыя войдя въ узкое мѣсто, соединяются въ одну, спускающуюся до конца ледника. Ледникъ этотъ очень замѣтно уменьшается, больше чѣмъ другіе ледники Сванетіи, что видно какъ по береговымъ, такъ и по конечнымъ моренамъ. Неизвѣстно, за какой періодъ времени онъ отступилъ около двухъ верстъ. Судя же потому, что морены еще не успѣли хорошо одѣться травой, надо полагать, что до нихъ онъ доходилъ

еще недавно. Ледникъ идетъ сначала почти прямо на югъ, затѣмъ поворачиваетъ на западъ и, описавъ довольно правильную дугу, обращенную выгнутой стороной на сѣверо-западъ, поворачиваетъ на юго-западъ. Ледникъ помѣщается въ открытомъ широкомъ ущельи. У самого ледника есть нѣсколько углекисло-желѣзистыхъ источниковъ, дающихъ массу воды; русло ручья, образующагося изъ этихъ источниковъ, имѣетъ до того много осадковъ, что издали кажется какъ-бы потокомъ крови.

Послѣдніе два ледника—Адишъ и Халде, отчасти и Твюберь, самые доступные изъ ледниковъ въ этой части Сванетіи (къ нимъ и дальше по нимъ можно въѣхать верхомъ), чего нельзя сказать о другихъ ледникахъ, а особено о ледникѣ Цаннеръ № 1. Онъ почти недоступенъ и надо обладать большимъ присутствіемъ духа, чтобы рискнуть пройти путь въ 4 версты, ведущій отъ сел. Жабешъ къ этому леднику, а затѣмъ, особенно, по самому леднику и вдоль верхняго его ледопада.

Теперь въ дополненіе моего сообщенія, сдѣланнаго мною въ 1889 г. въ общемъ собраніи Кавказскаго Отдѣла Геогр. Общества о ледникахъ Сѣвернаго Кавказа, находящихся въ верховьяхъ рѣки Чегема, дамъ описаніе еще одного изъ нихъ, называющагося Башихъ, на которомъ мнѣ пришлось побывать въ 1890 году, для подробнаго обозначенія на планѣ ледниковъ въ верховьи рѣки Башиль-су. Такъ какъ я жилъ въ сел. Жабешь, на южномъ склонѣ Главнаго хребта, а верховье р. Башиль-су находится на сѣверномъ его склонѣ, то мнѣ и надобно было перевалить чрезъ Главный хребетъ. Выждавъ надежную погоду, я въ 6 часовъ утра 26 іюля, взявши съ собой трехъ казаковъ и трехъ носильщиковъ изъ сванэвъ, двинулся въ путь по леднику Твюберь на Сѣверный Кавказъ.

Дорога шла сначала по правой береговой моренѣ, затѣмъ перешла на ледникъ и затѣмъ направилась по срединной его моренѣ; пройдя по ней съ версту, пришлось спуститься и идти съ лѣвой ея стороны, такъ какъ громадные камни на гребнѣ въ этой части морены дѣлали ее непроходимой. Достигнувъ же части ледника, называемой Дзыналъ, мы перешли вновь на срединную морену, и по ней дошли до круто-спускающейся береговой морены верхней части ледника, называемой Лычатъ. Выбравшись на этотъ подъемъ, мы повернули на востокъ и увидѣли равное мѣсто, которое, какъ потомъ выяснилось, показалось намъ ров-

нымъ только издали, на самомъ же дѣлѣ ледникъ въ этомъ мѣстѣ представлялъ изъ себя волны моря, замерзшія въ моментъ сильной бури. Здѣсь въ первый разъ пришлось намъ принимать предосторожности, что-бы не провалиться въ попадавшіяся то и дѣло широкія трещины, замаскированныя снѣгомъ. Послѣднія двѣ версты предъ переваломъ чрезъ Главный хребетъ были самыя утомительныя; лавированіе по ледянымъ волнамъ, перескакиваніе чрезъ трещины, разряженный воздухъ и усталость окончательно изнурили насъ; особенно плохо себя чувствовали сваны, имѣвшіе за плечами изрядную ношу; между тѣмъ впереди предстоялъ еще хотя и небольшой, но довольно крутой подъемъ на перевалъ.

Только лишь въ 3 часа по полудни мы достигли перевала. Погода была превосходная: ни облачка на небѣ, ни малѣйшаго дуновенія въ воздухѣ. Предъ выходомъ изъ лагеря въ 6 часовъ утра я посмотрѣлъ на термометръ, онъ показывалъ $+8^{\circ}$ R. На ледникѣ же въ $11^1/_2$ часовъ дня было $+12^{\circ}$R, на перевалѣ въ 3 часа $+8^{\circ}$R. Высота перевала Быха 11,912 ф. надъ уровнемъ моря. Меня удивило то, что, не смотря на такую высоту, какъ самый перевалъ, такъ и часть хребта въ обѣ стороны отъ него были совершенно безъ снѣга, между тѣмъ высота линіи вѣчнаго снѣга, опредѣленная мною на хребтѣ Пкарашъ, достигала 10,661 ф., а на горѣ Каретта 10,857 ф., что въ среднемъ будетъ 10,759 футъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевала видна даже растительность, свойственная этимъ высотамъ. Изъ живыхъ существъ я встрѣтилъ два вида бабочекъ, одну желтоватую съ темными пятнами, а другую по меньше, темносѣрнаго цвѣта, и кромѣ того одну довольно большую мышь.

Послѣ часоваго отдыха мы стали спускаться по леднику Кулакъ. Сванеты его называютъ Сгимаръ. Сгимъ они называютъ всякій минеральный источникъ, а такъ какъ въ концѣ этого ледника есть углекисло-желѣзистый источникъ, то вѣроятно по этому ледникъ и получилъ названіе Сгимаръ.

Часа чрезъ полтора мы были на бугрѣ Кара-тюбе, возвышающемся среди этого ледника. Немного не доходя до этого бугра, мы попали въ цѣлый лабиринтъ трещинъ, откуда едва выбрались. Въ 7 часовъ вечера достигли сосновой рощи въ концѣ ледника, гдѣ и расположились на ночлегъ.

Въ этотъ день мы прошли 23 версты, на что употребили 12 часовъ времени, не считая часа отдыха на перевалѣ. Въ 8 ча-

совъ вечера термометръ показывалъ около 15° тепла. Ночь хотя была тихая и звѣздная, тѣмъ не менѣе мы изрядно продрогли, такъ какъ кромѣ бурокъ съ нами ничего не было теплаго. Въ 5 часовъ утра термометръ показывалъ 5° тепла.

Въ 6 часовъ мы двинулисъ дальше, съ трудомъ перешли въ бродъ двѣ быстрыя рѣчки, одну, идущую изъ подъ ледника Кулакъ, а другую изъ подъ ледника Шаурту. Не смотря на ранній часъ утра воды было много.

Переправившись чрезъ обѣ рѣчки, мы продолжали путь правымъ берегомъ Гара-су; недалеко отъ соединенія ея съ р. Башиль-су дорога переходитъ на лѣвый берегъ; здѣсь уже мы перешли по мосту. Немного выше моста р. Гара-су падаетъ съ высоты не менѣе 10 саженъ и входитъ въ узкую скалистую трещину, мѣстами не болѣе сажени ширины. У самого соединенія рѣкъ, близъ развалинъ башни, дорога поворачиваетъ на западъ и идетъ правымъ берегомъ рѣки Башиль-су, затѣмъ переходитъ на лѣвый берегъ, а выше, недалеко отъ ледника, она опять переходитъ на правый берегъ.

Въ часъ пополудни мы остановились недалеко отъ ледника Башиль, возлѣ коша. Все пространство, занимаемое ущельями Гара-су и Башиль-су,носитъ общее названіе Милюшки.

Только три дня мнѣ понадобилось, чтобы привести въ исполненіе порученную мнѣ работу; изъ нихъ полдня я употребилъ еще на развѣдки,—нельзя-ли съ ледн. Башиль прямо перевалить на ледн. Твюберь, что значительно сократило-бы намъ путь.

Въ трехъ мѣстахъ я поднимался на Главный хребетъ. Ледникъ Твюберъ былъ тутъ же подъ моими ногами, но попасть на него не было никакой возможности: Главный хребетъ, къ сторонѣ ледника Твюберь, спускался скалистой стѣной.

Вотъ что я нашелъ въ верховьѣ Башиль-су: отъ вершины Башиль-тау (13,685), въ Главномъ хребтѣ, отдѣляется большой высокій снѣжный хребетъ съ нѣсколькими выдающимися вершинами: 1) Сары-колъ-баши 13,965 фут., 2) Адыр-су-башъ 14,273 фут., 3) Джайлик-башъ и 4) Сакатили-тау 13,584 фута. Между Главнымъ хребтомъ и этимъ отрогомъ заключенъ ледникъ Башиль. Онъ спускается нѣсколькими вѣтвями, но главныя изъ нихъ двѣ: одна спускается съ Башиль-тау, а другая съ верш. Адыр-су-башъ. Принимая за начало первую вѣтвь, длина его равняется 5 верстамъ; ширина ледника у нижней оконечно-

сти 240 саженъ; выше онъ значительно расширяется. Судя по тому количеству снѣга, который питаетъ этотъ ледникъ, размѣры его совсѣмъ незначительные. Мнѣ приходилось видѣть ледники съ меньшею площадью питающихъ снѣговъ, все же они были по длинѣ гораздо больше ледн. Башиль. Ледникъ спускается нѣсколькими уступами. Вообще верхняя его часть очень крута, въ нижней же части ледникъ довольно пологъ. Вѣтвь, начинающаяся на вершинѣ Адыр-су-башъ, у соединенія съ ледникомъ спускается со скалистаго уступа.

Вслѣдствіе бокового сжатія, нижняя его часть имѣетъ много трещинъ, а текущіе съ верхней части ручьи, достигнувъ первой изъ трещинъ, низвергаются въ нее и образуютъ красивые ледопады. Столы, ямы и колодцы также встрѣчаются на этомъ ледникѣ. Береговая морена идетъ съ лѣвой стороны ледника, съ правой же начинаетъ откладываться почти у самого конца его. Въ нѣсколькихъ саженяхъ ниже конца ледника стоитъ небольшая конечная морена. Толщина льда у нижней оконечности 15 саженъ. Спускается этотъ ледникъ до 7,285 фут. надъ уровнемъ моря.

Далѣе къ сѣверу отъ ледника Башиль, того же отрога, съ котораго беретъ начало этотъ ледникъ, спускаются еще три ледника: 1) ледникъ, неимѣющій названія, спускается съ южныхъ склоновъ г. Джайлик-башъ, замкнутый въ узкой скалистой тѣснинѣ, имѣющей всего версту ширины; ледникъ достигаетъ ширины 315 саженъ и длины около 5 верстъ, въ нижней части онъ расширяется; 2) ледн. Джайликъ спускается съ восточныхъ склоновъ горы Джайлик-су-башъ; въ длину онъ имѣетъ 5 верстъ, а ширину нижней оконечности 200 саж.; 3) ледникъ, также безъ названія, въ длину имѣетъ 5 верстъ, въ ширину нижней оконечности 200 саженъ, выше же доходитъ до версты. Нижняя оконечность ледника лежитъ въ очень узкой скалистой трещинѣ, въ верстѣ отъ ледника Джайликъ.

Ущелье рѣки Башиль-су въ общемъ очень красиво, особенную прелесть придаетъ ему молодой сосновый лѣсъ, ростущій по правому берегу рѣки и по склонамъ хребта, обращеннымъ къ сѣверу.

Между ущельями Гара-аузъ и Башиль-су возвышается красивая скалистая вершина Гихи (10,256 фут.); сѣверные склоны этой горы также покрыты сосновымъ лѣсомъ.

На 6-й день, т. е. 31 іюля, мы собрались въ обратный путь. Хотя и обидно было дѣлать такой кругъ, все же приходилось возвращаться тѣмъ же путемъ.

Заночевали мы въ той же сосновой рощѣ у ледника Кулакъ, и на другой день, т. е. 1 августа, до разсвѣта уже были на ледникѣ. На этотъ разъ на перевалѣ намъ не посчастливилось: дулъ сильный восточный вѣтеръ, термометръ показывалъ всего 4° тепла. Для отдыха пришлось избрать мѣсто подъ переваломъ, гдѣ мы и просидѣли болѣе часу.

Еще во время перваго пути я обратилъ вниманіе на массу разбросанныхъ по леднику костей и полуистлѣвшихъ животныхъ. Теперь-же мы наткнулись на цѣлую кучу костей, точно кто ихъ здѣсь собралъ. Я спросилъ у свана, что это значитъ. Онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее: ежегодно сваны отправляются на заработки на Сѣверный Кавказъ; на заработанныя деньги покупаютъ лошадей, быковъ или барановъ и по этому леднику ихъ перегоняютъ въ Сванетію. Рѣдко кому удается пригнать домой скотину въ цѣлости, чаще приходится оставлять по нѣсколько штукъ въ дорогѣ: одна сломаетъ ногу между камнями, другая провалится въ трещину, а третья гдѣ нибудь на спускѣ полетитъ въ пропасть. Особенно много пропадаетъ позднею осенью, когда ихъ застаетъ на ледникѣ морозъ, метель и вьюга. Въ такихъ случаяхъ не рѣдко и люди погибаютъ. Года три тому назадъ 2 человѣка гнали здѣсь нѣсколько штукъ овецъ и быковъ. Пошелъ снѣгъ, поднялась буря. Какъ видно, идти дальше они не могли, столпились всѣ въ одну кучу, да такъ на всегда и остались. На слѣдующій годъ весной людей отрыли, похоронили въ селеніи, а отъ ихъ скота осталась вотъ эта куча костей.

Въ 4 часа пополудни мы были въ моемъ лагерѣ у сел. Жабешъ. Въ 4 дня, которые мы были въ пути, нами пройдено 94 версты, изъ нихъ по ледникамъ 43 версты.

Н. Жуковъ.

Поѣздка по высочайшимъ селеніямъ Кавказа и восхожденіе на вершину горы Шахъ-дагъ.

Сообщеніе А. В. Пастухова,

дѣйствительнаго члена Отдѣла,

читанное въ общемъ собраніи Отдѣла 9-го марта 1893 года.

Лѣтомъ 1892 года мнѣ довелось производить топографическія работы въ Даргинскомъ округѣ, Дагестанской области.

28-го августа, въ 11 час. 48 мин. дня, забравъ всѣ необходимые для предстоящаго путешествія предметы, я съ шестью всадниками дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка *) покинулъ свой лагерь, находившійся на скатѣ хребта Лесъ на высотѣ 7,742 фута, въ 5-ти верстахъ на сѣверо-западъ отъ селенія Дiибукъ.

Было тихо и ясно; термометръ показывалъ +14° Р. Цѣлью моей поѣздки было посѣщеніе двухъ высочайшихъ ауловъ на Кавказѣ: Чираха и Куруша и восхожденіе на вершину горы Шахъ-дагъ (Царь-гора).

Въ 1 часъ 30 мин. пополудни мы проѣхали чрезъ селеніе Гинта. Въ 4 часа поднялись на западный конецъ хребта Лесъ, гдѣ встрѣтили нѣсколько стадъ барановъ, возвращавшихся уже съ лѣтнихъ пастбищъ. Въ 6 час. 30 м. веч. мы прибыли на одну изъ рѣчекъ, берущихъ начало съ сѣвернаго ската горы Шунудагъ и здѣсь на высотѣ 7,350 фут. расположились для ночлега. Не успѣли мы устроиться, какъ поднялась страшная буря и полилъ дождь съ грозой, продолжавшійся два часа. Послѣ этого небо разъяснилось и температура понизилась до +3° Р. Ночью минимальная температура была +2° Р. 29-го августа въ 5 час.

*) Газіовъ Хитинау (житель сел. Хунзахъ), Мама Ласуловъ-Биръ-Магомаговъ (житель сел. Кудали), Шавтирей Шамаршевъ (житель сел. Дарада), Хаджи-Магома-Али-Бутаевъ (житель сел. Хунзахъ), Исаковъ (жит. сел. Метхельта) и Арбули Ника-Магома (жит. сел. Малый Джунгууай).

50 мин. утра отправились въ дальнѣйшій путь. Въ разстояніи одной версты и саженей на 100 выше мѣста нашего ночлега все пространство было покрыто инеемъ. Особенно обильный иней покрывалъ вершину горы Шуну-дагъ, куда мы въѣхали по тропинкѣ съ сѣверной стороны въ 7 час. 15 мин. утра. Эта гора сильно напоминаетъ собою гору Гунибъ; она также окаймлена со всѣхъ сторонъ отвѣсными скалами, которыя съ сѣверной стороны тянутся въ три ряда, раздѣленныхъ между собою довольно большими террасами. Пространство, окаймленное скалами, равняется 10½ квад. верстъ и представляетъ собою ложбину, прорѣзанную посрединѣ глубокимъ оврагомъ, по дну котораго протекаетъ въ сѣверо-западномъ направленіи многоводный ручей. Вся эта ложбина покрыта роскошной травой и можетъ назваться однимъ изъ самыхъ лучшихъ горныхъ пастбищъ, гдѣ, начиная съ половины мая и до конца августа, находится масса разнаго скота, преимущественно-же барановъ. Во время посѣщенія нами горы тамъ не было уже ни одного стада. Высшая точка этой горы равняется 9,733 фута и оттуда видѣнъ буквально весь Дагестанъ, представляющій собою дивную картину; открывающійся-же видъ на снѣговую цѣпь Главнаго Кавказскаго хребта съ его ближайшими отрогами просто очаровательный.

Снявши отсюда нѣсколько фотографій, въ 9 час. 10 мин. утра мы поѣхали далѣе и ровно въ 12 час. дня прибыли въ селеніе Хосрекъ, гдѣ застали въ полномъ разгарѣ уборку хлѣба. Хосрекъ принадлежитъ къ высочайшимъ селеніямъ Кавказа и лежитъ на высотѣ 7,032 фут. надъ уровнемъ моря; въ немъ насчитывается 356 дворовъ и 1,634 жителей (лаковъ, кахикумухцевъ) обоего пола.

На востокъ отъ селенія тянется большая равнина, сплошь покрытая пашнями. На этой равнинѣ 12-го іюня 1820 года русскій отрядъ подъ начальствомъ князя Мадатова разбилъ двадцатитысячное войско казикумухскаго хана Сурхая. Черезъ Хосрекъ пролегаетъ хорошая колесная дорога, идущая изъ Касумъ-кента черезъ Казикумухъ на Гунибъ и по этой дорогѣ постоянно совершается большое движеніе, пока она свободна бываетъ отъ снѣга; зимой-же на участкѣ между Хосрекомъ и Чирахомъ на растояніи 23-хъ верстъ сообщеніе совсѣмъ прекращается. На этомъ-же участкѣ на перевалѣ Кокма лежитъ самая высшая точка этой дороги, достигающая 8,470 фут. надъ уровнемъ моря. Всѣ окрестности Хос-

река совершенно безлѣсны и только въ 3½ верстахъ на югъ отъ селенія, на хребтѣ, раздѣляющемъ рѣки Виралю и другую безъимянную, въ двухъ мѣстахъ мелкій березовый кустарникъ покрываетъ небольшое пространство. Пробывъ въ Хосрекѣ 30 мин., мы отправились далѣе по направленію къ Чираху. Въ 2 часа 30 мин. пополудни достигли упомянутаго перевала, а въ 3 часа, въ виду усталости лошадей, остановились для ночлега на одной изъ множества тянущихся по рѣчкѣ Чирахъ-чай лужаекъ. Дождь, начавшійся въ 2 часа дня, продолжался съ маленькими перерывами всю ночь. Минимальное показаніе термометра за ночь было +0,5° Р. Утромъ всѣ окрестныя горы оказались покрытыми новымъ снѣгомъ.

30-го августа, въ 8 час. утра, отправились въ путь и въ 9 час. 20 мин. были въ Чирахѣ. Это селеніе считается третьимъ по высотѣ на Кавказѣ и лежитъ на 7,430 фут. выше уровня моря. Оно расположено на очень крутой покатости, обращенной къ югу, при чемъ относительное положеніе домовъ таково, что крыши нижнихъ домовъ находятся на одномъ уровнѣ съ фундаментами слѣдующихъ за ними верхнихъ, образуя такимъ образомъ нѣсколько неправильныхъ рядовъ. Въ Чирахѣ 169 дворовъ и 914 жителей обоего пола. Какъ въ самомъ селеніи, такъ и въ окрестностяхъ его древесная растительность совершенно отсутствуетъ; но за-то, благодаря въ высшей степени плодородной почвѣ, состоящей изъ довольно толстаго слоя чернозема, здѣсь растетъ роскошная трава и, если благопріятствуютъ метеорологическія условія, бываютъ хорошіе урожаи хлѣба.

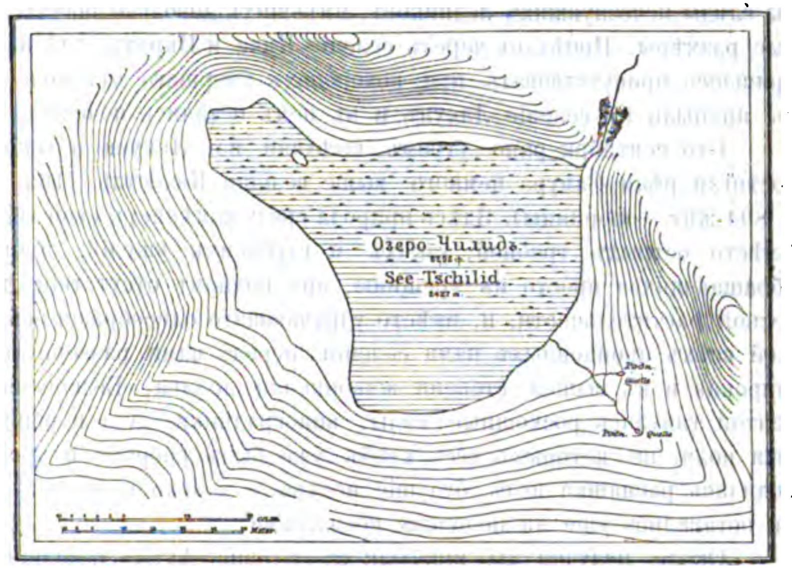
Выше и ниже Чираха ущелье рѣки Чирахъ-чай сильно расширяется, образуя большую долину, позволяющую чирахцамъ значительную часть принадлежащей имъ земли обращать въ пашни, и едва-ли найдется во всемъ горномъ Дагестанѣ хотя бы одно селеніе, въ которомъ отношеніе количества пахатной земли къ числу его жителей было-бы болѣе таковаго отношенія, существующаго въ Чирахѣ. Жители его принадлежатъ къ даргинской народности и говорятъ на вуркунскомъ нарѣчіи. Чирахъ, какъ и многія селенія Дагестана, былъ тоже свидѣтелемъ славныхъ подвиговъ русскихъ войскъ и неизбѣжно связанныхъ съ этими подвигами кровавыхъ эпизодовъ. Здѣсь въ декабрѣ 1819 года двѣ роты троицкаго полка подъ начальствомъ штабсъ-капитана Овечкина въ теченіе 4 дней защищали укрѣпленіе противъ шеститысячнаго скопи-

ща горцевъ, пока, наконецъ, не были выручены подоспѣвшей помощью. Изъ двухъ ротъ осталось въ живыхъ только 70 человѣкъ и изъ нихъ нераненыхъ 8.

Послѣ 3 час. пребыванія въ Чирахѣ мы отправились далѣе. Въ 2 часа 30 мин. пополудни проѣхали черезъ селеніе Рича. имѣющее 129 дворовъ и 653 жителя (агулы), а въ 5 часовъ вечера подъ страшнымъ ливнемъ въѣхали въ селеніе Бадекъ, гдѣ и остались ночевать. Въ Бадекѣ насчитывается 42 двора и 209 душъ жителей принадлежащихъ къ агуламъ. 31-го августа въ 7 час. 20 мин. утра покинули Бадекъ, а въ 9 час. 30 мин. были въ сел. Гельханъ (101 дв. 574 жит.—агулы). Здѣсь мы оставили колесную дорогу и стали подниматься по довольно сносной тропинкѣ на хребетъ Сарфунъ-ялъ, держась юго-западнаго направленія, и въ 12 час. 10 мин. дня достигли озера Чилидъ, расположеннаго въ котловинѣ на высотѣ 8,295 фут. надъ уровнемъ моря. Такъ какъ это озеро находится на такой высотѣ, на которой вообще рѣдко встрѣчаются озера и въ виду того, что въ горномъ Дагестанѣ почти отсутствуютъ эти послѣднія, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ озерѣ Чилидъ. Длина его 70 саж., глубину-же мнѣ нельзя было измѣрить, но она должна быть незначительна, такъ какъ почти на всей поверхности, за исключеніемъ юго-западной части, видны водоросли; въ этой-же части оно по всей вѣроятности имѣетъ значительную глубину. Въ озерѣ очень много маленькихъ лягушекъ; большія лягушки попадались рѣдко. Кромѣ того, въ немъ кишитъ множество разныхъ насѣкомыхъ. На юго-восточной сторонѣ озера есть два родника: одинъ изъ нихъ въ 20 саж. отъ озера и саженей на 7 выше его, другой—нѣсколько ниже перваго и саженей на пять ближе къ озеру. На с.с.в. сторонѣ озера имѣется довольно значительный истокъ, дающій начало безъимянной рѣчкѣ, составляющей правый притокъ рѣки Курахъ-чай. Такъ какъ убываетъ воды изъ озера черезъ этотъ истокъ по крайней мѣрѣ вдвое болѣе, чѣмъ прибываетъ ея изъ выше упомянутыхъ двухъ родниковъ, то надо допустить существованіе ключей на днѣ самаго озера.

Во все время пребыванія нашего на озерѣ шелъ мелкій дождь; температура воздуха была +7°,Р. Температура воды въ озерѣ у истока +8,5°Р., у южнаго-же берега, т. е. противоположнаго истоку +8°Р., а въ родникахъ +2,5°Р. У сѣвернаго берега есть четыре островка, вѣрнѣе кочки, на которыхъ постоянно

порхаютъ маленькія птички, охотящіяся за насѣкомыми. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ озера водоросли настолько густо покрываютъ поверхность его, что эти птички прямо садятся на нихъ. Вода въ озерѣ вкусная и безъ всякаго запаха. Судя по руслу истока

Озеро Чилидъ, по съемкѣ А. В. Пастухова.

и по береговымъ признакамъ, уровень воды въ озерѣ никогда не былъ выше того, какимъ намъ довелось его видѣть. Въ 2 час. 30 мин. мы оставили озеро. Въ это время пошелъ сильный дождь съ мелкимъ градомъ. Тропа, поднявшись отсюда нѣсколькими зигзагами на отрогъ хребта Сарфупъ-ялъ, здѣсь у скалистаго гребня раздѣляется на двѣ вѣтви, одна изъ которыхъ поворачиваетъ на юго-западъ и идетъ въ селеніе Ханугкъ, другая-же идетъ прямо на югъ въ селеніе Кича; по этой послѣдней мы и поѣхали и ровно въ 3 часа пополудни были на перевалѣ Грысалъ, лежащемъ на высотѣ 9,065 фут. надъ уровнемъ моря. Здѣсь сложенъ каменный туръ и въ него воткнуто нѣсколько палокъ, на которыхъ навязаны разноцвѣтныя тряпочки; все это сдѣлано, какъ мнѣ объяснили встрѣтившіеся здѣсь два лезгина, въ память давно гдѣ-то умершаго какого-то очень хорошаго человѣка. Впрочемъ, такіе памятники въ этихъ мѣстахъ встрѣчаются нерѣдко и всегда у дорогъ, хотя могилы тѣхъ, которымъ поставлены эти памятники, находятся обыкновенно на общихъ кладбищахъ.

Съ перевала тропа идетъ по весьма крутому скату, спускаясь на рѣчку Икрахъ и, благодаря своеобразности безчисленнаго множества изгибовъ, сильно напоминаетъ ползущую змѣю.

Въ верховьяхъ рѣчки Икрахъ, а также и ея притоковъ видны слѣды исчезнувшихъ ледниковъ, имѣвшихъ довольно значительные размѣры. Проѣхавъ черезъ селенія Кича и Икрахъ, гдѣ намъ пришлось присутствовать при похоронахъ умершаго отъ холеры, мы прибыли въ селеніе Лакунъ и въ немъ остались ночевать.

1-го сентября рано утромъ выѣхали изъ Лакуна и вскорѣ достигли рѣки Самура немного выше селенія Кюлютль (162 дв. и 894 жит.—кюринцы). Здѣсь природа сразу измѣняетъ свой видъ. Вмѣсто острыхъ гребней, узкихъ и глубокихъ ущелій, иногда обращающихся просто въ трещины, при полномъ отсутствіи древесной растительности, и, вмѣсто удручающаго однообразія пейзажей всѣхъ пройденныхъ нами селеній, передъ нами развернулась широкая и въ высшей степени живописная долина. Безконечной лентой тянулись роскошные сады, виноградники, луга и обширныя поля, на которыхъ весь хлѣбъ уже былъ собранъ и производилась распашка подъ будущіе посѣвы и только просяныя поля оставались еще на половину несжатыми.

Около полудня мы прибыли въ селеніе Ахты, резиденцію начальника Самурскаго округа. Это самое большое селеніе въ названномъ округѣ;—въ немъ считается 1053 двора и 5935 жителей —кюринцевъ; впрочемъ въ этомъ числѣ заключается нѣсколько семействъ персовъ и горскихъ евреевъ, занимающихся торговлей. Здѣсь лѣто и недумало еще уступать своихъ правъ осени и термометръ показывалъ въ тѣни+21°Р. Ахты также извѣстны въ исторіи кавказскихъ войнъ, благодаря геройской защитѣ русскими войсками 23-го сентября 1849 года укрѣпленія, находящагося въ этомъ селеніи.

Въ Ахтахъ имѣются большіе фруктовые сады, виноградники, табачныя плантаціи и даже огороды, которые совершенно отсутствуютъ во всемъ горномъ Дагестанѣ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ расположены штабъ-квартиры частей войскъ.

Пробывъ въ Ахтахъ $1^1/_2$ часа, мы отправились далѣе. Въ 5 часовъ проѣхали черезъ Мискинджи (526 двор. 2833 жителя) —это единственное селеніе во всемъ Дагестанѣ, которое населено персами шіитами, осѣвшими здѣсь еще во времена походовъ Надиръ-шаха и, несмотря на проведенныя 150 лѣтъ вдали отъ роди-

ны, вполнѣ сохранившими свой типъ, одежду и языкъ. Перевааливъ черезъ сѣверный отрогъ горы Шалбузъ-дагъ, мы въ сумеркахъ прибыли въ селеніе Мегерагъ (542 дв. и 3651 жит.— кюринцы).

2-го сентября въ 8 час. утра выѣхали изъ Мегерага въ Курушъ; все небо сплошь было покрыто свинцовыми облаками. Въ 9 часовъ прибыли въ селеніе Пиръ-кентъ (57 двор. и 322 жит., кюринцы) и здѣсь застали свадьбу. Передъ одной изъ саклей, украшенной импровизированными флагами, въ нѣсколькихъ котлахъ варилось кушанье; около котловъ суетились старыя женщины. На балконѣ разукрашенной сакли толпилось десятка полтора дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ. На улицѣ передъ этимъ-же домомъ стояла большая толпа мущинъ и дѣтей, образуя собою кругъ, внутри котораго играла зурна и происходили танцы; танцовали лезгинку; но что это была за лезгинка? Протанцовавшіе при насъ нѣсколько человѣкъ, своимъ кривляньемъ, тяжелымъ подпрыгиваньемъ и вообще неуклюжими движеніями напоминали плохо дрессированныхъ медвѣдей. Сопровождавшіе меня всадники аварцы *) отъ души смѣялись, глядя на нихъ; музыка-же имъ очень понравилась. Это было первое здѣсь веселье послѣ прекратившейся холерной эпидеміи, во время которой, какъ намъ объясняли жители всѣхъ посѣщенныхъ нами селеній, была страшная угнетенность душевнаго состоянія. Полюбовавшись на танцы, мы поѣхали далѣе. Между Мегерагомъ и Пиръ-кентомъ дорога колесная; далѣе-же отъ Пиръ-кента къ Курушу арбы не ходятъ, тѣмъ не менѣе дорога эта довольно широкая, нѣтъ крутыхъ подъемовъ и для верховой ѣзды вполнѣ удобная. На южной сторонѣ селенія Пиръ-кентъ у курушской дороги на старомъ кладбищѣ есть красивая осиновая роща; это послѣднія деревья по дорогѣ къ Курушу. Между Пиръ-кентомъ и Курушемъ 12 верстъ и на этомъ разстояніи дорога пересѣкаетъ 7 сухихъ балокъ и 9 рѣчекъ, берущихъ начало на Шалбузъ-дагѣ; по берегамъ этихъ рѣчекъ видны были большіе наносы, состоявшіе изъ ила и камней и свидѣтельствовавшіе о разразившихся здѣсь ливняхъ. На руслахъ нѣкоторыхъ рѣкъ лежатъ громадные валуны, и вообще все пространство между названными селеніями, р. Курушъ-вацъ и горою Шалбузъ-

*) Аварцы лучшіе исполнители лезгинки изъ всѣхъ народовъ Кавказа; они танцуютъ всѣ въ высшей степени граціозно, страстно и увлекательно.

дагъ, усѣяно камнями разной величины оторвавшимися отъ вершины этой горы.

Проѣхавъ пять верстъ, мы очутились въ облакахъ, которыя до того были густы, что въ пяти саженяхъ съ трудомъ можно было различить всадника, и насъ такъ сильно стало обсыпать водяною пылью, что пришлось надѣть бурки. По мѣрѣ того, какъ мы подигались впередъ, облака сгущались и становилось темнѣе; похоже было на предвечерніе сумерки, хотя время приближалось къ полдню; холодъ тоже давалъ себя чувствовать. Казалось что мы въ этотъ день не выберемся изъ тумана; но вотъ проѣхавъ еще версты три, мы замѣтили, что становилось свѣтлѣе, а еще минутъ черезъ десять мы увидѣли передъ собою Курушъ съ окружающими его величественными горами, сплошь залитыми солнцемъ, а позади насъ внизу было безбрежное облачное море.

Курушъ—высочайшее селеніе на всемъ Кавказѣ; высота его равняется 8,175 фут., на 481 фут. выше Гудаурскаго перевала **), на 3112 фут. выше Орманъ-хошъ, самой высокой горы въ Крыму и на 6,849 футовъ выше Тифлиса. Курушъ лежитъ на южномъ отрогѣ горы Шалбузъ-дагъ подъ 41° 16' 56" с. ш. и 65° 30' в д., въ 82 верстахъ отъ Каспійскаго моря, въ 56 верстахъ отъ города Кубы и въ 115 верстахъ отъ Дербента.

Курушцы названіе своего селенія производятъ отъ арабскаго слова корейшъ, а себя считаютъ потомками корейшитовъ, тѣхъ самыхъ, изъ племени которыхъ происходилъ Магометъ. По ихъ разсказу, въ очень давнія времена одинъ изъ этихъ корейшитовъ прибылъ сюда со своимъ семействомъ и поселился здѣсь, положивъ такимъ образомъ основаніе теперешнему селенію. Откуда прибылъ этотъ корейшитъ и когда именно, этого курушцы не объясняютъ.

Однако, несмотря на свой миѳическій характеръ, это преданіе имѣетъ основаніе въ слѣдующемъ историческомъ фактѣ. Извѣстно, что еще до 768 года въ Дагестанѣ существовали арабскія колоніи, а въ этомъ году для усиленія этихъ колоній было переселено изъ внутреннихъ областей халифата въ Дагестанъ 17,000 семействъ, между которыми очень легко могли быть и коренные арабы, а изъ этихъ послѣднихъ могъ явиться и основатель Куруша.

**) Высшая точка военно-грузинской дороги.

Впрочемъ, такъ повѣствуетъ о возникновеніи селенія и о своемъ происхожденіи только одна часть курушцевъ; другая-же часть говоритъ объ этомъ совсѣмъ иное. По словамъ этихъ послѣднихъ, основателями ихъ селенія были турки, пришедшіе, опять таки неизвѣстно когда и откуда въ Закавказье и положившіе начало селенію Падаръ въ нынѣшнемъ Нухинскомъ уѣздѣ**). Нѣкоторые изъ нихъ перевалили черезъ Главный Кавказскій хребетъ, проникли въ окрестности горы Шахъ-дагъ и, найдя здѣсь никѣмъ незанятыя роскошныя пастбищныя мѣста, стали ежегодно приходить сюда на лѣтнее время со своими стадами. Потомъ начали понемногу строить сакли, живя въ нихъ только лѣтомъ и занимаясь исключительно скотоводствомъ; затѣмъ немногіе изъ нихъ попробовали посѣять хлѣбъ: попытка эта удалась, какъ нельзя лучше, и они, собравъ обильную жатву, рѣшили здѣсь поселиться навсегда. Такъ было положено начало нынѣшнему Курушу, который прежде назывался Падаръ-Курушъ. Съ теченіемъ времени прибывали новые поселенцы, селеніе росло и наконецъ въ настоящее время въ немъ насчитывается 718 дворовъ и 4664 жителя, изъ нихъ мужскаго пола 2,527 и женскаго 2,137. Далѣе курщцы сообщаютъ, что прежде они были христіане, но въ концѣ XVII столѣтія обращены въ мусульманство.

Итакъ, въ настоящее время курущцы исповѣдуютъ исламъ и принадлежатъ къ суннитамъ. Всѣ они по увѣренію сельскаго муллы очень религіозны и между ними много хаджей.

Въ селеніи имѣется пять мечетей и три муллы. Школъ нѣтъ, но каждый мулла учитъ мальчиковъ у себя на дому. Грамотныхъ, знающихъ арабскій языкъ съ его грамматикой, священное писаніе, коранъ и шаріатъ—20 человѣкъ; умѣющихъ читать коранъ—половина всѣхъ курушскихъ мущинъ; женщинъ, умѣющихъ читать —30; получившихъ образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ двое. Главное занятіе курушцевъ—скотоводство, отъ него зависитъ и ихъ благосостояніе, позволяющее курушцамъ считать свое селеніе самымъ богатымъ во всемъ Самурскомъ округѣ.

Скотъ распредѣляется по отдѣльнымъ хозяйствамъ такъ: у самаго богатаго хозяина (которыхъ, впрочемъ, очень мало) лошадей—100,ословъ—20, рогатаго скота—20 штукъ, барановъ—

*) Они же основали сел. Падаръ въ нынѣшнемъ Кубинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи.

2,000; у самаго бѣднаго хозяина: лошадей—3, оселъ—1, корова 1, барановъ 100. *)

Пастбищной земли у курушцевъ очень много, тѣмъ не менѣе ея оказывается недостаточно для прокормленія всего скота въ теченіе 4 мѣсяцевъ и имъ приходится арендовать у казны почти всю долину рѣки Шахъ-Набатъ съ ея роскошными альпійскими лугами. На зиму-же весь скотъ за весьма малымъ исключеніемъ они угоняютъ въ Закавказье и тамъ въ Нухинскомъ уѣздѣ у многихъ изъ нихъ есть собственная земля съ зимними пастбищами: остальные-же арендуютъ, землю у казны или у частныхъ владѣльцевъ. За зимнія пастбища арендной платы съ каждаго барана приходится 10 к., а за лѣтнія—5 к. Большая часть жителей вмѣстѣ съ скотомъ отправляется на зимнія кочевки; остальные-же коротаютъ зиму въ селеніи, гдѣ выпадаетъ почти всегда такой глубокій снѣгъ, что заноситъ всѣ улицы и сравниваетъ дома. и тогда обитатели каждой сакли прорываютъ въ снѣгу шахту и черезъ нее сообщаются съ внѣшнимъ міромъ. Сообщеніе-же съ сосѣдями, а также съ источниками, изъ которыхъ берутъ воду. производится поверхъ домовъ Сношеніе съ сосѣдними селеніями совсѣмъ почти прекращается.

На зимнія кочевки отправляются около 15-го сентября и остаются тамъ до первыхъ чиселъ мая, т. е. почти восемъ мѣсяцевъ и только четыре мѣсяца съ небольшимъ пользуются лѣтними пастбищами.

Сѣна курушцы накашиваютъ очень мало, а потому и скота оставляютъ на зиму въ селеніи немного, преимущественно коровъ.

Земледѣліе у курушцевъ, по недостатку пахатной земли и удобренія для нея, находится на второмъ планѣ и въ дѣлѣ обезпеченія благосостоянія каждаго хозяина составляетъ только нѣкоторое подспорье. Удобреніемъ для пашенъ служитъ навозъ и зола. остающаяся отъ сгоранія кизяка, этого единственнаго въ Курушѣ топлива. Вслѣдствіе обилія влаги, искусственное орошеніе не существуетъ. Сѣютъ тамъ ячмень двухъ родовъ, рожь, овесъ и чечевицу. Средній урожай ячменя бываетъ самъ-пятъ. Изъ всего

*) По послѣдней переписи скота, произведенной одновременно (въ 1886 г.) съ составленіемъ посемейныхъ списковъ, въ сел. Курушъ оказалось около 2200 головъ крупнаго рогатаго скота, 1800 лошадей и 71500 барановъ, что дастъ въ среднемъ на дымъ болѣе 3 головъ рогатаго скота, около $2^1/_2$ лошадей и 100 барановъ. Ред.

потребляемаго курушцами хлѣба, ихъ собственный составляетъ только половину, другую половину имъ приходится покупать въ Кубинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи. Озимые хлѣба сѣютъ въ концѣ августа; яровые—въ началѣ апрѣля. Пашни курушцевъ находятся на различныхъ высотахъ, отъ 6,440 фут. и до 8,500 фут. Нерѣдко бываетъ, что на болѣе высокихъ мѣстахъ хлѣбъ не успѣваетъ созрѣть и тогда его косятъ на кормъ скоту.

Кромѣ занятій скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ курушцы приготовляютъ для себя и для продажи сукно, ковры, паласы войлоки, тесьму, овчины, чулки шерстяные, сыръ и масло. Въ селеніи имѣется 31 ремесленникъ, изъ коихъ столяровъ 5, плотниковъ 4, каменьщиковъ 4, кузнецовъ 5, серебряковъ 2, портныхъ 3, сапожниковъ 1, оружейникъ 1 и музыкантовъ 8; эти послѣдніе составляютъ два оркестра зурначей. Нѣсколько человѣкъ занимаются охотой. Немного мущинъ ежегодно отправляется на заработки въ Кубинскій уѣздъ и Кюринскій округъ.

Улицы въ Курушѣ узкія, кривыя и, какъ во всѣхъ аулахъ. грязныя. Дома всѣ двухъ-этажные, причемъ нижніе этажи строятся изъ тесаннаго камня, верхніе же не смотря на обиліе легко поддающагося обработкѣ камня сооружаются изъ кирпичей, приготовляемыхъ изъ смѣси глины съ саманомъ (мякина). Такъ какъ въ Курушѣ часто бываютъ дожди и много выпадаетъ снѣга постройка домовъ изъ саманныхъ кирпичей, легко разрушающихся отъ дѣйствія влаги, ни въ какомъ отношеніи не можетъ назваться практичной, а если принять во вниманіе, что подъ руками находится такой прекрасный строительный матеріалъ, какъ упомянутый камень, то она является совсѣмъ неразумнымъ дѣломъ и можетъ быть объяснена только привычкой, занесенной курушцами сюда съ плоскости, гдѣ, кромѣ этого матеріала, другого не имѣется. Въ нижнихъ этажахъ помѣщается скотъ, а въ верхнихъ обитаютъ люди. Крыши домовъ плоскія и состоятъ изъ толстаго слоя той-же смѣси глины съ саманомъ. Средняя величина внутренняго помѣщенія дома, занимаемаго людьми и состоящаго обыкновенно изъ одной комнаты, такова: 9 аршинъ длины, 5 аршинъ ширины и $3^1/_2$ арш. высоты. Такимъ образомъ кубическое содержаніе воздуха въ комнатѣ равняется 5,41 саж. Принимая во вниманіе, что на каждую такую комнату среднимъ числомъ приходится по 6 душъ жильцовъ, этого количества воздуха оказывается недостаточно; но такъ какъ онъ постоянно вентилируется, то

кубическое содержаніе его не играетъ особенной роли. Вентиляторами-же служатъ никогда не закрывающіяся отверстія устроенныя для выхода дыма, окна, которыя всѣ обыкновенно безъ стеколъ и закрываются только одними ставнями, оставляющими большія щели, дверь, никогда не притворяющаяся плотно; благодаря этому воздухъ въ комнатахъ всегда свѣжій. Комнаты содержатся довольно чисто. Мебели никакой нѣтъ, если не считать одной или двухъ низенькихъ треугольныхъ табуреточекъ. Спятъ на полу, подославъ подъ себя паласы или войлоки и очень рѣдко шерстяные тюфяки. Мужская одежда курушцевъ ничѣмъ не отличается отъ одежы закавказскихъ татаръ и только бараньи шубы у нихъ въ большой употребленіи, да еще въ большой модѣ плащи офицерскаго покроя, приготовляемые изъ мѣстнаго чернаго сукна. Женскій-же костюмъ совершенно оригинальный и болѣе похожъ на мужской, чѣмъ на женскій нарядъ; главную особеность этого костюма составляютъ неимовѣрно широкіе шальвары, забранные внизу въ узкіе и короткіе шерстяные чулки, обмотанные узкой тесемкой, и въ этихъ шальварахъ курушскія красавицы сильно напоминаютъ французскихъ зуавовъ. Вообще-же одежа курушцевъ какъ мущинъ, такъ и женщинъ, довольно удобна и хорошо предохраняетъ отъ холода и сырости, за исключеніемъ обуви, которая состоитъ изъ домашней и полевой; домашнюю обувь составляютъ туфли на очень высокихъ каблукахъ безъ задниковъ, причемъ онѣ настолько коротки, что пятка остается на вѣсу; полевую-же составляютъ кожаные чусты, прекрасно защищающіе ноги отъ кочекъ и камней, но нисколько не предохраняющіе ихъ отъ сырости.

Пища курушцевъ не разнообразная, но зато всегда свѣжая и такъ какъ въ ней значительную роль играетъ мясо и молочные продукты, то ее можно назвать питательною.

Женщины, какъ и во всемъ Дагестанѣ, очень работящія и ходятъ съ открытымъ лицомъ; мущины тоже трудолюбивы и этимъ отличаются отъ своихъ земляковъ, жителей Средняго Дагестана предоставляющихъ почти всѣ работы женщинамъ.

Во всемъ горномъ Дагестанѣ многоженство встрѣчается какъ весьма рѣдкое исключеніе, причемъ обладателями двухъ или трехъ женъ являются всегда люди очень богатые; въ Курушѣ-же подобное явленіе не составляетъ рѣдкости и вмѣстѣ съ тѣмъ не служитъ мѣриломъ матеріальнаго благосостоянія; такъ, 28 человѣкъ имѣютъ по 2 жены, изъ нихъ Абу-Муслиму Эфендіеву все-

го только 19 лѣтъ отъ роду, а нѣкій Мегемедъ-ханъ-Хетъ имѣетъ трехъ женъ и 65 лѣтъ отъ роду; послѣдней-же его женѣ, на которой онъ женился два года тому назадъ, въ настоящее время всего только 15 лѣтъ. Отъ первой жены онъ имѣетъ 8 душъ дѣтей, а отъ второй—трехъ, всѣ дѣти живы. Изъ всѣхъ этихъ женолюбивыхъ господъ только двое отличаются большими матеріальными средствами, нѣсколько человѣкъ обладаютъ среднимъ достаткомъ, остальные-же просто бѣдны, а Мегеметъ-ханъ-Хетъ считается бѣднѣйшимъ человѣкомъ во всемъ селеніи. Кромѣ того, въ Курушѣ практикуются очень часто разводы, причиной которыхъ въ большинствѣ случаевъ является супружеская невѣрность. Благодаря той легкости, съ какою совершаются разводы, очень многіе успѣваютъ въ теченіе своей жизни перемѣнить нѣсколько женъ. Такъ, напримѣръ, нѣкій Аллахъ-Кюли перемѣнилъ шесть женъ. Нерѣдко случается, что разведенные супруги снова вступаютъ въ бракъ между собой и это иногда повторяется нѣсколько разъ. Такъ, нѣкто Манъ-Верди женился на одной и той-же пять разъ. Замѣчательно, что причиною, служившею у этихъ супруговъ для развода и для новаго вступленія въ бракъ были 200 рублей, имѣвшіеся у прекрасной половины, которые она каждый разъ, когда была въ разводѣ съ Манъ-Верды, обѣщала отдать ему въ полное его распоряженіе, какъ только онъ женится на ней; но лишь онъ вступалъ съ нею въ бракъ, она ему этихъ денегъ не давала; начинались упреки, ссора, потомъ драка и они разводились. Такъ повторялось пять разъ; наконецъ, въ августѣ прошлаго года супруга скончалась отъ холеры, и Манъ-Верды сдѣлался счастливымъ обладателемъ двухъ сотъ рублей, имѣя которые онъ, вѣроятно, и женится, если только найдется охотница выйти за него, ибо ему въ настоящее время 90 лѣтъ. Такъ какъ по мусульманскому закону давшій разводъ своей супругѣ можетъ на ней жениться не иначе какъ послѣ того, когда она проживетъ въ супружествѣ съ другимъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ, жена Манъ-Верды имѣла, кромѣ него еще четырехъ мужей. Онъ-же позволилъ себѣ жениться, кромѣ нея, еще только на одной.

Самый ранній возрастъ, въ которомъ вступаютъ курушцы въ бракъ, есть семилѣтній; и несмотря на то, что въ этомъ возрастѣ курушскія дѣти выглядятъ еще совершенными младенцами, новобрачные начинаютъ совмѣстную жизнь со дня заключенія брака и съ этого дня жена переселяется въ домъ своего мужа.

Изъ существующихъ въ Курушѣ болѣзней первое мѣсто занимаетъ ревматизмъ, которымъ страдаютъ тамъ очень многіе и не мало умираютъ отъ этой болѣзни. Дифтеритъ и скарлатина хотя немного уносятъ жертвъ, но зато никогда не прекращаются. Другія болѣзни въ Курушѣ появляются очень рѣдко; а случаевъ заболѣванія сифилисомъ и чахоткой по увѣренію курушцевъ совсемъ не бываетъ. Кромѣ того, въ селеніи въ настоящее время есть одинъ идіотъ, одинъ умалишенный, и 2 одержимыхъ падучей, изъ нихъ одинъ—портной, другой—кузнецъ.

Холера посѣтила Курушъ въ первый разъ за все время его существованія въ августѣ 1892 года; но, вѣроятно, благодаря значительной высотѣ этого селенія надъ уровнемъ моря, болѣзнь тамъ не имѣла остраго характера. Такъ, напримѣръ: на 4664 жителя, заболѣвшихъ холерою было только 81 человѣкъ, изъ коихъ умерло 36, изъ нихъ мущинъ—11, женщинъ—16 и дѣтей до десятилѣтняго возроста—9; тогда какъ въ селеніи Мегерагъ, отстоящемъ отъ Куруша всего только на 17 верстъ, но лежащемъ на 3600 фут. ниже, на 3651 числящихся въ немъ жителей заболѣвшихъ было около 500 человѣкъ и изъ нихъ умерло 200. Между прочимъ, въ Хосрекѣ и Чирахѣ, расположенныхъ также на большихъ высотахъ, въ первомъ изъ нихъ на 1634 жителя заболѣвшихъ было 75 человѣкъ и умершихъ 26; а во второмъ—на 914 жителей заболѣвшихъ было около 40 человѣкъ и умерло 10. Въ селеніи Хиналугъ, Кубинскаго уѣзда, Бакинской губерніи, лежащемъ на высотѣ 7200 фут. холера тоже немного унесла жертвъ, но сколько именно—мнѣ неизвѣстно.

Теперь нѣсколько словъ о долговѣчности курушцевъ. Такъ, въ Курушѣ въ настоящее время имѣется три человѣка, которымъ больше ста лѣтъ. Изъ нихъ Гаджи-Мурадъ-Ага-Мурадъ-оглы—112 л., Гюль Иліасъ-оглы—110 лѣтъ; и Ахметъ-Ага—105 лѣтъ. Имѣющихъ отъ 90 до 100 лѣтъ—7 человѣкъ, изъ нихъ мущинъ—3, женщинъ—4; имѣющихъ отъ 80 до 90 лѣтъ—12, изъ нихъ 7 мущинъ и 5 женщинъ; имѣющихъ отъ 70—до 80 лѣтъ—двольно много.

Въ февралѣ прошлаго года умеръ нѣкій Казымъ-Магометъ-Риза-оглы, которому было 120 лѣтъ.—Воровъ въ Курушѣ по увѣренію самихъ жителей очень мало, да и тѣ занимаются преимущественно кражей скота. Кровной мести совсѣмъ не существуетъ, а родственники убитаго получаютъ условленну сумму денегъ съ убійцы и тѣмъ удовлетворяютъ свою ненависть къ нему. Въ от-

е в
або
—в
10
нія
если

ахъ,
ымъ
112
ѣю-
—3,
ну-
го.
ть-
вѣ-
ну-
гъ,
съ
г-

Тип. Груз. Изд. Т—ва.

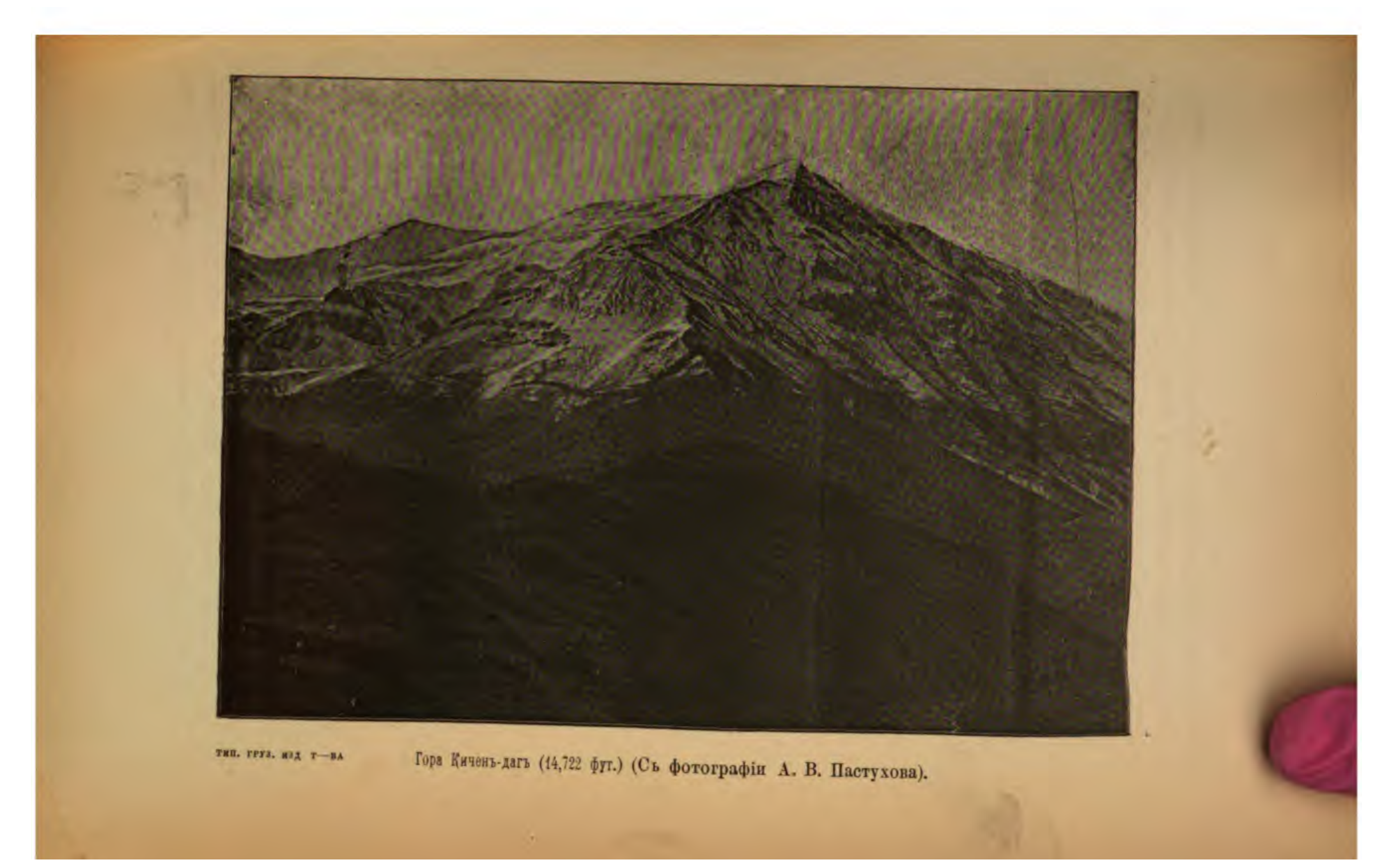
Гора Несенъ-дагъ (13,020 фут). (Съ фотографіи А. В. Пастухова).

ношеніи суевѣрій и предразсудковъ Курушцы представляютъ собою счастливое исключеніе изъ всѣхъ жителей Дагестана. Чуть ли не всѣ предразсудки ихъ исчерпываются слѣдующими примѣтами:—нельзя давать лукъ прямо въ руки—это ведетъ къ ссорѣ; никакую вещь нельзя давать черезъ порогъ—это похоже на милостыню; если встрѣчается на дорогѣ идущій съ пустой посудой, то это предвѣщаетъ неудачу; вѣрятъ въ пророческое значеніе сновъ; по понятіямъ курушцевъ въ сумашедшихъ и одержимыхъ падучей находятся бѣсы.

Перейдемъ теперь къ окрестностямъ Куруша. На с.с.з. отъ него находится гора Шалбузъ-дагъ или Эренлеръ въ 13,679 футовъ высоты, на отрогѣ которой и помѣщается это селеніе На вершинѣ этой горы въ скалахъ есть святилище, куда, начиная съ весны и до глубокой осени ежедневно преимущественно-же по пятницамъ, стекается изъ окрестныхъ селеній, а иногда и изъ очень далекихъ мѣстъ, много богомольцевъ, въ особенности женщинъ. Тамъ есть, какъ мнѣ говорили, какая-то постройка, сооруженная по преданію однимъ святымъ отшельникомъ, который въ ней жилъ, молился и умеръ. Нерѣдко богомольцы пригоняютъ сюда барановъ, которыхъ тутъ-же рѣжутъ и мясо ихъ раздаютъ бѣднымъ. Святилище это пользуется большимъ почетомъ далеко за предѣлами Самурскаго округа. Въ 7-ми верстахъ на югъ отъ Куруша, по другую сторону рѣки Курушъ-вацъ, на Главномъ Кавказскомъ хребтѣ находится вершина горы Несенъ-дагъ (полуденная гора); по этой вершинѣ курушцы опредѣляютъ полдень; отсюда происходитъ и ея названіе; абсолютная высота этой вершины 13,020 ф. Въ растояніи одной версты съ небольшимъ на востокъ отъ Несенъ-дага на томъ-же хребтѣ лежитъ гора носящая довольно странное названіе: Вахчагъ-дагъ. Словомъ «вахчагъ» называются женскіе шальвары; «дагъ»—гора; такимъ образомъ, названіе этой горы въ переводѣ на русскій языкъ будетъ: гора женскихъ шальваръ. Такое названіе дано этой горѣ потому, что она, по мнѣнію курушцевъ похожа на упомянутую принадлежность женскаго туалета. Курушцы увѣряютъ, что когда на этой горѣ появляется туманъ, то вслѣдъ за этимъ непремѣнно идетъ дождь или снѣгъ, смотря по времени года. Гора эта имѣетъ двѣ вершины, почти одинаковой высоты; одна изъ нихъ равняется 12,250 фут.; на сѣверномъ ея скатѣ есть немного вѣчнаго снѣга и отсюда беретъ свое начало рѣчка Вахчагъ-вацъ, составляющая пра-

вый притокъ р. Курушъ-вацъ. Восточнѣе горы Вахчагъ-дага есть перевалъ, которымъ пользуются мѣстные охотники, переходя черезъ него пѣшкомъ съ одной стороны Главнаго Кавказскаго хребта на другую. Далѣе на востокъ находится гора Киченъ-дагъ (гора боязни), подъ 41° 13' 19,7" с. шир. и 65° 31' 42,1" в. д., самая высокая изъ всѣхъ горъ, расположенныхъ въ этой части Главнаго Кавказскаго хребта и его отроговъ. Абсолютная высота ея равняется 14,722 фут., на 760 футовъ выше горы Шахъ-дагъ. На вершинѣ Киченъ-дага есть площадка, имѣющая небольшую покатость къ востоку и называющаяся Базаръ-дюзъ, что значитъ —ровная площадь; на этой-же горѣ находится самое большое скопленіе вѣчныхъ снѣговъ и самые большіе для здѣшнихъ мѣстъ ледники, но не изъ великихъ вообще. Отдѣльныхъ ледниковъ на Киченъ-дагѣ восемь, изъ которыхъ четыре расположены на сѣверныхъ его скатахъ. Наибольшій изъ нихъ называется Тихицаръ (страшный холодъ). Подъ этимъ ледникомъ находятся, какъ утверждаютъ курушцы, щенята, которые постоянно визжать и лаятъ. Замѣчательно, что въ Курушѣ есть немало свидѣтелей утверждающихъ существованіе этихъ миѳическихъ щенятъ. Площадь ледника Тихицаръ съ снѣговымъ и фирновымъ полями, питающими его, составляетъ около полуторы квадратныхъ версты; длина самаго ледника равняется одной верстѣ.

Нижняя часть ледника вся завалена камнями и щебнемъ, а по бокамъ его тянутся морены, слѣды которыхъ ясно видны далеко внизъ отъ ледника, краснорѣчиво свидѣтельствуя о прежней величинѣ его. Изъ подъ этого ледника беретъ свое начало рѣчка Селдизъ-вацъ (рѣчка овражныхъ выносовъ); такое названіе дано ей потому, что ледникъ Тихицаръ, падая время отъ времени несетъ по руслу ея массу земли и камней, достигая съ этимъ грузомъ рѣки Курушъ-вацъ, протекающей отъ упомянутаго ледника въ 6-ти верстахъ. Изъ остальныхъ четырехъ ледниковъ горы Киченъ-дага два находятся на южномъ ея скатѣ; два-же другихъ находятся въ верхней части ущелья, изъ котораго беретъ начало рѣка Шахъ-Набатъ. Эти послѣдніе ледники расположены въ $2^1/_2$ верстахъ одинъ отъ другого, причемъ верхній изъ нихъ одинаково принадлежитъ какъ горѣ Киченъ-дагъ, такъ и идущей на югъ отъ этой горы части Главнаго Кавказскаго хребта, нижній-же питается снѣговыми обвалами, падающими со скатовъ горы Киченъ-дагъ и одного изъ сѣверныхъ отроговъ Главнаго Кавказскаго хреб-

ТИП. ГРУЗ. ИЗД Т—ВА

Гора Кичень-дагъ (14,722 фут.) (Съ фотографіи А. В. Пастухова).

та. Черезъ этотъ ледникъ проходитъ вьючная тропа, ведущая въ Закавказье. Тропа эта въ растояніи одной версты и 50 саженъ выше ледника дѣлится на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна, огибая вершину Базаръ-юртъ (12.005 фут.) съ восточной стороны, переваливаетъ черезъ Главный Кавказскій хребетъ на высотѣ 11,340 фут.; другая огибаетъ эту-же вершину съ западной стороны и, достигнувъ на Главномъ хребтѣ перевала, высота котораго равняется 10,914 фут., поворачиваетъ на западъ, поднимается вверхъ по Главному Кавказскому хребту и, пройдя немного болѣе одной версты, поворачиваетъ на югъ и идетъ по гребню одного изъ его отроговъ. Восточнѣе горы Базаръ-юртъ на сѣверо-западномъ скатѣ одного изъ сѣверныхъ отроговъ Главнаго Кавказскаго хребта находятся два небольшихъ ледника или вѣрнѣе фирновыхъ поля; одно изъ нихъ находится надъ упомянутымъ ледникомъ (черезъ который проходитъ тропа) и питаетъ его своими обвалами. Далѣе на востокъ отъ горы Базаръ-юртъ вдоль Главнаго Кавказскаго хребта расположено нѣсколько безъимянныхъ вершинъ и за ними гора Трфанъ (трфанъ на мѣстномъ нарѣчіи означаетъ потопъ). Это самая крайняя снѣговая вершина въ юго-восточномъ концѣ Главнаго Кавказскаго хребта; она лежитъ подъ 41°9'50,9" с. ш. и 65° 39'42,3" в. д. Абсолютная высота ея равняется 13,764 фут. На скатахъ этой горы есть два озера, образовавшіяся, какъ гласитъ преданіе, во время всемірнаго потопа; названіе этихъ озеръ Трфанъ-юръ (трфанъ—потопъ, юръ—озеро). По разсказамъ курушцевъ, на берегахъ этихъ озеръ находится много костей туровъ и разныхъ птицъ. Водамъ этихъ озеръ курушцы приписываютъ чудодѣйственную силу, способную устранять бездождіе и усмирять бури. Такъ, во время засухи нѣсколько почтенныхъ стариковъ съ муллою во главѣ отправляются къ озерамъ, набираютъ въ одномъ изъ нихъ воды и возвращаются къ рѣкѣ Курушъ-вацъ, гдѣ ихъ ожидаютъ всѣ жители селенія и тутъ съ молитвами и разными церемоніями вливаютъ принесенную воду въ рѣку, и послѣ этого, по увѣренію курушцевъ, вскорѣ появляется обильный дождь. Когда-же долго свирѣпствуютъ бури, то такимъ-же порядкомъ берется вода изъ другого озера, совершаются тѣ-же церемоніи и вода выливается въ ту-же рѣку и вслѣдъ за этимъ наступаетъ невозмутимая тишина.

Обратимся теперь къ Шахъ-дагу. Эта гора, какъ и большая часть высочайшихъ горъ на Кавказѣ, лежитъ на сѣверъ отъ

Главнаго Кавказскаго хребта и соединяется съ нимъ хребтомъ, идущимъ отъ горы Киченъ-дагъ. Шахъ-дагъ представляетъ собою хребетъ, тянущійся съ запада на востокъ и имѣющій въ длину 12 верстъ. Высшая его точка, находящаяся на восточномъ концѣ, лежитъ подъ 41°16'14,6" с. ш. и 65°40'15,6" в. д. Абсолютная высота ея равняется 13,962 фут.

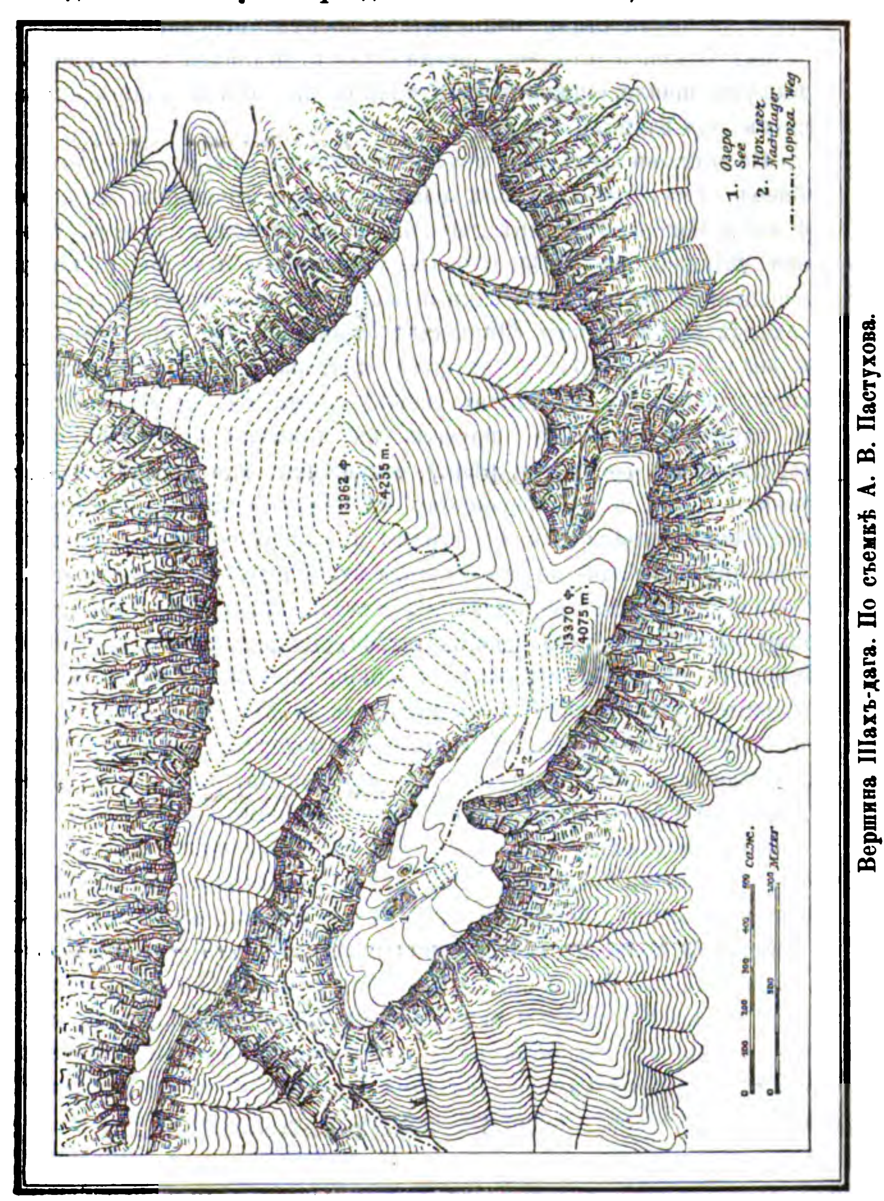
Изъ разспросовъ моихъ у курушцевъ объ этой вершинѣ я узналъ только то, что на ней находится окаменѣлое стадо барановъ съ окаменѣлымъ пастухомъ, наказаннымъ такимъ образомъ Богомъ за его великіе грѣхи. Кромѣ этого миѳа, курушцы не могли ничего мнѣ сообщить о вершинѣ Шахъ-дага; тѣмъ не менѣе одинъ изъ нихъ вызвался быть моимъ проводникомъ. И хотя я давно убѣдился въ безполезности въ подобныхъ случаяхъ всякихъ проводниковъ, однако, имѣя въ виду сбереженіе времени, я согласился воспользоваться его услугами. Но горько мнѣ пришлось раскаяться потомъ въ этомъ согласіи.

Утромъ 4-го сентября мы выѣхали изъ Куруша. День былъ тихій и ясный. Поднявшись на перевалъ Кырва, откуда прекрасно видна вся южная сторона Шахъ-дага, я замѣтилъ, что легче всего можно добраться до вершины, если начать всхожденіе вверхъ по теченію рѣчки Гявданъ-вацъ. Я сообщилъ это моему проводнику, но онъ увѣрилъ меня, что съ этой стороны достичь вершины невозможно и повелъ насъ къ восточной оконечности Шахъ-дага. Здѣсь мы на высотѣ 9870 фут. оставили лошадей и далѣе пошли пѣшкомъ; къ вечеру достигли отвѣсныхъ скалъ и тутъ остались ночевать.

5-го сентября рано утромъ отправились въ путь; но проблудивъ до 9 часовъ въ скалахъ, мы должны были повернуть назадъ, такъ какъ нашъ проводникъ сознался, что онъ никогда не былъ на Шахъ-дагѣ и что дальше дороги не знаетъ. Къ 10-ти часамъ мы прибыли къ мѣсту, гдѣ оставались наши лошади. Здѣсь пообѣдали и поѣхали обратно къ рѣчкѣ Гявданъ-вацъ.

Поднимаясь вверхъ по этой послѣдней, ровно въ 4 часа пополудни мы доѣхали до мѣста, гдѣ эта рѣчка, прорываясь между двухъ утесовъ, составляющихъ продолженіе скалъ, окаймляющихъ Шахъ-дагъ, образуетъ большой и красивый водопадъ. Далѣе не было возможности ѣхать и мы рѣшили оставить здѣсь лошадей. Забравъ необходимые предметы и не теряя ни минуты времени, я съ четырьмя всадниками и съ проводникомъ котораго

теперь взялъ съ собой въ качествѣ простаго носильщика, отправился въ дальнѣйшій путь. Пройдя нѣсколько шаговъ, мы замѣтили по

Вершина Шахъ-дага. По съемкѣ А. В. Пастухова.

другую сторону рѣчки на крутой покатости, саженяхъ въ двухъ стахъ отъ насъ, трехъ туровъ, спокойно наблюдавшихъ за нами.

Одинъ изъ всадниковъ поспѣшно зарядилъ берданку, сдѣлалъ по турамъ выстрѣлъ, туры бросились въ сторону и мѣрными неторопливыми скачками стали подниматься вверхъ; проскакавъ такимъ образомъ саженей сто, они остановились, оглянулись на насъ и далѣе уже пошли спокойнымъ и тихимъ шагомъ и вскорѣ скрылись въ разсѣлинахъ скалъ.

Поднимаясь далѣе по крутой покатости, покрытой мелкимъ щебнемъ, я вскорѣ замѣтилъ слабые слѣды тропинки, по которой мы и пошли. По мѣрѣ того, какъ подвигались впередъ, тропинка дѣлалась все болѣе и болѣе утоптанною и наконецъ когда мы поднялись на гребень, закрывавшій отъ насъ ущелье, идушее на западъ отъ вершины Шагъ-дага, тропинка уже представляла изъ себя плотно убитую въ фута полтора шириною дорожку, идущую вверхъ по названному ущелью. Тутъ мы замѣтили и другую такую-же дорожку, идущую въ томъ-же направленіи; а спустившись съ гребня на рѣчку, мы нашли еще двѣ такихъ-же тропинки. Судя по разбросанному въ изобиліи на нихъ помету, эти тропинки принадлежали турамъ и настолько были хороши, что по нимъ свободно можно было-бы ѣхать верхомъ на лошадяхъ. По одной изъ этихъ тропинокъ мы и стали продолжать свой путь. Вскорѣ тропинки стали развѣтвляться, направляясь въ разныя стороны и теряясь въ скалахъ, и наконецъ совсѣмъ исчезли, но отдѣльные слѣды туровъ намъ пришлось видѣть на снѣгу на высотѣ болѣе 13,000 фут. Дно ущелья, по которому мы теперь шли отъ вершины и до упомянутаго нами водопада, въ прежнее время, по всей вѣроятности, было занято ледникомъ, потому что оно находится на значительной высотѣ и съ юга закрыто высокими, почти отвѣсными скалами, на верху которыхъ, а также и на противоположномъ, менѣе крутомъ скатѣ ущелья, могли находиться фирновыя поля, доставляя обильный матеріалъ для образованія глетчера; но теперь не только нѣтъ ледника, но даже и слѣды его въ видѣ моренъ и сглаженныхъ скалъ исчезли подъ массою наваленныхъ съ обѣихъ сторонъ ущелья разной величины камней. Эта масса камней свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о томъ, что ледникъ давно уже исчезъ, а съ другой стороны—что окружающія ущелье скалы претерпѣваютъ страшное разрушеніе. Теперь только въ верхней части ущелья находится небольшой ледникъ, начинаясь фирновымъ полемъ, спускающимся съ сѣдловины и сѣвернаго ската южной вершины Шахъ-дага. Дойдя до

этого ледника, мы повернули на югъ и стали подниматься по крутому скату, покрытому толстымъ слоемъ стараго окрѣпшаго и мѣстами обледенѣлаго снѣга и такъ какъ мы не надѣли на ноги кошекъ, то этотъ подъемъ намъ пришлось преодолѣть не безъ труда и нѣкоторой опасности; но пройдя всевозможными зигзагами саженей сто, мы очутились на хребтикѣ, имѣвшемъ очень малую покатость и покрытомъ слоемъ новаго снѣга толщиною въ четверть аршина. Тутъ мы повернули на юго-востокъ и снова пошли, быстро подгоняемые усилившимся попутнымъ вѣтромъ, желая достичь вершины прежде, чѣмъ стемнѣетъ. Въ это время мои часы показывали уже половину седьмаго. Идя такимъ образомъ и вглядываясь въ окружающую мѣстность, я вдругъ къ величайшему моему удивленію замѣтилъ вправо отъ насъ, въ глубокой и продолговатой котловинѣ, небольшое, но очень красивое озеро, въ юго-восточный конецъ котораго круто спускался ледникъ, обрываясь у самой воды и образуя восхитительную ледяную скалу, сажени въ четыре высоты. Озеро это имѣетъ 50 саж. въ длину и саженей въ 10 наибольшую ширину; оно не было показано ни на одноверстномъ планѣ, ни на пятиверстной картѣ, имѣвшихся у меня, и я ничего о немъ не слышалъ отъ курушцевъ, которые разсказали мнѣ все, что знали о Шахъ-дагѣ и на мой вопросъ: нѣтъ-ли на этой горѣ озеръ? они отвѣчали отрицательно. Очевидно было теперь для насъ, что мы первые любовались этимъ, чуть-ли не самымъ высокимъ озеромъ на всемъ Кавказѣ. Высота его достигаетъ 12,320 ф. надъ уровнемъ моря. Но долго имъ любоваться было некогда и мы отправились далѣе; подробный-же осмотръ его я рѣшилъ сдѣлать на обратномъ пути. Не успѣли мы пройти и пятидесяти саженей, какъ замѣтили налѣво другое озеро, лежавшее также въ котловинѣ; это озеро имѣло въ длину не болѣе 10 саж. и саженей шесть въ ширину и также не значилось ни на планѣ, ни на картѣ, на которыхъ, впрочемъ, не было показано никакихъ озеръ какъ на Шахъ-дагѣ, такъ и на Трфанѣ и которыя легко могъ пропустить самый добросовестный съемщикъ, потому что они лежатъ слишкомъ высоко и на нихъ можно наткнуться только случайно. Чѣмъ далѣе подвигались мы, тѣмъ болѣе я убѣждался, что засвѣтло намъ не добраться до вершины; а вѣтеръ все крѣпчалъ, и я рѣшилъ найти удобное мѣсто для ночлега, оставить тамъ трехъ всадниковъ и посыльщика, и съ однимъ только всадникомъ достичь вершины,

чтобы поставить тамъ на ночь минимальный термометръ, а на слѣдующее утро, поднявшись снова на вершину, сдѣлать уже подробный ея осмотръ. Подвигаясь все таки впередъ, мы стали заглядывать подъ каждую скалу и осматривать всякій уступчикъ, въ надеждѣ найти удобное мѣсто для ночлега. Но куда мы не заглядывали, вездѣ находили большіе сугробы снѣга и при томъ не было никакой защиты отъ вѣтра, который всюду страшно свистѣлъ и вылъ, поднимая цѣлыя тучи снѣговой пыли. Наконецъ намъ удалось на высотѣ 12,852 фут. найти пріютъ подъ двумя огромными валунами, которые стояли, прислонившись одинъ къ другому и образуя большой навѣсъ съ противоположной стороны отъ вѣтра. Здѣсь я оставилъ сильно уставшихъ трехъ всадниковъ, участвовавшихъ со мною въ неудавшейся попыткѣ подняться на Шахъ-дагъ по указанію проводника, и этого послѣдняго, вызвавшагося теперь отыскать воду для чая, а самъ съ всадникомъ Мама Ласуловымъ отправился въ дальнѣйшій путь. Пройдя небольшое разстояніе по направленію къ востоку и достигнувъ сѣдловины, образуемой вершинами Шахъ-дага, мы повернули на сѣверъ. Вѣтеръ къ этому времени до того усилился, что мы, боясь быть снесенными въ пропасть, должны были держаться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ водораздѣльной линіи сѣдловины. На западѣ на самомъ горизонтѣ лежали черныя тучи и поминутно вспыхивала молнія, а всѣ окрестности Шахъ-дага покрывались густымъ, молочнаго цвѣта, туманомъ, который неудержимыми волнами стремился вверхъ по ущельямъ, наполняя ихъ и какъ бы готовясь потопить и самыя вершины горъ. Все это не предвѣщало хорошей погоды, а потому, напрягая всѣ усилія, мы пошли насколько было возможно быстрѣе, желая достичь вершины прежде, чѣмъ она будетъ окутана туманомъ. Тутъ начала мучить насъ нестерпимая жажда, эта неизбѣжная спутница при быстой ходьбѣ по высокимъ горамъ, и за неимѣніемъ воды мы стали утолять ее снѣгомъ и льдомъ. Кромѣ того, намъ часто преграждали дорогу большіе сугробы снѣга, на которые, если мы вступали, то проваливались чуть не попоясъ, а потому приходилось обходить ихъ; иногда встрѣчались пространства, покрытыя обледенѣлымъ снѣгомъ и тутъ мы скользили и падали. Наконецъ, преодолѣвъ всѣ препятствія, намъ удалось достичь западнаго конца вершины. Въ это время уже темнѣло. Повернувъ на востокъ и подгоняемые вѣтромъ, мы побѣжали къ высшей ея точкѣ. Вдругъ сквозь тучу

снѣговой пыли, подхваченной сильнымъ порывомъ вѣтра, передъ нами, какъ призракъ замелькала человѣческая фигура, которая, по правдѣ сказать, нѣсколько озадачила насъ; мы еще быстрѣе побѣжали впередъ и черезъ нѣсколько мгновеній были около высокаго каменнаго тура, сложеннаго, по всей вѣроятности, нашими тріангуляторами еще во времена распространенія сѣти закавказской тріангуляціи. Отойдя нѣсколько шаговъ отъ тура, я, при слабомъ отблескѣ догоравшей зари, сталъ всматриваться въ подробности окружавшей насъ мѣстности, стараясь хорошенько запомнить все, такъ какъ въ виду надвигавшейся непогоды я не надѣялся болѣе ее видѣть.

Вершина—продолговатая, плоская и тянется съ запада на востокъ; по всей своей длинѣ, которая очень значительна, она имѣетъ въ ширину около двухъ саженей; вдоль сѣверной стороны ея тянется отвѣсный обрывчикъ фута въ три высоты, за которымъ простирается фирновое поле, имѣющее покатость къ сѣверу, равняющееся $3^1/_2$ кв. верстамъ и оканчивающееся громадными отвѣсными скалами. На южномъ, довольно пологомъ скатѣ вершины, покрытомъ щебнемъ и мелкими камнями, вѣчнаго снѣга совсѣмъ нѣтъ. Итакъ кромѣ описаннаго сейчасъ фирноваго поля, небольшого ледничка на сѣверозападъ отъ вершины и двухъ упомянутыхъ ранѣе ледниковъ, другихъ вѣчныхъ снѣговъ на Шахъ-дагѣ нѣтъ.

Покончивъ осмотръ вершины, я опустилъ показатель минимальнаго термометра на ртуть, повѣсилъ его сбоку тура и сталъ любоваться общей картиной, разстилавшейся передъ нами. Въ это время заря уже потухла и все погрузилось во мракъ, только на темномъ, почти черномъ, небѣ блестѣли звѣзды, слабо освѣщая близъ лежащія къ намъ вершины горъ, которыя темной массой поднимались среди бѣлаго облачнаго моря.

Пробывъ на вершинѣ около часа, мы отправились въ обратный путь; передъ уходомъ оттуда мы сложили на западъ отъ большаго тура маленькій каменный турикъ.

Не доходя саженей сто до нашего начлега, мы встрѣтили всадника Газіова, который безпокоясь за насъ, шелъ намъ на встрѣчу, подавая время отъ времени голосъ. Вернувшись къ пріютившимъ насъ валунамъ, я при помощи зажженной спички посмотрѣлъ на минимальный термометръ, который несъ съ вершины съ большой осторожностью; показатель его стоялъ на

—3°Р.; такова была температура во время пребыванія нашего на вершинѣ Шахъ-дага. Пока мы устраивались въ своемъ пріютѣ, насъ окутало туманомъ и пошелъ обильный снѣгъ: но намъ было уютно и тепло и мы вскорѣ подъ завываніе бури заснули. Къ утру вѣтеръ измѣнилъ свое направленіе и пока разсвѣло и явилась возможность отправиться въ путь, насъ совсѣмъ забросало снѣгомъ. Ночью минимальное показаніе термометра было—3,5°Р. Въ 7 ч. утра мы оставили свой пріютъ. Въ это время мятель нѣсколько стихла и мнѣ удалось сдѣлать топографическіе наброски того, что не успѣлъ зарисовать наканунѣ. Въ 10 часовъ мы спустились къ мѣсту, гдѣ оставались наши лошади, а въ 2 часа пополудни были уже въ Курушѣ. Пробывъ въ этомъ селеніи еще два дня, 9-го сентября мы покинули его и на другой день были въ Дербентѣ.

А. Пастуховъ.

Состояніе ледниковъ и озеръ центральной части сѣвернаго склона Кавказскаго хребта.

(Отчетъ за 1892 годъ).

(Дѣйствительнаго члена Отдѣла К. Н. Россикова).

По порученію Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, принявъ на себя трудъ продолжать съ 1892 года изслѣдованія надъ ледниковыми явленіями и колебаніями уровней озеръ на наиболѣе заслуживающихъ вниманія ледникахъ и озерахъ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта, главнымъ-же образомъ, согласно предложеннаго мною мнѣнія, производить ихъ на ледникѣ Цити [1]), что на сѣверномъ склонѣ Бокового Кавказскаго хребта, въ истокахъ р. Гизель-дона, и на озерѣ Кезеной-амъ [2]), что на южномъ склонѣ „Черныхъ горъ", самомъ большомъ изъ озеръ горной полосы, я въ теченіи 1892 года, на средства Отдѣла совершилъ рядъ экскурсій на сѣверный склонъ Бокового Кавказскаго хребта—именно на ледники западной его оконечности: Цейскій (гора Адай-хохъ) въ истокахъ р. Цея-донъ; Цити (гора Джимарай-хохъ) въ истокахъ р. Гизель-дона; Девдоракскій и Чачуйскій (гора Казбекъ) въ истокахъ р. Кабахи, и на ледники центральной его части, извѣстной подъ именемъ „Пирикительскаго хребта [3]), въ истокахъ р. Харгабе (гора Дзана-кортъ [4]), Харгабе-ламъ [5]) и Дагалдой-ламъ [6]) и въ истокахъ р. Доной-хи (горы Доной-ламъ [7]), Датахъ-кортъ [8]), Кагалой-ламъ [9]) и Ламышъ-кортъ [10]).

Наблюденіе надъ состояніемъ ледниковъ въ періодѣ 1891—92 гг. сгрупированы мною въ прилагаемой ниже таблицѣ.

---

[1]) К. Россиковъ. Ледникъ Цити на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта. Извѣстія И. Р. Географ. Общ., т. XXIX, вып. VI, 1893, стр. 495.

[2]) К. Россиковъ. Усыханіе озеръ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта. Записки Кавк. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., кн. XV, 1893 г. стр. 201.

[3]) „Пирикители"—„лежащій по ту сторону", т. е. относительно Главнаго Кавказскаго хребта, въ сѣверной части Хевсуріи.

[4]) На картахъ Кавказскаго Военно-Топографическаго Отдѣла, пятиверстной и одно-верстной—Диклосъ-мта.

[5]) Ibidem не названа, хотя и обозначена.

[6]) Ibidem тоже.

[7]) Ibidem Доносъ-мта.

[8]) На пяти-верстной картѣ: Большой Качу, на одноверстной Датахъ-кортъ.

[9]) Ibidem не названа вовсе, хотя обозначена.

[10]) Ibidem тоже.

ТАБ

Состоянія ледниковъ на сѣверномъ

Мѣстонахожденіе и названіе ледниковъ.	Годъ, мѣсяцъ и число наблюденій.	Ледн…			
		У…			
		Высота снѣг. обвала.	Высота ледн. отложеній.	Длина.	
				Укоротилась.	Увеличилась.
1. Въ истокахъ р. Цея-донъ.					
Цейскій на восточн. скл. горы Адай-хохъ . . .	1885, сен. 5. 1892.	— —	— —	■ 401	■ —
2. Въ истокахъ р. Каба-хи.					
Девдоракскій [1]) На сѣв. скл. горы Казбекъ.	1891, сен. 24. 1892, „ 11.	— —	— —	315 365	— —
Чачуйскій	1883, іюля 7. 1892, сен. 14.	16 —	— —	■ 396	■ —
3. Въ истокахъ р. Гизель-дона.					
Цити на сѣверн. склонѣ горы Цити-хохъ . . .	1981, авг. 6. 1892, с. 14, 17.	— —	— —	■ 29	■ —
4. Въ истокахъ р. Харгабе.					
Юго-восточнаго склона горы Даной-ламъ [1]). . .	1890, іюл. 12. 1892, іюн. 22.	— —	— —	480 620	— —
Сѣв.-вост. скл. г. Харгабе-ламъ и сѣв. Дагалдой [1]).	1890, іюл. 12. 1892, іюн. 21.	43 18	— —	* *	* *
Сѣвернаго склона горы Дагалдой-ламъ [1]). . . .	1890, іюл. 11. 1892, іюн. 21.	— —	8 11	⊕ 98	⊕ —
Сѣверо-западн. склона [1]) горы Двана-кортъ . .	1890, іюл. 11. 1892, іюн. 20.	— —	6 —	306 408	— —
Сѣвернаго склона [1])	1890, іюл. 10. 1892, іюн. 20.	66 13	— —	✣ ✣	✣ ✣
5. Въ истокахъ р. Цитль-инъ.					
Сѣвернаго склона горы Двана-кортъ.	1892, іюн. 19.	—	—	■	■
6. Въ истокахъ р. Донйо-хи.					
Сѣвернаго склона горы Доной-ламъ	1892, іюн. 23.	—	—	■	■
Сѣверо-восточнаго склона горы Датахъ-кортъ .	1892, іюн. 24.	—	—	■	■

Объясненіе знаковъ при

[1]) Ледники на которыхъ ведутся наблюденія съ 1885 г.

— Нѣтъ.

■ Знаки и помѣтки, установлен. впервые на ледникѣ.

⊕ Не бываетъ.

† Не могла быть опре

✣ Не привышаетъ вы

…ЦА

…лонѣ Бокового Кавказскаго хребта.

…ковый стокъ.											Снѣжникъ фирн. поля.		Годъ послѣдн. обвала.	Толщин. выпавш. снѣга.		
…ТЬЕ.							Собственно стокъ.									
…олщин.		Сводъ.							Толщин.		Толщина.			Въ области.		
…уменьшилась.	Увеличилась.	Высота снѣгов. обвала.	Высота ледник. отложен.	Высота.	Ширина.	Глубина.	Высот. снѣг. обвала.	Высот. ледн. отложен.	Уменьшилась.	Увеличилась.	Уменьшилась.	Увеличилась.		Устья.	Стока.	Снѣжн.
Футы.														Дюймы.		
■	■	—	—	25	60	27	—	✠	■	■	*	*	(?) (?)	—	—	—
36	—	—	—	30	48	19	—	✠	17	—	■	■	(?) (?)	-	3½	14
28	—	—	—	—	—	—	—	—	12	—	■	■	1891	2	5	7
83	—	—	—	—	—	—	—	—	173	—	2	—	1891	4	8	13
■	■	17	—	19	23	†	6	—	■	■	■	■	1883	—	4	5
41	—	—	—	—	—	—	—	—	⊕	⊕	⊕	⊕	1883	—	10	12
■	■	—	—	17	30	65	—	—	■	■	■	■	⊕⊕	1	3	6
2	—	—	—	10	24	42	—	—	1	—	—	½	⊕⊕	2	7	14
[illegible]	—	—	—	10	27	11	—	—	25	—	■	■	(?) (?)	—	2	9
68	—	—	—	—	—	—	—	—	45	—	6	—	(?) (?)	-	6	20
*	*	33	—	—	—	—	20	—	*	*	■	■	1884	—	1	*
*	*	—	—	—	—	—	9	—	*	*	5	—	1884	—	5	21
⊕	⊕	—	5	—	—	—	—	5	16	—	■	■	1884	—	2	11
14	—	—	8	3	5	2	—	6	29	—	4	—	1884	—	5	17
32	—	—	—	14	16	10	24	—	■	■	*	*	1889	—	1	*
42	—	—	—	9	23	3	—	—	12	—	*	*	1889	—	3	*
✠	✠	—	—	—	—	—	23	—	✠	✠	*	*	1890	1	2	*
✠	✠	—	—	—	—	—	5	—	✠	✠	*	*	1890	—	—	*
■	■	—	—	—	—	—	—	—	■	■	■	■	⊕⊕	6	14	24
■	■	—	—	—	—	—	—	—	■	■	■	■	⊕⊕	4	6	22
■	■	—	—	—	—	—	—	—	*	*	*	*	⊕⊕	*	*	*

…еденныхъ въ таблицѣ:

…лена точно. ⊕ Знаки и помѣтки за утратою вновь установленные.

…оты свода устья. ⊕⊕ Бываютъ, но не наблюдались.

* Наблюденія не производились.

Въ таблицѣ при каждомъ ледникѣ надъ графою приведены величины изъ наблюденій ближайшаго года, предшествовавшаго *) наблюденіямъ 1892 года, а подъ графой—изъ наблюденій относящихся къ тѣмъ же ледникамъ за этотъ послѣдній годъ; тѣ и другія величины—отъ постоянныхъ знаковъ и помѣтокъ; величины выражающія измѣненія въ объемѣ ледниковыхъ стоковъ, какъ и опредѣляющія высоту фирна и свѣже-выпавшаго снѣга въ области снѣжниковъ—среднія изъ наличнаго количества данныхъ, по имѣющимся помѣткамъ, въ областяхъ стоковъ по длинѣ этихъ послѣднихъ съ обоихъ боковъ и при томъ тѣхъ изъ помѣтокъ, которыя болѣе или менѣе вертикальны къ ледяной поверхности; а въ области снѣжниковъ—изъ помѣтокъ на такихъ же скалахъ на фирновыхъ поляхъ. Наконецъ, что касается величинъ, опредѣляющихъ высоты свѣже-выпавшаго снѣга въ области ледниковаго стока включительно по устье, то величины эти среднія, но уже изъ непосредственныхъ измѣреній, произведенныхъ во время посѣщенія ледниковъ.

Данныя таблицы указываютъ, что всѣ ледники, служившіе объектами для наблюденій въ предѣлахъ сѣвернаго склона Бокового Кавказскаго хребта на Сѣверномъ Кавказѣ, отъ горы Адай-хоха до горы Дзана-кортъ (Диклосъ-мта) съ самаго начала наблюденій надъ ними, т. е. съ 1883—85 гг. по 1892 годъ включительно,—находились въ періодѣ отступленія, иными словами, ледники поднимались своими нижними концами или укорачивались. Рядомъ съ сокращеніемъ по длинѣ, ледники уменьшались и по другимъ измѣреніямъ, что обнаруживалось съ достаточтой полнотой на каждомъ изъ ледниковъ и при томъ во всѣхъ его областяхъ, т. е. на снѣжникѣ и ледниковомъ стокѣ; главнымъ же образомъ на этомъ послѣднемъ, съ одной стороны, въ образованіи и измѣненіи сложившихся уже различныхъ элементовъ ледниковой поверхности,

*) Знакомство съ ледниками Сѣвернаго склона Кавказскаго хребта начато мною съ 1880 года; начало же наблюденіямъ надъ жизнью отдѣльныхъ ледниковъ положено въ 1882 году (Маліевскій ледникъ). Часть наблюденій, касающихся жизни ледниковъ сгруппирована мною въ докладѣ „Снѣжный покровъ и ледники сѣвернаго склона Бокового Кавказскаго хребта въ предѣлахъ Терской области“, читанномъ 11 мая 1892 года въ общемъ собраніи Кавказскаго Отдѣла И. Р. Географическаго общества; другая же часть вошла въ подготовленную къ печати работу „Ледники сѣвернаго склона Кавказскаго хребта и періодичность ихъ измѣненія.“

какъ результатовъ верхней, нижней и внутренней убыли ея, къ каковымъ относятся: морены или каменные валы, различныя другія накопленія, ледяные конусы и бугры, ледниковые столы, пещеры, продушины, ледяныя ворота, многочисленные ручьи и проч. и проч., а съ другой—въ нивелировкѣ элементовъ движенія ледниковъ—трещинъ, ихъ краевъ и самыхъ стѣнокъ, днищъ и проч., словомъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается и которыми опредѣляется та или другая физіономія ледника.

Прежде чѣмъ, однако, перейти къ дальнѣйшимъ выводамъ изъ данныхъ, представленныхъ въ таблицѣ, я остановлюсь на частныхъ случаяхъ измѣненій каждаго изъ ледниковъ; за исключеніемъ трехъ послѣднихъ—именно, ледниковъ и стоковъ р. Цитель-инъ и р. Доной-хи, на которыхъ установлены мною знаки и помѣтки лишь въ 1892 году и описаніе которыхъ сдѣлано въ другой статьѣ *).

Ледникъ Цейскій, перваго разряда, со времени наблюденій надъ нимъ (1885) отступилъ и, по мѣрѣ отступленія, впереди устья, на днѣ ледниковаго ложа, оставилъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ обрывки конечной морены въ видѣ поперечныхъ валовъ изъ каменныхъ накопленій съ верхней поверхности ледниковаго стока, а отчасти продуктовъ отложеній поддонной морены; большій изъ валовъ—средній—до $5^1/_2$ футовъ высоты и 6 саженъ длины, меньшій—ближайшій къ ледниковому устью—отъ 2—3 футовъ высоты. Устье ледника въ 1885 г. равнялось 95 фут. высоты и 206 фут. ширины. Въ 1892 году оно сократилось на 58 фут. по ширинѣ, понизилось на 30 фут. и стало замѣтно положе, но, какъ и въ 1885 г., завершалось красивымъ ледянымъ сводомъ (ледниковыми воротами), который отличался большой высотой, но меньшей глубиной и шириной; послѣдній, какъ и все устье состоялъ изъ сплошной однородной массы глетчернаго льда, съ характерными для него капилярными трещинами, ледниковыми зернами и голубой слоистостью, структура которой съ особой яркостью выступала на стѣнкахъ ледяного свода; съ поверхности вся толщина льда устья была разбита гораздо большимъ

*) „Пирикительскій хребетъ, ледники его сѣвернаго склона и періодичность ихъ измѣненія“, статья которая составила предметъ доклада 9 января въ засѣданіи секціи Географіи на IX съѣздѣ Русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ; она войдетъ въ одинъ изъ выпусковъ Извѣстій Импер. Русск. Географическаго общества за 1894 годъ.

количествомъ тонкихъ поперечныхъ и массой радіальныхъ трещинъ, отъ 1 д. до 1 ф. шириной. Слѣды общей убыли также рѣзко, какъ и на устьѣ, выступали по всему нижнему уступу ледниковаго стока. Поверхность этого послѣдняго теперь была усѣяна еще больше щебнемъ, обломками скалъ, валунами и камнями различныхъ горныхъ породъ, въ особенности ближе къ краямъ, гдѣ сформировались значительныя боковыя морены; на средней части на нѣсколько сотъ саженъ по длинѣ шли огромные ледниковые бугры, засыпанные щебнемъ, тѣми же валунами и обломками различныхъ породъ; верхняя же часть значительно выравнилась и многія трещины на ней закрылись; поверхность его же у подошвы второго уступа, на оборотъ, съ лѣваго бока казалась еще больше изрытой краевыми трещинами, хотя они и не носили рѣзкихъ очертаній; точно также и увалы, холмы и конусы, изъ которыхъ собственно состоитъ вся эта часть стока, также сгладили свои рѣзкіе контуры: они, такъ сказать, расплылись; увеличилось одновременно съ тѣмъ количество и величина ледниковыхъ ручьевъ и въ складкахъ упомянутыхъ неровностей образовалось на ледяной поверхности два довольно большихъ ледниковыхъ потока. Самый уровень ледяной поверхности понизился, относительно обрамляющихъ ея береговыхъ моренъ и скалъ, со стороны лѣваго бока, судя по уцѣлѣвшимъ двумъ помѣткамъ, ближе къ устью—до 23 футовъ, а ближе къ подошвѣ второго уступа—до 19 фут.; между, собственно, правой береговой мореной и ледянымъ стокомъ по длинѣ послѣдняго образовалась отъ 40—50 футовъ глубиною и отъ 13—25 фут. шириною лощина постепенно выклинивающаяся къ подошвѣ второго уступа стока; наконецъ, по линіи первыхъ скалъ нижняго уступа, съ правой стороны, ледниковый стокъ съузился до 43 саженъ съ 56 саж. (1885 г.) и понизился на 16 футовъ. Средній уступъ области ледниковаго стока, образуя чудный каскадъ ледяныхъ скалъ, также носилъ отпечатки слѣдовъ какъ верхней, такъ и нижней убыли. Громадныя его ледяныя скалы—раньше острыя и зубчатыя, съ массой выступовъ, какъ бы понизили свой уровень и выравнялись въ одну болѣе плоскую, пологую, компактную ледядяную массу; площадь уступа до подножія второго ледопада верхняго уступа, судя по уцѣлѣвшимъ помѣткамъ, по лѣвому боку понизала уровень въ среднемъ до $12^1/_2$ фут. и, окаймленная съ юговостока и юга скалистыми склонами массива горы Адай-хоха,

какъ и раньше (1885 г.), тонула, по подножію обрамляющихъ скалъ, подъ огромными конусами лавинъ снѣга и фирна; фирнъ же одѣвалъ и всю остальную площадь этого уступа. На верхнемъ уступѣ ледниковаго стока слѣды нижней убыли преобладали надъ слѣдами верхней; такъ, со стороны скалистаго ложа, по бокамъ ледопада, въ мѣстахъ соприкосновенія льда со скалистымъ ложемъ, образовалась масса новыхъ продушинъ, пустотъ, длинныхъ шахтъ и ходовъ, изъ которыхъ одни были завалены огромными скопленіями каменныхъ отложеній и глыбами фирна и фирноваго льда, а другіе—переполнены водою или совершенно сухіе. Самая ледяная поверхность его, судя по одной изъ уцѣлѣвшихъ помѣтокъ по правому боку, понизилась до 9 футовъ. Въ области снѣжника прежде всего бросалось въ глаза сокращеніе площадей трехъ фирновыхъ полей, обращенныхъ на югъ, тогда какъ на фирновыхъ поляхъ, обращенныхъ на сѣверъ, замѣтно было нарощеніе снѣговыхъ массъ, судя по тому, что зачерченныя раньше (1885 г.) на поверхности ихъ скалы и отдѣльные утесы—теперь были до $^{2}/_{3}$ высоты завалены снѣгомъ.

Ледникъ Девдоракскій, перваго разряда, оканчивается крутымъ обрывомъ въ 27 саженъ высоты и 78 саж. шириной, изъ настоящаго глетчернаго льда, прикрытаго съ поверхности грязью, мелкимъ щебнемъ и пылью, который сверху до низу разбитъ массой поперечныхъ и небольшимъ количествомъ краевыхъ и продольныхъ трещинъ. Съ 1885—1892 годъ включительно ледниковое устье отступило на 365 фут. и понизилось на 34 фут. относительно помѣтки со стороны скалистаго лѣваго бока ледниковаго ложа, не измѣнивъ, впрочемъ, нисколько крутизны самаго обрыва, было совершенно открыто и свободно отъ снѣга и другихъ продуктовъ и отложеній лавинъ, сползающихъ по балкамъ правой стороны ледниковаго ущелья, прилежащаго къ устью и по подошвѣ во всю ширину завершалось глубокой, въ $1^{1}/_{2}$ фут. высоты, продушиной, изъ которой вырывалась р. Амилишки двумя бурными потоками. Лѣвый бокъ устья отодвинулся нѣсколько отъ прилежащей къ нему скалы лѣвой стороны ледниковаго ущелья, такъ что въ мѣстѣ соприкосновенія со скалою, гдѣ раньше отлогались каменныя накопленія съ поверхности ледника и продукты разрушенія самой скалы, во всю длину устья образовалась продушина до 1 фут. шириной; правый бокъ устья вовсе отодвинулся отъ моренныхъ накопленій правой стороны лед-

никоваго ложа и отдѣлился отъ правой береговой морены глубокой балкой съ крутымъ паденіемъ дна, по которому срывался каскадомъ бурный подледниковый потокъ, истокъ котораго лежалъ при устьѣ ледника второго порядка, смежнаго съ Девдоракскимъ и составлявшимъ еще лѣтъ 50 тому назадъ правый его рукавъ. Балка у верхней границы устья ледника на нѣсколько саженъ углубилась и со стороны ледяной толщи самаго устья по всей длинѣ теперь перополнена была массой продушинъ, пещеръ, ходовъ и проч., благодаря которымъ весь правый бокъ ледниковаго устья какъ-бы распался на отдѣльности различной величины. Ширина ледниковаго устья по подошвѣ къ времени наблюденій въ 1892 г. съузилась на двѣ сажени, въ верхнихъ же горизонтахъ, т. е. на линіи перехода области стока въ устье до $6^1/_2$ саж. Съ поразительной яркостью слѣды нижней убыли ледниковаго устья выступили въ этотъ годъ и на продольной разсѣлинѣ, раздѣляющей ледниковое устье на двѣ неравныя части: правую —большую и лѣвую меньшую; разсѣлина эта перешла въ верхнихъ горизонтахъ устья въ продольную трещину до 1 саж. ширины и образовала цѣлый лабиринтъ обширныхъ пустотъ, опускающихся довольно глубоко въ толщу ледниковаго устья, въ которой теряется значительный ледниковый потокъ. Тѣже слѣды верхней и нижней убыли выступаютъ и по всей длинѣ поверхности ледниковаго стока до самой подошвы ледопада. Та балка, которая обрамляетъ ледниковое устье съ правой стороны, продолжается и по длинѣ собственно ледниковаго стока, до упомянутаго выше устья глетчера; она на всемъ своемъ протяженіи, также какъ и въ предѣлахъ устья, углубилась и расширилась; а ближе къ устью фирнъ глетчера, переполненная остатками не потаявшихъ ледяныхъ стѣнъ краевыхъ трещинъ, приняла особый своеобразный характеръ. Вся правая часть ледниковаго стока отъ ледопада до устья, засыпанная щебнемъ, валунами и другими накопленіями, въ части, прилежащей къ верхней границѣ устья, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ саженъ показалась вновь образовавшимися обширными впадинами, выполненными на цѣло полужидкой грязью, вмѣстѣ съ ледниковымъ мусоромъ. Одно изъ такихъ, такъ сказать, ледниковыхъ болотъ, достигая 20 саженей въ поперечникѣ, лежало въ глубокой впадинѣ, заваленной огромными обломками скалъ, надъ самымъ обрывомъ ледниковаго устья, а другое до $13^1/_2$ саженей въ поперечникѣ, нѣсколь-

ко лѣвѣе устья праваго фирнъ-глетчера, среди массы краевыхъ трещинъ этой части ледниковаго стока; наконецъ, выше устья упомянутаго фирнъ-глетчера, въ направленіи къ подошвѣ ледопада, на этой же части ледниковаго стока, выступаетъ въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ другая серія краевыхъ трещинъ, изъ которыхъ большая часть также измѣнилась: однѣ расширились, другія слились взаимно, третьи укоротились или совершенно исчезли (закрылись) и образовавшіеся чрезъ то значительныя углубленія были или забиты и заполнены моренными отложеніями, или водою. Уровень ледяной поверхности по длинѣ стока относительно помѣтокъ 1891 г. по правому боку понизился на 5 фут., на линіи, взятой отъ устья фирнъ-глетчера, поперекъ ледниковаго стока; на правой же части стока возвышаются огромные бугры съ самыми громадными обломками скалъ; раньше они лежали далеко выше этой линіи. Слѣды верхней и нижней убыли также отчетливо выступали и на лѣвой части ледниковаго стока, рѣзко отличающейся отъ правой тѣмъ, что поверхность ея, за исключеніемъ лѣваго бока, совершенно лишена какихъ-бы то ни было каменныхъ накопленій. Эта часть стока по всей длинѣ, по линіи сліянія правой части съ лѣвой, обтаила настолько сильно, что имѣвшаяся здѣсь ложбина—уширилась и углубилась на степень лощины; мало того, она удлинилась въ направленіи отъ устья къ ледопаду. Многіе ледяные бугры на нижней части стока сгладились, другіе оставались наканунѣ исчезанія; самый уровень ледяной поверхности замѣтно понизился относительно помѣтокъ на лѣвой береговой моренѣ—у верхней границѣ ледникового устья до 8 футовъ, а у подошвы ледопада на 3 фут.; масса краевыхъ трещинъ, разсѣянныхъ по всему лѣвому боку стока и по одиночкѣ и по группамъ—отчасти, какъ у устья, совершенно исчезла, оставивъ лишь слѣды пребыванія, въ видѣ обрывковъ не-потаявшихъ ледяныхъ стѣнъ, торчавшихъ изъ груды наваленныхъ камней, щебня, валуновъ и обломковъ различныхъ горныхъ породъ, формирующагося вала боковой морены. Слѣды общей убыли за 1892 годъ на ледопадѣ не поддаются опредѣленію, но въ отдѣльныхъ его частяхъ они выступаютъ повсюду, особенно же по подошвѣ, гдѣ съ 1891 года замѣчается обиліе образовавшихся, не большихъ, но довольно глубокихъ озеръ въ большихъ ледяныхъ гротахъ, широкихъ, обтаявшихъ трещинъ. Въ области снѣжника Девдоракскаго ледника мнѣ не привелось побывать ни ра-

зу, по недоступности его, а потому собственно на снѣжникѣ ледника я не опредѣлялъ и высоты фирна. Мною были положены помѣтки въ 1890 г. на фирновыхъ поляхъ, прилежащихъ къ снѣжнику, на одной съ нимъ высотѣ 12156 фут. н. ур. м. съ лѣвой стороны на юго-западномъ концѣ гребня хребта Бортто; судя по этимъ то помѣткамъ, въ теченіи года уровень фирна убылъ на $1^1/_2$—$2^1/_2$ фут. *).

Ледникъ Чачуйскій, перваго разряда, за время наблюденій съ 1883 года отступаетъ. До 1892 года нижній конецъ его оставался подъ большимъ снѣговымъ обваломъ; въ этомъ году устье его совершенно освободилось отъ снѣга и другихъ продуктовъ обвала, но вмѣсто ледяного свода, кровля котораго предъ тѣмъ выступала изъ подъ снѣговыхъ массъ обвала, теперь образовалась небольшая, до 2 фут. высоты и около 15—16 фут. ширины, продушина, изъ подъ которой съ шумомъ выбѣгаетъ бурный подледный потокъ р. Чачъ. Въ общемъ устье, сократившись въ объемѣ, сильно обтаяло и стало положе. Достигая въ 1883 г. 145 фут. высоты и 379 фут. ширины, оно понизилось на 41 футъ и съузилось на 83 фута. Однородная, сплошная толща глетчернаго льда устья съ поверхности прикрыта пылью, грязью и щебнемъ и разсѣчена цѣлой системой поперечныхъ и продольныхъ трещинъ. На линіи перехода стока въ собственное устье, справа и слѣва образовалось большое число довольно глубокихъ промоинъ и рытвинъ, благодаря которымъ весь ледяной массивъ устья, какъ-бы отдѣлился отъ береговыхъ моренныхъ накопленій. Продукты обвала 1883 г.. лежавшіе на поверхности нижней части ледниковаго стока, растаяли, уровень снова въ общемъ замѣтно понизился, но величина пониженія, какъ области стока, такъ и измѣненія фирна въ области снѣжника не могли быть приведены въ извѣстность, за утратою всѣхъ помѣтокъ, которыя были мною положены въ предѣлахъ этого ледника въ 1883 году.

Ледникъ Цити, перваго разряда, еще въ 1891 году отличался такой крутизной своего устья, что по нему не представлялось никакой физической возможности взойти на поверхность самого стока, между тѣмъ какъ въ 1892 г. я, хотя и не безъ труда, но поднялся на стокъ его. Въ общемъ высота ледникова-

*) Отсчетъ по помѣткамъ производился всякій разъ, послѣ того какъ, предварительно бывалъ удаляемъ отъ подошвы скалъ слой свѣжаго снѣга тамъ, гдѣ этотъ послѣдній прикрывалъ поверхность фирна.

го устья понизилась не болѣе какъ на 2 фута, ширина сократилась на 12 футовъ по подошвѣ и на 25 фут. по верхней границѣ его. Правый бокъ устья по всей длинѣ совершенно отдѣлился отъ обрамляющихъ скалъ ледниковаго ущелья, такъ что между скалистымъ ложемъ и толщами льда образовался крутой, но довольно широкій проходъ съ массой пустотъ и щелій по длинѣ толщей льда, число которыхъ, впрочемъ, какъ и величина преобладали въ верхнихъ горизонтахъ ущелья, гдѣ предъ тѣмъ красовались только узкія краевыя трещины, наступавшія на самый скалистый утесъ. Ледяной сводъ, отличавшійся красотой и эффектностью очертаній со стороны грота, уменьшился и, вслѣдствіе поперечной трещины на горизонтѣ кровли поперекъ всего его устья, вмѣстѣ съ боковыми частями этого послѣдняго, примыкающими къ гроту—осунулся. Съ 1891 года ледникъ Цити отступилъ на 29 фут. Я не останавливаюсь на другихъ характерныхъ чертахъ общей убыли этого ледника,такъ какъ данныя эти приведены мною въ статьѣ „Ледникъ Цити на сѣверномъ склонѣ Вовового Кавказскаго хребта“ *).

Ледникъ юго-восточнаго склона горы Донойламъ, перваго разряда, съ поразительной быстротой отступаетъ; его устье обтаяло на столько, что, вмѣсто бывшаго предъ тѣмъ ледяного обрыва въ 135 фут. высоты, и довольно значительнаго ледяного свода, въ 1892 году достигало такихъ скромныхъ размѣровъ, что толща его едва превышала 68 футовъ и вмѣсто свода обрывалась высокимъ крутымъ выступомъ въ 35 фут.; ширина по верхней границѣ устья около 70 фут.; что же касается ширины по подошвѣ ледяного уступа, то она достигала всего лишь 24 фут. Устье сложено изъ глетчернаго льда, который, судя по обнаженіямъ его въ стѣнкахъ трещинъ, однороденъ и совершенно зеленаго цвѣта; съ поверхности вся ледяная толща устья покрыта щебнемъ, а отчасти мелкимъ ледниковымъ пескомъ и разбита двумя очень характерными продольными трещинами на двѣ неравныхъ части, каждая изъ которыхъ, въ свою очередь, разбивается рядомъ красивыхъ трещинъ на небольшія отдѣльности. Ледниковый стокъ, обрамленный справа и слѣва высокими и крутыми береговыми моренами (у подошвы ледопада правая морена достигаетъ отъ 80—100 фут. высоты), по всей длинѣ пред-

*) Извѣстія Императ. Русскаго Географическаго Общества, т. XXIX, вып. VI, стр. 516—518.

ставлялъ поразительную картину слѣдовъ общей убыли. За два года уровень поверхности стока отъ верхней границы устья до подошвы ледопада понизился относительно обѣихъ моренъ въ среднемъ на 20 фут., въ отдѣльности же—правый бокъ у границы устья до 28 фут., а у подошвы ледопада на 12 фут.; лѣвый же—на соотвѣтствующихъ мѣстахъ, всего на 1—2 фут. ниже приведенныхъ величинъ. Соотвѣтственно такой величинѣ пониженія уровня стока, ледяная поверхность его, прикрытая равномѣрнымъ тонкимъ слоемъ мелкаго щебня глинистаго сланца, совершенно выравнялась и предъ устьемъ, гдѣ стокъ достигаетъ наименьшей сравнительно ширины,—казалась почти плоской; трещины—особенно краевыя, во многихъ мѣстахъ закрылись, частью же—по лѣвому боку—стали едва примѣтными. Подошва ледопада сравнительно съ предъидущими годами была далеко не такъ завалена массами снѣга и ледяныхъ глыбъ. Ширина стока по подошвѣ ледопада: съузилась на 21 фут., въ самомъ широкомъ мѣстѣ на 77 фут. и на линіи устья на 38 фут. Общая убыль коснулась и ледопада: уровень его понизился, многія ледяныя скалы стаяли, другія обрушились; вся толща льда, особенно со стороны лѣвой береговой морены, отодвинулась, такъ что по линіи соприкосновенія ледопада съ него образовался цѣлый рядъ пещеръ, ходовъ, шахтъ и т. п.; но рельефнѣе всего измѣненіе его выступало по верхней линіи горизонта ледопада, гдѣ послѣдній какъ-бы отступилъ въ область фирноваго бассейна, образовавъ въ своей ширинѣ небольшой уступъ или выступъ, обнажившій настоящій фирнъ верхней террасы, составляющей снѣжникъ этого ледника. Для характеристики измѣненій въ области снѣжника я приведу, имѣвшій здѣсь мѣсто фактъ. До 1890 г. съ лѣвой стороны къ подошвѣ ледопада по длинѣ ледниковаго стока примыкало обширное поле, въ нѣсколько сотъ саженъ длиной и шириной *); за два года (1890—92 г.), оно растаяло; три помѣтки 1890 г. на скалистыхъ выступахъ, обрамлявшихъ это поле, показали, что глубина фирна по линіи скалъ въ среднемъ достигала 18 футовъ. Въ другихъ частяхъ снѣжника того же ледника, впрочемъ, какъ сокращеніе фирновыхъ полей, такъ и самыхъ толщей фирна, въ среднемъ за два года, по 4 помѣткамъ, всего достигало лишь до 6 футовъ. (Помѣтки находятся на высотѣ 12536 фут. н. ур. м.).

*) Это фирновое поле нанесено на одноверстной картѣ Кавказскаго Военно-Топографическаго Отдѣла (1883 г.).

Ледникъ сѣверо-восточнаго склона горы Харгабе-ламъ и сѣвернаго склона Дагалдой-ламъ, перваго разряда, съ 1885 г. оставался подъ толщами фирна и снѣга, бывшаго предъ тѣмъ огромнаго обвала нижняго конца глетчера 2-го порядка, повисшаго на скалистомъ восточномъ склонѣ безымянной горы въ промежуткѣ между описываемымъ ледникомъ горы Хархабе-ламъ и ледникомъ юго-восточнаго склона горы Донай-ламъ, а отчасти и ежегодно сбрасываемыхъ лавинъ со склоновъ горъ Харгабе-ламъ и Дагалдой-ламъ. Высота снѣга и другихъ продуктовъ обвала на нижнемъ концѣ ледниковаго стока въ полукотловинѣ „Харгабе-чуэ" и въ скалистой тѣснинѣ, выходя изъ полукотловины, достигала 103 фут.—Обвалъ закрывалъ не только нижній конецъ ледниковаго стока, но продолжался и за скалистую тѣснину до устья ледника сѣвернаго склона горы Дагалдой-ламъ, образовавъ на этомъ протяженіи снѣговой мостъ въ 10—15 саженъ высоты. Въ 1892 г. высота снѣгового моста отъ тѣснины до устья названнаго ледника, не привышала 1—2 саженъ, а мѣстами толщи снѣга сошли совершенно на нѣтъ, такъ что открылось самое русло съ бурнымъ потокомъ. У самаго выхода изъ тѣснины образовался снѣговой обрывъ въ 18 фут. высоты съ снѣговымъ гротомъ, изъ котораго съ шумомъ и клокотаньемъ вырывался бурный потокъ Харгабе; не доходя же до тѣснины въ области стока, именно предъ впаденіемъ въ главный стокъ ледника его лѣваго рукава, тамъ, гдѣ въ 1885 г. вслѣдствіи обвала получилось ледниковое озеро *), теперь обнажилась бугристая ледяная поверхность ледниковаго стока съ нѣсколькими заваленными щебнемъ трещинами. Такимъ образомъ и въ 1892 г. собственно устье ледника и прилежащая къ нему часть области ледниковаго стока—въ предѣлахъ скалистой тѣснины оставалась все еще подъ обваломъ и лишала возможности судить о характерѣ и степени измѣненій, имѣвшихъ мѣсто на этомъ ледникѣ; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя части этого ледника доказывали, что и онъ подверженъ тѣмъ же явленіямъ, т. е. сокращенію или общей убыли. Слѣды верхней и нижней убыли въ области ледниковаго стока замѣчались въ мѣстѣ впаденія боковыхъ рукавовъ въ главный ледяной потокъ и по подошвѣ ледопада

*) К. Россиковъ. Усыханіе озеръ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта. Записки Кавказскаго Отдѣла Импер. Русск. Географическаго Общества, кн. XV, 1893 г., стр. 197.

этого послѣдняго потока; такъ, уровень главнаго стока, относительно обрамляюшей справа высокой береговой морены у подошвы нижняго ледяного уступа, понизился за два года на 7 фут.; впадающій съ лѣвой стороны, наибольшій ледниковый рукавъ у самого перехода съ крутого склона на дно полукотловины Харгабе-чуэ, обтаялъ на столько, что на срединѣ ширины его въ этой части образовалось обширное обнаженіе скалистаго ледниковаго ложа, по отношенію же къ береговой моренѣ уровень его понизился до 8 фут.; наконецъ и вся прилегающая часть снѣжнаго или ледяного рукава также понизилась, какъ относительно скалъ обрамляющихъ эту часть ледниковаго стока, такъ и береговой морены. Въ области снѣжника на перевалѣ (11,760' н. ур. м.), раздѣляющемъ истокъ р. Харгабе отъ истока одного изъ небольшихъ притоковъ р. Пирикительской Алазани, и на фирновыхъ поляхъ, собственно снѣжника крайняго ледниковаго рукава, высота фирна въ среднемъ уменьшилась до 5 футовъ.

Ледникъ сѣвернаго склона горы Дагалдойламъ, перваго разряда, въ 1890 г. оканчивался огромнымъ ледянымъ выступомъ, постепенно опускавшимся на дно долины. Выступъ, составлялъ ледниковое устье, былъ разбитъ массой краевыхъ поперечныхъ и продольныхъ трещинъ и съ поверхности засыпанъ толстымъ слоемъ щебня, каменныхъ накопленій и большихъ обломковъ такой горной породы, какъ глинистый сланецъ. Къ 1892 году ледяной выступъ обтаялъ, ледникъ отступилъ и нижній конецъ ледниковаго стока обрывался въ высшей степени типичной ледяной стѣной въ 60 саженъ ширины и отъ 35—70 фут. высоты, сложившейся изъ массы пересѣкающихся трещинъ, превратившихся въ ледниковыя ямы, колодцы, террассы, впадины и выемки среди огромной величины обломковъ горныхъ породъ, выступавшихъ на фонѣ сплошнаго покрова щебня; каменныя же накопленія, щебень и отдѣльные обломки скалъ прикрывали подошву ледяной стѣнки или устья ледника, въ особенности съ праваго бока, гдѣ изъ подъ низкаго до 3 фут. ледяного свода выбѣгалъ небольшой подледниковый потокъ, составляющій первый правый притокъ истока р. Харгабе. За два года на днѣ ледниковаго ложа по площади отступленія ледникъ оставилъ кучи и груды каменныхъ накопленій отъ 3—7 фут. высотой и отъ 5—15 саженъ длиной, съ массой отдѣльныхъ большихъ обломковъ тѣхъ же глиняныхъ сланцевъ. Самый ледниковый стокъ, изры-

тый и разбитый различнаго рода и величины трещинами, усѣянный колодцами, ямами, воронками и впадинами, частью сухими, частью заполненными водой, безчисленнымъ множествомъ бугровъ, мощными толщами ледниковыхъ отложеній изъ щебня, осколковъ и обломковъ камней, носилъ слѣды, какъ верхней, такъ и нижней убыли, главнымъ образомъ въ измѣненіи состоянія всѣхъ приведенныхъ элиментовъ ледниковой поверхности; что же касается пониженія самого уровня его ледяной поверхности, то по помѣткамъ на скалахъ, обрамляющихъ подошву ледопада, наибольшую величину пониженія обнаружилъ правый бокъ—около 13 фут., а лѣвый—всего до 10 фут. Измѣненіе въ области снѣжника въ мѣстахъ болѣе или менѣе доступныхъ, гдѣ установлены три помѣтки, выразилось, какъ и на предыдущихъ ледникахъ, пониженіемъ фирна въ среднемъ на 4 фут. за два года.

Ледникъ сѣверо-западнаго склона горы Дзана-кортъ, перваго разряда, оканчивается крутымъ, въ 100 фут. высоты, ледянымъ обрывомъ, засыпаннымъ по подножію ледниковыми отложеніями, изъ двухъ уступовъ, раздѣленныхъ небольшой покатой площадкой. Въ 1892 году ледяной обрывъ обталлъ по верхней линіи нижняго уступа на 13 футовъ и по той-же линіи верхняго уступа почти на 10 фут. и съузился при подошвѣ нижняго уступа на 31 футъ, а верхняго до 19 футовъ, ледяной же сводъ теперь не привышалъ 9 футовъ по высотѣ, 22 фут. по ширинѣ и 3 фут. въ глубину; самый обрывъ сталъ положе, покатая площадка между уступами сократилась по длинѣ и ширинѣ, количество трещинъ, какъ на площадкѣ, такъ и на поверхности обрыва также уменьшилась; краевыя трещины выступали только на правомъ боку его. Поверхность устья была покрыта грязью и мелкимъ щебнемъ, тогда какъ по трещинамъ нижняго уступа, особенно продольнымъ, повсюду выступалъ чистый, плотный и однородный глетчерный ледъ; въ строеніи же верхняго уступа по такого же рода трещинамъ обнаруживалась равномѣрно изогнутая слоистость льда. Ледниковый стокъ съ 1885 г. по 1890 г. находился подъ толстымъ слоемъ въ 3—4 сажени снѣговыхъ фирновыхъ массъ лавинъ, сбрасываемыхъ обрывистой частью крутого его снѣжника. Въ 1890 г. стокъ освободился отъ этихъ скопленій. Теперь его поверхность представлялась довольно волнистой, усѣянной буграми и покрытой тонкимъ слоемъ щебня съ отдѣльно разбросанными по немъ обломками камней. Въ теченіи года

уровень ледяной поверхности стока понизился по всей длинѣ обрамляющихъ ее береговыхъ моренъ,—именно: въ верхней части стока по лѣвому боку—на 10 фут., а по правому—на 12 фут.; на срединѣ длины стока на лѣвомъ боку до 8 фут., а на правомъ около 9 фут.; на линіи же устья, какъ упомянуто выше, до 12 фут.; кромѣ того въ средней части на ней образовалось нѣсколько небольшихъ ледниковыхъ озеръ и три незначительныхъ ледниковыхъ болотца, переполненныхъ жидкой грязью, подобныхъ тѣмъ, которыя отмѣчены на нижнемъ концѣ Девдоракскаго ледника.

Ледникъ сѣвернаго склона горы Дзана-кортъ, перваго разряда, съ 1885 г. находится подъ толщами снѣга, фирна и другихъ продуктовъ, бывшаго въ томъ году, огромнаго снѣговаго обвала, которымъ, какъ мною констатировано тогда же, была завалена не только вся область стока этаго хребта, но и прилежащая къ устью стока часть ущелья истоковъ р. Харгабе, болѣе чѣмъ на 300—350 саженъ по длинѣ. Высота, образовавшагося вслѣдъ затѣмъ снѣговаго моста предъ концомъ ледниковаго устья въ ущельѣ достигала 140 футовъ. Обвалъ произошелъ вслѣдствіе накопленія снѣга на поверхности громаднаго крутого скалистаго барьера, раздѣляющаго область ледниковаго стока отъ снѣжника. Весною 1890 г. область ледниковаго стока на всемъ протяженіи вновь была погребена подъ снѣговымъ обваломъ, но уже изъ области снѣжника лѣваго его рукава и меньшихъ размѣровъ. Въ 1892 г. надъ краемъ скалистаго обрыва, у котораго находится устье ледника, высота снѣга достигала еще до $2^1/_2$ саженъ. Снѣговой мостъ отъ подножія скалистаго обрыва на всемъ протяженіи сильно обтаялъ и сократился на $^1/_3$ длины, а на уцѣлевшей части открылись продушины; судя по обнаженіямъ снѣговыхъ толщей въ нихъ, эти послѣднія и здѣсь не превышали отъ 15—19 футовъ.

Таковы тѣ частные случаи измѣненій на перечисленныхъ ледникахъ, которые, до извѣстной степени, дополняютъ характеръ имъ общаго состоянія, выраженный въ таблицѣ. Обращаясь, затѣмъ, къ послѣдующимъ обобщеніямъ изъ данныхъ второй графы таблицы, прежде всего находимъ, что изслѣдованные ледники на сѣверномъ склонѣ Бокового Кавказскаго хребта, отступили на величину неодинаковую; за два года больше всѣхъ отступилъ ледникъ юго-восточнаго склона горы Доной-ламъ,

что въ истокахъ р. Харгабе—на 140 футовъ; съ 1885 же года—слишкомъ на 620 футовъ; изъ другихъ ледниковъ, по степени отступленія, ближе всѣхъ къ нему стоитъ ледникъ сѣверо-западнаго склона горы Дзана-кортъ—на 102 фута, а за семь лѣтъ (съ 1885 г.)—на 408 футовъ. Годовая величина отступленія—для ледниковъ Девдоракскаго и Цити дана въ таблицѣ изъ непосредственныхъ наблюденій за годъ для перваго—50 фут., а для второго 29 футовъ; для остальныхъ—средняя изъ двухъ-лѣтнихъ данныхъ, за исключеніемъ Цейскаго и Чачуйскаго, для которыхъ изъ 7—9-лѣтняго промежутка времени—колеблется отъ 29 до 70 футовъ, такъ что самые ледники, соотвѣтственно полученной величинѣ, слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1, ледникъ юго-восточнаго склона горы Доной-ламъ—70 фут.; 2, сѣвернаго склона горы Дзана-кортъ—58 фут.; 3, Цейскій—57 фут.; 4, сѣвернаго склона горы Дагалдой-ламъ—51 фут. 5, Девдоракскій—50 фут.; 6, Чачуйскій—44 фут., и 7, Цити—29 футовъ. Отсюда средняя годовая величина отступленія для тѣхъ же ледниковъ 51,з фута, величина которая очень близка къ годовой величинѣ большинства приведенныхъ ледниковъ и только слишкомъ разнится отъ величинъ двухъ ледниковъ, имѣющихъ величины самаго наибольшаго отступленія и самаго наименьшаго. Сопоставленіе годовыхъ величинъ отступленія приведенныхъ ледниковъ, показываетъ, что на сѣверномъ склонѣ Бокового Кавказскаго хребта два ледника съ наибольшей величиной отступленія лежатъ въ юго-восточной его части. Однако, это обстоятельство отнюдь не доказываетъ, что ледники восточнаго конца Бокового хребта отступаютъ быстрѣе ледниковъ, расположенныхъ въ другихъ частяхъ хребта, такъ какъ изъ тѣхъ же полученныхъ данныхъ годовыхъ колебаній имѣется близко совпадающая величина отступленія для ледниковъ, лежащихъ почти на двухъ противуположныхъ концахъ хребта, именно: для ледника Цейскаго 57 фут., находящагося на зап. концѣ и для ледника сѣверо-западнаго склона горы Дзана-кортъ—58 фут.,—на восточномъ концѣ того же хребта, и при томъ ледникахъ довольно отличныхъ другъ отъ друга, какъ по типу строенія, такъ величинѣ и проч. и проч. Наконецъ, имѣется и величина годового же отступленія для ледника Цити —29 фут., наименьшая изъ приведенныхъ для всѣхъ остальныхъ ледниковъ, который по положенію своему, соотвѣтственно величинѣ отступленія, долженъ былъ-бы находиться западнѣе всѣхъ

другихъ, тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ занимаетъ другое положеніе въ ряду разсматриваемыхъ ледниковъ. Впрочемъ, такая незначительная величина поднятія нижняго конца ледника Цити, быть можетъ, объясняется особенностями положенія ледниковаго устья и части стока его, зависящихъ отъ геологическаго и топографическаго строенія рельефа самого ледниковаго ложа, наконецъ, отъ структуры нижней части области ледниковаго стока и проч., чего не находимъ на всѣхъ приведенныхъ ледникахъ. Съ отступленіемъ ледниковъ, какъ показываютъ данныя той-же таблицы, устья тѣхъ ледниковъ, которыя были доступны для наблюденій, уменьшились въ толщинѣ; величины уменьшенія колеблятся въ предѣлахъ отъ 2—14 футовъ и до нѣкоторой степени отвѣчаютъ величинамъ сокращенія (отступленія)— именно: 1) на ледникѣ юго-втсточнаго склона горы Доной-ламъ— 14 фут.; 2) на сѣверномъ склонѣ горы Дагалдой-ламъ—7 фут.; 3) на сѣверо-западномъ склонѣ горы Дзана-кортъ—5 фут.; 4) Цейскомъ—5 фут.; 5) Девдоракскомъ—5 фут.; 6) Чачуйскомъ— 4,5 фут., и 7) Цити около—2 футовъ. Отсюда средняя годовая убыль толщины нѣсколько выше 6 футовъ; т. е. величина, которая слишкомъ высока лишь по отношенію къ величинѣ ледника Цити (2 фута). Судя по величинамъ, относящимся до ледяныхъ сводовъ (ледниковыя ворота), даннымъ въ той же таблицѣ—эти послѣднія не нредставляютъ для большинства изслѣдованныхъ ледниковъ образованій постоянныхъ или присущихъ какому либо опредѣленному типу строенія ледниковаго устья; они то исчезаютъ, какъ на ледникахъ—Чачуйскомъ и юго-восточнаго склона горы Доной-ламъ, то появляются вновь, какъ на ледникѣ сѣвернаго склона горы Дагалдой-ламъ или совершенно отсутствуютъ, какъ на ледникѣ Девдоракскомъ, или, существуя, испытываютъ разнообразное измѣненіе, какъ на Цейскомъ и Цити.

Далѣе рука объ руку съ отступленіемъ ледниковъ, какъ показываютъ данныя той же таблицы, наблюдалась и общая убыль въ области ихъ ледниковыхъ стоковъ или уменьшеніе въ объемѣ *). Послѣднее выразилось въ пониженіи

*) Въ основаніе сужденія о степени убыли ледниковыхъ стоковъ, какъ это видно изъ выше приведенной частной характеристики ледниковъ, положены данныя лишь приблизительныя или точнѣе—на столько опредѣляющія дѣйствительную ихъ убыль, на сколько практиковавшійся пріемъ измѣненія можетъ считаться достаточнымъ.

уровней ихъ ледяной поверхности. Величина годового пониженія наблюдалась въ предѣлахъ отъ 1—10 футовъ, при чемъ наименьшее пониженіе относится къ стоку ледника Цити—около 1 фута, а наибольшее—юго-восточнаго склона горы Доной-ламъ, до 10 футовъ; что касается остальныхъ ледниковъ, то по величинѣ пониженія уровней ледяной поверхности стоковъ они слѣдують въ такомъ порядкѣ (включая въ этотъ рядъ и два упомянутыхъ): 1) ледникъ юго-восточнаго склона горы Доной-ламъ—10 фут.; 2)—сѣвернаго склона горы Дагалдой-ламъ—6 фут.; 3)—сѣверо-западнаго склона горы Дзана-кортъ—5 фут.; 4) Девдоракскій—5 фут.; 5) Цейскій 2,5 фут. и 6) Цити—около 1 фута; т. е. съ тою разницею отъ порядка, въ какомъ они распологались но величинѣ отступленія, что Цейскій ледникъ занялъ въ этомъ послѣднемъ ряду пятое мѣсто вмѣсто третьяго, а ледникъ сѣвернаго склона горы Дагалдой-ламъ второе, вмѣсто четвертаго. Это же показываетъ то, что ледники съ большимъ измѣненіемъ объема стоковъ лежатъ въ восточной части хребта, тогда какъ съ меньшимъ—на западной, хотя, впрочемъ, строгаго порядка распредѣленія въ этомъ смыслѣ и здѣсь видѣть нельзя: такъ ледникъ Цити восточнѣе Цейскаго, а между тѣмъ этотъ послѣдній имѣетъ величину убыли ледяной поверхности гораздо большую, нежели первый. Средняя величина годовой убыли ледниковыхъ стоковъ, перечисленныхъ ледниковъ, изъ данныхъ за два года равняется 5 футамъ; эта убыль только по отношенію къ убыли стока ледника Цити сравнительно высока.

Данныя, характерезующія состояніе области снѣжниковъ тѣхъ же ледниковъ, показываютъ, что толщи фирновыхъ полей главныхъ составныхъ частей снѣжниковъ за время наблюденій 1891—92 г. также уменьшались,—иначе говоря, количество выпадавшаго снѣга въ области ихъ не уровновѣшивало убыли фирна и лишь на одномъ изъ нихъ—ледникѣ Цити—замѣчено повышеніе или нарощеніе фирна до $^1/_2$ фута. Предѣлъ колебанія убыли фирна въ теченіе года достигалъ отъ 1—4 футовъ (для 4 ледниковъ). По величинѣ годовой убыли фирновыхъ отложеній ледники эти располагаются въ такомъ порядкѣ: 1) ледникъ юго-восточнаго склона горы Доной-ламъ—4 фут.; 2) сѣверо-восточнаго склона горы Харгабе-ламъ и сѣвернаго склона горы Дагалдой-ламъ—2,5 фут.; 3) сѣвернаго склона горы Дагалдой-ламъ—2 ф. и 4) Девдоракскій—2 фута. Средняя величина годового пониже-

нія фирновыхъ массъ въ области снѣжника достигала до 2,, фута.

Наконецъ, данными, приведенными въ той же таблицѣ, относительно высоты снѣга констатируется: во первыхъ, что въ предѣлахъ всѣхъ областей ледниковъ снѣгъ выпадаетъ круглый годъ—т. е. не исключая и лѣта, и что въ этомъ отношеніи составляютъ исключенія лишь ледниковыя устья, на которыхъ снѣгъ успѣваетъ лѣтомъ растаявать почти всегда во время самаго выпаданія; такъ, наблюденіями 1890 года въ августѣ мѣсяцѣ установленъ фактъ выпаданія снѣга на ледникахъ: сѣв.-вост. склона горы Харгабе-ламъ, сѣв. склона горы Дагалдой-ламъ и сѣв.-зап. склона горы Дзана-кортъ; а также въ іюлѣ мѣсяцѣ 1883 года—на ледникѣ Чачуйскомъ и въ іюнѣ мѣсяцѣ 1892 года на ледникѣ сѣвернаго склона горы Дагалдой-ламъ, юго-восточнаго склона горы Доной-ламъ, сѣверо-восточнаго склона горы Харгабе-ламъ и сѣвернаго—горы Дагалдой-ламъ, какъ и на всѣхъ другихъ ледникахъ истоковъ р. Харгабе, равно и на ледникахъ истоковъ р. Цитль-инъ и р. Доной-хи. Во вторыхъ, что отношеніе величины слоя свѣже-выпадающаго снѣга къ ледниковымъ областямъ далеко не одинаково, именно: по даннымъ за 1892 годъ видно, что первое мѣсто занимаетъ у всѣхъ изслѣдовачныхъ ледниковъ—область снѣжниковъ около 17,5 дюйма въ среднемъ; за ними слѣдуютъ области ледниковыхъ стоковъ, около 6 дюймовъ, за исключеніемъ ихъ нижнихъ концовъ, и затѣмъ эти послѣдніе вмѣстѣ съ устьями—3 дюйма; въ третьихъ, что количество выпадающаго снѣга въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ на снѣжникахъ ледниковъ, лежащихъ въ восточной части сѣвернаго склона Бокового Кавказскаго хребта, превышаетъ количество выпадающаго снѣга на снѣжникахъ ледниковъ западной оконечности того же хребта. Я не останавливаюсь еще и на другихъ соображеніяхъ на основании тѣхъ же данныхъ, приведенной таблицы.

Въ теченіи 1892 года я совершилъ также рядъ экскурсій и на озера центральной части Сѣвернаго Кавказа—именно: 1) въ область предгорій—на озеро Джаманкуль-чочъ *), у по-

*) К. Россиковъ. Усыханіе озеръ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта. Записки Кавказскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества, кн. XV, 1893 г., стр. 194.

дошвы западнаго склона Мало-Кабардинскаго хребта и 2) въ область горную—на передовую цѣпь Кавказскихъ горъ, на такъ называемыя „Черныя горы", на озера: Тарское [1]), что у подошвы южнаго склона горы Илъ, и Кезеной-амъ [2]), что на южномъ склонѣ „Черныхъ горъ", въ части ихъ извѣстной, подъ именемъ Керекетскаго хребта; на сѣверный склонъ Скалистаго хребта—на озера: Арджи-амъ [3]), Цастой-амъ [4]) и Амкачи и на южный того же хребта, на озеро Технуцальское [5]); наконецъ, на сѣверный склонъ Бокового Кавказскаго хребта—на озера—Тба [6]), Цити [7]) и нижняго конца ледника сѣверо-восточнаго склона горы Харгабе-ламъ и сѣвернаго склона горы Дагалдой-ламъ [8]).

Изъ числа названныхъ озеръ—озеро Амкачи включается впервые въ серію озеръ, надъ которыми производятся мною наблюденія, при чемъ замѣчу, что это озеро до настоящаго времени оставалось совершенно неизвѣстнымъ, такъ какъ оно даже не нанесено на картахъ новѣйшей съемки Кавказскаго Военно-Топографическаго Отдѣла.

Наблюденія надъ состояніемъ озеръ за 1892 годъ сгруппированы мною въ нижеслѣдующей таблицѣ, въ первой половинѣ которой приведены—величины опредѣляющія колебанія уровней, т. е. повышеніе ихъ или пониженіе, далѣе прибыль и убыль береговой полосы за весь періодъ веденія наблюденій по 1891 годъ включительно и состояніе озеръ въ зависимости отъ колебаній уровней; во второй же половинѣ той же таблицы подъ тѣми же рубриками собственно наблюденія надъ тѣми же озерами за 1892 годъ. Величины приведены въ томъ и другомъ случаѣ отъ постоянныхъ знаковъ и помѣтокъ.

Изъ данныхъ таблицы, помѣщенной на стр. 240 и 241, видно, что озеро Джаманкулъ-чочъ въ 1892 году еще сильнѣе обмелѣло; глубина его теперь едва достигала $^3/_4$ аршинъ; дальнѣйшее приращеніе береговой полосы свелось до minimum'a, очевидно, вслѣд-

[1]) Ibidem стр. 200.
[2]) Ibidem стр. 201—202.
[3]) Ibidem стр. 210.
[4]) Ibidem стр. 200.
[5]) Ibidem стр. 201.
[6]) Ibidem стр. 198.
[7]) Ibidem стр. 198.
[8]) Ibidem стр. 197

ТАБ

Состоянія озеръ центральной части

Мѣстоположеніе и названіе озеръ.	Время съ котораго ведутся наблюденія.	Время наблюденія въ 1891 году.	Уровень.		Б Е			
					Прибавился.			
			Понизился.	Повысился.	Сѣверный.	Южный.	Восточный.	Западный.
			Дюймы.		Ф		у	
А. Область предгорій.								
Мало-Кабардинскій хребетъ.								
Джаманкулъ-чочъ	1884	20/IV.	54	—	192,5	—	⊕	—
В. Область горная.								
Черныя горы.								
Тарское	1886	4/VII.	24¹/₄	—	16¹/₃	—	—	—
Кевеной-амъ	1882	25/V.	202	—	612	—	526	148
Скалистый хребетъ.								
Арджи-амъ	1883	26/V.	—	—	—	—	—	—
Цастой-амъ.	1882	26/V.	185	—	—	—	114	773
Амкачи.	1892	*	*	*	*	*	*	*
Технуцальское	1882	24/V.	—	—	—	—	—	—
Боковой хребетъ.								
Тба { среднѣе	1883	12/V.	25¹/₂	—	—	—	7³/₄	7¹/₂
Тба { южное.	—	—	21¹/₂	—	—	—	—	7³/₄
Цити { сѣверное	1891	3–6/VIII.	■	■	—	—	■	■
Цити { южное	—	—	■	■	—	■	■	—
На стокѣ ледника сѣверо-восточнаго склона горы Харгабе-ламъ и сѣвернаго—Дагалдой-ламъ	1885	*	*	*	*	*	*	*

Объясненіе знаковъ пр

⊕ Помѣтки и футштоки за утратою вновь установленные.
✢ Обмелѣло.
■ Помѣтки и футштоки впервые установленные.

ИЦА

...сѣвернаго склона Кавказскаго хребта.

...ЕГЪ. Убавился. Сѣверный.	Южный.	Восточный.	Западный.	Обмелѣло.	Усохло.	Время наблюденій въ 1892 году.	Уровень. Понизился.	Повысился.	БЕРЕГЪ. Прибавился. Сѣверный.	Южный.	Восточный.	Западный.	Убавился. Сѣверный.	Южный.	Восточный.	Западный.	Обмелѣло.	Усохло.
...ты.							Дюймы.		Футы.									
—	—	—	—	✣	—	28/VIII.	4	—	19	■	6	■	—	—	—	—	✣	—
—	—	—	—	✣	—	4/VII.	6	—	2	■	■	■	—	—	—	—	✣	—
—	—	—	—	—	—	22/VII.	—	153	—	—	—	—	320	■	391	26	—	—
—	—	—	—	—	†	13/VI.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	†
—	—	—	—	✣	—	13/VI.	—	112	—	—	—	—	■	■	49	298	—	—
*	*	*	*	*	*	28/VI.	■	■	■	■	■	■	—	—	—	—	—	—
⊕	⊕	—	—	⊙	—	25/VII.	—	8	—	—	—	—	72	28	—	—	⊙	—
—	—	—	—	—	—	20/IX.	½	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	¾	—	—	—	■	—	—	—	—	—	—	—
—	■	■	—	—	—	17/IX.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	†
—	■	■	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	†
*	*	*	*	*	*	21/VII.	—	—	—	—	-	—	—	—	—	—	—	†

...веденныхъ въ таблицѣ:

† Совершенно усохло.
* Наблюденія не производились.
⊙ Обратилось въ лужу.

ствіи того, что озеро вступило, если такъ можно выразиться, въ предѣлы своего внутренняго (нижняго) водоема, но продолжаетъ усыхать.

Озеро Тарское, какъ и предыдущее, находится на степени усыханія. Пониженіе уровня его въ 1892 году слишкомъ на 5 дюймовъ менѣе 1891 года, но все же велико, что, какъ замѣчено уже мною [1]), находится въ связи съ сплошной вырубкой лѣса (дѣлянками) въ Конкурской казенной дачѣ, которая велась и въ 1892 году. Глубина озера не превышала 1 аршина.

Озеро Кезеной-амъ десять лѣтъ подърядъ, съ 1882—92 годъ, понижало уровень; въ 1892 году разомъ уровень воды въ немъ поднялся почти на 2 сажени. Съ повышеніемъ уровня побережье (береговая полоса) вновь сократилось, а низменные берега, сѣверный и восточный, затоплены на нѣсколько десятковъ саж.

Озеро Арджи-амъ, какъ и въ 1891 году, оставалось усохшимъ, съ тою, однако, разницей, что срединная часть днища его теперь отличалась болотистымъ характеромъ, тогда какъ предъ тѣмъ было совершенно сухое.

Озеро Цастой-амъ, какъ и Кезеной-амъ, въ теченіи десяти лѣтъ настолько понизило уровень, что въ 1861 году я его уже отнесъ къ числу обмелѣвшихъ, тогда какъ въ 1892 г. уровень воды въ немъ разомъ повысился свыше двухъ саженъ и оно вновь вступило въ крутые берега (сѣверный и южный) первой террасы водоема и затопило слишкомъ на 85 саженъ низменный западный берегъ. Вмѣсто футштока, залитаго водою, высота уровня на этотъ разъ отмѣчена по помѣткамъ на обрывистыхъ берегахъ озера.

Озеро Амкачи впервые мною введено въ серію озеръ, на которыхъ производятся наблюденія, и, какъ я замѣтилъ выше совершенно неизвѣстно [2]). Оно находится въ горной Чечнѣ въ нижнемъ Чаберлоѣ, въ складкахъ скалистаго хребта, на правомъ

---

[1]) К. Россиковъ. Усыханіе озеръ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта. Записки Кавказскаго Отдѣла Импер. Русск. Географическаго Общества, кн. XV, 1893 г., стр. 223 и 224.

[2]) О существованіи озера Амкачи я узналъ впервые отъ Б. С. Тукаева (Начальника 7 уч. Грозненск. окр.). Б. С. Тукаевъ не разъ принималъ живое участіе во всѣхъ моихъ экскурсіяхъ по верхнему и нижнему Чаберлою и къ истокамъ р. Шаро-Аргуна и я считаю долгомъ засвидѣтельствовать ему здѣсь мою глубокую признательность за оказанное мнѣ содѣйствіе.

берегу р. Шаро-Аргуна, при подошвѣ горы Чародо, входящей въ составъ отрога горы Басхой, на высотѣ 4500' н. ур. м. Мѣстоположеніе озера красиво и живописно; оно затонуло въ густомъ вѣковомъ лѣсу, съ преобладаніемъ въ немъ такихъ древнихъ породъ, какъ Fagus sylvaticus, Acer Trautvetteri, Tilia parvifolia и проч. По характеру образованія я его отношу къ числу озеръ плотинныхъ, происхожденіе которыхъ находится въ зависимости отъ обваловъ, осыпей и другихъ естественныхъ запрудъ. Длина озера въ направленіи съ NW на NO отъ 200—250 саженъ, а ширина отъ 80—100 саженъ; наибольшая глубина свыше 4-хъ саженъ въ мѣстахъ доступныхъ измѣренію; глубина въ прибрежьи въ среднемъ до $^1/_2$ аршина. Въ сѣверо-восточной части его находится узкій рукавъ въ 25 саж. ширины и до 20 саж. длины; въ этотъ послѣдній впадаетъ незначительный ручей, который въ день посѣщенія озера найденъ пересохшимъ. Озеро въ настоящее время лишено стока, тогда какъ, очевидно, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, судя по свѣжимъ, еще не изгладившимся слѣдамъ, двумъ обсохшимъ русламъ, въ сѣверной и юго-западной его частяхъ, оно имѣло два стока. Что касается питанія озера, то въ него вливается, помимо упомянутаго ручья (обсохшаго), два небольшихъ ручейка, изъ которыхъ одинъ втекаетъ въ озеро съ южной стороны и въ день пребыванія моего на озерѣ (28 іюня) давалъ въ часъ до 10 ведеръ воды, тогда какъ другой всего 4 ведра. Охваченное съ трехъ сторонъ пологими склонами горы Чародо, озеро съ четвертой окоймляется бугристымъ валомъ—плотиной—поросшей буковымъ лѣсомъ съ густымъ подлѣскомъ изъ Azalea pontica и Vaccinium Arctostaphylos. Берега озера плоски по склону подошвы горы Чародо и нѣсколько отлоги со стороны плотины; при впаденіи ручьевъ въ озеро и въ особенности въ предѣлахъ его рукава, берега низменны и топки; береговая полоса, какъ и все прибрежье завалено валежникомъ, топкій же берегъ прикрытъ осокой и другими болотными растеніями изъ сѣм. Iuncaceae. Прибрежье покрыто водорослями (Potamogeton). Судя по обсохшей части пребрежья и высоты, на которой находятся въ настоящее время русла двухъ бывшихъ стоковъ озера, надо полагать, что уровень воды въ озерѣ понижается. На озерѣ установлено на противуположныхъ концахъ по одному футштоку на глубинѣ 4 футовъ, а на береговой полосѣ положены помѣтки масляной краской.

Озеро Технуцальское съ 1885 г. понижало уровень и къ 1891 году совершенно обмелѣло. Въ 1892 г. уровень воды въ немъ повысился и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась и его водная поверхность.

Озера Тба, какъ и въ предыдущіе годы, въ 1892 г. понизили уровни, но самое пониженіе, какъ кажется, достигло minimum'a.

Озера Цити исчезли вовсе. Находясь на днѣ ледяной впадины, предъ формирующимся устьемъ сѣверо-восточнаго рукава ледника Цити, они вслѣдствіи образовавшихся новыхъ трещинъ на ледяномъ днищѣ—стекли *).

Озеро нижняго конца ледника сѣверо-восточнаго склона горы Харгабе-ламъ и сѣвернаго Дагалдой-ламъ, образовавшееся въ 1885 г. вслѣдствіи имѣвшаго мѣсто на этомъ ледникѣ огромнаго обвала, еще въ 1890 г. во время посѣщенія мною этого ледника было наканунѣ исчезновенія, вслѣдствіи стаявшей почти до конца снѣговой плотины. Въ 1892 году оно уже не существовало.

Изъ сопоставленія данныхъ второй половины приведенной таблицы, выражающихъ характеръ колебаній уровней воды въ озерахъ въ 1892 г., находимъ, что въ этомъ году на тѣхъ озерахъ центральной части Сѣвернаго Кавказа, на которыхъ производились наблюденія, колебаніе уровней имѣло рѣзкое отличіе отъ колебаній предшествующихъ лѣтъ, во первыхъ, въ томъ что уровень на однихъ изъ озеръ, какъ и въ 1891 году понижался—каковы: Тба, Тарское и Джаманкулъ-чочъ, а на другихъ—повышался, каковы: Кезеной-амъ, Цастой-амъ и Технуцальское; во вторыхъ, что величина пониженія уровней—на озерахъ—Тба, Тарскомъ и Джаманкулъ-чочъ значительно уступала колебаніямъ уровней предшествующихъ лѣтъ.

Всего рѣзче колебаніе уровня въ этомъ смыслѣ выразилось на группѣ озеръ моренныхъ—Тба, горной области, гдѣ на среднемъ изъ нихъ пониженіе уровня воды въ 1892 г. едва достигло $^1/_2$ дюйма, а на южномъ $^3/_4$ д., тогда какъ въ 1891 г. для перваго пониженіе доходило до $4^1/_2$ дюйм., а для второго около 5 дюймовъ.

*) К. Россиковъ. Ледникъ Цити на сѣверномъ склонѣ Бокового Кавказскаго хребта. Извѣстія Имп. Рус. Географ. Общ., т. XXIX, 1893, стр. 517.

На озерѣ Тарскомъ, относящемся къ группѣ озеръ лѣсныхъ—также горной области, уровень понизился въ 1892 г. всего лишь на 6 дюймовъ, тогда какъ въ 1891 году пониженіе достигало 11 дюймовъ. Разница въ 5 дюймовъ уже достаточно велика, но, взятая сама по себѣ, не выражаетъ полностью ту именно величину, на которую собственно уровень этого озера долженъ былъ бы понизиться при тѣхъ самыхъ однородныхъ вліяніяхъ, какія очевидно имѣли мѣсто и здѣсь и съ такой силой сказавшіяся на группѣ озеръ котловинныхъ субъ-альпійскихъ луговъ, гдѣ уровень воды повысился слишкомъ до 2 саженъ (Цастой-амъ). На самомъ дѣлѣ пониженіе уровня на озерѣ Тарскомъ должно было бы превзойдти величину пониженія 1891 г., такъ какъ условія, которыя способствовали пониженію уровня его въ томъ году, не только не ослабѣли въ 1892 г., а еще болѣе увеличились, какъ замѣчено выше. На озерѣ Джаманкулъ-чочъ величина пониженія уровня въ 1892 г. разомъ упала на 4 дюйма, что при сопоставленіи съ средней величиной, выведенной изъ 6-лѣтнихъ наблюденій (1885—91), показываетъ, что величина пониженія въ 1892 году уменьшилась едва-ли не въ два раза.

Такимъ образомъ, наблюденіями 1892 г. надъ состояніемъ озеръ центральной части Сѣвернаго Кавказа констатируется тотъ фактъ, что въ предѣлахъ этой части Кавказа имѣли мѣсто такія общія вліянія, которыя въ той или другой степени отражались на состояніи озеръ, какъ горной, такъ и предгорной областей; къ сожалѣнію, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, въ этомъ году я не имѣлъ времени посѣтить ни одно изъ озеръ плоскости или степнаго пространства и потому не имѣю возможности высказаться въ томъ или другомъ смыслѣ относительно распространенія тѣхъ же вліяній и на озера этой области.

Я не останавливаюсь на разсмотрѣніи самыхъ причинъ, имѣвшихъ рѣшающее значеніе въ поворотѣ колебанія уровней озеръ, изслѣдоваемой части Сѣвернаго Кавказа въ 1892 г. по отсутствію метеорологическихъ наблюденій въ предѣлахъ ея, но считаю не лишнимъ съ одной стороны указать на величину снѣгового покрова на снѣжникахъ, наблюдавшихся ледниковъ въ томъ же году, приведенную въ таблицѣ состоянія ледниковъ на сѣверномъ склонѣ Бокового Кавказскаго хребта, а съ другой на величину осадковъ выпадавшихъ въ предѣлахъ той же области по дан-

нымъ для гор. Владикавказа, любезно сообщенныхъ мнѣ докторомъ Н. А. Поляковымъ,—изъ которыхъ видно, что за время съ сентября мѣсяца 1890 г. по іюнь 1891 года количество осадковъ равнялось 339 м.м., тогда какъ въ предѣлахъ тѣхъ же мѣсяцевъ въ періодъ съ 1891—1892 годъ количество осадковъ превышало 425 миллиметровъ.

К. Н. Россиковъ.

Описаніе Ксанскаго участка, Душетскаго уѣзда, Тифлисской губерніи.

Князя К. Р. Шаликова.

1. Мѣстоположеніе и естественныя богатства участка.

Ксанскій участокъ расположенъ по тремъ ущельямъ: Ксанскому, Лехурскому и Ардисскому (верховья р. Меджчуды); эти ущелья невысокими горными цѣпями въ свою очередь раздѣляются на боковыя ущелья.—Отроги, идущіе отъ Главнаго Кавказскаго хребта, орошаются въ изобиліи. По Ксанскому ущелью протекаетъ р. Ксани, берущая начало изъ Жамурскаго горнаго озера. Эта рѣка проходитъ по ущелью болѣе 50 верстъ и принимаетъ много притоковъ: Цхрадзму, Чурту (Дчурти-цкали), Алеуру, Канчауру и др. Благодаря обильнымъ атмосфернымъ осадкамъ, растительность ущелья очень богата: склоны горъ покрыты лѣсомъ, а верхнія части представляютъ прекрасныя пастбища. Отъ западныхъ и восточныхъ вѣтровъ ущелье защищено горами. Въ такихъ же природныхъ условіяхъ находятся и два другія ущелья, входящія въ составъ участка, т. е. Лехурское и Ардисское. Почва въ этихъ ущельяхъ наносная, но благодаря тому обстоятельству, что горныя рѣчки часто мѣняютъ свое направленіе, земля уносится и обнажаются каменныя породы. Въ прежнее время, чтобы оградить пахатныя земли отъ размыва дождевой водой, устраивали стѣны изъ сухосложеннаго камня; остатки такихъ сооруженій во множествѣ встрѣчаются по Цхаватскому и Алевскому ущельямъ. Къ естественнымъ богатствамъ участка, кромѣ лѣсовъ и пастбищъ, относятся Цхаватская глина, Циркольскій мраморъ, Цолдскій каменный уголь, Хорбальская нефть, Жамурскія кислыя воды, Канчаветская сѣрная вода и др. Въ рѣкахъ много разныхъ породъ рыбъ, изъ которыхъ славятся лосось и форель. Въ лѣсахъ водятся фазаны, а изъ звѣрей—олени, дикія козы и кабаны.

Посѣтителя Ксанскаго ущелья, съ его живописными склонами горъ, покрытыми густыми лѣсами и красивыми деревушками, всюду разбросанными, поражаетъ бѣдность его обитателей, ютящихся въ неудобныхъ жилищахъ и терпящихъ во всемъ недостатокъ. Бѣдность жителей составляетъ разительный контрастъ съ богатствомъ окружающей ихъ природы.

2. Пути сообщенія.

Въ Ксанскомъ участкѣ пути сообщенія находятся вообще въ плохомъ состояніи. Колесное сообщеніе по главной Ксанской дорогѣ отъ Одзиси вверхъ по ущелью едва возможно на разстояніи 25 верстъ, далѣе же идетъ только вьючная тропа, сообщеніе по которой въ полую воду небезопасно.

Дорога пролегаетъ по лѣвому берегу рѣки, такъ что одна сторона ущелья остается безъ дороги. Рѣка Ксани не глубока и вездѣ доступна для перехода и переѣзда, но весной въ полую воду всякое сообщеніе прекращается, что представляется неудобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ: есть церковные приходы, имѣющіе прихожанъ по обѣ стороны рѣки, и весной часть этихъ прихожанъ бываетъ лишена возможности исполнять свои религіозныя обязанности. У Ларгвисской церкви существуетъ нѣкоторое подобіе моста, но его постоянно сноситъ и каждый годъ приходится возобновлять. Весьма удобное мѣсто для постройки моста находится противъ селенія Базуанткари, гдѣ дорога изъ Лехурскаго ущелья выходитъ въ Ксанское. Отсутствіе путей сообщенія и переправъ очень тяжело отзывается на стадохозяевахъ: весной (обыкновенно въ маѣ) множество овецъ изъ долинъ Карталиніи направляется на лѣтнія пастбища въ Жамурскія, Карчахскія, Дабакнетскія и др. горы Ксанскаго участка, при чемъ переправа черезъ Ксани на арбахъ молодыхъ овецъ и ягнятъ обходится чрезвычайно дорого; если же пускать овецъ черезъ рѣку вплавь, то онѣ гибнутъ массами.

3. Населеніе.

Ксанскій участокъ населенъ грузинами и осетинами, армяне живутъ въ одномъ только селеніи Ахалгори. Всего жителей въ участкѣ считается 2489 дымовъ или 18244 душъ, изъ коихъ 10172 мужскаго пола и 8072 женскаго. Изъ этого числа грузинъ 1300 дымовъ, осетинъ 1069 и армянъ—120; живутъ они въ 130

селеніяхъ и поселкахъ, изъ коихъ въ 16 живетъ всего по 1 дыму *). Считая пространство Ксанскаго участка, по Кавказскому Календарю на 1892 годъ, въ 813,3 кв. верстъ, окажется по 27 слишкомъ жителей на квадратную версту. Распредѣлено населеніе весьма неравномѣрно: тогда какъ въ Ахалгорискомъ и сосѣднихъ обществахъ оно весьма густо, въ Корскомъ (или Жамурскомъ) обществѣ на квадратную версту приходится всего одинъ дымъ съ небольшимъ. Чѣмъ выше подниматься по ущелью, тѣмъ населеніе становится рѣже. По разрядамъ крестьянскіе дымы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Собственниковъ . . .	30 дымовъ.
Казенныхъ	48 „
Казенныхъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ . .	255 „
Временно-обязанныхъ . .	2156 „

По вѣроисповѣданію 2369 дымовъ православныхъ и 120 армяно-григоріанскаго исповѣданія. Домашній языкъ у грузинъ и армянъ—грузинскій, у осетинъ—осетинскій, хотя всѣ они хорошо владѣютъ и грузинскимъ языкомъ. Населеніе Ксанскаго участка сплошь земледѣльческое, занимается также и скотоводствомъ, преимущественно овцеводствомъ. Въ нижней части Ксанскаго ущелья есть виноградные и фруктовые сады; огородовъ мало; торговлей занимаются только армяне селенія Ахалгори. По характеру, населеніе участка чрезвычайно мирное, кроткое,—это совершенныя дѣти природы, не испытавшія на себѣ никакого вліянія городской цивилизаціи; у осетинъ сохраняется еще обы-

*) Цифры, полученныя по окончательной разработкѣ въ Закавказскомъ Статистическомъ Комитетѣ посемейныхъ списковъ 1886 г., немного разнятся отъ приведенныхъ княземъ Шаликовымъ. Такъ какъ первыя данныя немного больше, то приводимъ ихъ, для сравненія: 2660 дымовъ содержутъ 19628 душъ, изъ коихъ 10908 муж. и 8720 женск. пола, что составляетъ на 100 д. м. п. 80 д. ж. п. Вмѣсто 130 селеній считается таковыхъ 158. Изъ нихъ 65 имѣютъ менѣе 10 дымовъ, 13 отселковъ по 1-му, 11 по 6-ти, 13 по 7-ми; только 8 селеній имѣютъ болѣе 50-ти и 2 селенія болѣе 100 дымовъ, а именно: Ахалгори 146 и Икоти 117 дымовъ. По народности считается: 1252 дыма осетинъ, 1262 грузинъ и, наконецъ, 138 дымовъ армянъ. По сословіямъ: душъ обоего пола: князей 11, дворянъ 115, духовн. прав. испов. 74 и арм.-гр.—6, мѣщанъ 108, крестьянъ на казен. землѣ 26 дымовъ, времен.-обязанн. крестьянъ 2127 дым., крест. собственниковъ 85 дым. и хизанъ 346 дымовъ.

чай кровомщенія, хотя съ каждымъ годомъ проявленія его становятся рѣже.

4. Сельскія общества и ихъ управленіе.

Ксанскій участокъ дѣлится на 16 сельскихъ обществъ, изъ коихъ самое большое (Цирискоe) по населенности достигаетъ лишь 333 дымовъ, а наименьшее (Гезеретское) имѣетъ только 59 дымовъ. Средняя же величина обществъ немного превышаетъ 166 дворовъ.

Такія мелкія общества не имѣютъ средствъ для организаціи своего управленія, такъ что можно сказать, что въ Ксанскомъ участкѣ почти не существуетъ сельскихъ управленій. Сельскіе суды собираются только лѣтомъ и то не въ канцеляріяхъ, а гдѣ нибудь въ тѣни большихъ деревьевъ; зимой же дѣятельность ихъ вовсе прекращается. Для записи жалобъ и рѣшеній не ведется никакихъ книгъ; все дѣло ограничивается тѣмъ, что писарь, нанятый нѣсколькими обществами, чаще всего неприсутствующій на сельскихъ судахъ, пишетъ уже послѣ суда со словъ заинтересованныхъ лицъ на какомъ либо лоскуткѣ бумаги состоявшіяся рѣшенія и отсылаетъ ихъ судьямъ для приложенія печатей. Не смотря на такой несовершенный канцелярскій способъ веденія дѣлъ, рѣшенія судей на столько удовлетворительны, что помѣщики охотно передаютъ свои дѣла съ крестьянами на рѣшеніе сельскаго суда, давая впередъ подписку подчиниться ему.

5. Подати и поземельный сборъ.

2489 дымовъ Ксанскаго участка платятъ ежегодно казенныхъ податей и земскаго сбора 9494 р. 86 к., такъ что въ среднемъ на крестьянскій дымъ приходится по 3 р. 81 к. Въ дѣйствительности же платятъ далеко не равномѣрно—отъ 2 р. до 10 р., что зависитъ отъ имущественнаго благосостоянія.

Поземельнымъ налогомъ въ Ксанскомъ участкѣ обложено 34,563 дес., изъ нихъ 34,033 дес. по $1^1/_2$ к., и $540^1/_2$ дес. въ дачѣ Одзиси по $3^1/_2$ к.; всего въ годъ собирается 529 р. 7 к. Всѣхъ земель въ участкѣ считается 76,960 дес. *); если изъ этого числа откинуть 2300 дес. казенныхъ земель, то мы найдемъ, что не обложено поземельнымъ сборомъ до 40/т. десятинъ.

---

*) По Кавказскому Календарю на 1892 г.—84,718 десятинъ.

6. Надѣлы крестьянъ и ихъ повинности въ пользу помѣщиковъ.

Надѣльныхъ крестьянъ въ Ксанскомъ участкѣ считается 2156 дымовъ. Въ 1866 г. было отведено на дымъ (по уставнымъ грамотамъ) количество земли не свыше пяти десятинъ поливной или семи съ полов. десят. неполивной. Въ настоящее время число дымовъ сильно увеличилось и надѣлъ, отведенный первоначально одному дыму, принадлежитъ теперь 6—7 дымамъ; надѣлы до того измельчали, что на дымъ въ иныхъ мѣстахъ приходится до $^1/_2$ десятины земли. Натуральныя повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ по нѣкоторымъ селеніямъ уже при составленіи уставныхъ грамотъ были переведены на деньги, по другимъ же селеніямъ такой переводъ совершился нѣсколько позже, по особымъ договорамъ. Размѣръ этихъ повинностей можно опредѣлить такимъ образомъ: за десятину пахатной земли 3 р., за покосъ 2 р., за пастьбу скота 1 р., за топливо и лѣсной матеріалъ по 3 р. съ дыма (въ низовьяхъ ущелья послѣдняя повинность доходитъ до 10 р.); при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что число дымовъ считается не по уставнымъ грамотамъ, а по дѣйствительному положенію.—Выкупили свои надѣлы крестьяне только одного сел. Цольда, въ количествѣ 15 дымовъ.

7. Церковь и ея служители.

Хотя число церковныхъ приходовъ въ Ксанскомъ участкѣ почти столько же (15), сколько и сельск. обществъ, но группировка селеній въ нихъ далеко не та, какая установлена для сельскихъ обществъ. Мало-того, во многіе церковные приходы вошли и селенія не Ксанскаго участка. Вслѣдствіе этого при составленіи призывныхъ списковъ для воинской повинности, ведущихся по сельскимъ обществамъ, являются нѣкоторыя затрудненія при пользованіи метрическими записями, составляющимися по церковнымъ приходамъ.

Въ Ксанскомъ участкѣ числится 15 штатныхъ церквей и 10 приписныхъ. Всѣ онѣ, кромѣ Ларгвисской церкви, крайне малы и неудобны. Кромѣ этихъ церквей, по участку разбросано много, уже покинутыхъ храмовъ, лежащихъ большею частью въ развалинахъ.

Изъ церквей участка первое мѣсто занимаетъ Ларгвисскій храмъ (Монастери на картѣ), построенный на мысу при впаденіи Чурты (Дчуртис-цкали) въ Ксани. Обширный, высокій храмъ,

грузинскаго стиля, съ остроконечнымъ куполомъ, покрытымъ бѣлой жестью, имѣетъ въ своихъ сводахъ множество потайныхъ комнатъ, обнесенъ крѣпостной стѣной со множествомъ высокихъ башенъ и цидателью. Въ крѣпости есть помѣщеніе для церковнослужителей. Къ сожалѣнію ближайшее селеніе находится отъ храма въ 5 верстахъ.

Заслуживаютъ упоминанія развалины монастырей Хопскаго и Кончаветскаго, близъ селеній этихъ названій.

Самебская церковь находится на высокой горѣ (6500' н. ур. м.) близъ горы Лорцома. Она славилась своими золотыми царскими вратами, и отъ нихъ получила народное названіе „Окроскаріонъ", но 7 лѣтъ тому назадъ, неизвѣстные воры ограбили церковь и похитили царскія врата. Въ день Успенія Богородицы, 15 августа, къ Самебской церкви стекается множество богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ Карталиніи.

Такъ же многолюденъ и оживленъ бываетъ и другой храмовой праздникъ (Ломисоба) при Ломисской церкви Св. Георгія, недалеко отъ Млетъ.

Въ сентябрѣ 1889 г. происходило освѣщеніе небольшой Алевской церкви, построенной усердіемъ прихожанъ. Довольно любопытна исторія этой постройки. Задумали прихожане построить церковь лѣтъ 20 тому назадъ, собрали деньги, но деньги были растрачены подрядчикомъ, затѣмъ собирались деньги еще три раза, и храмъ достроился только въ этомъ году, такъ что постройка его обошлась населенію болѣе чѣмъ въ 2000 р.

Говоря о церкви и ея служителяхъ, слѣдуетъ упомянуть, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ксанскаго участка существуютъ деканозы или народные попы. Сословіе это по всей вѣроятности, возникло въ тѣ смутныя времена, когда, по неимѣнію священниковъ, выбирали ихъ изъ прихожанъ. Впослѣдствіи это званіе перешло къ строителямъ церквей (мнате) и передавалось отъ отца сыну—такимъ образомъ явились наслѣдственные родовые деканозы.

Кромѣ платы за требы на содержаніе церковнаго причта, населеніемъ взносится драма въ слѣдующемъ размѣрѣ съ дыма: въ Ахалгори, Одзиси и Кончавети—1 кода пшеницы и $^1/_2$ коды ячменя, въ Алеви—1 кода пшеницы, въ Сапашетахъ прихожане Гдунской церкви платятъ по 2 р. съ дыма, въ остальныхъ обществахъ Ксанскаго ущелья по 1 кодѣ пшеницы. Только свя-

щенники въ приходахъ населенныхъ осетинами получаютъ содержаніе деньгами отъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ. Такъ, священникъ Жамурской (Корской) церкви получаетъ въ годъ 300 р., а причетникъ— 150 р.; Куцхоэтскій священникъ—250 р., а причетникъ—100 р. и Ардисскій—250 р., а причетникъ—100 р.

8. Сельскія школы и школьный сборъ.

Въ Ксанскомъ участкѣ существуетъ всего 1 одноклассная сельская школа въ Ахалгорахъ, открытая въ 1884 г. и содержимая, по общественнымъ приговорамъ, на счетъ 7 сельскихъ обществъ: Ахалгорскаго, Одзисскаго, Дзеглевскаго, Больскаго, Икотскаго, Алевскаго и Циркольскаго. Въ школѣ въ 1889 г. училось 32 мальчика и 3 дѣвочки. Курсъ двухгодичный. За 6 лѣтъ, съ 1884 г., обучалось всего 88 мальчиковъ и 3 дѣвочки, окончило курсъ 15. Предметы преподаванія: русскій и грузинскій языки, ариѳметика и Законъ Божій. Школой пользуются почти исключительно Ахалгорцы, платящіе по 1 р. съ дыма; другія же 6 обществъ платятъ по 60 коп. съ дыма (Икотцы платятъ по 1 р., а Одзисцы по 2 р.). Всего собирается на содержаніе этой школы:

1.	Съ Ахалгорскаго	общест.	129	дым.	по	1 р.	. 129	р.	— к.
2.	„ Дзеглевскаго	„	107	„	„	60 к.	. 64	„	20 „
3.	„ Больскаго	„	160	„	„	60 к.	. 96	„	— „
4.	„ Алевскаго	„	238	„	„	60 к.	. 142	„	80 „
5.	„ Циркольскаго	„	162	„	„	60 к.	. 97	„	20 „
6.	„ Одзисскаго	„	81	„	„	2 р.	. 162	„	— „
7.	„ Икотскаго	„	106	„	„	1 р.	. 106	„	— „
	Итого	.	983	—	—	—	. 797	„	20 „

Расходуется:

На наемъ помѣщенія	150 р.
Жалованье учителю	300 „
Двумъ законоучителямъ, армянск. и правосл.	100 „
На учебныя пособія	30 „
Сторожу	80 „
Итого . . .	660 „

Къ сожалѣнію Ахалгорская школа не имѣетъ собственнаго зданія, а за наемъ помѣщенія приходится платить ежегодно 150 руб.

Кромѣ Ахалгорской школы, въ Ксанскомъ участкѣ начата постройка Захорской школы, на содержаніе которой опредѣленъ школьный сборъ съ обществъ Ардисскаго, Захорскаго и Цирскаго.

На обученіе женщинъ въ Ксанскомъ участкѣ не обращено никакого вниманія; въ сел. Ахалгори существовала женская школа, но и она закрыта въ 1889 году.

Въ прежнее время въ Грузіи существовалъ прекрасный обычай, отдавать подрастающую дѣвочку свѣдующей женщинѣ въ деревнѣ, для обученія чтенію, письму, шитью, кройкѣ, приличному обращенію и умѣнію держать себя. Единственнымъ вознагражденіемъ учительницѣ служило то, что она могла присутствовать на свадьбѣ своей ученицы, причемъ отъ жениха за свой трудъ получала отъ 5 до 10 рублей. Обычай этотъ, впрочемъ, вывелся въ Ксанскомъ ущельѣ и существуетъ, и то лишь коегдѣ, въ плоскостныхъ селеніяхъ Карталиніи.

9. Экономическое положеніе участка.

Выше уже указано, что селенія участка очень невелики, нѣкоторыя состоятъ всего изъ 1 двора. Такое явленіе происходитъ отъ пересѣченности мѣстности и отъ привычки осетинъ и вообще горцевъ селиться отдѣльными дворами.

Дома строятся неудобные, съ плоской земляной крышей. Комната—четыреугольная, съ наружной дверью, безъ оконъ и печей; огонь раскладывается по срединѣ комнаты; для выхода дыма въ крышѣ небольшое отверстіе. Дома деревянные, а чаще каменные на извѣсти или глинѣ; въ верхней части ущелья—изъ сухо сложеннаго камня. Хорошія постройки встрѣчаются только въ сел. Ахалгори. Помѣщенія для скота также очень неудобны.

Благодаря малоземелью, крестьянское хозяйство находится въ плачевномъ состояніи: земля не отдыхаетъ и истощается. Ежегодно распахивается 5000 десятинъ, дающихъ 100/т. кодъ или 400/т. пуд. зерна. Расходъ хлѣба выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: на 18239 душъ населенія нужно 437,700 пуд., на обсѣмененіе—45,000 пуд., на драму—10,000 пуд., полевымъ сторожамъ, цирульникамъ, церковнымъ старостамъ и пр. 5000 пуд.,

всего 497,700 пуд., слѣдовательно ежегодную недостачу хлѣба можно опредѣлить въ 97,700 пудовъ, которые пополняются покупкой изъ Карталиніи.

Пашется земля двухпарными малыми плугами и только въ нижнихъ частяхъ ущелья 8-парными грузинскими. Сѣются: пшеница озимая и яровая, ячмень, кукуруза, лобіо, просо и картофель.

Сѣна скашивается (съ 4000 десятинъ) ежегодно около 800/т. пудовъ; оно идетъ почти все на кормъ своего скота.

Рогатый скотъ не особенно хорошъ. Всего скота у крестьянъ: лошадей—2000, гулеваго скота—5000, рабочаго—4000, овецъ и козъ—20000 и свиней—800. Шерсти и сыру продается на мѣстѣ болѣе чѣмъ на 8000 рублей.

Виноградоводствомъ занимаются въ нижней части Ксанскаго ущелья; виноградниковъ—150 десятинъ, даютъ они 4500 ковъ или 30/т. ведеръ вина, на сумму 27,000 руб.; часть вина продается (на 10 т. р.). Въ виноградникахъ много плодовыхъ деревьевъ хорошихъ сортовъ, которыя даютъ фруктовъ на 2000 р. въ годъ. Много также и орѣховыхъ деревьевъ по садамъ, около жилищъ и на пахатныхъ поляхъ. Отпускъ орѣха можно опредѣлить въ 1000 р. въ годъ.

Весьма важнымъ подспорьемъ въ быту крестьянъ являются кустарные промыслы.

При сел. Цхавати болѣе 40 дворовъ заняты приготовленіемъ глиняной посуды, для чего имѣется 8 гончарныхъ печей. Глина лежитъ, подъ двухаршиннымъ почвеннымъ слоемъ, залежью въ 4 арш. толщины и 10 саж. длины. Выкопанную глину высушиваютъ на солнцѣ или дома, измельчаютъ и приготовивъ изъ нея тѣсто, дѣлаютъ посуду руками, не употребляя никакихъ приспособленій, кромѣ вертящейся доски, называемой моргви. Высушивъ подъ навѣсомъ посуду, обжигаютъ въ круглыхъ печахъ, имѣющихъ $1^1/_2$ арш. высоты, при 3 арш. въ діаметрѣ. Топку зажигаютъ съ утра, до вечера поддерживается слабый огонь, затѣмъ въ теченіи 6 часовъ огонь усиливается, а въ слѣдующіе 6 часовъ посуда остываетъ,—и на другое утро она готова. Ежегодно Цхаватской посуды изготовляется болѣе чѣмъ на 7000 р.

Въ Ахалдабскомъ сельскомъ обществѣ приготовляются изъ вѣтвей лещины (лѣснаго орѣшника) корзины, называемыя „карчахскими“. Этимъ промысломъ между дѣломъ занимаются до 80

человѣкъ—жителей сел. Павліанткари, Шатакни, Кенкаанткари, Чорчахи, Тиникаанткари, Хозоэти, Ломиси и Охири. Корзины развозятся въ сосѣдніе уѣзды, гдѣ продаются или обмѣниваются на хлѣбъ, кукурузу, лобіо и т. п.; всего этотъ промыселъ даетъ населенію до 1200 р. въ годъ.

На Ксанскихъ горахъ во многихъ мѣстахъ растетъ „гвирила", видъ ромашки (Pyrethrum roseum), изъ которой приготовляется персидскій порошокъ. Собираніемъ гвирилы занято болѣе 300 дворовъ жителей обществъ Корскаго, Ахалдабскаго, Алевскаго и Мецкерскаго. Собирается до 500 пуд.; на мѣстѣ пудъ продается по 6 рублей; гвирилу перекупаютъ Ахалгорскіе купцы, которые продаютъ ее въ Тифлисѣ уже по 10—14 р. за пудъ (въ 1888 г. пудъ продавался по 16 р.).

Въ сел. Картиси и въ Гезевретскомъ обществѣ нѣсколько дымовъ занято токарными работами: изготовляются въ небольшомъ количествѣ люльки и разныя мелкія вещи.

Во многихъ осетинскихъ селеніяхъ женщины выдѣлываютъ особый видъ сукна (шали). Въ осетинскихъ селеніяхъ встрѣчаются и отхожіе промыслы: Лехурскіе осетины поставляютъ въ Тифлисъ большой контингентъ лакеевъ, поваровъ и особенно кормилицъ.

Вся торговля въ Ксанскомъ участкѣ сосредоточена въ рукахъ Ахалгорскихъ армянъ. Обладая большими торговыми способностами, при трезвой и аккуратной жизни, Ахалгорцы распространили свои торговые обороты и на сосѣднія села Горійскаго уѣзда; они торгуютъ пшеницей, ячменемъ, шерстью, сыромъ, гвирилой, лѣсными матеріялами, виномъ и проч. Оборотъ ихъ торговли достигаетъ до 100.000 р. въ годъ.

10. Нравственность и проступки.

Населеніе участка отличается мирнымъ и тихимъ характеромъ: споры возникаютъ только изъ-за земельныхъ отношеній.

Осетинки не отличаются своею нравственностью.

Воровство, укрывательство воровъ и краденаго сильно укоренилось среди жителей трехъ деревень по Лехурскому ущелью: Захори, Цубени и Цири. Для преслѣдованія воровъ, похищающихъ главнымъ образомъ скотину, сельскія общества выбираютъ 12 человѣкъ, но они дѣйствуютъ не энергично, боясь мести, ко-

торая выражается, главнымъ образомъ, въ поджогахъ. Главными мѣстами сбыта для конокрадовъ являются Тифлисъ и Гори.

Статистика проступковъ и преступленій за 1889 годъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: пораненій—2, поджоговъ—2, кража со взломомъ—1, уводъ лошадей и рогатаго скота—22, нарушеній общественнаго спокойствія—15, истязаній—3, оскорбленіе суда—1.

Описаніе 3-го, Уравельскаго, полицейскаго участка, Ахалцихскаго уѣзда, Тифлисской губерніи.

Сост. кн. А. Д. Андронниковымъ.

Положеніе и границы.

Уравельскій участокъ, составляя восточную часть Ахалцихскаго уѣзда, начинается отъ самыхъ границъ г. Ахалциха и тянется до границъ Ахалкалакскаго уѣзда, образуя четырехугольникъ, въ длину, приблизительно, верстъ 60, въ ширину—40 и въ окружности до 200 верстъ.

Границами участка служатъ: съ востока Ахалкалакскій уѣздъ, запада—г. Ахалцихъ и часть Кобліанскаго участка, юга—Ардаганскій округъ и сѣвера—Ацхурскій участокъ тоже Ахалцихскаго уѣзда, граница съ которымъ идетъ по р. Курѣ, за исключеніемъ части ея, гдѣ, по правую сторону рѣки, лежатъ двѣ деревни Уравельскаго участка—Тоба и Рустави.

Устройство поверхности.

За исключеніемъ той части Уравельскаго участка, которая занята Леписскимъ обществомъ и которая представляетъ высокое плоскогоріе, все остальное пространство есть горная страна, наполненная отрогами Чалдырскихъ горъ, крутые и скалистые склоны которыхъ составляютъ глубокія ущелья.

Орошеніе.

Въ Уравельскомъ участкѣ, если не считать Куры, большихъ рѣкъ нѣтъ. Изъ небольшихъ же рѣчекъ можно назвать только Уравлисъ-цкали и Толошисъ-цкали, которыя текутъ въ глубокихъ недоступныхъ ущельяхъ и потому водою ихъ пользоваться нѣтъ возможности ни для какихъ хозяйственныхъ цѣлей, въ томъ числѣ и для орошенія полей. Для этой послѣдней цѣли съ большою пользою служатъ имѣющіеся въ участкѣ во множе-

ствѣ горные ручейки и источники. Въ участкѣ выпадаетъ достаточное количество атмосферныхъ осадковъ, и потому недоступность названныхъ рѣчекъ для орошенія не имѣетъ большаго значенія. Озеръ въ участкѣ нѣтъ.

Климатъ и растительность.

Климатъ участка самый здоровый. Лѣто здѣсь прохладное; сильный зной бываетъ только въ нѣкоторыхъ деревняхъ, расположенныхъ въ низменности, какъ напримѣръ—Гобіетъ, Толошъ, Оскорія, Бнела и Мусхи; зима холодная и продолжительная, въ особенности въ той части участка, которая занята Леписскимъ плоскогоріемъ и гдѣ мѣстами зима продолжается 6—7 мѣсяцевъ, сопровождаясь нерѣдко мятелями.

Участокъ не совсѣмъ богатъ лѣсною растительностью, но за то не можетъ пожаловаться на недостатокъ лѣтнихъ пастбищъ (яйлаговъ), куда на лѣтнее время перекочевываютъ жители со своими стадами и гдѣ скотъ находитъ себѣ обильный кормъ.

Пути сообщенія.

О путяхъ сообщенія нечего и говорить, потому что ихъ нѣтъ здѣсь вовсе, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ принято ихъ понимать. Изъ одной деревни въ другую ведутъ извивающіяся по скаламъ и ущельямъ узкія горныя тропинки, неудобныя не только для колеснаго движенія, но нерѣдко опасныя и для верховой ѣзды, въ особенности въ гололедицу. Легко себѣ представить, какимъ тормазомъ служитъ такое отсутствіе дорогъ какъ для лицъ разъѣзжающихъ по дѣламъ службы, такъ особенно для сообщенія жителей между собою и съ г.г. Ахалцихомъ и Ахалкалаки, куда имъ приходится сбывать свои произведенія и откуда должны получать все необходимое для своихъ надобностей. Такое полное отсутствіе удобныхъ путей сообщенія нужно объяснить единственно недостаткомъ предпріимчивости у жителей, которымъ не трудно было бы устранить это неудобство, если бы только они того пожелали.

Единственная тропинка, связывающая весь этотъ огромный участокъ, а также и часть Ахалкалакскаго уѣзда съ Ахалцихомъ, пролегаетъ по ущелью „Саталахео", по правому берегу рѣки Уравлис-цкали и такъ какъ ущелье это мѣстами до того узко, что на днѣ его еле помѣщается рѣчка, то путнику до выхо-

да изъ этого, по длинѣ незначительнаго ущелья, приходится четыре раза переправляться съ одного берега рѣки на другой. Мостовъ, конечно, нѣтъ никакихъ даже для переправы пѣшеходовъ.

Можно себѣ представить положеніе путниковъ зимой, когда вся рѣка, замерзая, покрывается льдомъ, а еще болѣе весною, во время половодія, нерѣдко продолжающагося мѣсяца два. Неудивительно, что несчастныхъ случаевъ, какъ съ животными, такъ и съ людьми, бываетъ въ этотъ періодъ не мало, а потому на это время почти прекращается сообщеніе участка съ гор. Ахалцихомъ.

Въ виду этого являлась необходимость или сдѣлать капитальное исправленіе дороги по ущелью „Саталахео" или замѣнить ее другимъ путемъ.

Но вопросъ этотъ стоялъ безъ движенія до 1889 г., когда нашлись охотники изъ частныхъ лицъ помочь устройству дороги, а именно: ахалцихскій житель Павелъ Сехнія-швили, принявшій на себя всѣ денежные расходы и землевладѣлецъ сел. Верх.-Ошары Гамидъ Бекъ Аваловъ, который пожертвовалъ изъ собственнаго лѣса значительное количество лѣсного матеріала. Приступая къ дѣлу, пришлось рѣшить вопросъ—оставить ли прежнее направленіе дороги черезъ ущелье „Саталахео", что потребовало бы по постройкѣ чрезъ р. Уравлисъ-цкали нѣсколькихъ дорогихъ мостовъ и большихъ затратъ для уширенія пути вдоль отвѣсныхъ скалъ, образующихъ ущелье—или сдѣлать новую дорогу, исходнымъ пунктомъ для которой взять мостъ чрезъ Куру возлѣ селенія Мусхъ, расположеннаго на лѣвомъ берегу этой рѣки близъ почтовой Ахалцихско-Ахалкалакской (шоссейной) дороги, по противоположному берегу Куры. Рѣшивъ постройку новой дороги, въ 1889 г. приступили къ работамъ, которыя велись пятью ближайшими обществами, выставлявшими, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, рабочихъ.

Съ устройствомъ этой дороги, во 1-хъ открыто населенію участка безпрепятственное сообщеніе съ г. Ахалцихомъ круглый годъ и притомъ, хотя и не на большомъ растояніи—на арбахъ, и во 2-хъ, нуждающимся въ пользованіи Уравельскими минеральными водами открытъ легкій колесный путь, чего до сихъ поръ не было. Кромѣ названныхъ удобствъ, настоящій опытъ навѣрное послужитъ полезнымъ урокомъ населенію участка и убѣдитъ его

въ необходимости имѣть такія же дороги между всѣми селеніями.

Вмѣстѣ съ устройствомъ Мусхо-Уравельской дороги въ участкѣ производилась еще и вторая работа по провиденію отъ гор. Ахалциха до Сафарскаго монастыря на протяженія 10 верстъ. Скальная работа производилась на средства особой суммы, полученной монастыремъ съ жертвователей, а земляную работу исполнили крестьяне по наряду, подъ наблюденіемъ жителей Ахалциха—полковника Александра Ивановича Мусхелова и Алексѣя Саралидзе, состоявшихъ по назначенію Экзарха Грузіи членами въ коммисіи по устройству этой монастырской дороги.

Административное дѣленіе участка.

Въ административномъ отношеніи участокъ дѣлится на два сельскихъ общества: Уравельское и Леписское, а въ судебномъ входитъ въ составъ Ахалцихскаго мироваго отдѣла. Въ участкѣ состоитъ 14 селъ и 49 деревень. Названія ихъ помѣщены ниже, при краткомъ описаніи обществъ въ отдѣльности.

Населеніе, народность, вѣроисповѣданіе.

Населеніе участка, за исключеніемъ 11-ти приписныхъ деревень Кобліанскаго и Ацхурскаго участковъ, по посемейнымъ спискамъ, составленнымъ въ 1886 году, состоитъ изъ 8.451 души обоего пола; теперь же, въ 1889 г., въ наличности находится 4.854 мужчинъ и 4.405 женщинъ,а всего 9.259 душъ. Сюда не причислены проживающіе въ участкѣ до 23-хъ семействъ привилегированнаго сословія.

По національностямъ населеніе участка дѣлится на грузинъ, составляющихъ 218 дымовъ, русскихъ 1 дымъ, турокъ 465 дымовъ и принадлежащихъ къ послѣднимъ таракаманцевъ 170 дымовъ, куртинъ 112 дымовъ, въ числѣ которыхъ 26 дымовъ временно-проживающихъ; армянъ 53 дыма и поляковъ 3 дыма.

Куртины, живущіе въ Уравельскомъ обществѣ, прозываются Зиланскими, а въ Липисскомъ—Исмаиланскими. Необходимо впрочемъ оговориться, что добрая половина собственно турецкаго населенія участка тѣ же грузины, отуреченные еще во время бывшаго господства здѣсь турокъ. Въ отношеніи разговорнаго языка здѣсь замѣчается та особенность, что въ деревняхъ, гдѣ турецкое населеніе перемѣшано съ грузинскимъ, общій разговор-

ный языкъ для обоихъ—грузинскій, хотя последніе и знаютъ по турецки.

По вѣроисповѣданію населеніе состоитъ изъ православныхъ, къ которымъ принадлежатъ грузины и одинъ дымъ русскій, армяно-григорьянъ, римско-католиковъ и магометанъ (суннитовъ *).

Земельное довольствіе.

Въ отношеніи земельнаго довольствія оба общества, составляющіе участокъ, чувствуютъ сильный недостатокъ. Добрая половина пространства занята высокими горами, либо голыми скалами, неудобными для обработки.

Остальнаго пространства, годнаго для обработки, мало на наличное число населенія, тѣмъ болѣе, что земля въ общемъ не отличается особеннымъ плодородіемъ, въ силу главныхъ своихъ составныхъ частей—глины и извести. Недостаточность пахатныхъ земель для жителей видна, между прочимъ, и изъ того, что здѣсь за частую на крестьянскій дворъ приходится менѣе 3-хъ десятинъ земли съ огородомъ и усадьбой.

Занятіе жителей.

Главное занятіе жителей составляетъ сельское хозяйство—именно, земледѣліе и отчасти скотоводство, а остальные виды сельскаго хозяйства—садоводство, огородничество, пчеловодство и птицеводство—незначительны по своимъ размѣрамъ.

Земледѣліе. Хотя главное занятіе жителей здѣсь, какъ было сказано, и составляетъ земледѣліе, но въ этой отрасли хозяйства не сдѣлано до сихъ поръ никакихъ улучшеній и земля обрабатывается первобытнымъ способомъ, а именно, здѣсь вездѣ

---

*) По посемейнымъ спискамъ 1886 г. въ Уравельскомъ уч. считается: 1059 дым. съ 5502 м. 4887 ж., въ томъ числѣ русскихъ 2 дыма (1 м. и 1 ж.), армянъ—53 дыма (234 м. и 228 ж.), грузинъ—283 дыма (1632 м. и 1443 ж.), татаръ—640 дым. (3265 м. и 2874 ж.), курдовъ—78 дым. (364 м. и 335 ж.), и поляковъ—3 дыма (6 м. и 6 ж,); по вѣроисповѣданіямъ: правосл.—1405 м. и 1227 ж., магом.-суннистовъ—3845 м. и 3407 ж., арм.-григ.—234 м. и 228 ж., римско-катол.—4 м. и 2 ж., арм.-катол.—14 м. и 23 ж.; по сословіямъ: бековъ—20 м. 16 ж., агаларовъ—22 м. и 16 ж., духовныхъ правосл. исп.—34 м. и 26 ж., духовныхъ арм.-григ. и арм.-кат. исп.—11 м. и 9 ж., остальное—крестьяне, изъ которыхъ проживаетъ на казенной землѣ—3070 м. и 2655 ж., на владѣльч. землѣ—2261 м. и 2097 ж. и на собствен. землѣ—74 м. и 52 ж.

распашку земли производятъ мѣстной сохой, а иногда и плугомъ, если требуется пахать глубже, запрягая въ соху отъ 3 до 5 паръ быковъ, при 3-хъ погонщикахъ, и въ плугъ отъ 6 до 9 паръ быковъ и буйволовъ, при 4—5 погонщикахъ. За день успѣваютъ вспахать тѣмъ или другимъ орудіемъ землю, мѣрою не болѣе, какъ на 4 пуда посѣва. Къ распашкѣ вездѣ приступаютъ въ маѣ. Разъ вспаханную землю вторично перепахиваютъ черезъ мѣсяцъ и оставляютъ такъ до осени; осенью же, когда настанетъ для сѣва благопріятная пора, т. е. начнется осенній мелкій дождь, приступаютъ къ сѣву, а затѣмъ къ бороньбѣ. Но если хотятъ сѣять не озимую пшеницу, а яровую, то землю эту, вспаханную уже два раза, оставляютъ такъ до весны и уже съ наступленіемъ марта или апрѣля, смотря по мѣстности, ее предварительно засѣваютъ, а потомъ уже пашутъ въ третій разъ, послѣ чего боронятъ.

Одинъ и тотъ же участокъ земли здѣсь нельзя засѣвать каждый годъ, за исключеніемъ случаевъ, когда она удобрена навозомъ и притомъ поливная, а по снятіи урожая ей даютъ отдохнуть на слѣдующій годъ, чтобы на третій годъ ей быть снова годной къ засѣву. Да и въ этомъ случаѣ, т. е. при роздыхѣ черезъ годъ, земля обязательно должна быть удобрена черезъ 10—15 лѣтъ, чтобы она совершенно не истощилась.

Здѣсь сѣютъ озимую и яровую пшеницу, а также ячмень и кукурузу; послѣднюю на поливныхъ земляхъ; кромѣ того жителями нѣкоторыхъ деревень производятся незначительные посѣвы льна, полбы, чечевицы и гороху.

При хорошемъ урожаѣ пшеница даетъ здѣсь на поливной землѣ приблизительно самъ 12-ть, среднемъ—8, и при плохомъ—5 или 4, а ячмень—16, 10 и 5; на неполивной же землѣ пшеница можетъ дать—10, 6 и 3, а ячмень 12, 8 и 4.

Озимая пшеница стоитъ на мѣстѣ, по средней цѣнѣ, пудъ коп. 50, яровая коп. 75 и ячмень коп. 40. Исключеніе, впрочемъ, составляетъ только пшеница дер. Ніала, Леписскаго общества, стоющая несравненно дороже, такъ какъ даетъ превосходную, бѣлую муку.

Жатва начинается не одновременно вездѣ: въ однихъ мѣстахъ къ ней приступаютъ въ концѣ іюня, въ другихъ—іюля, а въ нѣкоторыхъ и въ началѣ августа; это находится въ зависимости отъ мѣстныхъ условій; на болѣе низкихъ мѣстахъ хлѣбъ

созрѣваетъ раньше, а на горахъ позже. Орудіями при уборкѣ хлѣба служатъ: косы, вилы, грабли и толстые, длинные, въ сажени 2, шесты, всѣ, за исключеніемъ косъ, мѣстнаго, домашняго изготовленія. Жатву производятъ косой и исключительно мужчины. Косы покупаются въ гор. Ахалцихѣ или Ахалкалакахъ, стоятъ (безъ рукоятки, конечно) отъ 50 к. до 1 руб. и могутъ прослужить года 2. Къ косѣ пригоняютъ рукоятку сами крестьяне, они же отбиваютъ и оттачиваютъ ее, для чего употребляются ими покупаемые въ городѣ же молотокъ, наковальня и оселокъ. Скошенный хлѣбъ вилами собирается въ копны. Двое мужчинъ, а иногда и женщинъ, вооружившись вышеупомянутыми двумя шестами, поддѣваютъ ихъ подъ копны и какъ на носилкахъ собираютъ ихъ въ кучи по 30—40 и болѣе штукъ и ставятъ въ конусообразные большіе стога, причемъ остатки хлѣба, при складываніи его въ копны и собираніи послѣднихъ въ стога, сгребаются граблями. Когда жатва кончена, приступаютъ къ молотьбѣ. Хлѣбъ съ полей свозится на гумно на особыхъ большихъ арбахъ или одрецахъ (собственно для этой цѣли устроенныхъ, тяжестью отъ 60 до 100 пуд.), запряженныхъ отъ 5 до 8 паръ быковъ и буйволовъ. Гумна устраиваются въ деревнѣ при домахъ, передъ выходною дверью изъ избы, или на уровнѣ съ крышей, дабы легче было ссыпать саманъ и пшеницу, черезъ отверстія въ крышѣ, въ соотвѣтствующія помѣщенія. Слѣдуетъ упомянуть, что за отсутствіемъ при крестьянскихъ домахъ соотвѣтствующихъ помѣщеній, не весь хлѣбъ свозится съ полей заразъ на гумно, а по одному стогу; остальной хлѣбъ остается на поляхъ и ждетъ своей очереди. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ дождя остающійся на поляхъ хлѣбъ портится, да и не малая часть его съѣдается, за отсутствіемъ надзора, скотиной. Свезенный на гумно хлѣбъ раскладывается по немъ равнымъ слоемъ и съ ранняго же утра начинается молотьба. Здѣсь вездѣ молотятъ хлѣбъ молотильными досками, извѣстными подъ названіемъ „кеври", которая состоитъ изъ одной, либо изъ двухъ вершковыхъ досокъ, длинною въ 1 аршинъ. По срединѣ доски находится небольшое отверзтіе. Нижняя сторона доски усѣяна вбитыми на близкомъ другъ о друга растояніи плоскими и острыми кусками кремневаго камня. Доски эти волокутъ по гумну, по его окружности, пара быковъ. Чтобы камни лучше рѣзали солому, да и быки ходили бы аккуратно, на молотильныя доски становятся люди (по-

гонщики), обыкновенно подростки. За недостаткомъ послѣднихъ, на доски кладутъ какую нибудь тяжесть. Чтобы скорѣе и равномѣрнѣе смолотить хлѣбъ, да и дать себѣ и быкамъ отдохнуть и укрыться отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, молотьба за день пріостанавливается нѣсколько разъ; пользуясь этимъ временемъ, хозяева переворачиваютъ хлѣбъ. Работа эта довольно утомительна, такъ какъ приходится почти цѣлый день, вмѣстѣ съ волами кружиться по гумну, стоя на ногахъ. Но бѣда, если вдругъ перемѣнится погода и соберется дождь. На гумнѣ подымается страшная суматоха: всѣ спѣшатъ убрать хлѣбъ до дождя. Но если видятъ, что не миновать имъ скораго дождя, то останавливаютъ молотьбу, а хлѣбъ сгребаютъ въ кучу, дабы онъ меньше смокъ. Такіе случаи впрочемъ здѣсь бываютъ не часто, такъ какъ въ это время года погода довольно постоянная.

За день обыкновенно успѣваютъ смолотить одинъ стогъ. Смолоченный хлѣбъ сгребается въ большую кучу. Затѣмъ подъ вечеръ, когда подымается тихій вѣтерокъ, нѣсколько человѣкъ начинаютъ, приспособленными для этой цѣли особыми деревянными вилами (съ 5 зубцами), подбрасывать вверхъ смолоченный хлѣбъ, вслѣдствіе чего саманъ по своей легкости относится вѣтромъ тутъ же не далеко, а хлѣбъ падаетъ обратно на чистое мѣсто. Такъ какъ подобными вилами провѣять совершенно чисто хлѣбъ нельзя, то вѣяніе подъ конецъ производится деревянными лопатами. Затѣмъ вся пшеница (или ячмень) просѣвается черезъ рѣшето и ссыпается въ амбары, а саманъ сносятъ въ саманники.

Нечего и говорить, что при такомъ способѣ веденія хозяйства у крестьянъ пропадаетъ не малая доля хлѣба и саману.

По окончаніи молотьбы и вообще полевыхъ работъ, крестьяне заготовляютъ муку на цѣлую зиму, для чего потребное количество пшеницы отвозятъ частями на ослахъ и лошадяхъ на ближайшія мельницы.

Скотоводство. Скотоводство въ участкѣ находится въ плохомъ состояніи и состоитъ въ разведеніи коровъ, быковъ, буйволовъ, овецъ, козъ, лошадей и ословъ. Скотъ вообще не породистый, за исключеніемъ буйволовъ. Скотоводство здѣсь ведется въ незначительныхъ размѣрахъ. У самаго зажиточнаго крестьянина, которыхъ вообще мало, едва ли бываетъ 20 коровъ съ буйволицами, 6—9 паръ быковъ съ буйволами, до 100—200 шт.

овецъ и козъ и 3—4 лошади. Большинство же крестьянъ несостоятельное и все ихъ добро ограничивается 1—2 парами быковъ и 1—3 коровами. Такое незначительное количество скота, служащаго однимъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія крестьянъ, объясняется безземельемъ ихъ, неимѣніемъ у нихъ въ достаточномъ количествѣ ни покосовъ, ни лѣтнихъ пастбищныхъ мѣстъ и, кромѣ того, высокими цѣнами на частныя пастбища. Не малую роль во всемъ этомъ дѣлѣ играютъ и частные раздѣлы дворовъ, что въ послѣднее время все болѣе и болѣе распространяется.

Садоводство и огородничество. Въ участкѣ имѣются у жителей огороды и сады. Первые почти при каждомъ дворѣ и въ нихъ разводятъ всевозможныя огородныя овощи, которыя рѣдко идутъ на продажу, и почти всегда расходуются дома; вторые же, сады, разводятся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ тому способствуетъ почва и климатическія условія. Лучшіе, сравнительно, сады имѣются у крестьянъ въ селеніяхъ Толоши и Дадеши Леписскаго общества и въ деревняхъ—Уравели и Цхордза и въ пустоши Пуга Уравельскаго общества.

Здѣшніе фрукты вездѣ извѣстны подъ именемъ „Ахалцихскихъ“. Лучщіе сорта яблоковъ—шахъ-алма, соба, паша-алма, карапила и судъ-алма, или шакаръ-башли; они замѣчательны не только своей величиной, красотой и вкусомъ, но и особымъ ароматомъ. Изъ грушъ лучшими считаются: каба-армудъ, тавре-жули и бегармудъ; послѣднія держатся почти всю зиму.

Осенью, во время сбора фруктовъ, являются разные скупщики, которые закупаютъ фрукты на мѣстѣ же, платя за шахъ-алма за пудъ 2—3 рубля, а за остальные сорта 1—2 рубля. Ихъ укладываютъ въ деревянные сундуки, отъ 4 до 5 пудовъ въ каждый, и отправляютъ въ Тифлисъ, Кутаисъ, Батумъ, Поти, Владикавказъ, Одессу и др. города.

Почва и климатическія условія, какъ извѣстно, въ высшей степени благопріятствуютъ вообще въ Ахалцихскомъ уѣздѣ садоводству, но жаль, что эта одна изъ важныхъ отраслей хозяйства ведется первобытнымъ способомъ. Улучшенію садоводства очень могло бы помочь открытіе здѣсь школы садоводства.

Птицеводство. Жители разводятъ почти вездѣ только куръ, мѣстами же индѣекъ, гусей и утокъ. Всѣ они разводятся собственно для дома, избытокъ же, небольшой жители продаютъ въ городъ.

Пчеловодство. Многіе крестьянскіе дома держатъ пчелъ, но въ весьма незначительномъ размѣрѣ. Здѣшній медъ одинъ изъ лучшихъ на Кавказѣ. По всему видно, что эта отрасль хозяйства служила бы для крестьянъ не малымъ источникомъ доходовъ, но къ сожалѣнію помѣхой къ тому является опять полнѣйшее неумѣніе вести дѣло. Пудъ здѣшняго меду стоитъ тутъ же въ Ахалцихѣ 6—8 рублей.

Кустарные промыслы.

Кустарныхъ промысловъ здѣсь собственно нѣтъ; женщины ограничиваются вязаніемъ носковъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и тканіемъ грубой шали, идущей на крестьянское платье; у куртинъ женщины кромѣ того изготовляютъ простые паласы и войлоки. Мужское населеніе изготовляетъ для себя нѣкоторыя земледѣльческія орудія: вилы, грабли, розвальни, бороны, сохи, плуги и т. п.; а изъ деревянной посуды—ложки. Сверхъ сего они плетутъ себѣ лапти.

Все свободное отъ полевыхъ работъ время, т. е. не менѣе 5 зимнихъ мѣсяцевъ, крестьяне, да и крестьянки, сидятъ почти сложа руки.

Государственныя и общественныя повинности.

Изъ 63 селъ и деревень, входящихъ въ составъ участка, 25—частныхъ владѣльцевъ, 29—казенныхъ и 9 принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ и казнѣ. Самыми крупными землевладѣльцами являются здѣсь ахалцихскіе жители Байбуртскіе и дворяне Орбеліани, пріобрѣвшіе свои земли покупкою отъ прежнихъ турецкихъ владѣльцевъ, по завоеваніи у турокъ этого края въ 1828 году.

Въ прежнее время жители, населенные на земляхъ помѣщиковъ, платили послѣднимъ $^1/_6$ часть урожая—„багру"—отъ всего, что только давала земля, а за пользованіе пастбищными мѣстами всѣ деревни, во время перекочевокъ ихъ со скотомъ лѣтомъ на лѣтники, платили: отъ 1 дойной коровы—$1^1/_2$ ф. масла, съ 40 ягнятъ—1 ягненка и удой одного дня со всѣхъ овецъ и, кромѣ того, они содержали на свой счетъ „шубашеи" (сборщиковъ) во время пріѣзда послѣднихъ въ деревни для сбора „багры", которую безвозмездно доставляли землевладѣльцамъ по мѣсту ихъ жительства въ гор. Ахалцихъ.

Въ настоящее же время, вотъ уже 10—15 лѣтъ, какъ крестьянамъ отведена по уставнымъ грамотамъ земля въ надѣлъ, и они платятъ уже не $^1/_6$ часть, какъ было прежде, а $^1/_{10}$ часть; жители же селеній, принадлежащихъ владѣльцамъ съ казною,— $^1/_{20}$; только во время перекочевки на лѣтники отбываніе повинности въ пользу землевладѣльцевъ производится по прежнему.

Общественныхъ доходныхъ статей у жителей совершенно не имѣется, такъ какъ земли (пахатныя, сѣнокосныя и пастбищныя) вездѣ составляютъ собственность или казны, или частныхъ владѣльцевъ.

Подати платятся жителями по полугодіямъ, весною и осенью, безъ недоимокъ.

Весь годовой окладъ съ цѣлаго участка, состоящаго по послѣдней переписи 1886 года изъ 1027 дымовъ, составляетъ:

Подымной подати		3.522 р.	— к.
Земскаго сборза	общ. по краю или государ.	2.205 „	71 „
	и губернскаго	1.885 „	36 „
	Итого	7.613 „	7 „

Кромѣ показаннаго здѣсь количества податей, въ участкѣ производятся слѣдующіе сборы въ пользу казны: 1) мусульманское населеніе участка всѣхъ сословій отбываетъ въ казну пополугодно особою денежную повинность взамѣнъ исполненія ими воинской повинности; 2) землевладѣльцы вносятъ поземельный налогъ и 3) за состоящія въ участкѣ водяныя мельницы (21) взымается съ хозяевъ мельницъ въ пользу казны 2% сборъ. Кромѣ того населеніе выставляетъ рабочихъ и подводы для дорожныхъ работъ и свозъ тяжестей воинскихъ частей.

Сверхъ всего этого, каждое общество за содержаніе своего сельскаго правленія, т. е. за наемъ канцелярскаго писца, сторожа, конноразсыльнаго и проч., отбываетъ отдѣльно особую денежную повинность.

Въ участкѣ имѣются два, по одному въ каждомъ обществѣ, запасныхъ хлѣбныхъ магазина, по распоряженію начальства устроенные обществами въ 1874 году.

Въ настоящее время Леписское общество строитъ новый деревянный магазинъ по плану, указанному начальствомъ, который обойдется въ 1.400 рублей.

Кромѣ упомянутыхъ двухъ магазиновъ въ участкѣ нѣтъ ни-

кихъ общественныхъ построекъ или зданій, ни подъ помѣщеніе канцеляріи мѣстнаго участковаго пристава, ни даже для своихъ сельскихъ управленій, каковыя помѣщаются поочередно, то въ одномъ селеніи, то въ другомъ, смотря потому, откуда бываетъ старшина,—въ обыкновенныхъ сельскихъ избахъ.

Мѣстное управленіе.

Должностныя лица по сельскому управленію, избираемыя каждымъ обществомъ на трехлѣтній срокъ, слѣдующія: старшина, 3 сельскихъ судьи, 5 помощниковъ старшины, 1 смотритель запаснаго общественнаго хлѣбнаго магазина, по одному сборщику казенныхъ податей въ каждомъ селеніи и по два въ каждомъ селеніи почетныхъ лица, назначеніе которыхъ наблюдать за правильнымъ веденіемъ вообще дѣлъ и платежа податей. Всѣ они исполняютъ службу безъ всякаго со стороны общества вознагражденія; изъ нихъ старшина съ помощниками и сельскіе судьи освобождены отъ натуральной повинности, которую за нихъ отбываетъ общество. Кромѣ поименованныхъ лицъ въ участкѣ состоятъ три церковныхъ старосты и 9 казенныхъ лѣсниковъ съ объѣздчиками, которые закономъ освобождены отъ отбыванія натуральной земской повинности, каковую за нихъ отбываетъ остальное общество.

Не лишнимъ было бы упомянуть здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ о дѣятельности мѣстныхъ сельскихъ старшинъ и о положеніи ихъ въ обществѣ.

Изъ должностныхъ лицъ труднѣе всѣхъ положеніе старшины: онъ имѣетъ массу порученій, всегда срочныхъ, со стороны чиновъ всѣхъ вѣдомствъ; онъ долженъ разбирать ежедневно до него касающіяся жалобы, входить въ нужды и требованія общества, пещись о его благосостояніи, внушать, уговаривать и настаивать на точномъ исполненіи извѣстныхъ требованій, постоянно разъѣзжать по очень труднымъ и опаснымъ дорогамъ въ разбросанныя по ущельямъ и горамъ деревни, производить дознанія по уголовнымъ происшествіямъ, созывать общіе и частные сходы, слѣдить за своевременнымъ сборомъ и уплатою казенныхъ податей и другихъ общественныхъ сборовъ и аккуратнымъ отбываніемъ крестьянами натуральной повинности и являться въ городъ по требованіямъ начальствующихъ лицъ. Во все время своей общественной службы, живя на собственныя средства и разъѣзжая

на собственной лошади, онъ принужденъ выслушивать не мало упрековъ со стороны своего семейства за то, что онъ отвлекается отъ домашнихъ работъ и что въ лицѣ его хозяйство лишается рабочихъ рукъ; по этому вполнѣ понятно, что бывали случаи, когда старшины, быть можетъ и противъ своего убѣжденія, дозволяли тѣ или другіе поборы.

Почтово-телеграфныя учрежденія.

Въ такомъ громадномъ участкѣ, какъ Уравельскій, нѣтъ ни одного не только телеграфнаго, но и почтоваго учрежденія. Жителямъ не рѣдко приходится ѣздить верстъ за 50—60, чтобы сдать на почту письмо или какую нибудь бумагу.

Медицинская часть.

Въ участкѣ нѣтъ ни одного врача, ни фельдшера, ни лечебницы, ни аптеки, ни даже пріемнаго покоя. Въ медицинскомъ отношеніи участокъ подвѣдомственъ, наравнѣ съ прочими участками, уѣздному врачу, который имѣетъ постоянное мѣстопребываніе въ г. Ахалцихѣ. Хотя жители ведутъ почти во всѣхъ отношеніяхъ антигигіеническую жизнь, носятъ почти одинаковую одежду какъ лѣтомъ, такъ и въ самую суровую зиму (оба пола), содержатъ себя и свою одежду въ страшной нечистотѣ, не моются (бани ни общественной, ни частной нѣтъ въ участкѣ ни одной), питаются мясной пищей изрѣдко, имѣютъ жилыя помѣщенія, какъ увидимъ ниже, антигигіеничныя во всѣхъ отношеніяхъ, (сыры, темны и холодны зимою), живутъ нерѣдко въ конюшняхъ со скотомъ (для теплоты), дворы и улицы содержатъ въ страшной нечистотѣ, такъ какъ при каждомъ дворѣ есть и принадлежащая этому дому куча навоза, сберегаемаго для удобренія полей,—но тѣмъ неменѣе всѣ они пользуются хорошимъ здоровьемъ, надо полагать, благодаря здоровому климату мѣстности, здоровой родниковой водѣ и физическому труду. Поэтому и эпидемическія болѣзни здѣсь не часты, а если и являются, то въ формѣ оспы, кори, скарлатины и рѣдко дифтерита и коклюша, и поражаютъ обыкновенно дѣтей. Взрослые вообще заболѣваютъ рѣдко, да и то причиною бываетъ почти всегда сильная простуда.

Во всѣхъ случаяхъ заболѣванія крестьяне очень рѣдко, почти никогда, обращаются за совѣтами къ спеціальнымъ вра-

чамъ, а ограничиваются домашними средствами, или совѣтами мѣстныхъ знахарей.

Къ врачамъ не обращаются, или избѣгаютъ обращаться, жители участка не потому, что бы они вовсе не довѣряли имъ, а потому, что врачъ живетъ отъ нихъ за 20—40 и 60 верстъ и что съѣздить къ нему, а тѣмъ болѣе везти больного, въ высшей степени затруднительно; приглашать же врача къ себѣ невозможно, во первыхъ потому, что это сопряжено съ большимъ расходомъ, а во вторыхъ, и потому что у врача на столько много всегда своей собственной служебной работы по цѣлому уѣзду, что ѣздить ему по требованію крестьянъ почти что невозможно.

Въ участкѣ нѣтъ также ни одной акушерки, и въ этомъ отношеніи онъ, подобно другимъ участкамъ, завѣдуется уѣздной повивальной бабкой, живущей въ Ахалцихѣ. Нѣтъ и своего участковаго ветеринара, въ которомъ имѣется крайняя нужда, въ виду большихъ непрерывающихся епидемій на скотъ.

Грамотность.

Въ участкѣ имѣются только двѣ школы: 1-я въ сел. Толоши, Леписскаго общества, учрежденная Обществомъ возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ съ 1886 г. и именуемая теперь церковно-приходской. Въ ней учатся, кромѣ грузинъ, и дѣти мусульманъ. Всѣхъ учащихся 45, изъ нихъ мальчиковъ 35, и дѣвочекъ 10; по національностямъ—грузинъ, православныхъ, 40 и татаръ 5. 2-я школа имѣется въ сел. Мусхи Уравельскаго общества; она открыта въ 1889—1890 учебный годъ и содержится тоже на иждивеніе Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ. Сторожъ для школы, равно потребное топливо и ремонтъ производятся на средства прихожанъ двухъ приходовъ Сафарской и Эркотской церкви. Эти же прихожане строятъ нынѣ при школѣ особое зданіе о двухъ отдѣленіяхъ для помѣщенія въ немъ дѣтей, приводимыхъ на обученіе изъ остальныхъ селъ. Въ этой школѣ обучается всего 47 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ—дѣтей мѣстныхъ православныхъ грузинъ.

Минеральные источники.

Въ Уравельскомъ участкѣ находятся Уравельскія и Аспиндзскія минеральныя источники. 1-ыя—въ Уравельскомъ казенномъ

лѣсу, у подошвы лѣсистой горы, на правомъ берегу рѣки Уравлис-цхали, желѣзнстыя, очень холодныя и на вкусъ кислыя, служатъ для укрѣпленія нервовъ и помогаютъ малокровнымъ. Здѣсь имѣются двѣ ванны съ ванными зданіями, которыя, впрочемъ, пришли въ ветхость. Прежде сюда прибывало на минеральный курсъ госпитальное отдѣленіе, а въ настоящее время являются на леченіе частные посѣтители. Воды эти отстоятъ отъ гор. Ахалциха приблизительно верстъ на 20. Теперь до этихъ водъ проводится и скоро будетъ окончена новая дорога, удобная и для экипажной ѣзды. *Аспиндзскія* источники, находящіяся возлѣ ахалцихско-ахалкалакской почтовой дороги, на лѣвомъ берегу Куры, подъ скалистою горою, бьютъ ключемъ въ трехъ мѣстахъ; одинъ изъ источниковъ тепловатый, а остальные горячіе. Къ сожалѣнію, воды эти, вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ Курой, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, во время весенняго равлива бываютъ залиты ею въ продолженіи 1—2 мѣсяцевъ. Воды эти сѣрныя. Мѣстные жители съ успѣхомъ пользуются ими какъ прекраснымъ средствомъ противъ ревматизма и нѣкоторыхъ женскихъ и др. болѣзней. Хотя здѣсь не имѣется никакихъ зданій, однакожъ съ конца весны и до поздней осени тутъ можно видѣть массу посѣтителей изъ горожанъ и крестьянъ Ахалцихскаго, Ахалкалакскаго и Александрапольскаго уѣздовъ, а также изъ Карсской области.

Историческіе памятники.

Если описываемый участокъ бѣденъ во всѣхъ отношеніяхъ теперь, то, видно, того же нельзя сказать о его прошломъ, что доказывается той массой историческихъ памятниковъ, которые здѣсь встрѣчаются въ изобиліи. Кромѣ существующихъ нынѣ во многихъ грузинскихъ селахъ штатныхъ и приписныхъ церквей, въ которыхъ ведется богослуженіе, въ участкѣ встрѣчаемъ очень много развалинъ церквей и крѣпостей, разрушенныхъ, очевидно, еще во время господства турокъ. Развалины эти попадаются вездѣ—и въ ущельяхъ, и въ лѣсахъ, и на самыхъ высокихъ горахъ и въ пустошахъ. Изъ числа ихъ болѣе или менѣе сохранили остатки своей прежней архитектуры церки при селеніяхъ: Кардзаметъ, Ніала, Панакетъ и въ пустошахъ Зеда-Вардзія, Леписскаго общества, и при селеніяхъ: Хіоти (Хеотъ), Андріа-цминда и въ Ѳнтельскомъ лѣсу—Уравельскаго общества.

Въ участкѣ есть также въ огромномъ количествѣ пещеры, высѣченныя въ неприступныхъ теперь высокихъ скалахъ и нерѣдко представляющія изъ себя цѣлый подземный городъ, какъ напримѣръ, пещеры при сел. Зурзель (Звели), извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „Квабеби".

Кромѣ вышеупомянутыхъ церквей и пещеръ, въ участкѣ имѣются еще два уже извѣстныхъ всѣмъ монастыря—Сафарскій въ Уравельскомъ обществѣ и Вардзійскій въ Леписскомъ. Первый изъ нихъ и теперь служитъ штатной церковью Сафарскаго прихода. Оба они замѣчательны не только древностью своею, но и размѣрами и своей архитектурой. Первый изъ нихъ основанъ въ XIV вѣкѣ, а второй въ XI, въ царствованіе грузинскаго царя Давида и внучки его царицы Тамары.

Кромѣ всего вышеизложеннаго, описываемый участокъ можетъ гордиться и тѣмъ, что въ раіонѣ его находится сел. Рустави (состоящее нынѣ всего изъ нѣсколькихъ дворовъ), которое считается родиной извѣстнаго грузинскаго поэта Шота Руставели, творца Барсовой кожи.

Частное описаніе обществъ.

Уравельское сельское общество.

Оно граничитъ: съ востока Леписскимъ и частью Идумальскаго сельскаго общества, съ запада—гор. Ахалцихомъ и Валискимъ сельскимъ обществомъ, съ юга—Ардаганскимъ округомъ и съ сѣвера—Идумальскимъ обществомъ.

Въ составъ этого общества входятъ 25 селъ и деревень, а именно:

1. Уравели.	11. Энтела.	21. Анда.
2. Хеоти.	12. Агара-малая.	22. Арджулъ.
3. Чоборети.	13. Кантіети.	23. Греми.
4. Эркота.	14. Трибонъ.	24. Тоба.
5. Зурзель (Звели).	15. Хріала.	25. Рустави.
6. Гобіети.	16. Георгецминда.	26. Ракиса.
7. Мусхи.	17. Кисатиби.	27. Одунда.
8. Тхлатубань.	18. Цхирдза (Цхо—).	28. Санцобъ.
9. Енгикевъ.	19. Грома.	
10. Орцепи.	20. Андріа-цминда.	

Число дымовъ 363; по переписи 1886 г. въ немъ числилось 3.874 д. об. п., въ наличности же въ 1889 г. было мужскаго пола

2.102 и женскаго 1.918; лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію въ обществѣ этомъ проживаетъ до 47 человѣкъ. Грамотныхъ изъ крестьянъ почти нѣтъ никого, кромѣ нѣсколькихъ мальчиковъ, обучающихся теперь въ Мусхинской церковно-приходской школѣ. Жители всѣ коренные, мѣстные уроженцы, по вѣроисповѣданію православные и магометане, а по народности—грузины, турки и куртины.

Занятіе жителей—земледѣліе и отчасти садоводство; засѣваютъ озимую и яровую пшеницу и отчасти кукурузу. Земля здѣсь до половины поливная; почва большею частью достаточно плодородная. Засѣвается приблизительно до 2.885 десятинъ. Другихъ родовъ занятій здѣсь не встрѣчается, если не считать того, что среди мѣстныхъ куртинъ изготовляютъ въ небольшихъ размѣрахъ незатѣйливые паласы; ихъ ткутъ исключительно женщины изъ собственной (отъ своихъ овецъ) шерсти, на особыхъ деревянныхъ, домашняго же изготовленія, станкахъ. Паласы эти хотя и не изящны, но за то очень прочны, и держатся 30—40 лѣтъ. Паласы эти изготовляются для дома, рѣдко для продажи. Паласъ въ 3 арш. длины и 2½ арш. ширины цѣнится около 15 руб.

Подымной подати съ общества приходится въ годъ 1.305 рублей и земскаго сбора—общаго по краю или государственнаго 796 руб. 89 коп. и губернскаго 752 руб. 1 коп.,—а всего 2.853 руб. 90 коп.

Всѣ эти сборы жителями уплачиваются по полугодно и притомъ безнедоимочно; сверхъ этого на содержаніе общественнаго управленія жителей расходуютъ слѣдующую сумму: на жалованье писцу въ годъ 240 руб. и 85 пуд. ячменя на содержаніе лошади, двумъ конноразсыльнымъ 120 р. и 170 пуд. ячменя для лошадей ихъ, на канцелярскіе расходы 45 руб. 50 коп., и семи разъѣзднымъ лѣтнимъ караульнымъ 280 р., а всего 685 р. 50 коп. Кромѣ того отбываютъ натуральную повинность, состоящую въ выставленіи рабочихъ, для разработки сельскихъ дорогъ, и лошадей для полицейскихъ чиновъ, разъѣзжающихъ по дѣламъ службы, и подводы для проходящихъ воинскихъ частей.

Сельское управленіе, по неимѣнію спеціальнаго приличнаго зданія, помѣщается то въ одномъ, то въ другомъ селеніи, въ частныхъ квартирахъ. Сельскіе судьи, а иногда и сельскій сходъ, собираются по пятницамъ или воскресеньямъ. Дѣлъ на разсмотрѣніе сельскихъ судей поступаетъ въ теченіи года много.

Школъ въ обществѣ нѣтъ ни одной, кромѣ упомянутой выше церковно-приходской школы въ селеніи Мусхи.

Общество имѣетъ одинъ запасный хлѣбный магазинъ. Никакихъ общественныхъ доходныхъ статей жители не имѣютъ, а напротивъ цѣлое общество само арендуетъ у казны, съ платою по 1.746 р. 80 коп. въ годъ, состоящія въ границахъ общества на горахъ пастбищныя и сѣнокосныя мѣста, куда многіе изъ нихъ, въ особенности куртины, ежегодно перекочевываютъ со скотомъ, оставаясь тамъ мѣсяца три, а другіе отправляются на тотъ же срокъ на лѣтники частныхъ владѣльцевъ.

Климатъ вообще здоровый; эпидемическія болѣзни рѣдки.

Въ культурномъ отношеніи населеніе общества, какъ и цѣлаго участка, стоитъ на очень низкой ступени, и въ этомъ отношеніи мусульманское населеніе еще ниже христіанскаго—грузинъ. Особенно плохой репутаціей пользуются изъ мусульманъ куртины-таракаманцы, Леписскаго общества. Въ то время, когда первые, по крайней мѣрѣ въ служебномъ отношеніи, народъ сравнительно послушный и смирный, вторые, т. е. куртины, народъ упрямый, наглый, гордый и грубый. Особенно нестерпимы были они до послѣдней войны, вслѣдствіе слишкомъ близкаго сосѣдства съ бывшей турецкой границей. Это обстоятельство, т. е. близость съ турецкой границей, на ряду съ географическими условіями ихъ мѣстожительства, развивали и питали въ нихъ разбойничій духъ. Тогда же они награждали общество такими разбойниками какъ Коро и Пипи, наводившіе въ свое время страхъ и ужасъ на все мѣстное населеніе. Къ счастію, съ отдаленіемъ границы, такихъ явленій въ настоящее время болѣе не встрѣчается, а съ введеніемъ участковыхъ приставствъ и сами куртины дѣлаются болѣе и болѣе послушными. Здѣшній крестьянинъ вообще трудолюбивый, но только тамъ, гдѣ требуется приложеніе физическаго труда; въ остальномъ же онъ очень безпечный и нисколько не думаетъ измѣнить къ лучшему не только свой домашній и общественный бытъ, но даже не старается подумать облегчить свой тяжелый трудъ улучшеніемъ земледѣльческихъ орудій.

Какъ жилыя помѣщенія, такъ и службы у крестьянъ каменныя съ земляными крышами. Дома до половины, а нерѣдко цѣликомъ, построены въ землѣ, а потому не имѣютъ, да и не могутъ имѣть въ стѣнахъ отверстій для оконъ; ихъ замѣняютъ

небольшія отверстія въ крышахъ. Нечего и говорить, что въ гигіеническомъ отношеніи дома эти стоятъ ниже всякой критики. Дома разбросаны въ страшномъ безпорядкѣ и обращены въ разныя стороны; видимо, каждый строилъ себѣ тамъ, гдѣ ему хотѣлось; по этому улицъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ въ деревняхъ.

Краткое описаніе нѣкоторыхъ деревень Уравельскаго общества.

Здѣсь описано всего нѣсколькихъ деревень Уравельскаго общества. Описанія же, хотя бы и краткаго, всѣхъ деревень участка не дѣлается потому, что всѣ онѣ одного типа и имѣютъ однѣ и тѣ же условія жизни и почти ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга.

Деревня Уравели. Когда она основана—неизвѣстно; расположена на довольно ровной мѣстности у подножья лѣсистой горы; проходящимъ по срединѣ оврагомъ она дѣлится на двѣ части. Дома въ ней каменные, одноэтажные, плохіе. Улицы узкія и кривыя.

Въ этой деревнѣ живетъ 19 дворовъ, всѣ они казенные, мѣстные коренные жители, изъ мусульманъ. Главное занятіе—хлѣбопашество. Земля здѣсь поливная и очень плодородная. Кромѣ пшеницы и ячменя здѣсь засѣвается и кукуруза, а также и разныя огородныя овощи. Кромѣ хлѣбопашества, жители занимаются садоводствомъ. Сады тутъ фруктовые, дающіе разнаго рода фрукты (обыкновенно яблоки, сливы, вишни и орѣхи), продающіеся на мѣстѣ за хорошую цѣну. Немалая часть этихъ садовъ и земель состоитъ въ рукахъ постороннихъ лицъ изъ горожанъ и крестьянъ другихъ селъ, которые пользуются ими издавна по тапному праву. Количество владѣемой частными лицами земли составитъ болѣе $^1/_3$ всѣхъ земель, принадлежащихъ деревнѣ Уравель. Но несмотря на это, уравельцы и съ остальной землей могли бы жить безбѣдно, если бы умѣли обрабатывать землю и извлекать изъ нея пользу. Другихъ занятій они не имѣютъ.

Селеніе Зурзель или *Звели.* Селеніе это очень старинное, что доказываетъ и его грузинское названіе „Звели“, что значитъ старый, древній. Расположено на очень красивомъ мѣстѣ, представляющимъ изъ себя небольшое плоскогоріе, окруженное съ южной стороны, верстахъ въ 2-хъ отъ деревни, лѣсистыми горами, вершины которыхъ богаты пастбищами; съ сѣверной же

стороны плоскогоріе это во всю свою длину круто спускается къ Курѣ. Съ этого плоскогорья можно хорошо видѣть большую часть Ахалцихскаго уѣзда. Селеніе это помѣщичье. Живущіе здѣсь крестьяне—мѣстные коренные жители.

Всѣхъ дымовъ 33, изъ которыхъ 15 дымовъ магометане, а 18 дымовъ православные грузины; послѣдніе, за исключеніемъ двухъ дымовъ, всѣ изъ одной фамиліи Зедгинидзе. Хотя селеніе это занимаетъ красивое мѣстоположеніе, но видъ его самый жалкій; улицы и дома ни чѣмъ не отличаются отъ таковыхъ же другихъ селеній, за исключеніемъ двухъ домовъ, принадлежащихъ мѣстному священнику и діакону—тоже мѣстнымъ кореннымъ жителямъ. Въ настоящее время мѣстность, окружающая селеніе, голая, безъ растительности, хотя преданіе и говоритъ, что здѣсь когда-то росъ дремучій лѣсъ; въ нѣкоторыхъ домахъ даже указываютъ на огромные столбы и перекладины, гораздо больше какъ въ человѣческій обхватъ толщиною, которые тутъ же на мѣстѣ были срублены при постройкѣ домовъ. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, а потому тѣмъ болѣе и жалко, что мѣстность эта въ настоящее время совершенно оголена; благодаря мѣстному священнику, разводящему въ селеніи садъ, и мѣстные жители мало по малу стали подражать этому хорошему и благому примѣру. Въ чертѣ селенія есть православная каменная церковь на сколько старинная, на столько же и убогая. Церковь эта приписная къ Эркотскому штату.

Жители занимаются исключительно хлѣбопашествомъ. Кромѣ прилегающихъ къ деревнѣ земель, за недостаткомъ таковыхъ, они распахиваютъ земли и на горахъ, верстъ за 8—10 отъ села, гдѣ засѣваютъ яровую пшеницу, а также имѣютъ покосы и пастбища. Земля неполивная, а потому и требуетъ отдыха.

Зурзельцы народъ въ высшей степени трудолюбивый, но домашняя обстановка ихъ самая жалкая. Грамотныхъ нѣтъ ни одного.

Климатъ селенія весьма здоровый, а потому эпидемическія болѣзни здѣсь рѣдки. Селеніе это по мѣстоположенію своему составляетъ какъ бы центръ трехъ сельскихъ обществъ: Уравельскаго, Леписскаго и Идумальскаго.

Селеніе Зурзель замѣчательно и въ томъ отношеніи, что, какъ удостовѣряетъ народное преданіе, здѣсь когда-то существовалъ городокъ; впрочемъ остатки крѣпости и башни, а также и разные подземные ходы можно видѣть и теперь. Возлѣ этого же

селенія находится и тотъ подземный городъ „Квабеби“, высѣченный въ непреступной нынѣ скалѣ, о которомъ было упомянуто выше.

Сел. Мусхи. Оно расположено на лѣвомъ берегу Куры, въ котловинѣ, окруженной почти со всѣхъ сторонъ голыми скалами, вслѣдствіе чего климатъ здѣсь лѣтомъ очень жаркій и не совсѣмъ здоровый. Жители, числомъ 28 дымовъ, всѣ православные, мѣстные коренные жители и занимаются хлѣбопашествомъ; владѣютъ малымъ количествомъ земли; земля неполивная, почва глинистая и потому не плодородная. Во время засухи, нерѣдко, посѣвы на половину пропадаютъ. Одной своей землей, т. е. принадлежащей деревнѣ, жители естественно не могутъ довольствоваться и должны искать таковую на сторонѣ. По этому Мусхинцы лѣтъ 8 уже арендуютъ у казеннаго вѣдомства, за 200 рублей въ годъ, въ пустоши „Занзопи“, земли подъ посѣвъ, пастбища и сѣнокосы, гдѣ и содержатъ домашній скотъ. Многіе же изъ нихъ имѣютъ, по тапному праву, во владѣльческой пустошѣ Пуга и въ деревняхъ—Уравели, Цхордза и Еникевъ—сады, огороды и пахатныя земли. Кромѣ того Мусхинцы, какъ народъ дѣятельный, извлекаютъ, хотя и незначительную, пользу и изъ протекающей возлѣ селенія Куры, въ которой ловятъ рыбу, сбывая ее въ гор. Ахалцихъ. Благодаря всему этому, Мусхинцы живутъ достаточно; они народъ тихій, смирный и въ нрввственномъ отношеніи представляютъ изъ себѣ болѣе отрадное явленіе, чѣмъ жители прочихъ селъ.

Въ селѣ есть каменная церковь, приписанная къ Сафарскому приходу; здѣсь же проживаетъ мѣстный приходской священникъ съ причетникомъ. Въ Мусхи съ прошлаго года открыта церковно-приходская школа, о которой уже подробно было упомянуто выше. Въ селени имѣется питейный домъ. Тутъ же перекинутъ черезъ Куру новый деревянный мостъ и проложена новая колесная дорога до Уравельскихъ минеральныхъ водъ. Время основанія этого села неизвѣстно.

Деревня Гобіети, расположенная на лѣвомъ берегу Куры, на небольшомъ косогорѣ, имѣетъ вдоль берега свои пахатныя земли, сѣнокосы, сады и огороды; послѣдніе всѣ незначительной величины, частью которыхъ владѣютъ и посторонніе. Земля здѣсь орашается въ изобиліи имѣющеюся водою; почва очень плодородная, годня для произрастанія всевозможныхъ посѣвовъ. Кромѣ

хлѣбопашества, садоводства и огородничества, жители занимаются и рыбной ловлей въ Курѣ, извлекая этимъ путемъ немалую для себя пользу. Гобіетцы всѣ мусульмане, мѣстные коренные жители; они поселены на помѣщичьей землѣ и уплачиваютъ помѣщикамъ $^1/_{10}$ часть со всего урожая. По переписи 1886 г. считается 15 дымовъ съ 173 души об. пола. Въ настоящее же время, въ 1889 г., находится 96 муж. и 85 жен. Деревня уплачиваетъ ежегодно подымной подати 30 р. и земскаго сбора: общаго по краю 10 р. 89 к. и губернскаго 4 р. 35 к.

Въ чертѣ деревни и внѣ ея имѣются развалины двухъ церквей, которыя указываютъ несомнѣнно на то, что Гобіетцы были когда то христіане. Грамотныхъ нѣтъ ни одного. Живутъ безбѣдно.

Леписское сельское общество.

Леписское сельское общество находится на самомъ краю уѣзда и отстоитъ отъ гор. Ахалциха верстъ на 50. Оно граничитъ: съ востока—Ахалкалакскимъ уѣздомъ по Курѣ, запада—Уравельскимъ общ., сѣвера—Идумальскимъ общ. и съ юга—Ардаганскимъ округомъ. Въ составъ общества входятъ 6 селъ и 21 деревня.

Всѣ они суть казенныя, владѣльческія и казенно-владѣльческія. Жителей въ нихъ по переписи 1886 года числится 4.678 душъ обоего пола, въ наличности же находится 5.136 въ томъ числѣ 2.697 муж. и 2.439 жен. Кромѣ того некрестьянскаго сословія (бековъ и агаларовъ и лицъ духовнаго званія), считается 11 дым., изъ 44 душъ муж. и 47 жен. пола.

По величинѣ занимаемаго пространства общество это самое большое въ уѣздѣ, а по устройству поверхности одна часть его представляетъ плоскогоріе.

Занятіе жителей составляетъ земледѣліе и скотоводство; сѣютъ озимую и яровую пшеницу, а въ деревняхъ, лежащихъ ниже—въ большомъ количествѣ кукурузу; тамъ же имѣются въ достаточномъ количествѣ огороды и сады. Въ общемъ здѣсь засѣвается приблизительно до 2.900 десятинъ.

Другихъ видовъ занятій здѣсь нѣтъ, за исключеніемъ тканія ковровъ, которымъ занимаются таракаманскія женщины. Ковры здѣшніе хотя и не изящны по работѣ, но за то очень прочны и стоятъ, смотря по величинѣ и качеству матеріяла, отъ 8 до 25

рублей. Съ общества причитается въ годъ подымной подати 1.554 руб. и земскаго сбора 968 р. 70 к.; деньги эти вносятся жителями въ казначейство по полугодно безнедоимочно; кромѣ того на содержаніе сельскаго управленія вносятъ: на жалованье писцу въ годъ 300 руб., на канцелярскіе расходы 60 руб., конно-разсыльному 70 руб. и лѣтнимъ разъѣзднымъ караульнымъ 300 руб. Сверхъ этого, крестьяне отбываютъ натуральную земскую повинность, состоящую въ выставленіи рабочихъ и подводъ для разработки и поддержки общественныхъ дорогъ. Отъ этихъ повинностей въ обществѣ, какъ и въ Уравельскомъ, свободны: старшина съ помощниками, сельскіе судьи, смотритель магазина и церковный староста.

Въ обществѣ имѣется одна церковно-приходская школа въ сел. Толоши, содержимая какъ было упомянуто выше на иждивеніи Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ. Запасный хлѣбный магазинъ одинъ въ сел. Леписѣ. Особой постройки подъ помѣщеніе сельскаго управленія не имѣется, и таковое помѣщается то въ домѣ старшины, то въ селеніи Леписѣ, въ крестьянскихъ домахъ.

Общество совершенно лишено лѣса, а потому потребный лѣсъ жители доставляютъ изъ далека, съ помѣщичьихъ лѣсовъ, за весьма дорогую цѣну, не говоря уже о трудностяхъ при перевозкѣ, вызываемыхъ неустройствомъ пути. Топливомъ въ Леписскомъ обществѣ служитъ главнымъ образомъ кизякъ.

Климатъ мѣстностями, благодаря возвышенному положенію, здоровый, а потому и эпидемическія болѣзни рѣдки.

Домашняя жизнь населенія—ихъ жилища, нравы и обычаи.

Жилища здѣсь у всѣхъ, не исключая самыхъ состоятельныхъ крестьянъ, и даже бековъ и агаларовъ, одного типа и состоятъ: 1) изъ жилой комнаты (дарбази), 2) изъ „сатоне“—комнаты, служащей пекарней, 3) кладовой (хула), 4) конюшни съ особымъ въ ней отдѣленіемъ (оба), служащимъ для помѣщенія гостей, и 5) сѣней.

Дома низкіе, чаще всего построенные по склону горъ, имѣютъ одну, а иногда и три стѣны соприкасающіяся съ землею, отчего въ домахъ всегда страшно сыро. Стѣны каменной кладки на глинѣ. Крыши земляныя и обыкновенно плоскія, отчего во время сильныхъ дождей нерѣдко даютъ течь, что подвергаетъ

весь деревянный матеріалъ гніенію и порчѣ и усиливаетъ еще больше сырость. Оконъ нѣтъ; ихъ замѣняютъ небольшія отверстія въ крышѣ (по одному въ каждой комнатѣ), черезъ которыя проходитъ очень мало свѣту. Полъ вездѣ земляной. Стѣны жилья не оштукатурены; въ одной изъ жилыхъ комнатъ устроенъ каминъ, а внутри ея виситъ желѣзная цѣпь, къ которой подвѣшивается котелъ, когда хотятъ варить пищу. Въ жилой комнатѣ нѣтъ никакой обстановки: невидно ни стола, ни стульевъ, ни даже кроватей или наръ (спятъ на полу); только по угламъ видны два—три деревянныхъ сундука, въ которыхъ хранится все достояніе женщинъ, да въ одномъ изъ угловъ сложена постель. Впрочемъ, на одной изъ стѣнъ бываютъ также устроены 1—2 полки, на которыхъ разставлена посуда. Слѣдуетъ замѣтить, что рѣдкая крестьянская семья имѣетъ въ достаточномъ количествѣ посуду, какъ и вообще все необходимое въ хозяйствѣ; большинство занимаетъ недостающее другъ у друга.

Ночью комнаты освѣщались прежде лучинами; въ настоящее же время почти у всѣхъ въ употребленіи жестяныя фотогеновыя лампочки безъ стеколъ (коптилки), распространяющія удушливый смрадъ по всей комнатѣ.

Вмѣсто печи въ жилой комнатѣ устроенъ каминъ. Для варки пищи онъ еще терпимъ, но для отапливанія комнаты совершенно не годится, такъ какъ не даетъ и не можетъ дать никакой теплоты: она вся уходитъ въ трубу. По этому не удивительно, что вся семья зимою скучивается всегда возлѣ камина. Это же мѣсто служитъ имъ и столовой. Обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ, ѣдятъ изъ общей чашки, глиняной или деревянной, которая ставится на полъ, а иногда на низенькій круглый столъ (пешхуми), вершковъ 6 вышины, а кругомъ него размѣщается вся семья. Садятся на что попало, на изорванный паласъ или циновку, на обрубокъ, а то и прямо на голый полъ. Если случаются гости, то женщины и дѣти садятся отдѣльно.

Комната содержится въ крайней нечистотѣ; да и какъ держать ее опрятно, когда вся семья помѣщается вмѣстѣ, тутъ же обѣдая и ужиная и исполняя домашнія работы, а въ грязь или снѣгъ, возвращаясь съ работы, всякій заходитъ съ грязными ногами, снимаетъ измокшую одежду и обувь и вѣшаетъ ихъ сушиться передъ каминомъ.

Съ начала весны и до конца осени дома днемъ не бываетъ

никого, за исключеніемъ стариковъ и дѣтей: всѣ на работѣ. Къ чести здѣшнихъ женщинъ, но только грузинокъ, нужно замѣтить, что онѣ принимаютъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ видахъ работы и нисколько не уступаютъ мужчинамъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ огородовъ, находящихся въ завѣдываніи женщинъ, онѣ обрабатываютъ рядомъ съ мужчиной и поля. Мусульманки здѣсь не принимаютъ участія въ полевыхъ работахъ, а если это и случается, то очень рѣдко, когда въ томъ есть крайняя нужда; причиною этому служитъ мусульманскій обычай, воспрещающій женщинамъ показываться другимъ.

Одежду у мужчинъ составляютъ: архалухъ, чоха и шаровары, послѣднія двѣ изъ мѣстной овечьей шерсти домашняго изготовленія. Обувь составляютъ шерстяные носки и лапти, тоже домашней работы. Мужчины почти никогда не ходятъ босые, за то встрѣтить босыхъ женщинъ, даже зимою, здѣсь не рѣдкость. На женщинахъ всегда однѣ ситцевыя платья, и всегда красныя. Особой зимней одежды или обуви не существуетъ, ни для мужчинъ, ни для женщинъ: въ чемъ ходятъ лѣтомъ, въ томъ и въ сильный морозъ. Хотя они и привыкли повидимому переносить одинаково и лѣтнюю жару и зимнюю стужу, но тѣмъ неменѣе не мало страдаютъ отъ простуды, вслѣдствіе неимѣнія особой теплой зимней одежды и обуви.

Если случается, что въ семьѣ кто нибудь захворалъ, то къ больному относятся очень хладнокровно до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не приметъ серьезный оборотъ; да и въ этомъ случаѣ очень рѣдко прибѣгаютъ къ помощи медиковъ, а довольствуются совѣтами разныхъ знахарей, которыми тутъ являются нерѣдко муллы. Они лечатъ разными травами, нашептываніями, а также пишутъ какія-то записочки, такъ-называемыя „нусха"—своего рода талисманы. Подобныхъ записокъ даютъ обыкновенно три; одну изъ нихъ должны зарыть въ домѣ, другую нашить на платье больному, а третью для того, что бы класть ее на минутку въ воду, предназначающуюся для больного. Подобный способъ леченія хотя обходится крестьянину и не дешево, но тѣмъ неменѣе они все же предпочитаютъ обращаться къ муллѣ, а не къ медикамъ.

Еще болѣе патріахально производится уходъ за женщинами во время и послѣ родовъ. Женщина, хотя бы жили въ громадной семьѣ, не имѣетъ возможности оставаться безъ работъ даже въ

послѣдніе дни предъ родами; она должна по обыкновенію исполнять дома и внѣ его всю положенную работу, отъ которой свободна только тогда, когда начнутся родовыя боли. Тогда приглашаютъ бабку, которая всегда найдется въ каждой деревнѣ. Какія бы опасности не предвидѣлись, какъ во время родовъ, такъ и послѣ нихъ, родильницы, даже состоятельныя, никогда не обращаются къ уѣзднымъ повивальнымъ бабкамъ; въ этихъ случаяхъ иногда созываютъ своего рода консиліумъ изъ нѣсколькихъ деревенскихъ бабокъ, дружно истязающихъ больную своими нелѣпыми средствами, иной разъ по нѣсколько дней, пока, наконецъ, сама природа не приходитъ на помощь.

Послѣ родовъ, родильницу и ребенка укладываютъ на плохо устланный земляной полъ или тахту, если таковая имѣется; затѣмъ новорожденнаго обсыпаютъ солью, чтобы придать крѣпость тѣлу, а чрезъ нѣсколько времени купаютъ его, пеленаютъ и кладутъ подлѣ матери. Если ребенокъ мужского пола, то сейчасъ же на трубѣ камина кладутъ ярмо, знакъ, что въ томъ домѣ родился мальчикъ. Впрочемъ этотъ обычай—выставленіе ярма—существуетъ не во всѣхъ деревняхъ. Бабка ухаживаетъ за родильницей дня два-три, а потомъ и оставляетъ ее. Когда заходятъ къ родильницѣ сосѣди, или даже и свои домашніе, бабка или кто-либо изъ женщинъ беретъ ребенка на руки и кладетъ зашедшему на плечо. Это дѣлается для того, чтобы ребенокъ скорѣе пріобрѣлъ силы ходить и чтобъ никто не могъ одолѣть его. Многіе при видѣ ребенка похваливаютъ его, говоря: „машилла, машилла“, т. е. молодецъ; другіе же произносятъ привѣтствія въ родѣ слѣдующихъ: „фу, какой безобразный, скверный, гадкій и т. п.“; такими любезностями осыпаютъ малютку, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ дурномъ глазѣ и порчѣ. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, изъ той семьи, гдѣ имѣется родильница, всѣ должны рано, до наступленія сумерокъ, собраться домой и затворить дверь; въ случаѣ же прихода кого нибудь поздно въ темнотѣ, ему отворяютъ дверь и впускаютъ съ большой осторожностью, но не прямо въ то отдѣленіе, гдѣ находится родильница, а въ другое, и притомъ не иначе, пока въ дверяхъ же не задымятъ куриными перьями или ладаномъ. Этимъ избавляютъ родильницу и новорожденнаго отъ нападенія злыхъ духовъ. Въ случаѣ же, если и при этихъ условіяхъ все же заболѣетъ родильница или ребенокъ, то болѣзнь объясняютъ нашест-

віемъ злого духа, который нашелъ доступъ къ родильницѣ, благодаря недостаточной осторожности. Въ подобныхъ случаяхъ сейчасъ же зажигаютъ въ комнатѣ, гдѣ находится родильница, порохъ или производятъ выстрѣлъ, что должно отогнать злого духа; если же и это не помогаетъ, то бѣгутъ къ тѣмъ же знахарямъ, къ которымъ прибѣгаютъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

По истеченіи 40 дней ребенка укладываютъ въ обыкновенную туземную люльку. Слишкомъ тугое пеленаніе ребенка, какое здѣсь въ обычаѣ, и плохая конструкція люльки не мало вредятъ ребенку. Кормленіе грудью продолжается отъ 6 до 18 мѣсяцевъ. Родильница не пользуется никакими привилегіями, ни въ образѣ жизни, ни въ пищѣ; надзоръ за нею, даже въ первые дни послѣ родовъ, очень плохой: лежитъ ли она въ грязной постели, въ холодной комнатѣ или нерѣдко въ конюшнѣ, вмѣстѣ со скотомъ —для домашнихъ безразлично. Пищу даютъ ей ту же, что ѣдятъ и сами. Кромѣ того, она не гарантирована отъ упрековъ со стороны окружающихъ, если по какой либо причинѣ замедлитъ выздоровленіемъ. Нерѣдки случаи, когда родильницы принуждены бываютъ встать и приняться за работу, даже на первой недѣли, черезъ 3—4 дня послѣ родовъ; но это бываетъ въ тѣхъ семействахъ, гдѣ рабочихъ рукъ мало.

Обычаи уравельскихъ грузинъ при похоронахъ.

Когда больной умираетъ, близкіе родственники закрываютъ ему глаза, въ носъ и уши вкладываютъ вату или воскъ, обвязываютъ все лицо и челюсти платкомъ, затѣмъ заворачиваютъ въ саванъ и кладутъ лицомъ къ востоку. Если умершій или умершая изъ состоятельныхъ, или покойникъ скончался въ цвѣтущемъ возрастѣ, то на покойника надѣваютъ новую одежду. Когда больной, обыкновенно изъ молодыхъ, начинаетъ предъ смертью сильно мучиться и трудно отходить, то кладутъ ему на грудь что-нибудь изъ одежды, или оружіе, если онъ былъ охотникомъ, или же листья плодовыхъ деревьевъ, если былъ садовникомъ и т. п. Этотъ обычай существуетъ также и у мусульманъ.

Трудно себѣ представить, какіе душу раздирающіе крики, вопли и причитанія раздаются въ хатѣ, гдѣ есть покойникъ, въ особенности, если онъ скончался въ молодомъ возрастѣ. Родители и самыя близкія родственницы при этомъ приходятъ просто

въ остервененіе: бьютъ себя въ грудь, рвутъ на себѣ одежду, бросаются на полъ, рвутъ волосы, царапаютъ себѣ лицо и грудь. Когда же кто-нибудь, изъ родственниковъ или близкихъ покойника, приближается къ хатѣ или заходитъ туда, рыданія еще болѣе усиливаются. Покойникъ находится въ домѣ только въ продолженіи сутокъ, а иногда, если не успѣютъ приготовиться къ похоронамъ, то продерживаютъ его два дня; малолѣтнихъ же хоронятъ еще раньше. Обычай скоро предавать покойника землѣ перенятъ здѣсь, какъ видно, съ давнихъ временъ отъ мусульманъ. Когда все готово къ похоронамъ, приглашаютъ священника, покойника кладутъ въ гробъ и сопровождаютъ его до могилы, кромѣ женщинъ, которыя въ это время еще больше начинаютъ плакать, перечисляя при этомъ всѣ добродѣтели покойника. Послѣ погребенія священникъ и весь народъ, бывшій при этой церемоніи, приглашаются въ домъ покойника на трапезу. На томъ мѣстѣ въ комнатѣ, гдѣ скончался покойникъ, ставятъ столбикъ, который обвязываютъ кускомъ, оторваннымъ отъ того колинкора (или бязи), который употребленъ былъ на саванъ, и держатъ такъ семь дней. Въ девятый день совершаютъ поминки. Послѣ обѣдни и панихиды приглашаютъ сосѣдей, мужчинъ и женщинъ, родственниковъ и друзей, на обѣдъ, всегда обильный въ этихъ случаяхъ. Безъ вина поминки никогда не бываютъ. Весь остатокъ отъ обѣда должны обязательно раздать по болѣе бѣднымъ сосѣдямъ, а пріѣхавшимъ изъ другихъ селъ родственникамъ и знакомымъ также укладываютъ въ сумки хлѣбъ и даже вино. Если умершій былъ совершеннолѣтній, то также совершаютъ и годовыя поминки. Весь расходъ на похороны и поминки доходитъ отъ 30 до 100 руб., смотря по средствамъ крестьянина. Весь трауръ по умершемъ состоитъ въ томъ, что родственники и близкіе перестаютъ брить бороду на нѣсколько мѣсяцевъ.

Нѣсколько другія явленія и порядки встрѣчаются здѣсь у мусульманъ во время похоронъ.

Когда умираетъ кто-нибудь, близкіе родственники закрываютъ глаза и кладутъ тѣло такъ, чтобы правая сторона была обращена къ Меккѣ. Сейчасъ же приглашаютъ муллу, который самъ, или съ помощью другого, совершаетъ мертвому послѣднее омовеніе; умершую же женщину моетъ жена муллы, или другая грамотная женщина, если таковая имѣется. Если умершій былъ состоятельный, его натираютъ камфорой и разными благовонія-

ми; въ носъ и уши вкладываютъ вату; затѣмъ мулла читаетъ молитву изъ корана, завертываетъ обнаженный трупъ въ саванъ, окуренный опять душистымъ веществомъ, и затѣмъ покойника кладутъ на носилки. „Скажите, собравшіеся", спрашиваетъ тогда мулла присутствующихъ, „какова была жизнь этого человѣка"? „Она была добродѣтельна", всегда говорятъ ему въ отвѣтъ. „Кому изъ васъ онъ былъ долженъ, или обидѣлъ кого, простите", проситъ мулла. „Прощаемъ", опять отвѣчаютъ ему. „Такъ помолимся за него". Послѣ этого носилки берутъ на плечи человѣка и несутъ на кладбище.

Погребеніе у мусульманъ происходитъ здѣсь, какъ и вездѣ, непремѣнно въ первыя сутки, рѣдко позже; того кто умираетъ передъ или послѣ захода солнца, хоронятъ на другой день. Женщинамъ не позволяется присоединяться къ погребальной процессіи. Тѣло выносятъ молча, но скорымъ шагомъ, и каждый изъ сопровождающихъ или проходящихъ выражаетъ ему почтеніе тѣмъ, что ставитъ носилки на свое плечо, хоть на полминуты. Такимъ образомъ носилки переходятъ изъ рукъ въ руки, пока донесутъ до кладбища. Если же наплывъ народа очень великъ, то многіе только подставляютъ свое плечо подъ носилки и въ ту же минуту уступаютъ свое мѣсто другимъ. Обычай этотъ существуетъ изъ религіознаго убѣжденія, что если умершій принадлежитъ къ избраннымъ Бога, то подставленіемъ плеча подъ носилки они совершаютъ предъ Богомъ благое дѣло. На кладбищѣ останавливаются на нѣсколько минутъ; покойника кладутъ на возвышенное мѣсто, возлѣ котораго сами выстраиваются въ рядъ, совершаютъ краткій намазъ по усопшемъ и опять подымаютъ его и доставляютъ до могилы. Когда тѣло опускаютъ въ землю (хоронятъ безъ гроба), его прикрываютъ досками, прислоненнымъ къ одной изъ стѣнъ могилы; это дѣлаютъ для того, чтобы земля не касалась усопшаго и не давила его. Народъ отходитъ на небольшое разстояніе, а мулла, оставшись у могилы, громко и явственно трижды называетъ покойника по имени; задаетъ нѣсколько вопросовъ, предупреждая не бояться и не поддаться соблазну „шейтана", т. е. дьявола.—„Твердо помни", говоритъ онъ покойнику, „что есть Всемилостивѣйшій Богъ, есть рай и адъ, есть покровитель великій пророкъ Магометъ. Справедливъ будетъ разборъ всѣхъ твоихъ дѣяній, за которыя ты

должень будешь отвѣчать въ день страшнаго суда". Послѣ этого могилу засыпаютъ и расходятся по домамъ.

Въ первыя три ночи здѣсь, въ особенности зимою, на могилѣ разводятъ огонь, чтобы предохранить трупъ отъ хищныхъ звѣрей. Трауръ и у мусульманъ выражается тѣмъ, что на нѣсколько недѣль мужчины перестаютъ брить голову и бороду. Сейчасъ послѣ похоронъ никакихъ поминокъ не водится у мусульманъ, а устраиваютъ таковыя черезъ нѣкоторое время, и притомъ богатые, два раза.

Описаніе обычаевъ и церемоній, которыми сопровождается сватовство и свадьбы у грузинъ.

Когда въ семьѣ рѣшенъ вопросъ женить сына, начинается выборъ невѣсты. Совѣщанія по этому вопросу происходятъ долго у себя въ семейномъ кругу и женщины принимаютъ въ нихъ не малое участіе. Будущаго жениха и не спрашиваютъ обыкновенно о согласіи, хотя этотъ обычай мало по малу выходитъ. До сихъ поръ здѣсь женили въ раннемъ возрастѣ, даже 16—18 лѣтъ, но теперь до минованія призывнаго возраста не рѣшаются женить, опасаясь, чтобы сынъ не попалъ въ солдаты. Когда все порѣшено и невѣста намѣчена, избираютъ изъ родственниковъ или друзей, кого нибудь болѣе знатнаго и смышленнаго сватомъ, и посылаютъ къ родителямъ невѣсты. Сватъ къ послѣднимъ является обыкновенно подъ вечеръ, чтобы застать всѣхъ въ сборѣ. Послѣ непродолжительной бесѣды, онъ объявляетъ цѣль своего пріѣзда. Родители невѣсты съ перваго раза почти всегда отказываются подъ разными предлогами выдавать дочь, а затѣмъ, уступая какъ бы доводамъ свата, соглашаются, но подъ условіемъ подумать предварительно. Сватъ уѣзжаетъ, а родители невѣсты съ своей стороны начинаютъ наводить справки о женихѣ и его состояніи и пр. Послѣ этого, при второмъ, а иногда третьемъ приходѣ свата они соглашаются или отказываютъ окончательно. Когда же дѣло кончится ладомъ, сейчасъ отправляютъ въ домъ жениха гонца, обыкновенно молодого, извѣстить и поздравить, что дѣло благополучно рѣшено. Вѣстникъ получаетъ отъ 50 коп. до 2 рублей. Черезъ нѣсколько дней отецъ жениха, или кто либо изъ родныхъ, дѣлаютъ должное приготовленіе, садится на лошадь и въ первый разъ отправляется въ домъ невѣсты, но не одинъ, а въ сопровожденіи самого свата. Въ первое вре-

мя пріѣзда опять не говорятъ ничего о цѣли посѣщенія, но хозяева, конечно, отлично знаютъ, зачѣмъ гости пріѣхали. Когда подаютъ ужинъ, гости не соглашаются ужинать, пока дѣло не будетъ окончательно рѣшено. Послѣ непродолжительныхъ упирательствъ, обѣ стороны приходятъ къ соглашенію и въ знакъ этого обмѣниваются кольцами, привязанными къ шелковымъ платкамъ, и въ заключеніе цѣлуются. Затѣмъ начинается и ужинъ, за которымъ подаютъ вино и водку, привезенную отцомъ жениха. Послѣ ужина сватъ достаетъ изъ сумки купленныя имъ въ подарокъ невѣстѣ вещи: шелковый или шерстяной платокъ, обувь, ситцевое платье и др. и передаетъ все домохозяину, а тотъ посылаетъ женщинамъ, которыя въ это время помѣщаются въ другомъ отдѣленіи. На другой день происходитъ свиданіе свекра съ невѣстой; ее приводятъ наряженную, но съ закрытымъ краснымъ платкомъ лицомъ „чоркати".

Ее подводитъ кто либо изъ родственницъ медленно и гордо прямо къ свекру; обѣ женщины кланяются ему и цѣлуютъ; затѣмъ начинаются поздравленія. Свекоръ торопится по скорѣе видѣть лицо невѣстки. Онъ даритъ ей рубль и открываетъ ей лицо. Внимательно разсматриваетъ ее, затѣмъ старается заговорить съ нею, но она на всѣ его вопросы только утвердительно или отрицательно киваетъ головой, такъ что всѣ старанія свекра остаются тщетными. Невѣстка же съ своей стороны внимательно слѣдитъ не только за свекромъ, но и за сватомъ и др. присутствующими, такъ когда кто нибудь захочетъ закурить трубку, она учтиво подаетъ огонь и затѣмъ цѣлуетъ ему руки; и вообще старается услужить, причемъ каждый разъ цѣлуетъ руки. На второй или третій день пріѣзжіе возвращаются домой, даря (свекоръ) невѣстѣ рубль и больше.

Подобные подарки деньгами или вещами обязательно должны дѣлать невѣстѣ со стороны жениха и родственниковъ, посѣщающихъ невѣсту. Черезъ нѣсколько недѣль слѣдуетъ вторичный пріѣздъ свекра, и на этотъ разъ для того, чтобы окончательно рѣшить вопросъ какъ о днѣ обручальнаго пира, такъ равно и о количествѣ расходовъ, деньгами и продуктами, которые долженъ уплатить свекоръ. Послѣдній вопросъ рѣшается двумя выборными, по одному съ каждой стороны. Размѣръ этихъ расходовъ находится въ прямой зависимости отъ состоятельности жениха.

Въ назначенный день свекоръ пріѣзжаетъ съ гостями, отъ

3 до 5 человѣкъ и больше, и привозитъ сполна всѣ обусловленныя по договору вещи. Домохозяинъ на другой день устраиваетъ обѣдъ, на который приглашаетъ и сосѣдей. За обѣдомъ невѣста отсутствуетъ, только передъ самымъ окончаніемъ обѣда, по требованію гостей, приводятъ и невѣсту. Впереди наигрываетъ деревенская музыка. Невѣсту ведетъ одна изъ родственницъ. Отвѣсивъ почтительный поклонъ, невѣста становится поодаль отъ публики, тѣмъ неменѣе не открывая лицо. Музыканты получаютъ подарокъ отъ свекра. Затѣмъ его же поздравляютъ всѣ присутствующіе, съ обязательными въ подобныхъ случаяхъ комплиментами на счетъ невѣсты, хотя лица ея никто и не видитъ. Далѣе слѣдуетъ двоякій сборъ денегъ съ пріѣзжихъ гостей. Первый сборъ долженъ дать ту сумму, какую обязался уплатить по догоя вору свекоръ. Въ уплатѣ этой суммы принимаютъ участіе и всѣ пріѣзжіе со стороны жениха гости. Прежде вносятъ свою долю они, а все остальное пополняетъ свекоръ. Второй сборъ, уже болѣе незначительный, даетъ съ каждаго гостя отъ 30 до 40 коп., а съ свекра 1 рубль, а всего около 3 руб. и идетъ въ пользу той женщины, которая привела невѣсту и которая все это время стоитъ тутъ же рядомъ съ нею. По окончаніи этихъ сборовъ, приносятъ подарки вещами, которые доставлены свекромъ. Гости разсматриваютъ ихъ и, конечно, прихваливаютъ. Этимъ кончается обручальный пиръ. Вечеромъ невѣста обязана мыть голову всѣмъ пріѣзжимъ, за что получаетъ съ каждаго подарокъ отъ 10 до 20 коп.; такой же подарокъ получаетъ она при прощаніи отъ всѣхъ, на третій или четвертый день, когда гости уѣзжаютъ обратно.

Когда приближается время, удобное для обѣихъ сторонъ для свадьбы, что бываетъ здѣсь постоянно осенью или зимою, рѣдко въ остальное время года, отецъ жениха двумя или тремя недѣлями раньше ѣдитъ въ домъ невѣсты, чтобы на этотъ разъ, опять черезъ особыхъ уполномоченныхъ, или непосредственно съ хозяиномъ, переговорить и назначить какъ день свадьбы, такъ и опредѣлить количество провизіи и напитковъ, какіе онъ долженъ будетъ доставить на свадебный пиръ. Понятно, что дѣло и на этотъ разъ не обходится безъ торга; тѣмъ неменѣе сторона жениха обязывается доставить на свадьбу приблизительно туногъ 6 водки, пудъ крупы, двухъ барановъ, съ полпуда масла, равнымъ образомъ потребное количество матеріи для постели невѣсты, вѣнчальное платье, платокъ, куртку, башмаки и проч. Тогда же опре-

дѣляется и приблизительное количество гостей, больше котораго женихъ не имѣетъ права брать съ собой.

Ко дню свадьбы въ домъ жениха начинаютъ съѣзжаться родственники, а на канунѣ выѣзда (если невѣста изъ другой деревни), вечеромъ женихъ приглашаетъ сосѣдей, которымъ устраиваютъ ужинъ, на которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшается вопросъ —сколько верховыхъ и кто именно долженъ отправиться съ женихомъ за невѣстой. Собирается обыкновенно человѣкъ 10—15; одинъ изъ нихъ же избирается шаферомъ. Вечеръ этотъ проводятъ въ весельи. Къ слѣдующему дню всѣ приготовляются, какъ къ празднику: наряжаются въ праздничные костюмы, брѣютъ бороды; даже для этаго случая лошадей накармливаютъ сытнѣе, чтобы не только они, но и ихъ лошади выглядывали бы добрыми молодцами и тѣмъ не сконфузили бы жениха. Рано утромъ женщины наряжаютъ жениха въ новый костюмъ и обязательно надѣваютъ впереди на поясъ и кинжалъ; его и шафера выводятъ вмѣстѣ на дворъ, гдѣ давно ожидаетъ вся свита его, называемая здѣсь „макари". Шаферу вручаютъ въ руки большой деревянный крестъ, украшенный красными яблоками.

Переѣздъ совершаютъ самымъ торжественнымъ образомъ: впереди наигрываетъ зурна, все время поютъ пѣсни, стрѣляютъ, а по временамъ угощаются и водкой.

Въ тоже самое время не мало веселья и суеты въ домѣ невѣсты. Собравшаяся толпа мужчинъ и женщинъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ жениха. При пріѣздѣ его прежде всѣхъ подымается шумъ, бѣготня и радостный крикъ дѣтей: „ѣдетъ, махаробели *) ѣдетъ"! Издали показывается верховой, который опередилъ жениха на нѣсколько верстъ. Прискакавъ, онъ бросаетъ лошадь и второпяхъ спѣшитъ въ комнату, стараясь скорѣе избавится отъ мальчугановъ, кидающихъ въ это время въ него снѣжки, камушки и проч. „Махаробели" извѣщаетъ о приближеніи жениха. Скоро затѣмъ издали показывается партія: начиняетъ доноситься звукъ зурны; веселье толпы сопровождающей жениха возрастаетъ съ приближеніемъ къ деревнѣ: поютъ, стрѣляютъ, пѣшіе (если есть) пляшутъ, а верховые джигитуютъ. За деревней ихъ встрѣчаютъ вышедшіе изъ дома невѣсты молодые парни съ виномъ или водкой, съ хлѣбомъ и шашлыкомъ. „Да здравствуетъ женихъ", привѣтствуетъ встрѣчающая толпа. „Да здравствуетъ, да здравству-

*) Махаробели—гонецъ съ радостной вѣстью, вѣстникъ.

етъ“, отвѣчаетъ свита жениха. Слѣдуетъ небольшая пріостановка, собственно для того, чтобы всѣмъ вмѣстѣ выпить и закусить шашлыкомъ. Одинъ только женихъ не осмѣливается пить или ѣсть и скромно сидитъ на лошади. Когда толпа двигается далѣе, веселье удваивается, причемъ шумятъ, поютъ, стрѣляютъ и все это перемѣшивается съ звуками зурны. Для встрѣчи жениха выходятъ женщины и дѣвушки, разодѣтыя въ праздничныя платья; онѣ составляютъ хороводъ и пляской стрѣчаютъ жениха.

Жениха и его свиту принимаютъ въ особо убранномъ отдѣленіи, невѣста же находится въ другой комнатѣ и ее теперь только начинаютъ одѣвать къ вѣнцу; въ то же время даютъ ей наставленіе, какъ держать себя въ церкви. Скоро является за ней свекоръ или деверь, взять ее въ церковь; но женщины, одѣвавшія невѣсту къ вѣнцу, не отпускаютъ ее, требуя за труды; получивъ отъ 2 до 4 руб., онѣ отпускаютъ ее въ церковь. Жениха ведутъ впереди мужчины, а сзади его, на небольшомъ разстояніи, ведутъ женщины и невѣсту. Войдя въ церковную ограду, они останавливаются передъ церковными дверями; тогда братъ невѣсты или дядя подводитъ ее за руку и вручаетъ жениху, говоря: „да благословитъ васъ Богъ! вы согласны, если она окажется храмой или слѣпой?“ Женихъ, конечно, выражаетъ свое согласіе киваніемъ головы, да что ему и отвѣчать, когда онъ лица невѣсты и не видитъ, такъ какъ она и теперь находится подъ краснымъ покрываломъ. При врученіи невѣсты жениху, между ними происходитъ слѣдующее: каждый изъ нихъ старается незамѣтно первый наступить другому на ноги, если желаетъ господствовать въ будущей семейной жизни.

По выходѣ изъ церкви женихъ и невѣста идутъ уже вмѣстѣ, рука за руку, опять въ домъ невѣсты; ихъ встрѣчаетъ въ дверяхъ дома теща или другая родственница и подноситъ имъ на блюдѣ вино, сахаръ и другую сласть. Угощеніе сахаромъ или другими сладостями основано на томъ убѣжденіи народа, что жизнь новобрачныхъ до самой смерти будетъ течь также сладко; иногда же въ обычаѣ класть подъ ногами на порогѣ тарелку, которую и бьетъ женихъ ногой. Раздробить тарелку означаетъ уничтожить всѣхъ враговъ. При входѣ въ домъ жениха и невѣсты, одинъ изъ свиты его обнажаетъ кинжалъ и ударяетъ нѣсколько разъ по косяку дверей, чтобъ тѣмъ защитить новобрачныхъ отъ нападенія на нихъ и вліянія злыхъ духовъ.

Свадебный пиръ у крестьянъ происходитъ въ конюшнѣ, рѣдко въ особой комнатѣ; это потому, что тамъ просторно и тепло зимою. Конюшню заранѣе освобождаютъ, очищаютъ и устилаютъ сѣномъ. Въ одномъ углу устраиваютъ для жениха и невѣсты небольшое возвышеніе, называемое „аджилаки“, на которомъ устланъ паласъ и положены подушки.

Вотъ и все убранство свадебной комнаты.

Къ *аджилаки* подводятъ новобрачныхъ, но къ удивленію всѣхъ, аджилаки заранѣе заняты другими: нѣсколько мальчиковъ лежатъ тамъ ничкомъ неподвижно, не обращая даже вниманія на всякіе страхи и угрозы окружающихъ, бить или рѣзать ихъ. Шаферъ даритъ каждому по нѣсколько копѣекъ и всѣ мигомъ вскакиваютъ и бѣгутъ; тогда только возводятъ туда молодыхъ; шаферъ становится по правую сторону жениха; впереди ихъ ставятъ на деревянномъ подносѣ хлѣбъ, вареную курицу, водки или вина и что нибудь изъ сластей. Новобрачные стоятъ долго, пока отъ тещи или тестя не послѣдуетъ новому зятю какого либо подарка. Гости садятся на устланный сѣномъ и паласами полъ.

Свадебный пиръ не обходится безъ священника, если онъ находится въ томъ же селеніи и ему, конечно, предоставляется почетное мѣсто, въ отличіе отъ другихъ.

При входѣ въ комнату, гдѣ помѣщаются молодой и гости, всякій обязачъ произнести: „да здравствуетъ женихъ и невѣста“ (собственно—да здравствуетъ царь и царица). „Да здравствуютъ“, хоромъ отвѣчаетъ присутствующая толпа. Ужинъ всегда и вездѣ состоитъ обыкновенно изъ двухъ блюдъ—изъ супнаго и плова изъ мѣстной крупы. Пиръ не обходится и безъ тамады. Тосты превозглашаются въ обычномъ въ подобныхъ случаяхъ порядкѣ, съ той однако особенностью, что всякій въ концѣ каждаго тоста обязательно прибавляетъ: „да здравствуютъ женихъ и невѣста“, на что каждый разъ толпа отвѣчаетъ—„да здравствуютъ“. Тосты за здоровье жениха, невѣсты и шафера, новобрачные, а съ ними и шаферъ выслушиваютъ стоя и не имѣютъ права садиться безъ дозволенія на то приглашенныхъ. Ужинъ и весь вечеръ проводится шумно.

Послѣ ужина начинаютъ плясать подъ звуки зурны не только мужчины, но и женщины. Между танцами публику тѣшатъ шуты, которые всегда находятся въ подобныхъ случаяхъ. Когда начинаются танцы, жениха и невѣсту уводятъ въ особую комна-

ту; ихъ сопровождаетъ опять шаферъ и нѣсколько человѣкъ съ обнаженными кинжалами. Тогда только молодымъ подаютъ ужинъ. Невѣста ѣстъ или очень мало, или совсѣмъ даже нѣтъ, такъ какъ въ первый разъ она стыдится, да и такое поведеніе съ ея стороны требуется обычаемъ. Послѣ ужина для молодыхъ готовятъ брачную постель, и женщина приготовившая ее, получаетъ отъ жениха въ подарокъ 40—60 коп. Теперь только женихъ открываетъ у своей невѣсты покрывало и въ первый разъ видитъ ея лицо, но она молчитъ упорно и съ мужемъ не заговариваетъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не сдѣлаетъ ей какого либо подарка.

На другой день молодые должны встать раньше всѣхъ, чтобъ ихъ не застали спящими; ихъ выводятъ опять съ обычнымъ торжествомъ и становятъ на аджилаки. Собираются вновь гости на обѣдъ; но обѣдъ этотъ бываетъ раньше обыкновеннаго, такъ какъ новобрачные должны уѣзжать. Предъ обѣдомъ родители невѣсты приносятъ на показъ всѣмъ собравшимся все приданое, какое они выдаютъ за дочерью. Приданое состоитъ обыкновенно изъ слѣдующаго: нѣсколькихъ серебряныхъ колецъ, ожерелья, платьевъ, платковъ, носковъ, обуви, постели, мѣдной посуды, паласовъ, ковра и одного сундука, всего на сумму отъ 60 до 150 руб., хотя до половины всего приданаго справлено на счетъ уплоченныхъ и дареныхъ разновременно отцомъ жениха денегъ; да и изъ остальной половины не малую часть составляютъ подарки отъ родственниковъ невѣсты, такъ что на долю родителей невѣсты расходъ на приданое составитъ не болѣе 20—50 р. Часть вещей укладываютъ въ сундукъ, запираютъ и ключь передаютъ по принадлежности; на сундукъ же сейчасъ садится мальчикъ (изъ дома невѣсты), который и не позволяетъ брать его до тѣхъ поръ, пока отецъ жениха не подаритъ отъ 2 до 5 р., смотря по количеству приданаго. Сельскій юзбашъ (старшина, сотскій) тоже получаетъ отъ него же 1 руб. Когда же все приготовлено, садятся на лошадей. Множество родственницъ и сосѣдокъ собирается у дверей въ послѣдній разъ проститься съ молодой; окруживъ ее, съ сожалѣніемъ, грустью и печалью смотрятъ и говорятъ съ нею; въ особенности мать и вообще домашніе не могутъ не плакать; при прощаніи съ дочерью, мать вручаетъ ей одинъ калачъ, который она беретъ съ собой въ домъ жениха; она съ хлѣбомъ уноситъ будто бы свой „кисматъ“, т. е. свое счастье. Прощаніе бываетъ въ высшей степени трогательное. Ее

съ женихомъ и въ сопровожденіи шафера нѣсколько человѣкъ съ пѣніемъ выводятъ на дворъ. Въ тоже время зурна наигрываетъ соотвѣтствующій прощальный мотивъ, одинъ изъ лучшихъ мотивовъ, понятный впрочемъ только слуху туземца. И не удивительно поэтому, что мотивъ этотъ у многихъ, а въ особенности у родныхъ, вызываетъ искреннія слезы.

Какъ бы далеко не отстояла деревня жениха, хотя бы и на 35—40 верстъ, новобрачные непремѣнно должны къ вечеру поспѣть домой, ни подъ какимъ видомъ не ночевать по дорогѣ въ чужой деревнѣ.

Прежде бывало невѣсту сопровождала и посаженная мать, но теперь она ѣдитъ одна въ сопровожденіи брата или племянника и до 4-хъ лицъ отъ сосѣдей. Если случится имъ проѣзжать мимо селъ и деревень, то изъ послѣднихъ выѣзжаютъ на встрѣчу и джигитуютъ передъ молодыми нѣсколько верховыхъ, а иногда выводятъ на встрѣчу барана, а то просто протягиваютъ поперекъ дороги веревку. Это дѣлается изъ желанія оказать честь новобрачнымъ, да и получить отъ нихъ подарокъ деньгами или вещами. Приближаясь къ деревнѣ, одинъ изъ свиты жениха отдѣляется отъ остальныхъ и скачетъ впередъ въ домъ жениха съ извѣстіемъ, что ѣдутъ, за что и получаетъ соотвѣтствующій подарокъ.

Изъ дома жениха выходятъ тѣмъ же порядкомъ на встрѣчу съ хлѣбомъ, шашлыкомъ и водкой или виномъ. На дорогѣ, молодыхъ встрѣчаетъ толпа народа. Подъѣхавъ къ дому, всѣ слѣзаютъ съ лошадей; одинъ только женихъ и невѣста остаются на лошадяхъ, такъ какъ къ нимъ должны подвесть барана, или за неимѣніемъ таковаго—курицу, и зарѣзать у ногъ лошади. Молодыхъ и тутъ помѣщаютъ на „аджилаки". Всѣ дальнѣйшія увеселенія происходятъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и у невѣсты, съ небольшой только разницей; именно, когда на второй день сидятъ на аджилаки новобрачные, на колѣни сажаютъ ребенка, обыкновенно мальчика; это дѣлается изъ народнаго убѣжденія, будто-бы тогда и первый покрайней мѣрѣ ребенокъ у молодой будетъ мальчикъ. Мальчикъ получаетъ отъ молодой въ подарокъ носочки. До обѣда многіе изъ сосѣдей приносятъ молодымъ гостинца, именно фрукты, „биши" (туземные блины), вареную курицу и пр. За обѣдомъ же всѣ присутствующіе дарятъ жениху, каждый по состоянію, отъ 40 коп. до 5 руб., причемъ самый крупный по-

дарокъ долженъ быть отъ шафера. Женщины приносятъ въ даръ кольца, серги, а нерѣдко и деньги, которыя принадлежатъ молодой. Всѣ подарки составляютъ вмѣстѣ сумму отъ 20 до 50 руб. Послѣ обѣда изъ мужчинъ и женщинъ устраивается хороводъ, который долженъ состоять изъ семи паръ мужчинъ и женщинъ и въ которомъ принимаютъ участіе и молодые.

Гости, пріѣхавшіе съ невѣстой, уѣзжаютъ на третій день, даря каждый изъ нихъ невѣстѣ по 20 копѣекъ.

Первые дни замужества молодую освобождаютъ отъ нѣкоторыхъ трудныхъ работъ, такъ какъ она еще не знакома съ новымъ хозяйствомъ и притомъ не можетъ съ открытымъ лицомъ дѣйствовать дома и внѣ его, такъ какъ подобный поступокъ вызоветъ со стороны сосѣдей насмѣшки и пересуды. Съ перваго же дня вступленія въ домъ мужа она должна въ точности соблюдать всѣ порядки и обычаи, а главное твердо помнить, какое кому изъ семьи мужа она должна оказывать почтеніе. Она должна вставать раньше всѣхъ и ложиться позже, если хочетъ заслужить любовь и уваженіе семьи. Ложатся ли спать свекоръ и девери, она должна почтительно подойти къ нимъ и снять обувь, а также, когда необходимо, мыть ноги—свекру и деверямъ. Войдетъ ли свекоръ или кто изъ старшихъ, въ комнату, она обязана тотчасъ встать съ своего мѣста, поцѣловать имъ руки, взять, если что у нихъ въ рукахъ и поставить, куда слѣдуетъ; словомъ встрѣчать, провожать, услуживать деверямъ и особенно свекру и свекрови и величать всякаго, какъ это предписано обычаемъ. Она, кромѣ мужа и маленькихъ дѣтей, по обычаю ни съ кѣмъ не должна въ слухъ говорить мѣсяцевъ 6, а то и годъ; а на всякіе вопросы другихъ членовъ семьи она объясняется мимикой, въ крайнихъ же случаяхъ объясняется черезъ дѣтей, которымъ шепотомъ передаетъ то или другое.

СВ[illegible]

о числѣ дворовъ и душъ, о размѣрѣ владѣемой земли, о количествѣ скота
цихскаго уѣзда

№№ по порядку.	Наименованіе обществъ и селеній.	Число дымовъ.	Число душъ. По ревизской сказкѣ 1886 г. м.	ж.	Въ дѣйствительности. м.	ж.	Усадьбы.	Сады фруктовые.	Огороды.	Пахатной земли. Поливной.	Неполивн.	Сѣнокосной.	Пастбищной.	Всего.
							Десятинъ.							
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.	14.	
	Уравельскаго сельскаго общества:													
1	Уравель	20	76	57	73	68	3	1½	½	15	20	5½	100	145[illegible]
2	Эркота	16	127	113	135	124	3	2	3	10	200	46	180	444
3	Чобаретъ	30	202	171	226	190	4	½	1	—	360	5	200	57[illegible]
4	Гобіетъ	15	97	76	96	85	4½	7½	½	120	55	29½	200	41[illegible]
5	Мусхъ	28	185	170	187	172	4	½	¼	—	200	—	250	454[illegible]
6	Тоба	10	45	51	52	57	1½	¼	½	—	80	—	150	232[illegible]
7	Анда	10	56	51	53	62	1	1	¼	30	20	1¼	100	153[illegible]
8	Арджулъ	1	15	6	14	13	¼	½	¼	—	28	4	50	83
9	Андріа-цминда	23	130	127	140	146	2	3	1	45½	130	1	200	382[illegible]
10	Грель	18	110	102	128	102	4¼	2½	2½	3	200	—	250	462[illegible]
11	Цхордза	14	57	48	58	60	1½	6½	¼	50	23	1¼	100	182[illegible]
12	Кисатибъ	23	79	95	86	89	3	5	1	30	280	4	300	623
13	Тхалтубань	2	4	6	6	7	½	½	½	6	7	1	30	45[illegible]
14	Георгицминда	3	24	25	28	22	1	1	¼	3	12	1	100	118[illegible]
15	Кантіетъ	2	10	14	13	13	¼	—	—	1	4	1	60	66[illegible]
16	Хріалъ	5	17	16	19	17	½	—	—	—	10	1	40	51½
17	Трибонъ	5	29	25	28	24	½	—	—	—	10	—	50	60[illegible]
18	Агара малая	11	40	42	42	43	1	¼	—	—	50	—	80	96[illegible]
19	Энтель	9	54	45	49	48	1	—	—	—	18	2	—	21
20	Орцепъ	11	59	45	68	68	1½	1	¼	2	8	—	—	12[illegible]
21	Хеотъ	33	164	140	190	140	2¼	1¼	½	63	20	—	100	187
22	Енгикевъ	25	107	79	126	105	5½	1½	1½	60	150	5	200	423½
23	Грома	14	58	47	64	46	1½	2	½	32	33	—	100	169
24	Руставъ	3	22	18	23	18	1	½	—	10	20	5	130	166½
25	Зурзель [1])	32	169	173	198	199	7½	½	4	—	583	150	300	1045
	Итого	363	1936	1742	2102	1918	56	39¾	18½	480½	2486	262½	3280	6623[illegible]
	Леписскаго сельскаго общества.													
1	Лепись	31	145	147	160	153	4⅓	—	—	—	300	32⅔	100	437
2	Панакетъ	11	61	66	75	80	3	⅓	1	—	261	—	600	865[illegible]
3	Варнеть малый	11	77	53	91	57	2¼	—	—	—	162	—	500	664¼
4	Ардаіъ (—тах)	8	52	42	53	42	2	—	—	—	120	—	60	182
5	Карзаметъ [2])	15	120	95	130	114	2	—	—	—	100	10	300	412
6	Гаветъ [2])	16	56	79	83	73	½	—	—	—	64	—	50	114½
7	Ніала [2])	43	204	198	227	231	6	—	—	—	400	60	400	866
8	Агара большая	36	195	153	209	163	2¾	—	—	—	220	6½	80	309[illegible]
9	Зеда-Тмогва	23	160	122	165	155	3	1½	—	—	250	—	100	354½
10	Ахчіа	6	27	18	29	23	2	—	½	—	12	3	10	27[illegible]

I Е

отбываемой денежной повинности и о др. 3-го полицейскаго участка, Ахалской губерніи.

Быковъ.	Буйволовъ.	Буйволицъ.	Коровъ.	Овецъ.	Козъ.	Ословъ.	Годовой окладъ денежной повинности. Казен. подати съ земскимъ сбор. р.	к.	Обществен. сборъ: въ жалован. писцу, коннораз҃ѣзднымъ караульнымъ и на канцелярскіе расходы. р.	к.	яч. п.	ВСЕГО. р.	к.	Какъ далеко наход. въ верст. приблиз. Отъ сел. управл.	Отъ уч. пристава.	Отъ уѣзд. управл.	Отъ кам. миров. судьи и слѣдоват.	Отъ уѣзднаго врача или фельдшера и аптеки.
17.	18.	19.	20.	21.	22.	23.	24.	25.	26.	27.	28.	29.	30	31.	32.	33.	34.	35.
80	2	6	120	200	50	—	100	40	38	14	$14\frac{1}{4}$	138	54	10	$1\frac{1}{2}$	18	18	18
100	10	10	120	350	60	12	154	48	26	78	$10\frac{1}{2}$	181	26	8	19	28	28	28
180	12	15	250	1000	100	30	343	65	57	68	$21\frac{3}{4}$	401	33	2	11	18	18	18
100	8	10	120	600	100	15	48	52	28	84	$11\frac{1}{4}$	77	36	5	16	17	17	17
200	2	10	250	600	60	20	326	34	55	62	21	381	96	7	10	10	10	10
60	—	9	80	200	50	10	116	55	18	54	$6\frac{3}{4}$	135	9	13	15	9	9	9
90	6	10	100	300	100	15	76	55	20	60	$7\frac{1}{2}$	97	15	18	11	4	4	4
12	2	3	10	30	10	—	8	66	2	6	$\frac{3}{4}$	10	72	19	13	4	4	4
140	—	5	160	300	50	25	176	7	45	32	$17\frac{1}{4}$	221	39	14	8	9	9	9
96	2	—	80	200	150	15	157	79	37	8	$13\frac{1}{2}$	194	87	18	15	5	5	5
60	2	1	50	50	15	4	107	17	28	84	$10\frac{1}{2}$	136	1	10	4	10	10	10
80	4	3	100	200	15	5	183	72	45	32	$16\frac{1}{2}$	229	4	11	4	10	10	10
8	—	—	10	15	—	—	6	4	2	26	$\frac{3}{4}$	8	10	13	2	18	18	18
20	—	3	30	300	30	—	28	97	6	18	$2\frac{1}{4}$	35	15	16	1	15	15	15
12	—	2	20	150	25	—	8	4	4	12	$1\frac{1}{2}$	12	16	19	4	18	18	18
20	—	1	50	250	25	—	26	52	6	18	$2\frac{1}{4}$	32	70	18	4	18	18	18
30	—	3	50	300	50	—	25	10	8	24	3	33	34	21	7	19	19	19
50	—	6	100	300	30	—	77	22	16	48	6	93	70	22	10	21	21	21
80	4	8	90	800	100	—	45	13	16	48	6	61	61	18	10	20	20	20
60	10	8	160	800	100	—	55	22	20	60	$7\frac{1}{2}$	75	82	8	5	17	17	17
124	16	10	200	350	60	20	132	66	63	86	24	196	52	7	7	17	17	17
100	20	2	150	200	50	10	221	38	45	32	$16\frac{1}{2}$	266	70	7	7	13	13	13
80	—	3	80	160	30	4	107	17	23	78	$9\frac{3}{4}$	133	95	11	5	10	10	10
30	2	3	30	250	50	—	36	30	6	18	$2\frac{1}{4}$	42	48	11	16	13	13	13
110	12	12	160	600	130	20	285	62	57	68	$21\frac{3}{4}$	343	30	—	12	20	20	20
1912	100	143	2570	8505	1440	205	2855	27	685	98	255	3541	25	—	—	—	—	—
140	20	15	120	600	50	—	269	31	50	22	—	319	53	—	34	50	50	50
70	10	12	80	550	80	—	33	22	17	82	—	51	4	5	39	55	55	55
60	10	12	80	400	70	—	33	22	17	82	—	51	4	5	39	55	55	55
32	—	3	35	400	15	—	112	80	12	96	—	125	76	6	42	56	56	56
100	4	10	90	600	60	—	60	30	24	30	—	84	60	7	43	57	57	57
70	—	9	65	400	60	—	64	32	22	50	—	86	82	6	38	55	55	55
200	20	30	190	800	100	—	606	30	69	66	—	675	96	4	37	52	52	52
150	10	12	100	400	100	—	158	32	58	32	—	216	64	2	35	52	52	52
120	—	15	100	500	80	—	222	7	37	26	—	259	33	7	34	53	58	53
20	—	—	50	300	60	—	24	12	9	72	—	33	84	10	45	60	60	60

№№ по порядку.	Наименованіе обществъ и селеній.	Число дымовъ.	Число душъ. По ревизской сказкѣ 1886 г. м.	ж.	Въ дѣйствительности. м.	ж.	Усадьбы.	Сады фруктовые.	Огороды.	Пахатной земли. Поливной.	Неполивн.	Сѣнокосной.	Пастбищной.	Всего.
							Десятинъ.							
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.	14.	15.
11	Георгицминда или Зеда-Варзія ³) ...	5	39	42	47	45	1½	½	—	—	15	3	20	4[illegible]
12	Тмогва ³)........	8	38	30	43	49	½	½	—	—	6	5	10	[illegible]
13	Цхордза ³).......	13	51	48	54	47	1½	—	—	—	15	3	15	5[illegible]
14	Аландза	8	41	27	43	26	½	½	½	—	4	10	10	25[illegible]
15	Толерта	14	92	87	93	85	3	—	—	—	78	4	200	285
16	Шалошетъ ⁴)	12	103	117	133	135	2	—	—	—	51	2	100	155
17	Коинъ дара или Гурбага-оглы ⁴)..	10	70	65	75	65	1½	—	—	—	60	20	40	12[illegible]
18	Бузмаретъ ⁴).....	13	96	77	109	82	2½	—	—	—	40	25	20	87[illegible]
19	Ванъ...........	17	74	58	83	63	2	—	—	—	50	20	25	97
20	Базархана.......	14	89	64	101	96	2	—	—	—	50	22	15	89
21	Рокетъ	28	112	102	122	106	4	4	2	20	90	25	50	195
22	Дадешъ..........	22	146	105	158	124	3	6	½	—	293	10	100	412½
23	Азгюда	18	73	84	71	82	3	4	2	15	50	30	20	124
24	Кунца	23	102	107	108	100	1½	2	½	77½	—	—	20	101[illegible]
25	Толошъ	30	162	143	182	162	1	10	1	8	60	½	200	280[illegible]
26	Бнела	5	16	24	17	22	1	1	½	20	—	—	20	42[illegible]
27	Оскорія	9	31	93	36	95	1	—	—	10	—	—	40	51[illegible]
	Итого	449	2732	2247	2697	2439	29½	30½	8¼	150½	2751	291¾	3105	63[illegible]
	Того же общества временно-проживающіе куртины:													
	Дзундинскіе ⁵)...	13	50	46	55	48	1½	—	—	—	5	—	6	12½
	Мутруфы ⁶)	13	—	—	50	34	—	—	—	—	—	—	—	—
	А всего участка .	838	4418	4035	4904	4439	87	70	26¾	631	5243	554	6391 ¹⁰)	13031 ⁹)

Примѣчанія: ¹) Сельское управленіе помѣщается въ Зурвелѣ, а въ лѣтнее время въ Уравелѣ.

²) Изъ гаветцевъ 14 дымовъ суть крестьяне-собственники; они же владѣльцы дер. Гаветъ, податнаго сословія, имѣютъ собственныхъ земель 135 десят.

³) Эти 3 деревни, какъ заселеныя куртинами Измаилланскаго общества, отбываютъ подати всѣ вмѣстѣ.

⁴) Коинъ-дарцы—казенные крестьяне, а живутъ на владѣльческой землѣ, которую арендуютъ за особую плату.

⁵) Дзундинцы, 7 лѣтъ назадъ выселеные по судебн. рѣшенію изъ владѣльч. пустоши Дзунда, Ахалц. уч., поселились на казенн. землѣ Донетъ и подати отбываютъ въ Ахалцихскомъ уѣздномъ казначействѣ.

Быковъ.	Буйволовъ.	Буйволицъ.	Коровъ.	Овецъ.	Козъ.	Ословъ.	Годовой окладъ денежной повинности. Казенн. подати съ земскимъ сбор. р.	к.	Обществен. сборъ: въ жалован. писцу, коннорассыльнымъ караульнымъ и на канцеляр. расходы. р.	к.	яч. п.	ВСЕГО. р.	к.	Какъ далеко наход. въ верст. приблиз. Отъ сел. управл.	Отъ уч. пристава.	Отъ уѣзд. управл.	Отъ кам. миров. судьи и слѣдоват.	Отъ уѣзднаго врача или фельшера и аптеки.
17.	13.	19.	20.	21.	22.	23.	24.	25.	26.	27.	28.	29.	30	31.	32.	33.	34.	35.
20	—	1	50	320	50	—	—	—	—	—	—	—	—	7	37	57	57	57
16	—	—	30	350	40	—	241	38	42	12	—	283	50	10	43	60	60	60
50	—	2	50	400	100	—	—	—	—	—	—	—	—	16	38	52	52	52
16	—	6	40	250	50	—	69	24	12	96	—	82	20	13	26	42	42	42
90	4	8	55	450	60	—	42	28	22	68	—	64	96	10	27	46	46	46
72	6	7	50	350	100	—	36	24	19	44	—	55	68	11	27	45	45	45
60	8	10	60	600	20	—	96	55	16	20	—	112	75	9	24	41	41	41
50	—	10	50	350	—	—	125	52	21	6	—	146	58	10	26	42	42	42
60	—	8	50	300	—	—	164	14	27	54	—	191	69	11	27	43	43	43
55	—	6	48	200	—	—	121	17	22	68	—	143	85	10	27	43	43	43
120	—	10	70	400	20	20	140	56	45	36	—	185	92	15	22	36	36	36
100	—	10	90	300	45	35	247	30	35	66	—	282	96	17	19	32	32	32
66	6	—	55	250	40	12	173	79	29	16	—	202	95	17	22	36	36	36
80	2	4	60	200	20	10	69	46	37	26	—	106	72	19	22	36	36	36
30	—	10	40	200	100	15	90	60	48	60	—	139	20	15	27	41	41	41
14	—	—	20	150	10	3	25	10	8	10	—	33	20	25	25	40	40	40
18	—	8	36	300	100	—	36	24	14	58	—	50	82	27	27	40	40	40
1879	100	218	1764	10400	1430	95	3263	55	723	98	—	3987	53	—	—	—	—	—
12	—	4	36	200	10	—	112	45	21	6	—	133	51	8	32	48	48	48
10	—	—	30	100	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3813	200	365	4400	19205	2885	300	6231 [7])	27	1430	92	255 [9])	7662	29	—	—	—	—	—

[6]) Мутруфы живутъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ; подати и другія повинности не отбываютъ.

[7]) Сверхъ показанной здѣсь суммы казенныхъ податей, производится еще сборъ казенныхъ податей въ количествѣ 1495 р. въ 11 дерев. отъ 186 дымовъ, приписанныхъ къ сему участку изъ Кобліанскаго и Ацхурскаго участковъ.

[8]) Количество земель въ владѣльческихъ селеніяхъ показано изъ уставныхъ грамотъ, а въ казенныхъ приблизительнымъ опредѣленіемъ.

[9]) Кромѣ показанной выше общественной денежной повинности, жители участка иногда производятъ еще особый денежный расходъ на ремонтъ моста, общественной дороги и двухъ приходскихъ школъ, и др. надобности.

[10]) Пастбищными мѣстами въ каждомъ селеніи показаны земли, состоящія въ чертѣ селеній, т. е. тѣ свободныя мѣста, которыя по негодности почвы не удобны къ распашкѣ.

Въ горахъ и ущельяхъ Куртатіи и истоковъ рѣки Терека.

(изъ путевыхъ воспоминаній о горной Осетіи).

А. Е. Россиковой.

I.

Въ одно ясное іюльское утро мы покинули Владикавказъ на дрогахъ, запряженныхъ парою тощихъ лошадей, и ныряя въ ухабахъ мягкой наѣзженной дороги, выѣхали на зеленое море широкой владикавказской равнины. Насъ было четверо. Парѣ городскихъ клячъ, совершенно не закаленной въ борьбѣ съ препятствіями плохихъ горныхъ путей, предстояло крупное испытаніе—провезти насъ верстъ тридцать по холмистому и каменистому дну Фіагдонскаго ущелья до перваго куртатинскаго селенія Зивгисы (Дзигвисъ), откуда, замѣнивъ этипажъ собственными ногами, мы намѣревались пѣшкомъ пройти къ истокамъ рѣки Фіаг-дона и черезъ перевалъ Стыр-хохъ спуститься въ долину рѣки Закадона, по Закадонской долинѣ дойти до Труговскаго перевала, перевалить къ истокамъ рѣки Терека и Трусовскимъ ущельемъ притти въ Коби, а оттуда по военно-грузинской дорогѣ вернуться назадъ во Владикавказъ.

Предпринимая такое длинное и далеко нелегкое путешествіе, мы не имѣли въ виду какихъ либо спеціальныхъ цѣлей. Намъ просто хотѣлось ознакомиться съ однимъ изъ глухихъ, рѣдко посѣщаемыхъ путешественниками, но живописныхъ и интересныхъ уголковъ Горной Осетіи—Куртатіей, которая по свидѣтельству Пфафа и другихъ изслѣдователей играла нѣкогда выдающуюся роль въ историческихъ судьбахъ осетинскаго народа, а поднимаясь на такія высоты, какъ Стыр-хохъ и Трусъ въ Главномъ Кавказскомъ хребтѣ—испытать то высокое наслажденіе, которое, по словамъ Пфафа, можетъ сравниться съ состояніемъ души „въ рѣдкія минуты искренней и чистосердечной молитвы"... *)

---

*) В. Пфафъ. Путешествіе по ущельямъ Сѣверной Осетіи. Сборн. свѣд. о Кавказѣ, 1871 г., стр. 157.

Слегка приподнятая всхолмленная владикавказская равнина какъ-бы разметалась подъ горячимъ дыханіемъ солнца на сѣверѣ, востокѣ и западѣ—до самаго синяго края неба, до самаго горизонта, теряя свой безпредѣльный размахъ только на югѣ, гдѣ униженно подползала къ самымъ предгорьямъ Кавказа. На югѣ ее замыкалъ грандіозный Кавказскій хребетъ. Здѣсь было на что посмотрѣть! Надъ темною зеленью буковыхъ лѣсовъ предгорій и Черныхъ горъ и сѣрыми обнаженіями Скалистаго хребта тамъ и сямъ красовались снѣговыя вершины: Адай-хоха, Джимарай-хоха, Царит-хоха и даже вѣчно хмураго кавказскаго гиганта Казбека, вершина котораго свѣркая на солнцѣ, тонула въ синевѣ яснаго безъоблачнаго неба. Полное отсутствіе облаковъ и тумана на снѣговыхъ вершинахъ—явленіе весьма рѣдкое на Сѣверномъ Кавказѣ и по мѣстнымъ примѣтамъ издавна считается предвѣстникомъ продолжительной ясной погоды.

Тѣмъ временемъ среди зыбкой глади равнины, совершенно лишенной древесной растительности, обрисовалось селеніе Гизель. Оно раскинулось въ восьми верстахъ отъ Владикавказа на берегу рѣки Гизель-дона, нѣсколько ниже выхода ея изъ предгорій и тонуло подъ тѣнью деревьевъ. Прекрасный видъ на истоки рѣки открывался тѣмъ шире, чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ селенію. За широкой долиной предгорной полосы, опушенной густыми лѣсами, выступали сѣрые скалистые гребни отроговъ Адай-хоха и Сагалан-хоха, въ которые концомъ своимъ, казалось, упирался громадный ледяной каскадъ, извѣстный подъ именемъ Маліевскаго ледника, обставленный въ глубинѣ цѣлою толпою горъ, переполненныхъ снѣгами и льдами.

Населяютъ аулъ Гизель большею частью выходцы изъ хмурыхъ ущелій Горной Осетіи, куда въ прошлое смутное время ихъ загнала опасность со стороны многочисленныхъ враговъ, а теперь неменѣе сильные враги—нужда и малоземелье гонятъ обратно на плоскость. На плоскости осетины быстро приспособляются къ новымъ условіямъ и по сравненію съ своими сородичами, обывателями горъ, живутъ и чище, и зажиточнѣе. Гизельцы, напримѣръ, кромѣ земледѣлія занимаются еще рубкою и доставкою во Владикавказъ дровъ. Эта послѣдняя профессія налагаетъ особый отпечатокъ на внѣшній видъ селенія. Всюду, куда не взглянишь, срубленный лѣсъ то саженями, то просто безпорядочными грудами загромождаетъ дворы и улицы. По вѣроиспо-

вѣдашю Гизельцы православные христіане, имѣютъ церковь, церковно-приходскую школу и сельское управленіе. По числу дворовъ—290 и населенія—2863 души обоего пола—Гизель принадлежитъ къ большимъ плоскостнымъ ауламъ.

Сейчасъ за селеніемъ намъ предстояла переправа черезъ рѣку. Гизель-донъ широкимъ русломъ разсѣкаетъ долину и на громадномъ разстояніи и въ ширину, и въ длину заносить ее камнемъ и щебнемъ. Благодаря предшествовавшимъ дождямъ, онъ былъ полноводнѣе обыкновеннаго. Наши борзые кони, по брюхо погружаясь въ воду, едва справлялись съ сильнымъ теченіемъ, сопѣли, фыркали, однако не посрамили своего честнаго имени и благополучно переправились черезъ многочисленные протоки на противуположный берегъ. Отсюда дорога до самой рѣки Фіаг-дона бѣжала среди предгорной части владикавказской равнины. Становилось жарко. Вокругъ ни звука, ни шелеста; только глухо шумѣла рѣка. Наставало то нудное время, когда все въ природѣ какъ-бы замирало въ истомѣ, а человѣка неодолимо тянуло въ тѣнистую глушь лѣса, подальше отъ ослѣпительнаго свѣта и знойныхъ лучей горячаго солнца. Но до лѣса было еще далеко. Тамъ и сямъ изрѣдко на нашемъ пути стали появляться деревья: то старая груша, на половину усохшая отъ варварской привычки пастуховъ разводить костры подъ самыми стволами деревьевъ, то небольшая поросль низкорослаго дубняка мелькала на обнаженныхъ увалахъ и наводила только тоску своимъ одинокимъ видомъ, невольно заставляя уноситься мысленно въ то доброе старое время, нѣмыми свидѣтелями котораго были и усохшій ветеранъ-груша и нискорослый представитель гигантскихъ дубовъ, нынѣ вырубленныхъ и почти исчезнувшихъ съ лица предгорной владикавказской равнины; между тѣмъ на памяти нѣкоторыхъ старожилъ, совершенно лишенная древесной растительности владикавказская равнина нѣкогда тонула въ густомъ не проходимомъ лѣсу. Теперь отъ этихъ дремучихъ лѣсовъ въ видѣ печальнаго воспоминанія кое-гдѣ уцѣлѣли лишь небольшія рощицы изъ липы и граба.

Дорога круто свернула влѣво. Впереди, подъ тѣнью буковыхъ лѣсовъ и лѣсистыхъ склоновъ Черныхъ горъ съ торчащими надъ ними сѣрыми скалами, пряталась фіагдонская долина. Фіагдонъ, прорвавъ передовую цѣпь Черныхъ горъ, течетъ въ началѣ долины по дну широкого русла, съ высокими обрывистыми бе-

регами. Мы долго его не видали. Двѣ террасы отдѣляли насъ отъ рѣки. Нижняя широкая, плоская, вся засѣянная кукурузой, и верхняя, по которой, между густыми порослями орѣшника, ольхи и другихъ высокихъ кустарниковъ, пролегала дорога, у подошвы окаймляющихъ горъ. Къ полдню становилось все жарче. Ѣхать на дрогахъ, подъ открытымъ небомъ не было никакого терпѣнія. Мы давно ужъ шли пѣшкомъ по затѣненнымъ бокамъ дороги и всетаки изнемогали отъ зноя и жажды. Наконецъ дорога начала углубляться въ долину, подъ густую тѣнь лѣса. Могучія гигантскія буковыя деревья, уносившіяся въ такую высь, что глазъ едва достигалъ ихъ вершинъ, спускались со склоновъ до самаго дна долины и только надъ рѣкой смѣнялись кустарникомъ. Но, Боже мой, что за картина! Казалось, мы не въ лѣсу, а на бранномъ полѣ, послѣ сраженія. Всюду громадные трупы деревьевъ спокойно гнили тутъ же подлѣ пней, гдѣ свалила ихъ безжалостная рука человѣка. Повидимому ихъ рубили безъ всякой опредѣленной цѣли, какъ говорится, отъ нечего дѣлать. Громадныя вѣтки, сломанныя и тутъ же разметанныя вѣтромъ, пни и обнаженные корни то и дѣло преграждали намъ путь. Въ лѣсу оказалось гораздо жарче и душнѣе. Мы едва доплелись до ручья, гдѣ намѣривались отдохнуть, но тучи мухъ и комаровъ отравляли наше существованіе, а лошадей доводили до бѣшенства. По ухабамъ, колдобинамъ и громаднымъ вросшимъ въ землю камнямъ, среди сильно разрѣженнаго лѣса намъ пришлось подняться на отрогъ, который, замыкая среднюю часть долины, образуетъ одно изъ характерныхъ и оригинальныхъ по красотѣ мѣстъ. Здѣсь впервые мы увидѣли Фіаг-донъ, но такимъ бурнымъ, что долго не могли забыть. Встрѣчая на своемъ пути препятствіе въ цѣломъ рядѣ твердыхъ породъ отрога, которымъ нѣкогда загромождалась совершенно въ этомъ мѣстѣ долина, Фіагдонъ, усиліями многихъ вѣковъ распилилъ отрогъ, продѣлавъ щель, шириною не больше аршина, а въ длину до 20 саженъ и, со всею необузданностью стихійной энергіи, устремилъ въ нее свое бурное теченіе. Цѣпляясь за вѣтви деревьевъ и кустарниковъ, мы спустились на скалу, нависшую съ берега и заглянули въ разщелину. Тамъ царилъ мракъ, подъ покровомъ котораго, на глубинѣ приблизительно тридцати футовъ, вся черная, съ сѣдыми гривами волнъ, клокотала и билась рѣка о мертвыя неподвижныя скалы, то разбиваясь о нихъ въ мелкія брызги, то вновь напи-

рая съ оглушительнымъ ревомъ. Мы съ удовольствіемъ сбѣжали по крутому склону на дно долины, гдѣ среди зеленыхъ заливныхъ луговъ, подъ тѣнью буковъ шла дорога почти на уровнѣ съ рѣкой. Послѣ бурнаго бѣга въ скалахъ, ея торопливое, но не бѣшенное теченіе въ широкомъ руслѣ пріятно ласкало глазъ. Ручьи прозрачной ключевой холодной воды то и дѣло разсѣкали дорогу и тихо журча сбѣгали въ рѣку. Перекинутый черезъ Фіагдонъ мостъ перевелъ насъ на противуположный берегъ. Здѣсь по каменистому прежнему руслу мы то поднимались, то вновь спускались. Обрамленная съ боковъ густыми лѣсами долина чѣмъ дальше все больше теряла свой древесный покровъ и наконецъ на обнаженномъ всхолмленномъ днѣ ея, среди ярко зеленыхъ лужаекъ, задернутыхъ кое-гдѣ выносомъ щебня, только одинокими группами возвышались деревья. Впереди, съ юга, набѣгая, съ обѣихъ сторонъ, ее снова загромождали поперечные отроги: Карца и Хас-харан-раха, расчлененные тѣсниной, такъ сказать преддверьемъ самого ущелья рѣки Фіаг-донъ.

Одинъ изъ путниковъ обратилъ наше вниманіе на сѣверный склонъ Хос-харан-раха. По его словамъ, на высотѣ около 3500 футовъ, въ складкахъ лѣваго склона долины, въ верхней части сѣвернаго склона хребта Хос-харан-рахъ залегаетъ громадная сталактитовая пещера, называемая по осетински Нефчин-лагатъ; доступна она бываетъ только ранней весной, когда густыя поросли ежевичника и папортниковъ еще не дѣлаютъ лѣса непроходимымъ. Открывается пещера обширнымъ гротомъ и въ глубину простирается на цѣлую версту. Самой прихотливой формы и разнообразной величины сталактиты и сталагмиты украшаютъ ея своды и поднимаются вверхъ со дна, по которому шумно струится ручей. Мы остановились, чтобы хоть приблизительно ознакомиться съ мѣстомъ, гдѣ находилась пещера, но къ сожалѣнію видѣли только сѣрую обнаженную скалу, основаніе которой, гдѣ собственно залегла пещера, скрывалось за гребнемъ лѣсистаго склона. За недостаткомъ времени, не смотря на глубокій интересъ, посѣщеніе пещеры намъ пришлось отложить до другого раза.

Въ преддверьи ущелья характеръ мѣстности совершенно измѣнился. Оно поражало своей оригинальностью. Справа и слѣва возвышались саженъ на пятьдесятъ совершенно вертикально скалы, переходящія въ верхнихъ частяхъ въ типичныя круглыя шап-

ки и шишки, тонувшія въ буковомъ лѣсу. По скаламъ, между роскошной зеленью папортниковъ, тамъ и сямъ пестрѣли цвѣты: лиловые и бѣлые колокольчики, незабудки, геницціаны... Особенно живописна правая часть преддверья ущелья, гдѣ открывается видъ на короткую, но глубокую лѣсистую балку Скурфъ. Въ головищѣ ея, лежащемъ на южномъ склонѣ главной вершины хребта Хос-харан-рахъ изъ-за густой зелени лѣса выступали сѣрыя скалы, осѣненныя соснами. Среди скалъ темнѣло нѣсколько пещеръ, о которыхъ сохранились разныя преданія. Въ настоящее время одна изъ пещеръ обращена въ овчарникъ, а другая, менѣе доступная, служитъ зимнимъ убѣжищемъ для медвѣдей, которыхъ, по увѣренію охотниковъ, здѣсь еще очень много... Не успѣли мы отдохнуть подъ тѣнью скалъ, нависшихъ надъ дорогой съ праваго бока, какъ преддверье ущелья начало расширяться, площадь дна его становилась больше, площе, склоны горъ—положе; появилась долинка, закутанная въ ольшатникѣ, еще нѣсколько саженъ и передъ нами обрисовалась красивая широкая котловина, извѣстная подъ именемъ Бахт-лязгаръ. Небольшая рѣченка, выбиваясь изъ-подъ скалы въ тѣсномъ боковомъ ущельѣ Карца, прозрачнымъ бурнымъ потокомъ разсѣкала котловину. На правомъ берегу рѣченки, у выхода ея изъ бокового ущелья, сиротливо пріютились двѣ осетинскія постройки, возведенныя по образцу русскихъ деревенскихъ избъ. Бѣленькіе, новенькіе деревянные домики въ этомъ дикомъ глухомъ мѣстѣ напоминали сказочныя избушки на курьихъ ножкахъ. Оригинальныя по типу кровли построекъ еще издали привлекли наше вниманіе. Это не были обыкновенныя тесовыя крыши нашихъ деревенскихъ избъ, а какъ-бы двѣ или три такія кровли въ миніатюрѣ, поставленныя надъ одной и той же избой. Какую защиту отъ непогоды можетъ представлять такая кровля—остается непонятнымъ. Казенный лѣсной объѣздчикъ и семья его близкихъ родственниковъ составляютъ все населеніе мѣстечка Бахт-лязгаръ.

Этимъ мѣстомъ собственно и заканчивается преддверье ущелья. Дальше на югъ и на юго-западъ въ толщахъ господствующихъ здѣсь горъ Каріу-хоха и Тбау-хоха и ихъ отроговъ залегаетъ само Фіагдонское ущелье. Горы ущелья поражаютъ своею грандіозностью и дикимъ неприступнымъ видомъ. Ряды террасъ и уступовъ, громоздясь другъ надъ другомъ, то надвигались и сближались, съуживая просвѣтъ ущелья, то расходились, от-

крывая горизонтъ все шире и шире. Слѣды гигантской дѣятельности воды—пещеры, гроты, безчисленное множество выбоинъ, углубленій—исчерчивали террасы и уступы. Казалось, здѣсь все находилось подъ гнетомъ подавляющаго величія громадныхъ горъ. Растительность, чѣмъ дальше, становилась бѣднѣе. Лѣсъ утрачивалъ свое преобладающее значеніе и являлся въ роли декоративной, обрамляя скалы, выступы, террасы, заполняя ложбины. Фіаг-донъ зарылся въ крутыхъ обрывистыхъ берегахъ и его рѣзкій несмолкаемый шумъ густою волной вырывался изъ нѣдръ углубленнаго ложа... Дорога становилась все хуже и хуже. Въ собственномъ смыслѣ колесной дороги давно ужъ не было, а была тропа, для ѣзды верховой и на такомъ незатѣйливомъ экипажѣ какъ осетинская арба. Дроги, какъ-то безтолково путались среди безчисленнаго множества поворотовъ зигзаговъ, цѣпляясь за камни, застревали въ ухабахъ, затрудняя каждый шагъ несчастныхъ усталыхъ лошадей. Возница клялъ судьбу, что согласился на такое трудное путешествіе и молилъ Бога, живымъ съ лошадьми вернуться домой. Хмурыя вечернія тѣни легли надъ ущельемъ. Послѣ томительно знойнаго дня мы съ наслажденіемъ вдыхали свѣжій вечерній воздухъ. Вдругъ, среди царящаго надъ ущельемъ безмолвія, гдѣ-то вдали раздались человѣческіе голоса... ближе... и изъ-за поворота вынырнула цѣлая партія осетинъ косцовъ.

„Дорога яманъ! Дорога яманъ!“ кричали они всѣ вмѣстѣ, приближаясь къ намъ.

—„Отчего яманъ?“ остановили мы ихъ.

—„Болшой вода. Мостъ мало, мало пропалъ!“ ломаннымъ русскимъ языкомъ старались разъяснить косцы. Изъ этихъ отрывочныхъ фразъ было ясно, что гдѣ-то поврежденъ мостъ, но гдѣ именно и какъ велико поврежденіе, добиться намъ не удалось, такъ какъ осетины не знали больше не единого слова по-русски. Мы поспѣшили впередъ. Мостъ оказался недалеко, всего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ мѣста встрѣчи съ косцами и въ такомъ состояніи, что не только переѣхать, но даже пѣшкомъ перейти непривычному человѣку было небезопасно. Изъ трехъ бревенъ, перекинутыхъ черезъ рѣку, одно обвалилось вмѣстѣ съ доброю половиною поперечныхъ брусьевъ. О переправѣ дрогъ не могло быть и рѣчи. Намъ оставалось одно: дать знать старшинѣ ближайшаго селенія Зивгисы о высылкѣ вьючной лошади или

арбы къ раннему утру слѣдующаго дня и заночевать у моста. Вѣсть о нашемъ путешествіи видимо уже успѣла облетѣть ущелье. Со всѣхъ сторонъ къ мосту стекались осетины. Бѣдная впечатлѣніями жизнь въ горныхъ аулахъ гонитъ обитателей ихъ далеко за предѣлы селеній при всякомъ малѣйшемъ поводѣ. Достаточно распространиться слуху, что въ горахъ новинка и осетину-горцу ничего не стоитъ отмахать десятки верстъ, прошататься нѣсколько дней безъ всякаго дѣла, съ единственною цѣлью собрать „хабаръ"—новости, чтобы потомъ, сидя подлѣ сакли на улицѣ, съ прекрасами передавать его односельчанамъ и тѣмъ дать тему для безконечныхъ бесѣдъ, толковъ, которыми только и живутъ они въ своихъ горныхъ трущобахъ.

Столпившись подлѣ моста, осетины о чемъ то громко разсуждали, спорили, какъ намъ казалось, принимая въ нашей судьбѣ горячее участье. Но это только такъ казалось. Достаточно было обратиться къ нимъ съ просьбою, чтобы убѣдиться, какъ далеки эти дикари отъ участія къ чужимъ для нихъ людямъ. За доставку записки зивгисскому старшинѣ съ насъ запросили 3 рубля, хотя многіе изъ присутствовавшихъ здѣсь были зивгисцы и на ночь возвращались въ селеніе. Не успѣли мы разбить палатки и расположиться на отдыхъ, какъ къ противуположному берегу подкатила арба и увеличила зрѣлище. Владѣлецъ арбы, обитатель одного изъ дальнихъ селеній, не предвидѣлъ препятствія на своемъ пути, растерялся и не зналъ, что предпринять. Мы предложили ему вернуться назадъ и довести наши вещи до Зивгисъ. Началось совѣщаніе всѣмъ, собравшимся у моста кагаломъ, результатомъ котораго была баснословная цѣна: 5 рублей за четырехверстное разстояніе до селенія. Не знаю, чѣмъ-бы все это кончилось, если-бы не подвернулся самъ зивгисскій старшина, тоже больше изъ любопытства, чѣмъ по дѣлу прискакавшій къ мосту и не разрѣшилъ вопроса разомъ. Но этимъ еще не окончились впечатлѣнія перваго дня. Заброшенные въ глухой уголокъ, среди дикой, почти первобытной природы, мы были свидѣтелями такихъ же дикихъ и невѣроятныхъ по своей жестокости нравовъ. Злосчастный владѣлецъ арбы, не желая возвращаться назадъ, надумалъ во что-бы то ни стало переправить и арбу и лошадь черезъ мостъ. Остальные осетины, повидимому, не находили въ этомъ ничего невозможнаго, такъ какъ усердно помогали ему разобрать арбу и частями перенести че-

резъ мостъ. Съ лошадью справиться оказалось гораздо труднѣе. Бродомъ она не шла: Фіаг-донъ струился въ тѣсномъ и глубокомъ руслѣ; вести же по полуразрушенному мосту значило навѣрное утопить ее въ рѣкѣ, такъ какъ на двухъ уцѣлѣвшихъ бревнахъ не хватало поперечныхъ брусьевъ. Но хитроумные осетины не предъ чѣмъ не остановились. Они сдвинули брусья къ одному концу моста, прикрыли буркой и ввели лошадь, разсчитывая по мѣрѣ ея движенія перетаскивать свободные брусья впередъ и застилать ими прорѣхи моста. Было что-то трогательное въ той беззавѣтной покорности, съ которою несчастное животное шло на вѣрную гибель. Первые два шага лошадь сдѣлала благополучно и остановилась, но едва осетины дотронулись до брусьевъ—потеряла устойчивость и всею тяжестью рухнула въ клокочущую рѣку. Невозможно было не ужаснуться при видѣ этой картины! Осетины подняли такой крикъ, точно паденіе лошади было для нихъ совершенной неожиданностью. Несчастное животное барахталось въ водѣ, билось о камни и, подхваченное бурной рѣкой, устремилось внизъ по теченію. Къ счастью, въ рукахъ осетинъ осталась уздечка. Они втянули лошадь подъ защиту громаднаго камня. Лошадь стала на ноги и кое-какъ выкарабкалась на берегъ. Такимъ же способомъ переправили нѣсколько штукъ ословъ, съ тою только разницей, что они рѣшительно отказывались повиноваться своимъ жестокимъ владѣльцамъ: ихъ буквально втаскивали на мостъ и толчками сзади заставляли перепрыгивать черезъ расщелины на берегъ....

II.

На слѣдующій день, едва занялась заря, мы были уже на ногахъ. У моста на противуположномъ берегу стояла одноконная осетинская арба и дожидалъ насъ проводникъ, молодой парень лѣтъ восемнадцати, осетинъ, довольно хорошо говорящій по русски, даже грамотный, явленіе весьма рѣдкое въ горахъ, съ двумя своими сотоварищами, которые явились просто изъ любопытства. Утро было ясное. На синемъ небѣ ни облачка. Въ воздухѣ свѣжо, даже холодно. Мы поспѣшили нагрузить вещи на арбу и двинулись въ путь. На этотъ разъ намъ предстояло пройти одно изъ интересныхъ мѣстъ, тѣсное ущелье, извѣстное подъ именемъ Зивгисскаго. Оно залегаетъ въ складкахъ горы Каріухоха и Тбау-хоха и не является самостоятельнымъ, а лишь ха-

рактернымъ продолженіемъ пройденной нами наканунѣ части Фіагдонскаго ущелья, постепенно съузившагося въ тѣсный глубокій проходъ или тѣснину. Два необозримо громадныхъ хребта замыкали ущелье съ обоихъ боковъ. Дорога жалась къ подошвѣ праваго склона, по дну тѣснины, загроможденному обломками скалъ, глыбами, засыпанному щебнемъ и мѣстами исчезала подъ сводами громадныхъ скалъ. Тѣ же уступы, террасы, скалы, громоздясь одна надъ другою, бороздили отвѣсные склоны, но уступы тѣснины были острѣе, террасы положе, скалы выше, глаже, громаднѣе и нависали съ такой удручающей силой, точно собирались сорваться и похоронить подъ своею тяжестью узкій проходъ. Казалось, въ природѣ не было силы, которая могла-бы соперничать съ гигантскою мощью сумрачныхъ великановъ, а между тѣмъ сила эта была здѣсь же, сила эта—вода, та самая рѣка, которая, зарывшись на днѣ, лизала подошвы великановъ и разбивала о нихъ свои мутныя волны. Ничто не можетъ сравниться съ дѣятельной силой воды, ничто не можетъ остановить ея неустанной энергіи. Бѣгутъ ручьи, собираются въ потоки, рѣки и опять бѣгутъ. Проходятъ вѣка и самые громадные великаны не могутъ устоять подъ этимъ ежечаснымъ, неустаннымъ натискомъ воды. Она размываетъ ихъ бока, распиливаетъ трещины и шагъ за шагомъ, пролагая себѣ ложе, кладетъ начало тому разрушенію, результатомъ котораго явилась и Зивгисская тѣснина. Зивгисскую тѣснину прорылъ Фіаг-донъ, распиливъ поперекъ хребетъ скалистыхъ горъ и, углубляясь все ниже и ниже, до нашихъ дней еще не закончилъ своей разрушительной дѣятельности. Чахлый кустарникъ, въ перемежку съ стройными тонкими соснами, которыя едва цѣпляясь за скалы, одиноко торчали среди сѣрыхъ безжизненныхъ массъ, тамъ и сямъ оживляли суровыя склоны. Всюду вода ручьями и бѣшенными потоками, бѣлыми отъ пѣны, струилась, скатывалась и падала съ громадныхъ высотъ въ рѣку Фіаг-донъ, которая снова превратилась въ бѣшеннаго звѣря. Вздымая громадныя волны, онъ плескался на берегъ и заливалъ дорогу. Приходилось буквально итти по водѣ, а мѣстами переѣзжать на арбѣ, струившіеся по дорогѣ потоки. Со дна тѣснины дорога круто полѣзла въ гору по склону поперечнаго отрога, которымъ, точно громаднымъ порогомъ, замыкалось Зивгисское ущелье. Мы шли по глубокой ложбинѣ, обставленной съ обѣихъ сторонъ известняковыми скалами, промытыми водой

и поросшими рѣдкимъ кустарникомъ. Горизонтъ, чѣмъ дальше, становился все шире. Теперь горы выступали предъ нами цѣлой вереницей гребней, съ царящими надъ ними скалистыми вершинами: Карiу-хоха—на юго-западѣ и Тбау-хоха—на сѣверѣ. Фiагдонъ отклонился влѣво и затонулъ въ расщелинѣ, настолько узкой, что, казалось, горы въ этомъ мѣстѣ не имѣли прохода. Это —самая интересная часть Зивгисскаго ущелья. По сравненiю съ только что пройденной нами тѣсниной, она какъ-бы переживала первую фазу своего образованiя, тотъ перiодъ, когда трудная многовѣковая работа Фiаг-дона завершилась сквозною трещиной, прорытой во всю ширину поперечьяго отрога. Видъ на расщелину сверху поражаетъ своею оригинальностью. Цѣлый сонмъ скалъ, сглаженныхъ и обточенныхъ водой, ощетинившись, торчалъ надъ трещиной. Двѣ глыбы громадной величины, сорвавшись съ сосѣдняго скалистаго склона, прикрывали трещину въ двухъ мѣстахъ, образовавъ два естественныхъ моста. Мы взобрались на одинъ изъ нихъ. Подъ нами, на протяженiи трехсотъ, четырехсотъ саженъ, въ буквальномъ смыслѣ развердзлась щель, шириною не больше двухъ аршинъ. На днѣ ея, на глубинѣ тридцати, сорока саженъ, между двухъ извѣстняковыхъ стѣнъ, едва замѣтно струился Фiаг-донъ. Онъ не рвался изъ тѣснаго ложа, не вздымалъ бурныхъ волнъ, а мирнымъ желтоватымъ потокомъ безшумно катилъ свои мутныя воды. Обломки скалъ, нѣкогда преграждавшiе путь водѣ съ просверленными сквозными отверстiями, наподобiе арокъ, перекинутыхъ черезъ рѣку, тамъ и сямъ виднѣлись по руслу, дополняя картину грандiозной работы рѣки.

Характеръ мѣстности совершенно измѣнился, едва мы переступили за порогъ Зивгисскаго ущелья. Горы не наступали тѣсной толпой, не подавляли своею грандiозностью. Вырвавшись изъ тѣснины, онѣ точно разбѣжались въ разныя стороны, образуя широкую котловину, извѣстную подъ именемъ Куртатинскаго ущелья. Пологiе обожженные солнцемъ склоны, широкое каменное русло, гдѣ въ раздробленной на множество рукавовъ рѣкѣ, едва можно было признать недавно бурный Фiаг-донъ, и полное отсутствiе древесной растительности придавали котловинѣ видъ безплодной пустыни. Между тѣмъ по свидѣтельству мѣстныхъ жителей, подтвержденному научными изысканiями, нѣкогда Куртатинское ущелье тонуло въ густомъ лѣсу, остатки котораго со-

хранились до нашихъ дней въ видѣ отдѣльныхъ деревьевъ и небольшихъ священныхъ рощицъ изъ карагача. Фіаг-донъ въ то время дробился на рукава и не разливался во всю ширину дна ущелья, а струился быстрымъ потокомъ среди лѣсистыхъ береговъ, въ руслѣ на столько тѣсномъ, что черезъ него свободно можно было перескочить.

Впереди темнѣло селеніе Зигвисы, такое же сѣрое и непривѣтливое, какъ окружающіе горы. Оно пріютилось не далеко отъ входа въ котловину, у скалистаго подножья горы Каріу-хохъ, на небольшой террасѣ, и скорѣе напоминало груду сложенныхъ камней, нежели человѣческія жилища. Перескакивая съ камня на камень черезъ множество ручьевъ, на которые распадается протекающій черезъ селеніе потокъ, мы наконецъ вступили въ аулъ. Зивгисы селеніе небольшое: состоитъ всего изъ 25 дворовъ, съ населеніемъ около 362 душъ обоего пола. По сравненію съ другими селеніями Горной Осетіи оно не представляетъ ничего оригинальнаго. Тѣ-же сложенныя изъ сѣраго камня, безъ цемента, курныя сакли, четырехъугольной формы, тѣсно гнѣздятся одна надъ другой до самаго скалистаго подножья, хмуро и дико глядя изъ подъ нависшихъ плоскихъ крышъ своими традиціонными отверстіями, вмѣсто оконъ и дверей; та-же тѣснота и скученность, отчего въ Зивгисахъ всего одна улица и дворы замѣняются плоскими крышами хлѣвовъ и другихъ надворныхъ построекъ; та-же грязь, полунищенское существованіе. Полное же отсутствіе какой-бы то ни было культурной растительности еще больше увеличиваетъ печальный видъ горнаго осетинскаго селенія. Встрѣтить подлѣ сакли дерево или, тѣмъ болѣе, садъ—въ аулѣ такая же рѣдкость, какъ рѣдко отсутствіе того и другого въ русской деревнѣ. Да оно и понятно, если принять во вниманіе, что за недостаткомъ земли обитатель горнаго осетинскаго селенія вынужденъ обходиться не только безъ сада, но даже безъ двора, безъ лишней улицы. Въ силу-ли дурныхъ климатическихъ условій, или вслѣдствіе какихъ либо другихъ, болѣе глубокихъ причинъ, изъ всѣхъ отраслей земледѣльческаго труда осетины горцы занимаются только хлѣбонашествомъ. Въ самое послѣднее время кое-гдѣ въ горахъ стали появляться огороды, гдѣ выращиваются: лукъ, рѣдька, очень рѣдко—картофель для собственнаго употребленія. По карнизу скалистаго подножья, нависшаго надъ селеніемъ Зивгисы, мѣстахъ въ двухъ, въ трехъ

лѣпятся каменныя сооруженія въ видѣ клочковъ полуразрушенныхъ стѣнъ, съ множествомъ отверстій—бойницъ. Это—остатки древней крѣпости, единственные свидѣтели историческаго прошлаго зивгисцевъ. Среди мѣстныхъ жителей существуетъ преданіе о нашествіи какого-то Саха или Шаха-Аббаса, когда пушечными выстрѣлами и была разрушена крѣпость въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Нѣкоторые изслѣдователи относятъ крѣпость къ феодальному вѣку Осетіи. Несомнѣнно же одно, что Зивгисы, какъ селеніе порубежное, нѣкогда играло весьма важную роль въ смыслѣ оплота Куртатіи отъ вторженія внѣшнихъ враговъ. По разсказамъ жителей, за стѣнами скрывается обширная пещера, замѣчательная сквознымъ выходомъ въ сосѣднее Ардонское ущелье... Все наличное населеніе аула высыпало изъ своихъ темныхъ и тѣсныхъ конуръ на улицу. Переднюю позицію, конечно, заняли ребятишки грязные, полунагіе, съ громадными животами, за немногими исключеніями съ чесоточными струпьями на головахъ и лицахъ. Не менѣе печальный видъ имѣли и женщины въ своихъ грязныхъ рубищахъ съ истощенными болѣзненными лицами. По вѣроисповѣданію Зивгисцы православные христіане. Въ аулѣ имѣется старинная грузинская церковь, время которой достовѣрно до сихъ поръ еще не опредѣлено, но существуетъ мнѣніе, что она построена въ царствованіе царицы Тамары; сами же жители приписываютъ ее какому-то грузинскому царевичу. Мы полюбопытствовали взглянуть на церковь. Она находится нѣсколько выше селенія, на небольшомъ выступѣ, надъ рѣкой и обнесена каменной стѣной. Новыя тесовыя ворота ввели насъ во дворъ. Прямо противъ воротъ—просторный навѣсъ съ нарами, предназначенный для богомольцевъ, которые въ дни церковнаго праздника стекаются сюда со всѣхъ концовъ Осетіи. Между безчисленнымъ множествомъ турьихъ, козьихъ и оленьихъ роговъ, которые какъ свидѣтели наивысшей доблести современнаго осетина, по обычаю хранятся въ каждомъ священномъ мѣстѣ, намъ попалась любопытная вещь. На столбѣ которымъ подпирается навѣсъ, на ржавомъ гвоздѣ висѣли такіе-же ржавые кандалы. Какъ попали эти далеко не доблестные предметы за церковную ограду, кому они нѣкогда принадлежали и съ какою цѣлью предназначались для храненія при церкви, никто изъ сопровождающихъ насъ осетинъ не могъ или не хотѣлъ намъ объяснить. Несомнѣнно, что кандалы висятъ ни годъ ни два, а можетъ быть, цѣлые десятки лѣтъ.

Сама по себѣ церковь не поражаетъ изяществомъ архитектуры, но по характеру постройки несомнѣнно принадлежитъ къ сѣдой древности и имѣетъ большое сходство съ типомъ древнихъ могильниковъ *), которые въ безчисленномъ множествѣ разсѣяны по всей Горной Осетіи, встрѣчаются почти въ каждомъ горномъ осетинскомъ селеніи, иногда въ самомъ центрѣ его, иногда близъ него, на подобіе второго мертваго селенія. Среди мѣстныхъ жителей циркулируетъ преданіе, что древніе могильники уже существовали, когда предки осетинъ впервые начали селиться въ горахъ, что нѣкогда они принадлежали грекамъ, но насколько все это достовѣрно—неизвѣстно. Всѣ могильники построены по одному типу: конусообразной формы зданіе, въ три-четыре сажени высотою, сложено изъ каменныхъ плитъ, скрѣпленныхъ очень прочнымъ цементомъ. На днѣ могильника—глубокая яма, вверху же онъ перегораживался досками, настланными на балки. Трупы умершихъ втаскивались черезъ единственное небольшое отверстіе на верху и располагались въ рядъ на доскахъ. Когда рядъ наполнялся, доски приподнимались и трупы сваливались въ яму, очищая мѣсто для новыхъ мертвецовъ. Намъ случилось заглянуть въ такой могильникъ черезъ отверстіе внизу, продѣланное позднѣе, вѣроятно, любопытными. Трудно описать ту ужасающую картину, которая открылась передъ нами! Вся яма была переполнена человѣческими костями въ самомъ невѣроятномъ хаотическомъ безпорядкѣ. Кости рукъ, ногъ мѣшались съ черепами, ребрами и цѣлыми скелетами, кое-гдѣ прикрытыми сѣро-бурыми клочьями, вѣроятно истлѣвшей одежды... Небольшое конусообразное зданіе зивгисской церкви по архитектурѣ напоминаетъ эти древніе могильники. Она лѣпится къ громадной каменной глыбѣ, въ которой высѣченъ алтарь. Отшлифованная водой и временемъ снаружи глыба примыкаетъ къ церкви въ видѣ полукруглаго выступа. По словамъ нашего проводника, въ церкви хранятся деньги и разныя пожертвованія въ видѣ драгоцѣнныхъ вещей и украшеній. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ священника, который постоянно живетъ въ сосѣднемъ селеніи Дала-кау, мы не могли побывать въ церкви, но, черезъ узкое отверстіе въ стѣнѣ, убѣдились, что разсказы проводника преувеличены. Внутри церковь имѣетъ такой же печальный видъ, какъ и снаружи. На голыхъ смазанныхъ глиной стѣнахъ ни единой иконы, никакихъ

*) Могильники эти въ Осетіи носятъ названіе *заппадзъ*. *Ред.*

признаковъ украшеній. Въ серединѣ восточной стѣны небольшая дверь, сердцевидной формы, ведущая въ алтарь; сбоку, около лѣвой стѣны—какая-то полка съ битой посудой; вотъ и все, что мы видѣли въ церкви.

Сейчасъ за ауломъ тянулись зивгисскія пашни. По склонамъ горъ, по берегу рѣки, всюду, гдѣ только есть клочекъ удобной земли—засѣянъ хлѣбъ. У горныхъ осетинъ вообще земли мало. Зивгисцы, напримѣръ, имѣютъ всего 64 десятины удобной земли на 362 души. Понятно, имъ приходится не щадить ни труда, ни времени для расчистки и защиты своихъ полей. Встрѣтить каменную ограду вокругъ пашни, въ горахъ нерѣдкость. Изъ года въ годъ съ вершинъ осыпаются камни и изъ года въ годъ, прежде, чѣмъ начать пахоту, нужно расчистить пашню отъ камней. Если вообще трудъ земледѣльца зависитъ отъ случайностей, то въ горахъ этихъ случайностей гораздо больше, чѣмъ на равнинѣ. Проливной дождь, буря, случайный обвалъ—здѣсь все угрожаетъ земледѣльцу, его полямъ и даже жилищамъ. Иногда цѣлые аулы вмѣстѣ съ грунтомъ срываются съ горъ на дно ущелья. Мы видѣли такія пашни, съ которыхъ дождемъ былъ смытъ не только посѣвъ, но и самая почва. Нужно прибавить при этомъ, что земля въ горахъ давно не родитъ безъ удобренія. Сколько нужно труда и энергіи, что-бы при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ заниматься земледѣліемъ!...

Мы снова шли по дну широкой котловины. На горизонтѣ, увѣнченные снѣгами и льдами, сверкали гребни Бокового хребта, расчлененные балками, сумрачными ущельями, какъ-бы драпируя вверху желтыя обнаженія, обрамляющихъ котловину горъ. При яркомъ заревѣ солнца она казалась еще печальнѣе, она какъ-бы замерла: ни единаго живого штриха, ни одной отрадной картины! По склонамъ горъ, по дну котловины тамъ и сямъ темнѣли селенія. Справа на вершинѣ уступа пріютилось селеніе Азанога (Ац—) съ башнями; не успѣли мы разсмотрѣть его хмурыхъ построекъ, какъ слѣва обрисовалось другое селеніе Гули; еще дальше, въ глубинѣ бокового ущелья, на пологомъ склонѣ раскинулось большое селеніе Дзуар-кау, черезъ которое проходитъ единственная колесная дорога, соединяющая сосѣднее Тагаурское ущелье съ Куртатинскимъ, еще лѣвѣе—полуразрушенная башня завершала вершину горы и такъ далѣе, и т. д. Какъ пережитки прошлаго, всѣ эти селенія и существуютъ какъ-бы для прошлаго,

для иллюстраціи своими башнями того отдаленнаго времени, когда раздираемая смутами Куртатія трепетала за свою свободу, за каждый шагъ своей независимости, не внося не единой живой струи въ современный ландшафтъ.

Теперь ближайшимъ селеніемъ на нашемъ пути было Дала-кау. Оно раскинулось по обѣ стороны Фіаг-дона, но главнымъ образомъ по лѣвому его берегу, и принадлежитъ къ числу крупныхъ (54 двора) и населенныхъ (536 душъ обоего пола) пунктовъ горной Осетіи; носитъ даже нѣкоторые проблески культуры, своимъ, правда, жалкимъ стремленіемъ къ разведенію фруктовыхъ садовъ. Въ Дала-кау—двѣ церкви: одна приходская, другая древняя грузинская; есть школа, въ которой обучаются грамотѣ до сорока человѣкъ учениковъ; сельское правленіе; постоянно живетъ священникъ, старшина и даже имѣются двѣ лавки съ краснымъ товаромъ—явленіе весьма рѣдкое въ горахъ. По внѣшнему виду оно производитъ лучшее впечатлѣніе, не такъ скучено—и даже разбросано, что всего оригинальнѣе, среди цѣлой массы могильниковъ, хотя по типу своихъ жилыхъ построекъ и башенъ также относится къ сѣдой древности и ничѣмъ не отличается отъ другихъ селеній Горной Осетіи. Дорога прямо привела насъ въ селеніе. Еще въ Зивгисахъ мы слыхали о далакавскихъ древнихъ могильникахъ, съ которыми осетинскія преданія соединяютъ останки своихъ знаменитыхъ героевъ: Куртаты и брата его Тагаура, по имени которыхъ, по народнымъ сказаніямъ, будто-бы названы два ущелья: Куртатинское и сосѣднее съ нимъ Тагаурское. Двѣ руины, расположенныя рядомъ на видномъ мѣстѣ, на холмѣ, по архитектурѣ своей ничѣмъ не отличались отъ тысячи такихъ же могильниковъ, разбросанныхъ по всему Куртатинскому ущелью вообще и въ селеніи Дала-кау въ частности. Мы заглянули въ склепы. На днѣ склеповъ, въ полумракѣ, среди обломковъ глиняной посуды, полусгнившихъ деревянныхъ брусьевъ виднѣлись человѣческіе черепа, кости, правда, не въ такомъ громадномъ количествѣ, какъ намъ удавалось наблюдать въ другихъ такихъ же могильникахъ, но были-ли они останками знаменитыхъ осетинскихъ героевъ, о томъ кромѣ преданія не сохранилось никакого другого свидѣтельства. Съ вершины холма или, вѣрнѣе, выступа надъ самой рѣкой, гдѣ подъ тѣнью могильника мы присѣли отдохнуть, открывался замѣчательный видъ. Селеніе Дала-кау и вся Куртатинская котловина, тщательно расчищенная отъ

камней и распаханная подъ хлѣба, открывалась передъ нами, какъ на ладони. Въ данный моментъ мы находились въ самомъ центрѣ Куртатіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей осетинской исторіи, въ XI вѣкѣ сложилось и крѣпло вольное осетинское царство, достигшее къ концу XI вѣка того могущества, какого ни раньше ни позже не достигала Осетія, гдѣ процвѣтала торговля, промышленность, гдѣ находилась столица Осетіи и резиденція осетинскихъ царей, дипломатическія и родственныя связи которыхъ съ могущественными въ то время дворами Византіи и Грузіи свидѣтельствовали о ихъ важномъ политическомъ значеніи. Дѣйствительно, полное смутъ прошлое Осетіи запечатлѣно въ Куртатіи цѣлою массою историческихъ памятниковъ, въ которыхъ отразились политическія и гражданскія стремленія нѣкогда сильнаго народа и его своеобразное міровоззрѣніе. Безчисленное множество башенъ, полуразрушенныхъ крѣпостей и другихъ построекъ, возведенныхъ для самозащиты, съ единственною цѣлью отразить, не допустить внѣшняго врага къ владычеству, свидѣтельствовали о бурной эпохѣ, пережитой страной, о времени господства грубыхъ страстей, о безконечныхъ войнахъ, набѣгахъ, побѣдахъ, пораженіяхъ, которыми обыкновенно характеризуется въ исторіи феодальный вѣкъ; съ другой стороны уцѣлѣвшія древнія церкви и цѣлый сонмъ древнихъ могильниковъ говорили о вліяніи Византіи, христіанства, о роли Грузіи въ судьбѣ народа, весь запасъ духовныхъ силъ котораго, какъ-бы замеръ съ послѣднимъ выстрѣломъ изъ башенъ на многіе вѣка, до нашихъ дней. Въ безцвѣтной личности современнаго осетина едва-ли можно признать потомка древнихъ алановъ, осовъ, которые еще за много лѣтъ до Рождества Христова имѣли свою собственную культуру и распространяли вліяніе далеко вокругъ себя. Потребности современнаго осетина до сихъ поръ уживаются съ курной саклей, гдѣ мракъ невѣжества и полное отсутствіе экономическаго благосостоянія идутъ рука объ руку. Подобное состояніе не есть результатъ нашихъ дней. Оно коренится въ глубинѣ вѣковъ съ одной стороны, во внутреннемъ духовномъ упадкѣ самихъ осетинъ, съ другой въ недостаткѣ годной для обработки земли, что непосредственно вытекаетъ изъ неблагопріятныхъ условій мѣстности, самой котловины, которую ни измѣнить, ни обработать у населенія не хватаетъ ни силъ, ни умѣнья, ни энергіи. Внутренній бытъ, обще-

ственная жизнь, уровень умственнаго и нравственнаго развитія свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи какого-бы то ни было прогресивнаго движенія. Не смотря на существованіе множества христіанскихъ церквей, осетины до сихъ поръ не имѣютъ религіи. Сумбуръ, заимствованій изъ христіанской, магометанской и языческой религій, которыми ограничивается религіозное міровоззрѣніе осетина, нельзя назвать религіей. У осетинъ-магометанъ,—напримѣръ въ праздникъ, совпадающій съ нашей Троицей, пекутся хлѣбы непремѣнно треугольной формы; въ кунацкой же христіанина нерѣдкость встрѣтить икону Божіей Матери или Іисуса Христа рядомъ съ портретомъ хозяина или съ картинкой, вырѣзанной изъ какого нибудь моднаго иллюстрированнаго журнала. Объ умственномъ развитіи нечего и говорить. Существующая въ Дала-кау школа—формально-оффиціальная; въ ней, по словамъ нашего проводника, ученики не выучиваются даже грамотѣ. Къ величайшему нашему сожалѣнію, ни школы, ни церкви мы посѣтить не могли, такъ какъ, благодаря начавшимся полевымъ работамъ, большая часть населенія, священникъ, учитель и даже старшина отсутствовали изъ селенія. По дорогѣ мы зашли въ лавку. Судя по наличности товара, торговля въ аулѣ идетъ не шибко. Два три куска кумачу, нѣсколько штукъ ситцу, спички, разноцвѣтное мыло и что-то скрытое отъ глазъ въ коробкахъ—составляли все достояніе лавки. Вообще торговыя учрежденія плохо уживаются съ патріархальными нравами осетинъ-горцевъ. Они привыкли сами удовлетворять всѣ свои потребности. Начиная отъ араки (водки) и кончая чувяками (обувью), въ аулѣ приготовляется все дома, своими средствами. Насколько патріархаленъ бытъ осетинъ, можно судить потому, что въ горныхъ аулахъ до сихъ поръ нерѣдкость семья въ тридцать и сорокъ человѣкъ. На вопросъ нашъ, какъ они уживаются въ такомъ громадномъ количествѣ, осетины отвѣчали: „Что-же намъ дѣлать? Земли у насъ такъ мало (135 дес. на 536 душъ населенія), что вмѣстѣ мы еще можемъ какъ нибудь жить, а врозь каждому не достанется и по полдесятинѣ“. Интересна женская половина такой семьи, главныя представительницы которой, несомнѣнно чуждыя другъ другу, въ большинствѣ случаевъ, собранныя изъ разныхъ концовъ Осетіи, если не подъ одну крышу, то къ одному очагу; но заглянуть въ этотъ своеобразный мірокъ до крайности трудно. Мужчины очень мало вникаютъ въ отношенія жен-

щинъ между собою. Для него она раба, и какъ раба заслуживаетъ вниманія на столько, насколько она ему нужна, полезна; отъ женщинъ же трудно добиться толковаго слова, т. к. по-русски никто изъ нихъ не говоритъ, бесѣду же черезъ переводчика стѣсняетъ обычай, налагающій на женщину обѣтъ молчаливой скромности въ присутствіи посторонняго мужчины. Всѣ домашнія работы обыкновенно распредѣляются между женщинами такимъ образомъ, что, каждая дѣлаетъ то, въ чемъ она наиболѣе искуссна. Одна шьетъ черкески, другая приготовляетъ обувь, третья ткетъ сукна, четвертая печетъ хлѣбы и т. д., но при необходимости каждая дѣлаетъ все, что потребуется въ семьѣ. Вся черная работа: уходъ за скотомъ, очистка хлѣбовъ отъ навозу, тасканіе изъ лѣсу дровъ, съ мельницы муки, даже полевыя работы лежатъ истлючительно на женщинахъ. Робкая, застенчивая въ обществѣ мужчинъ, осетинка совершенно измѣняется, едва переступаетъ порогъ въ женскую половину. Здѣсь обычай не представляетъ къ ней никакихъ требованій, здѣсь изъ манекена она превращается въ живого человѣка, подвижного, веселаго, со всѣми слабостями, свойственными вообще женщинѣ. Шумныя бесѣды, смѣхъ почти не умолкаютъ въ женской половинѣ въ отсутствіе мужчинъ, но достаточно одному изъ нихъ промелькнуть мимо двери, чтобы улыбка застыла на устахъ осетинки, а голова скромно опустилась внизъ. Только старость освобождаетъ осетинку отъ необходимости вѣчно прятаться отъ мужского взгляда, но за то въ старости она окончательно переходитъ на степень домашняго животнаго въ глазахъ осетина. Мы встрѣтили одну женщину, уже немолодую, покрайней мѣрѣ свиду (благодаря непосильному труду осетинки старятся рано), которая, будучи беременной, тащила на спинѣ съ мельницы въ гору мѣшокъ муки. Впереди, заложивъ руки за спину, шелъ ея мужъ. На наше замѣчаніе, что женщинѣ вредно въ такомъ положеніи таскать тяжести, осетинъ разсмѣялся и равнодушно отвѣтилъ: „помретъ— другую куплю. Развѣ мало дѣвокъ въ аулѣ“.

Намъ нужно было наверстать потерянный вечеръ наканунѣ и потому, не смотря на предупрежденія, что въ жару идти трудно, мы рѣшили сдѣлать еще одинъ переходъ до селенія Хидикусъ. Знойный іюльскій полдень все ярче и ярче разгорался надъ ущельемъ. Солнце, взобравшись на самую высь, казалось, остановилось въ раздумьѣ: разомъ-ли спалить беззащитный кло-

чекъ земли или заморить его медленной смертью. Но морить было уже нечего! Поблекшая трава давно посохла, камни раскалились, земля растрескалась и въ неподвижно-застывшемъ воздухѣ тоскливый ропотъ рѣки, которая точно жаловалась на свое одинокое существованіе, былъ единственнымъ проблескомъ жизни. Котловина захлебывалась въ потокахъ горячихъ лучей, а солнце все грѣло и грѣло. Ничто такъ не разслабляетъ человѣка въ путешествіи, какъ жара! Совершенно бодрые утромъ, мы, точно инвалиды съ поля сраженія, еле плелись по пыльной дорогѣ, безпрестанно останавливаясь въ надеждѣ отдохнуть, но, подъ горячимъ дыханіемъ земли и солнца, остановки разслабляли сильнѣе ходьбы. Ни единаго ручейка не сбѣгало съ окружающихъ горъ: онѣ какъ-бы потеряли всѣ свои соки. Среди желтаго моря почти созрѣвшихъ хлѣбовъ, тамъ и сямъ чернѣли аулы: Кадатъ, Цимиты, Орзикау и, наконецъ, большое селеніе Лацъ. Оно находится верстахъ въ четырехъ отъ Дала-кау и тоже имѣетъ древнюю церковь и обширное древнее кладбище. Проводникъ разсказывалъ намъ про одну могилу, въ которой, по преданію, погребены будто-бы нарты *). Мы не заходили въ селеніе, но онъ увѣрялъ, что въ аулѣ до сихъ поръ сохранились развалины дома, въ которомъ нѣкогда жили нарты. На востокѣ, неподалеку отъ селенія, возвышается громадная гора Гачинъ, пологіе склоны которой, изрытые глубокими балками и поросшіе субъ-альпійскою растительностью, представляютъ лучшія по всей Куртатіи пастбища и единственное отрадное пятно на помертвѣвшемъ ландшафтѣ. Впереди бѣжала все таже дорога: ни тѣни, ни защиты отъ палящаго солнца. Напрасно блуждая тоскующимъ взоромъ въ прозрачной дали, мы искали таинственное селеніе Хидикусъ. Оно все еще пряталось отъ насъ за горами. Вдругъ надъ дорогой выросъ рядъ стройныхъ зеленыхъ тополей.

„Наконецъ-то Хидикусъ!“ съ облегченіемъ воскликнули мы.

—„Нѣтъ, до Хидикуса еще двѣ версты“, разочаровалъ насъ проводникъ; „это участокъ Кадуевыхъ. Большія деньги берутъ за него“!

„За что же“? полюбопытствовали мы.

—„За камышъ. Молодой камышъ скотина ѣстъ лучше всякой травы“.

Дѣйствительно участокъ Кадуевыхъ представлялъ положи-

*) Богатыри и герои осетинскихъ сказаній.

тельно оазисъ. Десятины двѣ, можетъ быть больше, во впадинѣ, на берегу рѣки буквально тонули въ яркой зелени молодого камыша. Лѣтнимъ разливомъ во впадинѣ поддерживается постоянная влага и даетъ ростъ камышу. Трое косцовъ осетинъ дружно косили камышъ и, какъ говорилъ намъ проводникъ, во второй или третій разъ въ текущее лѣто.

Вскорѣ впереди обрисовалось селеніе Хидикусъ, самое большое въ Хидикусскомъ обществѣ. Оно пріютилось на вершинѣ крутого холма и состоитъ изъ 68 дворовъ, съ населеніемъ до 708 душъ обоего пола. Усталые и голодные, мы расположились вблизи аула, на берегу Фіаг-дона, подъ тѣнью двухъ старыхъ яблонь, которыя, Богъ знаетъ какъ, попали въ Хидикусъ и одиноко доживали свой длинный вѣкъ, служа пристанищемъ въ жаркіе лѣтніе дни хидикусскимъ телятамъ. Говорятъ, лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ, ихъ посадилъ одинъ сельскій учитель. Навозъ и зловонье царили подъ яблонями, но лучшаго мѣста не нашлось для стоянки. Извѣстную пословицу: „Кто не былъ въ Римѣ, тотъ не видалъ ничего“ для путешественниковъ по Кавказу слѣдовало-бы передѣлать такъ: „кто не былъ въ Горной Осетіи, тотъ не испыталъ ничего“. Трудно вообразить то положеніе, въ которое становится путешественникъ, являясь въ осетинскій аулъ не гостемъ, а просто путешественникомъ! Внѣ своей сакли, осетинъ не считаетъ нужнымъ соблюдать правила гостепріимства. Завидѣвъ нашу палатку, изъ дома, точно на пожаръ, сбѣгалось населеніе. Мужчины, женщины, дѣти, всѣ были здѣсь, подлѣ палатки и пожирали любопытными взглядами каждое наше движеніе. Вмѣсто отдыха, мы очутились въ осадномъ положеніи! Изъ всѣхъ щелей лѣзли въ палатку ребятишки. А аульные ребята—это кара Господня для путешественника. Отъ нихъ не отмашешься, какъ отъ осеннихъ мухъ. Ни просьбы, ни вразумленія—ничто не могло убѣдить хидикусцевъ, что намъ нуженъ отдыхъ и покой. Въ довершеніе всего, посланный въ аулъ за провизіей проводникъ вернулся не съ чѣмъ. Никто изъ жителей не желалъ продавать ничего, а если находились такіе, то требовали баснословныя цѣны. Что-бы не остаться голодными въ гостепріимной Осетіи, пришлось прибѣгнуть къ хитрости. Мы обратились къ одному изъ жителей, маленькому, сѣдому старичку и заявили, что пріѣхали къ нему въ гости и просимъ накормить. Положеніе наше сразу измѣнилось. Изъ равнодушнаго зрителя, старикъ пре-

вратился въ дѣятельнаго хозяина. Подъ его энергичнымъ натискомъ толпа подалась и, лишенная интереснаго зрѣлища, частью разбрелась по домамъ, частью застыла въ тупомъ ожиданіи, кто лежа, кто сидя на голой землѣ. Вооружившись длинной хворостиной, съ почти юношеской рѣзвостью гонялся старикъ за непослушными ребятишками, напоминая библійскаго Елисея, разгнѣваннаго насмѣшками дѣтей. Ребятишки съ гикомъ разбѣгались въ разныя стороны, но едва старикъ поворачивалъ спину, вновь саранчей кружились подлѣ палатки. Впрочемъ, послѣ второй и третьей схватки, въ которой пострадала ни одна спина юнаго горца, они отступили къ рѣкѣ и держались въ отдаленіи до самаго нашего выступленія. Водворился такимъ образомъ относительный покой, явилась и провизія, но судьба насъ преслѣдовала. Изъ ущелья подулъ сильный порывистый вѣтеръ и дулъ до самаго вечера. Между тѣмъ въ Хидикусѣ прекращалась аробная дорога. Вещи нужно было навьючивать на лошадь, но подъ такимъ вѣтромъ лошадь съ вьюкомъ не могла идти по горнымъ тропинкамъ. Наконецъ, послѣ продолжительной бесѣды съ хидикусцами, проводникъ отказался сопровождать насъ дальше, находя плату, два рубля въ день, слишкомъ ничтожною... Только передъ вечеромъ вѣтеръ немного стихъ и мы могли двинуться въ путь. Новый проводникъ еле объяснялся по русски, но казался нетронутымъ сыномъ природы. Съ облегченнымъ сердцемъ покинули мы Хидикусъ, унося самое тяжелое воспоминаніе о четырехчасовомъ пребываніи въ этомъ негостепріимномъ селеніи. Дорога еще шла по дну котловины, то исчезая въ грудѣ нанесенныхъ рѣкою камней, то вновь появляясь все ближе и ближе къ горамъ. Котловина не мѣняла своего вида, если не считать небольшихъ порослей низкорослаго дубняка, которымъ кое-гдѣ оживлялись южные склоны, хотя замѣтно съуживалась. Но впереди, неуловимо для глаза, одна за другой выростали громады, сливаясь въ прозрачной дали съ непреступной скалистой стѣной Бокового хребта, которымъ, казалось, преграждался всякій выходъ изъ ущелья. Это—передовые отроги Бокового хребта, надвигаясь другъ на друга замыкали куртатинскую котловину, образуя узкій глубокій проходъ, который по имени горы Хилакъ (Тепли), дающей начало Фіаг-дону, носитъ названіе Хилакскаго ущелья. Хилакское ущелье преддверье перваго перевала Стыр-хохъ, которымъ завершается область Фіагдонскаго бассейна. Солнце склонилось

къ западу, озаряя и котловину, и гребни надвигающихся впереди горъ тѣмъ неровнымъ мерцающимъ свѣтомъ заката, благодаря которому даже полный жизни пейзажъ навѣваетъ тоску своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ. Передъ нами же со всею подавляющей грандіозностью лѣзли къ небесамъ громадные хребты и въ своемъ горделивомъ стремленіи стать все выше и выше надъ землей, казалось, не замѣчали, какъ сѣдина убѣлила ихъ маковки, а на изборожденныхъ морщинами и складками склонахъ, точно на увядшемъ лицѣ столѣтняго старца, каждую минуту готовы были погаснуть послѣдніе проблески жизни... Дорога, перескочивъ мостъ, узкой тропинкой полѣзла въ гору. Порывистый вѣтеръ доносилъ изъ ущелья знакомый грозный напѣвъ разъяренной въ тѣснинѣ рѣки, точно предупреждая о трудностяхъ избраннаго нами пути. Вдругъ проводникъ остановилъ лошадь и, усиленно жестикулируя, забормоталъ: „наша пошелъ, лошадь нога мало, мало яманъ“. Мы едва поняли, что въ Харескинѣ нужно подковать лошадь и потому онъ долженъ идти впередъ. Хриплый лай громадныхъ горныхъ овчарокъ свидѣтельствовалъ, что селеніе недалеко. Дѣйствительно, скоро надъ нашими головами, на горѣ обрисовался большой двухъ-этажный домъ, построенный на городской ладъ—полковника Гутіева, который по выходѣ въ отставку безвыходно живетъ въ Харескинѣ. При домѣ оказался единственный во всей Горной Осетіи болѣе или менѣе благоустроенный фруктовый садъ, въ которомъ мы видѣли яблони, груши, алычу, сливы; изъ овощей—капусту, картофель и рѣдьку. Узкая, кривая улица подымала насъ все выше и выше въ гору, по склону которой амфитеатромъ раскинулось селеніе, состоящее изъ 18 дворовъ, съ населеніемъ около 170 душъ обоего пола. Каменныя харескинскія сакли при вечернемъ закатѣ глядѣли еще печальнѣе. Построенныя въ два этажа, онѣ какъ-то неуклюже торчали вверхъ на встрѣчу буйнымъ вѣтрамъ, вьюгамъ и непогодѣ, вопреки всякимъ человѣческимъ удобствамъ, которыя, въ постоянной заботѣ о землѣ, горецъ низводитъ до самаго невѣроятнаго минимума. На 97 душъ мужского населенія въ Харескинѣ всего удобной земли 64 десятины. Естественно, что жить при такомъ малоземельи горцу не только трудно, но прямо невозможно и рѣдкій изъ нихъ не арендуетъ земли на плоскости, чаще всего подъ кукурузу, не смотря на все неудобство доставки зерна обратно въ аулъ вьюками, по горнымъ тропинкамъ, не

всегда доступнымъ и безопаснымъ, гдѣ вмѣстѣ съ лошадьми за частую гибнутъ и люди. Около одной изъ сакель мы нашли нашу вьючную лошадь: уткнувшись въ стѣну, она одиноко дремала. Процессъ кованія еще не начинался. Ни кузнеца, ни проводника даже близко не было. Осетинъ не привыкъ торопиться. Что ему за дѣло, что вечеръ надвигался надъ головами, и что передвиженіе впотьмахъ не входило въ интересы путешественниковъ! Рабъ традиціоннаго обычая, онъ прежде всего долженъ навѣстить своихъ родственниковъ, подѣлиться „хабаромъ" (новостями), а дѣло, по его убѣжденію, не убѣжитъ. И вотъ, благодаря такому воззрѣнію, то у кузнеца не оказывалось готовыхъ подковъ, то, находились подковы, куда-то исчезалъ кузнецъ. Время шло, проводникъ бродилъ изъ сакли въ саклю, а мы ждали, да ждали, чувствуя полное безсиліе подвинуть дѣло хоть на іоту въ этой дикой странѣ, гдѣ время не имѣетъ цѣнности, гдѣ обычай вершаетъ судьбы не только обывателей, но и всякаго заѣзжаго человѣка, волей или неволей столкнувшагося съ обывателемъ. Поэтому, покинувъ селеніе, мы еще благодарили судьбу, что отдѣлались всего полуторачасовой задержкой. Намъ предстоялъ переходъ верстъ въ восемь черезъ узкое Хилакское ущелье, до слѣдующаго селенія Гутіат-кавъ. Изгибаясь между горбами склона, тропинка то опускалась, то вновь поднималась все время высоко надъ рѣкой. Горы толпой надвигались съ обѣихъ сторонъ. Вечеръ тихо спускался надъ ущельемъ. Какая-то унылая пустота водворилась кругомъ, точно вмѣстѣ съ солнцемъ отлетѣла живая бодрящая сила, безъ которой жутко человѣку оставаться съ глазу на глазъ съ дикой природой. Впереди мрачно зіяла узкая Хилакская тѣснина... Прорытая все тѣмъ же дѣятелемъ Фіаг-дономъ, который, своей неутомимой энергіей, на этотъ разъ распилилъ сѣверную, самую высокую часть Бокового хребта, тѣснина, видимо, тоже играла какую то роль въ историческихъ судьбахъ Хилака. У входа въ ущелье уцѣлѣли три башни и остатки стѣны, которой нѣкогда запиралось ущелье во всю ширину. Стѣна сложена на цементѣ и мѣстами уже разрушилась, но башни, носящія названіе Уаля Масакъ, довольно хорошо сохранились. Одна, впрочемъ, въ самомъ низу, на берегу Фіаг-дона разрушена обломкомъ скалы, сорвавшимся сверху. Ни проводникъ, ни сопровождавшіе насъ до ущелья харескинцы ничего не знали о происхожденіи этой стѣны. По всей вѣроятности, она, какъ и другія по-

добнаго же типа древнія постройки, относится къ феодальному вѣку Осетіи. Мы перешли мостъ и стали углубляться въ ущелье. Среди глубокаго мрака, царящаго на днѣ тѣснины, два отвѣсные склона громадныхъ хребтовъ какъ-бы отрѣзали насъ отъ всего живого міра. Впереди сквозь вечернюю мглу не видно было даже просвѣта. Горы какъ-бы срослись, преграждая намъ всякій выходъ изъ ущелья. На узкой полосѣ неба, словно размашистый росчеркъ пера, тѣмнѣли прихотливыя очертанія гребней. Громадныя скалы, нависшія съ обѣихъ сторонъ надъ тѣсниной, казалось, не падали отъ страха попасть въ пучину клокочущей на днѣ рѣки, отъ которой до насъ время до времени долетали каскады бѣлыхъ трепещущихъ брызгъ. Увлекаемые непреодолимымъ теченіемъ громадные камни, ударяясь другъ о друга, грохотали на днѣ рѣки и этотъ грохотъ, вмѣстѣ съ оглушительнымъ плескомъ волнъ и рѣзкимъ шипящимъ шумомъ куда-то неудержимо стремящейся воды, наподобіе несмолкаемыхъ раскатовъ грома, потрясали ущелье. Мы точно попали въ омутъ, единственный выходъ откуда остался за нами, а кругомъ кипѣла такая ошеломляющая работа воды, предъ которой цѣпенѣлъ умъ человѣческій. Ночь, между тѣмъ, окончательно окутала ущелье, сравняла горбы, стесала скалы, заполнила мракомъ пропасти. Мы видѣли дорогу на два шага впереди, да на узкой полосѣ неба ярко горящія звѣзды. Нога то тонула въ щебнѣ, то натыкалась на камни. Тропинка съ осыпи перешла на древнюю морену по правому боку отвѣснаго склона горы Сырху-барзона. Громадные валуны заполняли дно рѣки, обрывистые берега, тропинку и склоны горы. Перескакивая съ камня на камень, мы медленно подвигались впередъ. Порывистый вѣтеръ изъ глубины ущелья налеталъ съ такою силою, что приходилось безпрестанно останавливаться, чтобы устоять на ногахъ. Ни страхъ, ни усталость ничто не смущало подавленныхъ нервовъ. Мы шли потому, что нужно было итти, потому что впереди шелъ проводникъ, который одинъ только зналъ, гдѣ мы и куда идемъ. Только, когда горы раздвинулись и вмѣсто узкой полосы предъ нами открылась цѣлая площадь сверкающаго звѣзднаго неба, съ души точно свалилась какая-то тяжесть, и вдругъ проснулось страшное желаніе поскорѣе добраться до мѣста и отдохнуть. Но еще долго, долго, спотыкаясь о камни, мы брели между какихъ-то холмовъ. Со склона по каменистому осову мы спустились къ рѣкѣ, перешли мостъ,

снова поднялись надъ рѣкой и стали углубляться въ сонный аулъ Гутіат-кавъ, предоставляя проводнику устраивать насъ на ночлегъ. На этотъ разъ проводникъ не заставилъ себя долго ждать. Въ ближайшей саклѣ вдругъ вспыхнулъ огонекъ... Толпа какихъ-то людей увлекала насъ по узкому ходу на верхъ и мы очутились въ довольно чистой кунацкой одного изъ зажиточныхъ обитателей селенія, гдѣ нашлась даже европейская мебель: столъ и нѣсколько деревянныхъ стульевъ. Наскоро утоливъ голодъ, мы, какъ снопы, полегли на полу и заснули крѣпкимъ сномъ.

III.

Когда раннимъ утромъ на слѣдующій день мы вышли на крыльцо, то были поражены той перемѣной, какая произошла за нашъ переходъ въ окружающей природѣ. Предъ нами разстилалась просторная Хилакская долина, буквально утопавшая, съ окаймляющими ее горами, въ свѣжей изумрудной зелени травъ, точно здѣсь только что пробуждалась весна. Незамѣтно для глаза, мы уже поднялись свыше пяти тысячъ шестьсотъ футовъ надъ уровнемъ моря. Соотвѣтственно этой высотѣ, измѣнился характеръ окружающихъ горъ, растительность, температура, даже самый воздухъ. Мы находились въ полосѣ пастбищъ, гдѣ древесной растительности совсѣмъ нѣтъ. Въ то время какъ тамъ внизу, въ Куртатинской котловинѣ, растительность почти отжила, придавая и окружающей мѣстности какой-то старческій видъ, здѣсь, на верху, полнымъ разцвѣтомъ силъ и молодости она сглаживала всѣ шереховатости, всѣ пробѣлы хаотически взволнованной почвы. Горы точно оживали, чѣмъ ниже спускались къ долинѣ, и эта жизненность придавала какую-то особенную прелесть ихъ грандіозности. Внизу подъ нами, по склону горы, до самой рѣки раскинулось селеніе Гутіат-кавъ, состоящее изъ 9 дворовъ съ населеніемъ до 79 душъ обоего пола, когда-то въ древности крѣпость, игравшая важную роль въ исторіи Осетіи; въ настоящее же время Гутіат-кавъ славится своимъ прекраснымъ сыромъ. Аулъ только что пробуждался къ жизни. Женщины вяло начинали свой трудовой день. Однѣ спускались въ хлѣва доить коровъ, овецъ, которыя оглашали воздухъ нетерпѣливымъ мычаніемъ и бленіемъ, другія, взваливъ на плечи громадные мѣдные кувшины, медленно гуськомъ пробирались къ рѣкѣ, единственному мѣсту свиданія, къ которому ежедневно собираются осетинки и обмѣниваются те-

кущими новостями, печалями и радостями; третьи, изгибаясь подъ тяжестью громадныхъ мѣшковъ съ кукурузой, спѣшили на мельницу и т. д. Мужская половина еще бездѣйствовала. Бодрствовалъ только нашъ хозяинъ, очевидно, связанный требованіями гостепріимства. Въ большой бараньей шубѣ, безъ всякаго видимо дѣла, онъ уныло бродилъ по крохотному дворику съ старымъ нашимъ проводникомъ, точно изъ-подъ земли выросшимъ предъ нами въ Гутіат-кавѣ. Судьба благопріятствовала намъ. Даже Инусъ, проводникъ нашъ, не задержалъ насъ ни одной лишней минуты. Изъ Гутіат-кава мы снова перебрались на противуположный берегъ и по зеленой муравѣ направились въ глубину ущелья. Изумрудному морю, которое открывалось предъ нами, казалось, не было ни конца, ни предѣла до самаго синяго неба. Справа еще долго темнѣлъ аулъ, желтѣли гутіаткавскія нивы. На нихъ колосъ только что начиналъ наливаться и волнуемый легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ, какъ-бы нехотя склонялъ свою еще стройную голову. Температура воздуха была такъ низка, что сначала мы дрожали отъ холода въ своихъ легкихъ лѣтнихъ костюмахъ. Хозяинъ сакли, въ которой мы ночевали, шелъ съ нами до какой-то „большой воды". Обычай обязывалъ его вывести насъ, какъ гостей, невредимыми за предѣлы аульныхъ владѣній. О той-же „большой водѣ" толковалъ намъ и проводникъ, но оба они такъ плохо изъяснялись по-русски, что мы ничего не поняли, да и настроеніе было настолько жизнерадостное, что даже самое отдаленное предположеніе какого-либо препятствія какъ-то совсѣмъ не приходило въ голову. Предъ нами пробуждающееся къ дневной дѣятельности солнце золотило гребни горъ, на орошенной утренней росой травѣ тамъ и сямъ мелькали цвѣты, свѣжій утренній воздухъ обдавалъ благоуханіемъ горныхъ луговъ—и кромѣ солнца, цвѣтовъ и этого ароматнаго воздуха, благодаря которому такъ легко дышалось, не хотѣлось ничего знать. Мы шли по дну долины, которая вмѣстѣ съ русломъ рѣки замѣтно повышалась. Фіаг-донъ значительно обмелѣлъ и журчалъ какъ-то слабо по дѣтски, не производя никакого впечатлѣнія своимъ присутствіемъ. Съ обѣихъ сторонъ, наподобіе гигантскихъ изумрудныхъ сфинксовъ, въ долину вдавались своими концами отроги Бокового хребта, образуя короткія ущелья, поперечныя балки, овраги, но, въ своемъ стремленіи внизъ, склоны уже не обрывались, а мягко, хотя и круто, бархатнымъ зеленымъ ковромъ сбѣгали

къ долинѣ. Только далеко впереди громадный остроконечный мысъ, усѣянный темными пятнами—валунами, глубоко вдаваясь въ долину, круто обрывался скалой, которая одиноко и рѣзко выступала среди окружающей зелени. Мысомъ долина какъ-бы раздваивалась. Прямо передъ нами темнѣло узкое боковое ущелье Дзамарат-комъ. До скалистой стѣны Бокового хребта, увѣнченной снѣговыми вершинами, въ которую какъ-бы упиралось ущелье Дзамарат-комъ, казалось всего нѣсколько верстъ въ прямомъ направленіи. Высота предстоящаго намъ перваго перевала граничилась снѣговой линіей. Небольшая рѣченка Дзамарат-комъ, стремительно вырываясь изъ ущелья, широкимъ разливомъ разсѣкала долину. Фіаг-донъ, сливаясь съ нею, сворачивала вправо и, прикрытая горами, исчезала изъ глазъ. Кругомъ царила тишина и какое-то величественное спокойствіе, точно въ гармоническомъ сочетаніи красоты и мощи, улеглись всѣ страсти, всѣ еще недавно бурные порывы капризной горной природы. Только пастухи, перекликаясь другъ съ другомъ, время отъ времени оглашали воздухъ дикой протяжной пѣсней, да эхо глухо вторило имъ изъ различныхъ угловъ ущелья. Тамъ и сямъ, на высотѣ, едва досягаемой глазомъ, по зеленымъ откосамъ спокойно бродили стада овецъ, ежегодно сгоняемыя съ разныхъ концовъ плоскости на сочныя горныя пастбища, съ одной стороны, что-бы предохранить овецъ отъ томительнаго зноя на плоскости, а шерсть—отъ репейника и другихъ колючихъ травъ, благодаря которымъ зачастую половина шерсти непроизводительно пропадаетъ, и съ другой—дать имъ самый здоровый и питательный кормъ, отъ котораго овцы быстро жирѣютъ, а мясо ихъ становится гораздо вкуснѣе. Правда, въ горахъ овцы очень часто гибнутъ отъ бурь, непогоды и хищнаго звѣря, но во всякомъ случаѣ не въ такомъ количествѣ, въ какомъ пропадаютъ они на плоскости, благодаря воровству, скотокрадству, не мыслимому въ горахъ, гдѣ всѣ тропы и дороги идутъ черезъ населенные пункты, гдѣ вору некуда дѣться, и рано или поздно онъ попадется въ руки мѣстныхъ властей... Солнце не спѣша заглянуло въ долину и, осушая ночныя слезинки съ травъ и цвѣтовъ, дохнуло и на насъ тепломъ. Подъ этимъ ласковымъ дыханьемъ солнца, казалось, все вокругъ слилось въ одинъ хвалебный гимнъ прекрасной, вѣчно юной природѣ, которая одна не знаетъ различій въ распредѣленіи своихъ благъ.

Мы незамѣтно подходили къ рѣкѣ. Группа полунагихъ ребятишекъ, спокойно рѣзвившаяся на противоположномъ берегу, при нашемъ приблеженіи, въ какомъ то безумномъ страхѣ стремглавъ бросились въ рѣку. Едва справляясь съ сильнымъ теченіемъ, мальчуганы роняли косматыя шапки въ воду и, оглашая воздухъ испуганными криками, безъ оглядки устремились въ селеніе Андіати-кау, скромно пріютившееся вблизи сліянія двухъ рѣкъ. Тутъ только мы вспомнили о „большой водѣ" и невольно задумались. Ни моста, ни какихъ либо другихъ приспобленій для пѣшей переправы черезъ рѣку не было. Приходилось перебраться или способомъ ребятишекъ, или верхомъ на лошади. Мы, конечно, избрали послѣднее. Любезность бывшаго нашего хозяина тронула насъ до глубины души. Онъ принималъ горячее участье въ нашей судьбѣ и успокоился только тогда, когда взгромождаясь по очереди на вьючную деревяшку (сѣдла съ нами не было) мы наконецъ всѣ благополучно перебрались на противоположный берегъ, но и послѣ того, еще долго, долго онъ слѣдилъ за нами, время отъ времени указывая жестами намъ направленіе. Слѣдуя теченію рѣки, мы свернули на право, но пошли не берегомъ (Фіаг-донъ, огибая мысъ, дѣлаетъ колѣно), а по верху, въ прямомъ направленіи пересѣкая выступъ. Намъ нужно было подняться саженъ на триста надъ рѣкою и спуститься въ долину по противуположному склону выступа. Подъемъ былъ не крутой. Громадные валуны, остатки древней морены, наподобіе надгробныхъ памятниковъ въ безпорядкѣ унизывали мысъ и непосредственно прилегающіе къ нему склоны хребтовъ отъ самого верху до подошвы, гдѣ скоплялись цѣлою грудою. Казалось, они только на время застыли въ томъ положеніи, въ какомъ подъ давленіемъ льдовъ двигались съ вершинъ, хотя по сѣдымъ порослямъ мховъ видно было, что со дня появленія ихъ на склонахъ, прошелъ не одинъ вѣкъ. Даже темный человѣкъ невольно задумывался, глядя на эти громадные камни, такъ рѣзко, такъ странно выступающіе среди гладкихъ, точно въ шелкъ принаряженныхъ горныхъ луговъ. По словамъ проводника, осетины такъ объясняютъ происхожденіе валуновъ. Когда былъ всемірный потопъ и вода поднялась выше самыхъ высокихъ хребтовъ, камни съ вершинъ всплыли на поверхность воды. Затѣмъ, по мѣрѣ убыли, камни осаждались гдѣ попало по склонамъ. Вотъ почему ихъ зачастую можно встрѣтить тамъ, гдѣ самый характеръ горъ

какъ-бы отрицаетъ всякую возможность существованія камней.

Откуда-то набѣжавшая тучка заслонила солнце и дождь крупными каплями посыпалъ на насъ. Перспектива промокнуть до костей заставила насъ поторопиться. Очевидно, гдѣ-то далеко, далеко разразилась гроза и только краюшкомъ своимъ задѣла Фіагдонское ущелье. Мы быстро взобрались наверхъ и также быстро, лавируя между камней и засѣянныхъ хлѣбомъ пашень, почти сбѣжали въ долину, дно которой уже не представляло прежней ровной поверхности; оно было всхолмлено и рядами ступеней вздымалось почти отъ самыхъ береговъ къ склонамъ, отчего Фіагдонъ казался болѣе углубленнымъ въ своемъ руслѣ. Онъ окончательно перешелъ на степень ничтожной рѣченки, глядя на которую совершенно не вѣрилось, что всего верстъ десять пятнадцать ниже онъ могъ тащить за собою громадные камни и наводить ужасъ своимъ оглушительнымъ ревомъ. На днѣ долины темнѣло небольшое селеніе Бугулты-кау, состоящее всего изъ 8 дворовъ и 66 душъ населенія. Громадные псы, встревоженные нашимъ появленіемъ, огласили долину громкимъ сердитымъ лаемъ. Изъ опасенія попасться на зубы громадныхъ горныхъ овчарокъ, мы тѣсною группой приближались къ аулу, держа на готовѣ свои альпенштоки. На лай собакъ изъ сакель выбѣжали женщины, дѣти и какъ-бы замерли въ нѣмомъ изумленіи. Привѣтствіе на осетинскомъ языкѣ вызывало всторженныя улыбки на изумленныхъ, почти испуганныхъ лицахъ, но никто не проронилъ ни единаго слова въ отвѣтъ, не пошевельнулся съ своего мѣста, пока мы не миновали селеніе. Даже мальчишки точно растеряли свою обычную неустрашимость и только вдогонку рискнули крикнуть: „дафндарасто"! (добраго пути).

Мало по малу тучка разсѣялась и дождь пересталъ насъ мочить. Солнце во всѣ глаза глядѣло въ долину, но ужъ не грѣло, а пекло. Проснулся аппетитъ и усталость давала о себѣ знать. Силы какъ-то разомъ покинули насъ. Перебѣгая съ террасы на террасу, мы вяло подвигались впередъ. Даже природа перестала плѣнять насъ своими красотами и какая-то неувѣренность тѣснилась въ душѣ при мысли, что все это цвѣтики, а ягодки еще впереди. По маршруту привалъ рѣшено было сдѣлать подъ самымъ переваломъ Стыр-хохъ, чтобы съ свѣжими силами преодолѣть всѣ трудности подъема, а мы, женщины, наперекоръ всѣмъ маршрутамъ готовы были растянуться тутъ-же, на

зеленой травѣ и хоть на мгновенье дать отдыхъ своимъ усталымъ членамъ. Послѣднимъ селеніемъ въ области Фіагдонскаго бассейна было Колоте, состоящее всего изъ 4-хъ дворовъ съ населеніемъ 26 человѣкъ обоего пола. Оно пріютилось на противуположномъ отъ насъ берегу, на вершинѣ крутого и высокаго обрыва въ рѣку, представляетъ самый высокій (7746 фут. надъ ур. м. по баром. измѣр. Абиха) и крайній населенный пунктъ въ Терской области и границу произростанія культурныхъ злаковъ. Выше Колоте не растетъ даже ячмень; всюду разстилаются субъальпійскіе луга, служащіе прекраснымъ пастбищемъ, благодаря которымъ молочные продукты пріобрѣтаютъ высшія качества и славятся на весь Сѣверный Кавказъ. Нѣсколько человѣкъ осетинъ вышли къ намъ на встрѣчу изъ селенія. Они поражали своимъ высокимъ ростомъ и прекраснымъ тѣлосложеніемъ. Колотинцы разспрашивали проводника о насъ, о нашемъ пути и печально качали головами, глядя на насъ женщинъ, когда узнали, что мы идемъ на Стыр-хохъ. „Дорога яманъ"! перевелъ намъ Инусъ ихъ длинныя рѣчи". „Яманъ, яманъ"! подхватили осетины, но это нисколько не помѣшало имъ спросить три рубля за верховую лошадь до перевала для одной изъ насъ, путешественницъ. Мы давали два рубля, но колотинцы не соглашались.

Отъ Колоте дорога поднималась все выше и выше. Растительность замѣтно бѣднѣла. Цвѣты попадались рѣже и не блистали разнообразіемъ окрасокъ. Короткій дернъ едва прикрывалъ почву. Видно было, что долина досказывала свое послѣднее слово и конецъ ея былъ уже не за горами. Насъ стало мучить безпокойство, найдется-ли топливо на той высотѣ, гдѣ мы предпологали остановиться на отдыхъ. Разспросы, обращенные къ проводнику, не дали никакого утѣшенія. Оказалось, онъ самъ былъ въ первый разъ въ этихъ мѣстахъ. Опасенія наши увеличились еще больше, когда впереди, слѣва, показался снѣжный осовъ, сѣробурымъ громаднымъ языкомъ сползавшій въ долину съ одного изъ отроговъ Стыр-хоха, а еще дальше гора Тепли (Хилакъ) выступала своими вѣчными льдами. Множество ручьевъ, сбѣгая изъ-подъ снѣгового осова, впадало въ Фіаг-донъ, который и самъ развѣтвлялся на нѣсколько рукавовъ и какъ-то безпорядочно разсѣкалъ долину въ различныхъ направленіяхъ, затопляя впадины, образуя болота, топи-трясины, предательски прикрытыя болотными зелеными травами, на которыя ступая но-

га моментально погружалась въ воду. Проводникъ растерялся, не зная какое взять направленіе среди этой массы воды. Мы тоже безпомощно переходили съ мѣста на мѣсто въ надеждѣ отыскать бродъ. Вдругъ позади раздался лошадиный топотъ. Во всю молодецкую прыть на насъ мчался осетинъ. „Давай денга"! проговорилъ онъ, осаживая лошадь. Это былъ тотъ самый осетинъ, у котораго близъ Колоте мы хотѣли взять верховую лошадь. Только теперь, когда мы прошли болѣе шести верстъ и успѣли уже позабыть и о лошади, и о немъ самомъ, онъ надумалъ согласиться на наши условія. Лошади, конечно, мы не взяли, но воспользовались его указаніями на счетъ дороги. Пѣшая тропа шла верхомъ, лошадь же пришлось вести въ обходъ. По гребню ближайшей горы мы обогнули топь и, перескакивая черезъ прозрачные, какъ кристалъ ручьи, поднялись на снѣжный осовъ. Засыпанный сверху пескомъ снѣгъ хрустѣлъ и проваливался подъ ногами. Долины, какою мы ее знали, уже не было. Она точно разомъ, въ нѣсколько часовъ отжила, состарилась, превратилась въ желтый взъерошенный скелетъ широкой котловины, замкнутой, стиснутой со всѣхъ сторонъ горами, извѣстной подъ именемъ котловины истоковъ рѣки Фіаг-дона или Верхне-Хилакской долины. Прямо передъ нами возвышалась гора Тепли. Вѣчные льды съ ея вершины мертвымъ неподвижнымъ каскадомъ сбѣгали внизъ и упирались въ конечную морену почти у подошвы. Направо круто обрывались въ котловину скалистые склоны Боковото хребта, тоже безжизненные, желтые. Фіаг-дона, какъ рѣки, тоже не было. Изъ подъ ледниковъ горы Тепли сбѣгали ручьи, сливались на днѣ котловины въ одинъ мутный желтый истокъ, къ которому со всѣхъ окружающихъ горъ съ какою-то бѣшенной поспѣшностью падали, скатывались такіе-же потоки, образуя цѣлую сѣть быстро бѣгущихъ ручьевъ, которые о чемъ-то шептали, на что-то роптали, ворчали, журчали, но не заглушали вопроса: къ чему это обиліе влаги, это жгучее іюльское солнце, когда котловина давно умерла и ничто уже не пробудитъ къ жизни желтаго щебня, голыхъ скалъ и вѣчныхъ льдовъ!...

Мы были пріятно изумлены, когда сойдя съ осова, взглянули налѣво. Притаившійся до сихъ поръ за передовыми отрогами перевалъ Стыр-хохъ открылся передъ нами во всей своей красотѣ. Только въ горахъ температура, воздухъ, атмосферическія явленія, характеръ мѣстности, картины, пейзажи могутъ мѣнять-

ся чуть-ли ни съ каждымъ новымъ шагомъ, причемъ самые рѣзкіе контрасты, самыя удивительныя противуположности здѣсь уживаются рядомъ. Стыр-хохъ, по крайней мѣрѣ нижняя часть его, утопала въ зелени. На насъ снова пахнуло весенней свѣжестью и журчащіе ручейки сразу получили свой смыслъ и значеніе. Возвышаясь надъ котловиной тремя террасами, Стыр-хохъ какъ-бы не хотя подчинялся роковой необходимости вмѣстѣ съ высотой терять и свою жизнедѣятельную силу. Яркая пышная зелень первой террасы желтѣла и мельчала на второй и совершенно исчезла на третьей, гдѣ на темномъ, почти черномъ, фонѣ шиферныхъ осыпей, тамъ и сямъ въ ложбинахъ неправильными бѣлыми пятнами залегалъ снѣгъ. Самый перевалъ представлялъ перемычку между двумя конусами.

—„Гдѣ-же дорога“? спросилъ кто-то изъ насъ.

„А вонъ, бѣловатой змѣйкой вьется по осыпи“.

Дѣйствительно по осыпи чуть замѣтной свѣтлой полоской извивалась тропинка, по которой намъ и предстояло взобраться на десятитысячную высоту перевала. У подножья первой террасы, на зеленой мягкой лужайкѣ, на берегу шумнаго бурнаго потока, который стремительно вырывался изъ-подъ ледяной глыбы надъ нами, наскоро сколотивъ шалашъ изъ бурокъ и альпенштоковъ отъ палящаго солнца, мы наконецъ расположились на отдыхъ. Къ величайшему нашему удовольствію, по близости, на горахъ оказались поросли рододендрона. Явилась возможность утолить голодъ и жажду даже съ комфортомъ. Черезъ какой нибудь часъ, силы наши возстановились. Это особенное свойство горнаго воздуха, понятное только тѣмъ, на долю которыхъ хоть разъ выпадало одно изъ величайшихъ наслажденій въ человѣческой жизни—путешествіе по горамъ. Точно вмѣстѣ съ воздухомъ какими-то невѣдомыми путями вливается въ человѣческій организмъ и стихійная энергія вѣчно юной прекрасной горной природы и почти нѣтъ силъ преодолѣть страшнаго желанія проникнуть все дальше, все глубже, въ самые сокровенные ея тайники.

По ниже нашего шатра уже собралась группа пастуховъ. Это были мальчики 13—14 лѣтъ. Наивными любопытными взглядами они слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ, предупреждая каждое наше желаніе: угощали овечьимъ молокомъ, водой изъ углекислаго источника, который билъ тутъ-же недалеко отъ потока. Видно было, что въ ихъ одинокой бродячей жизни

встрѣча съ нами представляла не простой случай. Солнце жгло немилосердно, но это не мѣшало время отъ времени холодному рѣзкому вѣтерку пронизывать насъ насквозь. Тѣсно прижавшись другъ къ другу, съ какимъ-то стоическимъ хладнокровіемъ, надъ ручьемъ понурились овцы. Прохладное дыханіе ручья охлаждало ихъ разгоряченныя солнцемъ головы.

Подниматься на Стыр-хохъ сначала даже было пріятно Узкая тропинка среди прекрасной зелени вилась зигзагами, причемъ каждый поворотъ, поднимая насъ все выше и выше надъ котловиной, открывалъ намъ что-нибудь новое, если не впереди, гдѣ за переваломъ ничего еще не было видно, то позади насъ. Тѣ-же самыя горы, которыя мы видѣли снизу, являлись совершенно иными, чѣмъ съ большей высоты мы на нихъ смотрѣли. Начать съ того, что та часть Бокового хребта, которая непосредственно образуетъ Хилакскую котловину, была, какъ на ладони; мало того, открывались и другіе кряжи, какъ оказалось, поперечные отроги Бокового хребта, кое-гдѣ покрытые снѣгомъ, съ такими же прихотливыми очертаніями гребней. Ледяной каскадъ горы Тепли, чѣмъ выше, открывался все шире, и уже со второй террасы мы явственно видѣли громадное ледяное поле, родъ котловины, замкнутое черными обнаженными скалами, торчащими высоко надъ нимъ. При яркомъ полуденномъ солнечномъ освѣщеніи, при совершенно прозрачномъ воздухѣ, каждый ледяной потокъ, каждый остроконечный выступъ, каждая складка выступали съ такою очевидной рельефностью, а всѣ вмѣстѣ горы, съ своими гребнями, скалами, льдами и снѣгами представляли такую грандіозную величественную картину, которой не воспроизвести даже самой искусной кисти художника. Благодаря разряженному воздуху на высотѣ, солнце обжигало лицо, руки и шею до пузырей, а итти, чѣмъ дальше, становилось труднѣе. Тропинка стала менѣе извилистой. На третьей террасѣ пришлось лѣзть прямо чуть не на стѣну по сыпучему щебню. Лошадь шла далеко впереди насъ и безъ сожалѣнія нельзя было смотрѣть, какъ несчастное животное съ трехъ-пудовою кладью на спинѣ становилось почти на дыбы, еле карабкаясь по крутому откосу. Больше десяти шаговъ въ одинъ пріемъ мы уже не могли дѣлать, безпрестанно останавливались или садились, съ трудомъ преодолѣвая порывы сильнаго вѣтра, который дулъ тѣмъ ожесточеннѣе, чѣмъ выше мы поднимались. Между тѣмъ картина

ледника Тепли опять измѣнилась. Вмѣсто одного ледяного потока, мы теперь видѣли цѣлыхъ десять, отдѣленныхъ другъ отъ друга черными скалистыми гривами фирновыхъ полей, которыя, упираясь въ выступы вершины горы Тепли, окаймляли ее въ видѣ полукруга. Мы уже давно потеряли тропинку и лѣзли на прямикъ,—на лошадь, которая, путеводнымъ маякомъ стояла на перевалѣ, на самой перемычкѣ. Утомленные, разгоряченные, мы наконецъ влѣзли на перевалъ. Холодный порывистый вѣтеръ съ какою-то яростью срывалъ съ насъ шляпы, фуражки и едва не валилъ съ ногъ. Съ большимъ трудомъ мы закутались въ бурки и прилегли на камняхъ подъ скалой.

Перевалъ Стыр-хохъ *) представляетъ узкую площадку между двумя конусами, круто обрывающуюся съ одной стороны въ Хилакскую котловину, а съ другой въ Закинскую долину. Здѣсь, къ нашему удивленію, мы встрѣтили самую разнообразную альпійскую флору—и какую флору! Незабудки, колокольчики, бѣлыя и розовыя примулы, желтыя лапчатки, темносинія горечавки, фіалки пестрѣли цѣлыми куртинами—все, правда, мелкіе, низкорослые, но яркіе и красивые. Казалось, кто-то нарочно только что разсыпалъ всѣ эти цвѣты, чтобы смягчить темный, почти черный, непріятный цвѣтъ сланцеваго щебня, которымъ закрыта была вся площадка перевала. Камни, на которыхъ мы отдыхали, оказались остатками какой-то постройки, по всей вѣроятности, древняго осетинскаго капища, отъ бурь и непогодъ давно разрушившагося, но до сихъ поръ чтимаго осетинами, какъ священное мѣсто, куда въ извѣстные дни въ году они собираются для молитвъ и жертвоприношеній. Подъ камнями тщательно обернутыя въ тряпки лежатъ мелкія серебряныя монеты нашего времени, восковыя свѣчи и какіе-то лоскутки. Къ сожалѣнію, мы не могли узнать рѣшительно ничего, даже имени того святого, въ честь котораго здѣсь устроено капище. Въ переводѣ на русскій языкъ „Стыр-хохъ“ значитъ „Большая гора“, но по сравненіи съ тѣми горами, которыя открывались передъ нашими изумленными взорами, она казалась пигмеемъ, едва достигающимъ снѣговой линіи. Перевалъ Стыр-хохъ представляетъ одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, откуда для наблюдателя открывается рѣдкая картина, рѣд-

*) Высота Стыр-хоха (перевала между Нар-дономъ и Фіаг-дономъ), по барометрическимъ измѣреніямъ Абиха и Закавказской Тріангуляціи (№ 1444 списка, помѣщеннаго въ Кавказскомъ календарѣ за 1857 годъ), показанъ въ 10846 фут. н. ур. м. *Ред.*

кая возможность на сравнительно небольшомъ разстояніи обозрѣть высокіе хребты отъ подошвы до гребней и снѣговыхъ вершинъ, со всѣми характерными для такой высоты особенностями въ климатѣ, начиная отъ вѣчныхъ снѣговъ полюса, чахлой флоры сѣвера и кончая прекрасными подъ-альпійскими лугами умѣренной полосы. Это—центръ, вокругъ котораго, точно на выставкѣ, сверкая на солнцѣ, тамъ и сямъ возвышаются снѣговыя вершины, то въ видѣ куполовъ, то въ видѣ остроконечныхъ или усѣченныхъ конусовъ, уносящіяся въ синеватую высь небесъ, съ безчисленнымъ множествомъ ледниковъ, упирающихся въ черную массу гребней. На югъ, юго-востокъ и юго-западъ весь горизонтъ захватывалъ Главный Кавказскій хребетъ съ своими отрогами. Съ десятитысячной высоты Стыр-хоха Главный хребетъ выступалъ больше чѣмъ на сто верстъ: передъ нами открывались очертанія не только передовыхъ или самыхъ высокихъ частей его, нѣтъ, мы видѣли всю семью грандіозныхъ вершинъ, самый гребень и всѣ отроги хребта въ такомъ хаотическомъ безпорядкѣ, который рѣшительно не поддается описанію. Цѣпляясь, заслоняя, возвышаясь одна надъ другою съ какимъ-то непостижимымъ упорствомъ, толпились, лѣзли другъ на друга вверхъ и обрывались внизъ остроконечные пики, скалистые горбы, то обнаженные, черные, то слегка запорошенные снѣгомъ и безчисленнымъ множествомъ залегающихъ между ними ледниковъ, перемычекъ, скалъ, выступовъ—и надъ всѣмъ этимъ безжизненнымъ, неподвижнымъ хаосомъ, точно послѣдній вздохъ замирающей стихійной энергіи—гладкіе, точно отполированные снѣговые конусы: Рес-хохъ (Рез-х.), Сахсъ (съ Рокскимъ переваломъ между ними), Зильга-хохъ („крутящаяся гора"—въ переводѣ на русскій языкъ), наподобіе трехъ-главаго соборнаго купола и множество другихъ безъимянныхъ. Чтобы оріентироваться, отыскать какую нибудь послѣдовательность или какую нибудь связь въ этомъ дикомъ необузданномъ, но величественномъ творчествѣ великой природы, человѣческому уму нужно много знаній, много труда! Отъ снѣговыхъ вершинъ глазъ находитъ отдохновеніе только далеко внизу на мягкихъ яркозеленыхъ подъ-альпійскихъ лугахъ, которыми закрыты склоны до самой подошвы, до самаго дна закинской долины, затонувшей въ такой необъятной глубинѣ, что голова кружилась при одной попыткѣ взглянуть на нее. На сѣверо-востокѣ выступалъ Боковой хребетъ, въ составъ котораго

входилъ и самъ Стыр-хохъ, одною снѣговой вершиной Сивераутъ. На кряжѣ, соединяющемъ Главный хребетъ съ Боковымъ, между снѣговыми вершинами Сивераутъ и Зильга-хохъ, въ юго-западномъ направленіи виднѣлись два перевала: Сба и Трусъ, тотъ самый Трусъ, на который подняться намъ теперь предстояло и съ котораго, какъ говорили путешественники, въ ясную безъоблачную погоду, можно видѣть не только почти весь Кавказскій хребетъ, но и Закавказье. Тотъ же Боковой хребетъ съ безчисленнымъ множествомъ своихъ отроговъ застилалъ горизонтъ съ сѣверо-запада, гдѣ надъ мертвыми каскадами льдовъ высоко поднимались теперь снѣговыя скалистыя вершины горъ: Архона, Тепли, Сырху-барзона и другихъ. Солнце склонилось къ западу, но ни облочко, ни туманъ, ничто не заслоняло отъ насъ снѣговыхъ вершинъ. Онѣ точно монументы надъ павшими нѣкогда въ кровавомъ бою богатырями, гордые сознаніемъ своей великой роли, безмолвно дремали; дремало и все вокругъ нихъ... Только вѣтеръ неумолчно свисталъ, да время отъ времени отдаленный грохотъ, наподобіе залпа изъ орудій, потрясалъ воздухъ. Это, подтаивая, обрывались съ высотъ снѣговыя лавины и увлекали за собой все, что встрѣчалось на пути: камни, щебень, обломки скалъ!...

Спускъ съ Стыр-хоха представлялъ гораздо больше затрудненій, чѣмъ даже подъемъ. Вопервыхъ онъ былъ значительно круче. Тропинка шла по такимъ-же осыпямъ, но только по склону съ еще большей крутизной. Мѣстами приходилось пускать въ ходъ руки и принимать самыя неестественныя положенія. Наконецъ весь ужасъ сорваться съ десятитысячной высоты внизъ, при спускѣ рисовался съ болѣе реальною очевидностью, такъ сказать постоянно былъ передъ глазами, непріятно электризуя нервы, сосредоточивая все вниманіе на передвиженіи, на томъ куда и какъ поставить ногу, чтобы не покончить сразу всѣ разсчеты съ жизнью. Словомъ, когда мы спустились съ осыпи и почувствовали подъ ногами болѣе прочную почву, то уже ничего не видѣли: не видѣли куда затонули снѣговыя вершины, конусы, пики, весь тотъ хаосъ, отъ котораго высоко надъ нами торчали только черныя скалы. Но намъ было уже не до скалъ! Прекрасные субъ-альпійскіе луга дохнули на насъ своимъ ароматомъ. Мы снова среди зелени цвѣтовъ, еще болѣе пышныхъ, еще болѣе разнообразныхъ! Сумрачныя видѣнія сверху расплылись, какъ

дымъ, какъ тяжелый непріятный сонъ въ ясное весеннее утро. Ни о бурныхъ переворотахъ, ни о неразрѣшимыхъ задачахъ, о привольномъ житьѣ въ мирѣ и на свободѣ, о неисчислимыхъ дарахъ своихъ, говорила здѣсь природа, подавленному житейскими невзгодами человѣческому духу. Сглаженные пышною субъ-альпійскою растительностью склоны круто сбѣгали къ Закинской долинѣ, которая и сама, наподобіе пашни послѣ первыхъ весеннихъ дождей, все еще глубоко подъ нами утопала въ зелени. Рѣка Зака-донъ, вытекая изъ подъ скрытыхъ въ вышинѣ ледниковъ Сивераута, съ множествомъ ручьевъ разсѣкала долину. Несмолкаемый шумъ воды, словно напѣвъ забытой на время, но давно знакомой пѣсни, снова доносился до нашего уха. Мы уже сжились, сроднились съ этимъ шумомъ и безъ него самыя прекрасныя картины природы казались намъ какими-то неодушевленными, точно искуссные наброски кистью художника. Тропинка уже не рвалась бѣшенно внизъ, а едва замѣтной примятой полоской между высокими покосными травами, спокойно бѣжала по боку горы куда-то далеко, далеко... Воздухъ точно замеръ: ни вѣтерка, ни одного порывистаго движенія! Мы шли гуськомъ по тропинкѣ. Никакой цвѣтникъ съ его правильно распланированными дорожками, тѣсными рамками клумбъ и куртинъ, въ которыхъ растеніе, какъ птица въ клѣткѣ ни выше, ни ниже желанія садовника не можетъ поднять своей головы, заключая въ такую-же тѣсную рамку и чувства и впечатлѣнія зрителя, не можетъ сравниться съ этой дикой тропинкой, почти на восьмитысячной высотѣ, среди цѣлаго моря зелени, цвѣтовъ и необъятнаго простора! Какихъ только травъ не насадила здѣсь природа, какими только красками не одарила ихъ! Бѣлыя, розовыя и фіолетовыя примулы и тутъ-же рядомъ желтые пучки лапчатокъ, голубыхъ крупныхъ незабудокъ, лиловыхъ субъ-альпійскихъ колокольчиковъ; пышные цвѣты розоваго и пунцоваго клевера, бѣлыхъ и розовыхъ мыльнянокъ, фіолетовыхъ астръ, палевыхъ и блѣдноголубыхъ кавказскихъ скабіозъ и едва замѣтныя въ травѣ желтыя казбекскія и обыкновенныя лиловыя фіалки, темносинія генціаны, между букетами пунцовыхъ, бѣлыхъ и розовыхъ анемоновъ выставляли свои одинокія головки, бѣлыя и палевые крупноцвѣтные кавказскіе васильки, желтые одуванчики, розовые полигонумы; желтыя и розовыя буквицы, розовыя и бѣлыя ромашки и множество другихъ цвѣтовъ въ самомъ пестромъ, по-

этическомъ безпорядкѣ, то утопая въ волнахъ зеленаго моря, то высоко поднимая надъ ними свои разноцвѣтныя головки, украшали склоны на всемъ пространствѣ, докуда хватилъ взоръ, превосходя пышностью, разнообразіемъ и яркостью окрасокъ все, что до сихъ поръ встрѣчалось на нашемъ пути. „Никакое искусство, даже музыка не даетъ такого чистаго возвышеннаго наслажденія"! сказалъ кто-то изъ насъ и это была правда, потому что нѣтъ ничего чище, правдивѣе и проще самой природы!...

Не смотря на трудный, почти тридцативерстный переходъ, мы въ первый разъ забыли, что такое усталость. Таинственная тишина вечера, синяя глубина неба, тонкій ароматъ воздуха, пестрый коверъ цвѣтовъ и этотъ необъятный просторъ уносили далеко за предѣлы человѣческихъ страданій, нашептывая иныя мысли, пробуждая иныя желанія, такія-же смѣлыя и широкія, какъ широка и безпредѣльна была передъ нами голубая даль. Тропинка между тѣмъ спускала насъ все ниже. Высокія субъальпійскія травы исчезли; густой изумрудный дернъ теперь покрывалъ почву. Солнце давно скрылось за горами. Вечернія сумерки спускались надъ ущельемъ. На небѣ одна за другою загорались яркія звѣзды. По крутому откосу мы сбѣжали наконецъ внизъ на дно долины и, обогнувъ бугоръ, очутились въ селеніи Зака. На узкой, кривой улицѣ толпился народъ, рѣзвились полунагіе ребятишки. Наше появленіе произвело цѣлое смятеніе. Неистовые дѣтскіе крики, лай собакъ и громкіе возгласы взрослыхъ смѣшаннымъ гуломъ раздались въ воздухѣ.

—„Старшину намъ пожалуйста отыщите, старшину"! съ мольбой повторяли мы, но насъ никто не слушалъ. Одни унимали дѣтей, другіе разгоняли собакъ, третьи тупо пятились назадъ, видимо принимая насъ за навожденіе шайтана (черта). При помощи Инуса намъ наконецъ удалось втолковать кто мы, что намъ нужно и въ сопровожденіи всей толпы взрослыхъ, дѣтей и даже собакъ, полѣзли куда-то вверхъ по грязной вонючей улицѣ. По обѣимъ сторонамъ улицы лѣпились двухъ-этажныя закинскія сакли. Жилымъ помѣщеніемъ служитъ собственно верхній этажъ, въ нижнемъ же—хлѣва для скотины. Осетинъ горецъ вообще доророжитъ пометомъ скотины. Во многихъ мѣстахъ онъ замѣняетъ ему топливо, но то, что мы встрѣтили въ Зака и въ аулахъ Трусовскаго ущелья, превосходитъ всякія ожиданія. Мы то и дѣло натыкались на громадные бассейны, сдѣланные изъ

плетня, смазанные глиной, переполненные жидкимъ зловоннымъ навозомъ. Закинцу нуженъ навозъ не только для топлива, но и для удобренія полей и вотъ, воизбѣжаніе излишнихъ хлопотъ, онъ бережно копитъ и хранитъ его дома, подлѣ жилья. Мѣстами перекинутая крыша обращала улицу въ темный тунель, по которому, буквально задыхаясь отъ зловонья, чуть не ощупью, мы едва добирались до выхода, чтобы черезъ нѣсколько шаговъ попасть въ такой же тунель. Малоземелье пріучило закинца, свободный клочекъ даже подъ улицей считать непроизводительною роскошью. На 39 дворовъ съ населеніемъ въ 298 душъ обоего пола въ Закѣ (Абайты-кау) всего удобной земли 95 десятинъ... Наконецъ толпа остановилась, благо хоть подъ открытымъ небомъ, среди улицы, между двухъ зловонныхъ бассейновъ. Стали и мы. Глядя на деревянный балконъ высокаго двухъ-этажнаго дома, сопровождавшіе насъ осетины, какъ всегда безтолково, всѣ вмѣстѣ что-то кричали, кого-то звали. На балконѣ появился молодой парень. Старшины не было дома, но сынъ его любезно приглашалъ насъ зайти въ саклю. Мы даже не сразу нашлись, что отвѣтить на такое приглашеніе. Послѣ только-что пережитыхъ впечатлѣній, аулъ съ его мрачными черными саклями, грязью, вонью и дикими криками обитателей, казался какимъ-то вертепомъ, изъ котораго хотѣлось бѣжать безъ оглядки. Поблагодаривъ за приглашеніе, мы попросили отвести намъ для ночлега какую нибудь лужайку близъ аула. Насъ опять повели на этотъ разъ внизъ къ рѣкѣ. Толпа провожатыхъ росла съ каждымъ новымъ шагомъ. При блѣдномъ свѣтѣ луны все это шествіе нѣсколькихъ десятковъ людей, въ косматыхъ бараньихъ шапкахъ, съ криками, говоромъ, неистовымъ лаемъ собакъ въ авангардѣ, напоминало торжественное возвращеніе шайки разбойниковъ съ давно желаемой живою добычей. Мы быстро сбѣжали къ рѣкѣ и перешли мостъ. Разбить палатку и развязать вещи было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, но мы едва справлялись отъ страшнаго утомленія. Вскорѣ явился старшина, разогналъ назойливую толпу любопытныхъ и сдѣлалъ распоряженіе на счетъ провизіи. Онъ зналъ немного по русски. Мы рады были потолковать съ нимъ, поразспросить о дальнѣйшемъ пути. На Трусъ, по его словамъ, ходятъ маленькія дѣти, дорога широкая разработанная.—„Арба можетъ проѣхать“! увлекся онъ.

„Отчего же вы не ѣдете на арбахъ“?

— „У нась аробъ нѣтъ“.

Дѣйствительно, замкнутое среди горъ въ тѣсномъ ущельѣ селеніе Зака не имѣетъ ни одной дороги, приспособленной для колесной ѣзды. Всѣ тяжести, даже въ домашнемъ обиходѣ, перевозятся вьючными лошадьми или на небольшихъ саночкахъ самими закинцами. Отъ него же мы узнали, что недалеко отъ селенія у истоковъ Зака-дона очень давно добывался какой-то металлъ „алутонъ“, очень похожій на золото. Обваломъ съ горы это мѣсто погребено подъ землею и стережется шайтаномъ, который убиваетъ всѣхъ, кто пытается снова добыть этотъ металлъ. Шайтана, по словамъ старшины, собственными глазами видѣлъ его отецъ, страстный охотникъ, и при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Разъ во время охоты онъ съ товарищемъ заночевалъ на горахъ. Они пріютились подъ скалой и время отъ времени обогрѣвались аракой (водкой), которую бережно хранили подлѣ себя. Вдругъ вполночь какое-то страшное, обросшее шерстью чудовище подползло къ нимъ и протянуло косматую лапу за аракой. Отецъ старшины схватился было за кинжалъ, но товарищъ молча его остановилъ. Чудовище выпило всю араку и исчезло. Впослѣдствіи, когда-бы охотники не смотрѣли на эту скалу, подъ ней всегда виднѣлся огонь... Еще и еще о чемъ-то разсказывалъ старшина, но мы уже не въ силахъ были преодолѣть усталости и подъ звуки его монотоннаго голоса незамѣтно заснули.

IV.

Путешествіе пріучило насъ дорожить каждой удобной минутой, цѣнить время по американски, чуть не на вѣсъ золота. Пробуждаясь раньше солнца, мы наскоро умывались ледяною водою на берегу рѣки или ручья, наскоро ѣли, наскоро пили, съ какою-то лихорадочной поспѣшностью всѣ вмѣстѣ укладывали вещи въ вьючные мѣшки и только тогда успокаивались, когда нашъ караванъ снимался съ мѣста, когда ни что уже не мѣшало уноситься взоромъ въ эту полную поэтической таинственности и очарованія горную даль. Такъ было и въ это утро. Закинскія женщины еще не успѣли наполнить водою своихъ кувшиновъ, какъ мы уже двинулись въ путь. Утро было прекрасное, ясное. Въ воздухѣ—свѣжо, почти холодно. Одно единственное облачко бѣлѣло на западѣ и какъ-то предательски разросталось. Но мы

не придавали этому никакого значенія. Узкое Закинское ущелье, подернутое синеватою дымкою и омытое утренней росой, казалось еще прекраснѣе, еще дѣвственнѣе и неприкосновеннѣе глядѣли разстилавшіеся по обѣимъ сторонамъ необъятные горные луга. Слегка углубленный въ руслѣ бурлилъ и шумѣлъ Закадонъ, какъ всѣ горные рѣчки, небольшой у истоковъ. Тамъ и сямъ надъ нимъ темнѣли миніатюрныя осетинскія мельницы и оглашали ущелье грохотомъ своихъ жерновов. Долину въ различныхъ направленіяхъ разсѣкали искусственныя канавки, предназначенныя для орошенія полей, покосныхъ луговъ; кое-гдѣ виднѣлись слѣды искусственнаго удобренія... Мы съ изумленіемъ глядѣли на эти проблески культуры, какимъ-то чудомъ проникшіе въ такую глушь, какъ Закадонское ущелье, залегающее между двухъ высочайшихъ хребтовъ Кавказа: Главнымъ и Боковымъ. Вообще и здѣсь населеніе, видимо, не щадило ни труда, ни времени въ уходѣ за своей землей, отчего травы и злаки (горная пшеница и ячмень) поражали своею пышностью. Путь нашъ лежалъ на востокъ. Зака-донъ постепенно уклонялся отъ дороги влѣво и исчезалъ въ глубинѣ ущелья на сѣверо-западѣ. Аулъ затонулъ далеко позади насъ. Вокругъ не единой человѣческой души. Гдѣ-то заливались дрозды, по дорогѣ порхали жаворонки и, кувыркаясь въ воздухѣ, тоже радостно о чемъ-то другъ съ другомъ перекликались. Легкій вѣтерокъ дулъ намъ въ лицо и глухо издалека доносилъ человѣческій говоръ. Вскорѣ мы наткнулись на цѣлую группу осетинъ. Вооружившись желѣзными лопатами, они обнажали черный пластъ земли отъ дерна, разрѣзали его на четырехъугольники и складывали на небольшія ручныя сани. Оказалось, они заготовляли на зиму торфъ, который служитъ имъ топливомъ. На этомъ мѣстѣ прекращалась дорога и мы наудачу стали огибать выступъ. Вдругъ громадная стѣна, у подошвы которой мы все время шли, оборвалась, образуя родъ боковой котловины, замкнутой въ перспективѣ не менѣе громаднымъ хребтомъ, съ двумя перемычками на черныхъ осыпяхъ скалистаго гребня.

—„Трсо“! радостно воскликнулъ Инусъ.

Мы никакъ не ожидали, что перевалъ такъ близко и тоже пріятно изумились. По сравненію съ Стыр-хохомъ, Трусъ и вся котловина представляли совершенно иную картину. Здѣсь не было и слѣда тѣхъ печальныхъ обнаженій, которыя окружали Стыр-

хохъ и придавали мѣстности видъ дикой страны, куда если и заглядывалъ человѣкъ, то или въ силу какой нибудь необходимости, или изъ любопытства и то на самое короткое время. Цѣлая сѣть тропинокъ на склонѣ Труса свидѣтельствовала о постоянномъ пребываніи здѣсь человѣка, придавали обитаемый видъ этому рѣдкому по красотѣ уголку, съ пышной богатой растительностью, обильно орошенному влагою и мягкими очертаніями окружающихъ склоновъ. Трусъ не террасами обрывался въ котловину, а сплошнымъ изумруднымъ скатомъ, крутымъ только вверху, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ начинались черныя осыпи и среди извилистыхъ очертаній скалистыхъ гребней надъ ними виднѣлись два перевала: Трусъ или Трсо на востокѣ и Сба на юго-востокѣ. Въ общемъ трусовскій перевалъ дѣйствительно казался доступнѣе, не возбуждалъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ возможности преодолѣть всѣ его трудности, хотя о сказочной широкой дорогѣ, по которой свободно можетъ проѣхать арба, и здѣсь, какъ на Стыр-хохѣ, не могло быть и рѣчи. Кто могъ проложить такую дорогу почти на одинадцатитысячную высоту, когда отъ селенія до селенія, кромѣ вьючныхъ тропъ, зачастую нѣтъ никакихъ дорогъ, никакого другого сообщенія. Со всѣхъ окружающихъ горъ скатывались ручьи и, сливаясь въ потокъ, шумно и бурно сбѣгали внизъ къ Зака-дону. Лавируя между потоками то влѣво, то вправо, мы начали подниматься. Намъ нужно было, какъ можно производительнѣе воспользоваться утренней прохладой, такъ какъ, наученные горькимъ опытомъ, мы уже не желали во второй разъ подвергать себя ожогамъ знойнаго іюльскаго солнца. По густому пышному дерну, которымъ драпировались не только всѣ склоны, но каждая впадинка, овражекъ, канавка, итти было мягко, легко. Кое-гдѣ попадались цвѣты: примулы, желтые лютики, генціаны, буквицы, незабудки,—но рѣдко; грибы-шампиніоны тамъ и сямъ на зеленомъ фонѣ травы выдвигали свои бѣлыя шапки; по оврагамъ—обширныя заросли колючаго татарника, вѣроятно, тоже употребляемаго какъ топливо, такъ какъ на всѣхъ пригрѣвахъ попадались его цѣлыя кучи, сложенныя, видимо, для просушки; выше—не менѣе обширныя поросли рододендрона. Но что всего удивительнѣе, у самой подошвы противуположнаго склона, вправо отъ насъ, какъ-то стыдливо и одиноко возвышались пять, шесть стройныхъ старыхъ березокъ. Это была единственная группа деревьевъ, которую мы

встрѣтили въ Закинскомъ ущельѣ. Какъ они сюда попали и какъ уцѣлѣли—трудно было рѣшить, хотя еще труднѣе было допустить искусственное насажденіе, такъ какъ даже въ аулѣ мы не видѣли ни единаго дерева. По всей вѣроятности—это все, что осталось потомству въ воспоминаніе о тѣхъ громадныхъ березовыхъ лѣсахъ, которые нѣкогда произростали въ Закинскомъ ущельѣ, сначала оберегаемая, какъ рѣдкая уцѣлѣвшая группа древесной растительности, а затѣмъ, когда совершенно исчезли признаки лѣсовъ, получившая въ глазахъ мѣстнаго населенія значеніе особаго дара, священной неприкосновенности. Вообще съ Трусомъ, какъ и со Стыр-хохомъ, у осетинъ, навѣрно, связаны какія нибудь преданія чисто религіознаго характера, такъ какъ дальше, на склонѣ, возвышалась какая-то руина, остатокъ древней постройки, сложенной изъ каменныхъ плитъ, „дзуаръ" (святой), какъ пояснилъ намъ Инусъ, гдѣ хранились пожертвовавованія путниковъ, а можетъ быть и какія нибудь священныя вещи. Дзуаромъ заканчивалась первая половина подъема, гдѣ рѣшено было отдохнуть, оглядѣться вокругъ себя. Но... что это? То самое ничтожное облачко, которое едва замѣтнымъ пятномъ бѣлѣло на западѣ, за три четыре часа нашей ходьбы разрослось въ цѣлые клубы, затянуло весь юго-западъ, гдѣ снова выступалъ передъ нами Главный хребетъ, другою только своею частью. То сгущенными, то разрѣженными, движущимися и непроницаемыми массами облака окутывали всѣ снѣговыя вершины. Громадный снѣговой конусъ Адай-хоха на половину былъ прикрытъ всклокоченной бѣлой шапкой, такъ что мы видѣли его нижнюю часть—отполированныя массы ледниковъ. Снѣговыя вершины: Халаца, Тбильса были открыты только съ боковъ. Даже скалистые гребни, съ залегающими между ними клочками облаковъ и подернутые прозрачнымъ вуалемъ легкаго тумана, имѣли совершенно другой видъ, какъ-бы потеряли рѣзкія линіи своихъ очертаній.

—„Прощай, Трусъ! Мы ничего не увидимъ"! Печально произнесъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ и этотъ возгласъ непріятно передернулъ всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, взобраться на Трусъ для того, чтобы видѣть, какъ облака закрываютъ горы, представлялось далеко незаманчивой перспективой. Начались всевозможныя опасенія и сожалѣнія. Одни предсказывали дождь, другіе пеняли на то, что не переждали этого дня въ аулѣ Зака.

Словомъ, прекрасное настроенiе, все время сопутствовавшее намъ, было испорчено. Остальную часть подъема до осыпей мы прошли безъ малѣйшаго воодушевленiя, чему много способствовала страшная жара и голодъ. На этотъ разъ, мѣстомъ для отдыха была избрана послѣдняя зеленая лужайка, опять на берегу шумнаго ручья, подъ самыми осыпями. Ѣда и отдыхъ нѣсколько прiободрили насъ. Здѣсь наше вниманiе привлекли облака своимъ непрерывнымъ движенiемъ. То и дѣло, набѣгая, они закрывали вѣчные льды и снѣга горъ, но до извѣстнаго только предѣла, граничащагося линiею скалистыхъ гребней, гдѣ моментально разсѣевались и исчезали въ синевѣ, а на ихъ мѣсто, на мгновенiе свободное, являлись новые клубы и такъ все время. Часа черезъ два, три мы снова двигались впередъ. Подъемъ на Трусъ по осыпямъ былъ нѣсколько легче, чѣмъ на Стыр-хохѣ,— прежде всего потому, что былъ значительно короче, тропинка извилистѣе, но въ общемъ тоже очень крутой и трудный. Снова несчастная лошадь выбивалась изъ силъ, едва цѣпляясь копытами по сыпучему щебню, снова жгло солнце и продувалъ холодный вѣтеръ. Но все это было ничто въ сравненiи съ тѣмъ вѣтромъ, который какъ шквалъ налѣталъ на насъ на перевалѣ; приходилось употребить въ дѣло всѣ наличныя средства, данныя Богомъ человѣку для самосохраненiя, чтобы устоять, удержаться отъ толчковъ, которыми со всѣхъ сторонъ награждалъ насъ вѣтеръ. На Трусѣ *) нѣтъ даже площадки. Крутой скатъ противуположнаго склона начинается прямо отъ гребня и громаднымъ выпуклымъ горбомъ нависая ниже, совершенно скрываетъ отъ глазъ Трусовское ущелье. На самомъ перевалѣ стоитъ пирамида, сложенная изъ камней—путеводный маякъ во время зимнихъ снѣжныхъ заносовъ. Вокругъ—ни малѣйшихъ признаковъ жизни или какой-либо растительности. Темный щебень шифернаго сланца, черныя обнаженныя скалы, да снѣгъ по ложбинамъ, вотъ все, что мы видѣли на Трусѣ. Дико, хмуро, холодно, не смотря на яркое горячее iюльское солнце и какъ-то жутко тоскливо на душѣ, особенно подъ свистъ бушующаго вѣтра и отдаленный грохотъ обрывающихся снѣговыхъ лавинъ. Передъ нами снова весь горизонтъ застилали горы: съ сѣвера и востока—Боковой хре-

*) Перевалъ между деревнями Заки и Сивераутъ (№ 1154 списка, помѣщеннаго въ Кавказскомъ календарѣ за 1857 годъ), по даннымъ Закавказской Трiангуляцiи считается въ 10335 ф. н. у. м. *Ред.*

бетъ, съ запада и юга—Главный хребетъ; но картина была уже не та, не такъ прозраченъ воздухъ, не такъ необъятна синяя даль съ непроницаемою бѣлою пеленою облаковъ въ перспективѣ. Мы не видали нетолько Закавказья, но даже Казбека. Онъ затонулъ въ облакѣ на сѣверо-востокѣ, вмѣстѣ съ скалистыми гребнями. Гонимыя вѣтромъ облака на мгновеніе разсѣивались и тогда, среди бѣлыхъ всклокоченныхъ массъ, вдругъ обнажалась скала или черный пикъ, точно мертвецъ изъ-подъ бѣлаго савана, выставлялъ свою остроконечную вершину. За то съ сѣвера Боковой хребетъ былъ открытъ. Кромѣ знакомаго уже намъ снѣговаго конуса Сивераутъ и далеко на сѣверо-западѣ скалистыхъ снѣговыхъ скатовъ горы Тепли, надъ горною массою гребней горделиво возвышались: Джимарай-хохъ, Цити-хохъ и цѣлый рядъ безъимянныхъ снѣговыхъ вершинъ, о существованіи которыхъ мы узнали только, глядя на хребты съ Труса. Вся западная часть Главнаго хребта была также задернута облаками, особенно сгущенными надъ Адай-хохомъ и Рес-хохомъ, но на югѣ совершенно отчетливо своими тремя куполами выступала тоже знакомая уже намъ снѣговая вершина Зильга-хохъ (12644 или 12670 ф.). Мы ее тотчасъ же узнали и тутъ только поняли почему осетины назвали ее „Крутящейся горой“. Казалось, она снова обернулась къ намъ тою стороною, которую мы уже видѣли съ Стыр-хоха, до того не измѣнились ни видъ, ни форма этой снѣговой вершины. Вначалѣ мы почти не сомнѣвались, что сильный вѣтеръ разсѣитъ непроницаемую пелену облаковъ и рано или поздно Кавказскій хребетъ предстанетъ предъ нами во всемъ своемъ величіи. Но увы!... Прошелъ часъ, прошелъ другой, наконецъ третій, а облака не только не разсѣивались, но еще больше сгущались и разростались. Снизу, изъ ложбинъ, точно изъ щелей, полѣзли на встрѣчу имъ клубы сѣраго тумана. Дождь неминуемо угрожалъ ущелью. Ожидать дальше было не только безполезно, но и рисковано, тѣмъ болѣе, что время клонилось къ вечеру. Однако мы остались еще на часъ, но также безъуспѣшно и только когда съ сѣвера и юга стали появляться бѣлыя облака, окончательно потеряли терпѣніе и начали спускаться. Крутая протоpенная тропинка, мѣстами смытая дождями, мѣстами заваленная осунувшимися съ вершинъ камнями и щебнемъ на высотѣ 10332 футовъ, представляла плохую арену для борьбы съ вѣтромъ, который, казалось, подстерегалъ только удобный мо-

ментъ, чтобы какъ ничтожную, никому ненужную былинку поднять насъ на воздухъ или сдунуть внизъ въ пропасть. Мы упирались, насколько хватало силъ, не шли, а ползли, цѣпляясь за камни, по карнизу отвѣсной стѣны, къ осыпямъ, по которымъ обогнувъ мысъ, нависшій надъ ущельемъ, почувствовали, наконецъ, болѣе прочную почву подъ ногами и перевели духъ. Отсюда тропинка по твердому каменистому грунту полого сбѣгала къ первой зеленой террасѣ, раскинувшейся высоко надъ узкимъ, глубокимъ Трусовскимъ ущельемъ, которое у самой подошвы перевала заворачиваетъ влѣво и тянется еще верстъ на пять, на шесть на югъ, до самыхъ круглыхъ скатовъ горы Сивераутъ и Зильга-хохъ, гдѣ изъ-подъ снѣговъ и льдовъ послѣдней беретъ свое начало Терекъ. Внизу вѣтеръ немного стихъ. Сквозь сгущенную массу облаковъ на западѣ тускло мигало солнце. Волнистая глубь ущелья, затканная яркою зеленью травъ, съ зубчатыми каймами черныхъ гребней въ вышинѣ и серебристой змѣйкой быстро бѣгущей по дну рѣки, точно грустью подернутое мягкой полутѣнью, пріятно успокаивала нервы. Уже безъ остановки мы сбѣжали на террасу, гдѣ давно поджидалъ насъ Инусъ.

—„Моя пошелъ низу. Дорога мало, мало яманъ. Лошадь пропалъ. Твоя пошелъ, твоя якши“! какъ всегда, безсвязно забормоталъ онъ, указывая рукою на тропинку по краю террасы. Это значило: вы идите по верху, а я спущусь въ долину, такъ какъ лошадь устала и можетъ упасть. Караванъ нашъ раздѣлился. Слѣдуя указанію Инуса, мы пошли по верху, сначала по террасѣ, а затѣмъ по узкому карнизу склона, прорѣзанному щебневыми осыпями, по которымъ дѣйствительно было опасно вести вьючную лошадь. Терекъ шумно катилъ свои мутныя воды, то подбѣгая къ самой подошвѣ склона, то ударяясь о его выступы, съ злобнымъ шепеніемъ сворачивалъ въ сторону, глубоко подъ нами, куда мы старались не смотрѣть, особенно на осыпяхъ, такъ какъ голова кружилась при одномъ взглядѣ на ту высоту, которая отдѣляла насъ отъ рѣки. На второй террасѣ передъ нами снова развернулись субъ-альпійскіе луга. Пышный коверъ цвѣтовъ не только застилалъ весь склонъ впереди, но спускался до самаго дна ущелья, которое казалось впадиной по сравненію съ окружающими горами, на самомъ же дѣлѣ залегало на высотѣ восьми тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Мы съ жадностью

вдыхали свѣжій ароматный воздухъ. Сознаніе, что большая часть пути уже пройдена, что не впередъ, а назадъ, къ душнымъ стѣнамъ города, теперь лежитъ нашъ путь, навѣвало невольную грусть, которой какъ-бы вторила сѣрая свинцовая туча, нависшая надъ ущельемъ. Внизу промелькнули силуэты какихъ-то построекъ. Это первое селеніе въ Трусовскомъ ущельѣ—Сивераутъ. Оно пріютилось на зеленой лужайкѣ надъ Терекомъ, у подошвы отрога, которымъ граничится узкое боковое ущелье быстрой рѣчки, тоже—Сивераутъ. Мы спустились прямо къ Тереку. Пять, шесть сѣрыхъ сакель, съ ворохами сухого хвороста на плоскихъ крышахъ, составляли все селеніе Сивераутъ. Словно изъ рога изобилія, изъ аула посыпались ребятишки, которыхъ вездѣ и всегда было много; два, три взрослыхъ осетина вышли къ намъ на встрѣчу и поздоровались по русски. „Ого! что значитъ сосѣдство съ большой проѣзжей дорогой"—изумленно переглянулись мы. Дѣйствительно рѣдкій трусовецъ не принималъ участья въ ежегодныхъ расчисткахъ и поправкахъ Военно-Грузинской дороги, которая наложила на нихъ свой отпечатокъ. Трусовцы даже по типу болѣе напоминаютъ грузинъ, чѣмъ осетинъ. Отъ Сивераута ущелье сильно расширяется: Боковой и Главный хребты широко раздвигаются, отбрасывая поперечные отроги, которые или глубоко вдаются въ ущелье, образуя узкія боковыя трещины, съ бурными потоками на днѣ, носящими каждое свое названіе (Сивераутъ, Рес-донъ, Теп-донъ, Джимарай-донъ —съ лѣвой стороны, Цоцольтъ и др. съ правой), или волнистой зеленой бахрамкой окаймляютъ бока и бѣгутъ параллельно хребтамъ. Вбирая въ себя всѣ эти побочныя воды, Терекъ струится въ широкомъ руслѣ, мѣстами раздробляясь на нѣсколько рукавовъ. Тамъ и сямъ между пашень и покосныхъ луговъ виднѣлись небольшія поросли низкорослаго березника, красиво оживляющія склоны своею темною зеленью. Въ Сивераутъ мы не зашли: во первыхъ было еще рано, а во вторыхъ впереди виднѣлось такое множество селеній, что на ночлегъ можно было пристать во всякое время. Трусовское ущелье поражаетъ своею населенностью. Здѣсь, что ни шагъ, то и селеніе или поселокъ живописно ютятся и по горамъ и внизу по берегу Терека, съ небольшими древними башнями, миніатюрными современными и старинными церквами. Изъ числа ауловъ наиболѣе значительные: Сивераутъ, Реси, Тепъ, Джимара, Цоцольтъ, Бурмасикъ, Карат-кау и многіе друг. По

указанію осетинъ, отъ Сивераута мы шли по каменистому берегу. Скоро догналъ насъ Инусъ съ лошадью. Надвигались сумерки. Ясная полоса неба впереди—свидѣтельствовала, что далеко за горами, на плоскости стояла хорошая погода, позади—сплошная сѣрая стѣна тумана застилала и горы, и ущелье до самаго сѣраго свинцоваго неба. Тамъ шелъ дождь. Мы спѣшили, насколько хватало силъ, и почти въ потемкахъ добрались до селенія Тепъ, гдѣ на выгонѣ, на берегу Терека, расположились на ночлегъ. Изъ аула сбѣжался народъ. Чтобы раздобыть провизію, мы по обыкновенію хотѣли послать за старшиной, но Инусъ запротестовалъ.

—„Зачѣмъ старшина"? таинственнымъ шепотомъ обратился онъ къ намъ: „старшина мало, мало мошенникъ. Моя пошелъ, моя куплю"!

И дѣйствительно, черезъ часъ въ нашемъ распоряженіи были цыплята, яйца—и все вдвое дешевле, чѣмъ доставляли намъ старшины.

На слѣдующій день мы проснулись при самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ. Палатка протекла и вещи всѣ подмокли. Проливной дождь шелъ цѣлую ночь. Сѣрое пасмурное утро мрачно глядѣло въ палатку, но мы не унывали. Туманъ все выше и выше подымался къ вершинамъ горъ, клочьями залегая на пути по ложбинамъ. Сквозь разорванныя косматыя тучи время отъ времени проглядывало солнце и, точно улыбкой, озаряло заплаканное ущелье. Цѣлыхъ три часа пришлось просидѣть въ бездѣйствіи, пока просохли вещи и палатка. Тепъ, одно изъ большихъ селеній Трусовскаго ущелья, раскинулось на днѣ его, по берегу Терека. Небольшая рѣчка Теп-донъ разсѣкаетъ его на двое и стремительно сбѣгаетъ къ Тереку. Сакли, какъ и въ Зака, каменныя, двухъ-этажныя, но снаружи смазанныя глиной. Знакомые намъ бассейны съ навозомъ зіяли всюду по улицамъ. Недалеко отъ нашей стоянки, на выгонѣ, возвышалось какое-то сѣрое старое каменное зданіе, въ которомъ только по кресту на крышѣ можно было признать древнюю церковь. Подъ неумолкаемый говоръ толпы мужчинъ, женщинъ въ грязныхъ оборванныхъ рубищахъ и крики полунагихъ ребятишекъ, которые съ жадностью набрасывались на каждый клочекъ брошенной нами бумаги, мы покинули аулъ. Дорожка опять повела насъ берегомъ, гдѣ слѣва, за оградой изъ рѣчного булыжника, разстилались не-

объятныя тепскія нивы отъ самой подошвы горъ до Терека и далеко бѣжали за нимъ впереди. Ни межи, ни тропинки—все засѣяно хлѣбомъ, мѣстами до самаго края, до обрыва въ рѣку.

—„Какъ-же пройти? Гдѣ-же дорога“? спрашивали мы сопровождавшихъ насъ изъ селенія осетинъ.

„Дороги нѣтъ“! лаконически отвѣчали они.

Послѣ долгихъ пририрательствъ и длинныхъ разговоровъ оказалось, что дорога дѣйствительно была здѣсь, но за недостаткомъ земли и ее засѣяли хлѣбомъ. Нѣсколько владѣльцевъ вызвались проводить насъ. Слѣдуя за ними, мы шли по самому краю обрыва надъ Терекомъ и въ теченіи получоса то прыгали по камнямъ, то перелѣзали черезъ ограды, пока наконецъ не вышли на тропинку среди сѣти отдѣльныхъ участковъ. Между тѣмъ туманъ окончательно разсѣялся. По небу бродили тучки и только иногда, набѣгая на дискъ яркаго полуденнаго солнца, отбрасывали и по склонамъ горъ и по дну ущелья чудовищныя тѣни. Въ сторонѣ промелькнуло еще одно селеніе—Джимара, а за нимъ на крутомъ холмѣ показалось другое—Бурмасикъ. Мало по малу пашни отошли влѣво. Каменный выносъ, въ перемежку съ чахлой травой, застилали берегъ. Въ Бурмасикѣ насъ встрѣтила толпа осетинъ косарей. Пользуясь разъяснившейся погодой, они спѣшили на покосъ. Десять, пятнадцать сакель тѣсно лѣпились другъ къ другу на холмѣ. Изъ любопытства мы зашли въ одну изъ нихъ. Крутая деревянная лѣсенка, скрыпя и покряхтывая, подняла насъ на крыльцо или балконъ второго этажа, такой-же живой, какъ и лѣстница, ничѣмъ не защищенный съ краевъ, глядя на который было положительно непонятно, какъ ухитрялись осетинскія дѣти выростать цѣлыми и невредимыми среди такихъ неблагопріятныхъ и почти невозможныхъ для нашихъ городскихъ дѣтей, условій жилого помѣщенія. Изъ довольно чистой, даже оклеенной обоями, кунацкой мы вошли въ женскую половину, темную, мрачную комнату, освященную однимъ крохотнымъ оконцемъ, гдѣ-то на верху, съ смазаннымъ глиною землянымъ поломъ и стѣнами, гдѣ въ одномъ углу, связанный по рукамъ и ногамъ въ туземной люлькѣ, подъ унылое убаюкиваніе матери дремалъ малолѣтній сынъ горъ, а въ другомъ неистово кудахтала испуганная курица. На нарахъ, среди сложенной постели и разнаго трепья, торчалъ красный кованный сундукъ, рядомъ съ громадной корзиной изъ плетня, предназначенной для храненія кукуру-

зы. Запахъ плесни и сырости царилъ въ помѣщеніи. Мы съ удовольствіемъ вышли на свѣжій воздухъ, такъ тосклива, непривѣтлива обстановка, среди которой приходится родиться, рости и развиваться молодому осетинскому поколѣнію. Съ холма, на которомъ ютится селеніе, открывался прекрасный видъ. Прямо передъ нами, въ глубинѣ узкаго бокового ущелья, изъ котораго вырывалась къ Тереку небольшая рѣченка Цоцольт-донъ, въ Главномъ хребтѣ открывался цѣлый рядъ бѣлыхъ сверкающихъ вершинъ. Между ними одна, Цоцольт-хохъ, поражала своею оригинальностью. Она завершалась ни конусомъ, ни куполомъ, а двумя или тремя громадными черными утесами, какъ-бы поставленными перпендикулярно на бѣлое снѣжное поле, ниже котораго ярко-зеленый покровъ субъ-альпійскихъ травъ застилалъ всѣ склоны, все узкое ущелье. На востокѣ тянулось все тоже Трусовское ущелье, на однообразномъ фонѣ котораго гдѣ-нибудь у входа въ балку, или на зеленомъ скатѣ противуположнаго склона, вдругъ одинокой группой выступала небольшая березовая рощица, иногда прикрывая своею тѣнью крохотную бѣлую хатку, должно быть, часовню, отчего и балка, и склонъ получали особый поэтическій смыслъ, какъ-бы одухотворялись тѣми стремленіями, которыя влекли къ нимъ человѣка. За ауломъ Карат-кавъ, который пріютился у подошвы лѣваго склона, Терекъ дробится на множество рукавовъ и широко разливается по дну ущелья, образуя обширныя топи, поросшія зелеными болотными травами. Среди массы воды, которая пряталась подъ травой, ручьями и потоками струилась во всѣхъ направленіяхъ, мы снова очутились въ самомъ безпомощномъ положеніи. Впереди Инусъ выбивался изъ силъ, вытаскивая лошадь, по брюхо довязшую въ топкой грязи. Подоспѣвшій къ нему на помощь парень изъ аула Карат-кавъ взялся было вывести насъ на дорогу, но вдругъ раздумалъ и вернулся назадъ. Оказалось, онъ требовалъ платы впередъ, но возмущенный Инусъ прогналъ его прочь. Къ счастью, караткавскій старшина догадался выслать намъ проводника. Скользя промокшею обувью по влажной травѣ, мы напрямикъ ползли на лѣвый склонъ. Тропинка бѣжала, по карнизу его, высоко надъ ущельемъ. Внизу, лавируя между ручьями и топями, пробирался Инусъ съ лошадью и проводникомъ, оба босые, съ закатанными до колѣнъ шараварами. Съ зеленыхъ лужаекъ мы то и дѣло сбѣгали на осыпи, по которымъ, не выдерживая собственной

тяжести, безпрестанно сыпались камни внизъ, на дно ущелья, гдѣ одинъ изъ рукавовъ Терека подмывалъ склонъ у самой подошвы. Впереди отроги: Цоцольт-хохъ—справа и Джимарай-хохъ—слѣва, какъ-бы перепоясывали ущелье, оставляя узкій протокъ, въ который, медленно собирая раздробленныя воды, устремляла свое теченіе рѣка. Несомнѣнно, что протокъ представляетъ явленіе современное, что нѣкогда Трусовское ущелье наглухо замыкалось въ этомъ мѣстѣ поперечнымъ отрогомъ, но Терекъ распилилъ его и продѣлалъ выходъ. Тропинка, подбѣжавъ къ скалистому боку лѣваго отрога, вдругъ куда-то исчезла. Мы въ недоумѣніи остановились. По гладкой сѣрой осыпи склона, не выше, не ниже, казалось, ни разу не ступала нога человѣческая. Очевидно, намъ нужно было перелѣзть черезъ отрогъ, но какъ?

—„Дорога здѣсь“! отозвался караткавскій проводникъ и, перегнувшись черезъ гребень, протянулъ къ намъ руки.

Съ его помощью мы поочереди вскарабкались на гребень и по скалистому обрывистому склону спустились внизъ, на дно долины, извѣстной подъ именемъ Абанской, которая разстилалась верстъ на восемь, девять въ глубину до самаго тѣснаго Касарскаго ущелья. Плоская, шириною съ версту, не смотря на свое возвышенное положеніе (7 т. фут.), она производила пріятное впечатлѣніе своимъ просторомъ, яркою зеленью пастбищныхъ луговъ и населенностью. Главнымъ занятіемъ жителей здѣсь служитъ скотоводство. Абанскіе и вообще трусовскіе сыры считаются лучшими на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ. По дну долины, дугой огибая отрогъ справа, Терекъ струился въ одномъ руслѣ, почти у подошвы праваго же склона. Съ обѣихъ сторонъ, точно открытыя пасти, темнѣли выходы боковыхъ ущелій, по которымъ стремились къ Тереку быстрыя рѣчки-протоки и множество небольшихъ потоковъ по глубокимъ балкамъ. Справа широкимъ устьемъ вдавалось въ долину Деси-донское ущелье, прорытое бѣшенной рѣченкой того же имени, одинъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ Абанской долины, обставленное съ боковъ скалистыми склонами и замкнутое въ глубинѣ снѣговой вершиной Деси-хохъ. У входа въ ущелье по зеленому бугристому скату лѣпились селенія: Деси верхнее и Деси нижнее, напоминая своими полуразрушенными башнями тѣ бурныя, къ счастью уже отошедшія въ отдаленное прошлое, времена, когда мирному постороннему наблюдателю, даже взоромъ проникнуть въ эти таинственные уголки было невоз-

можно. Мы пробирались по дну долины. Небо снова заволоклось тучами. Подулъ сырой, холодный вѣтеръ. Впереди, разсѣкая долину во всю ширину, стремился къ Тереку Суатис-донъ, тоже быстрая, довольно большая рѣченка, выбѣгающая изъ узкаго глубокаго бокового ущелья слѣва. Моста черезъ рѣчку не было. На вершинѣ обрыва, у выхода рѣки изъ ущелья темнѣло селеніе Закагуръ (Джакагори). Внизу нѣсколько осетинъ долбили скалу, выламывая огромныя плиты шифернаго сланца, вѣроятно, для какихъ нибудь домашнихъ нуждъ, а можетъ быть, для памятниковъ на могилы кладбища, которое виднѣлось тутъ же на холмѣ, недалеко отъ селенія. Они очень удивились, заслышавъ наши голоса и охотно указали намъ бродъ для переправы верхомъ черезъ бурную капризную рѣчку. Отъ Закагура дно долины на громадномъ протяженіи впереди застлано галькой, выносомъ рѣчки Суатис-донъ, и вмѣстѣ съ окружающими горами имѣетъ довольно однообразный видъ. Ни одно боковое ущелье не расчленяетъ стройныхъ цѣпей горъ, ни одна болѣе или менѣе значительная рѣчка не впадаетъ въ этомъ мѣстѣ въ Терекъ. До самого селенія Абано дорога бѣжитъ по дну ущелья, гдѣ среди, грудами нанесеннаго камня тамъ и сямъ бьютъ горячіе источники, наполняя воздухъ удушливымъ запахомъ сѣры. Абано—одно изъ большихъ селеній Трусовскаго ущелья, раскинулось на днѣ долины, ближе къ лѣвому склону. Жители Абано объяснялись съ нами довольно свободно по русски. Здѣсь намъ встрѣтился цѣлый караванъ вьюковъ съ краснымъ товаромъ, предназначеннымъ для употребленія обитателей Трусовскаго и сосѣднихъ съ нимъ ущелій. Отъ Абано долина начинаетъ съуживаться, дно ея всхолмляться. Терекъ подступаетъ ближе къ лѣвому склону. Дорожка взбирается на бугристый пологій склонъ и такъ бѣжитъ все время надъ рѣкой, до самой Касарской тѣснины, среди пышныхъ покосныхъ луговъ, усѣянныхъ цвѣтами. Безчисленное множество углекислыхъ и щелочныхъ источниковъ окрашиваютъ въ этомъ мѣстѣ берега то въ бѣлый, то въ красный цвѣтъ. Мы спустились къ одному изъ источниковъ. Вода, выступая на поверхность земли, кипитъ, пузырится точно на огнѣ; на вкусъ напоминаетъ нарзанъ, но съ сильнымъ запахомъ сѣры. За селеніемъ Кетерсъ (Кетриси) мы случайно наткнулись на довольно большую, глубокую, круглую впадину, должно быть, провалъ съ отверстіемъ сбоку, въ видѣ пещеры. У входа въ пещеру и на днѣ ямы валялись трупы лягу-

шекъ, ящерицъ и разныхъ мелкихъ птичекъ, которыя, вѣроятно, искали ночного пріюта въ коварномъ провалѣ, но, по какимъ-то невидимымъ для глаза причинамъ, были застигнуты смертью внезапно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предпологали перебыть ночь. Зажженная бумага моментально погасла, едва мы поднесли ее къ отверстію пещерки, и объяснила намъ все. Изъ пещеры выдѣлялся углекислый газъ, которымъ и убиты несчастныя птички, ящерицы и лягушки. Между тѣмъ вокругъ уже не было прежняго простора. Надвинувшись цѣлой толпой, горы сдавили долину съ боковъ и замкнули ее впереди. Среди крутыхъ скалистыхъ склоновъ узкою щелью темнѣло тѣсное Касарское ущелье. Оно залегаетъ между отрогами горъ—Касары и Казбека съ одной стороны и Харисара и Хыргума съ другой—и прорыто все тою же могучею, непобѣдимою дѣятельностью рѣки, Терекомъ, который точно спѣша вознаградить себя за многовѣковую необходимость уступками, обходами, скрытой, невидимой, но неустанной разрушительной работой отстаивать каждый шагъ своего движенія, среди громадныхъ могучихъ великановъ, бѣшеннымъ звѣремъ врывается въ ущелье, клокочетъ, плещется, бьется въ скалистомъ руслѣ и, вздымая сѣдыя, взъерошенныя волны, заполняетъ собою все, даже воздухъ, дикимъ, оглушительнымъ ревомъ. Мы шли по широкой дорогѣ, продѣланной во всю длину ущелья, сначала по лѣвому, а затѣмъ по правому склону, мѣстами на осыпяхъ совершенно размытой дождями, гдѣ не безъ страха и затрудненій приходилось пробираться прямо по сыпучему щебню надъ разгулявшейся во всю стихійную мочь бурной рѣкой. Мрачное и глубокое, какъ всѣ подобнаго рода тѣснины, Касарское ущелье поражаетъ своею оригинальной красотой. Почти на всемъ протяженіи по крутымъ обрывистымъ спускамъ праваго склона, среди чахлыхъ низкорослыхъ сосенъ, жидкихъ кустарниковъ—можевельника, кавказской черники, березняка или ольшатника,—ниже цвѣтущаго шиповника, въ видѣ столбовъ и отдѣльностей, съ зубчатыми скалистыми выступами, наподобіе средневѣковыхъ замковъ, башенъ, въ вышинѣ виднѣлись красные трахиты и такіе же красныя трахитовыя осыпи у подошвы и по правому берегу въ то время, какъ съ другой стороны, прикрытые зеленымъ дерномъ травянистой растительности, склоны довольно мягко, хотя тоже круто, сбѣгая къ ущелью, только у самой подошвы обрамлялись скалами шифернаго сланца, обломками котораго и цѣлы-

ми глыбами загромождалось русло рѣки и весь лѣвый берегъ. Отъ впаденія небольшой рѣченки Касарки, бѣлымъ тѣнистымъ каскадомъ сбѣгающей среди зеленыхъ береговъ по ложбинамъ лѣваго склона, ущелье все время съуживается... Терекъ съ сѣверо-востока сворачиваетъ на юго-востокъ и въ этомъ направленіи струится черезъ все Касарское ущелье, потомъ Хевскую долину, до самого селенія Коби. Дорога сползла на берегъ. Мы теперь шли по самому дну узкаго ущелья. За оглушительнымъ ревомъ рѣки не слышно было даже собственнаго голоса. На всемъ пути изъ-подъ скалъ сочились родники чистой прозрачной воды, заботливой рукой человѣка обложенные камнемъ и пропущенные сквозь краны. На нѣкоторыхъ изъ нихъ виднѣлись надписи съ обозначеніемъ времени и лица, въ честь котораго обдѣланъ родникъ, иногда же—деревянный образокъ, вставленный между камней. Родниками какъ-бы исчерпывались всѣ слѣды человѣческаго здѣсь пребыванія. Ни одной башни или какой-либо жилой постройки, современной или уцѣлѣвшей отъ прошлаго времени, мы не видали въ Касарскомъ ущельѣ. Оно совершенно необитаемо. Одинъ единственный осетинъ встрѣтился намъ на дорогѣ. Онъ шелъ за быкомъ, впряженнымъ въ особаго рода ярмо, приспособленное для перевозки бревенъ по узкимъ горнымъ тропинкамъ, къ которому двумя длинными веревками прикрѣплялось бревно и волочилось за быкомъ. По мосту. перекинутому через Терекъ, дорога перешла на противуположный берегъ, на красныя трахитовыя осыпи праваго склона. Касарская тѣснина прерывается разомъ, какъ-то совершенно неожиданно, у выхода бокового ущелья рѣки Мнаиси-донъ, которое, разсѣкая далеко въ глубинѣ хребетъ слѣва, своимъ широкимъ устьемъ образуетъ въ этомъ мѣстѣ просторную котловину, отдѣленную отъ Хевской долины остроконечнымъ поперечнымъ отрогомъ праваго хребта. Затканное яркою зеленью травъ, широкое, просторное—вначалѣ, тѣсное и скалистое—въ глубинѣ, съ мертвыми каскадами Казбекскихъ ледниковъ, среди громадныхъ трахитовыхъ скалъ въ вышинѣ, ущелье рѣки Мнаиси-донъ своимъ живописнымъ видомъ какъ-бы сразу вознаграждало стосковавшійся въ Касарской тѣснинѣ взоръ. У входа въ ущелье, въ складкахъ праваго и лѣваго бока красиво ютились селенія: Верхнее и Нижнее Окраканы, Шуардинъ (Шавардени), Баит-кавъ. Ущельемъ рѣки Мнаиси-донъ заканчивается обширная галлерея видовъ, картинъ съ рѣзкими и разнооб-

разными проявленіями то разрушительной, то созидательной дѣятельности великой природы. Тусклый, пасмурный день склонялся къ вечеру. Спускаясь все ниже и ниже, мы спѣшили засвѣтло добраться до конечнаго пункта нашихъ пѣшихъ странствованій, до станціи Коби. На склонѣ отрога, подошву котораго омываетъ Терекъ, опять виднѣлось небольшое осетинское селеніе Наккау (Нава-кау, 11 дворовъ). Мы снова по мосту перешли на лѣвый берегъ, обогнули мысъ и вступили въ Хевскую долину по широкой дорогѣ, тамъ и сямъ загроможденной огромными обломками туфа. Послѣ того, что мы видѣли, блуждая все это время по Горной Осетіи, Хевская долина не удивила и не поразила насъ. Широкая, съ совершенно ровнымъ плоскимъ дномъ, поросшимъ зеленою травой, она залегаетъ среди мягкихъ контуровъ длинныхъ покатыхъ склоновъ, среди не особенно высокихъ горъ: Хыргума—справа и Чада—слѣва, разстилаясь версты на четыре до самой Военно-Грузинской дороги. Ни одного скалистаго обрыва, ни одного утеса впереди!... Округлые скаты, мягкіе уступы и террасы тонули въ зелени короткаго альпійскаго дерна или же мѣстами, на этомъ фонѣ, въ неглубокихъ складкахъ тамъ и сямъ выступали обнаженія базальтовъ, въ видѣ красивыхъ шестигранныхъ призмъ, капризно изломанныхъ и живописно разбитыхъ на отдѣльныя группы. Высота обрамляющихъ горъ не превышаетъ здѣсь восьми, десяти тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, а самое дно долины едва достигаетъ шести тысячъ футовъ. Вообще Хевская долина представляетъ ландшафтъ, явившійся результатомъ спокойнаго творчества могучихъ дѣятелей природы: воды, воздуха и времени, которые, сгладивъ и видоизмѣнивъ основные штрихи, опредѣлили его современную физіономію. Весьма возможно, что вся эта обширная долина, замкнутая со всѣхъ сторонъ нѣкогда непрерывными кряжами горъ, въ отдаленную отъ насъ эпоху. быть можетъ, въ ту, когда только что занималась зоря человѣчества, представляла огромный водяной резервуаръ и современный Терекъ имѣлъ своими истоками именно это озеро....

Черезъ часъ, много полтора, мы достигли станціи Коби, а на слѣдующій день, едва солнечные лучи успѣли озарить столпившіеся у могучаго Казбека вершины горъ, уже мчались по Военно-Грузинской дорогѣ и въ полдень были во Владикавказѣ.

ОШТЕНЪ
и
окружающія его части Кубанской области.

Н. Динникъ.

Среди безконечнаго моря лѣсовъ, покрывающихъ Черноморскій округъ, а также Закубанскій и Майкопскій отдѣлы Кубанской области, поднимается высокая и замѣчательная во многихъ отношеніяхъ гора Оштенъ. Если подвигаться отъ западнаго конца Кавказской цѣпи горъ къ востоку, то это будетъ первый крупный массивъ, первая вершина, украшенная не только вѣчными снѣгами, но и небольшими глетчерами; это вмѣстѣ съ тѣмъ и первая на западѣ Кавказа гора, гдѣ мы встрѣчаемъ крутыя скалы, простирающіяся въ горизонтальномъ направленіи на цѣлыя версты и поднимающіяся отвѣсными стѣнами въ сотни и даже тысячи футовъ; на Оштенѣ мы впервые встрѣчаемся и съ зоною альпійскихъ луговъ. Что-же касается горъ, расположенныхъ къ западу отъ него, то онѣ сравнительно низки, до самыхъ вершинъ покрыты почти сплошными лѣсами, скалы на нихъ встрѣчаются какъ исключеніе и, кромѣ того, нигдѣ не достигаютъ особенно большихъ размѣровъ, а луга отсутствуютъ вовсе. Вѣчныхъ снѣговъ на этихъ горахъ, конечно, и быть не можетъ. Такимъ образомъ, начиная отъ Оштена, Кавказскія горы какъ будто-бы сразу перерождаются: онѣ становятся значительно выше, громадныя скалы начинаютъ тѣсниться на ихъ вершинахъ, тянутся онѣ лишь съ небольшими перерывами до самой восточной части хребта; на склонахъ или на вершинахъ горъ, выше границы лѣсовъ, появляются здѣсь довольно значительныя пространства, покрытыя превосходными альпійскими травами; кромѣ того, на Оштенѣ и къ востоку отъ него, на протяженіи цѣлыхъ сотенъ верстъ, надъ этими зелеными уступами горъ почти вездѣ еще блестятъ вѣчные снѣга, которые прерываются только тамъ, гдѣ гребень хребта образуетъ значительныя впадины или сѣдловины. Замѣчателенъ Оштенъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Вблизи его начинаются хвойные лѣса, которые тянутся, хотя и съ нѣкоторыми перерывами, на востокъ вдоль всей высокой части хребта. Около Оштена впервые обнажаются кристаллическія горныя породы, которыя, сколько мнѣ извѣстно, къ западу отъ него вездѣ покоятся подъ мощными пластами осадочныхъ формацій, юрской и мѣловой. Наконецъ, Оштенъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что питаетъ нѣсколько довольно большихъ или, по крайней мѣрѣ, очень быстрыхъ и многоводныхъ рѣчекъ, каковы Бѣлая, Пшеха, Сочи и Шахе.

Къ Оштену мною было предпринято нѣсколько поѣздокъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ я отправлялся къ нему черезъ станицу Самурскую, которая расположена на холмистой площадкѣ праваго берега рѣки Пшехи, на высотѣ приблизительно 1250 фут. надъ уровнемъ моря. Это послѣдняя на Пшехѣ станица, выше которой находится только небольшой поселокъ изъ нѣсколькихъ семействъ армянъ, вышедшихъ изъ Турціи. У нижняго конца станицы въ Пшеху впадаетъ маленькая рѣченка Матазукъ, вытекающая изъ лѣсовъ, которые окружаютъ станицу съ юго-восточной стороны; а верстахъ въ двухъ выше въ Пшеху-же вливается необыкновенно красивая и очень быстрая рѣчка Цеце, получающая начало изъ подъ самого Оштена. Пшеха также представляетъ большую и довольно быструю горную рѣчку, аршинъ въ 60 шириною; вода въ ней чиста, прозрачна и имѣетъ зеленоватый цвѣтъ. Температура ея въ лѣтнее время послѣ полудня равняется обыкновенно 18—20° С. Передъ Самурской, Пшеха дѣлаетъ два крутыхъ поворота, черезъ которые надо переѣхать вбродъ, чтобы попасть въ станицу. Въ половодье это обстоятельство сильно затрудняетъ сообщеніе Самурской съ окружающими населенными пунктами. Въ Пшехѣ водится довольно много мелкой рыбы, именно подустъ или чернопузикъ (Chondrostoma nasus L.), плотва красноперая (Scardinius erythrophtalmus L.), головель (Squalius cephalus L.), пескарь (Gobio fluviatilis L.), вьюны и т д. Сомы, которые очень часто попадаются около Апшеронской станицы, здѣсь почти не встрѣчаются.

Станица Самурская заключаетъ въ себѣ 200 съ небольшимъ дворовъ и отличается очень живописными окрестностями. Довольно высокія горы, покрытыя густыми лѣсами, среди которыхъ, какъ оазисы среди пустыни, виднѣются полянки и скалы, глубокія балки и рѣчныя долины, извивающіяся между горами,

окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ. Особенно пріятно ласкаетъ здѣсь взоры необыкновенное обиліе лѣсовъ, которые одѣваютъ почти все видимое пространство. Очень красиво выглядываютъ находящіеся вдали высокоствольные, темнозеленые пихтовые лѣса, которые въ видѣ барьеровъ окаймляютъ вершины и гребни горъ. Что касается этихъ послѣднихъ, то изъ нихъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе высокая съ обнаженной, куполообразной вершиной гора, называемая мѣстными жителями Нагой-кошемъ (Нагой-кошъ) *); она составляетъ одинъ изъ контрфорсовъ Оштена и поднимается до высоты въ 8000 ф. Въ теченіе всего лѣта на ней лежатъ полосы и пятна снѣга, вся-же прочая поверхность ея, за исключеніемъ немногихъ скалистыхъ мѣстъ, покрыта травой. Западнѣе Нагой-коша по долинѣ Пшехи виднѣется гора Шееси, внизу заросшая лѣсомъ, а на самомъ верху скалистая. Высота ея болѣе 5000 ф. Еще правѣе и гораздо ближе къ станицѣ возвышается гора, имѣющая видъ правильнаго, слегка притупленнаго конуса, покрытая до самой вершины сплошнымъ лѣсомъ,—это Оплепенъ, поднимающійся до высоты 3250 ф., т. е. на 2000 ф. выше станицы. Еще правѣе Оплепена тянутся уже совсѣмъ низкія горы, ограничивающія верховья рѣчки Фабаго, впадающей въ Пшеху.

Лѣвѣе Нагой-коша виднѣется очень крутая, скалистая, но тѣмъ-не-менѣе покрытая почти сплошными лѣсами гора. Самурцы называютъ ее просто скалою; подножье ея отстоитъ отъ Самурской на 7 верстъ. Съ сѣверо-восточной стороны, около самой станицы, также поднимаются горы, довольно высокія и покрытыя лѣсомъ. На одной изъ нихъ, вслѣдствіе сильнаго размыванія Пшехою, образовались большіе осовы, причемъ обнажился толстый пластъ солонцеватой глины, отложившійся, вѣроятно, еще въ тѣ времена, когда описываемая мѣстность была морскимъ дномъ.

Самурская имѣетъ довольно здоровый климатъ. Хотя лихорадки здѣсь не составляютъ рѣдкости, но ими болѣютъ обыкновенно въ концѣ лѣта и осенью, вслѣдствіе крайне неумѣреннаго употребленія въ пищу незрѣлыхъ плодовъ и полнѣйшаго игнорированія всѣми гигіеническими правилами. Тяжелыхъ, злокачест-

*) На картахъ Кавказа Нагой-кошки обозначенъ не здѣсь, а верстъ на 10 западнѣе, въ верховьяхъ Куржипса; русскіе же и передѣлали Нагой-кошки въ Нагой-кошъ.

венныхъ формъ лихорадки здѣсь, однако не бываетъ. Довольно теплая зима, прохладное лѣто, отсутствіе вѣтровъ и пыли дѣлаютъ климатъ Самурской особенно пріятнымъ. Лѣтомъ, послѣ довольно теплаго дня, здѣсь наступаетъ въ большинствѣ случаевъ прекрасный, прохладный вечеръ, а ночи бываютъ нерѣдко даже совсѣмъ холодными; кромѣ того, во время ночи трава покрывается обыкновенно такой большой росой, какъ будто только-что прошелъ сильный дождь. Зимою нерѣдко выпадаетъ глубокій снѣгъ, но онъ лежитъ въ большинствѣ случаевъ не долго. Только чрезмѣрные дожди въ концѣ весны и въ первой половинѣ лѣта сильно наскучаютъ здѣсь и нерѣдко совершенно останавливаютъ полевыя работы. Особенно страдаетъ отъ нихъ сѣно, которое часто совсѣмъ сгниваетъ въ „рядахъ“ и копнахъ. Такимъ климатомъ отличается не только Самурская, но и вся вообще горная полоса этой части Кавказа.

Мѣсто, на которомъ расположена Самурская, было занято русскими войсками въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Здѣсь и до сихъ поръ сохранились два дуба, подъ которыми была разбита палатка генерала Геймана и его адъютанта И. Л. Венеровскаго; кромѣ того, въ саду Венеровскаго сохранились два кургана, бывшія батареи, съ которыхъ обстрѣливали противуположный берегъ Пшехи, занятый горцами. Наконецъ, здѣсь осталось и нѣсколько чугунныхъ стволовъ отъ пушекъ, защищавшихъ когда-то Самурскую станицу.

Обиліе атмосферныхъ осадковъ, отсутствіе вѣтровъ и очень умѣренная зима дѣлаетъ климатъ этихъ мѣстъ очень благопріятнымъ для садоводства. Посѣщая Самурскую неоднократно и присматриваясь къ саду моего знакомаго И. Л. Венеровскаго, я удивлялся необыкновенно быстрому росту его молодыхъ деревьевъ. Двухлѣтніе прищепы черешенъ имѣли здѣсь отъ 10 до 12 вѣтвей, толщиною въ мизинецъ и длиною 1—2 аршина; замѣчательно быстро росли прищепы яблонь, грушъ, сливъ и т. п. Мѣстные жители, однако, садоводствомъ не занимаются, а предпочитаютъ довольствоваться фруктами, правда, иногда очень хорошими, собираемыми въ лѣсахъ. До покоренія Кавказа здѣшнія мѣста имѣли, какъ извѣстно, очень густое черкесское населеніе, которое занимало всѣ долины рѣкъ, поляны, болѣе пологіе склоны горъ и т. д. Почти всѣ сады, разведенные прежними обитателями Кавказа, сохранились до сихъ поръ въ горахъ и растутъ,

окруженные сплошными лѣсами. Такіе „садики", какъ ихъ называютъ мѣстные жители, имѣютъ размѣры въ десятину или болѣе, и состоятъ главнымъ образомъ изъ алычи, сливъ, яблонь и грушъ. Они и до сихъ поръ доставляютъ не мало плодовъ. Самурцы, такъ-же какъ и жители другихъ окрестныхъ станицъ, отдаютъ даже эти сады въ аренду; арендаторы нерѣдко выкашиваютъ около лучшихъ деревьевъ траву и ставятъ пугала для того, чтобы защитить ихъ отъ посѣщенія медвѣдями, которые не только поѣдаютъ плоды, но и сильно портятъ деревья, обламывая на нихъ вѣтви.

Кромѣ обыкновенныхъ, свойственныхъ Сѣверному Кавказу плодовыхъ деревьевъ, здѣсь растутъ кое-гдѣ турецкіе орѣхи, отличающіеся отъ нашихъ лѣсныхъ тонкой, красноватой скорлупой и заостренной формой плода; встрѣчаются также и каштановыя рощи. Онѣ находятся напр. на Гогопсѣ, притокѣ Пшехи, на Бѣлой, около станицы Каменно-мостской (по дорогѣ отъ Каменно-мостской) и на Сахраѣ *). На послѣднемъ изъ названныхъ пунктовъ сохранилось лишь небольшое число деревьевъ, именно штукъ 15 —20.

Лѣсъ составляетъ главное богатство этихъ мѣстъ, главное средство къ пропитанію мѣстныхъ жителей. За недостаткомъ удобныхъ мѣстъ, хлѣбопашествомъ здѣсь занимаются мало и хлѣба собираютъ меньше, чѣмъ необходимо для прокормленія собственнаго населенія; поэтому мѣстные жители въ теченіе цѣлаго года рубятъ лѣсъ, возятъ въ Майкопъ, Екатеринодаръ и другія мѣста, продаютъ его, а на вырученныя деньги покупаютъ хлѣбъ. Дубъ, букъ (чинаръ у мѣстныхъ жителей) и кавказская пихта (Abies Nordmanniana Spach) суть преобладающія здѣсь лѣсныя породы. Дубъ растетъ преимущественно внизу, у подножья горъ, но поднимается нерѣдко и тысячъ до четырехъ футовъ надъ уровнемъ моря, букъ-же покрываетъ главнымъ образомъ среднія высоты, т. е. отъ 3 до 4 тысячъ футовъ, хотя часто вмѣстѣ съ пихтой восходитъ до верхней границы лѣсовъ, гдѣ въ видѣ небольшихъ деревцевъ растетъ рядомъ съ березой, каменной-гордовиной (Viburnum Lantana L.) и рябиной, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ альпійскими пастбищами. Въ среднемъ поясѣ горъ буковыя насажденія состоятъ изъ гигантскихъ деревьевъ въ 2

*) Сахрай послѣ сліянія съ Дахо впадаетъ въ Бѣлую около Даховской станицы.

или даже 3 обхвата толщиною и болѣе полусотни аршинъ въ высоту. Они всегда бываютъ покрыты гладкой свѣтлосѣрой корой и на протяженіи саженъ 12 отъ земли не имѣютъ въ большинствѣ случаевъ ни одной вѣтви. Корни ихъ никогда не проникаютъ глубоко въ землю, а образуютъ густую сѣть у самой поверхности почвы. По этой причинѣ букъ часто подвергается бурелому, при чемъ выворачиваетъ пластъ земли въ видѣ щита, толщиною въ аршинъ, а въ длину и ширину сажени двѣ и даже болѣе. Мѣстные жители совсѣмъ не цѣнятъ буковый лѣсъ; они употребляютъ его на топливо, иногда какъ строевой матеріалъ, но рубятъ только вблизи станицъ, въ мѣстахъ-же отдаленныхъ не трогаютъ вовсе.

Сплошные дубовые лѣса составляютъ характерную особенность западнаго Кавказа. Высокоствольныя дубовыя насажденія начинаются въ этой части Кавказа на линіи Майкопа и даже сѣвернѣе ея, тянутся черезъ всѣ предгорья (Черныя горы) и переходятъ на отроги Главнаго хребта. Съ одной стороны зона ихъ граничитъ съ зоною степной растительности, а съ другой съ зоною буковыхъ насажденій. Дубовые лѣса занимаютъ въ этой части Кавказа обширную площадь, хотя и меньшую, чѣмъ въ мѣстахъ, лежащихъ еще западнѣе, но рѣдѣютъ здѣсь съ каждымъ годомъ. Особенно много истребляютъ дуба на такъ-называемыя трости, идущія для приготовленія бочекъ. Для этой цѣли годны только самыя лучшія, толстыя, прямыя и лишенныя сучьевъ деревья. При одномъ взглядѣ на кору дуба можно уже узнать, годенъ-ли онъ на трости, или нѣтъ. Если трещины на корѣ идутъ вдоль ствола очень правильно и параллельно другъ-другу, то древесина будетъ хорошо раскалываться и дастъ ровную трость; если-же эти трещины тянутся неправильно, пересѣкаются подъ разными углами, то какъ-бы дерево ни было прямо и гладко, оно не будетъ хорошо колоться. Кромѣ того, если дубъ не особенно толстъ, напр. менѣе трехъ четвертей въ діаметрѣ, то трость изъ него выходитъ плохая, имѣющая одну сторону значительно болѣе толстую, чѣмъ другая. Изъ громаднаго дуба, высотою аршинъ въ 50—60, выходитъ обыкновенно 2—3 отруба тростей, длиною около сажени, все-же остальное дерево и его вѣтви оставляются безъ всякаго употребленія. Для того, что-бы посмотрѣть тростяной лѣсъ, я нарочно отправился изъ Самурской станицы на гору Оплепенъ и тамъ увидѣлъ нѣчто по истинѣ ужас-

ное. Мѣста, гдѣ заготовлялась трость, напоминали лѣсъ, черезъ который прошелъ страшнѣйшій ураганъ. Во многихъ частяхъ этого лѣса трудно было пройти даже нѣсколько шаговъ, такъ какъ поверхность земли была сплошь загромождена свалившимися другъ на друга и распростертыми во всевозможныхъ направленіяхъ огромными дубовыми деревьями, отъ которыхъ пошла въ дѣло лишь нижняя часть ствола, въ 2—3 сажени длиною, все-же остальное, въ томъ числѣ и толстыя вѣтви, были брошены на произволъ судьбы, гнили и разрушались безъ всякой пользы. Многія деревья, оказавшіяся уже послѣ того, когда были срублены, не вполнѣ пригодными, валялись даже совсѣмъ не тронутыми. Когда я спросилъ своего проводника, зачѣмъ самурцы такъ варварски истребляютъ свой лѣсъ, онъ отвѣчалъ, что отъ Оштена до станицы верстъ 15, дорога очень плоха, а потому возить съ этихъ мѣстъ не только дрова, но даже строевой или подѣлочный лѣсъ, не имѣющій особенной цѣнности, нѣтъ расчета. Замѣчу, между прочимъ, что не въ далекомъ будущемъ тростяного лѣса здѣсь не будетъ вовсе. Ни около Самурской, ни въ верховьяхъ Пшехи вообще его уже почти не осталось; по верхнему же теченію Бѣлой, а также по Сахраю, впадающему въ Дахо, хорошаго, дубоваго лѣса больше, но и тамъ рубятъ его, какъ мнѣ разсказывали, столь усердно, что и онъ, вѣроятно, довольно скоро будетъ уничтоженъ.

Молодой дубъ также истребляется не мало. Его рубятъ на такъ называемый „наколъ“, т. е. четырехугольные брусья, толщиною вершка въ два. Ихъ потомъ распариваютъ, сгибаютъ и продаютъ для ободьевъ. Для этой цѣли предпочитаютъ, впрочемъ, вязъ и ясень.

Нѣкоторые дубовые лѣса имѣютъ здѣсь совершенно особенную физіономію. Почти каждое дерево на высотѣ аршинъ двухъ отъ земли представляетъ довольно значительное утолщеніе въ видѣ булавы или луковицы, изъ которой выростаетъ нѣсколько болѣе тонкихъ прямыхъ стволовъ. Такіе лѣса встрѣчаются вблизи Самурской, по дорогѣ къ рѣкѣ Фабого, къ Оплепену, и сразу обращаютъ на себя вниманіе каждаго, кто проѣзжаетъ черезъ нихъ. Происхожденіе этой особенности объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ прежніе годы, во время снѣжныхъ зимъ, когда подножнаго корма не оказывалось, горцы рубили деревья на высотѣ аршинъ двухъ отъ земли и ихъ вѣтвями, корой, а также

почками кормили своихъ овецъ. Благодаря влажному климату, почти ни одинъ изъ этихъ пней не засыхалъ, а утолщался вблизи отруба и выпускалъ изъ себя цѣлый пучекъ вѣтвей. Впослѣдствіи большая часть ихъ погибла, а штуки 3—4, оказавшіяся наиболѣе сильными, росли и превращались въ стройныя, ровныя деревца, сидящія на одномъ высокомъ пенькѣ.

Пихтовыя насажденія занимаютъ большую площадь въ этой части горъ и имѣютъ притомъ очень широкое распространеніе въ вертикальномъ направленіи. На Бѣлой они спускаются почти до самыхъ Хамышковъ. т. е. до 1900 фут. На Цеце отдѣльныя небольшія пихты начинаютъ попадаться въ верстахъ 10 отъ Самурской станицы, т. е. на высотѣ приблизительно 1500 фут. надъ уровнемъ моря. Нѣсколько выше большой поляны, находящейся на лѣвомъ берегу Цеце, на высотѣ 1900 фут., пихты попадаются уже довольно часто; здѣсь онѣ растутъ рядомъ съ дубомъ, кленомъ, вязомъ и т. д. Тамъ, гдѣ начинаются болѣе или менѣе сплошныя буковыя насажденія, пихта попадается уже очень часто; но чѣмъ выше станемъ мы подниматься по нимъ, тѣмъ болѣе сильное преобладаніе замѣчаемъ пихты надъ букомъ. Наконецъ, на высотѣ тысячъ $4^1/_2$ фут., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. на Мезмаѣ (въ верховьяхъ Куржипса), и еще ниже, пихта почти совершенно вытѣсняетъ букъ. Что касается верхней границы пихтовыхъ насажденій, то она на горахъ противъ станицы Самурской поднимается почти до 5500 фут., а въ другихъ мѣстахъ даже выше.

Кавказская пихта растетъ красивыми, исполинскими деревьями. Стволы въ 5 аршинъ въ окружности попадаются въ огромномъ количествѣ, довольно часто до $5^1/_2$ и 6 аршинъ, а иногда даже въ $7^1/_2$. У одной пихты, имѣвшей 25 вершковъ въ діаметрѣ (2 обхвата), я насчиталъ 330 годичныхъ слоевъ. Между такими гигантами попадается, конечно, много мелкихъ деревцевъ, причемъ нѣкоторымъ изъ нихъ, именно растущимъ въ большой тѣни, не суждено никогда и выбраться на свѣтъ; они растутъ крайне медленно, чахнутъ и болѣе или менѣе рано погибаютъ. Я срѣзалъ одно такое деревцо, со стволомъ, имѣвшимъ 7 линій въ діаметрѣ, и насчиталъ въ немъ 15 годичныхъ слоевъ. Не смотря на сырой климатъ и быстрый ростъ деревьевъ, здѣсь довольно часто попадаются пихты съ мелкослойной древесиной.

Пихта употребляется на доски и колется на такъ называе-

мую „драньˮ, т. е. пластины, длиною аршина $2^1/_2$ и толщиною въ $^1/_2$ вершка. Тысяча штукъ такой драни въ станицѣ Самурской стоитъ обыкновенно отъ 16 до 20 рублей.

Тисъ (Taxus baccata) въ окрестностяхъ Самурской попадается не часто. Я встрѣчалъ его у верхней границы лѣсовъ въ верховьяхъ Цеце, на высотѣ 5000 фут. Здѣсь онъ достигаетъ нѣсколько вершковъ въ толщину, но растетъ такъ низко, что вѣтви его почти стелятся по землѣ. У старыхъ экземпляровъ древесина очень тверда и имѣетъ красивый, красно-бурый цвѣтъ. Вообще въ лѣсахъ Кубанской области тисъ попадается рѣдко. Н. Кузнецовъ нашелъ его на Б. Лабѣ, въ Загданѣ, а я кромѣ верховьевъ Цеце, на Кубани близь древней Хумаринской церкви.

Сосна въ верховьяхъ Пшехи, Бѣлой и ихъ притоковъ встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ пихта. Вблизи Самурской ея почти нѣтъ. Въ верховьяхъ Пшехи она попадается въ Тубахъ, по Гогопсу. Здѣсь есть высокій кряжъ, который на верху, на протяженіи верстъ 5 въ длину, покрытъ сосной, въ перемежку съ дубомъ и букомъ. Подъ Оштеномъ, въ самомъ верховьѣ Цеце, на высотѣ 5800 ф. есть также сосновая роща, штукъ въ 100 деревъ, толщиною въ обхватъ и болѣе. Подобную-же рощу встрѣтилъ Н. Кузнецовъ въ верховьяхъ Гузерипля на высотѣ 5989 ф. Кое-гдѣ встрѣчается сосна и ниже, напр. въ долинѣ Цеце, на горахъ съ лѣвой стороны рѣчки, верстахъ въ 10—12 отъ Самурской. Въ самыхъ верховьяхъ Куржипса, верстахъ въ 20 выше Мезмая есть также балка, въ кототорой растетъ нѣсколько десятковъ сосенъ. Въ долинѣ Бѣлой сосна попадается уже гораздо чаще. По дорогѣ изъ Сахрая въ Хамышки на отвѣсныхъ уступахъ горъ, обращенныхъ къ югу, она встрѣчается довольно часто, а еще чаще по дорогѣ изъ Хамышковъ въ Даховскую на горахъ, ограничивающихъ долину Бѣлой. Сосна растетъ кое-гдѣ по этой долинѣ и ниже Даховской. Нигдѣ однако въ этихъ мѣстахъ она не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ пихта; очень толстой считается здѣсь сосна, которая имѣетъ около аршина въ діаметрѣ.

Вообще о распространеніи хвойныхъ деревьевъ въ предѣлахъ Сѣвернаго Кавказа надо сказать слѣдующее. Въ самой западной части Кавказа хвойныхъ лѣсовъ нѣтъ вовсе, они появляются впервые тамъ, гдѣ Кавказскій хребетъ поднимается до высоты 5—6 тысячъ футовъ. На склонахъ Оштена, именно въ верховьяхъ Пшехи, Цеце, Куржипса и Бѣлой растутъ уже дре-

мучіе пихтовые лѣса, но они встрѣчаются и нѣсколько западнѣе (верстъ 20—30) Оштена, на меридіанѣ станицы Нефтяной, именно въ верхорьяхъ Пшиша. Всѣ эти мѣста отличаются необыкновенно влажнымъ, чисто морскимъ климатомъ и обиліемъ атмосферныхъ осадковъ; изъ хвойныхъ здѣсь растетъ пихта, любящая очень сырой климатъ, и изрѣдка сосна. Послѣдняя выбираетъ крутые, каменистые, сильно освѣщенные солнцемъ гребни и склоны горъ. Ели здѣсь еще нѣтъ вовсе, далѣе же къ востоку, именно въ верховьяхъ М. и Б. Лабы, гдѣ атмосферныхъ осадковъ нѣсколько меньше, появляется уже довольно значительное количесхво ели (Picea orientalis). Ель и сосна начинаютъ здѣсь уже конкурировать съ пихтою. Въ верховьяхъ Кубани, а также по Тебердѣ пихта отступаетъ уже на задній планъ, къ востоку-же отъ Эльбруса ни пихты, ни ели нѣтъ вовсе, а растетъ только сосна. На болѣе влажномъ южномъ склонѣ Главнаго хребта пихта и ель подвигаются въ востоку значительно дальше. Такимъ образомъ она растетъ еще въ верховьяхъ Ріона, лежащаго противъ Нальчикскаго и Владикавказскаго округовъ Терской области. Въ отношеніи распространенія хвойныхъ деревьевъ на Кавказѣ интересно, между прочимъ, то, что на западѣ ель появляется позднѣе сосны и не заходитъ такъ далеко на востокъ, какъ сосна. Такимъ образомъ еловыя насажденія являются какъ будто-бы болѣе разборчивыми въ отношеніи климата и занимаютъ раіонъ отъ верховьевъ М. Лабы до западнаго склона Эльбруса. Говорятъ, впрочемъ, что ель попадается кое-гдѣ и въ верховьяхъ Бѣлой, но очень рѣдко.

Кромѣ упомянутыхъ древесныхъ породъ здѣсь растетъ много клена (Acer tataricum и A. campestre), вяза или карагача (Ulmus campestris), липы, ясени и березы. За исключеніемъ послѣдней, всѣ эти деревья достигаютъ иногда огромныхъ размѣровъ. Въ Мезмайскомъ лѣсу я самъ встрѣчалъ клены въ 10 аршинъ въ окружности (4 обхвата); почти такой-же толщины попадается иногда и липа (до сажени въ діаметрѣ). По словамъ Самурцевъ, въ верхней, почти недоступной части долины Цеце растетъ цѣлый лѣсъ изъ ясеней громадныхъ размѣровъ и прямыхъ, какъ свѣча. Этотъ лѣсъ не знаетъ до сихъ поръ топора. Среднихъ лѣтъ ясень и вязъ истребляются здѣсь въ довольно большомъ количествѣ и главнымъ образомъ для ободьевъ и ступицъ. Береза сплошныхъ насажденій не образуетъ, а бываетъ перемѣ-

шана съ другими лѣсными породами. Она попадается выше Самурской въ долинѣ Цеце, а также между Самурской и Прусской станицами. Низкорослая береза растетъ почти вездѣ у верхней границы лѣсовъ, на высотѣ 5—6 тысячъ футовъ. Березу также истребляютъ въ изрядномъ количествѣ на разные подѣлки. Красивая, стройная, высокая осина, съ корою зеленоватаго цвѣта, встрѣчается на малыхъ и верхнихъ высотахъ. По берегамъ рѣкъ растетъ много ольхи, черноольхи, серебристаго тополя и вербы. Дикія груши по низамъ образуютъ такія густыя заросли, черезъ которыя трудно даже пробираться. Надо замѣтить, что сильное истребленіе здѣшнихъ лѣсовъ оказываетъ вліяніе на ихъ качество, площадь же, занятая лѣсами, здѣсь не только не уменьшается, а даже увеличивается. Явленіе это въ наше время не только рѣдко, но даже мало вѣроятное. Оно очень заинтересовало меня, и я обратилъ на него особенное вниманіе. Жители Самурской, Нижегородской и Нефтяной станицъ, а также поселка Сахрая показывали мнѣ на многія мѣста, которыя прежде, т. е. во времена заселенія этого края русскими, представляли пастбища, покосныя мѣста или кукурузныя поля, теперь-же они покрыты лѣсомъ. Въ Нижегородской станицѣ лѣсъ подошелъ къ самымъ дворамъ, прежде-же вокругъ станицы была обширная поляна, на которой косили сѣно. Ниже Самурскаго хутора, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь растетъ лѣсъ и кустарникъ, когда-то сѣяли арбузы, дыни и тыквы. Въ Нефтяной станицѣ многія улицы упираются прямо въ густой лѣсъ, прежде же и тутъ были большія поляны. Слѣды ауловъ („аулища" на языкѣ мѣстныхъ жителей) сохранились въ этой части Кавказа въ огромномъ числѣ. Въ настоящее время они покрыты сорными травами, ожиной и, кромѣ того, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе заростаютъ лѣсомъ. Причиною всего этого слѣдуетъ считать, конечно, необыкновенно влажный и сравнительно теплый климатъ этихъ мѣстъ, очень благопріятный для лѣсовъ. Надо еще замѣтить, что всѣ здѣшнія поляны заростаютъ чаще всего грушами; мѣстные жители совершенно справедливо приписываютъ это тому, что домашній скотъ, поѣдая осенью плоды грушъ и разбрасывая сѣмена ихъ вмѣстѣ съ своими экскрементами во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пасется, т. е. на полянахъ и выгонахъ, тѣмъ самымъ способствуетъ заростанію ихъ грушнякомъ. Съ этимъ послѣднимъ жители горныхъ станицъ ведутъ постоянную войну, рубятъ и выжи-

гаютъ его, но все это при недостаточной настойчивости мало помогаетъ дѣлу.

Кизилъ и свидина (Cornus sanguinea) растутъ въ здѣшнихъ мѣстахъ также въ изобиліи и преимущественно въ нижнемъ поясѣ горъ. Самшитъ или кавказская пальма (Buxus sempervirens) попадается чаще въ долинѣ Цеце, верстахъ въ 10 отъ станицы Самурской, на высотѣ около 1500 ф. надъ уровнемъ моря, и отсюда поднимается высоко на скалы. Много растетъ ея выше станицы Нижегородской, а также по каменистымъ мѣстамъ въ верховьяхъ Куржипса (недалеко отъ Мезмая). Это красивое деревцо съ вѣчно-зелеными листьями любитъ сырыя, сильно тѣнистыя мѣста и достигаетъ аршинъ пяти въ вышину, при толщинѣ въ руку или нѣсколько больше. Прежде пальма истреблялась очень сильно, теперь-же вывозъ ея изъ этихъ мѣстъ болѣе или менѣе ограниченъ. Въ Майкопъ ее привозятъ обыкновенно передъ Вербнымъ воскресеньемъ и раздаютъ въ церквахъ вмѣсто вербы.

Внизу у подножья горъ растетъ также обыкновенная калина, теренъ, облѣпиха или дереза (Hippophae rhamnoides), нѣсколько видовъ крушины и виноградная лоза. Послѣдняя встрѣчается въ самой станицѣ Самурской, но не здѣсь, ни въ лѣсахъ, окружающихъ ее, не достигаетъ значительныхъ размѣровъ (не болѣе $1^1/_2$—2 дюймовъ въ толщину); очень часто попадается она въ Даховскомъ ущельи и по рѣкѣ Дахо, гдѣ, какъ показалъ Н. Кузнецовъ, поднимается до 1500 ф. надъ уровнемъ моря. Она приноситъ мелкіе кисловатые плоды. Шишки (Mespilus germanica) встрѣчаются здѣсь рѣдко. Я видѣлъ ихъ всего 2—3 раза. У верхней границы лѣсовъ, на высотѣ 5—6 тысячъ футовъ, растетъ много рябины и калины-гордовины (Viburnum lantana). Смородина попадается въ лѣсахъ довольно часто и поднимается, напр., въ долинѣ Цеце до 5000 ф., а малина на горахъ, окружающихъ Самурскую, почти не встрѣчается, тогда какъ на Сахраѣ растетъ въ изобиліи и приноситъ вкусные и крупные плоды. Крыжовникъ въ этихъ мѣстахъ мнѣ не попадался. Clematis vitalba встрѣчается всюду на болѣе или менѣе солнечныхъ мѣстахъ и страшно заплетаетъ кустарники и деревья.

Въ чинаровыхъ и пихтовыхъ лѣсахъ всюду стелется по землѣ падубъ съ блестящими, кожистыми, колючими листьями; особенно много попадалось мнѣ его въ долинѣ Цеце. По скаламъ и стволамъ деревьевъ вьется плющъ, а рододендроны встрѣчаются

вездѣ на опушкахъ и полянахъ. Они здѣсь растутъ въ числѣ нѣсколькихъ видовъ, и одинъ изъ нихъ, именно Rhod. ponticum, отличается крупными, очень красивыми, темно-лиловыми или красновато-фіолетовыми цвѣтами. Это растеніе, свойственное Закавказью и преимущественно самымъ сырымъ мѣстамъ его, найдено было Кузнецовымъ въ верховьяхъ Бѣлой, а мною въ верховьяхъ Цеце. На высотѣ 4$^1/_2$ тысячъ футовъ я засталъ его однажды въ полномъ цвѣту въ срединѣ іюня. На каменистыхъ мѣстахъ, болѣе или менѣе сильно освѣщенныхъ солнцемъ, въ долинѣ Пшехи (напр. выше Самурской—у Волчьихъ воротъ) растетъ много жасмину. Еще больше его въ долинѣ Бѣлой, около ст. Каменно-мостской. Въ долинахъ очень тѣнистыхъ и особенно сырыхъ, какъ напр. въ долинѣ Цеце, онъ почти не встрѣчается. Рядомъ съ жасминомъ, около Волчьихъ воротъ растетъ кустарникъ, или даже небольшое деревцо съ красивой пестрой корой и плодами, напоминающими собою плодъ желтой акаціи: это Staphylea pinnata L. Подобно жасмину, оно почти не встрѣчается въ сырой, тѣнистой долинѣ Цеце, а очень часто по Пшехѣ, выше Самурской, на скалистыхъ, освѣщенныхъ солнцемъ мѣстахъ. Ожина (Rubus discolor) растетъ на всѣхъ опушкахъ и полянахъ въ нижнемъ поясѣ горъ; благодаря ея крѣпкимъ, острымъ и загнутымъ колючкамъ, многія мѣста дѣлаются почти непроходимыми. Вооруженныхъ колючками держи-дерева (Paliurus aculeatus) и Smilax здѣсь не встрѣчается вовсе. У верхней границы лѣсовъ растетъ еще нѣсколько представителей семейства брусничныхъ: брусника (Vaccinium vitis idea), черника (V. Myrtillus) и V. Arctostaphylus L. Послѣднюю называютъ здѣсь дикимъ чаемъ и иногда употребляютъ вмѣсто китайскаго. Самурцы ѣздятъ за нимъ къ Оштену и рвутъ его на южномъ склонѣ этой горы. Мнѣ не приходилось пить этого чая, но по словамъ Н. Кузнецова, отваръ его, имѣющій болѣе темный цвѣтъ, чѣмъ настоящаго чая, не лишенъ нѣкотораго вкуса. Описаніе травянистыхъ растеній этихъ мѣстъ могло-бы послужить предметомъ отдѣльнаго сочиненія; но я, не будучи спеціалистомъ-ботаникомъ, упомяну только о тѣхъ изъ нихъ, которыя обращаютъ на себя особенное вниманіе. Прежде всего бросается здѣсь въ глаза обиліе папоротника-орляка, который образуетъ огромныя, сплошныя заросли и достигаетъ высоты въ сажень и болѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ немъ можетъ даже спрятаться всадникъ, сидящій на лошади. Большая часть

здѣшнихъ полянъ и лѣсныхъ опушекъ покрыта этимъ папоротникомъ, перемѣшаннымъ съ ожиной, ежевикой и другими растеніями. Въ лѣсахъ наиболѣе сырыя и низкія мѣста заростаютъ чуннымъ корнемъ, который достигаетъ иногда сажени въ высоту и имѣетъ листья болѣе аршина въ діаметрѣ. Эти „лопухи", какъ ихъ называютъ мѣстные жители, вмѣстѣ съ папоротниками служатъ въ лѣтнее время убѣжищемъ для медвѣдей, свиней и козъ. Девесилъ образуетъ цѣлые лѣса бурьяна и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вытягивается почти до двухъ саженъ въ высоту. Еще большій ростъ имѣетъ борщевикъ, травянистые, пустые въ срединѣ стебли котораго достигаютъ вершковъ трехъ въ діаметрѣ при высотѣ болѣе двухъ саженъ. Травянистая бузина также образуетъ сплошныя заросли, занимающія большія пространства, въ особенности около жилыхъ мѣстъ. На опушкахъ и полянахъ растетъ много красивыхъ лилій, а въ лѣсахъ очень часто попадается морозникъ. Мнѣ не удавалось найти его съ цвѣтами и точно опредѣлить, но, судя по листьямъ и корневищамъ, онъ, какъ кажется, долженъ быть отнесенъ къ роду Helleborus. Выше границы лѣсовъ, на высотѣ 5—6 тысячъ футовъ, начинаются горные луга. Нижняя часть ихъ (субъ-альпійская зона) отличается необыкновеннымъ богатствомъ сочныхъ, высокихъ травъ и прекрасныхъ цвѣтовъ. Наиболѣе характерными растеніями этого пояса горъ должны считаться: Betonica grandiflora, Veratrum album, Aconitum, Polygonum bistorta и нѣкоторые другія. Часто встрѣчаются здѣсь нѣсколько видовъ Polygala, Geranium, Astrantia, Anthemis, Galium и т. д. Этотъ поясъ переходитъ постепенно въ верхне-альпійскій, гдѣ растутъ главнымъ образомъ маленькія, низко-рослыя растеньица, въ родѣ генціанъ, альпійскихъ фіалокъ (Viola altaica), роговика (Cerastium Kasbek), камнеломокъ (Saxifraga exarata, S. levis), колокольчиковъ, незабудокъ (Myosotis silvatica) и т. д.

Первая поѣздка изъ Самурской была предпринята мною къ Оштену; я вмѣстѣ съ двумя проводниками выѣхалъ изъ станицы рано утромъ въ послѣднихъ числахъ іюня. Дорога наша направлялась на югъ и извивалась по полянамъ, окаймленнымъ съ боковъ густымъ, но не крупнымъ лѣсомъ, почти доходящимъ до крайнихъ дворовъ станицы. Она пролегала вначалѣ на протяженіи верстъ двухъ по долинѣ Пшехи, а потомъ вступала въ доли-

ну Цеце. Верстахъ въ четырехъ отъ станицы мы должны были переѣхать черезъ эту довольно большую и въ высшей степени красивую горную рѣчку. Она несетъ холодную, чистую и прозрачную, какъ хрусталь, воду, чуднаго, свѣтло-синевато-зеленаго цвѣта. Очень часто надъ самой поверхностью воды въ Цеце утромъ или вечеромъ, а нерѣдко и среди жаркаго дня, стоитъ легкая полупрозрачная дымка или рѣдкій туманъ, придающій особенно оригинальный видъ этой красивой, какъ будто-бы дымящейся рѣчкѣ. Онъ образуется, конечно, вслѣдствіе того, что очень холодная вода, приходя въ соприкосновеніе съ влажнымъ воздухомъ этой сплошь покрытой лѣсомъ долины, охлаждаетъ его и заставляетъ заключающіеся въ немъ невидимые пары сгущаться и превращаться въ туманъ. Ширина рѣки доходитъ здѣсь шаговъ до 35, а глубина въ аршинъ или же немного болѣе.

Переѣхавъ Цеце, мы направились вдоль ея берега, гдѣ тянется почти непрерывный рядъ полянъ, на которыхъ жители Самурской косятъ сѣно и сѣютъ хлѣбъ, кукурузу, подсолнечники, картофель, коноплю и т. д. Съ боковъ полянъ и здѣсь всюду тянется лѣсъ, но уже болѣе крупный, чѣмъ вблизи станицы. Тамъ онъ состоитъ почти изъ однѣхъ грушъ, здѣсь же изъ разнообразныхъ породъ, именно: дуба, осины, вербы, клена, вяза, ольхи, черноольхи, орѣшника, ясени и т. д. Проѣхавъ нѣсколько по полянамъ, мы вступили въ самый лѣсъ, который вначалѣ состоялъ почти изъ одного кизила. Еще выше, именно верстахъ въ 12 отъ станицы, стали попадаться намъ довольно часто кустарники самшита или кавказской пальмы (Buxus sempervirens). Въ этихъ мѣстахъ она не достигаетъ большихъ размѣровъ, потому что ее сильно истребляютъ. Здѣсь же на многихъ деревьяхъ мы встрѣчали плющъ, обвивающій деревья почти до самыхъ вершинъ.

Верстахъ въ 6—7 отъ станицы, на лѣвомъ берегу Цеце, есть склоны, покрытые рѣдкими, но очень стройными березками среднихъ размѣровъ. Ихъ снѣжнобѣлые, прямые стволы очень красиво выдѣляются на нѣжнозеленомъ фонѣ травы, сплошь покрывающей почву въ этой части лѣса. Березъ здѣсь вообще немного, но спускаются онѣ очень низко и встрѣчаются по Пшехѣ, ниже станицы Самурской. Очень красиво растетъ здѣсь также осина, стволы которой прямы, какъ стрѣла, лишены вѣтвей на протяженіи сажень 6—7 отъ земли и почти также бѣлы, какъ стволы березы. Лѣсъ въ этихъ мѣстахъ вообще не особенно хо-

рошъ и крупенъ. Только нѣкоторыя отдѣльныя деревья, чаще всего дубы, достигаютъ очень большихъ размѣровъ. Около одной поляны стоятъ, напримѣръ, два великана, имѣющіе въ окружности по $3^1/_4$ обхвата ($9^1/_2$ аршинъ). Нѣкоторыя груши и чинары также достигаютъ здѣсь порядочныхъ размѣровъ.

Продолжая путь то по лѣсу, то по полянамъ, мы должны были разъ 8 переѣхать вбродъ Цеце. Это дѣлалось для того, чтобы избѣжать съ одной стороны крутыхъ спусковъ, а съ другой—топкихъ и грязныхъ мѣстъ. При каждомъ переѣздѣ нельзя было не любоваться этой чудной рѣчкой, которая быстро течетъ по руслу, сплошь усыпанному бѣлыми округленными камнями изъ очень крѣпкаго известняка. Въ лѣсу, по сторонамъ рѣчки, изъ земли также торчатъ во многихъ мѣстахъ известковыя скалы.

Проѣхавъ по лѣсу слишкомъ $2^1/_2$ часа, мы выбрались, наконецъ, на очень большую поляну, заросшую частью густымъ, высокимъ папоротникомъ, частью довольно порядочной травой. Это послѣдняя по Цеце поляна, которая отстоитъ отъ Самурской верстъ на 15 и расположена выше ея футовъ на 600. За нею тянутся уже сплошные лѣса, простирающіеся до самыхъ альпійскихъ луговъ. На полянѣ мы рѣшили дать отдохнуть нашимъ лошадямъ и хорошенько покормить ихъ, такъ какъ впереди нельзя было найти травы на протяженіи часовъ четырехъ труднаго пути.

Пока лошади паслись, я съ своимъ проводникомъ—Трофимомъ отправился на Цеце ловить рыбу. Направляясь къ рѣкѣ, мы замѣтили на полянѣ множество медвѣжьихъ слѣдовъ, а кромѣ того по тропѣ, пробитой этими же животными, нашли мѣсто, гдѣ трава была сильно примята и залита кровью. Ни шерсти, ни перьевъ, ни костей здѣсь не оказалось, поэтому мы и не могли узнать, кого именно схватилъ медвѣдь въ этомъ мѣстѣ.

Вода въ Цеце, около поляны, имѣла температуру въ $11^1/_2$°C. Изъ рыбъ мы нашли въ ней только форель; впрочемъ, другая рыба и не водится. Что-же касается форели, то ея оказалось въ Цеце настолько много, что мы поймали часа за 2—14 штукъ этихъ красивыхъ рыбокъ. Только одна изъ нихъ имѣла въ длину $11^1/_2$ дюймовъ, а прочія были значительно меньше. Трофимъ говорилъ мнѣ, что прежде попадались здѣсь экземпляры около аршина въ длину и фунтовъ въ 6—7 вѣсомъ; другой же мой проводникъ увѣрялъ, что одну такую форель онъ поймалъ здѣсь не-

давно. Но вообще такіе крупные экземпляры въ этихъ мѣстахъ представляютъ теперь большую рѣдкость; ихъ можно однако встрѣтить гораздо чаще въ верховьяхъ Цеце, гдѣ она течетъ въ глубокомъ скалистомъ ущельѣ.

Относительно здѣшней форели я замѣтилъ еще, что окраска ея въ большинствѣ случаевъ бываетъ замѣтно свѣтлѣе, чѣмъ у форели другихъ кавказскихъ рѣкъ, напр. даже Бѣлой, отстоящей отсюда лишь на полсотни верстъ, но имѣющей дно, усыпанное темными камнями. Эта особенность выработалась по всей вѣроятности путемъ борьбы за существованіе, въ связи съ бѣлымъ цвѣтомъ камней, покрывающихъ все дно Цеце.

Съ поляны открывается живописный видъ на окружающія долину Цеце горы. На востокѣ, за рѣкою, поднимается крутой, постепенно повышающійся къ югу хребетъ, который раздѣляетъ долины Цеце и Курджипса. Почти весь онъ покрытъ густымъ лѣсомъ, внизу лиственнымъ, а на верху хвойнымъ. Между деревьями во многихъ мѣстахъ выступаютъ здѣсь отвѣсныя скалы. Особенно большихъ размѣровъ онѣ достигаютъ тамъ, гдѣ долина, сильно съуживаясь и превращаясь въ ущелье, поворачивается на юго-востокъ. Въ южной своей части этотъ хребетъ поднимается до высоты не менѣе 6½ или 7 тысячъ футовъ; тамъ вершины его освобождаются отъ лѣса, который замѣняется альпійскими лугами. На югѣ и западѣ отъ поляны также видны горы, но онѣ покрыты сплошными лѣсами. Особенно красиво выглядываютъ на нихъ гигантскія пихты, растущія по самымъ высокимъ карнизамъ и гребнямъ.

Отдохнувъ на полянѣ съ полчаса, я предпринялъ небольшую прогулку по Цеце къ тому мѣсту, гдѣ долина ея съуживается и дѣлаетъ упомянутый уже поворотъ къ юго-востоку. Она здѣсь совершенно измѣняетъ свой характеръ: по берегамъ рѣки начинаютъ громоздиться скалы, на днѣ ея, рядомъ съ обыкновенными рѣчными валунами, появляются огромныя каменныя глыбы, свалившіяся сюда съ ближайшихъ кручъ, а рѣка покрывается множествомъ водопадовъ. Въ этомъ мѣстѣ узкое ущелье, также почти сплошь покрытое зеленью, выглядываетъ еще красивѣе и живописнѣе. Мой проводникъ, Трофимъ, и въ этомъ мѣстѣ въ короткое время поймалъ десятка полтора форелей, а я, осматривая берега Цеце, вспугнулъ двухъ великолѣпныхъ зимородковъ, нѣсколько штукъ оляпокъ и нашелъ густыя пальмовыя заросли

многія деревца которыхъ достигали вершковъ 2 въ діаметрѣ и аршинъ 7 въ высоту. Почти всѣ они росли здѣсь на каменистыхъ кручахъ.

Долина Цеце замѣчательна еще въ климатическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ въ этой мѣстности дожди не выпадаютъ такъ часто, какъ здѣсь. Едва только на Оштенѣ и его высокихъ, обращенныхъ къ сѣверу, отрогахъ появляются болѣе или менѣе значительныя массы тучъ, какъ тотчасъ онѣ начинаютъ спускаться въ долину Цеце, ползутъ по ней все дальше и дальше внизъ, и въ концѣ концовъ разряжаются сильнымъ дождемъ. Высокая, съ широкой голой вершиной гора, поднимающаяся между долинами Пшехи и Цеце до высоты 8000 футовъ надъ уровнемъ моря и извѣстная, какъ я уже говорилъ, у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Нагой-коша, какъ-то особенно привлекаетъ къ себѣ тучи. На ней раньше, чѣмъ на другихъ горахъ, появляются облака, которыя, сгущаясь и разростаясь все больше и больше, превращаются въ грозныя тучи, обливающія дождемъ окрестныя горы и ущелья. По этой причинѣ Нагой-кошъ мѣстными жителями и называется „дождевой фабрикой". Вслѣдствіе обилія влаги и очень частыхъ дождей, осободно вначалѣ лѣта, самурцамъ только въ самые сухіе годы удается въ долинахъ Цеце благополучно сложить сѣно въ стога и убрать хлѣбъ; обыкновенно же болѣе половины скошеннаго здѣсь сѣна сгниваетъ еще въ рядахъ и копнахъ. За то какая богатая растительность покрываетъ эту долину! Букъ и особенно пихта въ верхней части ущелья образуютъ, въ полномъ смыслѣ, дремучіе лѣса, а въ нижней—папоротники, ломоносъ и ожина (Rubus discolor)—почти непроходимыя заросли. Въ этомъ же ущельѣ, какъ я упоминалъ раньше, растетъ Rhododendron ponticum, требующій чисто морскаго климата. Зимою, конечно, здѣсь выпадаетъ также много снѣга, какъ лѣтомъ дождя. По этой причинѣ въ верхнюю половину долины Цеце въ это время года нѣтъ никакой возможности пробраться, а на окружающихъ ее горахъ во всѣхъ значительныхъ углубленіяхъ лежатъ въ теченіе цѣлаго лѣта огромные сугробы снѣга.

Влажная лѣсистая долина Цеце по богатству растительности и по ея характеру замѣтно отличается даже отъ сосѣдней съ нею и лежащей еще западнѣе долины Пшехи. Въ послѣдней поляны тянутся почти вдоль всего теченія рѣки и нѣкоторыя изъ

нихъ достигаютъ довольно большихъ размѣровъ; долина же Цеце заросла чуть не сплошнымъ лѣсомъ. Сосна въ долинѣ Цеце отсутствуетъ почти совершенно, тогда какъ по Пшехѣ есть мѣста, гдѣ она попадается довольно часто. Жасминъ и Staphylea pinnata L., любящіе не особенно влажныя и болѣе или менѣе солнечныя мѣста, растутъ въ изобиліи въ долинѣ Пшехи и почти совершенно не всрѣчаются въ долинѣ Цеце.

Съ той, послѣдней въ долинѣ Цеце, поляны, гдѣ нами былъ сдѣланъ привалъ, мы отправились въ горы, чтобы побывать на Оштенѣ, Нагой-кошѣ и сосѣднихъ съ ними мѣстахъ. Дорога отъ поляны тянулась почти прямо на югъ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ Цеце, а потомъ поворачивала на юго-востокъ. Вдоль нея и здѣсь попадались брошенные на произволъ судьбы чрекесскіе садики, въ которыхъ росла алыча, сливы, черносливъ, а кое-гдѣ яблони и груши. Въ одномъ садикѣ мы нашли крупныя, но не зрѣлыя еще, очень хорошія раннія сливы. Деревья, на которыхъ онѣ росли, оказались страшно изуродованными медвѣдями: вѣтви на нихъ были поломаны, стволы расщеплены, а недозрѣвшіе плоды съѣдены. Еще выше у самой дороги намъ попадалось довольно много лѣсныхъ черешенъ, и почти на каждой изъ нихъ можно было видѣть слѣды медвѣжьихъ похожденій. На деревья, имѣющія вершковъ 6—7 въ діаметрѣ и лишенныя на протяженіи саженъ 5—6 вѣтвей, медвѣди взбирались повидимому совершенно свободно и, усаживаясь на самой верхушкѣ, обламывали вѣтви и объѣдали съ нихъ плоды. На нѣкоторыхъ черешняхъ оставались даже вблизи верхушекъ кучи наваленныхъ медвѣдемъ вѣтвей съ неуспѣвшими еще завянуть листьями. Здѣсь же, подъ деревьями, трава была совершенно выбита и замѣчалось много свиныхъ и медвѣжьихъ слѣдовъ. Отпечатки огромныхъ медвѣжьихъ лапъ мы видѣли и на грязи той дороги, по которой ѣхали. По всему было замѣтно, что дичи здѣсь водится не мало.

Пробывъ въ пути около двухъ часовъ, мы начали спускаться въ довольно пологую и не особенно глубокую балку. Шумъ, доносившійся со дна ея, указывалъ на существованіе въ ней небольшой рѣчки. Дѣйствительно, сдѣлавъ еще сажень сто, мы увидѣли ее. Это необыкновенно красивый горный потокъ, шириною шаговъ въ 15, который за поразительно-прозрачную, чистую, какъ хрусталь, и покрытою во многихъ мѣстахъ бѣлой пѣной воду, получилъ у самурцевъ названіе Серебрячки. Она съ шумомъ

катитъ по каменистому дну свои чудныя волны; вдоль берега ея растутъ хвощи, папоротники, мать-мачиха и чумной корень (Petasites) съ листьями болѣе аршина въ діаметрѣ и другія травы, а надъ ними темной стѣной высится сверху до низу одѣтый въ зелень дремучій пихтовый лѣсъ. Серебрячка получаетъ въ немъ и свое начало, впадаетъ же въ Цеце. Вся длина ея не превосходитъ, вѣроятно, 15 верстъ, а температура воды равняется + 8° С.

Жители Самурской еще до моей поѣздки въ горы сообщили мнѣ, что недалеко отъ Серебрячки, среди дремучаго лѣса, у жившихъ здѣсь до покоренія Кавказа горцевъ были построены сараи съ печами, въ которыхъ изъ руды, добываемой въ горахъ, выплавлялось серебро. По словамъ самурцевъ остатки этихъ построекъ, кучи угля и какихъ-то камней сохранились здѣсь и до сихъ поръ. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть это мѣсто и захватить съ собою шлаковъ или руды, чтобы по нимъ узнать, дѣйствительно здѣсь выплавлялось серебро. По этой причинѣ я попросилъ проводниковъ своихъ свернуть съ дороги и указать мнѣ мѣсто, гдѣ, какъ они увѣряли, находился построенный горцами заводъ. Мѣсто это было отыскано довольно скоро и на немъ, какъ я лично убѣдился, дѣйствительно сохранились остатки какой-то плавильни или маленькаго завода. Здѣсь валялось довольно много обгорѣлыхъ бревенъ и, кромѣ того, были разбросаны по землѣ кучи угля и шлаковъ. Нѣсколько кусковъ этихъ послѣднихъ я захватилъ съ собою и, будучи увѣренъ, что вслѣдствіе несовершенства обработки въ нихъ останутся еще металлическія начала, подвергъ анализу, который и открылъ въ нихъ присутствіе мѣди и цинка. Вѣроятно, изъ этой руды выплавляли не серебро, а мѣдь. Гдѣ добывалась эта руда, остается теперь тайной. Самурцы, основываясь на разсказахъ тѣхъ горцевъ, которые прежде жили здѣсь, а послѣ покоренія Кавказа переселились на плоскость, утверждаютъ, что руда добывалась недалеко отъ завода, именно на горахъ, возвышающихся по лѣвому берегу Пшехи; мнѣ же это указаніе кажется мало вѣроятнымъ, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ всѣ горы состоятъ изъ осадочныхъ, известковыхъ породъ, а не кристаллическихъ, которыя обыкновенно заключаютъ въ себѣ руды.

Болѣе или менѣе сносная дорожка тянулась только до Серебрячки, на противуположной же сторонѣ ея она превратилась

въ узкую, мѣстами даже едва замѣтную тропинку. По этой причинѣ мы нѣсколько разъ теряли ее и не безъ труда отыскивали снова. За-то лѣсъ становился здѣсь все величественнѣе и величественнѣе. Прямыя, какъ стрѣла, пихты достигаютъ въ этомъ мѣстѣ трехъ и даже трехъ съ половиною обхватовъ въ толщину при высотѣ аршинъ въ 70 или 80 и имѣютъ видъ исполинскихъ колоннъ, убранныхъ зеленью. Буковыя деревья выростаютъ почти до такихъ-же громадныхъ размѣровъ и представляются гигантскими свѣтло-сѣраго цвѣта столбами, только на самомъ верху увѣнчанными вѣтками. Липа, кленъ, ясень и вязъ (Ulmus campestris) также достигаютъ здѣсь трехъ аршинъ въ діаметрѣ, но попадаются сравнительно рѣдко. Между этими исполинами, полными еще жизни и свѣжести, стоятъ и такіе, которые отжили свой вѣкъ, лишились листьевъ, вѣтвей, верхушекъ и даже коры; многіе изъ нихъ, продержавшись такимъ образомъ вѣроятно не менѣе десятка лѣтъ, свалились на землю и лежатъ, питая своимъ бреннымъ тѣломъ разные мхи, лишайникии, грибы и травы.

Въ этомъ же лѣсу по землѣ всюду стелется падубъ (Ilex aquifolium), вѣчнозеленый, съ жесткими иглистыми листьями кустарникъ. Рододендроны, вмѣстѣ съ густымъ пихтовымъ молоднякомъ, образуютъ почти непроходимыя заросли, въ которыхъ зимою чаще всего скрываются дикія свиньи и другіе звѣри. Здѣсь росло много гелеборусовъ, огромное количество недотроги (Impatiens nolitangere), изрѣдка попадался Paris quadrifolia, котораго въ другихъ мѣстахъ Кавказа я почти не встрѣчалъ.

Отъѣхавъ отъ Серебрячки верстъ пять, мы попали на берегъ другой, также очень красивой горной рѣчки, которая по своей величинѣ и по виду очень напоминаетъ Серебрячку, но отличается отъ нея болѣе холодной водой и гораздо болѣе быстрымъ теченіемъ. Усѣянная безчисленнымъ множествомъ бѣлыхъ и блестящихъ, какъ серебро, водопадовъ, она, прыгая съ камня на камень, съ шумомъ несется по тѣнистому ущелью между высокими, густыми, темнозелеными пихтами. Эта рѣчка не имѣетъ названія, впадаетъ въ Цеце, а получаетъ начало верстахъ въ 5 отсюда на горныхъ лугахъ.

Переѣхавъ рѣчку, мы должны были еще цѣлый часъ пробираться по густому пихтовому лѣсу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намъ приходилось даже прорубать его топоромъ или кинжаломъ, такъ какъ тропинка, проходившая по нему, оказалась совершен-

но заросшей. Я забылъ сказать, что и раньше мы должны были нѣсколько разъ слѣзать съ лошадей и пробираться по лѣсу пѣшкомъ; на послѣднихъ же верстахъ 3—4 тропинка сдѣлалась такой плохой, что ѣхать по ней нельзя было вовсе. Кое-гдѣ она была завалена огромными свалившимися деревьями, которыя приходилось каждый разъ объѣзжать. Не рѣдко встрѣчалась на ней порядочная грязь и лужи воды; въ одной изъ нихъ мы замѣтили свѣжую лежку огромнаго кабана, который въ этой безлюдной мѣстности не побоялся отдыхать даже на самой дорогѣ. Проѣзжая еще выше, именно саженяхъ въ 200 отъ упомянутой лужи, мы вдругъ услышали влѣво отъ тропинки сильный шумъ и трескъ сухихъ вѣтвей, произведенные по всей вѣроятности медвѣдемъ, который отдыхалъ у самой тропинки и былъ потревоженъ нами.

Проѣхавъ еще съ полверсты, мы увидѣли, наконецъ, послѣ непрерывнаго пяти-часоваго странствованія по лѣсу, впереди себя просвѣтъ между деревьями, указавшій на то, что лѣсъ долженъ скоро кончаться, а спустя еще нѣсколько минутъ показались намъ и горные луга. Съ этого мѣста тропинка начала еще круче подниматься въ гору, извиваясь то по осыпямъ, то по уступамъ известковыхъ скалъ, которыя въ нѣсколькихъ мѣстахъ представляли настоящую лѣсницу со ступенями, высотою почти въ аршинъ. На нихъ не легко было взбираться намъ самимъ, а еще труднѣе нашимъ лошадямъ. По сторонамъ тропинки и здѣсь во многихъ мѣстахъ стояли столѣтнія пихты, а между ними росли кусты смородины и таволги (Spiraea crenata). Въ это время очень красивая картина открылась вправо отъ насъ. Мы шли по крутому откосу лѣвой стороны глубокаго ущелья, причемъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей тропинки начиналась пропасть, бока которой состояли изъ скалъ, а дно было покрыто густымъ высокоствольнымъ пихтовымъ лѣсомъ. Съ противуположной стороны ущелья также поднимались высокой стѣной крутыя, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже отвѣсныя свѣтло-сѣрыя скалы, образующія нѣсколько параллельныхъ ярусовъ, высотою въ цѣлые десятки саженъ. Во многихъ мѣстахъ и на ихъ отвѣсныхъ уступахъ красовались растущія то въ одиночку, то небольшими группами огромныя стройныя пихты, а надъ самой вершиной скалъ находилась довольно обширная площадь, покрытая почти сплошнымъ лѣсомъ. Внизу, на днѣ пропасти, прыгая съ уступа на уступъ, неслась та самая рѣчка, которую мы недавно переѣхали въ лѣсу.

Взобравшись на послѣднюю террасу, мы очутились наконецъ на горномъ лугу, вдававшемся въ лѣсъ на подобіе длинной и довольно широкой поляны. Строго говоря, это мѣсто нельзя еще разсматривать какъ настоящій субъ-альпійскій лугъ, потому что оно лежитъ значительно ниже, чѣмъ обыкновенно такіе луга, именно на высотѣ около 4600 ф. надъ ур. моря, и кромѣ того покрыто главнымъ образомъ не типичными для нихъ травами. Правда, на немъ попадалось не мало аконита, росла кое-гдѣ буковица (Betonica grandiflora), но преобладающими растеніями были конскій щавель и различныя зонтичныя, свойственныя скорѣе лѣснымъ полянамъ, чѣмъ горнымъ лугамъ. Наконецъ, на этихъ же покрытыхъ высокими травами лѣсахъ стояли кое-гдѣ такія крупныя ($1^1/_2$—2 обхватовъ въ толщину) пихты, какихъ на настоящихъ горныхъ лугахъ быть не можетъ. Здѣсь же попадались небольшія, имѣющія видъ кустарниковъ, сосны, составляющія, какъ уже было сказано, рѣдкость въ этой долинѣ.

Мѣстность, окружающая поляну, тоже очень красива. Съ восточной стороны тянулся здѣсь небольшой пологій гребень; густой пихтовый лѣсъ покрывалъ вершину и склоны почти до самаго основанія и окаймлялъ поляну высокой темно-зеленой стѣной. Другой гораздо большій хребетъ поднимался на западѣ; онъ продолжался далеко на югъ, становясь постепенно все выше и выше. Внизу склоны его были покрыты зелеными лугами, на которыхъ стояли рѣдкія одинокія пихты; выше этихъ луговъ видны были густыя заросли изъ березы, рябины, калины-гордовины и граба, а за ними снова растилались луга съ разбросанными по нимъ небольшими группами скалъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ поперекъ этого склона тянулись узкія, но довольно длинныя ленты снѣга, уцѣлѣвшаго еще отъ самой зимы. Наконецъ, въ полсотнѣ саженъ отъ насъ находилась не особенно большая впадина, и въ ней два огромныхъ родника. Они давали такую массу воды, что изъ нихъ здѣсь же образовалась довольно большая рѣчка, именно та самая, о которой уже упоминалось два раза. Вначалѣ, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ саженъ, она несется по открытому мѣсту и образуетъ множество водопадовъ. Замѣчательно, что эта часть рѣчки довольно порядочно видна даже изъ Самурской станицы, отстоящей отъ нея болѣе, чѣмъ на 30 верстъ; она представляется оттуда въ видѣ узкой свѣтлой ленточки, извивающейся вдоль горныхъ луговъ вблизи опушки лѣса. Вода въ ней

оказалась на столько холодной, что пить ее было почти невозможно. Температура ея равнялась всего лишь $4^1/_2$° С.

Эта мѣстность интересна еще въ томъ отношеніи, что сохранила на себѣ ясные слѣды существованія ледниковъ въ прежнія времена. Даже при первомъ взглядѣ на нее не можетъ не броситься въ глаза особенность ея рельефа, а именно присутствіе множества бугровъ и пологихъ валовъ, раздѣленныхъ впадинами. Большая часть ихъ тянется въ поперечномъ направленіи къ самой долинѣ и должно быть разсматриваемо какъ цѣлая система конечныхъ моренъ ледника, существовавшаго здѣсь въ прежнія времена. Наиболѣе значительныя изъ моренъ лежатъ на высотѣ около 5000 фут. надъ уровнемъ моря, простираются же онѣ внизъ по долинѣ до того крутого уступа, за которымъ начинается уже сплошной пихтовый лѣсъ, т. е. до высоты въ $4^1/_2$ тысячи футовъ. Выше этихъ мѣстъ морены легко могутъ быть прослѣжены; но, основываясь на томъ, что въ другихъ мѣстахъ Кавказа ледниковый періодъ оставилъ такъ много самыхъ ясныхъ, очевидныхъ слѣдовъ, которые нисходятъ до высоты 2000 фут. и ниже, —надо пологать, что и здѣсь ледники въ прежнія времена спускались въ долины гораздо дальше, чѣмъ до $4^1/_2$ или 5 тысячъ футовъ. Подтвержденіемъ тому, пожалуй, могутъ служить тѣ большія, похожія по своему виду на морены, груды камней, которыя я встрѣтилъ верстахъ въ трехъ ниже поляны еще во время путешествія по лѣсу, но о происхожденіи которыхъ не могъ составить себѣ опредѣленнаго понятія. Я уже говорилъ, что въ этой мѣстности на очень большомъ пространствѣ нѣтъ вовсе такихъ твердыхъ горныхъ породъ, которыя могли-бы долго противостоять разрушительному дѣйствію воды, воздуха и другихъ агентовъ; поэтому здѣсь не могли сохраниться въ теченіе тѣхъ многихъ вѣковъ, которые протекли со времени ледниковаго періода, такіе слѣды движенія ледниковъ, какъ царапины, шлифованныя или курчавыя скалы, бараньи лбы и т. д. Мнѣ самому вовсе не приходилось встрѣчать ихъ въ мѣстахъ подобныхъ описываемому, хотя моренныя образованія въ видѣ грядъ или валовъ, легко узнаваемыхъ по формѣ и положенію, я находилъ здѣсь всюду на высотахъ около 5000 фут. и болѣе. Только на Оштенѣ, вблизи его небольшихъ глетчеровъ, можно видѣть вполнѣ типичныя царапины и шлифованныя скалы, произведенныя льдомъ лишь въ весьма недавнее время. Замѣчу еще, что на всѣхъ скалахъ, которыя

въ теченіи большой части года и теперь остаются здѣсь подъ снѣговымъ покровомъ, видны слѣды стиранія, произведенныя снѣгомъ, но гораздо болѣе слабые и поверхностные, чѣмъ тѣ, которые встрѣчаются на мѣстахъ, бывшихъ подъ льдомъ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ родника мы рѣшили сдѣлать привалъ; но такъ какъ до сумерокъ оставалось еще часа два, то условились отправиться на охоту, съ цѣлью убить что-нибудь и запастись на нѣкоторое время мясомъ. Пролазивши часа полтора по тому крутому гребню, который возвышался къ западу отъ насъ, я видѣлъ на немъ только медвѣжьи слѣды и тропы, но ни медвѣдей ни другихъ звѣрей не встрѣтилъ вовсе. Наконецъ, когда всѣ мы, возвращаясь назадъ, уже подходили къ своей стоянкѣ, вдругъ съ горы раздался какой-то ревъ и рыканіе. Мы взглянули на гору и сразу увидѣли трехъ медвѣдей. Одинъ изъ нихъ былъ очень большого роста и свѣтло-сѣрой масти, другой темнобурый и среднихъ размѣровъ, а третій маленькій, свѣтло-рыжій. Они ходили по склону той крутой горы, съ которой мы только что спустились, и притомъ съ немалыми затрудненіями. Мнѣ не хотѣлось снова карабкаться на нее, тѣмъ болѣе, что я не былъ увѣренъ въ томъ, что доберусь до медвѣдей засвѣтло, или что они не скроются куда-нибудь, пока я буду лѣзть на гору. Вмѣсто меня отправился одинъ изъ моихъ проводниковъ; онъ подкрался къ медвѣдямъ довольно близко, одного изъ нихъ ранилъ, но не имѣлъ возможности добить, такъ какъ медвѣдь полѣзъ въ такую чащу, куда слѣдовать за нимъ было опасно.

Вечеромъ мы разбили палатку и, напившись чаю, улеглись въ ней спать. Не смотря на то, что она довольно хорошо защищала насъ отъ вѣтра, я чувствовалъ, что ночь была холодна; еще холоднѣе сдѣлалось на разсвѣтѣ. Когда мы предъ восходомъ солнца вышли изъ палатки, то на травѣ кое-гдѣ блестѣлъ иней; крошечный ручеекъ, находившійся недалеко отъ нашей стоянки, пересталъ течь, а оставшіеся отъ него лужицы воды подернулись слоемъ льда, линіи въ 3 толщиною. Температура воздуха равнялась, однако, въ это время $+5^{\circ}$ С., трава же и вода охладились такъ сильно, очевидно, вслѣдствіе лучеиспусканія, которому способствовали ясное небо и рѣдкій воздухъ. Не смотря на такое сильное охлажденіе, росы или инея на травѣ почти не оказалось, причиной чему былъ сильный вѣтеръ, дувшій по долинѣ въ теченіи всей ночи; въ котловинахъ же, защищенныхъ отъ вѣтра, трава

была покрыта толстымъ слоемъ инея. Замѣчу, что все это происходило въ самомъ концѣ іюня на высотѣ 4620 фут. надъ уровн. моря. Рано утромъ до насъ со всѣхъ сторонъ доносилось прекрасное пѣніе бѣлозобыхъ дроздовъ. Повидимому оно было еще въ полномъ разгарѣ. Часомъ позднѣе я слышалъ здѣсь-же крикъ нѣсколькихъ кукушекъ, а пѣночки кричали почти не переставая во всѣхъ направленіяхъ отъ насъ.

День спустя, часовъ въ 5 утра, мы оставили нашу стоянку и двинулись въ путь. Вначалѣ намъ надобно было подвигаться вдоль поляны, почти прямо на югъ, а потомъ, проѣхавши версты $1^1/_2$ или 2, свернуть влѣво, на востокъ. Здѣсь мы должны были лѣзть на гору, пробираясь черезъ цѣлый лѣсъ бурьяна, въ которомъ всюду были навалены скрытые отъ глазъ груды острыхъ камней. Лошади наши, ступая на нихъ, безпрерывно спотыкались и нѣсколько разъ чуть не падали. Мы должны были все это пространство пройти пѣшкомъ и помучиться не меньше, чѣмъ наши лошади. Намъ мѣшали не только камни, на которыхъ можно было упасть и даже сломать себѣ ногу, но и высокій бурьянъ, сильно препятствовавшій подниматься на гору и кромѣ того обдававшій насъ цѣлыми потоками холодной, какъ ледъ, росы. Влѣво, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ и здѣсь тянулись пихтовый лѣсъ, а вправо находились многія заросли изъ граба, калины-гордовины, рябины и березы. Изрѣдко попадались старыя, довольно толстыя, но очень низкорослыя деревья тиса.

Часовъ въ 7 утра мы выбрались на настоящіе горные луга, гдѣ вмѣсто бурьяновъ и сорныхъ травъ, поподавшихся намъ раньше, раскинулся пестрый коверъ изъ безчисленнаго множества красивыхъ цвѣтовъ. Это мѣсто, гдѣ лѣса уже совершенно исчезли и на всѣхъ хорошо освѣщенныхъ солнцемъ мѣстахъ появились богатыя цвѣтами альпійскіе луга, начиналось по моему опредѣленію съ высоты около $5^1/_2$ тысячь фут. надъ ур. моря. Здѣсь росла Betonica grandiflora, множество астранцій, истодовъ (Polygala), гераней, генціанъ, красиваго малиноваго клевера и различныхъ сложноцвѣтныхъ.

Но на этой же высотѣ въ тѣнистыхъ мѣстахъ, ямахъ и котловинахъ росли еще бурьяны, вышиною болѣе, чѣмъ въ поясъ человѣка. Замѣчательно, что въ этой мѣстности на горныхъ лу-

гахъ совершенно не попадаются рододендроны, которые, вообще говоря, встрѣчаются здѣсь очень часто и имѣютъ очень обширное, вертикальное распростроненіе. Ихъ много, напр., у самой станицы Самурской и поднимаются они отсюда черезъ всѣ лѣса до верхней границы ихъ, но ее уже не преступаютъ. Замѣчу, еще, что неособенно далеко отъ этихъ мѣстъ, именно въ верховьяхъ Лабы, рододендроны образуютъ на горныхъ лугахъ сплошныя заросли, простирающіяся на цѣлыя версты; такіе-же заросли ихъ встрѣчаются на всѣхъ горныхъ лугахъ къ востоку отъ названной мѣстности, до самой Военногрузинской дороги включительно; въ бассейнѣ-же Пшехи ихъ нѣтъ вовсе.

Луга, по которымъ приходилось намъ продолжать путь, также были усѣяны торчащими изъ земли сѣрыми известковыми камнями; но здѣсь они, благодаря отсутствію бурьяна, были на виду и, кромѣ того, не такъ крупны, поэтому не помѣшали намъ ѣхать верхомъ. Только на особенно крутыхъ мѣстахъ мы должны были спѣшиваться здѣсь и вести лошадей на поводахъ. Тропинки здѣсь не существовало вовсе, и мы, придерживаясь юго-западнаго направленія и выбирая болѣе удобныя и ровныя мѣста, поднимались все выше и выше. Вправо отъ насъ мѣстность, постепенно повышаясь, сливалась мало по малу съ куполообразной вершинной Нагой-коша; влѣво-же она понижалась до тѣхъ поръ, пока не доходила до высокаго скалистаго уступа, который составляетъ лѣвый бокъ ущелья Цеце. Съ этого уступа открывается красивый видъ на ущелье, вверху крутое и скалистое, а внизу покрытое дремучими лѣсами, состоящими изъ пихты, ясени, березы и нѣкоторыхъ другихъ древесныхъ породъ.

Совершенно особенный рельефъ имѣла мѣстность, по которой мы проѣзжали. Вся она усѣяна воронко-образными, часто довольно правильными ямами, имѣющими саженъ 20 или 30 въ діаметрѣ и глубину иногда саженъ въ 10. Нѣкоторыя изъ этихъ ямъ заросли бурьяномъ, при чемъ только самое дно ихъ было загромождено кучами камней; въ другихъ на днѣ лежалъ снѣгъ, и вблизи его только что начинала пробиваться изъ земли травка; наконецъ, третьи, расположенныя сравнительно высоко надъ ур. моря, были набиты снѣгомъ почти до самыхъ краевъ. Происхожденіе этихъ ямъ надо приписать, по всей вѣроятности, тому, что снѣгъ, выпадающій здѣсь въ огромномъ количествѣ, наполняетъ зимою до верху всѣ, даже самыя небольшія углубленія, лежитъ

Такъ какъ у насъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не было вовсе мяса, то я рѣшилъ хотя половину дня посвятить охотѣ и постараться во что-бы то ни стало добыть дичи. 4 или 5 штукъ сернъ мы видѣли еще въ то время, когда только подъѣзжали къ скаламъ, но онѣ замѣтили насъ и быстро скрылись; поэтому я рѣшилъ отправиться на охоту пѣшкомъ версты за 3 или за 4 на тотъ высокій гребень, который тянулся отъ скалъ на сѣверо-востокъ. Онъ возвышается въ южной своей части до 8000 фут. надъ уровнемъ моря, а по направленію къ сѣверу постепенно понижается. Западный склонъ его покрытъ горными лугами, на которыхъ кое-гдѣ торчатъ скалы, а въ одномъ мѣстѣ лежитъ довольно порядочное снѣжное поле. Гребень этотъ ограничиваетъ съ лѣвой стороны ущелье Цеце въ его верхней части, и съ него открывается чудный видъ не только внизъ, въ глубокое ущелье, но и на болѣе или менѣе далекія горы. Ущелье Цеце представляетъ дивную картину. Это—пропасть, имѣющая не менѣе 3 или 4 тысячи футовъ глубины и заключающая въ себѣ цѣлый лабиринтъ скалъ, крутыхъ балокъ, овраговъ, пещеръ и карнизовъ, покрытыхъ зеленой травой. По дну ея течетъ довольно большая горная рѣчка, которая представляется сверху извилистой свѣтло-зеленой ленточкой. По обѣимъ сторонамъ ея тянутся узкія полоски березовыхъ зарослей, а тотчасъ за ними поднимаются почти отвѣсной стѣной скалы, покрытыя рѣдкими пихтами. Еще выше склоны ущелья дѣлаются болѣе пологими и представляютъ необыкновенно красивое сочетаніе лѣсовъ, осыпей скалъ и травянистыхъ откосовъ. Наконецъ исчезаютъ и лѣса, замѣняясь горными лугами, по которымъ тянутся сверху внизъ то обрывистыя балки, то длинные зубчатые гребни.

Съ вершины же этого кряжа открывается и восточная вершина Оштена, которая отстоитъ отсюда не болѣе какъ на 10—12 верстъ и потому видна очень отчетливо. Притупленная, широкая и разорванная спускающимися съ нея въ разныхъ направленіяхъ ущельями, она во многихъ мѣстахъ покрыта вѣчными снѣгами. Особенно оригинально выглядываетъ самый восточный отрогъ этой горы, состоящій изъ безчисленныхъ уступовъ полосатыхъ известковыхъ скалъ. Скалистымъ ущельемъ, имѣющимъ глубину тысячи въ двѣ футовъ и длину въ нѣсколько верстъ, восточная вершина Оштена отдѣляется отъ западной, которая видна отсюда лишь отчасти. Значительно дальше, на востокъ, бле-

стѣли еще одѣтыя полупрозрачной дымкой скалистыя, зубчатыя вершины, которыя были покрыты во многихъ мѣстахъ снѣгомъ. Это Шугусъ и Абаго, возвышающеся въ верховьяхъ рѣки Бѣлой.

На этомъ гребнѣ мнѣ пришлось стрѣлять по двумъ сернамъ и одну изъ нихъ убить. Другую убилъ мой проводникъ, но она свалилась въ такую пропасть, изъ которой достать ее было невозможно. Уже въ сумерки едва-едва мы дотащились до стоянки, принесли серну и тотчасъ занялись приготовленіемъ ужина изъ ея мяса. Будучи совершенно свѣжимъ, оно оказалось, однако, страшно жесткимъ и потому невкуснымъ. Еще больше теряетъ оно во вкусѣ, благодаря твердому салу, обладающему свойствомъ застывать при такой температурѣ, при которой сало другихъ животныхъ остается совершенно жидкимъ. Лѣтомъ на солнцѣ имъ невозможно, напр., смазать сапоги, такъ какъ оно даже при такой, относительно высокой температурѣ не мажется, а крошится. Когда приходится ѣсть даже очень горячее мясо серны, то находящееся на немъ сало стынетъ во рту, прилипаетъ къ нёбу и вызываетъ очень непріятное ощущеніе. Если мясо серны полежитъ дня 2—3, то дѣлается болѣе мягкимъ, сочнымъ, а потому гораздо болѣе вкуснымъ. Замѣчу еще, что какъ по убитой мною въ этотъ день сернѣ, такъ и по тѣмъ, которыя попадались въ мои руки впослѣдствіи, я всегда убѣждался, что у нихъ замѣна зимней шерсти лѣтней совершается очень поздно. Даже во второй половинѣ іюля часто попадаются серны съ остатками зимняго волоса, въ іюнѣ же его много на каждой изъ нихъ.

Мѣсто, на которомъ мы расположились, имѣло много неудобствъ. Вопервыхъ, находясь на большой высотѣ, вблизи довольно значительныхъ массъ снѣга, оно отличается очень холодными ночами; вовторыхъ, около него вовсе нѣтъ ни воды, ни дровъ; наконецъ, на немъ, какъ говорили мои проводники, очень часто стоятъ туманы, которые мѣшаютъ что-либо видѣть вокругъ себя. По этимъ причинамъ мы рѣшили провести здѣсь только одну ночь, а на слѣдующее утро спуститься въ глубокую, широкую балку, находящуюся у подножія того гребня, гдѣ мы охотились за сернами.

На другой день передъ восходомъ солнца было $+4^{\circ}$ C. Когда стало потеплѣе, я отправился собирать растенія и въ это время встрѣтилъ довольно много бѣлозобыхъ, дроздовъ (Turdus torquatus), обыкновенныхъ чеканчиковъ (Pratincola rubetra),

горныхъ овсянокъ (Emberiza cia); слышалъ крикъ снигирей и видѣлъ двухъ горныхъ тетеревовъ (Tetrao Mlokosyewitzii). Послѣдніе, самецъ и самка, поднялись изъ травы у самыхъ ногъ моихъ и, пролетѣвъ саженъ 20, снова опустились на землю. Здѣсь за ними никогда не охотятся, поэтому они такъ смирны. Изъ класса присмыкающихся я не нашелъ въ этой мѣстности рѣшительно ничего; нигдѣ не попадались даже горныя ящерицы (Lacerta muralis, Laur), столь обыкновенныя на горахъ Кавказа. Нельзя было не обратить здѣсь вниманія на множество черныхъ жуковъ. которыхъ привлекало къ себѣ мясо серны, лежавшее около палатки. Всѣ они оказались принадлежащими къ сем. жужелицъ, къ родамъ Carabus и Plectes. Послѣдній, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ представителей по преимуществу альпійской фауны и его нѣкоторые виды свойственны, какъ кажется, исключительно Кавказу.

Приблизительно въ полдень мы двинулись съ мѣста. Намъ пришлось спускаться съ крутой горы, заросшей бурьяномъ и усѣянной камнями. Большая часть ихъ была испещрена ямами, трещинами и пустотами, ступившись въ которыя лошадь каждую минуту могла сломать себѣ ногу. Конечно, весь этотъ путь мы должны были совершить пѣшкомъ, при чемъ около версты пройти по снѣгу, которымъ была засыпана длинная, съ крутыми берегами балка, простиравшаяся на протяженіи верстъ двухъ вдоль нашего пути. Почти подъ прямымъ угломъ къ ней тянулась другая такая-же; она извивалась между огромными известковыми глыбами и представляла рядъ трещинъ и ямъ, глубина которыхъ доходила мѣстами до нѣсколькихъ саженъ. Несмотря на частые дожди, выпадающіе здѣсь, и обиліе снѣга, мы встрѣтили только одинъ небольшой резервуаръ воды, гдѣ можно было напиться. Ни ручьевъ, ни родниковъ не было вовсе, да и резервуаръ находился вблизи большого сугроба снѣга и имъ только питался. Въ немъ мы напоили своихъ лошадей, которые не видѣли воды уже почти двое сутокъ, а довольствовались лишь очень обильной росой, выпадающей каждую ночь, да снѣгомъ. Спустившись на 850 фут. отъ нашей прежней стоянки, мы выбрали мѣстечко вблизи сліянія двухъ упомянутыхъ балокъ и тамъ разбили свою палатку. Съ этого мѣста я думалъ предпринять нѣсколько недалекихъ экскурсій, что-бы заняться наблюденіемъ надъ сернами и вообще познакомиться съ здѣшней фауной.

Избранное нами для стоянки мѣсто находилось на высотѣ 5900 фут. надъ ур. моря и было удалено отъ лѣса версты на полторы; за то вокругъ него разстилалось цѣлое море бурьяна, высотою почти въ ростъ человѣка. Онъ состоялъ изъ аконита, чемерицы, конскаго щавеля, гераней, нѣсколькихъ видовъ лютиковыхъ и т. д. Въ этомъ бурьянѣ скрывались миріады оводовъ и огромныхъ слѣпней (Tabanus ovinus и T. giogas), которые нападали на насъ и страшно мучили нашихъ лошадей, не давая имъ въ теченіе цѣлаго дня ни минуты покоя. Особенно трудно было сѣдлать и навьючивать ихъ, такъ какъ онѣ, желая избавиться отъ докучливыхъ насѣкомыхъ, не стояли на мѣстѣ, махали головой, хвостомъ и отчаянно брыкались. Въ это время не безопасно было даже подходить къ нимъ, такъ какъ онѣ, отбиваясь ногами отъ мухъ, могли неумышленно ударить человѣка. Тучи слѣпней попадали въ нашу палатку и, не зная, какъ вылетѣть оттуда, собирались въ верхней части ея цѣлыми сотнями; здѣсь они летали, ползали и жужжали, какъ пчелы въ ульѣ. Этимъ неумолкаемымъ шумомъ, а также и очень чувствительными уколами они намъ надоѣдали ужасно; лошади-же наши, чтобы избавиться отъ нихъ, уходили на снѣгъ и стояли тамъ въ теченіи большей части дня. Холодъ, которымъ вѣяло отъ снѣга, очевидно, прогонялъ этихъ несносныхъ тварей. Только утромъ и вечеромъ отдыхали мы и наши лошади, такъ какъ слѣпни въ это время скрывались въ бурьянѣ и вылетали изъ него лишь при яркомъ солнечномъ свѣтѣ. Я удивлялся, какъ можетъ такая масса ихъ находить себѣ достаточно пищи въ этихъ мѣстахъ, гдѣ скотъ почти никогда не пасется и гдѣ, кромѣ дикихъ звѣрей, днемъ всегда тщательно скрывающихся, нѣтъ животныхъ, кровью которыхъ слѣпни могли-бы питаться; не менѣе странно и то, какъ они выносятъ здѣшній холодъ и въ особенности холодныя ночи, когда температура опускается даже въ срединѣ лѣта до 4 или 5° тепла. Къ концу іюля я встрѣчалъ тучи слѣпней на высотахъ значительно большихъ, гдѣ почти каждую ночь бываетъ морозъ.

На этой стоянкѣ, расположенной значительно ниже предыдущей, мы слышали много разъ крикъ кукушекъ, перепеловъ, дергачей, а утромъ и вечеромъ здѣсь сотнями голосовъ раздавалось со всѣхъ сторонъ чудное пѣніе бѣлозобыхъ дроздовъ, а также альпійской завирушки (Accentor alpinus L.). Въ теченіе цѣлаго дня можно было слышать еще пріятнѣй, мелодичный крикъ

веселыхъ альпійскихъ воронъ (Fregilus graculus), вся жизнь которыхъ, по справедливому замѣчанію А. Брэма, есть безконечная, рѣзвая игра. Онѣ, гонясь другъ за другомъ и выдѣлывая въ воздухѣ легкіе, красивые повороты, безпрерывно носились надъ нашими головами, перелетая съ однѣхъ горъ на другія. Довольно часто попадались также вѣроны и обыкновенныя ворбны, а изъ хищныхъ—грифы (Gyps fulvus, Gm., Vultur monachus, L. и Neophron percnopterus, L.), а также обыкновенная пустельга (Tinnunculus alaudarius).

Съ этого-же мѣста мы видѣли довольно много сернъ. Онѣ обыкновенно показывались утромъ и вечеромъ на высокомъ гребнѣ, находившемся къ востоку отъ нашей стоянки и отсюда часто направлялись къ довольно порядочному снѣжному полю, расположенному на продолженіи того-же гребня и футовъ на 1000 выше насъ. Здѣсь, чувствуя себя въ полной безопасности, онѣ нерѣдко по цѣлымъ часамъ стояли или лежали на снѣгу и смотрѣли на насъ. Въ подзорную трубу или бинокль мы также подолгу любовались ими и могли наблюдать каждое движеніе ихъ. Нѣсколько штукъ сернъ можно было видѣть на этомъ мѣстѣ постоянно. Такимъ образомъ серны жили съ нами въ мирѣ и дружбѣ дня два, но разъ одинъ изъ моихъ проводниковъ, очень плохой стрѣлокъ, вздумалъ поохотиться за ними. Благодаря камнямъ, которые были навалены около снѣжнаго поля, ему удалось съ берданкой въ рукахъ подкрасться къ сернамъ шаговъ на 50, но и на этомъ разстояніи онъ сдѣлалъ по нимъ промахъ. Испуганныя серны опрометью бросились вверхъ и быстро скрылись за гребнемъ горы. Послѣ этого онѣ стали смотрѣть на насъ уже не съ такимъ довѣріемъ и рѣже начали посѣщать снѣжное поле.

Часа въ три пополудни мы отправились на тотъ гребень, гдѣ охотились за сернами наканунѣ. Погода вначалѣ была хорошая, но едва мы успѣли взобраться на вершину гребня, какъ вдали на горахъ стали появляться клубы облаковъ, которые разростались съ каждой минутой все больше и больше. Еще черезъ часъ все небо покрылось тучами, вскорѣ затѣмъ полилъ дождь и насъ окружилъ такой густой туманъ, что даже шагахъ въ 20 нельзя было ничего видѣть. Я началъ опасаться, что мы заблудимся, не найдемъ дороги къ палаткѣ и принуждены будемъ провести ночь на дождѣ подъ открытымъ небомъ и безъ теплой одежды. Принимая во вниманіе съ одной стороны сильный вѣтеръ, который ду-

етъ здѣсь каждую ночь, а съ другой—холодъ и наше мокрое платье, мы имѣли, конечно, основаніе опасаться, если не за жизнь, то по крайней мѣрѣ—за свое здоровье.

Пройдя по гребню довольно порядочное разстояніе и не зная куда направляться дальше, мы усѣлись подъ нависшей скалой и стали ждать, пока вокругъ насъ сколько нибудь прояснится; но въ это время надвинулся такой густой туманъ, что стало почти темно. Съ полчаса сидѣли мы такимъ образомъ, не зная, что предпринять, но вдругъ подулъ сильный вѣтеръ; онъ сталъ разрывать на клочья сплошныя массы тумана и уносить его вдаль. Въ это время въ нѣсколькихъ шагахъ онъ насъ какъ будто изъ земли выросла огромная скалистая гора, о существованіи которой мы даже не подозрѣвали, а вправо, почти у самыхъ нашихъ ногъ, открылась страшная пропасть, имѣвшая не менѣе 2000—3000 футовъ глубины и поросшая внизу крупнымъ пихтовымъ лѣсомъ, а на противуположной сторонѣ окаймленная высокимъ скалистымъ хребтомъ. Читатель догадывается, можетъ быть, что это было ущелье Цеце, о которомъ уже говорилось раньше, и горы отдѣляющія его отъ верховьевъ Куржипса. Это ущелье очистилось отъ тумана лишь отчасти. Особенно много его оставалось у самаго дна бездны; но и здѣсь вѣтеръ успѣлъ уже до нѣкоторой степени разорвать его, причемъ черезъ эти исчезающія и появляющіяся отверстія показывались на страшной глубинѣ то скалы, то темнозеленые лѣса. Нѣсколько выше, отдѣльные клубы свинцово-сѣрыхъ облаковъ или быстро неслись вдоль ущелья, или опускались внизъ, или, наконецъ, поднимались вверхъ, безпрерывно измѣняя свою форму и величину. Все ущелье въ это время какъ будто-бы кипѣло и представляло такой страшный видъ, что смотрѣть на него безъ содраганія было невозможно.

Несмотря на дурную погоду, я все-таки видѣлъ сернъ мѣстахъ въ двухъ, но не охотился за ними. Когда дождь пересталъ и туманъ болѣе или менѣе разсѣялся, мы отправились къ палаткѣ.

Предоставляю читателю судить о томъ, каково было это путешествіе тотчасъ послѣ сильнаго дождя по бурьяну, высотою почти въ ростъ человѣка и притомъ въ довольно холодную погоду. Доплелся я къ палаткѣ мокрымъ до послѣдней нитки и съ сапогами полными воды.

На слѣдующій день мы отправились опять на тотъ-же гре-

бень, но прошли по нему гораздо дальше къ сѣверу, гдѣ онъ понижается все болѣе и болѣе. Здѣсь гребень образуетъ тотъ мысъ, у котораго долина Цеце, направлявшаяся въ самой верхней своей части почти прямо съ юга на сѣверъ, дѣлаетъ довольно крутой, не обозначенный на картахъ, поворотъ къ сѣверо-западу. Этотъ гребень въ болѣе высокой южной части голъ и скалистъ, по мѣрѣ-же удаленія отсюда къ сѣверу одѣвается все болѣе и болѣе густымъ лѣсомъ. Сначала на немъ появляется береза, рябина и пихта, а потомъ и многія другія лѣсныя породы. Здѣсь въ мѣстахъ, куда человѣку пробраться почти невозможно, на скалахъ поросшихъ кустами и мелкимъ лѣскомъ, мы увидѣли довольно много сернъ-самокъ съ маленькими, въ полъ-аршина ростомъ козлятами. Никогда на голыхъ открытыхъ горахъ въ этой мѣстности я ихъ не встрѣчалъ раньше. Очевидно, самки съ такими молодыми козлятами боятся выходить на чистыя мѣста и выбираютъ глухія, поросшія кустами и лѣсомъ скалы, гдѣ маленькія серны не такъ легко попадаются своимъ врагамъ и гдѣ имъ гораздо легче укрыться отъ опасности. Здѣсь-же мы видѣли и медвѣдя, который ходилъ шагахъ въ 30 отъ сернъ, причемъ эти послѣднія, надѣясь, вѣроятно, какъ на быстроту своихъ ногъ, такъ и на неповоротливость и неуклюжесть медвѣдя, не обращали на него почти никакого вниманія.

Не желая на возвратномъ пути взбираться снова на тотъ гребень, по которому шли рано утромъ, мы взяли вправо и направились вдоль западнаго склона его. Почти весь онъ представлялъ такіе крутые откосы, по которымъ можно было пробираться только съ большой осторожностью. Въ особенности опасно было карабкаться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кручи были покрыты жесткой, напоминающей волосы, скользкой травой. Здѣсь также торчали изъ земли известковыя скалы, причемъ у многихъ изъ нихъ были выемки, вродѣ неглубокихъ пещеръ.

Въ одномъ мѣстѣ на этомъ косогорѣ мы нашли нѣсколько маленькихъ родниковъ съ пріятной на вкусъ, холодной водой. Пролазивши по горамъ часовъ 7—8 и не встрѣчая нигдѣ воды, которой можно было-бы утолить жажду, мы, конечно, очень обрадовались такой находкѣ; но она была для насъ особенно драгоцѣнна еще потому, что мы, въ теченіе почти четырехъ сутокъ, не пили хорошей воды, а довольствовались той мутной и безвкусной, которую получали изъ снѣга, нагрѣвая его въ котлахъ

на огнѣ или на солнцѣ. Я и мой спутникъ просидѣли около этихъ родниковъ не менѣе получаса и нѣсколько разъ съ наслажденіемъ принимались пить ихъ чистую, пріятную на вкусъ воду, а затѣмъ уже отправились къ своей стоянкѣ.

На слѣдующее утро я остался у палатки, а оба мои проводника пошли въ ущелье Цеце за дровами, необходимыми намъ для предстоящей поѣздки къ Оштену, на которомъ лѣсовъ уже нѣтъ вовсе. Кромѣ того, не лишнимъ было для насъ запастись и мясомъ, такъ какъ убитая, три дня тому назадъ, серна приходила уже къ концу. Въ силу послѣдняго обстоятельства я, какъ только возвратились съ дровами проводники, тотчасъ отправился на охоту, къ сѣверу отъ нашей стоянки, въ мѣста, еще незнакомыя мнѣ. Это было ровно въ 10 часовъ утра. На пути къ отвѣсному уступу, возвышающемуся надъ ущельемъ Цеце, я нашелъ въ бурьянѣ свѣжую медвѣжью лежку, гдѣ медвѣдь отдыхалъ, вѣроятно, не болѣе часа или двухъ тому назадъ. Пройдя еще съ полверсты по высокому бурьяну, я очутился надъ упомянутымъ скалистымъ уступомъ, гдѣ я замѣтилъ вскорѣ серну, которая на моихъ глазахъ вышла изъ-за большой скалы, находившейся значительно ниже меня. Я присѣлъ, что-бы не быть замѣченнымъ ею, а она, пройдя въ это время шаговъ 20 у подножья отвѣсной скалы, вспрыгнула на одинъ изъ уступовъ ея и улеглась тамъ, вѣроятно, съ намѣреніемъ пролежать до наступленія вечера. Такъ-какъ серна была довольно далеко, то я пролѣзъ къ ней еще шаговъ на 30 и, усѣвшись надъ самымъ краемъ обрыва, старательно прицѣлился и выстрѣлилъ. Серна сразу опустила голову, сдѣлала нѣсколько порывистыхъ движеній задними ногами, свалилась съ уступа и тотчасъ кончилась. Пока я отыскивалъ мѣсто, гдѣ можно было-бы спуститься къ ней, ко мнѣ подошелъ одинъ изъ моихъ проводниковъ; мы вмѣстѣ слѣзли съ этой почти отвѣсной скалы и едва-едва вытащили вдвоемъ серну на то мѣсто, откуда я стрѣлялъ по ней.

Часовъ съ двухъ пополудни погода снова испортилась: небо затянулось облаками, на горы налегъ туманъ, сдѣлалось очень холодно, потомъ пошелъ дождь, который не прекращался ни на минуту до самого вечера. Передъ заходомъ солнца и ночью онъ нѣсколько разъ переходилъ въ крупу. Всюду было мокро, сыро и дальше 20—30 шаговъ ничего нельзя было видѣть.

На слѣдующее утро мы пробродили часа три по сосѣднимъ

съ нашей стоянкой горамъ, надѣясь гдѣ-нибудь найти медвѣдей; но не встрѣтивъ ихъ, возвратились назадъ, отдохнули немного и отправились къ Оштену. Одному изъ моихъ проводниковъ пришлось идти пѣшкомъ, такъ какъ на его лошадь были навьючены дрова и мясо сернъ. Намъ надо было прежней дорогой взобраться на горы и опять проѣзжать мимо тѣхъ покрытыхъ снѣгами крутыхъ скалъ, гдѣ мы ночевали три дня тому назадъ. Здѣсь я рѣшилъ остановиться часа на два, что-бы осмотрѣть скалы и окружающую ихъ мѣстность; но такъ какъ въ этихъ трущобахъ, часто скрываются, по словамъ моихъ проводниковъ, медвѣди, то мы условились взобраться на скалы съ двухъ противуположныхъ сторонъ и устроить нѣчто вродѣ облавы. Я полѣзъ, правѣе ихъ, на крутую гору, разсчитывая по гребню ея пробраться къ вершинамъ скалъ. Здѣсь на высотѣ 7500 фут. растительность была очень скудна и состояла изъ крошечныхъ генціанъ, колокольчиковъ, драбъ, камнеломокъ, ряста (Scilla cernua), одуванчиковъ (Taraxacum) и т. д., довольно значительныя пространства оказались покрытыми огромнымъ количествомъ свѣтло-синихъ колокольчиковъ (Campanula), стебли и листья которыхъ были почти незамѣтны, вслѣдствіе чего все растеніе казалось состоящимъ только изъ одного цвѣтка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колокольчики и Muscari росли такъ густо, что отъ нихъ склоны горъ казались издали совсѣмъ синими. Рядомъ съ этими мѣстами находились и такія, которыя едва только успѣли освободиться отъ снѣга. На нихъ еле-еле начало пробиваться изъ земли мелкая травка, да торчали не распустившіеся еще бутоны ряста, который на плоскости цвѣтетъ вмѣстѣ съ самыми ранними весенними цвѣтами. Еще бѣднѣе оказалось растительность на самыхъ вершинахъ скалъ. Здѣсь всюду были навалены груды известковыхъ камней, между которыми попадались пространства, покрытыя мхами, лишайниками, а также мелкими листочками какихъ-то злаковъ. На этихъ-же мѣстахъ лежали и сугробы снѣга. Что касается самыхъ скалъ, то онѣ всюду состояли изъ того самаго известняка, о которомъ уже упоминалось. Сверху онъ имѣетъ темно-сѣрый цвѣтъ, а на свѣжемъ изломѣ бѣлый или розоватый. Наконецъ, изъ звѣрей мы видѣли на скалахъ и около нихъ только трехъ сернъ.

Послѣ осмотра этой мѣстности мы снова спустились къ нашимъ лошадямъ, а потомъ уже отправились на нихъ къ Оштену. Намъ пришлось вторично подниматься на ту гору, на которую

взбирался я, направляясь къ скаламъ. Здѣсь мы нашли едва замѣтную, но довольно широкую дорожку, зигзагами направлявшуюся вверхъ и заросшую такимъ-же дерномъ. какъ и вся окружающая ее мѣстность. Видно было, что по ней не ѣздилъ никто уже цѣлыя десятки лѣтъ. Она была раздѣлана, какъ я узналъ впослѣдствіи, нашими войсками лѣтъ тридцать тому назадъ, т. е. незадолго до покоренія Западнаго Кавказа. Если-бы очистить ее отъ валяющихся на ней мелкихъ камней, то она и теперь могла-бы служить для ѣзды даже на колесахъ.

По этой дорожкѣ мы взобрались на довольно обширное высокое плоскогорье, занимающее пространство приблизительно десятка въ два квадратныхъ верстъ и имѣющее среднюю высоту болѣе 7500 футовъ надъ ур. моря. Оно пересѣкалось множествомъ балокъ и овраговъ, почти въ уровень съ краями наполненныхъ снѣгомъ. Пустынный, непривѣтливый и безжизненный характеръ имѣетъ вся эта мѣстность. Всюду виднѣются здѣсь груды камней, огромные сугробы снѣга и даже настоящія снѣжныя поля, толщина которыхъ, какъ можно было замѣтить по трещинамъ и обрывамъ, доходила саженъ до 4—5, а длина отъ нѣсколькихъ десятковъ шаговъ до полуверсты и болѣе. Снѣгомъ были завалены здѣсь даже самыя небольшія углубленія, кромѣ того, нельзя было не замѣтить, что и всѣ прочія мѣста лишь недавно освободились отъ него. На однихъ изъ нихъ находилась только прошлогодняя пожелтѣвшая и примятая снѣгомъ травка, а новой, зеленой не было и слѣдовъ; на другихъ-же начали уже цвѣсти кое-гдѣ первые весенніе цвѣточки—Scilla и Ornithogalum. На юго-востокѣ, верстахъ въ двухъ отъ насъ, находилась гора, футовъ на 600 поднимавшаяся надъ окружающимъ ее плоскогорьемъ. На сѣверо-востокѣ она обрывалась скалистымъ отвѣснымъ уступомъ, на югѣ-же и юго-западѣ переходила въ довольно крутой склонъ, покрытый пожелтѣвшимъ дерномъ. Еще дальше, верстахъ въ 7—8, выдавалась изъ-за ближайшихъ гребней вершина Оштена.

Мѣстность эта находится на одномъ меридіанѣ съ Оштеномъ, лежитъ къ сѣверу отъ этой горы и отдѣляется отъ нея только одной долиной, имѣющей въ ширину версты 2—3 и проходящей отъ востока къ западу у самой подошвы горы. На Оштенѣ и всѣхъ его высокихъ отрогахъ, отстоящихъ всего лишь на 35 или 40 верстъ отъ Чернаго моря и подверженныхъ сильному влі-

нію его, снѣжная линія, какъ извѣстно, спускаются очень низко *). Такимъ образомъ и здѣсь, на высотѣ отъ 7000 до 7500 ф. надъ ур. моря, во всѣхъ углубленіяхъ или котловинахъ лежатъ уже огромныя массы никогда нестаивающаго снѣга, да и болѣе открытыя, ровныя мѣста освобождаются отъ него всего лишь мѣсяца на 2 или 2½ въ году; между тѣмъ въ Осетіи, напр., на этой высотѣ вызрѣваетъ хлѣбъ и растутъ еще лѣса, а въ Дагестанѣ слишкомъ на 8000 фут. надъ ур. моря существуютъ даже аулы.

Проѣхавъ по плоскогорью версты полторы, мы встрѣтили небольшую котловину, хотя слегка защищенную отъ вѣтра и поросшую мелкой травкой. Такъ какъ впереди насъ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ разстилалась мертвая пустыня, гдѣ для лошадей вовсе не было корма, то мы рѣшили остаться здѣсь до слѣдующаго утра. Мѣсто это находилось на высотѣ 7560 фут. надъ ур. моря.

Когда мы остановились и развьючили своихъ лошадей, до вечера было еще не менѣе двухъ часовъ, поэтому я рѣшилъ воспользоваться хорошей погодой, которая здѣсь бываетъ не особенно часто, и совершенно безоблачнымъ небомъ, что-бы на легкахъ проѣхать еще версты 2—3, взобраться на одинъ изъ ближайшихъ, болѣе высокихъ пунктовъ и отсюда взглянуть на Черное море. которое, по моимъ соображеніямъ, можно было увидѣть съ этихъ мѣстъ.

Одного изъ своихъ проводниковъ я оставилъ у предполагаемаго ночлега, поручивъ ему развести огонь и приготовить чай, а съ другимъ отправился дальше по направленію къ югу. Едва успѣли мы отъѣхать версты полторы, какъ увидѣли, менѣе чѣмъ въ полу-верстѣ отъ себя, медвѣдицу съ двумя довольно большими, вѣроятно, прошлогодними медвѣжатами, а саженяхъ въ 50 отъ нея огромнаго медвѣдя. Конечно, Черное море, горы и все прочее было въ это время забыто и мы, бросивъ лошадей, тотчасъ начали подкрадываться къ медвѣдямъ. Въ 115 шагахъ я выстрѣлилъ по самому крупному изъ нихъ, стоявшему ко мнѣ почти задомъ и попалъ ему въ правую сторону груди. Онъ упалъ, началъ кататься по землѣ, ревѣть, фыркать и сопѣть; нѣсколько разъ

*) По опредѣленію Абиха снѣжная линія не поднимается на немъ выше 9000 фут., а на южномъ склонѣ спускается даже до 8890 фут. надъ уровнемъ моря.

поднимался на ноги и пытался уйти, но не былъ въ силахъ. Въ то время, когда я смотрѣлъ на него и ожидалъ, что онъ сейчасъ кончится, мой проводникъ, хорошій охотникъ, быстро подбѣжалъ къ нему шаговъ на 10 и добилъ его выстрѣломъ изъ своей берданки. Медвѣдь оказался очень старымъ и крупнымъ, два клыка у него были сломаны, коренные зубы сильно стерты, на мордѣ находилось нѣсколько старыхъ, заросшихъ шрамовъ, и ко всему этому онъ былъ еще слѣпымъ на одинъ глазъ. Все это свидѣтельствовало о томъ, что онъ прожилъ на свѣтѣ не одинъ десятокъ лѣтъ и не разъ бывалъ въ передѣлкахъ.

Почти часъ провозились мы около медвѣдя, снимая съ него шкуру, и уже въ сумерки возвратились къ своей стоянкѣ. Вечеръ въ этотъ день былъ прекрасный, но холодный. Съ закатомъ солнца замолкли крики альпійскихъ воронъ, завирушекъ и еще немногихъ водящихся здѣсь птичекъ, и воцарилась мертвая тишина, которая только изрѣдка нарушалась фырканьемъ или ржаніемъ нашихъ лошадей. Никакихъ насѣкомыхъ въ это время также не было слышно. Маленькій костеръ, на которомъ варился нашъ ужинъ, одиноко мерцалъ среди этой дикой безмолвной пустыни и освѣщалъ только насъ самихъ, нашу палатку и ближайшіе къ ней предметы. Небо, которое еще днемъ обращало на себя вниманіе своимъ особенно темнымъ цвѣтомъ, послѣ заката солнца стало почти чернымъ и покрылось безчисленнымъ множествомъ такихъ яркихъ, крупныхъ и блестящихъ звѣздъ, какихъ никогда не приходится видѣть на равнинахъ, по причинѣ ихъ пыльнаго, туманнаго и сравнительно мало прозрачнаго воздуха. Нельзя забыть этой замѣчательной ночи, проведенной нами въ заоблачной пустынѣ, ея торжественной тишины и безмолвія, а также того чуднаго неба, которое милліонами огней блестѣло надъ нами. Къ сожалѣнію, однако, это чистое, безоблачное небо, а также рѣдкій и прозрачный воздухъ сильно способствовали охлажденію всѣхъ окружающихъ насъ предметовъ, вслѣдствіе лучеиспусканія. Ночью дѣйствительно сдѣлалось очень холодно, и вслѣдствіе этого холода, особенно усилившагося передъ утромъ, мы встали за полтора часа до разсвѣта, при лунѣ развели костеръ, вскипятили воду и успѣли напиться чаю. Передъ восходомъ солнца термометръ показывалъ $2^1/_2$ градуса ниже нуля, а снѣгъ, лежащій около насъ, затвердѣлъ такъ сильно, что лошадь, ступая по нему, почти не оставляла слѣдовъ на его поверхности.

На разсвѣтѣ я и оба мои проводники верхами отправились къ той горѣ, которая возвышалась верстахъ въ двухъ отъ насъ въ юго-восточномъ направленіи. При восходѣ солнца мы были уже на вершинѣ ея и любовались дивной горной панорамой, обнимающей не одну сотню верстъ. Благодаря чистотѣ и прозрачности воздуха, всѣ предметы, какъ ближайшіе къ намъ, такъ и отдаленнѣйшіе были видны съ поразительной отчетливостью; а небо имѣло еще болѣе густой, темно-синій цвѣтъ, чѣмъ наканунѣ. На сѣверѣ, верстахъ въ десяти отъ насъ тянулись непрерывные лѣса, которые вдали, на болѣе низкихъ мѣстахъ, становились все рѣже и рѣже, затѣмъ начинали чередоваться все съ большимъ и большимъ числомъ полянъ и такимъ образомъ постепенно переходили въ степи Кубанской области. На востокѣ красиво и нѣжно обрисовалась длинная линія безчисленныхъ горныхъ вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ и составляющихъ главный Кавказскій хребетъ; въ противуположной сторонѣ виднѣлась глубокая, извилистая долина Пшехи, заросшая густымъ лѣсомъ, а также долины ея притоковъ—Гогопса, Кушако и многіе горные хребты, постепенно понижающіеся на западѣ. Наконецъ, на югѣ, верстахъ въ 4—5 отъ насъ, поднимался Оштенъ, который былъ виденъ отъ подошвы до самой вершины. За нимъ и по бокамъ его тянулись во всевозможныхъ направленіяхъ долины и ущелья, раздѣленныя хребтами, постепенно понижающимися вдали, а за ними разстилалась необъятная равнина синеватаго цвѣта —это Черное море, отстоявшее отъ насъ верстъ на 45.

Вершина горы, на которой мы находились, поднимается до 8200 фут. надъ уровнемъ моря, что для Западнаго Кавказа должно считаться уже довольно солидной высотой. Эта вершина представляла расположенную подковообразно систему известковыхъ скалъ, образующихъ болѣе полу-окружности и поднимающихся надъ окружающимъ плоскогорьемъ, какъ уже было сказано, футовъ на 500 или 600. На югъ, непосредственно отъ вершины горы, тянулся болѣе или менѣе пологій, покрытый очень тощимъ дерномъ склонъ, по которому мы доѣхали верхомъ до самаго гребня скалъ; на оборотъ, къ сѣверу эти послѣднія обрывались почти отвѣсно; и здѣсь у подножья ихъ лежала огромная масса снѣга. Весь онъ вверху былъ раздѣленъ выдающимися скалистыми гребнями на нѣсколько отдѣльныхъ частей, которыя внизу переходили въ одно сплошное снѣжное поле. Накопленію

снѣга въ этомъ мѣстѣ способствуетъ какъ глубина котловины, такъ и положеніе склона, обращеннаго на сѣверъ. Не смотря на то, что скалы эти тянутся на протяженіи не менѣе версты, и у своего подножья загромождены очень значительнымъ количествомъ снѣга, изъ-подъ нихъ также не вытекаетъ ни одного ручейка. Очевидно, и здѣсь вся вода уходитъ въ землю.

Тамъ, гдѣ оканчиваются снѣга, у подножья скалъ находится довольно много покрытыхъ тощей травой бугровъ и валовъ, напоминающихъ древнія морены. Въ ледниковый періодъ вся эта мѣстность находилась, конечно, подъ льдомъ; но я увѣренъ, что у основанія этихъ скалъ находились небольшіе глетчеры даже сравнительно недавно, напр. въ сороковыхъ или пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія, когда ледники Кавказа достигали, какъ извѣстно, значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ теперь, въ періодъ ихъ убыванія, начавшійся съ пятидесятыхъ годовъ. Существованіе хотя и небольшихъ ледниковъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, на Оштенѣ, возвышающемся лишь на 1000 футовъ надъ этой мѣстностью, убѣждаетъ меня въ вѣрности такого предположенія.

Дернъ на вершинахъ скалъ состоялъ главнымъ образомъ изъ одного или нѣскольскихъ видовъ Stipa, къ которымъ примѣшивались Campanula, Myosotis, Cerastium, Draba и Veronica.

Пробывъ на этой вершинѣ около часа, мы направились, наконецъ, къ самому Оштену. Онъ былъ верстахъ въ 3—4, прямо на югѣ, и отдѣлялся отъ насъ только одной очень глубокой, съ крутыми склонами, долиной, перебраться черезъ которую мы вмѣстѣ съ своими лошадьми не могли, однако, никакъ. По этой причинѣ намъ нужно было проѣхать обратно версты $1^1/_2$—2 къ бывшей нашей стоянкѣ, оттуда повернуть на западъ, пересѣчь нѣсколько широкихъ пологихъ балокъ, наполненныхъ снѣгомъ и находящихся все на томъ же плоскогорьѣ, а затѣмъ уже спуститься съ него. Спускъ этотъ направляется также на западъ и тянется по дну глубокой балки къ той долинѣ, которая начинается у самой подошвы Оштена и огибаетъ плоскогорье съ южной и западной сторонъ. Она отдѣляется отъ долины Пшехи, которая подходитъ здѣсь къ плоскогорью довольно близко, только однимъ, не особенно высокимъ, гребнемъ.

Такимъ образомъ намъ снова пришлось довольно долго ѣхать по этой высокой открытой мѣстности, пересѣченной мно-

гими гребнями, долинами и балками. И здѣсь всюду лежали груды камней и огромные сугробы снѣга, а трава была такая-же тощая и приземистая, какъ и на прочихъ мѣстахъ этого плоскогорья. Птицъ попадалось намъ въ этой мѣстности не много. Мы видѣли нѣсколько стаекъ альпійскихъ воронъ (Fregilus graculus), альпійскихъ завирушекъ (Accentor alpinus), да одну стаю грифовъ, штукъ въ 20, изъ которыхъ 5 принадлежали къ темно-бурымъ (Vultur monachus L.), а остальные бѣлоголубымъ (Gyps fulvus Gm.). Вѣроятно, впрочемъ, и эта стая забралась сюда болѣе или менѣе случайно, и притомъ на короткое время.

Такъ какъ подо мною была сравнительно порядочная лошадь, то я ѣхалъ обыкновенно нѣсколько впереди своихъ спутниковъ. Когда мы были на самыхъ высшихъ точкахъ нашего пути, именно вблизи той закругленной вершины Нагой-коша, о которой упоминалось уже не разъ, я, взъѣхавъ на одинъ гребень, вдругъ увидѣлъ впереди себя, шагахъ въ 60, медвѣдя, лежавшаго на совершенно голомъ бугрѣ. Быстро повернувъ лошадь и соскочивъ съ нея, я прицѣлился въ грудь медвѣдя и убилъ его однимъ выстрѣломъ; но не успѣлъ еще замолкнуть громъ его, какъ изъ-за убитаго животнаго съ отчаяннымъ, пронзительнымъ крикомъ выскочило два медвѣженка, которыхъ прежде мнѣ не было видно. Теперь только я узналъ, что передо мной былъ не медвѣдь, а медвѣдица. Медвѣжата бросились на гору, нѣсколько разъ останавливались, оглядывались то на свою мать, то на насъ. Ни у меня, ни у моихъ спутниковъ, успѣвшихъ уже подойти сюда, не было желанія стрѣлять въ нихъ, поэтому они ушли невредимыми.

Вскорѣ послѣ встрѣчи съ медвѣдицей намъ пришлось спускаться съ плоскогорья. Спускъ былъ не менѣе какъ футовъ въ 700—800 и тянулся на протяженіи верстъ 2 или 3; кромѣ того онъ оказался сильно каменистымъ, мѣстами скользкимъ, грязнымъ и въ общемъ былъ настолько плохъ, что мы должны были весь его пройти пѣшкомъ. Когда онъ кончился, мы повернули на югъ, затѣмъ на юго-востокъ и, слѣдуя этому направленію, достигли къ часамъ 12 подножья Оптена.

Мѣстность, по которой мы ѣхали послѣднія версты три, въ отношеніи орошенія сильно отличалась отъ той, гдѣ намъ пришлось странствовать предыдущіе пять дней. Тамъ только одинъ разъ мы нашли родниковую воду, здѣсь же она попадалась на

каждомъ шагу. Большіе и маленькіе, съ чистой, какъ хрусталь водой родники и множество прозрачныхъ ручейковъ и рѣчекъ встрѣчались намъ поминутно какъ на самой дорогѣ, такъ и по сторонамъ ея. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было проѣхать полсотни шаговъ, что-бы не увидѣть нѣсколькихъ ручьевъ. Большая часть ихъ имѣла довольно медленное движеніе, и дно, усыпанное камнями, между которыми валялось не мало песчаниковъ, вовсе не попадавшихся намъ въ предыдущіе дни. Встрѣчались здѣсь также котловины съ топкимъ, болотистымъ грунтомъ и болотной растительностью, а на склонахъ горъ и вообще на болѣе сухихъ мѣстахъ всюду росла очень хорошая трава; на нѣкоторыхъ участкахъ она, впрочемъ, была уже сильно выбита пасущимися здѣсь нѣсколькими табунами лошадей.

Эта мѣстность, извѣстная подъ именемъ Тубинской поляны, принадлежитъ, какъ говорятъ, къ лучшимъ и удобнѣйшимъ на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ горнымъ пастбищамъ, и потому всегда охотно арендуется для пастьбы лошадей, овецъ, а иногда и крупнаго рогатаго скота. Всѣ эти животныя ходятъ здѣсь, однако, только въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, такъ какъ уже въ началѣ сентября на этихъ мѣстахъ становится очень холодно и нерѣдко выпадаетъ снѣгъ. Однако и за три мѣсяца, благодаря прекрасной травѣ, хорошей водѣ, встрѣчающейся на каждомъ шагу, прохладному чистому воздуху, а, главное, отсутствію мухъ, не дающихъ въ другихъ мѣстахъ ни минуты покая животнымъ, эти послѣднія поправляются здѣсь послѣ скуднаго зимняго корма замѣчательно быстро. Звѣрей на Тибунской полянѣ мы невидѣли вовсе, а изъ птицъ намъ больше всего попадалось бѣлозобыхъ дроздовъ, которые скрывались по преимуществу въ бурьянахъ и высокой травѣ, по близости ручьевъ, и съ крикомъ вылетали изъ нея при нашемъ приближеніи.

На возвышенномъ мѣстѣ, въ верстѣ отъ Оштена и прямо противъ долины, раздѣляющей его на двѣ части, мы сдѣлали привалъ. Съ этого пункта, находящагося на высотѣ 6700 фут., хорошо была видна вся сѣверная сторона Оштена, осмотромъ котораго я и занялся прежде всего.

Объ Оштенѣ и окружающихъ его мѣстахъ необходимо сказать болѣе или менѣе подробно—такъ какъ эта часть горъ не пользуется особенною извѣстностью и, кромѣ того, на картахъ Кавказа представлена невѣрно.

Оштенъ обозначенъ на нихъ въ самыхъ верховьяхъ Куржипса и одного изъ истоковъ Пшехи, верстъ на 7 сѣвернѣе Фишта. Съ правильностью этого едва-ли можно согласиться, такъ какъ здѣсь нѣтъ даже ни одной очень высокой горы, которая могла-бы обратить на себя особенное вниманіе, нѣтъ и вѣчныхъ снѣговъ. Оштенъ-же описывается обыкновенно какъ гора очень высокая, покрытая вѣчными снѣгами. Абихъ, напр., говоритъ *), что на Фиштѣ и Оштенѣ, поднимающихся до 9360 фут., мы въ *первый* разъ на сѣверо-западѣ Кавказа подъ 43° 57' с. ш. и 57° 34' в. д. встрѣчаемъ значительныя снѣжныя поля. Что-же касается горы, названной Оштеномъ на пятиверстной картѣ, то она лежитъ не подъ 43° 57', а сѣвернѣе 44° и, вѣроятно, не поднимается даже на 7500 или 8000 фут. надъ уровнемъ моря.

Н. Кузнецовъ **) также описываетъ Оштенъ какъ гору, имѣющую 9115 фст. высоты и находящуюся не вблизи верховьевъ Куржипса, а вблизи верховьевъ Бѣлой. Замѣтимъ еще, что Пшеха и Куржипсъ нигдѣ не подходятъ такъ близко другъ-къ-другу своими истоками, какъ это показано на картѣ, потому что между ними течетъ Цеце, получающая начало не сѣвернѣе Куржипса, какъ находимъ мы на картѣ, а южнѣе его, именно изъ-подъ той самой горы, которую обыкновенно называютъ Оштеномъ и которая на картахъ обозначена подъ именемъ Фишта. Эта вершина не видна изъ Самурской, Апшеронской и нѣкоторыхъ сосѣднихъ станицъ, такъ какъ она закрыта Нагой-кошемъ и другими горами; но ее можно видѣть по дорогѣ къ Хадыженской станицѣ, къ Майкопу, къ Лабинской и, хотя съ трудомъ, къ тому же лишь въ самую благопріятную погоду, даже изъ окрестностей Ставрополя. Оба упомянутые уже массива этой горы, за которой я оставляю названіе Оштена, у пастуховъ абадзеховъ, жившихъ прежде по близости ея, имѣютъ свои имена; они называютъ западный массивъ—Чуба, а восточный—Пишти или Фишти, отъ котораго и произошло, безъ сомнѣнія, названіе „Фиштъ", встрѣчающееся какъ на картахъ, такъ и въ сочиненіяхъ о Кавказѣ. Мнѣ кажется Фиштъ и Оштенъ, какъ ихъ

---

*) Uber die Lage der Schneegrenze und die Gletscher der Gegenwart im Kaucasus. Bull. de l'Academie Imp. de St.-Petersbourg. t. XXIV.

**) Путешествіе по Кубанскимъ горамъ. Извѣстія Импер. Русск. Геогр. Общ. т. XXV.

обыкновенно употребляють авторы, скорѣе всего слѣдуеть считать синонимами *).

Укажу, кстати, еще на одну, хотя и небольшую неточность пятиверстной карты. На ней истоки Цеце и Бѣлой (собственно ея притока Гузерипля) обозначены гораздо дальше другъ-отъ-друга, чѣмъ слѣдовало-бы. На картѣ они нигдѣ не подходять другъ къ другу ближе, какъ верстъ 7—8, на самомъ-же дѣлѣ у сѣверо-восточнаго угла Оштена разстояніе между ними, вѣроятно, не превышаетъ верстъ 3—4. Эта ошибка явилась вслѣдствіе того, что истоки Цеце обозначены невѣрно, именно верстъ на 5 сѣвернѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

Оштенъ представляетъ большую гору, подошва которой находится среднимъ числомъ на высотѣ $6^1/_2$—7 тысячъ футовъ и занимаетъ пространство не менѣе 25 кв. верстъ. Обѣ половины его представляютъ двѣ почти одинаковой высоты горы съ широкими, раздѣленными на много зубцовъ вершинами. Вверху онѣ скалисты, а внизу покрыты горными лугами. На вершинахъ ихъ лежитъ мѣстами довольно много снѣга, длинныя и широкія ленты котораго спускаются кое-гдѣ почти до половины высоты горы. Восточный массивъ гораздо острѣе западнаго; вершина его состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ зубцовъ и самъ онъ, за исключеніемъ своего основанія, почти лишенъ зеленыхъ травянистыхъ склоновъ. Снѣговъ на сѣверной сторонѣ его почти нѣтъ, вслѣдствіе того, что они не могутъ задерживаться на очень крутыхъ склонахъ его; подножье же этой горы съ сѣверной стороны представляетъ рядъ бугровъ и грядъ, покрытыхъ зеленью. Здѣсь-то и получаетъ начало, многими отдѣльными ручейками, которые соединяются затѣмъ въ 2 главныхъ истока, рѣчка Цеце. Въ этомъ мѣстѣ она такъ мала, что черезъ нее можно безъ труда перейти, не набравъ въ сапоги воды; направляется она отсюда почти прямо на сѣверъ, постепенно углубляетъ свое ложе и превращаетъ такимъ образомъ его въ то глубокое ущелье, о которомъ мы уже говорили неоднократно.

Въ самыхъ истокахъ Цеце тянется сверху внизъ по склону Оштена нѣсколько покрытыхъ зеленой травою грядъ или валовъ,

*) Нѣкоторые, впрочемъ, подъ словомъ „Фиштъ“ разумѣютъ все это высокогоріе, а подъ словомъ „Оштенъ“ высочайшую вершину его; но и тогда трудно рѣшить, гдѣ именно находится онъ, такъ какъ здѣсь есть нѣсколько вершинъ почти одинаковой высоты.

съ болѣе или менѣе заостренными гребнями; ихъ нельзя не признать за древнія морены. Одна изъ нихъ особенно явственна и спускается съ правой стороны восточнаго массива Оштена не далеко отъ долины, раздѣляющей эту гору на двѣ части. Что касается собственно долины, то она простирается съ с.-с.-з. на ю.-ю.-в., довольно просторно, хотя и сильно завалена грудами камней, которые падаютъ въ нее съ сосѣднихъ скалъ. Передъ входомъ въ эту долину, у самого подножья горы, лежитъ маленькое озерцо, а на боковыхъ склонахъ и днѣ ея видны во многихъ мѣстахъ полосы и пятна снѣга. На разстояніи версты или двухъ отъ начала долины, дно ея приподнимается, образуя пологое, невысокое вздутіе, также покрытое кое-гдѣ снѣгомъ, а вдоль всей долины тянется узкая тропинка, по которой можно проѣхать съ сѣвернаго склона Оштена на южный, къ истокамъ Шахе. Болѣе подробно будетъ сказано объ этой долинѣ при описаніи поѣздки въ нее.

Западная половина Оштена, иначе Чуба, также состоитъ изъ нѣсколькихъ вершинъ, причемъ крайнія изъ нихъ отстоятъ другъ отъ друга не менѣе какъ на 4 или 5 верстъ; въ этомъ лучше всего можно убѣдиться, проѣзжая по только-что описанной долинѣ. Съ сѣверной стороны Чуба кажется шире своего сосѣда, выступаетъ къ сѣверу немного дальше его, и хотя скалы на ней спускаются ниже, но покрытыхъ травой склоновъ она имѣетъ больше. На этой вершинѣ есть нѣсколько небольшихъ глетчеровъ, причемъ два изъ нихъ спускаются къ востоку, т. е. къ долинѣ, раздѣляющей Фишти и Чубу. Одинъ изъ нихъ довольно широкъ, тянется внизъ не менѣе какъ на версту, но, не смотря на это, оканчивается очень высоко; другой значительно меньше въ длину и ширину, располагается между двумя стѣнами почти отвѣсныхъ скалъ, замѣтно круче перваго и спускается ниже его. Въ общемъ онъ принадлежитъ къ самымъ маленькимъ глетчерамъ.

На сѣверной сторонѣ Чубы также виденъ небольшой ледникъ. Онъ свѣшивается съ довольно крутого склона и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пересѣкается множествомъ не широкихъ трещинъ. Верхняя часть его была во время нашего пребыванія подъ Оштеномъ покрыта снѣгомъ, а нижняя обнажена. Она съ боковъ и снизу окаймляется осыпями желто-коричневаго цвѣта.

Если смотрѣть на эту гору съ западной стороны, то можно

видѣть двѣ огромныя, но не особенно острыя скалистыя вершины, раздѣленныя глубокой сѣдловиной. Одна изъ этихъ вершинъ, именно южная, кажется выше сѣверной, покрыта вверху снѣгомъ, и съ нея спускается къ сѣдловинѣ большое снѣжное поле, которое внизу переходитъ въ два маленькихъ глетчера, питающихъ истоки Пшехи. Западная сторона Оштена, обращенная къ долинѣ упомянутой рѣки, очень крута; особенно это можно сказать про южную часть горы, которая обрывается почти отвѣсной стѣной, имѣющей нѣсколько сотъ футовъ въ высоту. Съ запада же склоны Оштена пересѣкаются нѣсколькими очень глубокими ущельями, по которымъ текутъ въ Пшеху быстрыя горныя рѣчки. По этой причинѣ Оштенъ очень трудно объѣхать съ западной стороны иначе, какъ спустившись въ самую долину Пшехи.

Ниже будетъ сказано, что съ восточной вершины Оштена спускается одинъ, а можетъ быть даже и нѣсколько глетчеровъ. Такимъ образомъ на Оштенѣ мы встрѣчаемъ не только вѣчные снѣга, но и маленькіе ледники, о которыхъ, какъ кажется, никто изъ путешественниковъ еще не упоминалъ. Я видѣлъ ихъ 6 штукъ; но, принимая во вниманіе съ одной стороны большое протяженіе этой горы, а съ другой—множество ущелій и глубокихъ балокъ, спускающихся съ вершины ея, надо думать, что такихъ маленькихъ глетчеровъ найдется здѣсь еще нѣсколько.

Абихъ называетъ Оштенъ и Фиштъ Quarzporphyrhohen *), считая, слѣдовательно, ихъ горами, состоящими изъ кварцеваго порфира. Мнѣніе это не совсѣмъ вѣрно. Побывавши на очень многихъ пунктахъ Оштена, я всюду на немъ встрѣчалъ только известняки и лишь въ одномъ мѣстѣ долины, проходящей между вершинами его, нашелъ глинистый сланецъ, похожій на обыкновенный аспидный. Что касается известняковъ, то они были различныхъ цвѣтовъ: бѣлаго, красноватаго, розово-краснаго или свѣтло-кирпичнаго, и почти всегда заключали въ себѣ бѣлые кристалы известковаго шпата. Никакихъ другихъ минераловъ не попадается и въ руслѣ Цеце, вытекающей исключительно изъ-подъ Оштена; но, принимая во вниманіе то обстоятельство, что въ шехѣ, питающейся по преимуществу водами Оштена, находит- огромное количество валуновъ, состоящихъ изъ кварцевыхъ породъ, надо думать, что онѣ выступаютъ гдѣ-нибудь на западномъ склонѣ Оштена въ значительныхъ массахъ. Къ сожалѣнію

*) Abich Uber die Lage der Schneegrenze. S. 260.

мнѣ не удалось еще познакомиться обстоятельно со всей этой стороной Оштена и увидѣть обнаженія кварцевыхъ горныхъ породъ, но во всякомъ случаѣ я не могу считать названіе, данное этой горѣ Абихомъ, вполнѣ точнымъ, такъ какъ, вѣроятно, не менѣе $^{9}/_{10}$ ея состоитъ изъ известняка.

Обратимся теперь снова къ путешествію. Мѣсто, гдѣ мы рѣшили остаться до слѣдующаго утра, было окружено прекрасными лугами, на которыхъ цвѣли анемоны (Anemone narcissiflora) съ красивыми крупными свѣтло-розовыми цвѣтами, Polygonum bistorta, клеверъ съ большими бѣлыми и малиновыми головками, свѣтлоголубыя скабіозы, множество незабудокъ и т. д. Недалеко отъ насъ бѣжалъ ручей, а вдали во всѣхъ направленіяхъ виднѣлись красивыя горы. Только лѣсовъ здѣсь не было вовсе. Погода въ теченіи всего послѣдняго дня, проведеннаго нами въ пути къ Оштену, стояла очень хорошая, и я ложился спать съ увѣренностью, что она не измѣнится и ночью. Расположились мы по обыкновенію въ палаткѣ и, несмотря на изрядный запасъ теплаго платья, къ утру прозябли очень сильно. Передъ восходомъ солнца термометръ показывалъ—2°C, вся трава была покрыта толстымъ слоемъ инея, а упомянутое уже озерцо, находившееся отъ насъ саженяхъ въ 200, подернулось слоемъ льда толщиною въ нѣсколько линій.

Часовъ въ 5 утра мы уже покинули свою стоянку и направились въ ущелье, чтобы проѣхать его съ одного конца до другаго. Въ однихъ мѣстахъ оно оказалось очень узкимъ и скалистымъ, въ другихъ-же, гдѣ окружающія его стѣны сильно разступались и замѣнялись склонами, покрытыми травой, гораздо болѣе широкимъ и просторнымъ. Очень красивую картину мы увидѣли верстахъ въ двухъ отъ входа въ ущелье съ сѣверной стороны, влѣво отъ единственной тропинки, проходящей вдоль него. Здѣсь открываются свѣтлосѣрыя, отвѣсныя скалы съ выступами, напоминающими башни, колонны, развалины и т. д., а подъ ними огромныя осыпи, простирающіяся на цѣлыя сотни саженъ и чередующіяся съ изумруднозелеными откосами, покрытыми травой и цвѣтами. Что касается собственно скалъ, то онѣ и тутъ состоятъ изъ одного только известняка. Нижніе ярусы ихъ также чередуются съ зелеными карнизами, а верхніе вовсе лишены растительности. Абсолютная высота ихъ равняется, вѣроятно. тысячамъ восьми футамъ.

Если проѣхать еще немного, то на противуположной, т. е. западной сторонѣ ущелья показываются два небольшіе глетчера, о которыхъ было уже сказано раньше; одинъ изъ нихъ представляется отсюда узкимъ, но довольно длиннымъ. Съ этого-же мѣста открывается живописная картина на цѣлый рядъ хребтовъ и вершинъ, находящихся въ юго-западномъ направленіи. Ближайшіе изъ нихъ круты, скалисты, подвергаются сильному разрушенію и потому у своего подножья завалены грудами обломковъ скалъ, представляющихъ невообразимый хаосъ изъ камней всевозможныхъ величинъ, начиная отъ самыхъ мелкихъ и оканчивая глыбами, съ цѣлый домъ и даже больше. Этотъ хаосъ тянется на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, и человѣкъ, стоящій среди него, кажется издали точкой въ сравненіи съ тѣми громадами, которыя навалены здѣсь. Кое-гдѣ на этихъ грудахъ камня лежалъ не успѣвшій еще растаять снѣгъ. За осыпями и ближайшими выступами горъ виднѣется, кромѣ того, цѣлый рядъ хребтовъ съ болѣе пологими и закругленными очертаніями. Они принадлежатъ уже Черноморскому округу и въ большей или меньшей степени покрыты лѣсомъ.

Когда мы подвинулись къ югу еще версты на двѣ, то тѣснина, дно которой служило намъ дорогой, расширилась и передъ нами открылся новый видъ на множество ущелій, долинъ и балокъ, заросшихъ сплошными дѣвственными лѣсами; они состоятъ вверху, на гребняхъ горъ, главнымъ образомъ изъ пихтъ, а на склонахъ и у самаго дна долинъ изъ различныхъ лиственныхъ породъ. Только вершины наиболѣе высокихъ хребтовъ были лишены лѣса и покрыты горными лугами. Въ этой мѣстности, расположенной на южномъ склонѣ Оштена, получаетъ начала рѣчка Шахе, а вдоль одного изъ гребней, находящихся въ ея верховьяхъ, тянется замѣтная издалека тропинка. По ней можно выѣхать черезъ бывшій Бабуковскій аулъ къ Черному морю, именно къ Головинскому посту.

Осмотрѣвъ ущелье, мы возвратились къ тому мѣсту, гдѣ ночевали въ послѣдній разъ. Мнѣ хотѣлось сдѣлать здѣсь привалъ до слѣдующаго утра, но съ тѣмъ, чтобы передъ вечеромъ совершить небольшую экскурсію вдоль сѣвернаго склона Оштена. Часа за четыре до захода солнца я, дѣйствительно, отправился туда съ однимъ изъ своихъ проводниковъ, другой-же со всѣмъ нашимъ имуществомъ остался на мѣстѣ предполагаемаго ночлега.

Поѣздка эта вышла очень неудачной: едва успѣли мы отъ-

ѣхать версты полторы или двѣ, какъ начали собираться густыя тучи, загремѣлъ громъ и вскорѣ полилъ проливной дождь. Не ожидая такой быстрой перемѣны погоды, ни я, ни мой проводникъ, отправляясь въ путь, не захватили съ собою ни бурки, ни башлыка; поэтому черезъ 5—6 минутъ послѣ начала дождя на насъ не было уже ни одной сухой нитки. Къ несчастью и мѣстность, по которой мы возвращались назадъ, пересѣкалась множествомъ такихъ крутыхъ балокъ и овраговъ, что намъ пришлось подъ сильнѣйшимъ дождемъ ѣхать до самой стоянки шагомъ. Наконецъ, и добравшись до нея, мы не могли тотчасъ-же укрыться отъ дождя, такъ какъ палатка, съ которою не въ силахъ управиться одинъ человѣкъ, не была еще разбита. Какъ только мы поставили ее, я началъ переодѣваться, т. е. снимать съ себя рѣшительно все, что было на мнѣ, и надѣвать другое сухое бѣлье и платье; при температурѣ не болѣе какъ градусовъ въ пять, да еще при вѣтрѣ, который проникалъ и въ палатку, заниматься этимъ было очень непріятно.

Такъ какъ большая часть нашихъ вещей и платья намокла, а дровъ для большого костра, на которомъ можно было-бы все это высушить, не хватало, то мы рѣшили переѣхать отсюда къ востоку, версты на полторы, и остановиться у сѣверо-восточнаго угла Оштена около двухъ балагановъ, вблизи которыхъ находилась довольно порядочная сосновая рощица. Она должна была снабжать насъ дровами. Вслѣдствіе близости лѣса въ этомъ мѣстѣ изъ-года-въ-годъ располагаются табунщики пасущіе лошадей на Тубинской полянѣ. Ими построены и упомянутые два балагана. Они расположены на высотѣ 6700 ф. надъ ур. м. Къ сѣверу отъ нихъ находилась та самая гора, съ которой дня два тому назадъ мы видѣли Черное море, а на югѣ и юго-западѣ, въ верстѣ отъ насъ, громоздились скалы Оштена. Несмотря на близость такихъ высокихъ горъ, на которыхъ лежитъ не мало снѣга, сосны здѣсь растутъ очень хорошо и достигаютъ болѣе обхвата въ толщину.

За часъ до захода солнца мы разбили палатку въ нѣсколькихъ шагахъ отъ балагановъ. Въ ней улегся спать я и одинъ изъ моихъ проводниковъ, другой-же расположился въ балаганѣ. Ночь оказалась ясной, тихой, но настолько холодной, что даже въ палаткѣ мы почти не могли уснуть, дрожали, какъ въ лихорадкѣ, и, недождавшись разсвѣта, принуждены были перебраться въ балаганъ, чтобы тамъ развести костеръ и погрѣться около него.

Когда я вставалъ и случайно прикоснулся къ палаткѣ, которая еще наканунѣ была подъ дождемъ и не успѣла высохнуть, то оказалось, что она обледенѣла и стала тверда, какъ доска. Вся трава вокругъ нея также была покрыта толстымъ слоемъ инея, а термометръ показывалъ передъ восходомъ солнца—3° С.

Эта холодная, ясная ночь была предвѣстникомъ хорошей погоды, которая не замедлила наступить снова. Ею мы должны были пользоваться самымъ разсчетливымъ образомъ; поэтому съ ранняго утра отправились на Оштенъ, вершина котораго поднималась надъ уровнемъ нашей стоянки почти на 3000 футовъ. Мы переѣхали нѣсколько истоковъ Цеце, имѣвшихъ видъ ручьевъ, шириною приблизительно въ сажень, оставили ихъ вправо, т. е. къ западу отъ себя, и стали подниматься въ гору. Подъемъ былъ такъ пологъ, что я половину его сдѣлалъ безъ всякихъ затрудненій верхомъ. Такимъ образомъ мы подъѣхали сбоку къ крутой балкѣ, начинавшейся отъ самыхъ скалъ Оштена. На днѣ и склонахъ ея лежало нѣсколько небольшихъ снѣжныхъ полей, а правѣе, на верху остроконечной скалы, обледенѣлый снѣгъ; наконецъ, еще выше былъ виденъ настоящій ледъ съ трещинами, какъ на обыкновенномъ глетчерѣ. Онъ, однако, не имѣлъ у своего верхняго конца снѣжныхъ полей, поэтому не вполнѣ подходитъ подъ типъ глетчера, хоты-бы 2-го разряда. Въ видѣ узкой полоски онъ довольно далеко тянется внизъ и съ лѣвой стороны окаймляется грудами осыпей, напоминающихъ издали морены. Лежитъ этотъ ледникъ въ огромной котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной, высокими скалами. Прежде, безъ сомнѣнія, и здѣсь былъ настоящій глетчеръ съ питающими его снѣжными полями.

Балка, къ которой мы подъѣхали, замыкалась съ юга выступающей въ видѣ притупленнаго мыса очень красивой, полосатой скалой, которая отъ самаго основанія и до вершины состояла изъ горизонтально расположенныхъ параллельныхъ ярусовъ, ясно различаемыхъ даже издалека. Къ востоку отъ нея тянулся высокій отрогъ Оштена, состоящій изъ скалъ, осыпей и небольшихъ снѣжныхъ полей, а къ востоку болѣе низкія горы, покрытыя зеленью.

Свернувъ влѣво и сдѣлавъ порядочный объѣздъ, мы поднялись почти до самой вершины полосатой скалы, а отсюда уже отправились пѣшкомъ. Я хотѣлъ взойти на вершину сѣверо-вос-

точнаго отрога Оштена, чтобы взглянуть съ нея на окружающую мѣстность. Вначалѣ и здѣсь подъемъ былъ не особенно труденъ, но чѣмъ дальше подвигались мы, тѣмъ становился онъ все круче и круче. На самый послѣдній крутой уступъ, состоящій изъ осыпей, скалъ и снѣжныхъ полей, мы лѣзли, обливаясь потомъ, около часа. Изъ-подъ нашихъ ногъ катились здѣсь не только отдѣльные камни, но и цѣлыя груды ихъ и это всего болѣе затрудняло восхожденіе. Наконецъ почти въ полдень мы достигли одной изъ вершинъ восточнаго отрога Оштена, которая поднимается до 9000 ф. и только футовъ на 300—400 уступаетъ самой высшей точкѣ горы. О томъ, какая дивная картина открылась намъ съ этого пункта, нечего и говорить. Для описываемой мѣстности, гдѣ нѣтъ ни одной вершины, возвышающейся даже до 11 тысячъ футовъ, 9 тысячъ имѣетъ такое-же значеніе, какъ для центральнаго Кавказа 14 или 15 тысячъ. Отсюда можно было сразу окинуть взоромъ цѣлыя сотни верстъ и видѣть самыя разнообразныя картины. Вблизи насъ громоздились угрюмыя скалы, рядомъ съ ними лежали пустынныя осыпи и вѣчные снѣга, далеко на югѣ сквозь синеватую дымку виднѣлось Черное море, а между нимъ и окружающей насъ пустыней разстилалось другое море—море лѣсовъ, покрывающее всѣ хребты, ущелья, долины и балки.

Не менѣе замѣчательный видъ открывается на востокъ, гдѣ изъ массы зелени выступала безконечная цѣпь острыхъ блестящихъ зубцовъ Главнаго Кавказскаго хребта, покрытаго вѣчными снѣгами. Отсюда видны даже Чертовы ворота *), горы окружающія Псебай и монастырь около станицы Царской; въ бинокль-же можно было различить его двѣ бѣлыя церкви и колокольню, отстоящія отсюда почти на 60 верстъ.

Съ этой вершины мы направились на востокъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ изъ-подъ Оштена вытекаетъ одинъ изъ истоковъ рѣки Бѣлой, именно Гузерипль. Онъ получаетъ начало далеко внизу въ глубокой балкѣ и не изъ снѣговъ, а, подобно Цеце, изъ родниковъ. Только въ самомъ началѣ долина этой рѣчки скалиста и безлѣсна, дальше-же ее покрываютъ сплошные пихтовые лѣса. Со скалъ, находящихся у самыхъ истоковъ рѣчки и футовъ на 700 выше покрытой горными лугами горы Гузерипль, можно съ птичьяго полета окинуть взоромъ большую часть мѣст-

*) Двѣ высокія горы, напоминающія своимъ видомъ ворота и находящіяся въ верховьяхъ Ходза.

ности, занятой истоками Бѣлой. Она представляетъ цѣлую систему долинъ и ущелій, лучеобразно расходящихся отъ одной точки и покрытыхъ вѣковыми пихтовыми лѣсами. На всемъ Сѣверномъ Кавказѣ нѣтъ, безъ сомнѣнія, мѣстности болѣе лѣсистой, болѣе безлюдной и глухой. Многія части ея никогда не посѣщаются людьми и покрыты въ полномъ смыслѣ дѣвственными дремучими лѣсами, въ которыхъ водится множество медвѣдей, оленей, кабановъ и живетъ даже такое рѣдко животное, какъ зубръ. На востокѣ, за этимъ лѣсомъ, поднимается хребетъ Абаго, на вершинѣ котораго громоздятся высокія скалы и лежатъ мѣстами довольно порядочныя массы снѣга; южнымъ концомъ своимъ онъ упирается въ высокую, черную, скалистую пирамиду, на которой также виденъ снѣгъ и, кромѣ того, одинъ довольно длинный и обрывистый фирнъ-глетчеръ, пересѣченный нѣсколькими ледопадами. Это гора Шугусъ, высочайшая вершина во всей западной четверти Кавказскаго хребта. Она достигаетъ 10642 ф. высоты.

Осмотрѣвъ сѣверную и восточную стороны Оштена, я долженъ былъ снова отправиться въ Самурскую станицу, что-бы отъ нея предпринять нѣсколько поѣздокъ.

Не желая возвращаться прежней дорогой, я рѣшилъ спуститься съ горъ по ущелью Куржипса и проѣхать черезъ Мезмайскій поселокъ и Нижегородскую станицу.

Отъѣхавъ отъ нашей стоянки версты 2—3, мы попали къ верховьямъ Куржипса, который начинается множествомъ маленькихъ ручейковъ, разбросанныхъ по довольно обширному пространству. Мѣстность здѣсь имѣла совершенно особенный характеръ. Не смотря на значительную абсолютную высоту, среднимъ числомъ около 7 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, она вовсе лишена скалъ, крутыхъ балокъ, овраговъ или пропастей и напоминаетъ холмистую степь, пересѣкающуюся только пологими, не глубокими ложбинами. Даже и животный міръ въ ней не таковъ, какъ въ сосѣднихъ горахъ. Такъ, напр., изъ птицъ мы видѣли нѣсколько разъ пустельгу, кобчика и даже луней; послѣдніе, какъ извѣстно, живутъ исключительно въ степяхъ и избѣгаютъ горъ, покрытыхъ лѣсами или очень скалистыхъ. Если-бы не узкія полоски снѣга, уцѣлѣвшаго кое-гдѣ въ защищенныхъ отъ солнца мѣстахъ, не высокія горы и глубокія долины, находящія-

ся невдалекѣ, то можно было-бы подумать, что мы находимся на какой-нибудь возвышенности чисто степного характера. Вся эта мѣстность, занимающая пространство не менѣе двухъ десятковъ квадратныхъ верстъ, покрыта густой, но мелкой, приземистой травкой, состоящей изъ различныхъ злаковъ, осокъ, клевера (Trifolium ambiguum) и т. п. Часто попадаются на ней и болотца или мочежины. Подобно Тубинской полянѣ, она причисляется къ лучшимъ горнымъ пастбищамъ и почти такъ-же обильно орошается множествомъ ручьевъ и маленькихъ рѣчекъ, получающихъ начало изъ многочисленныхъ родниковъ. Только въ западной части, ближайшей къ долинѣ Бѣлой, эта возвышенность становится сильно каменистой и неровной.

Тѣ ручьи, которыми начинается здѣсь Куржипсъ, текутъ вначалѣ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ въ неглубокихъ ложбинахъ или балкахъ; потомъ эти послѣднія становятся все глубже и глубже, и превращаются такимъ образомъ въ настоящія ущелья. Въ этихъ мѣстахъ склоны ихъ, состоящіе частью изъ скалъ, частью изъ мягкаго грунта, покрываются хорошимъ, крупнымъ пихтовымъ лѣсомъ. Верстахъ въ 7 отъ верховьевъ Куржипса, гдѣ нѣсколько истоковъ его, текущихъ въ глубокихъ лѣсистыхъ долинахъ, сходятся вмѣстѣ, выступаетъ громадная, очен, красивая и оригинальная, удлиненной формы, скала съ отвѣсными боками и плоской вершиной, заросшей густымъ, столѣтнимъ хвойнымъ лѣсомъ. Все подножье ея, а частью и бока, не смотря на ихъ крутизну, также покрыты пихтами. Она видна верстъ за 20.

Противъ этой скалы, на лугу, вблизи котораго росли рѣдкія, но очень высокія и толстыя пихты, мы немного отдохнули, покормили лошадей, а потомъ двинулись дальше, вступивъ въ густой лѣсъ, всѣ деревья котораго обросли длинными, висящими, на подобіе бородъ, лишайниками, а почва была испещрена множествомъ оленьихъ слѣдовъ. Проѣхавъ по лѣсу версты 3, мы снова выбрались на оголенный, очень высокій хребетъ, служащій водораздѣломъ между Цеце и Куржипсомъ. Здѣсь я увидѣлъ медвѣдя, который ходилъ на покрытомъ травою склонѣ одной изъ балокъ, пытался подкрасться къ нему, но онъ почуялъ меня и ушелъ прежде, чѣмъ я могъ выстрѣлить.

Спустившись съ этого хребта футовъ на тысячу, мы переночевали на опушкѣ лѣса, а на слѣдующее утро отправились

дальше, къ Мезмайскому хутору. Грязная и скользкая дорога спускалась здѣсь зигзагами съ крутой горы на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, и почти всю ее мы должны были пройти пѣшкомъ. За то какимъ чуднымъ лѣсомъ мы могли любоваться! Пихты въ $2^1/_2$ и 3 обхвата можно было видѣть всюду, а изрѣдка попадались и такія, которыя имѣли $3^1/_2$ обхвата. Одна изъ нихъ, при двухъ обхватахъ въ толщину, имѣла 330 годичныхъ колецъ, слѣдовательно, другія, болѣе толстыя, должны были имѣть не менѣе 400—500 лѣтъ! Нѣсколько ниже между пихтами началъ все чаще и чаще попадаться букъ, а потомъ ильма или вязъ (по мѣстному—карагачъ) и кленъ. Ильмовый лѣсъ здѣсь превосходенъ: деревья аршина въ $1^1/_2$ въ поперечникѣ, совершенно прямыя и лишенныя вѣтвей на протяженіи саженъ десяти отъ земли, встрѣчаются очень часто. Почти то-же можно сказать и о кленѣ. Одно кленовое дерево, особенно обратившее на себя вниманіе, имѣло 4 обхвата на высотѣ аршина отъ земли. Надо, однако, замѣтить, что во многихъ мѣстахъ этотъ лѣсъ уже замѣтно пострадалъ отъ топора. Его рубятъ преимущественно жители Мезмая для драни и досокъ.

Часовъ въ 10 утра мы добрались до Мезмайскаго хутора, расположеннаго на правомъ берегу Куржипса и состоящаго всего лишь изъ 9—10 домиковъ. Верстахъ въ 4 къ востоку отъ него, на рѣкѣ Мезмаѣ, лежитъ и маленькій Мезмайскій поселокъ. Въ немъ поселились послѣ кавказской войны по преимуществу отставные солдаты, между которыми было очень много поляковъ. Мезмайцамъ многіе могутъ позавидовать въ отношеніи красоты мѣстъ, среди которыхъ они живутъ, и чистоты воздуха, которымъ они дышатъ. Съ запада на востокъ тянется здѣсь широкая, просторная р. Мезмая, вся рѣшительно одѣтая зеленью; къ сѣверу отъ нея находится невысокій хребетъ, покрытый лугами въ перемежку съ лѣсомъ, а на югѣ глубокія балки, долины и ущелья, поросшія густыми пихтовыми лѣсами. Мезмай съ маленькими, чистенькими домиками и его хуторъ въ этомъ морѣ зелени выглядываютъ крошечнымъ оазисомъ, заброшеннымъ въ безконечную пустыню.

За хуторомъ наша дорога на протяженіи верстъ трехъ снова потянулась на гору. Тамъ, гдѣ кончился этотъ подъемъ, открылась огромная, такъ-называемая Мезмайская поляна, которая тянется въ длину верстъ на десять, при ширинѣ въ версту и болѣе.

Трава на ней низкая, рѣдкая и довольно тощая. Она состоитъ изъ злаковъ, между которыми растутъ различные виды Salvia, Campanula, Scabiosa, Geranium pratense, Achillea millefolium, Hypericum perforatum, Thymus serpyllum, Astrantia major, Galium и т. д. Мезмайцы на этой полянѣ косятъ сѣно, сажаютъ картофель и сѣютъ кукурузу. Хлѣбопашествомъ-же, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, они не занимаются вовсе.

Съ этой-же поляны открывается хорошій видъ на верховья Куржипса, Оштенъ, Нагой-кошъ и всѣ окружающія ихъ горы. Мнѣ было особенно пріятно, хотя издали, взглянуть на эти мѣста, такъ какъ отсюда я могъ сразу окинуть взоромъ всѣ трущобы и дебри, по которымъ странствовалъ въ теченіе двухъ недѣль и еще разъ воспроизвести въ памяти всѣ столь пріятные моменты, которые пришлось пережить такъ недавно.

Обѣ поляны, до самой Нижегородской станицы, мы должны были проѣхать лѣсомъ, который вначалѣ состоялъ почти исключительно изъ очень крупныхъ буковыхъ деревьевъ, а дальше, по мѣрѣ пониженія мѣстности, изъ дуба, ольхи, осины, граба и т. д.

Маленькая Нижегородская станица, въ которой нѣтъ ни церкви, ни священника, расположена на правомъ берегу Куржипса, на высотѣ, среднимъ числомъ, 1750 футовъ и окружена со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, который подошелъ къ самымъ дворамъ ея. Въ прежнія времена, какъ я уже говорилъ, вокругъ нея были большія поляны, на которыхъ снимали хлѣбъ и косили сѣно; теперь-же нижегородцамъ заниматься хлѣбопашествомъ вовсе нельзя. На опушкахъ лѣсовъ, на полянахъ и въ самой станицѣ летаютъ цѣлыя стаи соекъ, дроздовъ и раздаются во всѣхъ направленіяхъ звуки безчисленнаго множества цикадъ.

Дорога отъ Нижегородской до Самурской идетъ въ началѣ, на протяженіи приблизительно версты, въ гору, а затѣмъ спускается въ долину р. Матазукъ и по ней доходитъ до Самурской станицы.

Дня черезъ два послѣ возвращенія въ Самурскую я отправился на гору Оплепенъ, которая, находясь верстахъ въ 15 отъ станицы и будучи видна оттуда очень хорошо, обращаетъ на себя вниманіе каждаго, какъ своимъ красивымъ видомъ, такъ и правильностью формы, напоминающей тупой, закругленный у вершины, конусъ. Особенно украшаетъ ее густой лѣсъ, который сплошь покрываетъ склоны ея, оставляя лишь небольшую прогалину на самой вершинѣ.

Что-бы попасть на Оплепенъ, мы должны были переправиться через Пшеху, проѣхать верстъ 10 по полянамъ вдоль лѣваго берега ея, а затѣмъ, повернувъ вправо, подниматься уже на самую гору. Весь подъемъ тянулся по сплошному лѣсу, который внизу состоялъ изъ различныхъ древесныхъ и кустарныхъ породъ, а начиная съ половины горы и до вершины ея—изъ одного только дуба. Когда-то здѣсь былъ самый лучшій въ окрестностяхъ Самурской станицы дубовый лѣсъ, теперь-же одна часть его, употребленная на бочки, боченки, ведра, кадки и т. под., вывезена отсюда за сотни верстъ, а другая—въ видѣ вѣтвей и толстыхъ стволовъ, которые не годились на такъ-называемыя трости, валяется и гніетъ на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ когда-то росла цѣлыя столѣтія. Объ этомъ, впрочемъ говорилось уже въ наначалѣ статьи.

До половины горы шла довольно сносная и пологая дорога, дальше-же она становилась круче и круче, такъ что значительную часть ея мы должны были пройти пѣшкомъ. Во многихъ мѣстахъ приходилось сворачивать съ нея вслѣдствіе того, что она была страшно загромождена огромными срубленными деревьями. Употребивъ на подъемъ часа полтора, мы попали на вершину, которая представляла поляну, покрытую высокой зеленой травой и находящуюся на высотѣ 3000 футовъ надъ уровнемъ моря; по срединѣ ея стояли 2 или 3 большія дерева, подъ тѣнью которыхъ мы и расположились. Здѣсь-же на самой вершинѣ горы оказались три оленьихъ лежки, по свѣже примятой травѣ которыхъ можно было догодаться, что олени или ланки отдыхали въ этомъ мѣстѣ очень недавно. Нельзя было не удивляться сообразительности этихъ животныхъ, которая выразилась въ умѣньи выбрать себѣ наиболѣе подходящее мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь всегда прохладно, дуетъ свѣжій вѣтерокъ, нѣтъ ни мухъ, ни комаровъ, а людей, въ особенности въ лѣтнее время, никогда не бываетъ.

На Оплепенѣ стóитъ побывать уже для одного того, что-бы полюбоваться тѣми красивыми видами, которые открываются съ вершины его. Особенно хорошо видна отсюда верхняя часть долины Пшехи и ея притоковъ Кушако и Гогопса, а также правая вершина Оштена, преимущественно ея западная сторона.

Послѣ поѣздки на Оплепенъ я отправился въ Нефтяную станицу, что-бы посмотрѣть на тамошніе нефтяные источники.

Одни изъ нихъ, именно болѣе богатые нефтью, находятся въ лѣсу, верстахъ въ 5 къ востоку отъ станицы, другіе-же значительно ближе. Первые, въ числѣ 27, расположены у дна пологой балки, на пространствѣ саженъ въ 60 въ длину и ширину. Нѣкоторые изъ нихъ отстоятъ другъ-отъ-друга всего лишь сажени на двѣ. Одинъ изъ колодцевъ имѣетъ около 30 аршинъ глубины, прочіе-же нѣсколько мельче. Всѣ они обложены деревянными срубами. Нефть или мазутъ вмѣстѣ съ большимъ количествомъ воды вычерпывается изъ нихъ по 2 раза въ сутки и сливается въ деревянные чаны, изъ которыхъ потомъ вода спускается. Нѣкоторые колодцы даютъ въ сутки 8—10 ведеръ мазута, другіе—не больше двухъ, а изъ всѣхъ ихъ получается около 90 ведеръ въ сутки.

Другіе колодцы, въ числѣ 10 или 11, находятся верстахъ въ 3 отъ станицы. Изъ нихъ добывается очень мало нефти, именно ведеръ пять въ сутки и вся она по условію съ арендаторомъ, который за право эксплоатаціи ея изъ обѣихъ группъ колодцевъ платилъ въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ по 1164 руб. въ годъ,—должна продаваться только жителямъ станицы.

Около тѣхъ и другихъ колодцевъ мазутъ продаютъ по 17—18 коп. за ведро, въ станицѣ постороннимъ лицамъ по 20 коп., а мѣстнымъ жителямъ по 15 коп. Онъ вытекаетъ здѣсь изъ пластовъ глинистаго сланца и употребляется только на смазку колесъ. Нефтянцы говорятъ, что ихъ арендаторъ получалъ иногда чистаго дохода отъ продажи нефти рублей 500 въ мѣсяцъ. Такъ было поставлено здѣсь нефтяное дѣло 3—4 года тому назадъ.

Существуютъ также нефтяные источники, но еще болѣе бѣдные нефтью, верстахъ въ 8 отъ Ширванской станицы, а между Нефтяной и Хадыжинской станицами залежи горнаго воска.

Въ заключеніе скажу еще о важнѣйшихъ представителяхъ позвоночныхъ животныхъ этой части Кавказа. Изъ копытныхъ млекопитающихъ въ ней водятся олени, козули или дикія козы, серны и дикія свиньи. Что касается зубровъ и горныхъ козловъ (Capra caucasica Güld.), то они въ описанной мѣстности не встрѣчаются, но живутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею, именно зубры во всѣхъ большихъ лѣсахъ верховьевъ Бѣлой, гдѣ

свѣжіе слѣды ихъ можно видѣть ежедневно, а горные козлы— на Шугусѣ, Абаго и сосѣднихъ съ ними высокихъ горахъ. На Оштенѣ-же, поднимающемся хотя и выше снѣжной линіи, нѣтъ такихъ скалъ и трущобъ, куда-бы не могъ добраться человѣкъ,— по этой причинѣ, вѣроятно, не водятся на немъ и горные козлы.

Серны встрѣчаются здѣсь на всѣхъ, болѣе или менѣе высокихъ и скалистыхъ горахъ. На Оштенѣ и его предгорьяхъ онѣ живутъ по совершенно открытымъ мѣстамъ; въ верховьяхъ-же Цеце, Сахрая и весьма многихъ другихъ мѣстахъ—въ лѣсахъ, растущихъ по скаламъ. Ихъ можно видѣть довольно часто и недалеко отъ жилыхъ или вообще болѣе или менѣе людныхъ мѣстъ, какъ напр. въ долинѣ Бѣлой, между Даховской и Хамышками. Здѣсь я встрѣчалъ ихъ много разъ вблизи дороги, по которой постоянно ѣздятъ и ходятъ.

Олени въ здѣшнихъ лѣсахъ живутъ почти повсемѣстно, начиная отъ самыхъ предгорій и до верхней границы лѣсовъ. Они до сихъ поръ часто встрѣчаются около станицы Апшеронской, Нефтяной и т. д., въ горахъ-же, конечно, еще чаще. Нерѣдко можно видѣть ихъ въ нижнемъ поясѣ горныхъ луговъ, гдѣ они пасутся ночью и рано утромъ, а большую часть дня лежатъ, спасаясь отъ жары, оводовъ и слѣпней, въ густыхъ бурьянахъ. Иногда они, подобно турамъ или сернамъ, взбираются на высокія, скалистыя горы и держатся тамъ въ теченіе всего лѣта. Надо замѣтить, что самцы-олени гораздо осторожнѣе, чѣмъ ланки и живутъ обыкновенно въ болѣе глухихъ лѣсахъ. Такимъ образомъ ланки попадались мнѣ самому нѣсколько разъ, въ 5—6 верстахъ отъ станицы Самурской, оленей-же я въ такихъ мѣстахъ не видѣлъ никогда. Они большую часть года живутъ въ глухихъ ущельяхъ или на высокихъ трудно-доступныхъ хребтахъ, покрытыхъ густымъ ельникомъ. По этой причинѣ ланки гораздо чаще попадаютъ подъ пулю охотника, чѣмъ самцы-олени, о чемъ, конечно, нельзя не пожалѣть.

Дикая коза встрѣчается гораздо чаще оленя и живетъ преимущественно въ предгорьяхъ и нижнемъ поясѣ горъ, въ лѣсахъ густыхъ и рѣдкихъ, но изобилующихъ полянами, на которыя она выходитъ кормиться утромъ и вечеромъ; высокихъ-же горъ, мрачныхъ, скалистыхъ ущелій и сплошныхъ, высокоствольныхъ лѣсовъ верхняго пояса горъ дикая коза избѣгаетъ.

Свиньи живутъ во всѣхъ лѣсахъ, но съ каждымъ годомъ число ихъ замѣтно уменьшается. Прежде жители Самурской убивали по нѣскольку штукъ ихъ во время каждой охоты, притомъ подъ самой станицей, въ послѣдніе-же годы такіе случаи стали рѣдки. Лѣтъ 7 тому назадъ свиней было очень много въ долинѣ Кушако, а теперь большая часть ихъ истреблена армянами, поселившимися въ верховьяхъ Пшехи, вблизи впаденія въ нее Гогопса.

Медвѣди принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ животнымъ этой мѣстности. Зимою они встрѣчаются рѣдко, такъ какъ большая часть ихъ залегаетъ въ спячку, весною-же, лѣтомъ и осенью—гораздо чаще. Временами ихъ появляется такое множество, что почти нельзя побывать въ лѣсу, не увидѣвъ хотя одного изъ нихъ. Въ 1890 году одинъ сохрайскій охотникъ за двѣ недѣли убилъ 24 штуки медвѣдей. Мнѣ попадались медвѣди всюду, отъ самой подошвы горъ и до ихъ вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ. На горныхъ лугахъ я видѣлъ ихъ очень часто и притомъ по 3 и даже по 4 штуки вмѣстѣ. Особенно часто бродятъ тамъ медвѣдицы съ молодыми медвѣжатами. Охотятся за медвѣдями здѣсь сравнительно мало и бьютъ ихъ по большей части только при случайной встрѣчѣ. При достаточномъ количествѣ другой дичи медвѣдь въ глазахъ промышленника не представляетъ ничего заманчиваго, такъ какъ мясо его въ пищу не употребляется вовсе, мѣхъ мало цѣнится, да и притомъ въ ту пору, когда онъ обладаетъ лучшими качествами, т. е. въ позднюю осень и зимой, медвѣди сравнительно рѣдко попадаются на глаза человѣку.

Рыси встрѣчаются въ здѣшнихъ мѣстахъ не часто. За тридцати-лѣтнее существованіе Самурской станицы ихъ убито охотниками не болѣе 10—12 штукъ. Мнѣ самому не удавалось видѣть рыси ни разу. Шакаловъ въ этой мѣстности нѣтъ вовсе. Рѣчныя выдры или порѣшни живутъ во всѣхъ рѣкахъ довольно часто, но ловлей ихъ здѣсь не занимаются. Куница лѣсная и бѣлодушка встрѣчаются очень часто и нѣсколько разъ попадались мнѣ. Волки и лисицы водятся во множествѣ у подножья горъ и преимущественно вблизи жилыхъ мѣстъ; въ верхнемъ-же поясѣ горъ я не встрѣчалъ ихъ не разу и, проводя ежегодно на горныхъ лугахъ не одинъ десятокъ ночей, никогда не слышалъ голоса ихъ. Зайцы живутъ главнымъ образомъ въ нижнемъ поясѣ горъ, но иногда попадались мнѣ и на горныхъ лугахъ.

Изъ хищныхъ птицъ я встрѣчалъ часто три вида грифовъ, именно: чернобураго (Vultur monachus L.), бѣлоголоваго грифа (Gyps fulvus Gm.) и грязнаго сипа (Neophron percnopterus L.). Во время зимы бѣлоголовыхъ грифовъ бываетъ здѣсь такъ много, что охотникамъ приходится тщательно прятать убитыхъ ими въ лѣсахъ звѣрей, покрывая ихъ вѣтками, хворостомъ и т. под.; въ противномъ случаѣ грифы тотчасъ находятъ ихъ и съѣдаютъ все мясо. Ягнятниковъ (Gypaëtus barbatus L.) я встрѣчалъ разъ 5—6. Скопа (Pondion fluviatilis Sav.) настолько обыкновенна, что каждый изъ здѣшнихъ жителей можетъ разсказать, какъ она ловитъ рыбу. Черный коршунъ (Milvus ater L.) попадался мнѣ не особенно часто, а гораздо чаще—два вида ястребовъ: Astur nisus L. и A. palumbarius L. Послѣдняго я видѣлъ очень часто въ срединѣ Самурской станицы, гдѣ онъ ловитъ куръ, цыплятъ, утокъ и т. д. и отдыхаетъ на одиночно стоящихъ столѣтнихъ дубахъ, оставшихся еще отъ временъ горцевъ. Пустельга (Cerchneis tinnunculus L.) и кобчикъ (Erythropus vespertinus L.) встрѣчаются довольно часто. Орланъ-бѣлохвостъ (Haliaetus albicilla L.) попадался мнѣ нѣсколько разъ, а краснохвостый сарычъ (Buteo Menetriesi Bogd.) принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ изъ здѣшнихъ птицъ. Воронъ (Corvus corax L.), сѣрая ворона (Corvus cornix L.) и клушица (Fregilus graculus L.) попадаются очень часто, но послѣдняя лишь на болѣе или менѣе высокихъ горахъ. Замѣчательно, что сорока (Pica europaea Cuv.) въ окрестностяхъ Самурской лѣтомъ не встрѣчается вовсе, а зимою лишь очень рѣдко. Въ горахъ ея, конечно, также не бываетъ. Черноголовая сойка (Garrulus Krynickii Bogd.) принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ здѣшнимъ птицамъ. Интересно также, что обыкновенный скворецъ (Sturnus vulgaris L.), выводящій на Кавказѣ свое потомство по большей части внутри селъ, станицъ и городовъ подъ крышами домовъ, сараевъ и въ нарочно устраевымыхъ, такъ называемыхъ, скворешняхъ, здѣсь избѣгаетъ станицъ и попадается только въ окрестностяхъ ихъ.

Воробей (Passer domesticus и Salicipasser montanus L.), зяблики, дубоносы, щеглы, снигири, горныя овсянки (Hylaespiza cia L.), хохлатые жаворонки встрѣчаются очень часто.

Крапивникъ (Troglodytes parvulus Koch), пищуха (Certhia liaris L.), удодъ, поползень (Sitta caesia M. и W.) и зимородокъ (Alcedo ispida L.) также очень обыкновенны. Козодой (Caprimul-

gus punctatus L.) живетъ только у подножья горъ, а щурки (Merops apiaster L.) не только здѣсь, но попадаются на высотѣ болѣе 5000 фут. Изъ ласточекъ и касаточекъ водятся Hirundo rustica L., Chelidon urbica, Cotyle riparia L., C. rupestris Scop. и Cypselus apus L.

Дятлы живутъ въ лѣсахъ въ числѣ трехъ видовъ: Picus Poelzami Bogd., Picus viridis и Dryocopus martius L. Первые два встрѣчаются очень часто, а послѣдній попадался мнѣ всего лишь раза два.

Дроздъ деряба (Turdus viscivorus L.) встрѣчается довольно часто въ хвойныхъ лѣсахъ вблизи полянъ и опушекъ, а также на горныхъ лугахъ до высоты почти 7000 фут., черный дроздъ (Merula vulgaris Ray) живетъ во всѣхъ лѣсахъ и зимуетъ здѣсь, а бѣлозобый (Merula torquata L.)—только на горныхъ лугахъ. Оляпка или каменный дроздъ (Cinclus aquaticus Bechst.) попадается довольно часто по рѣчкамъ и ручьямъ. Иволга очень обыкновенна въ предгорьяхъ и нижнемъ поясѣ горъ, также сорокопутъ-жуланъ (Enneoctonus collurio L.) и Lanius Homeyeri Cab. Синицы (Parus major L. и Cyanistes coeruleus L.) и чеканы (Saxicola oenanthe L. и Pratincola rubetra L.) принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ здѣшнимъ птичкамъ. Корольковъ (Regulus flavicapillus Naum.) я видѣлъ только одинъ разъ въ пихтовомъ лѣсу на Бѣлой. Горная завирушка (Accentor alpinus Gm.) на большихъ высотахъ встрѣчается очень часто, а нѣсколько ниже ея луговая щеврица (Anthus pratensis Bechst.). Плиска (Motacilla alba L. и Calobates sulphurea Bechst.) также очень обыкновенны; то-же можно сказать про славокъ (Sylvia atricapilla L., S. hortensis Penn., S. cinerea Briss. и Locustella certiola Pall.). Голосъ послѣдней я часто слышалъ на горныхъ лугахъ.

Изъ голубиныхъ мнѣ часто попадались горлицы, ветютни и дикій голубь (Columba livia Briss.). Первые два живутъ только у подножья горъ, а послѣдній и на довольно значительныхъ высотахъ, хотя рѣже, чѣмъ на высокихъ горахъ другихъ частей Кавказа. Огромное количество ветютней зимуетъ здѣсь въ пихтовыхъ лѣсахъ.

Изъ куриныхъ я встрѣтилъ только кавказскаго тетерева (Tetrao Mlocosyewitzii Tacz.) и перепелокъ. Горныхъ курочекъ здѣсь нѣтъ вовсе, а фазаны, которые водились прежде около Самурской станицы, погибли въ суровую зиму 79—80 года и съ

тѣхъ поръ не показываются. Горная индѣйка могла-бы водиться на Оштенѣ, но я не разу не видѣлъ ее тамъ и не слышалъ ея голоса.

Голенастыхъ птицъ здѣсь мало. Я встрѣчалъ изъ нихъ нѣсколько разъ чернаго аиста, кудичка береговика (Actitis hypoleucos L.), черныша (Totanus ochropus L.), рѣчного зуйка (Aegialites minor M. и W.) и коростеля (Crex pratensis). Послѣдній поднимается на горныхъ лугахъ до высоты тысячъ шести футовъ. Вальдшнепы изрѣдка даже выводятся и попадались мнѣ лѣтомъ нѣсколько разъ, а дрофа бываетъ только во время перелетовъ, поздней осенью и зимою.

Различныя породы утокъ живутъ здѣсь въ теченіе круглаго года, но мнѣ не удавалось добыть ихъ.

Изъ пресмыкающихся я находилъ обыкновенную черепаху (Emys europaea), два вида ужей (Tropidonotus natrix и Coronella austriaca), мѣдянку (Anguis fragilis), гадюку (Pelias berus L.) и зеленую ящерицу (Lacerta viridis L.). Мѣдяницы и гадюки попадались мнѣ на высотѣ почти 5000 футовъ.

ВОСХОЖДЕНІЕ НА АРАРАТЪ.

Сообщеніе дѣйствительнаго члена Отдѣла А. В. Пастухова, читанное въ общемъ собраніи 10-го мая 1894 года.

Лѣтомъ прошлаго 1892 года, мнѣ довелось произвести топографическія съемки вблизи Большого Арарата, а потому, пользуясь этимъ случаемъ, я рѣшилъ побывать на самой вершинѣ библейскаго великана и произвести тамъ съемку, метеорологическія и другія наблюденія и оставить максимальный и минимальный термометры. Вмѣстѣ со мной изъявили желаніе подняться лаборантъ московскаго университета А. А. Ивановскій, чиновникъ тифлисской контрольной палаты О. И. Таммъ, студентъ петербургскаго университета В. В. Бутыркинъ и девять человѣкъ состоявшихъ при мнѣ казаковъ: Карпенко, Сорокинъ и Житченко (Лабинскаго полка), Елисеенко, Ищенко, Костюкъ, Вивчарь, Пивоваръ и Марченко (Ейскаго полка).

2-го августа, въ 7 час. 30 мин. утра, при совершенно тихой и ясной погодѣ, мы оставили кочевку, расположенную близъ родника Сардаръ-булагъ и направились въ юго-западномъ направленіи къ одному изъ безыменныхъ ущелій, спускающихся съ восточной стороны Большого Арарата. Мнѣ казалось, что это ущелье наиболѣе другихъ доступно для верховой ѣзды и что по немъ можно достигнуть наибольшей высоты, не слѣзая съ лошади и такимъ образомъ, избавить себя, отъ лишней, крайне утомительной ходьбы пѣшкомъ и сохранить свои силы для дальнѣйшаго путешествія.

Вмѣстѣ съ нами вышли изъ кочевки три курда, вооруженные скорострѣльными ружьями; у каждаго изъ нихъ было по крайней мѣрѣ по полсотни патроновъ и по нѣсколько пшеничныхъ лепешекъ, что показывало ихъ намѣреніе совершить болѣе или менѣе продолжительное путешествіе; одинъ изъ нихъ былъ верхомъ на прекрасной сѣрой лошади, двое другихъ шли пѣшкомъ. Ѣхавшій верхомъ зналъ нѣсколько русскихъ словъ и по-

стоянно твердилъ, указывая на Сардаръ-булагскій перевалъ: „много разбойникъ османъ-куртинъ“, потомъ указывалъ на свою берданку, на патроны и грозилъ кулакомъ въ томъ-же направленіи, изъ чего можно было вывести заключеніе, что онъ собирался насъ защищать отъ разбойниковъ, въ чемъ мы, къ слову сказать, нисколько не нуждались. Потомъ онъ указывалъ на вершину Арарата и повторилъ: „моя былъ—якши, якши“. Однимъ словомъ, какъ мы потомъ убѣдились, онъ рѣшилъ быть нашимъ проводникомъ и защитникомъ отъ разбойниковъ, хотя мы не выражали желанія имѣть ни того, ни другого.

Мои спутники, слышавшіе о скудности воды на скатахъ Арарата, стали выражать опасенія относительно возможности намъ пострадать отъ жажды, но я ихъ успокоилъ тѣмъ, что мы, по всей вѣроятности, верхами доѣдемъ до виднѣвшагося впереди, довольно большого снѣгового поля, за которымъ чрезъ небольшіе промежутки тянулись разной величины клочки періодическаго снѣга, увеличившіеся въ своихъ площадяхъ по мѣрѣ возвышенія и, наконецъ, на высотѣ около 13,000 футъ сливавшіеся съ вѣчными снѣгами. Но только что мы въѣхали въ ущелье, какъ замѣтили катившійся намъ на встрѣчу быстрый и свѣтлый ручей, окаймленный свѣжею изумрудною зеленью, усѣянною цвѣтами, между которыми преобладали синенькіе колокольчики; это представляло поразительный контрастъ съ окружающей безжизненной мѣстностью и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно ласкало зрѣніе и слухъ.

По дну ущелья тянулась едва замѣтная тропинка, переходя съ одной стороны ручья на другую; по мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, ущелье становилось все круче, а тропинка все болѣе оказывалась загроможденною разной величины камнями, между которыми съ большимъ трудомъ можно было проѣхать; наконецъ, подъемъ настолько сталъ крутъ, что лошади уже не могли далѣе идти и я рѣшилъ тутъ спѣшиться и отправить съ двумя казаками лошадей обратно, а вмѣстѣ съ ними и навязавшихся проводниковъ, которые кромѣ указанія намъ пути хотѣли быть въ тоже время и нашими носильщиками,—одинъ изъ нихъ взялъ объективъ отъ моей фотографической камеры и чайникъ, другой штативъ отъ той-же камеры и зонтикъ, третій взялъ тоже что-то въ этомъ родѣ и, такимъ образомъ, у каждаго изъ нихъ оказалось фунта по 4 ноши; между тѣмъ, каждому изъ насъ пришлось, считая и одежду, нести по-крайней-мѣрѣ по одному

пуду. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось убѣдить ихъ, что они, какъ проводники, совершенно не нужны намъ, а какъ носильщики весьма мало могутъ принести пользы. Нельзя сказать, что-бы они не понимали моихъ доводовъ, тѣмъ-не-менѣе они упорно отказывались вернуться и при этомъ выказали свойственную вообще курдамъ крайнюю назойливость, которой они сильно напоминаютъ цыганъ, да и во многомъ другомъ у нихъ большое сходство съ этими опоэтизированными мошенниками. Наконецъ, я имъ объявилъ, что намъ придется провести три ночи на вершинѣ Арарата и что они въ своихъ нанковыхъ архалукахъ могутъ тамъ замерзнуть; мы же изъ находящейся у насъ теплой одежды не въ состояніи будемъ удѣлить имъ что-нибудь. Послѣ этого, а главное послѣ того, какъ я отобралъ у нихъ мои вещи, они согласились вернуться, но при этомъ попросили, чтобы мы дали имъ сколько нибудь денегъ; мы обѣщали удовлетворить ихъ просьбы, что и исполнили при нашемъ отъѣздѣ изъ кочевки въ обратный путь. Разставшись, такимъ образомъ, съ непрошенными проводниками, мы направились вверхъ по тому-же ущелью, которое тутъ уже сплошь было покрыто камнями или, вѣрнѣе, состояло изъ сплошной массы въ страшномъ безпорядкѣ нагроможденныхъ каменныхъ глыбъ, достигавшихъ иногда чудовищныхъ размѣровъ и подъ которыми исчезалъ катившійся на встрѣчу намъ ручей, обнаруживая свое присутствіе едва слышнымъ подземнымъ шумомъ и только мѣстами онъ мелькалъ, на значительной глубинѣ, въ небольшихъ промежуткахъ, остававшихся между гигантскими валунами. Вскорѣ эти валуны настолько стали затруднять нашъ путь, заставляя дѣлать не совсѣмъ удобные прыжки, что мы оставили ущелье и выбрались на острый гребень, тянущійся съ лѣвой стороны того-же ущелья. Послѣ двухчасовой ходьбы по этому гребню, гдѣ намъ пришлось вмѣсто валуновъ встрѣчать скалы, перелѣзая черезъ нихъ или обходя ихъ, мы очутились на краю довольно обширной плоскости, имѣющей небольшое паденіе, по которой бѣжитъ, широко разливаясь, большой и свѣтлый ручей, берущій свое начало изъ обширнаго снѣгового поля и раздѣляющійся внизу на два рукава, которые, пробѣжавъ небольшое разстояніе, совершенно исчезаютъ въ нѣдрахъ пористаго грунта; одинъ изъ нихъ, по всей вѣроятности, даетъ начало раньше упомянутому мною ручью. Тутъ мы влѣзли на огромный валунъ, отдохнули на немъ, полюбовались восхитительной картиной катив-

шагося передъ нами ручья, яркой зеленью весенней травки, коегдѣ виднѣвшейся на небольшихъ площадкахъ, рядомъ съ залежавшимся періодическимъ снѣгомъ и пошли далѣе. Пройдя небольшое разстояніе, мы вступили на снѣговое поле, изъ-подъ нижняго края котораго вырывался большой ручей, а подъ верхній край его сбѣгало нѣсколько маленькихъ ручейковъ, бравшихъ свое начало выше этого поля; очевидно было, что эти ручейки пробѣгали подъ снѣгомъ, соединясь подъ нимъ-же въ одинъ ручей; въ такомъ случаѣ, какъ это всегда бываетъ, подъ снѣгомъ должны были образоваться по линіямъ теченія ручьевъ болѣе или менѣе значительныя пустоты. Пустоты эти происходятъ прежде всего отъ механическаго дѣйствія воды на снѣгъ, затѣмъ отъ вліянія температуры воды на таяніе снѣга, и, главнымъ образомъ, отъ вліянія на таяніе снѣга свободно циркулирующаго въ этихъ пустотахъ воздуха, имѣющаго температуру значительно выше таковой же самаго снѣга. Въ виду возможности провалиться въ такую пустоту, я посовѣтывалъ моимъ спутникамъ идти другъ за другомъ гуськомъ, а самъ пошелъ впереди, пробуя штыкомъ крѣпость снѣга и, такимъ образомъ, мы благополучно достигли противоположнаго края снѣгового поля. Проходя по этому послѣднему, мы замѣтили довольно сильную окраску снѣга въ красный цвѣтъ; окраска эта въ разныхъ мѣстахъ достигала различной интенсивности и происходила, очевидно, отъ прозябающихъ въ снѣгу простѣйшихъ микроскопическихъ водорослей. наблюдавшихся уже, какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ полярныхъ странъ, на высокихъ горахъ въ области вѣчнаго снѣга; до сихъ поръ были извѣстны только немногіе виды этихъ водорослей; но въ послѣднее время естествоиспытателемъ Лагереймомъ открыта на горѣ Пичинча въ Южной Америкѣ и описана богатая снѣговая флора, состоящая изъ 20-ти видовъ водорослей и 2 видовъ простѣйшихъ грибковъ. Самая сильная окраска замѣчалась нами внизу; по мѣрѣ же нашего подъема она ослабѣвала, а на вершинѣ и даже далеко ниже ея, она совсѣмъ исчезла. Но это, какъ мы увидимъ ниже, вовсе не доказываетъ полнаго отсутствія на вершинѣ Арарата этихъ микроорганизмовъ. Знаменитый творецъ Закавказской тріангуляціи, Іосифъ Ивановичъ Ходзько, совершившій восхожденіе на Араратъ въ 1850 году, свидѣтельствуетъ о томъ, что во время пребыванія его на самой вершинѣ, гдѣ ему приходилось добывать воду изъ снѣга, онъ всегда въ этой водѣ нахо-

дилъ зеленыя нити, на подобіе тѣхъ, какія находятся въ стоячихъ водахъ и минеральныхъ источникахъ, и эти нити, по его мнѣнію, ничто иное какъ обитающія въ снѣгу водоросли; кромѣ того имъ были найдены на южномъ склонѣ западной вершины мелкіе розовые цвѣты. Изъ насѣкомыхъ, обитающихъ въ снѣгу, наиболѣе распространенными являются ледниковыя блохи, которыхъ мнѣ не разъ приходилось наблюдать въ разныхъ мѣстахъ Главнаго Кавказскаго хребта, но при восхожденіи на Араратъ и Алагезъ я, несмотря на тщательные поиски, не могъ обнаружить ихъ присутствія.

За снѣговымъ полемъ мы вступили на большую, усѣянную камнями и имѣющую довольно значительное паденіе плоскость, въ концѣ которой вздымалась огромная боковая морена, прорванная посрединѣ мутнымъ ручьемъ, берущимъ свое начало изъ-подъ ледника, покоящагося за этой мореной. У самаго подножія морены, на высотѣ около 13,000 футъ, я замѣтилъ бѣгущую между камнями полевую мышь; это было послѣднее живое существо, которое мы встрѣтили на нашемъ пути при восхожденіи на вершину Большого Арарата; далѣе мы уже не встрѣчали ни только звѣрей, но даже птицъ и насѣкомыхъ, и это отсутствіе на нашемъ пути живыхъ существъ нельзя объяснить высотою мѣста, а надо приписать простой случайности—и вотъ почему: г. Рафаловичъ, восходившій на Араратъ въ 1889 году, говоритъ, что во время пребыванія его со спутниками на вершинѣ, надъ ними пролетали какія-то птицы въ родѣ галокъ, а І. И. Ходзько довелось любоваться двумя турами, появившимися на восточной вершинѣ въ то время, когда онъ самъ находился на западной.

Крутизна наружнаго ската морены была около 40° и подъемъ на нее оказался довольно труднымъ, тѣмъ болѣе, что нога не находила твердой опоры въ подвижномъ щебнѣ и камняхъ, составлявшихъ эту покатость. Въ 5 час. 20 мин. вечера мы взобрались на гребень морены и здѣсь, на высотѣ 13,391 фут., рѣшили остаться ночевать. Между гребнемъ морены и ледникомъ тянется оврагъ, сажени въ двѣ глубиной, а по дну его бѣжитъ ручей, который, прорвавъ морену, приблизительно на срединѣ ея длины, бурнымъ каскадомъ катится по ея наружной сторонѣ. Оставивъ здѣсь своихъ спутниковъ, занявшихся устройствомъ ночлега, я перешелъ черезъ оврагъ и поднялся на ледникъ, который весь былъ изборожденъ глубокими трещинами, образовав-

шими мѣстами цѣлыя пропасти. Вся поверхность ледника, имѣющая грязный видъ, усѣяна камнями, между которыми попадаются довольно большіе валуны. Замѣтивъ два такихъ валуна, лежащихъ по линіи, перпендикулярной направленію движенія ледника, я сложилъ на моренѣ въ этой же линіи небольшой каменный туръ, затѣмъ два такихъ-же тура и на той линіи поставилъ на ледникѣ и еще одинъ на противоположной моренѣ, такъ что всѣ четыре тура и два валуна образовали одну прямую линію. На каждый изъ двухъ упомянутыхъ валуновъ, что-бы сдѣлать ихъ болѣе примѣтными, я положилъ по нѣсколько камней и, наконецъ, на самой срединѣ ледника на той-же линіи крѣпко вбилъ небольшую палку. Все это я сдѣлалъ для того, что-бы въ настоящемъ (1894) году, если мнѣ доведется снова побывать на этомъ ледникѣ, я могъ бы опредѣлить годовое его движеніе, если только таковое существуетъ. Мнѣ не разъ приходилось прибѣгать къ такому способу опредѣленія движенія ледниковъ въ болѣе или менѣе продолжительное время, и, несмотря на примитивность этого способа, онъ всегда давалъ хорошіе результаты. Вообще при опредѣленіи движенія ледниковъ въ теченіи большихъ промежутковъ времени, необходимымъ условіемъ является то, что-бы поставленные знаки можно было отыскать черезъ желаемый періодъ времени, а туры именно какъ-разъ и отвѣчаютъ этому назначенію, и несмотря на то, что они иногда и разваливаются, все-таки камни, составлявшіе ихъ, представляютъ изъ себя характерныя кучки, которыя никогда нельзя смѣшать съ другими находящимися на ледникѣ камнями; въ особенности въ томъ случаѣ если туры были поставлены на тѣхъ мѣстахъ ледника, которыя менѣе усѣяны камнями. Туры же, поставленные на моренахъ, могутъ сохраниться совершенно цѣлыми въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Точность при этомъ способѣ опредѣленія бываетъ отъ одного фута до нѣсколькихъ дюймовъ, каковая для констатированія суточнаго движенія, конечно, будетъ неудовлетворительна, но для годового является вполнѣ достаточной.

Какъ раньше уже мною было сказано, вся поверхность ледника усѣяна камнями и я замѣтилъ между ними нѣсколько невысокихъ, такъ-называемыхъ, ледниковыхъ столовъ. Образованіе этихъ столовъ всѣмъ, конечно, извѣстно, а потому я и не буду входить въ описаніе этого явленія, а скажу только, что мнѣ приходилось наблюдать такіе, которые достигаютъ высоты болѣе 6 ф.

Время не позволило мнѣ спуститься къ нижнему концу ледника и осмотрѣть его, но издали я замѣтилъ, что онъ далеко отступилъ отъ своей конечной морены, за которой виднѣется убѣгающая на югъ въ предѣлы Турціи небольшая, но бурная рѣчка.

Закончивъ топографическіе наброски ледника, я пошелъ въ обратный путь. Солнце уже сѣло, и стало морозить; стоявшая мѣстами на ледникѣ вода подернулась пленкою льда; по временамъ сверху изъ ущелья съ шумомъ проносился порывъ холоднаго вѣтра и снова водворялась мертвая тишина, нарушаемая только иногда страшнымъ грохотомъ отрывающихся отъ вершины каменныхъ глыбъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда я вернулся къ моимъ спутникамъ, которыхъ засталъ готовящимися приступить къ ужину и ждавшихъ только моего прихода. Поужинавъ и напившись чаю, мы углелись спать. Ночь эту провели хорошо и послѣ утомительной ходьбы спали прекрасно.

На слѣдующее утро 3-го августа встали въ 6 часовъ. Небо было, какъ и наканунѣ, совершенно чистое. Пращевой термометръ показывалъ $+4^{\circ}$R. Выставленный-же мною на ночь минимальный термометръ показалъ -2°R. Пока приготовляли чай, я занялся съ г. Таммомъ прокаливаніемъ посредствомъ спирта взятыхъ мною двадцати пробирокъ. Затѣмъ я еще разъ осмотрѣлъ въ бинокль намѣченный мною путь съ южной стороны Арарата и окончательно рѣшилъ идти по юго-восточному гребню. Въ 9 часовъ мы покинули мѣсто нашего ночлега и направились въ дальнѣйшій путь, держась сѣвернаго направленія. Непосредственно съ морены мы вступили на большое снѣговое поле и пересѣкли это послѣднее по линіи перпендикулярной его довольно значительному паденію.

Далѣе мы еще нѣкоторое время держались сѣвернаго направленія, пока не дошли до фирноваго поля, спускающагося широкой полосой съ самой вершины; здѣсь мы повернули на западъ и пошли по каменистому гребню параллельно южному краю упомянутаго фирноваго поля. Пройдя нѣкоторое разстояніе, я замѣтилъ, что мы подвигаемся весьма медленно, причиною чему служила доставшаяся на долю каждаго изъ насъ довольно тяжелая ноша, наибольшую часть которой составляла теплая одежда, а потому, чтобы облегчить тяжесть нашего багажа, я приказалъ четы-

ремъ изъ семи находившихся съ нами казаковъ оставить здѣсь всю свою теплую одежду, а также необходимую для нихъ провизію, затѣмъ остальной багажъ я раздѣлилъ между всѣми поровну, такъ что каждому изъ насъ теперь пришлось нести вдвое менѣе прежняго—и послѣ этого мы пошли значительно скорѣе. Но тутъ всѣ мои спутники, одинъ за другимъ, стали жаловаться на увеличивавшуюся съ каждымъ шагомъ тошноту и головную боль. Часу во второмъ дня мы остановились съ тѣмъ, чтобы закусить; но—увы—никто изъ моихъ спутниковъ не могъ ничего ѣсть: тошнота у нихъ отбила совершенно аппетитъ и только нѣкоторые изъ нихъ могли кое-какъ проглотить по нѣсколько галетъ. Отдохнувъ здѣсь хорошенько, мы отправились далѣе и около пяти часовъ достигли отвѣсныхъ скалъ, которыя преграждали намъ прямой дальнѣйшій путь. Чтобы обойти это препятствіе, мы должны были свернуть вправо, вступить на фирновое поле, обогнуть скалистый выступъ, къ которому приходилось прижиматься всѣмъ тѣломъ, обхвативъ его крѣпко руками, затѣмъ по каменному жолобу, работая руками и ногами, подняться на скалистый выступъ, выше котораго путь уже до самой вершины не представлялъ никакихъ препятствій. И такъ, только-что описанное мною мѣсто есть единственное на всемъ пути восхожденія, которое представляетъ нѣкоторую трудность и на которомъ приходится работать руками и ногами и, что называется карабкаться; весь-же путь отъ подошвы и до самой вершины не представляетъ никакой опасности и былъ-бы даже легокъ, еслибъ не былъ усѣянъ подвижными камнями, изъ которыхъ даже довольно большіе и тѣ очень легко выводятся изъ равновѣсія, а потому и не представляютъ для ногъ хорошей точки опоры. Мѣстами-же поверхность покрыта ползучей глиной, которая въ свою очередь служитъ плохой опорой.

Ровно въ 6 часовъ вечера, на высотѣ около 16000 фут., мы остановились для ночлега. Хотя до сумерокъ еще оставалось болѣе часа, тѣмъ не менѣе я рѣшилъ не продолжать далѣе путь и, отпустивъ обратно четырехъ казаковъ, оставившихъ внизу свою одежду, дать имъ возможность добраться до ней засвѣтло; но отпустить пришлось только трехъ казаковъ, такъ какъ четвертый сталъ упрашивать позволить ему остаться съ нами и тѣмъ дать ему возможность побывать на вершинѣ священной горы, о которой онъ, по его словамъ, такъ много слышалъ еще въ дѣтствѣ; да и остальные трое съ большимъ сожалѣніемъ вернулись обрат-

но; всѣ они очень хотѣли побывать на вершинѣ, какъ-равно и тѣ, которые были оставлены еще въ кочевкѣ при лошадяхъ: въ обоихъ случаяхъ, когда я вызывалъ охотниковъ остаться внизу, таковыхъ не находилось и оба раза пришлось прибѣгнуть къ приказанію, причемъ въ первомъ случаѣ я оставилъ болѣе расторопныхъ казаковъ, а слѣдовательно и лучшихъ караульщиковъ, а во второмъ болѣе слабыхъ физически и болѣе другихъ испытывавшихъ на себѣ дѣйствіе разрѣженнаго воздуха и обнаруживавшихъ сильную усталость.

Мѣсто, на которомъ мы теперь расположились ночевать, находится, какъ я уже сказалъ, на высотѣ около 16000 фут. и представляетъ собою двѣ небольшихъ площадки, окаймленныхъ съ юга и запада скалами и, такимъ образомъ, защищенныхъ отъ дувшаго въ это время сильнаго юга-западнаго вѣтра, доходившаго почти до урагана и производившаго страшный свистъ и вой въ разсѣлинахъ окружающихъ скалъ.

Пока я занимался уборкою инструментовъ и наблюденіями надъ анероидомъ и термометрами, гг. Таммъ и Бутыркинъ при помощи двухъ казаковъ стали приготовлять мѣста для ночлега;— они выровняли землю на обѣихъ площадкахъ и огородили ихъ невысокими стѣнками съ тѣхъ сторонъ, которыя не были защищены скалами. Въ это-же время два другихъ казака занялись приготовленіемъ чая на фотогенной печкѣ; но имъ съ трудомъ довелось добыть воды изъ-подъ снѣга, собирая ее по каплѣ, ибо вообще незначительное таяніе снѣга на такой высотѣ къ вечеру совсѣмъ прекращается. Еще было совсѣмъ свѣтло, когда я замѣтилъ что отправленные внизъ казаки достигли того мѣста, гдѣ оставлена была ихъ одежда и провизія; такимъ образомъ, они, спускаясь внизъ и не будучи стѣснены никакой ношей, прошли менѣе чѣмъ въ часъ тотъ путь, на который мы при подъемѣ употребили цѣлыхъ семь часовъ. Съ самаго момента нашей остановки мы невольно обратили вниманіе на дивную картину, которую представила тѣнь Большого Арарата; нѣкоторое время спустя показалась такая-же тѣнь отъ Малаго Арарата, касаясь основаніемъ своимъ края первой тѣни; обѣ тѣни были ярко-синяго цвѣта, съ рѣзко очерченными краями, по которымъ тянулись полоски, состоящія изъ радужныхъ цвѣтовъ; по мѣрѣ того, какъ солнце приближалось къ закату, тѣни все росли, сливаясь болѣе и болѣе между собою и, наконецъ, достигнувъ горизонта, вершины ихъ ста-

-ли подниматься въ вертикальномъ направленіи, рѣзко проектируясь на туманномъ воздухѣ. Долго мы любовались этой величественной картиной, пока она не исчезла въ сумракѣ ночи.

Послѣ выпитаго горячаго чаю, у всѣхъ моихъ спутноковъ исчезла тошнота и головная боль и явился прекрасный аппетитъ, позволившій имъ вознаградить себя за цѣлый день голодовки. Мнѣ не разъ приходилось убѣждаться въ цѣлительномъ свойствѣ этого напитка противъ тошноты и головной боли, вызываемыхъ разрѣженнымъ воздухомъ, при чемъ онъ обладаетъ этимъ свойствомъ только въ горячемъ состояніи; въ холодномъ-же видѣ я пробовалъ пить самъ и давалъ своимъ спутникамъ, при чемъ употреблялъ настой и отваръ его и онъ не давалъ и вполовину того результата, какой получался при употребленіи его въ горячемъ состояніи. Поужинавъ, мы легли спать и вскорѣ подъ завываніе вѣтра уснули безмятежнымъ сномъ. Казаку, оставшемуся безъ теплой одежды, я далъ часть своей и уложилъ его въ средину между другими казаками. Всю ночь выла буря, отъ которой, казалось, содрагались даже самыя скалы, а къ утру она еще усилилась.

Въ 8 часовъ 15 минутъ, 4-го августа, отправились въ путь. Вскорѣ мы вышли изъ скалъ и очутились на краю гладкаго пространства, имѣющаго незначительное паденіе по направленію общаго ската горы и еще меньше къ сѣверу, въ сторону фирновой полосы; мѣстами это пространство покрыто тонкимъ слоемъ бѣлаго налета, въ которомъ попадаются небольшіе куски чистаго гипса. Не успѣли мы вступить на эту равнину, какъ почувствовали сильный запахъ сѣрнистаго водорода, который, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, все усиливался, дѣйствуя въ высшей степени непріятно на наше обоняніе и отравляя самое дыханіе. Знаменитый ученый Абихъ *), впервые описавшій эту гладкую покатость и констатировавшій присутствіе на ней сѣрнистаго запаха, говоритъ объ этомъ слѣдующее: „породы порфира, составляющія основу горы, проникнуты въ значительномъ количествѣ маленькими кристаллами пирита, состоящаго, какъ извѣстно, изъ сѣры и желѣза. Отъ совокупнаго дѣйствія воздуха и сырости, минералъ этотъ теряетъ свою твердость и превращается въ легко разлагаемую соль (желѣзистый купоросъ); по этой причинѣ самыя скалы, проникнутыя имъ, рыхлѣютъ и отчасти

*) Сборникъ газеты Кавказъ, I полугодіе 1846 г., стр· 28—53.

разсыпаются глинообразной землею, отчасти-же дѣлаются ноздреватыми и измѣняютъ свой первоначальный темный цвѣтъ на красно-желтый цвѣтъ и бѣлый. Этому-то самому разложенію нужно приписать образованіе гладкой покатости, прерывающей скалистую гряду, а равно и то, что она не сохраняетъ на себѣ снѣга, несмотря на значительность возвышенія, чему способствуетъ и теплота, освобождающаяся при описанномъ разложеніи, и самое свойство отдѣляющихся солей, легко распускающихся при содѣйствіи таящаго снѣга. Особенный сѣрнистый запахъ, сопровождающій обыкновенно подобныя разложенія, былъ и здѣсь сильно распространенъ въ воздухѣ, въ области поблекшихъ и разрушенныхъ горныхъ породъ. Но всего важнѣе то, говоритъ далѣе знаменитый ученый, что какъ этотъ сѣрнистый металлъ, такъ и сырость снѣга, заключаютъ въ себѣ зародыши силы, коими природа медленно, но постоянно разрушаетъ внутреннее ядро Арарата".

За гладкою покатостью, подъемъ снова сдѣлался крутымъ и неровнымъ, но тутъ уже до вершины осталось рукой подать; идя впереди, я внимательно осматривался кругомъ, ища какихъ-нибудь знаковъ, оставленныхъ нашими предшественниками по восхожденію; въ особенности мнѣ хотѣлось отыскать минимальный термометръ, оставленный г. Марковымъ. И вотъ, когда я уже былъ въ пяти саженяхъ отъ вершины, я услышалъ сзади себя крикъ г. Тамма, который торжественно объявилъ намъ, что онъ нашелъ термометръ; я спустился назадъ и мы всѣ собрались около находки. На скалѣ стояла металлическая досчечка съ надписью, свидѣтельствующей о восхожденіи г. Маркова на Араратъ; къ дощечкѣ была привязана веревочка, а къ этой послѣдней мѣдная трубка, въ которой, какъ потомъ оказалось, заключенъ былъ термометръ. Я осторожно взялъ трубку, не выводя ее изъ горизонтальнаго положенія, легко снялъ слабо державшуюся крышку и бережно вынулъ оттуда термометръ, показатель котораго стоялъ на—15,5°, что, очевидно, не соотвѣтствуетъ минимальной температурѣ, бывающей въ дѣйствительности на вершинѣ Большого Арарата. Да въ сущности этотъ термометръ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его нашли, не могъ сдѣлать истиннаго показанія, такъ какъ спиртъ въ немъ былъ разорванъ и значительная доля его находилась въ верхней части канала, и этотъ-то разрывъ спирта, по всей вѣроятности, и принялъ за по-

казатель минимума г. Рафаловичъ, который въ описаніи своего восхожденія на Араратъ говоритъ объ этомъ термометрѣ слѣдующее: „внизу къ доскѣ была прикрѣплена желтая мѣдная трубка, въ которой оказался минимальный термометръ съ низшимъ дѣленіемъ 50°; красноватый-же столбикъ спирта стоялъ еще ниже этого дѣленія, примѣрно на пять дѣленій, т. е. показывалъ около 55° холода“. И такое наблюденіе по опубликованіи его въ одной изъ мѣстныхъ газетъ было перепечатано во многихъ столичныхъ газетахъ, а въ прошломъ году г. Марковъ, дѣлая докладъ въ одномъ изъ ученыхъ обществъ въ Швейцаріи о своемъ восхожденіи на Араратъ, тоже сообщилъ объ этомъ наблюденіи, вѣрнѣе, заблужденіи г. Рафаловича. Термометръ этотъ былъ установленъ здѣсь 13-го августа 1888 г. и съ тѣхъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, его наблюдалъ и, какъ вы сейчасъ изволили видѣть весьма неудачно, г. Рафаловичъ; между тѣмъ, съ того времени на вершинѣ Арарата, кромѣ г. Рафаловича, побывали и другіе, а именно: въ 1892 году гг. Гаду и Браунъ (Herbert W. Gadoux et I. Wontner Brown) и отдѣльно отъ нихъ въ томъ-же году г. Мерцбахеръ, и этотъ послѣдній говорилъ мнѣ лично въ Тифлисѣ, что онъ не могъ открыть трубку, заключавшую въ себѣ термометръ, такъ какъ крышка ея примерзла и, такимъ образомъ, ему не удалось сдѣлать наблюденіе; а гг. Гаду и Браунъ въ своихъ запискахъ, заключенныхъ въ склянку и найденныхъ нами около термометра, ничего не говорятъ объ этомъ послѣднемъ; сообщеніе-же ихъ о своемъ восхожденіи мнѣ не удалось встрѣтить нигдѣ въ печати. Если-же эти путешественники и наблюдали термометръ, то во всякомъ случаѣ также неудачно, какъ и г. Рафаловичъ, иначе они не оставили-бы спиртъ разорваннымъ. Впрочемъ и въ исправномъ видѣ этотъ термометръ не можетъ дать точныхъ показаній, такъ какъ онъ, очевидно, не вывѣренъ, ибо при немъ не находится таблица для поправокъ, кромѣ того и дѣленія на немъ слишкомъ мелкія, хотя они показываютъ только градусы; да и положенъ онъ былъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его легко могъ заметать снѣгъ, а этотъ послѣдній, какъ всѣмъ извѣстно, плохой проводникъ тепла и, попавъ въ большомъ количествѣ на термометръ, могъ изолировать его отъ окружающаго свободнаго воздуха и тѣмъ въ значительной степени ослабить вліяніе температуры этого послѣдняго на термометръ. Приведя термометръ въ надлежащій видъ, т. е. соединивъ въ немъ разор-

ванный спиртъ и поставивъ показатель, каковымъ тутъ служитъ темный стеклянный шарикъ, на верхній конецъ спиртоваго столбика, я положилъ термометръ на прежнее мѣсто, не смѣя перенести его въ болѣе удобное, боясь возбудить неудовольствіе въ избравшемъ для него этотъ пунктъ.

Покончивъ съ термометромъ, отправились далѣе и ровно въ 12 часовъ достигли высшей точки восточной вершины Арарата, которая на нѣсколько футъ (на 5 или на 7 фут.) ниже западной, равняющейся 16,916 фут. Вмѣстѣ со мною взошли на вершину: А. А. Ивановскій, О. И. Таммъ, В. В. Бутыркинъ, казаки: Сергѣй Карпенко (Лабинскаго полка), Саватій Ищенко, Яковъ Елисеенко и Мартынъ Костюкъ (Ейскаго полка). Отсюда глазамъ нашимъ представилась величественная картина необъятнаго горизонта. Прямо на сѣверъ отъ насъ, за мглистой долиной Аракса, поднимался четырехглавый Алагезъ, основаніе котораго совершенно было закрыто синеватой дымкой, а бѣлая снѣговая вершина, рѣзко обрисовываясь, казалась плавающею въ туманномъ воздухѣ. Далѣе на сѣверъ виднѣлся Бамбакскій хребетъ; еще далѣе, въ видѣ застывшихъ волнъ, тѣснилось множество вершинъ и, наконецъ, на самомъ горизонтѣ тянулась узкая и длинная полоска кучевыхъ облаковъ, совпадавшая съ направленіемъ Главнаго Кавказскаго хребта и покоившаяся, по всей вѣроятности, на его вершинахъ. На востокѣ и юго-востокѣ была очень густая мгла, не позволявшая видѣть далѣе какихъ-нибудь ста верстъ и какъ мы не старались отыскать Савеланъ—намъ не удалось полюбоваться имъ; но за то на западъ и юго-западъ открывалсь по истинѣ безпредѣльный горизонтъ. Здѣсь безконечной цѣпью поднимались изъ туманной дали одинъ за другимъ хребты, на которыхъ гигантскія вершины казались ничтожными зубцами.

Вся вершина Большого Арарата покрыта толстымъ и крѣпкимъ слоемъ мелко-зернистаго фирна, за исключеніемъ довольно значительной площадки, находящейся въ сѣв.-вост. углу вершины. Эту площадку мы нашли совершенно свободною отъ снѣга и покрытою щебнемъ и небольшими камнями. Относительно этой площадки у меня имѣются нѣкоторыя наблюденія и измѣренія, но о нихъ я сообщу вмѣстѣ съ отчетомъ о метеорологическихъ наблюденіяхъ.

Вершина Арарата состоитъ собственно изъ двухъ отдѣль-

ныхъ вершинъ, раздѣленныхъ между собою глубокимъ оврагомъ, имѣющимъ сѣверное направленіе. Какъ вершина, такъ и оврагъ сплошь покрыты толстымъ слоемъ фирна, который въ оврагѣ на нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу отъ сѣдловины начинаетъ переходить уже въ ледникъ и въ этомъ послѣднемъ виднѣется нѣсколько трещинъ, изъ которыхъ одна проходитъ вверхъ къ сѣдловинѣ, не достигая, прочемъ, ея. Абихъ объ этомъ оврагѣ и о видѣнной имъ въ немъ трещинѣ говоритъ слѣдующее: „довольно пространная долина, представляющаяся съ береговъ Аракса незначительною сѣдловиною, раздѣляетъ эти двѣ вершины и мнѣ казалось, что всю длину ея прорѣзываетъ изогнутая дугою трещина, а такъ какъ ни Парротъ, ни Спасскій-Автономовъ, взошедшій на Араратъ 5-го августа 1834 года и посѣтившій обѣ вершины горы, не упоминаетъ объ ней, то я думаю, что она произведена землетрясеніемъ 1840 года, которое, какъ извѣстно, отдѣлило значительныя массы снѣга съ вершины Арарата и низвергло ихъ въ кратерообразное отверстіе, составляющее высшую ступень долины св. Іакова, гдѣ находится весьма замѣчательный ледникъ, состоящій въ постоянномъ соединеніи съ вѣчными снѣгами“. Несомнѣнно, что ни одна изъ видѣнныхъ нами трещинъ не была тою, которую наблюдалъ Абихъ въ 1845 году и что въ теченіе сорока восьми лѣтъ въ снѣговомъ покровѣ Арарата произошли большія перемѣны; и если видѣнная знаменитымъ ученымъ трещина произошла отъ землетрясенія, то наблюдавшіяся нами образовались, по всей вѣроятности, вслѣдствіе разрывовъ сопровождающихъ обычное сползаніе фирновыхъ массъ и движеніе ледниковъ. Изъ двухъ упомянутыхъ вершинъ, восточная въ свою очередь представляетъ собою двѣ отдѣльныхъ, почти одинаковой высоты, вершинки. Съ одной изъ этихъ вершинокъ, именно съ высшей, я фотографировалъ восточную часть фирноваго поля, вмѣстѣ съ тѣмъ видъ на малый Араратъ.

Во все время пребыванія нашего на вершинѣ дулъ страшный сильный южный вѣтеръ, и термометръ-пращъ показывалъ въ 12 часовъ дня—2° С. Пробывъ на высшей точкѣ часъ, мы отправились къ упомянутой ранѣе не покрытой снѣгомъ площадкѣ, которая расположена всего на нѣсколько футъ ниже нисшей точки восточной вершины. Уходя съ этой послѣдней, я воткнулъ тамъ длинную бѣлую палку, но фирнъ до того оказался плотнымъ, что несмотря на заостренный конецъ палки, мнѣ никакъ

не удавалось вбить ее настолько, что-бы она могла стоять, и когда, наконецъ, эта палка сломалась, то я, употребивъ обломокъ ея вмѣсто клина, выдолбилъ имъ углубленіе и поставилъ палку.

Придя на площадку, нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ чувствовали такую сильную слабость, что, какъ легли здѣсь на сухой землѣ, такъ и пролежали или просидѣли въ теченіе четырехъ часовъ почти безъ всякаго движенія и только гг. Бутыркина и Тамма и казака Карпенко ни на минуту не покидала энергія, не смотря на то, что они, такъ-же какъ и другіе, испытывали всѣ послѣдствія дѣйствія разрѣженнаго воздуха. Пока я занимался психрометрическими наблюденіями, они сложили изъ камней туръ, на которомъ я установилъ жестяную коробку, къ дну которой прикрѣплены мѣдными проволоками максимальный и минимальный термометры, выписанные мною изъ главной физической обсерваторіи и вывѣренные тамъ физикомъ Гуномъ. Термометры эти имѣютъ дѣленія до $^1/_2{}^0$ и совершенно одинаковые съ тѣми, какіе употребляются на тифлисской физической обсерваторіи. Выписаны они мною были по совѣту старшаго наблюдателя этой обсерваторіи А. В. Вознесенскаго, давшаго мнѣ по этому поводу нѣсколько практическихъ указаній и снабдившаго меня инструкціей, изданной Императорской Академіей Наукъ для метеорологическихъ станцій. Отчетъ о метеорологическихъ наблюденіяхъ, произведенныхъ мною на вершинѣ Большого и Малаго Арарата и Алагеза, я дамъ въ другое время. Вмѣстѣ съ термометрами положена въ коробку таблица поправокъ и наставленіе, какъ надо съ термометрами обращаться, потомъ коробка покрыта холщевой тряпкой, поверхъ которой надѣта жестяная-же крышка; затѣмъ съ восточной, южной и западной сторонъ коробка обложена камнями и на крышку тоже положенъ камень.

Быть можетъ, кому нибудь изъ присутствующихъ здѣсь, доведется побывать на вершинѣ Арарата и онъ пожелаетъ сдѣлать наблюденіе надъ моими термометрами; допуская возможность, что устройство ихъ не всѣмъ извѣстно, я позволяю себѣ сказать по этому поводу нѣсколько словъ: во-первыхъ коробку не слѣдуетъ снимать съ тура, даже сдвигать съ мѣста, а открывши крышку и снявъ тряпку, смотрѣть на термометры, не дотрогиваясь до нихъ; показателемъ въ минимальномъ термометрѣ служитъ верхній конецъ стекляннаго штифтика, находящагося въ спиртовомъ термометрѣ, а въ максимальномъ—верхній конецъ ртутнаго стол-

бика, который при пониженіи температуры отрывается отъ резервуара и верхнимъ концомъ своимъ остается на высшемъ дѣленіи, котораго онъ достигнетъ. Такъ какъ оба термометра находятся въ горизонтальномъ положеніи, то нижними концами ихъ будутъ тѣ, въ которыхъ находятся резервуары.

Установивъ термометры, я собралъ коллекцію камней и взялъ на десяти мѣстахъ площадки въ имѣвшіяся у меня пробирки земли для микроскопическихъ изслѣдованій; пробирки эти переданы мною спеціалистамъ-бактеріологамъ, но о результатахъ ихъ изслѣдованій мнѣ пока ничего не извѣстно, а потому я не могу ничего объ этомъ сообщить.

На вершинѣ съ нами было три голубя, изъ которыхъ два взяты были мною въ Александраполѣ, а третій въ Эчміадзинѣ. Всю дорогу мы ихъ везли въ открытой клѣткѣ и они были совершенно спокойны, и исправно ѣли и пили и это продолжалось все время самаго восхожденія вплоть до перваго нашего ночлега на моренѣ (13391 фут.), гдѣ они тоже всю ночь провели спокойно; но когда на слѣдующій день мы пошли далѣе, они стали сильно биться въ клѣткѣ, стараясь вырваться изъ нея, и чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ сильнѣе обнаруживалось ихъ безпокойство. Думая, что казакъ неловко ихъ несетъ, г. Бутыркинъ взялъ у него клѣтку и всю остальную часть пути несъ ихъ весьма бережно; тѣмъ-не-менѣе безпокойство голубей нисколько не уменьшалось и когда мы подходили уже къ самой вершинѣ, оно достигло повидимому крайнихъ предѣловъ. Чѣмъ объяснить это безпокойство, я не знаю. Неужели и на нихъ оказывалъ свое дѣйствіе разрѣженный воздухъ?

Закончивъ топографическую съемку вершины, я приступилъ къ отправкѣ моихъ пернатыхъ почталіоновъ; написалъ коротенькую записку, досталъ одного изъ александрапольскихъ голубей изъ клѣтки, привязалъ записку къ ножкѣ и при напряженномъ ожиданіи моихъ спутниковъ подбросилъ его къ верху; и вотъ крылатый нашъ почтарь, какъ мокрая тряпка, шлепнулся о фирнъ и рысью побѣжалъ обратно къ клѣткѣ, чѣмъ возбудилъ самый веселый смѣхъ въ моихъ спутникахъ. Когда мнѣ не удалось отогнать его отъ клѣтки, я досталъ его подругу, снабдивъ и ее запиской и обоихъ разомъ подбросилъ вверхъ; но они тутъ-же сѣли на фирнъ и бѣгомъ вернулись къ клѣткѣ; когда-же намъ съ трудомъ удалось отогнать ихъ отъ этой послѣдней, они усѣлись

на солнышко возлѣ камушка, долго обирались и помахивали крылышками, потомъ стали ворковать и, наконецъ, цѣловаться, чѣмъ опять насмѣшили всѣхъ присутствующихъ. Наконецъ, я досталъ послѣдняго эчміадзинскаго голубя: онъ былъ бѣлый, какъ снѣгъ; привязалъ и ему записку и высоко подбросилъ его кверху; онъ рванулся въ сторону, нырнулъ внизъ, потомъ быстро полетѣлъ въ горизонтальномъ направленіи. Его въ высшей степени красивый полетъ сопровождало наше дружеское ура. Онъ полетѣлъ прямо къ кочевкамъ, откуда мы начали восхожденіе и мы нѣкоторое время слѣдили за нимъ въ бинокли, затѣмъ онъ быстро пошелъ книзу и изчезъ изъ виду. Влюбленная парочка видѣла этотъ молодецкій полетъ ихъ товарища, однако не послѣдовала его примѣру и только когда мы ихъ снова подбросили и когда они, вѣроятно, убѣдились, что ихъ не понесутъ обратно въ клѣткѣ, они оставили насъ и отправились во свояси.

Ровно въ 5 часовъ вечера мы пошли въ обратный путь, пробывъ такимъ образомъ на самой вершинѣ 6 часовъ. Вѣтеръ къ этому времени почти стихъ и термометръ показывалъ—3° R. На всемъ небосклонѣ до самого горизонта не было ни одной тучки и только тоненькая цѣпь жемчужныхъ облачковъ по прежнему лежала вдоль Главнаго Кавказскаго хребта, упорно пряча его отъ нашихъ любопытствующихъ взоровъ. И такъ мнѣ не удалось увидѣть ни Казбека, ни Эльбруса, точно такъ-же какъ и съ этихъ послѣднихъ я не видѣлъ Арарата. Уходя, я произвелъ выстрѣлъ изъ винковки Бердана и приказалъ тоже сдѣлать одному изъ казаковъ. Странные получились звуки, они были очень слабые и вмѣстѣ съ тѣмъ какіе-то шипящіе, а между тѣмъ они были услышаны во всѣхъ куртинскихъ кочевкахъ и въ селеніи Ахури, по направленію котораго выстрѣлы и были произведены. Кочевки находились отъ вершины Арарата на разстояніи 11-ти верстъ и на 9,500 фут. ниже, а селеніе Ахури на разстояніи 12-ти верстъ и, кажется, на 11,000 съ лишнимъ футъ ниже.

Дойдя до края вершины, я еще разъ полюбовался на долину излучистаго Аракса, эту колыбель рода человѣческаго, возрожденнаго послѣ всемірнаго потопа, потомъ окинулъ прощальнымъ взглядомъ весь необъятный горизонтъ и пошелъ догонять своихъ товарищей; черезъ полъ-часа мы были на мѣстѣ нашего послѣдняго ночлега, гдѣ оставалась наша лишняя одежда и гдѣ мы снова остались ночевать. Тутъ намъ опять довелось любо-

ваться дивной картиной араратскихъ тѣней. Здѣсь гг. Таммъ и Бутыркинъ высѣкли въ скалѣ надпись. На слѣдующій день рано утромъ отправились въ дальнѣйшій путь. Около 8-ми часовъ утра вершина Большого Арарата стала закрываться тучами, которыя, разростаясь, стали все ниже и ниже окутывать ее; по временамъ и до насъ сталъ доноситься мокрый и рѣзкій воздухъ, но намъ все-таки удалось избѣжать холодныхъ объятій тумана, хотя онъ насъ преслѣдовалъ, что называется, по пятамъ, пока на высотѣ 10000 фут. онъ не оставилъ насъ въ покоѣ. Здѣсь мы устроили недолгій привалъ и пошли далѣе. Теперь мы шли по другому пути, значительно сѣвернѣе прежняго. Долго намъ пришлось прыгать по валунамъ, потомъ мы спустились въ ущелье, по которому бѣжалъ большой ручей, мѣстами на значительномъ разстояніи изчезавшій въ нѣдрахъ земли и снова вырывавшійся шумной струей на свѣтъ Божій. Мѣстами на немъ попадались живописныя лужайки, съ дѣвственно свѣжею травкой и съ душистыми яркими цвѣтами; очевидно, что въ эти мѣста стада или совсѣмъ не заходятъ или заходятъ очень рѣдко. Долго мы бѣжали по этому ущелью, пока наконецъ ручей не изчезъ безслѣдно, да и само ущелье, что называется, выклинилось; оно сдѣлалось страшно узкимъ и все было завалено каменными глыбами громадныхъ размѣровъ. Жажда мучила насъ страшная; надо было искать воды. Мы пошли вправо, взобрались на гребень, нѣкоторое время шли по немъ, но ни въ одномъ изъ тянущихся по сторонамъ оврагахъ воды не было видно; мы взяли еще правѣе, т. е. южнѣе, пересѣкли еще одинъ оврагъ и снова пошли по гребню; тутъ стали попадаться намъ дорожки, протоптанныя скотиной. Начинало темнѣть и показалась луна. Я все болѣе прибавлялъ шагу; спутники мои, молча, слѣдовали за мной, не отставая; повидимому всѣхъ воодушевляла мысль поскорѣе добраться до воды. Долго мы такъ не шли, а положительно бѣжали, пока одинъ изъ спутниковъ не началъ отставать; я замедлилъ шагъ. Мы заглядывали въ каждый овражекъ, присматривались къ каждой ямкѣ и къ каждой канавкѣ, но нигдѣ не находили желанной воды. Наконецъ, уставшій спутникъ объявилъ намъ, что онъ не въ состояніи далѣе идти, и мы всѣ должны были остаться здѣсь ночевать. Казаки очень сожалѣли, что намъ не удалось добраться до нашей кочевки, и отправились въ ближайшую, добывать воды. Казаки ушли, спутники мои, кажется,

заснули. Показалась луна изъ-за пригорка и освѣтила убогія жилища кочующихъ номадовъ, откуда доносилось бряцанье какого-то струннаго инструмента и заунывный голосъ тянулъ безконечную пѣсню.

Утромъ привели намъ лошадей и мы верхами возвратились въ нашу кочевку. Весь этотъ день 6-го августа мы провели въ отдыхѣ и въ разговорахъ съ курдами, при посредствѣ татарина переводчика. Около полудня хозяинъ нашего шатра, онъ-же старшина этой кочевки, гладко выбрившись, пришелъ къ намъ и объявилъ, что онъ ожидаетъ сегодня прибытіе въ кочевку своего начальника, персидскаго пристава. Часу во второмъ, подъѣхалъ на прекрасной лошади, въ бѣло-снѣжномъ кителѣ съ полковничьими погонами, какой-то субъектъ; когда его сняли съ лошади, онъ въ сопровожденіи старшины и другихъ курдовъ вошелъ въ занимаемую нами половину шатра, быстро отсалютовалъ намъ рукой по мусульмански, проворчалъ себѣ что-то подъ носъ и, не ожидая приглашенія, сѣлъ и началъ по очереди всѣхъ насъ осматривать, не въ обиду будь ему сказано, тупыми оловянными глазами. Мы предложили ему чаю, который въ это время пили, и папиросъ: онъ съ удовольствіемъ принялъ то и другое. Напившись чаю, онъ вышелъ изъ шатра, его окружили курды и онъ повидимому началъ вчинять судъ, за которымъ сейчасъ-же послѣдовала и расправа; онъ толстой палкой началъ колотить по головѣ и по чемъ попало какого-то несчастнаго, повидимому, не курда, и колотилъ до тѣхъ поръ, пока буквально не изломалъ всей палки, а когда ему, наконецъ, это удалось, онъ какъ ни въ чемъ не бывало вернулся къ намъ въ шатеръ. Разговаривая съ нимъ черезъ того-же татарина переводчика, я спросилъ его, извѣстно-ли ему, что онъ находится теперь на русской территоріи? онъ отвѣтилъ „да“ и въ тоже время указалъ, гдѣ проходитъ русско-персидская граница. Тогда я спросилъ его, а имѣетъ-ли онъ разрѣшеніе отъ русскихъ властей переѣзжать черезъ границу? онъ далъ отрицательный отвѣтъ; послѣ этого я, шутя, ему замѣтилъ, что если-бы при мнѣ побольше было казаковъ, то я взялъ-бы его съ собой въ Эривань. Побесѣдовавъ съ нами еще немного, онъ ушелъ куда-то и ужъ больше не показывался. Не знаю, правда или нѣтъ, но насъ увѣряли аралыхскіе татары, что всѣ эти курды, персидско-поданные (если только можно за курдами признавать какое-нибудь подданство) и переходятъ нашу

границу безъ разрѣшенія на то подлежащихъ русскихъ властей. Всѣхъ кочевокъ во время нашего пребыванія тамъ было 10, что въ общей сложности составитъ болѣе 100 шатровъ.

7-го августа, въ 9 часовъ утра, мы верхами отправились къ Сардар-булагскому перевалу. Въ 10 часовъ оставили лошадей и начали восхожденіе на Малый Араратъ. Ровно въ 2 часа пополудни мы достигли высшей его точки, имѣющей высоту 12840 фут.; употребивъ такимъ образомъ на восхожденіе только четыре часа. Вершина эта состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ вершинокъ и изрыта ямами, въ одной изъ которыхъ мы нашли громадный сугробъ, повидимому никогда не переводящагося здѣсь снѣга. На сѣверномъ скатѣ горы, подъ самой вершиной, въ двухъ мѣстахъ имѣется небольщое скопленіе льда. На сѣверо-восточной вершинѣ выступаетъ небольшая скала, вся издыравленная ударами молніи, по направленію которыхъ образовались сквозные фульгуриты. И вѣроятно, вслѣдствіе этого, скала эта обладаетъ сильной магнитостью, причемъ, при приближеніи къ различнымъ ея частямъ магнитной стрѣлки, эта послѣдняя обнаруживала то сѣверную, то южную полярность.

Произведя здѣсь метеорологическія наблюденія и сдѣлавъ топографическую съемку вершины, я установилъ въ сложенномъ изъ камней огромномъ турѣ минимальный термометръ. Точно такой-же термометръ мною былъ установленъ и на западной вершинѣ Алагеза, гдѣ, къ слову сказать, я также нашелъ очень много фульгуритовъ въ скалахъ и отдѣльныхъ камняхъ, въ которыхъ тоже замѣчалась сильная магнитность. По пути восхожденія на Малый Араратъ, на высотѣ болѣе 10,000 фут., намъ довелось видѣть земляного зайца (Alactaga jaculus), а на самой вершинѣ г. Таммъ видѣлъ ласку.

Глядя съ вершины Малаго Арарата на Большой, можно видѣть во всемъ величіи сооруженіе вулканичискихъ силъ, когда-то работавшихъ на этой мѣстности; особенно характерными изъ этихъ сооруженій является рядъ правильныхъ конусовъ съ такими-же правильными воронками на верху.

Академикъ Абихъ находитъ большое сходство въ геологическомъ отношеніи между Этной и Араратомъ; но есть совершенный двойникъ этой послѣдней, по крайней-мѣрѣ, по наружному виду, это гора Фуджи, находящаяся въ Японіи; высота ея 12365 фут. Геологи считаютъ ея очень юнымъ вулканомъ, чѣмъ и объ-

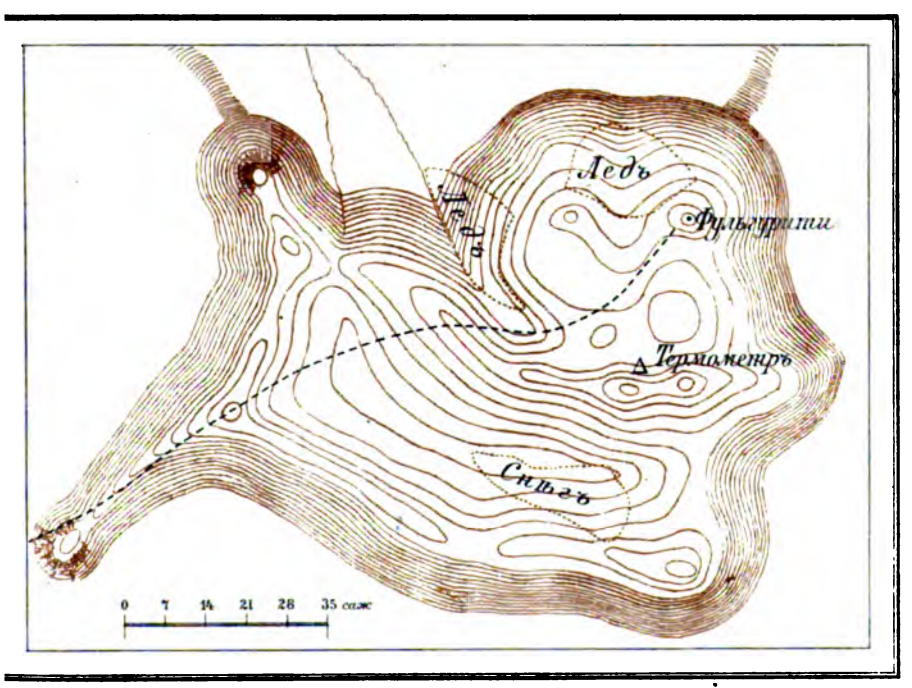
ясняютъ рѣдкую правильность ея формы. Послѣднее изверженіе было 21 вѣкъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ никакихъ вулканическихъ явленій на ней не произошло, кромѣ частныхъ землетрясеній. Съ этой горой у японцевъ связано много легендъ и она пользуется у нихъ очень большою популярностью. Не было и нѣтъ такого поэта въ Японіи, который бы не писалъ въ честь ея стиховъ.

Но оставимъ Фуджи и посто раемся закончить описаніе нашего путешествія. Къ вечеру мы вернулись съ Малаго Арарата опять въ нашу кочевку; переночевали тутъ, а утромъ 8-го авгута покинули ее совсѣмъ, и въ этотъ же день около 2 час. пополудни были въ сел. Аралыхъ. Въ заключніе долгомъ считаю упомянуть о томъ, что во время нашего восхожденія г. Бутыркинымъ собранъ большой гербарій.

ВЕРШИНА БОЛЬШОГО АРАРАТА.

рм. Маркова
алка
ерм. Пастухова
Кам. Кучи
Путь восхожд
4
3
2
1
Сернист. водородъ
16,916 ф.
0 60 120 180 240 300 саж.

ВЕРШИНА МАЛАГО АРАРАТА.

нималъ и чертилъ А.В.Пастуховъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ИЗДАННЫХЪ

КАВКАЗСКИМЪ ОТДѢЛОМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО

Русскаго Географическаго Общества.

„ИЗВѢСТІЙ“ и „ЗАПИСОКЪ“

„ИЗВѢСТІЯ“.

I ТОМЪ (1872 г.).

(1-е изд. исчерпано; печатается 2-е изд.; цѣна 2 р.).

I. Географическія извѣстія.

II. Библіографія.

1) Обзоры книгъ и статей.

2) Указатели статей періодическихъ изданій и заглавій книгъ.

статей съ обзоромъ содержанія каждой.

Тоже №№ 115—144. (Краткій Указатель: 1) Передовыя статьи о желѣзныхъ дорогахъ съ Кавказа въ Персію. 2) Тоже объ экономич. состояніи разныхъ частей края. 3) О минеральныхъ произвед. 4) Описаніе отдѣльныхъ мѣстъ.5—12) Разныя географическія статьи.

2. **„Терскія Вѣдомости“** (по ошибкѣ напечатано: *„Кубанск. Обл. Вѣд.“*) 1872 г. №№ 26—44.
3. **„Кубанскія Областныя Вѣдомости“**, № 36.
4. **„Туркестанскія Вѣдом.“**, № 36.
5. **„Сборникъ** свѣдѣній о Кавказѣ“ т. I и II. (перечисленіе статей).
6. **„Сборникъ** свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ“ (перечисленіе статей).
7. **„Кавказская Старина“** № 1. Грузинскія періодическія изданія 1871 г.
8. **„Время“** №№ 1—41, 9) **„Свѣточъ“**, 10) **„Сельская газета“**, 11)., **„Сборникъ“** - 5 книжекъ. **Д. З. Бакрадзе.** Армянскія періодическія изданія. **А. Д. Ерицова и С.-В.-В.:**
12. **„Араратъ“** съ мая 1870 по октяб. 1871. Описаніе монастырей и церквей и путешествіе, епиcк. Даніила.

Тоже: октябрь, ноябрь и декабрь 1871 и январь и февраль 1872 г., съ краткимъ указаніемъ содержанія.

Тоже, 1872 г. мартъ—іюль (4 статьи съ обзоромъ содержанія).

13. **„Пчела Арменіи“** (Мегу) 1871 (1 статья).

Тоже 1872 №№ 1—27 (3 статьи съ краткимъ указаніемъ содержанія).

14. **„Мшакъ“** (Работникъ) 1872, №№ 1—14 (6 статей съ краткимъ указаніемъ содержанія)

Тоже, №№ 14—43. (Перечисленіе 14 корресп. изъ разнихъ мѣстъ Кавказа и Персіи и письма изъ Персіи. Раффи.

Тоже. №№ 40—48: (Корреспонденціи: изъ Сурама, Кубы, Нухи, съ болѣе подробнымъ обзоромъ и письма Раффи изъ Персіи).

16. Mittheilungen д-ра Петермана 1871 года (перечисленіе содержанія, касающагося Кавказа, Персіи и Турціи).

Тоже № X 1872 г. Путешествіе гг. Радде и Сиверса по Высокой Арменіи

17. BulletinП арижскаго Геогр. Общ.: „Вольная Сванетія“. Борновиля.

Повременныя изданія:

1. Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи, *Н. Я. Данилевскаго.*
2. Объ изданіи Кавказскаго дорожника.
3. Путешествіе въ Россію, на Кавказъ и проч. *Нісгольдта.*
4. Историческое и географическое описаніе Малой Азіи, *Вивьена де С.-Мартена.*
5. О положеніи Кавказа относительно историческаго движенія народовъ.
6. Кюринскій языкъ.
7. Кавказскій календарь на 1873 годъ.
8. О сродствѣ грузинскаго языка и проч.

III. Дѣйствія Отдѣла.

Журналъ Распорядительнаго Комитета 25 октября 1871 г.: 1) О содѣйствіи Метеорол. Ком. Имп. Рус. Геогр. Общ. 2) По поводу ожидаемаго прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца. 3) О II томѣ Статистич. Сборника. 4) Переводъ сочин. Абиха о кристал. градѣ. 5) Метеорологич. наблюд. въ фортѣ Александровскомъ. 6) Обвалъ въ Міарсу 7) Путевой журн. Чирикова. 8) О путешествіи Радде въ 1870 г. 9) Объ изданіи „Извѣстій“. (Приложеніе—Списокъ изданій).

Журналъ Общаго Собранія 20 ноября 1871 г. 1) Докладъ Правит. Дѣлъ 2) Объ изданіи „Извѣстій“. 3) Сообщ. Я. Д. Маломы и Г. И. Радде. 4) Избраніе новыхъ членовъ. 5) Приложеніе.

Журналъ Распоряд. Комит. 20 декабря 1872 года. 1) Выбытіе члена Комитета. 2) Изданіе № 1 Извѣст. 3) Лица, которыя будутъ производить метеорологич. наблюд. 4) О высылкѣ ботаническихъ предметовъ на Московскую выставку. 5) О печатаніи соч. Абиха о градѣ.

Журналъ Расп. Ком. 31 января 1871 года. 1) Выбытіе члена Ком. и избраніе кандид. 2) Записка о Мангышлакѣ. 3) Отношеніе Коммисіи Московской выставки. 4) Лица, изъявившія готовность произво-

IV. Прибавленіе.

II ТОМЪ.

(1-е изд. исчерпано; печатается 2-е изданіе; цѣна 3 р.)

I. Географическія извѣстія.

II. Библіографія.

Газета „Кавказъ".
— „Терскія Вѣдомости".
„Кавказская Старина".
„Извѣстія Имп. Р. Географическ. Общества".
„Военный Сборникъ".
„Труды Имп. С.-Петерб. ботаническаго сада.

армянскихъ:

Газета „Мшакъ (Работникъ)".
— „Мегу Гаястани (Пчела Арменіи).

иностранныхъ:

„Путешествіе на Кавказъ и въ Персію" Ніегольдта.
„Растительность земнаго шара", Гризебаха (Извлеченіе изъ очерка кавказской растительности).
„О причинахъ распространенія холеры въ мусульманскихъ земляхъ.
„Путешествіе по Кавказу и Персіи", Мунаи.
Дорнъ, „Кубачинцы".
Указанія книгъ, касающихся Кавказа, на европейскихъ языкахъ.
Указанія на статьи иностранныхъ географич. журналовъ.

III. Дѣйствія Отдѣла.

Журн. Годового Собранія 6 апрѣля 1872 г.
Журн. Распорядительнаго Комитета 12 октября 1872 г.
Журн. Распорядительнаго Комитета 14 декабря 1872 г.
Журн. Распорядительнаго Комитета 26 февраля 1873 г.
Протоколъ Коммисіи 10 марта 1873.
Журналъ Годового Собранія 10 марта.
Введеніе въ чтенія о Кавказѣ Г. И. Радде.
Журналъ Распорядительнаго Комитета 21 мая.
Объ учрежденіи преміи *I. Н. Ходзько*.
Журналь Распорядительн. Комитета 1 октября 1873.

IV. Приложенія.

1) Очерки Верхней Арменіи, В. Штреккера.
2) Путешествіе по Курдистану. Д. Тэйлора.
3) Дневникъ путешествія по Арменіи, Кудистану и Верхней Месопотаміи, Д. Тэйлора.

III ТОМЪ.

(Цѣна 3 руб.)

I. Географическія извѣстія.

Топографическ. описаніе путей, пройденныхъ Мангышлакскимъ отрядомъ, при движеніи къ Хивѣ и обратно въ 1873 г. (съ картою) **Н. Непринцова.**
Списокъ растеній Закаспійскаго края, **Р. Э. Траутфеттера.**
Геологическія изслѣдованія въ Кутаисскомъ и Шаропанскомъ уѣздахъ, **Г. И. Сорокина.**
Къ исторіи Казбекскихъ зоваловъ **Е. Г. Вейденбаума.**
Остатки мамонта на Кавказѣ, **Д-ра Симоновича и Г. И. Сорокина.**
Свѣдѣнія о Закаспійскомъ краѣ.
О Чиркатскомъ мѣсторожденіи сѣры.
Краткая замѣтка о моихъ путешествіяхъ лѣтомъ въ 1874 г., **Г. В. Абиха.**
Изъ письма **Г. И. Радде.**
Труды Англійской экспедиціи для изслѣдованія пограничныхъ частей Авганистана и Белучистана съ Персіей, **I. И. Стебницкаго.**
Приготовленія къ наблюденіямъ прохожденія планеты Венеры, **его-же.**
Наблюденія солнечнаго затмѣн., **его-же.**
О проведеніи новой границы между Ставропольскою губ. и Терскою областью.
Второй годъ дѣятельности Поти-тифлисской желѣзной дороги (съ таблицею), **Н. И. Палибина.**
Замѣтка о Кавказскихъ каменныхъ орудіяхъ, **Е. Г. Вейденбаума.**
Кровавый поносъ и его леченіе въ Имеретіи.
Кахановская канава.
Наблюденіе прохожденія планеты Венеры передъ дискомъ солнца, **I. И. Стебницкаго.**
Путешествіе по Кавказу и Закавказкому краю, I. Л. Чернаго.
Гиллъ объ Атрекѣ.
Арало-Каспійская нивеллировка.
По поводу статьи „Лазистанъ".
Списокъ растеніямъ, собраннымъ г. Бакулинымъ около Астрабада. **Р. Э. Траутфеттера.**
Свѣдѣнія о поѣздкахъ съ учеными цѣлями.

Извлеченіе изъ отчета Кавказскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Об-

II. Библіографія.

III. Дѣйствія Отдѣла.

IV. Приложенія.

IV ТОМЪ.

(Исчерпанъ. Будетъ напечатано 2-е изд., цѣна 5 р.).

I. Географическія извѣстія и замѣтки.

II. Библіографія.

III. Мелкія извѣстія.

IV. Приложенія.

V ТОМЪ.

(Исчерпанъ. Будетъ изданъ 2-мъ изданіемъ цѣна 2 р.).

I. Статьи и замѣтки.

II. Географическія, статистическія и этнографическія данныя.

III. Научныя сообщенія и извѣстія.

IV. Библіографія.

V. Лѣтопись Отдѣла.

VI. Некрологъ.

VII. Приложенія.

VI ТОМЪ.

(Исчерпанъ. Будетъ напечатано 2-е изд.; цѣна 3 р.).

I. Статьи и замѣтки.

II. Географическія, этнографическія и статистическія данныя.

III. Научныя сообщенія и извѣстія.

IV. Библіографія.

V. Лѣтопись Отдѣла.

IV. Некрологи.

VII. Приложенія.

VII ТОМЪ

(*Цѣна 3 руб.*).

I. Статьи и замѣтки.

II. Географическія, этнографическія и статистическія данныя.

III. Научныя сообщенія и извѣстія.

IV. Библіографія.

V. Лѣтопись Отдѣла.

VI. Некрологи.

VIII ТОМЪ.

(Цѣна 3 руб.)

I. Рефераты, замѣтки и статьи.

II. Географическія, этнографическія и статистическія данныя.

III. Библіографія.

IV. Научная лѣтопись.

V. Лѣтопись Отдѣла.

VI. Приложенія.

IX ТОМЪ.

(Цѣна 3 р. 50 к.).

I. Сообщенія, замѣтки и статьи.

Карты и портреты.

Въ 1-мъ выпускѣ.

Во 2-мъ выпускѣ.

X ТОМЪ (№ 1)

(Цѣна 2 р.).

Рефераты читанные въ 1889 году.

Примѣчаніе. Въ этой послѣдней статьѣ, по ошибкѣ, при перенумировкѣ, послѣ 24 стр. показана 27.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ

КАВКАЗСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

Русскаго Географическаго Общества.

I КНИЖКА.

(1-е изд. исчерпано; предположено 2-е изд.; цѣна 3 р.).

Предисловіе. *В. А. Соллогуба.*
Положеніе о Кавказскомъ Отдѣлѣ.
Равнины Эриванской губерніи. *Барона П. К. Услара.*
Взглядъ на Эриванскую губернію въ гидрографическомъ отношеніи и обозрѣніе р. Аракса, *его-же.*
Сводъ наблюденій произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Кавказскаго и Закавказскаго края надъ солнечнымъ затмѣніемъ $^{16}/_{28}$ Іюля 1851 года. *О. И. Ходзько.*
Краткое описаніе главныхъ торговыхъ путей сообщенія Закавказскаго края *И. А. Дюкруаси.*
Тифлисскіе караванъ-сараи. *И. И. Евлахова.*

Лѣтопись Отдѣла.

I. Учрежденіе Отдѣла.

II. Дѣйствія Отдѣла:

Общія собранія.
Засѣданія Комитета.

III. Составъ и способы Отдѣла.

Списокъ членамъ.
Денежные способы.
Библіотека Отдѣла.

IV. Некрологъ.

Павелъ Николаевичъ Александровъ. *А. А. Уманца.*
О ходѣ работъ по тріангуляціи Закавказскаго края.
О рельефной картѣ Кавказа.

Смѣсь.

Объ изданномъ въ Венеціи армянскомъ атласѣ.
Объ изданомъ въ Тавризѣ персидскомъ атласѣ.
Персидскій Курдистанъ. *Князя А. Г. Гагарина.*
Грузинскія пословицы и изрѣченія; доставлено *И. И. Евлаховымъ.*
Объ исчисленіи Г. Морицомъ квадратнаго содержанія площадей Джаро-Белоканскаго округа и Сигнахскаго уѣзда.

II КНИЖКА.

(1-е изд. исчерпано; предположено 2-е изд.; цѣна 4 р.).

О климатѣ Кутаисской Губерніи *А. Циммермана.*
Анапа и Закубанскія поселенія (съ картою). *В. Новицкаго.*
О торговлѣ желѣзомъ въ Закавказскомъ Краѣ. *И. Дюкруаси.*
Очеркъ народонаселенія, нравовъ и обычаевъ дагестанцевъ, *Д. Сеѣчина.*
О перемежающихся измѣненіяхъ уровня Каспійскаго моря, съ особымъ прибавленіемъ и съ разными видами и чертежами. *Н. Ханыкова.*
Краткій очеркъ портовъ сѣверо-восточнаго берега Черного Моря и торговаго на этомъ берегу мореплаванія, *С. Пушкарева.*

Библіографія.

Указатель книгъ и журнальн. статей о Кавказѣ географическаго статистическаго и этнографическаго содержанія за 1852 г. *А. Харитонова.*

Лѣтопись Отдѣла.

I. Дѣйствія Отдѣла.

Общія собранія.
Засѣданія Комитета.

II. Составъ и способы Отдѣла.

Списокъ членамъ.
Денежные способы.
Библіотека.

Смѣсь.

Измѣненія на Лезгинской Линіи. *Графа В. Соллогуба.*
Алагирскій серебро-свинцовый заводъ. *Его-же.*
Описаніе подводныхъ зданій, находящихся на бакинскомъ рейдѣ (съ чертежемъ). *К. Спасскаго-Автономова.*
Нѣчто о Пшавіи и Пшавцахъ.
Извѣстіе о Староюртовскихъ минеральныхъ источникахъ.
О бывшемъ въ Тифлисѣ Монетномъ Дворѣ и о количествѣ выдѣланной на немъ грузинской серебряной монеты. *А. Харитонова.*
Поѣздка изъ Казбина въ Буруджирдъ (извлеченіе изъ письма втораго драгомана Императорской Миссіи въ Тегеранѣ, г. Гусева, къ Н. В. Ханыкову).
Восхожденіе на гору Демавендъ. *Н. Ханыкова.*
Приложеніе къ статьѣ: „Краткій очеркъ портовъ сѣверо-восточнаго берега Чернаго Моря.

КНИЖКА III.

(Изданіе исчерпано).

I. Труды Отдѣла.

О талышинцахъ, ихъ образѣ жизни и языкѣ, статья Члена-Сотрудника *П. Ф. Рисса.*
О Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ Округѣ, статья Д.—Члена *Князя Р. Д. Эристова.*
Поѣздка въ Вольную Сванетію, Д.—Члена *А. И. Бартоломея.*

II. Лѣтопись Отдѣла,

Дѣйствія Отдѣла.
Составъ и способы Отдѣла.

III. Приложенія.

1. Вѣдомости: о приходѣ и отходѣ каравановъ по Закавказскому Карантинно-Таможенному Округу за 1852, 1853 и 1854 годы.
2. о приходѣ и отходѣ судовъ по Каспійскимъ и Черноморскимъ портамъ за тѣ же годы.
3. о привозныхъ изъ-за-границы товарахъ за тѣ же годы.
4. объ отвозныхъ за-границу россійскихъ товарахъ по Закавказскому Карантино-Таможенному Округу, за тѣ же годы.
5. объ отвозныхъ за-границу товарахъ по Закавказскому Карантинно-Таможенному Округу, за тѣ же годы.
6. о товарахъ, задержанныхъ при тайномъ провозѣ изъ-за-границы по Закавказскому Карантинно-Таможенному Округу, за тѣ же годы.
7. о доходахъ, поступившихъ по Закавказскому Карантино-Таможенному Округу, за тѣ же годы.
8. о привозныхъ изъ-за-границы азіятскихъ товарахъ по Закавказскому Карантинно-Таможенному Округу, за тѣ же годы.

КНИЖКА IV.

(Изданіе исчерпано).

I. Труды Отдѣла.

Климатъ въ Тифлисѣ, статья Д.—Члена *А. Т. Филадельфина.*
Общій взглядъ на страны, занимаемыя горскими народами: черкесами, абхазцами и другими смежными съ ними, ст. Д.—Члена *Л. Я. Люлье.*
Объ имѣніяхъ Греческой Церкви въ Закавказскомъ Краѣ, ст. Члена Сотрудника *А. П. Муликовскаго.*
О натухажцахъ, шапсугахъ и абадзехахъ, ст. Д.—Члена *Л. Я. Люлье.*

II. Лѣтопись Отдѣла.

Дѣйствія Отдѣла.
Составъ и способы Отдѣла.
Ученая дѣятельность Отдѣла.

III. Приложенія.

Карта къ поименованнымъ выше статьямъ г. Люлье.
Сравнительная таблица свѣдѣній объ имѣніяхъ Греческой Церкви въ Закавказскомъ Краѣ, собранныхъ въ 1819, 1831 и 1831 годахъ.

КНИЖКА V.

(Цѣна 1 р. 50 коп.).

I. Ученые Труды.

Землетрясенія въ Шемахѣ и Эрзерумѣ въ маѣ 1859 года (съ тремя картами), статья Члена Сотр. И. Р. Геогр. Общ. *Г. В. Абиха.*

Климатъ въ Тифлисѣ, статья Д.—Чл. Отд. *А. Т. Филадельфина.*

Вѣрованія, религозные обряды и предразсудки у Черкесъ, ст. Д.—Члена Отд. *Л. Я. Люлье.*

Статистическая таблица Кавказскаго края, Д.—Чл. Отд. *I. И. Стебницкаго*

Труды постороннихъ лицъ.

Описаніе города Душета, ст. *П. И. Іосселіани.*

Очеркъ климата Закавказскаго края, ст. *Н. Д. Салацкаго.*

II. Лѣтопись Отдѣла.

Дѣйствія Отдѣла.

Составъ и способы Отдѣла.

КНИЖКА VI.

(Изданіе исчерпано).

Содержаніе.

Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Отдѣла съ 1859 по 1863 годъ. Очеркъ дѣятельности Отдѣла до 1859 году (1—4). Некрологи (4—7). Изслѣдованія Кавказскихъ языковъ (7—13). Составленіе „Сборника географическихъ свѣдѣній о Кавказѣ" (13—17). Изданіе „Списокъ" (17—21) Труды членовъ и чтенія въ Общихъ Собраніяхъ (21—24). Музеумъ (24—29). Библіотека (29—34). Измѣненія въ личномъ составѣ (35, 36). О суммахъ (37—42).

Ислѣдованія и матеріалы.

1. Хведуретскій минеральный источникъ, бальнеографическій очеркъ. Д.-чл. докт. мед. *П. И. Собольщикова.*
2. Сванетія. Чл.-сотр. *Д. З. Бакрадзе.* (съ 8 стр. литогр. надписей и картою).
   Географическій обзоръ (19—57). Статистическія свѣдѣнія и надписи (58—128).
3. Краткій обзоръ строенія Апшеронскаго полуострова и нѣкоторыя свѣдѣнія о минеральныхъ произведеніяхъ Бакинской губерніи. Статья акад. *Г. В. Абиха*; переводъ д.-чл. *Г. фонъ-Кошкуля.* (Съ 9 разр. и картою).
4. Статистическія таблицы нефтянаго промысла на Апшеронскомъ полуостровѣ. Д.-чл. *Ф. Г. фонъ-Кошкуля.*
5. Краткій очеркъ острова Святаго въ промышленномъ отношеніи. *А. И. Нешеля* и д. чл. *Ф. Г. фонъ-Кошкуля* (съ 2 чертеж.). I. О парафиновомъ и фотогеновомъ заводѣ. II. Геогностическо-гидрографическій обзоръ.
6. О періодическомъ Казбекскомъ завалѣ. Д.-чл. *А. А. Висковатова.*
7. Краткій очеркъ дѣйствій двухъ коммиссій для изслѣдованія Казбекскихъ ледниковъ въ 1862 и 1863 годахъ. Д.-чл. *Г. С. Хатисяна.*
8. Статистическая таблица Дагестанской области. Д. чл *I. И. Стебницкаго.*
9. Общій взглядъ на орографію Кавказа, Помощн. предсѣд. въ Отд. *I. И. Ходзько.* (Съ картою и 4 чертеж). Обзоръ тригонометрич. работъ на Кавказѣ съ 1847 до осени 1863 г. (238—250). Общій взглядъ на орографію Кавказа (250—267). Приложенія: 1) опредѣленія азимутовъ направленій поднятія главн. хребтовъ; 2) барометрическія наблюденія; 3) таблица мѣстъ изверженія газовъ, грязныхъ вулкановъ, минеральныхъ ключей и мѣсторожденій разныхъ произведеній ископаемаго царства (268—286).
10. Замѣчанія по поводу карты, приложенной къ статьѣ „Сванетія". (*Отъ редакціи*).

Критика и библіографія.

1. Путешествіе корол. Прусскаго посольства въ Персію въ 1860—1861 г., описанное Д-ромъ *Г. Бругшемъ.* Лейпцигъ. 1862. gr. 8°. Томъ первый. Обзоръ д.-чл. *А. А. Висковатова.*
2. Географическій годъ, годичное обозрѣніе сухопутныхъ и морскихъ путешествій, изслѣдованій и проч. *Вивьена-де-С.-Мартена*, вице-президента Парижскаго географическаго общества и проч. Годъ первый. Парижъ, 1863. 12°. Обзоръ *В. Л.*

3. Горскіе народы и ихъ война противъ русскихъ за свободу, *Ѳ. Лапинскаго.* (Тефикъ-бея). Гамбургъ, 1863. 2 тома. 8°. Краткій обзоръ *А. В.*
4. О строеніи и геологіи Дагестана, *Г. Абиха.* СПБ. 1862. 4°. Обзоръ *Ф. Г. фонъ-Кошкуля.*
5. Объ островѣ, вновь появившемся на Каспійскомъ морѣ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, служащихъ къ познанію грязныхъ вулкановъ Прикаспійскаго края, *Г. Абиха.* СПБ. 1863. 4°. Обзоръ д.-чл. *Ф. Г. фонъ-Кошкуля.*
5. Библіографическій указатель вышедшихъ 1861 и 1862 годахъ книгъ и статей, касающихся географіи и исторіи Кавказа.

Лѣтопись Отдѣла.

1. Журналы Общихъ Собраній Отдѣла и засѣданій Распорядительнаго Комитета въ 1861 и 1862 годахъ.
2. Составъ и способы Отдѣла въ 1861 и 1862 годахъ. Измѣненія въ личномъ составѣ. Составъ Отдѣла къ 1863-му году. Измѣненія по управленію Отдѣломъ. Состояніе денежныхъ средствъ въ 1861 и 1862 гг.

Смѣсь.

1. Сухумъ и его лихорадочность. Д.-чл., докт. мед. мед. *Н. И. Торопова.*
2. Записка о Кавказской тріангуляціи (составл. въ 1863 г.) Д.-чл. *I. И. Стебницкаго.*
3. Новыя казачьи поселенія въ Закубанскомъ краѣ.
4. Отчетъ Закавказской Межевой Палаты за 1862 г.
5. О новѣйшихъ картахъ Кавказскаго края и о вновь составляемой въ Главномъ Штабѣ десяти-верстной картѣ. Д.-ч. *I. И. Стебницкаго.*
6. Краткія свѣдѣнія о горно-заводской производительности въ Кавказск. краѣ по 1863 годъ.
7. Общія замѣчанія о южномъ берегѣ Каспійскаго моря (изъ записокъ покойнаго Правителя дѣлъ Отдѣла. *П. Ф. Рисса*).
8. Новыя свѣдѣнія о геологіи Кавказа и сопредѣльныхъ ему странъ. Сообщенія *Г. В. Абиха.* въ засѣданія И. Академіи Наукъ 30 января 1863 (извлеченіе изъ журнала этого засѣданія).
9. Нѣчто о Самурзаканіи.
10. Объ измѣненіяхъ теченія р. Терека и береговъ Каспійскаго моря съ 1841 по 1863 годъ. *А. А. Литвинова.* (Съ картою).
11. Обзоръ географическихъ работъ на Кавказѣ въ 1863 году. Составлено д.-ч. *А. А. Висковатовымъ.*

КНИЖКА VII.

(Цѣна 3 р.).

Изслѣдованія и матеріалы.

1. Очеркъ орографіи и геологіи Кавказа, чл.-сотр. *Н. Д. Салацкаго.*
2. Крѣпостное состояніе въ Мингреліи. *Е. А. Бороздина.*
3. Краткая записка о дѣйствіяхъ въ 1865 году экспедиціи для изслѣдованія причинъ происхожденія періодическаго казбекскаго завала (съ картами), д.-чл. *Б. И. Статковскаго.*
4. Учрежденія и народныя обычаи шапсуговъ и натухажцевъ, *покойнаго Л. Я. Люлье.*
5. Путешествіе въ Мингрельскихъ альпахъ и въ трехъ ихъ верхнихъ продольныхъ долинахъ (Ріонъ, Цхенисъ-цкали и Ингуръ), д.-чл. *Г. И. Радде.*

Критика и библіографія.

1. „Кавказъ", газета политическая и литературная за 1863, 1864 и 1865 годы, *Н. И. Воронова.* Стр 1—78.
2. „Кавказскій календарь", издаваемый при Главномъ Управленіи Намѣстника Кавказскаго за 1863, 1864, 1865 и 1866. годы. *Н. И. Воронова.* Стр. 78—97.
3. „Барометрическія опредѣленія высотъ на Кавказѣ, произведенныя въ 1860 и 1861 гг. Ф. I. Рупрехтомъ и проч.", I. И. *Стебницкаго..* Стр. 97—168.

Смѣсь.

1. Извлеченія изъ Отчетовъ горныхъ инженеровъ. Стр. 1—25: объ источникахъ нефти на Западномъ Кавказѣ: а) изъ Отчета капитана фонъ-Кошкуля за 1865 г., б) изъ отчетовъ капитана Гилева за 1865 и 1866 гг. и в) изъ Отчета капитана фонъ-Кошкуля за 1866 г., и г) о Чиркатскомъ мѣсторожденіи каменнаго угля, изъ

Путевой журналъ Е. И. Чирикова: Багдадъ. Ближайшія окрестности Багдада. Дальнія окрестности Багдада, древніе города, села, развалины. Древніе каналы, стѣны и другія работы. Маршруты: Отъ Багдада до Дамаска. Отъ Истаболата до Ана и до Багдада. Отъ Тикрита до Ана. Отъ Ана въ Багдадъ. Отъ Мешхед-и-Али въ Мекку. Отъ Багдада въ Дамаскъ Отъ Багдада въ Хамаданъ. Отъ Урфы до Харрана. Нѣкоторыя разстоянія Аравскаго полуострова. Поѣздка Русской Комиссіи изъ Багдада въ Вавилонію, Неджефъ и Кербеля, въ 1844 г. Возвращеніе въ Багдадъ. Поѣздка изъ Багдада къ Мидійской стѣнѣ. Путь отъ Медины къ Бахрейну и Маскату. Арабскія племена. Переѣздъ изъ Багдада въ Мухаммере. Поѣздка изъ Мухаммере вверхъ по Каруну. Отъ Мухаммере до Бендеръ-Бушира, по пути въ Ширазъ. Бендеръ-Буширъ. Отъ Бендеръ-Бушира до Шираза. Ширазъ. Персеполисъ. Пасаргада. Отъ Пасаргады до Мухаммере. Отъ Мухаммере до Мунгерре. Шуштеръ. Дизфуль. Мунгерре. Хузистанъ и Луристанъ. Отъ Мунгерре до Хуррем-абада. Пиш-и-кухъ. Отъ Хуррем-абада до Буруджирда. Отъ Буруджирда до Гюльпаегана. Отъ Гюльпаегана до Исфахана. Исфаханъ. Отъ Исфахана до Хамадана. Дороги: Изъ Хумейна въ Султан-абадъ. Изъ Гюльпаегана въ Хамаданъ. Изъ Верче въ Султан-абадъ. Изъ Султан-абада въ Хамаданъ. Изъ Исфахана въ Хамаданъ. Изъ Султан-абада въ Техеранъ. Изъ Султан-абада въ Кашанъ. Изъ Туре въ Хамаданъ. Изъ Хамадана. Хамаданъ. Древности Хамадана. Общія замѣтки о Хамаданѣ. Дороги отъ Хамадана. Отъ Хамадана до Керманшаха. Отъ Керманшаха до Дизфуля. Дороги: Отъ Хулилана въ Хуррем-абадъ. Отъ Хулилана въ Дизфуль. Суза и пророкъ Даніилъ. Открытія въ Сузѣ остатковъ дворца Артаксеркса. Отъ Сузы до Мухаммере. Разсказы арабовъ о львахъ. О смутахъ въ Мухаммере въ 1851 году. Путь черезъ Сирійскую пустыню. Разныя свѣдѣнія. Изъ Мухаммере въ Шуштеръ и Дизфуль. Отъ Дизфуля до Керринда. Керриндъ. Изысканія за Кух-и-Ноа. О самумѣ. Разсказы Мирзы Хади о краѣ. Отъ Керринда въ Керманшахъ. Отъ Керманшаха до Сенне. Маршруты: Изъ Сенне въ Махи-дештъ. Изъ Ревансера до Зохаба. Изъ Раз-авера до Субервоу. Деревни округовъ Бане, Мериванъ и Авроманъ. Отъ Сенне до Керманшаха. Маршруты и другія свѣдѣнія. Отъ Керманшаха до Каср-и-Ширина. Поѣздка въ Дире и къ Аби герму. Каср-и-Ширинъ. Отъ Каср-и-Ширина до Зохаба. Хорсабадъ. Поѣздка изъ Зохаба. О Захабѣ, по разспросамъ у Ибрахимъ-паши Зохабскаго. Отъ Зохаба до Ханыкина. Свѣдѣнія о Ханыкинѣ. Отъ Ханыкина до Мендели. Свѣдѣнія объ окрестностяхъ Мендели. Отъ Мендели до Хоувизы Хоувиза. Отъ Хоувизы до Сузъ. Роскопки англичанъ въ Сузѣ. Отъ Сузы до Ханыкина. Отъ Ханыкина до Бане. Подробности разбитія каравана у Кале-и-себзъ. Еще о флотѣ Ост-Индской Компаніи. О Басадорѣ, Бендеръ-буширѣ, Шейхъ-Насрѣ, Бендеръ-Аббаси, Хышмѣ и Хормузѣ. Отъ Шейхъ Ибрахима до Сер-дешта. Отъ Сер-дешта до Ушнуе. Отъ Ушнуе до Уруміи. Отъ Уруміи до Котура Отъ Котура до Тавриза. Свѣдѣнія сообщенныя полковникомъ Вильямсомъ и секретаремъ его Черчилемъ объ ихъ поѣздкѣ въ Ванъ. Тавризъ. Отъ Тавриза до Хоя. О торговлѣ Тавриза. Отъ Хоя до Баязида. Отъ Баязида до Эрзерума. Отъ Эрзерума до Трапезона.

Приложенія:

Приложеніе первое. Дневникъ М. А. Гамазова, веденный при слѣдованіи, вмѣстѣ съ Персидскою Комиссіею, отъ Хаммам-и-Али до Шейхъ-Ибрахима, въ маѣ 1862 г. Отъ Хамам-и-Али до Зимкана. Дороги отъ Джевапируда въ Шехризуръ. Отъ Зимкана до Каладжука. Система рѣки Сирванъ; мосты. Отъ Какаджука до Шейхъ-Ибрахима Дороги изъ Бане въ Сердештъ. Деревни. Племена отъ Бане до Ушну включительно. Округъ Сердештъ. Лахиджанъ. Шну или Ушну (Ушнуе). Система водъ округа Бане. Мосты. Горы около Шейхъ-Ибрахима. Границы. Персидскія земли и турецкія. Разстоянія отъ Бане до разныхъ мѣстъ. Пограничныя мѣста участковъ Бане и Сер-дешта. Участки Сер-дешта и Бане. Пограничныя деревни отъ Хылереша. Домъ вла-

КНИЖКА X.

(Цѣна 3 р.).

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ.

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ.

ТРЕТІЙ ВЫПУСКЪ.

КНИЖКА XI.

(Цѣна 3 р.).

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ.

КНИЖКА XII.

(Цѣна 5 р.).

КНИЖКА XIII.

(Цѣна 4 р. 50 к.).

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ.

1. Горы и ущелья Терской области, *Н. Я. Динника.*
2. Осетія и верховья Ріона, *Н. Я. Динника.*
3. Большой Араратъ и попытки восхожденія на его вершину, *Е. Г. Вейденбаума.*
4. Замѣтки о Закаспійскомъ краѣ и сосѣднихъ странахъ (Поѣздка въ Персію, Южную Туркменію, Мервъ, Чарджуй и Хиву), *П. М. Лессара.*
5. Поѣздка въ Чечню и Нагорный Дагестанъ, *К. Н. Россикова.*
6. Конхидатль и Нижнее-Энхели, *К. Н. Россикова.*
7. Горы и ущелья Кубанской области, *Н. Я. Динника.*

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ.

Краткій этнографическій очеркъ курдовъ Эриванской губерніи. Составилъ С. А. Егіазаровъ.

Предисловіе.

Введеніе.

I. Территоріальное распредѣленіе и численность курдовъ.
II. Общественное устройство и внутреннее управленіе курдовъ
III. Оба и отношеніе курдовъ къ землѣ.
IV. Зимовники и кочевники. Занятія. Образъ жизни.
V. Одежда и оружіе.
VI. Семейныя отношенія.
VII. Очагъ.
VIII. Родъ.
IX. Порядокъ наслѣдованія.
X. Дѣтство—юность курдовъ. Нравы ихъ.
XII. Погребеніе и почитаніе умершихъ.
XIII. Вѣрованія.

Курманжійскіе тексты

(Записалъ и перевелъ на русскій языкъ С. А. Егіазаровъ).

Отъ редакціи. Л. Загурскій.

I. *Сказки.*

1. Махмудъ - охотникъ, Османъ-богатырь и Асадъ воитель.
2. Карръ и Кулликъ.
3. Балло.

II. *Пѣсни.*

1. Женишекъ.
2. Подруга.
3. Свободная мышь.
4. Каве.
5. Эй, парень! (хоровая пѣсня).
6. Мулла!
7. Махмудъ-бекъ.
8. Стерня.

III. *Пословицы и поговорки.*

IV. *Разговоры.*

Отъ собирателя текстовъ. Отъ редакціи.

Поправки и опечатки. Поясненія къ поправкамъ.

Краткій этнографическо - юридическій очеркъ езидовъ Эриванской губерніи. Сост. С. А. Егіазаровъ.

Предисловіе.

А) *Происхожденіе и религія езидовъ.*

I. Происхожденіе.
II. Религіозныя вѣрованія.
III. Культъ солнца и стихій.
IV. Сказанія о сотвореніи міра, грѣхопаденіи и о всемірномъ потопѣ.
V. Пророки и святые.
VI. Храмы и святыя мѣста.
VII. Вѣрованія о загробной жизни.

Б) *Юридическій бытъ езидовъ.*

I. Общественное устройство.
II. Административное дѣленіе.
III. Высшія власти. Главный шейхъ и эмиръ.
IV. Внутреннее управленіе нашихъ езидовъ до реформы 60-хъ гг. 1) Начальники племенъ. 2) Управленіе племенемъ. 3) Доходы начальника племени. 4) Почетныя права. 5) Обязанности главы племени. 6) Управленіе старѣйшинствомъ. 7) Управленіе общины. 8. Совѣтъ или судъ шейховъ.
V. Современное управленіе и семейныя отношенія.
VI. Родъ.
VII. Порядокъ наслѣдованія.
VIII. Бракъ.

Приложенія.

А) Варіантъ главной езидской молитвы.

Б) Извлеченіе изъ рапортовъ уѣздныхъ начальниковъ Эриванской губерніи: 1) Эчміадзинскаго; 2) Алек-

6. Нѣсколько замѣчаній о Каспійскомъ морѣ, *Н. Филипова.*
7. Ботаническая экскурсія въ Лазистанъ *Н. Альбова.*
8. Отчетъ о батаническихъ изслѣдованіяхъ. Абхазіи за 1890 г., *Н. Альбова.*
9. Усыханіе озеръ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта, *К. Н. Россикова.*
10. Къ исторической географіи Кавказа, *А. С. Хаханова.*
11. Антропологическія наблюденія на Кавказѣ, *И. И. Пантюхова.* Съ 10-ю рисунками.
12. Новые и рѣдко встрѣчающіеся виды кавказской флоры, собранные въ 1882—1891 г. *И. Я. Акинфіевымъ.*

КНИЖКА XVI.

(Цѣна 2 р.).

1. Абхазія и абхазцы (Этнографичесскій очеркъ). *М. Джанашвили.*
2. Сѣверный Кавказъ (1. Ботаническое изслѣдованіе Ставропольской губ., 1889 г.—2 Верховье Калауса и Ставропольское поднятіе). *И. Я. Акинфіева.*
3. Поѣздка въ Осетію на Ардонѣ и въ Сванетію, *И. Я. Акинфіева.*
4. Ботанико-географическія изслѣдованія въ Западномъ Закавказьи въ 1893 г. (Наблюденія надъ флорой известняковъ). *Н. М. Альбова.*
5. *Альбовъ Н.* Описаніе новыхъ видовъ растеній, найденныхъ въ Абхазіи въ 1889—1890 гг. Отзывъ *Я. С. Медвѣдева.*
6. *Альбовъ, Н.* Абхазскіе папоротники. Отзывъ *Я. С. Медвѣдева.*
7. Ein dendrologischer Spaziergang nech dem Kaukasus und Pontus von Dr. E. Dieck in zoeschen bei Merseburg. (Переводъ, въ сокращеніи, редакціи).
8. Описаніе нѣкоторыхъ ледниковъ въ Сванетіи. *Н. Жукова* (съ картою с.-в. части Сванетіи).
9. Поѣздка по высочайшимъ селеніямъ Кавказа и восхожденіе на вершину горы Шахъ-дагъ. *А. В. Пастухова.* (Съ 4-мя фототипіями и 2-мя планами).
10. Состояніе ледниковъ и озеръ центральной части сѣвернаго склона Кавказскаго хребта. (Отчетъ за 1892 годъ). *К. Н. Россикова.*
11. Описаніе Ксанскаго участка, Душетскаго уѣзда, Тифлисской губерніи. Князя *К. Р. Шаликова.*
12. Описаніе 3-го, Уравельскаго, полицейскаго участка, Ахалц. уѣз., Тифл. губ. Кн. *Л. А. Андроникова.*
13. Въ горахъ и ущельяхъ Куртатіи и истоковъ рѣки Терека. (Изъ путевыхъ воспоминаній о горной Осетіи). *А. Е. Россиковой.*
14. Оштенъ и окружающія его части Кубанской области. *Н. Динника.*
15. Восхожденіе на Араратъ, 2-го августа 1893 г. (съ двумя планами). *А. В. Пастухова.*

Цѣна 2 р.

